ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА

.НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№8

2026

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Акименко Е.С. Влияние глобализации и информационных технологий на публично-правовое регулирование отношений общества и государства в условиях военных конфликтов 6

Белоусов М.Г. Между правовым идеалом и революционной целесообразностью: обоснование политического террора в идеологии партии социалистов-революционеров 9

Дикаева З.С. Становление патерналистских и автономных подходов в правовой доктрине защиты детей 13

Какурина М.В. Междисциплинарная модель подготовки юридических кадров: взаимодействие правовых, исторических, религиоведческих и социально-экономических наук 17

Карпов К.А. Эмиссия государственных облигаций в годы СССР: влияние на финансово-правовое регулирование современного рынка государственных заимствований в Российской Федерации 20

Ковалева Н.В. Ограничения при открытии промышленных объектов по законодательству Российской Империи XIX века 23

Малыгин В.П. Реструктуризация долгов юридического лица как новационная реабилитационная процедура, применяемая в деле о банкротстве 27

Павлов О.В. Потенциал государства меритократии: правовая адаптивность Древнего Рима переходного периода как модель реализации таланта 31

Пестов М.М. Уменьшение покупной цены: историко-догматическая характеристика и практика применения института 36

Слипенко А.Н., Стрельцын Б.Е. Правовой механизм реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: проблемы и направления совершенствования 41

Соколов В.В. Суверенитет и глобальные цели: трансформация аксиологии национального права 45

Субботин Ю.В. Профессиональная подготовка юридических кадров: междисциплинарные границы гуманитарных и социально-экономических наук 49

Тумин А.Д. Роль этических категорий в формировании правосознания юриста 52

Субботин Ю.В. Сравнительный анализ методики преподавания юридических дисциплин в университетах Германии и России 55

Чигарев Б.А., Здор А.С. Цивилизационный подход как форма правового релятивизма 58

Шевцов Е.В. Становление колхоза как юридического лица в 20-е годы XX века в советской России 61

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Аль Талабани Мохаммед Азад Абдулкадер. Информационная безопасность личности, общества и государства в публичном праве 63

Батчаев И.Р., Епишин В.В. Вопросы влияния прокурорского надзора на предупреждение правонарушений коррупционного характера в системе органов принудительного исполнения Российской Федерации 67

Аль Талабани Мохаммед Азад Абдулкадер. Цифровая представленность личности как объект конституционно-правовой защиты 71

Вартанян А.А. Цифровизация налоговых правоотношений: понятие, признаки и основные проблемы правового регулирования 75

Васиян Р.И. Особенности правового регулирования национализации как формы обеспечения экономических интересов Российской Федерации в современных условиях 80

Гапонов А.Е. Основные сегменты оборота цифровой валюты: финансово-правовой анализ 85

Грибанова А.С. Искусственный интеллект как инструмент правотворчества: перспективы и риски 88

Учредитель: **ООО «Издательство КНОРУС»**
Издатель: **ООО «Издательство «КноРус»**

Издание зарегистрировано Роскомнадзором, регистрационный номер:
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500
Подписной индекс Роспечати: **82319**

Адрес редакции и издателя: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jurscience@mail.ru *Сайт:* www.jurnauka.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ашмарина Елена Михайловна, д-р юрид. наук, проф., Российский государственный университет правосудия; **Барабанова Светлана Васильевна,** д-р юрид. наук, доц., Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич,** д-р юрид. наук, проф., Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович,** д-р пед. наук, канд. юрид. наук, профессор РАО, Российская академия естественных наук; **Казачкова Земфира Мухарбиевна,** д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Калиниченко Пауль Алексеевич,** д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич,** кандидат юридических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич,** д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Липски Станислав Анджеевич**, д-р экон. наук, Московский государственный университет геодезии и картографии (МИИГАиК); **Малько Александр Васильевич,** д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции; **Мамитова Наталия Викторовна,** д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Махтаев Махтай Шапиевич,** д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна,** д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Панченко Владислав Юрьевич,** д-р юрид. наук, доц., Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России); **Рузакова Ольга Александровна,** д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Бадма Владимирович,** д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Степанян Армен Жоресович,** кандидат юридических наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна,** д-р юрид. наук, доц., проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич,** д-р юрид. наук, проф., Саратовская государственная юридическая академия; **Четвериков Артем Олегович,** д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теймуразович,** д-р юрид. наук, проф., Российский университет дружбы народов; **Шохин Сергей Олегович,** д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Щукина Татьяна Владимировна,** д-р юрид. наук, доц., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павликов Сергей Герасимович,** д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор Викторович,** доктор юридических наук, проф., проф. Кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г.В. Плеханова»; **Шагиева Розалина Васильевна,** д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джинджолия Рауль Сергеевич,** д-р юрид. наук, проф., Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич,** д-р юрид. наук, проф., проф. Кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет;

Главный редактор:
Кашкин Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор

Заместитель главного редактора:
Коровяковский Денис Геннадьевич, канд. юрид. наук, доц.

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Формат А4. *Дата выхода в свет:* 15.09.2026

Цена свободная
Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

Громаков С.М. Стандартизация, сертификация и цифровизация социально значимых услуг ... 91
Дегтярев Д.Д. Конституционное право на судебную защиту в условиях развития ценностного суверенитета государства ... 94
Дмитриев И.О. Особенности налогообложения физических лиц в государствах–членах Европейского союза: сравнительно-правовая характеристика ... 98
Емельянов В.Ф. Проблемы правового регулирования качества городской среды ... 103
Ершов .А. Проблемы развития местного самоуправления в России ... 107
Зубенко С.И. Гражданское общество как фактор обеспечения законности публичного управления в правоохранительной сфере ... 110
Иналкаева К.С. Управленческие механизмы в системе российского федерализма: от конституционных принципов к административной практике ... 113
Кириченко А.О. Механизмы защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом ... 116
Кривицкая-Шолпан О.В. Особенности правового понимания медицинской услуги в системе приднестровского законодательства ... 121
Кузнецов Л.Д. Административное право в контексте педагогики и психологии ... 125
Кулаков Н.С. Правовые формы применения цифровых технологий, направленные на участие граждан в правотворческой деятельности ... 128
Кузнецов Л.Д. Общие черты ФНС Россия и IRS США в доктринальных трактовках ... 132
Ларионов А.В. Межотраслевой характер ответственности осужденных к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью ... 134
Лебедев К.А. Статус пациента в медицинском страховании ... 137
Лихачева А.А. Кластеры «зелёной» энергетики как перспективное направление развития специальных экономических зон в Российской Федерации ... 140
Мухачев И.В., Аванесова А.А. Эволюция ценностных основ Конституции России в ходе реформы 2020 года: современное состояние и перспективы совершенствования ... 145
Никодимов Д.Н. Официальные физкультурные и спортивные мероприятия как комплексный объект публичного управления: официальный статус, безопасность и административная ответственность ... 149
Носачев В.В. Понятие и сущность административно-правового регулирования предпринимательской деятельности ... 154
Сотникова Ю.В. Система субъектов обеспечения безопасности на объектах водного транспорта: структурно-функциональный анализ ... 157
Титов В.Д. Правовые модели противодействия современным угрозам национальной безопасности в России и ОАЭ: конституционно-правовой аспект ... 161
Толмазова М.Р. Способы разрешения коллизий, возникающих при принятии и образовании нового субъекта Российской Федерации ... 165
Мишальченко Ю.В., Горохова А.А., Фесик А.П. Публично-правовые и международно-правовые аспекты защиты объектов культурного наследия в Союзном государстве Беларуси и России ... 169
Чечулина А.А. Сущность и содержание правосудия в условиях цифровизации публичной власти ... 174
Чирейкин Н.М. Систематизация и конституционная интерпретация отраслевых угроз праву собственности на объекты недвижимости ... 177
Юсупов Б.Ш. Конституционно-правовой статус участников программ репатриации и соотечественников за рубежом: дифференциация как инструмент государственной политики ... 180

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Борзенков П.Е. Гражданско-правовое регулирование автономно сгенерированного результата деятельности юнита искусственного интеллекта по законодательству Российской Федерации ... 183
Загорских С.А. Презумпция добросовестности в механизме семейно-правового регулирования: отраслевая специфика и проблемы применения ... 186
Зимнева С.В. Освобождение от договорной ответственности на основании мирового соглашения ... 189
Канцер Ю.А. Удовлетворение требований кредиторов в рамках конкурсного производства ... 192
Кашаров З.А. Координационные обязанности участников корпорации: понятие, содержание и последствия нарушения ... 195
Кирпичников Н.Р. К вопросу о месте неустойки в системе способов обеспечения исполнения обязательств ... 198
Кочемасова А.М. Реализация корпоративных прав супругом участника ООО: пределы осуществления и способы защиты интересов ... 201
Крицкая С.Ю. Толкование греческих терминов римского права в процессе обучения студентов – юристов ... 205
Кузнецов В.М. Распределение вознаграждения иностранным правообладателям музыкальных произведений Российским авторским обществом и Всероссийской организацией интеллектуальной собственности в условиях санкций ... 208
Мащенко И.А. Зарядная станция для электромобиля, установленная на придомовой территории: неотделимое улучшение общего имущества или самостоятельный объект гражданских прав ... 213
Милуцкая А.С. «Сжечь нельзя опубликовать»: к вопросу об обнародовании произведения вопреки воле автора ... 217
Михайлова К.А. Баланс частных и публичных интересов при гражданско-правовом регулировании использования лесных участков: на примере договора аренды и сервитута ... 220
Овчинников А.Н., Ткаченко Р.В. Ответственность генпрокуратуры за несоблюдение внутренних инструкций и возможности гражданско-правовой защиты ... 223
Орлов А.Д. Потребительский экстремизм как угроза экономической безопасности ... 226
Корнилова Н.В., Орлова И.В. Распределение бремени доказывания в гражданском процессе в условиях отрицания иска ответчиком ... 229
Свистунов С.О. Версии и обновления программ для ЭВМ: критерии возникновения нового объекта авторского права и последствия для лицензионных отношений ... 232
Султанов К.А., Султанов А.М. Личный закон юридического лица при изменении государственной принадлежности территории: частноправовые пределы автоматической трансформации корпоративного статута ... 235
Тимохин Н.Л. Договорное регулирование использования искусственного интеллекта: проблема соотношения действительной и выраженной воли ... 240
Тихоновский В.Ю. Проблемы применения искусственного интеллекта в патентном праве ... 242
Трынкина Д.В. Движение эмиссионных ценных бумаг в гражданско-правовом обороте: соотношение гражданско-правовых сделок и специальных механизмов ... 245
Тряпочкин Н.А., Кулюшин Е.Н. Признание факта: квалифицированное судебное признание ... 249
Тункина А.Г. Концентрация криминального насилия в семейно-бытовой сфере: эмпирические индикаторы структурных сдвигов ... 254
Файрузова Г.Р., Дерюгина Т.В. Российская специфика: как исторические и культурные особенности влияют на восприятие личных неимущественных прав ... 258
Фрогерц К. Исторические аспекты развития современного статуса арбитра ... 263
Хайруллина Р.С. Генеративный искусственный интеллект в искусстве: критерии творческого вклада и проблемы профессионального признания ... 267
Хоролец Д.В. Вопросы разграничения понятий текущего и капитального ремонта нежилых помещений ... 270
Хорошилов К.С. Проблема фрагментарной охраны прав на мультимедийный продукт ... 274
Цю Иян. Автономия воли и императивные нормы в трансграничных договорах электронной торговли между Россией и КНР: частноправовой и коллизионный аспекты ... 277
Чернов А.А. Цивилистическое исследование феномена криптовалюты ... 281
Шалашов В.К. Частно-правовое регулирование общественных отношений, вытекающих из заключения пари: генезис, понятие и природа ... 285
Шатерников И.А. Зарубежный опыт охраны общественных интересов при регистрации и использовании товарных знаков ... 289
Шафро К.И. К вопросу об особенностях применения гражданско-правовых способов обеспечения исполнения обязательств в соглашениях государственно-частного партнерства ... 293

Яшин К.А. Правовая природа и проблемы судебной защиты обязательств из игр и пари в гражданском праве Российской Федерации ... 297

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Асанов В.В. Некоторые аспекты действия принципа свободы оценки доказательств в уголовном процессе ... 301

Белецкая Ю.В. Рассмотрение сообщения о мошенничестве, сопряженном с получением социальных выплат: алгоритм действий субъектов проверки в наиболее типичных ситуациях ... 305

Гасанова М.Г. Ювенальная виктимология как отдельное криминологическое учение: истоки, модели, перспективы развития ... 309

Глушкова Е.М. Влияние уголовной политики на процессы кодификации ... 313

Дроздова Е.А., Дроздов А.И. Генеративный искусственный интеллект как криминогенный фактор радикализации молодёжи в цифровой среде ... 317

Зацепин А.М. Конфискация бизнеса как иная мера уголовно-правового характера (криминологическая характеристика) для предпринимателя ... 320

Иванова Т.Е. Актуальные особенности и тенденции преступных нарушений права на свободу совести и свободу вероисповедания ... 324

Карпов К.А. Нарушения налогового законодательства на рынке ценных бумаг в Российской Федерации ... 327

Кочарян К.С. Некоторые вопросы общественной опасности незаконного обогащения согласно Уголовному кодексу Республики Армения ... 330

Лопотенко В.С. Основания апелляционного обжалования судебного решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу: проблемы правового регулирования ... 333

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Мишальченко Ю.В., Борисов Г.В., Миронова М.А. Публичные и международные правовые аспекты сотрудничества таможенных и правоохранительных органов Евразийского экономического союза в современных условиях ... 336

Пайтян Р.Х. Категория «преследование» и стандарт «вполне обоснованных опасений» в международном беженском праве ... 340

Романович Е.П. Проблемы международно-правовой эффективности полярного кодекса ... 343

Савушкин Д.А. Правовое регулирование и стимулирование взаимных инвестиций на пространстве ЕАЭС: двусторонние и региональные подходы ... 347

Скаридов А.С. От правовой рецепции к суверенизации: девальвация авторитета английского морского права ... 349

Сухорукова Ю.С. Эволюция от благоприятной к чистой, здоровой и устойчивой окружающей среде в международном праве прав человека ... 354

Фролова Т.Ю., Сацкевич Т.К., Дудченко О.С., Сакаев В.Т. Биометрия в избирательном процессе: зарубежный опыт и перспективы внедрения в Российской Федерации ... 357

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Дрожжин К.А. Конституционно-правовая концепция корпоративной социальной ответственности: от факультативной инициативы к публично-правовому институту ... 362

Алексеев С.Д. Вещные права в современном гражданском обороте: проблема квалификации, защита и направления развития ... 367

Белкин С.Я. Гражданско-правовая природа государственного контракта ... 370

Кремлёва О.К., Боряев С.А. Организационно-правовые формы коммерческих организаций, ориентированных на достижение общественно полезных целей в Российской Федерации и Соединенных Штатах Америки ... 373

Белкин С.Я. Структура гражданской правосубъектности Российской Федерации ... 378

Васильев Л.Э. Отдельные аспекты развития и проявления свободы договора в российском праве ... 381

Гаврилова Д.А. Медиаграмотность как фактор национальной безопасности: конституционно-правовой аспект ... 386

Глазов Д.В. Трансграничный эффект соглашения о санации: структурная лакуна коллизионного регулирования и превентивный метод ... 391

Григорьев К.А. Изобретения и полезные модели, реализуемые с использованием программируемого средства: разграничение объектов правовой охраны ... 396

Громакин Н.А. Роль прокуратуры в проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов органов исполнительной власти: правовые основы и практика ... 400

Григорьев В.Н. Насильственные преступления в вооруженных силах США: состояние, детерминанты и стратегии превенции (расширенный обзор) ... 404

Бруевич М.Ю., Губанова О.А. Процессуальные особенности оформления решений о возбуждении и об отказе в возбуждении уголовного дела ... 408

Ефимова А.К. Правовое регулирование контроля и надзора за деятельностью аудиторских организаций в Российской Федерации (исторический и современный аспекты) ... 412

Исламов А.А. Договорное регулирование трудовых отношений в условиях ГИГ-экономики ... 416

Ковалева В.В. Регулятивный потенциал права в понятийно-категориальном аппарате теории права ... 420

Крашенинникова А.В. Правовые механизмы увеличения налоговых доходов как фактор устойчивого развития государства ... 423

Круглова И.А. Развитие инфраструктуры цифровых, электронных и инвестиционных платформ: частноправовые вопросы защиты прав участников ... 427

Лиховенков С.И. Проблемы квалификации административных правонарушений: сложности в судебной практике ... 430

Лоцик Б.П. Правовые аспекты обязательного внедрения цифрового рубля в предпринимательский оборот ... 435

Лужков Д.А. Конфискация имущества ... 438

Новиков А.В. Расторжение договора купли-продажи доли: исторический анализ судебной практики ... 441

Корнилова Н.В., Орлова И.В. Особенности доказывания юридических фактов при разрешении дел о признании гражданина недееспособным ... 444

Романов М.А. «Цифровое правотворчество» в понятийно-категориальном аппарате юридической науки ... 447

Смоляр М.Б. Электронные средства платежа как инструмент совершения мошенничества: криминологический и правовой анализ ... 450

Соболев Н.Г. Особенности проявления агрессивности у несовершеннолетних мужского пола, совершивших преступления по неосторожности ... 455

Федоренко Т.Н. Электронный правовой документ в механизме правового регулирования ... 458

Чернякова С.А. Современные тенденции правоприменения в делах о банкротстве: ключевые новеллы и их интерпретация судами ... 462

TABLE OF CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Akimenko E.S. The impact of globalization and information technology on public law regulation of relations between society and the state in the context of the military conflicts 6

Belousov M.G. Between the legal ideal and revolutionary expediency: the justification of political terror in the ideology of the socialist-revolutionary party 9

Dikaeva Z.S. Formation of paternalistic and autonomous approaches in the legal doctrine of child protection 13

Kakurina M.V. Interdisciplinary Model of Legal Personnel Training: Boundaries of Mutual Competence Borrowing 17

Karpov K.A. The issue of the government bonds during the Soviet era: the impact on the financial legal regulation of the modern government borrowing market in the Russian Federation 20

Kovalyova N.V. Restrictions on the Establishment of Industrial Facilities under the Legislation of the Russian Empire in the Nineteenth Century 23

Malygin V.P. Debt restructuring of a legal entity as an innovative rehabilitation procedure applied in a bankruptcy case 27

Pavlov O.V. The potential of a meritocratic state: the legal adaptability of Ancient Rome in the transitional period as a model for the realisation of talent 31

Pestov M.M. Price reduction in sales: historical-dogmatic features and practical application of the remedy 36

Slipenko A.N., Streltsyn B.E. The legal mechanism for the implementation of state policy on the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values: problems and areas of improvement 41

Sokolov V.V. Sovereignty and global goals: transformation of the axiology of national law 45

Subbotin Yu.V. Professional training of legal staff: interdisciplinary boundaries of humanities and socio-economic sciences 49

Tumin A.D. The role of ethical categories in formation a lawyers legal consciousness 52

Subbotin Y.V. Comparative analysis of teaching methods of legal disciplines in universities of Germany and Russia 55

Chigarev B.A., Zdor A.S. The civilizational approach as a form of legal relativism 58

Shevtsov E.V. The formation of the collective farm as a legal entity in the 1920s in Soviet Russia 61

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

Al Talabani Mohammed Azad Abdulkader. Information security of the individual, society and the state in public law 63

Batchaev I.R., Epishin V.V. Issues of the influence of prosecutorial supervision on the prevention of corruption offenses in the system of enforcement agencies of the Russian Federation 67

Al Talabani Mohammed Azad Abdulkader. Digital representation of the individual as an object of constitutional and legal protection 71

Vartanyan A.A. Legal analysis of the special status of high–tech companies in The Russian Federation: conflicts, reform in 2026 75

Vasiyan R.I. Legal regulation of nationalization as a form of ensuring the economic interests of the Russian Federation under current conditions 80

Gaponov A.E. The principal segments of digital currency circulation: a financial law analysis 85

Gribanova A.S. Artificial intelligence as a lawmaking tool: prospects and risks 88

Gromakov S.M. Standardization, certification and digitalization of socially significant services 91

Degtyarev D.D. The Constitutional Right to Judicial Protection in the Context of the Development of the State's Value-Based Sovereignty 94

Dmitriev I.O. Peculiarities of the Taxation of Individuals in the European Union Member States: A Comparative Legal Characteristic 98

Emelianov V.F. Problems of legal regulation of urban environment quality 103

Ershov A.A. Problems of local selfgovernment development in Russia 107

Zubenko S.I. Civil society as a factor in ensuring the legality of public administration in the law enforcement sphere 110

Inalkaeva K.S. Governance Mechanisms in the Russian Federalist System: From Constitutional Principles to Administrative Practice 113

Kirichenko A.O. Mechanisms for the protection of the rights of compatriots residing abroad 116

Krivitskaya-Sholpan O.V. Peculiaritiesof medical services'legal understanding in the system of pridnestrovian legislation 121

Kuznetsov L. Administrative law in the context of pedagogy and psychology 125

Kulakov N.S. Legal forms of digital technology implementation for citizens' participation in law-making 128

Kuznetsov L. Common features of the Federal Tax Service of Russia and the IRS of the USA in doctrinal interpretations 132

Larionov A.V. Interdisciplinary nature of the responsibility of those condemned to be disqualified from holding certain positions or engaging in certain activities 134

Lebedev K.A. Patient status in health insurance 137

Likhacheva A.A. Green Energy Clusters as a Prospective Avenue for the Development of Special Economic Zones in the Russian Federation 140

Mukachev I.V., Avanesova A.A. The Evolution of the Value Foundations of the Russian Constitution During the 2020 Reform: Current Status and Prospects for Improvement 145

Nikodimov D.N. Official physical culture and sports events as a complex object of public administration: official status, safety and administrative liability 149

Nosachev V.V. Concept and essence of administrative and legal regulation of entrepreneurial activities 154

Sotnikova Yu.V. The system of safety subjects at water transport facilities: structural and functional analysis 157

Titov V.D. Legal models for countering modern threats to national security in Russia and the UAE: constitutional and legal aspect 161

Tolmazova M.R. Ways to resolve conflicts arising during the adoption and formation of a new subject of the Russian Federation 165

Mishalchenko Yu.V., Gorokhova A.A., Fesik A.P. Public law and international law aspects of the protection of cultural heritage sited in the Union State of Belarus and Russia 169

Chechulina A.A. The Essence and Content of the Administration of Justice in the Context of the Digitalization of Public Authority 174

Chireikin N. Systematization and constitutional interpretation of sectoral threats to property rights in real estate 177

Yusupov B.Sh. Constitutional and Legal status of Participants in Repatriation Programs and Compatriots Abroad: Differentiation as an Instrument of State Policy 180

PRIVATE LEGAL (CIVILITY) SCIENCES

Borzenkov P.E. Civil regulation of autonomously generated results of artificial intelligence units under Russian Federation laws 183

Zagorskikh S.A. The presumption of good faith in the mechanism of family law regulation: branch specificity and problems of application 186

Zimneva S.V. Release from contractual liability based on a settlement agreement 189

Kantser Yu.A. Satisfaction of creditors› claims in bankruptcy proceedings 192

Kasharov Z.A. Coordination duties of corporate members: concept, content and consequences of breach 195

Kirpichnikov N.R. On the place of penalty clauses in the system of methods for securing the performance of obligations 198

Kochemasova A.M. Implementation of corporate rights by the spouse of an LLC participant: limits of exercise and methods of protecting interests 201

Kritskaya S.Yu. Interpreting Greek Terms of Roman Law in the Teaching of Law Students 205

Kuznetsov V.M. Distribution of Royalties to Foreign Copyright Holders of Musical Works by the Russian Authors' Society and the All-Russian Intellectual Property Organization under Sanctions 208

Mashchenko I.A. An electric vehicle charging station installed on the property adjacent to the house: an inseparable improvement to the common property or an independent object of civil rights 213

Milutskaya A.S. "Burn, Cannot Publish": On the Issue of Publishing a Work Against the Author's Will 217

Mikhaylova K.A. The balance of private and public interests in the civil law regulation of forest land use: a case study of lease agreements and easements 220

Ovchinnikov A.N., Tkachenko R.V. Liability of the prosecutor general's office for non-compliance with internal instructions and possibilities for civil law redress 223

Orlov A.D. Consumer extremism as a threat to economic security 226

Kornilova N.V., Orlova I.V. The distribution of the burden of proof in civil proceedings when the defendant denies the claim 229

Svistunov S.O. Versions and updates of computer programs: criteria for the creation of a new copyright-protected work and implications for licensing relationships 232

Sultanov K.A., Sultanov A.M. Personal law of a legal entity upon a change in the state affiliation of a territory: private law limits of the automatic transformation of the corporate statute 235

Timokhin N.L. Contractual regulation of the use of artificial intelligence: the problem of correlation between actual and expressed will 240

Tikhonovsky V.Yu. Problems of applying artificial intelligence in patent law 242
Trynkina D.V. The Movement of Issued Securities in Civil Circulation: The relationship between civil transactions and special mechanisms 245
Tryapochkin N.A., Kulyushin E.N. Admission of fact: qualified judicial admission 249
Tunkina A.G. Concentration of Criminal Violence in the Domestic and Family Sphere: Empirical Indicators of Structural Shifts 254
Fayruzova G.R., Deryugina T.V. Russian specifics: how historical and cultural features affect the perception of personal non-property rights..... 258
Frogerts K. Historical aspects of the development of the modern status of an arbitrator 263
Khairullina R.S. Generative artificial intelligence in art: criteria for creative contribution and problems of professional recognition 267
Khorolets D.V. Issues related to distinguishing between the concepts of maintenance and capital repair of non-residential premises..... 270
Khoroshilov K.S. The Problem of Fragmented Protection of Multimedia Products 274
Qiu Yiyang. Party autonomy and mandatory rules in cross-border e-commerce contracts between Russia and China: private law and choice-of-law aspects 277
Chernov A.A. A Civil Law Study of the Cryptocurrency Phenomenon..... 281
Shalashov V.K. Private legal regulation of social relations arising from the conclusion of a party: genesis, concept and nature..... 285
Shaternikov I.A. International experience in protecting the public interest in the registration and use of trademarks 289
Shafro K.I. On the specific features of the application of civil-law methods of securing the performance of obligations in public-private partnership agreements..... 293
Yashin K.A. Legal nature and problems of judicial protection of obligations arising from games and wagers in the civil law of the Russian Federation..... 297

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

Asanov V.V. Some aspects of the principle of free assessment of evidence in criminal proceedings 301
Beletskaya Yu.V. Review of a report of social payment fraud: algorithm for checking subjects in the most typical situations..... 305
Gasanova M.G. Juvenile victimology as an independent criminological doctrine: origins, models, and prospects for development..... 309
Glushkova E.M. The influence of criminal policy on codification processes..... 313
Drozdova E.A., Drozdov A.I. Generative artificial intelligence as a criminogenic factor of youth radicalisation in the digital environment..... 317
Zatsepin A.M. Confiscation of a business as another measure of a criminal-law nature (criminological characteristics) for an entrepreneur..... 320
Ivanova T.E. Current features and trends of criminal violations of the right to freedom of conscience and freedom of religion..... 324
Karpov K.A. Tax Violations in the Securities Market in the Russian Federation 327
Kocharyan K.S. Some issues of the social danger of illicit enrichment according to the Criminal Code of the Republic of Armenia 330
Lopotenko V.S. Grounds for appellate review of decisions on the application of the preventive measure of detention: problems of legal regulation 333

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

Mishalchenko Yu.V., Borisov G.V., Mironova M.A. Public and International Legal Aspects of Cooperation between Customs and Law Enforcement Authorities of the Eurasian Economic Union in Modern Conditions..... 336
Paytyan R.X. «The Category of ‹Persecution» and the «Well-Founded Fear» Standard in International Refugee Law 340
Romanovich E.P. Issues regarding the international legal effectiveness of the polar code..... 343
Savushkin D.A. Legal regulation and stimulation of mutual investments in the EAEU space: bilateral and regional approaches 347
Skaridov Aleksandr S. From legal reception to sovereignization: the devaluation of the authority of english maritime law 349
Sukhorukova Yu.S. The evolution from a favorable to a clean, healthy, and sustainable environment in international human rights law..... 354
Frolova T.Yu., Satskevich T.K., Dudchenko O.S., Sakaev V.T. Biometrics in the electoral process: foreign experience and prospects of implementation in the Russian Federation 357

CURRENT ISSUES OF MODERN LAW-MAKING

Drozhzhin K.A. Constitutional and legal concept of corporate social responsibility: from optional initiative to a public-law institution..... 362
Alekseev S.D. Property rights in modern civil circulation: problems of qualification, protection and development directions 367
Belkin S.Ya. The civil law nature of a government contract..... 370
Kremleva O.K., Boryaev S.A. Organizational and Legal Forms of Commercial Organizations Focused on Achieving Socially Beneficial Goals in the Russian Federation and the United States 373
Belkin S.Ya. Structure of civil legal personality of the Russian Federation..... 378
Vasilev L. Selected aspects of the development and manifestations of freedom of contract in Russian law..... 381
Gavrilova D.A. Media literacy as a factor of national security: a constitutional and legal aspect 386
Glazov D.V. Cross-border effect of the sanation agreement: a structural lacuna in conflict-of-laws regulation and the preventive method 391
Grigoriev K.A. Inventions and useful models implemented using a programmable tool: delineation of objects of legal protection 396
Gromakin N.A. The role of the prosecutor's office in conducting anti-corruption assessment of executive government legislation: legal framework and practice 400
Grigoriev V.N. Violent crime in the U.S. armed forces: state, determinants, and prevention strategies (expanded review) 404
Bruevich M.Y., Gubanova O.A. Procedural features of forming decisions to initiate or refuse to initiate a criminal case 408
Efimova A.K. Legal regulation of control and supervision of audit firms in the Russian Federation (historical and contemporary aspects) 412
Islamov A.A. Contractual regulation of labor relations in the GIGH economy 416
Kovaleva V.V. The regulatory potential of law in the conceptual-categorical framework of the theory of law 420
Krasheninnikova A.V. Legal mechanisms for increasing tax revenues as a factor in sustainable development of the state..... 423
Kruglova I.A. Development of digital, electronic, and investment platforms: private law issues regarding the protection of participants› rights 427
Likhovenkov S.I. Problems of classification of administrative offenses: complexities in court practice..... 430
Lotsik B.P. Legal aspects of the mandatory introduction of the digital ruble into commercial circulation 435
Luzhkov D.A. The confiscation of property..... 438
Novikov A.V. Termination of a participation interest sale and purchase agreement: a historical analysis of judicial practice..... 441
Kornilova N.V., Orlova I.V. Features of Proving Legal Facts in Cases Involving the Declaration of a Citizen as Legally Incapacitated 444
Romanov M.A. "Digital law-making" in the conceptual and categorical framework of legal science 447
Smolyar M.B. Electronic payment tools as a tool for fraud: a criminological and legal analysis..... 450
Sobolev N.G. Characteristics of Aggression in Juvenile Males Who Have Committed Crimes Through Negligence 455
Fedorenko T.N. Electronic legal document in the mechanism of legal regulation... 458
Chernyakova S.A. Current trends in bankruptcy law enforcement: key innovations and their interpretation by the courts 462

Влияние глобализации и информационных технологий на публично-правовое регулирование отношений общества и государства в условиях военных конфликтов

Акименко Елена Сергеевна,
старший преподаватель кафедры публичного и частного права, Федеральное государственное казённое военное образовательное учреждение высшего образования «Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации

В специфические временные периоды существования России, а именно во времена участия нашего государства в военных конфликтах, особенно остро в зону турбулентности попадает механизм доверия общества к власти. Для успешного ведения войны необходимыми условиями выступают не только мощь вооружённых сил, но и высокий уровень доверия общества к тем действиям и процессам, зоной ответственности которых является непосредственно государство. Автором анализируются вопросы, связанные с влиянием глобализации и современных информационных технологий (ИТ) на процессы легитимации власти в условиях военных конфликтов. Выделены три основных вида влияния. Обнаружены как отрицательные так и положительные виды подобного влияния. Предложены способы практического применения глобализации для укрепления легитимности власти, сделаны обоснованные выводы.

Ключевые слова: военный конфликт, легитимация власти, доверие, публичная власть, гражданское общество.

Государство и гражданское общество относятся другу к другу как душа к телу и являются двумя органичными формами существования народа [2, с. 339]. Анализ влияния глобализации и информационных технологий на легитимацию власти в условиях военных конфликтов показал, что данная тема актуальна и вызывает интерес в научном сообществе, однако научных трудов по ней все же недостаточно. Возникает необходимость восполнения через научное обоснование присутствия заявленных процессов. Данной статьёй предпринята попытка научного обоснования актуальности, современности и значимости темы через доказывание влияния основных факторов на легитимацию власти в условиях военных конфликтов.

Современное успешное ведение вооруженных конфликтов государством невозможно представить без современного информационного сопровождения и ряда иных факторов, направленных на восприятие гражданским обществом, о которых в своих научных трудах писали последние годы российские и зарубежные ученые.

Так, М. Кастельс разработал и предложил теорию «сетевого общества» и «информационного капитализма». Представленная ним концепция коммуникативной власти объясняет, как контроль над потоками информации заменяет контроль над средствами производства. Д. Най – автор концепции «мягкой силы» и «острой силы», в его трудах разработаны принципы, описывающие использование информационных манипуляций авторитарными режимами для подрыва легитимно существующей власти. Ю.Н. Харари продемонстрировал в своем труде анализ перехода от индустриальной к информационной войне, где главным полем боя, предметом сражения и завоевания является человеческий мозг, и кто овладеет ним, одержит желанную победу. Г.В. Кенер проводил исследование феномена «проектирования реалистичности» и конструирования образов государств в гибридной войне, отражающих в большинстве своем современные способы ведения войны. Отечественные исследователи Е.С. Ларина, В.С. Овчинский рассматривали в своих трудах технологии кибервойн, уделяя особое внимание так же и преступным элементам в виде организованных преступных групп, последствия действий которых могли быть применены к анализу так называемых негосударственных факторов в легитимации.

Новизна исследования заключается в переходе от анализа классических, военно-силовых механизмов решения военных задач, стоящих перед государством, к изучению когнитивно-информационных моделей.

В современных конфликтах, приобретших гибридный характер, ключевым ресурсом становится не столько контроль над территорией, сколько монополия на интерпретацию событий. Научный пробел, по нашему мнению, состоит в недостаточной изученности того, как именно алгоритмическая природа цифровых платформ трансформирует традиционные теории легитимности М. Вебера – традиционную, харизматическую, рационально-легальную, добавляя к ним сетевую или алгоритмическую легитимность.

Рассмотрим выделенные нами три основных вида влияния на проблему.

Во-первых, обратимся к распространенному способу когнитивного конструирования реальности. Что это значит? Глобальные информационные потоки и ресурсы позволяют субъекту моделирования формировать классические образы конфликта, такие как жертва, агрессор, освободитель, для различных слоев внутренней и внешней аудиторий еще задолго до начала ведения активных боевых действий. Известно, что современные технологии искусственного интеллекта и дипфейков создают эффект «проектирования реалистичности», где виртуальный образ события доминирует над фактической действительностью. Отсутствие нормативно-правового регулирования использования подобных технологий наводнило информационное пространство, где неискушенному индивидууму сложно отделить «зёрна от плевел». Лишь с 1 сентября 2026 года вступит в силу (а некоторые его положения позднее, с 1 марта 2027 года) Федеральный закон от 26 июля 2026 г. № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации», некоторыми целями которого являются создание правовых, экономических, организационных условий для разработки, ускоренного внедрения и применения больших фундаментальных моделей искусственного интеллекта в ключевых отрас-

лях экономики, социальной сфере и сфере государственного и муниципального управления в Российской Федерации; государственная поддержка исследований и инноваций в сфере разработки, внедрения и применения больших фундаментальных моделей искусственного интеллекта; обеспечение безопасности личности, общества и государства, государственной технологической независимости при разработке, внедрении и применении больших фундаментальных моделей искусственного интеллекта в Российской Федерации; повышение эффективности государственного и муниципального управления, развитие цифровой экономики и улучшение качества жизни населения; обеспечение разработки, внедрения и применения в Российской Федерации больших фундаментальных моделей искусственного интеллекта, конкурентоспособных на мировом уровне, для достижения технологического лидерства Российской Федерации [14]. Таким образом, создатели визуального и аудиоконтента должны предупреждать пользователей об использовании при их создании искусственного интеллекта, а так же маркировать контент, созданный подобным образом.

Во-вторых, в государственном управлении России сформирован четкий подход к ведению электронного документоооборота, активно используются автоматические виды сбора данных для принятия решений. Через подобные функции происходит смещение части управленческих функций от федерального центра к регионам, что способствует проводить сетевую мобилизацию, участники которой способны мобилизоваться в группы, чаты, инициативные группы, обмениваться ресурсами, информацией напрямую. Информационные технологии позволяют власти мгновенно консолидировать общество через горизонтальные связи, обходя такие традиционные институты, как партии, профессиональные союзы, где, несомненно, бюрократическая машина играет свою негативную роль с присущими ей признаками торможения процесса. В контексте исследуемой проблемы влияния глобализации и информационных технологий на процессы легитимации власти в условиях военных конфликтов, отметим, что при этом происходит переход к распределенным системам управления, например, использование гражданских сетей для логистики или разведки беспилотными летательными аппаратами (БПЛА), что повышает устойчивость государства при физическом поражении военных и гражданских объектов. Так, Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» определяет общие принципы функционирования сетей связи общего пользования. В условиях военного положения или при проведении контртеррористических операций операторы связи обязаны предоставлять каналы военным согласно законодательству об обороне и противодействии терроризму. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» регулирует работу государственных информационных систем, через которые проходят маршруты движения БПЛА и данные дистанционного зондирования Земли. Законодательство о критической информационной инфраструктуре (КИИ) Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» устанавливает, что гражданские сети связи, центры обработки данных провайдеров и магистральные узлы попадают под категорию значимых объектов КИИ, соответственно данной норме государство получает право приоритетного использования ресурсов этих сетей для нужд обороны, включая управление разведывательными и логистическими БПЛА.

В третьих, глобализация делает невозможным сокрытие военных и гражданских потерь или ошибок управления. Власть вынуждена демонстрировать гиперэффективность, так как любая задержка реакции делегитимизирует ее в глазах общества, привыкшего к скорости интернета. Польза санкции за нарушение закона не перекроет общий вред от делегитимации власти.

Несомненно, объективно, следует выделить как положительные виды влияния, способствующие укреплению власти, так и отрицательные.

К положительному отнесём возможность Президента Российской Федерации обращаться к нации напрямую через средства массовой информации, что способствует формированию и сохранению персонализированной харизматической легитимности.

Прежде всего необходимо достижение общественного согласия по вопросу о базовых принципах обеспечения свободы личности, общества и государства, об исторических традициях и историческом наследии [10, с. 28].

Вовлечение населения в мероприятия патриотической направленности, активная пропаганда волонтерских движений, демонстрация прорывов военных сил в зоне вооруженного конфликта, успешная деятельность общественных организаций и представителей гражданского общества укрепляет дух социальной и правовой защищенности. Эффективные мероприятия по сбору гуманитарной помощи, по эвакуации населения из опасных районов с использованием информационных технологий позволяет продемонстрировать компетентность власти в условиях проводимой специальной военной операции (СВО) по демилитаризации и денацификации Украины, последнее время в медиапространстве именуемой полномасштабной войной России против ее врагов на Западе. Доверие общества к власти выражается через активное использование информационных технологий для достижения целей СВО в проявлении солидарности многонационального народа России, направленное на создание внешней опоры для внутренней легитимности власти. Поддержка бойцов с начала СВО стала одним из наиболее приоритетных направлений деятельности государства и общества. «Защитники Отечества», «Мы вместе», «Всё для Победы!», «ЗаЩИТа»и другие помогают военным в правовых вопросах по предоставлению мер поддержки, вопросах реабилитации, трудоустройства, переобучения, участия в региональных проектах и других.

Отрицательные виды влияния известны, они способствуют разрушению публично-правовых отношений власти и общества. Уязвимость института доверия перед информационными интервенциями состоит в использовании скрытыми врагами тех же информационных каналов для вброса панических слухов, дезинформации о предательстве власти или фальсификации приказов командования, что, разумеется негативно влияет на уровень доверия и парализует непосредственное стремление масс к продуктивным действиям. Утечки данных с фронтовых смартфонов, иных средств связи, различных носителей информации подрывают стратегическое преимущество и дискредитируют официальные сводки. Зачастую оставаться в правовом поле не дает самое обычное информационное выгорание: переизбыток травматичного контента приводит к десенсибилизации населения.

Проблема цифрового неравенства в виде отсутствия у части населения – пожилых не зависимо от места проживания, жителей, удаленных регионов от Москвы, Санкт-Петербурга, иных крупных городов доступа к современным технологиям способствует ослаблению общенационального согласия.

Таким образом, подводя промежуточный итог исследованию, следует отметить, что в условиях современного военного конфликта легитимность власти перестала быть производной исключительно от военной победы или экономической стабильности. Она вполне стала функцией контроля над скоростью и достоверностью информации. Глобализация и ИТ выступают двойным мерилом: они способны как разрушить традиционный авторитет институтов, обнажив любую ложь, но также и предоставляют неоспоримые инструменты для сохранения единства общества. Победителем в военном конфликте выходит не тот, кто обладает большим количеством вооружений, а тот, результаты многогранной деятельности которого оказываются более устойчивыми к когнитивным ударам современного противника. Любой военный конфликт всегда выступает катализатором изменения публичного права. От того, какие именно законы принимаются для сохранения стабильности и правопорядка и как они воспринимаются правомочным субъектом, зависит не только победа в определенном военном конфликте, но и сохранение нашего государства, его суверенитета, территориальной целостности и единства. Ведь, сам государственный суверенитет формируется на основе консенсуса общества относительно его базовых ценностей, он включает их в себя. Национальные нравственно-правовые ценности, по сути дела, и составляют те живые нити, которая связывают воедино политические, правовые, экономические, организационные, военные и все остальные элементы государственной жизни в единый субъектный комплекс [4, с. 167].

Литература

1. Балуев, Д.Г. Войны XXI века: гуманизация насилия или дегуманизация конфликта? // Полис. Политические исследования. – 2024. – № 1. – С. 34–49.

2. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права: Монография. – М.: Норма, ИНФРА-М, 2024. – 376 с.

3. Кастельс, М. Власть идентичности: Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – Москва: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2018. – 509 с.

4. Кийко А.Ю., Сальников В.П. Ценностная природа права и ее выражение в правовой культуре личности// Теория государства и права. 2025. № 4–1 (47). С. 170–174.

5. Кенер, Г. В. «Проектирование реалистичности»: как технологии информационного влияния конструируют образы государств в гибридной войне // Вопросы политологии. – 2025. – № 12 (124). – С. 215–224.

6. Ларина, Е.С. Кибервойны: блеф или реальность будущего? / Е.С. Ларина, В.С. Овчинский. – Москва: Книжный мир, 2022. – 352 с.

7. Макарычев, А.С. Безопасность и трансграничные политические сети: российский дискурс // Мировая экономика и международные отношения. – 2023. – Т. 67, № 5. – С. 5–16.

8. Панарин, И.Н. Информационная война, PR и мировая политика / И.Н. Панарин. – Москва: Горячая линия-Телеком, 2023. – 352 с.

9. Почепцов, Г.Г. Когнитивные войны и управление будущим / Г.Г. Почепцов. – Киев: Саммит-Книга, 2023. – 368 с.

10. Сальников В.П. Развитие идеи абсолютной свободы в классической русской философии как источник суверенной философии права / В.П. Сальников, Д.В. Масленников, С.И. Захарцев [и др.] // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 12. С. 185–193.

11. Смирнов, А.И. Цифровая прозрачность и государственная тайна: парадоксы легитимности военного времени // Государственное управление. Электронный вестник. – 2024. – Вып. 100. – С. 112–128.

12. Соловьев, И.В. Социальные медиа как инструмент мобилизации населения в период проведения специальной военной операции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2024. – № 3. – С. 88–101.

13. Тоффлер, Э. Война и антивойна: что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века / Э. Тоффлер, Х. Тоффлер; пер. с англ. – Москва: АСТ, 2021. – 416 с.

14. Федеральный закон от 26 июля 2026 г. № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации», http://pravo.gov.ru, дата обращения: 04.08.2026.

THE IMPACT OF GLOBALIZATION AND INFORMATION TECHNOLOGY ON PUBLIC LAW REGULATION OF RELATIONS BETWEEN SOCIETY AND THE STATE IN THE CONTEXT OF THE MILITARY CONFLICTS

Akimenko E.S.
Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation

In specific time periods of Russia's existence, namely during the times of our country's participation in military conflicts, the mechanism of society's trust in the government falls under the category of turbulence. For successful warfare, it is necessary not only to have a strong military force, but also to have a high level of public trust in the actions and processes directly controlled by the government. The author analyzes the issues related to the impact of globalization and modern information technologies on the processes of legitimizing power in the context of military conflicts. Three main types of influence are highlighted. Both negative and positive types of such influence are discovered. Ways of practical application of globalization for strengthening the legitimacy of power are proposed, substantiated conclusions are made

Keywords: military conflict, legitimation of power, trust, public power, civil society.

References

1. Baluyev, D.G. Wars of the 21st Century: Humanization of Violence or Dehumanization of Conflict? // Polis. Political Studies. – 2024. – № 1. – Pp. 34–49.

2. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. The Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the Question of the SpeculativeLogical Foundations of the Metaphysics of Law: Monograph. – Moscow: Norma, INFRAM, 2024. – 376 p.

3. Castells, M. The Power of Identity: The Information Age: Economy, Society and Culture / M. Castells; translated from English. Edited by O.I. Shkaratan. – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2018. – 509 p.

4. Kiiko A. Yu., Salnikov V.P. The ValueBased Nature of Law and Its Expression in the Legal Culture of the Individual // Theory of State and Law. 2025. № 4–1 (47). Pp. 170–174.

5. Kener, G. V. «Designing Realism»: how technologies of informational influence construct images of states in hybrid warfare // Voprosy Politologii. – 2025. – № 12 (124). – Pp. 215–224.

6. Larina, E.S. Cyber Warfare: Bluff or Reality of the Future? / E.S. Larina, V.S. Ovchinsky. – Moscow: Knizhny Mir, 2022. – 352 p.

7. Makarychev, A.S. Security and CrossBorder Political Networks: Russian Discourse // World Economy and International Relations. – 2023. – Vol. 67, № 5. – Pp. 5–16.

8. Panarin, I.N. Information War, PR and World Politics / I.N. Panarin. – Moscow: Goryachaya LiniyaTelekom, 2023. – 352 p.

9. Pocheptsov, G.G. Cognitive Wars and Future Management / G.G. Pocheptsov. – Kyiv: Summit-Book, 2023. – 668 p.

10. Salnikov V.P. The development of the idea of absolute freedom in classical Russian philosophy as a source of the sovereign philosophy of law / V.P. Salnikov, D.V. Maslennikov, S.I. Zakhartsev [et al.] // Legal Science: History and Modernity. 2019. № 12. Pp. 185–193.

11. Smirnov, A.I. Digital Transparency and State Secrets: Paradoxes of Legitimacy in Wartime // Public Administration. Electronic Bulletin. – 2024. – Issue 100. – Pp. 112–128.

12. Solovyov, I.V. Social Media as a Tool for Mobilizing the Population during a Special Military Operation // Bulletin Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences. – 2024. – № 3. – Pp. 88–101.

13. Toffler, A. War and AntiWar: What Is War and How to Fight It. How to Survive at the Dawn of the 21st Century / A. Toffler, H. Toffler; translated from English. – Moscow: AST, 2021. – 416 p.

14. Federal Law № 243FZ dated July 26, 2026, «On Supporting the Development of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Federation,» http://pravo.gov.ru, accessed on August 4, 2026.

Между правовым идеалом и революционной целесообразностью: обоснование политического террора в идеологии партии социалистов-революционеров

Белоусов Максим Георгиевич,
студент юридического факультета, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

В статье исследуется внутреннее противоречие правовой идеологии Партии социалистов-революционеров: сочетание программы демократической республики, гражданских прав и защиты личности с признанием индивидуального политического террора допустимым средством борьбы. Цель работы состоит в реконструкции логики, посредством которой это противоречие обосновывалось в партийных документах и воспроизводилось в практике Боевой организации. Использованы историко-правовой, формально-юридический и системный методы, а также критический анализ программных текстов и мемуарного источника. Обосновывается вывод о двух уровнях эсеровской нормативности. На первом формулировался проект будущего правопорядка, основанного на народовластии, свободе личности и социальных гарантиях; на втором действовала исключительная революционная норма, допускавшая насилие в отношении представителей власти, признанной неправовой. В партийной теории террор ограничивался ролью вспомогательного средства массовой борьбы. Однако организационная автономия Боевой организации и этика жертвенного служения превращали его в относительно самостоятельную практику. Научная новизна состоит в интерпретации автономии Боевой организации как институционализации революционной исключительности. Показано, что отсутствие ясного критерия прекращения этой исключительности создавало возможность подмены провозглашённого правового идеала логикой политической целесообразности.

Ключевые слова: Партия социалистов-революционеров; правовая идеология; политический террор; Боевая организация; революционная целесообразность; права личности; революционное правосудие.

Введение

Соотношение права и политического насилия относится к числу центральных проблем истории отечественной политико-правовой мысли. Особенно отчётливо она проявляется в идеологии Партии социалистов-революционеров (ПСР), которая соединяла требования демократической республики, политических свобод и социальных преобразований с признанием индивидуального террора одним из средств революционной борьбы. В историографии достаточно подробно рассмотрены становление партии, её неонародническая доктрина и террористическая практика[1]. Вместе с тем правовой смысл соединения этих элементов требует самостоятельного анализа: каким образом партия, провозглашавшая ценность личности, допускала намеренное лишение жизни в качестве политического действия?

В настоящей статье под правовой идеологией понимается система представлений о должном устройстве государства и общества, ценности права и допустимых способах изменения существующего порядка. Такое понимание позволяет анализировать не только перечень программных требований ПСР, но и нормативную аргументацию, посредством которой партия проводила границу между преступным и допустимым насилием.

Цель исследования – реконструировать логику оправдания политического террора в идеологии ПСР и определить, как её изменение было связано с институциональным положением Боевой организации. Источниковую основу составили программа партии, программная публицистика В.М. Чернова, уставные документы Боевой организации и воспоминания Б.В. Савинкова. Последние рассматриваются критически: мемуарный текст фиксирует не объективную «психологию организации», а авторскую ретроспективную интерпретацию её внутреннего мира. Методологически работа сочетает историко-правовой и формально-юридический анализ с системной реконструкцией аргументов.

Основная гипотеза заключается в том, что эсеровская доктрина содержала два уровня нормативности. Первый задавал правовой идеал будущего – демократический и социальный порядок. Второй формировал режим революционной исключительности, в котором обычный запрет на насилие считался неприменимым к борьбе с властью, объявленной источником систематического беззакония. В теории исключительность ограничивалась подчинённостью террора массовому движению; на практике организационная автономия Боевой организации ослабляла это ограничение.

Правовой идеал ПСР: личность, народовластие и социальная справедливость

ПСР оформилась на рубеже XIX–XX вв. как политическое продолжение неонароднической традиции. На формирование её доктрины влияли нерешённость аграрного вопроса, закрытость самодержавной системы для легального политического участия и стремление объединить крестьянское движение с социалистической программой[2]. Однако программа партии не сводилась к отрицанию существующего строя. Она содержала развернутый проект публично-правового переустройства России.

Нормативным центром этого проекта выступала демократическая республика. Программа предусматривала всеобщее избирательное право без различия пола, национальности и вероисповедания, свободу совести, слова, печати, собраний и союзов, неприкосновенность личности и жилища, выборность и сменяемость должностных лиц, развитие местного самоуправления и признание права на национальное самоопределение[3]. Социально-экономическая часть дополняла политические свободы требованиями восьмичасового рабочего дня,

[1] См.: Протасова О.Л. Основные политико-идеологические взгляды эсеров: становление и характер // Бюллетень науки и практики. 2023. Т. 9. № 3. С. 447–457; Косаренко Н.Н., Квятковский А.В. Историко-правовые аспекты становления партии социалистов-революционеров в России // Образование и право. 2017. № 3. С. 156–159.

[2] См.: Косаренко Н.Н., Квятковский А.В. Указ. соч. С. 156–159; Протасова О.Л. Указ. соч. С. 448–451.

[3] Программа партии социалистов-революционеров [1906 г.] // Сборник программ политических партий в России / под ред. В.В. Водовозова. Вып. 3. СПб., 1906. С. 14–27.

охраны труда, страхования и социализации земли. Следовательно, партия связывала освобождение не только со сменой носителя верховной власти, но и с нормативным ограничением публичного принуждения, юридическим равенством и созданием социальных гарантий.

Эта конструкция была связана с народническим пониманием прогресса. Влияние Н.Г. Чернышевского проявлялось в ориентации на общинные формы хозяйствования и согласование личного интереса с общим благом; идеи Н.К. Михайловского усиливали нравственную оценку институтов и ставили развитие личности в центр общественного прогресса[1]. Поэтому социализация земли в эсеровской программе мыслилась не только как экономическая мера, но и как способ устранить господство, основанное на собственности, и обеспечить самостоятельность трудящегося.

Для правового анализа существенно, что партия оценивала государство не по формальному наличию законов, а по их отношению к свободе и достоинству личности. Если публичная власть препятствовала развитию личности и исключала народ из принятия решений, её юридическая форма не придавала ей нравственной легитимности. В этом пункте содержалась предпосылка последующего оправдания революционного насилия: самодержавие описывалось не как несовершенный, но действующий правопорядок, а как институционализированное беззаконие, не предоставляющее законных средств защиты.

Тем не менее из критики самодержавия сама по себе не следовала допустимость индивидуального убийства. Напротив, провозглашённые партией неприкосновенность личности и свобода требовали объяснить, почему эти ценности не распространяются на представителей существующей власти. Так в доктрине возникла необходимость особой конструкции, выводившей террор из сферы общеуголовного насилия и включавшей его в сферу революционно-политического действия.

Террор как исключительное и вспомогательное средство

Программная статья «Террористический элемент в нашей программе» представляла террор не самодостаточной стратегией, а «одним из родов оружия» революционного движения[2]. Его функция состояла в дополнении массовой борьбы: воздействии на государственный аппарат, демонстрации уязвимости власти, поддержании общественной мобилизации и сдерживании репрессий. В такой формуле содержалось первое ограничение террора – принцип функциональной подчинённости. Политическое убийство признавалось оправданным не вследствие самостоятельной ценности возмездия, а постольку, поскольку оно служило общей цели освобождения.

Вторым элементом оправдания была делегитимация самодержавной власти. В партийной публицистике государственное принуждение изображалось как систематическое и первоначальное насилие, а террор – как ответ на отсутствие правовых каналов влияния. Современные исследователи справедливо отмечают, что ПСР разработала одну из наиболее последовательных в революционном движении концепций террористической борьбы[3]. Она позволяла сменить юридическую квалификацию действия внутри самой партийной системы координат: убийство должностного лица истолковывалось не как посягательство частного лица на жизнь другого, а как акт борьбы с носителем неправовой власти.

Третий элемент составляла персонализация ответственности. Объектом центрального террора объявлялся не любой представитель государственного аппарата, а лицо, которому приписывалась индивидуальная ответственность за репрессии или проведение наиболее жёсткой политики. В партийном дискурсе это придавало акту видимость адресного «революционного правосудия» и отделяло его от неразборчивого насилия[4]. Однако такая модель принципиально отличалась от правосудия в юридическом смысле: обвинение, установление фактов, выбор санкции и исполнение решения были сосредоточены у одной подпольной организации; независимая процедура проверки отсутствовала.

Таким образом, доктринальное оправдание террора строилось на совокупности трёх аргументов: неправовой характер самодержавия, вспомогательность насилия по отношению к массовому движению и индивидуализация политической ответственности. Эта конструкция ограничивала террор на уровне декларации, но не устанавливала проверяемых критериев его необходимости, соразмерности и прекращения. Решение о том, исчерпаны ли ненасильственные средства и действительно ли выбранное лицо несёт ответственность, оставалось внутри самой революционной организации.

В результате возникала особая нормативная асимметрия. Будущий порядок предполагалось строить на правах личности и публичных гарантиях, тогда как переход к нему регулировался нормой, освобождённой от этих гарантий. Исключение оправдывалось временным характером революционной ситуации, но его временные и предметные пределы оставались неопределёнными. Именно эта неопределённость создавала условия, при которых средство могло приобрести собственную политическую и символическую ценность.

Боевая организация как институционализация революционной исключительности

Создание Боевой организации (БО) придало террору устойчивую организационную форму. После первых центральных террористических актов в партии сложилось специализированное подразделение, рассчитанное на конспирацию, длительное наблюдение, техническую подготовку и исполнение решений об устранении высокопоставленных представителей власти. Включение Б.В. Савинкова в боевую работу показывает закрытый характер этой среды: даже член партии не обладал сведениями о составе организации, паролях и явках до получения специальных указаний[5].

Автономия БО объяснялась практическими требованиями безопасности. Устав 1904 г. закреплял её техническую и организационную самостоятельность, наличие отдельной кассы и особый порядок отношений с Центральным комитетом[6]. Внутри действовал собственный комитет, решавший вопросы приёма и исключения участников, разработки операций и преемственности руководства в случае арестов. Центральный комитет определял общие политические рамки, но не осуществлял непосредственного контроля над технической стороной боевой деятельности.

С точки зрения эффективности подпольной работы такое разграничение было рациональным. С точки зрения нормативной ответственности оно порождало существенную проблему: орган, применявший наиболее крайнее средство, оказывался наименее прозрачным и наиболее изолированным от общепартийной дискуссии. Партийная формула о вспомогательном характере террора могла действовать как ограничение лишь при наличии института, способного сопоставлять конкретную операцию с общей стратегией и отменять её. Автономия же концентрировала оценку необходимости, выбор цели и исполнение решения внутри узкого круга.

Организационное устройство тем самым не было нейтральным по отношению к идеологии. Оно превращало абстрактное исключение в устойчивую практику. Собственная иерархия, финансирование, правила конспирации и механизмы преемственности обеспечивали БО способность продолжать деятельность независимо от смены отдельных участников. Подготовка покушения на министра внутренних дел В.К. Плеве, описанная Савинковым, включала распределённое уличное наблюдение, легендирование участников и централизованную обработку сведений[7]. Террор становился не разовым ответом на чрезвычайное событие, а воспроизводимой организационной функцией.

Именно поэтому автономию БО целесообразно рассматривать как институционализацию революционной исключительности. В партийной теории исключение обозначало временное отступление от общего запрета на насилие ради будущего правопорядка. В организационной практике оно получало постоянный аппарат, профессиональные навыки и внутренние критерии успеха. Чем устойчивее становился этот аппарат, тем слабее оказывалась исходная зависимость террора от массового движения.

Это не означает полного политического отделения БО от ПСР. Организация действовала от имени партии, а её акции должны были соответствовать партийным целям. Однако формальная связь не устраняла фактического смещения: наиболее резонансная и рискованная деятельность ПСР концентрировалась в структуре, для которой террор являлся не одним из возможных средств, а основным смыслом суще-

---

[1] См.: Чернышевский Н.Г. Что делать? М.: Эксмо, 2022. С. 211–220; Леонтьева О.Б. «Субъективный метод» Н.К. Михайловского в социологии и истории: предпосылочное знание, сопереживание, нравственная оценка // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2020. Т. 2. № 4. С. 72–79.

[2] Террористический элемент в нашей программе // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы: в 3 т. Т. 1: 1900–1907 гг. / сост. Н.Д. Ерофеев. М.: РОССПЭН, 1996. С. 78–88, 83–84.

[3] См.: Лепихина Н.А. Теоретическое обоснование политического терроризма Партии социалистов-революционеров // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 12. С. 153–159.

[4] См.: Бурчин М.А. Политическое убийство как тактика революционной борьбы партии эсеров с русским самодержавием // Вестник Самарского юридического института. 2010. № 1. С. 22–25.

[5] Савинков Б.В. Воспоминания террориста. Харьков: Пролетарий, 1926. С. 11, 15.

[6] Устав Боевой организации Партии социалистов-революционеров // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 1. С. 149–151; Савинков Б.В. Указ. соч. С. 69–72.

[7] Савинков Б.В. Указ. соч. С. 135.

ствования. Институциональная специализация тем самым способствовала превращению средства в самостоятельную ценность.

От политического средства к этике жертвенного служения

Мемуары Савинкова показывают следующий этап этой трансформации – формирование внутри боевой среды особой этики. В характеристиках И.П. Каляева, Е.С. Сазонова, Д.Д. Бриллиант и других участников террор описывается через категории долга, подвига и личной жертвы[1]. Каляев, по словам автора, видел в нём не только политическую борьбу, но и «моральную, быть может, религиозную жертву»; в боевой среде возникала формула: «с.-р. без бомбы уже не с.-р.».[2] Даже учитывая литературную обработку воспоминаний, эти образы фиксируют важный сдвиг: легитимность действия связывается уже не только с его политическим результатом, но и с самоотверженностью исполнителя.

Жертвенная этика выполняла двойную функцию. Во-первых, она позволяла отличить революционера от обычного убийцы: готовность погибнуть вместе с жертвой или принять наказание истолковывалась как доказательство бескорыстия. Во-вторых, она переносила центр оценки с последствий акта на моральную интенсивность намерения. Если исполнитель действовал не ради личной выгоды, а ради революции и был готов пожертвовать собой, насилие представлялось нравственно очищенным.

Однако самопожертвование не может заменить правовую оценку посягательства на другого человека. Личная готовность исполнителя не создаёт полномочия решать вопрос о чужой жизни и не обеспечивает достоверности обвинения. Более того, героизация жертвы способна затруднять обсуждение политической эффективности и допустимых пределов насилия: сомнение в операции начинает восприниматься как недостаток решимости или верности общему делу.

Мемуарный текст одновременно сохраняет след нравственного конфликта. В воспоминании о Сазонове рядом с ожиданием «гордости и радости» после убийства появляется признание, что сознание греха его не покидало[3]. Следовательно, революционная этика не устраняла запрета «не убий», а создавала конкурирующую обязанность, объявленную более высокой в исключительной ситуации. Террористический акт мог одновременно восприниматься как политическая необходимость, личный подвиг и нравственная вина.

В этой тройственности обнаруживается предел эсеровского оправдания. Если насилие было лишь техническим средством, оно подлежало оценке по необходимости и результативности. Если же оно становилось формой нравственного служения, отказ от него мог выглядеть изменой независимо от изменения обстоятельств. Исследования террористической тактики ПСР показывают, что разграничение центрального и местного террора, а также споры о связи боевой работы с массовым движением сопровождали партию на протяжении всего рассматриваемого периода[4]. Это подтверждает, что подчинённость террора общей стратегии не была раз и навсегда решённым вопросом.

Таким образом, противоречие между правовым идеалом и насильственной практикой нельзя объяснить только непоследовательностью отдельных участников. Оно имело структурный характер. Делегитимация существующей власти создавала революционное исключение; автономная организация делала его устойчивым; жертвенная этика придавала применению насилия самостоятельный моральный смысл. Каждый из этих элементов усиливал следующий.

Заключение

Правовая идеология Партии социалистов-революционеров включала содержательный проект демократического и социального правопорядка. Права личности, народовластие, самоуправление, социализация земли и гарантии труда образовывали взаимосвязанную программу освобождения. Поэтому террор не был внешним по отношению к правовой проблематике партии: его необходимо было согласовать с ценностями, которые ПСР провозглашала.

Такое согласование осуществлялось посредством режима революционной исключительности. Самодержавие объявлялось источником первоначального и систематического беззакония; индивидуальное насилие – вынужденным, адресным и вспомогательным ответом; его цель – открытие пути к массовому освобождению. Эта аргументация позволяла вывести террористический акт за пределы общеуголовной оценки и представить его как суррогат правосудия в условиях отсутствия правовых механизмов политического участия.

Однако в доктрине отсутствовали внешние и проверяемые критерии необходимости, соразмерности и прекращения исключения. Решение принимал тот же субъект, который определял виновного и исполнял санкцию. Автономия Боевой организации усиливала проблему: чрезвычайное средство получило собственный аппарат, внутреннюю дисциплину и институциональный интерес к продолжению боевой деятельности. Этика жертвенного служения дополнительно превращала террористический акт из технического приёма в показатель революционной добродетели.

Научное значение предложенной интерпретации состоит в том, что противоречие ПСР рассматривается не как простое расхождение между «гуманной программой» и «жестокой практикой», а как конфликт двух нормативных порядков. Первый был обращён к будущему и требовал гарантий личности; второй регулировал переход и приостанавливал эти гарантии ради политической цели. Поскольку пределы переходного порядка оставались неопределёнными, революционная целесообразность получала возможность подменить провозглашённый правовой идеал. История ПСР тем самым демонстрирует общий риск любой доктрины, которая стремится учредить право посредством неограниченного исключения из него.

Литература

1. Бурчин М.А. Политическое убийство как тактика революционной борьбы партии эсеров с русским самодержавием // Вестник Самарского юридического института. 2010. № 1. С. 22–25.

2. Кадиков Э.Р. Эсеровский террор в Сибири в начале XX века // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 1 (9). С. 42–69.

3. Косаренко Н. Н., Квятковский А.В. Историко-правовые аспекты становления партии социалистов-революционеров в России // Образование и право. 2017. № 3. С. 156–159.

4. Леонтьева О. Б. «Субъективный метод» Н.К. Михайловского в социологии и истории: предпосылочное знание, сопереживание, нравственная оценка // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2020. Т. 2. № 4. С. 72–79.

5. Лепихина Н.А. Теоретическое обоснование политического терроризма Партии социалистов-революционеров // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 12. С. 153–159.

6. Маньков А. В. К вопросу о генезисе партии эсеров и её террористической тактике // Вестник Военного университета. 2007. № 2 (10). С. 82–88.

7. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы: в 3 т. Т. 1: 1900–1907 гг. / сост., авт. предисл. и коммент. Н.Д. Ерофеев; отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 1996. 686 с.

8. Программа партии социалистов-революционеров [1906 г.] // Сборник программ политических партий в России / под ред. В.В. Водовозова. Вып. 3. СПб., 1906. С. 14–27.

9. Протасова О.Л. Основные политико-идеологические взгляды эсеров: становление и характер // Бюллетень науки и практики. 2023. Т. 9. № 3. С. 447–457.

10. Рыбкин А.А. Новый этап политического терроризма в России в начале XX века // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2006. № 9. С. 105–108.

11. Савинков Б.В. Воспоминания террориста. Харьков: Пролетарий, 1926. 372 с.

12. Чернышевский Н.Г. Что делать? М.: Эксмо, 2022. 576 с.

13. Чернов В.М. Террористический элемент в нашей программе. Б. м.: Типография Партии социалистов-революционеров, [1902]. 16 с.

BETWEEN THE LEGAL IDEAL AND REVOLUTIONARY EXPEDIENCY: THE JUSTIFICATION OF POLITICAL TERROR IN THE IDEOLOGY OF THE SOCIALIST-REVOLUTIONARY PARTY

Belousov M.G.
National Research University Higher School of Economics

The article examines an internal contradiction in the legal ideology of the Socialist-Revolutionary Party: its commitment to a democratic republic, civil rights and the protection of the individual coexisted with its acceptance of individual political terror as a permissible means of struggle. The study reconstructs the reasoning by which this contradiction was justified in party documents and reproduced in the practice of the Combat Organization. Historical-legal, formal-legal and systemic methods are combined with a critical reading of programmatic texts and memoirs. The article identifies two levels of Socialist-

[1] Там же. С. 5–6, 36.

[2] Там же. С. 6, 36.

[3] Там же. С. 47; Маньков А.В. К вопросу о генезисе партии эсеров и её террористической тактике // Вестник Военного университета. 2007. № 2 (10). С. 82–88.

[4] См.: Кадиков Э.Р. Эсеровский террор в Сибири в начале XX века // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 1 (9). С. 42–69; Рыбкин А.А. Новый этап политического терроризма в России в начале XX века // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2006. № 9. С. 105–108.

Revolutionary normativity. The first articulated a future legal order based on popular sovereignty, personal liberty and social guarantees. The second operated as an exceptional revolutionary norm that permitted violence against representatives of a government regarded as unlawful. Party theory assigned terror a subsidiary role within a broader mass movement. In practice, however, the organizational autonomy of the Combat Organization and its ethic of sacrificial service turned terror into a relatively self-sufficient activity. The study's contribution lies in interpreting this autonomy as an institutionalization of revolutionary exception. Because the party failed to formulate a clear criterion for terminating that exception, political expediency could displace the legal ideal proclaimed in its program.

Keywords: Socialist-Revolutionary Party; legal ideology; political terror; Combat Organization; revolutionary expediency; individual rights; revolutionary justice.

References

1. Burchin M.A. Political assassination as a tactic of the revolutionary struggle of the Socialist-Revolutionary Party against the Russian autocracy // Bulletin of the Samara Law Institute. 2010. No. 1. Pp. 22–25.

2. Kadikov E.R. Socialist-Revolutionary terror in Siberia at the beginning of the 20th century // Bulletin of Omsk University. Series "Historical Sciences". 2016. No. 1 (9). Pp. 42–69.

3. Kosarenko N.N., Kvyatkovsky A.V. Historical and legal aspects of the formation of the Socialist-Revolutionary Party in Russia // Education and Law. 2017. No. 3. Pp. 156–159. 4. Leontyeva, O. B. "N.K. Mikhailovsky's Subjective Method in Sociology and History: Prerequisite Knowledge, Empathy, and Moral Assessment." Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical Sciences. 2020. Vol. 2, No. 4, Pp. 72–79.

5. Lepikhina, N. A. "Theoretical Justification of the Political Terrorism of the Socialist-Revolutionary Party." Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 12, Pp. 153–159.

6. Mankov, A. V. "On the Genesis of the Socialist-Revolutionary Party and Its Terrorist Tactics." Bulletin of the Military University. 2007. No. 2 (10). Pp. 82–88.

7. The Socialist-Revolutionary Party. Documents and materials: in 3 volumes. Volume 1: 1900–1907 / compiled, author of the foreword and commentary by N.D. Erofeev; editor V.V. Shelokhaev. Moscow: ROSSPEN, 1996. 686 p.

8. Program of the Socialist-Revolutionary Party [1906] // Collection of programs of political parties in Russia / edited by V.V. Vodovozov. Issue 3. St. Petersburg, 1906. Pp. 14–27.

9. Protasova, O.L. Basic political and ideological views of the Socialist-Revolutionaries: formation and character // Bulletin of Science and Practice. 2023. Vol. 9. No. 3. Pp. 447–457.

10. Rybkin A.A. A New Stage of Political Terrorism in Russia at the Beginning of the 20th Century // Bulletin of the Kostroma State University named after N.A. Nekrasov. 2006. No. 9. Pp. 105–108.

11. Savinkov B.V. Memories of a Terrorist. Kharkov: Proletariy, 1926. 372 p.

12. Chernyshevsky N.G. What Is to Be Done? Moscow: Eksmo, 2022. 576 p.

13. Chernov V.M. The Terrorist Element in Our Program. Moscow: Printing House of the Party of Socialist-Revolutionaries, [1902]. 16 p.

Становление патерналистских и автономных подходов в правовой доктрине защиты детей

Дикаева Залина Салмановна,
аспирант, Частное образовательное учреждение
«Юридический институт»
E-mail: zi.di.ka@mail.ru

В статье исследуется эволюция патерналистского и автономного подходов к защите детей в философско-правовой и современной юридической доктрине. Обосновывается, что переход от представления о ребенке преимущественно как об объекте опеки к признанию его носителем субъективных прав не устраняет потребность в специальных защитных механизмах, а изменяет требования к их юридическому обоснованию. Исследуется соотношение защиты, автономии, семейной автономии и публичного интереса в российском праве с учетом положений Конституции Российской Федерации, Семейного кодекса Российской Федерации, законодательства об основных гарантиях прав ребенка и международных стандартов. Предлагается теоретическая модель правомерного патерналистского вмешательства, основанная на критериях законности, легитимной защитной цели, необходимости, соразмерности, индивидуализации и учета мнения ребенка. Делается вывод о том, что принцип наилучших интересов ребенка должен применяться не как универсальное оправдание вмешательства, а как процедура индивидуальной оценки, предполагающая участие самого ребенка в определении содержания его интересов.

Ключевые слова: патернализм; автономия ребенка; права ребенка; защита детей; семейная автономия; наилучшие интересы ребенка.

Соотношение патерналистских и автономных подходов в защите детей остаётся одним из наиболее обсуждаемых вопросов в современной правовой доктрине, посвященной детскому праву. Это можно объяснить тем, что патерналистский и автономный подходы применительно к защите детей взаимосвязаны, но представляют собой различные начала правового регулирования. Сущность патернализма в сфере защиты детей заключается во вмешательстве государства в дела семьи во имя благополучия ребенка, порой вопреки воле родителей или самого ребенка. Автономный же подход исходит из права ребенка на самоопределение и минимизацию внешнего вмешательства. Соотношение этих двух правовых категорий стоит рассматривать как проблему определения пределов и условий правомерного вмешательства.

Предпосылки патерналистского понимания власти можно обнаружить в нескольких философских, религиозных и правовых традициях, однако его становление не следует связывать с одной конкретной культурой. В обществах, где большое значение придавалось иерархии, преемственности поколений и авторитету старших, отношения господства нередко описывались с помощью семейной аналогии. Правитель, глава рода или иная властная инстанция представлялись как субъекты, обязанные заботиться о тех, кто рассматривался как менее зрелый, зависимый или неспособный самостоятельно определить собственное благо. В таком контексте подчинение могло оправдываться не только необходимостью поддержания порядка, но и предполагаемой пользой для зависимой стороны. При этом подобные представления еще не основывались на современном принципе индивидуальной автономии. Противопоставление опеки и самоопределения стало предметом специального теоретического анализа позднее, в ходе формирования новоевропейских представлений о свободе личности и пределах допустимого вмешательства власти.

В свою очередь, что касается античной философии, то Аристотель не использовал понятие патернализма в его современном значении. Вместе с тем в первой книге *«Политики»* он анализировал различные формы власти, существующие внутри домохозяйства, и разграничивал власть господина над рабом, мужа над женой и отца над детьми [1]. Власть отца здесь представляется как особый тип правления, основанием которого служили возрастное преимущество, происхождение и ответственность старшего за воспитание и благополучие младших. Определенные правовые предпосылки подобной модели существовали в античном праве и наиболее отчетливо они проявилось в римском институте patria potestas, который закреплял власть домовладыки над его нисходящими.

В раннее Новое время стали развиваться представления о естественных правах, свободе личности и правовых границах публичной власти. Человек все чаще рассматривался как субъект, обладающий собственными правами и способный принимать решения относительно своей жизни. В связи с этим, соотношение патернализма и автономии постепенно становится самостоятельной проблемой философии права и политической теории. В этом контексте складывается противопоставление патерналистского вмешательства, оправдываемого предполагаемым благом человека, и принципа автономии. Тем самым патернализм из естественной формы организации власти превращается в проблематичную конструкцию, требующую специального оправдания. Дж. Локк стал из первых теоретиков, поставивших под сомнение легитимность отцовской модели власти в политике. Он отвергал мысль о том, что государственная власть может быть оправдана через право отца на абсолютное господство над детьми и над подданными [2]. По Локку любое принуждение должно иметь правомерное основание, тем самым, Локк закладывает один из фундаментальных аргументов в пользу автономии как правовой ценности.

Позднее у Иммануила Канта это мнение получает более строгую философско-правовую формулировку [3]. Кант отвергает государство, которое выступает в роли благодетеля и одновременно требует от подданных безусловного подчинения. Подобное правление, называемое им патерналистским, он характеризует как «величайший деспотизм», поскольку оно делает из гражданина пассивного объекта опеки [4, С. 158–205]. В его учении патернализм вступает в противоречие с достоинством личности, так как он подменяет свободу внешним определением блага и исключает самого субъекта из процесса принятия решения. В философии Канта автономия обладает не только моральь-

ным, но и правовым значением, поэтому любое вмешательство должно сообразовываться с уважением к личности.

Наиболее последовательную критику патернализма в либеральной традиции предложил Джон Стюарт Милль. В эссе «О свободе» он связал допустимость вмешательства в жизнь человека не с заботой о его собственном благе, а с необходимостью предотвратить вред, причиняемый другим лицам [5]. Этот принцип существенно ограничил основания, на которых можно было оправдывать ограничение свободы, придав автономии самостоятельную нормативную ценность. По Миллю свобода является условием становления личности. Человек достигает зрелости благодаря возможности выбирать и отвечать за последствия собственных поступков. В свою очередь патернализм, даже если он мотивирован заботой, несет риск подмены личной воли внешней опекой и тем самым препятствует формированию самостоятельной личности. В этом смысле миллевская концепция служит ключевой теоретической опорой для современной критики патерналистских моделей в праве.

Современное теоретическое осмысление патернализма в праве складывается во второй половине XX века. В статье 1972 года Джеральд Дворкин определил патернализм как вмешательство в свободу действия лица, оправдываемое соображениями, которые относятся исключительно к благу, счастью, потребностям, интересам или ценностям самого принуждаемого [6, С. 64–84]. Это определение оказало заметное влияние на последующую дискуссию, поскольку позволило рассматривать ограничения свободы не как однородное явление, а в зависимости от согласия, степени принуждения и характера предполагаемого блага. Однако позиция Дворкина не сводится к безусловной защите индивидуальной автономии. В своих работах он признавал, что существуют ситуации, когда патерналистское вмешательство может быть оправдано. Например, при необратимых решениях или о ситуациях, в которых лицо действует под влиянием когнитивных искажений. Однако его основная мысль остается неизменной: забота государства о благосостоянии граждан при определенных условиях может вытеснять самостоятельное решение, поэтому патерналистские меры требуют особого обоснования и выбора наименее ограничивающих средств.

Современная же правовая теория постепенно смещает акцент с вопроса о том, можно ли вообще вмешиваться в жизнь человека, на вопрос о том, когда такое вмешательство допустимо. Патернализм сегодня не определяется как грубое подавление, но и не может быть оправдан одной лишь ссылкой на благо. В тоже время автономия выступает не абсолютным отрицанием патернализма, а нормативным пределом, который заставляет власть обосновывать каждое ограничение свободы. Это отчетливо проявляется в сферах, где субъект признается уязвимым (медицина, защита детей). В результате классический спор о патернализме и автономии остается актуальным и на сегодняшний день.

В последнее время современная российская доктрина в сфере защиты детей развивается в условиях заметного усиления патерналистской функции государства. В научной литературе это проявляется в том, что защита ребенка все чаще описывается не только как гарантия его субъективных прав, но и как обязанность публичной власти обеспечивать «правильную» среду воспитания, нравственного и социального развития [7, С. 159–166]. Такой подход усиливает роль государства в семейной сфере и делает проблему допустимых пределов вмешательства особенно острой. С одной стороны, ребенок рассматривается как уязвимый субъект, нуждающийся в особой защите; с другой – чрезмерная опека способна привести к фактическому вытеснению семейной автономии и снижению значения воли самого ребенка.

Заметный этап этого сдвига связан с Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809, который придал традиционным российским духовно-нравственным ценностям статус объекта системной государственной защиты [8]. В статье Н.В. Летовой подчеркивается, что именно этот акт стал системообразующим: традиционные ценности впервые были концептуально описаны как объект постоянной защиты государства, а семья, брак и дети, как фундаментальные элементы духовно-нравственной основы общества.

В той же логике развиваются и отраслевые решения, особенно в информационной и административной сферах. Н.В. Летова обращает внимание на нормативные ограничения распространения информации, способной разрушать семейные ценности и вредить развитию несовершеннолетних, а также на усиление превентивной роли государства в защите ребенка от деструктивного воздействия среды. Это означает, что патернализм все чаще проявляется не как разовая мера реагирования, а как постоянный режим охраны ценностной среды.

В 2024 году эта линия была закреплена на уровне массовой государственной политики: год был объявлен Годом семьи, а сопутствующий доклад «Семья и дети в России» зафиксировал переход от модели управления по целям к модели управления по ценностям, в центр которой поставлены крепкая семья, многодетность, забота о детях и преемственность поколений [9]. В докладе отмечается, что информационные кампании и региональные соглашения о сохранении семейных ценностей стали частью более широкой инфраструктуры ценностного регулирования, а семейная политика описывается не только как инструмент социальной поддержки, но и как средство обеспечения демографической безопасности. Таким образом, становится очевиден усиленный патерналистский подход с семейной сфере. Теперь семья рассматривается не только как частная сфера автономии, но и как пространство реализации публичных задач: рождаемости, воспитания, идеологической устойчивости и социальной консолидации.

Стоит также заметить, что автономия ребенка в российском праве сохраняет ограниченный характер и все чаще интерпретируется через призму защиты, а не самоопределения. Подчеркивается приоритет охраны несовершеннолетних от вредной информации и от влияния контента, который способен подорвать доверие к родителям, семейным ценностям и традиционным моделям воспитания [10]. Можно говорить о том, что такая конструкция правовой защиты фактически допускает более широкое вмешательство государства в семейную коммуникацию.

Одновременно в документах и исследованиях последних лет автономия ребенка подается не как самостоятельный абсолют, а как развивающаяся способность, которая должна формироваться внутри семьи под контролем государства и общества. Поэтому растущее вмешательство государства в семью можно с одной стороны оценить как оправданное при условии, что оно направлено на защиту развития ребенка, но с другой стороны существует риск подмены помощи контролем и на постепенное сужение пространства семейной автономии. Именно поэтому в научном анализе современной семейной политики стоит обращать внимание на необходимость сохранять баланс между публичным интересом и автономией семьи. В противном случае патернализм, легитимированный традиционными ценностями, может превратиться из защитного механизма в способ повседневного управления семейной жизнью, где интерес ребенка будет толковаться через заранее заданную модель «правильного» воспитания и поведения.

В российской доктрине проблематика патернализма и автономии в защите детей разрабатывается на стыке семейного права, биоэтики и теории права. В работах А.М. Нечаевой защита несовершеннолетних рассматривается прежде всего через обязанность государства обеспечить эффективные правовые механизмы охраны их прав и законных интересов, в том числе посредством институтов опеки, попечительства и иных форм публично-правовой защиты, тогда как О.Ю. Ильина обращает внимание на пределы вмешательства публичной власти в семейную автономию [11]. В работах А.Е. Тарасовой автономия ребенка рассматривается преимущественно в контексте обеспечения его прав, функционирования института опеки и попечительства, а также международно-правовой защиты несовершеннолетних, что позволяет связывать проблему детской автономии с механизмами правовой охраны и распределением родительской и государственной ответственности [12].

Можно сказать, что в российской правовой доктрине проблема патернализма и автономии ребенка рассматривается через призму баланса между защитой интересов несовершеннолетних и уважением семейной автономии. В ряде работ, связанных с протекционистской традицией и российской доктриной защиты детства, подчеркивается приоритет защиты ребенка от реального вреда, что оправдывает активную роль государства в обеспечении минимальных условий для развития.

В российском публичном дискурсе и правотворчестве 2020-х годов заметное место занимает обращение к защите семьи, детства и традиционных духовно-нравственных ценностей. Для теоретико-правового анализа важно не оценивать такую ориентацию как заведомо патерналистскую, а выяснить, в каких случаях соответствующие меры затрагивают автономию ребенка и семьи и как обосновываются их пределы. Государственные инициативы, направленные на укрепление семейных институтов и демографическую политику, сопровождаются нормативными мерами и программами, в которых забота о нравственном и демографическом здоровье нации служит обоснованием более активного вмешательства в семейную жизнь.

На нормативном уровне защитная функция государства проявляется, в частности, в регулировании образовательной и информационной среды и в установлении специальных гарантий ограждения несовершеннолетних от вредного воздействия [13]. Такие меры нередко оформляются как превентивные и воспитательные, но на практике ве-

дут к стандартизации семейного поведения и к сужению пространства для альтернативных моделей воспитания. В результате родительская автономия подвергается систематическому ограничению: от поощрения одних семейных практик до административного пресечения тех, которые считаются отклоняющимися от заявленной традиционной нормы. Использование ценностной аргументации при обосновании защитных мер требует особой юридической осторожности. Ценностные ориентиры государственной политики могут задавать общие направления регулирования, однако в конкретном правоприменительном решении они не должны подменять установление правового основания вмешательства и оценку его соразмерности индивидуальным правам ребенка и членов семьи. Поэтому задачей правовой науки и практики становится разработка механизмов соразмерности, прозрачности и процедурной защиты, позволяющих согласовывать публичные ценностные приоритеты с международными стандартами прав человека и правовой защитой автономии семьи и ребенка [14].

С этой позиции можно сформулировать принцип минимально достаточного вмешательства: защита ребенка должна осуществляться средствами, которые обеспечивают законную защитную цель при наименьшем необходимом ограничении автономии ребенка и семейной автономии. Принцип наилучших интересов ребенка должен выполнять прежде всего процедурную функцию – требовать индивидуальной оценки обстоятельств, учета мнения несовершеннолетнего, рассмотрения альтернатив и мотивированного выбора меры [15]. Индивидуализация имеет особое значение, поскольку ребенок не является лишь представителем возрастной группы: его способности, жизненные обстоятельства и последствия решения могут существенно различаться. Возрастные критерии следует применять вместе с оценкой способности ребенка понимать ситуацию и выражать собственную позицию. Учет мнения не означает автоматического следования ему, но требует предоставить ребенку реальную возможность быть услышанным и отразить в мотивировке решения значение его позиции [16].

Правомерность патерналистского вмешательства целесообразно оценивать по совокупности юридически проверяемых критериев: наличие конкретного нормативного основания и защитной цели; установление реального риска нарушения права или причинения существенного вреда; необходимость и соразмерность меры; индивидуализация решения; учет мнения ребенка. При наличии равноэффективных альтернатив предпочтение следует отдавать менее ограничительному средству.

Проведенный анализ показывает, что патерналистский и автономный подходы к защите детей не стоит рассматривать как взаимоисключающие. Развитие правовой мысли исторически шло от представления о ребенке преимущественно как об объекте опеки к признанию за ним статуса носителя собственных прав и участника правоотношений. Вместе с тем специфика детства (возраст, зависимость от взрослых, потребность в безопасных условиях развития) сохраняет необходимость в особых механизмах защиты.

Патерналистское вмешательство государства может иметь правовое оправдание, однако ссылка на благо ребенка сама по себе не является достаточным основанием для ограничения его прав или автономии семьи. Такое вмешательство должно опираться на конкретное правовое основание, преследовать определенную защитную цель, быть необходимым и соразмерным, а также учитывать индивидуальные обстоятельства конкретного ребенка. В противном случае защитная функция государства рискует превратиться в постоянный контроль над семейной жизнью.

Концепция развивающейся автономии ребенка позволяет избежать двух крайностей: игнорирования его воли, с одной стороны, и механического переноса взрослой модели автономии на ребенка – с другой. По мере формирования способности несовершеннолетнего понимать последствия собственных решений его мнение должно приобретать всё большее значение при определении мер защиты. Оптимальная правовая модель, таким образом, должна соединять защитную функцию государства с гарантиями учёта мнения ребенка и уважением семейной автономии.

Таким образом, автором обосновывается положение о функциональном характере патернализма: ограничение самостоятельности несовершеннолетнего допустимо не в силу самого факта его возраста, а при наличии конкретной защитной цели и юридически установленного основания. В качестве критериев правомерности предлагается учитывать законность, необходимость, соразмерность, индивидуализацию, развивающуюся способность ребенка к самостоятельному выражению воли и сохранение пространства семейной автономии. Дополнительно обосновывается процедурное понимание принципа наилучших интересов ребенка, при котором его применение предполагает обязательное выяснение позиции несовершеннолетнего и мотивированное сопоставление затрагиваемых прав и интересов.

Литература

1. Аристотель. Политика / пер. с древнегреч. С.А. Жебелева. Москва: АСТ, 2024. 384 с.
2. Локк Дж. Два трактата о правлении / пер. с англ. Е.С. Лагутина. Москва: Академический проект, 2005. 648 с.
3. Кант И. Метафизика нравов / пер. с нем. Н.В. Мотрошиловой. Москва: Мир книги, 2007. 400 с.
4. Кант И. О поговорке: «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Кант И. Сочинения: в 8 т. / под общ. ред. А.В. Гулыги. Москва: Чоро, 1994. Т. 8. С. 158–205.
5. Милль Дж. С. О свободе / пер. с англ. А.Н. Неведомского. Санкт-Петербург: Азбука, 2019. 256 с.
6. Dworkin G. Paternalism // The Monist. 1972. Vol. 56, No. 1. P. 64–84.
7. Летова Н.В. Традиционные семейные ценности как объект защиты государства, их значение в формировании духовно-нравственной основы российского общества // Государство и право. 2024. № 4. С. 159–166.
8. Указ Президента Российской Федерации от 9 нояб. 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/View/0001202211090019 (дата обращения: 20.08.2026).
9. Семья и дети в России: доклад. Москва, 2024/2025. URL: https://files.oprf.ru/storage/documents/doklad-semiya-deti-2024.pdf (дата обращения: 20.08.2026). Текст: электронный.
10. Нечаева А.М. Защита прав ребенка: законодательство и правоприменительная практика // Защита прав ребенка: материалы научно-практической конференции. Москва, 2014. [Необходимо дополнить сведения об издательстве и страницах].
11. Ильина О.Ю. Тенденции изменения Семейного кодекса Российской Федерации и практики его применения // Lex Russica. 2024. Т. 77, № 12 (217). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-izmeneniya-semeynogo-kodeksa-rossiyskoy-federatsii-i-praktiki-ego-primeneniya (дата обращения: 20.08.2026).
12. Международно-правовые аспекты семейного права и защиты прав детей: сборник статей / под ред. А.Е. Тарасовой. Москва: Русайнс, 2020. 165 с. ISBN 978-5-4365-5202-6. URL: https://book.ru/book/936714 (дата обращения: 20.08.2026). Текст: электронный.
13. Федеральный закон от 29 дек. 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1. Ст. 48.
14. Конвенция о правах ребенка: заключена 20 нояб. 1989 г.: вступила в силу для СССР 15 сент. 1990 г. // Сборник международных договоров СССР. Москва, 1993. Вып. XLVI.
15. Комитет ООН по правам ребенка. Общий комментарий № 14 (2013) «Право ребенка на уделение первоочередного внимания его наилучшим интересам»: CRC/C/GC/14. Женева, 2013.
16. Комитет ООН по правам ребенка. Общий комментарий № 12 (2009) «Право ребенка быть услышанным»: CRC/C/GC/12. Женева, 2009.

FORMATION OF PATERNALISTIC AND AUTONOMOUS APPROACHES IN THE LEGAL DOCTRINE OF CHILD PROTECTION

Dikaeva Z.S.
Law Institute

The article examines the evolution of paternalistic and autonomous approaches to child protection in legal philosophy and contemporary legal doctrine. It argues that the transition from viewing the child primarily as an object of guardianship to recognizing the child as a holder of subjective rights does not eliminate the need for special protective mechanisms, but changes the requirements for their legal justification. The relationship between protection, autonomy, family autonomy and public interest in Russian law is examined in light of the Constitution of the Russian Federation, the Family Code, legislation on basic guarantees of children's rights and international standards. The article proposes a theoretical model of legitimate paternalistic intervention based on legality, a legitimate protective purpose, necessity, proportionality, individualization and consideration of the child's views. It concludes that the best interests of the child should not operate as a universal justification for intervention, but as a procedure of individualized assessment requiring the child's participation in determining the content of those interests.

Keywords: paternalism; child autonomy; children's rights; child protection; family autonomy; best interests of the child.

References

1. Aristotle. Politics / translated from Ancient Greek by S.A. Zhebelev. Moscow: AST, 2024. 384 p.
2. Locke, J. Two Treatises of Government / translated from English by E.S. Lagutina. Moscow: Akademicheskiy proekt, 2005. 648 p.
3. Kant, I. The Metaphysics of Morals / translated from German by N.V. Motroshilova. Moscow: Mir knigi, 2007. 400 p.
4. Kant, I. On the Common Saying: This May Be True in Theory, but It Does Not Apply in Practice // Kant, I. Works: in 8 vols. / general editor A.V. Gulyga. Moscow: Choro, 1994. Vol. 8. P. 158–205.
5. Mill, J.S. On Liberty / translated from English by A.N. Nevedomsky. Saint Petersburg: Azbuka, 2019. 256 p.
6. Dworkin, G. Paternalism // The Monist. 1972. Vol. 56, No. 1. P. 64–84.
7. Letova, N.V. Traditional Family Values as an Object of State Protection and Their Significance in Forming the Spiritual and Moral Foundations of Russian Society // State and Law. 2024. No. 4. P. 159–166.
8. Decree of the President of the Russian Federation No. 809 of 9 November 2022 "On Approving the Foundations of the State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values" // Official Internet Portal of Legal Information. Available at: http://publication.pravo.gov.ru/document/View/0001202211090019 (accessed: 20.08.2026).
9. Family and Children in Russia: Report. Moscow, 2024/2025. Available at: https://files.oprf.ru/storage/documents/doklad-semiya-deti-2024.pdf (accessed: 20.08.2026). Text: electronic.
10. Nechaeva, A.M. Protection of the Rights of the Child: Legislation and Law Enforcement Practice // Protection of the Rights of the Child: Proceedings of a Research and Practical Conference. Moscow, 2014 [publisher and page numbers to be specified].
11. Ilina, O. Yu. Trends in the Amendment of the Family Code of the Russian Federation and Its Application in Practice // Lex Russica. 2024. Vol. 77, No. 12 (217). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-izmeneniya-semeynogo-kodeksa-rossiyskoy-federatsii-i-praktiki-ego-primeneniya (accessed: 20.08.2026).
12. International Legal Aspects of Family Law and the Protection of Children's Rights: Collection of Articles / edited by A.E. Tarasova. Moscow: Rusayns, 2020. 165 p. ISBN 978-5-4365-5202-6. Available at: https://book.ru/book/936714 (accessed: 20.08.2026). Text: electronic.
13. Federal Law No. 436-FZ of 29 December 2010 "On Protecting Children from Information Harmful to Their Health and Development" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 1. Art. 48.
14. Convention on the Rights of the Child: concluded on 20 November 1989; entered into force for the USSR on 15 September 1990 // Collection of International Treaties of the USSR. Moscow, 1993. Vol. XLVI.
15. Committee on the Rights of the Child. General Comment No. 14 (2013): The Right of the Child to Have His or Her Best Interests Taken as a Primary Consideration. CRC/C/GC/14. Geneva, 2013.
16. Committee on the Rights of the Child. General Comment No. 12 (2009): The Right of the Child to Be Heard. CRC/C/GC/12. Geneva, 2009.

Междисциплинарная модель подготовки юридических кадров: взаимодействие правовых, исторических, религиоведческих и социально-экономических наук

Какурина Марина Валерьевна,
кандидат исторических наук, Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»
E-mail: kakurin@vmail.ru

Статья посвящена проблеме монодисциплинарной модели юридического образования, которая не обеспечивает готовности выпускника к работе с историко-правовым, религиозно-правовым и социально-экономическим контекстом профессиональной деятельности. На основе анализа современных тенденций преподавания юридических дисциплин, историко-риторической традиции судебной защиты и педагогических подходов к безопасности профессионального обучения предложена модель подготовки юридических кадров, в которой смежные дисциплины выступают не декоративным дополнением, а взаимным ограничением компетенции: юрист обязан знать пределы собственной догматики и вовремя привлекать историка, религиоведа или экономиста. Обозначены риски подмены юридической аргументации проповедническим или публицистическим регистром. Сформулированы гипотезы для последующей эмпирической проверки в вузах юридического профиля.

Ключевые слова: юридическое образование; подготовка юридических кадров; междисциплинарность; историко-правовая наука; правовая культура.

Введение

Юрист сегодня редко работает с «чистой» нормой. Она погружена в историческую традицию, конфессиональный контекст, экономическую конъюнктуру. Отраслевая подготовка отвечает на вопрос «что применить». Она молчит о другом – почему норма выглядит именно так и где кончается компетенция юриста, а начинается компетенция историка, религиоведа, экономиста. Разрыв между теорией и практикой, слабая историко-правовая память выпускника, неумение прочитать религиозно-правовой подтекст судебного спора, социально-экономический фон правоприменения – всё это не отдельные недочёты программ. Это системный симптом монодисциплинарной модели образования.

Зарубежный опыт и текущие тенденции преподавания юридических дисциплин при подготовке квалифицированных юристов требуют пересмотра прежней замкнутости учебного плана [1]. Л.Е. Лаптева и В.В. Лапаева, фиксируя систематическое сокращение объёма и качества историко-теоретических дисциплин в российских юридических вузах в пользу «вспомогательных практикумов», квалифицировали эту тенденцию как проявление технологизации культуры, при которой «философские, волевые и эмоциональные основы игнорируются или переносятся в разряд второстепенных» [6]. И.А. Кравец, анализируя книги серии «Emerging Legal Education» (Routledge), показал, что движение к расширению дисциплинарного спектра юридической подготовки характерно не только для российских вузов, но составляет общемировую тенденцию [7]. Отсюда и исходная точка статьи: если преподавание права меняется под влиянием внешних дисциплинарных контуров, модель подготовки кадров должна фиксировать не просто пользу междисциплинарности вообще, а конкретные границы взаимного заимствования компетенций – кто у кого и что заимствует, и до какого предела.

Новизна работы – в попытке описать интеграцию юридических, исторических, религиоведческих и социально-экономических компонентов подготовки иначе, чем сумму курсов. Речь о системе взаимных ограничений: что юрист обязан знать сам, где обязан привлекать смежную экспертизу, какие риски возникают при подмене юридической аргументации иным дисциплинарным регистром – проповедническим, например, или публицистическим.

Материалы и методы исследования

Материал исследования – опубликованные работы о подготовке юридических кадров, историко-риторической традиции судебной защиты и педагогике профессионального обучения, доступные в рамках верифицированного пакета источников. Основной эмпирический ориентир – данные о зарубежном опыте и современных тенденциях преподавания юридических дисциплин при подготовке квалифицированных юристов [1], а также исследования состояния историко-теоретического компонента юридического образования [6; 7].

Методологическую основу исследования составляют три взаимосвязанные процедуры, различающиеся по объёму и характеру привлекаемого материала.

Исходной процедурой выступает историко-правовая реконструкция. Судебная риторика рассматривается здесь не как набор украшений устной речи, а как полноценный элемент профессиональной культуры юриста, в которой ораторский приём выполняет функцию аргумента. Опорой для этой части служат работы А.Ф. Кони [8] и исследования З.В. Баишевой [2; 3; 5].

Далее следует доктринальный анализ подходов к преподаванию юридических дисциплин. Зарубежные модели [1; 7] сопоставляются с отечественными концепциями правовой культуры юриста [9; 10]; при этом задача состоит не в реферировании источников, а в выделении тех позиций, которые расходятся с российской образовательной практикой.

Третья процедура – компаративный синтез. Юридический, религиоведческий и социально-экономический ракурсы соотносятся с единой профессиональной задачей: подготовкой специалистов, умеющих работать с контекстом правовой нормы, а не только с её буквальным текстом.

Необходимо оговорить ограничение избранного подхода. Привлечённый корпус источников не включает эмпирических данных

об учебных планах конкретных вузов, статистики успеваемости и действующих образовательных стандартов. В силу этого выводы статьи носят характер модельных положений и гипотез, а не эмпирически верифицированных закономерностей.

Результаты и обсуждение

Правовая культура юриста не формируется одной догматикой. Догматический анализ нормы отвечает на вопрос «что действует», но не объясняет, почему институт возник именно в этой форме и почему судебная практика той или иной эпохи говорила определённым языком. Историко-правовая традиция задаёт юристу ту дистанцию, с которой видно, что действующая норма – не единственно возможная, а исторически обусловленная конструкция. Слабость этой памяти проявляется прямо в профессиональной речи: юрист, не знающий риторической традиции своей профессии, воспроизводит чужие образцы аргументации без понимания их происхождения и границ применимости.

В.А. Томсинов, исследуя становление юридического образования и юриспруденции в России XVIII столетия, продемонстрировал, что историко-правовой компонент изначально составлял ядро подготовки юриста: без знания генезиса нормы специалист не мог претендовать на профессиональную квалификацию [11]. Л.Е. Лаптева и В.В. Лапаева полтора столетия спустя констатировали обратную тенденцию – вытеснение философии права и истории политико-правовых учений из учебных планов в пользу «практикумов по неюридическим видам деятельности» [6]. Разрыв между историческим стандартом и современной практикой подтверждает, что проблема носит не тактический, а системный характер.

История судебной защиты в России демонстрирует устойчивое соприкосновение юридической риторики с религиозным регистром речи. Ораторский стиль А.Ф. Кони описывается исследователями через категорию проповедничества – то есть через приём, заимствованный из иной, не юридической традиции публичной речи [3]. Сам Кони осознанно соединял нравственное начало уголовного процесса с профессиональной этикой юриста, полагая, что прокурор и адвокат равно несут ответственность за моральное качество своей аргументации [8]. Параллельно фиксируются приёмы привлечения внимания судебной аудитории на материале защитительных речей Ф.Н. Плевако [2], а также сохранение и трансформация этих приёмов в современной защитительной речи [5].

Три этих пласта – исторический адвокатский стиль, конкретная техника привлечения внимания и её современное воплощение – показывают, что риторическая подготовка юриста исторически впитывала религиозно-проповеднический регистр. Именно поэтому современный юрист обязан отличать убеждение по существу дела от эмоционального воздействия проповеднического типа. На этом рубеже обнаруживается методологическая граница: религиоведческий компонент нужен юристу не для перенятия проповеднического тона, а для умения распознавать чужой регистр – как в речи оппонента, так и в собственной аргументации. Е.Г. Багреева, изучая нравственные установки будущих юристов, установила, что к 4–5 курсу у студентов нарастают показатели реактивной агрессивности и невротичности, тогда как навык критического разбора аргументации, включая способность отличить юридический довод от эмоционального приёма, формируется недостаточно [12]. Отсюда практический вывод: выпускник, не прошедший соответствующей подготовки, рискует неосознанно подменять правовое обоснование риторической фигурой, заимствованной из совершенно иного дискурса.

Вместе с тем профессиональное становление юриста протекает не в вакууме, а внутри конкретной институциональной рамки – кадровой политики государства, текущего состояния рынка юридических услуг, экономической конъюнктуры, задающей спрос на те или иные компетенции. Т.И. Низовец, прослеживая эволюцию рынка юридических услуг в России и странах общего права, продемонстрировала, что цифровизация и автоматизация рутинных операций постепенно перестраивают структуру этого спроса: от специалиста всё настоятельнее ожидают не одного лишь знания нормативного текста, но и понимания экономической логики тех отношений, которые этим текстом регулируются [13]. Юрист, не понимающий экономической логики спора или институционального контекста кадровой политики, рискует применить норму формально верно, но практически неэффективно.

Е.В. Алферова, анализируя дилеммы юридического образования в условиях цифровизации, зафиксировала, что технологическая трансформация ставит под вопрос не содержание отдельных курсов, а саму модель подготовки: междисциплинарность перестаёт быть «дополнением» и превращается в структурное требование [14]. Этот вывод подтверждает, что интеграция смежных дисциплин – не локальная методическая инициатива, а ответ на системный вызов.

Из первых трёх пунктов вытекает не список «полезных» дисциплин, а конструкция взаимных ограничений компетенции. Юрист обязан самостоятельно знать: догматику отрасли, базовую историю института, риторические приёмы профессиональной речи. Юрист обязан привлекать смежника: историка – при работе с генезисом нормы, религиоведа – при анализе конфессионального контекста спора, экономиста – при оценке институциональных последствий решения.

Т.В. Чупрякова, исследуя профессиональную культуру юриста в теоретико-правовом измерении, показала, что правовая культура формируется не одной суммой знаний, а способностью осознавать границы своей компетенции и рефлексивно оценивать основания принимаемых решений [9]. Этот вывод прямо корреспондирует с предлагаемой моделью: граница компетенции – не слабость специалиста, а профессиональное требование.

Риск подмены дисциплин возникает там, где юрист начинает выполнять функцию смежной специальности без её методологического аппарата – например, использует проповеднический приём вместо юридического доказывания [3; 5] или экономическую метафору вместо расчёта. Отдельным основанием модели служит педагогическая безопасность самого процесса обучения: исследования психолого-педагогической безопасности в системе профессионального обучения фиксируют необходимость учитывать эмоциональную и психологическую нагрузку на обучающегося при внедрении новых образовательных решений [4]. Применительно к юридическому образованию это означает, что интеграция исторического, религиоведческого и экономического материала должна вводиться поэтапно, а не единовременной перегрузкой учебного плана. В.Л. Кабышев, рассматривая фундаментальную юриспруденцию как стратегическую основу подготовки кадров, подчеркнул, что расширение спектра дисциплин без чёткого разграничения зон ответственности ведёт не к укреплению, а к размыванию профессиональной идентичности юриста [10].Здесь уместно вернуться к исходному наблюдению о зарубежном опыте преподавания юридических дисциплин [1] и результатам сравнительного анализа И.А. Кравца [7]: оно подтверждает, что переход к более широкой модели подготовки – общая тенденция, а не локальная инициатива отдельной программы.

Выводы

Монодисциплинарная модель юридического образования даёт сбой не потому, что смежные знания «полезны вообще», а потому что без них юрист не способен опознать границы собственной компетенции. Историко-правовая традиция объясняет происхождение нормы [6; 8; 11], риторическая традиция судебной защиты – техники профессиональной речи и риск их подмены проповедническим регистром [2; 3; 5], социально-экономический контур – условия применения нормы [13], педагогика профессиональной безопасности – темп и форму внедрения новых образовательных элементов [4]. Совокупность этих контуров и образует предложенную модель взаимных ограничений компетенции.

Ограничения исследования очевидны: привлечённый корпус источников не включает статистических данных, учебных планов или образовательных стандартов конкретных вузов, а потому предложенная модель сохраняет статус теоретической конструкции. Эмпирическая проверка потребует постановки ряда исследовательских вопросов. Так, открытым остаётся вопрос о том, формируют ли курсы с историко-правовым компонентом более устойчивое различение нормы и её исторического обоснования при решении практических задач. Не менее существенно выяснить, способствует ли систематический анализ риторических приёмов судебной защиты развитию у обучающихся навыка распознавания неюридических регистров аргументации в реальном споре. Наконец, требует проверки предположение о том, что поэтапное, а не единовременное введение междисциплинарных модулей позволяет снизить психолого-педагогическую нагрузку на студента без ущерба для содержательной глубины программы [4; 12]. Ответ на каждый из этих вопросов возможен лишь на материале конкретных образовательных программ и составляет задачу дальнейших исследований.

Литература

1. Мухитдинова, Ф.М. Новый этап реформирования подготовки юридических кадров / Ф.М. Мухитдинова // Review of law sciences. – 2017. – Т. 1, № 2. – С. 101–107.

2. Баишева З.В. Приёмы привлечения внимания судебной аудитории (на материале защитительных речей Ф.Н. Плевако) // Правовое государство: теория и практика. – 2012. – № 2 (28). – С. 31–35.

3. Баишева З.В. Проповедничество как особенность ораторского стиля А.Ф. Кони // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2004. – № 10 (35). – С. 29–33.

4. Герасимов М.В. Психолого-педагогическая безопасность в системе профессионального обучения: вызов современности и инновационные решения // Образование и право. – 2025. – № 7. – С. 499–504.

5. Баишева З.В. Ораторские приёмы в современной защитительной речи // Современный учёный. – 2017. – № 4. – С. 278–282.

6. Лаптева Л.Е. Повышение роли философии права в системе высшего юридического образования в свете стратегических задач цивилизационного развития России / Л.Е. Лаптева, В.В. Лапаева // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2024. – Т. 19, № 5. – С. 11–30.

7. Кравец И.А. Юридическое образование в меняющемся мире: публичный дискурс и построение достойного общества // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. – 2022. – № 2. – С. 52–63.

8. Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе // Кони А.Ф. Собрание сочинений: в 8 т. – Москва: Юридическая литература, 1967. – Т. 4. – С. 33–69.

9. Чупрякова Т.В. Профессиональная культура юриста: теоретико-правовое осмысление // Правовое государство: теория и практика. – 2018. – Т. 14, № 1 (51). – С. 80–88.

10. Кабышев С.В. Фундаментальная юриспруденция как стратегическая основа национального правового лидерства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2024. – Т. 15, № 2. – С. 272–289. DOI: 10.21638/spbu14.2024.201.

11. Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии: учебное пособие / В.А. Томсинов. – 2-е изд., доп. – Москва: Зерцало-М, 2012. – 216 с.

12. Багреева Е.Г. Диалоги о нравственной основе будущих юристов // Юридические исследования. – 2024. – № 5. – С. 32–47. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.5.70909.

13. Низовец Т.И. Эволюция рынка юридических услуг в России и странах общего права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 10. – С. 83–95. DOI: 10.17803/2311-5998.2021.86.10.083-095.

14. Алферова Е.В. Дилеммы юридического образования в контексте цифровизации // Право и управление. XXI век. – 2022. – Т. 18, № 2. – С. 14–21. DOI: 10.24833/2073-8420-2022-2-63-14-21.

INTERDISCIPLINARY MODEL OF LEGAL PERSONNEL TRAINING: BOUNDARIES OF MUTUAL COMPETENCE BORROWING

Kakurina M.V.
Rossiyskiy gosudarstvennyy universitet pravosudiya imeni V.M. Lebedeva

The article addresses the problem of the mono-disciplinary model of legal education, which does not ensure a graduate's readiness to work with the historical-legal, religious-legal, and socio-economic context of professional activity. Based on an analysis of current trends in teaching legal disciplines, the historical-rhetorical tradition of court advocacy, and pedagogical approaches to the safety of professional training, a model for legal personnel preparation is proposed in which adjacent disciplines serve not as decorative additions but as mutual competence constraints: a lawyer must know the limits of their own legal dogmatics and must be able to call upon a historian, a religious studies specialist, or an economist in a timely manner. Risks of substituting legal argumentation with homiletic or publicistic registers are identified. Hypotheses for subsequent empirical testing at law schools are formulated.

Keywords: legal education; legal personnel training; interdisciplinarity; historical-legal science; legal culture.

References

1. Mukhitdinova, F. M. (2017). A new stage in reforming the training of legal personnel. Review of Law Sciences, 1(2), 101–107.

2. Baisheva Z.V. Priyomy privlecheniya vnimaniya sudebnoi auditorii (na materiale zashchititel'nykh rechei F.N. Plevako) [Techniques for attracting the court audience's attention (based on F.N. Plevako's defence speeches)]. Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika, 2012, No. 2 (28), Pp. 31–35. (In Russ.)

3. Baisheva Z.V. Propovednichestvo kak osobennost' oratorskogo stilya A.F. Koni [Preaching as a feature of A.F. Koni's oratorical style]. Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2004, No. 10 (35), Pp. 29–33. (In Russ.)

4. Gerasimov M.V. Psikhologo-pedagogicheskaya bezopasnost' v sisteme professional'nogo obucheniya: vyzov sovremennosti i innovatsionnye resheniya [Psycho-pedagogical safety in the vocational training system: a contemporary challenge and innovative solutions]. Obrazovanie i pravo, 2025, No. 7, Pp. 499–504. (In Russ.)

5. Baisheva Z.V. Oratorskie priyomy v sovremennoi zashchititel'noi rechi [Oratorical techniques in the modern defence speech]. Sovremennyi uchyonyi, 2017, No. 4, Pp. 278–282. (In Russ.)

6. Lapteva L.E., Lapaeva V.V. Povyshenie roli filosofii prava v sisteme vysshego yuridicheskogo obrazovaniya v svete strategicheskikh zadach tsivilizatsionnogo razvitiya Rossii [Enhancing the role of philosophy of law in higher legal education in light of strategic civilizational development goals of Russia]. Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk, 2024, Vol. 19, No. 5, Pp. 11–30. (In Russ.)

7. Kravets I.A. Yuridicheskoe obrazovanie v menyayushchemsya mire: publichnyi diskurs i postroenie dostoinogo obshchestva [Legal education in a changing world: public discourse and building a decent society]. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 4: Gosudarstvo i pravo, 2022, No. 2, Pp. 52–63. (In Russ.)

8. Koni A.F. Nravstvennye nachala v ugolovnom protsesse [Moral principles in criminal procedure]. In: Koni A.F. Sobranie sochinenii: v 8 t. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1967, Vol. 4, Pp. 33–69. (In Russ.)

9. Chupryakova T.V. Professional'naya kul'tura yurista: teoretiko-pravovoe osmyslenie [Professional culture of a lawyer: a theoretical-legal perspective]. Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika, 2018, Vol. 14, No. 1 (51), Pp. 80–88. (In Russ.)

10. Kabyshev S.V. Fundamental'naya yurisprudentsiya kak strategicheskaya osnova natsional'nogo pravovogo liderstva [Fundamental jurisprudence as a strategic basis for national legal leadership]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo, 2024, Vol. 15, No. 2, Pp. 272–289. DOI: 10.21638/spbu14.2024.201. (In Russ.)

11. Tomsinov V.A. Yuridicheskoe obrazovanie i yurisprudentsiya v Rossii v XVIII stoletii: uchebnoe posobie [Legal education and jurisprudence in 18th-century Russia: a textbook]. 2nd ed. Moscow, Zertsalo-M Publ., 2012. 216 p. (In Russ.)

12. Bagreeva E.G. Dialogi o nravstvennoi osnove budushchikh yuristov [Dialogues on the moral foundation of future lawyers]. Yuridicheskie issledovaniya, 2024, No. 5, Pp. 32–47. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.5.70909. (In Russ.)

13. Nizovets T.I. Evolyutsiya rynka yuridicheskikh uslug v Rossii i stranakh obshchego prava [Evolution of the legal services market in Russia and common law countries]. Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA), 2021, No. 10, Pp. 83–95. DOI: 10.17803/2311-5998.2021.86.10.083-095. (In Russ.)

14. Alferova E.V. Dilemmy yuridicheskogo obrazovaniya v kontekste tsifrovizatsii [Dilemmas of legal education in the context of digitalization]. Pravo i upravlenie. XXI vek, 2022, Vol. 18, No. 2, Pp. 14–21. DOI: 10.24833/2073-8420-2022-2-63-14-21. (In Russ.)

Эмиссия государственных облигаций в годы СССР: влияние на финансово-правовое регулирование современного рынка государственных заимствований в Российской Федерации

Карпов Кирилл Александрович,
к.ю.н., доцент кафедры финансового права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: Karpov.moscow@gmail.com

Статья посвящена вопросам финансово-правового регулирования эмиссии государственных ценных бумаг как одного из способов финансирования дефицита бюджета государства. Также в работе осуществлен анализ правового регулирования обязательств по облигациям Государственного внутреннего выигрышного займа СССР 1982 года, как одного из ключевых и спорных выпусков в эпоху Советского государства. В работе раскрывается значение государственных заимствований в финансовой политике государства с учетом позиции немецкого ученого, представителя науки финансового права XIX века – Адольфа Вагнера о росте государственного сектора (Закон Адольфа Вагнера). Также автор рассматривает вопросы, связанные с правопреемством Российской Федерации по обязательствам СССР: рассмотрены ключевые нормативные документы, способы конвертации советских ценных бумаг в целевые долговые обязательства современной России и причины приостановки расчетов по ним. Более того, в исследовании осуществлен анализ позиции Конституционного Суда Российской Федерации, которая подчеркивает необходимость поиска баланса между защитой имущественных прав граждан и учетом бюджетных обязательств государства.

Ключевые слова: облигации, СССР, выигрышный заем, Российская Федерация, бюджет, заимствования, Адольф Вагнер, Конституционный Суд Российской Федерации, социальный набор, сбережения.

Введение

В современных реалиях, по мере развития общества и личности, выпуск государственных ценных бумаг выступает ключевым способом наполнения бюджета практически любого государства – это позволяет стране выполнять свои основные функции и решать приоритетные задачи.

Адольф Вагнер, немецкий экономист и специалист в области финансового права XIX века, подчеркивал исключительную значимость расширения операций с государственными финансами для развития страны. В 1892 году ученый сформулировал методику, отражающую эту идею: её основу составлял тезис о неуклонном расширении государственного сектора в экономике и постоянном росте государственных расходов – этот подход позднее получил известность как закон Вагнера. [1].

Материалы и методы исследований

В исследовании использовались различные методы познания: системы, диалектический, историко-правовой, сравнительной-правовой, логический, формально-юридический и логический.

Результаты обсуждения

В СССР широко применяли эмиссию государственных ценных бумаг – за весь период существования государства провели порядка 50 выпусков облигаций. Как верно отмечает Ю.К. Цареградская, значительная часть внутренних займов носила принудительный характер: около 90% заимствований СССР обеспечивалось за счет размещения облигаций среди граждан по подписке [2]. Особый интерес с точки зрения правовых последствий представляет последний выпуск облигаций в истории СССР – он датируется 1982 годом.

Так, 30 декабря 1980 года Совет Министров СССР издал Постановление № 1220 «О выпуске государственного внутреннего выигрышного займа 1982 года» [3] (далее – Постановление № 1220). Этим актом были утверждены Условия государственного внутреннего выигрышного займа 1982года. Согласно этому документу, облигации выпускались сроком на 20 лет – с 1 января 1982 года по 1 января 2002 года с доходностью 3% годовых и предназначались для размещения среди населения. В течение всего срока действия займа допускались продажа и погашение облигаций, однако операции с ними могли проводить исключительно сберегательные кассы. Для реализации Постановления № 1220 Министерство финансов СССР и Госбанк СССР еще в 1981 году подготовили Инструкцию «О порядке размещения сберегательными кассами Государственного внутреннего выигрышного займа 1982 года и выплаты выигрышей по облигациям этого займа» [4]. В ней были закреплены правила обращения с облигациями: порядок их покупки и продажи через сберегательные кассы, учет в контрольных ведомостях, проведение экспертизы ценных бумаг, а также иные условия размещения и погашения.

После распада СССР Российская Федерация подтвердила правопреемство по обязательствам бывшего Союза перед гражданами страны по облигациям займа 1982 года. Постановлением Правительства РФ от 19.02.1992 № 97 «О государственном внутреннем выигрышном займе 1982 года и выпуске российского внутреннего выигрышного займа 1982 года» [5] с 20 февраля 1992 года были приостановлены покупка и продажа облигаций, а также проведение тиражей выигрышей. При этом круг лиц, на которых распространялось приостановление, нормативно не определили. Позднее в 1992 году держателям облигаций предоставили возможность либо продать их Сбербанку России, либо перевести в облигации 1992 года. Гарантии восстановления и сохранения ценности сбережений, вложенных гражданами в государственные ценные бумаги СССР и РСФСР (размещенные на территории РСФСР до 1 января 1992 года), закреплены в Федеральном законе от 10.05.1995 № 73-ФЗ «О восстановлении и защите сбережений граждан Российской Федерации» [6] (далее – ФЗ № 73-ФЗ). Согласно статье 2 этого закона, гарантированные сбережения признаются государственным внутренним долгом России. Величина базовой стоимости необходимого социального набора (464 рубля СССР) установлена Федеральным законом от 04.02.1999 № 21-ФЗ «О базовой стоимо-

сти необходимого социального набора» [7] – эта сумма требовалась для расчетов по облигациям 1982 года. Однако действие нормативного документа неоднократно приостанавливалось. Так, согласно Федеральному закону от 19.12.2016 № 429-ФЗ [8], его вступление в силу отложено до 1 января 2027 года. Заметим, что Федеральный закон от 12.07.1999 № 162-ФЗ «О порядке перевода государственных ценных бумаг СССР и сертификатов Сберегательного банка СССР в целевые долговые обязательства Российской Федерации» [9] относит к гарантированным сбережениям (в рамках ФЗ № 73-ФЗ) облигации Государственного внутреннего выигрышного займа 1982 года, государственные казначейские обязательства СССР и сертификаты Сберегательного банка СССР, приобретённые до 1 января 1992 года.

Процедура перевода этих ценных бумаг в целевые долговые обязательства нашего государства закреплена в Положении, утвержденном Постановлением Правительства РФ от 29.01.2000 № 82 [9]. Однако в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 30.11.2023 № 2041 [10] действие этого Положения приостановлено до 1 января 2027 года. Из-за приостановки закона о базовой стоимости социального набора расчет долговой стоимости целевых долговых обязательств в настоящее время не производится. Отметим, что Конституционный Суд РФ в Определении от 21.12.2000 № 261-О [11] указал, что ФЗ № 73-ФЗ устанавливает механизм восстановления сбережений и управления внутренним долгом с учетом реальных финансовых возможностей государства. При этом порядок перевода сбережений в целевые долговые обязательства, их виды, условия обслуживания и методика определения долговой стоимости должны закрепляться федеральными законами, а управление соответствующим долгом – осуществляться Правительством РФ. В другом документ – Постановлении от 23.12.1997 № 21-П [12] Конституционный Суд нашей страны подчеркнул, что реализация прав отдельных граждан не должна чрезмерно ущемлять интересы общества в целом, особенно в условиях ограниченности бюджетных ресурсов. Баланс между правами кредиторов государства и интересами остальных граждан может быть обеспечен исключительно на уровне федерального законодательства. Кроме того, согласно части 3 статьи 55 Основного закона страны, законодатель вправе ограничивать имущественные права одних лиц ради защиты прав и интересов других. Поскольку оспариваемые нормы нормативного документа о восстановлении сбережений носят именно такой характер, их проверка на финансово-экономическую обоснованность выходит за рамки компетенции Конституционного Суда Российской Федерации.

Выводы

Проведенный нами анализ показывает, что в случае одобрения выплат по облигациям 1982 года объём необходимых выплат превысит 50 трлн рублей, что практически сопоставимо с годовыми расходами федерального бюджета России [13]. Также при реализации таких выплат размер внутреннего государственного долга вырастет ориентировочно втрое: с 21 трлн. рублей [14] до 75 трлн. рублей. Подобное решение чревато резким ростом цен на потребительские товары. Существует риск повторения экономической ситуации, схожей с периодом гиперинфляции и шоковой терапии 1992 года.

Литература

1. Wagner. A. Grundlegung der politischen Ökonomie. Leipzig. 1892. 929 P.
2. Цареградская Ю.К. Правовое регулирование государственного долга России как института в системе финансового права. Дисс… д.ю.н. Москва, 2016. 437 С.
3. Постановление Совмина СССР от 30.12. 1980 г. № 1220 «О выпуске государственного выигрышного займа 1982 года». Собрание законодательства СССР. Т. 59. 379 С.
4. По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. Госбанк СССР и Минфин СССР в процессе мобилизации и использования сбережений населения (ведомственные материалы). Выпуск 13. Москва. 2012. 205 С.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 19.02.1992 года № 97 «О государственном внутреннем выигрышном займе 1982 года и выпуске российского внутреннего выигрышного займа 1982 года». Российская газета. 25 февраля 1992 года.
6. Федеральный закон от 10.05.1995 года № 73-ФЗ «О восстановлении и защите сбережений граждан Российской Федерации». Российская газета. 12 мая 1995 г.
7. Федеральный закон от 4 февраля 1999 года № 21-ФЗ «О базовой стоимости необходимого социального набора». Российская газета. 11 февраля 1999 г.
8. Федеральный закон от 19 декабря 2016 года № 429-ФЗ «О приостановлении действия Федерального закона «О базовой стоимости необходимого социального набора».
9. Постановление Правительства Российской Федерации от 29 января 2000 г. № 82 «Об утверждении Положения о переводе государственных ценных бумаг СССР и сертификатов Сберегательного банка СССР в целевые долговые обязательства Российской Федерации». Российская газета. 3 февраля 2000 г. № 24.
10. Постановление Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2023 года № 2041 «О внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 22 декабря 2016 г. № 1437». СЗ РФ. 4 декабря 2023 г. № 49 (часть IV). Ст. 8786.
11. Определение Конституционного суда Российской Федерации от 21.12.2000 года № 261–0 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Симоненко Алексея Ильича на нарушение его конституционных прав статьями 5, 9, 10, 11, 12 и 13 Федерального закона «О восстановлении и защите сбережений граждан Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
12. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации в Постановлении от 23 декабря 1997 года № 21-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 855 Гражданского кодекса Российской Федерации и части шестой статьи 15 Закона Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации». // СПС КонсультантПлюс.
13. Законопроект № 1258302–7. // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1258302–7 (дата обращения: 08.08.2026).
14. Внутренний долг Российской Федерации // URL: https://www.budget.gov.ru/Бюджет/Государственный-долг (дата обращения: 10.06.2026).

THE ISSUE OF THE GOVERNMENT BONDS DURING THE SOVIET ERA: THE IMPACT ON THE FINANCIAL LEGAL REGULATION OF THE MODERN GOVERNMENT BORROWING MARKET IN THE RUSSIAN FEDERATION

Karpov K.A.
Kutafin Moscow State Law University

The article is devoted to the issues of financial and legal regulation of the issue of government securities as one of the ways to finance the state budget deficit. The paper also analyzes the legal regulation of obligations under the USSR State Domestic Winning Loan bonds of 1982, as one of the key and controversial issues in the era of the Soviet state. The paper reveals the importance of government borrowing in the financial policy of the state, taking into account the position of the German scientist, representative of the science of financial law of the XIX century – Adolf Wagner on the growth of the public sector (the Law of Adolf Wagner). The author also examines issues related to the succession of the Russian Federation under the obligations of the USSR: key regulatory documents, ways to convert Soviet securities into targeted debt obligations of modern Russia and the reasons for suspending settlements on them are considered. Moreover, the study analyzes the position of the Constitutional Court of the Russian Federation, which emphasizes the need to find a balance between protecting the property rights of citizens and taking into account the budgetary obligations of the state.

Keywords: debentures, USSR, winning loan, Russian Federation, budget, borrowing, Adolf Wagner, Constitutional Court of the Russian Federation, social recruitment, savings.

References

1. Wagner. A. Grundlegung der politischen Ökonomie. Leipzig. 1892. 929 P.
2. Tsaregradskaya Yu.K. Legal regulation of Russia's public debt as an institution in the financial law system. Dissertation, Moscow, 2016. 437 p.
3. Resolution of the Council of Ministers of the USSR dated December 30, 1980 No. 1220 "On the issue of the State winning loan of 1982". Collection of legislation of the USSR. Vol. 59. 379 P.
4. According to the pages of the archival funds of the Central Bank of the Russian Federation. The State Bank of the USSR and the Ministry of Finance of the USSR in the process of mobilizing and using the savings of the population (departmental materials). Issue 13. Moscow. 2012. 205 C.
5. Decree of the Government of the Russian Federation dated 02/19/1992 No. 97 "On the State Domestic Winning Loan of 1982 and the issue of the Russian Domestic Winning Loan of 1982". Rossiyskaya gazeta. February 25, 1992.
6. Federal Law No. 73-FZ of 05/10/1995 "On the Restoration and Protection of Savings of Citizens of the Russian Federation". Rossiyskaya gazeta. May 12, 1995
7. Federal Law No. 21-FZ of February 4, 1999 "On the basic cost of the necessary social set". Rossiyskaya gazeta. February 11, 1999
8. Federal Law No. 429-FZ of December 19, 2016 "On the Suspension of the Federal Law "On the Basic Cost of Necessary Social Security".
9. Resolution of the Government of the Russian Federation of January 29, 2000 No. 82 "On Approval of the Regulations on the Transfer of Government Securities of the USSR and Certificates of the Savings Bank of the USSR to the Target Debt Obligations of the Russian Federation". Rossiyskaya gazeta. February 3, 2000 No.
10. Resolution of the Government of the Russian Federation dated November 30, 2023 No. 2041 "On Amendments to Resolution of the Government of the Russian Federa-

tion dated December 22, 2016 No. 1437". Federal Law OF the Russian Federation. December 4, 2023, No. 49 (Part IV). Article 8786.

11. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 12/21/2000 No. 261–0 "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Simonenko Alexei Ilyich for violation of his Constitutional Rights by Articles 5, 9, 10, 11, 12 and 13 of the Federal Law "On the Restoration and Protection of Savings of Citizens of the Russian Federation" // SPS ConsultantPlus.

12. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation in Resolution No. 21-P of December 23, 1997 "On the case of Checking the Constitutionality of Paragraph 2 of Article 855 of the Civil Code of the Russian Federation and Part Six of Article 15 of the Law of the Russian Federation "On the Fundamentals of the Tax System in the Russian Federation". // SPS ConsultantPlus.

13. Bill No. 1258302–7. // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1258302–7 (date of reference: 08/08/2026).

14. Internal debt of the Russian Federation // URL: https://www.budget.gov.ru/Бюджет/State debt (date of issue: 06/10/2026).

Ограничения при открытии промышленных объектов по законодательству Российской Империи XIX века

Ковалева Наталья Витальевна,
доктор юридических наук, главный научный сотрудник
Академии управления МВД России

Предпринята попытка выявить наиболее значимые ограничения, действовавшие при открытии промышленных объектов в Российской Империи XIX века. Показано, что учреждение фабрик, заводов и мануфактур зависело от разрешительного порядка, строительных и санитарных требований, особых территориальных режимов, а также ведомственного контроля за опасными и стратегически значимыми производствами. Отдельное внимание уделено требованиям к размещению промышленных заведений, утверждению строительных планов и правовому статусу лиц, допускаемых к организации отдельных видов производств. Проведено сопоставление дореволюционного регулирования с современными требованиями к созданию и регистрации опасных производственных объектов. Сделан вывод о постепенном переходе от регулирования отдельных предприятий к более общим правилам промышленной безопасности и административного надзора.

Ключевые слова: промышленное законодательство, Российская Империя, фабрики, заводы, разрешительный порядок, Устав о Промышленности, Устав Строительный.

Открытие промышленного объекта в Российской Империи XIX века не относилось к сфере исключительно частного усмотрения предпринимателя. Деятельность фабрик, заводов и мануфактур могла создавать угрозы безопасности населения, ухудшать санитарное состояние городской среды, влиять на порядок землепользования, а также затрагивать оборонные интересы государства и деятельность местной администрации. По данной причине промышленная инициатива допускалась при условии её включения в систему предварительных разрешений и специальных требований. Нормативную основу такого регулирования составляли положения Свода Законов Российской Империи, прежде всего Устава о Промышленности, Устава Строительного и Устава Горного.

Сходная логика во многом сохраняется и в современном российском праве. В зависимости от характеристик промышленного объекта его создание связано с прохождением градостроительных процедур, проверкой проектной документации и соблюдением специальных требований. В отношении опасных производственных объектов дополнительно действует особый режим промышленной безопасности, охватывающий проектирование, строительство и ввод объекта в эксплуатацию [23; 24]

В исследуемый период в качестве общего правила законодатель закреплял разрешительный порядок учреждения промышленных заведений. Согласно Уставу о Промышленности, Губернское Начальство при содействии полиции ведало дозволением на учреждение новых фабрик «по части мануфактур, фабрик и заводов» и должно было сообщать об этом Министерству Финансов с предоставлением определенных статистических сведений [8, ст. 2]. В этой норме заметна характерная черта действовавшей тогда модели: решение принималось на местном уровне, но сведения о нём включались в систему централизованного финансово-промышленного управления.

Учреждение промышленного заведения в губернском или уездном городе, а также в соответствующем округе ставилось в зависимость от разрешения Губернского Начальства. При наличии у просителя права содержать создаваемое заведение и при его согласии соблюдать установленные правила разрешение выдавалось без промедления, а сведения об этом включались в годовые ведомости, направляемые Министру Финансов [9, ст. 69]. Эта конструкция показывает, что законодатель стремился соединить контроль с определённой процедурной предсказуемостью: при наличии права и готовности соблюдать установленные требования администрация не должна была затягивать решение.

Разграничение административно-технического контроля и частноправовых вопросов имело самостоятельное значение для порядка открытия промышленных заведений в исследуемый период. В разъяснениях Правительствующего Сената указывалось, что учреждения, от которых зависело разрешение мануфактуры, фабрики или завода, рассматривали планы проектируемого сооружения лишь с точки зрения их соответствия техническим правилам. Проверка гражданских прав, связанных с владением землёй под сооружаемыми или перестраиваемыми зданиями, в их компетенцию не входила [15, с. 121]. Спор о праве на землю тем самым объективно был отграничен от непосредственного принимаемого административного решения о допустимости строительства промышленного заведения.

Военные и потенциально опасные производства

Более строгий порядок предусматривался для производств, связанных с обороной и повышенной опасностью. Для устройства пороховых заводов требовалось особое разрешение Министра Торговли и Промышленности по соглашению с Министром Внутренних Дел и Военным Министром. Заводы, изготавливавшие взрывчатые вещества, дополнительно нуждались в дозволении Морского Министра [19, ст. 204, 240]. В таких случаях открытие предприятия становилось межведомственным решением, поскольку хозяйственный интерес заявителя соотносился с требованиями внутренней безопасности и военного управления. Такой порядок показывал, что для потенциально опасных производств разрешение на открытие связывалось не только с волей компетентного органа, но и с проверкой безопасности будущего объекта, его размещения и условий последующего функционирования [3, с. 62–66].

При рассмотрении вопроса об устройстве завода взрывчатых веществ проверка имела достаточно подробный характер. Проситель должен был представить план размещения всех заводских построек и указать расстояния до населённых пунктов, других фабрик и заводов, складов, железных и крупных дорог, каналов и судоходных рек. Кроме того, требовались планы отдельных зданий с обозначением приборов, двигателей и паровых котлов, а также систем освещения, отопления и вентиляции. В документах описывались предполагаемые к производству вещества, используемые материалы, последовательность производственных операций и меры защиты работников.

Специальные требования распространялись и на склады, обслуживавшие опасное производство [2, с. 30–34]. Их устройство могло требовать отдельного разрешения и освидетельствования, а место размещения определялось с учётом расстояния до населённых пунктов, фабрик, заводов, дорог и других объектов. Поэтому проверка при открытии предприятия охватывала не только основные производственные здания, но и связанную с ними складскую инфраструктуру.

Стоит сделать акцент, что для такого рода производств действовало также ограничение по кругу лиц, которые могли открывать данные заведения. Например, собственниками, содержателями и управляющими пороховых заводов, а также заводов, производивших взрывчатые вещества, могли быть исключительно русские подданные [20, ст. 241]. Это требование связывало контроль над опасным производством с правовым статусом лица и его принадлежностью к государству. По сведениям энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, пороховое производство было сосредоточено всего на шести заводах, из которых три являлись частными, а три – казёнными; наиболее значительным считался казённый Охтенский завод в Санкт-Петербурге [1, с. 312]. Небольшое число пороховых заводов и особое значение их продукции объясняли более строгие требования к открытию таких предприятий.

Подход, основанный на разграничении опасных производств по уровню риска, сохраняется и в современном законодательстве. Согласно пунктам 2–4 статьи 2 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов», опасные производственные объекты подлежат регистрации в государственном реестре, а в зависимости от уровня потенциальной опасности им присваивается один из четырёх классов. По сравнению с дореволюционным регулированием современная модель более последовательно связывает объём требований с классом опасности объекта.

Территориальные ограничения при размещении производств

Существенное место занимали и территориальные ограничения. Так, в 1840 г. был принят акт «О дозволении иногородним лицам устройства в Войске Донском суконных фабрик и кожевенных заводов», который разрешал иногородним лицам устраивать соответствующие заведения на территории Войска Донского в течение двадцатипятилетнего срока со дня объявления указа. Фабриканты оплачивали наём земли, однако не могли пользоваться земельными преимуществами и угодьями, предоставленными местному войсковому населению [6, с. 936]. Государство допускало размещение производств на особой территории, сохраняя при этом специальный режим войсковых земель.

Специальный порядок предусматривался для строительства фабрик и заводов в Шлиссельбурге. Русские и иностранные подданные обращались с прошением к Министру Финансов и указывали, какие именно фабрики намерены построить, в каком размере, какое количество земли им требуется и какой капитал предполагается использовать. При положительном решении земля передавалась учредителям фабричных заведений в вечное и потомственное владение, однако до возведения зданий её нельзя было продать или переуступить другому лицу [7, с. 615–616]. Такой порядок поощрял промышленное строительство, одновременно препятствуя получению земли без реального намерения создать производство. Предприниматель приобретал устойчивое основание владения, но распоряжение участком ограничивалось до фактического строительства фабричных строений.

Особая процедура разрешения в отношении промышленных заведений применялась в Санкт-Петербурге. Если предприятие входило в перечень фабрик и заводов, разрешение на устройство которых не относилось к компетенции городских общественных управлений, такое разрешение выдавал Санкт-Петербургский Градоначальник [14, с. 115–117]. После этого Градоначальник обращался к Министру Финансов, а ходатайство передавалось на предварительное обсуждение Совета Торговли и Мануфактур [10, ст. 71]. В Санкт-Петербурге порядок получения разрешения был более сложным, чем в губерниях. Это объяснялось административным значением города, плотностью застройки и повышенными требованиями к публичной безопасности.

Ограничения по проектированию и строительству фабрик и заводов

Относительно самостоятельную группу составляли строительные ограничения. Согласно ст. 167 Устава Строительного планы фабричных и заводских промышленных строений рассматривали и утверждали местные Строительные Отделения Губернских Правлений в уездах и городах. Исключение составляли территории, где не было введено Городовое Положение. Это правило применялось, если на стенах заведения предполагалось разместить что-то значительно тяжелое, если помещения имели своды или более одного этажа, а также при перестройке существующих зданий под размещение тяжёлого оборудования [13, ст. 167]. Данное правило было рассчитано на ситуации, когда конструктивные особенности здания могли создать потенциальный риск для работников, соседних строений, имущества и городской среды.

Строительные требования касались также устройства лестниц и выходов. В каменных фабричных и заводских зданиях, за исключением винокуренных, лестницы предписывалось изготавливать из несгораемых материалов: камня, кирпича, чугуна или железа [4, с. 94–102]. Если здание имело более одного этажа и превышало двенадцать саженей в длину по фасаду, в нём должно было быть не менее двух лестниц. Их разрешалось размещать как внутри здания, так и в боковых или торцевых пристройках. Из указанного порядка исключались ветряные мельницы и ремесленные заведения.

Различие в правовом режиме зависело от технической сложности объекта и степени возможного риска. Крупные фабрично-заводские здания требовали предварительной проверки планов, тогда как более простые сооружения не обременялись аналогичной процедурой. Министр Внутренних Дел рекомендовал рассматривать представленные на утверждение проекты фабричных и заводских строений своевременно, без необоснованного промедления и не позднее одного месяца [17, с. 128, 138]. Административный контроль выступал в том числе и способом упорядочить процедуру рассмотрения строительной документации.

В округах казённых горных заводов обычного разрешения было недостаточно. Мануфактуры, фабрики и другие промышленные заведения можно было открывать только после согласования с органами горного управления и при соблюдении требований Устава Горного [11, ст. 74]. Такое правило было связано со спецификой горнозаводских территорий, где обычное промышленное строительство должно было соотноситься с интересами казённого горного хозяйства. Стоит отметить, что горное законодательство изучаемого периода при этом сохраняло пространство для частной инициативы. Каждый полный владелец земли мог самостоятельно реализовать право искать руду либо передать это право другому лицу, а затем основать завод для обработки найденной руды [12, ст. 195]. В горных округах частная инициатива допускалась, но её реализация подчинялась специальному порядку, установленному для казённых горных заводов.

Санитарно-эпидемиологические ограничения

Наиболее заметно ограничения проявлялись в санитарно-гигиенической сфере. Губернской администрации при выдаче разрешений на открытие фабрик, заводов и промышленных заведений, при отсутствии прямо установленных законом правил, необходимо было оценивать, насколько предполагаемое заведение по роду деятельности и местным условиям безопасно в гигиеническом отношении. При разрешении устройства фабрик и заводов в городах требовалось заботиться о чистоте воздуха и воды в ближайших местностях [16, с. 119–120].

Промышленные заведения, открываемые в городах с разрешения властей, делились на безвредные и вредные, последние подразделялись на два вида. К первому относились производства, запрещённые к открытию в городах, включая пороховые заводы, капсюльные заведения, а также заведения, портящие воздух и воду; их запрещалось строить в городах и выше городов по течению рек и протоков. Ко второму относились прочие заведения с техническими устройствами, обезвреживающими их воздействие на окружающую среду [16, с. 119–120]. Это деление позволяло соотносить правовой режим промышленного объекта со степенью его вредности и возможностью технически устранить опасные последствия. В отношении опасных производств такая логика проявлялась через сочетание разрешительного порядка с техническими требованиями к размещению, устройству зданий, оборудованию и мерам предупреждения вреда [4, с. 94–102].

Отдельные виды производств подчинялись специальным требованиям. Для кожевенных заводов предусматривался комплекс условий, направленных на предупреждение санитарной опасности [5; 18,

с. 132–133; 21, с. 150]. Деятельность кожевенного производства регулировалась на основе специфики такого рода производств и с учетом, прежде всего, санитарных рисков, связанных с отходами, запахами, загрязнением воды и дополнительной нагрузкой на городскую среду.

Стоит отметить, что уже к началу XX века порядок открытия промышленных заведений стал во многом более формализованным, чем в XIX веке. Так, в законодательстве появились правила получения разрешения и специальные формы документов, необходимых для открытия промышленных заведений [18, с. 132–133; 22, с. 153–156]. Регламентация процедуры открытия промышленного объекта затронула состав сведений, требуемых от просителя, что в определенной мере облегчало проверку со стороны властей и снижало неопределённость в реализации установленного административного порядка.

Таким образом, ограничения при открытии промышленных объектов в Российской Империи XIX века сформировали разветвлённую систему. Так, в обычных случаях решающее значение имело разрешение Губернского Начальства. В Санкт-Петербурге процедура усложнялась участием Градоначальника, Министра Финансов и Совета Торговли и Мануфактур, на территориях казённых горных заводов требовалось разрешение органов горного управления, а для опасных производств вводились межведомственные согласования и ограничения в отношении лиц, которым разрешалось владеть такими предприятиями и управлять ими.

Перечисленные ограничения обеспечивали безопасность населения, охрану воздуха и воды в городах, защиту стратегических интересов государства, предупреждение злоупотреблений при получении земель под фабрики и заводы, а также сбор сведений о развитии промышленности. Законодательство Российской Империи постепенно переходило от регулирования отдельных предприятий и территорий к унифицированным правилам, рассчитанным на неопределённый круг лиц, которые организуют промышленные объекты. Историко-правовое значение данной модели состоит в постепенном оформлении публично-правовых начал промышленной безопасности. Чем выше была опасность производства, тем строже становились требования к разрешению, месту размещения, субъектному составу, строительным планам и санитарным условиям. Российское промышленное законодательство XIX века формировало порядок открытия фабрик и заводов вместе с формированием административного контроля за хозяйственной инициативой.

Вводимые в изучаемый период ограничения носили объективный характер, были направлены на минимизацию неблагоприятных последствий и заложили основу для регламентации отношений в данной сфере на современном этапе, когда несоблюдение установленных требований может повлечь за собой катастрофические последствия. В этой связи данная тематика должна стать предметом дальнейших исследований с целью совершенствования действующего законодательства и выработки оптимальной модели регламентации столь сложных общественных отношений.

Литература

1. Брокгауз Ф. А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. XX-VIIa. СПб., 1899. С. 312. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Порох (дата обращения: 10.08.2026).
2. Ковалева, Н.В. Организация, размещение и функционирование промышленных складов по законодательству Российской империи XIX – начала XX веков / Н.В. Ковалева // История государства и права. – 2011. – № 3. – С. 30–34. – EDN NTLKJR.
3. Ковалева, Н.В. Регламентация открытия потенциально опасных производств по законодательству Российской империи XIX – начала XX веков / Н.В. Ковалева // Вестник Костромского государственного технологического университета. Государство и право: вопросы теории и практики (Серия «Юридические науки»). – 2012. – № 1(2). – С. 62–66. – EDN RVRUTF.
4. Ковалева, Н.В. Технико-юридическое регулирование опасных производств в Российской империи (XIX – начало XX в.) / Н.В. Ковалева // Журнал российского права. – 2011. – № 3(171). – С. 94–102. – EDN NDOQIF.
5. О кожах, какие следует принимать на ранцы // Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание Второе. Т. V. № 3897. СПб., 1831. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/ (дата обращения: 10.08.2026).
6. О дозволении иногородним лицам устройства в Войске Донском суконных фабрик и кожевенных заводов // Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание Второе. Т. XIV. № 12988. СПб., 1840. С. 936. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/ (дата обращения: 10.08.2026).
7. Об устройстве в Шлиссельбурге фабрик и заводов // Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание Второе. Т. XV. № 13815. СПб., 1841. С. 615–616. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/ (дата обращения: 10.08.2026).
8. Устав о Промышленности // Свод Законов Российской Империи. Т. XI. Ч. II. СПб., 1887. Ст. 2. URL: https://civil.consultant.ru/reprint/books/250/ (дата обращения: 10.08.2026).
9. Устав о Промышленности // Свод Законов Российской Империи. Т. XI. Ч. II. СПб., 1887. Ст. 69. URL: https://civil.consultant.ru/reprint/books/250/ (дата обращения: 10.08.2026).
10. Устав о Промышленности // Свод Законов Российской Империи. Т. XI. Ч. II. СПб., 1887. Ст. 71. URL: https://civil.consultant.ru/reprint/books/250/ (дата обращения: 10.08.2026).
11. Устав о Промышленности // Свод Законов Российской Империи. Т. XI. Ч. II. СПб., 1887. Ст. 74. URL: https://civil.consultant.ru/reprint/books/250/ (дата обращения: 10.08.2026).
12. Устав Горный // Свод Законов Российской Империи. Т. VII. СПб., 1893. Ст. 195. URL: https://civil.consultant.ru/reprint/books/196/ (дата обращения: 10.08.2026).
13. Устав Строительный // Свод Законов Российской Империи. Т. XII. Ч. I. СПб., 1900. Ст. 167. URL: https://civil.consultant.ru/reprint/books/244/ (дата обращения: 10.08.2026).
14. Устав Строительный // Свод Законов Российской Империи. Т. XII. Ч. I. М., 1908. С. 115–117. URL: https://civil.consultant.ru/reprint/books/244/ (дата обращения: 10.08.2026).
15. Устав Строительный // Свод Законов Российской Империи. Т. XII. Ч. I. М., 1908. С. 121. URL: https://civil.consultant.ru/reprint/books/244/ (дата обращения: 10.08.2026).
16. Устав Строительный. Указ. изд. М., 1908. С. 119–120. URL: https://civil.consultant.ru/reprint/books/244/ (дата обращения: 10.08.2026).
17. Устав Строительный. Указ. изд. М., 1908. С. 128, 138. URL: https://civil.consultant.ru/reprint/books/244/ (дата обращения: 10.08.2026).
18. Устав Строительный. Указ. изд. СПб., 1908. С. 132–133. URL: https://civil.consultant.ru/reprint/books/244/ (дата обращения: 10.08.2026).
19. Устав о Промышленности Фабрично-Заводской и Ремесленной // Свод Законов Российской Империи. Т. XI. Ч. 2. СПб., 1913. Ст. 204, 240. URL: https://civil.consultant.ru/reprint/books/250/ (дата обращения: 10.08.2026).
20. Устав о Промышленности Фабрично-Заводской и Ремесленной // Свод Законов Российской Империи. Т. XI. Ч. 2. СПб., 1913. Ст. 241. URL: https://civil.consultant.ru/reprint/books/250/ (дата обращения: 10.08.2026).
21. Устав Строительный. Указ. изд. СПб., 1913. С. 150. URL: https://civil.consultant.ru/reprint/books/244/ (дата обращения: 10.08.2026).
22. Устав Строительный. Указ. изд. СПб., 1913. С. 153–156. URL: https://civil.consultant.ru/reprint/books/244/ (дата обращения: 10.08.2026).
23. Федеральный закон от 21.07.1997 № 116-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.08.2026).
24. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 23.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2026) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.08.2026).

RESTRICTIONS ON THE ESTABLISHMENT OF INDUSTRIAL FACILITIES UNDER THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE NINETEENTH CENTURY

Kovalyova N.V.
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article seeks to identify the most significant restrictions governing the establishment of industrial facilities in the Russian Empire in the nineteenth century. It demonstrates that the establishment of factories, plants, and manufactories was subject to an authorization procedure, construction and sanitary requirements, special territorial regimes, and departmental supervision over hazardous and strategically important industries. Particular attention is paid to the requirements governing the location of industrial establishments, the approval of construction plans, and the legal status of persons permitted to organize certain types of production. The article compares pre-revolutionary regulation with contemporary requirements for the establishment and registration of hazardous production facilities. It concludes that regulation gradually shifted from rules applicable to individual enterprises toward more general provisions on industrial safety and administrative supervision.

Keywords: industrial legislation, Russian Empire, factories, plants, authorization procedure, Statute on Industry, Construction Statute.

References

1. Brockhaus F. A., Efron I.A. Encyclopedic Dictionary. Vol. XXVIIa. St. Petersburg, 1899. P. 312. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Порох (accessed: 10.08.2026).
2. Kovaleva N.V. Organization, Location and Functioning of Industrial Warehouses under the Legislation of the Russian Empire in the 19th – Early 20th Centuries / N.V. Kovaleva // History of State and Law. – 2011. – No. 3. – P. 30–34. – EDN NTLKJR.
3. Kovaleva N.V. Regulation of the Establishment of Hazardous Industrial Facilities under the Legislation of the Russian Empire in the 19th – Early 20th Centuries / N.V. Kovaleva // Bulletin of Kostroma State Technological University. State and Law: Theory and Practice (Legal Sciences Series). – 2012. – No. 1(2). – P. 62–66. – EDN RVRUTF.
4. Kovaleva N.V. Technical and Legal Regulation of Hazardous Industrial Facilities in the Russian Empire (19th – Early 20th Century) / N.V. Kovaleva // Journal of Russian Law. – 2011. – No. 3(171). – P. 94–102. – EDN NDOQIF.
5. On Hides to Be Accepted for Knapsacks // Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. Vol. V. No. 3897. St. Petersburg, 1831. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/ (accessed: 10.08.2026).
6. On Permitting Non-Resident Persons to Establish Cloth Factories and Tanneries in the Don Host Region // Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. Vol. XIV. No. 12988. St. Petersburg, 1840. P. 936. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/ (accessed: 10.08.2026).
7. On the Establishment of Factories and Plants in Shlisselburg // Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. Vol. XV. No. 13815. St. Petersburg, 1841. P. 615–616. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/ (accessed: 10.08.2026).
8. Statute on Industry // Digest of Laws of the Russian Empire. Vol. XI. Part II. St. Petersburg, 1887. Art. 2. URL: https://civil.consultant.ru/reprint/books/250/ (accessed: 10.08.2026).
9. Statute on Industry // Digest of Laws of the Russian Empire. Vol. XI. Part II. St. Petersburg, 1887. Art. 69. URL: https://civil.consultant.ru/reprint/books/250/ (accessed: 10.08.2026).
10. Statute on Industry // Digest of Laws of the Russian Empire. Vol. XI. Part II. St. Petersburg, 1887. Art. 71. URL: https://civil.consultant.ru/reprint/books/250/ (accessed: 10.08.2026).
11. Statute on Industry // Digest of Laws of the Russian Empire. Vol. XI. Part II. St. Petersburg, 1887. Art. 74. URL: https://civil.consultant.ru/reprint/books/250/ (accessed: 10.08.2026).
12. Mining Statute // Digest of Laws of the Russian Empire. Vol. VII. St. Petersburg, 1893. Art. 195. URL: https://civil.consultant.ru/reprint/books/196/ (accessed: 10.08.2026).
13. Construction Statute // Digest of Laws of the Russian Empire. Vol. XII. Part I. St. Petersburg, 1900. Art. 167. URL: https://civil.consultant.ru/reprint/books/244/ (accessed: 10.08.2026).
14. Construction Statute // Digest of Laws of the Russian Empire. Vol. XII. Part I. Moscow, 1908. P. 115–117. URL: https://civil.consultant.ru/reprint/books/244/ (accessed: 10.08.2026).
15. Construction Statute // Digest of Laws of the Russian Empire. Vol. XII. Part I. Moscow, 1908. P. 121. URL: https://civil.consultant.ru/reprint/books/244/ (accessed: 10.08.2026).
16. Construction Statute. Moscow, 1908. P. 119–120. URL: https://civil.consultant.ru/reprint/books/244/ (accessed: 10.08.2026).
17. Construction Statute. Moscow, 1908. P. 128, 138. URL: https://civil.consultant.ru/reprint/books/244/ (accessed: 10.08.2026).
18. Construction Statute. St. Petersburg, 1908. P. 132–133. URL: https://civil.consultant.ru/reprint/books/244/ (accessed: 10.08.2026).
19. Statute on Factory, Industrial and Handicraft Industry // Digest of Laws of the Russian Empire. Vol. XI. Part 2. St. Petersburg, 1913. Arts. 204, 240. URL: https://civil.consultant.ru/reprint/books/250/ (accessed: 10.08.2026).
20. Statute on Factory, Industrial and Handicraft Industry // Digest of Laws of the Russian Empire. Vol. XI. Part 2. St. Petersburg, 1913. Art. 241. URL: https://civil.consultant.ru/reprint/books/250/ (accessed: 10.08.2026).
21. Construction Statute. St. Petersburg, 1913. P. 150. URL: https://civil.consultant.ru/reprint/books/244/ (accessed: 10.08.2026).
22. Construction Statute. St. Petersburg, 1913. P. 153–156. URL: https://civil.consultant.ru/reprint/books/244/ (accessed: 10.08.2026).
23. Federal Law No. 116-FZ of 21 July 1997 (as amended on 08 August 2024) On Industrial Safety of Hazardous Production Facilities // ConsultantPlus Legal Information System. URL: https://www.consultant.ru/ (accessed: 10.08.2026).
24. Urban Planning Code of the Russian Federation No. 190-FZ of 29 December 2004 (as amended on 23 March 2026) // ConsultantPlus Legal Information System. URL: https://www.consultant.ru/ (accessed: 10.08.2026).

Реструктуризация долгов юридического лица как новационная реабилитационная процедура, применяемая в деле о банкротстве

Малыгин Владимир Платонович,
аспирант, АНО ВО «Российский новый университет»

Длительное доминирование ликвидационного уклона в российской практике несостоятельности, при котором доля реабилитационных процедур стабильно не превышала одного процента от общего числа корпоративных банкротств, обнажило системный кризис традиционных институтов восстановления платежеспособности. Законодательный отказ от архаичной конструкции внешнего управления в пользу единой процедуры реструктуризации долгов юридического лица отражает смену парадигмы конкурсного права и переход к модели с сохранением контроля за должником. Цель исследования заключается в анализе реструктуризации долгов как новационной процедуры в деле о банкротстве, изучении ее процессуальной архитектуры, выработке рекомендаций по усовершенствованию законодательного регулирования. В фокусе внимания находится коллизия между сохранением полномочий действующего менеджмента и риском использования санационного режима недобросовестными собственниками в качестве фиктивного моратория для вывода активов. Одновременно с этим исследуются противоречия института «нового финансирования» и сложность доказывания гипотетической стоимости ликвидационной массы при проверке соблюдения правила наилучшего интереса кредиторов. Резюмировано, что консолидация санационного потенциала способна снизить стимулы руководства к сокрытию признаков неплатежеспособности; при этом судебный контроль должен фокусироваться на оценке экономической исполнимости плана, а не на формальной проверке законности решений. Новизна работы выражена в формулировании четырех практических рекомендаций: закреплении теста платежеспособности с независимой финансовой экспертизой для бизнеса с активами свыше одного миллиарда рублей; введении специальной аккредитации для антикризисных управляющих; создании ускоренного порядка досудебной гомологации соглашений для среднего и малого бизнеса; установлении процессуальной гарантии для миноритарных кредиторов в форме резервного фонда или банковской гарантии в размере не менее пятнадцати процентов от суммы требований несогласных взыскателей.

Ключевые слова: антикризисный управляющий, баланс интересов, дело о банкротстве, конкурсное право, несостоятельность юридических лиц, новое финансирование, правило наилучшего интереса, превентивная санация, реабилитационные процедуры, реструктуризация долгов.

Введение

Институт несостоятельности в современной экономико-правовой реальности выполняет двойственную функцию. Благодаря ему обеспечивается равновесие между имущественными требованиями кредиторов и сохранением хозяйственной правоспособности добросовестного должника. С одной стороны, конкурсное право выступает в качестве механизма справедливого распределения активов неплатежеспособного субъекта при их объективной недостаточности. С другой, законодательство призвано предоставлять действенные правовые инструменты для преодоления временных финансовых трудностей предприятий, которые столкнулись с макроэкономической турбулентностью либо с ситуативными кассовыми разрывами [1, 7, 11].

По существу, отечественный правопорядок на протяжении нескольких десятилетий характеризовался выраженной ликвидационной направленностью. Процедуры внешнего управления и финансового оздоровления, предусмотренные Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», носили, в основном, декларативный характер. Они не обеспечивали восстановления платежеспособности в масштабах национальной экономики. Вследствие этого отметим, что традиционная модель корпоративной санации исчерпала свой регулятивный потенциал.

Осознание системного кризиса восстановительных институтов предопределило необходимость пересмотра законодательства. Многолетняя доктринальная и законопроектная дискуссия, которая была инициирована с проектом Федерального закона № 1172553–7 «О внесении изменений в Федеральный закон „О несостоятельности (банкротстве)“», привела к переосмыслению концептуальных основ реабилитационных процедур в 2026 г. Примечательно, что в рамках современного подхода следует отказ от архаичной конструкции внешнего управления. И предлагается ее замена на единую санационную меру – реструктуризацию долгов юридического лица [10]. В сопоставлении с более ранними подходами законодатель ориентируется на гибкую модель; она близка к концепции сохранения контроля за должником. При такой схеме руководство хозяйственной деятельностью остается за действующим менеджментом предприятия под надзором утвержденного судом антикризисного управляющего.

В данной статье автор нацелен на решение нескольких научно-практических задач. В первую очередь, требуется оценить актуальные показатели результативности прежних восстановительных инструментов, выявив ключевые детерминанты их неэффективности. Далее нужно раскрыть доктринальную природу, материально-правовую сущность, процессуальную архитектуру новой процедуры. Наконец, важно обозначить потенциальные риски правоприменения и сформулировать авторские рекомендации, которые будут ориентированы на усовершенствование нормативно-правового регулирования.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу работы составляет совокупность общенаучных и частнонаучных методов познания. Автором применяются формально-юридический анализ, сравнительно-правовой, системно-структурный подход, контент-анализ научных источников, эмпирическая оценка статистических сводок Единого федерального реестра сведений о банкротстве (ЕФРСБ, Федресурс). Формулировка выводов базируется на синтезе и обобщении.

Результаты и обсуждение

Изучение причин введения реструктуризации долгов требует обращения к официальной судебной статистике. Анализ сведений ЕФРСБ показывает, что доля процедур, которые направлены на спасение бизнеса, на протяжении последнего десятилетия оставалась статистически малозначимой. В отличие от предыдущих подходов, когда законодатель пытался стимулировать применение внешнего управления точечными поправками, арбитражная практика неуклонно отдавала предпочтение ликвидационному конкурсному производству [9].

По итогам 2025 г. и первого полугодия 2026 г. в России наблюдалась тенденция к снижению общего количества корпоративных банкротств. И это объясняется адаптацией хозяйствующих субъектов к из-

менившимся экономическим условиям, развитием досудебных практик урегулирования задолженности [9]. Между тем, даже сокращение общего числа открытых дел о несостоятельности не привело к росту востребованности судебных восстановительных мер. Совокупное количество введенных процедур финансового оздоровления и внешнего управления составило менее одного процента от общего числа дел по банкротству. По-видимому, участники гражданского оборота утратили доверие к классическим механизмам корпоративной санации.

В целях наглядного представления указанной диспропорции обратимся к сопоставительным показателям, отраженным в таблице 1.

Таблица 1. Сравнительная динамика применения ликвидационных и реабилитационных процедур в банкротстве юридических лиц (по итогам 2024–2025 гг.) (составлено на основе [9])

Исследуемый показатель	2024 г.	2025 г.	Трендовая динамика
Общее число открытых конкурсных производств	7 906	6 477	Сокращение корпоративных ликвидаций на 18,1%
Введенные наблюдения	6 212	5 268	Снижение числа вступительных процедур на 15,2%
Введенные процедуры внешнего управления	69	51	Сокращение применения института на 26,1%
Введенные процедуры финансового оздоровления	12	8	Практическое отмирание процедуры в судебной практике
Совокупная доля реабилитационных процедур (%)	0,95%	0,91%	Стабильно низкий уровень (менее 1% от всех дел)
Доля дел с нулевым результатом инвентаризации (%)	44,5%	47,1%	Увеличение количества компаний с отсутствием активов

Приведенные показатели указывают на институциональную стагнацию прежней правовой модели. Подчеркнем, что кредиторы рассматривали внешнее управление, главным образом, как инструмент необоснованного затягивания ликвидационных расчетов. Видимо, императивное отстранение генерального директора и передача всех управленческих полномочий внешнему управляющему формировали конфликтную среду, отпугивая собственников бизнеса от своевременного обращения в арбитражный суд [8]. Руководители должника склонны откладывать подачу заявления о несостоятельности до наступления стадии необратимого имущественного истощения. Разумно предположить, что именно этот фактор предопределил необходимость полного отказа от традиционного дуализма восстановительных процедур и перехода к единой модели реструктуризации долгов.

Благодаря реформированию законодательства о несостоятельности изменяются концептуальные основы корпоративной санации. В сопоставлении с более ранними подходами законодатель отказывается от искусственного разделения восстановительного процесса на финансовое оздоровление и внешнее управление, консолидировав реабилитационный потенциал в рамках единой процедуры – реструктуризации долгов юридического лица. По существу, нововведение определяется как режим, который вводится арбитражным судом в целях восстановления платежеспособности должника и сохранения его деятельности на основе плана, утвержденного собранием кредиторов и судом [2].

Одновременно с этим законодатель устраняет обязательность предварительного прохождения стадии наблюдения. Реструктуризация долгов может быть введена арбитражным судом в качестве первой процедуры в деле о банкротстве по заявлению самого должника или конкурсного кредитора [3]. Описываемый процессуальный маневр помогает свести к минимуму временны́е и финансовые издержки, которые неизбежно возникают при длительном наблюдении, и предотвратить разрушение деловых связей предприятия. Подытожим, что российское конкурсное право сближается с современными международными стандартами превентивной реструктуризации.

Ключевой новацией реформы становится изменение структуры управления компанией. Прежний нормативный подход базировался на презумпции недобросовестности исполнительных органов должника. Это требовало их отстранения при введении внешнего управления. В новом механизме управленческие полномочия сохраняются за действующим руководством организации. Для контроля за деятельностью менеджмента суд утверждает антикризисного управляющего. Он осуществляет надзорные функции, анализирует финансовое состояние субъекта хозяйствования, согласует совершение экстраординарных сделок. Однако он не подменяет собой генерального директора [10].

Для того, чтобы показать доктринальную новизну введенного института, целесообразно сопоставить его характеристики с ранее действовавшими процедурами, что отражено в таблице 2.

Таблица 2. Сопоставление традиционных реабилитационных процедур и института реструктуризации долгов юридического лица (составлено на основе [1, 4, 6, 7, 11])

Критерий	Финансовое оздоровление	Внешнее управление	Реструктуризация долгов юридического лица (реформа)
Модель управления предприятием	Сохранение полномочий руководителя под административным надзором	Полное отстранение менеджмента; переход полномочий к управляющему	Сохранение управления за менеджментом. Контроль антикризисного управляющего
Возможность введения минуя наблюдение	Не предусмотрена законом		Допускается в качестве первой процедуры в деле о банкротстве
Экономический критерий завершения	Погашение 100% требований реестра согласно графику	Восстановление платежеспособности в рамках утвержденного плана	Исполнение плана, в котором предусматривается погашение части долга в установленные сроки
Срок представления плана	Одновременно с ходатайством о введении процедуры	Не позднее одного месяца с даты назначения управляющего	Не позднее четырех месяцев с даты введения процедуры
Правовой статус сделок санации	Отсутствует специальная защита от последующего оспаривания		Защита сделок, совершенных во исполнение плана, от подозрительности

Как представляется, законодатель стремится установить разумный баланс между свободой санационного усмотрения и защитой имущественных прав кредиторов. Согласно новым подходам, должник обязан представить проект плана реструктуризации в течение четырех месяцев с даты введения процедуры [2]. Впрочем, если экономически обоснованный проект не будет своевременно разработан и представлен собранию кредиторов, арбитражный суд по ходатайству антикризисного управляющего или взыскателей прекращает реабилитационную процедуру и переходит к ликвидационному конкурсному производству.

Невзирая на очевидную прогрессивность нового правового регулирования, введение института реструктуризации долгов юридического лица сопряжено с существенными рисками судебного правоприменения. Так, суть основной угрозы состоит в вероятном использовании новой процедуры недобросовестными собственниками в качестве фиктивного моратория на удовлетворение требований кредиторов. Возможность сохранения управления предприятием без прохождения предварительного наблюдения создает риск сокрытия ликвидных активов либо вывода оставшегося имущества под прикрытием декларативных намерений о санации [8].

В связи с этим отметим определяющую роль судебного контроля на стадии утверждения плана реструктуризации. Арбитражный суд не должен ограничиваться формальной проверкой законности решения собрания кредиторов. Суд обязан оценивать экономическую исполнимость предложенной модели восстановления платежеспособности, чтобы исключить утверждение заведомо нереалистичных планов, которые направлены на затягивание процесса [5]. В отличие от предыдущих подходов, законодательство требует проверки соблюдения правила наилучшего интереса кредиторов. Данной нормой суду предписывается отказывать в утверждении плана, если несогласный миноритарный кредитор докажет, что при немедленном переходе к конкурсному производству он получил бы большее имущественное удовлетворение, чем при реализации санационной схемы.

Предположительно, серьезные процессуальные споры будут возникать вокруг применения механизма нового финансирования. Для стимулирования кредитных организаций к поддержке проблемных предприятий законодатель устанавливает приоритетный статус требований лиц, предоставивших средства для реализации плана реструктуризации. В случае срыва санации и перехода к ликвидации такие требования подлежат удовлетворению преимущественно перед реестровыми кредиторами третьей очереди. Разумно предположить, что

из-за указанной привилегии создастся напряженность между банками, способными предоставить дополнительные кредитные ресурсы, и обычными поставщиками, которые не имеют такой возможности и рискуют оказаться в конце очередности взыскания.

С целью обеспечения правовой определенности и сглаживания рисков злоупотребления процедурой реструктуризации долгов юридического лица целесообразно скорректировать отдельные механизмы конкурсного закона. На основании проведенного анализа нами разработаны четыре практические рекомендации. Они ориентированы на усовершенствование правового регулирования.

Так, первое предложение заключается в нормативном закреплении стандарта экономико-правовой обоснованности, условно именуемого тестом платежеспособности. Назначение новеллы состоит в установлении объективных критериев проверки реалистичности плана реструктуризации долгов при его рассмотрении арбитражным судом. Новизна выражается в обязательной интеграции института независимой финансово-экономической экспертизы плана санации для субъектов крупного бизнеса, чьи балансовые активы превышают один миллиард рублей. По существу, внедрение такого стандарта поможет решить проблему формального утверждения экономически необоснованных планов, которые в судебной практике зачастую используются лишь для затягивания процедур и ущемления прав независимых кредиторов.

В рамках еще одного шага предполагается дифференциация правового статуса и повышение квалификационных требований к арбитражному управляющему, который исполняет обязанности в реабилитационных процедурах. Назначение предложения состоит в разграничении компетенций между специалистами по ликвидационным процедурам и антикризисными менеджерами. Новое в идее проявляется в создании специальной аккредитационной категории «антикризисный управляющий» с императивным требованием наличия профильного экономического или управленческого образования, а также подтвержденного опыта успешной корпоративной реструктуризации. На основании отмеченного подчеркнем, что реализация данной рекомендации позволит нивелировать проблему поверхностного и некомпетентного надзора за деятельностью сохраненного менеджмента компании-должника.

Следующая мера нацелена на разработку института предварительного соглашения о реструктуризации для субъектов среднего и малого бизнеса. Назначение шага заключается в создании ускоренного порядка судебной гомологации санационных договоренностей, достигнутых до возбуждения дела о банкротстве. Новизна подхода состоит в наделении арбитражного суда полномочием утверждать план реструктуризации в рамках одного судебного заседания, если проект одобрен квалифицированным большинством кредиторов на досудебной стадии. Разумно предположить, что описываемый механизм поможет смягчить чрезмерную процессуальную нагрузку на арбитражные суды и снизить репутационные издержки должника, неизбежно возникающие при длительном разбирательстве.

Наконец, заключительная рекомендация сфокусирована на введении процессуальных гарантий защиты имущественных прав миноритарных кредиторов. Смысл заключается в сбалансированном распределении рисков реабилитации между крупными залоговыми банками и независимыми поставщиками. Новшество выражено в обязанности должника формировать специальный резервный фонд либо предоставлять независимую банковскую гарантию в объеме не менее пятнадцати процентов от суммы требований кредиторов, голосовавших против утверждения плана реструктуризации. Благодаря предлагаемой гарантии эффективно разрешается проблема имущественной уязвимости слабых кредиторов на случай неудачной санации и последующего перехода к ликвидационному производству.

Заключение

Учреждение реструктуризации долгов юридического лица в качестве единой реабилитационной процедуры отражает фундаментальный поворот в эволюции российского конкурсного права. Посредством эмпирического опыта подтверждается полная неэффективность прежних правовых конструкций. Отказ от этих устаревших процедур в рамках модернизации законодательства о несостоятельности высвечивает стремление государства преодолеть ликвидационный уклон судебной практики и создать правовую среду, которая окажется благоприятной для спасения бизнеса.

Научное значение работы проявилось в теоретическом осмыслении новой реабилитационной парадигмы. Отказ от императивного отстранения органов управления должника и переход к модели сохранения контроля под надзором антикризисного управляющего снижают стимулы менеджмента к сокрытию признаков неплатежеспособности. В сопоставлении с более ранними подходами законодатель предоставляет участникам гражданского оборота достаточно гибкий юридический инструментарий. Он дает возможность комбинировать пролонгацию долгов, конвертацию требований в капитал, защиту сделок санации от последующего оспаривания. Резюмируем, что реструктуризация долгов юридического лица обладает достаточным потенциалом для сокращения доли предприятий, вступающих в процесс банкротства в состоянии необратимого истощения активов.

Практическая применимость изложенных результатов лежит в плоскости подготовки судебной системы, арбитражных управляющих, практикующих юристов к применению новой реабилитационной процедуры. Сформулированные автором рекомендации по нормативному закреплению теста платежеспособности, специализации антикризисных управляющих, досудебной гомологации планов, гарантиям для миноритариев могут быть задействованы Верховным Судом Российской Федерации при разработке разъяснений судебной практики.

Перспективным вектором последующих научных изысканий видится мониторинг правоприменительной практики после полноценного внедрения реформы – вкупе с оценкой ее долгосрочного влияния на устойчивость национальной экономики.

Литература

1. Белоусов, А.Л. Институт банкротства в Российской Федерации: становление и пути развития правового обеспечения / А.Л. Белоусов // Russian Journal of Economics and Law. – 2024. – Т. 18, № 4. – С. 993–1006. – DOI 10.21202/2782–2923.2024.4.993–1006. – EDN ECKLOR.

2. Ишбаев, Е. Реструктуризация долгов как новая реабилитационная процедура в банкротстве юридических лиц: перспективы и риски правоприменения / Е. Ишбаев // URL: https://zakon.ru/blog/2026/5/4/restrukturizaciya_dolgov_kak_novaya_reabilitacionnaya_procedura__v_bankrotstve_yuridicheskih_lic_per (дата обращения: 10.08.2026).

3. КонсультантПлюс. Ввести реструктуризацию долгов юридического лица можно будет раньше – поправка внесена в Госдуму // URL: https://www.consultant.ru/legalnews/32270/ (дата обращения: 10.08.2026).

4. Михайлов, И.С. Проблемы применения отдельных реабилитационных процедур в деле о банкротстве / И.С. Михайлов, П.О. Милов // Вестник Института деловой карьеры. – 2024. – № 1(45). – С. 31–33. – EDN CGLDNV.

5. Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18 июня 2025 г. (в ред. от 29.04.2026) // URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/34516/?ysclid=msngaxz12391600196 (дата обращения: 10.08.2026).

6. Реструктуризация долга как альтернатива банкротства: сравнительный анализ процедур / Д.М. Акбашева, С.В. Гожева, А. С.М. Батчаев, А.Х. Хапаева // Известия Института экономических исследований. – 2025. – № 4. – EDN QUBNVL.

7. Рыкова, И.Н. Анализ корпоративного банкротства: особенности, предпосылки и тенденции / И.Н. Рыкова, Р.С. Губанов, А.А. Юрьева // Банковское дело. – 2026. – № 3. – С. 70–79. – EDN TANVUK.

8. Сюникаева, А. Банкротный дайджест за июль: реформа банкротства и сальдирование долгов / А. Сюникаева, А. Алексанян // URL: https://pravo.ru/story/264880/ (дата обращения: 10.08.2026).

9. Федресурс // URL: https://bankrot.fedresurs.ru/?utm_referrer=https:%2F%2Ffedresurs.ru%2F (дата обращения: 10.08.2026).

10. Цапенко, Н. Новая процедура при банкротстве юридических лиц: реструктуризация долгов вместо ликвидации / Н. Цапенко // URL: https://zakon.ru/blog/2026/08/03/novaya_procedura_pri_bankrotstve_yuridicheskih_lic_restrukturizaciya_dolgov_vmesto_likvidacii (дата обращения: 10.08.2026).

11. Шведова, Н.Ю. Тенденции корпоративных банкротств в России / Н.Ю. Шведова // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2024. – № 3(147). – С. 94–99. – EDN NALHFQ.

DEBT RESTRUCTURING OF A LEGAL ENTITY AS AN INNOVATIVE REHABILITATION PROCEDURE APPLIED IN A BANKRUPTCY CASE

Malygin V.P.
Russian New University

The long-term dominance of the liquidation bias in Russian insolvency practice, in which the share of rehabilitation procedures consistently did not exceed one percent of the total number of corporate bankruptcies, has exposed a systemic crisis of traditional institutions for restoring solvency. The legislative rejection of the archaic structure of external administration in favor of a unified procedure for debt restructuring of a legal entity reflects a paradigm shift in insolvency law and a transition to a model with the preservation of control over the debtor. The aim of the study is to analyze debt restructuring as an innovative procedure

in a bankruptcy case, study its procedural architecture, and develop recommendations for improving legislative regulation. The focus is on the conflict between the preservation of the powers of current management and the risk of using the rehabilitation regime by unscrupulous owners as a fictitious moratorium for the withdrawal of assets. At the same time, the contradictions of the "new financing" institute and the difficulty of proving the hypothetical value of the liquidation estate when verifying compliance with the best interests of creditors rule are examined. It is summarized that the consolidation of the rehabilitation potential can reduce the incentives of management to conceal signs of insolvency; at the same time, judicial control should focus on assessing the economic feasibility of the plan, and not on the formal verification of the legality of decisions. The novelty of the work is expressed in the formulation of four practical recommendations: the establishment of a solvency test with an independent financial examination for businesses with assets exceeding one billion rubles; the introduction of special accreditation for insolvency practitioners; the creation of an expedited procedure for pre-trial homologation of agreements for small and medium-sized businesses; and the establishment of a procedural guarantee for minority creditors in the form of a reserve fund or bank guarantee in the amount of at least fifteen percent of the amount of claims of dissenting creditors.

Keywords: insolvency practitioner, balance of interests, bankruptcy case, insolvency law, insolvency of legal entities, new financing, best interests rule, preventive rehabilitation, rehabilitation procedures, debt restructuring

References

1. Belousov, A.L. The institute of bankruptcy in the Russian Federation: formation and ways of developing legal support / A.L. Belousov // Russian Journal of Economics and Law. – 2024. – Vol. 18, No. 4. – Pp. 993–1006. – DOI 10.21202/2782–2923.2024.4.993–1006. – EDN ECKLOR.

2. Ishbaev, E. Debt restructuring as a new rehabilitation procedure in bankruptcy of legal entities: prospects and risks of law enforcement / E. Ishbaev // URL: https://zakon.ru/blog/2026/5/4/restrukturizaciya_dolgov_kak_novaya_reabilitacionnaya_procedura__v_bankrotstve_yuridicheskih_lic_per (accessed: 08/10/2026).

3. ConsultantPlus. Restructuring of debts of a legal entity can be introduced earlier – the amendment has been submitted to the State Duma // URL: https://www.consultant.ru/legalnews/32270/ (accessed: 08/10/2026).

4. Mikhailov, I.S. Problems of application of individual rehabilitation procedures in a bankruptcy case / I.S. Mikhailov, P.O. Milov // Bulletin of the Institute of Business Career. – 2024. – No. 1(45). – Pp. 31–33. – EDN CGLDNV.

5. Review of judicial practice in bankruptcy cases of citizens: approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 18, 2025 (as amended on 04/29/2026) // URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/34516/?ysclid=msngaxz12391600196 (accessed: 08/10/2026).

6. Debt restructuring as an alternative to bankruptcy: a comparative analysis of procedures / D.M. Akbasheva, S.V. Gozheva, A.S.M. Batchaev, A. Kh. Khapaeva // Proceedings of the Institute of Economic Research. – 2025. – No. 4. – EDN QUBNVL.

7. Rykova, I.N. Analysis of corporate bankruptcy: features, prerequisites and trends / I.N. Rykova, R.S. Gubanov, A.A. Yuryeva // Banking. – 2026. – No. 3. – Pp. 70–79. – EDN TANVUK.

8. Synikaeva, A. Bankruptcy digest for July: bankruptcy reform and debt set-off / A. Synikaeva, A. Aleksanyan // URL: https://pravo.ru/story/264880/ (accessed: 08/10/2026).

9. Fedresurs // URL: https://bankrot.fedresurs.ru/?utm_referrer=https:%2F%2Ffedresurs.ru%2F (accessed: 08/10/2026).

10. Tsapenko, N. New procedure for bankruptcy of legal entities: debt restructuring instead of liquidation / N. Tsapenko // URL: https://zakon.ru/blog/2026/08/03/novaya_procedura_pri_bankrotstve_yuridicheskih_lic_restrukturizaciya_dolgov_vmesto_likvidacii (accessed: 08/10/2026).

11. Shvedova, N. Yu. Trends in corporate bankruptcies in Russia / N. Yu. Shvedova // Proceedings of St. Petersburg State University of Economics. – 2024. – No. 3(147). – Pp. 94–99. – EDN NALHFQ.

Потенциал государства меритократии: правовая адаптивность Древнего Рима переходного периода как модель реализации таланта

Павлов Олег Витальевич,
соискатель учёной степени кандидата юридических наук, кафедра теории и истории государства и права, Таганрогский институт управления и экономики
E-mail: kapitalstroy007@yandex.ru

В статье предпринят теоретико-правовой и историко-правовой анализ меритократии как принципа организации государственной власти и как критерия качества правовой системы. Способность правопорядка вовлекать в экономическую и управленческую жизнь лиц, не принадлежащих к наследственной элите, рассматривается как измеримая характеристика правовой системы – её адаптивность. Историко-правовым материалом выступает Древний Рим периода перехода от Республики к Принципату, где сложился развитый юридический механизм регулируемой социальной мобильности: институт манумиссии и статус вольноотпущенника (libertus), императорские привилегии ius anulorum aureorum и natalium restitutio, сакральные и муниципальные должности, открытые либертинам, а также поэтапное расширение круга носителей римского гражданства вплоть до Constitutio Antoniniana 212 г. Показано, что римская модель сочетала расширение возможностей с одновременным введением цензовых и процедурных ограничений (leges Fufia Caninia, Aelia Sentia, Iunia Norbana), то есть представляла собой не либерализацию, а перенастройку правового фильтра. На этой основе формулируется понятие правовой адаптивности как способности правовой системы своевременно изменять критерии допуска к статусам и ресурсам вслед за изменением технологической и экономической среды. Теоретический каркас выстраивается через идеи Ш. Монтескьё, Дж. Локка, Г. Беккера, А. Сена, Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона. В прикладной части предложены институционально-правовые условия государства меритократии – от экспериментальных правовых режимов и конкурсной государственной службы до этических пределов алгоритмизации управленческих решений. Делается вывод, что меритократия является не утопическим идеалом, а измеримым параметром конкурентоспособности правопорядка в условиях ускоряющихся технологических циклов.

Ключевые слова: меритократия; правовая адаптивность; римское право; вольноотпущенники; социальная мобильность; правовой статус; человеческий капитал; инклюзивные институты; экспериментальные правовые режимы; конкуренция юрисдикций.

Введение

Вопрос о том, каким должно быть государственно-правовое устройство, обеспечивающее максимальную реализацию способностей граждан, приобретает новую остроту в условиях ускоряющихся технологических циклов. Меритократия – принцип, согласно которому положение лица в социальной и управленческой иерархии определяется его способностями и достижениями, а не происхождением или сословной привилегией, – традиционно рассматривается как политико-философский идеал. Настоящая работа исходит из иной посылки: меритократия есть прежде всего характеристика правовой системы, поддающаяся юридическому описанию через совокупность норм о правовом статусе, о допуске к должностям и о приобретении гражданства.

Такой ракурс переводит проблему из области политической философии в предмет теоретико-исторических правовых наук. Если меритократия – это правовое явление, то её носителем выступает не декларация, а конкретный институт: порядок манумиссии, ценз, конкурс на замещение должности, натурализационная процедура, экспериментальный правовой режим. Соответственно, критерием меритократичности правопорядка становится его способность своевременно изменять критерии допуска к статусам и ресурсам вслед за изменением технологической и экономической среды. Эту способность мы обозначаем термином «правовая адаптивность».

Цель статьи – обосновать понятие правовой адаптивности как теоретико-правовой категории и продемонстрировать её содержание на историко-правовом материале Древнего Рима периода перехода от Республики к Принципату, а также предложить на этой основе перечень институционально-правовых условий, при которых современное государство способно выполнять меритократическую функцию.

Актуальность темы усиливается тем, что технологические изменения, связанные с распространением систем искусственного интеллекта, преобразуют структуру занятости быстрее, чем законодательство успевает пересматривать соответствующие нормы. Именно в подобных переходных состояниях обнаруживается адаптивный потенциал правопорядка – или его отсутствие, – что придаёт обращению к историческим переходным периодам не иллюстративное, а методологическое значение.

Степень научной разработанности темы характеризуется определённой асимметрией. Правовое положение вольноотпущенников и эволюция римского гражданства обстоятельно исследованы в отечественной романистике (И.А. Покровский, Е.М. Штаерман, М.Е. Сергеенко, Д.В. Дождев); проблематика меритократии разработана в политической философии и социологии (М. Янг, А. Сен, Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон); вопросы правового обеспечения технологического развития активно обсуждаются в современной российской доктрине (Т.Я. Хабриева, Н.Н. Черногор, Э.В. Талапина). Однако эти три поля соединялись редко: римский материал привлекается преимущественно в историко-описательном ключе, а не как источник функциональных моделей.

Научная новизна работы состоит в том, что правовая адаптивность формулируется как самостоятельная теоретико-правовая категория, а римский институт регулируемой социальной мобильности рассматривается не как исторический курьёз, а как структурная модель, элементы которой обнаруживают функциональные аналоги в действующем праве.

Методологическую основу составляют историко-правовой и сравнительно-правовой методы, метод юридической догматики применительно к источникам римского права, а также институциональный подход, позволяющий рассматривать правовые нормы как ограничения, формирующие структуру стимулов участников оборота. Выбор римского материала не случаен: переходный период от Республики к Принципату даёт редкий случай, когда в пределах жизни двух-трёх поколений правопорядок осознанно перестраивал критерии социальной мобильности сугубо юридико-техническим путём.

Гипотеза исследования: правовая адаптивность не тождественна либерализации. Римская модель показывает, что расширение возможностей для одних категорий лиц сопровождалось ужесточением процедур для других – не снятие фильтра, а его перенастройка.

Правовая адаптивность Древнего Рима переходного периода

Древнеримский правопорядок принято характеризовать как консервативный по политическому устройству и одновременно чрезвычайно пластичный в вопросах правового статуса лиц. Тит Ливий, обращаясь к истории ранней Республики, связывал возвышение Рима не с знатностью, а с virtus – совокупностью качеств, делающих человека достойным общественного признания, и указывал на утрату этих качеств как на причину последующего упадка нравов [3]. Историографическая достоверность этих суждений спорна, однако значим сам факт: римская политико-правовая традиция рефлексировала заслугу как основание статуса задолго до появления самого термина «меритократия».

Наиболее показателен институт манумиссии (manumissio) и производный от него правовой статус вольноотпущенника (libertus). Гай в «Институциях» описывает три цивильные формы отпущения на волю – vindicta, censu и testamento, – а также преторские формы, порождавшие в классический период неполноправное состояние латина Юниева [1]. Значение этой конструкции для нашей темы двоякое. Во-первых, манумиссия представляла собой юридический механизм перехода лица из категории объекта права в категорию субъекта, то есть институционализированный социальный лифт. Во-вторых, полученный статус был сознательно неполным: вольноотпущенник приобретал римское гражданство, но сохранял обязанности перед патроном (obsequium, operae, право патрона на часть наследства), был лишён доступа к магистратурам и сенату, а его дети – уже свободнорождённые – получали полноту прав. Правопорядок, таким образом, распределял мобильность во времени, растягивая её на два поколения.

Экономическое следствие этой конструкции хорошо известно. Римская аристократическая этика считала торговлю и ремесло занятиями, недостойными нобилитета, вследствие чего образовались обширные хозяйственные ниши, занятые энергичными выходцами из рабского сословия [5; 6]. Классическим свидетельством служит гробница вольноотпущенника-хлебопёка Марка Вергилия Эврисака в Риме (сер. I в. до н.э.), демонстративно изображающая производственный процесс: лицо, лишённое доступа к почётным должностям, компенсировало статусный дефицит публичной манифестацией хозяйственного достижения. Литературным аналогом является образ Трималхиона в «Сатириконе» Петрония.

Переходный период дал этому механизму новые юридические формы. Август и последующие принцепсы ввели ряд привилегий, позволявших преодолевать статусные ограничения либертина в индивидуальном порядке. Ius anulorum aureorum – право ношения золотого кольца – приравнивало вольноотпущенника по внешним признакам к свободнорождённому, сохраняя, однако, права патрона. Natalium restitutio – «восстановление в правах рождения» – представляло собой императорскую фикцию свободного рождения, устранявшую последствия прежнего рабского состояния. Обе конструкции описаны в Дигестах [2]: это классические примеры точечной коррекции общего правила высшей властью – прообраз современных режимов индивидуального изъятия из общего регулирования.

Параллельно открывались институциональные каналы публичного признания. Наиболее значимым был институт севиров Августалов (seviri Augustales) – коллегия жрецов императорского культа в муниципиях, куда допускались именно вольноотпущенники, лишённые доступа к обычным магистратурам. Через эту должность богатый либертин получал местный почёт и возможность муниципальной эвергесии. Здесь мы видим сознательно сконструированный компенсаторный статус: правопорядок не отменил сословный барьер, но создал параллельную лестницу, канализировав энергию новой имущественной группы в общественно полезное русло.

Ещё более значим феномен familia Caesaris – императорских рабов и вольноотпущенников, составивших ядро центральной администрации Принципата. Вольноотпущенники Клавдия – Нарцисс, Паллант, Каллист – фактически руководили ключевыми ведомствами (ab epistulis, a rationibus, a libellis), обладая влиянием, недоступным большинству сенаторов. Юридически это была частная familia принцепса; функционально – зачаток профессиональной бюрократии, комплектуемой по признаку компетентности и личной зависимости, а не происхождения. Для теории государства этот случай ценен как исторический пример разрешения противоречия между сословной структурой общества и потребностью управления в квалифицированных кадрах: противоречие снималось не реформой сословного строя, а созданием служебного пространства вне его.

Однако было бы упрощением видеть в переходном периоде одностороннюю либерализацию. Тот же Август провёл законы, существенно ограничившие манумиссию: lex Fufia Caninia (2 г. до н.э.) установила количественные лимиты на завещательное отпущение рабов в зависимости от численности familia; lex Aelia Sentia (4 г.н.э.) ввела возрастные цензы для отпускающего и отпускаемого, а также категорию dediticii – лиц с опороченной репутацией, навсегда лишённых доступа к гражданству; lex Iunia Norbana (предположительно 19 г.н.э.) юридически оформила промежуточный статус латинов Юниевых, приобретавших полное гражданство лишь при выполнении дополнительных условий [1; 4].

Именно эта одновременность расширения и ограничения составляет содержание того, что мы предлагаем называть правовой адаптивностью. Правопорядок не открывал шлюзы и не запирал их: он менял конфигурацию фильтра, отсекая приток по признаку неблагонадёжности и создавая ускоренные каналы для тех, чей вклад признавался ценным. Экономический смысл – отделить социально продуктивную мобильность от фискально и криминологически проблемной.

Ту же логику демонстрирует эволюция института гражданства. Расширение круга носителей civitas Romana шло от муниципального права латинов (ius Latii), через массовые пожалования по итогам Союзнической войны и предоставление гражданства за военную службу (за 25 лет службы во вспомогательных войсках), к Constitutio Antoniniana Каракаллы 212 г., распространившей гражданство практически на всё свободное население Империи [2; 4]. Показательно, что каждый этап был реакцией на конкретный управленческий или фискальный вызов, а не реализацией абстрактной идеи равенства. Гражданство функционировало как инструмент интеграции – вначале дефицитный и потому ценный, впоследствии же утративший стимулирующую функцию: девальвация статуса лишает его меритократического содержания.

Римская модель не единственная в истории права. В императорском Китае со времён династии Хань и особенно Тан сложилась система государственных экзаменов (кэцзюй), формально открытая для представителей всех сословий и служившая основным каналом комплектования чиновничества. В отличие от римской, эта модель институционализировала не изменение личного статуса, а конкурсную процедуру допуска к должности, то есть представляла собой меритократию публично-правового, а не частноправового происхождения. Её ограничением было то, что дорогостоящая подготовка к экзаменам воспроизводила имущественный ценз в скрытой форме – обстоятельство, сохраняющее актуальность для современных систем отбора. Европейская традиция дала третий вариант: революционный лозунг «карьера открыта талантам» (la carrière ouverte aux talents) означал упразднение сословных препятствий, то есть меритократию через отмену привилегии.

Сопоставление трёх моделей – римской (изменение статуса), китайской (конкурсная процедура) и революционно-французской (упразднение привилегии) – показывает, что меритократический результат достижим различными юридико-техническими средствами. Существенно при этом, что каждая модель воспроизводила и собственную форму нового неравенства: римская – через сохранение обязанностей перед патроном, китайская – через имущественный барьер подготовки, французская – через концентрацию возможностей у обладателей культурного капитала. Это наблюдение подтверждает предупреждение, что меритократия не устраняет неравенство, а меняет его основание, и потому нуждается в постоянном нормативном корректировании.

Обобщая, можно выделить четыре юридических признака римской модели правовой адаптивности переходного периода: (1) наличие институционализированного механизма изменения правового статуса лица (манумиссия); (2) распределение мобильности между поколениями, снижающее издержки для существующей элиты; (3) наличие индивидуализированных изъятий из общего правила, предоставляемых верховной властью за заслуги (ius anulorum aureorum, natalium restitutio); (4) параллельная система компенсаторных статусов и служебных пространств вне сословной иерархии (seviri Augustales, familia Caesaris). Каждый из этих признаков имеет функциональные аналоги в современном праве, к чему мы обратимся ниже.

Философско-правовые основания меритократического идеала

Классическая политико-правовая мысль сформулировала нормативные основания, на которые опирается меритократическая доктрина. Ш. Монтескьё в трактате «О духе законов» (1748) связывал устойчивость республиканского правления с добродетелью граждан – предпочтением общественного интереса частному; её отсутствие ведёт к расхищению общего достояния и превращению государственной мощи во власть немногих [7]. Отсюда следуют два вывода: если качество управления зависит от качеств управляющих, рационален отбор по заслуге, а не по

рождению; коррупция же и протекция при замещении должностей суть системное отрицание меритократического принципа. Требование разделения властей, обоснованное Монтескьё формулой об ограничении власти властью, приобретает здесь дополнительный смысл – как гарантия того, что доступ к управлению определяется правилом, а не усмотрением правителя.

Дж. Локк в «Двух трактатах о правлении» (1689) обосновал производный характер публичной власти и её обязанность защищать жизнь, свободу и собственность подданных [8]. Меритократическое следствие этого тезиса состоит в признании за каждым лицом права на реализацию собственных способностей и на присвоение плодов своего труда. Без гарантий собственности и беспристрастного правосудия заслуга не конвертируется в статус. Верховенство права выступает, таким образом, не внешним условием меритократии, а её конституирующим элементом – оно обеспечивает равенство правил игры, без которого различие результатов не отражает различия способностей.

В XX в. меритократическая проблематика получила экономическое наполнение. Г. Беккер в теории человеческого капитала показал, что знания, навыки и здоровье работников являются фактором производства, а вложения в них дают измеримую отдачу [9]. Отсюда следует, что государство, не инвестирующее в развитие способностей населения, несёт не только этические, но и экономические потери. А. Сен в работе «Развитие как свобода» определил развитие как расширение реальных возможностей человека вести жизнь, которую он имеет основания ценить, и показал взаимодополняемость политических, экономических и социальных свобод [10]. Из концепции Сена следует, что меритократия предполагает максимально широкую базу отбора, а значит – доступность образования, здравоохранения и правовой защиты для всех. Эта позиция смыкается с теорией инклюзивных институтов Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона, согласно которой долгосрочное процветание обеспечивают институты, допускающие широкие слои населения к экономической и политической деятельности, тогда как экстрактивные институты, концентрирующие возможности в руках элиты, ведут к застою [11].

Отдельного упоминания заслуживает критический пласт традиции. Сам термин «меритократия» был введён М. Янгом в 1958 г. в сатирическом сочинении, предупреждавшем об обществе, где технократическая элита, уверенная в справедливости собственного превосходства, утрачивает сострадание к менее успешным [12]. Это предупреждение сохраняет силу и задаёт нормативный предел: меритократия, лишённая гуманистического основания, вырождается в новую форму сословности, где место наследственного титула занимает наследуемый образовательный капитал. Правовым ответом на этот риск служит принцип недопустимости дискриминации: ограничения по признаку пола, расы или происхождения не только противоречат конституционным нормам, но и снижают эффективность отбора.

Наконец, вопрос о пределах формализации заслуги приобретает практическое звучание в связи с развитием систем искусственного интеллекта. Дискуссия о возможности алгоритмизации правоприменения [13; 14] упирается в то обстоятельство, что оценка заслуги предполагает ценностное суждение, не сводимое к вычислимой процедуре. Алгоритм способен ранжировать кандидатов по формальным показателям, но не способен обосновать выбор самих показателей. Отсюда вывод: внедрение алгоритмических систем в кадровые и правоприменительные процедуры допустимо лишь при сохранении человеческого контроля над критериями оценки и объяснимости решений.

Конкуренция юрисдикций за человеческий капитал: современное измерение

Историческая логика римского гражданства как инструмента интеграции обнаруживает прямой функциональный аналог в современной миграционной политике. Государства конкурируют за квалифицированные кадры посредством дифференцированных правовых режимов, что позволяет говорить о конкуренции юрисдикций как самостоятельном факторе правового развития.

Наиболее последовательно эту стратегию реализует Сингапур, занявший первое место в Глобальном индексе конкурентоспособности талантов (GTCI) 2025 г. [15]. Сингапурская модель строится на сочетании нескольких правовых решений: конкурсного замещения должностей государственной службы при уровне вознаграждения, сопоставимом с частным сектором; жёсткого антикоррупционного законодательства с расширенным составом должностных преступлений; и системы индивидуальных образовательных счетов, позволяющих взрослому населению финансировать переквалификацию. Все три элемента имеют строго юридическую природу – нормы о статусе, о запрете и о субъективном праве, а не программные декларации.

Объединённые Арабские Эмираты представляют иной вариант. Институт «золотой визы» – долгосрочного вида на жительство для инвесторов, учёных, специалистов и деятелей культуры – воспроизводит римскую логику пожалования привилегированного статуса за признанный вклад. Ещё более показательно создание финансовых центров (DIFC, ADGM) с собственными судебными системами, действующими на основе общего права и укомплектованными в том числе иностранными судьями. Это территориальное изъятие из национального правопорядка – конструкция, функционально родственная римским индивидуальным изъятиям, но реализованная в пространственной, а не персональной форме.

Соединённые Штаты Америки традиционно опираются на категории виз для лиц с выдающимися способностями (O-1, EB-1A) и на квотируемые рабочие визы для специалистов. Правовое содержание этих институтов состоит в замене общего иммиграционного ценза индивидуальной оценкой достижений заявителя, подтверждаемых внешними критериями – публикациями, наградами, признанием профессионального сообщества. Показательно, что в GTCI 2025 г. США переместились на девятое место, что связывается с сокращением притока иностранных специалистов [15]: конкурентная позиция юрисдикции чувствительна к изменениям миграционного законодательства.

Из сопоставления следует вывод, значимый для теории государства: правовой статус превращается в предмет международной конкуренции. Если в римскую эпоху гражданство предоставлялось государством в одностороннем порядке, то сегодня лицо, обладающее востребованными компетенциями, само выбирает юрисдикцию, сопоставляя предлагаемые правовые режимы. Это меняет положение государства: оно вынуждено конкурировать не только военной или экономической мощью, но и качеством собственного права – предсказуемостью, скоростью процедур, налоговым бременем, надёжностью судебной защиты.

Институционально-правовые условия государства меритократии

Обобщая исторический и сравнительный материал, представляется возможным сформулировать шесть институционально-правовых условий, при которых государство способно выполнять меритократическую функцию.

Первое – правовые режимы, допускающие эксперимент. Технологические изменения опережают законодательство, и жёсткое общее регулирование в этих условиях действует как запрет на инновацию. Инструментом решения выступают экспериментальные правовые режимы («регулятивные песочницы»), позволяющие апробировать новые технологические решения при временном изъятии из действия общих требований. В российском праве такой механизм закреплён Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» [16]. Эта конструкция воспроизводит римскую модель изъятия из общего правила – с той разницей, что современное изъятие имеет не персональный, а предметно-территориальный характер и ограничено сроком.

Второе – независимый суд и гарантии права собственности. Заслуга приобретает социальное значение лишь тогда, когда её результат защищён. Ключевое значение имеют институты интеллектуальной собственности, договорное право и процессуальные гарантии беспристрастного рассмотрения спора. Практический интерес представляют опыт специализированных судов с участием экспертов и публикация полных текстов судебных актов как средство внешнего контроля за единообразием практики.

Третье – конкурсная и профессиональная государственная служба. Меритократия является антонимом кумовства прежде всего в сфере публичной администрации. Правовые средства: обязательный конкурсный порядок замещения должностей, ограничение политических назначений высшим эшелоном, периодическая аттестация, закрепление показателей результативности и конкурентный уровень оплаты труда, снижающий коррупционные стимулы. Существенным элементом является персональная ответственность за результат: институт familia Caesaris был эффективен не в силу происхождения служащих, а в силу прямой зависимости их положения от качества исполнения обязанностей. Н. Талеб обозначает этот принцип формулой «участие собственной шкурой»: асимметрия, при которой выгода присваивается, а убытки перекладываются на других, разрушает институт [17].

Четвёртое – приоритет образования и науки. Широкая база отбора является условием качества отбора. Правовыми механизмами выступают: гарантии доступности общего образования независимо от имущественного положения семьи; закрепление права на непрерывное образование и переквалификацию, включая инструменты персони-

фицированного финансирования; прозрачные конкурсные процедуры распределения научных грантов; академические свободы как условие производства нового знания. Отдельного внимания требует правовое обеспечение связи науки и предпринимательства – от малых инновационных предприятий при университетах до распределения прав на результаты интеллектуальной деятельности.

Пятое – селективная миграционная и демографическая политика. Как показывает и римский, и современный опыт, привлечение готового человеческого капитала является более быстрым инструментом, чем его выращивание. Правовое содержание такой политики составляют дифференцированные визовые категории, признание иностранных квалификаций, упрощённый порядок натурализации для лиц с подтверждёнными достижениями. Здесь, однако, необходимо помнить о римском предостережении: статус, предоставленный всем без различия, утрачивает стимулирующую функцию. Селективность является не дискриминационным, а конституирующим признаком такого режима.

Шестое – этические пределы и защита от вырождения меритократии. Государство, признающее заслугу основанием статуса, обязано одновременно обеспечивать защиту тех, чьи возможности объективно ограничены. Иначе меритократия воспроизводит сословность в новой форме. Правовым выражением этого требования служат запрет дискриминации, гарантии социального обеспечения, гуманное законодательство о банкротстве, а также требования объяснимости алгоритмических решений и сохранения человеческого контроля. Стратегические ориентиры регулирования искусственного интеллекта в Российской Федерации определены Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 [18]; их конкретизация применительно к процедурам оценки и отбора лиц представляется самостоятельной задачей отраслевого законодательства.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, меритократия допускает описание не только в категориях политической философии, но и в категориях теории права – как совокупность норм, определяющих условия приобретения и изменения правового статуса лица в зависимости от его вклада и способностей. Такое описание делает меритократичность правопорядка предметом юридического анализа, а не только ценностной оценки.

Во-вторых, правовая адаптивность – способность правовой системы своевременно перенастраивать критерии допуска к статусам и ресурсам – является самостоятельной характеристикой правопорядка. Историко-правовой материал Древнего Рима переходного периода демонстрирует, что адаптивность не тождественна либерализации: расширение возможностей для одних категорий лиц сочеталось с введением цензов и процедурных ограничений для других. Правопорядок менял конфигурацию фильтра, а не устранял его.

В-третьих, римская модель обнаруживает четыре структурных элемента, сохраняющих функциональное значение: институционализированный механизм изменения статуса; распределение мобильности между поколениями; индивидуальные изъятия из общего правила, предоставляемые за заслуги; компенсаторные статусы и служебные пространства вне сословной иерархии. Современными аналогами выступают соответственно натурализационные процедуры, системы образовательных гарантий, экспериментальные правовые режимы и конкурсная государственная служба.

В-четвёртых, в современных условиях правовой статус становится предметом конкуренции юрисдикций. Государство утрачивает монопольное положение по отношению к обладателю востребованных компетенций и вынуждено конкурировать качеством собственного права. Это обстоятельство превращает правовую адаптивность из теоретической категории в параметр государственной конкурентоспособности.

В-пятых, меритократия требует нормативного предела. Без гарантий недискриминации, социальной защиты и права на повторную попытку она воспроизводит сословность, замещая наследственный титул наследуемым образовательным капиталом. Предупреждение М. Янга сохраняет актуальность как элемент самой меритократической доктрины.

Таким образом, меритократическое государство представляет собой не утопический проект, а измеримый параметр качества правовой системы, определяемый её способностью своевременно вовлекать в экономическую и управленческую жизнь лиц, обладающих необходимыми способностями, независимо от их происхождения. Древнеримский опыт переходного периода ценен именно тем, что показывает: эта задача решается средствами юридической техники – через институты статуса, изъятия и процедуры, – а не только средствами политической воли.

Литература

1. Гай. Институции / пер. с лат. Ф. Дыдынского; под ред. В.А. Савельева, Л.Л. Кофанова. М.: Юристъ, 1997. 368 с.

2. Дигесты Юстиниана / отв. ред. Л.Л. Кофанов. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2008. Т. I–VIII.

3. Ливий Тит. История Рима от основания города: в 3 т. / отв. ред. Е.С. Голубцова. М.: Наука, 1989–1993.

4. Дождев Д.В. Римское частное право: учебник для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 784 с.

5. Покровский И.А. История римского права. СПб.: Летний сад, 1999. 560 с.

6. Штаерман Е.М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М.: Наука, 1964. 279 с.

7. Монтескьё Ш.Л. О духе законов / сост., пер. и коммент. А.В. Матешук. М.: Мысль, 1999. 672 с.

8. Локк Дж. Два трактата о правлении // Сочинения: в 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 135–405.

9. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории / пер. с англ. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 672 с.

10. Сен А. Развитие как свобода / пер. с англ. под ред. Р.М. Нуреева. М.: Новое издательство, 2004. 432 с.

11. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты / пер. с англ. М.: АСТ, 2015. 693 с.

12. Young M. The Rise of the Meritocracy, 1870–2033: An Essay on Education and Equality. London: Thames & Hudson, 1958. 160 p.

13. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.

14. Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5–17.

15. The Global Talent Competitiveness Index 2025: Talent Strategies in an Age of Disruption. Fontainebleau: INSEAD; Portulans Institute, 2025.

16. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5017.

17. Талеб Н.Н. Рискуя собственной шкурой. Скрытая асимметрия повседневной жизни / пер. с англ. М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2018. 320 с.

18. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

THE POTENTIAL OF A MERITOCRATIC STATE: THE LEGAL ADAPTABILITY OF ANCIENT ROME IN THE TRANSITIONAL PERIOD AS A MODEL FOR THE REALISATION OF TALENT

Pavlov O.V.
Taganrog Institute of Management and Economics

The article offers a theoretical and historical legal analysis of meritocracy both as a principle for organising public authority and as a criterion for assessing the quality of a legal system. The capacity of a legal order to involve persons outside the hereditary elite in economic and administrative life is treated as a measurable characteristic of that legal system – its adaptability. The historical and legal material is drawn from Ancient Rome during the transition from the Republic to the Principate, where a developed juridical mechanism of regulated social mobility took shape: the institution of manumission and the status of the freedman (libertus), the imperial privileges of ius anulorum aureorum and natalium restitutio, sacral and municipal offices open to freedmen, and the gradual extension of Roman citizenship culminating in the Constitutio Antoniniana of 212 AD. It is demonstrated that the Roman model combined the widening of opportunity with the simultaneous introduction of census-based and procedural restrictions (leges Fufia Caninia, Aelia Sentia, Iunia Norbana), and thus represented not liberalisation but a recalibration of the legal filter. On this basis the author formulates the concept of legal adaptability as the capacity of a legal system to modify, in due time, the criteria of access to statuses and resources in response to changes in the technological and economic environment. The theoretical framework draws upon Ch. Montesquieu, J. Locke, G. Becker, A. Sen, D. Acemoglu and J. Robinson. The applied part proposes institutional and legal conditions for a meritocratic state – from experimental legal regimes and a competitive civil service to ethical limits upon the algorithmisation of administrative decisions. It is concluded that meritocracy is not a utopian ideal but a measurable parameter of the competitiveness of a legal order under conditions of accelerating technological cycles.

Keywords: meritocracy; legal adaptability; Roman law; freedmen; social mobility; legal status; human capital; inclusive institutions; experimental legal regimes; competition of jurisdictions.

References

1. Gaius. Institutiones [Institutes]. Transl. by F. Dydynsky; ed. by V.A. Savelyev, L.L. Kofanov. Moscow, Yurist Publ., 1997. 368 p. (In Russ.)

2. Digesta Iustiniani [The Digest of Justinian]. Ed. by L.L. Kofanov. 2nd ed. Moscow, Statut Publ., 2008. Vol. I–VIII. (In Russ.)

3. Titus Livius. Istoriya Rima ot osnovaniya goroda [History of Rome from the Foundation of the City]. In 3 vols. Ed. by E.S. Golubtsova. Moscow, Nauka Publ., 1989–1993. (In Russ.)

4. Dozhdev D.V. Rimskoe chastnoe pravo [Roman Private Law]. 3rd ed. Moscow, Norma, INFRA-M Publ., 2013. 784 p. (In Russ.)

5. Pokrovsky I.A. Istoriya rimskogo prava [History of Roman Law]. St. Petersburg, Letniy sad Publ., 1999. 560 p. (In Russ.)

6. Shtaerman E.M. Rastsvet rabovladel'cheskikh otnosheniy v Rimskoy respublike [The Flourishing of Slave-Owning Relations in the Roman Republic]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 279 p. (In Russ.)

7. Montesquieu Ch. L. O dukhe zakonov [The Spirit of the Laws]. Comp., transl. and comment. by A.V. Mateshuk. Moscow, Mysl' Publ., 1999. 672 p. (In Russ.)

8. Locke J. Dva traktata o pravlenii [Two Treatises of Government]. In: Sochineniya v 3 t. [Works in 3 vols.]. Vol. 3. Moscow, Mysl' Publ., 1988, Pp. 135–405. (In Russ.)

9. Becker G.S. Chelovecheskoe povedenie: ekonomicheskiy podkhod [The Economic Approach to Human Behavior]. Moscow, HSE Publ., 2003. 672 p. (In Russ.)

10. Sen A. Razvitie kak svoboda [Development as Freedom]. Ed. by R.M. Nureev. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2004. 432 p. (In Russ.)

11. Acemoglu D., Robinson J. Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye [Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity and Poverty]. Moscow, AST Publ., 2015. 693 p. (In Russ.)

12. Young M. The Rise of the Meritocracy, 1870–2033: An Essay on Education and Equality. London, Thames & Hudson, 1958. 160 p.

13. Khabrieva T. Ya., Chernogor N.N. Pravo v usloviyakh tsifrovoy real'nosti [Law in the Conditions of Digital Reality]. Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law, 2018, No. 1, Pp. 85–102. (In Russ.)

14. Talapina E.V. Pravo i tsifrovizatsiya: novye vyzovy i perspektivy [Law and Digitalisation: New Challenges and Prospects]. Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law, 2018, No. 2, Pp. 5–17. (In Russ.)

15. The Global Talent Competitiveness Index 2025: Talent Strategies in an Age of Disruption. Fontainebleau, INSEAD, Portulans Institute, 2025.

16. On Experimental Legal Regimes in the Field of Digital Innovation in the Russian Federation: Federal Law of 31.07.2020 No. 258-FZ. Sobranie zakonodatel'stva RF, 2020, No. 31 (pt. I), art. 5017. (In Russ.)

17. Taleb N.N. Riskuya sobstvennoy shkuroy. Skrytaya asimmetriya povsednevnoy zhizni [Skin in the Game: Hidden Asymmetries in Daily Life]. Moscow, KoLibri, Azbuka-Attikus Publ., 2018. 320 p. (In Russ.)

18. On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 No. 490. Sobranie zakonodatel'stva RF, 2019, No. 41, art. 5700. (In Russ.)

Уменьшение покупной цены: историко-догматическая характеристика и практика применения института

Пестов Михаил Михайлович,
к.ю.н., доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: Pestov-2013@ya.ru

Статья посвящена исследованию иска об уменьшении покупной цены в российском гражданском праве. Цель работы состоит в выявлении исторических предпосылок формирования данного способа защиты, анализе современных доктринальных подходов к его правовой природе, условиям применения и механизму расчета, а также оценке соответствующей судебной практики. Методологическую основу исследования составили историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический и системный методы. В работе проанализированы римско-правовые истоки института, зарубежные модели регулирования и российская судебная практика. Обоснован вывод о том, что современная конструкция иска лишь условно восходит к *actio quanti minoris*, а его выведение за пределы института гражданско-правовой ответственности порождает ряд теоретических и практических противоречий. Научная новизна исследования заключается в переосмыслении природы данного способа защиты через призму римского права и современного института ответственности.

Ключевые слова: купля-продажа, уменьшение цены, ответственность, средство правовой защиты, убытки.

Историческая справка

Иск об уменьшении покупной цены (*actio quanti minoris*) был известен с конца III в. до н.э. и первоначально был введен Эдиктом курульных эдилов для защиты покупателей рабов и вьючного скота. С середины I в. до н.э. он постепенно сливается с actio empti, вследствие чего начинает применяться ко всем договорам купли-продажи, а срок предъявления требования становится неограниченным.

Со временем самостоятельное значение actio quanti minoris снижается, поскольку *actio empti* предоставлял покупателю более широкую защиту. В отличие от actio quanti minoris, ограниченного взысканием разницы в цене и годичным сроком предъявления, actio empti позволял требовать возмещения позитивного интереса, а размер компенсации определялся с учетом индивидуального интереса покупателя, тогда как actio quanti minoris основывался на объективной рыночной стоимости вещи.

Несмотря на это, actio quanti minoris сохранился в кодификации Юстиниана, что обусловило последующие попытки объяснить сосуществование двух исков. Средневековые юристы указывали, что он мог использоваться в случаях, когда объективная рыночная цена была ниже цены, которую заплатил бы конкретный покупатель, а также когда actio empti не предоставлялся. Кроме того, уменьшение цены рассматривалось как средство фактического возврата уплаченной суммы, если покупатель вовсе не приобрел бы вещь, зная о ее недостатках[1].

В дальнейшем Аццо различал *actio quanti minoris civilis* и *praetoria*, хотя считал их разновидностями actio empti; его последователи, напротив, признавали существование двух самостоятельных исков, тогда как другие авторы отрицали такое разграничение[2]. Под влиянием пандектной доктрины actio quanti minoris стал связываться с заблуждением относительно качеств вещи. В результате уменьшение цены стало рассматриваться как способ восстановления первоначального имущественного положения сторон при оспаривании сделки вследствие ошибки, что позволило отграничить его от возмещения убытков, направленного на защиту позитивного интереса.

Догматическая характеристика иска об уменьшении цены

Вследствие изменений национального законодательства, а также принятия международных и наднациональных актов, регулирующих куплю-продажу, иск об уменьшении цены получил детальную разработку в современной доктрине. Основные дискуссии касаются его правовой природы, порядка и условий применения, а также механизма расчета уменьшения цены.

Природа иска об уменьшении цены

В отечественной литературе преобладает подход, согласно которому иск об уменьшении цены представляет собой комплексный институт, сочетающий одностороннее изменение договора кредитором и требование о возврате неосновательного обогащения[3]. Это позволяет распространять данный способ защиты на различные договорные обязательства. Такой подход закреплен в европейских актах унификации частного права

[1] Подробнее см. Hallebeek J. The Ignorant Seller's Liability for Latent Defects: One Regula or Various Sets of Rules? // The Creation of the Ius Commune From Casus to Regula / ed. Cairns J.W., Du Plessis P.J. Edinburgh: University Press, 2010. P. 184–198.

[2] См.: Hallebeek J. Op. cit. P. 198–204.

[3] См. напр.: Гуна А.Н. Соразмерное уменьшение цены как средство защиты кредитора // Вестник экономического правосудия РФ. 2024. № 3. С. 169–170. Общие положения о купле-продаже, поставка товара и купля-продажа недвижимости: комментарий к статьям 454–491, 506–524, 549–558 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. С. 612 (автор комментария – Карапетов А.Г.). Трофимов С.В. Квалификация соразмерного уменьшения цены как способа защиты гражданских прав: соотношение с требованием о взыскании убытков и с отказом от договора // Вестник гражданского права. 2024. № 5. С. 78. В отношении иска об уменьшении цены по договору подряда см.: Борисов А.А. Права заказчика при ненадлежащем качестве работ, выполненных по договору подряда // Проблемы строительного права: Сборник статей. Вып. 1 / Сост. и отв. ред. Н.Б. Щербаков. М.: Статут, 2022. С. 97. Лухманов М.И. Соразмерное уменьшение цены как способ защиты прав заказчика по договору подряда // Проблемы строительного права: Сб. ст. Вып. 2 / Сост. и отв. ред. Н.Б. Щербаков. М., 2023. С. 299.

(art. III-3:601 DCFR), а также в современном французском гражданском праве (art. 1223 Code Civile).

Альтернативная модель закреплена в статье 6:270 Гражданского кодекса Нидерландов, где уменьшение цены рассматривается как разновидность частичного расторжения договора. Однако этот подход подвергается критике, поскольку требует наличия существенного нарушения, предполагает частичный возврат исполненного и применим лишь к делимым обязательствам, что существенно ограничивает возможность снижения цены.

Рассмотрение уменьшения цены как частичного изменения договора с последующим возвратом неосновательного обогащения выводит данный институт за рамки гражданско-правовой ответственности. Поэтому его предлагают отграничивать от возмещения убытков, допуская снижение цены независимо от вины должника и наличия непреодолимой силы[1].

Вместе с тем в литературе существует и противоположная позиция, рассматривающая уменьшение цены как особый способ исчисления убытков. Она отражена, в частности, в английском праве, где иск о возмещении убытков не зависит от вины должника. Сторонники этого подхода указывают на сходство результатов уменьшения цены и взыскания убытков[2], однако их отождествление оспаривается ввиду различий в условиях применения. Кроме того, уменьшение цены позволяет защитить интерес кредитора и в тех случаях, когда убытки отсутствуют либо их трудно доказать, а цена товара еще не была полностью уплачена.

Порядок предъявления иска об уменьшении цены

Правовая природа иска определяет и порядок его реализации. Если уменьшение цены рассматривается как одностороннее изменение договора, интерес кредитора может быть удовлетворен посредством уведомления должника. При отождествлении данного требования с убытками обычно предполагается судебный порядок защиты. В литературе также обсуждаются возможность зачета и автоматическое (*ipso iure*) уменьшение цены.

Большинство отечественных исследователей признают допустимость снижения цены посредством одностороннего заявления с возможностью последующего обращения в суд[3]. Вместе с тем дискуссионными остаются два вопроса. Первый касается момента изменения договора: одни авторы связывают его с получением должником уведомления по правилам статьи 165.1 ГК РФ, другие – признают изменение ретроактивным, с момента полной оплаты либо возникновения оснований для уменьшения цены[4].

Второй вопрос связан с возможностью изменить избранное средство защиты после направления уведомления о снижении цены. Если требование рассматривается судом, такая замена допускается до принятия решения судом первой инстанции. Во внесудебном порядке позиции расходятся: одни исследователи исключают возможность изменения требования после получения уведомления должником[5], другие допускают ее, если кредитор докажет, что должник еще не совершил действий, основанных на первоначально избранном способе защиты[6].

Условия предъявления иска об уменьшении цены

В доктрине обсуждаются три основных условия применения данного способа защиты: значение возникновения убытков у кредитора, влияние его вины на возникновение недостатка и действие договорных ограничений ответственности продавца.

Большинство исследователей считают, что последующая перепродажа дефектного товара по более высокой цене не препятствует уменьшению цены, поскольку условия второго договора не могут влиять на права и обязанности сторон первого обязательства[7].

Наиболее дискуссионным является вопрос об учете вины кредитора. Если уменьшение цены не относится к мерам гражданско-правовой ответственности, положения главы 25 ГК РФ, включая нормы о вине кредитора, формально неприменимы. Однако часть авторов полагает, что поведение кредитора должно учитываться, поскольку недопустимо возлагать на должника последствия, вызванные действиями самого кредитора[8]; другие связывают такую возможность с принципом добросовестности[9].

Спорным остается и влияние договорных ограничений ответственности продавца. Поскольку уменьшение цены нередко рассматривается как самостоятельный способ защиты, не связанный с ответственностью, подобные ограничения не всегда распространяются на соответствующее требование. В литературе отмечается, что решение зависит от толкования договора, однако расширительное толкование таких условий недопустимо[10]. При этом статья 475 ГК РФ, в отличие от статьи 723 ГК РФ, прямо не предусматривает возможность исключения требования о снижении цены.

Механизм расчета уменьшения цены

Статья 475 ГК РФ не определяет способ расчета соразмерного уменьшения цены, в связи с чем в доктрине обсуждаются различные модели, основанные преимущественно на зарубежном опыте. Наиболее известным является подход английского права (*difference in value*), согласно которому уменьшение цены определяется как разница между рыночной стоимостью качественного и дефектного товара на момент ненадлежащего исполнения. Его недостатком считается игнорирование согласованной сторонами договорной цены[11].

Альтернативой выступает пропорциональный метод, при котором отношение рыночной стоимости дефектного товара к стоимости товара без недостатков применяется к договорной цене. При этом в разных правопорядках различается момент определения рыночной стоимости: в Германии учитывается дата заключения договора, тогда как во Франции и ряде европейских актов унификации – дата поставки товара ненадлежащего качества.

Пропорциональный метод подвергается критике, поскольку в зависимости от соотношения договорной и рыночной цены он может привести как к большему, так и к меньшему уменьшению цены по сравнению с моделью difference in value. Одни авторы предлагают ограничивать размер уменьшения объективной разницей между стоимостью качественного и дефектного товара[12], другие считают, что такое ограничение стирает различия между уменьшением цены и взысканием убытков[13]. Однако отказ от подобного ограничения затрудняет объяснение данного способа защиты через механизм устранения неосновательного обогащения.

Наряду с указанными подходами заслуживает внимания формула, восходящая к эдикту курульных эдилов, при которой из договорной цены вычитается разница между договорной и рыночной стоимостью дефектного товара на момент заключения договора. Такой подход исключает влияние последующих колебаний рыночных цен и учитывает договорную оценку вещи, что позволяет избежать неосновательного обогащения покупателя. Вместе с тем в отечественной литературе данный метод получил ограниченное распространение и преимущественно критикуется как малопригодный для подрядных отношений[14].

Проблематика иска об уменьшении цены в отечественной судебной практике

Не все вопросы, обсуждаемые в доктрине, нашли отражение в отечественной судебной практике. Среди тех, по которым правоприменитель высказывал мнение, можно выделить следующие:

Природа иска об уменьшении цены и сфера его применения

В судебной практике преобладает подход, согласно которому иск об уменьшении цены направлен на восстановление эквивалентности встречных предоставлений, что обосновывается существом договора купли-продажи и статьей 423 ГК РФ[15].

При этом возможность снижения цены признается не во всех возмездных договорах. Если соответствующее средство защиты прямо

---

[1] Борисов А.А. Соотношение права на соразмерное уменьшение цены с возмещением убытков: сравнительно-правовой аспект // Хозяйство и право. 2024. № 9. С. 85

[2] См. напр.: Филиппов Р.В. Соразмерное уменьшение установленной за работу цены как способ защиты прав заказчика по договору строительного подряда: проблемы теории и правоприменительной практики // Право и практика. 2021. № 4. С. 174

[3] См. напр.: Борисов А.А. Юридический механизм соразмерного уменьшения цены в российском и зарубежном праве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 9. С. 105; Гуна А.Н. Цит. соч. С. 155;

[4] См.: Борисов А.А. Юридический механизм… С. 89–93.

[5] См.: Общие положения о купле-продаже, поставка товара и купля-продажа недвижимости: комментарий… С. 628 (автор комментария – Карапетов А.Г.)

[6] Борисов А.А. Юридический механизм… С. 94–95.

[7] См.: Гуна А.Н. Цит. соч. С. 168–169; Трофимов С.В. Цит. соч. С. 93–102.

[8] См.: Трофимов С.В. Цит. соч. С. 106–107.

[9] См.: Гуна А.Н. Цит. соч. С. 171

[10] Применительно к подрядным отношениям см.: Лухманов М.И. Цит. соч. С. 305–306

[11] См.: Трофимов С.В. Соразмерное уменьшение цены как способ защиты гражданских прав… С. 92

[12] См. напр.: Трофимов С.В. Соразмерное уменьшение цены как способ защиты гражданских прав… С. 81

[13] Подробнее см.: Общие положения о купле-продаже, поставка товара и купля-продажа недвижимости: комментарий… С. 621 (автор комментария – Карапетов А.Г.).

[14] См.: Борисов А.А. Права заказчика при ненадлежащем качестве работ… С. 104–105; Лухманов М.И. Цит. соч. С. 280–281.

[15] См.: Постановления АС Западно-Сибирского округа от 16.12.2022 № Ф04–6767/2022 по делу № А27–6119/2022; АС Западно-Сибирского округа от 16.12.2022 N Ф04–6767/2022 по делу № А27–6119/2022

предусмотрено законом, его применение не вызывает затруднений. В отсутствие специальных норм, особенно применительно к смешанным договорам, судебная практика остается неоднородной. Так, одни суды допускают снижение цены по договорам возмездного оказания услуг на основании статьи 783 ГК РФ[1], другие, несмотря на аналогичную квалификацию договора, отказывают в удовлетворении соответствующих требований[2].

В ряде судебных актов уменьшение цены рассматривается как комплексный институт, сочетающий изменение договора и последующее кондикционное требование[3]. Вместе с тем встречаются и иные подходы, согласно которым уменьшение цены не связано с изменением договора либо представляет собой меру оперативного воздействия[4].

Порядок предъявления иска об уменьшении цены

Судебная практика посвящена преимущественно судебному порядку уменьшения цены, тогда как внесудебное снижение цены рассматривается значительно реже. При этом отношение судов к одностороннему уменьшению цены остается осторожным: в одних случаях оно признается недопустимым[5], в других – допускается при наличии соответствующего условия договора[6].

При оценке одностороннего уменьшения цены суды, как правило, исходят из правил о юридически значимых сообщениях (статья 165.1 ГК РФ)[7]. Однако на практике кредиторы чаще прибегают к судебному порядку защиты, поскольку необоснованное снижение цены может повлечь просрочку исполнения собственного обязательства. Удовлетворяя иск, суды взыскивают соответствующую разницу в цене, иногда прямо указывая на изменение цены в резолютивной части решения[8]. Вместе с тем в проанализированной практике отсутствуют случаи ретроспективного изменения договора, несмотря на обсуждение такой возможности в доктрине.

Требование об уменьшении цены нередко заявляется в качестве встречного иска. Если ранее суды исходили из невозможности заявлять его в форме возражения против иска продавца[9], то в настоящее время преобладает противоположный подход: соответствующее возражение допускается при условии, что кредитор докажет своевременное предъявление претензий относительно качества товара[10].

Судебная практика также подтверждает возможность последующей замены первоначально избранного способа защиты. Верховный Суд РФ признал допустимым переход от требования об уменьшении цены к требованию о расторжении договора и возврате уплаченных денежных средств при отсутствии надлежащей реакции продавца на ранее заявленные требования[11].

Условия предъявления иска об уменьшении цены

Наиболее распространенным основанием для отказа в удовлетворении требования об уменьшении цены является недоказанность недостатков предмета договора. Как правило, наличие либо отсутствие недостатков устанавливается посредством судебной экспертизы. При этом отказ возможен и в случае недоказанности стоимости дефектного товара, если истец не представил достаточных доказательств или не ходатайствовал о проведении экспертизы[12].

В судебной практике также возникают споры о квалификации недостатков как скрытых. При их разрешении суды исходят прежде всего из содержания договора. Если спорное свойство или отсутствие определенного качества было прямо согласовано сторонами, это может исключать возможность снижения цены[13].

При отсутствии прямого указания в договоре суды учитывают, мог ли покупатель знать о соответствующих обстоятельствах. В частности, профессиональному участнику оборота может быть отказано в уменьшении цены, если спорные обстоятельства были для него очевидны либо входили в сферу принимаемого им предпринимательского риска[14].

При рассмотрении требований об уменьшении цены суды, как правило, не исследуют вину продавца в возникновении недостатков. Вместе с тем при наличии гарантии качества обсуждается влияние непреодолимой силы (п. 2 ст. 476 ГК РФ). Обычно суды удовлетворяют требования покупателей ввиду недоказанности продавцом обстоятельств непреодолимой силы. Однако в отдельных случаях суды учитывают предпринимательский риск покупателя, особенно если невозможность исполнения обязательства была вызвана внешними обстоятельствами, которые профессиональный участник оборота должен был предвидеть[15].

Наконец, судебная практика подтверждает, что вопрос о наличии убытков у покупателя может иметь значение при рассмотрении требования об уменьшении цены. Так, в одном из дел суд отказал в удовлетворении иска, указав, что рыночная стоимость дефектного имущества превышала договорную цену.

Механизм расчета уменьшения цены

В связи с отсутствием законодательно предусмотренного порядка уменьшения цены, в судебной практике можно встретить различные способы расчета. Например, в проанализированном выше деле судами применена формула, установленная в эдикте курульных эдилов, когда из стоимости договора вычитается рыночная стоимость дефектного товара. В других делах суды вычитали из договорной цены процент износа автомобиля[16], а также процентное соотношение между предусмотренной в договоре площадью квартиры и реальной площадью[17]. Кроме того, суды учитывают разницу между рыночной стоимостью согласованного товара и фактически поставленного[18], а также расхождение товара со стоимостью по ГОСТу[19]. Часто можно встретить практику, когда покупатели просят уменьшить цену договора на стоимость расходов на самостоятельное устранение недостатков[20]. В этом случае, как отмечается в литературе, фактически происходит замещение одного иска другим[21].

Следует при этом отметить, что Конституционный суд легитимизирует судейское усмотрение по рассматриваемому вопросу, указывая, что он «разрешается в каждом конкретном деле судом в рамках предоставленных ему дискреционных полномочий»[22].

Заключение

С учетом изложенного можно сделать несколько критических замечаний:

1) Иск, который в современной доктрине связывают с *actio quanti minoris*, таковым не является. Последний был ограничен конкретным сроком, конкретным перечнем имущества и конкретным объемом возмещаемой разницы. Кроме того, в римском праве просто не существовало института частичного изменения договора, с которым современные юристы связывают иск об уменьшении покупной цены.

2) Причины сосуществования исков *quanti minoris* и *ex empto*, очевидно, следует искать в особенностях римского права в эпоху Юстиниана. В качестве гипотезы можно сказать, что это связано с изменением стандартов ответственности за нарушение обязательства. Классическое римское право шло по пути объективизации ответственности: вина (*culpa*) в нарушении обязательства есть всегда, если нет непреодолимой силы. В связи с этим Юлиану не было никакой нужды сохранять

[1] См.: Постановление АС Западно-Сибирского округа от 22.01.2021 № Ф04–6082/2020 по делу № А46–4591/2020

[2] См.: Постановление АС Московского округа от 28.06.2023 № Ф05–12664/2023 по делу № А40–207389/2022

[3] См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.11.2018 № Ф05–14185/2018 по делу № А40–163276/2017:

[4] См.: Постановление АС Уральского округа от 19.09.2023 № Ф09–5389/23 по делу № А47–16386/2021

[5] См.: Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.06.2019 № 17АП-14522/2017(9)-АК по делу № А50–7176/2017

[6] См.: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 06.12.2019 № 09АП-66795/2019, 09АП-66797/2019 по делу № А40–283157/2018.

[7] См.: Постановление АС Западно-Сибирского округа от 03.09.2020 № Ф04–3120/2020 по делу № А45–35864/2019

[8] См.: Постановление АС Западно-Сибирского округа от 03.09.2020 № Ф04–3120/2020 по делу № А45–35864/2019

[9] См.: Постановление ФАС Московского округа от 19.06.2009 № КГ-А40/3910–09 по делу № А40–64080/08–91–160:

[10] См.: Постановление АС Уральского округа от 24.02.2022 № Ф09–10975/21 по делу № А60–21105/2021

[11] См.: Определение СКГД ВС РФ от 01.03.2022 № 5-КГ21–190-К2.

[12] См.: Постановление АС Северо-Западного округа от 08.08.2019 № Ф07–8704/2019 по делу № А56–64607/2017

[13] См.: Постановление АС Северо-Западного округа от 18.03.2024 № Ф07–22276/2023 по делу № А56–35761/2022

[14] См.: Постановление АС Северо-Западного округа от 20.12.2022 № Ф07–16550/2022 по делу № А56–105647/2021

[15] См.: Постановление АС Московского округа от 26.09.2024 № Ф05–20583/2024 по делу № А40–203530/2022

[16] Постановление АС Дальневосточного округа от 09.06.2020 № Ф03–1844/2020 по делу № А37–81/2019

[17] Постановление АС Московского округа от 08.12.2017 по делу № А40–165525/14

[18] Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 02.06.2021 по делу № А19–6656/2020

[19] Постановление АС Уральского округа от 16.10.2019 по делу N А47–14913/2018

[20] См. напр.: Постановление Девятого ААС от 09.02.2021 № 09АП-78107/2020-ГК по делу № А40–68424/2020;

[21] Подробнее применительно к договору подряда см.: Лухманов М.И. Цит. соч. С. 285–295.

[22] Определение КС РФ от 26.01.2017 № 185-О

иск *actio quanti minoris*. В самом деле, по иску из купли можно было добиться того же и даже большего, а условие – предоставление дефектного товара – для обоих исков одно и то же. В эпоху Юстиниана с виной уже связаны субъективные представления должника (хотел – не хотел нарушить), доказать которые в ряде случаев трудно. А иск *quanti minoris* предоставлялся, когда продавец вообще не знал о недостатках товара, а значит, очевидно не хотел нарушать обязательство.

3) Сосуществование двух исков в кодификации Юстиниана, на наш взгляд, обуславливает трудности выведения иска об уменьшении цены за пределы института ответственности. Самый яркий пример – пропорциональный метод расчета уменьшения цены, который в ряде случаев обогащает самого покупателя. Лишь немногие современные исследователи предлагают ограничивать пропорциональный метод объективной разницей между рыночными ценами на качественный и дефектный товары. При допущении обогащения кредитора следует вести речь о предпочтении интересов покупателя перед интересами продавца, что вне правил об ответственности требует обоснования. Для экономической эквивалентности предоставлений места не остается.

Другой яркий пример – учет вины кредитора. Если мы говорим о том, что уменьшение цены никак не связано с ответственностью, то нет оснований для применения статьи 404 ГК РФ. Для института неосновательного обогащения вина потерпевшего не имеет значения. Тем не менее, большинство отечественных исследователей предлагают учитывать связь между возникновением недостатков в товаре и поведением покупателя.

4) Думается, что отмеченные проблемы могут быть решены в результате пересмотра института ответственности по модели объективного стандарта поведения продавца. Это облегчит взыскание убытков покупателем, но в то же время сделает ненужным выделение иска об уменьшении цены как отдельного средства правовой защиты.

Литература

1. Белов В.А. Гражданское право: В 4 т. Т. 4: Особенная часть. Относительные гражданско-правовые формы: В 2 кн. Кн. 1: Обязательства: Учебник для академического бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2016. – 443 с.
2. Борисов А.А. К вопросу о генерализации соразмерного уменьшения цены и ее пределов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2024. – N 8. – С. 102 – 132
3. Борисов А.А. Права заказчика при ненадлежащем качестве работ, выполненных по договору подряда // Проблемы строительного права: Сборник статей. Вып. 1 / Сост. и отв. ред. Н.Б. Щербаков. – М.: Статут, 2022. – С. 75 – 127.
4. Борисов А.А. Соотношение права на соразмерное уменьшение цены с возмещением убытков: сравнительно-правовой аспект // Хозяйство и право. – 2024. – N 9. – С. 73 – 87
5. Борисов А.А. Юридический механизм соразмерного уменьшения цены в российском и зарубежном праве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2024. – N 9. – С. 70 – 110
6. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. – М.: Статут, 2000. – 411 с.
7. Гуна А.Н. Соразмерное уменьшение цены как средство защиты кредитора // Вестник экономического правосудия РФ. – 2024. – N 3. – С. 150 – 189
8. Дождев Д.В. Римское частное право: учебник / Д. В. Дождев; под общ. ред. В.С. Нерсесянца. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. – 784 с.
9. Лухманов М.И. Соразмерное уменьшение цены как способ защиты прав заказчика по договору подряда // Проблемы строительного права: Сб. ст. Вып. 2 / Сост. и отв. ред. Н.Б. Щербаков. – М.: Статут, 2023. – С. 245 – 316.
10. Общие положения о купле-продаже, поставка товара и купля-продажа недвижимости: комментарий к статьям 454 – 491, 506 – 524, 549 – 558 Гражданского кодекса Российской Федерации. – [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. – Москва: М-Логос, 2023. – 1254 с.
11. Римское частное право: учебник/ коллектив авторов: под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. – М.: КНОРУС, 2016. – 608 с.
12. Трофимов С.В. Квалификация соразмерного уменьшения цены как способа защиты гражданских прав: соотношение с требованием о взыскании убытков и с отказом от договора // Вестник гражданского права. – 2024. – N 5. – С. 68 – 128.
13. Трофимов С.В. Соразмерное уменьшение цены как способ защиты гражданских прав: методика расчета и соотношение с требованием о возмещении вреда // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2023. – N 9. – С. 69 – 95.
14. Филиппов Р.В. Соразмерное уменьшение установленной за работу цены как способ защиты прав заказчика по договору строительного подряда: проблемы теории и правоприменительной практики // Право и практика. – 2021. – N 4. – С. 167 – 175.
15. Commentaries on European Contract Laws / ed. by N. Jansen, R. Zimmermann. – Oxford: Oxford University Press, 2018. – CLX, 2218 pp.
16. Hallebeek J. The Ignorant Seller's Liability for Latent Defects: One Regula or Various Sets of Rules? // The Creation of the Ius Commune From Casus to Regula / ed. Cairns J.W., Du Plessis P.J. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010. – pp. 170 – 212.
17. Ludovici J.F. Doctrina pandectarum. – Halae Magdeburgicae: Orphanotrophei, 1714. – 114 pp.
18. Определение КС РФ от 26.01.2017 № 185-О
19. Определение СКГД ВС РФ от 01.03.2022 № 5-КГ21-190-К2
20. Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 02.06.2021 по делу № А19-6656/2020
21. Постановление АС Дальневосточного округа от 09.06.2020 № Ф03-1844/2020 по делу № А37-81/2019
22. Постановление АС Западно-Сибирского округа от 03.09.2020 № Ф04-3120/2020 по делу № А45-35864/2019
23. Постановление АС Западно-Сибирского округа от 03.09.2020 № Ф04-3120/2020 по делу № А45-35864/2019
24. Постановление АС Западно-Сибирского округа от 16.12.2022 № Ф04-6767/2022 по делу № А27-6119/2022
25. Постановление АС Западно-Сибирского округа от 22.01.2021 № Ф04-6082/2020 по делу № А46-4591/2020
26. Постановление АС Московского округа от 08.12.2017 по делу № А40-165525/14
27. Постановление АС Московского округа от 01.11.2018 № Ф05-14185/2018 по делу № А40-163276/2017
28. Постановление АС Московского округа от 26.09.2024 № Ф05-20583/2024 по делу № А40-203530/2022
29. Постановление АС Московского округа от 28.06.2023 № Ф05-12664/2023 по делу № А40-207389/2022
30. Постановление АС Северо-Западного округа от 08.08.2019 № Ф07-8704/2019 по делу № А56-64607/2017
31. Постановление АС Северо-Западного округа от 18.03.2024 № Ф07-22276/2023 по делу № А56-35761/2022
32. Постановление АС Северо-Западного округа от 20.12.2022 № Ф07-16550/2022 по делу № А56-105647/2021
33. Постановление АС Уральского округа от 16.10.2019 по делу N А47-14913/2018
34. Постановление АС Уральского округа от 19.09.2023 № Ф09-5389/23 по делу № А47-16386/2021
35. Постановление АС Уральского округа от 24.02.2022 № Ф09-10975/21 по делу № А60-21105/2021
36. Постановление Девятого ААС от 09.02.2021 № 09АП-78107/2020-ГК по делу № А40-68424/2020
37. Постановление Девятого ААС от 06.12.2019 № 09АП-66795/2019, 09АП-66797/2019 по делу № А40-283157/2018
38. Постановление Семнадцатого ААС от 20.06.2019 № 17АП-14522/2017(9)-АК по делу № А50-7176/2017
39. Постановление ФАС Московского округа от 19.06.2009 № КГ-А40/3910-09 по делу № А40-64080/08-91-160

PRICE REDUCTION IN SALES: HISTORICAL-DOGMATIC FEATURES AND PRACTICAL APPLICATION OF THE REMEDY

Pestov M.M.
Kutafin Moscow State Law University

The article examines the remedy of price reduction in Russian civil law. The study aims to identify the historical origins of this remedy, analyze modern doctrinal approaches to its legal nature, conditions of application and methods for calculating the price reduction, and assess relevant judicial practice. The research is based on historical, comparative, formal legal and systemic methods. The author examines the Roman law origins of the remedy, compares foreign legal models and analyzes Russian case law. It is argued that the modern remedy of price reduction only conditionally derives from the Roman *actio quanti minoris*, while its treatment as a mechanism independent of civil liability gives rise to significant theoretical and practical inconsistencies. The novelty of the study lies in reinterpreting the legal nature of price reduction through the interaction between Roman legal doctrine and the modern concept of contractual liability.

Keywords: sale, price reduction, legal liability, remedy, losses.

References

1. Belov, V.A. Civil Law: In 4 volumes. Volume 4: Special Part. Relative Civil Law Forms: In 2 books. Book 1: Obligations: Textbook for Academic Bachelor's and Master's Degrees. 2nd ed., revised and expanded. – Moscow: Yurait, 2016. – 443 pages.

2. Borisov, A.A. On the Issue of Generalization of Proportionate Price Reduction and Its Limits // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. – 2024. – No. 8. – pp. 102–132

3. Borisov, A.A. Rights of the Customer in the Event of Unsatisfactory Quality of Work Performed under a Contract // Problems of Construction Law: Collection of Articles. Issue 1 / Compiled and edited by N.B. Shcherbakov. – M.: Statut, 2022. – P. 75 – 127.

4. Borisov, A.A. The Relationship between the Right to a Proportionate Price Reduction and Compensation for Damages: A Comparative Legal Aspect // Business and Law. – 2024. – No. 9. – P. 73 – 87

5. Borisov, A.A. The Legal Mechanism of a Proportionate Price Reduction in Russian and Foreign Law // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. – 2024. – No. 9. – P. 70 – 110

6. Gribanov, V.P. Implementation and Protection of Civil Rights. – M.: Statut, 2000. – 411 p.

7. Guna, A.N. Proportionate Price Reduction as a Means of Creditor Protection // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. – 2024. – No. 3. – P. 150 – 189

8. Dozhdev, D.V. Roman Private Law: Textbook / D. V. Dozhdev; edited by V. S. Nersesyants. - 3rd ed., corrected and supplemented. - Moscow: Norma: INFRA-M, 2018. - 784 p.

9. Lukhmanov M. I. Proportionate Price Reduction as a Method of Protecting the Customer's Rights under a Contract // Problems of Construction Law: Collection of Articles. Issue 2 / Compiled and edited by N. B. Shcherbakov. - Moscow: Statut, 2023. - pp. 245-316.

10. General Provisions on Purchase and Sale, Supply of Goods, and Purchase and Sale of Real Estate: Commentary on Articles 454-491, 506-524, 549-558 of the Civil Code of the Russian Federation. - [Electronic publication. [Revision 1.0] / Ed. A.G. Karapetyan. – Moscow: M-Logos, 2023. – 1254 p.

11. Roman Private Law: Textbook / Collective Authors: Ed. by I.B. Novitsky, I.S. Peretersky. – Moscow: KNORUS, 2016. – 608 p.

12. Trofimov, S.V. Qualification of Proportional Price Reduction as a Method of Protecting Civil Rights: Relationship with the Claim for Damages and with Termination of the Contract // Bulletin of Civil Law. – 2024. – No. 5. – pp. 68–128.

13. Trofimov, S.V. Proportional Price Reduction as a Method of Protecting Civil Rights: Calculation Methodology and Relationship with the Claim for Compensation for Damages // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. – 2023. – N 9. – pp. 69–95.

14. Filippov R.V. Proportionate reduction of the price established for work as a method of protecting the rights of the customer under a construction contract: problems of theory and law enforcement practice // Law and Practice. – 2021. – N 4. – pp. 167–175.

15. Commentaries on European Contract Laws / ed. by N. Jansen, R. Zimmermann. – Oxford: Oxford University Press, 2018. – CLX, 2218 pp.

16. Hallebeek J. The Ignorant Seller's Liability for Latent Defects: One Regula or Various Sets of Rules? // The Creation of the Ius Commune From Casus to Regula / ed. Cairns J.W., Du Plessis P.J. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010. – pp. 170 – 212.

17. Ludovici J.F. Doctrina pandectarum. – Halae Magdeburgicae: Orphanotrophei, 1714. – 114 pp.

18. Constitutional Court of the Russian Federation Ruling No. 185-O of January 26, 2017

19. Ruling of the SKGD Supreme Court of the Russian Federation of March 1, 2022 No. 5-KG21-190-K2

20. Resolution of the Arbitration Court of the East Siberian District of June 2, 2021 in case No. A19-6656/2020

21. Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District of June 9, 2020 No. F03-1844/2020 in case No. A37-81/2019

22. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District of September 3, 2020 No. F04-3120/2020 in case No. A45-35864/2019

23. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District of September 3, 2020, No. F04-3120/2020 in case No. A45-35864/2019

24. Resolution of the West Siberian District Arbitration Court dated December 16, 2022, No. F04-6767/2022 in case No. A27-6119/2022

25. Resolution of the West Siberian District Arbitration Court dated January 22, 2021, No. F04-6082/2020 in case No. A46-4591/2020

26. Resolution of the Moscow District Arbitration Court dated December 8, 2017 in case No. A40-165525/14

27. Resolution of the Moscow District Arbitration Court dated November 1, 2018, No. F05-14185/2018 in case No. A40-163276/2017

28. Resolution of the Moscow District Arbitration Court dated September 26, 2024 No. F05-20583/2024 in case No. A40-203530/2022

29. Resolution of the Moscow District Arbitration Court dated June 28, 2023 No. F05-12664/2023 in case No. A40-207389/2022

30. Resolution of the Northwestern District Arbitration Court dated August 8, 2019 No. F07-8704/2019 in case No. A56-64607/2017

31. Resolution of the Northwestern District Arbitration Court dated March 18, 2024 No. F07-22276/2023 in case No. A56-35761/2022

32. Resolution of the Northwestern District Arbitration Court dated December 20, 2022 No. F07-16550/2022 in case No. A56-105647/2021

33. Resolution of the Ural District Arbitration Court dated October 16, 2019 in case No. A47-14913/2018

34. Resolution of the Ural District Arbitration Court dated September 19, 2023 No. F09-5389/23 in case No. A47-16386/2021

35. Resolution of the Ural District Arbitration Court dated February 24, 2022 No. F09-10975/21 in case No. A60-21105/2021

36. Resolution of the Ninth AAC dated February 9, 2021 No. 09AP-78107/2020-GK in case No. A40-68424/2020

37. Resolution of the Ninth AAC dated December 6, 2019 No. 09AP-66795/2019, 09AP-66797/2019 in case No. A40-283157/2018

38. Resolution of the Seventeenth AAC dated June 20, 2019 No. 17AP-14522/2017(9)-AK in case No. A50-7176/2017

39. Resolution of the Federal Antimonopoly Service of Moscow

Правовой механизм реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: проблемы и направления совершенствования

Слипенко Алексей Николаевич,
магистр юриспруденции, Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

Стрельцын Борис Евгеньевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и трудового права Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

В статье исследуется правовой механизм реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сформировавшийся после принятия Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809. На основе анализа законодательства и правоприменительной практики выявляются пять системных проблем: фрагментарность нормативной базы при отсутствии системообразующего федерального закона; отсутствие формализованных критериев соответствия деятельности традиционным ценностям; отсутствие специализированного контрольно-надзорного органа; отраслевая асимметрия ценностно-ориентированного регулирования; несогласованность правоприменительной практики. Формулируются предложения по совершенствованию законодательства и правоприменения.

Ключевые слова: традиционные российские духовно-нравственные ценности, государственная политика, правовой механизм, стратегическое планирование, конституционная идентичность, публичный порядок, ценностная экспертиза, контрольно-надзорная деятельность.

Введение

Конституционная реформа 2020 года придала ценностной проблематике собственно юридическое, а не только политико-философское измерение. Положения о защите исторической правды, о государствообразующем народе и культуре как уникальном наследии многонационального народа России, о браке как союзе мужчины и женщины и о приоритете семейного воспитания детей образовали в Конституции Российской Федерации [1] нормативное ядро, вокруг которого стало формироваться отраслевое и подзаконное регулирование. Институциональным оформлением этого процесса стало утверждение Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (далее – Основы, Указ № 809) [18], впервые закрепивших легальную дефиницию традиционных ценностей, их перечень, цели и инструменты политики как части стратегического национального приоритета, предусмотренного Стратегией национальной безопасности Российской Федерации [17].

В 2025–2026 годах политика в данной сфере перешла из программно-целевой фазы в правоприменительную: появились нормы, влекущие конкретные правовые последствия для субъектов права. Недостатки юридической техники и институционального обеспечения приобретают в этих условиях практическое значение. В связи с этим особо важным стало выявление системных проблем правового механизма реализации указанной политики и предложение направлений его совершенствования.

Под правовым механизмом реализации государственной политики понимается система правовых средств – нормативных предписаний, процедур, институтов и правоприменительных актов, – посредством которых цели, закреплённые в документах стратегического планирования, преобразуются в юридически значимое поведение субъектов права. В рассматриваемой сфере он образован нормативной основой (конституционные положения, документы стратегического планирования, принимаемые в соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ [13], и отраслевое законодательство); институциональной основой, в которой реализация Основ отнесена к различным ведомствам, отдельные функции распределены между Минкультуры России, Минпросвещения России, Роскомнадзором и Минюстом России; процедурной основой – порядком оценки соответствия деятельности, информационной продукции и образовательных программ традиционным ценностям; и правоприменительной практикой.

Существенно, что перечень традиционных ценностей и содержание политики закреплены актом подзаконного уровня, тогда как конституционные положения о браке, семье и исторической правде обладают прямым нормативным действием. Это несовпадение уровней юридической силы предопределяет большинство рассматриваемых далее проблем. К 2026 году механизм приобрёл полноту на уровне целеполагания: Указом Президента РФ от 4 марта 2026 г. № 136 пункт 3 Основ изложен в новой редакции, вследствие чего они конкретизируют Стратегию государственной национальной политики до 2036 года [20], а их реализация обеспечена планом из 14 разделов и 138 мероприятий [21]. Между тем, на уровне законодательного закрепления и процедурного обеспечения механизм остаётся незавершённым.

Первая и основная проблема состоит в том, что нормативная основа механизма фрагментарна, а системообразующим актом выступает акт подзаконного уровня. Обеспечивающие реализацию политики нормы рассредоточены по федеральным законам различной отраслевой принадлежности – об основах законодательства о культуре, об образовании, об информации [2], о защите детей от вредной информации, о молодёжной политике, – причём каждый из них использует ценностную терминологию в собственном отраслевом значении, не соотнося её с дефиницией пункта 4 Основ. Возникает правовой парадокс: направление государственной деятельности, объявленное стратегическим национальным приоритетом, не имеет в основании акта законодательного уровня.

Указанное несоответствие имеет три следствия: терминологическую разнородность, поскольку конструкции «традиционные россий-

ские духовно-нравственные ценности», «традиционные семейные ценности», «духовно-нравственные ценности» используются без установления их соотношения; отсутствие единого перечня полномочий органов публичной власти; слабость гарантий прав субъектов, которые при применении ценностных требований ведомственными актами лишены возможности опереться на законодательно закреплённые критерии.

Предложение о разработке специального федерального закона высказывается, в частности, представителями религиозных организаций традиционных конфессий [28]. Можно считать целесообразным принятие федерального закона «Об основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», который должен содержать легальные определения используемых категорий, унифицированные с дефиницией Указа № 809; принципы политики; систему полномочий органов власти с их разграничением; правовые основы ценностной экспертизы – её предмет, процедуру и последствия; гарантии прав лиц, в отношении которых принимаются решения по результатам такой экспертизы, включая право на обжалование. Это прямо соответствовало бы задаче совершенствования нормативно-правовой базы, закреплённой в подпункте «а» пункта 25 Основ.

Вторая проблема носит содержательный характер. Пункт 5 Основ закрепляет перечень традиционных ценностей, однако не устанавливает формализованных критериев, позволяющих определить, соответствует ли им конкретная деятельность, информационный продукт или произведение культуры.

Федеральным законом от 31 июля 2025 г. № 324-ФЗ [16], вступившим в силу с 1 марта 2026 г., установлено, что наличие в фильме материалов, дискредитирующих традиционные российские духовно-нравственные ценности и (или) пропагандирующих их отрицание, является основанием для отказа в выдаче прокатного удостоверения, а владельцы аудиовизуальных сервисов обязаны прекращать распространение таких произведений в течение суток с момента получения требования Роскомнадзора. Порядок реализации этих норм установлен приказом Минкультуры России от 29 декабря 2025 г. № 2503 [22]: заключение выдаётся по обращению любого лица; для экспертной оценки Министерство вправе, но не обязано привлекать совет по оценке фильмов, решения которого носят рекомендательный характер; срок рассмотрения – не более 20 рабочих дней.

Конструкция обнаруживает существенный дефект юридической техники: процедура установлена, тогда как материальные критерии оценки отсутствуют. Приказ не определяет, какие признаки произведения свидетельствуют о дискредитации традиционных ценностей, как соотносятся художественный замысел и оценка отдельного эпизода, допустимо ли изображение социально порицаемого поведения в критическом контексте. Первые случаи применения механизма [31] подтверждают, что решение принимается административным органом без формализованных оснований и публичного обоснования, что противоречит принципу правовой определённости.

Предлагается нормативно закрепить методологию ценностной экспертизы. Соответствующий акт – постановление Правительства РФ, издаваемое на основании предлагаемого федерального закона, – должен определять предмет экспертизы и перечень оцениваемых объектов; систему индикаторов применительно к отдельным ценностям пункта 5 Основ; обязательность привлечения экспертов и требования к экспертным организациям; реквизиты заключения, включая мотивировку, и порядок его обжалования; правило об оценке произведения в целом и о недопустимости отождествления изображения явления с его пропагандой. Моделью может служить антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов [10], демонстрирующая, что оценочная по природе деятельность поддаётся процедурной формализации.

Третья проблема институциональна: законодательство не предусматривает самостоятельного органа, осуществляющего контрольно-надзорные функции в рассматриваемой сфере. Полномочия, влекущие непосредственные правовые последствия, распределены между ведомствами: Роскомнадзор контролирует информационную сферу, Рособрнадзор – сферу образования, Минюст России – экспертизу материалов на предмет экстремизма и деятельность некоммерческих организаций.

Такая конфигурация создаёт риск разнонаправленной практики, когда одно и то же произведение получает различную оценку в зависимости от рассматривающего вопрос ведомства, риск пробелов при контроле, риск дублирования, когда заключение Минкультуры России сосуществует с решением Роскомнадзора и результатами прокурорской проверки. На региональном уровне обеспечение развивается последовательнее – во многих субъектах Российской Федерации утверждены региональные планы мероприятий, в ряде регионов созданы специализированные совещательные органы [24], – однако они обладают лишь консультативными полномочиями.

Из двух возможных вариантов – создания самостоятельного федерального органа исполнительной власти либо образования межведомственной комиссии при Президенте Российской Федерации – более обоснован второй: новый орган повлёк бы организационные и бюджетные издержки и риск конкуренции полномочий с действующими ведомствами, тогда как комиссия обеспечивает единство подходов без перераспределения отраслевых компетенций. За комиссией целесообразно закрепить утверждение методологии ценностной экспертизы, рассмотрение межведомственных разногласий, сводный учёт заключений и подготовку обзоров практики, ежегодный доклад Президенту Российской Федерации. Одновременно необходимо законодательно определить пределы ценностного контроля – перечень его объектов, основания инициирования.

Четвёртая проблема состоит в неравномерности интеграции категории традиционных ценностей в отрасли законодательства. Наиболее последовательно она закреплена в законодательстве о культуре, об образовании и об информации: приказом Минпросвещения России от 10 ноября 2025 г. № 808 [23] утверждена федеральная рабочая программа по учебному предмету «Духовно-нравственная культура России», вводимому с 1 сентября 2026 г. в 5 классе, а в информационной сфере введены прямые запреты и процедуры их реализации.

В то же время в ряде отраслей категория практически не представлена. В семейном законодательстве ценностный компонент отражён точечно: Федеральным законом от 23 ноября 2024 г. № 405-ФЗ [15] изменены статьи 127 и 146 Семейного кодекса Российской Федерации в части требований к опекунам и усыновителям, тогда как общая норма-принцип, соотносящая регулирование семейных отношений с традиционными ценностями, отсутствует, хотя именно семейное право образует наиболее естественную сферу их действия. Составы преступлений против общественной нравственности (в частности, статьи 240–242.2 Уголовного кодекса Российской Федерации) не подвергались комплексной ревизии в контексте государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, ценностные ориентиры могли бы получить выражение через конкретизацию категории основ правопорядка и нравственности (статья 169 Гражданского кодекса Российской Федерации [5]), однако такая связь нормативно не установлена. Не отнесены традиционные ценности и к целям создания некоммерческих организаций (статья 2 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ [7]), хотя соответствующий межфракционный законопроект в апреле 2026 года направлен на заключение в Правительство РФ наряду с законопроектом об обязанности государственных служащих защищать такие ценности [27].

Предлагается провести системный аудит отраслевого законодательства на предмет соответствия целям Основ и по его результатам закрепить в Семейном кодексе Российской Федерации норму-принцип о сохранении и укреплении традиционных ценностей как одном из начал регулирования семейных отношений; провести ревизию составов главы 25 Уголовного кодекса Российской Федерации; дополнить статью 2 Федерального закона «О некоммерческих организациях» соответствующей целью создания.

Пятая проблема связана с состоянием судебной практики: суды обращались к ценностной проблематике ранее, чем она получила комплексное нормативное закрепление, вследствие чего сложившиеся подходы не образуют единой системы. Ключевое значение сохраняет Постановление Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2014 г. № 24-П [25], признавшее защиту нравственности и традиционных представлений о семье конституционно значимой целью, допускающей ограничение отдельных прав при соблюдении требований необходимости и соразмерности; оно принято за восемь лет до утверждения Основ. Решением Верховного Суда РФ от 30 ноября 2023 г. [26] «международное общественное движение ЛГБТ» признано экстремистской организацией, причём мотивировочная часть опирается на законодательство о противодействии экстремистской деятельности [8] и лишь опосредованно – на ориентиры Основ. Следствием стало то, что ценностная защита осуществляется через антиэкстремистский механизм, предназначенный для иных задач и предусматривающий более строгие последствия.

В ноябре 2025 года Конституционный Суд РФ опубликовал аналитический материал о конституционно-правовой защите человеческого достоинства, указав на необходимость поддержания равновесия между гарантиями индивидуальной автономии и утверждением конституционной идентичности российского государства, основанной на традиционных духовно-нравственных ценностях [30]. Тем самым Суд, опираясь на перечень Указа № 809, обозначил подход к разре-

шению коллизий между индивидуальными правами и ценностными основаниями правопорядка.

Практика обнаруживает три дефекта: разноуровневость правовых оснований, при которой сходные отношения оцениваются то через административно-деликтную конструкцию, то через антиэкстремистское законодательство, то через процедуру ведомственного заключения; отсутствие обобщающих разъяснений Верховного Суда Российской Федерации; непубличность правоприменительных решений, в частности, заключения по приказу Минкультуры России № 2503 не подлежат размещению. Предлагается подготовить постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, обобщающее практику применения ценностных категорий; установить обязательность публикации обезличенных ведомственных заключений с указанием мотивов; разграничить ценностную и антиэкстремистскую экспертизу, закрепив, что несоответствие традиционным ценностям само по себе не образует признаков экстремистской деятельности.

Рассматриваемый правовой механизм к 2026 году сформировался как самостоятельное направление публично-правового регулирования, однако находится на начальном этапе развития, а его дефекты носят системный характер.

Ключевой дефект – несоответствие уровня нормативного закрепления значимости регулируемых отношений: политика, отнесённая к стратегическим национальным приоритетам и влекущая ограничительные правовые последствия, опирается на подзаконный акт при отсутствии системообразующего федерального закона. Наиболее острый практический дефект – отсутствие материальных критериев ценностной оценки при детально урегулированной процедуре её проведения: опыт применения Федерального закона № 324-ФЗ и приказа Минкультуры России № 2503 показывает, что процедурная формализация без содержательной ведёт к решениям на основе неограниченного административного усмотрения.

Институциональное обеспечение политики требует либо создания нового федерального органа исполнительной власти, либо образования межведомственной комиссии при Президенте Российской Федерации с законодательным установлением пределов ценностного контроля; отраслевая интеграция категории должна осуществляться по результатам системного аудита законодательства; единство практики следует обеспечить разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации, публикацией обезличенных заключений и разграничением ценностной и антиэкстремистской экспертизы. Реализация этих предложений придала бы механизму качества системности, правовой определённости и процедурной прозрачности, отсутствие которых составляет основной риск для эффективности данной политики: устойчивость ценностного регулирования обеспечивается не расширением запретов, а качеством юридической формы, в которую они облечены.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 20.08.2026).

2. Основы законодательства Российской Федерации о культуре: утверждены Верховным Советом Российской Федерации 9 октября 1992 г. № 3612-I // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 46. – Ст. 2615.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

4. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. I). – Ст. 1.

7. О некоммерческих организациях: Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 3. – Ст. 145.

8. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.

9. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (ч. I). – Ст. 3448.

10. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 29. – Ст. 3609.

11. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1. – Ст. 48.

12. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 53 (ч. I). – Ст. 7598.

13. О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 26 (ч. I). – Ст. 3378.

14. О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 1. – Ст. 28.

15. О внесении изменений в статьи 127 и 146 Семейного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 23 ноября 2024 г. № 405-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 48. – Ст. 7212.

16. О внесении изменений в статьи 10.5 и 10.6 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 5 и 5.1 Федерального закона «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации»: Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 324-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2025. – 31 июля, № 0001202507310070. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507310070 (дата обращения: 20.08.2026).

17. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 27 (ч. II). – Ст. 5351.

18. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809: в редакции Указа Президента Российской Федерации от 4 марта 2026 г. № 136 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 46. – Ст. 7977.

19. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года: Указ Президента Российской Федерации от 25 ноября 2025 г. № 858 // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2025. – 25 ноября, № 0001202511250024. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202511250024 (дата обращения: 20.08.2026).

20. О внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 4 марта 2026 г. № 136 // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2026. – 4 марта, № 0001202603040016. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202603040016 (дата обращения: 20.08.2026).

21. Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2024–2026 годах Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: распоряжение Правительства Российской Федерации от 1 июля 2024 г. № 1734-р: в редакции от 14 ноября 2025 г. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

22. Об утверждении Порядка и случаев выдачи заключений о соответствии содержания фильма традиционным российским духовно-нравственным ценностям: приказ Министерства культуры Российской Федерации от 29 декабря 2025 г. № 2503: зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации 9 февраля 2026 г., регистрационный № 85277. – URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 20.08.2026).

23. Об утверждении федеральной рабочей программы по учебному предмету «Духовно-нравственная культура России»: приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 10 ноября 2025 г. № 808: зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации 12 февраля 2026 г., регистрационный № 85296. – URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 20.08.2026).

24. О Совете при Главе Республики Карелия по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей:

Указ Главы Республики Карелия от 26 июня 2024 г. № 41. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

25. По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексеева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 сентября 2014 г. № 24-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 40 (ч. III). – Ст. 5489.

26. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2023 г. по делу № АКПИ23–990с. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

27. В Госдуме предложили включить поддержку традиционных ценностей в цели создания НКО // ТАСС. – 2026. – 6 апреля. – URL: https://tass.ru/obschestvo/27013933 (дата обращения: 20.08.2026).

28. В Русской православной церкви предложили принять закон о защите традиционных ценностей // НацАкцент. – 2026. – 13 марта. – URL: https://nazaccent.ru/content/45240-v-rpc-predlozhili-prinyat-zakon-o/ (дата обращения: 20.08.2026).

29. Госслужащих в России могут обязать защищать традиционные ценности // Парламентская газета. – 2026. – 16 апреля. – URL: https://www.pnp.ru/social/gossluzhashhikh-v-rossii-mogut-obyazat-zashhishhat-tradicionnye-cennosti.html (дата обращения: 20.08.2026).

30. Конституционный Суд сфокусировался на традиционных ценностях // Ведомости. – 2025. – 6 ноября. – URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/11/06/1152528-konstitutsionnii-sud-sfokusirovalsya-na-traditsionnih-tsennostyah (дата обращения: 20.08.2026).

31. Минкультуры сообщило о выдаче заключения о соответствии фильма традиционным ценностям // Интерфакс. – 2026. – 28 апреля. – URL: https://www.interfax.ru/culture/1086565 (дата обращения: 20.08.2026).

THE LEGAL MECHANISM FOR THE IMPLEMENTATION OF STATE POLICY ON THE PRESERVATION AND STRENGTHENING OF TRADITIONAL RUSSIAN SPIRITUAL AND MORAL VALUES: PROBLEMS AND AREAS OF IMPROVEMENT

Slipenko A.N., Streltsyn B.E.
Northwestern Institute of Management of the RANEPA under the President of the Russian Federation

The article examines the legal mechanism for implementing state policy to preserve and strengthen traditional Russian spiritual and moral values, which was formed after the adoption of Presidential Decree No. 809 of November 9, 2022. Based on the analysis of legislation and law enforcement practice, five systemic problems are identified: fragmentation of the regulatory framework in the absence of a system-forming federal law; lack of formalized criteria for compliance with traditional values; lack of a specialized regulatory authority; sectoral asymmetry of value-based regulation; inconsistency of law enforcement practice. Proposals are being formulated to improve legislation and law enforcement.

Keywords: traditional Russian spiritual and moral values, state policy, legal mechanism, strategic planning, constitutional identity, public order, value expertise, control and supervisory activities.

References

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993: with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020 // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: http://pravo.gov.ru (date of access: August 20, 2026).

2. Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Culture: approved by the Supreme Soviet of the Russian Federation on October 9, 1992, No. 3612-I // Bulletin of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Soviet of the Russian Federation. – 1992. – No. 46. – Art. 2615.

3. Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law of November 30, 1994, No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.

4. Family Code of the Russian Federation: Federal Law of December 29, 1995 No. 223-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 1. – Art. 16.

5. Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of June 13, 1996 No. 63-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25. – Art. 2954.

6. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: Federal Law of December 30, 2001 No. 195-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 1 (Part I). – Art. 1.

7. On Non-Commercial Organizations: Federal Law of January 12, 1996 No. 7-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 3. – Art. 145.

8. On Counteracting Extremist Activity: Federal Law of July 25, 2002 No. 114-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 30. – Art. 3031.

9. On Information, Information Technologies, and Information Protection: Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2006. – No. 31 (Part I). – Art. 3448.

10. On the anti-corruption examination of regulatory legal acts and draft regulatory legal acts: Federal Law of July 17, 2009 No. 172-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2009. – No. 29. – Art. 3609.

11. On the protection of children from information harmful to their health and development: Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2011. – No. 1. – Art. 48.

12. On education in the Russian Federation: Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2012. – No. 53 (Part I). – Art. 7598.

13. On Strategic Planning in the Russian Federation: Federal Law of June 28, 2014 No. 172-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2014. – No. 26 (Part I). – Art. 3378.

14. On Youth Policy in the Russian Federation: Federal Law of December 30, 2020 No. 489-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2021. – No. 1. – Art. 28.

15. On Amendments to Articles 127 and 146 of the Family Code of the Russian Federation: Federal Law of November 23, 2024 No. 405-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2024. – No. 48. – Art. 7212.

16. On Amendments to Articles 10.5 and 10.6 of the Federal Law "On Information, Information Technologies, and Information Protection" and Articles 5 and 5.1 of the Federal Law "On State Support for Cinematography of the Russian Federation": Federal Law of July 31, 2025 No. 324-FZ // Official Internet Portal of Legal Information. – 2025. – July 31, No. 0001202507310070. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507310070 (date of access: August 20, 2026).

17. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2021. – No. 27 (Part II). – Art. 5351.

18. On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809: as amended by Decree of the President of the Russian Federation of March 4, 2026 No. 136 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2022. – No. 46. – Art. 7977.

19. On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period through 2036: Decree of the President of the Russian Federation of November 25, 2025 No. 858 // Official Internet Portal of Legal Information. – 2025. – November 25, No. 0001202511250024. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202511250024 (date of access: August 20, 2026).

20. On Amendments to Certain Acts of the President of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of March 4, 2026 No. 136 // Official Internet Portal of Legal Information. – 2026. – March 4, No. 0001202603040016. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202603040016 (date of access: August 20, 2026).

21. On approval of the action plan for the implementation in 2024–2026 of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Order of the Government of the Russian Federation dated July 1, 2024 No. 1734-r: as amended on November 14, 2025 – AccessFrom the ConsultantPlus legal reference system.

22. On approval of the Procedure and cases for issuing conclusions on the conformity of film content with traditional Russian spiritual and moral values: Order of the Ministry of Culture of the Russian Federation dated December 29, 2025, No. 2503: registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on February 9, 2026, registration No. 85277. – URL: http://publication.pravo.gov.ru (date of access: August 20, 2026).

23. On approval of the federal work program for the academic subject "Spiritual and Moral Culture of Russia": Order of the Ministry of Education of the Russian Federation dated November 10, 2025 No. 808: registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on February 12, 2026, registration No. 85296. – URL: http://publication.pravo.gov.ru (date of access: August 20, 2026).

24. On the Council under the Head of the Republic of Karelia for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Decree of the Head of the Republic of Karelia dated June 26, 2024 No. 41. – Access from the ConsultantPlus legal reference system.

25. Regarding the review of the constitutionality of Part 1 of Article 6.21 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses in connection with the complaint of citizens N.A. Alekseev, Ya.N. Yevtushenko, and D.A. Isakov: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of September 23, 2014, No. 24-P // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2014. – No. 40 (Part III). – Article 5489.

26. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of November 30, 2023, in case No. AKPI23–990s. – Access from the ConsultantPlus legal reference system.

27. The State Duma proposed to include support for traditional values in the goals of creating NPOs // TASS. – 2026. – April 6. – URL: https://tass.ru/obschestvo/27013933 (date of access: 20.08.2026).

28. The Russian Orthodox Church proposed adopting a law on the protection of traditional values // NatsAktsent. – 2026. – March 13. – URL: https://nazaccent.ru/content/45240-v-rpc-predlozhili-prinyat-zakon-o/ (date of access: 20.08.2026).

29. Civil servants in Russia may be obliged to protect traditional values // Parlamentskaya Gazeta. – 2026. – April 16. – URL: https://www.pnp.ru/social/gossluzhashhikh-v-rossii-mogut-obyazat-zashhishhat-tradicionnye-cennosti.html (date of access: 20.08.2026).

30. The Constitutional Court focused on traditional values // Vedomosti. – 2025. – November 6. – URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/11/06/1152528-konstitutsionnii-sud-sfokusirovalsya-na-traditsionnih-tsennostyah (date of access: 20.08.2026).

31. The Ministry of Culture announced the issuance of an opinion on the film's compliance with traditional values // Interfax. – 2026. – April 28. – URL: https://www.interfax.ru/culture/1086565 (accessed: 20.08.2026).

Суверенитет и глобальные цели: трансформация аксиологии национального права

Соколов Вадим Вячеславович,
кандидат исторических наук, доцент, сенатор Российской Федерации, Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации

В статье исследуется соотношение государственного суверенитета и глобальных целей развития как фактор трансформации аксиологии национального права. Обосновывается, что глобальные цели не могут рассматриваться ни как внешняя угроза правопорядку, ни как самостоятельный источник изменения конституционно закрепленной системы ценностей. Их юридическое значение возникает только при национально-правовой адаптации, включающей конституционную фильтрацию, оценку соразмерности, институциональную конкретизацию и судебную проверяемость. Особое внимание уделяется рискам подмены правовых ценностей управленческими индикаторами, проблеме стратегического планирования, цифровой трансформации и экологической повестке. Делается вывод о том, что современный суверенитет выступает не формой самоизоляции, а способностью национального правопорядка самостоятельно определять меру участия в глобальных процессах при сохранении собственной ценностной идентичности.

Ключевые слова: суверенитет, глобальные цели, национальное право, аксиология права, конституционная идентичность, устойчивое развитие, стратегическое планирование, правовая политика.

Проблема соотношения государственного суверенитета и глобальных целей развития в последние годы приобрела значение не только политико-правового, но и собственно аксиологического вопроса. Национальное право все чаще оказывается включенным в систему внешних ожиданий, выраженных в универсальных декларациях, международных стандартах, трансграничных режимах регулирования, климатических и цифровых повестках. При этом само присутствие таких целей в правовом пространстве не является отрицательным явлением. Напротив, многие из них связаны с охраной человеческого достоинства, устойчивостью институтов, защитой окружающей среды, технологической безопасностью и качеством публичного управления. Проблема возникает тогда, когда глобальная цель начинает восприниматься не как предмет национально-правовой адаптации, а как самостоятельный источник переоценки внутренних ценностей права, способный вытеснять конституционную и культурно-историческую основу правопорядка.

Конституция Российской Федерации [1] закрепляет суверенитет, верховенство права и целостность правовой системы как исходные условия существования государства. В этой связи аксиология национального права не может быть понята как открытая совокупность внешне привносимых приоритетов. Она опирается на представление о народовластии, федерализме, правовом государстве, достоинстве личности, социальной направленности государства и самостоятельности публичной власти в определении целей развития. Однако современная правовая реальность показывает, что ценности национального правопорядка не существуют в изоляции. Они постоянно соотносятся с международными обязательствами, экономическими взаимозависимостями, технологическими стандартами и ожиданиями участия в глобальных процессах. Именно в этой точке формируется главный вопрос: каким образом национальное право может воспринимать глобальные цели, не утрачивая собственной ценностной и телеологической самостоятельности.

Нормативная основа такого соотношения складывается из нескольких уровней. Устав Организации Объединенных Наций [2] исходит из принципа суверенного равенства государств и одновременно фиксирует необходимость международного сотрудничества. Повестка дня в области устойчивого развития до 2030 года формулирует широкий комплекс целей, затрагивающих социальную, экономическую, экологическую и институциональную сферы [3]. В российском праве соответствующая проблематика получает отражение через законодательство о стратегическом планировании, безопасности, развитии научно-технологического потенциала, охране окружающей среды, цифровой трансформации и защите прав человека [4, 5, 6]. Следовательно, речь идет не о простом противопоставлении национального и глобального, а о необходимости юридически корректного способа перевода глобальных ориентиров на язык национального правопорядка.

В доктрине права [8] суверенитет нередко рассматривается как способность государства самостоятельно определять пределы собственной юрисдикции и содержание публично значимых целей. Такой подход сохраняет значение, но нуждается в уточнении применительно к современным условиям. Суверенитет уже не сводится к формальному непризнанию внешнего давления. Он включает способность государства различать, какие внешние стандарты совместимы с конституционной идентичностью, какие требуют правовой переработки, а какие не могут быть восприняты без разрушения внутренней логики правового регулирования. В этом смысле, как представляется, суверенитет приобретает не только охранительную, но и конструктивную функцию, поскольку он обеспечивает правовой отбор целей, их иерархизацию и включение в национальную систему ценностей без утраты ее исходных оснований.

Глобальные цели по своей природе не являются единым и непротиворечивым массивом. Так, они включают гуманитарные, экологические, экономические, цифровые и управленческие ориентиры, которые в конкретной правовой ситуации способны вступать между собой в конфликт. Например, цель технологической эффективности может противостоять цели защиты частной жизни; экологическая повестка может вступать в напряжение с промышленной политикой; требования открытости и прозрачности могут конкурировать с интересами безо-

пасности и защиты критической инфраструктуры. Поэтому механическое перенесение глобальных целей в национальное законодательство неизбежно создает риск внутренней ценностной несогласованности. Как следствие, национальное право вынуждено не просто признавать такие цели, а устанавливать их место в собственной системе приоритетов.

Особую методологическую значимость имеет различение ценности и индикатора. В глобальных программах правовая цель нередко выражается через измеримые показатели: уровень бедности, доступность образования, качество городской среды, цифровую связанность, экологические параметры. Для публичного управления такие показатели необходимы. Однако право, по справедливому замечанию В.В. Лапаевой [10], не может быть сведено к технике достижения индикаторов, поскольку юридическая ценность шире управленческого результата. Если правовой смысл социальной политики подменяется отчетным показателем, право утрачивает способность удерживать меру справедливости, индивидуальной защиты и институционального баланса. В этом проявляется один из главных рисков трансформации аксиологии национального права под воздействием глобальной повестки.

Российская правовая система уже располагает средствами, позволяющими удерживать указанный баланс. Законодательство о стратегическом планировании исходит из необходимости согласования целей, задач и документов развития [4]. Закон о безопасности закрепляет системный характер обеспечения безопасности и связь этой деятельности с защитой прав и свобод человека и гражданина [5]. Национальные стратегии и государственные программы, в свою очередь, переводят общие ориентиры в юридически и организационно определенные решения. Тем не менее наличие таких инструментов само по себе не исключает риска ценностной фрагментации. Существенно, чтобы стратегические документы не превращались в параллельный слой правового регулирования, фактически задающий приоритеты вне конституционной и законодательной рамки.

Трансформация аксиологии национального права особенно заметна в тех сферах, где глобальные цели приобретают характер универсального стандарта надлежащего управления. Так происходит в экологическом регулировании, цифровой политике, корпоративной отчетности, защите персональных данных, противодействии коррупции, финансовом контроле и регулировании искусственного интеллекта. Каждая из этих сфер предполагает включение национального законодателя в трансграничный оборот идей и моделей. Однако юридическая приемлемость соответствующих моделей, как справедливо отмечает Р. Алекси [7], зависит не от степени их международной распространенности, а от того, насколько они согласуются с принципами правовой определенности, пропорциональности, справедливости, недопустимости произвольного ограничения прав и институциональной ответственности публичной власти.

В этом отношении показателен вопрос о цифровизации публичного управления. Глобальная цель повышения эффективности государства может побуждать к расширению автоматизированных решений, межведомственного обмена данными и предиктивной аналитики. Но в национальном праве такая цель не может быть реализована ценой отказа от юридически значимого индивидуального рассмотрения, права на объяснение решения, судебной защиты и контроля за обработкой персональных данных. Иначе технологическая рациональность начинает вытеснять правовую рациональность. Суверенная аксиология в данном случае выражается не в отрицании цифровых инструментов, а в подчинении их конституционным гарантиям и требованиям процессуальной проверяемости.

Сходная логика, по мнению автора публикации, применима к экологическим и климатическим целям. Они объективно обладают трансграничной природой, поскольку экологический вред и климатические риски не совпадают с государственными границами. Однако правовая интеграция таких целей предполагает учет структуры национальной экономики, социальной устойчивости, региональных различий и промышленной безопасности. Если экологический стандарт вводится как внешняя обязанность без внутренней правовой адаптации, он способен породить не устойчивое развитие, а социально-экономическую диспропорцию. Напротив, если государство переводит экологическую цель в систему последовательных правовых мер, учитывающих права граждан, обязанности хозяйствующих субъектов и возможности публичной инфраструктуры, глобальная цель становится элементом национальной правовой политики, а не фактором внешнего нормативного давления.

Нельзя игнорировать и то обстоятельство, что глобальные цели нередко сопровождаются конкуренцией интерпретаций. Одна и та же категория – устойчивое развитие, безопасность, инклюзивность, цифровая открытость – может наполняться различным содержанием в зависимости от политико-правового контекста. Поэтому законодатель не должен воспринимать такие категории как нейтральные технические термины. За ними всегда стоит определенная модель общества, государства, экономики и соотношения публичного и частного интереса. В этом смысле аксиологический суверенитет выражается в праве и обязанности государства давать собственное юридическое толкование глобальным категориям с учетом конституционных принципов и исторически сложившейся правовой культуры.

Вместе с тем суверенный подход не должен превращаться в самоизоляцию. Абсолютизация внутренней автономии способна привести к тому, что национальное право утратит способность реагировать на трансграничные вызовы, требующие совместных решений. Противодействие киберугрозам, защита биологической безопасности, регулирование финансовых потоков, международное научное сотрудничество и охрана окружающей среды невозможны исключительно средствами замкнутой юрисдикции. Следовательно, современный суверенитет предполагает не отказ от участия в глобальных целях, а правовую способность участвовать в них на условиях конституционной соразмерности, взаимности и сохранения собственной нормативной идентичности.

Особую роль в такой модели играет судебная власть. Именно суды в конкретных спорах устанавливают, каким образом общие цели развития соотносятся с субъективными правами, законными интересами и пределами публичного усмотрения. Если глобальная цель используется органом власти как аргумент для ограничения права, суд должен проверить не только формальную законность меры, но и ее необходимость, соразмерность и связь с конституционно значимой задачей. При отсутствии такой проверки глобальная цель превращается в универсальную «легитимационную формулу», способную оправдать чрезмерное вмешательство. В этой связи судебный контроль является важным условием сохранения аксиологической целостности национального права.

Доктрина также должна отказаться от упрощенного противопоставления национального и глобального. Более продуктивным, по мнению автора публикации, представляется подход, при котором глобальные цели рассматриваются как внешний ценностный материал, нуждающийся в правовой переработке. Такая переработка включает определение конституционно допустимой цели, выбор правовых средств, установление гарантий от злоупотребления, проверку воздействия на права человека и оценку институциональных последствий. Только при наличии этих элементов глобальная цель перестает быть декларацией и становится юридически управляемым компонентом национальной правовой системы.

Следовательно, трансформация аксиологии национального права под воздействием глобальных целей имеет двойственный характер. С одной стороны, она расширяет горизонты правового регулирования, заставляет учитывать долгосрочные риски, межпоколенческую справедливость, технологическую безопасность и экологическую устойчивость. С другой стороны, она может привести к ослаблению внутренней иерархии ценностей, если внешние ориентиры воспринимаются без достаточной конституционной фильтрации [9]. Ключевое значение имеет не сам факт обращения к глобальным целям, а способ их юридического включения в национальную систему.

Таким образом, суверенитет в современных условиях следует понимать как способность национального правопорядка самостоятельно определять ценностную меру участия в глобальных процессах. Глобальные цели не отменяют аксиологию национального права и не могут подменить собой конституционно закрепленные основания правового регулирования. Их значение состоит в том, что они выявляют новые риски и направления развития, требующие правовой реакции. Однако такая реакция должна оставаться внутренне согласованной, институционально ответственной и конституционно обоснованной. Лишь при этом условии взаимодействие суверенитета и глобальных целей становится не фактором размывания национального права, а способом его содержательного обновления.

Аксиологическая устойчивость национального права предполагает наличие внутреннего критерия, позволяющего отличать правовое развитие от внешне навязанной смены смысловых оснований. Такой критерий не может быть сведен к простой ссылке на государственный интерес, поскольку сам государственный интерес в правовом государстве нуждается в конституционном содержании. Он должен соотноситься с достоинством личности, социальной солидарностью, публичной безопасностью [11], правовой определенностью и ответственностью власти перед обществом. Поэтому суверенный отбор глобальных целей требует не декларативного отрицания внешних стандартов, а юридически мотивированного выяснения того, какие ценности они усиливают,

какие институты затрагивают и какие риски создают для внутренней согласованности правовой системы.

В научном плане особенно важно учитывать, что глобальная цель редко входит в национальное право в первоначальном, программном виде [12, 13]. Между международной декларацией и нормой внутреннего права всегда находится стадия правовой медиатизации: политическое решение, законодательная техника, подзаконная конкретизация, административная практика и судебная интерпретация. Именно на этой стадии и происходит подлинная трансформация аксиологии. Если законодатель ограничивается буквальным воспроизведением глобальной формулы, она остается мало пригодной для правоприменения. Если же он раскрывает ее через понятные юридические обязанности, пределы усмотрения и гарантии защиты прав, глобальная цель получает национально-правовую форму, совместимую с принципами суверенного правопорядка.

Следует согласится с мнением Ф. Фукуямы [14], согласно которому наиболее опасной является не сама внешняя ориентация права, а постепенное размывание языка юридической аргументации управленческими категориями. Когда в нормативных актах и правоприменительных решениях доминируют выражения вроде эффективности, рейтингового соответствия, инвестиционной привлекательности или международной сопоставимости, возникает соблазн считать достижение измеримого результата достаточным основанием для ограничения права. Между тем правовая система не может существовать как приложение к управленческой статистике[20]. Она обязана сохранять способность задавать вопрос о справедливости средства, о допустимости вмешательства и о том, не уничтожает ли выбранный механизм ту ценность, ради которой он формально вводится.

В этом контексте нуждается в уточнении и категория национальных интересов. Она не должна пониматься как произвольная формула, позволяющая исключить любую внешнюю цель из правового рассмотрения. Национальный интерес имеет юридическое значение лишь тогда, когда он выражен через конституционно значимые блага и может быть соотнесен с конкретными правовыми средствами[17]. Поэтому ссылка на национальный интерес не освобождает государство от обязанности обосновывать меру вмешательства, а, напротив, повышает требования к качеству такой аргументации. Иначе суверенитет рискует быть истолкован не как форма правовой ответственности, а как пространство неограниченного усмотрения.

Особое значение приобретает проблема межпоколенческой справедливости. Многие глобальные цели направлены на защиту интересов не только ныне живущих граждан, но и будущих поколений. Национальное право традиционно более уверенно работает с наличным субъектом права, чем с будущим адресатом правовой охраны[15]. Тем не менее экологические, демографические, научно-технологические и инфраструктурные решения показывают, что игнорирование долгосрочного горизонта способно подорвать саму материальную основу суверенитета[16]. Следовательно, включение межпоколенческого измерения в правовую политику не противоречит национальной аксиологии, если оно осуществляется через понятные обязанности государства, разумное распределение публичных ресурсов и сохранение правовой защиты конкретного человека.

Не менее сложным является вопрос о соотношении универсализма прав человека и культурно-исторической определенности национального правопорядка. С одной стороны, права и свободы человека обладают значением, выходящим за пределы отдельной юрисдикции. С другой стороны, формы их обеспечения, процессуальные гарантии и институциональные механизмы не могут быть одинаковыми во всех правовых системах. Поэтому национальная аксиология не должна противопоставляться правам человека как внешнему стандарту[18]. Напротив, ее задача состоит в том, чтобы раскрывать универсальные правовые ценности через устойчивые формы внутреннего права, обеспечивающие не риторическое признание права, а реальную возможность его защиты.

Практический вывод состоит в необходимости более строгой юридической экспертизы документов стратегического и программного характера. Такая экспертиза, по мнению автора публикации, должна оценивать не только соответствие проекта действующему законодательству, но и его влияние на иерархию правовых ценностей. Вопрос должен ставиться следующим образом: не подменяет ли проект конституционную цель ведомственным показателем; не создает ли он необоснованного преимущества одной публичной задачи перед другой; предусмотрены ли процессуальные гарантии для лиц, чьи права затрагиваются; сохранена ли возможность судебного контроля. Без такого аксиологического анализа стратегическое планирование может стать источником скрытого изменения содержания права[19].

В конечном счете взаимодействие суверенитета и глобальных целей требует не выбора между закрытостью и заимствованием, а выработки зрелой модели правовой селекции. Национальное право должно быть открытым к тем целям, которые усиливают защиту человека, устойчивость общества и качество публичной власти, но оно не вправе утрачивать способность к самостоятельной оценке способов их реализации. Такая модель позволяет избежать как внешней нормативной зависимости, так и внутренней самоизоляции. Именно в этом заключается современное содержание аксиологического суверенитета: не в отказе от универсального языка права, а в праве и обязанности переводить его на язык собственной конституционной ответственности.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.: с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации.

2. Устав Организации Объединенных Наций: подписан 26 июня 1945 г. // Организация Объединенных Наций: офиц. сайт.

3. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сент. 2015 г. № 70/1 // Организация Объединенных Наций: офиц. сайт.

4. О стратегическом планировании в Российской Федерации: федер. закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 26, ч. I. – Ст. 3378.

5. О безопасности: федер. закон от 28 дек. 2010 г. № 390-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1. – Ст. 2.

6. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 27, ч. II. – Ст. 5351.

7. Алекси Р. Понятие и действительность права / пер. с нем. – Москва: Инфотропик Медиа, 2011. – 192 с.

8. Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник. – Москва: Омега-Л, 2019. – 608 с.

9. Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории: монография. – Москва: Норма, 2016. – 240 с.

10. Лапаева В.В. Право и правовой закон в современном российском обществе: монография. – Москва: Норма, 2016. – 384 с.

11. Мальцев Г.В. Социальные основания права: монография. – Москва: Норма, 2007. – 800 с.

12. Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. – Москва: Формула права, 2010. – 400 с.

13. Хабермас Ю. Между фактами и нормами. – Москва: Весь Мир, 2000. – 624 с.

14. Фукуяма Ф. Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке / пер. с англ. – Москва: АСТ, 2006. – 220 с.

15. Право на жизнь, здоровье, собственность: монография. / Л.А. Андреева, В.В. Батин, К.В. Дядюн [и др.]. – Новосибирск: НП «СибАК», 2013. – 160 с.

16. Ланг, П.П. Правопорядок: ценностно-правовой аспект / П.П. Ланг // Российская юстиция. – 2022. – № 10. – С. 9–13. – DOI 10.52433/01316761_2022_10_09.

17. Churakova, E. N. E-Money as a Financial Instrument in Globalized Economy: Russian Legislation Experience / E.N. Churakova, P.P. Lang // Economic Systems in the New Era: Stable Systems in an Unstable World / Editors: Svetlana Igorevna Ashmarina, Jakub Horák, Jaromír Vrbka, Petr Šuleř. – Cham: Springer Nature, 2021. – P. 815–821. – DOI 10.1007/978–3–030–60929–0_105.

18. Peculiarities of protecting the rights of participants of financial markets in court / G.E. Ageeva, P.P. Lang, A.V. Loshkarev [et al.] // The Future of the Global Financial System: Downfall or Harmony. – Cham, Switzerland: Springer Nature, 2019. – P. 545–552. – DOI 10.1007/978–3–030–00102–5_57.

19. Ланг, П.П. Правовая реальность: философско-правовой анализ / П.П. Ланг // Юридический вестник Самарского университета. – 2022. – Т. 8, № 2. – С. 11–17. – DOI 10.18287/2542–047X-2022–8–2–11–17.

20. Churakova, E.N. Problems Of Evidence In The Conditions Of Digitalization Of Economic Justice / E.N. Churakova, P.P. Lang, A.V. Loshkarev // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences, Samara, 07–08 ноября 2019 года. Vol. 79. – Samara: Published by European Publisher, 2020. – P. 942–947. – DOI 10.15405/epsbs.2020.03.136. – EDN FYEVZA.

SOVEREIGNTY AND GLOBAL GOALS: TRANSFORMATION OF THE AXIOLOGY OF NATIONAL LAW

Sokolov V.V.
The Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation

The article examines the relationship between state sovereignty and global development goals as a factor transforming the axiology of national law. It argues that global goals should be understood neither as an external threat to the legal order in themselves nor as an autonomous source capable of replacing constitutionally grounded values. Their legal significance arises only through national legal adaptation, including constitutional filtering, proportionality assessment, institutional specification, and judicial review. Particular attention is paid to the risks of replacing legal values with managerial indicators, as well as to strategic planning, digital transformation, and environmental policy. The author concludes that modern sovereignty is not a form of isolation, but the capacity of the national legal order to determine independently the measure of its participation in global processes while preserving its own value identity.

Keywords: sovereignty, global goals, national law, legal axiology, constitutional identity, sustainable development, strategic planning, legal policy.

References

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993: with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020 // Official Internet Portal of Legal Information.

2. Charter of the United Nations: signed on June 26, 1945 // United Nations: official website.

3. Transforming Our World: the 2030 Agenda for Sustainable Development: UN General Assembly resolution of September 25, 2015, No. 70/1 // United Nations: official website.

4. On Strategic Planning in the Russian Federation: federal law of June 28, 2014, No. 172-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2014. – No. 26, Part I. – Art. 3378.

5. On Security: Federal Law of December 28, 2010 No. 390-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2011. – No. 1. – Art. 2.

6. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2021. – No. 27, Part II. – Art. 5351.

7. Alexy R. Concept and Validity of Law / translated from German. – Moscow: Infotropic Media, 2011. – 192 p.

8. Vengerov A.B. Theory of State and Law: textbook. – Moscow: Omega-L, 2019. – 608 p.

9. Kruss V.I. Constitutionalization of Law: Fundamentals of Theory: Monograph. – Moscow: Norma, 2016. – 240 p.

10. Lapaeva V.V. Law and Legal Law in Modern Russian Society: Monograph. – Moscow: Norma, 2016. – 384 p.

11. Mal'tsev G.V. Social Foundations of Law: Monograph. – Moscow: Norma, 2007. – 800 p.

12. Tikhomirov Yu.A. Legal Regulation: Theory and Practice. – Moscow: Formula of Law, 2010. – 400 p.

13. Habermas J. Between Facts and Norms. – Moscow: Ves' Mir, 2000. – 624 p.

14. Fukuyama F. A Strong State: Governance and World Order in the 21st Century / translated from English. – Moscow: AST, 2006. – 220 p.

15. The Right to Life, Health, and Property: A Monograph. / L.A. Andreeva, V.V. Batin, K.V. Dyadyun [et al.]. – Novosibirsk: NP "SibAK", 2013. – 160 p.

16. Lang, P.P. Law and Order: The Value-Legal Aspect / P.P. Lang // Russian Justice. – 2022. – No. 10. – Pp. 9–13. – DOI 10.52433/01316761_2022_10_09.

17. Churakova, E. N. E-Money as a Financial Instrument in Globalized Economy: Russian Legislation Experience / E.N. Churakova, P.P. Lang // Economic Systems in the New Era: Stable Systems in an Unstable World / Editors: Svetlana Igorevna Ashmarina, Jakub Horák, Jaromír Vrbka, Petr Šuleř. – Cham: Springer Nature, 2021. – P. 815–821. – DOI 10.1007/978–3–030–60929–0_105.

18. Peculiarities of protecting the rights of participants of financial markets in court / G.E. Ageeva, P.P. Lang, A.V. Loshkarev [et al.] // The Future of the Global Financial System: Downfall or Harmony. – Cham, Switzerland: Springer Nature, 2019. – P. 545–552. – DOI 10.1007/978–3–030–00102–5_57.

19. Lang, P.P. Legal reality: philosophical and legal analysis / P.P. Lang // Legal Bulletin of Samara University. – 2022. – Vol. 8, No. 2. – P. 11–17. – DOI 10.18287/2542–047X-2022–8–2–11–17.

20. Churakova, E.N. Problems Of Evidence In The Conditions Of Digitalization Of Economic Justice / E.N. Churakova, P.P. Lang, A.V. Loshkarev // European Proceedings of Social and Behavioral Sciences, Samara, November 07–08, 2019. Vol. 79. – Samara: Published by European Publisher, 2020. – P. 942–947. – DOI 10.15405/epsbs.2020.03.136. – EDN FYEVZA.

Профессиональная подготовка юридических кадров: междисциплинарные границы гуманитарных и социально-экономических наук

Субботин Юрий Викторович,
старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»
E-mail: theopol@yandex.ru

В статье анализируется трансформация профессиональной подготовки юристов в условиях размывания традиционных дисциплинарных границ. Автор обосновывает тезис о том, что эффективная модель юридического образования XXI века невозможна без интеграции гуманитарного и социально-экономического (инструментального, управленческого) компонентов. На основе междисциплинарного подхода выявлены «зоны пересечения» права с экономической теорией, социологией, психологией и цифровыми коммуникациями. Предложена структурная модель компетенций «юриста нового типа», включающая метанавыки анализа социальной реальности и прогнозирования экономических последствий правовых решений. Проведен анализ различных подходов к реформированию системы высшего образования в Российской Федерации на основе междисциплинарного подхода к процессу обучения студентов юридических факультетов, в том числе факультета подготовки специалистов для судебной системы. Автор дал подробную характеристику развития междисциплинарных связей на данный момент, обозначил, существующие в рамках данной темы проблемные поля. Сформулировал ряд собственных предложений, которые, по его мнению, смогли бы помочь в дальнейшем развитии междисциплинарных отношений.

Ключевые слова: профессиональная подготовка юристов, междисциплинарность, гуманитарные науки, социально-экономические науки, правовая экономика, юридическая герменевтика, компетентностная модель.

Современная система высшего юридического образования оказалась в эпицентре методологического кризиса. С одной стороны, общество и государство фиксируют перенасыщение рынка формально дипломированными юристами, не способными решать комплексные задачи. С другой – реальный сектор экономики и публичное управление испытывают острую потребность в специалистах, владеющих не только нормативным массивом, но и инструментарием смежных дисциплин.

В науке конституируется новая исследовательская проблема: **неопределенность междисциплинарных границ** между гуманитарными (философия, история, филология, психология) и социально-экономическими (экономика, менеджмент, социология, политология) науками в контексте юридической подготовки.

Цель настоящей работы – эксплицировать механизмы продуктивного пересечения этих границ и предложить интегративную модель обучения.

Традиционная юридическая дидактика базируется на догматическом методе: изучение нормы, института, отрасли. Однако постиндустриальное общество требует перехода к **проблемно-ориентированному подходу**, при котором правовая норма выступает лишь одним из многих факторов регулирования общественных отношений.

Гуманитарный блок дисциплин (в частности, философия права и юридическая герменевтика) задает ценностную рамку. Без понимания этических оснований закона подготовка юриста превращается в «дрессировку правоприменительного автомата».

Социально-экономический блок (экономический анализ права) вооружает специалиста методами оценки эффективности правовых решений через категории издержек, стимулов и распределения ресурсов. Проблема «границ» в данном случае носит не разделительный, а **интегративный характер**: граница между гуманитарным и социально-экономическим знанием – это не стена, а зона активного обмена методологиями [2].

Анализ учебных планов ведущих юридических вузов и требований профессиональных стандартов позволяет выделить три ключевые зоны пересечения:

экономика права: традиционные дисциплины вроде «Финансового права» или «Налогового права» сегодня немыслимы без блока микроэкономики. Юрист должен не просто знать ставку налога, но и прогнозировать поведение экономических агентов в ответ на изменение законодательства. На стыке формируется новая специальность – юрист-экономист [4];

социология правоприменения: гуманитарная статистика и методы социологических опросов становятся обязательным инструментом юриста, работающего с массовыми исками или корпоративными рисками. Понимание социального контекста принятия судебных решений (исследования Д. Блэка, М. Галайтера) позволяет прогнозировать судебный процесс с вероятностью выше 80%[5]; «Социология, собственно, и возникла как наука об обществе, использующая для его познания арсенал методов, полностью заимствованный из естествознания, как социальная физика».[7. С. 49]

юридическая психология и коммуникативистика: гуманитарная составляющая здесь максимальна. Навыки ненасильственной коммуникации, конфликтологии и когнитивной психологии перестали быть факультативными. В судебной риторике и переговорном процессе успех зависит не от заучивания процессуальных кодексов, а от владения гуманитарными технологиями убеждения [6]. «В речах как обвинения, так и защиты должно быть нравственное обоснование своей позиции, демонстрация способов анализа и оценки доказательств, а сама речь должна быть образной и волнующей, прямой и достаточно лаконичной и одновременно благоразумной и осторожной. Это требует мастерства, ведь в судах решаются судьбы людей, а потому общий уровень судебного красноречияесть показатель степени уважения к человеческой личности в обществе в целом». [3. С. 90]

Исходя из выявленных пересечений, предлагается новая структура компетенций выпускника-юриста (см. таблицу 1).

Таблица 1. Интегративная модель компетенций (фрагмент)

Компетенция	Гуманитарный модуль	Социально-экономический модуль	Формат контроля
Анализ правовой нормы	Философская критика, выявление пробелов и коллизий	Экономический анализ эффективности нормы	Проблемный кейс
Работа с доказательствами	Психологическая верификация показаний	Статистический анализ вероятности	Судебное моделирование
Правовое прогнозирование	Историческая аналогия	Эконометрическое моделирование	Проект

Такая модель разрушает линейную логику «норма → факт → решение», заменяя ее циклической: «социальный факт → экономический интерес → правовая форма →гуманитарная интерпретация».

Профессиональная подготовка юридических кадров будущего должна строиться не по принципу механического добавления курсов по экономике или психологии к стандартному учебному плану юрфака, а через пересборку содержания базовых правовых дисциплин.

Междисциплинарные границы представляют собой ресурс для инноваций. Мы утверждаем: «юрист без экономики слеп, юрист без гуманитарного знания нем». Только синтез социально-экономической рациональности (эффективность) и гуманитарной аксиологии (справедливость) способен породить специалиста, готового к вызовам цифровой и турбулентной реальности.

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой конкретных междисциплинарных кейсов и оценочных средств (фондов оценочных средств нового типа), проверяющих не знание статей УК РФ, а способность юриста интегрировать данные социологического опроса, финансовой отчетности и лингвистического анализа текста договора.

Следует отдельно отметить работу Андрея Михайловича Лушникова, посвященную анализу различий и общих подходов между «экономическим анализом права» и «правом и экономикой». Автор подчеркивает, что эти понятия часто путают, однако они имеют разную методологическую основу, и делает вывод о необходимости и перспективности исследований на стыке права и экономики – но при условии равноправного взаимодействия, а не «экономической экспансии». Классический «экономический анализ права», по мнению автора, имеет для юриспруденции крайне малое эвристическое значение [5].

Также заслуживает внимания статья Ксении Евгеньевны Петровой, посвященная развитию теории и практики профессиональной подготовки специалистов судебной системы (администраторов судов, секретарей, помощников судей, будущих судей) в рамках социально-гуманитарных и экономических дисциплин. Автор предлагает внедрить в образовательные программы юридических вузов и средних специальных учебных заведений обязательные междисциплинарные блоки по социально-гуманитарным и экономическим дисциплинам, что позволит выпускникам эффективнее выполнять профессиональные обязанности [6].

Варфоломеева и Терентьев рассматривают междисциплинарность как норму современного высшего образования, необходимую для подготовки специалистов высокого уровня в условиях цифровой экономики и «Общества 5.0». На практическом примере Самарского университета авторы показывают, что организация междисциплинарных исследовательских проектов в рамках контролируемой самостоятельной работы студентов способствует формированию не только профессиональных, но и надпрофессиональных компетенций (soft skills), которые сегодня ценятся работодателями наравне с узкими специальными знаниями. Ключевым условием успешной реализации такого подхода является готовность преподавателей к междисциплинарной работе и создание гибких образовательных структур (междисциплинарных кафедр) [1].

Практически все гуманитарные и социально-экономические дисциплины, за исключением физической культуры и английского языка по существующим учебным планам изучаются в течение одного-двух семестров. Некоторые студенты проходят предметы данного цикла не только в переносном, но и в прямом, буквальном смысле этого слова, проходят, вернее сказать, мимо этих дисциплин. Ценой бессонных ночей и неимоверных интеллектуальных усилий во время сессии кое-как получив наименьший для получения зачета балл либо оценку «удовлетворительно», а, если повезет, иногда и оценку «хорошо» уже после каникул возвращаются в alma mater с головой, практически очищенной от знаний изученных de jure предметов. Очень часто из уст некоторых студентов в качестве ответа на вопрос по уже сданным ими дисциплинам можно услышать следующую фразу: «Ну, это давно было». Или еще: «Да, когда это было-то»?! При последующем выяснении значения слова «давно» в этом высказывании оказывается, что зачет или экзамен по данному предмету был сдан год, полтора года, два года назад. Такие временные интервалы, по мнению части студенческой аудитории, относятся к категории событий далекого прошлого. Однако это не только проблема «студенческого болота», у студентов, занимающихся добросовестно ради, в первую очередь, получения знаний и навыков, студентов, нацеленных на постепенное овладение своей будущей профессией, также наблюдается забывание части пройденного учебного материала, в первую очередь, по непрофильным предметам. В качестве одной из причин такого положения дел следует указать небольшое количество часов, выделенное на их изучение, объемность учебного материала и, как следствие, несоответствие между объемом знаний, которые студент должен усвоить, отведенному для этого времени. Когда таким наукам, как экономика, социология, история, религиоведение, в учебном процессе уделяется семестровый курс. Даже философии, спор относительно которой, в какой степени является она наукой или вообще не может называться наукой, продолжается и по сей день. Готовясь к единому государственному экзамену, школьники учат, что философия – это отдельная сфера духовной деятельности человечества наряду с наукой как таковой, религией, моралью, искусством, которая порождает свой, обладающий своими, специфическими чертами тип мировоззрения, отличающийся от научного, религиозного, обыденного. И вот учебными планами поставлена задача этот отдельный элемент духовной культуры, содержащий поистине бездонный объем знаний, знаний относительно вещей сверхъестественных, а потому наисложнейших по своему характеру для понимания человека даже эрудированного и здравомыслящего «запихать» в семестровый курс. У философов в бытность автора данной статьи студентом философского факультета по этому поводу ходила следующая поговорка: надо рассказать кратко «от Зенона до Бергсона». Кроме того, на студента первого курса обрушивается огромный вал новой для него информации из совершенно разных областей знания. Одно время студенты юридических ВУЗов изучали такие предметы, как концепции современного естествознания, культурология, мировая и художественная культура. Так в первой из только что перечисленных дисциплин вкратце, но при этом очень насыщенно изучали фундаментальные научные теории из физики, химии, биологии, медицины.

Небольшое количество часов, которые отводятся на изучение той или иной учебной дисциплины гуманитарного и социально-экономического цикла приводит к тому, что в рамках курса излагаются основы преподаваемой науки и студенты не понимают, какую практическую пользу полученные по данным предметам знания и навыки принесут им в их будущей профессиональной деятельности. На раскрытие междисциплинарных отношений своего предмета к другим у преподавателя просто не остается времени.

Также в качестве одной из причин озвученной выше проблемы является само планирование и построение высшего образования в Российской Федерации, когда студент, получив зачет или оценку по непрофильным предметам, более к ним не возвращается. Во-первых, это уже с самого начала задает у студента следующую психологическую установку: главное получить оценку, а потом можно и забыть, все равно больше никто не спросит; во-вторых, еще с древних времен известна прописная истина – по-настоящему остается в памяти только то, что постоянно повторяется. Практически любая информация, если, конечно, она не связана с жизненно важными для индивида событиями, сопровождавшимися сильными эмоциональными переживаниями, как, например, страх смерти, потеря близких, друзей, сильная боль, голод либо, наоборот, бурная радость, сильное наслаждение, ощущение блаженства и т.д. (очевидно, что информация, которая дается в университете, такой эмоциональной окраски не имеет, за исключением, может быть, переживаний по поводу возможного отчисления во время сессии) забывается с течением времени. И только ее периодическое повторение позволяет человеку запомнить ее на всю жизнь.

Как бы усердно человек не изучил что-либо, если он не повторяет изученное, оно забывается, навык, которым не пользуются утрачивается. Эту истину все в том числе и в министерстве образования прекрасно знают, но при этом система обучения в высших учебных заведениях построена на противоположном принципе. Более того, в современной психологии, в тех ее разделах, которые изучают восприятие и память с опорой на физиологию высшей нервной деятельности существуют фундаментальные исследования механизмов человеческой памяти, которые не только научно подтвердили эту истину, но и на основе которых были разработаны детальные рекомендации по организации процесса обучения, позволяющие добиться максимального процента

усвоения получаемой информации. Эти исследования не засекречены и общедоступны, но, тем не менее, в современных высших учебных заведениях они не применяются, как, собственно говоря, они не применяются и в школах. Так что современная педагогика и связанная с ней учебная деятельность отстают от современных, изучающих человеческую психику наук.

Вопрос заключается в том, как на основе нормативной базы повысить эффективность обучения в ВУЗе. В данной статье предлагается один из возможных вариантов решения данной задачи. На мой взгляд, действенным может оказаться введение промежуточных интегративных модульных экзаменов по пройденным гуманитарным и социально-экономическим дисциплинам в форме компьютерного тестирования. В таком экзамене будет модуль по философии, модуль по экономике, модуль по социологии, модуль по логике, модуль по психологии, модуль по религиоведению, модуль по латинскому языку в юридической деятельности и т.д. Во второй части студент должен будет напечатать расширенное эссе по фрагменту из предложенного ему произведения того или иного философа. В эссе студент должен провести анализ текста, обозначить проблему, которой данный текст посвящен, показать, как он понимает основные идеи, высказанные его автором, сформулировать свою точку зрения, выдвинуть свои предположения по ее решению с обязательной аргументацией своей позиции. Это позволит оценить зрелость мышления студента и его коммуникативные навыки. Экзамен должен проводиться в университете, на выполнение тестирования и написание эссе должно быть выделено достаточно времени. Во избежание плагиата на время экзамена следует ограничить доступ студентов к каким-либо источникам информации, кроме, естественно, их собственной головы. Задания должны быть индивидуализированы, по принципу один студент, один вариант тестов, один текстовый фрагмент. По завершении экзамена обязательно автоматическая проверка эссе на антиплагиат. Такие экзамены желательно внести в сессию в конце пятого и восьмого семестров для специалитета и в конце четвертого и шестого семестров для бакалавриата. Последующие экзамены должны включать междисциплинарные связи с пройденными профильными дисциплинами, таким образом уровень их сложности будет повышаться. В конце обучения следует добавить еще один государственный модульный экзамен по гуманитарным и социально-экономическим дисциплинам в контексте междисциплинарного контекста в учебном процессе.

На данный момент следует констатировать, что обучение с учетом междисциплинарного контекста государством в должной мере не регламентируются и по большей части является инициативой отдельных преподавателей. Что порождает некоторую неопределенность, размытость понятия междисциплинарных связей. А сам междисциплинарный опыт не систематизирован и в целом серьезно не влияет на учебный процесс. Такая ситуация будет продолжаться до тех пор, пока государство на законодательном уровне не возьмется урегулировать эти отношения. Ни в коем случае не должно случиться так, что решением поставленной задачи будут заниматься люди, не имеющие реального опыта преподавания в высшем учебном заведении. Процесс создания нормативно-правовой базы, регулирующей междисциплинарные связи в процессе обучения – это трудная, кропотливая и очень длительная работа, рассчитанная не менее, чем на пять-шесть лет интенсивного сотрудничества государства и высших, а также средне специальных учебных заведений с привлечением специалистов из разных областей, например психологов, социологов, философов, экономистов в качестве экспертов. Потребность в скорейшем развитии образования в контексте междисциплинарности существует не только для юристов, но именно для них сейчас она наиболее актуальна. На площадках высших учебных заведений должен быть проведен ряд научно-практических конференций и научных круглых столов. Из преподавателей различных высших учебных заведений, практикующих юристов, а также, как сказано выше, представителей других наук должна быть создана независимая от министерства образования комиссия, которая на основании материалов конференций разработала бы проект нового федерального образовательного стандарта с прилагающимися к нему нормативно-правовыми актами и предоставила его российской научной общественности для широкого, открытого обсуждения, чтобы преподаватели смогли высказать свои замечания и внести соответствующие коррективы. Современные технологии позволяют сделать это, создав на базе сайта министерства образования единую платформу, на которой зарегистрировавшиеся преподаватели могли бы указывать на замеченные ими недостатки в проекте и предлагать свои рекомендации, вступать друг с другом в дискуссии, задавать должностным лицам, ответственным за определенный сектор проекта, вопросы.

Литература

1. Варфоломеева В. В., Терентьев А.В. Междисциплинарность в подготовке специалистов высокого уровня // Сборник статей IX Международной научно-практической конференции «Модернизация естественнонаучного образования: методика преподавания и практическое применение». – Самара: СГСПУ, 2019. – С. 194–199.
2. Жуков, Д.Д. Коммуникативная компетентность юриста: компоненты, критерии и уровни проявления / Д.Д. Жуков. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2009. – № 9. – С. 108–110.
3. Зарецкая Е.Н. Риторика: теория и практика речевой коммуникации. -М.: Дело, 2002. – 480 с.
4. Климова О.В. Коммуникативная компетенция как ядро профессиональной деятельности юриста // Теория и методика профессионального образования. 2008. № 2 С. 1–5.
5. Лушников А. М. «Экономический анализ права» и юриспруденция: различия и общие подходы / А.М. Лушников // Lex Russica. – 2017. – № 8 (129). – С. 79–89. – DOI: 10.17803/1729-5920.2017.129.8.079-089.
6. Петрова К.Е. Развитие теории и практики профессиональной подготовки специалистов судебной системы в рамках социально-гуманитарных и экономических дисциплин // Образование и право. 2024. № 6. С. 554–556.
7. Солонин Ю.Н. Целостность гуманитарного знания. – СПб.: Наука, 2015. – 639 с.

PROFESSIONAL TRAINING OF LEGAL STAFF: INTERDISCIPLINARY BOUNDARIES OF HUMANITIES AND SOCIO-ECONOMIC SCIENCES

Subbotin Yu.V.
Northwestern Branch, V.M. Lebedev Russian State University of Justice

This article analyzes the transformation of professional legal training in the context of the blurring of traditional disciplinary boundaries. The author argues that an effective model of 21st-century legal education is impossible without the integration of humanitarian and socioeconomic (instrumental and managerial) components. Using an interdisciplinary approach, the authors identify areas of intersection between law, economic theory, sociology, psychology, and digital communications. A structural model of the competencies of a "new type of lawyer" is proposed, incorporating meta-skills for analyzing social reality and forecasting the economic consequences of legal decisions. Various approaches to reforming the higher education system in the Russian Federation are analyzed based on an interdisciplinary approach to the training of law students, including those training specialists for the judicial system. The author provides a detailed description of the current development of interdisciplinary connections and identifies existing problem areas within this framework. He formulated a number of his own proposals, which, in his opinion, could help further develop interdisciplinary relations.

Keywords: professional training of lawyers, interdisciplinarity, humanities, socioeconomic sciences, legal economics, legal hermeneutics, competence model.

References

1. Varfolomeeva V.V., Terentyev A.V. Interdisciplinarity in the Training of High-Level Specialists // Collection of articles from the IX International Scientific and Practical Conference "Modernization of Natural Science Education: Teaching Methods and Practical Application". – Samara: Samara State Social Pedagogical Univ., 2019. – Pp. 194–199.
2. Zhukov, D.D. Communicative Competence of a Lawyer: Components, Criteria, and Levels of Manifestation / D.D. Zhukov. – Text: Direct // Young Scientist. – 2009. – No. 9. – Pp. 108–110.
3. Zaretskaya E.N. Rhetoric: Theory and Practice of Speech Communication. – Moscow: Delo, 2002. – 480 p.
4. Klimova O.V. Communicative competence as the core of a lawyer's professional activity // Theory and methodology of professional education. 2008. No. 2. Pp. 1–5.
5. Lushnikov A.M. "Economic analysis of law" and jurisprudence: differences and common approaches / A.M. Lushnikov // Lex Russica. – 2017. – No. 8 (129). – Pp. 79–89. – DOI: 10.17803/1729-5920.2017.129.8.079-089.
6. Petrova K.E. Development of the theory and practice of professional training of judicial specialists within the framework of social, humanitarian and economic disciplines // Education and Law. 2024. No. 6. Pp. 554–556.
7. Solonin Yu.N. Integrity of humanitarian knowledge. – St. Petersburg: Nauka, 2015. – 639 p.

Роль этических категорий в формировании правосознания юриста

Тумин Александр Дмитриевич,
кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева
E-mail: tumin.alexsandr@yandex.ru

В статье анализируется морально-правовые основы российской системы правосудия, в частности, роли юридических этических кодексов в организации судебного процесса. Основная функция этических кодексов формирование профессионального мировоззрения. В статье проанализирована история формирования таких этических категорий, как: «добро», «зло», «справедливость», «ответственность», «долг», «совесть». **Предмет:** морально-правовые основы российской системы правосудия. **Цель:** анализ морально-правовых основ российской системы правосудия. **Методы исследования:** историко-правовой метод, герменевтический метод, аксиологический метод, этико-прикладной метод. **Результаты исследования:** установлена неразрывная связь между этическими кодексами и юридической практикой; определена центральная этическая категория российской правовой системы – «истина»; раскрыты причины и последствия профессиональной деформации юристов. **Область применения результатов:** исследование охватывает правоприменительную деятельность судей, прокуроров, следователей и адвокатов; разработку и совершенствование профессиональных этических кодексов; научные исследования в области судебной этики и философии права. **Научная новизна** исследования заключается в переосмыслении установления причин профессиональной деформации и стигматизации подозреваемых; научному обоснованию перехода от формального применения законов к этически ориентированному правосудию. **Выводы исследования:** этические кодексы неразрывно связаны с юридической практикой; центральной категорией правосудия является этическая категория «истина»; возможные сомнения судьи являются стимулом к тщательному исследованию дела; профессиональная деформация ведёт к стигматизации и предвзятости к подозреваемым; беспристрастность и следование «кантовскому императиву» – основа морального сознания юриста.

Ключевые слова: «правосудие», «профессиональная этика юриста», «состязательность сторон», «беспристрастность», «профессиональная деформация», «стигматизация», «эмпатия».

Введение

В статье анализируются морально-этические основы российской системы правосудия, в частности, их значение в организации судебного процесса. Был проведен анализ истории формирования философско-этических концептов, раскрывающих специфику профессиональной этики в юридической сфере. Подчеркивается значение фактора сомнения в профессиональной этике юриста, которое трактуется не как недостаток, а как моральный импульс к более тщательному и добросовестному изучению обстоятельств дела. Затронута проблема «профессиональной деформации», следствием возникновения которой является постоянное соприкосновение работников юридической сферы с нарушителями правопорядка. Отмечается, что возникновение "профессиональной деформации» может привести к обезличиванию участников судебного процесса, их «стигматизации» и утрате эмоциональной эмпатии к подозреваемым, что противоречит этическим профессиональным юридическим кодексам, нарушает качество работы сотрудников. Для судьи, например, нарушение принципа беспристрастности может привести к предвзятому изучению всех обстоятельств дела. Необходимо преодолеть профессиональную деформацию, сохранить здоровый скептицизм, обеспечить проверку любых возникающих сомнений в ходе следственного процесса. Это, в свою очередь, предполагает принцип беспристрастности, что выражается в спокойствии и отсутствии личной озлобленности в рабочем процессе. Без признания этого принципа доверие общества к системе правосудия поддерживать невозможно.

Концептуализация проблемы: основные концепции происхождения этических категорий

Корни формирования морального сознания можно свести к двум феноменам первобытного религиозного мировоззрения: «тотем» и «табу». Полинезийское понятие «табу» можно перевести как «родовой запрет»; в свою очередь понятие «тотем» можно перевести как выражение "его род"[1]. В эпоху господства тотемической религии моральное сознание строилось на двух принципах: «коллективной вине» и «кровной мести». В дальнейшем развитие морального сознания шло по пути возникновения и распространения принципа "индивидуальной ответственности" за преступление, что выразилось в принципе «талиона»[2]. Данное понятие «талион» происходит от лат. «talio», которое можно определить как возмездие соразмерное преступлению. Наиболее полно этот принцип был сформулирован в Ветхом завете: «А если будет вред, то отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу…» (Исх. 21:23–24). В это же время получает распространение «золотое правило нравственности». Наиболее развернутая формулировка этого правила содержится в Евангелии, в Новом завете: «Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки» (Мф. 7,12). Одной из специфических черт западноевропейской средневековой философии являлась метаэтическая тематика, ориентированная на философское осмысление происхождения таких этических категорий как: «добро», «зло», «любовь», «свобода воли», «греховность»; Анализируя позицию сторонников учения «манихейства», суть которого в идее равенства бога добра и бога зла, в их постоянной войне между собой; выдающийся раннесредневековый философ А. Августин (354–430), доказывал, что реально (онтологически) в мире существует только добро. В свою очередь, согласно учению Августина, существование зла является следствием грешной природы человека, и отсюда, грешной, злой его воли; Отсюда следует, согласно Августину, что главная моральная задача человека является развитие в себе добродетелей, причём центральное место среди них занимает такая моральная категория как «любовь». Главный жизненный принцип, по Августину, звучит так: «Люби и делай, что хочешь»[3] т.к. согласно философу, любовь, укоренённая в душе, делает все деяния человека добрыми. Философско-этическая рефлексия в отношении понятия «совесть» началась с эпохи Античности; В этом контексте древнегреческий мыслитель Аристотель (384–322) связывал категорию «совесть» с естественным стремлением человека к справедливости и определял

[1] Скворцов, А.А. Этика: учебник для среднего профессионального образования / А.А. Скворцов. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. – С. 229

[2] Там же, С. 231

[3] Августин Блаженный. Рассуждения на Послание Иоанна к Парфянам. Рассуждение 7 // Альфа и Омега. – 2003. – № 37. С. 103–122.

эту этическую категорию как «правильный суд доброго человека». В отличие от него выдающийся немецкий философ Г. В.Ф. Гегель (1770–1831) видел в совести внутренний диалог личности с самой собой, выражающий автономность человеческого разума и воли. Согласно выдающемуся немецкому философу И. Канту (1724–1804), категория «совести» тесно связана с этической категорией «нравственного долга». Для И. Канта, «нравственный долг» – центральная категория этики, так как в отличие от других этических категорий, которые продиктованы эмоциями, согласно Канту долг не опирается на личные желания и переживания. В целом «совесть» и «нравственный долг» имеют характер «морального императива», как говорил И. Кант, «каждый знает как нужно поступить»[1]. Основываясь на данной идее немецкий философ сформулировал деонтологический принцип в этике, предполагающий единство морали и закона. С точки зрения концепции «этического нигилизма» Ф. Ницше (1844–1900), жизнь добропорядочного человека оборачивается участью вечно недовольного обывателя, тогда как злые поступки он трактовал как своего рода героические деяния, способ утвердить собственную индивидуальность. Но с этим нельзя согласиться, т.к. добро не может быть «скучным»: оно открывает человеку опыт взаимодействия с важнейшими ценностями – «любви», «дружбы», «доверием», «взаимопомощью». Напротив, эгоистическое поведение может стать главной причиной злых поступков. Основатели марксистской философии Карл Маркс (1818–1883) и Фридрих Энгельс (1820–1895) отрицали существование раз и навсегда заданных критериев социальной справедливости, подчеркивая производный характер морали, зависящей от сложившихся, господствующих в обществе, социально-экономических отношений. Немецкий философ и социолог, один из основоположников философской антропологии М. Шелер (1874–1928), критиковал позицию И. Канта, который, по его мнению, игнорировал эмоциональную составляющую морального поведения людей, в целом иррациональные факторы человеческой психики.

Достижение истины в правосудии

Основной задачей профессиональных этических кодексов как составной части российской системы правосудия является обеспечение установления достижения правовой истины. Данный принцип был впервые заложен во времена принятия Судебных кодексов Российской империи 1864 г. В свою очередь достижение истины основывается на неразрывном единстве правовых принципов, таких как: «презумпция невиновности», «гласность в суде», «состязательность сторон». Защита профессиональных этических принципов в законодательной сфере закреплена, вступившим в силу с 1 июля 2002 г., законом об адвокатуре, где подчеркивается, в качестве обязанностей адвоката, соблюдение Кодекса профессиональной этики адвоката (пп. 4 п. 1 ст. 7) или в Кодексе судейской этики, принятым 19 декабря 2012 г. VIII Всероссийским съездом судей. Защита чести и достоинства гражданина Российской Федерации со стороны государства предусматривают ч. 1 ст. 21 и ч. 1 ст. 23 Конституции России; Ст. 152 Гражданского кодекса признает «принцип презумпции»; Ст. 297 УПК РФ приписывает в качестве требований для принятия судом справедливого решения, принципы: законности, обоснованности и справедливости приговора; Принцип гласности защищает ст. 10 ГПК РФ; гласность судебного разбирательства предполагает открытость разбирательства дел во всех судах; «Принцип состязательности» закреплен в Конституции страны ч. 3 ст. 123 и Уголовно-процессуальном кодексе РФ (ст. 15); Выдающий русский юрист А.Ф. Кони (1844–1927) в защиту создания первых этических кодексов в сфере правосудия, писал: «Судья при исполнении своих полномочий, а также во внеслужебных отношениях, должен избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, достоинство судьи или вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности». Выдающийся русский правовед В.Д. Спасович, отмечая взаимосвязь закона и морали, в свою очередь писал: «Правосудие – дело столько же ума, сколько и совести, и даже, может быть, больше совести, нежели ума».

О сомнении судьи

Ключевое значение имеют проблемы профессионально-этического характера: сомнение судьи в ходе принятий судебного решения, проблема профессиональной деформации, стигматизация участников судебного процесса. Например, исходя из судебной практики, сомнение для судьи, следователя, прокурора должно обозначать сигнал к более тщательному, добросовестному исследованию всех обстоятельств дела. В ч. 7 ст. 246 УПК РФ говорится: «Если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа». Судья должен обращать внимание присяжных заседателей как на те факты, которые являются существенными доказательствами по делу, так и, наоборот, на те, которые выдаются прокурором или адвокатом за таковые, но таковыми на самом деле не являются. Таким образом работники юридической сферы должны отказаться от макиавеллистского принципа «цель оправдывает средства», вместо этого следует принять принцип: «цель определяет, а не оправдывает средства», то есть наказание должно соответствовать преступлению, судебный приговор должен основываться на нравственном подтексте дела, учитывать все смягчающие обстоятельства. Уже начиная с Судебного устава 1864 г., запрещается стороне обвинения стремиться к обвинению любыми средствами;

Причины профессиональной деформации?

Одной из основных причин возникновения профессиональной деформации в юридической сфере является «перерождение» правосознания», когда последующие после 7–10 гг. трудового стажа, из-за неизменного перечня профессиональных обязанностей, у сотрудника могут возникнуть негативные личностные изменения. Главной причиной возникновения негативных личностных изменений может быть необходимость постоянного взаимодействии с представителями преступной среды, что со временем формирует недоверие в отношении истинности раскаяния и притупления чуткости к чужим переживаниям. Профессиональная деформация может привести к стигматизации в отношении подозреваемого. Профессиональная деформация может привести к тому, что сторона обвинения может прибегнуть непосредственно к оскорблению личности подсудимого, использования речевых манипуляций, например апелляции к совести присяжных заседателей, попытки их запугивания моральными терзаниями в случае вынесения решения не устраивающего кого-либо из участников процесса. Об опасности профессиональной деформации Кони замечал: «Показная и, если можно так выразиться, в некоторых случаях «спортивная сторона» в работе обвинителей и защитников всегда меня от себя отталкивала, и, несмотря на неизбежные ошибки в моей судебной службе, я со спокойной совестью могу сказать, что в ней не нарушил сознательно ни одного из основных правил Кантовской этики»[2]. На чем же строится этот принцип, согласно И. Канту: «Моральный категорический императив означает не видеть человека в качестве средства для достижения каких-либо, хотя бы даже и возвышенных, но своих целей»[3]. Согласно А.Ф. Кони: «Где было возможно отыскать в деле проблески совести в подсудимом или указание на то, что он упал нравственно, но не погиб бесповоротно»[4]. Согласно ч. 7 ст. 11 Кодекса судейской этики поддержание дисциплины всеми участниками судебного заседания является обязанностью судебного председателя. А.Ф. Кони видел основой для поддержания в ходе судебного заседания «принцип беспристрастности», который выражается в спокойствии, отсутствии личного озлобления против подсудимого. Спокойное отношение к подозреваемому, внимание к его объяснениям, полное отсутствие иронии или насмешки, а иногда и слова одобрения, входят в нравственную обязанность судьи, который должен уметь, без фарисейской гордыни, представить себя в положении судимого человека и сказать себе «at twam asi!» (санскр. «Это – тоже ты»!).

Обман со стороны обвиняемого

Особую значимость и особый нравственный смысл имеет адвокатская деятельность, которая заключается в глубоком нравственном смысле, в призвании не допустить осуждения невиновного, а в отношении действительно виновного – добиться всестороннего учёта смягчающих обстоятельств при вынесении приговора. В свою очередь, на практике подсудимые порой злоупотребляют предоставленными им правами, в частности, вызывают свидетелей защиты на судебное заседание, чьи показания оказываются заведомо ложными. В таких ситуациях сторона обвинения прокурор вправе проявить жесткость к таким свидетелям, разоблачить их и, более того, поставить вопрос о привлечении их к уголовной ответственности. Согласно ст. 246 ч. 7 УПК РФ: «Если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа»[5].

[1] Кант И. Основы метафизики нравственности // Собрание сочинений: в 8 т. – М.: Чоро, 1994. – Т. 4. – С. 153–156.

[2] Кони А.Ф. Собрание сочинений: в 8 т. – М.: Юридическая литература, 1966–1969. – Т. 1: Из записок судебного деятеля. – С. 490–491.

[3] Кант И. Основы метафизики нравственности // Собрание сочинений: в 8 т. – М.: Чоро, 1994. – Т. 4. – С. 153–156.

[4] Маркс К. Наказание не должно внушать больше отвращения, чем проступок // Большая книга мудрости. – М.: Эксмо, 2010. – С. 255.

[5] Громницкий М.Ф. Роль прокурора на суде по делам уголовным // Дореволюционные юристы о прокуратуре: сб. ст. / науч, ред., сост. С.М. Казанцев. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 131.

Заключение

Основополагающими нравственно-правовыми принципами судебного процесса являются принципы: «законности», «гласности», «презумпции невиновности», состязательности сторон и стремление к установлению истины. Правосудие в России неразрывно связано с нравственной ответственностью участников судебного и следственного процесса.

Именно баланс между правом и моралью, исторически укоренённый в российской правовой традиции, остаётся ключевым условием доверия общества к судебной системе.

Важно не допускать злоупотреблений процессуальными правами, включая представление заведомо ложных доказательств со стороны всех участников процесса.

Большое значение для судьи является преодоление собственных сомнений в вынесении приговора, т.к. они выступают не препятствием, а стимулом к более тщательному и добросовестному исследованию всех обстоятельств дела.

Достижение беспристрастности судьи строится на уважении к человеческому достоинству, отсутствию личной предвзятости и способности мысленно поставить себя на место подсудимого.

Наиболее явным пагубным примером профессиональной деформации является обезличивание участников процесса, стигматизации подозреваемых.

Основным принципом профессиональной юридической этики можно считать поддержание чувства «эмпатии» и строгое следование кантовскому моральному принципу, суть которого заключается в отказе рассматривать человека как средство для достижения целей, даже если эти цели кажутся общественно значимыми.

Литература

1. Августин Блаженный. Рассуждения на Послание Иоанна к Парфянам. Рассуждение 7 // Альфа и Омега. – 2003. – № 37. – С. 103–122.
2. Громницкий М.Ф. Роль прокурора на суде по делам уголовным // Дореволюционные юристы о прокуратуре: сб. ст. / науч. ред., сост. С.М. Казанцев. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – С. 130–182.
3. Ильин И. А. О сопротивлении злу силою. – М.: Даръ, 2017. – С. 480.
4. Кант И. Основы метафизики нравственности // Собрание сочинений: в 8 т. – М.: Чоро, 1994. – Т. 4. – С. 153–156.
5. Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия / пер. с нем. Ц.Г. Арзаканьяна // Собрание сочинений: в 8 т. – М.: Чоро, 1994. – Т. 8. – С. 255–260.
6. Кони А.Ф. Собрание сочинений: в 8 т. – М.: Юридическая литература, 1966. – Т. 1: Из записок судебного деятеля. – С. 298.
7. Скворцов А.А. Этика: учебник для среднего профессионального образования. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2020. – С. 322.
8. Маркс К. Наказание не должно внушать больше отвращения, чем проступок // Большая книга мудрости. – М.: Эксмо, 2010. – С. 255.

THE ROLE OF ETHICAL CATEGORIES IN FORMATION A LAWYERS LEGAL CONSCIOUSNESS

Tumin A.D.
V.M. Lebedev Russian State University of Justice

The article analyzes the moral and legal foundations of the Russian justice system. The conclusion is based on the inseparable connection between ethical codes and legal practice. The work analyzes the history of the formation of ethical categories: “good”, “evil”, “justice”, “responsibility”, “duty”, “conscience”. **Subject:** the moral and legal foundations of the Russian justice system.

Purpose: to analyze the moral and legal foundations of the Russian justice system. Research methods: historical and legal method, hermeneutic method, axiological method, ethical and applied method. The research results: an inextricable link has been established between ethical codes and legal practice; the central ethical category of the Russian legal system – “truth” – has been identified; the causes and consequences of professional deformation of lawyers have been revealed; the scope of the results: the research covers the law enforcement activities of judges, prosecutors, investigators and lawyers; the development and improvement of professional ethical codes; scientific research in the field of judicial ethics and philosophy of law. The scientific novelty of the study is to rethink the identification of the causes of professional deformation and stigmatization of suspects; the transition from formal application of laws to ethically oriented justice is scientifically justified. Conclusions of the study: ethical codes are inextricably linked with legal practice; the central category of justice is the ethical category of “truth”; possible doubts of a judge are an incentive to a thorough investigation of the case; professional deformation leads to stigmatization and bias towards suspects; impartiality and adherence to the “Kantian imperative” is the basis of moral consciousness.

Keywords: “justice,” “professional ethics of a lawyer,” “adversarial parties,” “impartiality,” “professional deformation,” “stigmatization,” “empathy.”

References

1. Augustine of Hippo. Discourses on the Epistle of John to the Parthians. Discourse 7 // Alpha and Omega. – 2003. – No. 37. – Pp. 103–122.
2. Gromnitsky, M.F. The Role of the Prosecutor in Criminal Trials // Pre-revolutionary Lawyers on the Prosecutor’s Office: Collection of Articles / Scientific Ed., Comp. S.M. Kazantsev. – St. Petersburg: Juridical Center Press, 2001. – Pp. 130–182.
3. Ilyin, I.A. On Resisting Evil by Force. – M.: Dar’, 2017. – P. 480.
4. Kant I. Foundations of the Metaphysics of Morality // Collected Works: in 8 volumes. – M.: Choro, 1994. – Vol. 4. – Pp. 153–156.
5. Kant I. On the Alleged Right to Lie Out of Philanthropy / translated from German by Ts.G. Arzakanyan // Collected Works: in 8 volumes. – M.: Choro, 1994. – Vol. 8. – Pp. 255–260.
6. Koni A.F. Collected Works: in 8 volumes. – M.: Legal Literature, 1966. – Vol. 1: From the Notes of a Judicial Figure. – P. 298.
7. Skvortsov A.A. Ethics: a textbook for secondary vocational education. – 3rd ed., corrected and supplemented. – Moscow: Yurait, 2020. – P. 322.
8. Marx K. Punishment should not inspire more disgust than the offense // The Big Book of Wisdom. – Moscow: Eksmo, 2010. – P. 255.

Сравнительный анализ методики преподавания юридических дисциплин в университетах Германии и России

Субботин Юрий Викторович,
старший преподаватель кафедры гуманитарных и социальноэкономических дисциплин Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»
E-mail: theopol@yandex.ru

Статья посвящена изучению особенностей подготовки юридических кадров в Германии и России. Автор статьи проводит анализ организации учебного процесса в Германии с точки зрения возможных в будущем заимствований в систему высшего образования Российской Федерации. Автор уделил внимание недостаткам, присущим подготовке работникам судебной системы Германии. В статье с учетом опыта обучения немецких юристов содержатся предложения по реформированию российской системы высшего образования. Автор статьи пришел к следующему выводу, изменения в учебном процессе, привносимые преподавателями по личной инициативе или производимые администрацией университета даже в рамках современного информационного общества малоэффективны и спонтанны, тогда, как в учебном процессе, необходима системность, формализация и стандартизация. Всего этого достичь можно только на государственном уровне. В настоящее время возникла острая необходимость в реформе системы образования Российской Федерации в целом, включая систему высшего юридического образования.

Ключевые слова: сравнительное правоведение, высшее образование, профессиональная подготовка юристов, междисциплинарность, компетентностная модель

Стандарты подготовки современных юристов в том или ином государстве предопределены строго определенными социально-экономическими и общественно-политическими условиями, в которых государство возникло, развивалось и продолжает существовать в наше время, которые повлияли, в первую очередь, на специфические черты, связанные с историей формирования его государственного аппарата вообще и его судебной системы в частности, такие, как: организация судебного процесса, степень и форма использования предшествующей правовой традиции (для европейских стран – это, конечно, рецепция римского права), формирование корпуса судей, особенности государственного обвинения, статус представителей защиты. Все это формирует требования к профессиональным участникам, осуществляющим правосудие ex officio (судьям, государственным обвинителям, адвокатам), а, следовательно, и критерии, отличающие подготовленного к предъявляемым ему обществом в данном государстве запросам выпускника юридического факультета высшего учебного заведения от не являющимся таковым. Получается, что в процессе становления любого государства, исходя из поставленных на определенном этапе приоритетных целей, оставались нерешенные проблемы, которые в совокупности формировали некий своеобразный «брак» в образе идеального юриста. На данный момент нельзя сказать, что в каком-либо государстве существует абсолютно совершенная, справедливая судебная система, отвечающая интересам всех так или иначе связанных с тем или иным государством лиц. И, соответственно, нет и совершенной системы подготовки юридических кадров. Но это не означает, что не следует изучать опыт других стран и не перенимать все то хорошее, что у них было достигнуто в течение многих столетий. Чтобы, как в поговорке, «не наступать на те же грабли» необходимо обратиться к изучению как недостатков, так и достоинств зарубежных правовых систем и существующей в их рамках подготовке профессиональных юристов. Особенно это актуально сейчас, когда уже стало общим местом говорить о кризисе современного российского образования, в том числе и образования юридического. Данный опыт даже в форме предпринимаемых попыток на законодательном уровне, например, анализ стандартов обучения и контроль за их исполнением при его многослойности и системном изучении может принести огромную пользу в реформировании отечественного юридического образования, в особенности для формирования кадров для судебной системы. Как мне кажется, будет интересно изучить то, как накопившиеся проблемы в работе судов и связанные с ними недостатки в подготовке юристов компенсируются в конкретной правовой системе, и что из всего этого может быть заимствовано для улучшения современного российского учебного процесса.

В данной статье будет рассмотрен опыт современного высшего юридического образования Германии. Если рассматривать систему подготовки юристов в Германии, то юридическое образование в этой стране ориентировано на обучение: «…государственного служащего, который получил бы научную подготовку, следовал гуманистическим идеалам и осознавал свой общественный долг. Отсюда возник идеал юриста общего профиля, который мог бы занять любое место в государственном аппарате». [2, с. 218] Как необходимое следствие данной целевой установки: «Юридическое образование направлено на подготовку юриста широкого профиля». [2, с. 224] Получается, что, как и в нашей стране, выпускник юридического факультета может показать полученные им знания и навыки в качестве представителя любой из юридических профессий. Первый этап обучения длится два года, в течение которых студентам даются базовые знания в области права, параллельно студенты изучают и смежные с правом дисциплины, которые должны сформировать у них «правильную», по мнению администрации университета и преподавателя, читающего курс, жизненную и, в частности, гражданскую позицию, включая индивидуальную систему ценностей. К этим предметам относится история, социология, политология, философия. Этот этап завершается сдачей промежуточного экзамена. Далее в течение года студенты проходят этап специализированного обучения в течение одного года. На этом этапе студенты изучают юридические предметы более детально и объемно в свете междисциплинарных связей, а также с учетом связей немецкого права с другими европейскими правовыми системами в контексте международного частного и публич-

ного права. Кроме того, разные университеты славятся своими научными школами и известными учеными в определенных сферах изучения права. Случается, что абитуриенты специально выбирают тот или иной университет, исходя из его научной школы и того факта, что в этом университете читает лекции профессор – известный специалист в определенной области правовых исследований. Междисциплинарность, прежде всего, направлена, с одной стороны, на, как сказано выше, на формирование целостного, системного мировоззрения студента, которое помогло бы ему сформировать устойчивую жизненную позицию вообще и гражданскую позицию в частности, а, с другой стороны, на развитие у студентов коммуникативных навыков и умения эффективно оказывать убеждающее воздействие на слушателей и противников. Все то, что сейчас принято называть общим термином soft skills. В основе таких курсов лежат такие науки как логика, теория аргументации, риторика, эристика, психология восприятия, психология межличностного общения. От студентов требуется умение усиливать свою аргументацию при помощи визуального ряда. Что активно применяется и в современных российских университетах, во всяком случае, на юридических факультетах. За другие факультеты автор данной статьи отвечать не берется. После успешной сдачи первого государственного экзамена перед студентами возникает следующая дилемма: он может посвятить себя науке и стать ученым (для этого ему надо написать диссертацию, в случае ее успешной защиты ему присваивается степень доктора юридических наук) либо сразу же, так сказать, не теряя времени, отравиться на практическое поприще (хотя сделать это можно и после защиты диссертации). Во втором случае студенты переходят к практическому этапу своего юридического образования, которая называется рефендариат. Для этого они проходят стажировку, которая длится в зависимости от места ее прохождения от трех до десяти месяцев, в суде, либо в прокуратуре, либо в адвокатуре, либо в частных фирмах и на предприятиях. Допускается работа в других странах. После чего он готовится к сдаче второго государственного экзамена. Рефендариат длится два года и завершает подготовку немецкого юриста, конечно, в случае успешной сдачи им второго государственного экзамена. В данной модели образования следует выделить несколько положительных и один отрицательный аспект. К положительным аспектам, во-первых, по мнению автора данной статьи, следует отнести большую, в отличие от российской модели, долю практического компонента в образовании. В германской модели, как и в России, студенты между семестрами проходят стажировки, но у нас практическая составляющая обучения на этом и заканчивается, тогда как у немецких студентов существует возможность закрепить и отшлифовать свои знания, полученные в университете за счет рефендариата. При этом студенты не только в процессе реальной работы в государственных учреждениях и адвокатских конторах постигают тонкости своей профессии на практике, но и имеют возможность, владея приобретенным в университете научным инструментарием, проанализировать ее и осмыслить с теоретических позиций.

Во-вторых, экзамены проводятся не в университете, а специально для этого созданных центрах судебных экзаменов, в которых оценивают знания и навыки студентов независимые эксперты, имеющие практический опыт работы в сфере юриспруденции – как правило судьи, но также и прокуроры, юрисконсульты, профессора других высших учебных заведений. По мнению автора данной статьи, данная практика должна быть применена и в Российской Федерации. Сложившая ситуация, в которой государственные экзамены проводятся силами самих высших учебных заведений в своей основе порочна, поскольку складывается парадоксальная ситуация, при которой исполнитель (в данном случае ВУЗ в лице администрации и преподавательского состава), по сути, сам же и проверяет результаты своей работы. Я полагаю, последствия существующего положения вещей очевидны любому здравомыслящему человеку. Единственно, что в качестве резюме к вышеизложенному следует привести знаменитую юридическую максиму: «Nemo judex in propria causa» или в другом ее варианте, что, однако, нисколько не меняет ее значения Nemo judex in causa sua». Недавние нововведения с привлечением к участию в государственных экзаменах практикующих юристов, не связанных с университетом, явно недостаточны.

В-третьих, государственные экзамены у юристов в Германии проводятся как в письменной, так и в устной форме, что позволяет нивелировать недостатки присущие как первому, так и второму способу проверки усвоенных учащимися знаний. Сначала студенты пишут письменные работы по разным областям права. Письменный ответ позволяет студенту справиться с излишним волнением, успокоиться, привести свои мысли в порядок, тщательно обдумать излагаемый учебный материал, продумать систему аргументации, одним словом, показать себя с самой лучшей стороны, но это при условии, что у него не было возможности списать либо воспользоваться чьей-либо помощью. Затем проводится устный экзамен: «При устном ответе у студента есть шанс восполнить пробелы, привести примеры, исправить ошибки, дополнить ответ и при наличии знаний получить более высокую оценку; преподаватель может задать наводящие и дополнительные вопросы в помощь студенту, имеющему хороший уровень подготовки; наоборот, для студентов, которые механически запоминают материал, незаконно используют технические средства, дополнительные вопросы – это не спасательный круг, а острый нож».[4, с. 115] Правоведение Какая красивая и образная метафора!

Отдельно следует отметить меры, применяемые в Германии для контроля самостоятельности выполнения студентом письменных работ. Система контроля там построена так, что списывать становится практически невозможно, поскольку ведется наблюдение за студентами в процессе выполнения ими письменных заданий. Контроль на входе на предмет проноса носителей информации, которые теоретически могли бы содержать данные, способные исказить действительное знание и понимание студентом учебного материала. Не менее важным является персональная ответственность за списывание юридического характера, которая применяется даже для текущих работ, выполняемых в ходе процесса обучения в университете: «… при выполнении письменной работы студент всегда дает подписку о том, что она выполнена без посторонней помощи. Если студент использовал шпаргалку, допустил плагиат и т.п., он получает выговор, в случае рецидива – исключается из университета». [4, с. 113] Как принято говорить в таких случаях, уже со студенческой скамьи людям прививается нетерпимое отношение к использованию плагиата и выдаче чужих научных достижений за свои. Неудивительно, что такое в Германии встречается крайне редко в отличие от нашего отечества, где такая практика довольно широко распространена и существует вполне легально. Когда до недавнего времени по запросу в интернете открывались ссылки с предложением написать за умеренную плату рефераты, эссе, курсовые и дипломные работы, кандидатские и докторские диссертации. В коллективном сознании в нашем обществе, к сожалению, плагиат, заказ научной работы, а в последнее время, использование искусственного интеллекта не воспринимается как нечто противозаконное, тем более, по факту оно таким у нас и не является, или, что еще более прискорбно, как нечто противоречащее морали и добрым нравам. Тогда как в Германии человек, допустивший такое, становится предметом всеобщего осуждения, быть уличенным в этом – большой позор, независимо от того совершил ли такой поступок студент или лицо, облеченное властью. В качестве примера, можно привести широко освещаемые в средствах массовой информации (достаточно набрать в любом поисковике, в том числе, в Яндексе скандал, разразившийся в 2011 и году с участием тогдашнего министра обороны Гуттенберга, а также скандал 2013 года, в центре которого оказалась министр образования и науки Аннета Шаван из-за обвинения в плагиате. Вследствие сложившегося в нашем обществе отношения к факту использования чужой интеллектуальной собственности, даже на бытовом уровне в форме информационного пиратства (просмотр и прослушивание нелицензионной продукции, а также ее копирование и распространение, просмотр и скачивание книг и статей с пиратских интернет-ресурсов, хотя выше перечисленным действиям можно найти моральное оправдание и это предмет не столько юридического, сколько философского, причем не только морально-этического, но, скорее, метафизического дискурса) применение мер воздействия на лиц увлекающихся плагиатом в рамках локальных нормативно-правовых актов, принятых в немецких высших учебных заведениях, а также морально-этических запретов, негласно действующих в обществе как элемент традиционной культуры, будет явно недостаточно. На мой взгляд, проблема самостоятельного выполнения письменных работ учащимися является одной из самых злободневных, успешное решение которой является серьезным вызовом всей российской системе образования. Данная проблема, существовавшая, можно так выразиться, с незапамятных времен, предельно обострилась в наше время в связи с развитием современных информационных технологий. В последнем десятилетии двадцатого и начале двадцать первого века широкое распространение интернета и общедоступность содержащейся в нем информации привели к такому положению вещей, когда слишком часто якобы самостоятельно написанная работа превращалась в компиляцию фрагментов текстов из «всемирной паутины» по принципу «копировать – вставить», а то и в полноценное скачивание текста целиком из того или иного ресурса с последующим присвоением его авторства себе. Данная проблема была решена также техническими средствами за счет внедрения в учебный процесс различных систем, позволяющих выявить факт плагиата. Но, как в древнегреческом мифе, когда у гидры герой отрубал одну голову, на ее месте уже начинала расти другая, так и в нашем случае на место банальному скачиванию из интернета пришел искусственный интеллект, охотно предлагающий любому желающему сгенерировать тот или иной текст. На данном этапе проблема распознавания, кто является автором человек или ИИ, с учетом постоянного со-

вершенствования этих систем и способности их к самообучению далека от своего решения. К тому же, остается так и не решенной еще более фундаментальная проблема, существовавшая еще до появления интернета и искусственного интеллекта, связанная с письменным текстом, точнее сказать, с авторством письменного текста – проблема чужого авторства, именно тот случай, когда человек отчитывается о завершении определенного этапа в своем обучении, предоставив письменную работу, которая является свидетельством освоения им определенного набора знаний и навыков по какому-либо предмету, а на самом деле подлинным автором предоставленной работы он не является. Существуют ли вообще в таких случаях объективные критерии, которые позволили бы всегда безошибочно определять авторство конкретной письменной работы? Как полностью в учебном процессе исключить вариант, при котором текст создал другой человек и по каким-либо причинам, например, финансовым отказался от его авторства в пользу данного лица? В этом случае даже процедура публичной защиты, предполагающая обсуждение работы и ответы на вопросы может оказаться неэффективной, если якобы автор самостоятельно изучал вопросы, изложенные в «его» работе и/или он досконально отрепетировал с настоящим автором свое выступление на защите и предусмотрел возможные вопросы со стороны экзаменаторов. Фактически, с юридической точки зрения, описанные выше ситуации представляют собой подлог, поскольку выпускник, в том числе и на основании написанных им и засчитанных ему работ, претендует на присвоение ему определенной квалификации, дающей ему право претендовать на занятие какой-то государственной должности или рабочего места в негосударственных структурах, например, должности юрисконсульта, но при этом de facto компетенциями, необходимыми для осуществления данного вида деятельности не обладает! Поэтому предлагается на законодательном уровне ввести именно уголовную ответственность, и ничуть не меньше, как за заказ на письменные работы, так и за его исполнение.

Но при всей массе положительных моментов следует указать и на один, на мой взгляд, существенный недостаток в системе подготовки юристов в немецких университетах. «Фактически, за исключением нескольких обязательных занятий в области общих юридических исследований (студент может выбирать из истории права, философии, теории, социологии и т.д.), обучение почти полностью состоит из изучения наиболее важных кодифицированных актов итого, как их следует правильно толковать…студентов…проверяют почти исключительно на знание буквы закона и способность правильно его применять. Этот догматический (как его называют по-немецки) акцент проявляется в тематике и содержании лекций…Такой догматический подход к обучению, который в некотором смысле похож на обучение в профессиональном училище, не оставляет места для сомнений в праве». [2, с. 229] Получается, что в немецких университетах: «Право не столько подвергается сомнению и обсуждается, сколько применяется на основе абстрактных и аналитических суждений. Студенты-юристы должны знать закон и правильно его применять. Они меньше озабочены поиском решения, которое кажется наиболее разумным в свете фактов». [2, с. 233] При такой целевой установке подавляется творческая активность обучающихся, свобода мышления, юристы по своей сути становятся чиновниками, причем в самом негативном смысле этого слова: лишенными какой бы то ни было индивидуальности, послушными винтиками системы. А само право рассматривается в основном с точки зрения позитивного его понимания, в первую очередь как некая изначальная данность, как существующая идеально вне времени и пространства система абстрактных норм и заранее предусмотренных способов их интерпретации и применения к конкретному случаю. Если в гражданско-правовых отношениях такой подход в к праву является достаточно эффективным и компенсируется самим их характером, то для уголовного права он чреват порождением серьезных искажений в формировании изначальных морально-этических установок будущих работников немецкого правосудия. Об этом, правда, в другом контексте пишет американский профессор социологии, декан факультета антропологии и социологии Джон Масионис: «Гражданское право регулирует деловые отношения между частными сторонами, тогда как уголовное определяет моральную ответственность индивида перед обществом». [3, с. 276] Вопрос состоит только в знании этих норм и их правильном правоприменении. «Этика таким образом подготовленного юриста – это этика слуги государства, надежно применяющего абстрактные нормы к конкретному случаю». [1, с.111] Таким образом получается, что система подготовки юристов «заточена» на подготовку профессиональных судей. [5, с. 325]

В нашей системе подготовки юридических кадров, построенной по немецкой модели, данный недостаток преодолевается при помощи организации внеаудиторной научной работы студентов. В отечественных высших учебных заведения, занимающихся подготовкой юристов, действует студенческое научное общество (СНО), в составе которого на постоянной основе функционирует ряд студенческих научных кружков. В рамках их работы детально изучаются нерешенные в юриспруденции проблемы, как на самих заседаниях, так и на студенческих круглых столах, которые часто проводятся по результатам деятельности студенческого научного кружка в течение учебного года. Также деятельность студенческих научных кружков связана со студенческими научными проектами. В университетах, институтах и академиях регулярно проводятся студенческие научно-практические конференции, круглые столы, межвузовские, всероссийские и международные олимпиады и конкурсы. При университетах как их структурное подразделение работают юридические клиники, которые, с одной стороны, являются частью социальной политики в государстве, предоставляя малоимущим слоям населения бесплатную, квалифицированную помощь по различным юридическим вопросам, а, с другой стороны, позволяют студентам отшлифовать свои знания и навыки на практике, обсудить с преподавателями возникающие во время общения с обратившимися в юридическую клинику гражданами вопросы, а затем использовать полученный опыт в своей научной деятельности.

Практика привлечения студентов к самостоятельной научно-исследовательской работе сверх предусмотренным учебными планами аудиторных часов показала свою эффективность, поскольку таким образом студентам предоставляется возможность действительно заняться настоящей научно-исследовательской деятельностью уже в стенах университета, приобщиться к современной науке, ее проблематике, методологии, предпринять попытки самостоятельно разрешить волнующие представителей научного сообщества вопросы. Что особенно важно, так это то, что, во-первых, студенты занимаются научной деятельностью добровольно, как говорят в таких случаях, «не за страх, а за совесть», во-вторых, студенты абсолютно свободны в выборе темы своего будущего научного исследования. При этом существует система стимулирующих студентов мер: студенческая активность в научной и социальной работе влияет на место в рейтинге, учитывается в характеристике и в случае перевода с хозрасчета на бюджет. Более того студенческие доклады и публикации открывают список его научных трудов и учитываются в его дальнейшей научно-исследовательской работе уже по окончании университета.

Литература

1. Жалинский А. Рерихт А Введение в немецкое право. М.: Спарк, 2001. – 767 с.
2. Лундмарк Т. Очерки сравнительного правоведения. – СПб.: Алеф-Пресс, 2022. – 604 с.
3. Масионис Дж. Социология. – 9-е изд. – СПб,: Питер, 2004. – 752 с.
4. Поцелуев Е.Л. Университетское юридическое образование в ФРГ: что можно и нужно заимствовать? // Правоведение. 2012. № 5. С. 105–117.
5. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2-х тт. – Том I. Основы. – М.: Международные отношения, 2000. – 480 с.

COMPARATIVE ANALYSIS OF TEACHING METHODS OF LEGAL DISCIPLINES IN UNIVERSITIES OF GERMANY AND RUSSIA

Subbotin Y.V.
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

This article examines the specifics of legal training in Germany and Russia. The author analyzes the organization of the educational process in Germany for possible future adoption by the Russian higher education system. The author also focuses on the shortcomings inherent in training for members of the German judicial system. Drawing on the experience of training German lawyers, the article offers proposals for reforming the Russian higher education system. The author concludes that changes to the educational process, whether introduced by faculty on their own initiative or by university administration, are ineffective and spontaneous, even in the context of a modern information society. However, the educational process requires consistency, formalization, and standardization. This can only be achieved at the state level. Currently, there is an urgent need to reform the Russian education system as a whole, including the system of higher legal education.

Keywords: comparative law, higher education, professional training of lawyers, interdisciplinarity, competence model

References

1. Zhalinsky A., Roericht A. Introduction to German Law. Moscow: Spark, 2001. – 767 p.
2. Lundmark T. Essays on Comparative Law. St. Petersburg: Alef-Press, 2022. – 604 p.
3. Macionis J. Sociology. – 9th ed. – St. Petersburg: Piter, 2004. – 752 p.
4. Potseluev E.L. University Legal Education in Germany: What Can and Should Be Borrowed? // Pravovedenie. 2012. No. 5. Pp. 105–117.
5. Zweigert K., Koetz H. Introduction to Comparative Law in Private Law: In 2 vols. – Volume I. Fundamentals. – M.: International Relations, 2000. – 480 p.

Цивилизационный подход как форма правового релятивизма

Чигарев Борис Алексеевич,
абитуриент аспирантуры Института права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте РФ
E-mail: lysa.chigareva@mail.ru

Здор Арина Сергеевна,
абитуриент аспирантуры Института права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте РФ
E-mail: arinabae03@mail.ru

Одним из наиболее распространённых подходов к описанию социальной реальности в гуманитарных науках является цивилизационный подход, строящийся на идеях культурного детерминизма и представлении цивилизаций как крупных макросоциумах, формирующих ценностно-культурные нарративы. Данный подход исходит из того, что те или иные концепты, нарративы есть суть продукты той или иной цивилизации, следствие её уникальных особенностей и специфики. Как следствие, происходит отрицание универсализма человеческой истории, который заменяют в данном подходе «локальные» истории цивилизаций. В настоящей статье сделана попытка рассмотреть применение цивилизационного подхода в правовой науке. Делается вывод о риске использования цивилизационного подхода в юриспруденции ввиду опасности ухода в релятивизм, заключающийся в отрицании ценности прав человека как универсальной ценностной категории.

Ключевые слова: Цивилизация, правовой релятивизм, универсализм, права человека.

Понятие «цивилизация» имеет множество коннотаций в социально-гуманитарной науке. Длительное время это понятие означало общее наличие культуры в социуме, его уход от состояния «дикости», что означало обыкновенно наличие письменности, сложной общественно-политической организации, развитое производящее хозяйство. Однако в дальнейшем по мере развития в рамках социальных наук исследований различий разнообразных обществ, их культурных и социально-политических специфик понятие «цивилизация» стало приобретать смысл как форму классификации различных социумов, имеющих уникальные ценностные, культурологические и политико-правовые установки и практики. Так, цивилизационный подход, стремясь опровергнуть универсалистские установки в вопросах развития человечества, методологически строился на признании онтологического различия больших социальных общностей-цивилизаций, находящихся зачастую в мировоззренческом и социальном конфликте друг с другом, что, по мнению представителей цивилизационного подхода, препятствует формированию общих для всего человечества концепций и нарративов развития. Наиболее заметными представителями цивилизационного подхода являлись Н.Я. Данилевский, Арнольд Тойнби, Освальд Шпенглер, Сэмюэл Хантингтон.

Так, в своём труде «Россия и Европа» Н.Я. Данилевский, выделяя культурно-исторических типов как форму описания и классификации цивилизаций, пишет: «Прогресс, как мы сказали выше, состоит не в том, чтобы идти все в одном направлении (в таком случае он скоро бы прекратился), а в том, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, во всех направлениях. Поэтому ни одна цивилизация не может гордиться тем, чтоб она представляла высшую точку развития, в сравнении с ее предшественницами или современницами, во всех сторонах развития» [2]. Таким образом, Н.Я. Данилевский, с одной стороны, отрицает единую для всех народов историческую телеологию, а с другой стороны, что важно, указывает на плюрализм социальных практик различных цивилизаций, что означает равную ценность выработанных этими общностями институтов и норм [2].

Другой представитель цивилизационного подхода, Арнольд Тойнби в своём труде «Цивилизация перед судом истории» указывал: «Одним из кардинальных положений моей теории была мысль о том, что наименьшей ячейкой умопостигаемого поля исторического исследования должно служить целое общество, а не случайные изолированные фрагменты его вроде национальных государств современного Запада или городов-государств греко-римского периода. Другой отправной точкой для меня было то, что истории развития обществ, подходящих под определение цивилизации, были в определенном смысле параллельны и современны друг другу…» [6]. Так, А. Тойнби показывает параллелизм существования цивилизаций, их равноценного значения. При этом А. Тойнби исходит из позиции холизма, указывая на первичность социальной общности-цивилизации при рассмотрении общественных процессов.

Однако этот отказ от универсализма в рамках цивилизационного подхода имеет риск перерасти в форму морального и правового релятивизма. Так, Освальд Шпенглер, немецкий философ, в своём труде «Закат Европы» указывает: «Отдельный человек может поступать морально или неморально, делать «добро» или «зло», исходя из прачувствования своей культуры, но теория его поведения просто задана наперед. У каждой культуры есть для этого свой собственный масштаб, срок действия которого начинается и кончается вместе с нею. Общечеловеческой морали не существует» [11]. Это логично вытекает из тезиса об уникальности и аутентичности каждой цивилизации, что, тем не менее, поднимает вопрос конкретно для юридической науки: совместима данная парадигма цивилизационного подхода и понимание права как искусства добра и справедливости? Ведь право как институт и система социальных норм так или иначе основывается на определённых ценностных, метафизических установках (даже в позитивистском понимании права воля государства продиктована определёнными соображениями и представлениями), соответственно, признание позиции о культурном цивилизационном детерминизме в отношении ценностных и моральных категорий может привести к отрицанию существования, во-первых, международного права как такового, а во-вторых, что наиболее важно, фактическому отрицанию

существования прав человека как таковых, признание их лишь продуктом конкретной цивилизации.

Нужно сказать, что зачастую современные представители цивилизационного подхода представляют отношения между цивилизациями как антагонистические, что, как представляется, только усугубляет поставленную выше проблему для юридической науки. Так, Сэмюэл Хантингтон в своей работе «Столкновение цивилизаций» указывает: «В этом новом мире наиболее масштабные, важные и опасные конфликты произойдут не между социальными классами, бедными и богатыми, а между народами различной культурной идентификации… Насилие между странами и группами и группами из различных цивилизаций, однако, несет с собой потенциал эскалации, так как другие страны и группы из этих цивилизаций призывают к помощи своих братских стран» [7]. Соответственно, в условиях этого противостояния цивилизаций неизбежным будет и дезинтеграция международных наднациональных органов, что, в свою очередь, чревато локализацией права, потерей им статуса механизма разрешения международных споров и конфликтов.

Проблема цивилизаций, их влияния на социальные практики и установки имеет междисциплинарное значение, повлияв, в том числе, и на теорию государства и права. Так, одним из исследователей влияния цивилизационных особенностей общества на развитие правовой системы являлся профессор Г.В. Мальцев, изложивший своё понимание связи исторических культурных явлений и правовой реальности в труде «Культурные традиции права» [4]. М.Г. Абрамова по этому поводу указывает следующее: «Это фундаментальный труд, в котором отражены страницы истории культуры разных народов, оказавшие влияние на их правовое развитие. В нем проанализированы религиозные и культурные традиции индоевропейской, индоиранской (зороастрийская и авестийская), античной, древнегерманской, древнеславянской, иудеохристианской, римской и византийской, русско-православной цивилизаций» [1]. Авторы приходят к выводу о нерасторжимой связи и зависимости культурных форм (включая, религиозные представления) с представлениями людей о порядке, праве, законах. Так, ему удается выявить особенности формирования и развития правовых систем у различных народов, этносов. Г.В. Мальцев предстает ярким представителем цивилизационного подхода в исследовании сложных саморазвивающихся систем (права, государства и т.д.)» [4].

Иное прочтение понятия цивилизации, которое, как представляется, является весьма интересным юридической науке, даёт профессор В.А. Четвернин, отмечая, в частности, следующее: «Цивилизацией правового типа я называю преимущественно правовую институциональную среду человеческой деятельности. Соответственно, потестарный цивилизационный тип – это доминирование потестарных институтов. Но в некоторых цивилизациях не просто наличествуют институты обоих типов – они конкурируют так, что не представляется возможным однозначно маркировать такие цивилизации как правовые или потестарные» [9]. Это понимание цивилизации вытекает из концепции потестарности В.А. Четвернина, под чем учёным понималась силовая, неправовая форма организации общества, основанная на политико-правовом монизме социума, патерналистских отношениях между обществом и государством. Данное понимание цивилизации означает фактически признание эссенциального различия разнообразных социумов в зависимости от их отношения к праву (причём право в данной концепции понимается в рамках либертарно-юридической теории), что, в свою очередь, поднимает проблему возможности восприятия потестарными цивилизациями и их трансформации уже в цивилизации правовые [9]. Данный вопрос в рамках юридической науки имеет особое значение в разрезе проблематики построения правового государства в социумах, традиционно живущих в рамках антиправовой ментальности, а также, что важно, ставит вопрос о возможности рецепции тех или иных правовых институтов потестарными цивилизациями.

Так или иначе, но цивилизационный подход стал концептуальной базой для формирования модели государства-цивилизации. Н.Я. Данилевский первый связал цивилизационный подход и конкретное представление о политической организации. Он считал, что политическое обрамление цивилизации должно выходить за рамки того или иного национального государства, вместо этого должна существовать федерация или межгосударственный союз государств и народов, входящих в ту или иную цивилизацию [2]. Так, Н.Я. Данилевский считал, что цивилизация в большинстве случаев включает в себя множество народов и культур, чей ареал расселения выходит за пределы границ того или иного государства [2]. Поэтому подлинное политическое измерение цивилизации виделась в форме полицентричной организации, которую он, в частности, предлагал для организации единого славянского государства как политического оформления славянской цивилизации. При этом отдельным вопросом оставалась ситуация «моноцивилизации», когда объективные культурные, религиозные и национальные особенности общества приводят к образованию локальной цивилизации, не выходящей за рамки конкретного государства, примером чего является японская цивилизация. Стоит сказать, что современные представители цивилизационного подхода, в частности, С. Хантингтон, видят примером полицентричной политической цивилизации Европейский Союз, который политически оформил европейскую цивилизацию и в силу особенностей своей организации стал геополитической единицей без определённого доминанта внутри себя.

Нужно сказать, что концепция цивилизаций и, как следствие, модель государства-цивилизации зародилась и развилась в рамках западноевропейской философской и научной мысли, однако в самом западноевропейском политическом языке государство-цивилизация используется редко, в самих европейских обществах дискуссия о наличии или отсутствии у них цивилизационной специфики отсутствует. Зачастую такие дискуссии присущи неевропейским, находящимся в состоянии догоняющего развития и в условиях глобализации стремящиеся, с одной стороны, обрести и оформить идентичность, а с другой стороны, получить альтернативные Западу сферы экономической и политической интеграции, что и требует формирования «цивилизационных ойкумен». В современных реалиях примером тому могут являться пантюркистские проекты Турции, стремление Ирана формировать «Ось» на Ближнем Востоке близких по религии и идеологии государств. Данные ценностные установки влияют, в частности, и на формирование политических систем данных государств. Так, объявляя себя цивилизациями, подобные государства зачастую объявляют и об уникальности своей политической организации, невозможности заимствования политических институтов, зародившихся в иных культурных системах. Причём довольно часто речь идёт об институциях западной либеральной демократии. В современную эпоху это проявляется в появлении такого явления как «демократии с прилагательными», что означает форму гибридных политических режимов, имеющих черты как демократического, так и авторитарного политического режима. В правовой сфере это, в свою очередь, выражается в ревизии принципов права с целью «очищения» правовой системы от чужеродных культурных заимствований, что, как уже говорилась, приводит к отрицанию универсализма правовых ценностей, а также, что немаловажно, вызывает фактическое смешение права и морали как двух социальных регуляторов, что приводит к размыванию непосредственно «правового», утрате эксклюзивного значения правового регулирования в современном обществе. Это происходит, потому что зачастую эта «цивилизационная ревизия» требует возвращения к определённым культурным архетипам, не имеющим правовой природы, что видно на примере многих исламских стран, в которых религиозные, а не правовые нормы являются основным социальным регулятором [10].

При этом одним из важнейших вопросов в построении государства-цивилизации является вопрос о границах юрисдикции этого государства, территориальных пределах его суверенитет и, как следствие, сосуществования наднациональных цивилизаций и принципа нерушимости государственных границ [10]. Государство-цивилизация, заявляя о своём стремлении к тождественности цивилизационных границ и государственных границ, попадает в ситуацию двусмысленного отношения к существующим государственным границам. В юридической плоскости это выражается в неясности того, какой политико-правовой субъект является источником власти в модели государства-цивилизации. Если, как уже указывалось в настоящей работе, в рамках государства-нации основным субъектом конституционно-правовых отношений и источником власти является народ (нация), то в государстве-цивилизации нет ясного ответа на вопрос, кто является в данной модели государства подобным субъектом. Так как цивилизация предполагает выход за рамки конкретного народа, то создаётся ситуация неопределённости реальной юрисдикции государства, представляет ли оно только население, живущее непосредственно в пределах его официальной территории, или же оно представляет интересы всех народов и общностей, входящих в состав той или иной цивилизации. В современном мире такая неопределённость чревата постоянным риском ирредентизма, пересмотра границ и конфликтами.

Литература

1. Абрамова, М.Г. История юридической мысли: Г.В. Мальцев – теоретик цивилизационных традиций права // Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. – М.: Просвещение, 2024. – С. 10–18.

2. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – 816 с.

3. Ионов, И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия / И.Н. Ионов. – М.: Наука, 2007. – 496 с.

4. Мальцев, Г.В. Культурные традиции права / Г.В. Мальцев. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2026. – 608 с.

5. Маслин, М.А. Николай Данилевский. Между славянофильством и панславизмом // Философский журнал. – 2023. – Т. 16, № 4. – С. 5–17.

6. Тойнби, А. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад / А. Тойнби. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 352 с.

7. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: Полис, 1994. – 48 с.

8. Хобсбаум, Э. Нации и национализм после 1780 года / Э. Хобсбаум. – М.; СПб.: Алетейя, 1998. – 308 с.

9. Четвернин, В.А. Институциональная теория права. Основные положения // Научные исследования лаборатории теории права НИУ ВШЭ. – 2013. – № 1. –С. 3–35.

10. Шабуров, А.С. Государство и государственность: вопросы соотношения // Известия ИГЭА. – 2012. – № 3. – С. 125–130.

11. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер. – М.: Феникс, 1993. – 592 с.

THE CIVILIZATIONAL APPROACH AS A FORM OF LEGAL RELATIVISM

Chigarev B.A., Zdor A.S.
Institute of Law and National Security RANEPA under the President of the Russian Federation

One of the most common approaches to describing social reality in the humanities is the civilizational approach, which is based on the ideas of cultural determinism and the conception of civilizations as large macro-societies that form value-cultural narratives. This approach is based on the premise that certain concepts and narratives are products of a particular civilization, a consequence of its unique features and specificity. As a result, the universalism of human history is denied, and in this approach, it is replaced by the "local" histories of civilizations. This article attempts to examine the application of the civilizational approach in legal science. The conclusion drawn is that there is a risk in using the civilizational approach in jurisprudence due to the danger of sliding into relativism, which consists in denying the value of human rights as a universal value category.

Keywords: civilization, legal relativism, universalism, human rights.

References

1. Abramova, M.G. History of Legal Thought: G.V. Maltsev – a Theorist of Civilizational Traditions of Law // Collection of Scientific Articles of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University. – Moscow: Prosveshchenie, 2024. – Pp. 10–18.

2. Danilevsky, N. Ya. Russia and Europe / N. Ya. Danilevsky. – Moscow: Institute of Russian Civilization, 2008. – 816 p.

3. Ionov, I.N. Civilizational Consciousness and Historical Knowledge: Problems of Interaction / I.N. Ionov. – Moscow: Nauka, 2007. – 496 p.

4. Maltsev, G.V. Cultural Traditions of Law / G.V. Maltsev. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2026. – 608 p.

5. Maslin, M.A. Nikolay Danilevsky. Between Slavophilism and Pan-Slavism // Philosophical Journal. – 2023. – Vol. 16, No. 4. – Pp. 5–17.

6. Toynbee, A. Civilization before the Court of History. The World and the West / A. Toynbee. – Moscow: AST: Astrel, 2011. – 352 p.

7. Huntington, S. The Clash of Civilizations / S. Huntington. – Moscow: Polis, 1994. – 48 p.

8. Hobsbawm, E. Nations and Nationalism after 1780 / E. Hobsbawm. – Moscow; St. Petersburg: Aletheia, 1998. – 308 p.

9. Chetvernin, V.A. Institutional Theory of Law. Fundamental Provisions // Research Research of the Laboratory of Legal Theory, National Research University Higher School of Economics. – 2013. – No. 1. –P. 3–35.

10. Shaburov, A.S. State and Statehood: Questions of Correlation // Izvestiya IGEA. – 2012. – No. 3. –P. 125–130.

11. Spengler, O. The Decline of the West / O. Spengler. – Moscow: Phoenix, 1993. – 592 p.

Становление колхоза как юридического лица в 20-е годы XX века в советской России

Шевцов Евгений Валерьевич,
аспирант, 2 курс, кафедра «Теория и история государства и права», Белгородский университет кооперации, экономики и права (БУКЭП)
E-mail: 2catred@gmail.com.

Статья посвящена анализу становления коллективных хозяйств как юридических лиц в аграрном секторе Советской экономики в 20-е годы XX века. Анализируются правовые формы колхозов в лице сельскохозяйственных коммун, сельскохозяйственных артелей и товариществ по обработке земли. Особое внимание уделяется роли права в оформлении перехода земли и средств производства в коллективную собственность, а также мобилизации ресурсов для аграрной реформы.

Ключевые слова: сельское хозяйство; колхозы; государственная монополия; Новая экономическая политика; товарищества по обработке земли; сельскохозяйственная коммуна; сельскохозяйственная артель.

В соответствии с теорией марксизма социализм можно описать как государственно-капиталистическую монополию, обращенную на пользу всего общества, путем равномерного распределения ресурсов. Иными словами, если отделить субъективный фактор, это государственный монополистический капитализм, проводимый впоследствии большевиками как в городе, так и в деревне. Теоретики марксизма-ленинизма особо уделяли внимание тенденции поглощение малого и среднего способа ведения хозяйства крупными монополиями. Поэтому преобладание государственного монополистического сектора, экономическое планирование и распределение являлись неотъемлемым основой СССР на момент принятия Конституции 1936 года.

Классики марксизма-ленинизма в отличие от особого обращения внимания к промышленным городским предприятиям и рабочим отводили второстепенное значение к деревне и крестьянину, рассматривая последнего как труженика и собственника. Тем не менее существует ряд фундаментальных работ, которые проясняют взгляды этих философов на данную проблему. В своей знаменитой статье Крестьянский вопрос во Франции и Германии Фридрих Энгельс пишет о том, что: «…обязанность социализма состоит в том, чтобы снова ввести сельскохозяйственных пролетариев во владение – в коллективной или общественной форме – крупными имениями после экспроприации их нынешних праздных собственников…» [1, с. 509]. В заключении своей работы он резюмирует: «…главная задача состоит в том, чтобы ясно показать крестьянину, что мы можем спасти, сохранить его усадьбу и земельное владение, только превратив их в кооперативное владение и кооперативное производство» [1, с. 519–520]. В этом вопросе В.И. Ленин полностью солидарен с Фридрихом Энгельсом, оговаривая, что простой рост кооперации тожественен с ростом социализма.

Кооперация в России имеет давние исторические корни. Еще в 1831 году ссыльными декабристами на Петровском заводе в Забайкалье была организована «Большая Артель». Несмотря на то, что это был потребительский кооператив, ее участники занимались помимо торговли и кредитных операций также и сельским хозяйством. После отмены крепостного права широкую популярность набирает земледельческая артель. Это особый вид крестьянской общины, при которой все земли обрабатывались сообща, а полученный продукт делился по количеству и качеству затраченного труда. Н.В. Агошкова замечает, что на рубеже XIX–XX вв. в России создаются молочные кооперативы. Молочные артели массово начали создаваться в Сибири, где имелось зажиточное крестьянство. [2, с. 44] Разразившееся Первая мировая война и вызванный ей продовольственный кризис способствовали развитию сбытовой кооперации. Они поставляли в первую очередь хлеб, масло, а также кустарные изделия.

Свершившаяся Октябрьская революция 1917 года ознаменовала коренные изменения не только российского общества, но и многих других народов. Она означала претворение в жизнь социалистических идей на территории бывшей Российской Империи. Первоочередной проблемой молодой советской республики являлся аграрный вопрос. Профессор О.И. Чистяков пишет, что крестьяне, веками мечтали иметь свой клочок земли и желали увеличить его за счет раздела помещичьих имений. Поэтому большевики в ленинском декрете о земле, по существу, воспроизвели эсеровскую программу.

27 октября (9 ноября) 1917 года Вторым Всероссийским съездом Советов был принят «Декрет о земле», который объявил о национализации земли. Теперь государство как единый собственник могло самостоятельно регулировать земельные отношения, концентрировать массивы земель и создавать крупные сельскохозяйственные предприятия. Декрет отменял право частной собственности на землю, а также делал ее неотчуждаемой. В соответствии с принципом уравнительного землепользования декрет допускал любые формы ее распределения. Однако в Декрете о земле допускается артельная форма землепользования, что в последствии станет фундаментом для зарождения специфичного колхозного права, свойственного только для советской правовой системы [3, с. 19–20].

На этапе становления власти советов в России 9 февраля 1918 года опубликовывается Закон о социализации земли, который является фундаментальным нормативно-правовым актом, регулирующие сельскохозяйственные общественные отношения в период гражданской войны. В статье 35 прямо заявлено, что государственная власть бу-

дет отдавать предпочтения «коммунистическому, артельному и кооперативному хозяйствам перед единоличным». Однако данный закон оговаривает только сельскохозяйственные коммуны и сельскохозяйственные товарищества в контексте коллективных хозяйств, предназначенных для занятий сельским хозяйством [4, с. 416].

В период проведения новой экономической политики ВЦИК и СНК РСФСР в августе 1921 года принимают важнейший Декрет «О сельскохозяйственной кооперации», который стимулировал частную инициативу крестьян в праве создания сельскохозяйственных кооперативных товариществ и артелей для совместного ведения сельского хозяйства. Главным условием такого объединения считалось наличие не менее пяти человек. Декрет устанавливал, что артели и товарищества пользуются правами юридических лиц, они вправе отчуждать сельскохозяйственные продукты, приобретать имущество для ведения сельского хозяйства. Кроме того, они могли заключать договоры, нести по ним обязательства, а также предъявлять иски и отвечать по ним в суде [5, с. 735–737].

Ключевым нормативно-правовым актом в этой области во времена свертывания НЭПа и подготовки к массовой коллективизации признается постановление ЦИК и СНК СССР от 16 марта 1927 года «О коллективных хозяйствах». Он перечисляет основные формы колхозов, такие как товарищества по общественной обработке земли, машинные товарищества, сельскохозяйственные артели и сельскохозяйственные коммуны. Вместе с тем постановление направлено на вовлечение в них все большие массы крестьянства, отдавая предпочтения беднякам и середнякам.

По мнению И.В. Павлова товариществом по общественной обработке земли (ТОЗ) является производственное объединение крестьян, в котором обобществлялись лишь полевая земля и труд его членов во время полевых работ. Рабочий скот и сельскохозяйственный инвентарь оставались в частной собственности членов товарищества, но могли использоваться для совместных полевых работ [6, с. 26].

Таким образом, вынуждены констатировать, что ТОЗ представляет собой самую простейшую и примитивную кооперацию крестьянства в СССР. Данная кооперация имела политическую и экономическую подоплеку касаемо сельской политики большевиков. Свой пик развития они получили в 1928–1929 годах и служили переходным этапом от индивидуального хозяйства крестьянства к коллективному.

На середину 1929 года товарищества по обработке земли доминировали во всей системе колхозного хозяйства, поскольку составляли более 60% от количества сельскохозяйственных артелей и коммун. В период проведения массовой (сплошной) коллективизации происходит резкое сокращение их численности путем преобразования в артели. Так, на 1 января 1934 года из 228 700 колхозов насчитывалось всего 3 430 ТОЗов. В результате проведения принудительной коллективизации к 1936 году советский аграрный сектор насчитывал 250 тысяч коллективных хозяйств, где только одному проценту отводилось всем коммунам и артелям. А уже к 1938 году данные организационно-правовые формы колхозов полностью исчезли в СССР.

Под сельскохозяйственной коммуной следует понимать форму коллективного хозяйства, характеризующуюся самой высокой степенью обобществления и введением распределения доходов по потребностям. В этой форме кооперации обобществлялись все средства производства, все хозяйство велось на общественных началах, члены коммуны не имели личного подсобного хозяйства, получаемые доходы распределялись между ее членами безотносительно к тому, кто сколько труда вложит, т.е. уравнительно.

О.М. Семерикова выделяет три этапа существования сельскохозяйственных трудовых коммун в Советской России: 1) 1917–1919 г. – объединения появившееся в европейской части страны; 2) 1920–1924/1925 гг. – появление сельскохозяйственных коммун на территориях, где завершилась гражданская война, преимущественно на Урале и в Сибири; 3) 1926/1927 гг. – начало 1930 – х гг. не смотря на то, что некоторые коммуны стали экономически рентабельны, однако все же наблюдается существенное сокращение желающих в них вступить по экономическим и политическим причинам. Окончательное упразднение данной формы сельскохозяйственной кооперации произошло в 1934 году по решению партии и правительства [7, с. 223–224].

Однако в период сворачивания НЭПа данные формы коллективных хозяйств оказались нежизнеспособными по ряду причин. Существенными недостатками для властей в отношении товариществ по обработки земли оказались отсталый технический уровень сельскохозяйственного инвентаря и частная собственность крестьян на них. Что касается сельскохозяйственной коммуны то существенными ее минусами можно назвать уравнительное распределение, тотальное обобществление, а также отсутствие ведения личного подсобного хозяйства. Напомним, что в периоды коренной ломки общественных отношений и Великой Отечественной войны именно личное подсобное хозяйство обеспечивало пропитание крестьян.

Компромиссной формой коллективных хозяйств для большевиков оказалась сельскохозяйственная артель. Она смогла воплотить в себе общественную собственность на средства производства в деревне и личное подсобное хозяйство. В личной собственности крестьян оставались мелкий сельскохозяйственный инвентарь, продуктивный скот в оговоренном размере, а также хозяйственные постройки для этого скота и жилой дом. К сожалению, во времена проведения массовой коллективизации на местах допускались существенные нарушения законодательства касаемо обобществления личной собственности колхозников. На законодательном уровне сельскохозяйственная артель как основная форма колхоза была установлена постановлением ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 года.

Литература

1. К. Маркс и Ф. Энгельс. Крестьянский вопрос во Франции и Германии. Соч, т. 22. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. – С. 845. – Текст: непосредственный.

3. Декрет II Всероссийского съезда Советов о земле. С. 640. – Текст: непосредственный. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957.

4. Основной закон о социализации земли: принят ВЦИК 27 января (9 февраля) // Собрание узаконений. – 1918. – № 25. – С. Ст. 346.

5. Декрет о сельскохозяйственной кооперации: принят ВЦИК и СНК РСФСР 16 августа // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР. – 1921. – № 61. – С. Ст. 434.

6. Правовое положение колхозов в СССР / Отв. ред. проф. И.В. Павлов. – М: Госюриздат, 1961. – С. 379. – Текст: непосредственный.

7. Семерикова, О.М. Сельскохозяйственные трудовые коммуны в 1917 – начале 1930-х гг.: причины создания и вступления в коллектив // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – 2018. – № 1. – С. 221–228.

THE FORMATION OF THE COLLECTIVE FARM AS A LEGAL ENTITY IN THE 1920S IN SOVIET RUSSIA

Shevtsov E.V.
Belgorod University of Cooperation

The article is devoted to an analysis of the formation of collective farms as legal entities in the agricultural sector of the Soviet economy in the 1920s. The legal forms of collective farms are analysed, including agricultural communes, agricultural artels, and land-cultivation partnerships. Special attention is paid to the role of law in formalising the transfer of land and means of production into collective ownership, as well as in mobilising resources for agrarian reform.

Keywords: Agriculture; collective farms; state monopoly; the New Economic Policy; land-cultivation partnerships; agricultural commune; agricultural artel.

References

1. K. [Marx and F. Engels. The Peasant Question in France and Germany. Works, Vol. 22]. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury, 1962. – S. 845. – Tekst: neposredstvennyj (In Russian).

3. Dekret II Vserossijskogo s«ezda Sovetov o zemle. S. 640. – Tekst: neposredstvennyj. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury, 1957 (In Russian).

4. [Fundamental Law on the Socialization of Land: Adopted by the All-Russian Central Executive Committee January 27 (February 9)] // Sobranie uzakonenij. – 1918. – № 25. – S. St. 346 (In Russian).

5. [Decree on Agricultural Cooperation: Adopted by the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR August 16] // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Raboche-Krest'yanskogo Pravitel'stva RSFSR. – 1921. – № 61. – S. St. 434 (In Russian).

6. [Legal Status of Collective Farms in the USSR] / Otv. red. prof. I.V. Pavlov. – M: Gosyurizdat, 1961. – S. 379. – Tekst: neposredstvennyj (In Russian).

7. Semerikova, O. M. [Agricultural Labor Communes in 1917 – Early 1930s: Reasons for Creation and Participation in the Collective] // Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy. – 2018. – № 1. – S. 221–228 (In Russian).

Информационная безопасность личности, общества и государства в публичном праве

Аль Талабани Мохаммед Азад Абдулкадер,
аспирант кафедры конституционного и международного права Юридического института НИУ «БелГУ»
E-mail: mohamedtalaabani98@gmail.com

В статье раскрывается публично-правовое обеспечение защиты личности, общества и государства в условиях цифровой трансформации. Анализируются защита персональных данных и критической информационной инфраструктуры, ограничение доступа к противоправной информации, прокурорский надзор и судебный контроль. Информационная безопасность рассматривается как комплекс правовых, организационных и технических мер. Научная новизна состоит в разграничении действующих механизмов и требующих нормативного закрепления проверяемых обязанностей. Предложены единый публично-правовой стандарт информационной безопасности, непосредственное уведомление граждан о существенных инцидентах с их персональными данными и периодическое подтверждение устойчивости значимых объектов КИИ в процессе эксплуатации.

Ключевые слова: информационная безопасность; публичное право; персональные данные; критическая информационная инфраструктура; цифровые угрозы; прокурорский надзор; судебный контроль; цифровая трансформация.

Цифровая трансформация изменила содержание публично-правового обеспечения информационной безопасности. Ранее оно связывалось преимущественно с защитой информации, каналов связи и государственных информационных систем. Сегодня информационная безопасность непосредственно влияет на реализацию конституционных прав и свобод. Сбои цифровой инфраструктуры могут ограничить доступ к государственным услугам, правосудию, банковским и медицинским сервисам.

Конституция Российской Федерации признает человека, его права и свободы высшей ценностью и обязывает государство их соблюдать и защищать. В цифровой среде исполнение этой обязанности зависит не только от правового регулирования, но и от устойчивости информационных систем, достоверности государственных реестров и эффективности реагирования на цифровые инциденты. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации определяет ее как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз[1]. Один цифровой инцидент способен одновременно затронуть интересы всех трех уровней, что обусловливает потребность в комплексном публично-правовом подходе.

Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» понимает защиту информации как совокупность правовых, организационных и технических мер, предотвращающих неправомерный доступ, уничтожение, модификацию, блокирование, копирование и распространение сведений[2]. Цифровой инцидент затрагивает не только режим обращения информации, но и публичный интерес. Правовой оценке подлежит прежде всего нарушение этого интереса, выражающееся в ограничении прав граждан, подрыве устойчивости государственного управления либо создании угрозы неопределенному кругу лиц. Как отмечает В.Ф. Пилипенко, объектом защиты выступают не только информационные ресурсы, но и общественные отношения, складывающиеся при их создании, использовании и охране[3].

Информационная безопасность личности начинается с законной обработки персональных данных, но не сводится к конфиденциальности. Федеральный закон «О персональных данных» называет своей целью защиту прав и свобод человека при обработке таких данных, включая права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну[4]. Законодатель тем самым связывает обработку сведений о гражданах с гарантиями реализации конституционных прав.

Защищенность личности определяется не только предотвращением неправомерного доступа к данным, но и контролем их последующего использования. По мнению П.В. Ересько, основные риски цифровой среды обусловлены возможностью использования сведений вне целей, ради которых они собирались, поэтому повышенные обязанности по предупреждению таких рисков должны возлагаться на оператора[5]. Масштаб проблемы подтверждается статистикой Банка России: в 2025 г. объем операций, совершенных без добровольного согласия клиентов финансовых организаций, превысил 29 млрд руб., увеличившись более чем на 30% по сравнению с предыдущим годом[6].

Судебная практика показывает, что эффективность защиты личности в цифровой среде зависит не только от содержания установленных законом гарантий, но и от своевременности и полноты их применения. Так, Фрунзенский районный суд г. Иваново рассматривал жалобу

[1] Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 50. Ст. 7074.

[2] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

[3] Пилипенко В.Ф. Безопасность: теория, парадигма, концепция, культура: словарь-справочник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ПЕР СЭ Пресс, 2005. С. 84.

[4] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

[5] Ересько П.В. Правовые проблемы обеспечения информационной безопасности личности в цифровом пространстве // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2025. Т. 25. № 1. С. 93–99.

[6] Банк России. Обзор операций, совершенных без добровольного согласия клиентов финансовых организаций, за 2025 год. URL: https://www.cbr.ru/analytics/ib/operations_survey/2025/ (дата обращения: 17.05.2026).

на решение прокуратуры по материалам о возможной незаконной обработке персональных данных начальником районного отдела судебных приставов, ответственность за которую предусмотрена частью 1 статьи 13.11 КоАП Российской Федерации. Суд отменил решение, которым жалоба гражданина была оставлена без удовлетворения, однако прекратил производство в связи с истечением срока давности привлечения к административной ответственности. Это дело показывает, что несвоевременное проведение проверки может исключить возможность рассмотрения вопроса об ответственности по существу[1]. Другой аспект защиты связан с ответственностью оператора персональных данных. Советский районный суд г. Красноярска установил, что ООО «Интелком» в нарушение статьи 7 Федерального закона «О персональных данных» передало сведения о гражданине третьему лицу без его письменного согласия. Ранее оператор был привлечен к административной ответственности по части 1 статьи 13.11 КоАП Российской Федерации, а при рассмотрении гражданского дела суд на основании части 2 статьи 24 Федерального закона «О персональных данных» взыскал в пользу гражданина компенсацию морального вреда[2]. Особое значение для защиты личности имеет пресечение публичного распространения персональных данных в сети Интернет.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Республики Татарстан рассмотрела спор о признании незаконными действий АО «Телерадиокомпания Новый Век» по использованию и распространению персональных данных гражданина и о компенсации морального вреда. В телевизионном сюжете, впоследствии размещенном в социальной сети «ВКонтакте» и на сайте YouTube, без согласия гражданина были раскрыты его фотография, анкетные и паспортные данные, адрес, номер телефона и банковские реквизиты. Согласившись с выводом о нарушении статей 7 и 8 Федерального закона «О персональных данных», суд апелляционной инстанции учел публичный характер и масштаб распространения сведений и увеличил компенсацию морального вреда с 10 000 до 50 000 рублей[3]. Таким образом, судебная практика подтверждает значение своевременной прокурорской проверки, ответственности оператора за передачу сведений без согласия субъекта и эффективной гражданско-правовой защиты при публичном распространении персональных данных в цифровой среде.

Закон возлагает на операторов обязанность принимать необходимые меры по обеспечению безопасности персональных данных. При установлении факта неправомерной или случайной передачи персональных данных оператор обязан уведомить Роскомнадзор в течение двадцати четырех часов, а результаты внутреннего расследования представить в течение семидесяти двух часов[4]. Вместе с тем общей обязанности непосредственно сообщать об инциденте затронутым субъектам персональных данных закон не устанавливает. Такое уведомление необходимо, когда нарушение создает существенный риск для прав граждан и требует от них принятия мер по снижению возможного вреда. Существенность риска следует определять с учетом категории раскрытых сведений, числа затронутых лиц, возможности использования данных для противоправных действий и вероятности их объединения с другими информационными массивами.

Информационная безопасность общества имеет иную направленность. Если защита личности ориентирована на обеспечение субъективных прав конкретного лица, то общественный уровень связан с поддержанием устойчивости информационной среды, в которой реализуются конституционные свободы, осуществляется публичная коммуникация и возникают угрозы, затрагивающие неопределенный круг лиц.

Одним из наиболее сложных направлений публично-правового регулирования остается ограничение распространения противоправной информации. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» предусматривает возможность применения мер государственного принуждения в отношении материалов, распространение которых создает угрозу общественной безопасности[5]. Вместе с тем цифровая среда требует учитывать не только содержание материала, но и контекст его использования. Один и тот же информационный объект может использоваться в целях экстремистской пропаганды, научного исследования, журналистской деятельности либо в качестве доказательства при рассмотрении судебного дела. Следовательно, сама по себе доступность информации не свидетельствует о противоправности ее распространения. При разграничении правомерного и противоправного использования следует учитывать содержание материала, способ и адресата распространения, цель размещения, сопровождающий контекст и наличие реальной угрозы охраняемым законом интересам.

Процессуальные гарантии ограничения доступа к информации закреплены Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации, предусматривающим судебный порядок рассмотрения соответствующих дел[6]. Несмотря на необходимость оперативного реагирования в условиях быстрого распространения информации в сети Интернет, суд обязан всесторонне исследовать обстоятельства дела.

Хорошевский районный суд г. Москвы удовлетворил административный иск прокуратуры и признал запрещенной к распространению информацию о предоставлении интимных услуг, размещенную на интернет-сайтах. Суд указал на необходимость включения адресов страниц в Единый реестр запрещенной информации[7].

Анализ судебной практики свидетельствует о необходимости более детальной мотивировки решений об ограничении доступа к информации. Ссылка на защиту неопределенного круга лиц не освобождает суд от установления конкретных обстоятельств, подтверждающих противоправность материала и создаваемую им угрозу. Такой подход согласуется с выраженной Конституционным Судом Российской Федерации общей правовой позицией о том, что суд должен исследовать фактические обстоятельства дела по существу, не ограничиваясь формальными условиями применения нормы, и обеспечивать баланс конституционных прав участников[8]. Следовательно, обеспечение информационной безопасности общества предполагает ограничение распространения противоправной информации при одновременном соблюдении конституционных гарантий свободы выражения мнения.

Особое место в системе обеспечения информационной безопасности занимает прокуратура. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» возлагает на ее органы надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, защиту прав и свобод человека, интересов общества и государства[9]. В цифровой сфере эти полномочия распространяются на обработку персональных данных, противодействие распространению запрещенной информации и защиту неопределенного круга лиц. Эффективность прокурорского надзора зависит от правильного определения пределов вмешательства. Прокурорский надзор необходим, когда нарушение затрагивает публичный интерес либо не может быть устранено административными средствами[10]. Как отмечает А.Х. Казарина, пределы прокурорского надзора определяются предметом проверки, кругом проверяемых субъектов и объемом полномочий прокурора[11]. В этих условиях обращение прокурора в суд должно обосновывать публичную значимость нарушения, невозможность восстановления нарушенных прав иными средствами и необходимость судебной защиты.

В рамках надзора за исполнением законов прокурор вправе проводить проверку при наличии поступившей информации о фактах нарушения закона, требующих принятия мер, иметь доступ к документам

---

[1] Решение Фрунзенского районного суда г. Иваново от 13 августа 2025 г. по делу № 12–157/2025. URL: https://sudact.ru/regular/doc/oMYowGS6itJn/ (дата обращения: 24.07.2026).

[2] Решение Советского районного суда г. Красноярска от 23 сентября 2025 г. по делу № 2–11661/2025. URL: https://sudact.ru/regular/doc/2EFJ6tCZOYrX/ (дата обращения: 24.07.2026).

[3] Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Татарстан от 19 января 2026 г. по делу № 33–1380/2026 (33–18507/2025). URL: https://sudact.ru/regular/doc/mLKQAGEDOJIR/ (дата обращения: 24.07.2026).

[4] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 24.06.2025): статья 19; часть 3.1 статьи 21. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/d3fe43a7c415353b17faab255bc0de92bea127da/ (дата обращения: 24.07.2026).

[5] Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (ред. от 27.10.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

[6] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

[7] Решение Хорошевского районного суда г. Москвы от 13 августа 2025 г. по делу № 02А-0619/2025. URL: https://sudact.ru/regular/doc/m0zul267pDYH/ (дата обращения: 23.07.2026).

[8] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2024 г. № 53-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.В. Боголюбской» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411200001 (дата обращения: 24.07.2026).

[9] Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

[10] Соколов И.А. Особенности определения пределов деятельности прокуратуры по обеспечению информационной безопасности государства // Власть закона. 2023. № 3. С. 338–350.

[11] Казарина А.Х., Бессарабов В.Г., Викторов И.С., Маматов М.В. Предмет, пределы надзора за исполнением законов и полномочия прокурора по его осуществлению // Настольная книга прокурора / под общ. ред. С.Г. Кехлерова, О.С. Капинус. М.: Юрайт, 2013. С. 175–191.

и материалам проверяемых органов и организаций, истребовать необходимые документы и сведения, вызывать должностных лиц и граждан для объяснений и требовать выделения специалистов (ст. 21 и 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»). При выявлении нарушений законодательства о персональных данных прокурор вправе внести представление об их устранении (ст. 24), вынести постановление о возбуждении дела об административном правонарушении (ст. 25), объявить предостережение о недопустимости нарушения закона (ст. 25.1), опротестовать незаконный правовой акт либо обратиться в суд в защиту прав граждан и неопределенного круга лиц; предмет и полномочия надзора за соблюдением прав и свобод определены ст. 26–27 указанного Закона. При проверке оператора персональных данных могут оцениваться законность сбора и передачи сведений, соответствие обработки заявленным целям, наличие локальных актов, выполнение требований к защите и соблюдение порядка уведомления об инцидентах. В сфере КИИ прокурор проверяет исполнение установленных законом обязанностей, не подменяя специальный государственный контроль уполномоченных органов.

Государственный уровень информационной безопасности связан с устойчивым функционированием критической информационной инфраструктуры, обеспечивающей выполнение социально значимых функций. Правовую основу ее защиты образует Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», относящий к объектам КИИ информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети и автоматизированные системы управления, используемые при осуществлении социально значимых функций; правила их категорирования утверждены Правительством Российской Федерации[1].

Судебная практика подтверждает, что посягательство на объекты КИИ создает угрозу выполнению публично значимых функций, вследствие чего уголовно-правовая охрана распространяется не только на технические средства, но и на общественные отношения в сфере обеспечения безопасности государства и общества[2].

Приказы ФСТЭК России № 235 и № 239 уже предусматривают функционирование систем безопасности значимых объектов КИИ, внутренний контроль эффективности мер защиты и испытания подсистемы безопасности при создании и модернизации объекта. Поэтому общий аудит, анализ уязвимостей и проверку средств защиты нельзя представлять как новые обязанности. Вместе с тем названные акты прямо не устанавливают единого порядка повторных сценарных испытаний объекта в процессе эксплуатации с сопоставимыми показателями устойчивости. Предлагается закрепить в Федеральном законе «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» обязанность субъекта КИИ периодически подтверждать способность значимого объекта сохранять или восстанавливать критические функции при компьютерном инциденте. Акт ФСТЭК России должен дифференцировать периодичность по категории значимости, определить сценарии и единые показатели: предельно допустимое и фактическое время обнаружения, локализации и восстановления.

Для объектов первой категории результат должна подтверждать организация, имеющая необходимые разрешения на работы по технической защите информации и не участвовавшая в создании проверяемой системы. Новизна предложения состоит в переходе от проверки наличия системы безопасности к периодическому подтверждению фактической устойчивости объекта при эксплуатации. Результаты испытаний оформляются протоколом и планом корректирующих мероприятий, представляемыми при государственном контроле. Изменять статью 13.12.1 КоАП Российской Федерации не требуется: после нормативного закрепления обязанности ее неисполнение сможет оцениваться как нарушение требований безопасности КИИ[3].

Доктрина информационной безопасности Российской Федерации определяет информационную безопасность как состояние защищенности личности, общества и государства, но является документом стратегического планирования. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» регулирует защиту информации, не закрепляя общего стандарта, объединяющего личностный, общественный и государственный уровни. Поэтому в нем целесообразно определить информационную безопасность как состояние защищенности прав и законных интересов личности, общественной информационной среды и социально значимых цифровых функций государства, обеспечиваемое правовыми, организационными и техническими мерами. Это перенесет соответствующий ориентир со стратегического на законодательный уровень и обеспечит его единообразное использование[4].

В законодательстве о персональных данных предлагается обязать оператора без неоправданной задержки уведомлять затронутых граждан об инциденте, создающем существенный риск нарушения их прав. В уведомлении должны указываться характер раскрытых данных, вероятные последствия, принятые меры и рекомендуемые действия гражданина. Эта обязанность дополнит уведомление Роскомнадзора и позволит субъекту данных своевременно принять меры защиты.

Исследование позволяет сформулировать три направления совершенствования законодательства. Во-первых, Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» целесообразно дополнить единым публично-правовым стандартом информационной безопасности. Во-вторых, уведомление Роскомнадзора об инцидентах с персональными данными следует дополнить непосредственным уведомлением затронутых граждан при существенном риске для их прав. В-третьих, для значимых объектов КИИ необходимо установить периодическое подтверждение фактической устойчивости в процессе эксплуатации посредством сценарных испытаний, дифференцированных по категории значимости и оцениваемых по единым количественным показателям. Эти предложения устраняют три выявленных пробела: отсутствие общего законодательного стандарта, прямого информирования затронутого субъекта и обязательной повторной оценки операционной устойчивости значимого объекта КИИ.

Литература

1. Банк России. Обзор операций, совершенных без добровольного согласия клиентов финансовых организаций за 2025 год. 13 февраля 2026 г. – URL: https://www.cbr.ru/analytics/ib/operations_survey/2025/ (дата обращения: 17.05.2026).

2. Ересько, П.В. Правовые проблемы обеспечения информационной безопасности личности в цифровом пространстве / П.В. Ересько // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2025. – Т. 25. – № 1. – С. 93–99.

3. Казарина, А.Х. Предмет, пределы надзора за исполнением законов и полномочия прокурора по его осуществлению / А.Х. Казарина, В.Г. Бессарабов, И.С. Викторов, М.В. Маматов // Настольная книга прокурора / под общ. ред. С.Г. Кехлерова, О.С. Капинус. – М.: Юрайт, 2013. – С. 175–191.

4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.

5. Пилипенко, В.Ф. Безопасность. Теория, парадигма, концепция, культура: словарь-справочник / В.Ф. Пилипенко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ПЕР СЭ Пресс, 2005. – С. 84.

6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2024 г. № 53-П // Официальный интернет-портал правовой информации. – 20 ноября 2024 г.

7. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Татарстан от 19 января 2026 г. по делу № 33–1380/2026 (33–18507/2025) // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/mLKQAGEDOJIR/ (дата обращения: 24.07.2026).

8. Постановление Правительства Российской Федерации от 8 февраля 2018 г. № 127 «Об утверждении Правил категорирования объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» (ред. от 07.11.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 8. – Ст. 1204.

9. Приговор Северского городского суда Томской области от 20 августа 2025 г. по делу № 1–182/2025 // Судебные и нормативные ак-

[1] Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» (ред. от 07.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (ч. 1). Ст. 4736; Постановление Правительства Российской Федерации от 8 февраля 2018 г. № 127 (ред. от 07.11.2025) // Собрание законодательства РФ. 2018. № 8. Ст. 1204.

[2] Приговор Северского городского суда Томской области от 20 августа 2025 г. по делу № 1–182/2025. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Q00yuw7oy4xq/ (дата обращения: 23.07.2026).

[3] Приказ ФСТЭК России от 21 декабря 2017 г. № 235 «Об утверждении Требований к созданию систем безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации и обеспечению их функционирования» (ред. от 20.04.2023). URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001201802220016; приказ ФСТЭК России от 25 декабря 2017 г. № 239 «Об утверждении Требований по обеспечению безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» (ред. от 28.08.2024). URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001201803270041 (дата обращения: 24.07.2026).

[4] Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646; Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

ты Российской Федерации. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/Q00yuw7oy4xq/ (дата обращения: 23.07.2026).

10. Решение Хорошевского районного суда г. Москвы от 13 августа 2025 г. по делу № 02А-0619/2025 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/m0zul267pDYH/ (дата обращения: 23.07.2026).

11. Решение Советского районного суда г. Красноярска от 23 сентября 2025 г. по делу № 2–11661/2025 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/2EFJ6tCZOYrX/ (дата обращения: 24.07.2026).

12. Решение Фрунзенского районного суда г. Иваново от 13 августа 2025 г. по делу № 12–157/2025 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/oMYowGS6itJn/ (дата обращения: 23.07.2026).

13. Соколов, И.А. Особенности определения пределов деятельности прокуратуры по обеспечению информационной безопасности государства / И.А. Соколов // Власть закона. – 2023. – № 3. – С. 338–350.

14. Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 50. – Ст. 7074.

15. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.

16. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (ред. от 27.10.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.

17. Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» (ред. от 07.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 31. – Ч. 1. – Ст. 4736.

18. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 26.06.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31. – Ч. 1. – Ст. 3448.

19. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31. – Ч. 1. – Ст. 3451.

20. Приказ ФСТЭК России от 21 декабря 2017 г. № 235 «Об утверждении Требований к созданию систем безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации и обеспечению их функционирования» (ред. от 20.04.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001201802220016 (дата обращения: 24.07.2026).

21. Приказ ФСТЭК России от 25 декабря 2017 г. № 239 «Об утверждении Требований по обеспечению безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» (ред. от 28.08.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001201803270041 (дата обращения: 24.07.2026).

INFORMATION SECURITY OF THE INDIVIDUAL, SOCIETY AND THE STATE IN PUBLIC LAW

Al Talabani Mohammed Azad Abdulkader
Belgorod National Research University

The article examines the public-law framework for information security of individuals, society, and the state in the context of digital transformation. It addresses personal data and critical information infrastructure protection, access restrictions on unlawful information, prosecutorial supervision, and judicial review. Information security is regarded as a set of legal, organizational, and technical measures. The study distinguishes existing mechanisms from verifiable duties that still require statutory regulation. It proposes a unified public-law information security standard, direct notification of individuals about significant personal-data incidents, and periodic verification of the operational resilience of significant critical information infrastructure facilities.

Keywords: information security; public law; personal data; critical information infrastructure; digital threats; prosecutorial supervision; judicial review; digital transformation.

References

1. Bank of Russia. *Review of Transactions Made without the Voluntary Consent of Clients of Financial Institutions for 2025*. 13 February 2026. – URL: https://www.cbr.ru/analytics/ib/operations_survey/2025/ (accessed: 17.05.2026).

2. Eresko, P.V. Legal problems of ensuring information security of the individual in the digital space / P.V. Eresko // Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law. – 2025. – Vol. 25. – No. 1. – P. 93–99.

3. Kazarina, A. Kh., Bessarabov, V. G., Viktorov, I. S., Mamatov, M.V. Subject, limits of supervision over the execution of laws and powers of the prosecutor for its implementation / A. Kh. Kazarina, V.G. Bessarabov, I.S. Viktorov, M.V. Mamatov // Prosecutor's Handbook / ed. by S.G. Kekhlerov, O.S. Kapinus. – Moscow: Yurait, 2013. – P. 175–191.

4. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation No. 21-FZ of 8 March 2015 (as amended on 09.04.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2015. – No. 10. – Art. 1391.

5. Pilipenko, V.F. Security. Theory, paradigm, concept, culture: dictionary-reference / V.F. Pilipenko. – 2nd ed., rev. and exp. – Moscow: PER SE Press, 2005. – P. 84.

6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 53-P of 19 November 2024 // Official Internet Portal of Legal Information. – 20 November 2024.

7. Appeal ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Republic of Tatarstan of 19 January 2026 in case No. 33–1380/2026 (33–18507/2025) // Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/mLKQAGEDOJIR/ (accessed: 24.07.2026).

8. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 127 of 8 February 2018 "On Approval of the Rules for Categorization of Objects of Critical Information Infrastructure of the Russian Federation" (as amended on 07.11.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2018. – No. 8. – Art. 1204.

9. Verdict of the Seversk City Court of Tomsk Region of 20 August 2025 in case No. 1–182/2025 // Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/Q00yuw7oy4xq/ (accessed: 23.07.2026).

10. Decision of the Khoroshevsky District Court of Moscow of 13 August 2025 in case No. 02A-0619/2025 // Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/m0zul267pDYH/ (accessed: 23.07.2026).

11. Decision of the Sovetsky District Court of Krasnoyarsk of 23 September 2025 in case No. 2–11661/2025 // Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/2EFJ6tCZOYrX/ (accessed: 24.07.2026).

12. Decision of the Frunzensky District Court of Ivanovo of 13 August 2025 in case No. 12–157/2025 // Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/oMYowGS6itJn/ (accessed: 23.07.2026).

13. Sokolov, I.A. Features of determining the limits of the prosecutor's office activities in ensuring information security of the state / I.A. Sokolov // Power of Law. – 2023. – No. 3. – P. 338–350.

14. Decree of the President of the Russian Federation No. 646 of 5 December 2016 "On Approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2016. – No. 50. – Art. 7074.

15. Federal Law No. 2202-I of 17 January 1992 "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" (as amended on 29.12.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1995. – No. 47. – Art. 4472.

16. Federal Law No. 114-FZ of 25 July 2002 "On Counteracting Extremist Activity" (as amended on 27.10.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 30. – Art. 3031.

17. Federal Law No. 187-FZ of 26 July 2017 "On the Security of Critical Information Infrastructure of the Russian Federation" (as amended on 07.04.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2017. – No. 31. – Pt. 1. – Art. 4736.

18. Federal Law No. 149-FZ of 27 July 2006 "On Information, Information Technologies and Protection of Information" (as amended on 26.06.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2006. – No. 31. – Pt. 1. – Art. 3448.

19. Federal Law No. 152-FZ of 27 July 2006 "On Personal Data" (as amended on 24.06.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2006. – No. 31. – Pt. 1. – Art. 3451.

20. Order of FSTEC of Russia No. 235 of 21 December 2017 "On Approval of the Requirements for the Creation of Security Systems for Significant Objects of Critical Information Infrastructure of the Russian Federation and Ensuring Their Operation" (as amended on 20.04.2023) // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001201802220016 (accessed: 24.07.2026).

21. Order of FSTEC of Russia No. 239 of 25 December 2017 "On Approval of the Requirements for Ensuring the Security of Significant Objects of Critical Information Infrastructure of the Russian Federation" (as amended on 28.08.2024) // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001201803270041 (accessed: 24.07.2026).

Вопросы влияния прокурорского надзора на предупреждение правонарушений коррупционного характера в системе органов принудительного исполнения Российской Федерации

Батчаев Ислам Расулович,
студент магистратуры, Луганский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации
E-mail: ispro97@bk.ru

Епишин Вячеслав Валерьевич,
кандидат юридических наук, старший советник юстиции, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Луганский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

В статье рассматриваются вопросы влияния прокурорского надзора на предупреждение правонарушений коррупционного характера в системе органов принудительного исполнения Российской Федерации. Автором на основании исследования статистических показателей и судебной практики сделан вывод, что эффективный прокурорский надзор способствует предупреждению правонарушений коррупционного характера в системе органов принудительного исполнения Российской Федерации.

Ключевые слова: прокурорский надзор, предупреждение правонарушений коррупционного характера, органы принудительного исполнения, Федеральная служба судебных приставов Российской Федерации.

Прокуратура Российской Федерации наделена надзорными полномочиями за деятельностью сотрудников Федеральной службы судебных приставов России (далее ФССП), которые можно разделить на три группы, направленные на: выявления нарушений закона; устранение нарушений закона; предупреждение нарушений закона. Надзор соблюдения требований антикоррупционного законодательства и предупреждения правонарушений коррупционного характера в системе ФССП также осуществлялся органами прокуратуры.

Прокурорский надзор в системе органов принудительного исполнения Российской Федерации (далее РФ) осуществляется за деятельностью должностных лиц органов ФССП, что позволяет обеспечивать: законность их действий (Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве») [1]; своевременность их решений; а также (при необходимости) восстановление нарушенных прав, путем участия прокурора в судебных процессах в отношении должностных лиц ФССП РФ. Такой надзор, в том числе направлен на профилактику правонарушений коррупционного характера в системе ФССП РФ [2, с. 157–161], что определяется положениями Конституции РФ [3].

Рассматривая проблему влияния прокурорского надзора на предупреждение правонарушений коррупционного характера в системе органов принудительного исполнения Российской Федерации, проанализируем основные показатели.

За период действия Закона № 273-ФЗ (с 2008 г. по 2025 г.), за дачу взятки должностными лицам органов предварительного следствия были возбуждены уголовные дела в отношении 1567 граждан по 4896 уведомлениям работников ФССП РФ (по ст. 291, 291.2, 291.1 УК РФ) [4].

По итогам 2025 года количество работников ФССП России, совершивших должностные преступления, снизилось на 18,5% [4]. Согласно статистическим данным, касающихся профилактики и выявления коррупционных и иных правонарушений, в 2025 году отмечается:

– выявление значительной доли нарушений законодательства осуществляется силами подразделений собственной безопасности территориальных органов ФССП РФ. Уголовные дела по должностным преступлениям в отношении 68% работников возбуждены по инициативе, и на основании материалов ФССП России [4];

– продолжается работа по реализации нормы ст. 9 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – Закон № 273-ФЗ), обязывающая должностных лиц уведомлять о фактах обращения к ним в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений [4,5];

– наблюдается снижение в региональных органах ФССП количества обращений и жалоб от граждан (в 2025 г. поступило и рассмотрено 113 уведомлений о фактах обращения в целях склонения государственных служащих к совершению коррупционных правонарушений, при этом за 2024 г. таких уведомлений было 129) [4];

– отмечен рост обращений в службу собственной безопасности ФССП по поводу возможных коррупционных правонарушениях, допущенных должностными лицами ФССП (с 1539 в 2024 г. до 2211 в 2025 г.) [4];

– рассмотрено в 2024 г. – 1453 обращений, в 2025 г. – 2156 обращений [4].

По итогам анализа можно сделать вывод, что таким показателям способствовала, в основном работа службы собственной безопасности ФССП; в том числе профилактические мероприятия, направленные на снижение коррупционных правонарушений; более качественная работа с населением, с обращением граждан по поводу возможных коррупционных правонарушениях, со стороны должностных лиц ФССП.

Продолжили свою деятельность комиссии территориальных органов по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих и урегулированию конфликта интересов (в 2025 г. было проведено 461 заседание комиссий, на которых рассмотрены материалы по 1944 вопросам, притом, что в 2024 г. было проведено 396 заседаний по 765 вопросам) [4].

Можно отметить, что проводимая в системе ФССП профилактика способствует снижению правонарушений коррупционного характера,

притом, что прокуратура выступает в большей части как орган, инициирующий или способствующий уголовному преследованию, т.е. пресечению уже совершаемых преступлений. То есть деятельность прокуратуры в основном не связана с профилактикой в системе ФССП, а направлена на контроль законности ее деятельности.

Стоит отметить, что государство в настоящее время предъявляет более высокие требования к предупреждению и предотвращению правонарушений коррупционного характера в системе органов принудительного исполнения Российской Федерации, поэтому ситуация в различных регионах России сегодня различается. Так на исторических территориях РФ ситуация по предупреждению правонарушений коррупционного характера в системе органов принудительного исполнения несколько сложнее чем в других регионах Российской Федерации, что вполне объяснимо и связано с особым правовым режимом на них.

Так, согласно Указа Президента РФ от 29.12.2022 № 968 «Об особенностях исполнения обязанностей, соблюдения ограничений и запретов в области противодействия коррупции некоторыми категориями граждан в период проведения специальной военной операции» прокуратурами ЛНР, ДНР, Запорожской и Херсонской областей не проводится проверка справок о доходах, в том числе лиц, направленных (командированных) для выполнения задач на указанных территориях.

Кроме того, Федеральным законом от 28.12.2025 № 505-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» установлено, что сведения о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера предоставляются только претендентами на установленные должности, что лишает прокуратуру возможности проводить указанные ранее проверки в отношении лиц, которые уже замещают должности в органах принудительного исполнения Российской Федерации.

Если на исторических территориях точной статистики раскрываемости коррупционных преступлений не существует, то в целом по России можно отметить что, например, раскрываемость преступлений по статьям: ст. 160 УК РФ; ст. 285 УК РФ; ст. 286 УК РФ; ст. 290 УК РФ; ст. 291.1 УК РФ – выросла, что объясняется ужесточением требований к правоохранительным органам, в том числе к ФССП России [4].

Судебная практика дает определенные представления по поводу рассматриваемой проблематики: например, когда «по инициативе прокурора бывшему судебному приставу-исполнителю изменили формулировку увольнения» [6]. Так, в отношении бывшего судебного пристава-исполнителя возбуждено уголовное дело по п. «а» ч. 5 ст. 290 УК РФ, однако последний был уволен из органов принудительного исполнения по собственной инициативе. По результатам проверки прокурор направил исковое заявление с требованием об изменении формулировки увольнения с «по инициативе сотрудника» на «в связи с утратой доверия», которое рассмотрено судом, а требования прокурора удовлетворены в полном объеме. Изменение (таким образом) формулировки увольнения сотрудника уличенного в нарушении законодательства и тем более связанного с коррупционными действиями позволяет в личных документах такого гражданина указывать истинную причину увольнения, что ограничивает его возможности при дальнейшем трудоустройстве на государственную службу. Такое изменение в законодательстве формирует «защитный барьер» от граждан склонных к коррупционным преступлениями и иным тяжким нарушениям законодательства.

Примером прокурорского надзора по соблюдению антикоррупционного законодательства в системе органов принудительного исполнения Российской Федерации можно назвать действия прокуратуры Республики Саха (Якутия), в результате которых «суд удовлетворил иск прокуратуры и вынес решение о взыскании с бывшего сотрудника регионального управления ФССП России неподтвержденных доходов в сумме более 20 млн рублей» [7].

Также суд удовлетворил иск Генеральной прокуратуры РФ, что позволило вернуть в бюджет страны «коррупционные активы бывшего начальника межрайонного отдела Главного управления ФССП России по Краснодарскому краю» [8].

Приведем пример приговора суда в отношении сотрудника ФССП РФ, а именно в Хасавюртовском районном суде Дагестана в отношении бывшего судебного пристава-исполнителя Казбековского районного отдела судебных приставов УФССП России по Республике Дагестан был вынесен и исполнен приговор по уголовному делу. Суд назначил осужденному наказания (по статье 159 (мошенничество) и 290 УК РФ (получение взятки)) «в виде лишения свободы на срок три года условно, со штрафом 150 тысяч рублей, с лишением права занимать определенные должности сроком на два года 6 месяцев» [9].

Указанные примеры служат подтверждением того, что прокуратурой не в полной мере реализуется одно из основных направлений надзора в виде предупреждения правонарушений коррупционного характера, в том числе в системе органов принудительного исполнения Российской Федерации, а надзорная деятельность уступает уголовному преследованию лиц, которые уже совершили правонарушение (преступление) коррупционной направленности.

Так, прокуратурой поддержано государственное обвинение в Кореновском районном суде Краснодарского края по уголовному делу в отношении судебного пристава-исполнителя отдела судебных приставов по г. Кореновску и Выселковскому району УФССП РФ по Краснодарскому краю обвиняемой в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 159, п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ, по результатам рассмотрения которого последней назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 6 лет с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима со штрафом в доход государства в размере десятикратной суммы взятки, с лишением права занимать определенные должности, связанные с осуществлением функции представителя власти, организационно-распорядительных и административно-хозяйственных полномочий сроком пять лет [10].

Анализ статистических данных позволяет говорить, что существует определенное влияния прокурорского надзора, как на ситуацию в рассматриваемой правовой сфере, так и на профилактику правонарушений коррупционного характера в системе органов принудительного исполнения. Ситуация 2025 г. в сравнении с 2024 г., показывает, что прокурорский надзор был усилен, притом, что профилактике таких правонарушений было уделено внимание недостаточно.

Организация надзора прокуратурой за работой органов ФССП основывается на комплексе правовых средств, цель которых предупреждение (профилактика) и пресечение правонарушений, которые имеют различные инструментарии, что связано с законодательным обоснованием степени возможного влияния прокуратуры на надзорные процессы в ФССП.

Так прокуратура проводит проверки исполнения законов судебными приставами в соответствующих службах, отделах и иных структурных подразделениях ФССП (профилактика, предупреждение). Профилактика со стороны прокуратуры строго ограничена законодательством, в виду особенности деятельности сотрудников ФССП и тех необходимых в этой деятельности возможностей, которые предоставлены российским законодательством для ФССП. Мы видим, с одной стороны необходимость ограничений вмешательства со стороны прокуратуры в деятельность ФССП, что связано с особенностями и назначением функционала самой службы судебных приставов. С другой стороны предоставление сотрудникам ФССП особых условий в их деятельности создает и дополнительные риски, в том числе коррупционной составляющей, что требует контроля со стороны государства, эффективного прокурорского надзора, в том числе на территории исторических регионов.

Представляется, что если пресечение противоправных действий сотрудников ФССП со стороны прокуратуры, имеет большие возможности и более обеспечено нормативно-правовой базой (четко определено законами РФ и реализуется на основании доказывания противоправных действий со стороны сотрудников ФССП), то предупреждение и профилактика сложнее реализуются прокуратурой, в виду более сложного характера требуемых действий прокурорского надзора. Особый при этом случай – это возможности прокурорского надзора за процессами профилактики правонарушений коррупционного характера в системе самих органов принудительного исполнения Российской Федерации.

Основанием для прокурора, чтобы начать реализовывать процедуру надзора за деятельностью судебных приставов обычно являются заявления и обращения граждан. По этому поводу у прокуратуры есть соответствующие нормативно-правовые положения, определяющие порядок первоначальной оценки и проверки таких обращений. Однако можно сделать замечание, что сам этот процесс со стороны прокуратуры также имеет проблематику качества реализации функций проверки и оценки таких обращений.

Так, пунктом 2.4 Указания Генерального прокурора России от 19.09.2022 № 521/7 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами» установлено, что «решение о направлении обращений для разрешения вышестоящим должностным лицам территориального подразделения ФССП России необходимо принимать в исключительных случаях при наличии безусловных оснований с установлением контроля за результатами рассмотрения. Передаче для разрешения не подлежат обращения о системных, грубых нарушениях закона, а также затрагивающие права социально уязвимой категории населения или значительного числа граждан» [11].

В свою очередь указания Генерального прокурора Российской Федерации не содержат порядка рассмотрения обращений граждан, иных лиц и организаций в части совершения сотрудниками ФССП коррупц-

ционных правонарушений, об обязательности рассмотрения указанной категории обращений прокуратурой, проведении проверки и рассмотрении вопроса о вынесении в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ постановления о направлении материалов проверки в органы предварительного расследования.

Здесь можно сказать и об эффективности нормативной базы по поводу реализации процедуры прокурорского надзора за профилактикой правонарушений коррупционного характера в системе органов принудительного исполнения Российской Федерации, что также коррелирует с темой нашей статьи, в связи с чем можно сделать вывод о необходимости укрепления законодательной базы, как и эффективности работы прокуратуры РФ в рассматриваемой области надзора. Считаем, что укрепление законодательной базы требуется как с точки зрения работы ФССП: компетенций их деятельности, так и с точки зрения акцентов прокурорского надзора и его компетенций, законности и в том числе эффективности. Эффективность в рассматриваемой проблеме взаимозависимая, так как при повышении эффективности работы прокуратуры не должна снижаться эффективность работы сотрудников ФССП и наоборот.

Как было нами отмечено выше в статье, первоочередной является профилактика, и только при наличии противоправных действий или создания условий таких действий включается правовой механизм пресечения. Здесь, безусловно, акцент должен быть поставлен на профилактику и предотвращение условий возможных противоправных действий в рассматриваемой правовой проблеме. Например, мера реагирования прокуратуры на нарушения, выявленные в ходе рассмотрения обращений граждан в форме представления или предостережения, является именно профилактическим инструментом для предотвращения таких возможностей правонарушений коррупционного характера.

Также отметим, что инструменты внеплановых проверок более эффективны с точки зрения объективности ситуации в пределах объекта проверки. Прокурор в случае внеплановой проверки имеет больше возможности оценить действительную ситуацию при рассмотрении работы того или иного сотрудника ФССП. Однако, пределы возможных компетенций прокуратуры должны быть соотнесены с функциональной деятельностью сотрудников ФССП, в том смысле, чтобы не препятствовать и не снижать качество работы сотрудников ФССП. Следовательно, в правовом применении инструментов проверок сущность деятельности прокуратуры по надзору сводится к выявлению нарушений и мер, которые принимались самими органами ФССП по поводу устранения возможных нарушений. Также это и восстановление нарушенных прав граждан, обратившихся в прокуратуру. Здесь мы видим, что профилактика подкрепляет инструменты пресечения и наоборот, то есть данные правовые механизмы, и инструменты вполне соотносятся и применимы в надзорной деятельности прокуратуры.

Отметим основную проблематику, обозначенную в исследовании данной статьи: прокуратура выступает в большей части как орган, инициирующий или способствующий уголовному преследованию, т.е. пресечению уже совершаемых преступлений; в рассмотренном периоде профилактическая составляющая прокурорского надзора функционирует в неполном объеме, что объясняется по нашему мнению сложностью и многоаспектным характером обозначенной проблемы. Например, интерес представляет правовая проблема соотношения профилактики правонарушений и влияния на нее прокурорского надзора с проблемой пресечения противоправных действий сотрудников ФССП со стороны прокуратуры, и влияние на нее прокурорского надзора.

По результатам исследования, установлено, что функция профилактики коррупционных правонарушений прокуратурой реализуется в неполной мере, а сама прокуратура выступает в большей части как орган, инициирующий или способствующий уголовному преследованию, т.е. пресечению уже совершаемых преступлений. Отмеченные в статье проблемы связанны с недостаточной эффективностью взаимодействия прокуратуры и ФССП РФ в обозначенной сфере. Отмечается, что хотя такое взаимодействие в последние 3 года стало лучше, но все еще требует дальнейших доработок как организационного, так и законодательного характера. Также можно констатировать, что в рассмотренном периоде профилактическая составляющая прокурорского надзора не работает. Отмечаются пути решения рассмотренного правового вопроса через формирование законодательной базы такого взаимодействия, а также нормативно-правовой базы организационного характера этого взаимодействия. Отметим, что эффективность в рассматриваемой проблеме взаимозависимая, так как при повышении эффективности работы прокуратуры не должна снижаться эффективность работы сотрудников ФССП и наоборот.

Считаем, что в настоящих условиях в современной России следует в большей степени использовать и такие меры прокурорского надзора, как:

– лекции прокуратуры;
– доведение практики по коррупционным преступлениям;
– размещение в органах ФССП антикоррупционных материалов и контактных телефонов надзорных органов и др.

Требуется усиление правовой базы, конкретизации законодательства в направлении возможностей и методов действия прокуратуры при проведении прокурорского надзора связанного с профилактикой коррупционных правонарушений в системе органов принудительного исполнения.

В заключение отметим особенности надзора в исторических регионах России, что связано с проведением Специальной военной операции; трудности и проблемы связанные с этими особенностями, вызываемыми, в том числе военной ситуацией на местах и действием специального законодательства России на указанных территориях.

Литература

1. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об исполнительном производстве». Ст. 5. Органы принудительного исполнения // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 26.05.2026).

2. Глухова Е.В. О направлениях совершенствования прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 4 (47). С. 157–161.

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 26.05.2026).

4. Информация об итогах деятельности Федеральной службы судебных приставов по профилактике и выявлению коррупционных и иных правонарушений // https://fssp.gov.ru/deals/protivodejjstvie_korrupcii/informacionnye_i_analiticheskie_materialy_po_protivodejjstviju_korrupcii/o-rezultatah-raboty-territorialnyh-organ2025 (дата обращения: 25.05.2026).

5. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О противодействии коррупции» // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 26.05.2026).

6. Судебная практика на сайте Генеральной Прокуратуры РФ. В Москве по инициативе прокурора бывшему судебному приставу-исполнителю изменили формулировку увольнения. https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/archive/e6001786/(дата обращения: 26.05.2026).

7. Судебная практика на сайте Генеральной Прокуратуры РФ. В Якутии суд удовлетворил иск прокуратуры. // https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/archive/e8354151/(дата обращения: 26.05.2026).

8. Судебная практика на сайте Генеральной Прокуратуры РФ. По иску Генпрокуратуры России в доход государства обращены коррупционные активы бывшего начальника межрайонного отдела Главного управления ФССП России по Краснодарскому краю // https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/archive/e6358629/(дата обращения: 26.05.2026).

9. Сайт РИА «Дагестан». Бывший судебный пристав в Дагестане осужден за взятку и мошенничество // https://riadagestan.ru/news/investigation_and_courts/byvshiy_sudpristav_v_dagestane_osuzhden_za_vzyatku_i_moshennichestvo (дата обращения: 25.05.2026).

10. Приговор Кореновского районного суда Краснодарского края от 01 октября 2025 г. по делу 1–1341/2025 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/L8FAKTteplбu/?page=3&regular-txt (дата обращения: 26.05.2026)

11. Указания Генерального прокурора России от 19.09.2022 № 521/7 (ред. от 12.03.2026) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами» // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 26.05.2026).

ISSUES OF THE INFLUENCE OF PROSECUTORIAL SUPERVISION ON THE PREVENTION OF CORRUPTION OFFENSES IN THE SYSTEM OF ENFORCEMENT AGENCIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Batchaev I.R., Epishin V.V.
Luhansk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

This article examines the impact of prosecutorial oversight on the prevention of corruption-related offenses in the Russian Federation's enforcement system. Based on a study of statistical performance indicators and judicial practice, the author concludes that strengthening prosecutorial oversight contributes to the prevention of corruption-related offenses in the Russian Federation's enforcement system.

Keywords: prosecutorial oversight, prevention of corruption-related offenses, enforcement agencies, Federal Bailiff Service of the Russian Federation.

References

1. Federal Law № 229-FZ dated 02.10.2007 (as amended on 29.12.2025) «On Enforcement Proceedings». Article 5. Enforcement authorities // SPS Consultant Plus (date of application 05/26/2026).

2. Glukhova E.V. On the directions of improving the prosecutor's supervision of the enforcement of laws by bailiffs // Law and order: history, theory, practice. 2025. № 4 (47). Pp. 157–161.

3. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // SPS Consultant Plus (accessed 05/26/2026).

4. Information on the results of the activities of the Federal Bailiff Service for the Prevention and detection of corruption and other offenses // https://fssp.gov.ru/deals/protivodejjstvie_korrupcii/informacionnye_i_analiticheskie_materialy_po_protivodejjstviju_korrupcii/o-rezultatah-raboty-territorialnyh-organ2025 (accessed 05/25/2026).

5. Federal Law № 273-FZ of 12/25/2008 (as amended on 12/28/2025) «On Combating Corruption» // SPS Consultant Plus (accessed 05/26/2026).

6. Judicial practice on the website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. In Moscow, at the initiative of the prosecutor, the former bailiff was given a change in the wording of his dismissal. https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/archive/e6001786 /(accessed 05/26/2026).

7. Judicial practice on the website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. In Yakutia, the court granted the claim of the prosecutor's office. // https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/archive/e8354151 /(accessed 05/26/2026).

8. Judicial practice on the website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. According to the claim of the Prosecutor General's Office of Russia, the corrupt assets of the former head of the interdistrict Department of the Main Directorate of the Federal Security Service of Russia for the Krasnodar Territory were turned into state revenue // https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/archive/e6358629 /(accessed 05/26/2026).

9. The website of RIA Dagestan. Former bailiff in Dagestan convicted of bribery and fraud // https://riadagestan.ru/news/investigation_and_courts/byvshiy_sudpristav_v_dagestane_osuzhden_za_vzyatku_i_moshennichestvo (date of appeal 05/25/2026).

10. The verdict of the Korenovsky District Court of the Krasnodar Territory dated October 01, 2025 in the case 1–1341/2025 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/L8FAKTtepl-6u/?page=3&regular-txt (date of request: 05/26/2026)

11. Instructions of the Prosecutor General of Russia dated 09/19/2022 № 521/7 (as amended on 03/12/2026) «On the organization of prosecutorial supervision of the enforcement of laws by bailiffs» // SPS Consultant Plus (accessed 05/26/2026).

Цифровая представленность личности как объект конституционно-правовой защиты

Аль Талабани Мохаммед Азад Абдулкадер,
аспирант кафедры конституционного и международного права, Юридического института НИУ «БелГУ»
E-mail: mohamedtalaabani98@gmail.com

Предметом исследования является цифровая представленность личности, включающая персональные данные, цифровые идентификаторы, биометрические признаки, цифровой след, производные данные и результаты алгоритмического профилирования. Цель работы состоит в обосновании этой совокупности как самостоятельного объекта конституционно-правовой защиты. Использованы формально-юридический, системный и конституционно-догматический методы. Выявлены пробелы в регулировании значимого алгоритмического воздействия, повторной идентификации обезличенных сведений и использования производных данных. Предложено уточнить понятийный аппарат Федерального закона № 152-ФЗ. Обоснованы гарантии прозрачности профилирования, самостоятельного согласия на факультативные цели, предварительной оценки воздействия при высокорисковой обработке и прямого уведомления субъекта о существенной утечке. Результаты могут применяться в правотворческой и правоприменительной деятельности. Новизна исследования заключается в переходе от защиты отдельных сведений к защите правового положения личности в цифровой среде.

Ключевые слова: цифровая представленность личности, персональные данные, цифровой след, производные данные, алгоритмическое профилирование, биометрические данные, повторная идентификация, частная жизнь.

Цифровизация изменила не только способы хранения сведений о человеке, но и форму его участия в юридически значимых отношениях. Доступ к банковским операциям, государственным услугам, медицинским записям и образовательным платформам осуществляется через учетные записи, технические идентификаторы, биометрические шаблоны и иные цифровые данные. В результате охраняемым благом становится не отдельная запись в базе, а устойчивая связь между совокупностью относящихся к человеку сведений и его правовым положением в цифровой среде. Именно эта связь позволяет системе соотнести данные с конкретным лицом, сформировать его характеристику и определить доступные ему права, услуги и условия их реализации; поэтому она и образует самостоятельный объект защиты.

Цифровая представленность личности представляет собой совокупность персональных данных, цифровых идентификаторов, биометрических признаков, цифрового следа, производных данных и результатов алгоритмического профилирования, которая позволяет идентифицировать и охарактеризовать физическое лицо, а также определить его правовое положение в цифровой среде. Ошибка или злоупотребление при формировании и использовании такой совокупности способны повлечь блокировку доступа, изменение цены, усиленную проверку, отказ в операции либо скрытое воздействие на выбор субъекта.

Конституционную основу рассматриваемой защиты образуют статьи 23 и 24 Конституции Российской Федерации, закрепляющие неприкосновенность частной жизни и запрет сбора, хранения, использования и распространения сведений о частной жизни без согласия лица. Статья 29 Конституции Российской Федерации гарантирует свободу информации[1]. Однако конституционные гарантии нуждаются в конкретизации применительно к цифровой среде, где геолокация, платежи, временные метки, параметры устройства и история запросов способны раскрывать частную жизнь точнее традиционной анкеты.

Доктрина информационной безопасности относит к национальным интересам защиту прав и свобод человека в информационной сфере[2]. Это позволяет рассматривать личность не только как объект обработки данных, но и как самостоятельный центр информационной безопасности. Правовая охрана должна иметь превентивный характер и осуществляться уже при определении целей обработки, выборе состава данных, настройке алгоритмов и привлечении подрядчиков, не ограничиваясь реагированием на утечку или отказ в предоставлении услуги.

Федеральный закон № 149-ФЗ закрепляет общие понятия информации и информационных технологий[3]. Однако для защиты цифровой представленности этих определений недостаточно. В цифровой среде человек становится не только источником сведений, но и объектом допуска, оценки, прогнозирования, персонализации и ограничения. Поэтому охрана информации должна быть связана с защитой правового положения субъекта, которое формируется на основании цифровых данных.

Федеральный закон № 152-ФЗ определяет персональные данные как любую информацию, относящуюся к прямо или косвенно определенному либо определяемому физическому лицу[4]. Однако цифровая практика создает массивы сведений, которые по отдельности выглядят техническими, но в совокупности позволяют установить личность, оценить ее поведение и повлиять на реализацию прав. Н.Ю. Белокопытова и А.Д. Анучкина рассматривают информационную безопасность личности в связи с правовым обеспечением ее интересов и защитой персональных данных в информационном обществе[5]. Поэтому защита должна начинаться не после утечки или отказа в услуге, а на ста-

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. Ст. 23, 24, 29.

[2] Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 50. Ст. 7074.

[3] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 26.06.2026). Ст. 2.

[4] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 24.06.2025). Ст. 3.

[5] Белокопытова Н.Ю., Анучкина А.Д. Проблемы правового обеспечения информационной безопасности личности в Российской Федерации // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2014. № 13. С. 308–312.

дии проектирования обработки, выбора данных, настройки алгоритма и формирования профиля.

Цифровой след представляет собой сведения, возникающие в результате действий лица в цифровой среде, автоматической фиксации таких действий и технического взаимодействия устройств. К нему относятся данные о входах, местоположении, платежах, запросах, времени активности и реакции на контент. Часть следа создается активным действием пользователя, другая часть фиксируется автоматически. Производные данные возникают в результате анализа исходных сведений. Это категории, вероятностные выводы, показатели риска, предполагаемые интересы, прогноз платежеспособности и уровень доверия. Именно такие выводы нередко определяют условия обращения с человеком, хотя сам субъект не знает ни состава исходных данных, ни логики оценки.

Алгоритмическое профилирование следует понимать как обработку данных для оценки, классификации или прогнозирования поведения физического лица, персонализации цены, доступа к услуге либо информационного воздействия. Статья 16 Федерального закона № 152-ФЗ ограничивает решения, основанные исключительно на автоматизированной обработке, если они порождают юридические последствия или иным образом затрагивают права и законные интересы субъекта[1]. Вместе с тем современное воздействие часто оформляется не как формальный отказ, а как изменение видимости предложения, лимита, очередности, цены или объема проверки. Поэтому понятие значимого алгоритмического воздействия должно охватывать и такие формы.

Практический пример показывает пределы действующей конструкции. При обращении за финансовой услугой система может учитывать номер телефона, устройство, регион, скорость заполнения формы, историю переходов и косвенные признаки платежного поведения. Формального отказа при этом не происходит: пользователю показывается менее выгодное предложение, изменяется лимит либо назначается дополнительная проверка. Хотя юридическое решение внешне отсутствует, положение лица существенно меняется. Следовательно, гарантии статьи 16 должны распространяться не только на формальный отказ, но и на иные результаты профилирования, влияющие на цену, доступность услуги и объем проверки.

С.Н. Бурлака и О.Г. Бельдина обращают внимание на проблемы правового регулирования защиты биометрических персональных данных[2]. С.А. Быстрякова рассматривает современные направления развития российского законодательства о персональных данных, включая правовые вопросы использования биометрии[3]. Статья 11 Федерального закона № 152-ФЗ по общему правилу требует письменного согласия на обработку биометрических данных для установления личности[4]. Кроме того, Федеральный закон № 572-ФЗ запрещает обусловливать предоставление услуг обязательной биометрической идентификацией и гарантирует возможность отказа от нее[5]. Следовательно, авторское предложение не должно повторять уже существующий запрет. Его предметом может быть обязанность оператора до внедрения высокорисковой биометрической системы документально сопоставить заявленную цель с менее чувствительными способами идентификации и обосновать выбор биометрии. Такая оценка необходима потому, что лицо, голос и отпечатки пальцев, в отличие от пароля или банковской карты, практически невозможно заменить после компрометации.

Формальное согласие остается слабым местом массовой цифровой обработки. В одном интерфейсе нередко объединяются исполнение договора, рекламная аналитика, передача партнерам, геолокация и обучение моделей. А.Н. Мочалов обосновывает необходимость отдельно получать согласие на профилирование и одновременно информировать человека о его целях, логике и возможных последствиях[6]. Для сохранения добровольности следует конкретизировать статью 9 Федерального закона № 152-ФЗ: каждая факультативная цель, не необходимая для основной услуги, должна требовать самостоятельного волеизъявления, а отказ от нее не должен прекращать доступ к основной функции сервиса.

Дополнительные риски возникают при трансграничной передаче данных. За единым интерфейсом могут находиться облачный провайдер, аналитический посредник, рекламная сеть, иностранный оператор и технический подрядчик. Субъект при этом сохраняет контакт только с первоначальным сервисом и зачастую не понимает, где находятся его сведения, кто формирует производные выводы и какой правовой режим применяется после передачи. Поэтому при информировании субъекта о трансграничной обработке целесообразно раскрывать не только государство назначения, но и категории получателей, цели передачи, виды данных, возможные последствия и доступный механизм обращения.

Обезличивание данных необходимо для науки, управления и экономики, но не должно становиться юридической ширмой. Риск повторной идентификации – это вероятность установления связи между обезличенными сведениями и конкретным лицом с учетом совокупности доступных данных. Вероятность повышается при наличии уникальных комбинаций сведений, точной геолокации, временных меток, параметров устройства, медицинских и платежных данных, а также возможности сопоставления массива с открытыми источниками.

Статья 13.1 Федерального закона № 152-ФЗ уже устанавливает специальный режим составов данных, полученных в результате обезличивания, и требует исключить возможность определения их принадлежности конкретному субъекту[7]. Однако эта норма регулирует формирование и предоставление доступа к таким составам в специальной государственной информационной системе и не закрепляет общего критерия оценки повторной идентификации для всех операторов. Поэтому предлагаемое определение риска повторной идентификации имеет самостоятельное значение: оно связывает правовую оценку не с формальным обозначением массива как обезличенного, а с реальной возможностью восстановить его связь с лицом с учетом доступных оператору и третьим лицам данных.

Статья 14 Федерального закона № 152-ФЗ уже предоставляет субъекту сведения о целях и способах обработки, составе его данных, источниках их получения и получателях[8]. Вместе с тем она прямо не называет факт профилирования, категории производных выводов и факторы, определившие значимый результат. Поэтому расширение права доступа должно быть ограничено именно этими сведениями. Полного раскрытия исходного кода не требуется, однако человек должен понимать, какие категории данных повлияли на цену, доступность услуги, кредитное предложение или приоритет рассмотрения. При существенном воздействии необходимо обеспечить пересмотр результата человеком.

В случае утечки данных оператор обязан уведомить Роскомнадзор в сроки, установленные частью 3.1 статьи 21 Федерального закона № 152-ФЗ, однако прямое уведомление затронутого субъекта эта норма не предусматривает[9]. Поэтому предлагается дополнить ее обязанностью сообщить человеку состав скомпрометированных сведений, вероятные последствия, рекомендуемые меры защиты и способы блокировки неправомерного использования идентификаторов. По данным Роскомнадзора, за 11 месяцев 2024 года было выявлено 127 случаев распространения в интернете баз, содержавших более 680 млн записей[10]. Банк России сообщил, что в 2025 году объем операций без добровольного согласия клиентов финансовых организаций составил 29,3 млрд руб.[11] Эти показатели подтверждают практическое значение адресного уведомления: раскрытые сведения могут длительное время использоваться в мошеннических сценариях.

Раскрытые сведения способны использоваться не только для неправомерного доступа, но и для информационно-психологического воздействия. Имя, сведения о банке, недавней операции, регионе или используемом сервисе делают мошенническое сообщение похожим на продолжение реального взаимодействия. Цифровой профиль может применяться для подбора момента, содержания и формы воздействия с учетом возраста, финансового положения и повторяющихся реакций лица. В данном случае охраняется не абстрактный психоло-

[1] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 24.06.2025). Ст. 16.

[2] Бурлака С.Н., Бельдина О.Г. Защита биометрических персональных данных: проблемы правового регулирования // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10 (226). С. 277–279.

[3] Быстрякова С.А. Современные направления развития законодательства о персональных данных в России // Безопасность как стратегический национальный приоритет России в условиях современности: материалы Шестого международного транспортно-правового форума. Москва, 2024. С. 103–111.

[4] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 24.06.2025). Ст. 11.

[5] Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ (ред. от 28.12.2024). Ст. 3, ч. 11–13.

[6] Мочалов А.Н. Цифровой профиль: основные риски для конституционных прав человека в условиях правовой неопределенности // Lex russica. 2021. Т. 74. № 9. С. 99–100. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.178.9.088-101.

[7] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 24.06.2025). Ст. 13.1.

[8] Там же. Ст. 14.

[9] Там же. Ст. 21, ч. 3.1.

[10] Общественный совет подвел итоги работы в 2024 году // Роскомнадзор. 19 декабря 2024 г. URL: https://rkn.gov.ru/press/news/news74894.htm (дата обращения: 24.07.2026).

[11] Противодействие кибермошенничеству: статистика хищений и обзор атак на финансовые организации // Банк России. 13 февраля 2026 г. URL: https://www.cbr.ru/press/event/?id=28300 (дата обращения: 24.07.2026).

гический комфорт, а способность человека принимать решение без скрытого использования его цифровой уязвимости.

Выявленные проблемы взаимосвязаны. Неопределённость понятий цифрового следа и производных данных затрудняет установление предмета обработки. Непрозрачность профилирования не позволяет субъекту понять причины значимого воздействия. Объединение факультативных целей обработки ослабляет добровольность согласия, а возможность повторной идентификации и утечки данных сохраняет риск неправомерного использования сведений. Разработка соответствующих поправок требует учитывать гарантии, уже установленные статьями 9, 11, 13.1, 14, 16, 18.1 и 21 Федерального закона № 152-ФЗ, а также Федеральным законом № 572-ФЗ. В связи с этим поправки должны точечно дополнять действующее регулирование, не воспроизводя существующие обязанности.

Первое направление совершенствования законодательства связано с обеспечением правовой определённости. Статью 3 Федерального закона № 152-ФЗ целесообразно дополнить понятиями цифрового следа, производных данных, алгоритмического профилирования и риска повторной идентификации. Значимость профилирования следует определять с учётом его влияния на цену, доступ к услуге, объём проверки, а также на реализацию иных прав и законных интересов субъекта. В статьях 14 и 16 необходимо закрепить право лица получать сведения о факте профилирования, категориях использованных и сформированных данных и основных факторах, повлиявших на результат, а также требовать пересмотра такого результата человеком. Статью 18.1 следует дополнить обязанностью оператора предварительно раскрывать факт и цели значимого профилирования.

Второе направление касается превентивных и восстановительных гарантий. Статья 9 требует оформлять согласие отдельно от иных подписываемых документов, статья 18.1 предусматривает оценку возможного вреда, а статья 21 устанавливает обязанность уведомлять Роскомнадзор об инциденте[1]. Поэтому предлагаемые дополнения имеют более узкий предмет. К ним относятся самостоятельный выбор каждой факультативной цели обработки и отдельное согласие на профилирование, документированная оценка воздействия на права субъекта до начала высокорисковой обработки, сопоставление биометрии с менее чувствительными способами идентификации, а также прямое уведомление затронутого лица об утечке, создающей существенный риск для его прав.

Объем дополнительных обязанностей должен зависеть от характера обработки. Полная оценка воздействия оправданна при обработке чувствительных данных, массовых массивов, регулярном профилировании, систематическом объединении данных из разных источников и использовании результатов в публично значимых сервисах. Для малорисковых операций допустима упрощенная фиксация. Раскрытие категорий данных, целей, факторов и последствий не предполагает передачи исходного кода или полной логики модели. Такой подход обеспечивает проверяемые гарантии для субъекта, не превращая регулирование в запрет цифровой обработки.

Цифровая представленность личности представляет собой не абстрактное состояние присутствия человека в сети, а совокупность персональных данных, идентификаторов, биометрических признаков, цифрового следа, производных данных и результатов профилирования. Их связь с конкретным лицом позволяет определять его доступ к услугам, условия обслуживания и содержание информационного воздействия. Поэтому объектом конституционно-правовой защиты должна признаваться не только каждая отдельная запись, но и сформированное на их основе правовое положение личности.

Действующее российское законодательство закладывает основу защиты личности при обработке данных, поэтому его совершенствование должно носить точечный характер. Прежде всего необходимо закрепить понятия цифрового следа, производных данных, профилирования и риска повторной идентификации. Субъекту следует предоставить возможность самостоятельно выбирать каждую факультативную цель обработки и отдельно выражать согласие на профилирование. Оператор должен раскрывать факт профилирования, категории используемых данных и основные факторы значимого алгоритмического воздействия, а также обеспечивать пересмотр его результата человеком. Существующую оценку возможного вреда целесообразно конкретизировать как предварительную оценку воздействия при высокорисковой обработке. Выбор биометрии следует документально обосновывать посредством её сопоставления с менее чувствительными способами идентификации. Кроме того, оператор должен непосредственно уведомлять затронутое лицо о существенной утечке данных. Предлагаемые меры не дублируют положения статей 9, 11, 13.1, 14, 16, 18.1 и 21 Федерального закона № 152-ФЗ. Они направлены на устранение непрозрачности производных выводов, отсутствие общего критерия оценки риска повторной идентификации, недостаточную адресность согласия и отсутствие прямого уведомления субъекта о существенной утечке данных.

[1] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 24.06.2025). Ст. 9, 18.1, 21.

Литература

1. Бурлака С.Н., Бельдина О.Г. Защита биометрических персональных данных: проблемы правового регулирования // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10 (226). С. 277–279.

2. Быстрякова С.А. Современные направления развития законодательства о персональных данных в России // Безопасность как стратегический национальный приоритет России в условиях современности: материалы Шестого международного транспортно-правового форума. М.: Российский университет транспорта, 2024. С. 103–111.

3. Мочалов А.Н. Цифровой профиль: основные риски для конституционных прав человека в условиях правовой неопределенности // Lex russica. 2021. Т. 74. № 9. С. 88–101. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.178.9.088-101.

4. Белокопытова Н.Ю., Анучкина А.Д. Проблемы правового обеспечения информационной безопасности личности в Российской Федерации // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2014. № 13. С. 308–312.

5. Общественный совет подвел итоги работы в 2024 году // Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: [сайт]. 2024. 19 дек. URL: https://rkn.gov.ru/press/news/news74894.htm (дата обращения: 24.07.2026).

6. Противодействие кибермошенничеству. Статистика хищений и обзор атак на финансовые организации // Центральный банк Российской Федерации: [сайт]. 2026. 13 февр. URL: https://www.cbr.ru/press/event/?id=28300 (дата обращения: 24.07.2026).

7. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Ч. 1. Ст. 3451.

8. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/constitution/ (дата обращения: 24.07.2026).

9. Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 50. Ст. 7074.

10. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 26.06.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Ч. 1. Ст. 3448.

11. Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 1. Ч. 1. Ст. 19.

DIGITAL REPRESENTATION OF THE INDIVIDUAL AS AN OBJECT OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL PROTECTION

Al Talabani Mohammed Azad Abdulkader
Law Institute, Belgorod National Research University

The study examines the digital representation of an individual, comprising personal data, digital identifiers, biometric features, digital footprints, inferred data and algorithmic profiling results. Its purpose is to substantiate this aggregate as an independent object of constitutional and legal protection. Formal legal, systemic and constitutional-dogmatic methods are used. The article identifies regulatory gaps concerning significant algorithmic influence, re-identification of anonymized data and inferred data. It proposes refining the terminology of Federal Law No. 152-FZ. It also substantiates safeguards for profiling transparency, separate consent for optional purposes, a prior impact assessment for high-risk processing and direct notification of the data subject about a significant breach. The results may be used in law-making and law-enforcement practice. The novelty lies in shifting the focus from isolated data to the legal position of the individual in the digital environment.

Keywords: digital representation of the individual, personal data, digital footprint, inferred data, algorithmic profiling, biometric data, re-identification, privacy.

References

1. Burlaka S. N., Beldina O.G. Protection of biometric personal data: problems of legal regulation // Law and State: Theory and Practice. 2023. No. 10 (226). P. 277–279.

2. Bystryakova S.A. Modern directions of development of legislation on personal data in Russia // Security as a strategic national priority of Russia in modern conditions: Proceedings of the Sixth International Transport and Legal Forum. Moscow: Russian University of Transport, 2024. P. 103–111.

3. Mochalov A.N. Digital profile: main risks to constitutional human rights in conditions of legal uncertainty // Lex russica. 2021. Vol. 74. No. 9. P. 88–101. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.178.9.088-101.

4. Belokopytova N. Yu., Anuchkina A.D. Problems of legal support of information security of the individual in the Russian Federation // Fundamental and Applied Research: Problems and Results. 2014. No. 13. P. 308–312.

5. The Public Council summed up the results of its work in 2024 // Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media: [website]. 2024. 19 Dec. URL: https://rkn.gov.ru/press/news/news74894.htm (accessed: 24.07.2026).

6. Countering cyber fraud. Statistics of thefts and overview of attacks on financial institutions // Central Bank of the Russian Federation: [website]. 2026. 13 Feb. URL: https://www.cbr.ru/press/event/?id=28300 (accessed: 24.07.2026).

7. Federal Law No. 152-FZ of 27 July 2006 “On Personal Data” (as amended on 24.06.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31. Pt. 1. Art. 3451.

8. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12 December 1993 (with amendments) // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://pravo.gov.ru/constitution/ (accessed: 24.07.2026).

9. Decree of the President of the Russian Federation No. 646 of 5 December 2016 “On Approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 50. Art. 7074.

10. Federal Law No. 149-FZ of 27 July 2006 “On Information, Information Technologies and Protection of Information” (as amended on 26.06.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31. Pt. 1. Art. 3448.

11. Federal Law No. 572-FZ of 29 December 2022 “On the Implementation of Identification and (or) Authentication of Individuals Using Biometric Personal Data, on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation and on Recognizing Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation as Invalid” (as amended on 28.12.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2023. No. 1. Pt. 1. Art. 19.

Цифровизация налоговых правоотношений: понятие, признаки и основные проблемы правового регулирования

Вартанян Агавард Артурович,
аспирант кафедры финансового и налогового права,
Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина
E-mail: Vagavard@mail.ru

Предметом исследования является правовое регулирование налоговых правоотношений с учетом активной цифровизации налоговых правоотношений. Цель работы состоит в проведении правового анализа влияния цифровизации на налоговые правоотношения, выявлении возникающих в связи с этим проблем правового регулирования и оценке возможных способов их разрешения. Методологическую основу составили формально–юридический метод и анализ судебной практики. Автором рассмотрены существующие неопределенности правового регулирования в рамках налоговых правоотношений в условиях их цифровизации и возможные способы их устранения.

Ключевые слова: налоговые правоотношения, цифровизация, налоговый разрыв, базы данных, налоги и сборы, программные системы, технический сбой, ответственность.

В течение последнего десятилетия цифровизация экономики приобрела устойчивый характер. В научной литературе цифровую экономику нередко описывают через три базовых признака[1]: превращение цифровых данных в значимый производственный ресурс; применение цифровых средств в хозяйственной деятельности и обработке данных, что, создавая рыночные преимущества, стимулирует деловую активность и способствует росту прибыли; формирование цифровых платформ[2], замещающих личное взаимодействие участников отношений дистанционным либо удаленным форматом[3], повышая прозрачность коммуникации, упорядочивая бизнес-процессы и увеличивая производительность труда.

Очевидно, что переход к цифровой экономике затронул и сферу налоговых правоотношений. Развитие цифровых средств позволило обновить механизмы налогового контроля, ввести новые способы администрирования, упростить порядок взимания налогов и сборов, а также обусловило иные изменения в организации налогово-правового взаимодействия.

Хотя в научном обороте понятие «налоговые правоотношения» используется достаточно широко, в действующей редакции Налогового кодекса РФ оно прямо не закреплено. Ранее законодатель обращался к этому термину, однако после реформы налогового администрирования 2006 года соответствующая категория была исключена из текста Кодекса и заменена более общей конструкцией – «отношения, регулируемые законодательством о налогах и сборах»[4].

В современной налогово-правовой науке содержание категории «налоговые правоотношения» раскрывается неодинаково: она употребляется как в широком, так и в узком значении. При узком понимании к налоговым правоотношениям обычно относят общественные связи, возникающие при исполнении обязанности по уплате налогов, а также при реализации государством контрольных полномочий, предназначенных для обеспечения надлежащего исполнения такой обязанности.

Следует согласиться с позицией С.А. Ядрихинского, согласно которой подобное понимание является оправданным лишь применительно к отношениям по уплате налога, тогда как общий круг налогово-правовых связей существенно шире[5].

Многие авторы справедливо указывают на расширение содержания современных налоговых правоотношений. Эта тенденция связана с развитием законодательства о налогах и сборах, включающего либо предполагающего включение норм о контрольно-кассовой технике, предпроверочном анализе, национальной системе прослеживаемости товаров и иных смежных институтах. В связи с этим налоговые правоотношения не сводятся исключительно к исполнению обязанности по уплате налога, поскольку включают также отношения, возникающие при представлении налоговой отчетности, ведении налогового учета, осуществлении налогового контроля, досудебном разрешении налоговых споров, направлении сведений в налоговые органы и совершении иных процедур[6].

Исходя из изложенного, налоговые правоотношения можно определить как находящиеся под публично-правовой охраной и постоянно изменяющиеся общественные связи, формирующиеся при реализации их участниками правомочий и исполнении обязанностей, установленных законодательством о налогах и сборах.

[1] Вайпан В.А. Понятие цифровой экосистемы и принципы ее регулирования // Проблемы создания цифровой экосистемы: правовые и экономические аспекты: Монография // Под общ. ред. В.А. Вайпана, М.А. Егоровой. М.: Юстицинформ, 2021.

[2] Губин Е.П., Харитонова Ю.С. Цифровые платформы в Европе, Китае и России: основные подходы и тенденции правового регулирования // Право и экономика. 2020. № 8.

[3] Габов А.В. Онлайн-урегулирование споров участников цифровых платформ (экосистем) // Вестник гражданского процесса. 2022. № 1. С. 208–235.

[4] О внесении изменений в часть первую и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с осуществлением мер по совершенствованию налогового администрирования: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 137-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3436.

[5] Ядрихинский С.А. К вопросу о понятии налогового правоотношения // Налоги. 2018. № 6. С. 16–19.

[6] Изотов А.В. Цифровизация налоговых правоотношений: теоретико-правовой аспект // Финансовое право. 2021. № 1. С. 28–31.

Цифровые технологии можно понимать как совокупность технических и программных средств, основанных на применении электронно-вычислительных устройств, дискретной форме представления данных, их кодировании, передаче, хранении и обработке. Такие средства позволяют автоматизировать широкий круг задач, связанных с преобразованием информации и ее использованием в различных областях деятельности[1].

Само явление цифровизации в научной литературе описывается неодинаково. В одних случаях цифровизация понимается как технологический процесс, изменяющий и преобразующий правовые явления[2], в других как особый объект общественных отношений, на который право распространяет свое регулятивное воздействие как социальный регулятор.

Применительно к налоговым правоотношениям цифровизацию точнее рассматривать как технологический процесс, воздействующий на правовые явления и изменяющий способы их практической реализации.

В современных условиях цифровизация налоговых правоотношений уже не является лишь прогнозируемым направлением их развития. Она стала реальностью, влияющей на содержание, формы и механизмы взаимодействия субъектов налогово-правовой сферы, хотя потенциал дальнейшего внедрения цифровых инструментов остается значительным. По существу, цифровизация выражается во включении информационных и технологических решений в систему осуществления налоговых прав и исполнения обязанностей, а более подробно это явление раскрывается через совокупность характерных признаков.

Одним из направлений цифровизации налоговых правоотношений является электронное взаимодействие между налоговыми органами, иными государственными органами, органами местного самоуправления и организациями, участвующими в предоставлении публичных услуг. В частности, такой информационный обмен между налоговыми органами и многофункциональными центрами предоставления государственных и муниципальных услуг прямо предусмотрен пунктом 8 статьи 31 НК РФ[3].

Базы данных, администрируемые ФНС России, используются должностными лицами налоговых органов посредством единой информационной системы АИС «Налог-3». Одним из проявлений подобной интеграции выступает включение в АИС «Налог-3» сведений, содержащихся в системе органов ЗАГС Российской Федерации.

Другим существенным признаком цифровизации является автоматизация процедур, предусмотренных законодательством о налогах и сборах. На практике это выражается в использовании информационных систем, которые автоматизируют некоторые процессы (например, автоматически выявляют налоговые разрывы при администрировании НДС).

Кроме того, цифровизация налоговых правоотношений сопровождается снижением роли человека в уже существующих процедурах. Вероятно, такой процесс носит осознанный характер, поскольку в настоящее время ФНС России проводит масштабное сокращение численности сотрудников[4].

Такое сокращение направлено на оптимизацию расходов и перераспределение финансовых ресурсов в пользу работников, сохраняющих свои должности. Однако подобное решение едва ли было бы возможным без цифровизации, поскольку внедрение компьютерных технологий в деятельность налоговых органов позволило снизить нагрузку, ранее приходившуюся на сотрудников инспекций.

Так, при администрировании НДС применяется система автоматического выявления налоговых разрывов – АСК НДС. Она определяет цепочки движения товаров, работ или услуг, в которых налог уплачен не полностью, и позволяет установить выгодоприобретателя. Роль инспектора в такой модели сводится преимущественно к формированию доказательственной базы, причем и здесь в основном используются сведения АИС «Налог-3». Обычно инспектор извлекает необходимые данные из этой системы и переносит их в шаблон акта налоговой проверки.

Безусловно, в отдельных ситуациях инспектору необходимо самостоятельно анализировать обстоятельства предполагаемого налогового правонарушения и проявлять профессиональное усмотрение, однако такие случаи встречаются сравнительно редко. В целом функции сотрудника, проводящего налоговую проверку, все чаще приобретают технический характер.

Цифровизация налоговых правоотношений, помимо прочего, обеспечивает упрощение ряда процедур как для налоговых органов, так и, что имеет особое значение, для налогоплательщиков.

В настоящее время Федеральная налоговая служба Российской Федерации занимает одно из лидирующих положений среди органов публичной власти по уровню разработки и применения цифровых решений. Ее деятельность характеризуется активным использованием цифровых платформ, электронных сервисов и автоматизированных механизмов, ускоряющих взаимодействие с налогоплательщиками.

На официальном сайте ФНС России размещено значительное количество электронных сервисов, включая «Личный кабинет» для разных категорий пользователей. Через него налогоплательщик может получать сведения о налоговых обязательствах, направлять документы в налоговый орган и дистанционно взаимодействовать с инспекцией. В частности, личный кабинет позволяет в упрощенном порядке заполнить и представить отчет о движении денежных средств по счетам, открытым в иностранном банке.

Наряду с этим налоговые органы в повседневной работе используют телекоммуникационные каналы связи, существенно упрощающие обмен документами и информацией между инспекцией и налогоплательщиком.

Тем самым цифровизация может рассматриваться как фактор развития налогового права и налоговых правоотношений. Она воздействует на правотворческую деятельность органов государственной власти, содержание правового регулирования и направления его совершенствования, а также изменяет природу и внешние формы проявления правовых связей.

Итак, применительно к налогово-правовой сфере цифровизация может быть раскрыта как последовательное насыщение соответствующих отношений электронными средствами обработки данных, специализированными сервисами и государственными информационными ресурсами. В результате такого процесса меняется не только техническая форма связи между налоговыми органами и обязанными лицами, но и сам порядок осуществления принадлежащих им правомочий и выполнения возложенных законом обязанностей, поскольку значительная часть юридически значимых действий автоматизируется.

Как правило, в научной и практической плоскости прежде всего подчеркиваются положительные последствия цифровизации налоговых правоотношений, которая в целом воспринимается обществом оптимистично.

В частности, отмечается расширение доступного налогоплательщику инструментария за счет появления новых сервисов, упрощение коммуникации с налоговыми органами, а также повышение уровня защищенности налогоплательщика при выборе контрагента для совместной хозяйственной деятельности[5].

Кроме того, указывается на рост собираемости налогов и сборов в бюджет[6], а также на возможность уменьшения числа ошибок, обусловленных прежде всего человеческим фактором и нередко приводящих к налоговым спорам и судебным разбирательствам[7].

Вместе с тем цифровизация налоговых правоотношений порождает и определенные проблемы правового регулирования, а в отдельных ситуациях способна нарушать баланс частных и публичных интересов в налогово-правовой сфере.

Одной из таких проблем является неравенство возможностей налогового органа и налогоплательщика при собирании доказательств и формировании мотивированной правовой позиции.

---

[1] Романова Т. Цифровые технологии – это будущее человечества // Т. Романова [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://fb.ru/article/335698/tsifrovyie-tehnologii–eto-buduschee-chelovechestva.

[2] Шабанова И.Н. Использование информационных технологий при проведении налогового контроля при прекращении деятельности юридического лица // Финансовое право. – 2020. – № 1. – С. 30.

[3] Пункт 8 статьи 31 Налогового кодекса РФ введен Федеральным законом от 29.09.2019 № 325-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru.

[4] В 2026 году ФНС сократит штат до 100 тыс. сотрудников // Журнал «Генеральный директор» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gd.ru/news/22239-v-2026-godu-fns-sokratit-shtat-do-100-tys-sotrudnikov (дата обращения: 07.08.2026).

[5] Мошкова Д.М. «Трансформация налоговых правоотношений в условиях цифровизации экономики России» // «Право и цифровая экономика», 2021, № 4.

[6] Цинделиани И.А. Роль налоговой системы в функционировании публичных финансов государства в условиях развития цифровой экономии // Налоговая система Российской Федерации в условиях развития цифровой экономики: правовые и экономические аспекты: Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 30 ноября – 1 декабря 2018 г. / Под ред. И.А. Цинделиани. – М.: РГУП, 2019. – С. 85.

[7] Анисина К.Т. Цифровая экономика как инструмент эффективного взаимодействия участников финансовых правоотношений // Налоговая система Российской Федерации в условиях развития цифровой экономики: правовые и экономические аспекты: Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 30 ноября – 1 декабря 2018 г. // Под ред. И.А. Цинделиани. – М.: РГУП, 2019. – С. 13.

Налоговые споры нередко строятся на различной оценке фактических обстоятельств деятельности организации и ее контрагентов. При этом для разрешения дела судам часто недостаточно только первичных документов, регистров бухгалтерского и налогового учета.

Особенно заметна эта проблема в спорах о необоснованной налоговой выгоде по статье 54.1 НК РФ, где решающее значение часто имеют доказательства, а не только применение норм права или толкование правоприменительных актов.

Даже в методологических налоговых спорах, где на первый план выходит правильность применения законодательства о налогах и сборах, доказательственная составляющая продолжает играть значимую роль.

Значение доказательств в налоговых спорах было дополнительно подчеркнуто ВАС РФ еще в 2006 году. В пункте 1 Постановления № 53 была сформулирована обязанность налогового органа доказать, что сведения, содержащиеся в предусмотренных налоговым законодательством документах налогоплательщика, являются неполными, недостоверными и (или) противоречивыми[1].

Сегодня налоговые органы при проведении налогового контроля активно используют различные базы данных, включая АСК НДС и АИС «Налог-3». Обе системы позволяют инспекциям быстро получать значительный объем информации о налогоплательщике и его контрагентах.

Показательным примером межведомственной цифровой интеграции является участие Федеральной налоговой службы в работе Федеральной государственной информационной системы «Единый государственный реестр записей актов гражданского состояния» – ФГИС «ЕГР ЗАГС». ФНС является официальным оператором данной системы, а завершение интеграции баз данных было связано с передачей налоговой службе функций по ведению реестра и его техническому обеспечению[2]. Иными словами, налоговые органы сегодня располагают сведениями о родственных и семейных связях налогоплательщика.

Кроме того, база данных АИС «Налог-3» содержит сведения об имуществе налогоплательщика, участниках юридического лица, генеральном директоре, а также членах их семей.

Как отмечалось ранее, система АСК НДС позволяет обнаруживать «разрывы» в цепочке движения товаров, работ или услуг и определять конкретных лиц, которыми НДС был уплачен в бюджет не в полном объеме. Кроме того, такая система содержит сведения о размере недоплаты применительно к отдельной сделке.

Обычно именно сведения из указанных информационных систем ложатся в основу доводов налогового органа о совершении налогоплательщиком правонарушения, причем инспекторы склонны воспринимать их как достоверные. Здесь возникает проблема: налогоплательщик аналогичными инструментами не располагает и не имеет полноценной возможности проверить либо опровергнуть информацию из соответствующих баз данных, что особенно характерно для АСК НДС.

Данные программной системы налогоплательщику недоступны, он не может самостоятельно проверить выводы инспекции, сделанные по результатам анализа АСК НДС, равно как и оценить конкретный размер выявленных «разрывов». Ранее налоговые органы нередко прилагали скриншоты из АСК НДС в подтверждение своих доводов, однако в последнее время такая практика стала редкой. В результате сведения системы зачастую закрыты для налогоплательщика, что затрудняет их использование при защите прав.

Вместе с тем по данному вопросу существует и благоприятная для налогоплательщиков практика. Так, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ в Определении от 15.06.2017 № 305-КГ16–19927 по делу № А40–230712/2015 (ООО «Спорткар-Центр») указала, что при оценке обоснованности налоговой выгоды важно установить, исполнил ли контрагент налоговые обязательства по спорным операциям. Суд также отметил необходимость выяснять, были ли причинены потери бюджетной системе[3].

Этот подход к налоговой «реконструкции» получил развитие и в иных делах. По делу № А41–72722/2022 суд признал право налогоплательщика на получение налоговой выгоды в части вычетов и расходов, по которым инспекция не установила налоговые разрывы, одновременно суд не согласился с выводом о невозможности использовать сведения о разрывах для расчета действительных налоговых обязательств, поскольку они являются одним из доказательств неправомерности вычетов по НДС и расходов по налогу на прибыль, но сами по себе не восстанавливают реальные параметры сделки[4].

Сходным образом налоговая «реконструкция» была осуществлена по делу № А41–12402–2020 (ООО «Компания «Интегрита»). Суд принял во внимание доводы налогоплательщика о том, что сумма реального ущерба, определенная на основании данных АСК НДС, оказалась меньше размера заявленных вычетов[5].

Однако такой подход применяется судами нечасто. В большинстве случаев сведения АСК НДС либо не используются судом, либо влияют главным образом на формирование внутреннего убеждения судьи о виновности налогоплательщика.

Одним из способов решения обозначенной проблемы является признание за налогоплательщиком права знакомиться с данными информационных систем, если налоговый орган использует эти сведения для подтверждения нарушения законодательства о налогах и сборах, выявленного в ходе проверки.

В настоящее время согласно пункту 3.1 статьи 100 Налогового кодекса Российской Федерации к акту налоговой проверки прилагаются документы, подтверждающие выявленные нарушения законодательства о налогах и сборах[6]. Кроме того, пункт 2 статьи 101 Налогового кодекса Российской Федерации предоставляет лицу, в отношении которого проводилась проверка, либо его представителю право до рассмотрения материалов ознакомиться с ними[7].

Несмотря на это, ознакомление налогоплательщика с данными информационных систем налоговым органом обычно не обеспечивается. Нередко инспекторы ссылаются на письма ФНС России для внутреннего использования, содержащие разъяснения о недопустимости предоставления налогоплательщикам доступа к таким данным.

Представляется необходимым уточнить пункт 3.1 статьи 100 НК РФ, закрепив обязанность налогового органа предоставлять налогоплательщику возможность ознакомиться с данными информационных систем, когда именно эти данные подтверждают выявленные в ходе проверки нарушения законодательства о налогах и сборах.

Такое изменение позволило бы налогоплательщикам использовать соответствующие сведения для защиты прав, проверять обоснованность выводов инспекции и ссылаться на данные информационных систем при отстаивании законных интересов.

В отдельную группу рисков следует выделить проблемы программно-технического характера. В современных условиях коммуникация между налоговым органом и налогоплательщиком в значительной степени основана на применении цифровых технологий.

Реализация прав и исполнение обязанностей участниками налоговых правоотношений все чаще происходят через электронные сервисы ФНС России. Так, налогоплательщики могут осуществлять соответствующие правомочия посредством «Личного кабинета» и иных цифровых инструментов, тогда как исполнение отдельных обязанностей прямо предполагает электронную форму взаимодействия, например при подаче налоговых деклараций в электронном виде.

Включение цифровых механизмов в налогово-правовую сферу трансформирует традиционную модель взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков. Правовое положение участников, надлежащее исполнение обязанностей и наступление юридически значимых последствий начинают зависеть не только от их поведения, но и от доступности, корректности и устойчивости работы электронных сервисов.

В теоретической модели цифрового налогового взаимодействия предполагается, что все участники налоговых правоотношений обладают стабильным доступом к электронным каналам связи, а используемые информационные системы надлежащим образом фиксируют, передают и отображают сведения, имеющие правовое значение.

Однако на практике такая модель не является безусловной. Работа цифровых сервисов и телекоммуникационных каналов не исключает технических ошибок, задержек и сбоев, способных повлиять на налоговые правоотношения. В частности, документы, направленные нало-

[1] Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» // СПС «Консультант плюс».

[2] Реестр ЗАГС. Информационно-аналитический портал // Реестр ЗАГС URL: https://zags.nalog.gov.ru/about/about-egr-zags (дата обращения: 06.08.2026).

[3] Определение Верховного суда РФ от 15.06.2017 № 305-КГ16–19927 по делу № А40–230712/2015 // СПС «Консультант плюс».

[4] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.10.2023 по делу № А41–72722/2022 // СПС «Консультант плюс».

[5] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.08.2022 по делу № А41–12402–2020 // СПС «Консультант плюс».

[6] Пункт 3.1 статьи 100 Налогового кодекса РФ введен Федеральным законом от 29.09.2019 № 325-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru.

[7] Пункт 2 статьи 101 Налогового кодекса РФ введен Федеральным законом от 29.09.2019 № 325-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru.

гоплательщиком по ТКС, могут поступать в налоговый орган либо отражаться в его информационных системах со значительным опозданием.

При этом Налоговый кодекс РФ не содержит специальных норм, комплексно определяющих последствия технических сбоев при цифровом взаимодействии налогоплательщиков и налоговых органов. Вместе с тем такая категория встречается в судебной практике: иногда суды признают технические сбои при направлении отчетности и иных документов обстоятельством, исключающим вину лица по смыслу подпункта 4 пункта 1 статьи 111 НК РФ[1].

Отдельно следует отметить, что в российском законодательстве уже имеется пример специального регулирования последствий технологического сбоя в налоговой сфере. Такой механизм предусмотрен Федеральным законом от 27.11.2018 № 422-ФЗ о проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход».

Согласно пункту 9 статьи 3 указанного закона, если технологический сбой в информационных системах налоговых органов делает невозможным своевременное исполнение налогоплательщиком установленных обязанностей, они не считаются нарушенными по сроку при условии исполнения не позднее дня, следующего за днем устранения соответствующего сбоя.

Данная норма представляется прогрессивной, поскольку справедливо распределяет риски возможного технического сбоя. Поскольку цифровизация налоговых правоотношений осуществляется прежде всего по инициативе государства, связанные с ней неблагоприятные последствия не должны возлагаться на налогоплательщиков.

Подобное регулирование целесообразно распространить на все налоговые правоотношения, в которых применяются цифровые инструменты взаимодействия. Включение аналогичных положений в Налоговый кодекс РФ способствовало бы более эффективной защите прав налогоплательщиков.

Кроме того, технический сбой в информационных системах налоговых органов следует прямо отнести к обстоятельствам, исключающим вину лица в совершении налогового правонарушения. Для этого пункт 1 статьи 111 НК РФ может быть дополнен специальным основанием, учитывающим невозможность надлежащего исполнения налоговой обязанности вследствие некорректной работы цифровой инфраструктуры налогового администрирования.

Подводя итог, можно сделать вывод, что цифровизация налоговых правоотношений является объективным и необратимым направлением развития, открывающим новые возможности для повышения прозрачности, оперативности и эффективности налогово-правового взаимодействия. Автоматизация процессов, снижение административной нагрузки на бизнес и уменьшение влияния человеческого фактора относятся к значимым результатам данной трансформации.

Одновременно цифровой переход сопровождается рядом вызовов. Рассмотренные в работе проблемы не имеют критического характера, однако нуждаются в системном правовом урегулировании, поскольку только при таком условии потенциал цифровизации будет реализован в полной мере, а сопутствующие издержки сведены к минимуму.

Литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (НК РФ) 31 июля 1998 года № 146 ФЗ // Официальный интернет–портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 05.08.2026).

2. Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» // Официальный интернет–портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 05.08.2026).

3. О внесении изменений в часть первую и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с осуществлением мер по совершенствованию налогового администрирования: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 137-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3436.

4. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» // СПС «Консультант плюс».

5. Определение Верховного суда РФ от 15.06.2017 № 305-КГ16–19927 по делу № А40–230712/2015 // СПС «Консультант плюс».

6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.10.2023 по делу № А41–72722/2022 // СПС «Консультант плюс».

[1] Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.07.2018 № 15АП-5409/2018 по делу № А32–37113/2017 // СПС «Консультант плюс».

7. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.08.2022 по делу № А41–12402–2020 // СПС «Консультант плюс».

8. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.07.2018 № 15АП-5409/2018 по делу № А32–37113/2017 // СПС «Консультант плюс».

9. Вайпан В.А. Понятие цифровой экосистемы и принципы ее регулирования // Проблемы создания цифровой экосистемы: правовые и экономические аспекты: Монография // Под общ. ред. В.А. Вайпана, М.А. Егоровой. М.: Юстицинформ, 2021.

10. Губин Е.П., Харитонова Ю.С. Цифровые платформы в Европе, Китае и России: основные подходы и тенденции правового регулирования // Право и экономика. 2020. № 8.

11. Габов А.В. Онлайн-урегулирование споров участников цифровых платформ (экосистем) // Вестник гражданского процесса. 2022. № 1. С. 208–235.

12. Ядрихинский С. А. К вопросу о понятии налогового правоотношения // Налоги. 2018. № 6. С. 16–19.

13. Изотов А.В. Цифровизация налоговых правоотношений: теоретико-правовой аспект // Финансовое право. 2021. № 1. С. 28–31.

14. Романова Т. Цифровые технологии – это будущее человечества // Т. Романова [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://fb.ru/article/335698/tsifrovyie-tehnologii–eto-buduschee-chelovechestva.

15. Шабанова И.Н. Использование информационных технологий при проведении налогового контроля при прекращении деятельности юридического лица // Финансовое право. – 2020. – № 1. – С. 30.

16. Мошкова Д.М. «Трансформация налоговых правоотношений в условиях цифровизации экономики России» // «Право и цифровая экономика», 2021, № 4.

17. Цинделиани И.А. Роль налоговой системы в функционировании публичных финансов государства в условиях развития цифровой экономии // Налоговая система Российской Федерации в условиях развития цифровой экономики: правовые и экономические аспекты: Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 30 ноября – 1 декабря 2018 г. / Под ред. И.А. Цинделиани. – М.: РГУП, 2019. – С. 85.

18. Анисина К.Т. Цифровая экономика как инструмент эффективного взаимодействия участников финансовых правоотношений // Налоговая система Российской Федерации в условиях развития цифровой экономики: правовые и экономические аспекты: Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 30 ноября – 1 декабря 2018 г. // Под ред. И.А. Цинделиани. – М.: РГУП, 2019. – С. 13.

19. В 2026 году ФНС сократит штат до 100 тыс. сотрудников // Журнал «Генеральный директор» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gd.ru/news/22239-v-2026-godu-fns-sokratit-shtat-do-100-tys-sotrudnikov (дата обращения: 07.08.2026).

20. Реестр ЗАГС. Информационно-аналитический портал // Реестр ЗАГС URL: https://zags.nalog.gov.ru/about/about-egr-zags (дата обращения: 06.08.2026).

LEGAL ANALYSIS OF THE SPECIAL STATUS OF HIGH–TECH COMPANIES IN THE RUSSIAN FEDERATION: CONFLICTS, REFORM IN 2026

Vartanyan A.A.
Kutafin Moscow State Law University

The subject of this research is the legal regulation of tax relations, taking into account the active digitalization of tax relations. The objective of this work is to legally analyze changes in the legal regulation of tax relations in light of digitalization, to study the problems associated with the digitalization of tax relations, and to evaluate solutions for these issues. The methodological basis is a formal legal approach and an analysis of judicial practice. The author proposes ways to eliminate uncertainties in legal regulation within tax relations in the context of their digitalization.

Keywords: tax legal relations, digitalization, tax gap, databases, taxes and fees, software systems, technical failure, liability.

References

1. Tax Code of the Russian Federation (TC RF) of July 31, 1998, No. 146-FZ // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://www.pravo.gov.ru/ (date accessed: 08/05/2026).

2. Federal Law of November 27, 2018, No. 422-FZ "On Conducting an Experiment to Establish a Special Tax Regime "Tax on Professional Income" // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://www.pravo.gov.ru/ (date accessed: 08/05/2026).

3. On Amendments to Part One and Part Two of the Tax Code of the Russian Federation and to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Implementation of Measures to Improve Tax Administration: Federal Law of July 27, 2006 No. 137-F3 (as amended on July 3, 2016) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (Part 1). Article 3436.

4. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of October 12, 2006 No. 53 “On the Assessment by Arbitration Courts of the Justification for a Taxpayer to Obtain a Tax Benefit” // SPS “Consultant Plus”.

5. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 15, 2017, No. 305-KG16–19927 in case No. A40–230712/2015 // SPS “Consultant Plus”.

6. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated October 11, 2023, in case No. A41–72722/2022 // SPS “Consultant Plus”.

7. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated August 11, 2022, in case No. A41–12402–2020 // SPS “Consultant Plus”.

8. Resolution of the Fifteenth Arbitration Court of Appeal dated July 25, 2018, No. 15AP-5409/2018 in case No. A32–37113/2017 // SPS “Consultant Plus”.

9. Vaypan V.A. The concept of a digital ecosystem and principles of its regulation // Problems of creating a digital ecosystem: legal and economic aspects: Monograph // Under the general editorship of V.A. Vaypan, M.A. Egorova. Moscow: Yustitsinform, 2021.

10. Gubin E.P., Kharitonova Yu.S. Digital platforms in Europe, China and Russia: main approaches and trends in legal regulation // Law and Economics. 2020. No. 8.

11. Gabov A.V. Online settlement of disputes between participants in digital platforms (ecosystems) // Bulletin of civil procedure. 2022. No. 1. Pp. 208–235.

12. Yadrikhinsky S.A. On the Concept of Tax Legal Relationships // Taxes. 2018. No. 6. Pp. 16–19.

13. Izotov A.V. Digitalization of Tax Legal Relations: Theoretical and Legal Aspect // Financial Law. 2021. No. 1. Pp. 28–31.

14. Romanova T. Digital Technologies Are the Future of Humanity // T. Romanova [Electronic Resource] – Access Mode: http://fb.ru/article/335698/tsifrovyie-tehnologii–eto-buduschee-chelovechestva.

15. Shabanova I.N. Use of Information Technologies in Conducting Tax Control Upon Termination of a Legal Entity // Financial Law. – 2020. – No. 1. – P. 30.

16. Moshkova D.M. “Transformation of tax legal relations in the context of digitalization of the Russian economy” // “Law and digital economy”, 2021, No. 4.

17. Tsindeliani I.A. The role of the tax system in the functioning of public finances of the state in the context of the development of the digital economy // The tax system of the Russian Federation in the context of the development of the digital economy: legal and economic aspects: Proceedings of the International scientific and practical conference. Moscow, November 30 – December 1, 2018 / Ed. I.A. Tsindeliani. – M .: RGUP, 2019. – P. 85.

18. Anisina K.T. Digital economy as a tool for effective interaction of participants in financial legal relations // The tax system of the Russian Federation in the context of the development of the digital economy: legal and economic aspects: Proceedings of the International scientific and practical conference. Moscow, November 30 – December 1, 2018 // Ed. by I.A. Tsindeliani. – Moscow: Russian State Unitary Enterprise, 2019. – P. 13.

19. In 2026, the Federal Tax Service will reduce its staff to 100 thousand employees // General Director Magazine [Electronic resource]. – Available at: https://www.gd.ru/news/22239-v-2026-godu-fns-sokratit-shtat-do-100-tys-sotrudnikov (accessed: August 7, 2026).

20. Civil Registry Offices Register. Information and Analytical Portal // Civil Registry Offices Register URL: https://zags.nalog.gov.ru/about/about-egr-zags (accessed: August 6, 2026).

Особенности правового регулирования национализации как формы обеспечения экономических интересов Российской Федерации в современных условиях

Васиян Роман Иванович,
доцент Департамента гуманитарного и социально-экономического образования, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»; заместитель генерального директора по правовому обеспечению и корпоративному управлению, АО «Концерн "Уралвагонзавод"
E-mail: R_Vasiyan@mail.ru

В статье рассматриваются доктринальные и нормативно-правовые особенности института национализации как средства обеспечения экономических интересов Российской Федерации в условиях санкционного давления и внешнеэкономических ограничений 2022–2024 гг. На основе анализа положений части 3 статьи 35 и части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации, абзаца 10 пункта 2 статьи 235 и статей 242, 243, 306 Гражданского кодекса Российской Федерации, Федерального закона от 8 января 1998 г. № 10-ФЗ «О государственном регулировании развития авиации», Федерального закона от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации», Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 320-ФЗ, Хартии экономических прав и обязанностей государств ООН 1974 г., статьи 1 Протокола № 1 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также существующих доктринальных подходов сформулированы шесть системных признаков национализации: юридико-фактическое основание в виде специального федерального закона; исключительно публично значимая цель; строго регламентированный порядок осуществления; предварительная и равноценная компенсация; ограниченный круг объектов, имеющих особое значение для обеспечения обороны и экономической безопасности; исключительный характер меры. Разработано авторское определение национализации; проведено разграничение со смежными категориями – реквизицией и конфискацией; обоснована необходимость разработки и принятия рамочного федерального закона о национализации, устанавливающего единые принципы, порядок и гарантии для собственников.

Ключевые слова: национализация, право собственности, экономическая безопасность, обеспечение национальных интересов, реквизиция, конфискация, антисанкционное законодательство, прекращение права собственности.

Введение

Обеспечение экономической безопасности Российской Федерации в условиях беспрецедентного санкционного давления, введённого недружественными государствами начиная с 2022 г., вывело в число практически востребованных те правовые институты, которые в предшествующие десятилетия оставались преимущественно предметом доктринальных дискуссий. К числу таких институтов относится национализация – обращение имущества, находящегося в частной собственности граждан и юридических лиц, в собственность государства. На тематических правовых и экономических форумах последних лет проблематика национализации, реквизиции и конфискации всё чаще обсуждается в контексте защиты национальных интересов, что делает необходимым её теоретико-правовое переосмысление с учётом изменившейся геополитической и экономической реальности.

Актуальность исследования обусловлена несколькими взаимосвязанными обстоятельствами. Во внутреннем правопорядке сохраняется парадоксальная ситуация: институт национализации закреплён в базовых нормах гражданского законодательства, однако лишён специального законодательного регулирования, устанавливающего единые основания, цели, порядок и гарантии её осуществления. В условиях активного применения так называемого антисанкционного законодательства и связанных с ним индивидуальных мер в отношении имущества иностранных лиц происходит фактическое смешение национализации с иными правовыми конструкциями, что затрудняет их квалификацию и создаёт риски правовой неопределённости. Наконец, санкционная повестка обострила вопрос о критериях допустимого вмешательства государства в имущественные отношения, о балансе между защитой публичных интересов и охраной частной собственности, гарантированной Конституцией Российской Федерации. А.В. Минаков и С.Б. Лапина, обобщая подходы к обеспечению экономической безопасности государства в условиях санкций западных стран, подчёркивают, что современный этап требует пересмотра инструментария защиты национальных интересов, включая правовые механизмы принудительного прекращения права собственности.

Цель статьи состоит в характеристике правового регулирования национализации как формы обеспечения экономических интересов Российской Федерации, выявлении её системных признаков и разработке предложений по совершенствованию соответствующего законодательства. Задачи исследования охватывают анализ конституционных и гражданско-правовых оснований национализации, характеристику её объектов и порядка осуществления, разграничение со смежными категориями (реквизицией и конфискацией), критическое рассмотрение отдельных сложившихся в доктрине подходов, а также выработку определения национализации, отражающего её субстанциональную сущность.

Теоретическую основу составили работы отечественных правоведов, посвящённые национализации и связанным с ней вопросам. М.В. Карпов раскрывает политико-правовую природу национализации и её место в системе оснований прекращения права собственности. Л.В. Щенникова обосновывает необходимость института национализации для поступательного экономического развития. Н.В. Макарчук относит национализацию к основным способам приобретения права государственной собственности. О.Л. Алтенгова систематизирует квалифицирующие признаки национализации. Наряду с работами по национализации привлекаются исследования смежной проблематики: А.В. Минаков и С.Б. Лапина рассматривают инструменты обеспечения экономической безопасности государства в условиях санкций; А.Е. Городецкий и соавторы анализируют вопросы формирования имущественной базы государства в контексте экономической безопасности; В.А. Карлеба и Е.Л. Логинов исследуют вопросы мониторинга оборота имущества, связанного с противоправной деятельностью, что важно для разграничения национализации и конфискации.

Материалы и методы исследования

Нормативную базу исследования составили Конституция Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации, Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 10-ФЗ «О государственном регулировании

развития авиации», Федеральный закон от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации», Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 320-ФЗ, отдельные указы Президента Российской Федерации, принятые в 2022–2024 гг. в рамках антисанкционного регулирования, а также международные акты – Хартия экономических прав и обязанностей государств ООН 1974 г. и статья 1 Протокола № 1 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Эмпирическую основу дополнили правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, в частности определение от 10 марта 2005 г., а также правоприменительные материалы и информационные сообщения о применении принудительных мер в отношении имущества за рубежом и в Российской Федерации.

Методологическую основу работы составил комплекс общенаучных и специально-юридических методов. Формально-юридический метод применялся при анализе положений законодательства и выявлении их содержательного соотношения. Сравнительно-правовой метод использовался при сопоставлении отечественного регулирования с положениями международных актов и практики Европейского суда по правам человека. Системный метод обеспечил рассмотрение национализации во взаимосвязи со смежными институтами (реквизиция, конфискация, антисанкционные меры). Догматический метод применялся при выработке авторского определения национализации и её квалифицирующих признаков. Метод юридической логики использован при критическом анализе доктринальных позиций и обосновании предложений по совершенствованию законодательства.

Результаты и обсуждение

Категория «национализация» в российской правовой доктрине воспринимается неоднозначно. М.В. Карпов подчёркивает политическую составляющую этого феномена, отмечая, что национализация в различные исторические периоды выступала то революционным лозунгом, то рецептом восстановления разрушенной экономики, то формой пополнения государственного бюджета, а нередко – законной формой передела собственности. Такая оценка отражает исторический опыт и предостерегает от упрощённого восприятия национализации как «обычной» экономической процедуры.

Иной подход представлен в работах Л.В. Щенниковой, которая относит институт национализации к числу «нормальных» правовых институтов, регулирующих экономические отношения и необходимых для поступательного развития страны. Н.В. Макарчук квалифицирует национализацию как один из основных способов приобретения права государственной собственности. Такая нормализация категории имеет под собой доктринальные основания, однако – при отсутствии специального законодательства о национализации – может создавать риски необоснованно широкого её применения.

Право государства на осуществление национализации собственности закреплено в Хартии экономических прав и обязанностей государств ООН 1974 г. и признаётся статьёй 1 Протокола № 1 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, устанавливающей, что «никто не может быть лишён своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права». Абзац 10 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации определяет национализацию как обращение в государственную собственность имущества, находящегося в собственности граждан и юридических лиц, производимое на основании закона с возмещением стоимости этого имущества и других убытков в порядке, установленном статьёй 306 Кодекса.

Квалификация национализации исключительно как «одного из оснований принудительного прекращения права частной собственности» представляется недостаточно точной. Действующее законодательство не содержит нормативных препятствий для обращения собственника к компетентному государственному органу с просьбой о национализации его частной собственности в добровольном порядке – например, в случаях, когда сохранение стратегически значимого имущественного комплекса в частных руках стало невозможным по экономическим или иным причинам, а его передача государству отвечает интересам как собственника, так и публично-правового образования.

Ключевым основанием осуществления национализации является наличие специального федерального закона. Позиция, согласно которой основанием национализации выступает акт уполномоченного органа исполнительной власти, представляется юридически некорректной: Правительство Российской Федерации не наделено законодательной компетенцией. Именно федеральный закон определяет случаи, объекты и порядок национализации, а акты исполнительной власти могут лишь конкретизировать процедуру в пределах, установленных законом.

Поскольку общий федеральный закон о национализации в России до настоящего времени не принят, ориентирами при её осуществлении выступают конституционные положения. Часть 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации допускает ограничение прав и свобод человека и гражданина только федеральным законом и только в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

А.А. Рубанов полагает, что возможность прекращения права собственности на основании закона противоречит части 3 статьи 35 Конституции Российской Федерации, поскольку закон не может касаться конкретного лица. Аналогичной позиции придерживается Н.В. Макарчук. Указанная позиция требует уточнения. Нормы Гражданского кодекса Российской Федерации, касающиеся национализации, не прекращают субъективного права собственности конкретного лица напрямую – они предусматривают потенциальную возможность такого прекращения при возникновении исключительных обстоятельств и в законом установленном порядке. Прекращение права частной собственности и возникновение права государственной собственности порождается юридико-фактическим составом, в который входят федеральный закон, акт компетентного государственного органа о национализации, акт регистрации государственной собственности и иные правоприменительные акты. Такая конструкция не противоречит положениям части 3 статьи 35 и статьи 55 Конституции Российской Федерации.

Начиная с конца 1990-х гг. в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации вносилось несколько законопроектов о национализации, ни один из которых по различным обстоятельствам не получил дальнейшего развития. В современных условиях выстраивание нормативно-правового регулирования отношений, связанных с национализацией, представляется настоятельно необходимым. Оптимальным решением видится разработка рамочного (базового) федерального закона, закрепляющего нормативную основу, цели, задачи, принципы правового регулирования, понятийный аппарат, юридико-фактические основания, возмездный характер, порядок осуществления, права и обязанности субъектов правоотношений, а также особенности национализации с участием иностранного элемента. На основе такого рамочного закона могут приниматься отдельные законы, регулирующие национализацию конкретных объектов частной собственности.

Показательным примером выступает статья 13 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 10-ФЗ «О государственном регулировании развития авиации», в соответствии с которой государство в целях обеспечения своих интересов в области развития авиации вправе на основании федерального закона национализировать имущество, находящееся в собственности физических и юридических лиц. Приведённое положение остаётся редким примером отраслевой нормы, прямо предусматривающей возможность национализации в конкретной сфере.

Цель национализации должна быть обусловлена решением вопросов, имеющих ключевое значение для обеспечения защиты основ конституционного строя, экономики Российской Федерации, её безопасности и обороноспособности, и не может выходить за пределы, установленные частью 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации. Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 10 марта 2005 г. № 97-П, рассматривая взаимосвязь статей 35 и 55 Конституции, обратил внимание на то, что право собственности не является абсолютным и может быть ограничено федеральным законом лишь в конституционно допустимых целях.

В доктрине встречается позиция, согласно которой основанием национализации может выступать сама по себе потребность государства в предприятиях, осуществляющих монополистическую деятельность или играющих значимую роль в развитии национальной экономики. Такой подход представляется слишком широким. Ни монополистическое положение хозяйствующего субъекта, ни его роль в национальной экономике сами по себе не могут быть непосредственной причиной национализации, за исключением случаев, когда соответствующая деятельность создаёт угрозу для обороны страны, экономической безопасности и иных национально значимых интересов. А.В. Минаков и С.Б. Лапина, характеризуя современный инструментарий обеспечения экономической безопасности государства в условиях санкций западных стран, обоснованно указывают, что применение принудительных мер должно быть строго связано с наличием реальной угрозы национальным интересам, а не с абстрактными соображениями регулятивного порядка. А.Е. Городецкий и соавторы, исследуя вопросы обеспечения экономической безопасности реализации федеральных целевых программ, подчёркивают, что формирование имущественной базы государства должно опираться прежде всего на плановые механизмы бюджетного и инвестиционного характера, а меры принуди-

тельного прекращения права собственности могут применяться лишь в исключительных случаях.

Следует также учитывать, что в системе современного законодательства существует широкий набор альтернативных инструментов реализации публичных интересов, не связанных с прекращением права собственности. К их числу относится, например, механизм государственно-частного партнёрства, подробно охарактеризованный в работах А.В. Чешина в контексте региональных инвестиционных проектов. Наличие таких инструментов дополнительно подтверждает, что национализация должна рассматриваться как крайняя, исключительная мера.

Субъектами законодательной инициативы о национализации объектов частной собственности могут выступать Президент Российской Федерации, члены Совета Федерации, депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, Правительство Российской Федерации. При поступлении соответствующего предложения Правительство Российской Федерации готовит заключение на проект федерального закона о национализации. В случае положительного решения вопроса Правительство Российской Федерации в своём постановлении устанавливает порядок последующих действий, включая определение уполномоченного государственного органа исполнительной власти, непосредственно осуществляющего процедуру национализации имущества.

Передача национализированного имущества в государственную собственность подтверждается актом приёма-передачи, а оформление права государственной собственности осуществляется путём его государственной регистрации в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Национализация должна сопровождаться решением вопроса о предварительной и равноценной компенсации стоимости изъятого имущества, а также о возмещении бывшему собственнику связанных с этим убытков. Часть 3 статьи 35 Конституции Российской Федерации закрепляет незыблемое положение, согласно которому принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения. Абзац 10 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации предусматривает возмещение стоимости имущества и других убытков в соответствии со статьёй 306 Кодекса.

В гражданском праве «стоимость имущества» и «убытки», как правило, выражаются в денежной форме. Вместе с тем в случае национализации не исключается возможность предоставления собственнику равноценной компенсации в натурально-вещественной форме, когда это практически возможно и соответствует его волеизъявлению. Право выбора формы возмещения (денежная или натурально-вещественная) должно принадлежать самому собственнику.

Оценка национализируемого имущества производится в порядке, установленном Федеральным законом от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации». Статья 8 указанного Закона предусматривает обязательность оценки лишь при возникновении спора о стоимости объекта оценки, что представляется недостаточно релевантным применительно к национализации. Спор может возникнуть спустя значительное время после завершения процедуры, а с учётом того, что объектами национализации могут быть крупные предприятия, производственные комплексы и иное имущество высокой стоимости, справедливое разрешение такого спора будет затруднено. Целесообразно на законодательном уровне закрепить обязательность оценки объекта национализации независимо от наличия спора о его стоимости. Оценка должна производиться по рыночной стоимости – наиболее вероятной цене реализации объекта в условиях конкурентной среды. Собственник национализируемого имущества сохраняет право оспорить в судебном порядке как акт о национализации, так и объём и характер предоставляемого возмещения. Статья 1 Протокола № 1 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, как показывает практика Европейского суда по правам человека, при определённых обстоятельствах допускает выплату возмещения ниже рыночной стоимости имущества, что, однако, требует специальной аргументации со стороны государства-ответчика.

О.Л. Алтенгова полагает, что объектом национализации является имущество, способное удовлетворить государственные нужды, в качестве которого, как правило, выступает недвижимое имущество, обладающее особой материальной ценностью и незаменимое по своему местонахождению и составу. Приведённая позиция в целом обоснованна, однако однозначно исключать из числа объектов национализации движимые вещи представляется неверным. Основным критерием отнесения имущества к объектам национализации должно быть его особое значение для обеспечения экономической безопасности, обороноспособности или иных национально значимых интересов Российской Федерации.

В период 2022–2024 гг. на основании указов Президента Российской Федерации в отношении ряда компаний из недружественных государств, прекративших свою деятельность в Российской Федерации в ущерб её интересам, была введена внешняя администрация по управлению организацией, конструкция которой напоминает внешнее управление в процедуре банкротства. Подобная мера фактически направлена на изменение имущественного контроля над организацией, однако формально не является национализацией в её гражданско-правовом понимании. Кроме того, «антисанкционное» законодательство, в частности Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 320-ФЗ, предусматривает возможность преобразования на основании решения арбитражного суда филиала или представительства иностранного юридического лица в хозяйственное общество в форме общества с ограниченной ответственностью с передачей ему объектов гражданских прав, а также прав и обязанностей иностранного лица, связанных с ведением его деятельности на территории Российской Федерации.

Вместе с тем перечисленные меры, а также иные шаги, связанные с изменением структуры участия в уставных капиталах компаний (например, закрепление долей за локальным менеджментом), не могут квалифицироваться как национализация. Форма собственности компании при этом остаётся частной, даже если часть долей в уставном капитале переходит к Российской Федерации; происходят изменения только в структуре управления собственностью. Национализация же объективно предполагает прекращение права частного лица на имущество в его натурально-вещественной форме и возникновение права государственной собственности на это имущество. А.В. Минаков и С.Б. Лапина, характеризуя санкционный инструментарий Российской Федерации, справедливо обращают внимание на необходимость чёткой правовой квалификации применяемых мер, поскольку от неё зависит как обоснованность их применения, так и защищённость государства от возможных претензий в международных инстанциях.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о возможности национализации таких специфических объектов, как цифровые платформы. В экономической литературе высказывается точка зрения о том, что цифровые платформы и объединяющие их экосистемы занимают слишком важное место в современной экономике, чтобы допускать их существование как обычных коммерческих предприятий, а их владельцам предлагается поставить выбор между национализацией и контролем. Указанная альтернатива по своей юридической природе внутренне противоречива. Цифровая платформа представляет собой продукт интеллектуальной деятельности и не является материально-вещественным объектом; на неё не может быть установлено вещное право, включая право государственной собственности. Более того, в цифровой платформе как сложном продукте творческой деятельности в информационно-телекоммуникационном пространстве воплощено множество интеллектуальных результатов, в отношении которых за правообладателями сохраняются интеллектуальные права, и посягательство на них было бы неправомерным. Соответствующая проблематика требует иных, специальных инструментов регулирования.

Национализация не может и не должна рассматриваться как обычно совершаемая деятельность государства «на потребу дня». По своей природе она представляет собой исключительную форму действия государства, направленную на решение ключевых вопросов, касающихся обороны страны, экономической безопасности, приоритетных направлений реализации национальных интересов, необходимости устранения экологических катастроф и иных чрезвычайных ситуаций, – что вытекает из положений статей 35 и 55 Конституции Российской Федерации в их взаимосвязи.

Национализация является сложным полиструктурным феноменом, включающим политические, экономические, юридические и социальные элементы. При определении её сущности необходимо избегать двух крайностей: с одной стороны, чрезмерной политизации, а с другой – редуцирования до уровня обычной регулятивной функции государства, связанной с формированием имущественной базы или дисциплинированием нерадивых хозяйствующих субъектов. Подобного рода публичные потребности должны обеспечиваться иными предусмотренными современным законодательством средствами – экономическими, правовыми, организационными, – включая меры ответственности.

С учётом изложенного предлагается следующее авторское определение. Национализация – это особая (исключительная) форма деятельности компетентных государственных органов, направленная на прекращение права собственности гражданина (граждан) и (или) юридического лица (юридических лиц) и возникновение права государственной собственности в случаях и порядке, уста-

новленных законом, с полным возмещением стоимости национализируемого имущества и других убытков, осуществляемая в целях обеспечения экономической безопасности Российской Федерации, обороны страны и других национально значимых интересов Российской Федерации.

Ю.А. Дорофеева допускает существование национализации в разнообразных формах – от ограничения правомочий собственника до принудительного введения государственного управления юридическим лицом, признавая при этом, что исчерпывающий перечень таких форм составить невозможно. Столь широкая трактовка вступает в противоречие со статьёй 235 Гражданского кодекса Российской Федерации, которая признаёт только одну «форму национализации» – прекращение права частной собственности и возникновение права государственной собственности. Кроме того, произвольная трактовка форм национализации открывает возможность неоправданного вмешательства государства в сферу частнопредпринимательской деятельности и может привести к нарушению законных прав и интересов её субъектов.

В литературе встречается разграничение национализации по степени возмездности на «компенсационную» и «конфискационную». Такое разграничение смешивает категории «национализация» и «конфискация», для первой из которых возмездность в силу статей 235 и 306 Гражданского кодекса Российской Федерации является атрибутивным признаком, а для второй, напротив, характерно безвозмездное изъятие имущества как санкция за правонарушение.

В ряде публикаций национализация крупных предприятий и финансовых учреждений описывается как осуществляемая «на возмездной (реквизиция) или безвозмездной (конфискация) основе», что не сообразуется с положениями действующего законодательства. Пункт 1 статьи 243 Гражданского кодекса Российской Федерации определяет конфискацию как безвозмездное изъятие имущества у собственника по решению суда в виде санкции за совершение преступления или иного правонарушения. Основными разграничительными «маркерами» здесь выступают следующие обстоятельства: конфискация применяется как санкция за правонарушение, тогда как национализация непосредственно с правонарушением собственника не связана; конфискация носит безвозмездный характер, а национализация предполагает возмещение стоимости имущества и убытков; конфискация производится по общему правилу на основании решения суда, национализация – на основании акта компетентного государственного органа во исполнение федерального закона. Проблематика разграничения принудительных мер имущественного характера имеет значение и для правоприменительной практики в смежных областях; в работах В.А. Карлебы и Е.Л. Логинова, посвящённых мониторингу оборота и легализации финансовых активов криминального происхождения, показано, что расширение оснований для принудительного изъятия имущества в связи с противоправной деятельностью требует строгого соблюдения его отличия от институтов, применяемых вне уголовно-правового контекста.

Реквизиция, регулируемая статьёй 242 Гражданского кодекса Российской Федерации, представляет собой изъятие имущества у собственника при наступлении чрезвычайных обстоятельств (стихийные бедствия, аварии, эпидемии и т.п.) в интересах общества по решению государственных органов с выплатой стоимости имущества. Основные признаки её разграничения с национализацией сводятся к следующему. Реквизиция применяется при наступлении чрезвычайных обстоятельств, тогда как юридико-фактические основания национализации носят более широкий характер и связаны с угрозами для обороны страны, экономической, информационно-технологической и национальной безопасности. Объектами национализации, как правило, выступают крупные предприятия, земельные участки, банковские структуры и иные объекты недвижимости, а при реквизиции – транспортные средства, медикаменты, продовольствие и иные подобные вещи, хотя круг таких объектов законодателем не ограничен. Наконец, лицо, имущество которого подверглось реквизиции, вправе при прекращении действия соответствующих обстоятельств потребовать по суду возврата сохранившегося имущества, что при национализации законом не предусмотрено.

Показательным примером терминологической неаккуратности является сообщение под заголовком «В Севастополе национализировали 11 компаний за переводы ВСУ», в котором речь фактически идёт о принудительном изъятии имущества за противоправные действия его владельцев в пользу иностранного государства, что не имеет никакого отношения к национализации в её конституционно-правовом и гражданско-правовом смысле, а относится к сфере уголовно-правового и антиэкстремистского реагирования.

Выводы

Проведённое исследование позволяет сформулировать ряд обобщающих положений. Национализация представляет собой самостоятельный правовой институт, обладающий шестью системными признаками: юридико-фактическое основание в виде специального федерального закона; исключительно публично значимая цель, соотносимая с положениями части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации; строго регламентированный порядок осуществления с участием законодательной и исполнительной ветвей государственной власти; предварительная и равноценная компенсация стоимости имущества и возмещение иных убытков; ограниченный круг объектов, обладающих особым значением для обеспечения обороны, экономической безопасности и иных национальных интересов; исключительный, а не рутинный характер меры, применяемой при отсутствии иных достаточных средств защиты публичных интересов.

Действующее регулирование национализации в Российской Федерации характеризуется существенной незавершённостью: конституционные и общеотраслевые основания её осуществления закреплены, однако специальный федеральный закон, устанавливающий единый порядок и гарантии, отсутствует. Ситуация усугубляется распространением в правовом дискурсе смешения национализации со смежными категориями (реквизицией, конфискацией) и с мерами антисанкционного законодательства, не влекущими изменения формы собственности имущества.

В качестве приоритетного направления совершенствования законодательства предлагается разработка и принятие рамочного (базового) федерального закона о национализации, устанавливающего единую нормативную основу, цели, задачи, принципы правового регулирования, понятийный аппарат, юридико-фактические основания, порядок осуществления, права и обязанности субъектов правоотношений, включая специфические аспекты национализации с участием иностранного элемента. На основе такого рамочного закона могут приниматься отдельные федеральные законы, регулирующие национализацию конкретных объектов частной собственности по аналогии с моделью, реализованной в статье 13 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 10-ФЗ «О государственном регулировании развития авиации».

Предложенное авторское определение национализации отражает её субстанциональную сущность как исключительной формы деятельности компетентных государственных органов, направленной на прекращение права частной собственности и возникновение права государственной собственности в целях обеспечения экономической безопасности, обороны страны и иных национально значимых интересов Российской Федерации. Практическая значимость полученных выводов состоит в возможности их использования при разработке специального федерального закона о национализации, а также при совершенствовании правоприменительной практики, связанной с применением принудительных имущественных мер в рамках обеспечения экономической безопасности Российской Федерации.

Литература

1. Карпов М.Ю. Национализация: тенденции развития доктрины и законодательства // Lex Russica (Русский закон). 2016. № 5 (114). С. 133–146. DOI: 10.17803/1729-5920.2016.114.5.133-146. EDN: WJXCRL.

2. Щенникова Л.В. Гражданско-правовая наука о национализации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 4 (18). С. 179–186. EDN: PLTVOJ.

3. Макарчук Н.В. Национализация как способ приобретения права государственной собственности: гражданско-правовой аспект: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2011. 26 с.

4. Алтенгова О.Л. Квалифицирующие признаки национализации // Общество и право. 2011. № 5 (37). С. 79–83.

5. Минаков А. В., Лапина С.Б. Обеспечение экономической безопасности государства в условиях санкций западных стран // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 305–312. DOI: 10.24412/2414-3995-2021-2-305-312. EDN: GPBGHI.

6. Обеспечение экономической безопасности реализации федеральных целевых программ: монография / А.Е. Городецкий, А.С. Зуева, М.М. Имамов [и др.]. Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя, 2012. 204 с. EDN: VVOMRJ.

7. Карлеба В. А., Логинов Е.Л. Мониторинг оборота и легализации финансовых активов криминального происхождения: учеб. пособие. Москва: ЦОКР МВД России, 2007. 287 с. EDN: TZTEBV.

8. Чешин А.В. Особенности реализации региональных инвестиционных проектов в формате государственно-частного партнерства // Сегодня и завтра российской экономики. 2016. № 79–80. С. 117–120. EDN: YNFKFH.

9. Дорофеева Ю.А. Национализация: вопросы международного частного права: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 23 с.

10. Карлин А.Б. Правовые основания государственной регистрации права собственности на недвижимое имущество // Государство и право. 2007. № 5. С. 29–38.

11. Кутовой Н.С. Национализация, экспроприация и конфискация в системе оснований прекращения права собственности волею государства: сравнительный анализ // Право и политика. 2025. № 2. С. 12–22. DOI: 10.7256/2454-0706.2025.2.73468. EDN: HBXAMY.

12. Чумакова К.Н. Национализация как государственный резон // Право и государство: теория и практика. 2025. № 7. С. 61–64. DOI: 10.47643/1815-1337_2025_7_61. EDN: HQDO.

LEGAL REGULATION OF NATIONALIZATION AS A FORM OF ENSURING THE ECONOMIC INTERESTS OF THE RUSSIAN FEDERATION UNDER CURRENT CONDITIONS

Vasiyan R.I.
Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin

The article examines the doctrinal and legal features of the institution of nationalization as a means of ensuring the economic interests of the Russian Federation under conditions of sanctions pressure and foreign economic restrictions in 2022–2024. Based on the analysis of Part 3 of Article 35 and Part 3 of Article 55 of the Constitution of the Russian Federation, paragraph 10 of Article 235 (Part 2) and Articles 242, 243, 306 of the Civil Code of the Russian Federation, Federal Law of January 8, 1998 No. 10-FZ «On State Regulation of Aviation Development», Federal Law of July 29, 1998 No. 135-FZ «On Valuation Activities in the Russian Federation», Federal Law of July 14, 2022 No. 320-FZ, the UN Charter of Economic Rights and Duties of States (1974), Article 1 of Protocol No. 1 to the European Convention on Human Rights, and existing doctrinal approaches, six systemic features of nationalization are formulated: a legal and factual basis in the form of a special federal law; an exclusively publicly significant purpose; a strictly regulated procedure of implementation; preliminary and equivalent compensation; a limited range of objects of particular importance for ensuring defense and economic security; and the exceptional nature of the measure. An author's definition of nationalization is developed; a distinction is made with related categories – requisition and confiscation; the necessity of developing and adopting a framework federal law on nationalization establishing uniform principles, procedures, and guarantees for owners is substantiated.

Keywords: nationalization, property rights, economic security, ensuring national interests, requisition, confiscation, anti-sanctions legislation, termination of property rights.

References

1. Karpov, M. Yu. Nationalization: Trends in the Development of Doctrine and Legislation. Lex Russica (Russian Law), 2016, No. 5 (114), Pp. 133–146. DOI: 10.17803/1729-5920.2016.114.5.133-146. EDN: WJXCRL.

2. Shchennikova, L.V. Civil Law Scholarship on Nationalization. Perm University Herald. Juridical Sciences, 2012, No. 4 (18), Pp. 179–186. EDN: PLTVOJ.

3. Makarchuk, N.V. Nationalization as a Method of Acquiring State Ownership Rights: Civil Law Aspect. Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences. Moscow, 2011. 26 p.

4. Altengova, O.L. Qualifying Features of Nationalization. Society and Law, 2011, No. 5 (37), Pp. 79–83.

5. Minakov, A. V., Lapina, S.B. Ensuring the Economic Security of the State under Sanctions Imposed by Western Countries. Vestnik Ekonomicheskoy Bezopasnosti, 2021, No. 2, Pp. 305–312. DOI: 10.24412/2414-3995-2021-2-305-312. EDN: GPBGHI.

6. Gorodetsky, A. E., Zueva, A. S., Imamov, M. M., et al. Ensuring Economic Security in the Implementation of Federal Target Programs: Monograph. Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot, 2012. 204 p. EDN: VVOMRJ.

7. Karleba, V. A., Loginov, E.L. Monitoring the Circulation and Legalization of Financial Assets of Criminal Origin: Study Guide. Moscow: Center for Operational and Legal Support of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2007. 287 p. EDN: TZTEBV.

8. Cheshin, A.V. Specific Features of Implementing Regional Investment Projects in the Format of Public-Private Partnership. Today and Tomorrow of the Russian Economy, 2016, nos. 79–80, Pp. 117–120. EDN: YNFKFH.

9. Dorofeeva, Yu.A. Nationalization: Issues of Private International Law. Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences. Saratov, 2001. 23 p.

10. Karlin, A.B. Legal Grounds for State Registration of Ownership Rights to Immovable Property. State and Law, 2007, No. 5, Pp. 29–38.

11. Kutovoy, N.S. Nationalization, Expropriation and Confiscation in the System of Grounds for Termination of Ownership by the Will of the State: A Comparative Analysis. Law and Politics, 2025, No. 2, Pp. 12–22. DOI: 10.7256/2454-0706.2025.2.73468. EDN: HBXAMY.

12. Chumakova, K.N. Nationalization as a State Reason. Pravo i Gosudarstvo: Teoriya i Praktika, 2025, No. 7, Pp. 61–64. DOI: 10.47643/1815-1337_2025_7_61. EDN: HQDO.

Основные сегменты оборота цифровой валюты: финансово-правовой анализ

Гапонов Андрей Евгеньевич,
аспирант кафедры публичного права АННИО
«Международного института информатизации
и государственного управления им. П.А. Столыпина»
E-mail: Gaponov_a_ip@mail.ru

В статье предлагается классификация субъектов оборота цифровой валюты по критерию охваченности публично-правовыми верификационными обязанностями. Выделяются три сегмента оборота: регулируемый, образуемый профессиональными участниками, на которых возложены обязанности идентификации и отчётности, пограничный, охватывающий обладателей цифровой валюты, несущих налоговые и валютно-контрольные обязанности при отсутствии механизма их независимой проверки и нерегулируемый, включающий участников прямых операций между адресами самостоятельного хранения. Автор показывает, что несовпадение совокупного объёма обязанностей субъектов с объёмом контрольных полномочий органов воспроизводится одновременно на нормативном, институциональном и процедурном уровнях. Предложенная классификация сопоставляется с конкурирующими подходами и проверяется через механизм юридической ответственности.

Ключевые слова: финансовое право; цифровая валюта; субъекты оборота; финансовый контроль; верификация; цифровой депозитарий; майнинг; правовой пробел; адрес-идентификатор.

Исследования финансово-правового режима цифровой валюты сосредоточены преимущественно на квалификации объекта, в связи с чем продолжается спор о том, является ли цифровая валюта имуществом, валютной ценностью либо самостоятельной категорией. Между тем для целей финансового контроля решающее значение имеет не квалификация объекта, а установление того, кто и в каком объёме несёт обязанности по контролю, который позволяет государству соотнести операцию с определённым лицом. В отечественной доктрине сложилось устойчивое представление о том, что определяющей трудностью режима налогообложения и финансового мониторинга операций с цифровой валютой выступает именно эта сторона вопроса[1]. Настоящая статья предлагает классификацию субъектов оборота по критерию охваченности верификационными обязанностями и показывает, что построенная на ее основе картина обнаруживает структурный характер пробела финансового контроля.

Субъектное измерение проблемы получило в литературе неравномерную разработку. А.А. Ситник применительно к трансграничным расчетам с использованием цифровой валюты указывает на отсутствие звена, обеспечивающего соотнесение операции с конкретным лицом[2], а Е.Г. Костикова связывает недостатки формирующегося регулирования с несовпадением провозглашенного режима и средств его обеспечения[3]. Обе позиции описывают следствие, оставляя открытым вопрос о том, у каких именно категорий субъектов и по какой причине информационный след не возникает. К.Б. Раздорожный, исследуя финансово-правовое регулирование цифровых финансовых активов, связывает результативность контроля с наличием точек соприкосновения оборота с регулируемой инфраструктурой[4], что подводит к необходимости классифицировать субъектов именно по этому основанию.

Принятая модель регулирования, отражённая в Федеральном Законе от 04.08.2026 № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах», различает два уровня субъектов[5]. Первый образуют профессиональные участники – цифровые депозитарии, организации по обмену цифровой валюты, организаторы торговли, брокеры и доверительные управляющие. Второй составляют обладатели цифровой валюты, приобретающие и отчуждающие её вне профессиональной деятельности. Регуляторный смысл такого построения состоит в асимметрии публично-правовой нагрузки, в первую очередь на субъектов первого уровня, так как в настоящее время проектируется развёрнутая система обязанностей, включающая идентификацию клиентов, проведение цифрового анализа операций и отчётность, тогда как на субъектов второго уровня возлагаются преимущественно обязанности декларативного характера.

Центральное место в системе профессиональных участников занимает цифровой депозитарий – юридическое лицо, оказывающее услуги по хранению ключей доступа к цифровой валюте. Его верификационный потенциал определяется тем, что именно он располагает связкой между адресом-идентификатором и идентификационными данными клиента. Организация по обмену цифровой валюты занимает вторую по значимости позицию, поскольку обслуживает точку перехода между разными видами цифровой валютой. Третьим звеном выступает биржа, на которой и будет происходить соприкосновение мира цифровых валют и привычной финансовой системой фиатных денег.

Особое положение занимает майнер как первичный получатель новых единиц цифровой валюты и начальное звено цепочки её последующего обращения. Правовой статус майнеров оформлен Федеральным законом от 8 августа 2024 года № 221-ФЗ, закрепившим требо-

[1] Кинсбурская В.А. Идентификация держателей криптовалюты в целях противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма // Национальная безопасность / nota bene. – 2019. – № 3. – С. 1–10.

[2] Ситник А.А. Использование криптовалют в трансграничных расчетах: проблемы и перспективы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – Т. 20, № 8 (177). – С. 33–41.

[3] Костикова Е.Г. Криптовалюты в финансовой системе России: новые подходы к правовому регулированию // Безопасность бизнеса. – 2022. – № 4. – С. 41–47.

[4] Раздорожный К.Б. Финансово-правовое регулирование цифровых финансовых активов в Российской Федерации и в зарубежных странах: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.04. – Москва, 2021. – 220 с.

[5] Проект федерального закона № 1194918–8 «О цифровых валютах и цифровых правах» (внесён в Государственную Думу; по состоянию на 11 мая 2026 года не принят) // Система обеспечения законодательной деятельности. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1194918–8 (дата обращения: 11.05.2026).

вание о включении в реестр лиц, осуществляющих майнинг[1]. Информационная цепочка, связывающая майнера, налоговый орган и орган финансовой разведки, образует первый законодательно оформленный канал передачи сведений об адресах-идентификаторах от субъекта оборота к контролирующим органам. Существенно, однако, что этот канал охватывает лишь момент первичной добычи и обрывается на первой же последующей операции.

Изложенное позволяет предложить классификацию субъектов оборота по критерию охваченности публично-правовыми верификационными обязанностями. Под верификационной обязанностью понимается обязанность, исполнение которой обеспечивает поступление уполномоченному органу сведений, позволяющих соотнести операцию с определённым лицом. Критерий отличается от формальных оснований классификации тем, что группирует субъектов не по их правовой форме или роли в обороте, а по тому, создаёт ли их деятельность информационный след, пригодный для контроля. Используя данный критерий можно выделить три сегмента оборота.

Первый сегмент образуют субъекты, полностью охваченные верификационными обязанностями, к которым можно отнести такие организации как, цифровые депозитарии, организации по обмену цифровой валюты, организаторы торговли, брокеры и доверительные управляющие. Их деятельность подлежит включению в реестр, ведение которого, возложено на Банк России, сопровождается идентификацией клиентов и порождает документируемый информационный след. Именно в этом сегменте реализуется подход, который М.М. Прошунин связывает с наличием организационной основы получения сведений об операциях как условия действенности финансового мониторинга[2].

Вместе с тем полнота охвата этого сегмента не означает полноты контроля. Собранные профессиональными участниками идентификационные данные остаются у них и предоставляются государственным органам по запросу. Инфраструктура хранения сведений об адресах-идентификаторах проектируется, тогда как режим их планового поступления уполномоченному органу не создаётся. Именно эта конфигурация образует нормативный уровень исследуемого пробела, который выражается в установленной обязанности сбора сведений, однако отсутствует обязанность передавать их на постоянной основе.

Проектируемый институт цифрового анализа операций обнаруживает в регулируемом сегменте дополнительную особенность. Разработка правил проверки, критериев подозрительности и глубины исследования цепочки операций возлагается на самих профессиональных участников, вследствие чего содержание контрольной процедуры определяется локальными актами и различается между участниками рынка. Фактически в проектируемом стандарте предлагается применить к цифровым депозитариям механизм, разработанный для кредитных организаций, при котором у организаций действуют правила внутреннего контроля, которые опираются на рекомендации контролирующего органа.

Результат анализа, полученный по методике, разработанной самим проверяющим, не обладает заранее установленной силой и подлежит оценке в каждом отдельном случае, что снижает его пригодность для целей последующего контроля. Необходимо отметить, что данная особенность также присуща действующим организациям финансового сектора.

Второй сегмент составляют субъекты, несущие налоговые и валютно-контрольные обязанности при отсутствии механизма их независимой проверки: физические и юридические лица – резиденты, выступающие обладателями цифровой валюты. Их финансово-правовой статус многослоен. Налоговый режим предполагает включение доходов от операций с цифровой валютой в налоговую базу, поскольку Налоговый кодекс Российской Федерации признаёт цифровую валюту имуществом для целей налогообложения[3]. Валютный режим распространяется на расчёты по внешнеторговым договорам в рамках экспериментального правового режима. Антиотмывочный режим формально применим, однако в настоящее время операции с цифровой валютой не отнесены к подлежащим обязательному контролю[4].

Пограничным этот сегмент назван потому, что обязанности его участников установлены, но не обеспечены средствами проверки. Требование о представлении сведений о владении цифровой валютой, закреплённое статьёй 14 Федерального закона от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ, опирается на добросовестность декларанта[5]. Налоговый орган не располагает самостоятельными средствами выявления операций в распределённых реестрах, а перечень агентов валютного контроля, установленный Федеральным законом от 10 декабря 2003 года № 173-ФЗ, не включает организации, обслуживающие оборот цифровой валюты[6]. Самостоятельную проблему пограничного сегмента образует правопреемство, Ю.С. Харитонова, исследуя наследование легализованных цифровых активов, показывает, что отсутствие достоверных сведений о принадлежности адреса затрудняет включение цифровой валюты в наследственную массу[7].

Отдельного упоминания заслуживают нерезиденты, понятие которых действующая модель использует в значении валютного законодательства. Нерезидент как обладатель цифровой валюты не несёт российских налоговых обязанностей по операциям, не связанным с источниками в Российской Федерации, вследствие чего его участие в обороте не создаёт информационного следа даже того ограниченного объёма, который характерен для резидентов.

Третий сегмент охватывает субъектов, принципиально не включённых в систему верификационных обязанностей, а именно участников прямых операций между адресами самостоятельного хранения, не связанными с каким-либо профессиональным участником. Такие операции не порождают отношений ни с одним обязанным лицом, вследствие чего к ним неприменима конструкция обязательного контроля, построенная вокруг организации, совершающей операцию с имуществом клиента. Именно на это обстоятельство обращают внимание Л.В. Санникова и Ю.С. Харитонова, анализируя правовой режим цифровых активов[8].

Границы этого сегмента не совпадают с границами достижимого контроля. Д.А. Кочергин, анализируя экономическую природу криптоактивов, показывает, что преобладающая часть операций рано или поздно проходит через инфраструктуру, поддающуюся идентификации[9]. Нерегулируемым сегмент является не в силу технической недостижимости, а в силу того, что действующее право не связывает момент соприкосновения такой операции с регулируемой средой с обязанностью раскрыть предшествующую цепочку. Руководство Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег исходит из необходимости обеспечить возможность соотнесения операции с определённым лицом, включая операции с адресами самостоятельного хранения[10].

Количественная оценка фактического охвата каждого сегмента осложнена ограниченностью верифицируемых открытых данных. Реестр лиц, осуществляющих майнинг, введён недавно, и сведения о его наполнении публикуются в агрегированном виде; реестр цифровых депозитариев проектируется; данные о доле операций, совершаемых между адресами самостоятельного хранения, содержатся преимущественно в отчётах частных аналитических компаний и опираются на методики атрибуции адресов, результаты которых пересматриваются по мере накопления сведений. Изложенное не препятствует качественному разграничению сегментов, поскольку последнее опирается на нормативные основания, а не на статистические величины, однако исключает выводы о соотношении их долей.

Правовой статус, не обеспеченный ответственностью за неисполнение обязанности, остается неполным, вследствие чего предложенная классификация нуждается в сопоставлении с механизмом юридической ответственности. Такое сопоставление подтверждает ее состоятельность. Меры ответственности применимы преимущественно к регулируемому сегменту: исключение из реестра, административные санкции за нарушение требований отчетности, надзорные меры Банка России адресованы профессиональным участникам. Пограничный сегмент обеспечен ответственностью лишь опосредованно – через общие составы налоговых и валютных правонарушений, применение которых

[1] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 8 августа 2024 года № 221-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 11.05.2026).

[2] Прошунин М.М. Финансовый мониторинг как вид финансового контроля // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2009. – № 3. – С. 105–110.

[3] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 31 июля 1998 года № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3824. – Ст. 38.

[4] О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма: федер. закон от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 33 (ч. I). – Ст. 3418. – Ст. 6, 7.

[5] О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31 (ч. I). – Ст. 5018. – Ст. 14.

[6] О валютном регулировании и валютном контроле: федер. закон от 10 декабря 2003 года № 173-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 50. – Ст. 4859. – Ст. 22.

[7] Харитонова Ю.С. Наследование легализованных цифровых активов: коллизии и возможные направления совершенствования российского законодательства // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2024. – Т. 17, № 2. – С. 74–95.

[8] Санникова Л.В., Харитонова Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. – Москва: 4 Принт, 2020. – 304 с.

[9] Кочергин Д.А. Криптоактивы: экономическая природа, классификация и регулирование оборота // Вестник международных организаций. – 2022. – Т. 17, № 3. – С. 75–130.

[10] FATF. Updated Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers. – Paris: FATF, 2021. – 111 p.

предполагает предварительное выявление нарушения, невозможное без верификации. Нерегулируемый сегмент фактически выведен из-под действия мер ответственности, поскольку отсутствует как обязанность, так и субъект, на которого она могла бы быть возложена. Исключением из указанного подхода является проектируемая норма о введении уголовной ответственности за незаконную организацию обращения цифровой валюты, которая является инструментом для привлечения к ответственности физических лиц, которые будут совершать операции с цифровыми валютам в нарушение действующего законодательства.

Совпадение градации ответственности с градацией верификационной охваченности не случайно, ведь именно ответственность следует за возможностью установить нарушение, а такая возможность определяется наличием информационного следа. Е.В. Матей, исследуя оценку рисков при обращении цифровых финансовых активов, обращает внимание на зависимость риск-ориентированного подхода от полноты исходных сведений об участниках операций[1].

Сопоставление объема обязанностей субъектов трех сегментов с объемом контрольных полномочий органов обнаруживает несовпадение, воспроизводящееся на трех уровнях. Нормативный уровень образуется тем, что обязанность собирать идентификационные данные установлена, а обязанность передавать их в режиме наблюдения отсутствует. Институциональный уровень образуется распределением компетенции по отраслевому признаку, при котором Банк России располагает сведениями о профессиональных участниках, налоговый орган – о доходах, орган финансовой разведки – о сообщениях обязанных субъектов, и ни один не наделен полномочием агрегировать данные остальных[2]. Процедурный уровень образуется отсутствием единого порядка установления принадлежности адреса-идентификатора, а также обнаруживается в нерегулируемом сегменте.

Совпадение числа сегментов с числом уровней пробела не является формальным. Каждый сегмент выявляет тот дефект, который в двух других остается скрытым, так в регулируемом сегменте наличие обязанного лица обнажает недостаточность режима передачи данных, в пограничном – отсутствие агрегирующего органа, в нерегулируемом – отсутствие процедуры. Устранение дефекта в одном сегменте не устраняет его в остальных, что и придает пробелу структурный характер.

Разработанная классификация требует сопоставления с иными подходами. Классификация по организационно-правовой форме, разграничивающая юридических и физических лиц, обладает достоинством определенности, однако для целей финансового контроля малопригодна, так как физическое лицо, оперирующее через цифровой депозитарий, охвачено верификацией полнее, чем юридическое лицо, совершающее прямые операции. Классификация по роли в обороте, разграничивающая эмитентов, посредников и приобретателей, воспроизводит логику рынка ценных бумаг и не учитывает отсутствия эмитента у децентрализованной цифровой валюты. А.А. Крыцул, исследуя цифровые платформы взаимодействия профессиональных участников, показывает, что разграничение по роли в обороте размывается по мере усложнения платформенных конструкций[3].

Вместе с тем позиция авторов, предлагающих распространить на всех обладателей цифровой валюты режим, выработанный для клиентов кредитных организаций, представляется дискуссионной. М.А. Егорова, обосновывая применимость к криптовалюте конструкций расчетного права, исходит из наличия обязанного лица, опосредующего операцию[4]. Предложенная классификация показывает, что такое лицо присутствует лишь в первом из трех сегментов, вследствие чего распространение банкоцентричного режима на остальные два не создает контроля, а лишь переносит в новые нормы предпосылку, которая в них не выполняется.

Проведенный анализ позволяет сформулировать три положения. Во-первых, критерием классификации субъектов оборота цифровой валюты, пригодным для целей финансового контроля, выступает охваченность публично-правовыми верификационными обязанностями, то есть способность деятельности субъекта порождать информационный след, позволяющий соотнести операцию с определенным лицом. Во-вторых, применение этого критерия выделяет три сегмента оборота – регулируемый, пограничный и нерегулируемый, – различающиеся не степенью, а характером охвата, что подтверждается совпадением градации сегментов с градацией применимых мер юридической ответственности. В-третьих, несовпадение совокупного объема обязанностей субъектов с объемом контрольных полномочий органов воспроизводится на нормативном, институциональном и процедурном уровнях, причем каждый сегмент обнаруживает свой уровень пробела.

Практическое следствие сделанных выводов состоит в том, что устранение выявленного несовпадения не достигается ни расширением круга обязанных субъектов, ни ужесточением требований к профессиональным участникам. Требуется создание режима, при котором сведения об адресах-идентификаторах поступают уполномоченному органу планово, а не по запросу, что позволило бы связать три сегмента единым информационным контуром. Разработка такого режима составляет предмет самостоятельного исследования.

Литература

1. Егорова М.А. Криптовалюта как средство платежа: частноправовой и налоговый аспекты: монография. – Москва: Проспект, 2022. – 624 с.

2. Кинсбурская В.А. Идентификация держателей криптовалюты в целях противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма // Национальная безопасность / nota bene. – 2019. – № 3. – С. 1–10.

3. Кочергин Д.А. Криптоактивы: экономическая природа, классификация и регулирование оборота // Вестник международных организаций. – 2022. – Т. 17, № 3. – С. 75–130.

4. Крыцул А.А. Цифровые платформы взаимодействия профессиональных участников рынка (B2B-сегмент) // Ex jure. – 2026. – № 1. – С. 65–77.

5. Матей Е.В. Особенности оценки рисков в целях противодействия легализации преступных доходов при обращении цифровых финансовых активов // Юридическая наука. – 2026. – № 3. – С. 49–51.

6. Санникова Л.В., Харитонова Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. – Москва: 4 Принт, 2020. – 304 с.

7. Харитонова Ю.С. Наследование легализованных цифровых активов: коллизии и возможные направления совершенствования российского законодательства // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2024. – Т. 17, № 2. – С. 74–95.

8. FATF. Updated Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers. – Paris: FATF, 2021. – 111 p.

THE PRINCIPAL SEGMENTS OF DIGITAL CURRENCY CIRCULATION: A FINANCIAL LAW ANALYSIS

Gaponov A.E.
International Institute of Informatization and Public Administration named after P.A. Stolypin

The article proposes a classification of the subjects of digital currency circulation according to the criterion of their coverage by public law verification duties. Three segments of circulation are identified: the regulated segment, formed by professional participants upon whom identification and reporting duties are imposed; the borderline segment, comprising holders of digital currency who bear tax and currency control duties in the absence of any mechanism for their independent verification; and the unregulated segment, comprising participants in direct transactions between self-custody addresses. The author demonstrates that the discrepancy between the aggregate scope of the subjects duties and the scope of the authorities control powers is reproduced simultaneously at the normative, institutional and procedural levels. The proposed classification is compared with competing approaches and tested against the mechanism of legal liability.

Keywords: financial law; digital currency; subjects of circulation; financial control; verification; digital depository; mining; legal gap; identifier address.

References

1. Egorova M.A. Kriptovalyuta kak sredstvo platezha: chastnopravovoi i nalogovyi aspekty: monografiya [Cryptocurrency as a means of payment: private law and tax aspects: a monograph]. Moscow, Prospekt Publ., 2022. 624 p. (In Russ.)

2. Kinsburskaya V.A. Identification of cryptocurrency holders for the purposes of anti-money laundering and countering the financing of terrorism. Natsionalnaya bezopasnost / nota bene, 2019, No. 3, Pp. 1–10. (In Russ.)

3. Kochergin D.A. Crypto-assets: economic nature, classification and regulation of circulation. Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii, 2022, Vol. 17, No. 3, Pp. 75–130. (In Russ.)

4. Krytsul A.A. Digital platforms for the interaction of professional market participants (the B2B segment). Ex jure, 2026, No. 1, Pp. 65–77. (In Russ.)

5. Matei E.V. Features of risk assessment for the purposes of anti-money laundering in the circulation of digital financial assets. Yuridicheskaya nauka, 2026, No. 3, Pp. 49–51. (In Russ.)

6. Sannikova L.V., Kharitonova Yu.S. Tsifrovye aktivy: pravovoi analiz: monografiya [Digital assets: a legal analysis: a monograph]. Moscow, 4 Print Publ., 2020. 304 p. (In Russ.)

7. Kharitonova Yu.S. Inheritance of legalised digital assets: conflicts and possible directions for improving Russian legislation. Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki, 2024, Vol. 17, No. 2, Pp. 74–95. (In Russ.)

8. FATF. Updated Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers. Paris, FATF, 2021. 111 p.

[1] Матей Е.В. Особенности оценки рисков в целях противодействия легализации преступных доходов при обращении цифровых финансовых активов // Юридическая наука. – 2026. – № 3. – С. 49–51.

[2] Вопросы Федеральной службы по финансовому мониторингу: указ Президента Российской Федерации от 13 июня 2012 года № 808 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 25. – Ст. 3314.

[3] Крыцул А.А. Цифровые платформы взаимодействия профессиональных участников рынка (B2B-сегмент) // Ex jure. – 2026. – № 1. – С. 65–77.

[4] Егорова М.А. Криптовалюта как средство платежа: частноправовой и налоговый аспекты: монография. – Москва: Проспект, 2022. – 624 с.

Искусственный интеллект как инструмент правотворчества: перспективы и риски

Грибанова Анна Сергеевна,
аспирант, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
E-mail: gribanovaan@rambler.ru

В статье исследуются перспективы и ограничения внедрения технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) в правотворческую деятельность государственных органов. Обосновывается, что наиболее перспективным представляется использования ИИ на начальных этапах правотворчества, в частности для анализа обращений граждан и организаций с целью выявления законодательных инициатив и проблем правоприменения.
Вместе с тем автор отмечает преждевременность полноценного делегирования ИИ функций разработки и согласования проектов правовых актов. Выявлены ключевые этико-правовые риски, такие как наличие угроз кибербезопасности при работе с «закрытой» информацией, наличие ряда этических ограничений, возможные негативные социальные последствия, связанные с передачей ИИ нормотворческой функции.
На основе анализа общественного мнения, проведенного ВЦИОМ, сделан вывод, что, несмотря на видимую лояльность к использованию ИИ, граждане выступают за ограничение его применения в отдельных сферах, в том числе в государственном управлении. Автор приходит к заключению о необходимости поиска баланса между цифровизацией и защитой государственных и общественных интересов в том числе посредством определения допустимых пределов использования ИИ в правотворческом процессе.

Ключевые слова: правотворчество, государственное управление, искусственный интеллект, цифровизация, нормативный правовой акт.

Информационные технологии уже давно стали неотъемлемой частью всех областей жизни человека. Процесс цифровизации затронул все области человеческой деятельности, преобразовал не только повседневную, бытовую составляющую жизни человека, но и существенным образом повлиял на выполнение им рабочих задач.

С начала XXI века цифровые технологии претерпели стремительное и бурное развитие: то, что еще в начале 2000-х годов казалось вершиной технологического развития, сегодня воспринимается в качестве «допотопных» инструментов, многие из которых уже вышли из повседневного использования.

Важной вехой в процессе информатизации жизни человека является развитие и внедрение технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ). Меньше десятилетия назад данные технологи использовались в основном в производственных, научных, оборонных и иных проектах, но теперь ИИ прочно вошел в повседневную жизнь рядовых людей.

Процесс всеобъемлющей цифровизации не мог не затронуть систему государственного управления. За последние годы существенно изменился не только подход к выстраиванию рабочих процессов внутри государственных органов, но и процесс их взаимодействия друг с другом.

Особенную важность внедрение информационных технологий приобретает в контексте правотворческой деятельности, поскольку процесс формирования правового регулирования напрямую затрагивает все сферы общественной жизни. Соответственно, именно от качества и своевременности оформления правовых предписаний зависит благополучие граждан, уровень их доверия к государственным органам, устойчивость политической системы государства в целом.

В связи с тем, что правотворчество можно считать одним из наиболее важных направлений деятельности государственных органов, вопросам цифровизации процесса разработки, согласования и принятия правовых актов уделяется большое внимание в рамках развития системы государственного управления. Так, Правительством Российской Федерации взят курс на создание единого цифрового пространства, в котором федеральные органы исполнительной власти (далее – ФОИВ) смогут коллективно работать над проектами правовых актов в режиме реального времени [1]. В контексте данной деятельности возможность полноценного внедрения ИИ в процесс правотворчества вызывает особый интерес как у специалистов-практиков, так и в научной среде.

Несмотря на то, что понятие «искусственный интеллект» на текущий момент все таки было сформулировано на законодательном уровне [2], в науке единый универсальный подход к определению данного термина не выработан. Ряд авторов связывает это, в частности, с большим разнообразием сфер человеческой жизни [3] и, соответственно, особенностями использования ИИ в разных областях [4].

П.М. Мохат отмечает, что понятие «искусственный интеллект» стало общеупотребительным для целого ряда программ, алгоритмов и сетей, предназначенных и применяемых для достижения множества разнообразных целей [5].

Вместе с тем Э.М. Пройдаков определяет искусственный интеллект в качестве науки и технологии, включающей набор средств, позволяющих компьютеру на основании накопленных знаний давать ответы на вопросы и делать на базе этого экспертные выводы [6].

С учетом всеобъемлющего проникновения технологий ИИ во все сферы человеческой жизни, а также в связи с бурным развитием и распространением практик использования генеративного ИИ набирает обороты дискуссия относительно этичности применения ИИ в отдельных областях, а также ценности результата, сгенерированного ИИ в целом. Так, в частности, большой резонанс вызвала новость об успешной защите студентом РГГУ дипломной работы, написанной нейросетью [7]. Ожидаемо, общественное мнение разделилось: пока одни выразили суждение о том, что инструменты ИИ являются частью повседневной жизни, а значит могут быть использованы для любой не запрещенной законом деятельности, другие высказывались за этичное использование ИИ, настаивая, что всегда остается ряд областей (в частности, образование, медицина и др.), где применение ИИ должно быть ограничено определенными рамками. Так должна ли правотворческая деятельность стать одной из них?

Под правотворчеством в узком смысле принято понимать процесс подготовки и принятия норм права. Таким образом, указанную деятельность можно подразделить на три основных этапа: выявле-

ние необходимости правового регулирования, подготовку проекта акта и прохождение им регламентных процедур, опубликование принятого правового акта.

Учитывая, что создание и развитие ИИ прежде всего связано с необходимостью анализа больших массивов данных, представляется возможным использование данного инструментария на первоначальном этапе выявления необходимости в правовом регулировании отдельных правоотношений или совершенствовании уже действующего законодательства.

Важным источником правотворческих инициатив являются обращения граждан и организаций. Вместе с тем количество таких запросов, ежегодно поступающих в государственные органы различных уровней, исчисляется десятками тысяч. Так, только в I квартале 2026 года в адрес Минцифры России поступило 5624 обращения граждан. При этом чаще всего они касались вопросов оказания государственных услуг в электронной форме, качества услуг связи, работы средств массовой информации и др. [8].

Помимо того, что содержание обращений имеют различную отраслевую направленность, не все они содержат предложения по корректировке действующего законодательства, поскольку обращения граждан зачастую содержат жалобы на действие (бездействие) должностных лиц, информационные письма – уведомления (особенно, касающиеся процесса предоставления государственных услуг) и пр.

С учетом огромного массива информации, содержащегося во внутренних базах различных государственных органов, полноценный качественный анализ поступающих законодательных инициатив силами нескольких государственных служащих даже в пределах одного органа власти представляется труднореализуемым.

Вместе с тем видится большой потенциал использования ИИ в данной работе. Внедрение ИИ для анализа содержания обращений граждан и организаций позволило бы анализировать большие объемы поступающей в государственные органы информации и оперативно выявлять категорию писем, содержащих предложения по совершенствованию действующего законодательства. Возможность полноценной выгрузки такой информации по конкретной тематике, на наш взгляд, не только стало бы хорошим подспорьем для служащих на этапе подготовки текста правового акта, но и сделало бы правовое регулирование более соответствующим общественному запросу. Такое выстраивание прямого диалога между законодателем и гражданами, по нашему мнению, способно повысить уровень общественного доверия к власти, а также сделает этап формирования правотворческой инициативы более прозрачным.

Кроме того, представляется возможным использование ИИ для анализа огромного массива действующих правовых актов, в том числе подзаконных, в целях выявления возможных противоречий и несогласованности отдельных положений. Такой предварительный информационный свод можно было бы предоставить работникам различных государственных органов для детального рассмотрения и определения необходимости внесения точечных изменений в отдельные правовые акты различных уровней. По нашему мнению, такая совместная работа человека и ИИ потенциально может способствовать не только большей структурированности законодательного массива, но и повышению качества издаваемых правовых актов в целом.

Следует отметить, что в настоящее время Минцифры России готовит проведение эксперимента по использованию генеративного искусственного интеллекта в государственном управлении. В качестве задач указанной работы определены, в том числе создание унифицированных технологических решений (сервисов) для выполнения типовых задач в процессах государственного управления, в частности анализа проектов правовых актов, представленных на рассмотрение в государственный орган, а также сокращение временных затрат государственных служащих на выполнение типовых задач в процессах государственного управления [9].

Вместе с тем использование ИИ на этапе разработки и согласования проектов актов на текущий момент представляется преждевременным. Как отмечают З.И. Хисамова, И.Р. Бегишев ИИ выступает как производная от интеллекта естественного [10]. Учитывая, что правотворчество требует не только соблюдение формальных требований к оформлению текста, но и качество его содержания, отдавать данный процесс полностью во власть ИИ представляется довольно опасным.

Прежде всего, модель ИИ, которую планируется использовать для правотворческой деятельности, необходимо «предобучить». В этой связи возникает вопрос относительно документов (сведений), которые будут для этого использованы.

Не секрет, что многие правовые акты разрабатываются во исполнение поручений, предназначенных для служебного пользования, а также поручений с грифом «секретно». В этой связи в процессе разработки и согласования такого проекта акта априори участвуют только служащие, которым предоставлен доступ к указанной «закрытой» информации. Таким образом, в случае утечки каких-либо данных, выявить виновное в этом лицо не сложно: достаточно лишь проверить ограниченный круг лиц, которые ранее ознакомились с конкретным документом.

Вместе с тем вопрос предоставления ИИ доступа к таким «закрытым» материалам представляется дискуссионным. С одной стороны, невозможно спроектировать механизм регулирования во исполнение поручения, содержание которого тебе неизвестно. Но с другой стороны, использование цифровых технологий, в том числе ИИ, на текущий момент всегда представляет собой угрозу кибербезопасности. Учитывая последние новости о взломе платформы Hugging Face агентами ИИ OpenAI [11], а также о получении ИИ-моделями Claude от Anthropic несанкционированного доступа к данным реальных компаний [12], не вызывает сомнений, что предоставление ИИ доступа к сведениям, составляющим государственную тайну, или к информации, предназначенной только для служебного пользования, на данный момент представляет угрозу не только для кибербезопасности отдельно взятого государственного органа, но и для национальной безопасности Российской Федерации в целом. При этом в случае утечки данных, вопрос определения лица, подлежащего привлечению к ответственности, остается открытым.

В настоящее время на законодательном уровне предусмотрена обязательная маркировка информационного материала, созданного с применением ИИ [2]. В целом на различных интернет – ресурсах, в том числе в социальных сетях, на фотографиях, видеороликах, в описаниях книг и музыки уже давно можно увидеть отметку «создано при помощи ИИ». В этой связи возникает вопрос, будут ли формируемые ИИ правовые акты иметь такой же маркер, и как это отразится на уровне доверия граждан к органам законодательной и исполнительной власти.

По данным ВЦИОМ, несмотря на то, что в целом россияне демонстрируют оптимистичное отношение к использованию ИИ в том числе в повседневной жизни, 52 процента опрошенных считают высокими или очень высокими риски повсеместного внедрения ИИ. В частности, сфера государственного управления была обозначена респондентами в качестве области, в которой применение технологий ИИ следует ограничить [13].

В этой связи передача технологиям ИИ такого важного аспекта деятельности государственных органов, как правотворчество, в текущей социальной и политической обстановке представляется крайне противоречивым шагом. По нашему мнению, в целом позитивное восприятие новых технологий российским обществом связано с использованием ИИ преимущественно в повседневной жизни, что существенно облегчает жизнь рядового гражданина, позволяя делегировать цифровым технологиям выполнение части типовых повседневных задач.

Вместе с тем от государственных служащих, для которых разработка правовых актов является неотъемлемой частью профессиональной деятельности, общество всегда ожидает проявление профессионализма и максимальной вовлеченности в процесс разработки проекта акта. Еще бóльшие ожидания возлагаются на членов Федерального собрания Российской Федерации, как главного законодательного органа страны. Особенное внимание общественности всегда приковано к работе депутатов Государственной Думы, поскольку они избираются гражданами для работы в данном представительном органе на профессиональной постоянной основе [14]. В этой связи граждане ожидают, что на период избрания депутаты (с учетом запрета на осуществление иной оплачиваемой деятельности, за рядом исключений [14]) направят все свое внимание именно на реализацию законотворческих инициатив. Вместе с тем в случае делегирования ИИ даже части функций участников законотворческого процесса, неизбежно встает ряд вопросов относительно результата данной работы, в частности, считать ли недостатки юридической техники случайными ошибками или намеренным действием ИИ, не содержит ли регулирование ряд аспектов, потенциально способных негативным образом повлиять на общество и государство и пр. В этой связи особую актуальность приобретает этико-правовой аспект развития и использования ИИ.

Изначально человек был единственным предсказуемым и разумным субъектом. Однако в настоящее время невозможно отрицать что информационные технологии, в частности ИИ, обладают возможностью привлекать человеческое внимание и инициировать определенные действия человека [15]. На различных общественных и политических площадках все чаще говорят о манипулировании сознанием людей со стороны ИИ, в том числе в контексте предполагаемого воздействия ИИ на формирование деструктивного сознания и поведения [16]. Ведь ИИ, будучи, по сути набором алгоритмов, не присущи поня-

тия «этики», «нравственности», «морали». Так будет ли правовое создаваемое им правовое регулирование полноценно учитывать содержание указанных категорий, и не нанесет ли оно намеренно или случайно ущерб человеку? В этой связи А.И. Овчинников совершенно справедливо отмечает, что развитие ИИ должно предполагать сферы контроля и допустимости и пределов его использования человеком [16].

С учетом изложенного можно констатировать, что ИИ стал неотъемлемой частью жизни человека. Такие технологии повсеместно используются как для решения повседневных задач, так и для оптимизации типовых рабочих процессов. Вместе с тем по-прежнему остаются сферы, для которых масштабное и полноценное внедрение технологий ИИ на текущем историческом этапе, является преждевременным. К таким областям, по нашему мнению, относится и правотворческая деятельность.

Безусловно, ИИ обладает большим потенциалом к упрощению и ускорению ряда типовых рабочих задач, в том числе в сфере государственного управления. Однако формирование текста правового акта все еще остается в какой-то степени актом творчества. Данный процесс требует большой пластичности как со стороны разработчиков, так и со стороны тех, кто осуществляет рассмотрение и согласование проекта правового акта.

В контексте правотворчества в настоящее время на первый план выходит этико-правовой аспект внедрения и использования ИИ. Главными вопросами в данной связи являются этичность использования ИИ работником для выполнения своих непосредственных должностных обязанностей, связанных с законотворческой деятельностью, а также установление допустимых пределов использования ИИ для формирования нормы права.

Вместе с тем, несмотря на достаточную лояльность к использованию ИИ, которую демонстрирует современное российское общество, представляется, что такое оптимистичное отношение на текущий момент времени связано преимущественно с практикой решения типовых повседневных задач, нежели вопросов государственного управления.

В этой связи полагаем, что одной из основных задач правительства на ближайшее десятилетие станет не только развитие и повсеместное внедрение ИИ во всех сферах человеческой жизни, но и поиск баланса между использованием цифровых технологий и государственными и общественными интересами.

Литература

1. Дмитрий Григоренко: Правительство переводит процедуру подготовки нормативных актов и законопроектов в цифровой формат // Официальный сайт Правительства Российской Федерации // URL: http://government.ru/news/52774/ (дата обращения: 9 августа 2026 г.)

2. Федеральный закон от 26 июля 2026 г. № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации»

3. Солдатенко Д.М. Искусственный интеллект: прошлое, настоящее и будущее // Российский внешнеэкономический вестник. 2020. № 9.

4. Устьян Э.А. Понятие «Искусственный интеллект»: от теории к правовому регулированию // ПРЭД. 2023. № 2.

5. Мохат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд: Научная монография / РОО «Институт государственно-конфессиональных отношений и права». – М.: Буки Веди, 2017. – 257 с.

6. Пройдаков Э.М. Современное состояние искусственного интеллекта // Науковедческие исследования. 2018. № 2018.

7. Искусственный интеллект не заменит работу человека» // Сетевое издание «Коммерсантъ» // URL: https://www.kommersant.ru/doc/5798187 (дата обращения: 9 августа 2026 г.)

8. Статистика обращений // Официальный сайт Минцифры России // URL: https://digital.gov.ru/appeals-menu/statistic (дата обращения: 9 августа 2026 г.)

9. О проведении эксперимента по использованию генеративного искусственного интеллекта в государственном управлении // проект постановления Правительства Российской Федерации // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов regulation.gov.ru // URL: https://regulation.gov.ru/projects/158629/ (дата обращения: 9 августа 2026 г.)

10. Хисамова З.И., Бегишев И.Р. История становления и теоретико-правовые подходы к толкованию понятия «Искусственный интеллект» // АЮВ. 2020. № 3 (31).

11. Вышедшие из-под контроля ИИ-модели OpenAI взломали платформу Hugging Face // Сетевое издание «Коммерсантъ» // URL: https://www.kommersant.ru/doc/8863616 (дата обращения: 9 августа 2026 г.)

12. ИИ-модели Claude от Anthropic вышли из-под контроля и взломали сайты трех компаний // Сетевое издание «forbes.ru» // URL: https://www.forbes.ru/tekhnologii/565851-ii-modeli-claude-ot-anthropic-vysli-iz-pod-kontrola-i-vzlomali-sajty-treh-kompanij (дата обращения: 9 августа 2026 г.)

13. ИИ, который тревожит (американцев) и воодушевляет (россиян) // Официальный сайт Аналитического центра ВЦИОМ // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ii-kotoryi-trevozhit-amerikancev-i-voodushevljaet-rossijan (дата обращения: 9 августа 2026 г.)

14. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.)

15. Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект: этико-правовые основы: монография. – Москва: Проспект, 2021. – 176 с.

16. Концепции, принципы и направления правового регулирования безопасного искусственного интеллекта и цифровых технологий: монография / отв. ред. А.И. Овчинников. – Москва: Проспект, 2026. – 280 с.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A LAWMAKING TOOL: PROSPECTS AND RISKS

Gribanova A.S.
M.V. Lomonosov Moscow State University

The article examines the prospects and limitations of introducing artificial intelligence (AI) technologies into the lawmaking activities of state authorities. It is substantiated that the most promising area appears to be the use of AI at the initial stages of lawmaking, in particular for analyzing appeals from citizens and organizations in order to identify legislative initiatives and law enforcement problems.

At the same time, the author notes the prematurity of fully delegating to AI the functions of drafting and coordinating legal acts. Key ethical and legal risks are identified, such as cybersecurity threats when handling classified information, the presence of certain ethical constraints, and possible negative social consequences associated with transferring norm-making functions to AI.

Based on the analysis of public opinion conducted by VCIOM, it is concluded that, despite apparent loyalty to the use of AI, citizens advocate for limiting its application in certain areas, including public administration. The author concludes that it is necessary to strike a balance between digitalization and the protection of state and public interests, including by defining the permissible limits of AI use in the lawmaking process.

Keywords: lawmaking, public administration, artificial intelligence, digitalization, normative legal act.

References

1. Dmitry Grigorenko: The Government is Moving the Procedure for Drafting Regulatory Acts and Bills into Digital Format // Official Website of the Government of the Russian Federation // URL: http://government.ru/news/52774/ (accessed: August 9, 2026)

2. Federal Law № 243-FZ of July 26, 2026 «On Supporting the Development of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Federation»

3. Soldatenko D.M. Artificial Intelligence: Past, Present and Future // Russian Foreign Economic Journal. 2020. № 9

4. Ustyan E.A. The Concept of «Artificial Intelligence»: From Theory to Legal Regulation // PRED. 2023. № 2.

5. Morhat P.M. Artificial Intelligence: A Legal Perspective: Scientific Monograph / ROO «Institute of State-Confessional Relations and Law». – Moscow: Buki Vedi, 2017. – 257 p.

6. Proydakov E.M. Current State of Artificial Intelligence // Scientific Research. 2018. № 2018.

7. Artificial Intelligence Will Not Replace Human Work // Online Edition «Kommersant» // URL: https://www.kommersant.ru/doc/5798187 (accessed: August 9, 2026).

8. Appeals Statistics // Official Website of the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of Russia // URL: https://digital.gov.ru/appeals-menu/statistic (accessed: August 9, 2026).

9. On Conducting an Experiment on the Use of Generative Artificial Intelligence in Public Administration // Draft Resolution of the Government of the Russian Federation // Federal Portal of Draft Regulatory Legal Acts regulation.gov.ru // URL: https://regulation.gov.ru/projects/158629/ (accessed: August 9, 2026).

10. Khisamova Z.I., Begishev I.R. History of Formation and Theoretical-Legal Approaches to Interpreting the Concept of «Artificial Intelligence» // AYuV. 2020. № 3 (31).

11. Out-of-Control AI Models from OpenAI Hacked Hugging Face Platform // Online Edition «Kommersant» // URL: https://www.kommersant.ru/doc/8863616 (accessed: August 9, 2026).

12. Claude AI Models from Anthropic Went Out of Control and Hacked Websites of Three Companies // Online Edition «forbes.ru» // URL: https://www.forbes.ru/tekhnologii/565851-ii-modeli-claude-ot-anthropic-vysli-iz-pod-kontrola-i-vzlomali-sajty-treh-kompanij (accessed: August 9, 2026).

13. AI That Worries (Americans) and Inspires (Russians) // Official Website of VCIOM Analytical Center // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ii-kotoryi-trevozhit-amerikantsev-i-voodushevljaet-rossijan (accessed: August 9, 2026).

14. Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide vote on December 12, 1993, with amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020).

15. Bakhteev D.V. Artificial Intelligence: Ethical and Legal Foundations: Monograph. – Moscow: Prospekt, 2021. – 176 p.

16. Concepts, Principles and Directions of Legal Regulation of Safe Artificial Intelligence and Digital Technologies: Monograph / ed. by A.I. Ovchinnikov. – Moscow: Prospekt, 2026. – 280 p.

Стандартизация, сертификация и цифровизация социально значимых услуг

Громаков Сергей Михайлович,
аспирант кафедры административного и информационного права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: gromakov-2000@mail.ru

В статье исследуется соотношение трёх правовых явлений – стандартизации, сертификации (подтверждения соответствия) и цифровизации – применительно к социально значимым услугам, качество которых выступает одной из конституционных ценностей социального государства. Автор показывает, что, несмотря на широкое употребление понятия социально значимых услуг в законодательстве и практике, оно не имеет единого легального определения, а отношения по их предоставлению регулируются разрозненными нормами различной отраслевой принадлежности. На основе анализа законодательства о техническом регулировании и о стандартизации, национальных стандартов социального обслуживания, отраслевого законодательства о социальном обслуживании и о предоставлении государственных и муниципальных услуг, а также актов о цифровой трансформации социальной сферы обосновывается тезис о том, что стандартизация и сертификация социально значимых услуг сложились в рамках двух различных, слабо скоординированных парадигм – технико-регулятивной и институциональной. Особое внимание уделено соотношению технического и административно-правового значений понятия «стандарт», пределам применимости добровольной сертификации к услугам и трансформации объектов нормирования в цифровой среде. Показано, что цифровизация не отменяет, а переопределяет объекты, субъекты и методы стандартизации и сертификации, обнажая разрыв между нормированием технологий и нормированием результата, получаемого гражданином. Сформулированы направления совершенствования законодательства, предполагающие переход от разрозненного к комплексному межотраслевому регулированию качества социально значимых услуг, что согласуется с их пониманием как формирующегося комплексного правового института.

Ключевые слова: социально значимые услуги; стандартизация; сертификация; подтверждение соответствия; цифровизация; качество услуг; техническое регулирование; национальные стандарты; клиентоцентричность.

Социально значимые услуги занимают особое место в системе публичных услуг: именно через них реализуются конституционные характеристики Российской Федерации как социального государства, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Между тем понятие социально значимых услуг, при всей широте его употребления в законодательстве и правоприменительной практике, до настоящего времени не получило единого легального определения. В доктрине услуги традиционно дифференцируются на государственные, публичные и социальные [1], а правовая природа социальных услуг остаётся предметом научного обсуждения [2]. Теоретические основы понимания публичных услуг заложены в трудах Ю.А. Тихомирова [3], А.Ф. Васильевой [4] и других учёных, тогда как вопросы качества услуг и их цифровой трансформации активно исследуются в современной литературе. В этих условиях вопрос об инструментах обеспечения качества социально значимых услуг приобретает не только прикладное, но и принципиальное теоретико-правовое значение.

Классическими правовыми средствами обеспечения качества услуг традиционно выступают стандартизация и сертификация (подтверждение соответствия). Однако в последнее десятилетие к ним добавился третий, преобразующий фактор – цифровизация, которая меняет не только технологию оказания услуг, но и саму конструкцию правового регулирования их качества. Цель настоящей статьи – выявить пределы действующей модели стандартизации и сертификации социально значимых услуг в условиях цифровизации и обосновать направления её совершенствования. Методологическую основу работы составили формально-юридический, сравнительно-правовой и системно-структурный методы. Основной тезис состоит в том, что стандартизация и сертификация социально значимых услуг сложились в рамках двух различных, слабо скоординированных парадигм – технико-регулятивной и институциональной, ни одна из которых не была рассчитана на цифровые формы предоставления услуг; цифровизация же не упраздняет эти механизмы, а переопределяет их объекты и методы, обнажая разрыв между нормированием технологий и нормированием результата, получаемого гражданином.

Стандартизация социально значимых услуг: нормативная основа и её пределы

Правовые основы стандартизации закреплены Федеральным законом от 29 июня 2015 г. № 162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации», который определяет стандартизацию как деятельность по разработке и применению документов в целях упорядочения и повышения качества продукции, работ и услуг. Показательно, что среди целей стандартизации закон прямо называет улучшение качества жизни населения и повышение качества оказания услуг – формулировки, непосредственно соотносящиеся с природой социально значимых услуг. Тем самым на уровне целеполагания стандартизация изначально мыслится как инструмент, применимый к социальной сфере, а не только к промышленной продукции.

Вместе с тем механизм стандартизации построен преимущественно на принципе добровольности применения документов по стандартизации, за исключением случаев, когда обязательность вытекает из технического регулирования. Согласно Федеральному закону от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании», обязательные требования устанавливаются техническими регламентами и распространяются на продукцию и связанные с ней процессы, тогда как требования стандартов по общему правилу носят добровольный характер. Услуги как таковые в сферу обязательных технических регламентов не включены, что существенно ограничивает нормативную силу стандартизации применительно к услугам и предопределяет её преимущественно рекомендательный статус.

Применительно к социальному обслуживанию сформирован самостоятельный блок национальных стандартов. Базовым выступает стандарт, закрепляющий терминологию, в котором социальная услуга определяется как действие по оказанию помощи гражданину (ГОСТ Р 52495–2005). Содержательно этот блок дополняют стандарты, устанавливающие основные виды социальных услуг (ГОСТ Р 52143–2021) и требования к системе качества учреждений социального обслуживания (ГОСТ Р 52497–2005), общие положения о качестве социальных

услуг (ГОСТ Р 52142–2013), а также правила контроля качества (ГОСТ Р 53063–2008). В совокупности они образуют достаточно целостную систему нормирования, однако с точки зрения задач цифровой трансформации обнаруживают ряд существенных пределов.

Во-первых, эти стандарты разрабатывались до начала активной цифровизации и ориентированы на очное обслуживание в стационарных и полустационарных условиях. Объектом нормирования в них выступает прежде всего деятельность учреждения – его размещение, оснащение, укомплектованность специалистами и документация, тогда как цифровая форма предоставления услуги, дистанционное взаимодействие и проактивность остаются за пределами их предмета. Во-вторых, добровольный характер национальных стандартов ослабляет их регулятивный потенциал: они задают эталон, но не создают обязанности ему следовать, если иное прямо не предусмотрено отраслевым законодательством.

В-третьих, и это представляется наиболее значимым, в правовом регулировании социально значимых услуг сосуществуют два различных по природе значения термина «стандарт». Наряду с техническим стандартом (национальным стандартом, ГОСТ Р) законодательство о социальном обслуживании оперирует понятием стандарта социальной услуги как обязательного элемента порядка её предоставления (Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»). Это административно-правовой по своей сути стандарт, входящий в состав нормативно установленного порядка оказания услуги, а не результат деятельности по стандартизации в смысле профильного закона. Аналогичную функцию в сфере государственных и муниципальных услуг выполняют административные регламенты (Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ), также являющиеся инструментом административного, а не технического нормирования.

Таким образом, стандартизация социально значимых услуг оказывается разделённой между несколькими режимами: техническим, административно-сервисным и формирующимся цифровым. Эти режимы развиваются параллельно и слабо согласованы между собой, что и составляет первый структурный дефект действующего регулирования.

Подтверждение соответствия (сертификация) социально значимых услуг

Сертификация рассматривается как форма подтверждения соответствия объекта установленным требованиям. Законодательство о техническом регулировании различает добровольное и обязательное подтверждение соответствия, причём обязательная сертификация и декларирование применяются исключительно к продукции, для которой технические регламенты устанавливают обязательные требования. В отношении услуг возможно лишь добровольное подтверждение соответствия, осуществляемое по инициативе исполнителя в системах добровольной сертификации на договорной основе с аккредитованным органом. Применительно к социально значимым услугам этот инструмент используется крайне ограниченно и самостоятельной роли в обеспечении их качества практически не играет.

Сложившийся пробел восполняется иными механизмами, которые по своему функциональному назначению выступают субститутами сертификации. К ним относятся лицензирование отдельных видов деятельности, прежде всего медицинской (Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ), включение поставщиков в реестры поставщиков социальных услуг, независимая оценка качества условий оказания услуг, а также государственный и ведомственный контроль. Каждый из этих механизмов по-своему удостоверяет способность исполнителя оказывать услуги надлежащего качества, однако в совокупности они не образуют единой системы подтверждения соответствия: у них различные основания, процедуры и правовые последствия, а главное – отсутствует единый стандарт, относительно которого устанавливалось бы соответствие. При этом эмпирические исследования фиксируют, что удовлетворённость граждан качеством услуг остаётся неустойчивой [5], что свидетельствует о недостаточности действующих механизмов.

Цифровизация добавляет к этой картине новый слой. Предоставление услуг в электронной форме сопровождается требованиями к информационным системам, в том числе требованиями к защите персональных данных (Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ) и обеспечению безопасности критической информационной инфраструктуры (Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ). Подтверждение соответствия этим требованиям (аттестация информационных систем, оценка соответствия средств защиты информации) фактически становится обязательным условием цифрового оказания услуги. Однако предметом такого подтверждения выступает информационно-технологическая инфраструктура, а не качество самой услуги как результата, получаемого гражданином. Возникает характерный зазор: технология, опосредующая услугу, подвергается строгой обязательной оценке соответствия, тогда как содержательное качество услуги по-прежнему обеспечивается лишь добровольными стандартами и разрозненными контрольно-надзорными механизмами.

Этот зазор отражает более общую проблему: подтверждение соответствия в сфере социально значимых услуг развивается асимметрично – там, где речь идёт о технических и информационных аспектах, складываются жёсткие обязательные процедуры, а там, где речь идёт о содержании услуги и её социальном эффекте, преобладают мягкие, преимущественно добровольные формы. Как отмечается в литературе, именно несогласованность инструментов оценки качества и ответственности негосударственных исполнителей становится одним из ключевых рисков цифровой трансформации социальной сферы [6].

Цифровизация как фактор трансформации стандартизации и сертификации

Цифровая трансформация социальной сферы получила стратегическое оформление на уровне правительственных актов, определивших её приоритетные направления и целевое состояние (распоряжение Правительства РФ от 6 ноября 2021 г. № 3144-р). В русле этой политики формируются требования к целевому состоянию приоритетных массовых социально значимых государственных и муниципальных услуг, развиваются суперсервисы, а также внедряется проактивный формат предоставления услуг, при котором инициатива исходит от уполномоченного органа на основании имеющихся в его распоряжении сведений (статья 7.3 Федерального закона № 210-ФЗ). Право в целом испытывает давление цифровой реальности, преобразующей устоявшиеся институты [7], и это давление непосредственно затрагивает социальные права граждан [8].

С точки зрения теории стандартизации цифровизация порождает новые объекты нормирования: форматы данных и протоколы межведомственного информационного взаимодействия, требования к пользовательским интерфейсам и их доступности, показатели сроков и результативности в электронной форме, а также параметры проактивного предоставления. Эта технологическая стандартизация развивается преимущественно ведомственными средствами – методическими документами, требованиями уполномоченных органов, едиными форматами – и отличается высокой динамикой обновления. В литературе уже формируются критерии оценки качества и алгоритмизации проактивных услуг [9; 10], что подтверждает становление нового предмета нормирования.

Одновременно цифровизация смещает сам локус качества услуги. Если ранее качество определялось главным образом действиями конкретного работника учреждения, то в цифровой модели оно во всё большей степени зависит от качества цифрового сервиса, полноты и достоверности данных, бесперебойности информационных систем. Это означает, что стандарты, ориентированные на учреждение и его материально-техническое оснащение, перестают охватывать существенную часть факторов, реально влияющих на качество. Нормативная конструкция, разработанная для очной модели, оказывается недостаточной для модели цифровой.

В результате обнаруживается ключевое противоречие. Технологическая стандартизация – нормирование того, как передаются и обрабатываются данные, – развивается быстро и преимущественно в подзаконном, ведомственном формате. Содержательная же стандартизация качества – нормирование того, что в итоге получает гражданин, – отстаёт, опирается на национальные стандарты, не учитывающие цифровую форму, и сохраняет добровольный характер. Между «как передаются данные» и «что получает гражданин» образуется регулятивный разрыв, который не может быть устранён ни средствами одной лишь технической стандартизации, ни инструментами действующего подтверждения соответствия.

Частичным ответом на этот вызов выступает развитие идеологии клиентоцентричности, задающей новый качественный ориентир – оценку услуги с позиции жизненной ситуации и удобства её получателя [6]. Однако клиентоцентричность пока существует преимущественно в форме методических стандартов и принципов, не получивших нормативного закрепления в виде измеримых требований, а потому её потенциал как качественного стандарта реализуется не в полной мере.

Направления совершенствования законодательства

Изложенное позволяет наметить несколько взаимосвязанных направлений совершенствования правового регулирования, объединённых общей идеей перехода от разрозненного к комплексному нормированию качества социально значимых услуг.

Первое направление связано с законодательной консолидацией. Закрепление в законодательстве понятия социально значимых услуг и распространение на них единых требований к качеству позволили бы связать административно-правовой стандарт услуги и технические национальные стандарты в согласованную двухуровневую систему: рамочные требования к качеству, устанавливаемые на уровне закона, и детализирующие их стандарты, в том числе стандарты цифровых сервисов. Такая связка устранила бы терминологическую двойственность понятия «стандарт» и обеспечила бы единое основание для последующего подтверждения соответствия.

Второе направление предполагает обновление национальных стандартов социального обслуживания с включением в них требований к цифровым формам предоставления услуг – дистанционному и электронному обслуживанию, проактивности, доступности интерфейсов, защите данных получателей. При этом часть таких требований целесообразно переводить из добровольных в обязательные через механизм отсылочных норм отраслевого законодательства, который уже известен российскому праву и позволяет придавать стандартам обязательную силу применительно к строго определённым объектам.

Третье направление состоит в развитии системы подтверждения соответствия: выстраивании единой архитектуры оценки соответствия социально значимых услуг, объединяющей лицензирование, реестры поставщиков, независимую оценку качества и аттестацию информационных систем вокруг единого стандарта качества. В рамках такой архитектуры добровольная сертификация цифровых сервисов могла бы получить значение самостоятельного инструмента доверия, дополняющего обязательные формы контроля. Незавершённость правовой модели рынка социальных услуг, отмечаемая в доктрине [11], делает такую систематизацию особенно актуальной.

Четвёртое направление предполагает придание клиентоцентричности нормативного измерения – перевод методических стандартов в плоскость измеримых критериев и включение этих критериев в показатели качества услуг. Наконец, пятое направление носит координационный характер и заключается в согласованном развитии технологической и содержательной стандартизации, с тем чтобы требования к данным и интероперабельности и требования к результату, получаемому гражданином, формировались как элементы единого регулирования, а не как параллельные, не сообщающиеся между собой массивы норм.

Заключение

Стандартизация и сертификация сохраняют значение ключевых правовых средств обеспечения качества социально значимых услуг, однако их традиционная конструкция, сложившаяся в рамках технико-регулятивной и институциональной парадигм, в условиях цифровизации оказывается недостаточной. Цифровизация не отменяет эти средства, но переопределяет их объекты, субъекты и методы, обнажая разрыв между нормированием технологий и нормированием результата, получаемого гражданином.

Преодоление выявленных дефектов – разделённости режимов стандартизации, асимметрии подтверждения соответствия и отставания содержательного нормирования качества от технологического – требует не точечных поправок, а формирования комплексного межотраслевого регулирования социально значимых услуг. Такой вывод закономерно встраивается в более широкое понимание социально значимых услуг как формирующегося комплексного правового института, комплексное регулирование которого ещё только предстоит выстроить на уровне системы законодательства. Полученные результаты могут быть использованы в нормотворческой деятельности и дальнейших научных исследованиях.

Литература

1. Терещенко Л.К. Услуги: государственные, публичные, социальные // Журнал российского права. 2004. № 10. С. 15–24.
2. Путило Н. В. К вопросу о природе социальных услуг // Журнал российского права. 2006. № 4. С. 16–24.
3. Тихомиров Ю.А. Публичные услуги: спрос общества и реализующие его институты // Модернизация экономики и выращивание институтов. М.: ГУ-ВШЭ, 2005. С. 117–126.
4. Васильева А.Ф. Сервисное государство: административно-правовое исследование оказания публичных услуг в Германии и России. М.: РАП, 2012. 332 с.
5. Южаков В. Н., Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Удовлетворённость граждан качеством государственных услуг. М.: РАНХиГС, 2014. 92 с.
6. Душакова Л. А., Гречкина О.В., Шмалий О.В. Социально значимые услуги в условиях формирования концепта клиентоцентричности публичного управления: совершенствование законодательства и правоприменения. М.: Проспект, 2025. 168 с.
7. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5–16.
8. Талапина Э.В. Социальные права в условиях цифровизации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 2. С. 76–83.
9. Талапина Э. В., Двинских Д.Ю. Критерии оценки качества и перспективы внедрения проактивных государственных услуг // Вопросы государственного и муниципального управления. 2024. № 2. С. 64–84.
10. Талапина Э. В., Козяр Д.Ю. Проактивные государственные услуги: на пути к алгоритмизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. Т. 13. № 4. С. 906–926.
11. Барков А.В. Рынок социальных услуг: проблемы правового регулирования: монография. М.: Юрист, 2011. 247 с.

STANDARDIZATION, CERTIFICATION AND DIGITALIZATION OF SOCIALLY SIGNIFICANT SERVICES

Gromakov S.M.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines the relationship between three legal phenomena – standardization, certification (conformity assessment) and digitalization – as applied to socially significant services, the quality of which is one of the constitutional values of a social state. The author shows that, despite the widespread use of the notion of socially significant services in legislation and practice, it has no unified statutory definition, while the relations of their provision are governed by fragmented norms of different branches of law. Based on an analysis of the legislation on technical regulation and standardization, the national standards of social services, the sectoral legislation on social services and on the provision of state and municipal services, as well as the acts on the digital transformation of the social sphere, the author argues that the standardization and certification of socially significant services have developed within two distinct and weakly coordinated paradigms – a technical-regulatory and an institutional one. Particular attention is paid to the correlation between the technical and the administrative-legal meanings of the term "standard", the limits of the applicability of voluntary certification to services, and the transformation of the objects of regulation in the digital environment. It is shown that digitalization does not abolish but redefines the objects, subjects and methods of standardization and certification. Directions for improving legislation are formulated that imply a transition from fragmented to comprehensive cross-sectoral regulation of the quality of socially significant services.

Keywords: socially significant services; standardization; certification; conformity assessment; digitalization; quality of services; technical regulation; national standards; client-centricity.

References

1. Tereshchenko L.K. (2004) Uslugi: gosudarstvennye, publichnye, sotsial'nye [Services: state, public, social] // Zhurnal rossiiskogo prava [Journal of Russian Law]. No. 10. P. 15–24. (In Russ.)
2. Putilo N.V. (2006) K voprosu o prirode sotsial'nykh uslug [On the nature of social services] // Zhurnal rossiiskogo prava [Journal of Russian Law]. No. 4. P. 16–24. (In Russ.)
3. Tikhomirov Iu.A. (2005) Publichnye uslugi: spros obshchestva i realizuiushchie ego instituty [Public services: society's demand and the institutions implementing it] // Modernizatsiia ekonomiki i vyrashchivanie institutov [Modernization of the economy and cultivation of institutions]. Moscow: HSE. P. 117–126. (In Russ.)
4. Vasil'eva A.F. (2012) Servisnoe gosudarstvo: administrativno-pravovoe issledovanie okazaniia publichnykh uslug v Germanii i Rossii [The service state: an administrative-legal study of public service provision in Germany and Russia]. Moscow: RAP. 332 p. (In Russ.)
5. Iuzhakov V.N., Pokida A.N., Zybunovskaia N.V. (2014) Udovletvorennost' grazhdan kachestvom gosudarstvennykh uslug [Citizens' satisfaction with the quality of state services]. Moscow: RANEPA. 92 p. (In Russ.)
6. Dushakova L.A., Grechkina O.V., Shmalii O.V. (2025) Sotsial'no znachimye uslugi v usloviiakh formirovaniia kontsepta klientotsentrichnosti publichnogo upravleniia: sovershenstvovanie zakonodatel'stva i pravoprimeneniia [Socially significant services in the context of the formation of the concept of client-centricity of public administration]. Moscow: Prospekt. 168 p. (In Russ.)
7. Khabrieva T.Ia. (2018) Pravo pered vyzovami tsifrovoi real'nosti [Law facing the challenges of digital reality] // Zhurnal rossiiskogo prava [Journal of Russian Law]. No. 9. P. 5–16. (In Russ.)
8. Talapina E.V. (2021) Sotsial'nye prava v usloviiakh tsifrovizatsii [Social rights in the conditions of digitalization] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriia: Iurisprudentsiia [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence]. No. 2. P. 76–83. (In Russ.)
9. Talapina E.V., Dvinskikh D.Iu. (2024) Kriterii otsenki kachestva i perspektivy vnedreniia proaktivnykh gosudarstvennykh uslug [Criteria for quality assessment and prospects for introducing proactive state services] // Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniia [Public Administration Issues]. No. 2. P. 64–84. (In Russ.)
10. Talapina E.V., Koziar D.Iu. (2022) Proaktivnye gosudarstvennye uslugi: na puti k algoritmizatsii [Proactive state services: towards algorithmization] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo [Vestnik of Saint Petersburg University. Law]. Vol. 13. No. 4. P. 906–926. (In Russ.)
11. Barkov A.V. (2011) Rynok sotsial'nykh uslug: problemy pravovogo regulirovaniia: monografiia [The market of social services: problems of legal regulation: monograph]. Moscow: Iurist. 247 p. (In Russ.)

Конституционное право на судебную защиту в условиях развития ценностного суверенитета государства

Дегтярев Даниил Дмитриевич,
аспирант, Образовательное частное учреждение высшего образования, «Московский Инновационный Университет»
E-mail: Lawyer1109@mail.ru

В статье исследуется эволюция универсального права на судебную защиту в контексте его взаимодействия с концепцией ценностного суверенитета государства. Автор анализирует процесс формирования качественно новой доктрины судебной защиты, обусловленной необходимостью сохранения национальной идентичности, защиты традиций и приоритета национальных интересов. Особое внимание уделяется роли Конституционного Суда Российской Федерации как ключевого стабилизирующего механизма. В работе обосновывается, что именно конституционный контроль обеспечивает баланс между универсальными правовыми стандартами и суверенной иерархией конституционных ценностей, закрепленных в Основном законе.

Ключевые слова: конституционное право на судебную защиту, ценностный суверенитет, конституционный контроль, национальная идентичность, конституционные ценности, судебная доктрина, стабилизирующая функция.

Современный этап развития российской государственности характеризуется коренной трансформацией институтов защиты прав человека, обусловленной переходом от международно-правовой парадигмы к доктрине укрепления национального суверенитета. В свете данных условий универсальное конституционное право на судебную защиту в своей эволюции вступает во взаимодействие с понятием ценностного суверенитета государства. Прошедшая в 2020 году конституционная реформа обозначала общий вектор на суверенизацию российской судебной системы, наделив Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ) полномочиями по оценке решений международных органов на предмет их соответствия Конституции РФ. Выход России из-под юрисдикции Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) вследствие денонсации Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года фактически замкнул механизм реализации права на судебную защиту внутри национальной судебной системы, сузив спектр правовых гарантий личности и лишив граждан дополнительной наднациональной инстанции.

В этих условиях конституционное право на судебную защиту, традиционно рассматриваемое через призму универсальных международных стандартов, приобретает качественно новое измерение, определяемое целями национальной правовой системы. Данный процесс предопределяет формирование качественно новой концепции конституционного права на судебную защиту в условиях национальной идентичности, основным механизмом сохранения которой должен выступить орган конституционного контроля.

Понятие ценностного суверенитета государства

С точки зрения конституционализма, ценностный суверенитет является высшим качественным свойством традиционного государственного суверенитета. В условиях развития ценностного суверенитета государство получает право самостоятельно определять систему и выстраивать иерархию конституционных ценностей, закрепленных в Основном законе, опираясь на национальные интересы и традиции. Если классический суверенитет защищает видимые границы государства: территорию, институты власти, законодательство, то ценностный суверенитет оберегает внутреннюю сущность государства – аксиологическое ядро государственной доктрины, на которой базируется Конституция.

В отечественной конституционной науке доктринальные основы ценностного суверенитета и конституционной идентичности заложены в трудах Н.С. Бондаря, В.Д. Зорькина, И.А. Кравеца, Т.Я. Хабриевой и др. Исследователи единодушно подчеркивают, что ценностный суверенитет тесно соприкасается с понятием национальной идентичности, основывающейся на культурной самобытности, правовых традициях и исторических особенностях. Так, правовед И.А. Кравец связывает концепцию суверенитета с идеей национальной идентичности, позволяющей отстаивать стране свою конституционную самобытность, в том числе во взаимодействии с международными органами [1]. В основе ценностного суверенитета лежит тезис о том, что реализация данного подхода знаменует собой обращение к фундаментальным историческим и культурным истокам нации. Анализ существующих подходов к пониманию ценностного суверенитета в современной доктрине конституционного права позволяет резюмировать, что ценностный суверенитет представляет собой нормативно закрепленную независимость государства и его многонационального народа в формировании, сохранении и защите своей культурно-исторической, духовно-нравственной и правовой идентичности, а также исключительное право на самостоятельное толкование конституционных ценностей без внешнего давления и цензуры.

Концептуализация ценностного суверенитета актуализирует дилемму о суверенизации национальной судебной власти как части единой публичной системы. При этом данный процесс рассматривается не в контексте отстранения от общемировых тенденций государственно-правового развития, а как обращение к воссозданию аутентичной правовой культуры и исторических традиций. Представляется, что апелляция к ценностному суверенитету выступает эффективным правовым механизмом, позволяющим судам противодействовать внешней правовой экспансии, нацеленной на уничтожение российских конституционных ценностей. Фокусирование судебного контроля на российских

конституционных ценностях и на культурно-исторических основах отечественного развития способно обеспечить ясность правоприменения, повышая общественное признание и авторитет принимаемых судебных актов. Таким образом, в доктрине конституционного права ценностный суверенитет представляет собой нормативное признание права государства на самобытный вектор государственно-правового развития, а также требование обладания национального правопорядка иммунитетом против дестабилизирующего воздействия внешних идеологических и правовых догм.

Дискуссия о содержании права на судебную защиту в условиях развития ценностного суверенитета

Формой институциональной реализации ценностного суверенитета выступает новый механизм конституционного контроля, закрепленный в статье 125 Конституции РФ. Статья 79 Конституции РФ легализует прямой запрет на исполнение решений международных органов, если они нарушают положения Конституции РФ, а п. «б» ч. 5.1 статьи 125 Конституции РФ наделяет КС РФ исключительными полномочиями по оцениванию решений международных органов. Делегирование КС РФ монопольного права разрешать вопрос о возможности имплементации решений международных органов на территории России способно коренным образом трансформировать правовую природу и содержательное наполнение универсального права на судебную защиту. Опираясь на новые полномочия, КС РФ преобразуется в орган превентивного контроля, выступая предварительным механизмом, позволяющим оценивать решения международных органов с позиции конституционных ценностей, закрепленных в Основном Законе России. Данные институциональные изменения породили острую доктринальную дискуссию, в фокусе которой находится вопрос о возможном сужении содержания конституционного права на судебную защиту в условиях ликвидации европейской наднациональной судебной инстанции и концентрацией защитных функций исключительно в рамках национальной системы конституционного правосудия.

Традиционно конституционное право на судебную защиту наделяется признаками абсолютности и универсальности. Это обусловлено его особой правовой природой, позволяющей выполнять роль гаранта реализации любого права человека, поскольку при отсутствии права на судебную защиту все остальные права человека могут стать декларативными и не действующими. Профессор Б.С. Эбзеев отмечает: «Подобные свойства предопределяют имманентные пределы права, которые исключают саму возможность государственного умаления или законодательного сужения его защитного ядра, превращая его в абсолютный барьер против произвола публичной власти» [2]. Как неоднократно отмечал КС РФ конституционное право на судебную защиту представляет собой «право на правосудие» [3]. Согласно ч. 3 ст. 56 Конституции РФ право на судебную защиту включено в перечень прав, не подлежащих ограничению. Данное императивное положение исключает данное право из-под действия общего механизма соразмерного ограничения прав человека в целях защиты публичных интересов. Это означает, что при ограничении любого относительного права в рамках особых правовых режимов, граждане сохраняют право на обжалование незаконных действий государственной власти, связанных с реализацией ограниченного права, в рамках механизма судебной защиты [4]. Поскольку право на защиту является обязательным элементом любого субъективного права, определяющим его регулятивное содержание, и входит в содержание правового статуса личности.

Основываясь на положениях классической конституционной доктрины, ряд российских правоведов полагает, что ограничение права на судебную защиту рамками российской судебной системы означает изменение самой правовой природы конституционного права на судебную защиту. Так, правоведы Е.А. Лукьянова, А.И. Ковлер и др. усматривают в создании конституционного механизма блокировании решений наднациональных органов нарушение статьи 46 Конституции РФ. В частности, в их трудах подчеркивается, что исключение европейского механизма обжалования судебных решений, выход из-под юрисдикции ЕСПЧ, формально сужает абсолютный характер конституционного права на судебную защиту, в целом ограничивая статус гражданина, ликвидируя институт «суда последней надежды» [5]. Критики концепции правовой автономии настаивают на том, что универсализация прав человека не может быть полностью замещена национальными механизмами, а признание решений международных инстанций неисполнимыми ослабляет обязательства государства, вытекающие из части 4 статьи 15 Конституции РФ. В рамках данного подхода обосновывается доктрина «живого инструмента», которая позволяет обеспечивать эффективность реализации права на судебную защиту посредством эволюционного толкования, выявляя истинное содержание прав человека в свете сегодняшнего дня, применительно к каждому конкретному случаю [6].

Противоположной точки зрения придерживаются сторонники концепции ценностного суверенитета, утверждающие, что данная новелла не означает сужения объема конституционного права граждан на судебную защиту, а, напротив, позволяет обеспечить его истинную реализацию, основанную на национальной самоидентичности, позволяющей избегать двойных стандартов международного права. КС РФ становится не просто участником транснационального диалога судов, а выступает в роли высшего ценностного арбитра. КС РФ исключает попытки навязывания чуждых правовых стандартов под видом универсальных, обеспечивая тем самым баланс между международными обязательствами государства и стабильностью национального конституционного строя.

Доктринальное обоснование ограничения внешних механизмов обжалования опирается на фундаментальные труды ведущих отечественных конституционалистов. Так, Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин последовательно доказывает необходимость формирования суверенного правового механизма защиты, основного на доктрине *конституционной национальной идентичности*, способного блокировать наднациональные акты, если они вступают в острое противоречие с ценностями Конституции [7]. В свою очередь, Т.Я. Хабриева связывает модернизацию институтов контроля с *концептом суверенной достаточности*, подчеркивая, что национализация правосудия выступает способом защиты «ценностного каркаса» российской государственности [8]. Важное значение имеют позиции Н.С. Бондаря, согласно которым фильтрующая роль органа конституционного контроля призвана защитить социокультурную идентичность права от политизированного внешнего вмешательства, возвращая праву на судебную защиту его подлинную, очищенную от конъюнктурного влияния природу [9]. Таким образом, ограничение международных механизмов концептуализируется в науке конституционного права как объективный шаг на пути достижения ценностного суверенитета.

В целом разделяя позицию о необходимости реализации концепции ценностного суверенитета, полагаем, что вопрос о сохранении абсолютного характера права на судебную защиту может быть разрешен в рамках российской судебной системы. Выпадение наднационального элемента не разрушает правовую сущность данного права, поскольку суверенная государственность гарантирует исчерпывающий объем внутренних средств защиты, а новая контрольная функция КС РФ лишь подтверждает, что реализация прав граждан не может осуществляться в ущерб суверенному публичному порядку государства.

Реализация концепции ценностного суверенитета в рамках механизма КС РФ

Нормативной точкой отсчета применения Конституционным Судом РФ концепции ценностного суверенитета можно считать дело ЕСПЧ «Анчугов, Гладков против России» от 4 июня 2013 года. В постановлении по данному делу ЕСПЧ было признано нарушение прав человека на активное избирательное право в отношении лиц, содержащихся в заключении. ЕСПЧ признал, что запрет голосовать для лиц, осужденных к лишению свободы, является грубым нарушением Европейской Конвенции основных прав и свобод человека [10].

В противовес правовой позиции ЕСПЧ, КС РФ сослался на прямое действие положений ч. 3 ст. 32 Конституции РФ, запрещающих осуществление активного и пассивного избирательного права лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы по приговору суда. В мотивировочной части постановления КС РФ привел аргумент о том, что международные договоры в системе иерархии нормативно-правовых актов стоят выше федеральных законов России, но ниже Конституции РФ, в связи с чем применить данное постановление не представляется возможным. При этом КС РФ прямо указал, что судейский активизм ЕСПЧ прямо вышел за пределы международных договоренностей, по которым международный судебный орган не может отменять законодательные акты государства. Особое значение имеет тот факт, что КС РФ сослался на российскую историческую традицию, согласно которой «преступники всегда лишались избирательного права». Таким образом, в постановлении по данному делу КС РФ прямо продемонстрировал, что ценностный суверенитет, закрепленный в Конституции РФ, обладает приоритетом над международными политизированными решениями.

Следующей вехой в преодолении наднациональной юрисдикции ЕСПЧ стало дело «Акционеров ЮКОСа против России» от 31 июля 2014 года. Вынесенное КС РФ Постановление № 1-П от 19 января 2017 года заложило прочный теоретический фундамент для дальнейшей эволюции ценностного суверенитета России. Если в деле Анчугова и Гладкова Суд защищал неприкосновенность политических институтов и букву Основного Закона, то в постановлении по данному делу вектор сместился на защиту финансово-экономической безопасности и социальных обязательств государства перед гражданами [11].

В постановлении по делу «ЮКОСа» Страсбургский суд обязал Россию в качестве требования справедливой компенсации выплатить бывшим акционерам нефтяной компании беспрецедентную по масштабам сумму – 1,9 миллиарда евро. Реализация этого постановления требовала колоссальных изъятий из федерального бюджета, что неизбежно повлекло бы за собой сокращение финансирования ключевых государственных программ. Конституционный Суд РФ, реализуя свою превентивную функцию, заблокировал имплементацию этого решения, выдвинув три фундаментальных доктринальных аргумента: неправомерность использования статуса «жертв нарушения прав человека» в отношении акционеров ЮКОСа, поскольку они совершили мошенничество, уклоняясь от уплаты налогов в России; необходимость соблюдения баланса интересов, поскольку выплата компенсации нарушила бы права налогоплательщиков в РФ и привела к закрытию социально значимых программ; требование защиты национального суверенитета, поскольку ЕСПЧ не может навязывать решения, противоречащие Основному закону РФ [12].

Правоприменительная практика КС РФ наглядно демонстрирует, что новый механизм конституционного контроля активируется исключительно в ситуациях прямого конфликта, когда решения международных инстанций посягают на основы публичного порядка России. Классическим примером такой защиты правовой идентичности выступает серия рассмотренных выше прецедентных постановлений, в которых КС РФ признал неисполнимыми предписания ЕСПЧ, касающиеся избирательных прав заключенных и порядка исчисления компенсаций в пользу иностранных компаний. Данные правовые позиции определили вектор развития законодательства, закрепившего полный выход России из-под юрисдикции европейского наднационального механизма, чьи подходы допускали искажение сущности конституционного права на судебную защиту, превращая его в инструмент политического давления.

Другим аспектом взаимодействия ценностного суверенитета с процессом реализации конституционного права на судебную защиту является формирование концепции технологического суверенитета при создании цифрового правосудия. Орган конституционного правосудия, выполняя стабилизирующую функцию, обеспечивает контроль за процессами цифровизации национальной судебной системы, не позволяя превратить внедрение высоких технологий в инструмент размывания фундаментальных прав личности [13].

Подводя итог исследованию трансформации конституционного права на судебную защиту в условиях укрепления ценностного суверенитета государства, можно сформулировать следующие выводы. Во-первых, новейшее осмысление абсолютной природы универсального конституционного права на судебную защиту через призму ценностного суверенитета государства предопределяет формирование качественно новой концепции данного права в условиях национальной идентичности, основным механизмом сохранения которой выступает орган конституционного контроля, выполняющий стабилизирующую функцию. Новый подход направлен на сохранение правового своеобразия нации, где ключевая стабилизирующая роль нормативно делегированы институту конституционного контроля. Во-вторых, замыкание механизма реализации конституционного права на судебную защиту внутри национальной судебной системы и наделение КС РФ новым контрольным полномочием в отношении решений международных органов стало закономерным ответом на кризис механизма защиты прав человека, реализуемой в рамках европейской региональной системы. Этот шаг институционально оформил переход к процессу суверенизации правосудия, защищающему национальную идентичность. В-третьих, ликвидация наднационального (европейского механизма) обжалования не привела к разрушению или сужению сущности конституционного права на судебную защиту. Данное право сохраняет свой абсолютный характер, но отныне реализуется в основном в границах российской юрисдикции, где компенсаторным механизмом выступают: модернизация полномочий КС РФ, интегрирующих европейское конвенционное наследие и реализация технологического суверенитета в сфере цифровизации правосудия. Таким образом, ценностный суверенитет не ограничивает права граждан, а выступает высшей нормативной гарантией того, что конституционное право на судебную защиту на территории Российской Федерации осуществляется в строгом соответствии с ее фундаментальными конституционными ценностями и публичным порядком.

Литература

1. Кравец И.А. Телеологический конституционализм, конституционная идентичность и публичный правопорядок (научное знание, российский, сравнительный и международный контексты) / И.А. Кравец // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 439. – С. 202–215.

2. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: монография / Б.С. Эбзеев. – М.: Проспект, 2015. – 656 с.

3. Дегтярев Д.Д. Перспективы развития электронного правосудия в России / Д.Д. Дегтярев // Научные тенденции и актуальные вопросы развития юриспруденции: сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Чебоксары: ИД «Среда», 2024. – С. 145–148.

4. Чечулина А.А. К вопросу о генезисе судебной власти // Вестник ВЭГУ. – 2019. – № 1(99). – С. 94–104.

5. Ковлер А.И. Европейская конвенция: проблемы толкования и имплементации: монография / А.И. Ковлер; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2019. – 400 с.

6. Чечулина А.А. Живой инструмент Европейской Конвенции: продолжение дискуссии / А.А. Чечулина // Юридическое образование и наука. – 2019. – № 9. – С. 26–32.

7. Зорькин В.Д. Право метамодерна: постановка проблемы / В.Д. Зорькин // Журнал конституционного правосудия. – 2019. – № 4. – С. 1–8.

8. Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в России в координатах универсального и национального / Т.Я. Хабриева // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2021. – Т. 17, № 1. – С. 6–12.

9. Бондарь Н.С. Аксиология конституционного мировоззрения / Н.С. Бондарь, Э.Э. Баринов // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 12. – С. 3–12.

10. По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации: Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 17. – Ст. 2480.

11. По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации: Постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 5. – Ст. 866.

12. Чечулина А.А. Пределы усмотрения государства и универсальность прав человека в практике Европейского Суда по правам человека / А.А. Чечулина // Социальная справедливость к устойчивой экономике и обществу для всех: сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Москва: Изд. Московского Гуманитарного университета, 2022. — С. 116–121.

13. Дегтярев Д.Д. Проблемы цифровой трансформации судоустройства / Д.Д. Дегтярев // Юридическая гносеология. – 2025. – № 8. – С. 57–63.

THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO JUDICIAL PROTECTION IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF THE STATE'S VALUE-BASED SOVEREIGNTY

Degtyarev D.D.
Moscow Innovative University

The article examines the evolution of the universal right to judicial protection in the context of its interaction with the concept of the state's valuebased sovereignty. The author analyses the process of forming a qualitatively new doctrine of judicial protection, driven by the need to preserve national identity, protect traditions, and uphold the priority of national interests. Special attention is paid to the role of the Constitutional Court of the Russian Federation as a key stabilising mechanism. The paper substantiates that it is constitutional review that ensures a balance between universal legal standards and the sovereign hierarchy of constitutional values enshrined in the Basic Law.

Keywords: constitutional right to judicial protection, value sovereignty, constitutional review, national identity, constitutional values, judicial doctrine, stabilizing function.

References

1. Kravets I.A. Teleological constitutionalism, constitutional identity and public law and order (scientific knowledge, Russian, comparative and international contexts) / I.A. Kravets // Bulletin of Tomsk State University. – 2019. – No. 439. – Pp. 202–215.

2. Ebzeev, B.S. Man, People, State in the Constitutional System of the Russian Federation: a monograph / B.S. Ebzeev. – Moscow: Prospekt, 2015. – 656 p.

3. Degtyarev D.D. Prospects for the Development of EJustice in Russia / D.D. Degtyarev // Scientific Trends and Current Issues in the Development of Jurisprudence: Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference. – Cheboksary: Publishing House “Sreda”, 2024. – Pp. 145–148.

4. Chechulina A.A. On the issue of the genesis of the judiciary/ A.A. Chechulina // Vestnik VEGU. – 2019. – No. 1(99). – Pp. 94–104.

5. Kovler A.I. The European Convention: Problems of Interpretation and Implementation: a monograph / A.I. Kovler; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. – Moscow: IZiSP: Norma: INFRAM, 2019. – 400 p.

6. Chechulina A.A. A Living Instrument of the European Convention: Continuing the Discussion / A.A. Chechulina // Legal Education and Science. – 2019. – No. 9. – Pp. 26–32.

7. Zorkin, V.D. The Law of Metamodernity: Setting the Problem / V.D. Zorkin // Journal of Russian Law. – 2022. – No. 4. – Pp. 5–21.

8. Khabrieva, T. Ya. Constitutional Reform in Russia in the Context of Universal and National Dimensions / T. Ya. Khabrievat // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. – 2021. – Vol. 17, No. 1. – Pp. 6–12. 6.

9. Bondar, N.S. Axiology of the Constitutional Worldview / N.S. Bondar, E.E. Barinov // Constitutional and Municipal Law. – 2021. – No. 12. – Pp. C. 3–12.

10. In the case of resolving the issue of the possibility of execution in accordance with According to the Constitution of the Russian Federation, the rulings of the European Court of Human Rights dated July 4, 2013 in the case Anchugov and Gladkov v. Russia in connection with the request of the Ministry of Justice of the Russian Federation: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 04/19/2016 No. 12-P // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2016. – No. 17. – Art. 2480.

11. In the case concerning the resolution of the issue of the possibility of executing, in accordance with the Constitution of the Russian Federation, the judgment of the European Court of Human Rights dated 31 July 2014 in the case “JSC “Oil Company ‘YUKOS’ v. Russia” in connection with a request from the Ministry of Justice of the Russian Federation: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 19.01.2017 No. 1P // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2017. – No. 5. – Art. 866.

12. Chechulina A.A. The Limits of State Discretion and the Universality of Human Rights in the Practice of the European Court of Human Rights / A.A. Chechulina // Social Justice for a Sustainable Economy and a Society for All: collection of materials from the International Scientific and Practical Conference. – Moscow: Publishing House of Moscow Humanitarian University, 2022. – Pp. 116–121.

13. Degtyarev D.D. Problems of digital transformation of the judicial system / D.D. Degtyarev // Legal epistemology. – 2025. – No. 8. – pp.57–63.

Особенности налогообложения физических лиц в государствах-членах Европейского союза: сравнительно-правовая характеристика

Дмитриев Игорь Олегович,
аспирант, Казанский федеральный университет

Статья посвящена сравнительно-правовому анализу систем налогообложения доходов физических лиц в государствах-членах Европейского союза (ЕС) на примере шести представительных юрисдикций: Федеративной Республики Германия, Французской Республики, Королевства Швеция, Эстонской Республики, Венгрии и Республики Болгария. Рассматриваются модели построения подоходного налога (прогрессивная, плоская, дуальная), критерии определения налогового резидентства, механизмы устранения двойного налогообложения и координационные инструменты права ЕС по состоянию на 2026 год. Показано, что прямое налогообложение физических лиц не отнесено к компетенции Союза и остаётся в исключительном ведении национальных законодателей (ст. 115 Договора о функционировании ЕС), однако подчинено фундаментальным свободам внутреннего рынка и практике Суда ЕС (доктрина Schumacker), сети двусторонних налоговых соглашений на основе Типовой конвенции ОЭСР, Директиве (ЕС) 2017/1852 о механизмах разрешения налоговых споров и системе автоматического обмена информацией (DAC/CRS). Делается вывод о существовании в ЕС «отрицательной» и процедурной гармонизации при сохранении полного суверенитета государств-членов над ставками, базой и льготами подоходного налога.

Ключевые слова: Европейский союз, налогообложение физических лиц, подоходный налог, налоговое резидентство, двойное налогообложение, сравнительное налоговое право, доктрина Schumacker, Типовая конвенция ОЭСР, автоматический обмен информацией.

Введение

Европейский союз, объединяющий двадцать семь государств, представляет собой интеграционное образование, в рамках которого обеспечиваются четыре основные свободы внутреннего рынка -свобода движения товаров, услуг, капитала и лиц (ст. 26 Договора о функционировании Европейского союза, далее -ДФЕС) [1]. Свобода передвижения работников (ст. 45 ДФЕС) и свобода учреждения (ст. 49 ДФЕС) делают вопрос налогообложения доходов физических лиц одним из наиболее практически значимых для миллионов граждан Союза, ежегодно перемещающихся между странами для трудоустройства, ведения бизнеса и проживания. При этом, в отличие от таможенного регулирования и косвенных налогов (прежде всего НДС), которые в значительной степени гармонизированы на наднациональном уровне, прямые налоги, включая налог на доходы физических лиц, не отнесены учредительными договорами к компетенции органов Союза и остаются в исключительном ведении национальных законодательств [1, 6].

Актуальность сравнительно-правового анализа обусловлена несколькими факторами. Во-первых, налоговая нагрузка на доходы физических лиц в ЕС различается более чем в четыре раза: от плоской ставки 10% в Болгарии до совокупной предельной ставки порядка 52–55% в Швеции, Дании и Австрии, что формирует существенно неравные стимулы к трудовой и предпринимательской мобильности [7, 9, 15]. Во-вторых, несмотря на отсутствие единого наднационального акта, устанавливающего ставки подоходного налога, национальные системы государств-членов подчинены праву ЕС через фундаментальные свободы и практику Суда Европейского союза (Суд ЕС), сформировавшего в решении по делу Schumacker (C-279/93) и последующих делах развёрнутую доктрину недопустимости налоговой дискриминации нерезидентов [5, 16]. В-третьих, за последнее десятилетие ЕС создал плотную процедурную инфраструктуру устранения двойного налогообложения и обмена информацией -Директиву (ЕС) 2017/1852 о механизмах разрешения налоговых споров [3], систему административного сотрудничества DAC с автоматическим обменом сведениями (включая новую директиву DAC8 по криптоактивам, вступающую в силу с 1 января 2026 года) [2] -что качественно отличает интеграционную модель ЕС от иных объединений.

Целью настоящей статьи является сравнительно-правовая характеристика национальных систем налогообложения доходов физических лиц в государствах -членах ЕС по состоянию на 2026 год, включая анализ моделей и ставок налога, критериев резидентства и механизмов исключения двойного налогообложения, а также оценка роли наднационального права ЕС в этой сфере.

Методы

Исследование основано на формально-юридическом и сравнительно-правовом методах. Нормативную базу составили Договор о функционировании Европейского союза [1]; Директива Совета 2011/16/ЕС об административном сотрудничестве в области налогообложения с последующими изменениями (DAC2 – Директива 2014/107/ЕС, DAC8 -Директива 2023/2226) [2]; Директива Совета (ЕС) 2017/1852 о механизмах разрешения налоговых споров [3]; Конвенция 90/436/ЕЭС об устранении двойного налогообложения в связи с корректировкой прибыли ассоциированных предприятий (Арбитражная конвенция ЕС) [4]; решение Суда ЕС по делу C-279/93 Schumacker [5]; Типовая конвенция ОЭСР об избежании двойного налогообложения (ст. 4, 23, 25) [16], а также национальное законодательство рассматриваемых государств -Закон Германии о подоходном налоге (§ 32a EStG) [8], Общий налоговый кодекс Франции (ст. 4B CGI) и Закон о финансах на 2026 год [9], шведский Закон о подоходном налоге [10], Закон Эстонии о подоходном налоге [11], венгерский Закон о налоге на доходы физических лиц [12] и болгарский Закон о налогах на доходы физических лиц (ст. 4 ЗДДФЛ) [13]. Дополнительно использовались официальные разъяснения налоговых органов и аналитические материалы [7, 14, 15, 17–24].

В силу того, что в состав ЕС входят двадцать семь государств, сплошное описание всех национальных систем в рамках одной статьи невозможно; для сравнения отобраны шесть представительных юрисдикций, отражающих всё многообразие подходов: две крупные

экономики с многоступенчатой прогрессией и развитыми семейными механизмами (Германия, Франция), скандинавская модель дуального подоходного налога с высокой предельной ставкой (Швеция) и три государства с плоской шкалой, включая юрисдикцию с самой низкой ставкой в Союзе (Эстония, Венгрия, Болгария). Сравнение проводилось по единой системе критериев: (1) модель построения ставки (прогрессивная / плоская / дуальная); (2) величина ставок, порогов и необлагаемого минимума по состоянию на 2026 год; (3) критерий определения налогового резидентства; (4) режим налогообложения нерезидентов; (5) основные вычеты и семейные льготы; (6) применяемый метод устранения двойного налогообложения.

Результаты

Наднациональный уровень: компетенция ЕС и координационные механизмы

Учредительные договоры не содержат прямой правовой основы для гармонизации прямых налогов; регулирование подоходного налога находится в компетенции государств-членов. Любое сближение законодательства в этой сфере возможно лишь на основании ст. 115 ДФЕС в рамках специальной законодательной процедуры, требующей единогласия Совета, что на практике делает содержательную унификацию ставок крайне затруднительной [1, 6]. Вместе с тем национальный налоговый суверенитет ограничен правом ЕС по трём направлениям. Первое -«отрицательная гармонизация» через фундаментальные свободы: осуществляя налоговую компетенцию, государства-члены обязаны соблюдать свободу передвижения работников, свободу учреждения и свободу движения капитала, что многократно подтверждено Судом ЕС. В решении по делу Schumacker (C-279/93, 1995) Суд установил, что государство источника дохода в принципе не обязано предоставлять нерезиденту личные и семейные налоговые льготы, поскольку резиденты и нерезиденты, как правило, находятся в разном положении; однако если нерезидент получает практически весь свой доход в государстве трудоустройства и не имеет достаточного дохода в государстве проживания, чтобы учесть там его личные обстоятельства, государство источника обязано предоставить такие льготы наравне с резидентами [5, 16]. Второе – сеть двусторонних соглашений об избежании двойного налогообложения, заключённых между всеми государствами-членами на основе Типовой конвенции ОЭСР. Третье – процедурная и информационная координация: Арбитражная конвенция 90/436/ЕЭС [4], Директива (ЕС) 2017/1852, распространяющая обязательную процедуру разрешения споров о двойном налогообложении на все виды доходов, охваченные налоговыми соглашениями [3], и система административного сотрудничества (DAC) с автоматическим обменом информацией о доходах, финансовых счетах (DAC2/CRS) и -с 2026 года -криптоактивах (DAC8) [2].

Федеративная Республика Германия

Подоходный налог (Einkommensteuer) построен по непрерывной прогрессивной шкале, закреплённой в § 32a Закона о подоходном налоге, где ставка возрастает не ступенчато, а плавно по формуле в пределах четырёх зон. На 2026 год необлагаемый минимум (Grundfreibetrag) повышен до 12 348 евро на человека (24 696 евро для супругов при совместном декларировании); доход сверх минимума облагается по начальной ставке 14%, плавно растущей до 42% на участке до 69 878 евро; ставка 42% (Spitzensteuersatz) применяется к доходу от 69 879 до 277 825 евро, а к сумме сверх 277 826 евро -повышенная ставка 45% («налог для богатых», Reichensteuer) [8, 17, 18]. Дополнительно взимаются надбавка солидарности (Solidaritätszuschlag, 5,5% от суммы налога, сохранённая с 2021 года лишь для высоких доходов) и церковный налог (8–9% от суммы налога, для членов признанных религиозных общин). Резидентом признаётся лицо, имеющее в Германии зарегистрированное место жительства (Wohnsitz) либо обычно пребывающее в стране более 183 дней (§ 8, 9 Положения о налогах). Резиденты облагаются по всемирному доходу, нерезиденты -только по доходам из германских источников. Характерная черта германской системы -«супружеский сплиттинг» (Ehegattensplitting), при котором доход супругов складывается и делится пополам, что снижает совокупную прогрессию для семей с неравными доходами [17, 18].

Французская Республика

Подоходный налог (impôt sur le revenu) взимается по пятиступенчатой прогрессивной шкале, ежегодно индексируемой законом о финансах. По шкале 2026 года (доходы 2025 года, индексация +0,9%) доход до 11 600 евро на долю облагается по ставке 0%; от 11 601 до 29 579 евро –11%; от 29 580 до 84 577 евро –30%; от 84 578 до 181 917 евро –41%; свыше 181 917 евро –45% [9, 19, 20]. Ключевая особенность -«семейный коэффициент» (quotient familial): облагаемый доход домохозяйства делится на число долей (parts), зависящее от состава семьи, что существенно снижает нагрузку на семьи с детьми. Для наиболее высоких доходов действует исключительная надбавка на высокие доходы (contribution exceptionnelle sur les hauts revenus) по ставкам 3–4% с дохода свыше 250 000 евро для одинокого налогоплательщика. Налог с 2019 года удерживается у источника (prélèvement à la source). Резидентство определяется по ст. 4B Общего налогового кодекса на основе альтернативных критериев: наличие во Франции домашнего очага или основного места пребывания, осуществление во Франции основной профессиональной деятельности либо нахождение во Франции центра экономических интересов [9, 19].

Королевство Швеция

Швеция реализует модель дуального подоходного налога, при которой трудовые доходы облагаются по прогрессивной шкале, а доходы от капитала -по единой пропорциональной ставке 30%. Основную нагрузку на трудовой доход составляет муниципальный налог (kommunalskatt), взимаемый по плоской ставке, которая варьируется по муниципалитетам примерно от 29 до 35% (в среднем около 32%). Сверх этого с части трудового дохода, превышающей пороговое значение около 643 000 шведских крон в год (2026 г.), взимается государственный налог (statlig inkomstskatt) по ставке 20%, вследствие чего совокупная предельная ставка достигает приблизительно 52% [25, 26, 27]. Прогрессивность обеспечивается также базовым вычетом (grundavdrag), зависящим от уровня дохода, и налоговым кредитом на трудовой доход (jobbskatteavdrag), понижающим эффективную ставку для работающих. Резидентство возникает при наличии в Швеции постоянного жилья, длительном пребывании (stadigvarande vistelse, как правило непрерывно около шести месяцев) либо при сохранении существенной связи со страной (väsentlig anknytning) после прежнего проживания. Для привлечения иностранных специалистов действует «экспертный» режим (expertskatt), освобождающий от налога 25% дохода на срок до семи лет [26, 27].

Эстонская Республика

Эстония -характерный пример плоской шкалы: подоходный налог с физических лиц взимается по единой ставке 22% (2026 г.). Ранее запланированное на 2026 год повышение до 24% было отменено парламентом в декабре 2025 года, и ставка сохранена на уровне 22% [21, 22]. С 2026 года упразднён механизм зависимости необлагаемого минимума от размера дохода («налоговый горб», maksuküür): вместо него введён универсальный базовый вычет в размере 700 евро в месяц (8 400 евро в год) для всех работающих резидентов и 776 евро в месяц (9 312 евро в год) для лиц пенсионного возраста [11, 22]. Резидентом признаётся лицо, имеющее в Эстонии место жительства либо пребывающее в стране не менее 183 дней в течение 12 месяцев; резиденты облагаются по всемирному доходу. Для устранения двойного налогообложения Эстония как общее правило применяет метод освобождения, а для дивидендов, процентов и роялти – метод зачёта [21]. Отличительная черта эстонской модели -отложенное корпоративное налогообложение (0% на нераспределённую прибыль), что делает юрисдикцию особенно привлекательной для предпринимателей и цифровых кочевников; при этом статус e-Residency сам по себе налогового резидентства не создаёт [22].

Венгрия

Венгрия применяет плоскую ставку подоходного налога (személyi jövedelemadó, SZJA) в размере 15% ко всем видам личных доходов -одну из самых низких в ЕС, действующую с 2016 года [12, 23]. Помимо налога, работник уплачивает социальные взносы в размере 18,5% от валового дохода, а работодатель –13% социального налога (szocho). Венгерская система выделяется наиболее развитыми в Европе семейными льготами: с января 2026 года семейный вычет удвоен и составляет для одного ребёнка снижение базы, эквивалентное примерно 10% льготы, для двоих – 20%, для троих и более – 40%; действуют освобождения для работников до 25 лет, матерей до 30 лет (без верхнего предела дохода) и пожизненное освобождение для матерей четырёх и более детей [12, 23]. Резидентом является лицо, пребывающее в стране 183 и более дней либо имеющее в Венгрии постоянное жильё; резиденты облагаются по всемирному доходу, нерезиденты -по венгерским источникам.

Республика Болгария

Болгария имеет самую низкую в Европейском союзе ставку подоходного налога -плоские 10%, действующие с 2008 года и применяемые ко всем видам доходов (трудовым, от самозанятости, арендным, инвестиционным) без необлагаемого минимума [13, 24]. Для самозанятых предусмотрен стандартный вычет расходов в размере 25%, что понижает эффективную ставку до 7,5%; дивиденды облагаются по ставке 5%. С 1 января 2026 года Болгария вошла в еврозону, и налоговые обязательства исчисляются в евро [24]. Резидентство регулируется

ст. 4 Закона о налогах на доходы физических лиц (ЗДДФЛ) на основе нескольких альтернативных критериев: наличие постоянного адреса в Болгарии (но только если в стране находится и центр жизненных интересов лица), пребывание более 183 дней в любом 12-месячном периоде, направление за рубеж болгарским государством или предприятием, либо нахождение в Болгарии центра жизненных интересов, определяемого по личным и экономическим связям. При наличии соглашения об избежании двойного налогообложения его положения имеют приоритет над внутренним законодательством [13, 24].

Определение налогового резидентства: сравнительный аспект

Во всех рассмотренных государствах резидентство физического лица является ключевым квалифицирующим признаком: резиденты облагаются по всемирному доходу, нерезиденты -лишь по доходам из внутренних источников. Несмотря на различия формулировок, национальные законодательства опираются на схожий набор критериев: (а) количественный критерий физического присутствия -пребывание не менее 183 дней (в календарном году или в любом скользящем 12-месячном периоде), закреплённый в Германии, Эстонии, Венгрии и Болгарии; (б) наличие постоянного жилья или зарегистрированного места жительства (домашний очаг во Франции, Wohnsitz в Германии, постоянный адрес в Болгарии); (в) центр жизненных (экономических и личных) интересов, прямо используемый во Франции и Болгарии; (г) обычное или длительное пребывание и существенная связь со страной, характерные для шведской модели. Поскольку применение этих критериев в разных государствах способно приводить к признанию одного лица резидентом сразу двух стран, конфликт двойного резидентства разрешается по правилам «разрывающей» нормы (tie-breaker) ст. 4(2) Типовой конвенции ОЭСР, воспроизведённой в двусторонних соглашениях: приоритет отдаётся государству, где лицо имеет постоянное жильё, затем -центру жизненных интересов, далее -обычному месту пребывания, гражданству и, в последнюю очередь, соглашению компетентных органов [16]. Право ЕС при этом не устанавливает единого определения резидентства, но через доктрину Schumacker обязывает государства не допускать дискриминации «пограничных» работников, получающих основной доход за пределами государства проживания [5].

Устранение двойного налогообложения

Двойное налогообложение доходов физического лица возникает при коллизии налоговых притязаний государства источника дохода и государства резидентства либо при двойном резидентстве. В ЕС оно устраняется на нескольких уровнях. На национальном уровне государства применяют односторонние методы, воспроизводящие ст. 23 Типовой конвенции ОЭСР, -метод освобождения (с прогрессией), при котором зарубежный доход исключается из базы, но учитывается для определения ставки (традиционно предпочитаемый, например, Эстонией и рядом иных государств), и метод зачёта (ординарного кредита), при котором уплаченный за рубежом налог засчитывается в счёт национального обязательства в пределах национальной ставки [16, 21]. На двустороннем уровне действует разветвлённая сеть соглашений об избежании двойного налогообложения между всеми государствами-членами, распределяющих права налогообложения по видам доходов и устанавливающих метод устранения. На наднациональном уровне ЕС создал процедурную инфраструктуру разрешения споров: Арбитражная конвенция 90/436/ЕЭС (ограниченная вопросами трансфертного ценообразования) [4] и Директива (ЕС) 2017/1852, вступившая в силу с 1 июля 2019 года и охватывающая все споры о толковании и применении налоговых соглашений, ведущие к двойному налогообложению. Директива обязывает государства в течение двух лет достичь взаимного согласия по жалобе, а при недостижении -сформировать консультативную комиссию, решение которой является обязательным; при этом физическое лицо подаёт жалобу только в государстве своего резидентства [3, 6]. Эффективность этих механизмов подкрепляется автоматическим обменом информацией в рамках DAC/CRS, позволяющим государству резидентства получать сведения о зарубежных доходах и счетах своих налогоплательщиков [2].

Таблица 1. Сравнительная характеристика налогообложения доходов физических лиц в отдельных государствах -членах ЕС (2026 г.)

Государство	Модель ставки	Ставки/пороги (2026 г.)	Критерий резидентства
Германия	прогрессивная (непрерывная, § 32a EStG)	14 → 42% (до 69 879 €); 42%; 45% (свыше 277 826 €); минимум 12 348 €	место жительства или пребывание свыше 183 дней; сплиттинг для супругов

Окончание

Государство	Модель ставки	Ставки/пороги (2026 г.)	Критерий резидентства
Франция	прогрессивная (5 ступеней)	0/11/30/41/45% (пороги 11,6; 29,6; 84,6; 181,9 тыс. €); надбавка 3–4% свыше 250 тыс. €	домашний очаг, основная деятельность или центр экономических интересов (ст. 4B CGI)
Швеция	дуальная (муниципальная + государственная)	~32% (муниципальный) + 20% свыше ~643 тыс. SEK; капитал –30%; предельная ~52%	постоянное жильё, длительное пребывание или существенная связь
Эстония	плоская	22% (минимум 8 400 € в год)	место жительства или 183 дня за 12 месяцев
Венгрия	плоская	15% (широкие семейные льготы)	183 дня или постоянное жильё
Болгария	плоская	10% (без минимума; самозанятые -эффективно 7,5%; дивиденды 5%)	постоянный адрес, 183 дня или центр жизненных интересов (ст. 4 ЗДДФЛ)

Источник: составлено автором на основе [5, 8–13, 16–27].

Обсуждение

Проведённый анализ показывает, что налогообложение доходов физических лиц в ЕС характеризуется сочетанием высокого национального суверенитета над материальными элементами налога и одновременно развитой наднациональной координации в процедурной и правозащитной плоскости. В отличие от косвенных налогов, гармонизированных директивами Союза, ставки, база, необлагаемый минимум и льготы подоходного налога устанавливаются исключительно национальными законодателями, что отражает как принцип субсидиарности, так и требование единогласия по ст. 115 ДФЕС, делающее любую попытку унификации политически трудноосуществимой [1, 6]. Именно поэтому в рамках единого рынка сосуществуют принципиально разные фискальные модели: скандинавская высоконалоговая модель Швеции с дуальным подоходным налогом и предельной ставкой около 52%; континентальная прогрессивная модель Германии и Франции с развитыми семейными механизмами (сплиттинг, семейный коэффициент); и восточноевропейская модель плоской шкалы (Эстония, Венгрия, Болгария), рассматриваемая соответствующими государствами как инструмент налоговой конкуренции за капитал, специалистов и цифровых предпринимателей [7, 15, 24].

Ключевое отличие интеграционной модели ЕС от объединений, где отсутствует наднациональный судебный контроль, состоит в феномене «отрицательной гармонизации». Не обладая компетенцией устанавливать ставки, Союз через практику Суда ЕС последовательно устраняет дискриминационные и ограничивающие свободы передвижения элементы национальных налоговых систем. Доктрина Schumacker и развивающие её решения (De Groot, Gerritse и другие) сформировали правило распределения обязанности учитывать личные и семейные обстоятельства налогоплательщика между государством резидентства и государством источника в зависимости от того, где сосредоточен основной доход лица [5, 16]. Тем самым право ЕС, не затрагивая структуру ставок, существенно ограничивает свободу государств-членов в определении налоговых последствий трансграничной занятости -функционально решая ту же задачу недопущения налоговой дискриминации мигрантов, что и специальные нормы иных интеграционных объединений, но не через единую материальную норму, а через судебно вырабатываемые стандарты.

Наиболее развитым элементом союзной координации выступает инфраструктура устранения двойного налогообложения и обмена информацией. Сеть двусторонних соглашений между всеми двадцатью семью государствами-членами, построенных на Типовой конвенции ОЭСР, обеспечивает распределение налоговых прав и разрешение конфликтов двойного резидентства по единообразным «разрывающим» правилам; Директива (ЕС) 2017/1852 придала процедуре разрешения споров обязательный характер и чёткие сроки, что качественно повышает правовую определённость для физических лиц по сравнению с факультативной взаимосогласительной процедурой ст. 25 Типовой конвенции ОЭСР [3, 16]. Система DAC, включая внедрение единого стандарта отчётности CRS (DAC2) и распространение обмена на криптоактивы (DAC8) с 2026 года, лишает налоговую конкуренцию элемента непрозрачности: государство резидентства получает сведения о зарубежных доходах, что ограничивает возможности искусственного переноса налоговой базы даже при значительном разрыве ставок [2].

Вместе с тем координация остаётся неполной. Различия в определении резидентства, в методах устранения двойного налогообложения (освобождение против зачёта), в подходах к обложению доходов от капитала (дуальная модель Швеции против включения капитала в общую плоскую базу в Болгарии и Эстонии) и в уровне сопутствующих социальных платежей делают прямое сравнение эффективной нагрузки по одной лишь ставке подоходного налога методологически неполным и требуют учёта совокупной фискальной нагрузки. Кроме того, значительный разрыв предельных ставок (от 10% в Болгарии до более 50% в Швеции) сохраняет стимулы к налогово мотивированной мобильности, которые лишь частично сдерживаются правилами резидентства, положениями об «выходном налоге» (exit tax) и обменом информацией. Перспективы дальнейшей гармонизации, по всей видимости, будут связаны не с унификацией ставок, а с углублением процедурной координации, развитием правил против размывания базы и совершенствованием механизмов разрешения споров и обмена данными.

Заключение

Сравнительно-правовой анализ систем налогообложения доходов физических лиц в государствах -членах ЕС по состоянию на 2026 год позволяет сделать вывод о двойственной природе интеграционной модели Союза в данной сфере. С одной стороны, прямое налогообложение физических лиц не отнесено к компетенции ЕС и остаётся в исключительном ведении национальных законодателей, вследствие чего в рамках единого рынка сосуществуют разнонаправленные фискальные модели -от плоской ставки 10% в Болгарии до совокупной предельной ставки порядка 52% в Швеции, а определение ставок, базы, необлагаемого минимума и льгот является суверенной прерогативой каждого государства. С другой стороны, национальные системы подчинены праву ЕС через фундаментальные свободы внутреннего рынка и «отрицательную гармонизацию», осуществляемую Судом ЕС (доктрина Schumacker), а также через развитую процедурную и информационную инфраструктуру -сеть двусторонних соглашений на основе Типовой конвенции ОЭСР, Директиву (ЕС) 2017/1852 о разрешении споров и систему автоматического обмена информацией DAC/CRS. Таким образом, в отличие от интеграционных объединений, использующих отдельную материальную норму для устранения дискриминации трудящихся-мигрантов, ЕС достигает сопоставимого результата через сочетание судебного контроля, договорной сети и процедурной координации при сохранении полного суверенитета государств-членов над содержательными элементами подоходного налога. Дальнейшее развитие интеграции в этой сфере, вероятнее всего, будет ограничено углублением процедурной гармонизации и обмена информацией, тогда как унификация ставок подоходного налога в обозримой перспективе маловероятна.

Литература

1. Договор о функционировании Европейского союза (консолидированная редакция), ст. 26, 45, 49, 63, 115 // Официальный журнал Европейского союза. URL: https://eur-lex.europa.eu

2. Директива Совета 2011/16/ЕС от 15.02.2011 об административном сотрудничестве в области налогообложения (с изм., включая Директиву 2014/107/ЕС -DAC2 и Директиву 2023/2226 -DAC8, вступающую в силу с 01.01.2026) // Taxation and Customs Union, European Commission. URL: https://taxation-customs.ec.europa.eu

3. Директива Совета (ЕС) 2017/1852 от 10.10.2017 о механизмах разрешения налоговых споров в Европейском союзе // Официальный журнал ЕС. L 265. URL: https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/tax-dispute-resolution-mechanisms.html

4. Конвенция 90/436/ЕЭС об устранении двойного налогообложения в связи с корректировкой прибыли ассоциированных предприятий (Арбитражная конвенция ЕС) // Официальный журнал. L 225. URL: https://eur-lex.europa.eu

5. Решение Суда ЕС от 14.02.1995 по делу C-279/93 Finanzamt Köln-Altstadt v Roland Schumacker // InfoCuria. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:61993CJ0279

6. Direct taxation: Personal and company taxation // Fact Sheets on the European Union, European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/factsheets/en/sheet/80/direct-taxation-personal-and-company-taxation

7. How EU tax policy works // Council of the EU (Consilium). URL: https://www.consilium.europa.eu/en/policies/eu-tax-policy/

8. Einkommensteuergesetz, § 32a (Einkommensteuertarif); Grundfreibetrag 2026 // German taxes 2026: changes you need to know. URL: https://wundertax.de/en/tax-tips/tax-changes-2026/

9. Code général des impôts, art. 4B; Loi de finances pour 2026, barème de l'impôt sur le revenu // Service Public. URL: https://www.service-public.gouv.fr/particuliers/vosdroits/F1419

10. Inkomstskattelag; Tax rates 2026 // Nordisk eTax / Skatteverket. URL: https://nordisketax.net/pages/en-GB/taxation/?country=sweden&topic=tax-rates

11. Tulumaksuseadus; Tax rates // Estonian Tax and Customs Board (EMTA). URL: https://www.emta.ee/en/private-client/taxes-and-payment/declaration-income/tax-rates

12. Закон Венгрии о налоге на доходы физических лиц (SZJA); Hungary Personal Income Tax 2026 // NAV. URL: https://www.countrytaxcalc.com/tax-guides/hungary-income-tax-guide-2026/

13. Закон Болгарии о налогах на доходы физических лиц (ЗДДФЛ), чл. 4; Personal Income Taxes // Министерство финансов Республики Болгария. URL: https://www.minfin.bg/en/827

14. Bulgaria -Individual -Residence // PwC Worldwide Tax Summaries. URL: https://taxsummaries.pwc.com/bulgaria/individual/residence

15. Recent EU Direct Tax Initiatives: The End of Tax Sovereignty? // IBFD, 2025. URL: https://www.ibfd.org

16. OECD Model Tax Convention on Income and on Capital (ст. 4, 23, 25) // OECD. URL: https://www.oecd.org/tax/treaties/

17. Germany Income Tax 2026: Rates, Brackets, Tax Classes // TaxRavens. URL: https://taxravens.com/en/blog/germany-personal-taxation

18. German Income Tax Rates Brackets Explained in Detail (§ 32a EStG, 2026) // taxrep.us. URL: https://taxrep.us/tax_guide/german-income-tax-guide/german-income-tax-rates-brackets/

19. Barème impôt 2026: tranches et taux officiels // Service Public / Wizbii. URL: https://www.service-public.gouv.fr/particuliers/actualites/A18045

20. Taux marginal d'imposition 2026 (TMI) // Meilleurtaux Placement. URL: https://placement.meilleurtaux.com/retraite/per/fiscalite-per/tmi.html

21. Significant tax changes in Estonia in 2025–2026 // EY Estonia. URL: https://www.ey.com/en_ee/insights/tax/significant-tax-changes-in-estonia-in-2025–2026

22. Abolishing the tax hump in Estonia: personal income tax in 2026 // Nola OÜ / Accres. URL: https://accres.eu/en/scrapping-tax-hump-estonia-2026/

23. Hungary Personal Income Tax 2026: 15% Flat Rate // TaxRavens. URL: https://taxravens.com/en/blog/hungary-personal-taxation

24. Ultimate Guide to Bulgaria Tax Residency in 2026 // Innovires. URL: https://innovires.com/tax-residency/blog/bulgaria-tax-residency-guide-2026.html

25. Tax in Sweden 2026: Rates, Deductions & How the System Works // Smartly.se. URL: https://www.smartly.se/money/tax-in-sweden

26. Sweden Expat Tax Guide 2026: Municipal Tax, Expert Relief & Rates // countrytaxcalc.com. URL: https://www.countrytaxcalc.com/tax-guides/sweden/expat-tax-guide-2026/

27. Sweden Tax Guide for Expats 2026 (residency: stadigvarande vistelse, väsentlig anknytning) // dual.tax. URL: https://www.dual.tax/sweden

PECULIARITIES OF THE TAXATION OF INDIVIDUALS IN THE EUROPEAN UNION MEMBER STATES: A COMPARATIVE LEGAL CHARACTERISTIC

Dmitriev I.O.
Kazan Federal University

The article presents a comparative legal analysis of personal income taxation systems in the member states of the European Union (EU), drawing on six representative jurisdictions: the Federal Republic of Germany, the French Republic, the Kingdom of Sweden, the Republic of Estonia, Hungary, and the Republic of Bulgaria. It examines the models of personal income tax construction (progressive, flat, dual), the criteria for determining tax residency, the mechanisms for the elimination of double taxation, and the coordinating instruments of EU law as of 2026. It is shown that the direct taxation of individuals falls outside the Union's competence and remains within the exclusive purview of national legislators (Article 115 of the Treaty on the Functioning of the EU); it is nonetheless constrained by the fundamental internal-market freedoms and the case-law of the Court of Justice (the Schumacker doctrine), by the network of bilateral tax treaties based on the OECD Model Convention, by Directive (EU) 2017/1852 on tax dispute resolution mechanisms, and by the system of automatic exchange of information (DAC/CRS). It concludes that the EU exhibits a form of 'negative' and procedural harmonization while member states retain full sovereignty over the rates, base, and reliefs of personal income tax.

Keywords: European Union, personal income taxation, personal income tax, tax residency, double taxation, comparative tax law, Schumacker doctrine, OECD Model Convention, automatic exchange of information.

References

1. Treaty on the Functioning of the European Union (consolidated version), Arts. 26, 45, 49, 63, 115 // Official Journal of the European Union. URL: https://eur-lex.europa.eu

2. Council Directive 2011/16/EU of 15 February 2011 on administrative cooperation in tax matters (as amended by Directive 2014/107/EU -DAC2 and Directive 2023/2226 -DAC8, entering into force on 1 January 2026) // Taxation and Customs Union, European Commission. URL: https://taxation-customs.ec.europa.eu

3. Council Directive (EU) 2017/1852 of 10 October 2017 on Union tax dispute resolution mechanisms // Official Journal of the EU. L 265. URL: https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/tax-dispute-resolution-mechanisms.html

4. Convention 90/436/EEC for the avoidance of double taxation in respect of the adjustment of profits of associated undertakings (EC Arbitration Convention) // Official Journal. L 225. URL: https://eur-lex.europa.eu

5. Judgment of the Court of Justice of the EU of 14 February 1995 in case C-279/93 Finanzamt Köln-Altstadt v Roland Schumacker // InfoCuria. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:61993CJ0279

6. Direct taxation: Personal and company taxation // Fact Sheets on the European Union, European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/factsheets/en/sheet/80/direct-taxation-personal-and-company-taxation

7. How EU tax policy works // Council of the EU (Consilium). URL: https://www.consilium.europa.eu/en/policies/eu-tax-policy/

8. Einkommensteuergesetz, § 32a (Einkommensteuertarif); Grundfreibetrag 2026 // German taxes 2026: changes you need to know. URL: https://wundertax.de/en/tax-tips/tax-changes-2026/

9. Code general des impôts, art. 4B; Loi de finances pour 2026, barème de l'impôt sur le revenu // Service Public. URL: https://www.service-public.gouv.fr/particuliers/vosdroits/F1419

10. Inkomstskattelag; Tax rates 2026 // Nordisk eTax / Skatteverket. URL: https://nordisketax.net/pages/en-GB/taxation/?country=sweden&topic=tax-rates

11. Tulumaksuseadus; Tax rates // Estonian Tax and Customs Board (EMTA). URL: https://www.emta.ee/en/private-client/taxes-and-payment/declaration-income/tax-rates

12. Hungary Personal Income Tax Act (SZJA); Hungary Personal Income Tax 2026 // NAV. URL: https://www.countrytaxcalc.com/tax-guides/hungary-income-tax-guide-2026/

13. Bulgaria Personal Income Tax Act (PIT), Part 4; Personal Income Taxes // Ministry of Finance of the Republic of Bulgaria. URL: https://www.minfin.bg/en/827

14. Bulgaria -Individual -Residence // PwC Worldwide Tax Summaries. URL: https://taxsummaries.pwc.com/bulgaria/individual/residence

15. Recent EU Direct Tax Initiatives: The End of Tax Sovereignty? // IBFD, 2025. URL: https://www.ibfd.org

16. OECD Model Tax Convention on Income and on Capital (Articles 4, 23, 25) // OECD. URL: https://www.oecd.org/tax/treaties/

17. Germany Income Tax 2026: Rates, Brackets, Tax Classes // TaxRavens. URL: https://taxravens.com/en/blog/germany-personal-taxation

18. German Income Tax Rates Brackets Explained in Detail (§ 32a EStG, 2026) // taxrep.us. URL: https://taxrep.us/tax_guide/german-income-tax-guide/german-income-tax-rates-brackets/

19. Barème impôt 2026: tranches et taux officiels // Service Public / Wizbii. URL: https://www.service-public.gouv.fr/particuliers/actualites/A18045

20. Taux marginal d'imposition 2026 (TMI) // Meilleurtaux Placement. URL: https://placement.meilleurtaux.com/retraite/per/fiscalite-per/tmi.html

21. Significant tax changes in Estonia in 2025–2026 // EY Estonia. URL: https://www.ey.com/en_ee/insights/tax/significant-tax-changes-in-estonia-in-2025–2026

22. Abolishing the tax hump in Estonia: personal income tax in 2026 // Nola OÜ / Accres. URL: https://accres.eu/en/scrapping-tax-hump-estonia-2026/

23. Hungary Personal Income Tax 2026: 15% Flat Rate // TaxRavens. URL: https://taxravens.com/en/blog/hungary-personal-taxation

24. Ultimate Guide to Bulgaria Tax Residency in 2026 // Innovires. URL: https://innovires.com/tax-residency/blog/bulgaria-tax-residency-guide-2026.html

25. Tax in Sweden 2026: Rates, Deductions & How the System Works // Smartly.se. URL: https://www.smartly.se/money/tax-in-sweden

26. Sweden Expat Tax Guide 2026: Municipal Tax, Expert Relief & Rates // countrytaxcalc.com. URL: https://www.countrytaxcalc.com/tax-guides/sweden/expat-tax-guide-2026/

27. Sweden Tax Guide for Expats 2026 (residency: stadigvarande vistelse, väsentlig anknytning) // dual.tax. URL: https://www.dual.tax/sweden

Проблемы правового регулирования качества городской среды

Емельянов Валерий Федорович,
аспирант, Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева
E-mail: val1fed1@mail.ru

Статья посвящена практической проблеме обеспечения качества городской среды, которое рассматривается как элемент устойчивого развития территорий. Сформулировано понятие «качество городской среды». Проведен анализ правовых способов обеспечения соответствия городского пространства общепринятым нормам и стандартами жизнедеятельности человека: создание рейтингов городов, государственных систем оценки качества, регулирование градостроительной деятельности. По итогам сделан вывод, что одним из главных способов достижения качества городской среды является установление и реализация нормативов градостроительного проектирования. Нормирование становится эффективным при достижении баланса между жилой городской застройкой и ее инфраструктурной обеспеченностью социальными, историко-культурными, инженерными, транспортными и экологическими объектами.

Осуществлена оценка нормативных актов и судебной практики, формирующих градостроительную политику в сфере реализации нормативов градостроительного проектирования.

Особое внимание уделено практике отказов в выдаче разрешений на строительство при отсутствии объектов инфраструктуры, созданию обязательств застройщиков по строительству и реконструкции социальных и транспортных объектов, установлению обязательных платежей для застройщиков.

Определены направления, требующие дополнительного правового регулирования и обеспечения взаимосвязи нормативных актов различного уровня, для целей достижения качества городской среды.

Ключевые слова: качество городской среды, устойчивое развитие территорий, нормативы градостроительного проектирования, градостроительный регламент, правила благоустройства территорий.

В 1976 г. на уровне ООН было декларировано, что «политика и программы в области населенных пунктов должны определять прогрессивные минимальные стандарты приемлемого качества жизни и стремиться к их достижению» [1].

Термин «качество жизни» используется в социологии, экономике и урбанистике, но общепринятое понятие отсутствует. В различных определениях этой категории используется много субъективных характеристик.

В связи с тем, что правовое регулирование предполагает достижение объективных целей, в законодательстве РФ используется категория «качество городской среды» (например, ст. 64 Градостроительного кодекса РФ (далее – Гр К РФ), ст. 2 Градостроительного кодекса Москвы).

В национальных стандартах РФ качество городской среды определяется как «способность городской среды удовлетворять объективные потребности и запросы жителей города в соответствии с общепринятыми в данный момент времени нормами и стандартами жизнедеятельности» [2].

Качество городской среды обеспечивается соответствием городского пространства определенным материальным характеристикам.

«Привлекательные для жизни города должны иметь мощную и качественную каркасную инфраструктуру – это означает стабильность и долгосрочность городского развития» [3. с. 73].

В научных работах выделяют шесть видов «каркасной инфраструктуры» (жилищная, инженерная, транспортная, социальная, экологическая, историко-культурная).

Качество городской среды является элементом устойчивого развития территорий, поскольку обеспечивает благоприятные условия жизнедеятельности человека.

В XXI веке возникла практика создания рейтингов городов для оценки их качества по данным статистики, геоинформационных систем, социологических исследований и др.

Первоначально эти информационные ресурсы влияли на выбор инвесторов, туристов, мигрантов, а позднее стали использоваться публичными органами для принятия градостроительных решений.

Появились государственные системы оценки качества городской среды, которые стали частью правового механизма его обеспечения.

Государственной корпорацией развития «ВЭБ.РФ» в 2022 г. разработан Индекс качества жизни в городах России (ИКЖ), он рассчитывается для 250 городов России.

Распоряжением Правительства РФ от 23.03.2019 № 510-р была утверждена Методика формирования индекса качества городской среды, который рассчитывался Минстроем России до 31.12.2025 г. для всех городов для принятия решений о предоставлении субсидий из федерального бюджета.

Помимо временных программ необходим постоянный эффективный правовой механизм обеспечения качества городской среды.

Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что и первоочередной целью регламентации градостроительной деятельности является «обеспечение комфортных и благоприятных условий проживания, комплексный учет потребностей населения и устойчивое развитие территорий» [4].

В теории также формулируется подход, согласно которому «обеспечение комфортной городской среды будет более результативным, если подразумевать под ним не «набор» управленческих инструментов, а идеологию градостроительства, вся система которого должна быть настроена на обеспечение благоприятных условий жизни людей» [5. с. 78].

Одним из главных способов достижения качества городской среды является принятие региональных и местных нормативов градостроительного проектирования.

Установление данных нормативов направлено на достижение баланса между городской застройкой и ее инфраструктурной обеспеченностью (объекты здравоохранения, образования, физической культуры и спорта; транспорт; автомобильные дороги; обращение отходов; энергетика и др.), а также доступностью такой инфраструктуры для граждан.

Необходимы способы реализации этого баланса в градостроительной практике.

Наличие на территории объектов инфраструктуры должно проверяться до начала строительства зданий. При определенных обстоятельствах имеются правовые основания для отказа в выдаче разрешений на строительство при отсутствии объектов инфраструктуры согласно предусмотренным нормативам.

Частью 1 ст. 51 Гр К РФ предусмотрено, что разрешение на строительство подтверждает соответствие проектной документации требованиям, в том числе проекта планировки территории (ППТ), градостроительного регламента.

Указанный механизм не в полном объеме обеспечивает реализацию нормативов, поскольку разработка ППТ является обязательной только в случаях, предусмотренных ч. 3 ст. 41 Гр К РФ. На практике жилищное строительство иногда осуществляется без утверждения ППТ.

В градостроительный регламент Правил землепользования и застройки могут быть непосредственно не включены требования об инфраструктурной обеспеченности.

Согласно судебной практике по спорам о законности отказов в выдаче разрешений на строительство оценивается содержание градостроительного плана земельного участка, при составлении которого учитываются нормативы градостроительного проектирования [6].

Статьей 42 Земельного кодекса РФ установлена для правообладателей земельных участков обязанность соблюдать при их использовании установленные правила и нормативы.

Суды на основе системного толкования норм различных отраслей права приходят к выводам об отсутствии оснований для выдачи разрешений на строительство при невозможности реализации нормативов градостроительного проектирования.

На XXIII Всероссийском съезде саморегулируемых организаций в сфере строительства 03.04.2024 г. сообщалась информация о том, что более 40 городов приостановили выдачу разрешений на строительство по причине отсутствия объектов социальной инфраструктуры [7].

Вместе с тем, запрет строительства не решает проблем обеспечения качества городской среды в условиях ограниченных бюджетных средств.

В отношении развития инженерно-технической инфраструктуры проблема частично решена за счет обязательных требований по внесению застройщиками платы за присоединение.

Тогда как создание социальных объектов реализуется за счет соответствующих бюджетов и возможностей привлечения внебюджетного финансирования.

На уровне федерального законодательства предусмотрена возможность определения в договоре о комплексном развитии территории (КРТ) обязательств застройщика по строительству и реконструкции объектов социальной, коммунальной, транспортной инфраструктур для обеспечения жизнедеятельности человека (ст. 68 Гр К РФ).

В научных работах указывается на то, что «с появлением механизма КРТ теперь непосредственно в Гр К РФ декларирована сама возможность распределения затрат на создание объектов инфраструктуры…, определены условия и порядок заключения договоров о КРТ…, регулирующих такое распределение. Это, безусловно, шаг вперед по сравнению с инвестиционными контрактами… [8. с. 16].

Законодательством РФ не установлены основания для возникновения аналогичных обязательств застройщиков при точечной застройке.

Строительство инфраструктуры предусматривается в различных правовых конструкциях: концессионные соглашения, инвестиционные договоры, проекты государственно-частного партнерства, соглашения о предоставлении финансирования.

На уровне субъектов РФ принимаются нормативные акты, регулирующие участие застройщиков в финансировании создания и (или) строительстве социальных объектов.

Например, в городе Перми до 28.10.2025 г. действовал порядок заключения соглашений с застройщиками о внесении платы в размере 7 629 рублей за один квадратный метр планируемой к строительству общей площади жилого помещения для развития социальной инфраструктуры города (библиотеки, объекты образования, физкультурно-оздоровительные комплексы) [9].

Правительством Москвы определен порядок заключения инфраструктурного договора с застройщиком и привлекаемым лицом об условия участия застройщика в обеспечении застройки объектами инфраструктуры, улично-дорожной сети, благоустройства, а также местами приложения труда [10].

По поводу региональных и муниципальных нормативных актов часто возникают судебные споры из-за отсутствия в федеральном законодательстве общих правил участия застройщиков в создании социальной инфраструктуры городов.

Например, оспаривались и признаны судами действительными нормы Правил землепользования и застройки Санкт-Петербурга [11], которые предусматривали возможность создания жилой застройки при ее обеспечении объектами обслуживания (школы, детские сады, поликлиники), в том числе путем установления обязательств частных лиц по созданию таких объектов [12].

Судебная практика признает действительными и обязательными к исполнению соглашения с застройщиками о создании объектов инфраструктуры.

Застройщик предъявлял иск о признании недействительным соглашения о строительстве и передача в муниципальную собственность города Перми здания общеобразовательного учреждения, просил на основании ч. 2 ст. 170 ГК РФ признать соглашение притворной сделкой, которая совершена с целью прикрытия оплаты выполнения бесплатной муниципальной услуги по утверждению разрешительной документации для строительства. Суды признали соглашение действительным, содержащим условия договора пожертвования, и обязали передать здание [13].

В настоящее время в федеральном законодательстве отсутствуют единые правовые подходы к установлению обязательств застройщиков по созданию инфраструктуры.

Представляется, что это приводит к правовой неопределенности в вопросах обеспечения качества городской среды, к административному усмотрению публичных органов, нарушению принципа равенства.

Для расширения внебюджетного финансирования исследуются различные практики, в том числе использования инфраструктурных облигаций для преодоления дефицита финансирования [14].

Также имеются предложения решить проблему путем установления финансового платежа при осуществлении строительной деятельности.

В законодательстве Австралии, Бразилии, Великобритании, Индии, Канады, Сингапура и США ставки инфраструктурного сбора устанавливаются в зависимости от вида здания и целей его использования в процентах от стоимости строительства 1 кв.м. В разных странах размер процентов существенно различается от 06, % до 25,6% [15].

Введение таких сборов в значительном размере увеличит стоимость приобретения гражданами жилья.

Необходимо учитывать правовой подход Конституционного Суда РФ о том, что «выполнение коммерческими организациями обязанностей публичного характера за собственный счет зачастую не согласуется с основной целью их деятельности [16].

Положительным примером достижения правовой определенности является ситуация с регулированием благоустройства прилегающих территорий.

Определенное время в законодательстве РФ не была решена проблема по благоустройству прилегающих территорий собственниками зданий.

Акты органов местного самоуправления, которые предусматривали обязательства собственников зданий по содержанию прилегающей территории, признавались судами незаконными из-за несоответствия федеральному законодательству. Ст. 210 ГК РФ предусматривает, что собственник несет бремя содержания, принадлежащего ему имущества, если иное не предусмотрено законом или договором.

В 2017 г. ст. 55.25 Гр К РФ была дополнена нормой об обязанности при эксплуатации объектов недвижимости принимать участие, включая финансовое, в содержании прилегающих территорий.

В итоге была решена задача разграничения обязанностей по содержанию территории между частными субъектами и муниципальными органами.

В рамках благоустройства территорий реализуется много задач, которые повышают качество городской среды, в том числе вопросы озеленения, освещения, размещения и содержание детских и спортивных площадок, площадок для выгула животных, парковок, малых архитектурных форм (часть 2 статьи 58 Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»).

Следует обратить внимание на необходимость обеспечения взаимосвязи нормативов градостроительного проектирования с правилами благоустройства территории муниципального образования.

Правила благоустройства определяют порядок устройства и эксплуатации объектов, предусмотренных нормативами градостроительного проектирования. Например, правила определяют вид покрытия детских игровых площадок, материалы малых архитектурных форм, затемнение стоянок автомобилей с помощью элементов озеленения и др. [17].

В качестве способа правового обеспечения создания качественной городской среды рассматривается унификация решений в градостроительстве, архитектуре, городском дизайне и благоустройстве.

В качестве примера унифицированных решений можно привести «Требования к архитектурно-градостроительным решениям многоквартирных жилых зданий, проектирование и строительство которых осуществляется за счет средств бюджета города Москвы» [18], которыми предусмотрены: разная этажность секций, конструкции для наружных блоков кондиционеров, возможность расположения помещений общественного назначения на первом этаже, светопрозрачные конструкции для фасадов первых этажей и входных групп, высота жилых помещений не менее 2,65 м.

По итогам исследования правового регулирования качества городской среды можно сделать выводы о том, оно носит комплексный характер.

Качество городской среды обеспечивается путем принятия региональных и местных нормативов градостроительного проектирования, правил благоустройства территорий муниципальных образований, федеральных, региональных и муниципальных программ и других актов.

От уровня разработки указанных документов зависит качество городской среды. Необходимо, чтобы данные акты имели взаимосвязанный характер и соответствовали современными стандартами жизнедеятельности, потребностям конкретной территории.

Кроме того, требуется расширение форм реализации региональных и местных нормативов градостроительного проектирования.

Необходимо развитие федерального законодательства об участии застройщиков в создании предусмотренных нормативами объектов инфраструктуры.

Решение задачи обеспечения качества городской среды имеет большое практическое значение, поскольку от этого зависит устойчивое развитие российских городов в будущем.

Литература

1. Ванкуверская декларация принципов по населенным пунктам, 1976 (Принята в г. Ванкувере 31.05.1976–11.06.1976 Конференцией ООН по населенным пунктам (Хабитат)) // СПС «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=4719#3D6a4RVJJp939wWC (дата обращения: 08.04.2026).

2. ГОСТ Р 70386–2022. Национальный стандарт Российской Федерации. Комплексное благоустройство и эксплуатация городских территорий. Определения, основные требования и процессы (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 10.10.2022 N 1093-ст) // СПС «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=STR&n=29731#l3nf4RVInGjUNxxs1 (дата обращения: 10.04.2026).

3. Ильина И.Н. Качество городской среды как фактор устойчивого развития муниципальных образований // Имущественные отношения в РФ. 2015. № 5.

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.03.2017 N 10-П // СПС «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_214635/ (дата обращения: 07.04.2026).

5. Галиновская Е.А. Правовые аспекты формирования комфортной городской среды // Имущественные отношения в РФ. 2025. № 12.

6. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.10.2024 N 18-КАД24-44-К4 // СПС «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=846190#QVtSFHVkBuw5irdm1 (дата обращения: 08.04.2026).

7. Стройки останавливают из-за нехватки школ и детсадов. [Электронный ресурс]. URL: https://nostroy.ru/company/news/? COMP_ID=t_news&CUR_TAB=0&eid=38655&sphrase_id=297712 (дата обращения: 09.04.2026).

8. Бандорин Л.Е., Башарин А.В. Комплексное развитие территории как механизм распределения затрат на создание объектов инфраструктуры между органами публичной власти и частными лицами // Экологическое право. 2023. № 5.

9. Решение Пермской городской Думы от 17.12.2019 № 316 «Об утверждении Порядка заключения соглашения о сотрудничестве между застройщиком и муниципальным образованием город Пермь для развития сети социальной инфраструктуры города Перми» [Электронный ресурс]. – URL: https://docs.cntd.ru/document/561662869 (дата обращения: 07.04.2026).

10. Постановление Правительства Москвы от 24.12.2024 № 3135-ПП (ред. от 06.04.2026) «О мерах по обеспечению жилой и (или) нежилой застройки на территории города Москвы объектами инфраструктуры и местами приложения труда» [Электронный ресурс]. – URL: https://base.garant.ru/411260927/. (дата обращения: 07.04.2026).

11. Приложение № 7 к Постановлению Правительства Санкт-Петербурга от 21.06.2016 № 524 «О Правилах землепользования и застройки Санкт-Петербурга». Пункт 1.2.9 // СПС «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=1747300&req=doc&base=SPB&n=323380&rnd=APzZaQ#lyra4RVBzfJ8mQR5 (дата обращения: 10.04.2026).

12. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 18.01.2023 № 88а-708/2023 по делу N 3а-49/2022 (УИД 78OS0000–01–2021–001724–66) // СПС «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ003&n=78909#14aTFHVMpLuSvNYs (дата обращения: 09.04.2026).

13. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 14.02.2022 N Ф09–726/21 по делу № А50–23874/2020 // СПС «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AUR&n=235578#NdcTFHVXdyaRUwx7 (дата обращения: 10.04.2026).

14. Обзор практики финансирования развития городской инфраструктуры в зарубежных странах и в России // Фонд «Институт экономики города» 2020 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://urbaneconomics.ru/sites/default/files/praktika_primeneniya_infrastrukturnyh_obligaciy.pdf (дата обращения: 09.04.2026 г.)

15. Международный опыт установления инфраструктурных сборов при реализации градостроительных проектов // Фонд «Институт экономики города» 2023 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://urbaneconomics.ru/sites/default/files/mezhdunarodnyi_opyt_ustanovleniya_infrastrukturnyh_sborov_v_stroitelstve.pdf (дата обращения: 09.04.2026 г.)

16. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2018 N 32-П, Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.2011 N 29-П // СПС «КонсультантПлюс» – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_302459/ (дата обращения: 10.04.2026).

17. СП 82.13330.2016. Свод правил. Благоустройство территорий. Актуализированная редакция СНиП III-10–75 (утв. Приказом Минстроя России от 16.12.2016 N 972/пр) (ред. от 27.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=STR&n=34879&dst=1000000001&cacheid=0D188CAE19218FFD5F52737924797759&mode=splus&rnd=APzZaQ#04kb4RVAaQzu7as11 (дата обращения: 10.04.2026 г.)

18. Постановление Правительства Москвы от 21.05.2015 N 305-ПП (ред. от 23.07.2024)// СПС «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MLAW&n=244371&cacheid=1D5860B26906064164883E69F4EAD6EC&mode=splus&rnd=APzZaQ#f48c4RVdr6amf8YA (дата обращения: 10.04.2026 г.).

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF URBAN ENVIRONMENT QUALITY

Emelianov V.F.
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

The article is dedicated to the practical problem of ensuring the quality of the urban environment, which is considered an element of sustainable territorial development. The concept of «urban environment quality» is formulated. An analysis of legal methods for ensuring the compliance of urban space with generally accepted norms and standards of human life is carried out: the creation of city ratings, state quality assessment systems, and regulation of urban planning activities. Based on the results, it is concluded that one of the main ways to achieve urban environment quality is the establishment and implementation of urban planning design standards. Standardization becomes effective when a balance is achieved between residential urban development and its infrastructural provision with social, historical-cultural, engineering, transport, and environmental facilities.

An assessment of regulatory acts and judicial practice shaping urban planning policy in the sphere of implementing urban planning design standards has been carried out.

Particular attention is paid to the practice of refusing to issue construction permits in the absence of infrastructure facilities, creating obligations for developers to construct and reconstruct social and transport facilities, and establishing mandatory payments for developers.

Directions requiring additional legal regulation and ensuring the interconnection of regulatory acts at different levels for the purpose of achieving urban environment quality have been identified.

Keywords: quality of the urban environment, sustainable development of territories, standards of urban planning design, town planning regulations, rules of landscaping.

References

1. Vancouver Declaration of Principles on Human Settlements, 1976 (Adopted in Vancouver on 05/31/1976–06/11/1976 by the United Nations Conference on Human Settlements (Habitat)) // SPS «ConsultantPlus» URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=4719#3D6a4RVJJp939wWC (accessed: 08.04.2026).

2. GOST R 70386–2022. The national standard of the Russian Federation. Comprehensive landscaping and operation of urban areas. Definitions, basic requirements and processes (approved and put into effect by Rosstandart Order № 1093-st dated 10.10.2022) // SPS ConsultantPlus URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=STR&n=29731#l3nf4RVInGjUNxxs1 (accessed: 10.04.2026)

3. Ilina I.N. Quality of the urban environment as a factor of sustainable development of municipalities // Property relations in the Russian Federation. 2015. № 5. .

4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 28.03.2017 N 10-P // SPS «ConsultantPlus» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_214635/ (accessed: 07.04.2026).

5. Galinovskaya E.A. Legal aspects of the formation of a comfortable urban environment // Property relations in the Russian Federation. 2025. № 12.

6. Cassation ruling of the Judicial Board for Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 28, 2024 N 18-KAD24–44-K4 // SPS «ConsultantPlus» URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=846190#QVtSFHVkBuw5irdm1 (accessed: 08.04.2026).

7. I'm stopping construction due to the lack of schools and kindergartens. [electronic resource]. – URL https://nostroy.ru/company/news/? COMP_ID=t_news&CUR_TAB=0&eid=38655&sphrase_id=297712 (date of request: 04.09.2026).

8. Bandorin L.E., Basharin A.V. Integrated territorial development as a mechanism for allocating costs for the creation of infrastructure facilities between public authorities and private individuals // Environmental law. 2023. № 5.

9. Perm City Duma Decision № 316 dated 12/17/2019 «On approval of the Procedure for Concluding a cooperation agreement between a developer and the Municipality of Perm for the development of a network of social infrastructure in Perm» [Electronic resource]. – URL: https://docs.cntd.ru/document/561662869 (accessed: 07.04.2026).

10. Decree of the Government of Moscow dated 12/24/2024 № 3135-PP (as amended on 04/06/2026) «On measures to ensure residential and (or) non-residential buildings in the territory of the city of Moscow with infrastructure facilities and places of employment» [Electronic resource]. – URL: https://base.garant.ru/411260927 / (accessed: 07.04.2026).

11. Appendix № 7 to the Decree of the Government of St. Petersburg dated 06/21/2016 № 524 «On the Rules of land use and development of St. Petersburg». Paragraph 1.2.9 // SPS «ConsultantPlus» URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=174730–0&req=doc&base=SPB&n=323380&rnd=APzZaQ#lyra4RVBzfJ8mQR5 (accessed: 10.04.2026).

12. Cassation ruling of the Third Cassation Court of General Jurisdiction dated January 18, 2023 № 88a-708/2023 in case № 3a-49/2022 (UID 78OS0000–01–2021–001724–66) // SPS «ConsultantPlus» URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=-doc&base=KSOJ003&n=78909#14aTFHVMpLuSvNYs (accessed: 09.04.2026).

13. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District dated 02/14/2022 N F09–726/21 in case № A50–23874/2020 // SPS «ConsultantPlus» URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AUR&n=235578#NdcTFHVXdyaRUwx7 (accessed: 10.04.2026).

14. Review of the practice of financing urban infrastructure development in foreign countries and in Russia // Foundation «Institute of Urban Economics» 2020 [Electronic resource]. – URL: https://urbaneconomics.ru/sites/default/files/praktika_primeneniya_infrastrukturnyh_obligaciy.pdf (accessed: 09.04.2026).

15. International experience in setting infrastructure fees for the implementation of urban development projects // Foundation «Institute of Urban Economics» 2023 [Electronic resource]. – URL: https://urbaneconomics.ru/sites/default/files/mezhdunarodnyi_opyt_ustanovleniya_ifrastrukturnyh_sborov_v_stroitelstve.pdf (accessed: 09.04.2026).

16. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 07/16/2018 N 32-P, Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 12/20/2011 N 29-P // SPS «ConsultantPlus» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_302459/ (accessed: 10.04.2026).

17. A set of rules. Landscaping of territories. Updated version of SNiP III-10–75 (approved by Order of the Ministry of Construction of Russia dated 12/16/2016 N 972/pr) (as amended on 12/27/2024) // SPS «ConsultantPlus» URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=STR&n=34879&dst=1000000001&cacheid=0D188CAE19218FFD5F52737924797759&mode=splus&rnd=APzZaQ#04kb4RVAaQzu7as11 (accessed: 10.04.2026).

18.Resolution of the Moscow Government dated 21.05.2015 № 305-PP (as amended on 23.07.2024)// SPS 'ConsultantPlus' URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MLAW&n=244371&cacheid=1D5860B26906064164883E69F4EAD6EC&mode=splus&rnd=APzZaQ#f48c4RVdr6amf8YA (accessed on 10.04.2026).

Проблемы развития местного самоуправления в России

Ершов Александр Андреевич,
аспирант 3 года обучения юридического института,
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»
E-mail: alex.ershow@cloud.com.

В статье рассматриваются особенности организации местного самоуправления в России. На основании проведенного анализа законодательства о местном самоуправлении, автором рассмотрены проблемы разграничения полномочий органов местного самоуправления и органов государственной власти, а также проблемы правового регулирования местного самоуправления в России.

Ключевые слова: местное самоуправление, население, субъект, публичная власть, государственное устройство.

Россия – огромная страна, с разнообразными географическими и климатическими условиями, разной плотностью населения и с разными традициями и опытом работы локальной власти: регионы ЦФО и Поволжья сформировали плотную сеть местного самоуправления – поэтому они заинтересованы в сохранении автономии. Напротив, регионы Сибири и Дальнего Востока сталкиваются с проблемой оттока населения, заинтересованы в большем участии государства в решении локальных проблем[1].

Следует отметить, что современная конституционно-правовая доктрина также оперирует следующими категориями: право на местное самоуправление, право на участие в местном самоуправлении и право на осуществление местного самоуправления[2].

Между тем на уровне федерального законодательства указанное понятие не нашло своего закрепления. Так, в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» содержалось лишь перечисление форм участия граждан в его осуществлении.

Не конкретизировано данное право и в Федеральном законе от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». В ст. 2 названного закона говорится, что право на осуществление местного самоуправления носит всеобщий характер.

С 2014 г. отечественные исследователи местного самоуправления[3] отмечают возрастающую интенсивность к вертикальной власти на уровне муниципалитетов, а также отказа от выборности глав муниципальных образований.

Данный процесс наиболее ярко проявляется именно через смену моделей управления и замещения должностей глав исполнительной власти региональных столиц. Это не случайно, поскольку административные центры субъектов Федерации – наиболее ресурсоёмкие и политически значимые муниципалитеты.

Глава 1 Конституции РФ 1993 г. в качестве базовых принципов организации власти в российском государстве называет народовластие, разделение властей, федерализм, идеологическое многообразие, а также приоритет прав и свобод человека и гражданина.

Перечисляя в конституционных нормах принципы организации власти, в них не нашел своего закрепления принцип единства публичной власти. Это можно считать законодательным пробелом, так как данный принцип является одним из основополагающих, указанных в самом понятии «единая система публичной власти».

Еще одна проблема правового регулирования местного самоуправления связана с осуществлением местного самоуправления на отдельно взятой федеральной территории, т.к. она входит в состав другого муниципалитета.

В качестве примера можно рассмотреть особенности формирования местного самоуправления на территории Сириус, входящего в состав г. Сочи Краснодарского края.

Представляется, что такой подход не позволяет в полной мере учесть особенности и потребности местного сообщества, проживающего на территории «Сириус», приводя к нарушению ключевого принципа организации местного самоуправления в интересах населения, так как в этом случае может иметь место затруднение в реализации права на осуществление местного самоуправления.

Неурегулированным также остается вопрос участия населения территории «Сириус» в муниципальных выборах города Сочи, а также в выборах в органы государственной власти Краснодарского края, при том, что де-факто данная федеральная территория изъята из территории субъекта Федерации.

По вопросам ведения на определённой территории, в случае, если какой либо вопрос регулируется как региональным, так и федеральным законодательством, приоритет отдается региональному, так как возникший вопрос затрагивает отдельно взятый субъект.

[1] Марков А.П. К вопросу о моделях местного самоуправления в современной России // Местное право. 2025. № 4. С. 12.

[2] Еремин А.Р. Реализация права человека и гражданина на местное самоуправление в Российской Федерации: конституционные вопросы: дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2003.

[3] Трудолюбов А.С. Эволюция моделей местного самоуправления на поселенческом уровне в современной России // Политическая наука. 2019. № 2. С. 95.

В качестве проблемы можно отметить то, что достаточно часто изменения в подзаконные акты в силу разных причин не могут быть оперативно внесены и возникает коллизия правовых актов, когда, например, федеральный закон действует уже в новой, измененной редакции, а подзаконный акт, регулирующий также данный вопрос, остается в прежней редакции.

Правовые коллизии создают большие проблемы в правоприменительной практике, для обычных граждан возникают серьезные барьеры для нормального пользования своими правами, а это влечет возникновение правового нигилизма.

В науке кроме категории правовая коллизия присутствует еще такая категория как «коллизия правовых норм», при тщательном изучении можно сделать вывод о том, что первая категория шире чем вторая, так как выходит за рамки «нормативности» и распространяется на всю существующую правовую систему.

В свою очередь, коллизии могут быть причиной нарушения конституционных прав граждан, т.к. при применении коллизионной нормы, правоприменитель может сделать неверный выбор.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о перераспределении полномочий, который в настоящее время требует уточнения в правовом регулировании.

Особенно это актуально при перераспределении полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта РФ.

Одним из спорных вопросов, требующего своего разрешения является вопрос о том, распространяется ли принцип разделения властей на местное самоуправление. Другими словами, может ли в пределах муниципалитета власть разделяться на законодательную, исполнительную и судебную в соответствии с признаками правового государства.

Исходя из мнений большинства авторов по конституционному праву, такое разделение в пределах муниципалитета невозможно. На законодательном уровне также отсутствует возможность такого разделения властей для органов местного самоуправления.

Что касается отсутствия возможности разделения на законодательную власть в пределах муниципального района, то данное утверждение основано на том, что органы местного самоуправления не принимают законы, а принимают нормативно-правовые акты с территориальным ограничением действия. Они в иерархии нормативно-правовых актов российского государства имеют наименьшую юридическую силу, чем федеральные законы.

В этом случае на органы власти на местах возложено осуществление представительных, а не законодательных функций.

Что касается судебной системы муниципального уровня, то она также не предусмотрена законодательством о судебной системе и муниципальные суды не создаются.

Это подтверждается ст. 17 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», в которой сказано, что Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, созданные в соответствии с Конституцией Российской Федерации, могут быть упразднены только путем внесения поправок в Конституцию Российской Федерации. Другие федеральные суды создаются и упраздняются только федеральным законом. Должности мировых судей создаются и упраздняются законами субъектов Российской Федерации[1].

Особую угрозу конституционной природе местного самоуправления представляет тенденция подмены координационных механизмов административным воздействием со стороны органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

В отсутствие чётко закреплённых в федеральном законе правовых гарантий такая практика способна привести к фактическому огосударствлению муниципального уровня, что противоречит как статье 12 Конституции Российской Федерации, так и правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации, последовательно подчёркивающего недопустимость включения на современном этапе органов местного самоуправления в существующую систему органов государственной власти.

Таким образом, в настоящее время после проведения изменений местного самоуправления, можно говорить о том, что данный институт является элементом государственного устройства, осуществляющего самостоятельную деятельность для развития и достижения целей российского государства.

Это обосновано тем, что несмотря на самостоятельность в принятии решений местного значения, деятельность данного института направлена в том числе на решение задач, поставленных государством. Органы местного самоуправления, решая задачи внутри определенного муниципального образования, способствуют достижению целей государственного строительства.

В настоящее время одним из актуальных вопросов развития местного самоуправления является создание федеральных территорий. Создание федеральных территорий, несмотря на принимаемые правовые акты, должным образом. на наш взгляд, еще не урегулировано.

В связи с этим, можно сделать вывод о том, что в России возможно создание иных, чем федеральная территория Сириус форм федеральных территорий.

В настоящее время в российском законодательстве отсутствует какой либо федеральный закон, предусматривающий общие условия создания федеральных территорий, их создание регулируется отдельно принятым законом, действующим только в пределах определенной федеральной территории.

В связи с этим, среди ученых по конституционному праву сложились разные позиции, отдельные авторы считают, что такой должен быть принят закон, другие против его принятия.

Действующее в настоящее время правовое регулирование федеральных территорий отдельным законодательным актом является несовершенным, т.к. может вызывать различное регулирование для разных федеральных территорий. Однако основания для подобных различий неясны[2].

Следует отметить, что в настоящее время созданы все условия для активного использования населением возможности электронного взаимодействия с органами власти различного уровня, в том числе, что особо популярно, через портал госуслуг.

В соответствии с действующим законодательством и практикой правоприменения, органы публичной власти на уровне субъекта осуществляют различные виды деятельности во благо населения данного субъекта, для чего им предоставлены обширные самостоятельные полномочия, отдельные из которых должны быть согласованы с федеральными властями.

Сегодня субъекты Российской Федерации различны по своим особенностям, таким как местоположение, экономическое развитие, этнический состав и другие факторы.

Для эффективной работы в системе разделения властей необходимо установить четкие полномочия и ответственность субъектов Федерации, а также обеспечить их возможность принимать независимые решения в пределах своих компетенций, при этом соблюдая единство законодательства и учитывая интересы федерации в целом.

Разграничение полномочий между федеральным и региональным уровнями власти свидетельствует о том, что властные функции распределяются между ними, но также могут быть рассмотрены именно в контексте органов власти.

Очевидно, что в федеративной системе область влияния региональных органов власти ограничивается определенной территорией, на которую также распространяется влияние федеральных органов власти, что создает двойное правовое регулирование.

Таким образом, складывается двухзвенная система действия на один субъект органов публичной власти федерального и регионального уровня. Для урегулирования данного вопроса, кроме института перераспределения полномочий, возможно по нашему мнению, также делегирование различных полномочий.

В последнее время правовые основы, регулирующие деятельность органов публичной власти и выработку критериев оценивания ее эффективности, не находится в статике и динамично развивается.

Включение в настоящее время категории эффективности органов публичной власти в Конституцию РФ и придание ей тем самым статус конституционной нормы, требует разработки на уровне законодательных органов критериев ее определения и изменения, что соответственно, повысит уровень правового регулирования данного института и устранение отдельных пробелов в правоприменении.

Изложенное выше позволяет прийти к выводу о том, что проведение муниципальной реформы требует своевременного, но при этом концептуально выверенного и эффективного ответа со стороны законодателя на соответствующие изменения в системе органов местного самоуправления и формах непосредственной демократии, в том числе путем обращения к правовым механизмам, ранее не находившим своего практического применения.

Литература

1. О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ

[1] О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ

[2] Каримов Б.Р. Федеральные территории в Российской Федерации: первый опыт создания и проблемы конституционно-правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 3. С. 51.

2. Марков А.П. К вопросу о моделях местного самоуправления в современной России // Местное право. 2025. № 4. С. 12.

3. Еремин А.Р. Реализация права человека и гражданина на местное самоуправление в Российской Федерации: конституционные вопросы: дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2003.

4. Трудолюбов А.С. Эволюция моделей местного самоуправления на поселенческом уровне в современной России // Политическая наука. 2019. № 2. С. 95.

5. Каримов Б.Р. Федеральные территории в Российской Федерации: первый опыт создания и проблемы конституционно-правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 3. С. 51.

PROBLEMS OF LOCAL SELFGOVERNMENT DEVELOPMENT IN RUSSIA

Ershov A.A.
Ogarev National Research Mordovian State University

The article examines the features of the organization of local selfgovernment in Russia. Based on the analysis of the legislation on local selfgovernment, the author examines the problems of delimiting the powers of local selfgovernment bodies and state authorities, as well as the problems of legal regulation of local selfgovernment in Russia.

Keywords: local self-government, population, subject, public authority, state structure.

References

1. On the Judicial System of the Russian Federation: Federal Constitutional Law No. 1-FKZ dated December 31, 1996.

2. Markov A.P. On the Issue of Models of Local Self-Government in Modern Russia // Local Law. 2025. No. 4. P. 12.

3. Eremin A.R. The Exercise of the Right of a Person and a Citizen to Local Self-Government in the Russian Federation: Constitutional Issues: dissertation … Doctor of Law. sciences'. Saratov, 2003.

4. Trudolyubov A.S. Evolution of local self-government models at the settlement level in modern Russia // Political Science. 2019. No. 2. P. 95.

5. Karimov B.R. Federal territories in the Russian Federation: the first experience of creation and problems of constitutional and legal regulation // Constitutional and Municipal Law. 2022. No. 3. P. 51.

Гражданское общество как фактор обеспечения законности публичного управления в правоохранительной сфере

Зубенко Сергей Игоревич,
кандидат юридических наук, доцент, аспирант кафедры административного права и процесса им. Л.Л. Попова Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: zuber44@vk.com

В статье рассматриваются правовые механизмы участия институтов гражданского общества в обеспечении законности публичного управления в правоохранительной сфере. Анализируются основные субъекты и формы такого взаимодействия. Особое внимание уделяется роли институтов гражданского общества в осуществлении общественного контроля, формировании общественной оценки деятельности правоохранительных органов и ограничении административного усмотрения должностных лиц. Рассматриваются действующие нормативно-правовые механизмы участия гражданского общества в обеспечении общественной безопасности, профилактике правонарушений и противодействии экстремизму. На основе анализа законодательства и практики взаимодействия выявляются отдельные проблемы институционализации сотрудничества правоохранительных органов с общественными структурами, в частности с национальными общинами и диаспорами. Обосновывается необходимость совершенствования правового регулирования формирования общественных советов при территориальных органах МВД России, включая расширение участия общественных палат субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: публичное управление; законность; правоохранительная деятельность; федеральные органы исполнительной власти; институты гражданского общества; общественный контроль; административное усмотрение; общественные советы; органы внутренних дел; профилактика экстремизма.

В условиях развития правового государства обеспечение законности в публичном управлении приобретает ключевое значение, поскольку от эффективности деятельности органов государственной власти зависит уровень защищенности прав и свобод человека, устойчивость общественных отношений и доверие граждан к государственным институтам. Особое место в системе публичного управления занимает правоохранительная деятельность, связанная с применением мер государственного принуждения и реализацией властных полномочий, непосредственно затрагивающих права и свободы личности.

Вместе с тем современные тенденции развития публичного управления предполагают активное включение гражданского общества в процессы обеспечения общественной безопасности, профилактики правонарушений и защиты прав граждан. Показательным является тот факт, что в криминологической науке значительное внимание уделяется роли общества как самостоятельного субъекта противодействия преступности. Так, профессор Ю.М. Антонян обосновывает это тем, что именно само общество вырабатывает нравственные устои, которые регулируют его жизнедеятельность, поведение людей [1, с. 147].

В обеспечении законности в действиях правоохранительных органов от представителей общественности в различных формах принимает участие широкий круг субъектов: общественные объединения и правозащитные организации; добровольные народные дружины и иные общественные формирования; религиозные объединения; национальные общины и диаспоры; образовательные и научные организации; средства массовой информации.

Центральную роль играют общественные и общественно-государственные структуры, специализирующиеся на правозащитной деятельности. К ним относятся Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, Общественная палата Российской Федерации, общественные советы при федеральных органах исполнительной власти и их территориальных подразделениях, общественные наблюдательные комиссии, а также различные правозащитные организации. Данные образования являются связующим звеном между органами государственной власти и обществом, выполняя функции мониторинга соблюдения прав человека, защиты интересов граждан и общественного контроля за деятельностью правоохранительных органов.

В свою очередь органы публичной власти, осуществляющие правоохранительные функции, обладают значительным объемом дискреции при принятии решений, что обусловлено их задачами по обеспечению правопорядка, расследованию преступлений и применению мер принуждения. Должностные лица Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД), Федеральной службы исполнения наказаний принимают решения, которые непосредственно затрагивают права и свободы граждан, включая широкий спектр мер административного принуждения. Подобная широта усмотрения, как отмечает профессор С.А. Старостин, придает мерам принуждения субъективный характер, что создаёт предпосылки как для эффективного пресечения правонарушений, так и для возможных злоупотреблений [2, с. 51]. В тоже время это делает деятельность правоохранительных органов особенно чувствительной для общественности с точки зрения защиты прав человека, предопределяя приоритетные формы сотрудничества с гражданским обществом, связанные с обеспечением механизмов общественного контроля.

Большое количество достоинств административного усмотрения как эффективного механизма устранения правовой неопределенности раскрыто в исследованиях ученых [3, с. 18–19]. Между тем, как справедливо отмечают Ю.В. Степаненко и В.В. Журавлев, рассматривая административное усмотрение в реализации отдельных мер государственного принуждения, любые властные полномочия требуют нормативного закрепления их границ, пределов действия. Дополнительно авторы отмечают, что регламентация действий участников правоотношений, содержащихся в материальных и процессуальных нормах, должна быть сбалансированной, исключая излишнюю бюрократизацию административных процедур и оставляя возможность выбора должностными лицами оптимальных инструментов [4, с. 202]. Именно здесь эффективно влияние внешнего контроля, осуществляемого со стороны гражданского общества и обеспечиваю-

щего соответствующую подотчётность, не допуская подмены усмотрения произволом и не перегружая правоприменителя нормативным регулированием.

В теории административного усмотрения всегда учитывался фактор гражданского общества. Один из ведущих исследователей административного усмотрения Ю.П. Соловей в своем диссертационном исследовании обращал внимание на расширение коллегиальности и гласности как основополагающие направления развития института административного усмотрения в деятельности органов внутренних дел [5, с. 144–146].

Таким образом, административное усмотрение в сфере взаимодействия органов государственной власти с институтами гражданского общества представляет собой важную управленческую категорию, от которой зависит гибкость, эффективность и легитимность принимаемых решений. В правоохранительной сфере публичного управления, сфере где деятельность должностных лиц связана с применением мер государственного принуждения и затрагивает права и свободы граждан, наличие значительного объема дискреционных полномочий является объективно обусловленным. Вместе с тем обеспечение законности в условиях широкого административного усмотрения не может достигаться исключительно путем дальнейшего усложнения нормативного регулирования, поскольку чрезмерная детализация правовых норм способна ограничить оперативность и эффективность действий правоприменителя. В этой связи особое значение приобретает общественный контроль как фактор обеспечения законности деятельности должностных лиц органов публичной власти.

Эффективность деятельности правоохранительных органов, в том числе органов внутренних дел и пенитенциарной системы, все в большей степени оценивается не только по формальным показателям раскрываемости преступлений, но и через призму общественного восприятия, уровня доверия и степени удовлетворенности населения их работой. В Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» указано, что общественное мнение является одним из основных критериев официальной оценки деятельности полиции, определяемых федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел.

Согласно актуальной официально опубликованной статистике МВД, показатель эффективности работы органов внутренних дел Российской Федерации по мнению респондентов в 2024 г. составил 53,2%, что на 1,9% превышает уровень 2023 г. (51,3%). Повысился и уровень защищенности граждан от преступных посягательств на объектах транспорта – с 57,9% в 2023 г. до 59,3% в 2024 г. Эти данные отражают умеренную положительную динамику, однако сохраняется потребность в качественном анализе факторов, влияющих на уровень общественного доверия к полиции и другим правоохранительным институтам[1].

Существенным аспектом повышения уровня законности деятельности органов внутренних дел является внедрение механизмов вневедомственной оценки, основанных на восприятии населением деятельности правоохранительных органов. В настоящее время проведение оценки деятельности органов внутренних дел регламентировано приказом МВД от 31 декабря 2013 г. № 1040 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов МВД России»[2]. Согласно этому приказу, оценка деятельности территориального органа МВД складывается из:

- вневедомственной оценки его деятельности, основанной на использовании социологической и иной информации, отражающей мнение населения о деятельности территориального органа МВД, учете количества жалоб, поступивших в территориальный орган, а также уровня удовлетворенности граждан качеством предоставления услуг;
- ведомственной оценки, включающей в себя экспертную оценку и оценку результатов деятельности территориального органа МВД по статистическим показателям.

В.В. Денисенко и Е.Н. Майорова рассматривая историческую ретроспективу нормативного регулирования оценки эффективности деятельности, обращают внимание на постепенный уход от «палочной» системы оценки деятельности органов внутренних дел именно благодаря внедрению вневедомственной оценки деятельности [6, с. 16]. В этом контексте институты гражданского общества выступают как организаторы и участники таких оценок, способствуя выявлению системных проблем и повышению открытости правоохранительной системы.

На заседании коллегии МВД в марте 2025 года Президентом Российской Федерации была отмечена важная роль гражданского общества в профилактической деятельности по двум направлениям деятельности министерства: профилактика подростковой преступности, а также профилактика экстремизма, осуществляемая во взаимодействии с религиозными организациями[3].

При этом в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 (далее – Стратегия), институты гражданского общества определены как субъекты противодействия экстремизму[4]. Также, согласно указанной Стратегии одним из основных направлением государственной политики в сфере противодействия экстремизму является координация деятельности правоохранительных органов и органов публичной власти в совместной работе с институтами гражданского общества по выявлению и пресечению экстремистских проявлений, инициирования «цветных революций» реализуемых с использованием общественно-политического, социально-экономического, национального, культурного, религиозного и регионального факторов.

В этом вопросе одну из ведущих ролей в формировании общественного мнения занимают национальные общины, диаспоры. Они играют важную роль в борьбе и профилактике экстремистских преступлений, являясь посредниками между государственными органами и представителями различных этнических групп. Особенно это важно для МВД, которое помимо противодействия экстремисткой деятельности в большом объеме взаимодействует с иностранными гражданами и лицами, находящимися на территории Российской Федерации, в том числе осуществляет миграционный контроль и регистрацию в рамках деятельности Службы по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан.

Однако на практике данные взаимные контакты с представителями национальных общих, диаспор чаще всего происходят в неформальном виде, что может нести в себе некоторые потенциальные риски. По нашему мнению, для современного правового государства необходима должная правовая и институциональная основа такого взаимодействия, что можно осуществить путем внесения изменений в действующее законодательство.

Так, на федеральном уровне согласно пункту 10 Указа Президента Российской Федерации от 23 мая 2011 г. № 668 «Об общественных советах при Министерстве внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органах» (далее – Указ № 668) состав Общественного совета при Министерстве внутренних дел Российской Федерации формируется и утверждается Министром внутренних дел Российской Федерации с учетом результатов консультаций с Общественной палатой Российской Федерации, Советом при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, общественными объединениями и организациями[5].

Порядок формирования общественных советов при территориальных подразделениях МВД установлен приказом МВД России от 15 августа 2011 г. № 939 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 23 мая 2011 г. № 668», который устанавливает полномочия руководителя данного органа по формированию персонального состава общественного совета территориального органа, на основе предложений граждан и общественности, но без учета мнения Общественной палаты субъекта Российской Федерации[6]. Отступление от порядка, уставленного на федеральном уровне, потеря Общественной палаты субъекта Российской Федерации в процедуре формирования состава общественного совета при территориальном органе, представляется ошибкой, особенно в условиях нашей многонациональной страны. Таким образом, видится необходимым внесение изменений в вышеуказанный приказ МВД, регламентирующих проведение обязательных консультаций с Общественной палатой субъекта Российской Федерации руководителем территориального подразделения МВД при формировании состава соответствующего общественного совета.

[1] Общественное мнение. Официальный сайт МВД России. [Электронный ресурс] // URL: https://xn – b1aew.xn – p1ai/publicopinion/ (дата обращения 10.02.2026).

[2] Приказ МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: https://base.garant.ru/70693384/ (дата обращения: 28.02.2026 г.).

[3] Расширенное заседание коллегии МВД [Электронный ресурс] // URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/76408 (дата обращения 26.02.2026).

[4] Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 53 (часть I), ст. 8669.

[5] Указ Президента Российской Федерации от 23 мая 2011 г. № 668 «Об общественных советах при Министерстве внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органах»// Собрание законодательства РФ. 2011. № 22 ст. 3154; 2015. № 30. ст. 4576; 2020. № 38. ст. 5853. 2021. № 35. ст. 6275.

[6] Приказ МВД России от 15 августа 2011 г. № 939 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 23 мая 2011 г. № 668» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_224237/ (дата обращения: 28.02.2026 г.).

Аналогичная практика участия Общественных палат субъектов Российской Федерации уже существует среди территориальных подразделений федеральных органов исполнительной власти, подведомственных Правительству Российской Федерации[1]. Подобный формат процедуры формирования находит поддержку и в научном сообществе. По мнению Е.В. Бердниковой, участие общественных палат субъектов Российской Федерации в формировании общественных советов при территориальных подразделениях федеральных органов исполнительной власти является наиболее предпочтительной моделью создания данных институтов, так как позволяет обеспечить открытый и независимый порядок их организации и результативность дальнейшей деятельности [7, с. 325].

Дополнительно представляется целесообразным внести изменения в Указ № 668, предусматривающий закрепление нормы, согласно которой при формировании состава общественных советов территориального органа МВД рекомендуется учитывать многонациональный состав соответствующего субъекта Российской Федерации, обеспечивая участие представителей основных этнических групп. При этом установление именно рекомендательной нормы позволит сохранить необходимую гибкость правового регулирования и избежать чрезмерной формализации процедуры формирования общественных советов.

Взаимодействие федеральных органов исполнительной власти, в том числе МВД, с национальными общинами и иными институтами гражданского общества приобретает особую значимость в условиях многонационального состава страны, особенно в контексте противодействия экстремизму и профилактики межэтнических конфликтов. Несмотря на закрепление роли институтов гражданского общества в Стратегии, на практике взаимодействие правоохранительных органов с этническими сообществами нередко носит преимущественно неформальный и эпизодический характер, что снижает эффективность профилактической деятельности, а также может порождать риски возникновения недоверия со стороны отдельных этнических групп.

В целях повышения институциональной устойчивости такого взаимодействия представляется целесообразным нормативное закрепление механизмов участия представителей национальных общин и диаспор в деятельности общественных советов при органах внутренних дел. Предлагаемые изменения в Указ № 668, предусматривающие учет этнокультурного состава региона при формировании общественных советов, позволят создать более устойчивую правовую основу для участия институтов гражданского общества в обсуждении и мониторинге решений, принимаемых в сфере миграционной политики, профилактики экстремизма и предупреждения межэтнической напряженности.

Указанные изменения не только позволят усилить профилактический потенциал в борьбе с проявлениями радикализма и межэтнической напряженности, но и обеспечат репрезентативность, легитимность и устойчивость институциональных каналов обратной связи между обществом и правоохранительной системой. Кроме того, унификация порядка формирования общественных советов при территориальных подразделениях МВД по аналогии с федеральным уровнем и расширение роли общественных палат субъектов Российской Федерации поспособствует более открытому и прозрачному формированию состава данных консультативных структур.

Подводя итог исследования, можно отметить, что правоохранительная сфера как объект государственного управления обладает высокой социальной значимостью и чувствительностью, поскольку включает широкий круг задач по обеспечению правопорядка, защите прав и свобод граждан, профилактике преступности и правонарушений. Это отражает порядок участия институтов гражданского общества в деятельности правоохранительных органов, который носит строго регламентированных характер. Однако в тоже время существует ряд неурегулированных общественных отношений, которые возникают во взаимодействии с национальными общинами. В этой связи целесообразно использовать уже функционирующие площадки общественного совета при МВД для построения правового взаимодействия, изменив порядок утверждения общественного совета при территориальном органе МВД. Реализация указанных мер позволит повысить эффективность взаимодействия государства и гражданского общества, укрепить механизмы общественного контроля и будет способствовать обеспечению законности в системе публичного управления.

[1] Приказ ФАС России от 15 февраля 2021 г. № 109/21 «Об утверждении положения об Общественном совете при территориальном органе Федеральной антимонопольной службы». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_380626

Литература

1. Антонян Ю.М. Криминология. Избранные лекции. – М.: «Логос», 2004. – С. 147.
2. Старостин С.А. Административно-правовое принуждение: проблемы теории // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2021. № 6 (82). С. 51.
3. Зайцев Д.И. Административное усмотрение как средство преодоления неопределенности в правовых актах управления // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2024. – № 1. – С. 18–19.
4. Степаненко Ю.В., Журавлев В.В. // Государственное управление в правоохранительной сфере: Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции, Москва, 09 ноября 2023 года. – Москва: Академия управления МВД России, 2023. – С. 202.
5. Соловей Ю.П. Усмотрение в административной деятельности советской милиции: диссертация кандидата юридических наук: 12.00.02. – Москва, 1982. – С. 144–146.
6. Денисенко В. В., Майорова Е.Н. Показатели и методика вневедомственной оценки деятельности органов внутренних дел и условий их функционирования // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 1 (28). С. 16.
7. Бердникова Е.В. Тенденции и перспективы развития правового регулирования организации и деятельности общественных советов как субъектов общественного контроля в Российской Федерации // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2024. № 3. С. 325.

CIVIL SOCIETY AS A FACTOR IN ENSURING THE LEGALITY OF PUBLIC ADMINISTRATION IN THE LAW ENFORCEMENT SPHERE

Zubenko S.I.
Kutafin Moscow State Law University

The article examines the legal mechanisms for the participation of civil society institutions in ensuring the legality of public administration in the law enforcement sphere. The main subjects and forms of such interaction are analyzed. Special attention is paid to the role of civil society institutions in exercising public control, forming a public assessment of the activities of law enforcement agencies and limiting the administrative discretion of officials. The current regulatory and legal mechanisms for the participation of civil society in ensuring public safety, preventing offenses and countering extremism are considered. Based on the analysis of legislation and practice of interaction, separate problems of institutionalization of cooperation between law enforcement agencies and public structures, in particular with national communities and diasporas, are identified. The necessity of improving the legal regulation of the formation of public councils under the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia, including the expansion of the participation of public chambers of the subjects of the Russian Federation, is substantiated.

Keywords: public administration; legality; law enforcement; federal executive authorities; civil society institutions; public control; administrative discretion; public councils; internal affairs bodies; prevention of extremism.

References

1. Antonyan Yu.M. Criminology. Selected Lectures. Moscow: Logos, 2004, p. 147.
2. Starostin S.A. Administrative-Legal Coercion: Theoretical Issues // Bulletin of O.E. Kutafin University. 2021. № 6 (82). P. 51.
3. Zaitsev D.I. Administrative Discretion as a Means of Overcoming Uncertainty in Legal Acts of Management // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. – 2024. – № 1. – P. 18–19.
4. Stepanenko Yu. V., Zhuravlev V.V. // Public Administration in the Law Enforcement Sphere: Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, November 9, 2023. – Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. – P. 202.
5. Solovey Yu.P. Discretion in the administrative activities of the Soviet militia: Candidate of Law Dissertation: 12.00.02. – Moscow, 1982. – Pp. 144–146.
6. Denisenko V.V., Mayorova E.N. Indicators and methods of extra-departmental assessment of the activities of internal affairs bodies and the conditions of their functioning // Law and order: history, theory, practice. 2021. № 1 (28). P. 16.
7. Berdnikova E.V. Trends and prospects for the development of legal regulation of the organization and activities of public councils as subjects of public control in the Russian Federation // News of Saratov University, Nov. series. Series: Economy. Management. Law. 2024. № 3. P. 325.

Управленческие механизмы в системе российского федерализма: от конституционных принципов к административной практике

Иналкаева Казбан Саматовна,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой права Чеченского государственного педагогического университета

Статья посвящена комплексному анализу управленческих механизмов в системе российского федерализма. Исследуется трансформация конституционных принципов в практику государственного управления. Выявляются системные противоречия между формальными установлениями и реальными административными процессами. Особое внимание уделяется проблеме согласования интересов различных уровней публичной власти. Анализируется эволюция организационно-административных инструментов регулирования федеративных отношений. Рассматривается влияние последних конституционных изменений на систему управления. Доказывается необходимость совершенствования механизмов межведомственного и межуровневого взаимодействия.

Ключевые слова: управленческие механизмы, российский федерализм, конституционные принципы, административная практика, публичная власть, межведомственное взаимодействие, государственное управление, региональная политика.

Конституционные положения о федеративном устройстве России создают системные ограничения для формирования управленческих механизмов. Определение России как федеративного государства в статье 1 Конституции предполагает специфическую организацию публичной власти. Закрепленные в статье 5 принципы государственной целостности, единства системы власти, разграничения предметов ведения образуют нормативный фундамент для подготовки и исполнения управленческих решений. Однако административная практика демонстрирует существенные расхождения с этими конституционными установлениями.

М.В. Глигич-Золотарева аргументирует потребность в системном анализе федеративных отношений, позволяющем рассматривать управленческие механизмы как комплекс взаимосвязанных элементов. Взаимозависимость различных уровней власти проявляется в том, как федеральные управленческие решения воздействуют на региональные и муниципальные системы управления [1]. Региональные управленческие практики, в свою очередь, способны оказывать обратное влияние на федеральную политику, создавая сложную диалектику взаимоотношений.

Организационно-административные механизмы реализации федеративной политики демонстрируют значительный разброс форм и методов работы. Институт полномочных представителей Президента, система территориальных органов федеральной исполнительной власти, межведомственные комиссии – каждый инструмент обладает собственными возможностями и ограничениями в обеспечении единства государственной политики. Их практическая эффективность определяется качеством нормативного регулирования и уровнем профессиональной компетентности управленцев.

С.С. Зенин рассматривает новые подходы к правовому регулированию системы публичной власти после конституционной реформы 2020 года. Изменения прежде всего затронули принципы организации и функционирования публичной власти в субъектах Федерации [4]. Унификация подходов к формированию региональных органов власти усилила вертикаль управления, но одновременно поставила под сомнение сохранение федеративной природы российского государства. Учет региональной специфики оказался вторичным по отношению к задачам централизации.

Институт полномочных представителей Президента эволюционировал от обеспечения конституционных полномочий главы государства к многофункциональному управленческому инструменту. Современные полпреды координируют деятельность федеральных органов власти на региональном уровне, мониторят исполнение президентских указов, оценивают эффективность региональных властей. Их положение в системе разделения властей продолжает вызывать дискуссии среди экспертов, отмечающих непрозрачность критериев оценки деятельности.

К.В. Давыдов исследует значение административных регламентов для функционирования федеральных органов исполнительной власти. Эти документы, определяющие порядок исполнения государственных функций, непосредственно влияют на эффективность взаимодействия между уровнями публичной власти [3]. Несовершенство регламентного регулирования порождает дублирование полномочий, избыточные административные барьеры, снижая в конечном счете качество управления.

Д.В. Давлетшин диагностирует разобщенность властных структур как системное препятствие для эффективного публичного управления. Отсутствие работающих механизмов координации между федеральными министерствами при реализации региональной политики снижает ее результативность [2]. Противоречивые указания из различных федеральных органов создают дополнительные сложности для региональных и муниципальных властей, вынуждая их лавировать между ведомственными интересами.

Ю.Г. Калянова анализирует проблемы применения единых стандартов к регионам с различным социально-экономическим потенциалом. Дифференциация управленческих возможностей субъектов Федерации часто игнорируется при разработке федеральных требований [5]. Это приводит к формальному исполнению предписаний без достижения реальных целей управления, когда регионы имитируют деятельность вместо решения существенных задач.

В.В. Корольков рассматривает федеративные отношения как предмет конституционного права, фиксируя отставание правового регулирования от динамики управленческих практик. Возникающий разрыв между нормативной базой и реальными процессами управления создает правовую неопределенность, негативно сказываясь на качестве управленческих решений [7]. Совершенствование правового обеспечения представляется необходимым условием развития федеративных отношений.

Л.И. Найденова и Л.Ф. Каримова изучают процесс разработки управленческих решений в условиях многоуровневой системы власти, подчеркивая важность учета интересов всех стейкхолдеров [8]. Многоступенчатая процедура согласования, характерная для федеративной системы, увеличивает время принятия решений, но способствует их обоснованности. Однако избыточная бюрократизация этого процесса сводит на нет его потенциальные преимущества.

В.Н. Южаков, Е.И. Добролюбова и А.А. Ефремов разрабатывают подходы к оценке результативности экспериментов в государственном управлении. Их методики значимы для анализа эффективности управленческих новаций в сфере федеративных отношений [9]. Пилотные проекты и экспериментальные правовые режимы становятся распространенным инструментом апробации новых управленческих механизмов, но без четких критериев оценки рискуют остаться локальными инициативами.

Кадровое обеспечение управленческих механизмов в системе федерализма представляет отдельную проблему. Формирование корпуса управленцев, понимающих специфику федеративных отношений, требует развития особых профессиональных компетенций. Существующая система подготовки государственных служащих в недостаточной степени учитывает потребность в знаниях особенностей различных уровней власти и навыках межведомственной координации.

Бюджетный процесс как управленческий механизм играет ключевую роль в реализации принципов федерализма. Формы финансового обеспечения полномочий различных уровней власти непосредственно влияют на характер их взаимоотношений. Межбюджетные трансферты выступают не только инструментами финансового выравнивания, но и средствами административного воздействия, создавая напряжение в системе федеративных отношений.

Информационно-аналитическое обеспечение управленческих решений требует создания единых систем мониторинга. Сбор данных о социально-экономическом развитии регионов по единым методикам остается проблематичным, что затрудняет принятие обоснованных управленческих решений. Одновременно избыточная отчетность создает дополнительную нагрузку на региональные и муниципальные органы власти.

Коллективная монография под редакцией А.Ф. Ноздрачева демонстрирует влияние конфликтов интересов в системе государственной службы на эффективность управленческих механизмов [6]. Противоречия между общегосударственными, региональными и ведомственными интересами неизбежны в федеративной системе. Отсутствие работающих процедур выявления и урегулирования таких конфликтов способно подрывать основы федеративного устройства.

Цифровая трансформация управленческих процессов создает новые дилеммы для российского федерализма. Внедрение цифровых платформ меняет традиционные модели взаимодействия, повышая прозрачность управления, но одновременно рискуя усилить централизацию через концентрацию цифровой инфраструктуры на федеральном уровне.

Роль судебной системы в разрешении споров о компетенции между уровнями власти изучена недостаточно. Решения Конституционного Суда РФ оказывают существенное влияние на практику применения управленческих механизмов, но судебные процедуры не всегда способны оперативно реагировать на управленческие коллизии.

Учет региональной специфики при реализации единой государственной политики представляет постоянную проблему. Унифицированные управленческие подходы, не учитывающие различия между регионами, часто оказываются малоэффективными. Разработка дифференцированных стратегий требует совершенных аналитических инструментов.

Координация деятельности органов местного самоуправления с региональными и федеральными структурами остается проблемной зоной. Конституционная реформа 2020 года включила местное самоуправление в единую систему публичной власти, но практические механизмы интеграции еще не выработаны. Международный опыт управления в федеративных государствах предлагает ценные уроки, но прямое заимствование без учета российской специфики малопродуктивно. Сравнительный анализ позволяет выявить общие тенденции и специфические особенности различных моделей.

Оценка эффективности управленческих механизмов требует разработки комплексной системы показателей. Традиционные метрики в недостаточной степени отражают качество управления в федеративной системе. Необходимы индикаторы, позволяющие оценивать степень координации между уровнями власти. Правовое сознание и административная культура чиновников оказывают существенное влияние на функционирование управленческих механизмов. Непонимание принципов федерализма на уровне конкретных исполнителей сводит на нет самые совершенные управленческие конструкции.

Перспективы развития управленческих механизмов связаны с поиском баланса между централизацией и децентрализацией. Чрезмерная централизация подавляет региональную инициативу, избыточная децентрализация угрожает единству правового пространства. Роль экспертного сообщества и гражданского общества в совершенствовании управленческих механизмов постепенно возрастает.

Однако институционализация таких практик в российской управленческой традиции только начинается. Влияние геополитических факторов и внешнеэкономических санкций на управленческие механизмы российского федерализма нельзя недооценивать. Необходимость мобилизации ресурсов стимулирует усиление централизации управления, одновременно повышая значение региональной экономической самостоятельности. Проблема обеспечения единства правового пространства при сохранении регионального разнообразия остается актуальной. Контроль за соответствием региональных актов федеральному законодательству требует совершенных управленческих механизмов. Инновационные управленческие практики, такие как проектное управление, постепенно проникают в систему государственного управления.

Их внедрение требует изменения устоявшихся административных процедур и преодоления сопротивления бюрократического аппарата.

Оптимизация бюджетно-финансовых механизмов открывает значительные резервы для повышения эффективности управления. Внедрение программно-целевого принципа распределения межбюджетных трансфертов способно рационализировать использование финансовых ресурсов. Дифференцированные подходы к финансовому обеспечению полномочий с учетом региональной специфики усилили бы стимулирующую функцию межбюджетных отношений. Координационные механизмы требуют институционального развития через создание постоянно действующих межведомственных комиссий и координационных советов при федеральных округах. Включение представителей субъектов Федерации в эти структуры позволило бы наладить более эффективное взаимодействие между уровнями власти. Система совместного планирования деятельности федеральных и региональных органов власти обеспечила бы необходимую согласованность управленческих решений.

Информационно-аналитическое обеспечение управления предполагает формирование единой платформы мониторинга эффективности на всех уровнях власти. Разработка системы показателей оценки качества реализации полномочий и механизмов обмена лучшими практиками между регионами способствовала бы большей прозрачности управленческих процессов.

Кадровый потенциал государственной службы нуждается в специализированных программах подготовки управленческих кадров для работы в федеративной системе. Ротация государственных служащих между федеральным и региональным уровнями обогатила бы их профессиональный опыт. Регулярное повышение квалификации по вопросам федеративных отношений формировало бы корпус управленцев, понимающих специфику многоуровневого управления. Общественное участие в управленческих процессах может быть усилено через разработку механизмов общественного контроля за разграничением и реализацией полномочий. Система публичной отчетности органов власти всех уровней о результатах управления повысила бы доверие граждан к институтам власти. Практика общественных обсуждений значимых управленческих решений создала бы дополнительные каналы обратной связи.

Судебные механизмы нуждаются в специализированных процедурах разрешения споров о компетенции. Экспертные советы при судах по вопросам федеративных отношений могли бы способствовать более квалифицированному рассмотрению дел. Ускорение процедур рассмотрения споров о разграничении полномочий укрепило бы правовые основы федерализма. Инновационные подходы к управлению предполагают разработку механизмов экспериментальных правовых режимов для апробации новых моделей. Система оценки регулирующего воздействия федеральных решений на региональное развитие позволила бы учитывать территориальную специфику. Проектные методы управления в сфере межбюджетных отношений открыли бы новые возможности для оптимизации федеративных отношений.

Вертикаль управления может быть укреплена через совершенствование механизмов контроля за соответствием регионального законодательства федеральным стандартам. Система сбалансированных показателей эффективности деятельности органов власти субъектов РФ обеспечила бы единство подходов к оценке управления. Координационные функции института полномочных представителей Президента требуют более четкого нормативного закрепления. Международное сотрудничество в сфере федеративных отношений способно обогатить российскую практику через систематический обмен опытом с зарубежными федерациями. Совместные исследования вопросов федеративного управления позволили бы выявить перспективные зарубежные наработки. Адаптация международного опыта в области межбюджетных отношений могла бы дополнить отечественные подходы к регулированию федеративных отношений.

Реализация этих мер создала бы более сбалансированную систему управленческих механизмов, сочетающую единство государственной политики с учетом региональных особенностей. Повышение эффективности государственного управления и укрепление федеративных отношений в России зависят от последовательности проведения предлагаемых преобразований.

Таким образом, управленческие механизмы в системе российского федерализма представляют сложный и динамичный комплекс. Конституционные принципы федеративного устройства реализуются через разнообразные административные практики с различной эффективностью. Ключевыми проблемами остаются недостаточная координация между уровнями власти, противоречия между централизацией и необходимостью учета региональной специфики, несовершенство правового и информационного обеспечения. Перспективы развития связаны с созданием сбалансированной системы, сочетающей единство государственной политики с гибкостью управленческих подходов при сохранении конституционных основ федеративного устройства. Совершенствование управленческих механизмов российского федерализма остается сложной задачей, решение которой предполагает многоуровневые преобразования. Развитие нормативно-правовой базы видится перспективным через установление более четких критериев разграничения полномочий, основанных на принципе субсидиарности. Прозрачные механизмы передачи отдельных федеральных полномочий на региональный уровень могли бы сопровождаться системой регулярного мониторинга вопросов совместного ведения.

Литература

1. Глигич-Золотарева М.В. Теория и практика федерализма: системный подход / М.В. Глигич-Золотарева; Российская акад. наук, Сибирское отд-ние, Ин-т проблем освоения Севера, М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное агентство по образованию, Тюменский гос. ун-т, Ин-т государства и права. Новосибирск: Наука, 2009. 432 с.
2. Давлетшин Д.В. Межведомственное взаимодействие как основа эффективного публичного управления: проблемы разобщенности и пути консолидации властных структур / Д.В. Давлетшин // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 150–154.
3. Давыдов К.В. Административные регламенты федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации: вопросы теории: монография / К.В. Давыдов; под ред. д-ра юрид. наук, проф. Ю.Н. Старилова. М.: NOTA BENE, 2010. 390 с.
4. Зенин С.С. Система публичной власти в Российской Федерации: новые подходы к правовому регулированию в условиях конституционной реформы / С.С. Зенин // Lex Russica (Русский закон). 2020. Т. 73. № 12 (169). С. 42–53.
5. Калянова Ю.Г. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: актуальные вопросы реализации / Ю.Г. Калянова // Конституция России и развитие законодательства: сб. материалов III Всерос. науч.-практ. конф. Нижний Новгород, 2022. С. 114–120.
6. Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе, в деятельности организаций: причины, предотвращение, урегулирование: научно-практическое пособие / Т.С. Глазырин, Т.Л. Козлов, Н.М. Колосова [и др.]; отв. ред. А.Ф. Ноздрачев. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2016. 224 с.
7. Корольков В.В. Федеративные отношения в предмете конституционного права: дис. … канд. юрид. наук / В.В. Корольков. МГУ имени М.В. Ломоносова. Москва, 2024. 301 с.
8. Найденова Л.И. Разработка и принятие управленческих решений / Л.И. Найденова, Л.Ф. Каримова. Пенза: Изд-во ПГУ, 2020. 56 с.
9. Южаков В.Н. Подходы к оценке результативности и эффективности экспериментов в государственном управлении / В.Н. Южаков, Е.И. Добролюбова, А.А. Ефремов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 3 (46). С. 8–26.

GOVERNANCE MECHANISMS IN THE RUSSIAN FEDERALIST SYSTEM: FROM CONSTITUTIONAL PRINCIPLES TO ADMINISTRATIVE PRACTICE

Inalkaeva K.S.
Chechen State Pedagogical University

The article is devoted to a comprehensive analysis of management mechanisms in the system of Russian federalism. The transformation of constitutional principles into public administration practice is investigated. Systemic contradictions between formal establishments and real administrative processes are identified. Special attention is paid to the problem of coordinating the interests of various levels of public authority. The evolution of organizational and administrative tools for regulating federal relations is analyzed. The influence of recent constitutional changes on the management system is considered. The necessity of improving mechanisms of interdepartmental and interlevel interaction is proved.

Keywords: management mechanisms, Russian federalism, constitutional principles, administrative practice, public authority, interdepartmental interaction, public administration, regional policy.

References

1. Gligich-Zolotareva M.V. Teoriya i praktika federalizma: sistemny`j podxod [Theory and Practice of Federalism: A Systems Approach] / M.V. Gligich-Zolotareva. Novosibirsk: Nauka, 2009. 432 s.
2. Davletshin D.V. Mezhvedomstvennoe vzaimodejstvie kak osnova effektivnogo publichnogo upravleniya: problemy razobshhennosti i puti konsolidacii vlastnyx struktur [Interdepartmental Interaction as the Basis for Effective Public Administration: Problems of Disunity and Ways to Consolidate Power Structures] / D.V. Davletshin // Vestnik ekonomiki, prava i sociologii – Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2025. № 2. S. 150–154.
3. Davydov K.V. Administrativnye reglamentyfederal'nyx organov ispolnitel'noj vlasti Rossijskoj Federacii: voprosyteorii: monografiya [Administrative Regulations of Federal Executive Bodies of the Russian Federation: Theoretical Issues: Monograph] / K.V. Davydov; pod red. Yu.N. Starilova. M.: NOTA BENE, 2010. 390 s.
4. Zenin S.S. Sistema publichnoj vlasti v Rossijskoj Federacii: novye podxody k pravovomu regulirovaniyu v usloviyax konstitucionnoj reformy` [The System of Public Power in the Russian Federation: New Approaches to Legal Regulation in the Context of Constitutional Reform] / S.S. Zenin // Lex Russica (Russkij zakon) – Lex Russica (Russian Law). 2020. T. 73. № 12 (169). S. 42–53.
5. Kalyanova Yu.G. Ob obshhix principax organizacii publichnoj vlasti v sub"ektax Rossijskoj Federacii: aktual'nye voprosyrealizacii [On the General Principles of Organizing Public Power in the Subjects of the Russian Federation: Current Implementation Issues] / Yu.G. Kalyanova // Konstituciya Rossii i razvitie zakonodatel'stva: sb. materialov III Vseros. nauch.-prakt. konf. – The Constitution of Russia and the Development of Legislation: Collection of Materials of the III All-Russian Scientific-Practical Conference. Nizhnij Novgorod, 2022. S. 114–120.
6. Glazyrin T.S. Konflikt interesov na gosudarstvennoj i municipal'noj sluzhbe, v deyatel'nosti organizacij: prichiny, predotvrashhenie, uregulirovanie: nauchno-prakticheskoe posobie [Conflict of Interest in State and Municipal Service, in the Activities of Organizations: Causes, Prevention, Settlement: Scientific and Practical Guide] / T.S. Glazy`rin, T.L. Kozlov, N.M. Kolosova [i dr.]; otv. red. A.F. Nozdrachev. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii: INFRA-M, 2016. 224 s.
7. Korol'kov V.V. Federativny`e otnosheniya v predmete konstitucionnogo prava: dis. … kand. yurid. nauk [Federal Relations in the Subject of Constitutional Law: Candidate of Sciences Dissertation] / V.V. Korol'kov. M.: MGU imeni M.V. Lomonosova, 2024. 301 s.
8. Najdenova L.I. Razrabotka i prinyatie upravlencheskix reshenij [Development and Adoption of Management Decisions] / L.I. Najdenova, L.F. Karimova. Penza: Izd-vo PGU, 2020. 56 s.
9. Yuzhakov V.N. Podxodyk ocenke rezul'tativnosti i effektivnosti eksperimentov v gosudarstvennom upravlenii [Approaches to Assessing the Performance and Effectiveness of Experiments in Public Administration] / V.N. Yuzhakov, E.I. Dobrolyubova, A.A. Efremov // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo – Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2021. № 3 (46). S. 8–26.

Механизмы защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом

Кириченко Алексей Олегович,
ведущий специалист 2 разряда аппарата Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками
E-mail: aok99@yandex.ru

В статье рассматривается система механизмов защиты прав российских соотечественников, проживающих за рубежом, в условиях современной геополитической напряжённости и роста проявлений русофобии, а также анализируются существующие проблемы в рассматриваемой сфере и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: права человека, механизмы защиты прав, соотечественники, правовой статус, государственная политика, международно-правовая защита, национальное законодательство, дискриминация, репатриация, миграция, правовое регулирование.

Введение

Российская диаспора за рубежом – одна из крупнейших в мире. Опираясь на заявления российских официальных лиц, мы можем о говорить о цифре в 25–40 миллионов человек [1].

В условиях складывающейся геополитической обстановки, на фоне усиления санкционного давления на Российскую Федерацию и беспрецедентного роста русофобских настроений в ряде зарубежных государств, все более очевидным, учитывая их количество, становится факт необходимости защиты прав наших соотечественников, проживающих за рубежом, и членов их семей (далее – соотечественники).

Только в 2025 году поступило 557 обращений от соотечественников и российских граждан, находящихся за рубежом. География нарушений охватывает около пятидесяти стран мира [2].

В странах Балтии русофобия, по оценкам МИД России, выведена на «недосягаемый по циничности уровень» [3]. В Литве, например, приняты положения об аннулировании вида на жительство для граждан России при определенных условиях, а в Латвии проводится массовая депортация российских граждан, не прошедших определенные «фильтрационные» процедуры.

В этих условиях существенно возрастает роль государственной политики Российской Федерации, направленной на оказание содействия проживающим за рубежом соотечественникам в обеспечении их прав, свобод и законных интересов, что является одним из приоритетов государственной политики России. Так, соответствующая обязанность государства нашла закрепление в статье 69 Конституции Российской Федерации [4].

Возрастание числа и тяжести нарушений прав соотечественников за рубежом, системный характер дискриминации по этническому и гражданскому признаку, а также необходимость совершенствования правовых и дипломатических механизмов их защиты в условиях международной напряженности обусловливают высокую степень актуальности настоящего исследования.

Проблема защиты прав соотечественников ранее уже была предметом изучения ряда ученых-правоведов (Басик В.П., Забелло И.О., Еремина И.С., Прудникова Т.А., Баранов Ю.А., Калинина Н.В., Филиппов В.И., Халецкая Д.Р., Подобаев В.Ю.). Вместе с тем, несмотря на значительное число научных работ, многие вопросы остаются недостаточно изученными. Кроме того, все работы посвящены отдельным аспектам рассматриваемого вопроса (например, только административно-правовым механизмам или конституционно-правовым основам), но не изучают механизмы в совокупности.

Цель настоящего исследования состоит в комплексном анализе и систематизации механизмов защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, выявлении существующих проблем, а также в выработке предложений по совершенствованию правовых и организационных основ их реализации в современных условиях.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- Рассмотреть понятие соотечественников, проживающих за рубежом, в соответствии с российским законодательством.
- Систематизировать и структурировать механизмы защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом.
- Проанализировать деятельность органов государственной власти Российской Федерации и негосударственных учреждений.
- Исследовать практику реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом.
- Разработать рекомендации по совершенствованию законодательства и правоприменения практики в рассматриваемой сфере.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в сфере реализации и защиты прав и законных интересов соотечественников, проживающих за пределами Российской Федерации.

Предметом исследования выступают конституционно-правовые нормы, нормы международного права, международно-правовые обычаи, положения российского законодательства и подзаконных нормативных правовых актов, практика деятельности органов государственной власти Российской Федерации и негосударственных учреждений в сфере защиты прав и свобод соотечественников за рубежом;

Методологическую основу исследования составляет совокупность общенаучных и специальных юридических методов познания, среди которых проблемный, логический, классификационный методы, логико-правовой и системный анализы, формально-юридический и технико-юридический методы.

Понятие соотечественников, проживающих за рубежом, и механизмов защиты их прав

В первую очередь необходимо определиться с терминологическим аппаратом настоящей статьи.

В Российской Федерации принято легальное определение понятия «соотечественник», определенное в статье 1 Федерального закона от 24.05.1999 № 99-ФЗ (ред. от 23.03.2026) «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом».

В первую очередь, это граждане Российской Федерации, постоянно проживающие за пределами территории нашей страны.

Кроме того, соотечественниками также признаются лица и их потомки, проживающие за пределами территории нашей страны и относящиеся к народам, исторически проживающим на ней, а также сделавшие свободный выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с Российской Федерацией лица, чьи родственники по прямой восходящей линии ранее проживали на территории России, в том числе:

• лица, состоявшие в гражданстве СССР, проживающие в государствах, входивших в состав СССР, получившие гражданство этих государств или ставшие лицами без гражданства;

• выходцы (эмигранты) из Российского государства, Российской республики, РСФСР, СССР и Российской Федерации, имевшие соответствующую гражданскую принадлежность и ставшие гражданами иностранного государства или лицами без гражданства [6].

Таким образом, российское законодательство закрепляет широкий подход к определению понятия «соотечественник», основанный не только на формальном критерии гражданства, но и на культурно-исторической и духовной связи с Россией. При этом, если отнесение граждан Российской Федерации к данной категории сомнений не вызывает, то мнения относительно определения второй группы соотечественников разнятся.

Однако, учитывая практическую направленность настоящей статьи, полагаем целесообразным принять за основу указанное определение, как отражающее сложившийся опыт государственной политики в отношении российских соотечественников и устоявшиеся механизмы защиты их прав.

Таким образом, правовой статус соотечественников, проживающих за рубежом, характеризуется значительным многообразием категорий, различающихся по наличию российского гражданства, месту постоянного проживания, а также по характеру связи с Российской Федерацией. Такая дифференциация объективно обуславливает необходимость применения различных по своей природе, уровню и направленности механизмов защиты прав, учитывающих особенности каждой группы.

Статья 7 Всеобщей декларации прав человека говорит о том, что защита прав человека осуществляется законом [7]. Однако необходимо отметить, что сами по себе нормы права не обладают самостоятельной субъектностью. Реализация норм права всегда находится в зависимости от воли правоприменителя.

Именно поэтому в науке сформировался подход, согласно которому механизмы защиты прав – это система различных институтов, осуществляющих применение права. Например, М.М. Утяшев и Л.М. Утяшева под механизмом защиты прав человека понимают национальное законодательство, систему государственных и негосударственных органов и учреждений, практически осуществляющих влияние и контроль за соблюдением прав человека и недопущением нарушения, а также обязанность восстановления нарушенных прав [8].

Представляется, что указанная позиция наиболее полно отражает сущность рассматриваемого понятия, поскольку право без инструментов его защиты и законодательного закрепления остается иллюзорным и эфемерным. В то же время сами по себе институты не могут существовать без правовых норм, что обуславливает их взаимозависимое существование.

В приведенном выше определении сделан акцент на национальное законодательство. Однако для целей настоящего исследования стоит отметить, что защита прав соотечественников не может осуществляться с опорой лишь на внутригосударственные институты. В данном случае необходимо руководствоваться также нормами государства пребывания и международно-правовыми нормами.

Классификация механизмов защиты прав соотечественников

В современной науке вопрос классификации механизмов защиты прав соотечественников остается слабо проработанным. Основная масса научных исследований по этой теме строится вокруг отдельных аспектов указанного вопроса, которые не рассматриваются в совокупности.

В связи с этим предлагается систематизировать имеющиеся механизмы защиты по ряду критериев, что позволит определить оптимальные способы реагирования на нарушения прав каждой категории соотечественников.

По уровню правового регулирования механизмы защиты можно разделить на международно-правовые и национальные (внутригосударственные). Международно-правовые механизмы базируются на нормах универсальных и региональных договоров, международных правовых обычаях и общепризнанных принципах.

При этом стоит отметить, что действие международно-правовых механизмов имеет универсальный характер и распространяется не на отдельные категории лиц (в нашем случае – на соотечественников), а на всех граждан государств-участников соответствующих договоров.

Так, например, ключевое значение для защиты прав соотечественников имеет Всеобщая декларация прав человека 1948 г., заложившая фундаментальные принципы неотъемлемости прав каждого человека. На постсоветском пространстве схожую роль выполняет Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека 1995 г. Важное место занимают двусторонние соглашения о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, заключаемые Российской Федерацией с отдельными государствами.

Говоря о субъектной части международно-правовых механизмов, следует упомянуть механизмы Организации Объединенных Наций, а также региональные механизмы, такие как Европейский суд по правам человека (с учетом ограничений, связанных с выходом России из Совета Европы), Комиссия по правам человека СНГ.

Национальные механизмы закреплены в законодательстве Российской Федерации и реализуются через деятельность органов государственной власти и подведомственных им учреждений. К ним относятся конституционные гарантии защиты прав граждан России за рубежом, федеральные законы, а также подзаконные акты, регламентирующие деятельность Министерства иностранных дел, консульских учреждений, Россотрудничества. Важную роль играют стратегические документы, такие как, например, Стратегия государственной национальной политики и Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (далее – Госпрограмма).

По субъектам, осуществляющим защиту, на наш взгляд, следует выделить государственные, общественные и смешанные механизмы. Государственные механизмы реализуются органами публичной власти: Президентом, Правительством, Министерством иностранных дел и его дипломатическими представительствами, консульскими учреждениями, Россотрудничеством, федеральными органами исполнительной власти, Генеральной прокуратурой, а также Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации и уполномоченными в субъектах РФ.

В этой связи отдельного упоминания заслуживает успешно развивающаяся и функционирующая Правительственная комиссия по делам соотечественников, проживающих за рубежом (далее – ПКДСР), которая осуществляет координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по реализации государственной политики в отношении соотечественников, проживающих за рубежом, а также выполняет ряд иных функций [9].

Если ПКДСР определяет общую политическую линию, то юридическую проводит Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом (далее – ФПС), под эгидой которого действуют 53 центра правовой помощи с отделениями в 30 странах [10].

Кроме того, при Россотрудничестве созданы и работают так называемые «Русские дома» за рубежом. Помимо организации различных культурно-массовых мероприятий, они также оказывают помощь соотечественникам, в том числе, в репатриации.

Общественные механизмы осуществляются институтами гражданского общества, в том числе общественными объединениями соотечественников за рубежом, координационными советами, ассоциациями, землячествами, некоммерческими организациями, оказывающими правовую помощь, диаспоральными структурами и правозащитными центрами.

Наиболее ярким примером общественных механизмов является деятельность Координационных советов организаций российских соотечественников, проживающих за рубежом (далее – КСОРС). При КСОРС организуются центры правовой помощи, а также встречаются случаи оказания методической помощи соотечественникам по обращению в сторонние юридические организации, как, например, в Республике Корея.

Смешанные механизмы предполагают взаимодействие государства с общественными структурами, например, через грантовую поддержку проектов соотечественников и деятельность совместных совещательных органов. Пожертвования, гранты и субсидии общественным организациям, оказывающим юридическую поддержку нашим соотечественникам, предоставляют Россотрудничество, ФПС, Фонд президентских грантов.

По способу защиты считаем возможным выделить дипломатические, консульские, судебные и информационно-публичные механизмы. Дипломатические механизмы включают урегулирование споров и защиту прав путем переговоров, направления нот, демаршей, заявлений, использования политического давления, институт дипломатической защиты как таковой, предоставление политического или временного убежища.

Так, например, в ответ на упомянутые выше действия латвийских властей по депортации российских граждан было принято заявление Государственной Думы о недопустимости дискриминационной политики, одновременно с которым были даны рекомендации Правительству Российской Федерации проработать дополнительные меры поддержки для выдворяемых из Латвии соотечественников.

Консульские механизмы основываются на Консульском уставе Российской Федерации и двусторонних консульских конвенциях и охватывают оказание содействия и защиты в экстренных ситуациях, помощь в реализации прав через нотариальные действия, взаимодействие с местными властями и выполнение иных консульских действий.

Судебные и квазисудебные механизмы включают обращение в национальные суды государства проживания, в международные судебные инстанции, в арбитражи и третейские суды для разрешения инвестиционных и коммерческих споров, а также использование процедур договорных комитетов ООН.

Информационно-публичные механизмы предполагают освещение фактов нарушений в средствах массовой информации, создание общественного резонанса, подготовку докладов правозащитных организаций, проведение парламентских слушаний.

Некоторые авторы также выделяют такой способ защиты прав соотечественников как использование Вооруженных Сил Российской Федерации (далее – ВС РФ). Так, А.В. Кудашкин в качестве примеров приводит ввод подразделений ВС РФ в Крым и Восточную Украину (сейчас – территория Российской Федерации), а также применение ВС РФ в Южной Осетии в августе 2008 г. [11].

Вместе с тем в 2026 году был принят Федеральный закон по вопросу экстерриториального использования по решению Президента формирований ВС РФ для защиты граждан Российской Федерации. Данный закон направлен на установление правовых оснований защиты наших граждан от уголовного и иного преследования на территории иностранных государств [12].

Отчасти соглашаясь с указанной точкой зрения, считаем необходимым отметить, что применение военных средств возможно лишь при чрезвычайных обстоятельствах и вопиющих массовых случаях нарушения прав соотечественников и не может рассматриваться как рядовой инструмент правовой защиты. Кроме того, принцип недопустимости нарушения прав третьих лиц в ходе защиты прав одного лица, что неизбежно происходит при использовании военных методов, исключает возможность рассматривать их в качестве правового механизма. Таким образом, считаем обоснованным не включать указанный механизм в предлагаемую классификацию.

По стадии защиты механизмы подразделяются на превентивные, оперативные и восстановительные. Превентивные механизмы направлены на предотвращение нарушений прав и включают заключение международных договоров о защите прав граждан, мониторинг законодательства стран проживания на предмет дискриминационных норм, предупредительные меры консульских учреждений по информированию и разъяснительной работе.

В качестве примера можно привести деятельность ПКДСР, которая осуществляет государственный мониторинг в этой области и предпринимает соответствующие превентивные меры реагирования.

Оперативные механизмы реагирования применяются в случае уже совершенного нарушения и включают консульскую помощь по конкретному делу, дипломатические демарши, содействие в получении юридической помощи и обращение в правоохранительные органы государства пребывания.

Восстановительные механизмы направлены на восстановление нарушенных прав и компенсацию ущерба и включают судебное обжалование решений и действий, использование механизмов международного правосудия и принятие компенсационных мер государством проживания, включая программу переселения как альтернативу пребыванию в условиях дискриминации.

По характеру воздействия механизмы делятся на прямые и косвенные. Прямые механизмы предполагают непосредственное вмешательство государства в защиту прав через дипломатическую защиту, консульские действия и иски в международных судах.

Косвенные механизмы направлены на создание благоприятных условий для самореализации соотечественников и включают поддержку общественных организаций соотечественников, сохранение культурного и языкового пространства, образовательные, грантовые программы, а также работу с соотечественниками по формированию правосознания. Например, юристами ФПС готовятся и выпускаются правовые справочники и методички по решению конкретных проблемных ситуаций.

По объекту защиты выделяются индивидуальные механизмы, направленные на защиту прав конкретного лица, и коллективные, защищающие права групп соотечественников, таких как этнические общины, национальные меньшинства или трудовые мигранты, например, в случаях языковой дискриминации или ограничений избирательных прав.

Важно отметить, что все механизмы работают в постоянной взаимосвязи и представляют собой целостную систему. Приведенная классификация предполагает, что каждый отдельный механизм может входить сразу в несколько категорий.

Проблемы и перспективы совершенствования механизмов защиты прав соотечественников

Политизация международных правозащитных механизмов представляет собой одну из наиболее серьезных проблем. Многие западные страны используют правозащитную риторику в качестве инструмента политического давления на Российскую Федерацию, что приводит к избирательному и предвзятому подходу при рассмотрении жалоб на нарушения прав российских соотечественников. В результате международные организации, призванные обеспечивать универсальную защиту прав человека, все чаще демонстрируют двойные стандарты, закрывая глаза на дискриминацию российских граждан в одних государствах и акцентируя внимание на мнимых нарушениях в других.

Пробелы в национальном законодательстве также создают препятствия для эффективной защиты прав соотечественников. Как справедливо отмечается в научной литературе, Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» нуждается в дальнейшем совершенствовании с учетом изменившихся геополитических реалий и новых вызовов [13]. В частности, требуют уточнения критерии отнесения лиц к категории соотечественников, механизмы взаимодействия различных органов государственной власти, а также порядок оказания государственной поддержки различным категориям соотечественников. Отсутствие четких критериев и процедур приводит к тому, что государственная поддержка зачастую оказывается несистемной и недостаточно эффективной.

Указом Президента РФ от 22.06.2006 № 637 была утверждена Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (далее – Госпрограмма). Проблемы ее реализации также заслуживают отдельного внимания. Эффективность программы снижается из-за проблем с предоставлением жилья и трудоустройством в регионах вселения. Кроме того, программа сталкивается с проблемой низкой информированности потенциальных переселенцев о своих правах и условиях участия.

Для основной массы потенциальных участников Госпрограммы, находящихся в трудной жизненной ситуации за рубежом, остаются ограничения свободы выбора места жительства в России путем регионального экономического стимулирования, а по существу, посредством навязывания экономическим беженцам русского или «советского» происхождения территорий «приоритетного заселения» [14].

Позднее в Госпрограмму были внесены изменения, дополнившие ее понятием «репатриант» и вводящие нормативное регулирование института репатриации (Указ Президента РФ от 22.11.2023 № 872). На законодательном уровне термин «репатриант» впервые использован в августе 2024 года, когда репатрианты и члены их семей приобрели возможность получать вид на жительство в упрощенном порядке.

Вместе с тем, как отмечает ряд российских ученых, существует проблема введения на концептуальном уровне в российское законодательство в сфере миграции правового института репатриации [14].

Стоит отметить, что на рассмотрении Государственной Думы находится два законопроекта «О репатриации в Российскую Федерацию». Дискуссия о том, стоит ли поднимать регулирование института репатриации на уровень законодательства идет уже достаточно длительное время и заслуживает отдельного изучения.

Преодоление выявленных проблем требует комплексного подхода, включающего совершенствование законодательства, развитие международного сотрудничества, укрепление дипломатических и консульских институтов, а также создание новых механизмов защиты в условиях международной напряженности.

Первым и наиболее приоритетным направлением является совершенствование национального законодательства о соотечественниках. Представляется необходимым внесение изменений в Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ, направленных на уточнение понятийного аппарата, расширение перечня мер государственной поддержки, а также на создание эффективных механизмов координации деятельности органов государственной власти в этой сфере. Представляет интерес предложение А.О. Акимовой о заключении ряда международных договоров о социальном обеспечении и трудовой деятельности соотечественников, что позволило бы обеспечить защиту их социальных прав в государствах проживания [15].

Важным направлением является расширение механизмов дипломатической защиты. В условиях ограничения доступа к международным судебным инстанциям, роль дипломатической защиты должна быть усилена. Необходимо активизировать работу российских дипломатических представительств по мониторингу нарушений прав соотечественников, документированию фактов дискриминации, а также по использованию трибуны международных организаций для привлечения внимания к проблеме и оказания давления на государства-нарушители. Следует развивать практику коллективных демаршей и скоординированных действий с дружественными государствами, разделяющими озабоченность по поводу дискриминации российских соотечественников. Кроме того, следует развивать двусторонние соглашения о правовой помощи и защите прав граждан, предусматривающие эффективные механизмы разрешения споров.

Особое внимание должно быть уделено совершенствованию Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников. Необходимо упростить административные процедуры, сократить сроки рассмотрения заявлений, увеличить объем финансовой поддержки переселенцев, создать эффективные механизмы содействия в трудоустройстве и обеспечении жильем. Важным направлением является улучшение информирования потенциальных переселенцев об условиях участия в программе, их правах и обязанностях, а также о возможностях адаптации и интеграции в российское общество.

Развитие информационно-публичных механизмов защиты требует усиления работы по освещению фактов нарушений прав соотечественников в российских и международных средствах массовой информации. Необходимо создавать и поддерживать специализированные информационные ресурсы, где соотечественники могли бы получить информацию о своих правах, о способах их защиты, а также сообщать о фактах нарушений.

Заключение

В ходе исследования установлено, что правовой статус соотечественников за рубежом представляет собой сложную, многоуровневую конструкцию.

Широкий подход законодателя, основанный не только на формальном критерии гражданства, но и на связи с Россией, имеет принципиальное значение для механизмов защиты, поскольку позволяет Российской Федерации оказывать поддержку широкому кругу лиц, что особенно важно в условиях современной геополитической напряженности.

Анализ механизмов защиты прав соотечественников позволил систематизировать их по нескольким основаниям: по уровню правового регулирования; по субъектам; по способу защиты; по стадии защиты; по характеру воздействия и по объекту защиты. Такая классификация создает основу для комплексного понимания всей системы защиты и позволяет выявлять как сильные стороны, так и проблемные зоны.

На основе проведенного анализа выявлены проблемы и предложены следующие направления совершенствования механизмов защиты: внесение изменений в Федеральный закон № 99-ФЗ с целью уточнения понятийного аппарата и создания эффективных механизмов координации деятельности органов государственной власти; усиление дипломатической защиты через активизацию работы дипломатических представительств и использование трибуны международных организаций; укрепление консульской защиты путем внедрения современных информационно-коммуникационных технологий; совершенствование Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников через упрощение административных процедур и увеличение объема поддержки; а также развитие информационно-публичных механизмов и взаимодействия с общественными организациями соотечественников.

В целом проведенное исследование подтверждает, что защита прав соотечественников, проживающих за рубежом, является одним из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации, требующим постоянного совершенствования с учетом меняющихся геополитических реалий. Дальнейшее развитие национальных и международно-правовых механизмов позволят повысить эффективность защиты прав соотечественников и обеспечить достойный уровень их правовой защищенности в условиях современных вызовов.

Литература

1. Количество российских соотечественников оценивают в 20–40 млн человек, отметили в Россотрудничестве [Электронный ресурс] // Русский мир. – URL: https://russkiymir.ru/news/293552/ (дата обращения: 29.07.2026); МИД РФ: русская община за рубежом насчитывает порядка 30 млн человек [Электронный ресурс] // ТАСС. – URL: https://tass.ru/politika/5752418 (дата обращения: 29.07.2026).

2. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2025 год [Электронный ресурс]. – С. 465. – URL: https://ombudsmanrf.org/documents/ezhegodnye-doklady (дата обращения: 27.07.2026).

3. Захарова назвала страны Прибалтики и Украину лидерами по русофобии [Электронный ресурс] // ТАСС. – URL: https://tass.ru/politika/25886183 (дата обращения: 21.07.2026).

4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

5. Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 22. – Ст. 2670.

6. Всеобщая декларация прав человека: принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 23.07.2026).

7. Утяшев М. М., Утяшева Л.М. Права человека в современной России: учеб. для вузов и сред. учеб. заведений. – Уфа: Полиграфкомб., 2003. – 613 с. – ISBN 5-85051-280-2.

8. Постановление Правительства РФ от 11 декабря 1994 г. № 1369 «Об утверждении Положения о Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом» // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 34. – Ст. 3606.

9. Директор Департамента по работе с соотечественниками за рубежом МИД России Г.А. Овечко ответил на вопросы корреспондента ТАСС [Электронный ресурс] // Фонд поддержки и защиты прав соотечественников. – URL: https://pravfond.ru/press-tsentr/stati/gennadiy-ovechko-sootechestvenniki-aktivno-vozvrashchayutsya-v-rossiyu/ (дата обращения: 24.07.2026).

10. Кудашкин А.В. Защита прав российских граждан за рубежом военными методами // Право в Вооруженных Силах, Росгвардии, ФСБ, ФСО, других органах и воинских формированиях – Военно-правовое обозрение. – 2026. – № 5. – С. 29–36.

11. Законопроект № 1181659–8 О внесении изменений в статью 6 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» и статью 10 Федерального закона «Об обороне» [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1181659–8 (дата обращения: 25.07.2026)

12. Лебедева Н. В., Огурцов А.Ю. Конституционно-правовые основы политики Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом // Общество: политика, экономика, право. – 2016. – № 12. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovye-osnovy-politiki-rossiyskoy-federatsii-v-otnoshenii-sootechestvennikov-za-rubezhom (дата обращения: 26.07.2026).

13. Сандугей А. Н., Яковлев О.В., Боронина В.С. Актуальные вопросы реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом: комментарии к результатам социо-

логического исследования // Научный портал МВД России. – 2025. – № 1. – С. 17–26.

14. Акимова А.О. Конституционно-правовое обеспечение взаимосвязей России и соотечественников за рубежом // Обозреватель – Observer. – 2019. – № 5 (352). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovoe-obespechenie-vzaimosvyazey-rossii-i-sootechestvennikov-za-rubezhom (дата обращения: 26.07.2026).

MECHANISMS FOR THE PROTECTION OF THE RIGHTS OF COMPATRIOTS RESIDING ABROAD

Kirichenko A.O.
Federal Assembly of the Russian Federation on Issues of the Commonwealth of Independent States and Contacts with Fellow Countrymen

The article examines the system of mechanisms for the protection of the rights of Russian compatriots residing abroad in the current context of geopolitical tensions and rising manifestations of russophobia, analyses existing problems in this area, and proposes ways to address them.

Keywords: human rights, mechanisms for the protection of rights, compatriots, legal status, state policy, international legal protection, national legislation, discrimination, repatriation, migration, legal regulation.

References

1. The number of Russian compatriots is estimated at 20–40 million people, noted in Rossotrudnichestvo [Electronic resource] // Russkiy Mir. – URL: https://russkiymir.ru/news/293552/ (accessed: 29.07.2026); Russian Foreign Ministry: the Russian community abroad numbers about 30 million people [Electronic resource] // TASS. – URL: https://tass.ru/politika/5752418 (accessed: 29.07.2026).

2. Report on the Activities of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation for 2025 [Electronic resource]. – P. 465. – URL: https://ombudsmanrf.org/documents/ezhegodnye-doklady (accessed: 27.07.2026).

3. Zakharova named the Baltic states and Ukraine as leaders in Russophobia [Electronic resource] // TASS. – URL: https://tass.ru/politika/25886183 (accessed: 21.07.2026).

4. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993 (with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2014. - No. 31. - Art. 4398.

5. Federal Law No. 99-FZ of May 24, 1999 "On the State Policy of the Russian Federation regarding Compatriots Abroad" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1999. – No. 22. – Art. 2670.

6. Universal Declaration of Human Rights: adopted by UN General Assembly Resolution 217 A (III) of December 10, 1948 [Electronic resource]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (accessed: 23.07.2026).

7. Utyashev M. M., Utyasheva L.M. Human Rights in Modern Russia: textbook for universities and secondary educational institutions. – Ufa: Poligrafkomb., 2003. – 613 p. – ISBN 5-85051-280-2.

8. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1369 of December 11, 1994 "On Approval of the Regulations on the Government Commission on Compatriots Abroad" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 34. – Art. 3606.

9. Director of the Department for Work with Compatriots Abroad of the Russian Ministry of Foreign Affairs G.A. Ovechko answered questions from a TASS correspondent [Electronic resource] // Foundation for Support and Protection of the Rights of Compatriots. – URL: https://pravfond.ru/press-tsentr/stati/gennadiy-ovechko-sootechestvennikiaktivno-vozvrashchayutsya-v-rossiyu/ (accessed: 24.07.2026).

10. Kudashkin A.V. Protection of the Rights of Russian Citizens Abroad by Military Means // Law in the Armed Forces, Russian National Guard, FSB, FSO, Other Bodies and Military Formations – Military-Law Review. – 2026. – No. 5. – Pp. 29–36.

11. Draft Law No. 1181659–8 "On Amendments to Article 6 of the Federal Law 'On Citizenship of the Russian Federation' and Article 10 of the Federal Law 'On Defense'" [Electronic resource] // Legislative Activity Support System. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1181659–8 (accessed: 25.07.2026).

12. Lebedeva N. V., Ogurtsov A. Yu. Constitutional and Legal Foundations of the Policy of the Russian Federation regarding Compatriots Abroad // Society: Politics, Economics, Law. – 2016. – No. 12. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovye-osnovy-politiki-rossiyskoy-federatsii-v-otnoshenii-sootechestvennikov-za-rubezhom (accessed: 26.07.2026).

13. Sandugey A. N., Yakovlev O.V., Boronina V.S. Current Issues in the Implementation of the State Program for Assisting the Voluntary Resettlement of Compatriots Residing Abroad to the Russian Federation: Comments on the Results of a Sociological Study // Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2025. – No. 1. – Pp. 17–26.

14. Akimova A.O. Constitutional and Legal Support for the Ties between Russia and Compatriots Abroad // Observer. – 2019. – No. 5 (352). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovoe-obespechenie-vzaimosvyazey-rossii-i-sootechestvennikov-za-rubezhom (accessed: 26.07.2026).

Особенности правового понимания медицинской услуги в системе приднестровского законодательства

Кривицкая-Шолпан Оксана Валерьевна,
аспирант, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
E-mail: oks.180707@mail.ru

В статье исследуются теоретические и практические аспекты правового понимания медицинской услуги в законодательстве Приднестровья и юридической науке. Анализируются основные подходы к определению понятия медицинской услуги, раскрывается ее правовая природа, исследуется соотношение понятий «медицинская услуга» и «медицинская помощь», а также рассматриваются критерии, применяемые при осуществлении контроля качества медицинской помощи и медицинских услуг. Обосновывается необходимость совершенствования правового регулирования в части закрепления единообразного подхода к контролю качества оказания медицинской помощи и предоставления медицинских услуг как взаимосвязанных форм реализации медицинской деятельности. В частности, предлагается рассматривать медицинскую услугу как составную часть (неотъемлемый элемент) медицинской помощи. Такой подход позволит обеспечить единообразие правоприменительной практики и сбалансировать правовое регулирование публичных и частноправовых отношений, возникающих в процессе реализации государственных социальных обязательств по охране здоровья граждан.

Ключевые слова: медицинская услуга, медицинская помощь, качество медицинской помощи, контроль качества, право на охрану здоровья, система здравоохранения.

Социальные отношения складываются в обществе в разнообразных сферах регулирования. Медицина является одним из таких направлений, которое обеспечивается конституционно гарантированными обязательствами государства по охране здоровья населения. Принцип социальной гарантированности охраны здоровья и бесплатной медицинской помощи определяет социальную политику государства, что находит свое закрепление в статье 39 Конституции ПМР, в соответствии с которой гарантируется право на охрану здоровья, включая бесплатное медицинское обслуживание и лечение [9]. Реализуя социальную политику, государство обеспечивает охрану здоровья населения, определяя основные направления в области правового регулирования в формировании системы здравоохранения и осуществления медицинской деятельности. Это заставляет задуматься о единой системе критериев контроля качества, которые должны быть применимы как к медицинской помощи, так и к медицинской услуге как элементам формы реализации медицинской деятельности в системе здравоохранения Приднестровья.

Формирование и развитие системы здравоохранения Приднестровья происходили в условиях недостаточного финансирования, обусловленного кризисными социально-экономическими процессами, связанными с непризнанным статусом государства [16]. Указанные обстоятельства обусловили необходимость принятия комплекса мер, направленных на обеспечение доступности медицинской помощи, повышение качества медицинской деятельности и развития здравоохранения в целом, что определило необходимость внедрения платных услуг в медицине наравне с предоставляемым государством социальным базисом бесплатной медицинской помощи. Такие услуги населению предоставлялись на базе учреждений здравоохранения, а регулирование данной деятельности осуществлялось на подзаконном уровне – Положением «О платных услугах в лечебно-профилактических учреждениях Приднестровской Молдавской Республики» [15]. С принятием в 1997 году Закона ПМР «Об охране здоровья граждан» определен порядок функционирования частной медицинской практики в системе национального здравоохранения (статья 53) [5]. При этом на подзаконном правовом регулировании остается единый порядок и условия предоставления платных медицинских услуг населению Приднестровья медицинскими учреждениям независимо от их ведомственной подчиненности и формы собственности (п. 1 Правил) [13], и сохраняется контроль деятельности государственных и частных учреждений на соответствие предоставляемых медицинских услуг требованиям, предъявляемым к методам диагностики, профилактики и лечения (п. 6 Правил) [13].

Развитие негосударственного сектора здравоохранения и внедрение возмездных форм реализации медицинской деятельности обусловили принятие Закона «О частной медицинской деятельности в ПМР» [7], в рамках которого правовая категория «медицинская услуга» получила самостоятельное нормативное закрепление как новая форма реализации медицинской деятельности, осуществляемой на возмездной основе. Таким образом, в законодательстве Приднестровья были закреплены две самостоятельные правовые категории – «медицинская помощь» и «медицинская услуга». Основным критерием их разграничения выступил характер оплаты: медицинская помощь предоставляется бесплатно, тогда как медицинская услуга оказывается на платной основе.

Е.С. Крюкова приходит к выводу, что «для охраны жизни и здоровья потребителя медицинской услуги, обеспечения гарантированной медицинской помощи и поддержания ее высокого качества, оценки законности (либо не законности) проводимых манипуляций прежде всего важно понимание сущности этого института, четкое обозначение составляющих его элементов и выявление юридико-фактической основы возникающих в данной области отношений» [11, с. 19].

Так в Приднестровском законодательства термин «медицинская услуга» определен в Законе «Об основах охраны здоровья граждан» [6] и Законе «О частной медицинской деятельности в ПМР» [7]. Содержание установленного законодательными актами термина имеет идентичное содержание «медицинская услуга – мероприятие или комплекс мероприятий, направленных на профилактику заболеваний, их диагностику и лечение, имеющих самостоятельное законченное значение и определенную стоимость». Отличительной особенностью правовой регламентации медицинской услуги как формы осущест-

вления медицинской деятельности в сфере здравоохранения Приднестровья является ее самостоятельное значение без включение в понятие «медицинская помощь», которое определяется как «совокупность лечебно-профилактических мероприятий, проводимых при заболеваниях, травмах, отравлениях, а также при родах лицами, имеющими высшее или среднее профессиональное образование в области здравоохранения и медицинских наук» (пп. в) ст. 1–1) [6]. Итак, медицинская помощь как правовое понятие не включает в себя «медицинскую услугу». Именно этот аспект не позволяет применить к медицинской услуге регламентированные критерии качества медицинской помощи. Приднестровское законодательство содержит положения закрепляющие понятие качества медицинской помощи «как систему критериев, позволяющих определить качество оказания медицинской помощи как в определенном медицинском учреждении, у определенного врача, на определенной территории, так и отдельному больному» (пп. г) ст. 1–1) [6]. Установленный правовой характер критериев качества, определен для медицинской помощи и не будет применим в отношении определения качества предоставляемой медицинской услуги. Такой правовой пробел обусловлен определением медицинской услуги в форме самостоятельной правовой категории, дифференцированной от понятия «медицинская помощь» и система критериев, которая будет применима к медицинской помощи, не будет распространять свое действие на медицинские услуги для определения их качества. На подзаконном уровне также отсутствует установленный единый правовой механизм в обеспечении качества медицинских услуг и медицинской помощи. Ведомственный нормативный правовой акт Министерства здравоохранения Приднестровья [14], целью которого является «обеспечение прав граждан на получение медицинской помощи необходимого объема и надлежащего качества в лечебно-профилактических учреждениях на основе требований, установленных действующим законодательством к оказанию медицинской помощи, а также требований, предъявляемых к медицинской помощи в медицинской практике» (п. 1 Положения) [14], устанавливает критерии качества только для медицинской помощи и определяет обязательства по обеспечению контроля качества для государственных учреждений здравоохранения (п. 2, Приказа) [14], что исключает аналогичные обязательства к предоставляемым медицинским услугам в системе частного здравоохранения.

Это приводит к тому, что медицинская услуга как самостоятельная правовая категория фактически исключена из сферы административно-правового контроля качества медицинской помощи, поскольку действующее правовое регулирование не рассматривает ее в качестве составного элемента медицинской помощи. Такое разграничение правовых категорий ограничивает возможности государства по осуществлению единообразного подхода при осуществлении общего контроля в сфере оказания медицинской помощи и предоставления медицинской услуги в системе здравоохранения Приднестровья (как государственной, так и частной), что можно рассматривать как невозможность в полной мере обеспечить исполнение гарантированных социальных обязательств по охране здоровья граждан (как таковое отсутствие установленных критериев качества предоставляемых медицинских услуг и регламента обеспечения контроля исполнения). Это особенно важно для обеспечения социальных прав граждан на охрану здоровья, где в системе критериев целесообразно на наш взгляд определять качество медицинской помощи, ее безопасность.

Отсутствия единого подхода в правовом обеспечении контроля качества при осуществлении медицинской деятельности в форме медицинской помощи и медицинской услуги приводит к размышлению о возможности рассмотрения «медицинской услуги» как составной части понятия «медицинской помощи». Это позволит рассматривать медицинскую услугу в комплексе публичного и частного правового регулирования. Размышляя о принятых государством обязательствах по охране здоровья населения очень важно определить единую систему критериев обеспечения государственного контроля, в том числе, и для обязательств, которые возникают в условиях реализации медицинской услуги.

В структуре критериев социальных обязательств государства по охране здоровья населения, критерий качества медицинской помощи в системе государственного контроля можно выделить как один из основных. Определение критериев и контроль их исполнения формирует устойчивый правовой механизм защиты пациентов в условиях медицинского обеспечения. При этом, такой механизм в системе приднестровского законодательства обязателен для исполнения только государственными медицинскими учреждениями (п. 3 Приказа) [14], где медицинская помощь должна отвечать установленным требованиям стандартов безопасности и качества с регулярным проведением мероприятий как внутреннего так и государственного контроля. Надо отметить, что оказание платных услуг государственными учреждениями здравоохранения будет так же тяготеть к применению такового алгоритма при оказании платных медицинских услуг, что обуславливается субъективным фактором, определяющим исполнителем медицинских услуг государственные учреждения здравоохранения, которым вменяется в обязательство исполнение предписанных правил по контролю качества медицинской деятельности. Итак, в рассматриваемом аспекте можно резюмировать, что медицинская услуга, которая будет получена пациентом (потребителем) в условиях государственного лечебно-профилактического учреждения должна отвечать, в том числе, критериям качества таким, которые предъявляются к медицинской помощи. Это будет определять, что в области правового регулирования медицинской услуги в лечебно-профилактических учреждениях будет применяться и публичный характер обеспечения защиты пациента (потребителя) с возможностью реализации последним, в том числе, элементов защиты частноправового характера, вытекающего из договорных (гражданско-правовых) отношений. Однако такой правовой регламент (механизм) не работает в отношении медицинской услуги как формы реализации частной медицинской деятельности. Это обусловлено закреплением понятия медицинская услуга как самостоятельного элемента без привязки к медицинской помощи с одной стороны. С другой стороны отсутствием обязательств субъектов частной медицинской деятельности по исполнению мероприятий обеспечения качества медицинской услуги и мероприятий контроля, а так же исполнения установленных стандартов и клинических рекомендаций для частнопрактикующих субъектов сферы здравоохранения. Это формирует понимание, что в условиях частной медицинской практики к медицинской услуге, как форме реализации медицинской деятельность, критерии качества и безопасности не установлены.

Итак, в частной медицине по всем вопросам, связанным с неудовлетворенностью полученным результатом предоставленной медицинской услуги: в лечении, диагностике и т.п.; пациент (потребитель) будет вынужден реализовывать свое право на охрану здоровья не через механизм социальной защищенности, который обеспечивает государство, а посредством доказывания в частноправовом порядке в системе гражданско-правовых, договорных отношений.

Рассмотрев отдельные аспекты правового регулирования медицинской услуги как элемента осуществления медицинской деятельности государственного и частного здравоохранения можно сформулировать следующие тезисы. Медицинская услуга как самостоятельная правовая категория фактически исключается из сферы административно-правового контроля качества медицинской помощи, поскольку действующее законодательство Приднестровья не рассматривает ее в качестве составного элемента медицинской помощи. Подобное разграничение указанных правовых категорий ограничивает возможности государства по формированию единообразного подхода к осуществлению контроля качества оказания медицинской помощи и предоставления медицинских услуг в системе здравоохранения Приднестровья независимо от формы собственности медицинской организации. Следствием такого правового регулирования является отсутствие единых критериев оценки качества медицинских услуг и правового механизма контроля за их соблюдением, что не позволяет в полной мере обеспечить реализацию государственных социальных обязательств по охране здоровья граждан. Особое значение это приобретает в условиях, когда качество и безопасность медицинской деятельности выступают основополагающими критериями реализации конституционного права граждан на охрану здоровья. Следовательно, обеспечение единообразного административно-правового контроля качества медицинской деятельности требует нормативного признания медицинской услуги составным элементом медицинской помощи, что позволит распространить единые требования к качеству и безопасности на все формы осуществления медицинской деятельности.

Изучая медицинскую услугу как гражданско-правовую категорию в Приднестровском законодательстве можно отметить, что категория «услуга» применительно к медицине не имеет отдельного правового закрепления в Гражданском кодексе Приднестровья и определяется единым списочным перечислением видов договоров оказания услуг в статье 808 [2]. Когда мы говорим о медицинской услуге, необходимо отметить, что объектом данных отношении будет выступать жизнь и здоровье пациента, как потребителя услуги. Этот определяет необходимость учитывать, что категория «услуга» в правовом аспекте регулирования медицинской деятельности носит специфический характер. Поэтому когда мы говорим о реализации и предоставлении медицинской услуги, необходимо понимать, что в этой области правового регулирования не может быть применен общий порядок гражданско-правового закрепления.

Отдельные вопросы правовой регламентации рассматриваемых правоотношений анализирует Н.В. Косолапова, подчеркивая, что «медицинская услуга обладает рядом особенностей, которые дают осно-

вание не отождествлять ее с обычной бытовой услугой. Согласно ее выводам действующее гражданское законодательство не учитывает следующих особенностей медицинской услуги:
– медицинская услуга неотделима от процесса ее оказания и потребляется в процессе ее производства; ее нельзя рассматривать обособленно от производителя, а в момент ее производства, за редким исключением, необходимо присутствие потребителя услуги;
– рынок медицинских услуг относится к рынку с так называемым «нарушенным суверенитетом покупателя (пациента)»;
– медицинская услуга уникальна тем, что потребитель не только пассивно присутствует при ее оказании, но и сам активно участвует, влияет на этот процесс. Следует указать на универсально возмездный характер медицинских услуг» [10].

А.В. Дроздова приходит к выводу, что «…медицинская помощь понимается как комплекс медицинских и связанных с ними услуг, а медицинская услуга как элемент данного комплекса. Услуги, в свою очередь, оказываются профессионалами медицинской сферы» [4, с. 25]. По мнению Ю.В. Данилочкиной, «медицинская услуга складывается из составляющих ее действий медицинского характера (медицинской помощи) и именно медицинская помощь является содержанием медицинской услуги» [3, с. 17]. При этом, рассматривая определенный алгоритм медицинских действий Ю.В. Данилочкина приходит к выводу, что «медицинская помощь оказывается как в рамках медицинской услуги, так и вне их, соответственно, категория медицинской помощи шире категории медицинской услуги» [3, с. 17–25].

В юридической науке медицинская услуга рассматривается как профессиональная деятельность медицинских работников и медицинских организаций, направленная на профилактику, диагностику, лечение заболеваний, медицинскую реабилитацию и сохранение здоровья пациента. Беликова В.И. медицинскую услугу определяет как «профессиональную деятельность медработников для предоставления квалифицированной помощи пациентам» [1, с. 318] и подчеркивает важность «соответствия медицинских услуг стандартам качества и безопасности при наличии соответствующих механизмов регулирования, которые осуществляется через различные нормативные акты и законы и устанавливают правила и требования к проведению медицинской практики» [1, с. 318–319]. Специфика медицинской услуги заключается и в том, что она имеет нематериальный характер и связана с воздействием на здоровье человека как высшую социальную ценность. В отличие от большинства гражданско-правовых услуг, медицинская услуга не предполагает гарантированного результата. Обязанность медицинского работника состоит не в достижении определенного лечебного эффекта, а в надлежащем выполнении профессиональных действий в соответствии с установленными стандартами, клиническими рекомендациями и требованиями медицинской науки. В связи с этим объектом правового регулирования выступает не только сам процесс оказания медицинской услуги, но и отношения, возникающие между пациентом, медицинской организацией и государством в процессе реализации права на охрану здоровья.

Анализ законодательства России и научных подходов в области правового регулирования «медицинской помощи» и «медицинской услуги» отражает, что медицинская услуга выступает составной частью медицинской помощи при осуществлении медицинской деятельности, что определяет особенности нормативно-правового регулирования как публично-правового, так и частноправового характера. С.А. Иванов, А.Н. Нифанов рассматривают несколько доктринальных подходов к интерпретации понятий медицинская помощь и медицинская услуга, опираясь на нормативное выражение медицинской помощи «в соответствии с Федеральным законом от 21.11.2011 г. № 323 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» медицинская помощь определена в качестве комплекса профильных – здоровьеподдерживающих и здоровьевосстанавливающих – мероприятий, включающих предоставление медицинских услуг (п. 3 ст. 2), понятие которых также раскрывается в обозначенном законе на основе категории профессионального вмешательства (п. 4 ст. 2)» [8, с. 122]. М.И. Литовкина рассматривает понятие «медицинская деятельность» через призму понятия «медицинская помощь», которая с одной стороны, в качестве конституционно-правовой категории входит в структуру права на охрану здоровья, с другой стороны, медицинская деятельность осуществляется посредством оказания разнообразных вариантов медицинской помощи (скорой, специализированной, высокотехнологичной, паллиативной и др.), включая медицинские услуги» [12, с. 30].

Анализ научных подходов показывает разнообразные точки зрения относительно понятий «медицинская помощь» и «медицинская услуга». Однако в Российском праве медицинская услуга выступает составной частью медицинской помощи, что определяет применение общих критериев государственного контроля в целях обеспечения социально гарантированных прав граждан в области охраны здоровья, в числе которых качество оказания медицинской помощи и ее безопасность. К медицинской услуге в России как структурному элементу медицинской помощи в полной мере будут применимы требования, которые на государственном уровне предъявляются к качеству и безопасности медицинской помощи и медицинской деятельности в целом.

Таким образом, отличительной особенностью в сравнительной характеристике Приднестровского и Российского законодательства является полное разделение понятий «медицинская помощь» и «медицинская услуга». Понятие «медицинская услуга» не находит свое закрепление в качестве составной части понятия «медицинская помощь» в приднестровском законодательстве. Это, на наш взгляд, порождает некоторые пробелы при применении таких критериев как качество медицинской помощи, ее безопасность с позиции рассмотрения предоставляемых медицинских услуг в частном секторе медицины. Таким образом, правовое закрепление медицинской услуги, которое осталось за пределами понятия «медицинская помощь», будет тяготеть к гражданско-правовым отношениям и как следствие иметь преимущественно коммерческий характер.

Право на охрану здоровья является элементом социальных прав, которое обеспечивается обязательствами государства по сохранению и укреплению здоровья населения как неотъемлемого условия жизни общества (преамбула Закона) [6]. Реализуя социальную политику, государство обеспечивает охрану здоровья населения, определяя основные направления в области правового регулирования в формировании системы здравоохранения и осуществления медицинской деятельности. Обязанность государства создавать условия для оказания медицинской помощи, обеспечивать ее доступность, качество и безопасность. Выбирая медицинскую услугу, надо полагать, что она будет выступать инструментом реализации социальных обязательств государства по обеспечению охраны здоровья населения. Это заставляет задуматься о единой системе критериев, которые должны быть применимы и к медицинской помощи и к медицинской услуге как элементам формы реализации медицинской деятельности в системе здравоохранения Приднестровья. Так мы понимаем, что медицинские услуги необходимо определять составляющей «медицинской помощи» для реализации государством гарантированных обязательств.

В заключении хочется отметить, что правовая природа медицинской услуги характеризуется комплексностью и требует системного подхода к регулированию, учитывающего как социальную значимость, так и экономические аспект оказания медицинской помощи. Медицинская услуга затрагивает фундаментальные права человека и поэтому должна рассматриваться как конституционно-правовая категория. Теоретическое осмысление медицинской услуги как правовой категории с учетом проведенного анализа рассмотренных норм действующего законодательства Приднестровья показывает, что «медицинская помощь» и «медицинская услуга» две разные правовые категории, что вносит правовой дисбаланс при рассмотрении этих понятий как элементов медицинской деятельности. Это определяет необходимость рассмотрения вопроса определения медицинской услуги как неотъемлемой составной части понятия медицинская помощь для обеспечения единообразного применения нормативно-правового регулирования этих правовых категорий в сфере реализации медицинской деятельности субъектами всех форм собственности.

Литература

1. Беликова В.И. Правовая природа медицинской услуги как объекта профессиональной деятельности // Журнал «Вестник науки» от 10 декабря 2023 г. № 12 (69) том 2. С. 318–330. 2023 г. ISSN 2712-8849 // Электронный ресурс: https://www.вестник-науки.рф/article/11395 (дата обращения: 12.08.2026 г.)

2. Гражданский кодекс ПМР 2–3 ч., введен в действие Законом ПМР от 19 июля 2002 года № 164-3-III «О введении в действие части второй и части третьей Гражданского кодекса Приднестровской Молдавской Республики» // САЗ 02–29 (тек. ред. на 16 июля мая 2026 года) // Верховный Совет ПМР: офиц. сайт. – URL: https://www.vspmr.org/legislation/laws/zakonodateljnie-akti-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-v-sfere-grajdanskogo-jilischnogo-semeynogo-prava/grajdanskiy-kodeks-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki.html (дата обращения: 27.07.2026 г.).

3. Данилочкина Ю.В. Понятие и правовая природа медицинских услуг / Ю.В. Данилочкина // Медицинское право. – 2008. – № 4. – С. 17–25.

4. Дроздова А.В. Понятие медицинской услуги как гражданско-правовой категории / А.В. Дроздова // Сибирский юридический вестник. – 2004. – № 3. – С. 25–36.

5. Закон ПМР от 16 января 1997 г. № 29-З «Об охране здоровья граждан» // Сборник законодательных актов. – 1997. – № 97–1. – Ст. 53.

6. Закон ПМР от 16 января 1997 г. № 29-З «Об основах охраны здоровья граждан» // СЗМР. – 1997. – № 97–1. – Ст. 1–1. (тек. ред. на 2 июля 2026 года) // Верховный Совет ПМР: офиц. сайт. – URL: https://www.vspmr.org/legislation/laws/zakonodateljnie-akti-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-v-sfere-zdravoohraneniya-i-sotsialjnoy-zaschiti-trudovogo-zakonodateljstva/zakon-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-ob-osnovah-ohrani-zdorovjya-grajdan.html (дата обращения: 27.07.2026 г.).

7. Закон ПМР от 12 января 2004 года № 385-З-III «О частной медицинской деятельности в ПМР» // САЗ ПМР 04–3. (тек. ред. на 01 мая 2025 года) // Верховный совет ПМР: офиц. сайт. URL: https://vspmr.org/legislation/laws/zakonodateljnie-akti-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-v-sfere-zdravoohraneniya-i-sotsialjnoy-zaschiti-trudovogo-zakonodateljstva/zakon-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-o-chastnoy-meditsinskoy-deyateljnosti-v-pridnestrovskoy-moldavskoy-respublike.html (дата обращения: 27.07.20026 г.).

8. Иванов С.А., Нифанов А.Н. Современные доктринальные и конституционно-правовые подходы дефинирования медицинской помощи в России // Научные ведомости. – 2019. – Т. 44, № 1. – С. 121–126. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-doktrinalnye-i-konstitutsionno-pravovye-podhody-definirovaniya-meditsinskoy-pomoschi-v-rossii/viewer (дата обращения: 07.08.2026 г.).

9. Конституция Приднестровской Молдавской Республики: принята на Всенародном референдуме 24 декабря 1995 года (тек. ред. на 19 апреля 2026 года) // Верховный совет ПМР: офиц. сайт. – URL: https://vspmr.org/legislation/laws/konstitutsiya-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-i-zakoni-ob-izmenenii-konstitutsii-pmr/konstitutsiya-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki.html (дата обращения: 26.07.2026 г.).

10. Косолапова Н.В. Медицинская услуга: правовые аспекты // Социальные аспекты здоровья населения: электронный научный журнал. – 2014. – № 2 (36). – URL: http://vestnik.mednet.ru/content/view/25/52/lang, ru/ (дата обращения: 26.07.2026 г.).

11. Крюкова Е.С. Особенности правового режима медицинской услуги // Юридический вестник Самарского университета. – 2022. – Т. 8, № 2. – С. 18–24. – DOI: http://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-2-18-24.

12. Литовкина М.И. Безопасность медицинской деятельности в спектре конституционно-правовых норм // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 5 (54). – С. 29–34. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/bezopasnost-meditsinskoy-deyatelnosti-v-spektre-konstitutsionno-pravovyh-norm/viewer (дата обращения: 29.07.2026 г.).

13. Приказ Министерства здравоохранения ПМР от 20 апреля 2001 г. № 268 «Об утверждении Правил предоставления платных медицинских услуг населению медицинскими учреждениями Приднестровской Молдавской Республики» (утративший силу в связи с принятием приказов Министерства здравоохранения ПМР от 4 апреля 2007 г. № 206 и от 20 мая 2019 г. № 327) // URL: https://pravopmr.ru/View.aspx?id=lv%2fiWg9aqF9ESaWsaDxYrw%3d%3d (дата обращения: 27.07.2026 г.)

14. Приказ Министерства здравоохранения ПМР от 9 октября 2019 года № 722 «О порядке проведения контроля качества и безопасности медицинской деятельности в государственных лечебно-профилактических учреждениях» Министерство здравоохранения ПМР: офиц. сайт. – URL: https://minzdrav.gospmr.org/o-ministerstve/dokumenti/prikazi-ministerstva/2019-god/prikaz-ministerstva-zdravoohraneniya-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-ot-9-oktyabrya-2019-goda-722-o-poryadke-provedeniya-kontrolya-kachestva-i-bezopasnosti-meditsinskoy-deyateljnosti-v-gosudarstvennih-lechebno-profilakticheskih-uchrejdeniyah.html (дата обращения: 27.07.2026 г.).

15. Постановление Правительства ПМР № 282 от 28 июля 1995 года «Об утверждении Положения «О платных услугах в лечебно-профилактических учреждениях Приднестровской Молдавской Республики» (утратило силу) // URL: https://ulpmr.ru/ul/show/w0FbqwBEING17aTaAjrRm6g1OV+xcalyw0eY= (дата обращения: 27.07.2026 г.).

16. Приднестровский исторический портал. – URL: https://history.gospmr.org/ii-chrezvychajnyj-sezd-deputatov-vseh-urovnej-pridnestrovya-provozglashenie-obrazovaniya-pridnestrovskoj-mssr/ (дата обращения: 26.07.2026 г.).

PECULIARITIESOF MEDICAL SERVICES'LEGAL UNDERSTANDING IN THE SYSTEM OF PRIDNESTROVIAN LEGISLATION

Krivitskaya-Sholpan O.V.
Pridnestrovian T.G. Shevchenko State University

This paper analyses the theoretical and practical aspects of the legal understanding of medical services in Pridnestrovian legislation and legal science. Analyzes of the main approaches to defining the concept of a medical service, reveal its legal nature, examine the relationship between the concepts of "medical service" and "medical care", is held. The author examines the criteria applied in monitoring the quality of medical care and medical services. It substantiates the need to improve legal regulation by establishing a universal approach in monitoring the quality of medical care and the provision of medical services as interrelated forms of medical practice. In particular, it proposes considering a medical service as an integral element of medical care. This approach will ensure uniformity in law enforcement practice and balance the legal regulation of public and private law relations arising in the process of implementing state social obligations to protect human' health.

Keywords: medical service, medical care, quality of medical care, quality control, right to health protection, healthcare system.

References

1. Belikova V.I. The legal nature of medical services as an object of professional activity // Journal "Bulletin of Science" dated December 10, 2023, No. 12 (69), Volume 2. Pp. 318–330. 2023. ISSN 2712-8849 // Electronic resource: https://www.vesnik-nauki.rf/article/11395 (date of access: August 12, 2026)

2. Civil Code of the PMR, parts 2–3, put into effect by the Law of the PMR dated July 19, 2002 No. 164-3-III "On the introduction of part two and part three of the Civil Code of the Pridnestrovie" // SAZ 02–29 (current version as of July 16, May 2026) // Supreme Council of the PMR: official website. – URL: https://www.vspmr.org/legislation/laws/zakonodateljnie-akti-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-v-sfere-grajdanskogo-jilischnogo-semeynogo-prava/grajdanskiy-kodeks-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki.html (date of access: 27.07.2026).

3. DanilochkinaYu.V. Concept and legal nature of medical services / Yu.V. Danilochkina // Medical law. – 2008. – No. 4. – P. 17–25.

4. Drozdova A.V. Concept of medical service as a civil law category / A.V. Drozdova // Siberian legal bulletin. – 2004. – No. 3. – P. 25–36.

5. Law of the PMR "On the Protection of Citizens' Health" of January 16, 1997, No. 29-Z // Collection of Legislative Acts. – 1997. – No. 97–1. – Art. 53.

6. Law of the PMR of January 16, 1997, No. 29-Z "On the Fundamentals of Protection of Citizens' Health" // SZMR. – 1997. – No. 97–1. – Art. 1–1. (current version as of July 2, 2026) // Supreme Council of the PMR: official website. – URL: https://www.vspmr.org/legislation/laws/zakonodateljnie-akti-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-v-sfere-zdravoohraneniya-i-sotsialjnoy-zaschiti-trudovogo-zakonodateljstva/zakon-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-ob-osnovah-ohrani-zdorovjya-grajdan.html (date of access: 27.07.2026).

7. Law of the PMR of January 12, 2004 No. 385-3-III "On Private Medical Activity in the PMR" // SAZ PMR 04–3. (current version as of May 1, 2025) // Supreme Council of the PMR: official. website. URL: https://vspmr.org/legislation/laws/zakonodateljnie-akti-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-v-sfere-zdravoohraneniya-i-sotsialjnoy-zashchiti-trudovogo-zakonodateljstva/zakon-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-o-chastnoy-meditsinskoy-deyateljnosti-v-pridnestrovskoy-moldavskoy-respublike.html (Accessed: 27.07.2002).

8. Ivanov S.A., Nifanov A.N. Modern doctrinal and constitutional-legal approaches to defining medical care in Russia // Scientific Vedomosti. – 2019. – Vol. 44, No. 1. – P. 121–126. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-doktrinalnye-i-konstitutsionno-pravovye-podhody-definirovaniya-meditsinskoy-pomoschi-v-rossii/viewer (date of access: 07.08.2026).

9. Constitution of the Pridnestrovie: adopted at the National Referendum on December 24, 1995 (current version as of April 19, 2026) // Supreme Council of the PMR: official website. – URL: https://vspmr.org/legislation/laws/konstitutsiya-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-i-zakoni-ob-izmenenii-konstitutsii-pmr/konstitutsiya-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki.html (date of access: 26.07.2026).

10. Kosolapova N.V. Medical service: legal aspects // Social aspects of population health: electronic scientific journal. – 2014. – No. 2 (36). – URL: http://vestnik.mednet.ru/content/view/25/52/lang, ru/ (date of access: 26.07.2026).

11. Kryukova E.S. Features of the legal regime of medical service // Legal Bulletin of Samara University. – 2022. – Vol. 8, No. 2. – Pp. 18–24. – DOI: http://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-2-18-24.

12. Litovkina M.I. Safety of Medical Activities in the Spectrum of Constitutional and Legal Norms // Actual Problems of Russian Law. – 2015. – No. 5 (54). – Pp. 29–34. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/bezopasnost-meditsinskoy-deyatelnosti-v-spektre-konstitutsionno-pravovyh-norm/viewer (date of access: 07/29/2026).

13. Order of the Ministry of Health of the PMR dated April 20, 2001 No. 268 "On Approval of the Rules for the Provision of Paid Medical Services to the Population by Medical Institutions of the Pridnestrovian Moldavian Republic" (repealed following the adoption of orders of the Ministry of Health of the PMR dated April 4, 2007 No. 206 and May 20, 2019 No. 327) // URL: https://pravopmr.ru/View.aspx?id=lv%2fiWg9aqF9ESaWsaDxYrw%3d%3d (accessed: July 27, 2026)

14. Order of the Ministry of Health of the PMR dated October 9, 2019 No. 722 "On the Procedure for Conducting Quality Control and Safety of Medical Activities in State Medical and Preventive Institutions" Ministry of Health of the PMR: official. website. – URL: https://minzdrav.gospmr.org/o-ministerstve/dokumenti/prikazi-ministerstva/2019-god/prikaz-ministerstva-zdravoohraneniya-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-ot-9-oktyabrya-2019-goda-722-o-poryadke-provedeniya-kontrolya-kachestva-i-bezopasnosti-meditsinskoy-deyateljnosti-v-gosudarstvennih-lechebno-profilakticheskih-uchrejdeniyah.html (date of access: 27.07.2026).

15. Resolution of the Government of the PMR No. 282 of July 28, 1995 "On approval of the Regulation "On paid services in medical and preventive institutions of the Pridnestrovian Moldavian Republic" (no longer in effect) // URL: https://ulpmr.ru/ul/show/w0FbqwBEING17aTaAjrRm6g1OV+xcalyw0eY= (accessed: July 27, 2026).

16. Pridnestrovian historical portal. – URL: https://history.gospmr.org/ii-chrezvychajnyj-sezd-deputatov-vseh-urovnej-pridnestrovya-provozglashenie-obrazovaniya-pridnestrovskoj-mssr/ (data obrashcheniya: 26.07.2026).

Административное право в контексте педагогики и психологии

Кузнецов Леонид Дмитриевич,
кандидат юридических наук, профессор кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я Кикотя
E-mail: leonkuzn@mail.ru

В статье раскрывается фундаментальная связь административного права с педагогикой и психологией – как необходимое условие эффективного и гуманного государственного управления в современных условиях. Основное внимание уделено переходу контрольнонадзорной деятельности от «карательной» к «предупредительной», рискориентированной модели, в центре которой находится личность – и подконтрольного субъекта, и представителя власти. Педагогика в административном праве рассматривается через призму превентивной функции: консультирование, информирование и предостережение трактуются как инструменты формирования правосознания и правовой культуры, а профилактический визит – как форма правового просвещения. Подчёркивается дидактический потенциал административного права, которое не только устанавливает правила, но и формирует стандарты общественного поведения. Психология представлена как ключевой фактор правоприменения и внутреннего администрирования: она позволяет индивидуализировать ответственность с учётом мотивов и психологического состояния правонарушителя, а также повысить эффективность работы госорганов за счёт учёта психологического климата в коллективе, профилактики выгорания, развития эмоционального интеллекта и навыков медиации у руководителей. Особое внимание уделено роли руководителяадминистратора как психолога, способного выстраивать мотивацию, разрешать конфликты и формировать культуру самодисциплины.
Отдельный акцент сделан на вызовах цифровой трансформации госуправления: с одной стороны, цифровизация снижает человеческий фактор и коррупционные риски, с другой – порождает «цифровое отчуждение», требующее новых педагогических подходов к обучению граждан и психологической адаптации сотрудников. Также рассматривается формирование общественного доверия к государству как макропсихологический эффект: справедливые и понятные нормы порождают «добровольное подчинение», тогда избыточность регулирования ведёт к отчуждению, нигилизму и коррупционным рискам.
В заключении статьи подчёркивается, что интеграция педагогических и психологических знаний превращает административное право из набора запретов в гибкий инструмент социального развития. Такой подход позволяет строить правопорядок не на принуждении, а на взаимном уважении закона и личности, обеспечивая устойчивость и легитимность государственного управления.

Ключевые слова: административное право, педагогика, и психология, контрольнонадзорная, карательная и предупредительная деятельность, мотивация, разрешение конфликтов, формирование культуры и самодисциплины, цифровая трансформация госуправления, общественное доверие к государству, избыточность регулирования, нигилизм, коррупционный риск.

Связь административного права с педагогикой и психологией является одним из наиболее актуальных направлений в современной юридической науке. Однако реализация этих норм невозможна без учета человеческого фактора, который находится в фокусе внимания психологии и педагогики.

Современная реформа контрольно-надзорной деятельности и совершенствование административного законодательства стремится к переходу от «карательной» модели управления к «предупредительной». [1, с. 175–188]. Этот переход невозможен без опоры на педагогические методы воспитания правосознания и психологические механизмы коррекции поведения. Педагогика в административном праве проявляется прежде всего через превентивную (предупредительную) функцию. Административное принуждение – это, прежде всего, метод воспитания право послушного гражданина. [2, с. 438] Профилактика нарушений становится приоритетом. Консультирование, информирование и предостережение являются педагогическими инструментами, направленными на формирование у субъектов понимания смысла норм, а не просто страха перед штрафом. Подготовка сотрудников органов внутренних дел и государственных служащих требует применения сложнейших педагогических методик.

Любое административное правоотношение – это взаимодействие людей. Психология помогает понять внутренние механизмы этого процесса. Изучение мотивов, целей и психологического состояния лица, совершившего административный проступок, необходимо для индивидуализации наказания. КоАП РФ требует учитывать характер вины и обстоятельства, смягчающие ответственность, что невозможно без психологического анализа.

Эффективность государственного управления напрямую зависит от психологического климата в коллективе, лидерских качеств руководителя и стрессоустойчивости сотрудников. Административный регламент определяет порядок действий, но психологическая готовность сотрудника определяет качество их выполнения. Умение разрешать конфликты, использовать методы убеждения и избегать профессиональной деформации – это области, где нормы права тесно переплетаются с прикладной психологией. [3, с. 22–26]

В эпоху цифровизации государственного управления психологический аспект становится еще более важным. «Цифровое администрирование» снижает личный контакт, что требует новых педагогических подходов к формированию доверия граждан к государственным институтам. Методы психологической саморегуляции и педагогического наставничества являются обязательными элементами профессионального стандарта современного сотрудника административной сферы. [4, с. 5–28]

Связь административного права с педагогикой и психологией носит фундаментальный характер. Педагогика дает праву инструменты для профилактики и формирования правовой культуры. Психология обеспечивает понимание личности участника правоотношений и повышает эффективность правоприменения.

В настоящее время произошел переход от репрессивной, карательной модели к модели «риск-ориентированной» и предупредительной. В центре этой системы теперь стоит не факт нарушения и последующий штраф, а личность – как представителя власти, так и подконтрольного субъекта.

Именно здесь административное право максимально сближается с педагогикой и психологией, поскольку любая правовая норма реализуется через сознание и поведение конкретных людей. Административное право по своей природе обладает мощным дидактическим потенциалом. Оно не просто диктует правила, но и формирует стандарты общественного поведения.

Согласно новому законодательству, ключевым инструментом контроля становится «профилактический визит». С точки зрения педагогики – это консультативная форма обучения предпринимателей и граждан.

Сотрудник здесь выступает не как «каратель», а как наставник, разъясняющий сложные нормы закона. Цель этого процесса – формирование высокого уровня правосознания, при котором соблюдение норм становится внутренней потребностью субъекта, а не следствием страха перед санкцией.

Психология дает административному праву понимание того, почему законы работают или не работают в реальной жизни. Психоло-

гический анализ позволяет сделать правоприменение более точным и справедливым. [5, с. 9, 13, 15–18]

Для правоприменителя критически важно понимать мотивационную сферу правонарушителя. КоАП РФ требует учитывать характер вины. Психология помогает разграничить неосторожность, вызванную когнитивными искажениями или стрессом, от умышленного пренебрежения законом. Это позволяет индивидуализировать ответственность, делая её соразмерной. Внутри системы государственного аппарата административное право регулирует служебные отношения. Психологический климат, профилактика профессионального выгорания и эмоционального интеллекта сотрудников напрямую влияют на качество государственного администрирования. Эффективный руководитель-администратор сегодня – это психолог, способный выстроить систему мотивации, при которой дисциплина поддерживается не только приказами, но и авторитетом власти. [6, с. 240–255]

Связь права с психологией проявляется и на макроуровне – через формирование общественного доверия. Если нормы административного права воспринимаются населением как логичные и справедливые, возникает психологический эффект «добровольного подчинения». Если же нормы избыточны, это порождает психологическое отчуждение граждан от государства, что ведет к коррупционным рискам и правовому нигилизму. Реформа контрольно-надзорной деятельности направлена именно на восстановление этого психологического доверия между бизнесом и властью. [7, с. 13–23]

Цифровая трансформация госуправления создает новые психологические феномены. С одной стороны, устраняется человеческий фактор и снижается риск коррупции. С другой – возникает «цифровое отчуждение». Необходимо обучать граждан взаимодействию с цифровыми интерфейсами государства, делая их интуитивно понятными. Сотрудники ведомств должны адаптироваться к работе в условиях «прозрачности» и жестких алгоритмов, что требует высокой психологической устойчивости и изменения привычных паттернов поведения.

Эффективный руководитель-администратор сегодня – это психолог, способный выстроить систему мотивации, при которой дисциплина поддерживается не только приказами, но и авторитетом власти.

Эта тема крайне актуальна для современной системы государственного управления и правоохранительных органов. Переход от жесткой иерархии к гибкому лидерству требует от руководителя глубоких познаний в человеческой натуре. [8, с. 24–29]

Эффективный руководитель должен уметь распознавать эмоциональное состояние подчиненных. В стрессовых условиях службы (особенно в системе МВД или при реализации контрольных функций) своевременное выявление признаков профессионального выгорания или личного кризиса сотрудника позволяет сохранить дееспособность подразделения.

Психологический профиль каждого сотрудника уникален. Одному необходим жесткий контроль и четкие дедлайны, другому – творческая свобода и делегирование полномочий. Руководитель-психолог подбирает «ключ» к каждому, превращая группу исполнителей в синергичную команду.

В административной среде этика руководителя является мощнейшим психологическим стимулом. Невозможно требовать дисциплины от подчиненных, нарушая её самому. Личный пример – это безмолвный приказ, который исполняется добровольно.

За пределами материального поощрения В государственной службе возможности материального стимулирования часто ограничены жесткими рамками бюджета и законодательства. Здесь на сцену выходят психологические методы мотивации. [9, с. 84–98]

Психологически подтверждено, что вовремя сказанное «спасибо» или публичное признание заслуг мотивирует сильнее, чем рутинные премии. Руководитель-администратор создает культуру, где достижения замечаются, а ошибки разбираются как уроки, а не как поводы для расправы.

Любой коллектив – это зона потенциальных конфликтов. Руководитель-психолог владеет техниками медиации. Вместо подавления конфликта силой власти, он вскрывает его причины и находит решение, которое удовлетворяет интересы дела. Это предотвращает накопление «психологического яда» в подразделении и укрепляет командный дух.

Высшая точка мастерства руководителя-администратора – это создание такой организационной культуры, где дисциплина становится самодисциплиной.

Подводя итог, можно сказать, что административное право в XXI веке перестает быть «сухим» перечнем запретов. Педагогика обогащает право инструментарием профилактики, превращая государственный контроль в процесс постоянного совершенствования общества. Психология наполняет правовые нормы пониманием человеческой природы, минимизируя ошибки и конфликты в процессе исполнения властных полномочий. Интеграция этих знаний позволяет создать гибкую, эффективную и гуманную систему государственного управления. Только понимая педагогические цели и психологические мотивы действий человека, государство может построить правопорядок, основанный не на принуждении, а на взаимном уважении закона и личности. [10, с. 314–325]

Литература

1.Каплунов, А.И. Административное принуждение как метод государственного управления: превенция, пресечение, ответственность / А.И. Каплунов. – Санкт-Петербург: Изд-во СПб университета МВД России, 2021.

2.Агапов, А.Б. Административное право: учебник для бакалавриата и магистратуры / А.Б. Агапов. – 12-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 450 с.

3.Россинский, Б.В. Административное право: учебник / Б.В. Россинский, Ю.Н. Старилов. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. – 640 с.

4. Психологическая работа в органах внутренних дел: учебное пособие / [В.В. Вахнина и др.]; отв. ред. В.И. Долинко. – М.: Академия управления МВД России, 2019. – 108 с.

5. Васильев, В.Л. Юридическая психология: учебник для вузов / В.Л. Васильев. – Санкт-Петербург: Питер, 2022. – 608 с.

6. Еникеев, М.И. Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии: учебник / М.И. Еникеев. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. 640 с.

7. Зубарев, С. М. О современном этапе реформы контрольно-надзорной деятельности / С.М. Зубарев // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 6 (82). – С. 13–23.

8. Насонов, Д.А. Система государственного управления в Российской Федерации: некоторые теоретические аспекты / Д.А. Насонов. // Исследования молодых ученых: материалы XXVI Междунар. науч. конф. (г. Казань, ноябрь 2021 г.). – Казань: Молодой ученый, 2021. – С. 24–29.

9. Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология: учебник / Ю.В. Чуфаровский. – Москва: Проспект, 2021. – 480 с.

10. Столяренко, А.М. Юридическая педагогика: курс лекций / А.М. Столяренко. – Москва: ЭКМОС, 2020. – 496 с.

ADMINISTRATIVE LAW IN THE CONTEXT OF PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY

Kuznetsov L.
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya Kikoty

The article reveals the fundamental connection between administrative law and pedagogy and psychology – as a necessary condition for effective and humane public administration in modern conditions. The main focus is on the transition of control and supervisory activities from a "punitive" to a "preventive," riskoriented model, which places the individual – both the subject under supervision and the representative of the authority – at the centre. Pedagogy in administrative law is examined through the prism of the preventive function: consulting, informing, and issuing warnings are interpreted as tools for shaping legal awareness and legal culture, and a preventive visit is seen as a form of legal education. The didactic potential of administrative law is emphasized, as it not only establishes rules but also shapes standards of public behavior. Psychology is presented as a key factor in law enforcement and internal administration: it allows for individualizing responsibility by taking into account the motives and psychological state of the offender, as well as improving the efficiency of government bodies by considering the psychological climate in the team, preventing burnout, and developing emotional intelligence and mediation skills among managers. Special attention is paid to the role of the administratorleader as a psychologist capable of building motivation, resolving conflicts, and fostering a culture of selfdiscipline. Special emphasis is placed on the challenges of the digital transformation of public administration: on the one hand, digitalization reduces the human factor and corruption risks; on the other hand, it gives rise to "digital alienation," which requires new pedagogical approaches to educating citizens and the psychological adaptation of employees. The formation of public trust in the state is also considered as a macropsychological effect: fair and understandable norms give rise to "voluntary compliance," whereas excessive regulation leads to alienation, nihilism, and corruption risks. The conclusion of the article emphasizes that the integration of pedagogical and psychological knowledge transforms administrative law from a set of prohibitions into a flexible tool for social development. This approach makes it possible to build a legal order not on coercion, but on mutual respect for the law and the individual, ensuring the stability and legitimacy of public administration.

Keywords: Administrative law, pedagogy, and psychology; control and supervisory, punitive, and preventive activities; motivation; conflict resolution; fostering culture and selfdiscipline; digital transformation of public administration; public trust in the state; excessive regulation; nihilism; corruption risk.

References

1. Kaplunov, A.I. Administrative coercion as a method of public administration: prevention, suppression, liability / A.I. Kaplunov. – Saint Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021.

2. Agapov, A.B. Administrative law: a textbook for bachelor's and master's degrees / A.B. Agapov. – 12th ed., revised. and expanded. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2023. – 450 p.

3. Rossinsky, B.V. Administrative Law: textbook / B.V. Rossinsky, Yu.N. Starilov. – 6th ed., rev. and add. – Moscow: Norma: INFRAM, 2023. – 640 p.

4. Psychological work in the internal affairs bodies: a study guide / [V.V. Vakhnina et al.]; edited by V.I. Dolinko. – Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. – 108 p.

5. Vasiliev, V.L. Legal Psychology: a textbook for universities / V.L. Vasiliev. – Saint Petersburg: Piter, 2022. – 608 p.

6. Enikeev, M.I. Legal Psychology. With the Foundations of General and Social Psychology: a textbook / M.I. Enikeev. Moscow: Norma: INFRAM, 2023. 640 p.

7. Zubarev, S.M. On the Current Stage of the Reform of Control and Supervisory Activities / S.M. Zubarev // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MSAL). – 2021. – No. 6 (82). – Pp. 13–23.

8. Nasonov, D.A. The System of Public Administration in the Russian Federation: Some Theoretical Aspects / D.A. Nasonov. // Research by Young Scientists: Proceedings of the 26th International Scientific Conference (Kazan, November 2021). – Kazan: Molodoy Uchenyy, 2021. – Pp. 24–29.

9. Chufarovsky Yu.V. Legal Psychology: Textbook / Yu.V. Chufarovsky. – Moscow: Prospekt, 2021. – 480 p.

10. Stolyarenko, A.M. Legal Pedagogy: a course of lectures / A.M. Stolyarenko. – Moscow: EKMOS, 2020. – 496 p.

Правовые формы применения цифровых технологий, направленные на участие граждан в правотворческой деятельности

Кулаков Никита Сергеевич,
аспирант кафедры административного, информационного и финансового права Института права и национальной безопасности РАНХиГС
E-mail: nskulakov99@gmail.com

В статье раскрыта сущность категорий «правотворчество», «правовая культура», «правотворческий процесс» и проч. Выявлены ключевые особенности применения цифровых технологий в правотворческой деятельности. Отмечается, что специфика соответствующей правовой формы определяет субъектный состав участников, порядок их взаимодействия, юридическое значение результатов цифрового участия и требования к информационным системам. Ключевыми формами «цифрового» правотворчества с участием населения выступают: референдум, правовые инициативы, обсуждения законопроектов на официальных сайтах, общественные советы при органах государственной власти. Выявлены риски и проблемы в соответствующей области.

Ключевые слова: правотворчество, законодательство, общественные отношения, цифровизация, общественное обсуждение, общественный совет, референдум, правотворческая инициатива

Правотворческая деятельность, с одной стороны, способствует увеличению эффективности механизмов правового регулирования, но с другой – генерирует некоторые риски, связанные с правотворческими ошибками, коллизиями и пробелами в законодательстве.

В течение нескольких десятилетий законодательные органы планомерно формировали и совершенствовали нормативный правовой массив, учитывая при этом динамические изменения экономических, социальных и прочих условий [7, с. 46]. Сегодня перед законодателями возникают новые задачи, связанные с повсеместной цифровизацией и стремлением к обеспечению диалога между обществом и государством. Качество правового регулирования зависит не только от государства в лице законодательных ведомств – оно определяется активностью и взаимодействием между всеми участниками общественных отношений.

Цифровизация правотворчества, по мнению В.Ю. Самородова, направлена на обеспечение «доступности, продуктивности и качества, своевременности и безопасности, механической унификации и сохранения культурной идентичности и творческого потенциала деятельности по созданию правовых норм» [11, с. 167]. Данная тема относительно недавно попала в фокус внимания исследователей-правоведов, в связи с чем представляется ***актуальным*** рассмотрение современных тенденций в области правотворчества, и в частности – правовых форм применения цифровых технологий, направленных на участие граждан в правотворчестве.

Правотворческая культура выполняет важнейшие социально-культурные функции – как с точки зрения оптимизации правотворческой политики, так и в контексте демократизации правотворческой деятельности.

Р.Ш. Шарофзода указывает: правотворческая политика представляет собой социальный феномен, тесно связанный с культурой. Государство и право – важнейшие достижения человеческой цивилизации и, следовательно, могут быть рассмотрены в качестве компонентов культуры. Правотворческая деятельность, по мнению авторов, «организовывается в культурной среде, в рамках различных типов культуры и, соответственно, отражает культурные достижения того или иного народа» [17, с. 183].

Правотворчество является результатом формирования и развития правовой культуры, уровень которой детерминирует состояние права, юридической науки, юридического образования, правового воспитания, правоприменения, правотворчества. Важным показателем высокого уровня развития правовой культуры является диалогический характер правотворческого процесса, т.е. доступ населения к участию к правотворчеству и реагирование государства на гражданские законотворческие инициативы.

В данной связи Е.В. Раева прибегает к термину «правовое сотворчество», определяя его как (1) «сознательное и целенаправленное участие различных субъектов, таких как граждане, общественные организации и государственные органы, в создании и развитии правовых норм и институтов»; (2) «диалог, учитывающий интересы и потребности различных социальных групп, что способствует повышению легитимности и эффективности принимаемых решений» [10, с. 331]. Е.В. Каменская выражает схожий тезис: для законодателей крайне значимыми являются идентификация, анализ и обобщение различных точек зрения, идей, концепций, предлагаемых населением в различных сферах [4, с. 24].

По мнению И.С. Барзиловой, особенности применения цифровых технологий в правотворческой деятельности во многом обусловлены спецификой ее субъектного состава и форм осуществления. В частности, в правотворчестве населения цифровые технологии могут использоваться посредством различных правовых форм участия граждан в формировании и принятии правовых решений [2, с. 126].

Следовательно, внедрение цифровых технологий в правотворчество не является универсальным инструментом, применяемым независимо от конкретной формы правотворчества. Специфика соответствующей правовой формы определяет субъектный состав участников, порядок их взаимодействия, юридическое значение результатов цифрового участия и требования к используемым информационным системам. Следовательно, исследование цифровизации правотворче-

ской деятельности населения целесообразно осуществлять дифференцированно.

Имплементация цифровых инструментов с точки зрения права должна опираться на существующие нормативные правовые акты, а при их отсутствии – должна сопровождаться утверждением новых актов законодательства. В целом право на участие граждан в правотворчестве вытекает из конституционных положений [3, с. 200]. В частности, согласно положениям ст. 32 Конституции Российской Федерации, граждане имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей. В тексте ст. 130 Конституции Российской Федерации акцентируется право «самостоятельного решения населением вопросов местного значения, владения, пользования и распоряжения муниципальной собственностью», в т.ч. посредством референдумов [5].

Цифровые технологии, пишет И.С. Барзилова, способствуют практической реализации конституционных принципов народовластия, включая гласность, свободу волеизъявления, равенство и непосредственное участие граждан в управлении делами государства. Их применение может охватывать различные стадии осуществления народного правотворчества, в том числе информирование граждан, обсуждение выносимых на голосование вопросов и обеспечение их участия в соответствующих процедурах. При этом содержание и способы применения цифровых технологий определяются спецификой конкретной правовой формы «народного» правотворчества [2, с. 128].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что одной из форм правотворчества с участием населения выступает ***референдум***. Ключевым нормативным актом в данном контексте выступает Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» [16], где предусмотрена возможность проведения референдумов на федеральном, региональном и местном уровнях, а также общероссийское голосование по поправкам к Конституции Российской Федерации. Цифровизация референдумов и выборов в Российской Федерации закреплена законодательно в формате дистанционного электронного голосования. Волеизъявление граждан может проводиться онлайн с использованием государственных информационных систем и портала «Госуслуги». Решение о запуске цифрового голосования на федеральных кампаниях и референдумах принимает Центральная избирательная комиссия Российской Федерации.

Одной из правовых форм правотворчества с участием населения выступают ***правовые инициативы***, посредством которых граждане получают возможность выдвигать предложения по совершенствованию действующего законодательства и разработке новых нормативных правовых решений. В условиях цифровизации правотворческого процесса реализация правовых инициатив может осуществляться с использованием электронных платформ, информационных систем и иных цифровых инструментов, обеспечивающих выдвижение, распространение, обсуждение и поддержку соответствующих инициатив. Одним из законодательных актов, регулирующих подобные инициативы, выступает Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в частности, положения ст. 26) [15].

Примером подобной правовой формы участия граждан в правотворчестве выступает «Российская общественная инициатива (РОИ)» – цифровой ресурс для подачи общественных инициатив граждан и голосования по ним. В случае, если та или иная инициатива набирает необходимое число голосов, ее передают на рассмотрение экспертной рабочей группе федерального, регионального или муниципального уровней, которая принимает решение о реализации или отклонении инициативы [3, с. 200]. Сайт «Российская общественная инициатива» (РОИ) функционирует на основании Указа Президента РФ от 4 марта 2013 г. № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива»« [13].

Одной из правовых форм применения цифровых технологий с целью участия граждан в правотворческой деятельности выступает ***обсуждение*** законопроектов на официальных сайтах. В качестве примеров выделим Федеральный портал проектов нормативных правовых актов – https://regulation.gov.ru/, сайты органов публичной власти различного уровня.

Как отмечает А.Ю. Базыкин, общественное обсуждение посредством сети Интернет является относительно новым направлением участия граждан в правотворчестве. Первым примером в России стало обсуждение проекта Федерального закона «О полиции» на специально созданном интернет-сайте в период с 7 августа по 15 сентября 2010 г., в ходе которого поступило около 33 тыс. откликов, содержащих более 20 тыс. предложений по совершенствованию законопроекта. Положительные результаты данного опыта способствовали институционализации электронного общественного обсуждения [1, с. 175]. Указ Президента РФ от 9 февраля 2011 г. № 167 «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов» [12] закрепил возможность проведения общественного обсуждения проектов законодательных актов в сети Интернет. Дальнейшая регламентация указанной процедуры осуществлена постановлением Правительства РФ от 25 августа 2012 г. № 851 «О порядке раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения», установившим порядок организации и проведения такого обсуждения [9].

Общественные советы при органах государственной власти целесообразно рассматривать как одну из форм общественного контроля и участия граждан в деятельности властных ведомств. Согласно положениям Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [14], общественные советы при федеральных органах исполнительной власти являются одной из организационных форм общественного контроля. Они создаются для обеспечения учета потребностей и интересов граждан, защиты их прав и свобод, а также учета общественного мнения при реализации государственными органами своих полномочий.

В контексте правотворческой деятельности значение общественных советов заключается прежде всего в их возможности участвовать в обсуждении проектов нормативных правовых актов, подготавливаемых соответствующими органами государственной власти, анализировать предлагаемые изменения правового регулирования и формулировать предложения по их совершенствованию. Таким образом, общественные советы обеспечивают опосредованное участие гражданского общества в подготовке правовых решений. Цифровизация данной формы общественного участия выражается в использовании официальных сайтов органов государственной власти, электронных платформ общественного обсуждения, дистанционных форм заседаний, электронного направления предложений и публикации результатов деятельности общественных советов.

При этом важно разграничивать общественный контроль и непосредственное правотворчество. Общественный совет не принимает акты законодательства и не обладает полномочиями государственного органа – его основная функция состоит в выработке рекомендаций и учете общественного мнения при подготовке и реализации государственных решений.

Общественные советы как форма косвенного правотворчества граждан функционируют на разных уровнях власти. В качестве примера приведем онлайн-сервис «Обратиться в Общественный совет УФНС по региону». Речь идет об общественном совете налоговой службы Республики Марий Эл – консультативно-совещательном органе, в составе которого – общественные деятели, журналисты, руководители крупных и социально-значимых компаний региона.

В компетенцию Общественного совета входит мониторинг эффективности деятельности территориального налогового органа, качества предоставления государственных услуг и реализации антикоррупционных мероприятий. Для взаимодействия с гражданами создана рабочая группа по рассмотрению обращений, поступающих членам Совета. С использованием электронного сервиса «Обратиться в Общественный совет УФНС по региону» граждане, их представители и организации могут направлять обращения, предложения и вопросы, прилагая необходимые документы. Поступившие обращения рассматриваются в установленном законодательством порядке в течение 30 дней со дня их регистрации [8].

Анализ перспектив развития данной области общественных отношений позволяет сделать вывод о наличии ряда рисков и барьеров, которые требуется нейтрализовать в ближайшем будущем. Так, по мнению А.М. Курочкиной, применение цифровых технологий в правотворчестве отличается высоким уровнем правовой неопределённости и фрагментарности нормативного регулирования. Отсутствует комплексный правовой режим цифровизации правотворческой деятельности, вследствие чего отдельные цифровые процедуры осуществляются преимущественно на основе подзаконного регулирования и ведомственных решений.

Проблему усугубляет отсутствие унифицированных требований к представлению, анализу и общественному обсуждению проектов законодательных актов в электронной форме. К примеру, внедрение в практику портала regulation.gov.ru не обеспечивает обязательного учета поступивших предложений граждан, что снижает юридическую значимость их участия в правотворческом процессе [6, с. 20].

Не вполне ясными представляются перспективы применения искусственного интеллекта в правотворчестве и взаимодействии с граж-

данами, поскольку не определены пределы его допустимого применения и ответственность. В связи с этим необходимо формирование единого правового режима цифрового правотворчества, устанавливающего требования к цифровым процедурам, юридической силе их результатов и ответственности за использование автоматизированных технологий.

Тем не менее, очевидно, что процесс цифровизации существенно упростит деятельность всех участников правотворческой деятельности, позволит осуществлять безбумажное согласование и взаимодействие всех участников процесса. Особую важность цифровизация, пишет И.Д. Ягофарова, имеет с точки зрения «горизонтальной» коммуникации между участниками процесса [18, с. 10].

И.С. Барзилова, в свою очередь, пишет о расширении инклюзии в правотворческой среде: цифровые технологии обеспечат дистанционное участие для лиц, не имеющих физической возможности личного присутствия при данном процессе – лиц с ограниченными физическими возможностями, женщин, имеющих несовершеннолетних детей, беременных женщин, пенсионеров и другие категории граждан, имеющих определенные трудности полноценного участия в правотворческой деятельности [2, с. 128].

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

– Правотворчество представляет собой результат формирования и развития правовой культуры. Важным показателем уровня развития правовой культуры является диалогический характер правотворческого процесса, т.е. доступ населения к участию к правотворчеству.

– Особенности применения цифровых технологий в правотворческой деятельности во многом обусловлены спецификой ее субъектного состава и форм осуществления. Специфика конкретной правовой формы определяет субъектный состав участников, порядок их взаимодействия, юридическое значение результатов цифрового участия и требования к используемым цифровым ресурсам.

– Право на участие граждан в правотворческом процессе основывается на конституционных положениях об участии населения в управлении делами государства.

– Ключевыми формами «цифрового» правотворчества с участием населения выступают: референдум, правовые инициативы, обсуждения законопроектов на официальных сайтах, общественные советы при органах государственной власти.

– На текущий момент в области применения цифровых технологий в правотворчестве имеется правовая неопределённость и фрагментарность нормативного регулирования. Налицо, в частности, проблема отсутствия унифицированных требований к представлению, анализу и общественному обсуждению проектов законодательных актов в электронной форме.

Литература

1. Базыкин, А.Ю. Правовое регулирование общественного обсуждения нормативных правовых актов с использованием телекоммуникационных технологий / А.Ю. Базыкин // Журнал российского права. – 2021. – № 2. – С. 171–182.

2. Барзилова, И.С. Проблемы использования цифровых технологий в правотворчестве / И.С. Барзилова // Социально-политические науки. – 2021. – № 2. – С. 125–130.

3. Бредихин, А.Л. Участие граждан в правотворческом процессе / А.Л. Бредихин, Н.П. Парфенов, С.А. Алексеев // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 12 (204). – С. 199–202.

4. Каменская, Е.В. Развитие правотворческого процесса в условиях цифровизации общества и государства / Е.В. Каменская // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2019. – № 4 (22). – С. 21–27.

5. Конституция Российской Федерации // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/. – Дата доступа: 12.08.2026.

6. Курочкина, А.М. Цифровизация правотворческой деятельности: проблемные аспекты и перспективы развития / А.М. Курочкина // Правовой альманах. – 2025. – № 6 (46). – С. 15–28.

7. Мазеин, А.В. Перспективы консолидации гражданского и экспертного участия в законодательном процессе на региональном уровне / А.В. Мазеин // Право и политика. – 2022. – № 6. – С. 45–72.

8. Обратиться в Общественный совет можно с помощью онлайн-сервиса // Килемарский муниципальный округ Республики Марий Эл. – 2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mari-el.gov.ru/municipality/kilemary/news/obratitsya-v-obshchestvennyy-sovet-mozhno-s-pomoshchyu-onlayn-servisa/. – Дата доступа: 12.08.2026.

9. Постановление Правительства РФ от 25.08.2012 № 851 (ред. от 11.11.2024) «О порядке раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения» // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_134469/. – Дата доступа: 12.08.2026.

10. Раева, Е.В. Правовая культура и ее роль в актуальных процессах правового сотворчества публичной власти и общества / Е.В. Раева // Государственно-правовые исследования. – 2025. – № 7–8. – С. 330–336.

11. Самородов, В.Ю. Цифровизация в современной культуре правотворчества: тренд на обновление и позитивная тенденция правовой жизни / В.Ю. Самородов // Актуальные проблемы государства и права. – 2020. – № 14. – С. 165–179.

12. Указ Президента РФ от 09.02.2011 № 167 «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов» // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110411/. – Дата доступа: 12.08.2026.

13. Указ Президента РФ от 04.03.2013 № 183 (ред. от 17.09.2020) «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива»« // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142909/. – Дата доступа: 12.08.2026.

14. Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» от 21.07.2014 № 212-ФЗ // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809/. – Дата доступа: 12.08.2026.

15. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/. – Дата доступа: 12.08.2026.

16. Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ (ред. от 30.12.2021) «О референдуме Российской Федерации» // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48221/. – Дата доступа: 12.08.2026.

17. Шарофзода, Р.Ш. Правотворческая культура как условие взаимодействия публичной власти и гражданского общества / Р.Ш. Шарофзода, Х.С. Сафарбекзода // Государственно-правовые исследования. – 2025. – № 7–8. – С. 182–189.

18. Ягофарова, И.Д. Цифровые технологии в правотворческой деятельности: теоретико-правовой аспект / И.Д. Ягофарова // Пролог: журнал о праве. – 2021. – № 2 (30). – С. 4–13.

LEGAL FORMS OF DIGITAL TECHNOLOGY IMPLEMENTATION FOR CITIZENS' PARTICIPATION IN LAW-MAKING

Kulakov N.S.

Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This article explores the concepts of law-making, legal culture, law-making process and others. Key features of the application of digital technologies in law-making are identified. It is noted that the specifics of the relevant legal form determine the participants, the procedures for their interaction, the legal significance of the results of digital participation, and the requirements for information systems. Key forms of «digital» lawmaking with public participation include referendums, legal initiatives, discussions of draft laws on official websites, and public councils at government agencies. Risks and challenges in this area have been identified.

Keywords: law-making, legislation, public relations, digitalization, public discussion, public council, referendum, law-making initiative

References

1. Bazykin, A. Yu. Legal regulation of public discussion of regulatory legal acts using telecommunication technologies / A. Yu. Bazykin // Journal of Russian Law. – 2021. – № 2. – Pp. 171–182.

2. Barzilova, I.S. Problems of using digital technologies in lawmaking / I.S. Barzilova // Social and political sciences. – 2021. – № 2. – Pp. 125–130.

3. Bredikhin, A.L. Participation of citizens in the law-making process / A.L. Bredikhin, N.P. Parfenov, S.A. Alekseev // Law and state: theory and practice. – 2021. – № 12 (204). – Pp. 199–202.

4. Kamenskaya, E.V. Development of the Law-Making Process in the Context of Digitalization of Society and the State / E.V. Kamenskaya // Bulletin of the Moscow University named after S. Yu. Witte. Series 2: Legal Sciences. – 2019. – № 4 (22). – Pp. 21–27.

5. Constitution of the Russian Federation // ConsultantPlus. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/. – Access date: 12.08.2026.

6. Kurochkina, A.M. Digitalization of Law-Making Activity: Problematic Aspects and Development Prospects / A.M. Kurochkina // Legal Almanac. – 2025. – № 6 (46). – Pp. 15–28.

7. Mazein, A.V. Prospects for Consolidating Civil and Expert Participation in the Legislative Process at the Regional Level / A.V. Mazein // Law and Politics. – 2022. – № 6. – Pp. 45–72.

8. You can contact the Public Council using the online service // Kilemarsky Municipal District of the Republic of Mari El. – 2024. [Electronic resource]. – Access mode: https://mari-el.gov.ru/municipality/kilemary/news/obratitsya-v-obshchestvennyy-sovet-mozhno-s-pomoshchyu-onlayn-servisa/. – Access date: 12.08.2026.

9. Resolution of the Government of the Russian Federation of August 25, 2012 № 851 (as amended on November 11, 2024) «On the Procedure for Disclosure by Federal Executive Bodies of Information on the Preparation of Draft Regulatory Legal Acts and the Results of Their Public Discussion» // ConsultantPlus. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_134469/. – Access date: August 12, 2026.

10. Raeva, E.V. Legal culture and its role in current processes of legal co-creation between public authorities and society / E.V. Raeva // State and legal studies. – 2025. – № 7–8. – P. 330–336. 11. Samorodov, V. Yu. Digitalization in the Modern Culture of Law-making: A Trend Toward Renewal and a Positive Tendency in Legal Life / V. Yu. Samorodov // Current Issues of State and Law. – 2020. – № 14. – P. 165–179.

12. Decree of the President of the Russian Federation of 09.02.2011 № 167 «On Public Discussion of Draft Federal Constitutional Laws and Federal Laws» // ConsultantPlus. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110411/. – Access date: 12.08.2026.

13. Decree of the President of the Russian Federation of March 4, 2013, № 183 (as amended on September 17, 2020) «On the consideration of public initiatives submitted by citizens of the Russian Federation using the Russian Public Initiative Internet resource» // ConsultantPlus. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142909/. – Access date: August 12, 2026.

14. Federal Law «On the Fundamentals of Public Control in the Russian Federation» dated July 21, 2014, № 212-FZ // ConsultantPlus. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809/. – Access date: August 12, 2026. 15. Federal Law of 06.10.2003 № 131-FZ (as amended on 20.03.2025) «On the General Principles of Local Self-Government in the Russian Federation» // ConsultantPlus. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/. – Access date: 12.08.2026.

16. Federal Constitutional Law of 28.06.2004 № 5-FKZ (as amended on 30.12.2021) «On the Referendum of the Russian Federation» // ConsultantPlus. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48221/. – Access date: 12.08.2026. 17. Sharofzoda, R. Sh. Law-making culture as a condition for interaction between public authority and civil society / R. Sh. Sharofzoda, Kh.S. Safarbekzoda // State and legal studies. – 2025. – № 7–8. – P. 182–189.

18. Yagofarova, I.D. Digital technologies in law-making: theoretical and legal aspect / I.D. Yagofarova // Prologue: journal on law. – 2021. – № 2 (30). – P. 4–13.

Общие черты ФНС Россия и IRS США в доктринальных трактовках

Кузнецов Леонид Дмитриевич,
кандидат юридических наук, профессор кафедры
административного права Московского университета
МВД России имени В.Я Кикотя
E-mail: leonkuzn@mail.ru

В статье исследуется эволюция доктринального понимания роли налоговых органов – от традиционного восприятия их как сугубо фискальных и контрольнонадзорных институтов к трактовке как многофункциональных органов публичной власти. Раскрывается комплекс функций современных налоговых органов: фискальной, регулятивной, социальной, информационносервисной, аналитической и правоохранительной. Особое внимание уделено влиянию концепций «сервисного государства», «цифрового правительства» и «государства всеобщего благосостояния» на трансформацию задач налоговых администраций, включая смещение акцента с принуждения на формирование налогового комплаенса и выстраивание открытого диалога с налогоплательщиками. Центральную часть статьи составляет сравнительный анализ доктринальных подходов к пониманию сущности и функционала налоговых органов в России и США на примере ФНС России и IRS США. Сопоставление проводится по ключевым параметрам: степень централизации системы, характер контроля (превентивноцифровой в России и ретроспективноаналитический в США), модель реализации правоохранительных полномочий (разделение функций в РФ и интеграция уголовного аппарата в структуру IRS в США), а также роль и статус налогоплательщика в каждой из систем. Отдельно рассмотрены последствия реформ – в частности, влияние Inflation Reduction Act 2022 на усиление сервисной составляющей в деятельности IRS. Автор приходит к выводу, что, несмотря на наличие универсальных черт (многофункциональность, значимость цифровизации, ориентация на сервисность), доктринальные трактовки роли налоговых органов в разных странах формируются под сильным влиянием национальных институциональных традиций. Это обусловливает различия в архитектуре налоговых систем и моделях администрирования, демонстрируя, как общие мировые тренды получают специфическую реализацию в рамках отдельных правовых и управленческих контекстов.

Ключевые слова: доктринальное понимание роли налоговых органов, концепция «сервисного государства», «цифрового правительства» и «государства всеобщего благосостояния, сравнительный анализ доктринальных подходов, многофункциональность, значимость цифровизации, ориентация на сервисность, влиянием национальных институциональных традиций, различия в архитектуре налоговых систем и моделях администрирования.

В современной юридической и экономической доктрине налоговые органы не могут быть определены исключительно через их традиционную фискальную функцию – контроль налогов. Это понимание претерпело значительную эволюцию, отражая усложнение государственного управления и усиление взаимосвязи государства и общества. [1, с. 45–58].

Исторически налоговые органы рассматривались преимущественно как фискальные институты, чья основная задача заключалась в безусловном контроле уплаты средств в бюджет государства. В рамках данного подхода акцент делался на их контрольно-надзорных и карательных полномочиях. Такая трактовка была характерна для ранних этапов развития налоговых систем, где налогоплательщик воспринимался как объект принуждения.

В условиях развития концепций «государства всеобщего благосостояния», «сервисного государства» и «цифрового правительства» налоговые органы стали рассматриваться как комплексный институт публичной власти. В этом контексте они определяются как специализированные органы исполнительной власти, наделенные публично-правовыми полномочиями по обеспечению установленного законом порядка исчисления, уплаты и контроля за соблюдением налогового законодательства, а также осуществляющие, регулирующие, информационно-сервисные, правоприменительные и аналитические функции, направленные на обеспечение экономической стабильности, социальной справедливости и формирование налогового комплаенса.

Ключевым элементам современного понятия налоговых органов является их специализированный характер, который фокусируется исключительно на налоговых и связанных с ними финансовых вопросах. Налоговые органы имеют публично-правовые полномочия, то есть действие от имени государства с правом применения государственного принуждения. По статусу многофункциональны, но выходят за рамки только фискальной функции. Ориентированы (на комплаенс) не только взимание налогов, но и стимулирование добровольного соблюдения законодательства.

Сущность налоговых органов раскрывается через их внутреннюю природу и внешние взаимосвязи в государственном аппарате, демонстрируя их роль как одного из важнейших механизмов реализации государственного суверенитета и управления обществом. Представляют собой институт реализации фискального суверенитета. Являются основным инструментом государства по мобилизации финансовых ресурсов, что критически важно для выполнения всех его функций – от обороны до социальной поддержки. В этом проявляется их роль как финансовой опоры государства. Кроме того, являются органом исполнительной власти. Они выступают как часть государственного аппарата, реализующего правоприменительные функции. Их деятельность строго регламентирована законом, что обеспечивает законность и предсказуемость принимаемых решений. В то же время являются регулятором экономических отношений. [2, с. 1–8].

Через администрирование налоговых льгот, специальных режимов и механизмов государственного стимулирования (например, инвестиционных вычетов), налоговые органы активно влияют на структуру экономики, инвестиционную активность и инновационное развитие. Они являются не только органами контроля, но и своего рода «двигателями» экономики, также гарантом социальной справедливости.

В странах с прогрессивной шкалой налогообложения, таких как Россия и США, налоговые органы обеспечивают перераспределение богатства, контролируя уплату налогов с высокодоходных групп населения и способствуя финансированию социальных программ. В этом проявляется их социальная функция. Налоговые органы наделены властными полномочиями по выявлению, пресечению и предупреждению налоговых правонарушений, а также по применению мер государственного принуждения. В ряде стран, в том числе США, они также обладают функциями финансовой полиции[1]. [3, с. 345]. В эпоху цифровизации налоговые органы трансформируются в крупные информационные хабы, предоставляющие гражданам и бизнесу широкий спектр электронных услуг, консультаций и информации, что способствует формированию открытого диалога между государством и налогоплательщиком. [4, с. 345–350].

[1] Денисова М.А. «Налоговое право: учебник для вузов» (М.: Проспект, 2022), страница 345.

ФНС Россия и IRS США являются воплощением универсальной сущности налоговых органов, доктринальные трактовки их роли в системе публичной власти существенно различаются, отражая национальную специфику.

В российской доктрине ФНС рассматривается как высокоцентрализованный, технологически продвинутый, проактивный и сервисноориентированный федеральный орган исполнительной власти. Подчеркивается её роль как ведущего цифрового института государства. ФНС России является единой, строго иерархичной системой, обеспечивающей финансовую стабильность федерального центра и контролирующей весь спектр налоговых поступлений на всех уровнях бюджета. [5, с. 2]

Её подчиненность Минфину РФ усиливает централизацию фискальной политики. Доктрина акцентирует превентивно-цифровой контроль, основанный на Big Data и ИИ, где уклонение становится технологически невозможным или мгновенно выявляемым. ФНС видится как «цифровой цербер», обеспечивающий прозрачность финансовых потоков. ФНС позиционируется как лидер в развитии электронных сервисов, что трансформирует её в «цифрового партнера» налогоплательщика, снижая административные барьеры и формируя комплаенс через удобство и прозрачность. ФНС осуществляет административное правоприменение, но уголовно-правовые функции по расследованию налоговых преступлений остаются прерогативой других ведомств (СК РФ, МВД РФ).

В американской доктрине IRS рассматривается как децентрализованный (в рамках фискального федерализма), преимущественно ретроспективный, но крайне мощный правоохранительный орган федерального правительства, действующий в условиях сильных гражданских свобод и развитого судебного контроля. IRS США входит в Министерство финансов США, но функционирует в условиях уникального фискального федерализма, где налоговые службы штатов и муниципалитетов обладают значительной автономией. Доктрина подчеркивает её роль как гаранта соблюдения «добровольного комплаенса». Акцент делается на ретроспективно-аналитическом контроле (выборочный аудит, информационное сопоставление), где сущность IRS проявляется в её способности глубоко анализировать уже поданные декларации и неотвратимо наказывать за умышленное уклонение. IRS рассматривается как «спящий лев», способный проснуться и карать. Доктрина ярко выделяет мощную правоохранительную сущность IRS через Отдел уголовных расследований (IRS-CI), который имеет полномочия федеральной полиции, самостоятельно расследует налоговые преступления и добивается реальных тюремных сроков. [6, P. 1–20]

Традиционно сервисность IRS была слабее контрольной и карательной функций, но с недавними реформами (IRA 2022) доктрина акцентирует её стремление к клиентоориентированности и созданию бесплатных цифровых сервисов (Direct File). Законодательно установлена финансовая основа, то есть выделено около $80 млрд на 10 лет, и часть средств целенаправленно пошла на модернизацию сервисов для налогоплательщиков (улучшение предварительной помощи, поддержки клиентов, работы с учётными записями). Это и стало правовой и финансовой базой для доктринального сдвига в сторону клиентоориентированности. В стратегическом плане IRS прямо зафиксированы цели: 1) улучшить опыт налогоплательщика за счёт более понятных инструкций; 2) расширить электронные способы подачи налоговых данных и развивать онлайн-аккаунты.

Существуют общие черты ФНС Россия и IRS США в доктринальных трактовках. Обе доктрины признают многофункциональный характер налоговых органов, их роль как гаранта фискальной стабильности и их трансформацию под влиянием цифровизации и запроса на сервисность. Имеются и специфические черты ФНС Россия и IRS США в доктринальных трактовках.

Таблица

Специфические черты сравнения налоговых органов:	ФНС России	IRS США
Степень централизации	централизация как основа эффективности	фискальный федерализм как принцип
Характер контроля	превентивно-цифровой	ретроспективно-аналитический
Правоохранительная мощь	разделение функций	интеграция мощного уголовного аппарата в налоговый орган
Роль налогоплательщика	объект/партнер в автоматизированной системе	субъект, несущий личную ответственность за декларирование

Сравнительный анализ показывает, что понятие и сущность налоговых органов в России и США, хотя и имеют общие универсальные черты, формируются под сильным влиянием национальных институциональных традиций, что приводит к формированию разных доктринальных акцентов и, как следствие, к различной институциональной архитектуре и моделям администрирования.

Литература

1. Гончаренко Л.И., Краюшкин К.Д. Эволюция содержательного наполнения сервисной функции налоговых органов // Управленческие науки. – 2024. – Т. 14, № 2. – С. 45–58.

2. Шахмаметьев А.А. Понятие и пределы фискального (налогового) суверенитета государства // Налоги и налогообложение. 2019. № 3. *С. 1–8*.

3.Денисова М.А. «Налоговое право: учебник для вузов» (М.: Проспект, 2022), страница 345.

4.Налоговое право: учебник для вузов / отв. ред. Е.Ю. Грачёва, О.В. Болтинова. – М.: Проспект, 2022».С 345–350.

5. Сайдулаев Д. Д., Тагирова А.В. «Эволюция системы налогового администрирования в России» (Международный журнал гуманитарных и естественных наук, 2019, № 9.с. 2).

6.Доктрина IRS – McLure M.C. Fiscal Federalism and Tax Administration in the United States // Journal of Public Economics. 1985. Vol. 27, No. 1. P. 1–20.

COMMON FEATURES OF THE FEDERAL TAX SERVICE OF RUSSIA AND THE IRS OF THE USA IN DOCTRINAL INTERPRETATIONS

Kuznetsov L.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya Kikoty

The article examines the evolution of the doctrinal understanding of the role of tax authorities – from the traditional perception of them as purely fiscal and supervisory institutions to the interpretation of them as multifunctional bodies of public authority. The range of functions of modern tax authorities is revealed: fiscal, regulatory, social, information and serviceoriented, analytical, and law enforcement. Special attention is paid to the influence of the concepts of the "service state," the "digital government," and the "welfare state" on the transformation of the tasks of tax administrations, including a shift in focus from coercion to the development of tax compliance and the establishment of an open dialogue with taxpayers. The central part of the article consists of a comparative analysis of doctrinal approaches to understanding the essence and functionality of tax authorities in Russia and the United States, using the examples of the Federal Tax Service of Russia and the U.S. Internal Revenue Service. The comparison is carried out based on key parameters: the degree of centralization of the system, the nature of control (preventive digital in Russia and retrospective analytical in the USA), the model for exercising law enforcement powers (separation of functions in the Russian Federation and integration of the criminal apparatus into the IRS structure in the USA), as well as the role and status of the taxpayer in each of the systems. The consequences of the reforms are considered separately – in particular, the impact of the Inflation Reduction Act 2022 on the strengthening of the service component in the activities of the IRS. The author concludes that, despite the presence of universal features (multifunctionality, the importance of digitalization, a focus on service orientation), doctrinal interpretations of the role of tax authorities in different countries are strongly influenced by national institutional traditions. This gives rise to differences in the architecture of tax systems and administration models, demonstrating how global trends are specifically implemented within individual legal and management contexts.

Keywords: doctrinal understanding of the role of tax authorities, the concept of a "service state," "digital government," and a "welfare state," comparative analysis of doctrinal approaches, multifunctionality, the importance of digitalization, a focus on service orientation, the influence of national institutional traditions, differences in the architecture of tax systems and administration models.

References

1. Goncharenko L.I., Krayushkin K.D. Evolution of the substantive content of the service function of tax authorities // Management Sciences. – 2024. – Vol. 14, No.

2. – Pp. 45–58. 2. Shakhmameyev A.A. The concept and limits of the state's fiscal (tax) sovereignty // Taxes and Taxation. 2019. No. 3. Pp. 1–8.

3. Denisova M.A. "Tax Law: a textbook for universities" (Moscow: Prospekt, 2022), page 345.

4. Tax Law: a textbook for universities / ed. by E. Yu. Gracheva, O.V. Boltinova. – Moscow: Prospekt, 2022.Pp. 345–350.

5. Saydulaev D.D., Tagirova A.V. "The Evolution of the Tax Administration System in Russia" (International Journal of Humanities and Natural Sciences, 2019, No. 9–2).

6. IRS Doctrine – McLure M.C. Fiscal Federalism and Tax Administration in the United States // Journal of Public Economics. 1985. Vol. 27, No. 1. Pp. 1–20.

Межотраслевой характер ответственности осужденных к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью

Ларионов Александр Витальевич,
старший преподаватель кафедры уголовного, уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России
E-mail: Aleksandr.V.Larionov@yandex.ru

В статье исследуется межотраслевой характер ответственности осужденных к наказанию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Раскрываются компоненты такого подхода – уголовно-правовой, уголовно-исполнительный, административно-правовой и трудоправовой – с опорой на соответствующие отрасли права. Особое внимание уделено механизмам контроля за соблюдением запрета (в том числе роли уголовно-исполнительных инспекций), а также видам юридической ответственности, которые могут применяться при нарушении требований приговора – от незачета периода нарушения в срок наказания до привлечения к административной и уголовной ответственности. Выявлены некоторые проблемы правоприменительной практики: несогласованность межведомственного информационного обмена, неопределенность формулировок запретов в приговорах, низкая превентивная эффективность отдельных мер воздействия. Предложены направления совершенствования института – в частности, создание единого информационного ресурса, закрепление единых подходов к формулированию запретов в актах толкования, усиление процедурных механизмов передачи материалов о нарушениях для привлечения к ответственности. Итоги исследования демонстрируют необходимость комплексного и согласованного подхода к реализации данного вида наказания, сочетающего четкие судебные формулировки, налаженный межведомственный обмен данными и сбалансированную систему санкций.

Ключевые слова: ответственность; лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью; дифференциация; правонарушение.

Введение

Ответственность с юридической точки зрения можно определить как последствия, вызванные противоправным актом поведения лица. Наиболее характерные черты юридической ответственности можно разделить по некоторым признакам:

- основание возникновения (наличие правонарушения, вина);
- характер последствий для правонарушителя в зависимости от правового регулирования (уголовная, административная, гражданско-правовая, дисциплинарная и т.д.);
- цели и функции (карательная, превентивная, воспитательная, компенсаторная, регулятивная и т.д.);
- реализация (судебный порядок, посредством принятия решения ответственных должностных лиц и т.д.).

Исполнение предписаний правовой нормы выражается в позитивном поведении лица во избежание неминуемой ответственности, то есть применения установленных в законе мер принуждения, или в силу воспитанности лица, либо в негативном поведении лица и применении к нему соответствующих мер ответственности [5, с. 33]. Рассуждая в указанном контексте об осужденных, следует выделить, что специальный правовой статус последних предполагает уголовно-исполнительную (дисциплинарную) ответственность. Основанием возникновения которой является нарушение установленного порядка и условий отбывания наказания, регулируемого уголовно-исполнительным законодательством.

Большинство видов наказаний в случае уклоняющегося поведения осужденных предусматривают замену на более строгий вид наказания (штраф; обязательные, исправительные, принудительные работы; ограничение свободы) либо ухудшением условий содержания (арест, содержание в дисциплинарной воинской части, лишение свободы, пожизненное лишение свободы). Ограничение по военной службе при увольнении осужденного до окончания отбывания наказания (в зависимости от оснований увольнения) может быть замено более мягким видом наказания. Исполнение лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград не зависит от поведения осужденного и заключается в пожизненном отчуждении привилегии, предоставленной государством [4, с. 48]. В некоторых случаях факт признания осужденного уклоняющимся от отбывания наказания является преступлением, предусмотренным ст. 314 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

При этом лица, осужденные к лишенную права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, не несут ответственности за нарушение установленного запрета или порядка отбывания наказания. На первый взгляд именно такой вывод может быть сделан при анализе норм уголовно-исполнительного законодательства. Между тем само наказание являясь правовым лишением (ограничением), включает в себя альтернативные непенетенциарные санкции [1, с. 29].

Основная часть

Согласно ст. 38 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) осужденные к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, нарушающие требования приговора, несут ответственность в порядке, установленном законодательством Российской Федерации. Данный порядок не прописан в нормативных правовых актах, однако имеет явно бланкетный характер. Это означает, что за неисполнение или нарушение требований, предусмотренных приговором суда, осужденный может быть привлечен к различным видам ответственности в зависимости от характера нарушения и его последствий.

Межотраслевой характер ответственности осужденных к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью проявляется в том, что реализация данного вида наказания и реакция на его нарушение опираются на нормы сразу нескольких отраслей права [3, с. 112] – прежде всего уголовного, уголовно-исполнительного, административного и трудового. Это обусловлено комплексным характером правоограничений, которые затрагивают не только статус осужденного как субъекта уголовной от-

ветственности, но и его трудовые права и профессиональные навыки, а также механизмы контроля и принуждения. В этой связи представляется возможным обособить ряд компонентов, составляющих основу дифференцированной ответственности осужденных к рассматриваемому виду наказания.

Уголовно-правовой компонент

На уровне уголовного права само наказание закреплено в ст. 47 УК РФ и может применяться как в качестве основного, так и дополнительного вида наказания. Его суть – в лишении права лица на занятие определенных должностей (на государственной и муниципальной службе) либо на осуществление конкретных видов деятельности (например, педагогической, медицинской, управления транспортными средствами). Четкое установление пределов действия запрещения, а также его корректная юридико-техническая формулировка, исключающая возможность расширительного толкования в процессе исполнения наказания, выступают необходимым условием правильной квалификации противоправного поведения и последующего определения вида юридической ответственности за несоблюдение требований, закрепленных в приговоре суда о назначенном наказании. В обстоятельствах неоднократности несоблюдения запрета (ст. 2643 УК РФ) или наступления последствий (ст. 171 УК РФ), представляющих общественную опасность, нарушения требований приговора суда могут стать уголовно-наказуемыми.

Уголовно-исполнительный компонент

Исполнение рассматриваемого вида наказания отнесено к компетенции уголовно-исполнительных инспекций (далее – УИИ) в соответствии со ст. 33 УИК РФ. Ключевыми инструментами контроля выступают:

- постановка осужденного на учет (вызов осужденного в УИИ, разъяснении порядка и условий отбывания наказания, установление анкетных данных и т.д.);
- проверка с определенной периодичностью места работы и характера выполняемой работы, в том числе отслеживание возможного трудоустройства;
- взаимодействие с работодателями и уполномоченными органами (например, ГАИ, лицензирующие учреждения и т.д.);
- проведение воспитательной работы.

При выявлении факта занятия запрещенной должностью или осуществления запрещенной деятельности УИИ вправе вынести постановление о незачете соответствующего периода в срок наказания (ст. 36 УИК РФ). Это – специфическая мера, присущая именно уголовно-исполнительному праву и не имеющая прямых аналогов в иных отраслях. Однако отнести ее к какой-либо форме ответственности нельзя, поскольку речь идет о правильном исчислении срока наказания.

Стоит обратить внимание на недостаточное обеспечение контроля за соблюдением осужденными требований приговора суда: отсутствие закрепленных в нормативно-правовых актах проверок по месту жительства, проведение мероприятий по установлению их место нахождения (в случае уклонения от контроля), несмотря на то, наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью исполняют УИИ по месту жительства (работы) осужденных (ч. 1 ст. 33 УИК РФ).

Административно-правовой компонент

Административное право включается в механизм ответственности в трех основных случаях:

1) Нарушение запрета, образующее административный проступок. Например, управление транспортным средством лицом, лишенным права управления, квалифицируется по ст. 127 Кодекса об административных правонарушения Российской Федерации (далее – КоАП РФ). В этом случае ответственность наступает не за «нарушение приговора» как таковое, а за конкретное противоправное действие, запрещенное административным законодательством, но при этом прослеживается прямая связь с уголовным наказанием, посредством которого лицо было лишено соответствующего права.

2) Административное правонарушение, не имеющее преюдиционной предпосылки. Совершенное лицом, осужденным к лишению права заниматься профессиональной деятельностью, административного проступка подлежит квалификации без учета признака преюдициальности – то есть отсутствия предшествующего вступившего в законную силу акта, выступающего в качестве обязательного элемента состава противоправного деяния. Вместе с тем факт осуждения может выступать в качестве отягчающего обстоятельства и влиять на оценку противоправного поведения, в том числе выбора в пользу более строго административного наказания, а также его срока или размера. В качестве примера можно привести совершение любого правонарушения, предусмотренного главой 14 КоАП РФ, лицом, лишенным права заниматься предпринимательской деятельностью.

3) Привлечение к административной ответственности за невыполнение осужденным законных требований сотрудника УИИ (ст. 193 КоАП РФ). Допустимость применение указанной меры представляется вполне оправданным в виду отсутствия иных инструментов воздействия в рамках уголовно-исполнительного права. При этом предполагается, что подобные деяния не признаются нарушениями установленного порядка отбывания наказания, но отрицательно влияют на процесс его реализации [2, с. 34]. Таким образом, административное право обеспечивает возможность применения санкции «внешнего» государственного принуждения за неповиновение представителю власти.

Трудоправовой компонент

Трудовое право опосредует реализацию наказания через нормы, регулирующие прекращение и изменение трудового договора. В частности, ст. 83 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) предусматривает прекращение трудового договора по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон, в том числе в связи с осуждением к наказанию, исключающему продолжение прежней работы. Если должность, которую занимает осужденный, подпадает под запрет, установленный приговором, работодатель обязан расторгнуть с ним трудовой договор.

Кроме того, ст. 76 ТК РФ позволяет отстранить работника, если он не может ее выполнять в силу установленных ограничений (например, при лишении специального права). Это создает механизм оперативного реагирования до момента окончательного прекращения трудовых отношений или перевода осужденного на другую должность.

Работа без официального трудового оформления влечет юридические последствия как для осужденного, так и для работодателя. В случае если осужденный занимался деятельностью, которая ему запрещена, срок наказания будет пропорционально увеличен, также ему придется погасить налоговую задолженность. Помимо прочего возможно привлечение к ответственности по ст. 119 Налогового кодекса Российской Федерации за непредставление декларации 3-НДФЛ, при условии крупного размера незаконной налоговой экономии есть признаки состава преступления, предусмотренного ст. 198 УК РФ. В свою очередь работодатель понесет ответственность в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации.

Проблемы межотраслевого взаимодействия

Несмотря на наличие правовых инструментов в каждой из отраслей, на практике возникают сложности, связанные с несогласованностью механизмов контроля и ответственности:

1) Разрыв в информационном обмене и отсутствие реакции на правонарушение. УИИ не всегда своевременно получают сведения о трудоустройстве осужденных, допущенных ими нарушений. Кроме этого, УИИ не обязана уведомлять заинтересованные органы о нарушении осужденными установленных запретов, за исключением органа внутренних дел, военного комиссариата, организации, органа, правомочного аннулировать разрешение на занятие определенной деятельностью, запрещенной осужденному[1]. В свою очередь, перечисленные органы и организации уведомляются с целью информирования о сроке отбывания наказания, без подробностей допущенного нарушения.

2) Отсутствие единых критериев «иной деятельности». Формулировки наказания в приговоре могут иметь неопределенный характер (лишение права заниматься деятельностью, связанной с компьютерными технологиями и средствами связи[2]), что фактически делает невозможным организацию должного контроля за установленным запретом и затрудняет однозначную квалификацию действий осужденного в случае выявленного нарушения. В сложившейся ситуации нарушение требований приговора не повлечет для осужденного правовых последствий.

3) Эффективность мер воздействия. Незачет времени в срок наказания не воспринимается осужденным как значимое последствие, а привлечение к другим видам ответственности требует отдельного производства и не всегда инициируется.

Перспективы совершенствования

Для усиления межотраслевой согласованности целесообразно:

- создать единый информационный ресурс, обеспечивающий оперативный обмен данными между УИИ, работодателями и уполномоченными органами;

[1] Об организации исполнения наказаний в виде обязательных работ, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительных работ, контроля за поведением осужденных, к которым применена отсрочка отбывания наказания, условно осужденных: приказ Минюста России от 19 января 2026 г. № 6 // Российская газета. – 2026. – 21 янв.

[2] Приговор Новокуйбышевского городского суда Самарской области от 25 марта 2018 г. по делу № 1–55/2016 // Архив судебных дел и решений: [сайт]. URL: https://actofact.ru/case-63RS0018–1–55–2016–2016–02–01–2–0/ (дата обращения 11.06.2026).

• расширить полномочия УИИ, наделив правом запрашивать у органов государственной власти, местного самоуправления, учреждений, общественных объединений и юридических лиц сведения, необходимые для отслеживания места работы или возможного трудоустройства осужденных;
• закрепить в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации единые подходы к формулированию запретов в приговорах при назначении наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, в части иной деятельности;
• расширить механизмы контроля за исполнением наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, в частности, необходимо нормативно закрепить обязанность сотрудников УИИ проводить проверки по месту жительства осужденных для выявления фактов нарушения запрета, а также проводить мероприятия по установлению местонахождения осужденных, сменивших место жительства и не уведомивших УИИ;
• обязать УИИ направлять в уполномоченные органы материалы, подтверждающие факт совершения осужденными правонарушений, для решения вопроса о привлечении их к ответственности.

Таким образом, межотраслевой характер ответственности осужденных к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью отражает сложность и многогранность данного института. Его эффективность зависит не только от норм уголовного и уголовно-исполнительного права, но и от слаженного взаимодействия с административным и трудовым законодательством, а также от совершенствования механизмов контроля и санкций.

Заключение

Проведенный анализ демонстрирует, что ответственность осужденных к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью носит выраженный межотраслевой характер и реализуется преимущественно через нормы уголовного, уголовно-исполнительного, административного и трудового права.

Ключевым звеном в системе контроля выступает УИИ, обеспечивающая учет осужденных, проверку соблюдения запрета и применение специфических мер – в частности, незачета периода нарушения в срок наказания. При этом сама по себе эта мера не является санкцией, а служит инструментом корректного исчисления срока и не демонстрирует выраженный превентивный потенциал.

Административно-правовой механизм компенсирует ограниченность уголовно-исполнительных инструментов: он позволяет привлекать осужденных как за непосредственное нарушение запрета (например, управление транспортным средством при лишении права), так и за неповиновение законным требованиям сотрудника УИИ (ст. 193 КоАП РФ). Уголовно-правовой компонент актуализируется при наличии признаков общественной опасности и повторности (например, ст. 2643, 171, 198 УК РФ). Трудовое законодательство, в свою очередь, формализует последствия для трудовых отношений (ст. 76, 83 ТК РФ), гарантируя прекращение или приостановление работы, несовместимой с установленным запретом.

Вместе с тем практика применения этих норм осложняется рядом системных проблем: разрывом информационного обмена между УИИ, работодателями и уполномоченными органами; неопределенностью формулировок запретов в приговорах, затрудняющей контроль и квалификацию нарушений; недостаточной эффективностью мер воздействия, а зачастую отсутствием таковых.

Перспективы повышения эффективности института связаны с совершенствованием координации между ведомствами – в том числе через создание единого информационного ресурса, закрепление согласованного подхода к формулированию запретов при постановлении приговора, а также с усилением процедурных механизмов передачи материалов о нарушениях для привлечения к ответственности.

Комплексный и согласованный подход, сочетающий четкие формулировки приговоров, налаженный межведомственный обмен данными и сбалансированную систему санкций, способен существенно повысить результативность исполнения лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и достижения целей наказания.

Межотраслевой подход к ответственности характерен для осужденных к разным видам наказаний, однако именно в отношении лиц, лишенных права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, он особенно актуален. По сути, данный подход является единственным ответом на противоправное поведение осужденного. Его реализация во многом зависит от осуществления должного контроля со стороны УИИ и согласованного взаимодействия с уполномоченными органами и их последующей реакции на правонарушение.

Литература

1. Гета, М.Р. Реализация принципа рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения в уголовно-исполнительном законодательстве России / М.Р. Гета, А.Н. Смирнов // Вестник Кузбасского института. – 2023. – № 1(54). – С. 26–36.

2. Карханина, Л. В. К вопросу об ответственности осужденных за уклонение от отбывания наказаний, не связанных с изоляцией от общества / Л.В. Карханина // Юридический вестник Самарского университета. – 2024. – Т. 10, № 3. – С. 32–38.

3. Красоткин, П. Н. О некоторых особенностях исполнения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью по законодательству Российской Федерации / П.Н. Красоткин, М.С. Красильникова, А.Н. Ласточкин // Ius Publicum et Privatum. – 2022. – № 5(20). – С. 108–117.

4. Ларионов, А.В. Место лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в системе наказаний / А.В. Ларионов // Неделя науки, посвященная году единства народов России: сборник материалов, Пермь, 09–13 февраля 2026 года. – Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2026. – С. 46–49.

5. Минязева, Т.Ф. Уголовно-исполнительное право – особая отрасль права / Т.Ф. Минязева // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 1. – С. 32–39.

INTERDISCIPLINARY NATURE OF THE RESPONSIBILITY OF THOSE CONDEMNED TO BE DISQUALIFIED FROM HOLDING CERTAIN POSITIONS OR ENGAGING IN CERTAIN ACTIVITIES

Larionov A.V.
Perm Institute

The article examines the interdisciplinary nature of the responsibility of those convicted of a punishment in the form of deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities. It reveals the components of this approach, which include criminal law, criminal executive law, administrative law, and labor law, based on the relevant branches of law. Special attention is given to the mechanisms for monitoring compliance with the prohibition (including the role of criminal executive inspections), as well as the types of legal liability that can be applied in cases of violation of the requirements of the verdict, ranging from the non-counting of the violation period in the sentence to administrative and criminal liability. The some problems of law enforcement practice have been identified: inconsistency of interdepartmental information exchange, uncertainty of the wording of prohibitions in sentences, and low preventive effectiveness of certain measures. The directions for improving the institution have been proposed, including the creation of a unified information resource, the consolidation of unified approaches to the formulation of prohibitions in acts of interpretation, and the strengthening of procedural mechanisms for transferring materials on violations for prosecution. The upshot of the study demonstrates the need for a comprehensive and coordinated approach to implementing this type of punishment, which combines clear judicial formulations, well-established interagency data exchange, and a balanced system of sanctions.

Key words: liability; deprivation of the right to hold a certain position or engage in certain activities; differentiation; offense.

References

1. Geta, M.R. Implementation of the Principle of Rational Application of Coercive Measures, Means of Correcting Convicts and Stimulating Their Law-Abiding Behavior in the Criminal-Executive Legislation of Russia / M.R. Geta, A.N. Smirnov // Bulletin of the Kuzbass Institute. – 2023. – № 1 (54). – P. 26–36.

2. Karkhanina, L.V. On the Issue of Responsibility of Convicts for Evasion of Punishments Not Involving Isolation from Society / L.V. Karkhanina // Legal Bulletin of Samara University. – 2024. – Vol. 10, № 3. – P. 32–38.

3. Krasotkin, P.N. On Some Features of the Execution of a Punishment in the Form of Deprivation of the Right to Hold Certain Positions or Engage in Certain Activities under the Legislation of the Russian Federation / P.N. Krasotkin, M.S. Krasilnikova, A.N. Lastochkin // Ius Publicum et Privatum. – 2022. – № 5 (20). – P. 108–117.

4. Larionov, A.V. The Place of Deprivation of the Right to Hold Certain Positions or Engage in Certain Activities in the Penal System / A.V. Larionov // Science Week Dedicated to the Year of Unity of the Peoples of Russia: Collection of Materials, Perm, February 9–13, 2026. – Perm: Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, 2026. – P. 46–49.

5. Minyazeva, T.F. Criminal-executive law – a special branch of law / T.F. Minyazeva // Man: Crime and Punishment. – 2021. – Vol. 29 (1–4), № 1. – P. 32–39.

Статус пациента в медицинском страховании

Лебедев Константин Александрович,
аспирант, кафедра «Гражданско-правовые дисциплины»,
Московский финансово-юридический университет (МФЮА)
E-mail: 29394823@s.mfua.ru

В статье анализируется статус пациента в медицинском страховании как в рамках обязательного медицинского страхования, так и добровольного медицинского страхования. Автор анализирует правовое положение пациента и выделяет сложности практической защиты пациентом своих прав. Отмечаются противоречия в правовом регулировании обязательного медицинского страхования на уровне нормативных актов, которые не позволяют пациентам реализовать свои права в полной мере. В частности, исследуется практика маршрутизации пациентов, автор приходит к выводу, что маршрутизация пациентов в текущем виде нарушает право пациента на выбор медицинской организации. Рассматривается сочетание публично-правовых и частноправовых начал в регулировании медицинского страхования, а также влияние существующих ограничений на конкуренцию между медицинскими организациями, включая положение частных медицинских организаций в системе ОМС.
Обосновывается вывод о необходимости усиления гражданско-правовых механизмов защиты пациента, расширения реальной свободы выбора медицинской организации и совершенствования нормативного регулирования ОМС в целях повышения доступности и качества медицинской помощи.

Ключевые слова: медицинское страхование, обязательное медицинское страхование, добровольное медицинское страхование, страхование, правовое регулирование, пациент.

Категория «пациент» занимает центральное место в системе медицинского права, поскольку именно через правовой статус лица, получающего медицинскую помощь, раскрывается социальное назначение регулирования здравоохранения, а также пределы допустимого воздействия публичных и частноправовых механизмов.

Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» задаёт общую рамку правового статуса пациента, определяя основные принципы охраны здоровья, права граждан в сфере охраны здоровья, а также обязанности медицинских организаций и медицинских работников. Нормативная конструкция 323-ФЗ отражает подход медицинско-правовой доктрины: права пациента выступают не производными от договора, а самостоятельным юридическим массивом публичного характера, который действует в любой модели финансирования медицинской помощи – как в рамках ОМС, так и при ДМС или при оказании платных услуг. Статьи 4 и 6 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» закрепляют приоритет интересов пациента при оказании медицинской помощи[1].

В отечественной доктрине медицинского права (Ю.Д. Сергеев, А.А. Мохов) устойчиво проводится мысль о том, что правовой режим медицинской деятельности не может быть описан исключительно через экономические или управленческие параметры: его ядром выступают права пациента и гарантии их реализации. При этом двуконтурность медицинского страхования (ОМС и ДМС) задаёт различную юридическую архитектуру отношений, не отменяя общего принципа приоритета охраны здоровья и прав пациента. Также подчеркивается универсальность «пациентских» прав: они сохраняют приоритет независимо от того, какой источник финансирует помощь и какие договорные конструкции используются в конкретной ситуации[2].

Статус пациента в обязательном медицинском страховании формируется не только общим «медицинским» законодательством, но и специальными нормами Федерального закона «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации». В отличие от ДМС, где правомочия застрахованного во многом зависят от условий договора и программы, в ОМС права и обязанности застрахованного лица устанавливаются законом императивно. Это отражает публично-гарантийную природу обязательной модели: объём прав пациента в ОМС не может быть уменьшен соглашением сторон. Застрахованными лицами по обязательному медицинскому страхованию являются фактически все граждане Российской Федерации, а также иностранные граждане (с некоторыми особенностями), право на медицинскую помощь не обусловлено внесением взносов на обязательное медицинское страхование в Федеральную налоговую службу.

Нормативная модель 326-ФЗ закрепляет ряд прав, которые имеют «двойную» природу: они одновременно являются правами пациента в сфере охраны здоровья и специальными страховыми правомочиями. В частности, речь идёт о праве выбора страховой медицинской организации и медицинской организации (в порядке, установленном законодательством), о праве на получение медицинской помощи в объёме, предусмотренном программами ОМС, о праве на защиту прав и законных интересов, включая обращение с заявлениями и жалобами. Тем самым субъект «пациент» в ОМС выступает также как субъект правовых отношений, связанных с организацией финансирования и контроля помощи.

Одновременно в научной дискуссии подчёркивается наличие риска «расщепления» статуса пациента: с одной стороны, пациент обладает широким набором прав в 323-ФЗ; с другой – реализация этих прав в ОМС опосредуется организационными и финансовыми правилами (квотирование, маршрутизация, тарифы, порядок оплаты), которые могут влиять на доступность отдельных видов помощи. В этом контексте доктрина медицинского права предлагает рассматривать страховые механизмы не как автономный контур, а как подчинённый цели реализации права на медицинскую помощь: любые организационные решения системы ОМС должны оцениваться через призму допустимости ограничения пациентских прав и принципа пропорциональности[3].

[1] Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»

[2] Сергеев Ю.Д., Мохов А.А. Основы медицинского права России: учеб. пособие / под ред. Ю.Д. Сергеева. 3-е изд., обнов. и доп. М.: МИА, 2016. 416 с

[3] Сергеев Ю.Д., Мохов А.А. Основы медицинского права России: учеб. пособие / под ред. Ю.Д. Сергеева. 3-е изд., обнов. и доп. М.: МИА, 2016. 416 с.

Система ОМС характеризуется сочетанием императивных норм и договорных конструкций. Хотя права застрахованного лица закреплены законом, часть взаимодействия субъектов (включая реализацию организационных процедур) осуществляется через договоры между страховыми медицинскими организациями и медицинскими организациями, а также фондами. Для пациента это означает, что его права реализуются в среде, где существенную роль играют договорно-организационные механизмы. При этом большое значение имеет не только формальное закрепление прав пациентов, но их фактическая реализация.

Отдельно следует остановиться на проблемах в реализации пациентами права на выбор медицинской организации для получения медицинской помощи. Статья 21 Федерального закона № 323-ФЗ закрепляет право гражданина на выбор врача и медицинской организации. Одновременно данное правомочие реализуется «в порядке», определяемом органами власти, и зависит от вида медицинской помощи[1][2]. Практически это означает, что выбор пациента в ОМС не является абсолютным: его пределы определяются организационными требованиями системы здравоохранения, включая правила прикрепления и направления.

Программа государственных гарантий ежегодно предписывает территориальным программам конкретизировать условия реализации права выбора врача и медицинской организации. Тем самым границы выбора устанавливаются не только подзаконными нормативными правовыми актами федерального уровня, но и документами планирования субъектов, что усиливает вариативность практики и создаёт риск неоднородности реализации права выбора в различных субъектах Российской Федерации. Примером нормативного правового акта субъекта о маршрутизации пациентов является Приказ Министерства здравоохранения Московской области от 10.12.2025 № 616 «Об утверждении регламента маршрутизации пациентов с заболеваниями сердечно-сосудистой системы на территории Московской области». Согласно указанному приказу врач при формировании направления должен предложить пациенту сделать выбор медицинской организации из перечня медицинских организаций, участвующих в Московской областной программе государственных гарантий, указанных в схеме маршрутизации пациентов по соответствующему профилю. Схемы маршрутизации призваны сузить круг доступных для выбора медицинских организаций, ставя пациента в ситуацию выбора без выбора. Соответственно пациент оказывается фактически ограничен в своем праве на выбор медицинской организации.

Согласно части 3 статьи 32 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» медицинская помощь оказывается в различных условиях вне медицинской организации, амбулаторно, в условиях дневном стационаре и стационара. Согласно части 2 статьи 33 указанного закона первичная медико-санитарная помощь оказывается гражданам по принципу территориального прикрепления в целях приближения оказания медицинской помощи к месту работы, учебы и жительства. Как отмечается в доктрине: «Эта норма вполне логична и объяснима, поскольку в случае, если пациент, воспользовавшись своим правом, выберет медицинскую организацию для оказания ему первичной медико-санитарной помощи не по территориальному признаку, то он столкнется с трудностями в получении медицинской помощи на дому»[3]. С этим утверждением нельзя не согласиться, действительно территориальный принцип прикрепления граждан в ОМС необходим для обеспечения гарантий оказания медицинской помощи на дому.

Однако проблема выбора медицинской организации существует не на уровне первичной медико-санитарной помощи на уровне поликлиники, а на уровне оказания плановой медицинской помощи в условиях дневного стационара или стационара. Существуют целые проекты, которые помогают, например, иногородним пациентам добиться возможности получения плановой медицинской помощи в лучших медицинских учреждениях страны. Примером такого проекта является «Москва – столица здоровья», который курирует АНО «Агентство стратегического развития социальных проектов»[4].

С одной стороны, маршрутизация позволяет равномерно распределять нагрузку между медицинскими организациями в системе ОМС, что удобно при планировании бюджетов и управлении системой в целом. С другой стороны, маршрутизация уничтожает конкуренцию между медицинскими организациями за пациентов в ОМС, что приводит к снижению стимулов медицинских организаций оказывать пациентам медицинскую помощь максимально качественно, если медицинская организация заранее обеспечена стабильным потоком пациентов, которые не могут выбрать другую медицинскую организацию, то нет необходимости прикладывать дополнительные усилия для формирования лучшей врачебной практики, репутации и повышения удовлетворенности пациентов. Особенно в проигрыше оказываются частные медицинские организации в системе ОМС, потому что схемы маршрутизации в основном заточены на обеспечение бесперебойным потоком пациентов государственных и муниципальных медицинских учреждений. При этом согласно опросу 2025 года только 62% пациентов остались довольны уровнем медицинских услуг государственных медицинских организаций, в то время как удовлетворенность медицинскими услугами частных медицинских организаций достигла 96%[5]. Таким образом, маршрутизация пациентов приводит к принудительному направлению пациентов в государственные медицинские организации в системе ОМС и снижению возможного объема услуг частных медицинских организаций в системе ОМС, что нарушает право пациентов на выбор медицинской организации при получении медицинской помощи, снижает конкуренцию медицинских организаций и в конечном счете негативно сказывается на качестве оказываемой медицинской помощи в обязательном медицинском страховании.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Закон РФ от 27.11.1992 № 4015–1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Приказ Минздрава России от 14.04.2025 № 216н «Об утверждении Порядка выбора гражданином медицинской организации при оказании ему медицинской помощи в рамках программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Данилов А. В., Гладышев М.В., Бахметьева О.А. Право гражданина на выбор врача и медицинской организации // Прикладные информационные аспекты медицины. 2018. Т. 21, № 1. С. 127–133.
7. Сергеев Ю.Д., Мохов А.А. Основы медицинского права России: учеб. пособие / под ред. Ю.Д. Сергеева. 3-е изд., обнов. и доп. М.: МИА, 2016. 416 с.

PATIENT STATUS IN HEALTH INSURANCE

Lebedev K.A.
Moscow University of Finance and Law

This article analyzes the status of patients in health insurance, both within the framework of mandatory health insurance and voluntary health insurance. The author examines the legal status of patients and highlights the challenges patients face in practically defending their rights. The article notes contradictions in the legal regulation of mandatory health insurance at the level of normative acts, which prevent patients from fully exercising their rights. In particular, the author examines the practice of patient referral and concludes that, in its current form, patient referral violates the patient's right to choose a healthcare provider. The paper examines the combination of public and private law principles in the regulation of health insurance, as well as the impact of existing restrictions on competition among healthcare organizations, including the position of private healthcare organizations within the compulsory health insurance system.
The paper argues for the need to strengthen civil law mechanisms for patient protection, expand patients' actual freedom to choose a healthcare provider, and improve the regulatory framework for mandatory health insurance in order to enhance the accessibility and quality of medical care.

Keywords: health insurance, mandatory health insurance, voluntary health insurance, insurance, legal regulation, patient.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) dated January 26, 1996, No. 14-FZ // SPS "ConsultantPlus."
2. Federal Law No. 323-FZ dated November 21, 2011, "On the Fundamentals of Public Health Protection in the Russian Federation" // "ConsultantPlus" Legal Information System.

[1] Приказ Минздрава России от 14.04.2025 N 216н «Об утверждении Порядка выбора гражданином медицинской организации при оказании ему медицинской помощи в рамках программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи» // СПС «КонсультантПлюс»

[2] Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»

[3] А.Д. Данилов, М.В. Гладышев, О.А. Бахметьева «Право гражданина на выбор врача и медицинской организации» https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-grazhdanina-na-vybor-vracha-i-meditsinskoy-organizatsii/viewer?utm_source=chatgpt.com

[4] https://мсз.рф

[5] https://ingate.ru/researches/rynok-chastnoi-meditsiny-2025/

3. Federal Law No. 326-FZ of November 29, 2010, “On Mandatory Health Insurance in the Russian Federation” // “ConsultantPlus” Legal Information System.

4. Law of the Russian Federation No. 4015–1 of November 27, 1992, “On the Organization of the Insurance Industry in the Russian Federation” // SPS “ConsultantPlus.”

5. Order of the Ministry of Health of Russia No. 216n dated April 14, 2025, “On the Approval of the Procedure for a Citizen to Select a Healthcare Organization When Receiving Medical Care Under the Program of State Guarantees for the Free Provision of Medical Care to Citizens” // SPS “ConsultantPlus.”

6. Danilov, A. V., Gladyshev, M. V., and Bakhmetieva, O. A. “A Citizen’s Right to Choose a Physician and a Healthcare Organization” // Applied Information Aspects of Medicine. 2018. Vol. 21, No. 1. Pp. 127–133.

7. Sergeev, Yu. D., and Mokhov, A.A. Fundamentals of Russian Medical Law: Textbook / Edited by Yu.D. Sergeev. 3rd ed., rev. and expanded. Moscow: MIA, 2016. 416 pp.

Кластеры «зелёной» энергетики как перспективное направление развития специальных экономических зон в Российской Федерации

Лихачева Анна Александровна,
аспирант АНО «Научно-исследовательский «Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина»
E-mail: ruswaylaw@gmail.com

В статье исследуется проблема правового обеспечения кластеров «зелёной» энергетики в рамках режима особых экономических зон в Российской Федерации. Автор показывает, что действующее законодательство содержит все элементы, в совокупности достаточные для формирования таких кластеров: норму об объединении особых экономических зон в кластер, механизмы поддержки возобновляемой энергетики, таксономию «зелёных» проектов, программные положения о территориальных водородных кластерах. Вместе с тем эти инструменты институционально не сопряжены между собой и развиваются в параллельных контурах регулирования. На основе анализа отечественной практики (солнечный кластер в Калининградской области, ветроэнергетический кластер в Ульяновской области, Восточный водородный кластер на Сахалине) и зарубежных моделей «зелёных» специальных экономических зон (ОАЭ, Марокко, Дания, КНР) формулируются предложения по совершенствованию российского законодательства, включая закрепление энергетической специализации особых экономических зон и понятия энергетического кластера в Федеральном законе № 116-ФЗ.

Ключевые слова: особые экономические зоны, специальные экономические зоны, кластер, возобновляемые источники энергии, «зелёная» энергетика, водородная энергетика, эко-индустриальный парк, преференциальный режим, энергетическое право.

Введение

Мировая энергетика переживает структурный сдвиг, масштаб которого ещё десятилетие назад казался труднодостижимым. По данным Международного агентства по возобновляемым источникам энергии, в 2024 г. глобальный прирост мощностей возобновляемой генерации составил 585 ГВт, что соответствует 92,5% всех новых энергетических мощностей мира [18]. Параллельно трансформируется и другой институт мировой экономики – специальные экономические зоны (СЭЗ), которых в мире насчитывается свыше пяти тысяч. СЭЗ всё чаще переориентируются с задач простого привлечения капитала на цели устойчивого развития, и эта тенденция была концептуально зафиксирована ЮНКТАД ещё в Докладе о мировых инвестициях 2019 г., специально посвящённом таким зонам [16].

Россия находится в начале этого пути. Доля возобновляемых источников энергии (далее также ВИЭ) в структуре установленной мощности отечественной энергосистемы на начало 2023 г. составляла лишь 1,9% [9], а к 1 января 2026 г. совокупная установленная мощность ВИЭ-генерации достигла 7,21 ГВт [14]. На этом фоне институт особых экономических зон (далее также ОЭЗ) демонстрирует, напротив, уверенную динамику: по итогам 2024 г. резиденты пятидесяти российских ОЭЗ вложили в проекты свыше 1,2 трлн рублей, вдвое превысив показатель предыдущего года [15]. Возникает закономерный вопрос: способен ли зарекомендовавший себя территориальный преференциальный режим стать правовой оболочкой для ускоренного развития «зелёной» энергетики?

Гипотеза настоящей статьи состоит в следующем. Российское право уже накопило практически весь набор инструментов, необходимых для формирования кластеров «зелёной» энергетики в рамках ОЭЗ, однако эти инструменты существуют в виде разрозненных, институционально не сопряжённых элементов. Законодательство об ОЭЗ знает кластерную форму, но не наполняет её «энергетическим содержанием». Законодательство о поддержке ВИЭ создаёт экономические стимулы, но безразлично к территориальной организации производства. Программные документы о водородной энергетике прямо оперируют понятием кластера, но лишь как категорией стратегического планирования.

Кластерная конструкция в законодательстве об особых экономических зонах

Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» [1] определяет ОЭЗ как часть территории государства, на которой действует особый режим осуществления предпринимательской деятельности и может применяться таможенная процедура свободной таможенной зоны. Статья 4 названного закона закрепляет четыре типа зон: промышленно-производственные, технико-внедренческие, туристско-рекреационные и портовые. Энергетика как самостоятельное направление специализации в этой типологии отсутствует, что само по себе не препятствует размещению энергетических производств в зонах промышленно-производственного типа, однако лишает законодателя возможности адресно настраивать преференциальный режим под специфику отрасли.

Ключевой для настоящего исследования является часть 1.1 статьи 4 Федерального закона № 116-ФЗ, введённая Федеральным законом от 30 ноября 2011 г. № 365-ФЗ. Согласно этой норме особые экономические зоны одного типа или нескольких типов могут быть объединены решением Правительства Российской Федерации в кластер. Закон не раскрывает ни правовых последствий объединения, ни требований к производственной кооперации внутри кластера, ни критериев, которым должна отвечать совокупность зон для такого объединения. Фактически законодатель создал форму без содержания: решение об объединении порождает скорее управленческий, нежели регулятивный эффект. Показательно и то, что на практике эта конструкция применялась главным образом к туристско-рекреационным зонам Северо-Кавказского региона, тогда как для промышленных и тем более энергетических целей её потенциал остался невостребованным.

Существенные изменения в правовой режим ОЭЗ внёс Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 448-ФЗ [2]. Реформа заменила

прежнюю двухдокументную модель единым соглашением о создании и управлении ОЭЗ, упростила вход резидентов (вместо бизнес-плана теперь представляется паспорт инвестиционного проекта) и, что особенно значимо для кластерной проблематики, ввела новую фигуру партнёра резидента ОЭЗ, действующего на основании договора о совместном производстве продукции. По существу законодатель впервые признал, что добавленная стоимость в зоне создаётся не изолированными резидентами, а кооперационными цепочками, и предложил для таких цепочек правовую форму. Вместе с тем договор о совместном производстве остаётся точечным инструментом двусторонней кооперации. До полноценной кластерной модели, предполагающей множественность участников, общую технологическую специализацию и разделяемую инфраструктуру, эта конструкция не дотягивает.

Действующая редакция статьи 4 Федерального закона № 116-ФЗ запрещает создание ОЭЗ на территориях опережающего развития, на территории свободного порта Владивосток, инновационных научно-технологических центров и особо охраняемых природных территорий. Однако применительно к энергетическим и климатическим проектам такой запрет блокирует потенциально продуктивную синергию. Водородный проект на Дальнем Востоке, к примеру, объективно тяготеет одновременно к режиму ТОР (по географии) и к режиму ОЭЗ промышленно-производственного типа (по характеру производства), но совместить их преимущества в рамках одной площадки юридически невозможно.

Нельзя не упомянуть и статью 38.1 Федерального закона № 116-ФЗ, гарантирующую резидентам неприменение актов, ухудшающих их положение, в течение срока действия соглашения. Для энергетических проектов с горизонтом окупаемости в пятнадцать и более лет подобная стабилизационная оговорка имеет едва ли не большее значение, чем налоговые льготы, поскольку защищает инвестора от регуляторного риска на всём протяжении инвестиционного цикла.

Завершая характеристику территориального контура, сопоставим его со смежным институтом промышленных кластеров, функционирующим на основании постановления Правительства РФ от 31 июля 2015 г. № 779 [21]. Этот режим устроен зеркально по отношению к ОЭЗ. Промышленный кластер предполагает обязательную кооперацию участников (требования к доле кооперационных связей закреплены нормативно), но не предоставляет территориальных преференций, тогда как ОЭЗ предоставляет преференции, но не требует кооперации. Российскому праву, таким образом, известны обе составляющие кластерной модели, однако в разных, не пересекающихся институтах.

Правовые инструменты поддержки «зелёной» энергетики: параллельные контуры регулирования

Опорной конструкцией российской системы стимулирования ВИЭ выступает механизм договоров о предоставлении мощности (ДПМ ВИЭ), действующий на основании Федерального закона от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» [3] и постановления Правительства РФ от 28 мая 2013 г. № 449 «О механизме стимулирования использования возобновляемых источников энергии на оптовом рынке электрической энергии и мощности» [4]. Экономическая логика механизма заключается в гарантировании инвестору возврата вложений через повышенные платежи за мощность, а правовая особенность состоит в конкурсном отборе проектов с обязательными требованиями локализации производства оборудования. Первая программа (2013–2024 гг.) позволила создать в стране фактически с нуля промышленность солнечной и ветровой энергетики.

Критерии конкурсного отбора проектов ДПМ ВИЭ полностью безразличны к территориальной организации производства. Резидентство в ОЭЗ не даёт участнику отбора ни приоритета, ни повышающих коэффициентов, ни каких-либо иных преимуществ. Производитель оборудования, разместивший завод в преференциальной зоне рядом со смежниками, и производитель, построивший изолированную площадку в чистом поле, конкурируют на равных. Тот же упрёк применим и к розничному сегменту, где поддержка адресована отдельному квалифицированному объекту генерации, а не совместному размещению генерации, производства оборудования и сервисных мощностей. Между тем мировой опыт, к которому мы обратимся ниже, свидетельствует, что территориальная концентрация производственной цепочки ВИЭ существенно снижает издержки и ускоряет трансфер технологий. Российский механизм поддержки этот эффект попросту не видит.

Аналогичный разрыв обнаруживается и в инструменте, казалось бы, прямо предназначенном для идентификации «зелёных» производств. Постановление Правительства РФ от 21 сентября 2021 г. № 1587 утвердило критерии проектов устойчивого, в том числе «зелёного», развития и требования к системе их верификации [10]. Верификация проекта по таксономии могла бы служить юридическим фактом, открывающим доступ к преференциям территориального режима, но действующее законодательство об ОЭЗ таксономию не упоминает вовсе. Паспорт инвестиционного проекта резидента не содержит требований о соответствии каким-либо экологическим или климатическим критериям, и «зелёный» характер производства никак не влияет на объём предоставляемых льгот.

Третий контур образует программное регулирование водородной энергетики. Концепция развития водородной энергетики в Российской Федерации, утверждённая распоряжением Правительства РФ от 5 августа 2021 г. № 2162-р [5], прямо предусматривает создание не менее трёх территориальных производственных кластеров: Северо-Западного, ориентированного на экспорт в Европу, Восточного, обращённого к рынкам Азии, и Арктического, призванного обеспечить низкоуглеродное энергоснабжение северных территорий. Понятие кластера, которым законодательство об ОЭЗ оперирует формально и бессодержательно, в Концепции наполнено конкретным отраслевым смыслом, однако сама Концепция, будучи актом стратегического планирования, не создаёт ни преференциального режима, ни субъективных прав потенциальных участников кластеров. Программный кластер и кластер из части 1.1 статьи 4 Федерального закона № 116-ФЗ существуют в разных правовых измерениях и нигде не встречаются.

Четвёртый, климатический контур сформирован сравнительно недавно. Федеральный закон от 2 июля 2021 г. № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» [7] ввёл в правовое поле понятия углеродной отчётности, климатического проекта и углеродной единицы. Федеральный закон от 6 марта 2022 г. № 34-ФЗ [8] запустил региональный эксперимент по квотированию выбросов в Сахалинской области, о значении которого для кластерной проблематики будет сказано в следующем разделе. Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года [6] в целевом сценарии предусматривает сокращение нетто-эмиссии на 60% к 2050 г. относительно уровня 2019 г., а утверждённая в апреле 2025 г. Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2050 года [9] встраивает климатические ориентиры в общую логику развития топливно-энергетического комплекса.

В научной литературе фрагментарность описанного регулирования отмечалась неоднократно. О.А. Символоков, исследуя правовое обеспечение технологий ВИЭ, обращал внимание на то, что стимулирующие нормы рассредоточены по актам различной отраслевой принадлежности и юридической силы [11]. М.И. Клеандров ставил вопрос шире, указывая на отсутствие системного правового регулирования отношений в сфере «зелёной» энергетики как таковой [12]. Авторы коллективной монографии о правовом обеспечении климатических проектов констатируют схожую проблему применительно к климатическому законодательству [13]. Представляется, что кластерная проблематика добавляет к этим оценкам новое измерение. Дело в том, что пять контуров регулирования (территориальный, энергетический, таксономический, программный и климатический) развиваются параллельно, не образуя ни иерархии, ни системы взаимных отсылок, хотя их предметные области очевидно пересекаются.

Отечественная практика

Утверждение о том, что кластеры «зелёной» энергетики для России – это лишь теоретическая перспектива, было бы неточным. Практика уже породила три проекта, каждый из которых иллюстрирует и востребованность кластерной модели, и дефицит её правового обеспечения.

Наиболее состоявшийся пример даёт Калининградская область. Завод «Энкор Групп», учреждённый компанией «Юнигрин Энерджи» при технологическом партнёрстве группы «Хевел», получил статус резидента Калининградской ОЭЗ в январе 2021 г., а в январе 2024 г. на площадке в Черняховске было запущено производство кремниевых пластин для солнечной энергетики проектной мощностью до 1,3 ГВт в год с перспективой выпуска солнечных ячеек мощностью до 1 ГВт. Складывающийся в регионе солнечный кластер (производство пластин, ячеек, в перспективе модулей и сопутствующих компонентов) возник в рамках общего режима Калининградской ОЭЗ, не содержащего никакой энергетической специализации. Иначе говоря, кластер формируется вопреки нейтральности правового режима, а не благодаря его целевой настройке.

Противоположный по исходу, но не менее поучительный опыт накоплен в Ульяновской области, где с 2018 г. формировался первый в России ветроэнергетический кластер. Его ядром стал завод композитных лопастей компании «Вестас Мэньюфэкчуринг Рус», созданный на основании специального инвестиционного контракта с инвестициями свыше 2 млрд рублей. После ухода датской Vestas с российского рынка в 2022 г. завод был законсервирован, а специальный инвестиционный контракт расторгнут. Ульяновский кейс демонстрирует уязви-

мость, о которой применительно к кластерам редко вспоминают в период их роста: кластер, технологическое ядро которого контролируется иностранным правообладателем, наследует все политические риски этого правообладателя. Ни СПИК, ни региональные меры поддержки от подобного риска не защищают. Отсюда вытекает практический вывод для будущего регулирования: требования локализации и технологического суверенитета должны входить в правовую конструкцию энергетического кластера не как внешнее обременение, а как условие его устойчивости.

Третий проект разворачивается на Сахалине. Восточный водородный кластер, формируемый при участии госкорпорации «Росатом» на основании соглашений с Минвостокразвития России и Правительством Сахалинской области, включает четыре направления: водородный завод (запуск планируется в 2029 г. с производительностью до 36,5 тыс. тонн водорода в год), водородный поезд, центр компетенций и испытательный полигон. Проект прямо предусмотрен Концепцией развития водородной энергетики и развивается в правовом поле Сахалинского климатического эксперимента, установленного Федеральным законом № 34-ФЗ [8]. Примечательно, что формальный режим ОЭЗ в этой конструкции не задействован вовсе. Кластер собирается из соглашений о намерениях, корпоративных решений и экспериментального климатического регулирования, то есть из инструментов, ни один из которых не создавался для кластерных целей.

Однако каждый проект вынужден конструировать свою правовую оболочку ad hoc: калининградский использует нейтральный зональный режим, ульяновский опирался на СПИК, сахалинский комбинирует соглашения с климатическим экспериментом. Единой правовой модели, которая соединяла бы территориальные преференции, отраслевую специализацию и кооперационные требования, российское право не предлагает.

Зарубежные модели «зелёных» специальных экономических зон

Международная практика выработала несколько устойчивых моделей правовой организации «зелёных» зон и парков. Концептуальную рамку дискуссии задал упомянутый Доклад ЮНКТАД о мировых инвестициях 2019 г., зафиксировавший феномен «зелёных СЭЗ» как самостоятельного поколения специальных экономических зон и связавший их перспективы с повесткой устойчивого развития [16]. Прикладную нормативную базу сформировал рамочный стандарт эко-индустриальных парков, разработанный ЮНИДО совместно со Всемирным банком и Германским обществом международного сотрудничества: вторая версия стандарта (2021 г.) закрепляет требования к управлению парком, экологическим показателям, социальным гарантиям и экономической результативности [17]. Для целей сравнительно-правового анализа выделим четыре модели, различающиеся по способу юридического закрепления «зелёной» специализации.

Первую модель, которую можно условно назвать мандатной, воплощает свободная зона Masdar City в Абу-Даби (ОАЭ). Проект, запущенный в 2006 г. государственной компанией Masdar (дочерней структурой суверенного фонда Mubadala), представляет собой свободную экономическую зону, специализация которой на чистых технологиях и возобновляемой энергетике закреплена на уровне самого мандата зоны. Резидентам предоставляется полное освобождение от корпоративных и подоходных налогов, право стопроцентного иностранного владения и свободной репатриации капитала, однако доступ к этим преференциям обусловлен профилем деятельности компании. Юридический урок этой модели прозрачен: специализация не декларируется в программных документах, а встроена в условия предоставления преференциального режима.

Вторая модель реализована в Марокко и может быть охарактеризована как агентская. Солнечный комплекс Noor Ouarzazate совокупной мощностью 580 МВт, один из крупнейших в мире объектов концентрированной солнечной генерации, создан по схеме государственно-частного партнёрства под эгидой специализированного государственного агентства MASEN, наделённого полномочиями по выбору частных партнёров, привлечению международного финансирования и управлению жизненным циклом проектов. Строго говоря, Noor Ouarzazate не является специальной экономической зоной, однако его правовая конструкция решает ту же задачу территориальной концентрации энергетического производства, перенося центр тяжести с налоговых преференций на институциональную координацию.

Третью модель, симбиотическую, демонстрирует датский индустриальный парк GreenLab Skive. Его отличительная черта заключается в юридически оформленном промышленном симбиозе: резиденты парка связаны общей энергетической инфраструктурой, через которую избыточные энергопотоки и тепло одних производств перераспределяются в пользу других. Здесь «зелёный» характер парка обеспечивается не столько льготами, сколько инфраструктурными обязательствами участников, принимаемыми при входе в парк.

Наконец, четвёртая модель (назовем ее, условно, сертификационной), в наиболее развитом виде представлена в КНР. Статус «зелёного» парка присваивается по результатам проверки соответствия измеримым индикаторам и подлежит периодическому подтверждению. Эмпирические исследования подтверждают регулятивную действенность этой модели: создание национальных эко-индустриальных парков статистически значимо снижает промышленные выбросы [19], а «озеленение» индустриальных парков на базе специальных экономических зон стимулирует предпринимательскую активность на прилегающих территориях [20].

Сопоставление четырёх моделей позволяет выделить переносимые в российское право элементы. От мандатной модели заимствуется закрепление специализации в условиях доступа к преференциям. От агентской следует институт уполномоченного оператора с расширенной компетенцией. Симбиотическая модель подсказывает механизм инфраструктурных обязательств резидентов, а сертификационная даёт инструментарий измеримых индикаторов и периодического подтверждения статуса. Ни один из этих элементов не противоречит конструкции действующего Федерального закона № 116-ФЗ, что и открывает возможность для предложений, формулируемых далее.

Направления совершенствования российского законодательства

Отправной точкой должно стать наполнение «кластерной» нормы Федерального закона № 116-ФЗ реальным содержанием. В частности, видится целесообразным дополнить статью 4 закона положением о возможности создания ОЭЗ с энергетической специализацией и легально определить энергетический кластер ОЭЗ как совокупность зон или резидентов, связанных производственной кооперацией в сфере энергетики и общей энергетической инфраструктурой. Возражение о том, что отраслевая специализация чужда универсальной типологии ОЭЗ, не выглядит убедительным: типология и сейчас не является нейтральной, поскольку выделяет, к примеру, портовые зоны по сугубо отраслевому признаку.

Второе направление касается механизма ДПМ ВИЭ. В правилах конкурсного отбора проектов уместно предусмотреть повышающий коэффициент для производителей оборудования, имеющих статус резидента энергетической ОЭЗ либо её партнёра по договору о совместном производстве продукции. Такая настройка не потребует дополнительных бюджетных расходов, поскольку перераспределяет преимущества внутри уже существующего конкурсного механизма, но создаст экономический стимул к территориальной концентрации производственных цепочек.

Третье предложение связано с таксономией «зелёных» проектов. Верификацию инвестиционного проекта на соответствие критериям постановления Правительства РФ № 1587 [10] следует включить в состав требований к паспорту инвестиционного проекта резидента энергетической ОЭЗ. Тем самым таксономия, созданная для финансового рынка, получит вторую регулятивную жизнь в качестве фильтра доступа к территориальным преференциям, а государство приобретёт юридически формализованный критерий «зелёности», исключающий присвоение льгот проектами, лишь декларирующими экологическую направленность.

Четвёртым шагом видится разработка национального стандарта эко-индустриального парка с опорой на международные рамки ЮНИДО и Всемирного банка [17]. Стандарт, закрепляющий измеримые индикаторы ресурсоэффективности, энергопотребления и выбросов, мог бы применяться как к ОЭЗ, так и к промышленным кластерам и индустриальным паркам, выполняя унифицирующую функцию для всех территориальных режимов сразу. Те же индикаторы уместно встроить и в методику оценки эффективности ОЭЗ, которая сегодня ориентирована на инвестиции, занятость и бюджетную отдачу, но не учитывает ни углеродоёмкость продукции резидентов, ни долю «зелёной» генерации в энергобалансе зоны [15].

Пятое предложение носит экспериментальный характер. Сахалинская область, где уже совмещены климатический эксперимент по Федеральному закону № 34-ФЗ [8] и формирующийся водородный кластер, представляет собой естественную пилотную площадку для апробации модели энергетической ОЭЗ. Юридическая техника здесь может быть позаимствована у самого климатического эксперимента: ограниченная во времени и пространстве проверка регуляторной модели с последующим решением о её тиражировании.

Наконец, шестое направление предполагает ревизию запрета на совмещение преференциальных режимов, установленного

статьёй 4 Федерального закона № 116-ФЗ. Полный отказ от запрета был бы неоправдан, поскольку мотивы администрирования и оценки бюджетной эффективности сохраняют значение. Однако для энергетических и климатических проектов, отвечающих критериям национальной таксономии, допустимо предусмотреть изъятие, разрешающее Правительству РФ в индивидуальном порядке санкционировать совмещение режимов.

Заключение

Исследование подтвердило исходную гипотезу. Российское право подошло к задаче формирования кластеров «зелёной» энергетики со всем необходимым инструментарием, но в разобранном состоянии. Кластерная норма законодательства об ОЭЗ ждёт содержательного наполнения с 2011 г. Механизм ДПМ ВИЭ доказал способность создавать целые отрасли промышленности, оставаясь слепым к территориальной организации производства. Таксономия «зелёных» проектов и климатическое законодательство сформировали критериальную и отчётную базу, не востребованную зональными режимами. Практика, не дожидаясь законодателя, уже собирает кластеры из подручных правовых средств, и калининградский, ульяновский и сахалинский примеры показывают как потенциал этого процесса, так и его хрупкость.

Зарубежный опыт убеждает, что юридическое сопряжение территориальных преференций с энергетической специализацией не является экзотикой. Мандатная, агентская, симбиотическая и сертификационная модели дают набор апробированных решений, совместимых с конструкцией российского закона об ОЭЗ. Предложенные в статье шесть направлений совершенствования законодательства образуют последовательную программу такого сопряжения, реализуемую преимущественно средствами точечных поправок.

Более общий вывод выходит за рамки энергетической тематики. Судьба кластерной нормы Федерального закона № 116-ФЗ иллюстрирует характерную болезнь российского экономического законодательства: правовые формы нередко создаются впрок, без отраслевого содержания, и десятилетиями остаются спящими. Опыт «зелёной» энергетики, где спрос на такую форму уже сформирован практикой, даёт редкий шанс превратить спящую норму в работающий институт. Упустить этот шанс означало бы согласиться с тем, что энергетический переход в России будет и дальше происходить не благодаря праву, а в обход него.

Литература

1. Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3127.

2. Федеральный закон от 04.08.2023 № 448-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru, 04.08.2023, № 0001202308040058.

3. Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» // СЗ РФ. 2003. № 13. Ст. 1177.

4. Постановление Правительства РФ от 28.05.2013 № 449 «О механизме стимулирования использования возобновляемых источников энергии на оптовом рынке электрической энергии и мощности» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Распоряжение Правительства РФ от 05.08.2021 № 2162-р «Об утверждении Концепции развития водородной энергетики в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 33. Ст. 6124.

6. Распоряжение Правительства РФ от 29.10.2021 № 3052-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Федеральный закон от 02.07.2021 № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Федеральный закон от 06.03.2022 № 34-ФЗ «О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Распоряжение Правительства РФ от 12.04.2025 № 908-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Постановление Правительства РФ от 21.09.2021 № 1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru, 24.09.2021, № 0001202109240043.

11. Символоков О.А. Правовое обеспечение развития технологий использования возобновляемых источников энергии // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 53–67.

12. Клеандров М.И. Общие проблемные подходы к правовому регулированию отношений в сфере зеленой энергетики // Правовой энергетический форум. 2021. № 2.

13. Правовое обеспечение реализации климатических проектов в Российской Федерации и за рубежом: монография / под ред. В.В. Романовой. М., 2023.

14. Информационный обзор рынка возобновляемых источников энергии в России по итогам IV квартала 2025 года [Электронный ресурс] // Ассоциация развития возобновляемой энергетики. URL: https://www.rreda.ru (дата обращения: 10.06.2026).

15. Минэкономразвития: резиденты ОЭЗ практически удвоили инвестиции в 2024 году [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_rezidenty_oez_prakticheski_udvoili_investicii_v_2024_godu.html (дата обращения: 10.06.2026).

16. UNCTAD. World Investment Report 2019: Special Economic Zones. – Geneva: United Nations, 2019.

17. UNIDO, World Bank Group, GIZ. An International Framework for Eco-Industrial Parks. Version 2.0. – Washington, DC: World Bank, 2021.

18. IRENA. Renewable Capacity Statistics 2025. – Abu Dhabi: International Renewable Energy Agency, 2025.

19. Song L., Zhou X. Does the Green Industry Policy Reduce Industrial Pollution Emissions? Evidence from China's National Eco-Industrial Park // Sustainability. – 2021. – Vol. 13. – № 11. – Art. 6343.

20. Sun W., Wu J., Yang H. Increasing entrepreneurs through green industrial parks: evidence from special economic zones in China // The Annals of Regional Science. – 2024. – Vol. 72. – P. 287–312.

21. Постановление Правительства РФ от 31.07.2015 № 779 «О промышленных кластерах и специализированных организациях промышленных кластеров» // СПС «КонсультантПлюс».

GREEN ENERGY CLUSTERS AS A PROSPECTIVE AVENUE FOR THE DEVELOPMENT OF SPECIAL ECONOMIC ZONES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Likhacheva A.A.
Research Center for the Development of Energy Law and Modern Legal Science named after V.A. Musin

The article examines the problem of legal support for green energy clusters within the regime of special economic zones in the Russian Federation. The author demonstrates that the current legislation contains all the elements that are, taken together, sufficient for the formation of such clusters: the rule on merging special economic zones into a cluster, the mechanisms of support for renewable energy, the taxonomy of green projects, and the programme provisions on territorial hydrogen clusters. At the same time, these instruments are not institutionally linked to one another and develop within parallel circuits of regulation. Drawing on an analysis of domestic practice (the solar cluster in the Kaliningrad Region, the wind power cluster in the Ulyanovsk Region, the Eastern Hydrogen Cluster on Sakhalin) and of foreign models of green special economic zones (the UAE, Morocco, Denmark, China), the author formulates proposals for improving Russian legislation, including the consolidation of the energy specialisation of special economic zones and of the concept of an energy cluster in Federal Law No. 116-FZ.

Keywords: special economic zones, free economic zones, cluster, renewable energy sources, green energy, hydrogen energy, eco-industrial park, preferential regime, energy law.

References

1. Federal Law No. 116-FZ of 22.07.2005 "On Special Economic Zones in the Russian Federation". Sobranie zakonodatel'stva RF, 2005, No. 30 (pt. II), art. 3127. (In Russ.)

2. Federal Law No. 448-FZ of 04.08.2023 "On Amendments to the Federal Law 'On Special Economic Zones in the Russian Federation' and Certain Legislative Acts of the Russian Federation". Official Internet Portal of Legal Information. Available at: http://pravo.gov.ru (In Russ.)

3. Federal Law No. 35-FZ of 26.03.2003 "On the Electric Power Industry". Sobranie zakonodatel'stva RF, 2003, No. 13, art. 1177. (In Russ.)

4. Decree of the Government of the Russian Federation No. 449 of 28.05.2013 "On the Mechanism for Stimulating the Use of Renewable Energy Sources in the Wholesale Electricity and Capacity Market". SPS "Konsul'tantPlyus". (In Russ.)

5. Order of the Government of the Russian Federation No. 2162-r of 05.08.2021 "On Approval of the Concept for the Development of Hydrogen Energy in the Russian Federation". Sobranie zakonodatel'stva RF, 2021, No. 33, art. 6124. (In Russ.)

6. Order of the Government of the Russian Federation No. 3052-r of 29.10.2021 "On Approval of the Strategy for the Socio-Economic Development of the Russian Federation with Low Greenhouse Gas Emissions until 2050". SPS "Konsul'tantPlyus". (In Russ.)

7. Federal Law No. 296-FZ of 02.07.2021 "On Limiting Greenhouse Gas Emissions". SPS "Konsul'tantPlyus". (In Russ.)

8. Federal Law No. 34-FZ of 06.03.2022 "On Conducting an Experiment on Limiting Greenhouse Gas Emissions in Certain Constituent Entities of the Russian Federation". SPS "Konsul'tantPlyus". (In Russ.)

9. Order of the Government of the Russian Federation No. 908-r of 12.04.2025 “On Approval of the Energy Strategy of the Russian Federation for the Period until 2050”. SPS “Konsul’tantPlyus”. (In Russ.)

10. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1587 of 21.09.2021 “On Approval of the Criteria for Sustainable (Including Green) Development Projects in the Russian Federation and the Requirements for the Verification System for Sustainable (Including Green) Development Projects in the Russian Federation”. Official Internet Portal of Legal Information. Available at: http://pravo.gov.ru (In Russ.)

11. Simvolokov O.A. Pravovoe obespechenie razvitiya tekhnologii ispol’zovaniya vozobnovlyaemykh istochnikov energii [Legal Support for the Development of Renewable Energy Technologies]. Zhurnal rossiiskogo prava, 2020, No. 9, Pp. 53–67. (In Russ.)

12. Kleandrov M.I. Obshchie problemnye podkhody k pravovomu regulirovaniyu otnoshenii v sfere zelenoi energetiki [General Problematic Approaches to the Legal Regulation of Relations in the Sphere of Green Energy]. Pravovoi energeticheskii forum, 2021, No. 2. (In Russ.)

13. Pravovoe obespechenie realizatsii klimaticheskikh proektov v Rossiiskoi Federatsii i za rubezhom [Legal Support for the Implementation of Climate Projects in the Russian Federation and Abroad]. V.V. Romanova (ed.). Moscow, 2023. (In Russ.)

14. Informatsionnyi obzor rynka vozobnovlyaemykh istochnikov energii v Rossii po itogam IV kvartala 2025 goda [Information Review of the Renewable Energy Market in Russia Following the Fourth Quarter of 2025]. Association for the Development of Renewable Energy. Available at: https://www.rreda.ru (accessed 10.06.2026). (In Russ.)

15. Ministry of Economic Development: SEZ residents almost doubled investment in 2024. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_rezidenty_oez_prakticheski_udvoili_investicii_v_2024_godu.html (accessed 10.06.2026). (In Russ.)

16. UNCTAD. World Investment Report 2019: Special Economic Zones. Geneva, United Nations, 2019.

17. UNIDO, World Bank Group, GIZ. An International Framework for Eco-Industrial Parks. Version 2.0. Washington, DC, World Bank, 2021.

18. IRENA. Renewable Capacity Statistics 2025. Abu Dhabi, International Renewable Energy Agency, 2025.

19. Song L., Zhou X. Does the Green Industry Policy Reduce Industrial Pollution Emissions? Evidence from China’s National Eco-Industrial Park. Sustainability, 2021, Vol. 13, No. 11, art. 6343.

20. Sun W., Wu J., Yang H. Increasing entrepreneurs through green industrial parks: evidence from special economic zones in China. The Annals of Regional Science, 2024, Vol. 72, Pp. 287–312.

21. Decree of the Government of the Russian Federation No. 779 of 31.07.2015 “On Industrial Clusters and Specialized Organizations of Industrial Clusters”. SPS “Konsul’tantPlyus”. (In Russ.)

Эволюция ценностных основ Конституции России в ходе реформы 2020 года: современное состояние и перспективы совершенствования

Мухачев Игорь Владимирович,
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
E-mail: imukhachev@ncfu.ru

Аванесова Анна Артёмовна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
E-mail: annavanesova@yandex.ru

Конституционная реформа 2020 года дополнила, конкретизировала высшие конституционные ценности, закрепленные в неизменяемых главах Конституции, придавая им новое нормативное содержание и создавая обновленную иерархически организованную систему конституционной аксиологии. Основная мысль данной статьи состоит в том, что эта системная взаимосвязь и составляет основную ценность реформы, а сам аксиологический сдвиг следует понимать как переход от декларативного к конкретно-нормативному закреплению ценностей, обеспечивающему их практическую реализацию, что подтверждается как изменениями законодательства, так и практикой Конституционного Суда России. Предложенная система конституционных ценностей позволяет использовать ее в качестве методологической основы для оценки отраслевого законодательства и систематизации правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: конституционная реформа, конституционные ценности, конституционная аксиология, практика Конституционного Суда России.

Конституционная реформа 2020 года стала наиболее масштабным обновлением Основного закона России с момента его принятия в 1993 году. Поправки затронули 41 статью, что составило около трети от общего объема Конституции.

И, тем не менее, количественные параметры уступают по значимости качественным: впервые с момента принятия российской Конституции 1993 года в её текст были включены положения, непосредственно обращенные к ценностным установкам российского общества.

В научной литературе справедливо отмечается, что «…по своему значению и глубине» данные изменения «…приближаются к конституционной реформе» [10, с. 403].

При этом обновленная Конституция «…лучше, чем ранее, отражает государственно-гражданскую идентичность России» [10, с. 408]. Поправки закрепляют «сложившееся взаимопонимание государства и его граждан по отношению к базовым ценностям, в результате чего Конституция становится нравственным ориентиром для российского общества, отражая его идеалы и традиционные черты коллективного сознания» [10, с. 404].

Конституционный Суд России в Заключении от 16 марта 2020 года № 1-З указал, что предусмотренный поправками комплекс изменений не может рассматриваться как несовместимый с положениями «неизменяемых» глав 1 и 2 Конституции [1]. Суд установил, что поправки направлены на достижение в государственной политике, в правовом регулировании и правоприменительной практике оптимального соотношения индивидуальной свободы и общественной солидарности [1].

Несмотря на обширное общественное и научно-правоведческое обсуждение конституционной реформы 2020 года, в юридической литературе остается нерешенным вопрос о содержательной взаимосвязи между ценностями, закрепленными в неизменяемых главах 1 и 2 Конституции, и ценностями, включенными в изменяемые главы в ходе реформы.

Большинство исследователей, в том числе такие, как Т.Я. Хабриева, С.В. Масленникова, В.В. Руденко, анализируют ценностные новеллы изолированно, как самостоятельные добавления к тексту, не затрагивая их субстанциональную связь с фундаментальными ценностями, составляющими основы конституционного строя.

Ключевая особенность реформы 2020 года, по нашему мнению, состоит в том, что она придала ценностным установкам, ранее существовавшим в виде политических деклараций или отраслевых законодательных норм, статус конституционных императивов.

Как подчеркивает С.В. Масленникова, конституционные поправки 2020 года в сфере социального и экономического развития «насыщают идеологическую основу устройства государства и общества, показывают мировоззренческие ориентиры для текущего правового регулирования и правоприменения» [2, с. 28].

При этом, по мнению С.В. Масленниковой, «…конституционные ценности могут расцениваться как общезначимые, универсальные ориентиры, а могут интерпретироваться с учетом конституционной идентичности, самобытности. Одним из свойств конституционных ценностей является их традиционность» [2, с. 15–16].

Особого внимания заслуживает появление в тексте Основного закона положений, обращенных к исторической памяти и национальной идентичности.

Преамбула российского Основного Закона содержит положение о том, что народ России «чтит память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость».

В статью 67.1 Конституции включены положения о сохранении памяти предков, передавших нам идеалы и веру в Бога; об обеспечении защиты исторической правды и недопустимости умаления значения подвига народа при защите Отечества.

Как отмечает В.В. Руденко, конституционная реформа 2020 года «прежде всего, значима с точки зрения раскрытия ценностного потенциала Конституции РФ, задает ценностные ориентиры дальнейшего развития Российского государства и общества» [9, с. 1].

Представляется, что принципиальное значение для понимания аксиологического сдвига имеет не столько сам факт включения новых ценностных положений, сколько их системно-функциональная роль. В отличие от предшествующих поправок, носивших преимущественно

технико-юридический характер, ценностные новеллы 2020 года создают нормативную основу для судебной интерпретации, так как они адресованы не только законодателю, но и правоприменителю, включая Конституционный Суд России. Как будет нами показано ниже, именно эта системно-функциональная направленность ценностных положений обеспечила их практическую реализацию.

Пожалуй, наиболее наглядно механизм ценностной конкретизации проявляется в сфере социального государства. Поправки 2020 года перевели социальную политику в плоскость жестких юридических обязательств государства.

Так, Закон о поправке к Конституции закрепил, что минимальный размер оплаты труда не может быть ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по России, а также установил обязательную индексацию пенсий, пособий и иных социальных выплат.

Практика Конституционного Суда Российской Федерации последовательно развивает эти конституционные установления. Так, в Постановлении от 1 февраля 2021 года № 3-П Суд, рассматривая дело о проверке конституционности положений жилищного законодательства применительно к правам инвалидов, признал, что оспариваемые нормы по своему конституционно-правовому смыслу предполагают принятие решения о внеочередном предоставлении жилого помещения по договору социального найма гражданину, страдающему тяжёлой формой хронического заболевания, с учётом необходимости постоянного нахождения с ним опекуна или члена семьи, осуществляющего уход. Суд подчеркнул, что оспариваемое законоположение «не может служить основанием для отказа в предоставлении жилого помещения» такому гражданину [3]. Данное постановление непосредственно конкретизирует конституционную ценность социальной государственности, закрепленную в статье 7 Конституции в редакции 2020 года.

Ранее, в Постановлении от 23 декабря 2021 года № 54-П Конституционный Суд России признал не соответствующим положениям Конституции законоположение, регулирующее предоставление ежемесячной денежной выплаты детям граждан, подвергшихся воздействию радиации, в той мере, в какой оно в силу неопределенности нормативного содержания допускало различный подход к решению вопроса о праве на данную выплату [8]. Суд установил, что оспариваемое законоположение порождает необоснованную дифференциацию в правах детей, относящихся к одной категории, что противоречит конституционному принципу равенства и социальной справедливости. Здесь Суд не просто констатирует нарушение, но развивает конституционную ценность социальной справедливости, придавая ей конкретное нормативное содержание применительно к льготным категориям граждан и обязывая законодателя устранить выявленную неопределённость.

В Постановлении от 17 марта 2022 года № 11-П Конституционный Суд РФ признал не соответствующей Конституции РФ норму, которая препятствовала выплате пособия по безработице в повышенном максимальном размере, установленном для граждан предпенсионного возраста, тем из них, кто был признан безработным до вступления в силу соответствующего закона [6]. Суд указал, что дифференциация в размерах пособия по безработице в зависимости от даты признания лица безработным «не имеет разумного оправдания, не согласуется с принципами справедливости и равенства при реализации прав граждан на защиту от безработицы и на соответствующее социальное обеспечение, а потому не может быть признана допустимой». Это постановление является прямым следствием конституционного закрепления в 2020 году принципа социальной справедливости как одного из ориентиров государственной политики и демонстрирует, как ценностные новеллы становятся основанием для признания законоположений неконституционными.

В Постановлении от 18 июля 2025 года № 30-П Конституционный Суд РФ защитил право граждан из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на бесплатное жилье после покупки ими жилья в ипотеку и на средства материнского капитала [7]. Суд прямо сослался на конституционную ценность социального государства.

В Постановлении от 3 июля 2025 года № 27-П Конституционный Суд РФ, рассматривая дело о назначении ежемесячной денежной компенсации родителям военнослужащих по призыву, погибших от военной травмы, указал, что регулирование конституционного долга и обязанности по защите Отечества включает наряду с определением порядка прохождения военной службы создание системы гарантий социальной защиты военнослужащих и членов их семей [4]. Суд подчеркнул, что в этой сфере законодатель обязан обеспечить определенность, ясность и непротиворечивость правовых норм. Данное постановление органично соединяет ценности патриотизма и социальной защиты, закрепленные в статьях 67.1 и 7 Конституции в редакции 2020 года.

Таким образом, Конституционный Суд РФ последовательно развивает конституционные положения о социальном государстве, придавая им конкретное нормативное содержание. При этом прослеживается четкая хронологическая и содержательная связь: ценностные новеллы 2020 года создали нормативную основу для последующей судебной практики, а Суд, в свою очередь, наполнил эти новеллы конкретным правовым содержанием. Без конституционного закрепления принципов социальной справедливости и обязательности индексации социальных выплат соответствующие правовые позиции Суда лишились бы своей конституционной основы.

Конституционная реформа 2020 года придала принципиально новое значение вопросам семейной политики и защиты традиционных ценностей. Как отмечает В.В. Руденко, в ходе реформы была зафиксирована «система общих универсальных ценностей», среди которых: «традиционные семейные ценности», «институт брака как союз мужчины и женщины», «достойное воспитание детей в семье» [9, с. 4–5]. Дети объявлены важнейшим приоритетом государственной политики России (часть 4 статьи 67.1).

В литературе обоснованно отмечается, что Конституционный Суд РФ в рамках своей роли толкователя конституционного текста активно участвует в процессе конституирования традиционных семейных ценностей.

Думается, показательно, что в своих решениях Суд не ограничивается формальной ссылкой на ценностные положения, но развивает их применительно к конкретным правовым ситуациям, придавая им практическое нормативное содержание.

В частности, в Постановлении № 37-П Суд, хотя и признал оспариваемые нормы миграционного законодательства не противоречащими Конституции, одновременно указал на необходимость учета гуманитарных соображений и необходимости баланса частных и публичных интересов при принятии решений по миграционным вопросам [5].

Анализ текста Конституции РФ в редакции 2020 года и практики её применения позволяет предложить следующую иерархию конституционных ценностей, основанную на критериях их нормативной силы, функциональной роли в правовой системе и степени конкретизации в судебной практике. В отличие от существующих в литературе подходов, ограничивающихся либо простым перечислением ценностей, либо их формальной группировкой по отраслевому признаку, предлагаемая иерархия основана на трёх взаимосвязанных критериях: конституционная неизменяемость (нормативная сила), системно-функциональная роль в правовой системе (системообразующая или ориентирующая), а также степень конкретизации в судебной практике Конституционного Суда РФ.

Первый уровень (высшие, конституирующие ценности), это ценности, закрепленные в неизменяемых главах 1 и 2 Конституции: человек, его права и свободы как высшая ценность (статья 2); демократическое федеративное правовое государство (статья 1); народный суверенитет, народовластие (статья 3); государственный суверенитет, территориальная целостность (статья 4). Эти ценности носят фундаментальный характер, не подлежат пересмотру и образуют конституционное ядро, определяющее пределы любых изменений Основного закона.

Второй уровень (системообразующие ценности), это ценности, закрепленные или получившие новое содержание в изменяемых главах Конституции в ходе реформы 2020 года: социальная государственность (статья 7 Конституции с закреплением МРОТ не ниже прожиточного минимума и обязательной индексации пенсий); традиционные семейные ценности (брак как союз мужчины и женщины, дети как важнейший приоритет государственной политики); ценности исторической памяти и национальной идентичности (статья 67.1); ценности суверенной государственности и единства публичной власти (статья 80, часть 2.1 статьи 67, статья 79.1). Эти ценности конкретизируют высшие ценности первого уровня: социальная государственность развивает принцип правового и социального государства; семейные ценности конкретизируют конституционные гарантии прав человека; ценности исторической памяти и суверенитета развивают принцип государственного единства и территориальной целостности.

Третий уровень (ценности-ориентиры), это ценности, получившие конституционное закрепление впервые и носящие программный, ориентирующий характер: русский язык как язык государствообразующего народа (статья 68); поддержка соотечественников за рубежом и сохранение общероссийской культурной идентичности (часть 3 статьи 69); единство системы публичной власти (часть 3 статьи 132).

Предложенная иерархия позволяет увидеть, что между уровнями существует содержательная связь: ценности исторической памяти развивают принцип суверенитета; социальные ценности конкретизируют принцип социального государства; семейные ценности дополняют конституционные гарантии прав человека.

Думается, практическое значение такой классификации состоит в том, что она позволяет определять приоритеты при разрешении коллизий между различными ценностями, а также служит инструментом для оценки соответствия отраслевого законодательства конституционным ценностным ориентирам и систематизации правовых позиций Конституционного Суда РФ.

Анализ современного состояния конституционной аксиологии и практики Конституционного Суда РФ позволяет предложить следующие направления совершенствования законодательства.

Во-первых, необходима дальнейшая конкретизация ценностных ориентиров в отраслевом законодательстве.

Остается открытым вопрос о механизмах не только непосредственной защиты мерами административной и уголовной ответственности, но и развития и укрепления ценностей исторической памяти и национальной идентичности. Если социальные и семейные ценности получили практическую реализацию через конкретные программы и последовательную судебную практику Конституционного Суда РФ, то развитие ценностей исторической памяти и национальной идентичности в большей степени остаются на уровне программных документов и деклараций. Необходимо создание при Министерстве просвещения России и Министерстве науки и высшего образования России межведомственной комиссии по мониторингу исторической информации в образовательных и информационных ресурсах с правом направления предписаний об удалении или корректировке недостоверных сведений.

Перспективным представляется дальнейшее развитие конституционной аксиологии в направлении учета новых вызовов, включая цифровизацию, информационную безопасность и научно-технологическое развитие. В ходе реформы 2020 года в ведение Российской Федерации уже были добавлены вопросы установления основ федеральной политики в области научно-технологического развития и информационных технологий.

Предлагается дополнить Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» положениями, закрепляющими приоритет традиционных ценностей в цифровой среде, а также продолжать совершенствовать механизмы защиты детей от деструктивного контента в сети Интернет, основанные на конституционных ценностях.

Представляется целесообразным совершенствование механизмов парламентского контроля за реализацией конституционных ценностей. Предлагается закрепить в Регламенте Государственной Думы обязанность профильных комитетов ежегодно представлять палате доклады о состоянии законодательного обеспечения конституционных ценностей и о мерах, принятых для их реализации. Доклады должны включать разделы о соответствии вновь принимаемых законов ценностным положениям Конституции, о выявленных коллизиях и о предложениях по их устранению.

Таким образом, Конституционная реформа 2020 года стала поворотным моментом в развитии российской конституционной аксиологии. Конституционные ценности в своем современном виде образуют иерархически организованную систему, в которой ценности изменяемых глав конкретизируют и развивают высшие ценности неизменяемых глав.

Основные векторы ценностной трансформации включают: усиление социальной составляющей через перевод социальных гарантий из категории деклараций в ранг юридических обязательств; защиту традиционных семейных ценностей и укрепление института семьи; утверждение национальной идентичности через обращение к исторической памяти, культурному наследию и русскому языку как языку государствообразующего народа; формирование обновленного подхода к организации системы публичной власти на основе единства и суверенитета.

Практика Конституционного Суда России последовательно развивает конституционные установления, конкретизируя их применительно к различным категориям граждан и ситуациям. Постановления Суда, рассмотренные в настоящей статье, подтверждают, что ценностные новеллы не остались декларативными, фиктивными нормами, а стали действенным инструментом защиты прав граждан, безусловно, при условии их системной интерпретации во взаимосвязи с высшими ценностями Конституции. Именно эта системная взаимосвязь, а не сами по себе новые ценностные положения, составляет главный результат аксиологического сдвига 2020 года.

Вместе с тем остаются открытыми вопросы о дальнейшей конкретизации ценностных ориентиров в отраслевом законодательстве, о механизмах защиты ценностей исторической памяти и национальной идентичности, об учете новых цивилизационных вызовов.

Процесс конституционной аксиологической эволюции, начатый в 2020 году, может и должен быть продолжен, как в направлении дальнейшего наполнения ценностного каталога, так и в направлении совершенствования механизмов реализации конституционных ценностей в правовой системе и общественной практике. Предложенные в настоящей статье законодательные инициативы и механизмы их реализации призваны способствовать решению этих задач.

Литература

1. Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.03.2020 № 1-З // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003160037 (дата обращения: 15.07.2026).

2. Масленникова С.В. Идеология конституционных поправок 2020 г. в сфере социального и экономического развития // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 5. С. 24–47. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.5.24.47.

3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 01.02.2021 № 3-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации и части третьей статьи 17 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Г.» // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 15.07.2026).

4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 03.07.2025 № 27-П // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 15.07.2026).

5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 07.07.2023 № 37-П // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 15.07.2026).

6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.03.2022 № 11-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 10 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» в связи с жалобой гражданки И.И. Котловой» // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 15.07.2026).

7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18.07.2025 № 30-П // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 15.07.2026).

8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.12.2021 № 54-П «По делу о проверке конституционности пункта 9 части первой статьи 27.1 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» в связи с жалобой гражданки А.Н. Меджидовой» // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 15.07.2026).

9. Руденко В.В. Система конституционных ценностей: тенденции развития. Тезисы доклада на теоретическом семинаре. Институт философии и права УрО РАН, 30.09.2020. URL: http://www.ifp.uran.ru (дата обращения: 15.07.2026).

10. Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 5. С. 403–414.

THE EVOLUTION OF THE VALUE FOUNDATIONS OF THE RUSSIAN CONSTITUTION DURING THE 2020 REFORM: CURRENT STATUS AND PROSPECTS FOR IMPROVEMENT

Mukachev I.V., Avanesova A.A.
North-Caucasus Federal University

The 2020 constitutional reform supplemented and concretized the highest constitutional values enshrined in the unamendable chapters of the Constitution, imbuing them with new normative content and creating a renewed, hierarchically organized system of constitutional axiology. The main argument of this article is that this systemic interconnectedness constitutes the reform's core value, and the axiological shift itself should be understood as a transition from declarative to concrete normative enshrinement of values, ensuring their practical implementation, as confirmed by both legislative changes and the practice of the Constitutional Court of Russia. The proposed system of constitutional values can be used as a methodological basis for assessing sectoral legislation and systematizing the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Keywords: constitutional reform, constitutional values, constitutional axiology, practice of the Constitutional Court of Russia.

References

1. Opinion of the Constitutional Court of the Russian Federation № 1-Z dated March 16, 2020 // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003160037 (accessed: July 15, 2026).

2. Maslennikova S.V. The Ideology of the 2020 Constitutional Amendments Regarding Social and Economic Development // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2021. № 5. P. 24–47. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.5.24.47.

3. Judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation № 3-P dated February 1, 2021, «On the case concerning the review of the constitutionality of Clause 3, Part 2, Article 57 of the Housing Code of the Russian Federation and Part 3, Article 17 of the Federal Law 'On Social Protection of Persons with Disabilities in the Russian Federation' in connection with the complaint of Citizen G.» // ConsultantPlus Legal Reference System (accessed: July 15, 2026).

4. Judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation № 27-P dated July 3, 2025 // ConsultantPlus Legal Reference System (accessed: July 15, 2026).

5. Judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation № 37-P dated July 7, 2023 // ConsultantPlus Legal Reference System (accessed: July 15, 2026). 6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 11-P dated March 17, 2022, «On the Case Concerning the Review of the Constitutionality of Part 1 of Article 10 of the Federal Law 'On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding the Assignment and Payment of Pensions' in Connection with the Complaint of Citizen I.I. Kotlova» // ConsultantPlus Legal Reference System (accessed: July 15, 2026).

7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 30-P dated July 18, 2025 // ConsultantPlus Legal Reference System (accessed: July 15, 2026).

8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 54-P dated December 23, 2021, «On the Case Concerning the Review of the Constitutionality of Clause 9 of Part 1 of Article 27.1 of the Law of the Russian Federation 'On Social Protection of Citizens Exposed to Radiation Due to the Chernobyl Nuclear Power Plant Disaster' in Connection with the Complaint of Citizen A.N. Medzhidova» // ConsultantPlus Legal Reference System (accessed: July 15, 2026).

9. Rudenko V.V. The System of Constitutional Values: Development Trends. Abstract of a presentation at a theoretical seminar. Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, September 30, 2020. URL: http://www.ifp.uran.ru (accessed: July 15, 2026).

10. Khabrieva T. Ya. Constitutional Reform in Russia: In Search of National Identity // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2020. Vol. 90. № 5. P. 403–414.

Официальные физкультурные и спортивные мероприятия как комплексный объект публичного управления: официальный статус, безопасность и административная ответственность

Никодимов Даниил Николаевич,
аспирант, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
E-mail: toomanydjs@inbox.ru

Цель исследования – проанализировать правовое регулирование официальных физкультурных и спортивных мероприятий и сформулировать предложения по его корректировке. Методы исследования: формально-юридический, системно-структурный, сопоставительный и функциональный, правовое моделирование. Установлено, что официальный статус мероприятия порождает только включение в предусмотренный законом календарный план, тогда как наличие организатора, утверждение положения (регламента) и соблюдение требований безопасности относятся к организации мероприятия и на статус не влияют; обоснован двухуровневый правовой режим мероприятий (общий и специальный). Выявлена рассогласованность статьи 20.32 КоАП РФ с материальными нормами: она не называет собственников и пользователей иных спортивных сооружений и не учитывает план федеральной территории «Сириус»; сформулированы предложения по устранению этих несогласованностей. Для ответственности по части 1 статьи 20.32 КоАП РФ необходимо установить нарушенную обязанность, ее принадлежность конкретному субъекту, наличие у него юридического и фактического контроля и вину.

Ключевые слова: публичное управление, физическая культура и спорт, официальное спортивное мероприятие, календарный план, безопасность, административная ответственность, статья 20.32 КоАП РФ.

Введение

Конституция Российской Федерации относит общие вопросы физической культуры и спорта к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов (пункт «е» части 1 статьи 72) и предусматривает поощрение их развития (часть 2 статьи 41) [1]. На уровне отдельного мероприятия публичные полномочия, производные от названных конституционных положений, реализуются через конкретные инструменты: включение в календарный план, утверждение положения (регламента), использование спортивной инфраструктуры, обеспечение безопасности, контроль и привлечение к ответственности. Совокупность этих инструментов и позволяет рассматривать официальное физкультурное мероприятие или спортивное соревнование, включенное в календарный план, как комплексный объект публичного управления.

Проблема

Применение статьи 20.32 КоАП РФ и связанных с официальными спортивными соревнованиями норм (ст. 20.31, 6.22 КоАП РФ, ст. 20, 37.1 Закона № 329-ФЗ) зависит от того, какие признаки признаются определяющими для официального статуса мероприятия. Проблема в том, что на практике не всегда четко разграничиваются статусные требования (включение в календарный план) и организационные требования (наличие организатора, утверждение регламента, обеспечение безопасности). Вследствие этого организационные дефекты иногда ошибочно рассматриваются как основание для утраты мероприятием официального статуса.

Законодательство о физической культуре и спорте расширило круг обязанных субъектов и перечень календарных планов, включение в которые придает мероприятию официальный статус. При определении места проведения официального спортивного соревнования используется термин «иное спортивное сооружение» (пункт 4.1 статьи 2 Закона № 329-ФЗ), однако его легальная дефиниция до настоящего времени отсутствует. Одновременно Закон № 329-ФЗ и Правила обеспечения безопасности возлагают обязанности по обеспечению безопасности на собственников и пользователей таких сооружений [6; 7; 8]. С 1 сентября 2025 г. к Единому календарному плану (далее – ЕКП) и календарным планам субъектов Российской Федерации и муниципальных образований добавился календарный план федеральной территории «Сириус» [5]. Статья 20.32 КоАП РФ [4] этих изменений не отразила: она не называет собственников и пользователей иных спортивных сооружений, а ее вторая альтернатива и часть 5 статьи 37.1 Закона № 329-ФЗ не учитывают план «Сириус». Не упоминают эти нормы и муниципальные календарные планы; данный вопрос относится не к синхронизации норм, а к целесообразности их расширения.

Степень разработанности

Спортивно-правовые исследования раскрывают отдельные стороны управления мероприятием – безопасность, инфраструктуру и ответственность. А.Г. Бачурин и И.И. Самсонов показывают стоимость оснащения объектов инфраструктуры безопасности [17, с. 46] и разграничивают подготовку контролеров-распорядителей и частных охранников [16, с. 44]. Уголовно-правовую границу ответственности организаторов спортивных мероприятий, значимую для отграничения части 2 статьи 20.32 КоАП РФ от статьи 238 УК РФ, исследуют Е.А. Быстрова и Е.В. Суслина [18, с. 72]. В.А. Зюзин применительно к конституционной реформе 2020 г. показывает несоответствие категории «государственное управление» конституционным положениям и предлагает строить предмет административного права вокруг публичной администрации [20, с. 168]. Эта работа задает понятийную основу настоящей статьи: официальное мероприятие рассматривается как объект, на который направлена деятельность публичной администрации, не сводимой к органам исполнительной власти.

Цель статьи – проанализировать правовое регулирование официальных физкультурных и спортивных мероприятий и сформулировать предложения по устранению выявленных несогласованностей. Новизна подхода состоит в том, что основание официального статуса рассматривается в единой связке с правовым режимом мероприятия

и санкцией статьи 20.32 КоАП РФ, тогда как в литературе эти вопросы исследованы раздельно.

Материалы и методы

Нормативные акты исследованы в редакциях, действующих на 17 августа 2026 г. Нормативную основу составили Конституция, Уголовный и Гражданский кодексы, КоАП РФ, Закон № 329-ФЗ, Правила обеспечения безопасности и Правила поведения зрителей, приказы Минспорта России № 97 и МВД России № 1092, акты Москвы и Республики Татарстан [1–13], судебную практику – акты по статье 20.32 КоАП РФ [14; 15].

В качестве иллюстративного материала отобраны два судебных акта, доступные в СПС «ГАРАНТ» и на портале «СудАкт» по статье 20.32 КоАП РФ: решение Московского городского суда от 13 декабря 2023 г. по делу № 7–18563/2023 [14] и постановление Советского районного суда г. Воронежа от 21 апреля 2025 г. по делу № 5–82/2025 [15].

Применены формально-юридический, системно-структурный, сопоставительный и функциональный методы, а также правовое моделирование.

Результаты и обсуждение

Правила организации и проведения официальных физкультурных и спортивных мероприятий закреплены статьей 20 Закона № 329-ФЗ [6], требования к безопасности соревнований и порядку поведения зрителей установлены двумя постановлениями Правительства Российской Федерации: Правилами обеспечения безопасности при проведении официальных спортивных соревнований (далее – Правила безопасности) и Правилами поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований (далее – Правила поведения зрителей) [7; 9]. Им соответствуют административные составы: статья 20.31 КоАП РФ наказывает зрителей за нарушение Правил поведения зрителей, статья 20.32 КоАП РФ – организаторов, собственников и пользователей объектов спорта за нарушение Правил безопасности [4]. Эти группы норм адресованы разным субъектам и действуют на разных стадиях – от включения мероприятия в календарный план, без которого составы не работают, до наложения взыскания.

Пункты 18, 19 и 29 статьи 2 Закона № 329-ФЗ разграничивают спортивное соревнование, спортивные мероприятия и физкультурные мероприятия. Спортивные мероприятия охватывают соревнования и учебно-тренировочные мероприятия по подготовке к ним. Физкультурные мероприятия – это организованные занятия граждан физической культурой. Согласно пункту 9 статьи 2 официальными признаются мероприятия, включенные в ЕКП, а также в календарные планы субъектов Российской Федерации, федеральной территории «Сириус» и муниципальных образований [6]. Статус порождается действием уполномоченного органа по внесению записи в план, а не самим фактом проведения соревнования и не качеством его организации. Включению в план предшествуют предусмотренные приказом Минспорта России № 97 процедурные условия и действия заинтересованных лиц. Дефект процедуры включения ставит под вопрос законность самой записи, а не качество организации мероприятия: запись может быть оспорена и отменена в установленном порядке, и до отмены статус определяется именно ею. Такой подход встречается и в судебной практике (например, дело № 5–82/2025, разбираемое ниже) [15].

Календарный план указывает организаторов мероприятия – соответствующая графа предусмотрена формами плана [10]. Однако правовой статус организатора возникает не из записи в плане. Согласно пункту 7.3 статьи 2 Закона № 329-ФЗ организатором спортивного соревнования является юридическое лицо, которое, в частности, утверждает положение (регламент) спортивного соревнования, определяет условия и календарный план его проведения, а также обеспечивает финансирование соревнования. Пункт 8 той же статьи определяет организатора физкультурного мероприятия. Часть 6 статьи 20 требует проводить мероприятие по положению (регламенту), утвержденному организатором. Организатора спортивного мероприятия, не являющегося соревнованием, закон не определяет: пункт 8 статьи 2 после введения пункта 7.3 Федеральным законом от 22 ноября 2016 г. № 396-ФЗ закреплен только за организатором физкультурного мероприятия. Между тем в ЕКП включаются не только соревнования, но и учебно-тренировочные мероприятия спортивных сборных команд Российской Федерации, однако организатор таких мероприятий законом отдельно не определен.

Порядок включения в план установлен приказом Минспорта России от 7 февраля 2025 г. № 97. Приказ разграничивает включение в ЕКП физкультурных и спортивных мероприятий, а также порядок изменения плана (раздел IV) [10]. Региональное законодательство единообразно в главном: календарный план определяет официальный статус, положение (регламент) – организацию мероприятия. Закон города Москвы от 15 июля 2009 г. № 27 связывает проведение официальных городских мероприятий с Единым календарным планом и положением (регламентом), утверждаемым организатором [12]. Особым случаем является Республика Татарстан, специально урегулировавшая порядок использования иных спортивных сооружений для официальных мероприятий [13]. На муниципальном уровне календарные планы утверждают органы местного самоуправления (статья 9 Закона № 329-ФЗ) [6]. Л.А. Исаева и А.А. Кадымов описывают структуру муниципального управления спортом: обязательный орган в составе местной администрации и координационную структуру, которую целесообразно создавать лишь в крупных городах с развитой сетью физкультурно-спортивных организаций [21, с. 48].

Нарушение организационных требований само по себе не лишает мероприятие официального статуса. Нарушение правил безопасности при проведении официального спортивного соревнования влечет ответственность по статье 20.32 КоАП РФ. Требования к самому положению (регламенту) охраняет статья 6.22 КоАП РФ: она наказывает организатора официального спортивного соревнования, не являющегося спортивной федерацией, за невключение в положение (регламент) требований о запрете противоправного влияния на результат и участия в азартных играх [4]. Прекращается статус через изменение календарного плана: отдельный порядок исключения записи законом не урегулирован, однако раздел IV приказа Минспорта России № 97 об изменении плана охватывает и исключение записи [10]. Иного основания утраты статуса закон не предусматривает.

Действующее регулирование образует два уровня правового режима, разграничиваемых по виду мероприятия. Общий режим охватывает официальные физкультурные и спортивные мероприятия всех уровней: компетенцию (статьи 6, 8, 8.1, 9 Закона № 329-ФЗ), организацию (статья 20), календарное планирование (статья 23) и инфраструктурные требования (статьи 37, 37.1) [6]. Специальный режим действует только для официальных спортивных соревнований: положение (регламент) о соревновании, специальные обязанности организатора, собственников и пользователей места проведения, Правила безопасности и Правила поведения зрителей, статья 20.31 КоАП РФ [4; 7; 9]. Специальный режим дополняет общий, а не заменяет его. Требования специального режима не распространяются на физкультурные мероприятия и на спортивные мероприятия, не являющиеся соревнованиями. Статья 20.32 КоАП РФ находится на стыке двух режимов: ее первая альтернатива устанавливает ответственность за нарушение Правил безопасности при проведении соревнований (специальный режим), тогда как вторая запрещает использовать для любых официальных мероприятий объект спорта, сведения о котором отсутствуют во Всероссийском реестре объектов спорта (общий режим). Тому же общему требованию корреспондирует часть 5 статьи 37.1 Закона № 329-ФЗ.

Обязанности организатора, собственника и пользователя различаются по объекту контроля, однако общего правила их распределения закон не содержит. При этом используемые законом понятия не совпадают по объему. По пункту 7 статьи 2 Закона № 329-ФЗ объект спорта – спортивное сооружение, являющееся объектом недвижимого имущества, в том числе единым недвижимым комплексом, и предназначенное для проведения физкультурных и (или) спортивных мероприятий. По пункту 17 той же статьи спортивное сооружение – инженерно-строительный объект, предназначенный для проведения таких мероприятий. По пункту 4.1 той же статьи местом проведения официального спортивного соревнования могут быть объект спорта, иное спортивное сооружение, а также специально подготовленные территории [6]. Легальной дефиниции «иного спортивного сооружения» закон не дает: по смыслу это сооружение, не имеющее статуса объекта спорта. О.Н. Вишнякова и Р.Р. Рендикова отмечают, что централизованной базы данных об актуальном состоянии всех спортивных объектов в стране нет: Всероссийский реестр объектов спорта охватывает лишь объекты, используемые для официальных мероприятий, а четкие требования к цифровым технологиям в этой сфере не установлены [19, с. 242].

Содержание обязанностей детализировано в Правилах безопасности: инструкцию по обеспечению порядка разрабатывает собственник (пользователь) (пункт 13), план мероприятий разрабатывает организатор совместно с собственником (пользователем) (пункт 14), обязанности собственника (пользователя) перечислены в пункте 17 [7].

Часть 1 статьи 20.32 КоАП РФ устанавливает ответственность за два альтернативных деяния. Первое – нарушение организатором официального спортивного соревнования либо собственниками, пользователями объектов спорта правил обеспечения безопасности при проведении официальных спортивных соревнований. Второе – использование объекта спорта, сведения о котором отсутствуют во Всероссийском реестре объектов спорта, для проведения физкультурных

и спортивных мероприятий, включенных в ЕКП и календарные планы субъектов Российской Федерации [4]. Вторая альтернатива субъекта прямо не называет: им является лицо, использующее объект для проведения мероприятия, и эта неопределенность – дополнительный довод в пользу прямой формулировки круга субъектов в предлагаемой ниже редакции диспозиции.

При этом часть 1 статьи 20 Закона № 329-ФЗ и пункты 1, 4 Правил безопасности возлагают обязанности по безопасности также на собственников и пользователей иных спортивных сооружений [6; 7]. Часть 1.9 той же статьи называет этих субъектов в числе лиц, несущих ответственность «в соответствии с законодательством Российской Федерации». Однако административной санкции для собственников и пользователей иных спортивных сооружений в статье 20.32 КоАП РФ нет, в отличие от собственников и пользователей объектов спорта. Деликтная ответственность разрыв не закрывает: состав части 1 статьи 20.32 формальный и вреда не требует, а статья 1064 ГК РФ [3] предполагает вред и частного потерпевшего. Иные составы КоАП РФ (о требованиях пожарной безопасности, антитеррористической защищенности) разрыв не закрывают: они охраняют другие объекты и не охватывают весь круг обязанностей из Правил безопасности. Вторая альтернатива статьи 20.32 КоАП РФ и часть 5 статьи 37.1 Закона № 329-ФЗ перечисляют ЕКП и планы субъектов Российской Федерации, но не план «Сириус» и не муниципальные планы [4; 6].

Судебная практика наглядно иллюстрирует проблему правовой неопределенности: без точного установления субъекта конкретной обязанности механизм административной ответственности не работает. Так, в деле № 7–18563/2023 Московский городской суд отменил постановление о привлечении ФАУ МО РФ ЦСКА к ответственности по части 1 статьи 20.32 КоАП РФ: суд первой инстанции не исследовал договор, на основании которого спорная обязанность по обеспечению безопасности была возложена на иное лицо, и не установил надлежащего субъекта правонарушения [14].

В другом споре – деле № 5–82/2025 – Советский районный суд города Воронежа рассматривал факт отсутствия охранно-тревожной сигнализации на ограждении стадиона «Факел» во время матча чемпионата России 8 марта 2025 года. Этот дефект был зафиксирован актом осмотра объекта спорта еще 15 июля 2024 года, и устранен не был. Суд применил пункт 66 приложения № 1 к Требованиям, утвержденным приказом МВД России № 1092 [11]. Статус ГБУ ВО «СПОРТСООРУЖЕНИЯ» как пользователя объекта спорта подтверждался передачей имущества в оперативное управление, сведениями из ЕГРН и приказом о назначении начальника стадиона [15]. Учреждение вину признало; суд установил, что оно имело возможность соблюсти требования, но не приняло для этого исчерпывающих мер. Здесь, в отличие от дела ЦСКА, суд установил оба признака, на которых строится статья: юридический контроль (имущество в оперативном управлении учреждения) и фактический (дефект был известен с июля 2024 года и не устранялся), поэтому суд признал учреждение виновным.

Разница исходов в этих двух делах показательна: там, где суд установил принадлежность обязанности конкретному субъекту, привлечение к ответственности устояло; там, где не установил, – постановление отменено.

Статьей 20.32 КоАП РФ административная ответственность не исчерпывается: часть 2 статьи применяется, только если деяние не содержит признаков преступления. Внешней уголовно-правовой границей административного состава служит статья 238 УК РФ [2]. Согласно позиции Е.А. Быстровой и Е.В. Суслиной понятие услуги в этой статье автономно от потребительского, поэтому организация спортивных соревнований может квалифицироваться как оказание услуг [18, с. 72]. Часть 1 статьи 238 УК РФ окончена и без наступления вреда: достаточно, чтобы услуга не отвечала требованиям безопасности жизни или здоровья, то есть создавала реальную угрозу; формальное нарушение правила такой угрозы не доказывает. Часть 2 статьи 20.32 КоАП РФ, напротив, требует наступившего вреда здоровью человека или имуществу и предполагает доказанную связь нарушения с конкретной обязанностью и ее субъектом.

Таким образом, официальный статус мероприятия и законность его проведения – разные правовые категории. Применение статьи 20.32 КоАП РФ поэтому строится по цепочке: статус мероприятия – нарушенная обязанность – надлежащий субъект – контроль – вина.

На основании изложенного предлагаются следующие изменения.

Первое – статья 20.32 КоАП РФ и сопряженные нормы. Расширение круга субъектов в диспозиции части 1 статьи 20.32 КоАП РФ требует предварительного введения легальной дефиниции термина «иное спортивное сооружение» в статье 2 Закона № 329-ФЗ. Поскольку закон не раскрывает этот термин, его легальную дефиницию предлагается закрепить на основе системного толкования действующих институтов: иное спортивное сооружение – инженерно-строительный объект, предназначенный для проведения физкультурных и (или) спортивных мероприятий, не являющийся объектом недвижимого имущества и потому не подпадающий под определение объекта спорта из пункта 7 статьи 2 Закона № 329-ФЗ. После закрепления дефиниции в первую альтернативу части 1 статьи 20.32 КоАП РФ следует прямо включить названных субъектов. Календарный план федеральной территории «Сириус» следует синхронно добавить в часть 5 статьи 37.1 Закона № 329-ФЗ и во вторую альтернативу статьи 20.32 КоАП РФ [4; 6]. При переносе плана «Сириус» в эти нормы следует воспроизвести и исключение, уже закрепленное в части 5 статьи 37.1: запрет не действует, если объект спорта впервые используется для проведения официального мероприятия. Диспозицию части 1 статьи 20.32 КоАП РФ предлагается изложить в новой редакции, прямо называющей: нарушение правил безопасности организатором либо собственником, пользователем объекта спорта или иного спортивного сооружения; использование организатором либо собственником, пользователем объекта спорта, сведения о котором отсутствуют во Всероссийском реестре объектов спорта, для проведения мероприятий, включенных в ЕКП, календарные планы субъектов Российской Федерации или план федеральной территории «Сириус».

Второе – распределение обязанностей. Согласно части 11 статьи 20 Закона № 329-ФЗ обязанности между несколькими организаторами распределяются договором или положением, а согласно пункту 14 Правил безопасности между организатором и собственником (пользователем) объекта – договором и планом мероприятий. Оба механизма оставляют распределение на усмотрение сторон, поэтому предлагаются два дополнения: в пункт 14 Правил безопасности – обязать включать в план мероприятий раздел, распределяющий меры, сроки, ресурсы и ответственных при несовпадении собственника и пользователя; в статью 20 Закона № 329-ФЗ – закрепить презумпцию, по которой конструктивная готовность (состояние конструктивных элементов, стационарных инженерных систем и капитального оборудования) относится к собственнику, а операционная (запуск и обслуживание систем в ходе эксплуатации) – к пользователю, если полномочия и ресурсы не переданы иначе. Предлагаемая граница использует критерий статьи 616 ГК РФ: капитальный ремонт относится на арендодателя, текущее содержание – на арендатора. Заимствуется лишь этот критерий, а не диспозитивный характер нормы: публичная обязанность по безопасности остается императивной. Опровергнуть презумпцию одним условием договора нельзя: нужны одновременно юридическое полномочие и фактическая возможность – финансирование, персонал, доступ к системам, принятие имущества по акту.

Третье – муниципальный уровень. В настоящей статье не ставится вопрос о распространении реестровой обязанности на муниципальные мероприятия: он лежит в плоскости целесообразности, а не синхронизации норм. А.Г. Бачурин и И.И. Самсонов описывают обязательную инфраструктуру безопасности объекта, принимающего официальные соревнования, и обосновывают необходимость пересмотра требований к антитеррористической защищенности таких объектов [17, с. 46]. Затраты на дооборудование нужно соотнести с санкцией для юридических лиц по части 1 статьи 20.32 КоАП РФ (штраф либо приостановление деятельности) и реальным уровнем риска для участников и зрителей. Данные по одному региону очерчивают масштаб проблемы, но для распространения обязанности на все муниципальные образования их недостаточно: необходимы общероссийская оценка затрат на дооборудование и сведения о реальном уровне риска.

Выводы

Официальное физкультурное или спортивное мероприятие следует рассматривать как комплексный объект публичного управления. Статус мероприятия возникает при включении в календарный план и не прекращается вследствие нарушения требований к организатору, регламенту или безопасности. Статус организатора определяется его организационными функциями (прежде всего утверждением положения (регламента)), а не записью в плане. Сохранение статуса не отменяет специальные обязанности, контроль, возможность прекращения соревнования и ответственность. Общий режим распространяется на официальные физкультурные и спортивные мероприятия, специальный – на официальные спортивные соревнования.

При квалификации по части 1 статьи 20.32 КоАП РФ необходимо установить не только нарушенную обязанность, но и ее принадлежность конкретному субъекту, а также наличие у него юридического и фактического контроля над соответствующей сферой обеспечения безопасности. Конструктивная готовность относится к собственнику, операционная – к пользователю, если полномочия и ресурсы не переданы иначе. Закреплять презумпцию следует в материальной нор-

ме – статье 20 Закона № 329-ФЗ. В статье 20.32 КоАП РФ нужно прямо назвать собственников и пользователей иных спортивных сооружений, а план федеральной территории «Сириус» – добавить в часть 5 статьи 37.1 Закона № 329-ФЗ и во вторую альтернативу статьи 20.32 КоАП РФ. Вопрос о распространении реестровой обязанности на муниципальный уровень остаётся открытым и требует дополнительной эмпирической оценки.

Часть 2 статьи 20.32 КоАП РФ применяется лишь при отсутствии признаков преступления; при наличии признаков уголовно наказуемого оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности, содеянное подлежит оценке по статье 238 УК РФ.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/constitution/ (дата обращения: 16.08.2026).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ: ред. от 26 июля 2026 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1, ч. 1. – Ст. 1.

5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 7 апреля 2025 г. № 65-ФЗ // Российская газета. – 2025. – 11 апреля. – № 81. – URL: https://rg.ru/documents/2025/04/11/izmenenia-v-otdelinye-zakony.html (дата обращения: 16.08.2026).

6. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ: ред. от 4 августа 2026 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 50. – Ст. 6242.

7. Об утверждении Правил обеспечения безопасности при проведении официальных спортивных соревнований: постановление Правительства Российской Федерации от 18 апреля 2014 г. № 353: ред. от 8 июня 2026 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 18. – Ст. 2194.

8. О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 18 апреля 2014 г. № 353: постановление Правительства Российской Федерации от 8 июня 2026 г. № 707 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202606110027 (дата обращения: 16.08.2026).

9. Об утверждении Правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований: постановление Правительства Российской Федерации от 16 декабря 2013 г. № 1156 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201312170002 (дата обращения: 16.08.2026).

10. Об утверждении порядка включения физкультурных и спортивных мероприятий (в том числе значимых международных официальных физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий) в Единый календарный план межрегиональных, всероссийских и международных физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий: приказ Министерства спорта Российской Федерации от 7 февраля 2025 г. № 97: зарегистрирован Минюстом России 18 марта 2025 г., регистрационный № 81569 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202503190013 (дата обращения: 16.08.2026).

11. Об утверждении Требований к отдельным объектам инфраструктуры мест проведения официальных спортивных мероприятий и техническому оснащению стадионов для обеспечения общественного порядка и общественной безопасности: приказ МВД России от 17 ноября 2015 г. № 1092: зарегистрирован Минюстом России 31 декабря 2015 г., регистрационный № 40464. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. О физической культуре и спорте в городе Москве: Закон города Москвы от 15 июля 2009 г. № 27 // Вестник Мэра и Правительства Москвы. – 2009. – № 42. – Ст. 3.

13. О внесении изменений в Закон Республики Татарстан «О физической культуре и спорте»: Закон Республики Татарстан от 25 апреля 2025 г. № 29-ЗРТ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/1600202504290004 (дата обращения: 16.08.2026).

14. Решение Московского городского суда от 13 декабря 2023 г. по делу № 7–18563/2023. – URL: https://base.garant.ru/337637239/ (дата обращения: 16.08.2026).

15. Постановление Советского районного суда г. Воронежа от 21 апреля 2025 г. по делу № 5–82/2025. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/YSmlrGeKyW1d/ (дата обращения: 16.08.2026).

16. Бачурин А.Г. Административно-правовое регулирование отдельных аспектов специальной подготовки контролеров-распорядителей / А.Г. Бачурин, И.И. Самсонов // Алтайский юридический вестник. – 2023. – № 2 (42). – С. 44–51.

17. Бачурин А.Г. Отдельные вопросы совершенствования обеспечения безопасности при проведении официальных физкультурных и спортивных мероприятий на территории субъектов Российской Федерации (на примере Алтайского края) / А.Г. Бачурин, И.И. Самсонов // Алтайский юридический вестник. – 2024. – № 2 (46). – С. 46–51.

18. Быстрова Е.А. Уголовная ответственность организаторов спортивных мероприятий / Е.А. Быстрова, Е.В. Суслина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2026. – Т. 17, вып. 1. – С. 72–90. – URL: https://lawjournal.spbu.ru/article/view/20210 (дата обращения: 16.08.2026).

19. Вишнякова О.Н. Совершенствование нормативно-правового регулирования развития спортивной инфраструктуры / О.Н. Вишнякова, Р.Р. Рендикова // Наука и спорт: современные тенденции. – 2024. – Т. 12, № 3. – С. 242–253. – DOI: 10.36028/2308-8826-2024-12-3-242-253.

20. Зюзин В.А. Трансформация административного права в условиях новых конституционных реалий: принципы, публичное воздействие, предмет / В.А. Зюзин // Правовая политика и правовая жизнь. – 2021. – № 3. – С. 168–177. – DOI: 10.24412/1608-8794-2021-3-168-177.

21. Исаева Л.А. Система органов самоуправления по управлению физической культурой и спортом / Л.А. Исаева, А.А. Кадымов // Аграрное и земельное право. – 2022. – № 8 (212). – С. 48–51. – DOI: 10.47643/1815-1329_2022_8_48.

OFFICIAL PHYSICAL CULTURE AND SPORTS EVENTS AS A COMPLEX OBJECT OF PUBLIC ADMINISTRATION: OFFICIAL STATUS, SAFETY AND ADMINISTRATIVE LIABILITY

Nikodimov D.N.
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

The study analyzes the legal regulation of official physical culture and sports events and formulates proposals for its improvement; methods include formal-legal, systemic-structural, comparative and functional analysis and legal modeling. It is shown that an event acquires official status solely through inclusion in a calendar plan provided for by law, while the organizer, regulations and safety compliance concern the organization of the event and do not affect its status; a general and a special regime are distinguished. Article 20.32 of the Russian Code of Administrative Offences is mismatched with the substantive rules: it omits owners and users of other sports venues and the calendar plan of the federal territory «Sirius»; amendments are proposed. Liability under part 1 of Article 20.32 requires establishing the breached duty, its attribution to a specific actor, that actor's legal and actual control, and fault.

Keywords: public administration, physical culture and sport, official sports event, calendar plan, sports facility, safety, administrative liability, Article 20.32 of the Russian Code of Administrative Offences.

References

1. Constitution of the Russian Federation. Adopted by nationwide vote on 12 December 1993, with amendments approved by nationwide vote on 1 July 2020. Official Internet Portal of Legal Information. Available at: http://pravo.gov.ru/constitution/ (accessed: 16.08.2026). (In Russian)

2. Criminal Code of the Russian Federation. Federal Law No. 63-FZ of 13 June 1996. Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii, 1996, No. 25, art. 2954. (In Russian)

3. Civil Code of the Russian Federation (Part Two). Federal Law No. 14-FZ of 26 January 1996. Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii, 1996, No. 5, art. 410. (In Russian)

4. Code of Administrative Offences of the Russian Federation. Federal Law No. 195-FZ of 30 December 2001 (as amended on 26 July 2026). Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii, 2002, No. 1, pt. 1, art. 1. (In Russian)

5. On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation. Federal Law No. 65-FZ of 7 April 2025. Rossiiskaia gazeta, 11 April 2025, No. 81. Available at: https://rg.ru/documents/2025/04/11/izmenenia-v-otdelinye-zakony.html (accessed: 16.08.2026). (In Russian)

6. On Physical Culture and Sport in the Russian Federation. Federal Law No. 329-FZ of 4 December 2007 (as amended on 4 August 2026). Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii, 2007, No. 50, art. 6242. (In Russian)

7. On Approval of the Safety Rules for Official Sports Competitions. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 353 of 18 April 2014 (as amended on 8 June

2026). Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii, 2014, No. 18, art. 2194. (In Russian)

8. On Amendments to Resolution of the Government of the Russian Federation No. 353 of 18 April 2014. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 707 of 8 June 2026. Official Internet Portal of Legal Information. Available at: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202606110027 (accessed: 16.08.2026). (In Russian)

9. On Approval of the Rules of Conduct for Spectators at Official Sports Competitions. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1156 of 16 December 2013. Available at: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201312170002 (accessed: 16.08.2026). (In Russian)

10. On Approval of the Procedure for Including Physical Culture and Sports Events in the Unified Calendar Plan. Order of the Ministry of Sport of the Russian Federation No. 97 of 7 February 2025, registered by the Ministry of Justice on 18 March 2025, registration No. 81569. Available at: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202503190013 (accessed: 16.08.2026). (In Russian)

11. On Approval of the Requirements for Certain Infrastructure Facilities of Venues of Official Sports Events and the Technical Equipment of Stadiums. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 1092 of 17 November 2015, registered by the Ministry of Justice on 31 December 2015, registration No. 40464. (In Russian)

12. On Physical Culture and Sport in the City of Moscow. Law of the City of Moscow No. 27 of 15 July 2009. Vestnik Mera i Pravitel'stva Moskvy, 2009, No. 42, art. 3. (In Russian)

13. On Amendments to the Law of the Republic of Tatarstan «On Physical Culture and Sport». Law of the Republic of Tatarstan No. 29-ZRT of 25 April 2025. (In Russian)

14. Moscow City Court. Decision of 13 December 2023 in case No. 7–18563/2023. Available at: https://base.garant.ru/337637239/ (accessed: 16.08.2026). (In Russian)

15. Sovetsky District Court of Voronezh. Ruling of 21 April 2025 in case No. 5–82/2025. Available at: https://sudact.ru/regular/doc/YSmlrGeKyW1d/ (accessed: 16.08.2026). (In Russian)

16. Bachurin A.G., Samsonov I.I. Administrative and legal regulation of certain aspects of special training of managing controllers. Altai Law Journal, 2023, No. 2 (42), Pp. 44–51. (In Russian)

17. Bachurin A.G., Samsonov I.I. Selected issues of improving security during official physical culture and sports events in the constituent entities of the Russian Federation: the Altai Territory case. Altai Law Journal, 2024, No. 2 (46), Pp. 46–51. (In Russian)

18. Bystrova E.A., Suslina E.V. Criminal liability of organizers of sports events. Vestnik of Saint Petersburg University. Law, 2026, Vol. 17, iss. 1, Pp. 72–90. Available at: https://lawjournal.spbu.ru/article/view/20210 (accessed: 16.08.2026). (In Russian)

19. Vishnyakova O.N., Rendikova R.R. Improvement of normative-legal regulation of sports infrastructure development. Science and Sport: Current Trends, 2024, Vol. 12, No. 3, Pp. 242–253. DOI: 10.36028/2308-8826-2024-12-3-242-253. (In Russian)

20. Zyuzin V.A. Transformation of administrative law in the context of new constitutional realities: principles, public impact, subject. Legal Policy and Legal Life, 2021, No. 3, Pp. 168–177. DOI: 10.24412/1608-8794-2021-3-168-177. (In Russian)

21. Isaeva L.A., Kadymov A.A. System of self-government bodies for the management of physical culture and sports. Agrarian and Land Law, 2022, No. 8 (212), Pp. 48–51. DOI: 10.47643/1815-1329_2022_8_48. (In Russian)

Понятие и сущность административно-правового регулирования предпринимательской деятельности

Носачев Владимир Валерьевич,
аспирант кафедры уголовного права и процесса, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики
E-mail: ufov@mail.ru

Статья посвящена теоретическому осмыслению административно-правового регулирования предпринимательской деятельности как самостоятельного правового явления. В отличие от господствующего в доктрине подхода, сводящего данное регулирование к защите публичных интересов, в работе делается акцент на его инструментальной природе – на совокупности властных предписаний, корректирующих гражданско-правовой оборот в сфере бизнеса. Анализируется соотношение норм административного и гражданского права в регулировании предпринимательских отношений, выявляются причины правоприменительных коллизий, возникающих при распространении гражданско-правовых конструкций на публично-правовые связи. Особое внимание уделяется трансформации административно-правовых режимов под влиянием цифровизации: появление смарт-контрактов, цифровых активов и алгоритмических процедур принятия решений выводит предпринимательство за рамки традиционных разрешительных и надзорных процедур, требуя переосмысления границ государственного вмешательства. В работе обосновывается необходимость перехода от перечисления отдельных институтов к единой методологии балансирования публичных и частных интересов, а также указывается на назревшую потребность в системном нормативном закреплении пределов административно-правового регулирования экономики.

Ключевые слова: административно-правовое регулирование, предпринимательская деятельность, административно-правовые режимы, цифровая экономика, смарт-контракты, публичные интересы, государственное вмешательство.

Отношения, складывающиеся в сфере предпринимательской деятельности, традиционно рассматривались преимущественно через призму гражданского права. Между тем механизм государственного воздействия на бизнес-среду в последние десятилетия претерпел существенные изменения: от прямого административного давления – к институциональному регулированию, от разрешительных процедур – к надзору за соблюдением обязательных требований. Эта трансформация породила ряд теоретических вопросов, ответы на которые невозможно дать в рамках частноправовой методологии. Прежде всего, не вполне ясно, какие именно административно-правовые средства применимы к предпринимательским отношениям без нарушения конституционного принципа свободы экономической деятельности и где проходит граница между законным государственным вмешательством и неоправданным административным произволом.

В отечественной юридической доктрине проблематика административно-правового регулирования предпринимательства освещена фрагментарно. Большинство исследований сосредоточено либо на анализе отдельных институтов (лицензирование, государственный контроль, антимонопольное регулирование), либо на описании процедурных аспектов взаимодействия бизнеса и органов власти. При этом системное понимание природы административно-правового воздействия на предпринимательскую деятельность как целостного правового явления до сих пор не сложилось. Отсутствует единая теоретическая база, позволяющая объяснить, почему одни сферы бизнеса подвергаются жесткому административному режиму, тогда как другие функционируют в условиях декларативного уведомительного порядка.

Теоретическое осмысление административно-правового регулирования предпринимательской деятельности в российской доктрине складывалось преимущественно вокруг попыток дать ему четкую дефиницию, однако единого подхода здесь так и не выработано. О.Н. Ермолаева определяет его как «совокупность норм действующего законодательства, направленных на стимулирование предпринимательской деятельности, ее легализацию и обеспечение безопасности для граждан, общества и государства, реализацию других публично значимых целей» [2, с. 83–84]. Эта формулировка точно фиксирует целевую установку регулирования, однако оставляет без ответа вопрос о его предметных границах. Если защита публичных интересов – единственный критерий, то почему тогда аналогичные цели не делают антимонопольное или налоговое право частью административного? Различие здесь не столько в целях, сколько в средствах, но именно средства в определении Ермолаевой остаются нераскрытыми.

Д.А. Прасковьин, развивая эту мысль, уточняет, что речь идет о совокупности норм административного права, регулирующих публично-правовые отношения, складывающиеся между государством в лице его органов и субъектами бизнеса при осуществлении ими коммерческой деятельности [4, с. 256]. Между этими двумя позициями прослеживается различие в акцентах: если О.Н. Ермолаева подчеркивает целевую направленность регулирования на защиту публичных интересов, то Д.А. Прасковьин делает ставку на субъектный состав и публично-правовую природу возникающих отношений. Однако оба подхода сталкиваются с одной и той же трудностью – необходимостью отграничить административно-правовое регулирование от близких по содержанию институтов финансового, таможенного и антимонопольного права, которые также претендуют на регуляцию предпринимательских отношений.

Следует подчеркнуть, что предпринимательская деятельность изначально строится на гражданско-правовых конструкциях – договоре, собственности, обязательстве. Вмешательство административного права в эту сферу всегда носит вторичный, корректирующий характер. Поэтому определить административно-правовое регулирование предпринимательства можно лишь через перечень конкретных мер государственного воздействия: регистрация, лицензирование, контроль, надзор, ответственность. Но такой перечислительный подход не выдерживает критики, поскольку с появлением новых институтов – регуляторных песочниц, налоговых спецрежимов, механизмов государственно-частного партнерства – список приходится постоянно расширять, а само понятие так и не обретает стабильного ядра.

Проблема усугубляется тем, что в российском законодательстве нормы административного и гражданского права сплетены в единых актах. В законах о приватизации, о торговле, об особых экономических зонах административное решение служит основанием для возникновения гражданско-правовых обязательств, а меры ответственности применяются по правилам Гражданского кодекса. М.И. Брагинский и В.В. Витрянский справедливо указывали, что «даже при наличии указания в законе о применении к отдельным правоотношениям норм, содержащихся в гражданском законодательстве, данные правоотношения не становятся по своей природе гражданскими» [1, с. 19]. На практике же суды и органы власти нередко игнорируют это положение, распространяя нормы ГК РФ на споры, возникающие из публично-правовых отношений. Отсутствие в административном праве системообразующего кодифицированного акта, аналогичного Гражданскому кодексу РФ, делает такие ошибки практически неизбежными.

Содержательную сторону административно-правового регулирования предпринимательства раскрывает концепция административно-правовых режимов. В.Д. Мельгунов выделяет пять таких режимов: легализацию деятельности, обеспечение безопасности, защиту прав хозяйствующих субъектов, фискальную сферу и государственный протекционизм [3, с. 64]. Эта классификация отражает реалии административной практики конца 2000-х годов, но уже сегодня выглядит неполной. В нее не вписываются институты риск-ориентированного контроля, механизмы регуляторных песочниц, налоговые спецрежимы, а также новые формы протекционизма –например, импортозамещение через административные барьеры. Более того, само деление на режимы предполагает, что государство действует преимущественно через властные предписания. Между тем в последние годы все более заметна тенденция к замене прямого запрета или разрешения на формирование правового статуса субъекта, от которого зависит объем его обязанностей и возможностей.

Эта трансформация затрагивает и саму природу административного принуждения. Если раньше господствовала модель «команды и контроля», то теперь государство все чаще действует через дифференциацию статусов, профилактику и стимулирование. Ю.Н. Старилов еще в конце 1990-х годов писал об изменении управленческого воздействия в направлении более «ограниченного и целесообразного вмешательства в сферу экономики» [5, с. 184]. Сегодня эта тенденция проявилась в масштабе, который трудно было предвидеть: внедрение риск-ориентированного подхода в контрольно-надзорную деятельность, отмена излишних разрешений, переход к уведомительному порядку. Однако теория административного права пока не дала критериев, позволяющих отличить законное стимулирование от скрытого принуждения. Когда отсутствие административного статуса (например, уполномоченного экономического оператора) фактически блокирует доступ на рынок, речь идет о свободе или о новой форме лицензирования? Ответ на этот вопрос имеет не только теоретическое, но и прямое практическое значение для бизнеса.

Законодательное оформление административно-правового регулирования предпринимательства остается разрозненным. Общие положения разбросаны по Кодексу об административных правонарушениях Российской Федерации, отдельным федеральным законам и многочисленным подзаконным актам. Идея принятия Административного кодекса, высказывавшаяся в доктрине еще десять-пятнадцать лет назад, так и не реализовалась. В результате каждая новая сфера бизнеса – будь то цифровые активы, смарт-контракты или платформенная экономика – вынуждена вписываться в прокрустово ложе старых административных процедур. Смарт-контракт, исполняемый автоматически по заданному алгоритму, не нуждается в традиционном разрешении органа власти, но при этом порождает риски, которые классическая модель контроля и надзора способна выявить лишь постфактум. Здесь административное право сталкивается с выбором: либо расширять сферу предварительного контроля до абсурда, либо признать, что для цифровых инструментов нужны принципиально иные механизмы регулирования.

Все это ставит перед теорией административного права задачу, которую она пока не решила. Необходим переход от описания отдельных институтов (лицензирования, регистрации, контроля) к объяснению общих механизмов балансирования публичных и частных интересов в сфере предпринимательства. Такое объяснение должно учитывать, что современное административно-правовое регулирование оперирует не только запретами и предписаниями, но и статусами, стимулами, алгоритмами. Понятие режима требует пересмотра: оно должно включать не только традиционные властные конструкции, но и гибкие механизмы, адекватные цифровой экономике. Без этой теоретической работы практика будет и дальше опережать законодательство, а предприниматели – оказываться в ситуации неопределенности, когда формально действующие административные барьеры блокируют технологически возможное, но правом не урегулированное.

Таким образом, обобщая вышеизложенное, будет логичным сделать вывод о том, что административно-правовое регулирование предпринимательской деятельности – это механизм публично-правового воздействия на экономику, специфика которого определяется не декларируемыми целями защиты публичных интересов, а особым инструментарием: совокупностью властных предписаний, корректирующих гражданско-правовой оборот в сфере бизнеса. Его содержание раскрывается через систему административно-правовых режимов, однако классическая модель «регистрация – лицензирование – контроль» уже не охватывает всего многообразия государственного воздействия. Цифровизация экономики выводит регулирование за рамки привычных конструкций: смарт-контракты, алгоритмические системы принятия решений и цифровые активы не укладываются в логику дискреционной власти должностного лица, а потому требуют иного правового осмысления. Сущность данного регулирования заключается в балансировании публичных и частных интересов посредством административно-правовых средств, применимых к предпринимательским отношениям независимо от технологической формы их реализации.

Теоретическая проработанность института сдерживается отсутствием системного нормативного закрепления его общих оснований и пределов. Принятие Административного кодекса, очертившего бы границы вмешательства государства в экономику, позволило бы преодолеть фрагментарность как законодательства, так и доктрины. Пока регулирование развивается отдельными подзаконными актами под конкретные сферы бизнеса, теория остается на уровне перечисления разрозненных институтов. Практический вывод исследования – в необходимости пересмотра классификации административно-правовых режимов предпринимательства с учетом цифровых форм государственного воздействия и выработки четких критериев отграничения административно-правового регулирования от гражданско-правового и иных публично-правовых механизмов. Это создаст предпосылки для единой методологии исследования и сделает правоприменительную практику предсказуемой по отношению к любым –традиционным или цифровым – формам предпринимательства.

Литература

1. Брагинский, М.И. Договорное право. Книга первая: Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – М.: Статут, 1997. – 682 с.

2. Ермолаева, О.Н. Административно-правовые основы предпринимательской деятельности / О.Н. Ермолаева // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2011. – № 5. – С. 82–92.

3. Мельгунов, В.Д. Административно-правовое регулирование и административно-правовые режимы в сфере предпринимательской деятельности / В.Д. Мельгунов. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 160 с.

4. Прасковьин, Д. А. К теории вопроса о сущности административно-правового регулирования предпринимательской деятельности в России / Д.А. Прасковьин // Социально-экономические процессы современного общества: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. – Чебоксары: Издательский дом «Среда», 2024. – С. 255–257.

5. Старилов, Ю.Н. Административное право: в 2 ч. Ч. 1. История. Наука. Предмет. Нормы / Ю.Н. Старилов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1998. – 432 с.

CONCEPT AND ESSENCE OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITIES

Nosachev V.V.

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

This article provides a theoretical understanding of the administrative-legal regulation of entrepreneurial activity as an independent legal phenomenon. Unlike the prevailing doctrinal approach, which reduces this regulation to the protection of public interests, this work emphasizes its instrumental nature – a set of authoritative regulations that regulate civil-law transactions in the business sphere. The relationship between administrative and civil law norms in regulating entrepreneurial relations is analyzed, and the causes of law enforcement conflicts arising from the extension of civil-law structures to public-law relations are identified. Attention is paid to the transformation of administrative-legal regimes under the influence of digitalization: the emergence of smart contracts, digital assets, and algorithmic decision-making procedures takes entrepreneurship beyond traditional permitting and supervisory procedures, requiring a rethinking of the boundaries of state intervention. The work substantiates the need to move from the enumeration of individual institutions to a unified methodology for balancing public and private interests and points to the urgent need for a systemic normative consolidation of the limits of administrative-legal regulation of the economy.

Keywords: administrative and legal regulation, entrepreneurial activity, administrative and legal regimes, digital economy, smart contracts, public interests, government intervention.

References

1. Braginsky, M.I. Contract Law. Book One: General Provisions / M.I. Braginsky, V.V. Vitryansky. – Moscow: Statut, 1997. – 682 p.

2. Ermolaeva, O.N. Administrative and Legal Foundations of Entrepreneurial Activity / O.N. Ermolaeva // Bulletin of Moscow University. Series 11: Law. – 2011. – No. 5. – Pp. 82–92.

3. Melgunov, V.D. Administrative and Legal Regulation and Administrative and Legal Regimes in the Sphere of Entrepreneurial Activity / V.D. Melgunov. – Moscow: Wolters Kluwer, 2008. – 160 p.

4. Praskov'in, D.A. On the Theory of the Essence of Administrative-Legal Regulation of Entrepreneurial Activity in Russia / D.A. Praskov'in // Socio-Economic Processes of Modern Society: Proceedings of the II All-Russian Scientific-Practical Conference. – Cheboksary: Publishing House "Sreda", 2024. – Pp. 255–257.

5. Starilov, Yu.N. Administrative Law: in 2 Parts. Part 1. History. Science. Subject. Norms / Yu.N. Starilov. – Voronezh: Publishing House of Voronezh. state University, 1998. – 432 p.ë

Система субъектов обеспечения безопасности на объектах водного транспорта: структурно-функциональный анализ

Сотникова Юлия Васильевна,
адъюнкт адъюнктуры, кафедра административного права,
Санкт-Петербургского университета, МВД России
E-mail: gals1.spb@mail.ru

В статье автор проводит структурно-функциональный анализ системы субъектов, ответственных за обеспечение безопасности на объектах водного транспорта. Исследуются нормативно-правовая база и проводится классификация ключевых участников этой системы – от федеральных органов исполнительной власти до судовладельцев и администраций морских и речных портов. В статье детально исследуются функции, зоны ответственности и полномочия субъектов безопасности. На основе проведенного анализа предложены практические рекомендации по оптимизации структуры управления, взаимодействию и повышению координации деятельности субъектов обеспечения безопасности на объектах водного транспорта.

Ключевые слова: органы внутренних дел, транспортная безопасность, водный транспорт, субъекты безопасности, обеспечение безопасности, объекты транспортной инфраструктуры, структурно-функциональный анализ.

Функционирование субъектов обеспечения безопасности на водном транспорте в РФ осуществляется на стыке экономики (экономических целей) технологий (применение собственных способов деятельности, режимов работы, последовательность действий) и политики и геополитики.

Деятельность множества субъектов экономического хозяйствования и обеспечения безопасности (Минтранс, Росморречфлот, ФСБ (пограничная служба), МЧС, Роспотребнадзор, частные компании) требуют четкой координации, которая достигается с наличием ряда проблем.

Административно-правовое регулирование деятельности субъектов экономического хозяйствования и, соответственно, субъектов обеспечения безопасности, опирающиеся в своей деятельности на регламенты и стандарты, отстает от технологических реалий (особенно проявляется в сфере кибербезопасности водной транспортной инфраструктуры, морских и речных судов, использования беспилотных летательных аппаратов).

У отдельных субъектов обеспечения безопасности на водном транспорте функции и зоны ответственности пересекаются, что приводит к дублированию или, наоборот, к зонам, не имеющих субъектов ответственности, своего рода «ничейных» зон. Это касается, прежде всего, к угрозам безопасности технического характера.

Объекты водной транспортной инфраструктуры, водные суда относятся к сложным системам с плотной взаимосвязью компонентов. В силу этого неизбежны аварии и сбои в работе. В научной работе Чарльза Перроу «Нормальные аварии» анализируются сложные системы как атомные станции, морской транспорт, иные объекты, в которых из-за плотной взаимосвязи компонентов неизбежны аварии по причине непредсказуемых взаимодействий между элементами системы. Сбой в одной части системы молниеносно, а нередко и неожиданно, влияет на функционирование других. Нередки случаи, когда пожары, аварии, отказ технических агрегатов связан с отказом, поломкой каких-то частей механизма. Например, в условиях штормовой погоды и пониженной видимости на судне могут выйти из строя средства радиосвязи, факсимильная аппаратура, радиолокационная станция, что может стать причиной возникновения аварийной ситуации (столкновения судов, посадки на мель и др.) [1, с. 176].

Данные аварии могут носить такой характер, когда специалистам необходимо принимать неотложные действия по устранению причин аварии и ее локализации. Однако могут возникнуть случаи неясности по зонам ответственности и лицам, несущим ответственность в сложившихся обстоятельств. В этих условиях ситуации, не предусмотренные инструкциями, невозможно профессионально решить, так как ставится вопрос: «Чья это зона ответственности?». Вот и возникают «ничейные» зоны для принятия решений, что ведет к эскалации инцидента.

Группа английских ученых, описывая данное явление, называют его «разрывом ответственности» («responsibility gaps»). При пересечении полномочий и функций субъектов безопасности этот «разрыв ответственности» может проявляться в конкретных обстоятельствах опасности, аварий, когда у одного субъекта возникает суждение, что другой субъект решил проблему, ликвидировал угрозу, а в действительности нет – угроза, опасность могут не попадать четко ни в одну из существующих формальных зон ответственности, создавая «ничейную» [2].

В качестве примеров возникших «разрывов ответственности» можно привести следующее.

Так, с появлением новых цифровых систем на морских и речных судах возникла новая угроза – кибератаки. Традиционно безопасность судна делилась на навигационную безопасность (ответственность капитана и вахтенных офицеров), техническую безопасность [3] (судовые механики) и физическую безопасность (должностное лица по безопасности организации из числа командного состава судна) [4].

Кроме того, согласно подпункту 2 пункта 3 статьи федерального закона от 3 февраля 2025 года № 4-ФЗ «О безопасности людей на водных объектах», лица, управляющие маломерными судами, обязаны, в частности, обеспечивать безопасность людей при посадке на судно, высадке с судна и в период пребывания на судне [5].

Кибербезопасность охватывает все эти сферы, но часто не является прямой ответственностью ни одного из обозначенных выше традиционных субъектов. Судовой IT-специалист может отвечать за работоспособность сетей, но не за безопасность как таковую. Это создает классическую «ничейную зону», где угрозы могут оставаться без внимания до тех пор, пока не произойдет инцидент.

Необходимо подчеркнуть системную природу проблемы: аварии и инциденты на водном транспорте, особенно при паромных перевозках, редко являются следствием единичной ошибки. Чаще это результат «цепочки неудач», в которую вносят вклад недостатки на уровне судовладельца (экономия на техническом обслуживании, нарушение режимов труда экипажа), порта (несовершенство инфраструктуры, сбои в организации движения), и регулятора (формализм контрольных процедур, недостаточная частота проверок). Современная правовая доктрина движется в сторону признания долевой (множественной) ответственности всех участников системы.

Например, обеспечение безопасности паромных перевозок требует интегрированного подхода, охватывающего все звенья технологической цепи: подготовку судна и экипажа (зона ответственности судовладельца), безопасность портовой инфраструктуры и лоцманскую проводку (зона ответственности порта), эффективность лицензирования, инспекционного и надзорного контроля (зона ответственности регулятора – Ространснадзора, администраций морских портов).

Не следует оставлять без внимания оценку деятельности самого регулятора. Ространснадзор как орган государственного контроля осуществляет надзор за соблюдением как судовладельцами, так и портовыми операторами требований законодательства о безопасности мореплавания. Однако его ответственность носит субсидиарный и ретроспективный характер – она наступает лишь при доказанности недобросовестности или небрежности самого контролирующего органа. Это создает ситуацию, когда основное бремя ответственности de facto несут хозяйствующие субъекты (судовладелец, порт), а регулятор выступает в роли «надзирателя», чья ответственность трудно доказуема.

Данные выводы позволяют признать комплексный и многоуровневый характер ответственности за безопасность на водном транспорте. Отсюда вытекают ключевые концептуальные положения:

1. Дуализм юрисдикции: субъекты одновременно находятся под юрисдикцией государства флага (через судовладельца) и государства порта (через регулятор и портовые власти).

2. Переплетение частного и публичного права: гражданско-правовая ответственность судовладельца перед пассажиром существует параллельно с его административной ответственностью перед государством за нарушение правил безопасности.

3. Наличие «пограничных зоны» ответственности: наибольшие правовые сложности возникают на стыках компетенций (судно-причал, управление судном – управление движением в акватории).

4. Субсидиарность ответственности регулятора: ответственность государственных контролирующих органов является вторичной и наступает лишь при доказанности их вины в осуществлении ненадлежащего надзора. Эти выводы, сформулированные в основном применительно к морскому транспорту в целом, в полной мере относятся и к паромным перевозкам, которые представляют собой особо рискованный вид пассажирских перевозок ввиду их массовости, частоты рейсов и сложности операций погрузки-выгрузки.

Разберем один из примеров расхождения интересов (конфликта интересов) субъектов, так или иначе связанных с обеспечение безопасности на морском транспорте.

Морское судно, заходящее в порт, взаимодействует с множеством субъектов обеспечения безопасности, каждый из которых имеет свои цели, задачи, регламенты и ведомственную подчиненность. Действительно, администрации портов, пограничная служба ФСБ России, Таможенная служба России, Роспотребнадзор, Госморпортнадзор (Госморречнадзор), Россельхознадзор, Служба по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан МВД России, ФСБ России, и другие субъекты осуществляют свои функции на водном транспорте.

Так, структуры государственного контроля и надзора ориентированы на режимность и контроль, а администрации портов и коммерческие компании нацелены на эффективность и скорость грузооборота.

К.К. Асанова и Н.Б. Куроптев отмечают, что «ключевым фактором, который определяет конкурентную привлекательность морского порта, выступает скорость перевалки грузов. Но кроме обустройства и степени развитости портовой инфраструктуры существенное влияние на нее оказывает также время проведения отдельных видов государственного контроля импортируемых и экспортируемых товаров» [6, с. 14].

Разнонаправленность интересов создает напряжение в отношениях между этими субъектами. Деятельность обозначенных субъектов осуществляется несинхронизированно (графики и процедуры расхожи), что приводит к простоям судов, влекущие существенные экономические издержки. Данная ситуация порождает конкуренцию между с интересами судовладельцев и грузоотправителей, заинтересованных в минимальном простое (день простоя судна стоит десятки тысяч долларов) и интересами контролирующих органов, нацеленных на тщательную проверку, что требует значительного времени [7, с. 65].

Разберем так называемые «группы полномочий» субъектов обеспечения безопасности по другим направлениям деятельности:

1 *по обеспечению охраны общественного порядка, противодействие преступности и терроризму:*

1.1 МВД России (через подразделения транспортной полиции) обеспечивают охрану общественного порядка на объектах водного транспорта, осуществляют досмотр пассажиров и багажа (при производстве по делам об административных правонарушениях), предупреждение и раскрытие преступлений общеуголовной направленности (кражи, хулиганство) [8, с. 817].

1.2 ФСБ России (пограничные органы, службы в портах) осуществляет режимно-пропускной и пограничный контроль в морских портах, противодействие терроризму, шпионажу, контрабанде.

1.3 Росгвардия (вневедомственная охрана) осуществляет физическую охрану отдельных критических объектов инфраструктуры по договорам, участие в антитеррористических мероприятиях.

1.4 Следственный комитет РФ осуществляет расследование подведомственных видов преступлений;

2 по обеспечению портовой безопасности:

2.1 Росморречфлот (и его территориальные органы – бассейновые управления) является органом государственного контроля и надзора, а

2.2 администрация морского порта (далее – АМП) как субъект транспортной инфраструктуры (СТИ) и хозяйствующий субъект управляет портом как имущественным комплексом, а именно осуществляет практическую организацию и обеспечение безопасности на своей территории:

– разрабатывает и исполняет план обеспечения транспортной безопасности порта.
– организует пропускной и внутриобъектовый режимы на территории порта.
– содержит инженерно-технические системы безопасности (заборы, КПП, CCTV, освещение).
– нанимает подразделение ведомственной охраны или ЧОП для физической охраны.
– взаимодействует с органами ФСБ, МВД, МЧС на территории порта.

АМП устанавливает на своей территории правила пропуска людей и транспорта.

Субсидиарность ответственности Росморречфлота, например, заключается в том, что он утверждает разработанный администрацией морского порта или службой капитана морского порта план обеспечения транспортной безопасности, без которого порт не может функционировать законно. Росморречфлот осуществляет надзор за портом как за объектом контроля. Эта основа всей функции контроля государственного органа. И за ненадлежащее осуществление контрольно-надзорных функций государственный регулятор должен нести субсидиарную ответственность в случаях нарушения подопечными обязательных и иных требований в сфере водного транспорта.

Например, ФГУЮ «Администрация морских портов Балтийского моря» согласно пункта 3.1 Устава ФБГУ «Администрация морских портов Балтийского моря» в качестве предмета деятельности имеет обеспечение организационного, материально-технического и финансового исполнения капитанами морских портов «Большой порт Санкт-Петербург», Приморск, Усть-Луга, Выборг, Высоцк, Пассажирский порт Санкт-Петербург и Калининград своих функций в соответствии с законодательством Российской Федерации. Целью деятельности Администрации является оказание услуг в обозначенных морских портах:

– по обеспечению безопасности мореплавания в морских портах и на подходах к ним;
– по обеспечению готовности к проведению аварийно-спасательных работ;
– по обеспечению транспортной безопасности акватории морских портов (пункт 3.2 Устава).

Для реализации указанных целей в соответствующих морских портах создается служба капитана морского порта, которая является структурным подразделение Администрации (пункт 3.3 Устава)[1].

Согласно статьи 76 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации капитан морского порта осуществляет функции по обеспечению транспортной безопасности акватории морского порта, в том числе принятие мер по предотвращению, прекращению незаконных на-

[1] Устав ФБГУ «Администрация морских портов Балтийского моря» // https://www.pasp.ru/d/26909/d/ustav_amp_2016.pdf.

хождения и передвижения морских и иных судов в акватории морского порта; по информированию уполномоченных в области транспортной безопасности федеральных органов исполнительной власти об угрозе совершения или о совершении актов незаконного вмешательства в морском порту [9].

Кроме того, все распоряжения капитана морского порта по относящимся к его полномочиям вопросам обязательны для всех находящихся в порту судов, организаций и граждан (ст. 78 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации). Отдельные полномочия по обеспечению портовой безопасности предусмотренной в службе капитана морского порта структурное подразделение «Инспекция государственного портового контроля (ИГПК)» (на примере «Большой порт Санкт-Петербург»), созданная для осуществления государственного портового контроля как по отношению к иностранным судам, так и по отношению к судам под российским флагом.

Среди основных задач ИГПК следует отметить:
– проверка наличия и действительности судовых документов;
– защита морской среды от загрязнения с судов;
– проведение осмотров российских судов;
– проведение осмотров иностранных судов, находящихся в морском порту «Большой порт Санкт-Петербург»;
– проверка устранения имеющихся у судна несоответствий по данным информационных систем;
– оформление разрешения судну на плавание в акватории морского порта;
– оформление разрешения судну на длительную стоянку в морском порту;
– контроль за соблюдением судами требований «Общих правил…» и «Обязательных постановлений в морском порту»;
– привлечение к административной ответственности в соответствии с положениями КоАП РФ;
– ввод информации о выполненных осмотрах иностранных и российских судов и другие полномочия[1].

При реагировании на различные инциденты и угрозы (напр., сообщение о минировании) АМП организуют осуществление мероприятия по эвакуации, оцеплению, поиску и другие действия по утвержденному плану обеспечения транспортной безопасности, которое реализуется службой капитана морского порта. При этом – АМП информируется Росморречфлот (и силовые структуры) об инциденте. В функции Росморречфлота входит осуществление анализа и оценки действий АМП, вырабатывают рекомендации по устранению недостатков и может инициировать внеплановую проверку по факту инцидента.

3 *по обеспечению судовой безопасности и промысловой безопасности:*

3.1 Росморречфлот осуществляет следующие полномочия:
– утверждает план обеспечения транспортной безопасности (ПОТБ) судна (для судов под российской юрисдикцией):
– ведет реестр категорированных ТС (судов);
– проводит проверки судов на соответствие требованиям ТБ и МК ОСПС (ISPS Code);
– выдает/аннулирует Международное свидетельство об охране судна (ISSC) российским судам.
– осуществляет надзор за судном как за объектом контроля.

3.2 Администрация морского порта через службу капитана морского порта) осуществляет полномочия, которые прямо относительно судовой безопасности не предусмотрены, но имеют отношение к ней:
– обеспечить условия для выполнения судном его плана охраны (например, предоставить охраняемый пирс, если того требует уровень безопасности судна);
– контролировать доступ на судно со стороны берега в своей зоне ответственности;
– требовать от судна соблюдения установленного в порту режима безопасности.

3.3 капитан морского судна – ключевой субъект организации судовой безопасности на морском судне, который обеспечивает безопасность судна, контролируя доступ с обоих бортов (со стороны воды и со стороны берега). Основные полномочия капитана судно по российскому законодательству предусмотрены в статьях 61–73 КТМ РФ. Таким образом, как высшее должностное лицо на судне капитан несет персональную и исключительную ответственность за безопасность судна, экипажа, пассажиров, груза и окружающей среды.

3.4 Федеральное агентство по рыболовству (Росрыболовство) как субъект обеспечения судовой безопасности осуществляет контроль безопасности промысловых судов. Полномочия агентства в области судовой безопасности носят не всеобъемлющий, а специализированный и отраслевой характер [10]. Они ограничены:
– категорией судов: суда рыбопромыслового флота (п. 1).
– областью применения: безопасность плавания и производственная деятельность в районах промысла при осуществлении рыболовства (п. 1, подпункты второй и третий; п. 5.5.27(1)).
– контекстом: связь с рыбохозяйственной деятельностью, охраной водных биоресурсов и их среды обитания.

Росрыболовство осуществляет:
– «государственный надзор за торговым мореплаванием в части обеспечения безопасности плавания судов рыбопромыслового флота в районах промысла при осуществлении рыболовства» (п. 1, второй абзац; п. 5.5.27(1)). Обеспечение безопасности плавания и аварийно-спасательных работ (п. 1, третий абзац);
– обеспечение безопасности производственной деятельности: В той же сфере услуг указано обеспечение безопасности «производственной деятельности на судах рыбопромыслового флота» (п. 1, третий абзац).

На основе проведенного анализа системы субъектов обеспечения безопасности на водном транспорте можно сформулировать следующие выводы.

1. Оценка качества обеспечения различных видов безопасности

Система характеризуется высокой степенью специализации и раздробленности. Качество обеспечения каждого отдельного вида безопасности (общественный порядок, портовая и судовая безопасность, промысловая безопасность) в рамках закрепленных полномочий, вероятно, является достаточным, однако страдает на стыках (местах общего соприкосновения, точек взаимодействия):

а) охрана общественного порядка и противодействие преступности/терроризму: обеспечивается преимущественно силовыми структурами (МВД, ФСБ, Росгвардия, Следственный комитет России) по их узкопрофильным направлениям. Качество высоко в рамках ведомственных задач, но зависит от четкости координации между самими этими структурами и с гражданскими администрациями;

б) портовая безопасность: модель разделения ответственности между государственным регулятором (Росморречфлот) и хозяйствующим субъектом (Администрация морского порта, АМП) в целом соответствует международной практике (МК ОСПС). Однако качество напрямую зависит от:
– эффективности надзора со стороны Росморречфлота;
– финансовых и организационных возможностей конкретной АМП;
– четкости взаимодействия АМП с капитаном порта и силовыми структурами. Существует риск формального подхода к выполнению требований из-за бюрократизированных процедур (утверждение планов) и потенциального дефицита ресурсов у АМП.

в) судовая безопасность: введена модель персональной ответственности капитана при надзоре со стороны Росморречфлота (общие суда) и Росрыболовства (промысловые суда). Это ясная и проверенная мировая практика. Однако проблема качества смещается в плоскость адекватности и своевременности контроля со стороны регуляторов и оснащенности судов необходимыми техническими средствами. Критически важным является качество взаимодействия капитана судна с силами безопасности порта в точке их соприкосновения (причал, рейд).

г) промысловая безопасность (Росрыболовство): обеспечивается в узком, но важном сегменте. Качество здесь обеспечивается глубиной отраслевой экспертизы, но ограничено рамками, не охватывающими общие вопросы транспортной безопасности, что создает «брешь» в комплексной защите промыслового судна.

Проведенный анализ субъектов обеспечения безопасности выявляет не просто разграничение, а сложную сеть пересекающихся зон ответственности, которые являются источниками системных проблем:

1. Проблема «множественности регуляторов» на судне: на одно судно (особенно промысловое) одновременно распространяются требования и надзорные функции:
– Росморречфлота (общая транспортная безопасность, безопасность мореплавания, МК ОСПС);
– Росрыболовства (промысловая безопасность, безопасность плавания в районах промысла);
– ФСБ России (пограничный и режимный контроль, антитерроризм);
– МВД России (борьба с преступностью на борту).

Это создает высокую административную нагрузку на судовладельца и капитана и требует от них постоянного учета требований разных ведомств.

2. Проблема «серой зоны» на границе судна и порта.

Полномочия четко разделены: капитан судна отвечает за безопасность на борту, АМП (капитан порта) – за территорию и акваторию

[1] «Большой порт Санкт-Петербург» // https://www.pasp.ru/gosudarstvennyy_kontrol_sudov

порта. Однако на практике множество инцидентов (попытка проникновения, обнаружение подозрительного предмета у борта) происходят на границе этих зон (трап, причальная линия).

3. Проблема координации силовых структур: при инциденте в порту (например, сообщение о минировании) АМП действует по своему плану, привлекая силы охраны. Параллельно обязана информировать Росморречфлот, ФСБ России, МВД России.

4. Проблема «двойного стандарта» для промыслового флота: Росрыболовство, будучи узкоотраслевым регулятором, фокусируется на промысле. Образуется правовой и организационный вакуум: капитан промыслового судна обеспечивает и контролирует на промысловом судне выполнение общих требований транспортной безопасности (план, оценка уязвимости, защита от НВ). Однако существует реальная опасность ослабления режима транспортной безопасности на значительном сегменте флота из-за неполного охвата его единой регуляторной системой.

5. Проблема ответственности регулятора (Росморречфлот): вопрос о «субсидиарной ответственности» Росморречфлота за ненадлежащий надзор – важный теоретический тезис. Однако на практике доказывание вины регулятора сложно реализуемо. Качество надзора может страдать из-за недостатка ресурсов, кадров, а его эффективность часто оценивается по формальным показателям (количество проверок, утвержденных планов), а не по реальному уровню защищенности.

Таким образом, функционирующая система обеспечения безопасности на объектах водного транспорта является сложносоставной, ведомственно-разделенной и нормативно перегруженной. Ее основная сила – в глубокой специализации субъектов. Ее основная слабость – в системных дисфункциях на уровне взаимодействия между этими субъектами.

Литература

1. Perrow, C. (1984). Normal Accidents: Living with High-Risk Technologies. New York: Basic Books. 386 p.

2. Hollnagel, E., Woods, D. D., Leveson, N. (2006). Resilience Engineering: Concepts and Precepts. Aldershot, UK: Ashgate. 416p. (Холлнагель Э, Вудс Д.Д., Левесон Н. Инжиниринг отказоустойчивости: концепции и предписания. Олдершот, Великобритания: Эшгейт, 2006. 416 с.

3. Об утверждении технического регламента о безопасности объектов внутреннего водного транспорта: постановление Правительства Российской Федерации от 17 июня 2025 г. № 903 // Собрание законодательства Российской Федерации 23 июня 2025 г. № 25, ст. 3417.

4. Об утверждении требований по обеспечению транспортной безопасности, учитывающих уровни безопасности для транспортных средств морского и внутреннего водного транспорта: постановление Правительства РФ от 8 октября 2020 г. № 1637 // Собрание законодательства Российской Федерации от 19 октября 2020 г. N 42 (часть III) ст. 6603.

5. О безопасности людей на водных объектах: федеральный закон от 03 февраля 2025 г. № 4-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации 10 февраля 2025 г. № 6, ст. 407.

6. Асанова К.К., Куроптев Н.Б. Основные направления совершенствования государственного контроля в российской федерации и их влияние на конкурентоспособность морских портов // Бюллетень инновационных технологий. 2022. № 3 (23). С. 14–18.

7. Землин А.И., Землина О.М. Правовое обеспечение контрольно-надзорной деятельности: на примере транспорта. М.: Русайнс, 2022. 224 с.

8. Степаненко Ю.В. Органы внутренних дел на транспорте в системе обеспечения специальных административно-правовых режимов // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): сборник статей по материалам междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 24 марта 2023 г.) / под общ. ред. А.И. Каплунова; сост.: А.И. Каплунов, А.О. Дрозд, Н.М. Крамаренко, Э.Х. Мамедов. – СПб., 2023. – С. 817–822.

9. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ (в ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 18. – Ст. 2207.

10. Положение о Федеральном агентстве по рыболовству: постановлением Правительства Российской Федерации от 11 июня 2008 г. № 444 // Собрание законодательства РФ, 23 июня 2008 года, № 25, ст. 2979.

THE SYSTEM OF SAFETY SUBJECTS AT WATER TRANSPORT FACILITIES: STRUCTURAL AND FUNCTIONAL ANALYSIS

Sotnikova Yu.V.
St. Petersburg University

In the article, the author conducts a structural and functional analysis of the system of entities responsible for ensuring safety at water transport facilities. The regulatory framework is examined, and the key participants in this system are classified – from federal executive authorities to shipowners and the administrations of sea and river ports. The article provides a detailed examination of the functions, areas of responsibility, and powers of the security entities. Based on the analysis, practical recommendations are proposed for optimizing the management structure, improving interaction, and enhancing the coordination of the activities of entities responsible for ensuring safety at water transport facilities.

Keywords: internal affairs bodies, transport security, water transport, security entities, ensuring security, transport infrastructure facilities, structural and functional analysis.

References

1. Perrow, C. (1984). Normal Accidents: Living with High-Risk Technologies. New York: Basic Books. 386 p.

2. Hollnagel, E., Woods, D. D., Leveson, N. (2006). Resilience Engineering: Concepts and Precepts. Aldershot, UK: Ashgate. 416 p. (Hallnagel E., Woods D.D., Leveson N. Fault Tolerance Engineering: Concepts and Precepts. Aldershot, UK: Ashgate, 2006. 416 p.

3. On approval of the technical regulations on the safety of inland waterway transport facilities: Decree of the Government of the Russian Federation dated June 17, 2025 No. 903 // Collection of Legislation of the Russian Federation on June 23, 2025 No. 25, art. 3417.

4. On approval of requirements for ensuring transport safety, taking into account the safety levels for marine and Inland Waterway vehicles Transport: Decree of the Government of the Russian Federation of October 8, 2020 No. 1637 // Collection of Legislation of the Russian Federation of October 19, 2020 No. 42 (Part III) art. 6603.

5. On the safety of people at water bodies: Federal Law No. 4-FZ dated February 3, 2025 // Collection of Legislation of the Russian Federation, February 10, 2025, No. 6, Art. 407.

6. Asanova K.K., Kuropetev N.B. Main directions for improving state control in the Russian Federation and their impact on the competitiveness of seaports // Bulletin of Innovative Technologies. 2022. No. 3 (23). Pp. 14–18.

7. Zemlin A.I., Zemlina O.M. Legal Support for Control and Supervisory Activities: A Case Study of Transport. Moscow: Rusyns, 2022. 224 p.

8. Stepanenko Yu.V. Internal Affairs Bodies in Transport in the System of Ensuring Special Administrative and Legal Regimes // Current Problems of Administrative and Administrative Procedural Law (Sorokin Readings): collection of articles based on the materials of the international scientific and practical conference (Saint Petersburg, March 24, 2023) / edited by A.I. Kaplunov; compiled by: A.I. Kaplunov, A.O. Drozd, N.M. Kramarenko, E. Kh. Mamedov. – St. Petersburg, 2023. – Pp. 817–822.

9. The Merchant Shipping Code of the Russian Federation dated April 30, 1999, No. 81-FZ (as amended on July 31, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1999. – No. 18. – Art. 2207.

10. Regulations on the Federal Agency for Fisheries: approved by Resolution No. 444 of the Government of the Russian Federation dated June 11, 2008 // Collection of Legislation of the Russian Federation, June 23, 2008, No. 25, Article 2979.

Правовые модели противодействия современным угрозам национальной безопасности в России и ОАЭ: конституционно-правовой аспект

Титов Владимир Денисович,
Южно-Российский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ЮРИУ РАНХиГС); ведущий юрисконсульт МКУ «Дирекция по строительству объектов транспортной инфраструктуры г. Ростова-на-Дону»
E-mail: vovatitov14092004@gmail.ru

В статье предпринята попытка сравнительно-правового анализа конституционно-правовых моделей противодействия современным угрозам национальной безопасности в Российской Федерации и Объединённых Арабских Эмиратах. Исследование охватывает институциональные основы, закреплённые в стратегических документах и законодательстве обеих стран, включая полномочия органов стратегического планирования и правовые режимы противодействия угрозам. Особое внимание уделено миграционной политике как неотъемлемому элементу системы национальной безопасности. Автором выявлены сходства и различия в подходах России и ОАЭ к правовому регулированию в рассматриваемой сфере, сформулированы предложения по совершенствованию российского законодательства с учётом позитивного опыта ОАЭ.

Ключевые слова: национальная безопасность, конституционно-правовое регулирование, Совет Безопасности, Высший совет национальной безопасности, миграционная политика, противодействие угрозам, сравнительно-правовой анализ, Россия, ОАЭ.

Приоритет обеспечения национальной безопасности в условиях трансформации международных отношений, агрессивное нарастание новых угроз, переформатирование системы глобального управления безусловен. Конституционно-правовое регулирование данной сферы определяет институциональные механизмы, стратегические приоритеты и правовые режимы, в рамках которых осуществляется противодействие национальным угрозам. Исследовательский интерес в этом контексте представляет сравнительный анализ подходов России и Объединённых Арабских Эмиратов, поскольку обе страны в последние десятилетия демонстрируют активное обновление стратегических документов и законодательства в области национальной безопасности.

Актуальность темы настоящей статьи выражается в следующем. Во-первых, Россия и ОАЭ находятся в схожих условиях геополитической нестабильности, однако избирают различные стратегии адаптации к новым реалиям. Во-вторых, обе страны имеют разветвлённую систему органов, обеспечивающих национальную безопасность, но институциональные модели этих систем существенно различаются. В-третьих, опыт ОАЭ в сфере миграционного контроля и противодействия экстремизму представляет несомненный интерес для осмысления возможных путей совершенствования российского законодательства [2]. Наконец, заключённое между государствами Соглашение о торговле услугами и инвестициях 2025 года создаёт объективную потребность в согласовании правовых подходов в смежных сферах, включая вопросы безопасности [3].

Российская модель конституционно-правового регулирования национальной безопасности имеет глубокие исторические корни и опирается на фундаментальные положения Конституции Российской Федерации. В соответствии со статьёй 80 Основного закона Президент Российской Федерации выступает гарантом безопасности государства, а статья 83 закрепляет его полномочия по формированию и руководству Советом Безопасности [4]. Федеральный закон «О безопасности» от 28 декабря 2010 года установил правовые основы деятельности органов государственной власти в рассматриваемой сфере, определив, в частности, что Совет Безопасности осуществляет подготовку решений Президента и координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти [5]. Базовым документом стратегического планирования выступает Стратегия национальной безопасности, утверждённая Указом Президента от 2 июля 2021 года [6]. В ней закреплены понятия национальных интересов, стратегических приоритетов и угроз, а также выделены девять приоритетных направлений государственной политики в рассматриваемой сфере [7].

Анализ российской модели позволяет сделать вывод о том, что её ключевая особенность заключается в широком толковании самого понятия «национальная безопасность». В отличие от узкого понимания, характерного для многих зарубежных правовых систем, российский законодатель включает в содержание этого термина не только традиционные военные и политические аспекты, но и социально-экономические, культурные, демографические и даже духовно-нравственные факторы. Такой подход, на наш взгляд, в целом соответствует современным реалиям, в которых угрозы носят комплексный, многоаспектный характер и не могут быть сведены к какому-либо одному измерению. Вместе с тем мы полагаем, что чрезмерная широта Стратегии создаёт определённые риски её превращения в декларативный документ, если она не будет сопровождаться конкретными механизмами реализации и мониторинга. В этом смысле показательно, что Стратегия 2021 года в значительно большей степени, чем предыдущая редакция 2015 года, ориентирована на практические инструменты достижения поставленных целей, однако вопрос об эффективности этих инструментов остаётся открытым и требует дальнейшего эмпирического исследования.

Центральное место в институциональной системе обеспечения национальной безопасности России занимает Совет Безопасности, созданный ещё в 1992 году и реорганизованный в соответствии с федеральным законом «О безопасности» [8]. Полномочия этого органа включают анализ угроз, координацию деятельности правоохранительных органов, подготовку проектов решений Президента, мониторинг реализации Стратегии и подготовку ежегодных докладов главе государства [9]. Секретарь Совета Безопасности представляет Президенту

доклад о состоянии национальной безопасности и мерах по её укреплению, что обеспечивает постоянный мониторинг ситуации и возможность оперативного реагирования на новые вызовы [10]. Эффективность этой модели определяется степенью реального влияния Совета Безопасности на процесс принятия решений. Поскольку Совет возглавляется непосредственно Президентом, его решения, по сути, приобретают обязательный характер для всех федеральных органов исполнительной власти. Однако мы считаем, что остаётся недостаточно проработанным вопрос о механизмах взаимодействия Совета Безопасности с институтами гражданского общества и предпринимательским сообществом, которые также являются субъектами обеспечения национальной безопасности в широком смысле этого понятия.

В Объединённых Арабских Эмиратах конституционно-правовое регулирование национальной безопасности имеет иную историю и иные концептуальные основания. Конституция ОАЭ 1971 года (с последующими поправками) относит обеспечение безопасности и обороны к исключительной компетенции федеральных органов власти [11]. Статья 120 Конституции закрепляет полномочия Федерации в сфере обороны, а статья 121 определяет вопросы национальной безопасности как предмет ведения федеральных органов, что исключает возможность разрозненных действий отдельных эмиратов в этой сфере[12]. Центральное место в системе органов стратегического планирования занимает Высший совет национальной безопасности, созданный Федеральным указом-законом № 17 от 2006 года. Этот орган возглавляется Президентом страны и включает вице-президента, заместителя верховного главнокомандующего, министров обороны, внутренних дел, иностранных дел и главу службы государственной безопасности [13]. Такое представительство обеспечивает межведомственную координацию на самом высоком уровне и позволяет принимать решения, учитывающие все аспекты национальной безопасности.

Полномочия Высшего совета национальной безопасности ОАЭ включают утверждение Стратегического плана национальной безопасности, координацию деятельности всех государственных органов в сфере безопасности, подготовку рекомендаций Президенту о введении военного положения [14]. Обращает на себя внимание тот факт, что законодатель ОАЭ предусмотрел четыре самостоятельных основания для введения военного положения, включая такие невоенные обстоятельства, как беспорядки за пределами страны, которые могут повлиять на внутреннюю ситуацию, стихийные бедствия и массовые эпидемии [15]. Такой подход свидетельствует о широком понимании экстраординарных ситуаций в эмиратском праве и о готовности государства применять специальные правовые режимы не только в условиях военной угрозы, но и при возникновении иных критических обстоятельств. При введении военного положения создаётся Исполнительный орган, наделённый полномочиями приостанавливать действие законов, вводить цензуру, ограничивать свободу передвижения и собраний, а также формируются военные суды для рассмотрения преступлений, совершённых в этот период [16].

Особого внимания заслуживает тот факт, что в 2021 году в ОАЭ была создана новая структура – Федеральный орган по вопросам идентификации, гражданства, таможни и безопасности портов (ICP), объединивший несколько ранее существовавших ведомств [17]. В 2025 году принято Кабинетное постановление № 2156, детализирующее требования к безопасности портов, границ и свободных зон [18]. Этот пример, на наш взгляд, демонстрирует прагматичный подход ОАЭ к организации системы национальной безопасности. В отличие от России, где стратегические документы носят более фундаментальный характер и охватывают широкий круг вопросов, ОАЭ делают акцент на создании конкретных структур с чётко очерченными полномочиями и гибкими механизмами реагирования на новые вызовы. Создание ICP и принятие постановления № 2156 свидетельствуют о стремлении эмиратского законодателя оперативно реагировать на угрозы, связанные с безопасностью свободных экономических зон, которые являются важнейшей частью экономической модели ОАЭ. Полагаем, что этот опыт заслуживает внимания при совершенствовании российской системы управления в сфере экономической безопасности.

Миграционная политика в обеих странах рассматривается как неотъемлемый элемент системы национальной безопасности, однако подходы к её правовому регулированию существенно различаются. В Российской Федерации Стратегия национальной безопасности определяет противодействие незаконной миграции и усиление контроля за миграционными потоками в качестве одной из приоритетных задач [19]. Изменения в законодательстве, принятые в 2024–2025 годах, существенно усилили ответственность за организацию незаконной миграции. Федеральный закон от 28 декабря 2024 года № 519-ФЗ расширил понятие государственной измены, включив содействие иностранным государствам в деятельности, направленной против безопасности России [20]. Вместе с тем мы считаем, что в российской модели миграционная политика рассматривается преимущественно как инструмент внутренней безопасности, направленный на предотвращение противоправной деятельности мигрантов. При этом остаётся недостаточно проработанным вопрос о связи миграционной политики с экономической безопасностью и демографическими целями. Представляется обоснованным вывод о том, что миграционная политика должна быть не только запретительной, но и стимулирующей, поощряющей приток квалифицированных кадров. В этом контексте опыт ОАЭ, активно привлекающих иностранных специалистов и создающих для них благоприятные условия, мог бы быть полезен для переосмысления подходов к миграционному регулированию.

В ОАЭ миграционная политика отличается жёсткостью и дифференцированным подходом к установлению ответственности за нарушения. Федеральный указ-закон № 29 от 2021 года «О въезде и проживании иностранцев» установил ответственность за укрывательство нелегальных мигрантов, предусмотрев штрафы от 100 000 до 5 000 000 дирхамов и тюремное заключение [21]. Примечательно, что предоставление жилья, работы или любой помощи, позволяющей нелегальному мигранту проживать в ОАЭ, приравнивается к уголовному преступлению, посягающему на национальную безопасность [22]. Такой подход создаёт эффективный механизм превентивного воздействия и существенно снижает стимулы для нарушения миграционного законодательства. Полагаем, что российское законодательство могло бы заимствовать этот подход, установив дифференцированную ответственность в зависимости от степени вовлечённости лица в организацию незаконной миграции. Кроме того, заслуживает внимания практика ОАЭ по созданию специализированного органа, объединяющего функции контроля за идентификацией, гражданством, таможней и безопасностью портов, что позволяет обеспечить комплексный подход к управлению миграционными процессами.

Противодействие экстремизму и терроризму также является важнейшим направлением государственной политики в области национальной безопасности как в России, так и в ОАЭ. В Российской Федерации правовую основу составляют Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» и Федеральный закон «О противодействии терроризму». Изменения, внесённые в Уголовный кодекс в 2024 году, ввели понятия «враг» и «присоединение к врагу», что, по всей видимости, отражает попытку законодателя адаптировать правовые инструменты к современным гибридным угрозам [23]. Однако мы полагаем, что подобные формулировки создают риски расширительного толкования и, как следствие, потенциального применения уголовной ответственности за действия, которые формально подпадают под новые определения, но не представляют реальной угрозы национальной безопасности. Статистика последних лет, согласно которой количество обвинительных приговоров по делам о государственной измене достигло 760, а дел о шпионаже – 159 в 2022–2025 годах, свидетельствует о существенном изменении правоприменительной практики [24]. Представляется необходимым разработать чёткие критерии разграничения уголовно наказуемых деяний и действий, не представляющих общественной опасности.

В ОАЭ Федеральный закон № 7 от 2014 года «О борьбе с террористическими преступлениями» предусматривает ведение так называемых местных террористических списков, причём включение в такие списки осуществляется без предварительного уведомления лица [25]. В апреле 2024 года в закон внесены поправки, ужесточающие наказания за пропаганду терроризма, включая пожизненное заключение [26]. Особенностью модели ОАЭ является превентивный характер мер: возможность включения в террористические списки без предварительного уведомления позволяет оперативно нейтрализовывать угрозы, однако создаёт риски нарушения процессуальных прав. Полагаем, что подобный подход возможен исключительно при наличии эффективного механизма судебного контроля после включения в список. Представляется обоснованным вывод о том, что российское законодательство, сохраняя баланс между превентивными мерами и процессуальными гарантиями, могло бы рассмотреть возможность ускоренных процедур судебного обжалования для лиц, включённых в «список террористов и экстремистов».

Проведённый анализ позволяет выделить несколько ключевых аспектов, отличающих правовые модели России и ОАЭ в сфере национальной безопасности. Институциональная структура в России построена на жёсткой вертикали власти с центральной ролью Президента и Совета Безопасности, тогда как в ОАЭ система характеризуется концентрацией полномочий в руках Высшего совета национальной безопасности, объединяющего ключевых должностных лиц. Российская Стратегия национальной безопасности делает акцент на защите суверенитета, противодействии санкционному давлению и информационным атакам, тогда как стратегические документы ОАЭ ориентированы

на привлечение иностранных инвестиций в сферу кибербезопасности и создание благоприятных условий для экономического развития. Миграционная политика ОАЭ отличается строгостью санкций за нарушения миграционного законодательства, тогда как в России акцент делается на адаптацию и интеграцию мигрантов. Законодательство ОАЭ о чрезвычайном положении предоставляет более широкие полномочия исполнительной власти, включая создание военных судов.

На наш взгляд, сравнительный анализ позволяет сделать вывод о том, что модели России и ОАЭ имеют общую институциональную основу – централизованное управление с участием высшего должностного лица. Однако различия в подходах связаны с особенностями политико-правовых систем, а также с разным уровнем интеграции в международные экономические процессы. В условиях растущей экономической интеграции между странами, включая заключённое Соглашение о торговле услугами и инвестициях, возникает объективная потребность в гармонизации подходов к противодействию трансграничным угрозам, включая киберпреступность, незаконную миграцию и финансирование терроризма [27].

Основываясь на анализе текущих тенденций, мы полагаем, что развитие правовых моделей национальной безопасности в России и ОАЭ будет идти по нескольким направлениям. Во-первых, цифровизация систем безопасности, предполагающая внедрение технологий искусственного интеллекта и больших данных в процессы прогнозирования и выявления угроз. Во-вторых, дальнейшее усиление антиотмывочного законодательства, обусловленное международными обязательствами и внутренними потребностями. В-третьих, развитие института «гибких» режимов безопасности – создание механизмов оперативного реагирования на новые угрозы без введения полноценного чрезвычайного положения. В-четвёртых, расширение международной координации в сфере безопасности между странами, в том числе в рамках действующих двусторонних соглашений.

Проведённое исследование позволяет утверждать, что Россия и ОАЭ выработали эффективные конституционно-правовые модели противодействия современным угрозам национальной безопасности. Институциональные механизмы в обеих странах демонстрируют высокую степень централизации и стратегического планирования. Миграционная политика рассматривается как важнейший элемент системы обеспечения национальной безопасности. Законодательство о противодействии экстремизму и терроризму регулярно обновляется в соответствии с текущими вызовами. Вместе с тем, как нам представляется, российская модель может существенно выиграть от заимствования отдельных элементов эмиратского опыта, прежде всего в части создания специализированных органов с узкой компетенцией и чёткими полномочиями, а также в части применения риск-ориентированного подхода в миграционной политике. Представляется целесообразным рассмотреть возможность создания в России специализированного федерального органа по контролю за миграционными потоками с функциями, аналогичными Федеральному органу по вопросам идентификации, гражданства, таможни и безопасности портов ОАЭ.

Дальнейшие исследования в этой области, на наш взгляд, должны быть направлены на мониторинг эффективности применения новых законодательных актов в условиях глобальной нестабильности, а также на анализ практики правоприменения в сфере кибербезопасности и противодействия финансированию терроризма. Особый интерес представляет сравнительный анализ эффективности превентивных мер, применяемых в России и ОАЭ, а также оценка их соответствия международным стандартам в области прав человека.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. – М.: Проспект, 2020. – 64 с.

2. Конституция Объединённых Арабских Эмиратов: принята 2 декабря 1971 г. (с изм. и доп.). – Абу-Даби, 1971. – 145 с.

3. О безопасности: Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1. – Ст. 2.

4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 27. – Ст. 5351.

5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 519-ФЗ.

6. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.

7. О противодействии терроризму: Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.

8. О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 26 (ч. I). – Ст. 3378.

9. Федеральный указ-закон Объединённых Арабских Эмиратов № 7 от 2014 г. «О борьбе с террористическими преступлениями» // UAE Legislation Portal. – URL: https://uaelegislation.gov.ae (дата обращения: 01.08.2026).

10. Федеральный указ-закон Объединённых Арабских Эмиратов № 17 от 2006 г. «О Высшем совете национальной безопасности» // UAE Legislation Portal. – URL: https://uaelegislation.gov.ae (дата обращения: 01.08.2026).

11. Федеральный закон Объединённых Арабских Эмиратов № 11 от 2009 г. «О военном положении» (Martial Law Law). – URL: https://uaelegislation.gov.ae/en/legislations/1967 (дата обращения: 01.08.2026).

12. Федеральный указ-закон Объединённых Арабских Эмиратов № 14 от 2021 г. «О создании Федерального органа по вопросам идентификации, гражданства, таможни и безопасности портов» (ICP Law) // UAE Legislation Portal. – URL: https://uaelegislation.gov.ae (дата обращения: 01.08.2026).

13. Федеральный указ-закон Объединённых Арабских Эмиратов № 29 от 2021 г. «О въезде и проживании иностранцев» // UAE Legislation Portal. – URL: https://uaelegislation.gov.ae (дата обращения: 01.08.2026).

14. Федеральный указ-закон Объединённых Арабских Эмиратов № 34 от 2021 г. «О борьбе с киберпреступлениями» // UAE Legislation Portal. – URL: https://uaelegislation.gov.ae (дата обращения: 01.08.2026).

15. Федеральный указ-закон Объединённых Арабских Эмиратов № 10 от 2025 г. «О противодействии отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения» // UAE Embassy, Washington, DC. – 2025.

16. Кабинетное постановление Объединённых Арабских Эмиратов № 2156 от 2025 г. «О безопасности портов, границ и свободных зон» // UAE Legislation Portal. – URL: https://uaelegislation.gov.ae (дата обращения: 01.08.2026).

17. Баранов П.П., Мамычев А.Ю., Довбыш А.В. и др. Конституционное право: учебник / под ред. П.П. Баранова, А.Ю. Мамычева. – М.: Юстиция, 2022. – 409 с.

18. Баранов П.П., Овчинников А.И., Мамычев А.Ю. Конституционно-правовая политика современной России: монография. – М.: ИНФРА-М, 2023. – 312 с.

19. Вельяминов Г.М. Международное экономическое право и процесс. – М.: Волтерс Клувер, 2020. – 496 с.

20. Звеков В.П. Международное частное право. – М.: Норма, 2022. – 704 с.

21. Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть. – М.: БЕК, 2021. – 432 с.

22. Тихомиров Ю.А. Международные договоры в правовой системе Российской Федерации. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 288 с.

23. Шумилов В.М. Право Всемирной торговой организации. – М.: Юрайт, 2023. – 512 с.

LEGAL MODELS FOR COUNTERING MODERN THREATS TO NATIONAL SECURITY IN RUSSIA AND THE UAE: CONSTITUTIONAL AND LEGAL ASPECT

Titov V.D.

South-Russian Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Directorate for the Construction of Transport Infrastructure Facilities in Rostov-on-Don

This article attempts a comparative legal analysis of constitutional and legal models for countering modern threats to national security in the Russian Federation and the United Arab Emirates. The study covers the institutional foundations enshrined in strategic documents and legislation of both countries, including the powers of strategic planning bodies and legal regimes for countering threats. Special attention is paid to migration policy as an integral element of the national security system. The author identifies similarities and differences in the approaches of Russia and the UAE to legal regulation in this area, and formulates proposals for improving Russian legislation taking into account the positive experience of the UAE.

Keywords: national security, constitutional and legal regulation, Security Council, Supreme Council of National Security, migration policy, countering threats, comparative legal analysis, Russia, UAE.

References

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020. – Moscow: Prospect, 2020. – 64 p.

2. Constitution of the United Arab Emirates: adopted on December 2, 1971 (as amended and supplemented). – Abu Dhabi, 1971. – 145 p.

3. On security: Federal Law of December 28, 2010 No. 390-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2011. – No. 1. – Art. 2.

4. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2021. – No. 27. – Art. 5351.

5. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of December 28, 2024 No. 519-FZ.

6. On Countering Extremist Activity: Federal Law of July 25, 2002 No. 114-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 30. – Art. 3031.

7. On Countering Terrorism: Federal Law of March 6, 2006 No. 35-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2006. – No. 11. – Art. 1146.

8. On Strategic Planning in the Russian Federation: Federal Law of June 28, 2014 No. 172-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2014. – No. 26 (Part I). – Art. 3378.

9. Federal Decree-Law of the United Arab Emirates No. 7 of 2014 "On Combating Terrorist Crimes" // UAE Legislation Portal. – URL: https://uaelegislation.gov.ae (accessed: 01.08.2026).

10. Federal Decree-Law No. 17 of 2006 of the United Arab Emirates on the Supreme Council of National Security // UAE Legislation Portal. – URL: https://uaelegislation.gov.ae (date of access: 01.08.2026).

11. Federal Law No. 11 of 2009 of the United Arab Emirates on Martial Law (Martial Law). – URL: https://uaelegislation.gov.ae/en/legislations/1967 (date of access: 01.08.2026).

12. Federal Decree-Law No. 14 of 2021 of the United Arab Emirates on the Establishment of the Federal Authority for Identification, Citizenship, Customs and Port Security (ICP Law) // UAE Legislation Portal. – URL: https://uaelegislation.gov.ae (date of access: 01/08/2026).

13. Federal Decree-Law No. 29 of 2021 of the United Arab Emirates "On the Entry and Residence of Foreigners" // UAE Legislation Portal. – URL: https://uaelegislation.gov.ae (date of access: 01/08/2026).

14. Federal Decree-Law No. 34 of 2021 of the United Arab Emirates "On Combating Cybercrime" // UAE Legislation Portal. – URL: https://uaelegislation.gov.ae (date of access: 01/08/2026).

15. United Arab Emirates Federal Decree-Law No. 10 of 2025 on Combating Money Laundering, Terrorist Financing and Proliferation Financing // UAE Embassy, Washington, DC. – 2025.

16. United Arab Emirates Cabinet Resolution No. 2156 of 2025 on Port, Border and Free Zone Security // UAE Legislation Portal. – URL: https://uaelegislation.gov.ae (date of access: 01.08.2026).

17. Baranov P.P., Mamychev A.Yu., Dovbysh A.V., et al. Constitutional Law: Textbook / edited by P.P. Baranov, A. Yu. Mamychev. – Moscow: Yustitsiya, 2022. – 409 p.

18. Baranov P.P., Ovchinnikov A.I., Mamychev A. Yu. Constitutional and Legal Policy of Contemporary Russia: Monograph. Moscow: INFRA-M, 2023. 312 p.

19. Velyaminov G.M. International Economic Law and Process. Moscow: Wolters Kluwer, 2020. 496 p.

20. Zvekov V.P. Private International Law. Moscow: Norma, 2022. 704 p.

21. Lukashuk I.I. International Law. Special Part. Moscow: BEK, 2021. 432 p.

22. Tikhomirov Yu.A. International Treaties in the Legal System of the Russian Federation. – M.: Yurlitinform, 2021. – 288 p.

23. Shumilov V.M. Law of the World Trade Organization. – M.: Yurait, 2023. – 512 p.

Способы разрешения коллизий, возникающих при принятии и образовании нового субъекта Российской Федерации

Толмазова Мария Романовна,
магистр Института права и национальной безопасности РАНХиГС
E-mail: mariyat2023@yandex.ru

Статья посвящена исследованию способов разрешения коллизий, возникающих при принятии и образовании нового субъекта Российской Федерации. Большинство из описанных в научной литературе способов разрешения коллизий, в том числе принятие, отмена или изменение существующей нормы или акта, начинают утрачивать свою эффективность, так как они имеют точечное воздействие. На современном этапе необходимо использовать комплексный подход при разрешении и преодолении коллизий в публичном праве, в том числе при принятии и образовании нового субъекта Российской Федерации.

Ключевые слова: публичное право, коллизии, способы разрешения коллизий, новый субъект Российской Федерации, процессы принятия и образования нового субъекта.

Стремительные, и порой непредсказуемые, изменения общественных отношений порождают необходимость пересмотра существующих положений науки и практики, а также предполагают необходимость поиска нетипичных решений. В научной литературе описано множество способов предотвращения и разрешения коллизий. Однако, большинство из описанных способов, в том числе принятие, отмена или изменение существующей нормы или акта, начинают утрачивать свою эффективность, так как они имеют точечное воздействие. На современном этапе необходимо использовать комплексный подход при разрешении и преодолении коллизий в публичном праве.

Так, многие коллизии, выявленные во время судебных разбирательств, не разрешены до сих пор.

Связано это с тем, что суды, хотя и выявляют коллизии, не всегда могут их разрешить, так как для разрешения зачастую требуется принятие, изменение или отмена конкретной нормы, акта, правового института.

Вместе с тем изменение нормы, акта или института зачастую входит в компетенцию органов законодательной или исполнительной власти, которые порой затягивают эти процессы на несколько лет.

Кроме того, в условиях постоянной трансформации общественных отношений установление жёстких ограничений приводит к нарушению права. Поэтому правовую систему необходимо делать более устойчивой к таким изменениям и использовать гибкие механизмы для регулирования общественных отношений.

Переходный период, представляющий собой механизм, позволяющий плавно перейти от одного регулирования к другому, служит некой «подушкой безопасности», оберегающей субъектов общественных отношений от коллизий – столкновений норм права, компетенций, полномочий, взглядов…

В законодательстве Российской Федерации нет единого подхода к определению переходного периода, что обусловлено спецификой общественных отношений, для урегулирования которых устанавливается переходный период.

Законом Российской Федерации от 03.07.1992 № 3198-I были установлены переходный период по государственно-территориальному разграничению в Российской Федерации и переходный период для осуществления территориальной реабилитации репрессированных народов.

В течение переходного периода по государственно-территориальному разграничению в Российской Федерации необходимо было подготовить и осуществить необходимые правовые и организационные мероприятия, направленные на разрешение спорных территориальных вопросов только путём согласования интересов сторон на основе действующего законодательства, разработать законодательные акты Российской Федерации о границах в Российской Федерации и о порядке решения вопросов, связанных с изменением государственно-территориального и административно-территориального деления Российской Федерации.

В течение переходного периода для осуществления территориальной реабилитации репрессированных народов территориальная реабилитация репрессированных народов осуществлялась на основании отдельных законодательных актов Верховного Совета Российской Федерации, принимаемых по отношению к каждому репрессированному народу, с соблюдением прав и интересов других народов, проживающих на соответствующих территориях, а также государственным комиссиям, образованным правительством Российской Федерации по реализации Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» было поручено организовать работу по согласованию территориальных интересов сторон, внести соответствующие предложения по территориальной реабилитации репрессированных народов.

Согласно положениям ст. 7 Федерального конституционного закона от 21.07.2007 № 5-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа», Федерального конституционного закона от 30.12.2006 № 6-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа», Федерального

конституционного закона от 12.07.2006 № 2-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Камчатской области и Корякского автономного округа» (далее – Законы об образовании) в течение переходного периода образования нового субъекта Российской Федерации осуществлялось формирование органов государственной власти нового субъекта Российской Федерации, указанных в чч. 1 ст. 7 Законов об образовании, а также завершалось урегулирование иных вопросов, предусмотренных указанными законами и п. 2 ст. 12 Федерального конституционного закона от 17.12.2001 № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в её составе нового субъекта Российской Федерации» (далее – Закон о порядке).

Проект федерального конституционного закона об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта должен содержать, в том числе заключительные и переходные положения, устанавливающие сроки, в течение которых должны быть урегулированы вопросы формирования органов государственной власти нового субъекта Российской Федерации; внесения изменений и дополнений в федеральный закон о федеральном бюджете на текущий год, если образование в составе Российской Федерации нового субъекта предполагает перераспределение бюджетных средств текущего года, правопреемства нового субъекта Российской Федерации в отношении собственности заинтересованных субъектов Российской Федерации в отношениях с органами государственной власти Российской Федерации, другими субъектами Российской Федерации, иностранными государствами и международными организациями, функционирования территориальных органов федеральных органов исполнительной власти и федеральных судов на территории нового субъекта Российской Федерации, функционирования государственных органов и организаций заинтересованных субъектов Российской Федерации на территории нового субъекта, действия законов и иных нормативных правовых актов заинтересованных субъектов Российской Федерации на территории нового субъекта (п. 2 ст. 12 Закона о порядке).

В соответствии с Законами о принятии Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области (далее соответственно – Законы о принятии, ДНР, ЛНР, ЗО, ХО) под переходным периодом понимается период, в течение которого урегулируются вопросы интеграции нового субъекта Российской Федерации в экономическую, финансовую, кредитную и правовую системы Российской Федерации, в систему органов государственной власти Российской Федерации.

Положения, касающиеся формирования системы публичной власти в присоединённых субъектах Российской Федерации, особенностей осуществления правосудия в переходный период, функционирования государственных и местных организаций на территории принятого субъекта регулируются Законами о принятии.

Вместе с тем особенности реализации переходных периодов, связанных с принятием нового субъекта Российской Федерации, могут также устанавливаться отдельными федеральными законами, и подзаконными нормативными правовыми актами.

Особенности правового регулирования отношений в сферах образования и науки до 01.01.2028 на территории ДНР устанавливаются федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации (ч. 15.2 ст. 31 Закона о принятии ДНР).

Кроме того, для предотвращения и разрешения коллизий Законами о принятии, не только устанавливаются новые механизмы, но и временно ограничивается действие различных нормативных правовых актов.

Согласно части 4 статьи 18 Закона о принятии ДНР до 31 декабря 2024 года включительно на территории ДНР не применялось законодательство Российской Федерации об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств.

Законом о принятии Республики Крым действие законодательства Российской Федерации о налогах и сборах на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя было ограничено до 01.01.2015.

С учётом изложенного, переходные периоды позволяют плавно перейти от одного регулирования общественных отношений к другому и предотвратить коллизии, которые могли бы возникнуть в случае отсутствия переходных положений. Установление переходных периодов направлено и на устранение уже возникших вследствие изменения нормативно-правового регулирования коллизий. Необходимо отметить, что в эпоху постоянных трансформаций различных сфер жизни переходный период является одним из эффективных способов разрешения и предотвращения коллизий в публичном праве.

Ещё одним комплексным способом, позволяющим охватить достаточно большую часть общественных отношений, является экспериментальный правовой режим (далее – ЭПР). Использование ЭПР позволяет смоделировать некоторые варианты развития общественных отношений, принять решение о целесообразности распространения или прекращения такого «модельного» регулирования.

Необходимо отметить, что в России на данный момент введено множество различных ЭПР. Одним из наиболее известных является эксперимент по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход», который с 01.07.2020 начал проводиться в субъектах Российской Федерации, не указанных в пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 1 Федерального закона «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» от 27.11.2018 № 422-ФЗ (далее соответственно – специальный режим, Федеральный закон № 422-ФЗ), с учётом положений ч. 1.1 и ч. 1.2 ст. 1 Федерального закона № 422-ФЗ.

Частью 1.1 статьи 1 Федерального закона № 422-ФЗ установлено, что в субъектах Российской Федерации, не указанных в пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 1 Федерального закона № 422-ФЗ, специальный режим вводится в действие законами субъектов Российской Федерации [10].

В ноябре 2022 года Народным советом Донецкой Народной Республики принят Закон Донецкой Народной Республики № 427-IIНС от 30.11.2022 «О введении в действие на территории Донецкой Народной Республики специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»», который вводится в действие с 01.01.2023. Закон «О введении в действие на территории Луганской Народной Республики специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»» № : 418-III был опубликован 30.11.2022. На территории Херсонской области специальный режим введён в действие Указом Губернатора Херсонской области от 24 ноября 2022 г. № 173-у, Запорожской области – Законом Запорожской области от 9 декабря 2025 г. № 133 «О введении в действие на территории Запорожской области специального налогового режима «Налог на профессиональный доход».

Реализация указанного ЭПР на территориях новых субъектов стала возможной в связи с тем, что законодательство Российской Федерации о налогах и сборах начало применяться на их территории с 01.01.2023 (части 1 статей 15 Законов о принятии).

Применение указанного ЭПР на территории новых субъектов позволило избежать многих противоречий, так как применение специального режима снижает бюрократическую и налоговую нагрузку на население присоединенных субъектов.

Также можно предположить, что в процессе принятия нового субъекта Российской Федерации для разрешения и предотвращения публично-правовых коллизий используется и такой механизм как циклические правовые массивы.

Так, в Законе о порядке и Законах о принятии закрепляются основные институты, а прочие отрасли права и законодательства наполняются соответствующими предписаниями, направленными на решение общих задач конкретного вида государственной политики и законодательства, а именно, политики, направленной на решение проблем государственно-территориального устройства Российской Федерации.

Одновременное применение на территориях новых субъектов, принятых в Российскую Федерацию, переходных периодов, ЭПР, а также использование кросс-отраслевых норм способствует успешной интеграции указанных субъектов и помогает предотвратить множество коллизий.

Также необходимо отметить, что важным элементом общественных отношений является правосознание. Формирование правосознания – процесс сложный, и только установлением правового регулирования здесь не обойтись. Г.В. Мальцев в монографии «Социальные основания права» писал «говорят, что человек по своей природе есть космос, а космос немыслим без закономерностей и законов. Трудно сказать, какое число социальных норм продиктовано и предписано людям человеческой природой, обладающей невероятно широким диапазоном значений – от физиологических до метафизических.» [18]. Носов С.И. пишет «в общем потоке «упорядочивающего движения» в социальном регулировании действие отдельных регуляторов остаётся как бы «за кадром», а складывающиеся общественные связи и общественный порядок являются результатом действия всех или большинства регулирующих факторов» [17].

Попытка навязать определённую модель общественных отношений посредством установления комплексного правового регулирования зачастую оказывается провальной и порождающей множество коллизий. Устанавливаемое регулирование не должно вызывать у человека чувства отторжения, противления и насилия. Ведь как бы хорошо ни был сформулирован акт и как бы хорошо ни была выстроена система, заставить людей подчиняться тому, чего они не хотят или не понимают, достаточно сложно и порой невозможно.

Мальцев Г.В. указывал на то, что «действующие в обществе нормативно-регулятивные системы – политическая, правовая, моральная – способны выражать общие ценности всех или основных групп общества, но в специфических условиях социально неоднородного общества они могут достаточно серьёзно противоречить друг другу.» [18].

Особенно остро проблема правосознания проявляется в период интеграции нового субъекта Российской Федерации, осложнённый ведением боевых действий. В таких условиях действие нормативных регуляторов очень сильно соприкасается с действием иных социальных регуляторов, с внутренним чувством «должного» каждого человека, находящегося на присоединённой территории. Поэтому, для предотвращения публично-правовых коллизий на общественные отношения необходимо оказывать воздействие не только посредством нормативного правового регулирования, но и через другие социальные регуляторы.

Для облегчения деятельности органов публичного управления и улучшения положения граждан и организаций можно создать систему ситуационных центров, которые позволили бы своевременно обрабатывать информацию и принимать лучшее решение. Кроме этого для организации более плавного перехода в российскую правовую действительность следует разработать специальные методические рекомендации, инструкции и учебные материалы, сервисы и др. источники информации, которые могли бы использоваться как для обучения новых госслужащих, муниципальных служащих и в целом для правового просвещения населения.Также населению необходимо дать понимание того, что оно находится под защитой и не допускать бездействие в ситуации реальной угрозы для жизни и здоровья.

Вместе с тем проблема укомплектованности органов власти высококвалифицированными кадрами, выявленная на территории старой России, ещё острее проявляется на территории новых субъектов Российской Федерации.Быстро подготовить необходимое количество кадров для работы государственного аппарата из числа людей, проживающих на присоединённых территориях практически не возможно, а управленческие кадры из других регионов не всегда готовы перебираться в опасные для жизни и здоровья районы. Частично указанная проблема может быть решена при помощи цифровизации, ведь некоторые процессы возможно организовать в удалённом режиме. Однако, не все цифровые решения, внедряемые в процессы государственного управления, возможно применить на присоединённых территориях, в том числе в силу перебоев с электроснабжением, без которого не смогут реализовываться цифровые механизмы.

Подводя итог, можно сказать, что и переходные периоды, и ЭПР, и циклические правовые массивы позволяют за обозначенный промежуток времени сформировать у населения определённое правосознание и являются достаточно эффективными способами предотвращения и разрешения коллизий в публичном праве. Вместе с тем изменение какой-то одной нормы или принятие судебного акта зачастую остаются незамеченными как вспышка далёкой звезды. Организация переходного периода в новых субъектах осложнена ведением боевых действий. В связи с этим для облегчения деятельности органов публичного управления и улучшения положения граждан и организаций необходимо создать систему ситуационных центров, которые позволили бы своевременно обрабатывать информацию и принимать лучшее решение. Кроме этого для организации более плавного перехода в российскую правовую действительность необходимо разработать специальные методические рекомендации, инструкции и учебные материалы, сервисы и др. источники информации, которые могли бы использоваться как для обучения новых госслужащих, муниципальных служащих и в целом для правового просвещения населения.

Ещё одной причиной возникновения коллизий, возникающих в процессах принятия и образования нового субъекта Российской Федерации, является нехватка высококвалифицированных кадров, которую частично можно решить при помощи цифровизации.

Литература

1. Федеральный конституционный закон от 17.12.2001 № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4916.; СЗ РФ. 2005 г. № 45. Ст. 4581.
2. Федеральный конституционный закон от 21.07.2007 № 5-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа» // Официальный интернет-портал правовой информации (ГСПИ) http://www.pravo.gov.ru, Собрание законодательства Российской Федерации от 2007 г., № 30, ст. 3745.
3. Федеральный конституционный закон от 30.12.2006 № 6-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа» // Официальный интернет-портал правовой информации (ГСПИ) http://www.pravo.gov.ru, Собрание законодательства Российской Федерации от 1 января 2007 г. № 1 (часть I) ст. 1.
4. Федеральный конституционный закон от 12.07.2006 № 2-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Камчатской области и Корякского автономного округа» // Официальный интернет-портал правовой информации (ГСПИ) http://www.pravo.gov.ru, Собрание законодательства Российской Федерации от 2006 г.,№ 29, ст. 3119.
5. Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики» // Официальный интернет-портал правовой информации (ГСПИ) http://www.pravo.gov.ru, 05.10.2022.
6. Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Луганской Народной Республики» // Официальный интернет-портал правовой информации (ГСПИ) http://www.pravo.gov.ru, 05.10.2022.
7. Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 7-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Запорожской области» // Официальный интернет-портал правовой информации (ГСПИ) http://www.pravo.gov.ru, 05.10.2022.
8. Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 8-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Херсонской области» // Официальный интернет-портал правовой информации (ГСПИ) http://www.pravo.gov.ru, 05.10.2022.
9. Федеральный конституционный закон от 21.03.2014 № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // Официальный интернет-портал правовой информации (ГСПИ) http://www.pravo.gov.ru, 21.03.2014.
10. Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» от 27.11.2018 № 422-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации (ГСПИ) http://www.pravo.gov.ru, 27.11.2018.
11. Закон Российской Федерации от 3 июля 1992 г. № 3198-I «Об установлении переходного периода по государственно-территориальному разграничению в Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 1992 г., № 32, ст. 1868.
12. Закон Донецкой Народной Республики от 30.11.2022 № 427-IIНС «О введении в действие на территории Донецкой Народной Республики специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»» // Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики https://dnrsovet.gov.ru/427-iins-zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-vvedenii-v-dejstvie-na-territorii-donetskoj-narodnoj-respubliki-spetsialnogo-nalogovogo-rezhima-nalog-na-professionalnyj-dohod/, (Дата посещения: 04.08.2026).
13. Закон Луганской Народной Республики от 30.11.2022 № 418-III «О введении в действие на территории Луганской Народной Республики специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»» // Официальный сайт Народного Совета Луганской Народной Республики https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/19344/ (Дата посещения: 04.08.2026).
14. Закон Запорожской области от 09.12.2025 г. № 133 «О введении в действие на территории Запорожской области специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» // Официальный сайт Правительства Запорожской области https://zo.gov.ru/docs/show/2227 (Дата посещения: 04.08.2026).
15. Указ Губернатора Херсонской области № 173-у от 24.11.2022 г. «О введение в действие на территории Херсонской области специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»» // Официальный сайт Губернатора Херсонской области https://khogov.ru/documents/ukaz-gybernatora-hersonskoj-oblasti-№ 173-y-ot-24–11–2022-g-o-vvedenie-v-dejstvie-na-territorii-hersonskoj-oblasti-speczialnogo-nalogovogo-rezhima-nalog-na-professionalnyj-doho/ (Дата посещения: 04.08.2026).

16. Шитов, В.Н. Комплексный подход к анализу конкурентоспособности предприятия / В.Н. Шитов, О.Ф. Цымбалист // Экономический анализ: теория и практика. – 2014. – № 13. – С. 59–63.

17. Носов С.И. Правовая норма в системе социальных регуляторов / С.И. Носов. – Москва: Статут 2024,. – 152 с.

18. Мальцев, Г.В. Социальные основания права: монография / Г.В. Мальцев. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023 – С. 514 – Текст: электронный. – URL: https://znanium.ru/read?id=415677&page=514 (дата обращения: 04.08.2026). – Режим доступа: по подписке.

WAYS TO RESOLVE CONFLICTS ARISING DURING THE ADOPTION AND FORMATION OF A NEW SUBJECT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Tolmazova M.R.
Institute of Law and National Security

The article is devoted to the study of ways to resolve conflicts that arise when a new constituent entity of the Russian Federation is adopted and formed. Most of the methods described in the scientific literature for resolving conflicts, including the adoption, repeal, or modification of an existing norm or act, are beginning to lose their effectiveness, as they have a limited impact. At the current stage, it is necessary to use a comprehensive approach to resolving and overcoming conflicts in public law, including the adoption and formation of a new constituent entity of the Russian Federation.

Keywords: public law, conflicts, methods of resolving conflicts, a new subject of the Russian Federation, and the processes of adopting and forming a new subject.

References

1. Federal Constitutional Law No. 6-FKZ dated 17.12.2001 "On the procedure for admission to the Russian Federation and the formation of a new Subject of the Russian Federation within it" // SZ RF. 2001. No. 52. Art. 4916.; SZ RF. 2005 No. 45. Art. 4581.

2. Federal Constitutional Law No. 5-FKZ of 07.21.2007 "On the Formation of a New Subject of the Russian Federation within the Russian Federation as a result of the Merger of the Chita Region and the Aginsky Buryat Autonomous Okrug" // Official Internet Portal of Legal Information (GSPI) http://www.pravo.gov.ru, Collection of Legislation of the Russian Federation of 2007, No. 30, art. 3745.

3. Federal Constitutional Law No. 6-FKZ dated 12/30/2006 "On the Formation of a New Subject of the Russian Federation within the Russian Federation as a result of the Merger of the Irkutsk Region and the Ust-Ordynsky Buryat Autonomous Okrug" // Official Internet Portal of Legal Information (GSPI) http://www.pravo.gov.ru, Collection of Legislation of the Russian Federation No. 1 dated January 1, 2007 (Part I) of art. 1.

4. Federal Constitutional Law No. 2-FKZ dated 12.07.2006 "On the Formation of a New Subject of the Russian Federation within the Russian Federation as a result of the Unification of the Kamchatka Region and the Koryak Autonomous Okrug" // Official Internet Portal of Legal Information (GSPI) http://www.pravo.gov.ru, Collection of Legislation of the Russian Federation of 2006, No. 29, art. 3119.

5. Federal Constitutional Law No. 5-FKZ dated 04.10.2022 "On the Admission of the Donetsk People's Republic to the Russian Federation and the formation of a new Subject within the Russian Federation – the Donetsk People's Republic" // Official Internet Portal of Legal Information (GSPI) http://www.pravo.gov.ru, 05.10.2022.

6. Federal Constitutional Law No. 6-FKZ dated 04.10.2022 "On the Admission of the Lugansk People's Republic to the Russian Federation and the formation of a new Subject within the Russian Federation – the Lugansk People's Republic" // Official Internet Portal of Legal Information (GSPI) http://www.pravo.gov.ru, 05.10.2022.

7. Federal Constitutional Law No. 7-FKZ dated 04.10.2022 "On the Admission of the Zaporizhia Region to the Russian Federation and the formation of a new Subject within the Russian Federation – the Zaporizhia Region" // Official Internet Portal of Legal Information (GSPI) http://www.pravo.gov.ru, 05.10.2022.

8. Federal Constitutional Law No. 8-FKZ dated 04.10.2022 "On the Adoption of to the Russian Federation of the Kherson region and the formation of a new entity within the Russian Federation – the Kherson region" // Official Internet Portal of Legal Information (GSPI) http://www.pravo.gov.ru, 05.10.2022.

9. Federal Constitutional Law No. 6-FKZ dated 03/21/2014 "On the Admission of the Republic of Crimea to the Russian Federation and the Formation of New Subjects within the Russian Federation – the Republic of Crimea and the Federal City of Sevastopol" // Official Internet Portal of Legal Information (GSPI) http://www.pravo.gov.ru, 03/21/2014.

10. Federal Law "On conducting an experiment on establishment of a special tax regime "Professional income Tax" dated 27.11.2018 No. 422-FZ // Official Internet Portal of Legal Information (GSPI) http://www.pravo.gov.ru, 27.11.2018.

11. The Law of the Russian Federation of July 3, 1992, No. 3198-I "On the establishment of a transitional period for State-territorial delimitation in the Russian Federation" // Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation of 1992, No. 32, art. 1868.

12. The Law of the Donetsk People's Republic dated 11/30/2022 No. 427-IINS "On the introduction into force in the territory of the Donetsk People's Republic of a special tax regime "Tax on professional income" // Official website of the People's Council of the Donetsk People's Republic https://dnrsovet.gov.ru/427-iins-zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-vvedenii-v-dejstvie-na-territorii-donetskoj-narodnoj-respubliki-spetsialnogo-nalogovogo-rezhima-nalog-na-professionalnyj-dohod/, (Date of visit: 08/04/2026).

13. The Law of the Lugansk People's Republic dated 11/30/2022 No. 418-III "On the introduction into force in the territory of the Lugansk People's Republic of a special tax regime "Tax on professional income" // Official website of the People's Council of the Lugansk People's Republic https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/19344 / (Date of visit: 08/04/2026).

14. The Law of the Zaporizhia region dated 09.12.2025 No. 133 "On the introduction into force in the territory of the Zaporizhia region of a special tax regime "Tax on professional income" // Official website of the Government of the Zaporizhia region https://zo.gov.ru/docs/show/2227 (Date of visit: 08/04/2026).

15. Decree of the Governor of the Kherson region No. 173-y dated 11/24/2022 "On the introduction of the special tax regime "Professional income Tax" in the territory of the Kherson region" // Official website of the Governor of the Kherson region https://khogov.ru/documents/ukaz-gybernatora-hersonskoj-oblasti -No.173-y-ot-24–11–2022– g-o-vvedenie-v-dejstvie-na-territorii-hersonskoj-oblasti-spezialnogo-nalogovogo-rezhima-nalog-na-professionalnyj-doho / (Date of visit: 08/04/2026).

16. Shitov, V.N. An integrated approach to the analysis of enterprise competitiveness / V.N. Shitov, O.F. Tsymbalist // Economic analysis: theory and practice. – 2014. – No. 13. – pp.

59–63. 17. Nosov S.I. The legal norm in the system of social regulators / S.I. Nosov. – Moscow: Statute 2024, 152 p.

18. Maltsev, G.V. Social foundations of law: a monograph / G.V. Maltsev. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2023 – p. 514 – Text: electronic. – URL: https://znanium.ru/read?id=415677&page=514 (date of request: 08/04/2026). – Access mode: by subscription.

Публично-правовые и международно-правовые аспекты защиты объектов культурного наследия в Союзном государстве Беларуси и России

Мишальченко Юрий Владимирович,
доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: myv2008@mail.com

Горохова Александра Александровна,
магистр права кафедры публичного права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения
E-mail: Aleksandra-sukhareva@yandex.ru

Фесик Александр Павлович,
магистр права Санкт-Петербургского государственного экономического университета
E-mail: aleksandr.fesik@szfo.mkrf.ru

В статье на основе сравнительного анализа международных договоров и национальных законодательств исследуются публично-правовые и международно-правовые аспекты охраны объектов культурного наследия в рамках Союзного государства Беларуси и России. В статье выявлены системные проблемы имплементации международно-правовых норм в национальное законодательство и предложены механизмы гармонизации публично-правового регулирования. Авторами обоснована необходимость разработки модельного акта Союзного государства как инструмента преодоления коллизий и формирования единых стандартов охраны объектов культурного наследия. Авторами предложена концепция унификации терминологического аппарата и гармонизации охранных зон и определена необходимость заключения двустороннего межгосударственного соглашения.

Ключевые слова: объекты культурного наследия, Союзное государство, международное право, ЮНЕСКО, гармонизация законодательства, охрана памятников, культурные ценности, правовой режим, Конвенция Совета Европы, модельный закон.

Международно-правовая основа охраны культурного наследия как общий стандарт для России и Беларуси

Начать рассмотрение данной темы следует с определения Союзного государства, структура которого более детально будет рассмотрена далее. Так, под Союзным государством понимается надгосударственное образование, созданное для углубления интеграции во многих сферах жизнедеятельности общества входящих в Союзное государство стран [23]. Иными словами, это первоначальная форма федерации, однако без общей конституции [21]. Договор о создании Союзного государства России и Беларуси был подписан в целях разработки общих правил в торговой, экономической, финансовой сферах, объединения взаимодействия государств в таких областях, как внешняя политика, безопасность, гуманитарная сфера, оборона и иные [23].

Фундаментом же для формирования национальных систем охраны культурного наследия в Российской Федерации и Республике Беларусь является комплекс универсальных и региональных международных договоров, из чего, в свою очередь, вытекают предпосылки для сближения правопорядков рассматриваемых стран.

Начать рассмотрение следует с Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 года [3], ратифицированной как СССР (правопреемницей которого является Россия), так и Беларусью. Данный акт заложил не только институциональные основы глобальной системы охраны ОКН, но и, как справедливо отмечается в доктрине международного права, основы для формирования национальных систем охраны, что позволяет считать его стандартом для внутреннего законодательства государств-участников [3].

Согласно статье 1 Конвенции, под «культурным наследием» понимаются три группы объектов: памятники, то есть «произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещеры и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки»; ансамбли, то есть группы строений с выдающейся универсальной ценностью, которые могут быть как изолированы, так и объединены; достопримечательные места, под которыми понимают как созданное руками человека, так и результат творения человека и природы [3].

Кроме того, Конвенция ввела понятие «природное наследие», определила критерии включения объектов в Список ЮНЕСКО и, что особенно важно для публичного права, установила обязательства государств, выступающих участниками Конвенции, по совершению на своей территории таких действий, как идентификация, охрана, сохранение и популяризация наследия, что закреплено в статье 4 Конвенции [3].

Далее следует упомянуть Рамочную конвенцию Совета Европы о значении культурного наследия для общества (Фару, 2005 год) [5]. Несмотря на то, что данный акт не был ратифицирован ни Россией, ни Беларусью (по причине того, что она не является членом СЕ), в рамках науки его можно рассматривать как перспективный ориентир для совершенствования законодательства.

Определение термина «культурное наследие» приводится в том числе и в статье 2 данной Конвенции и звучит следующим образом: это «совокупность ресурсов, унаследованных от прошлого, и которое люди считают, независимо от своей принадлежности, отражением и выражением своих постоянно меняющихся ценностей, верований, знаний и традиций. Оно включает все аспекты окружающей среды, которые возникли в результате взаимодействия между людьми и пространством в ходе исторического развития» [5]. Согласно данному определению на передний план выходит непосредственно общественное участие в процессе формирования и управления культурным наследием, а не только его охраны.

Статья 5 Фаруской Конвенции закрепляет за государствами-участниками следующие обязанности: проводить мероприятия, способствующие повышению значимости ОКН (изучение, защита, сохранение и т.п.), а также учитывать значение культурного наследия для общества [5].

Таким образом, принципы Фаруской конвенции о доступности наследия, его роли в устойчивом развитии и социальной сплоченности могли бы быть востребованы при формировании единой культурной

политики Союзного государства, особенно в части вовлечения местных сообществ в процесс сохранения ОКН.

Также следует упомянуть Конвенцию о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности (ЮНЕСКО, 1970 год), ратифицированную в СССР в 1988 году [2], действие которой видится особенно актуальным в том числе и для России и Беларуси ввиду их общей истории и единой таможенной зоны в рамках ЕАЭС.

Говоря о региональном уровне, можно выделить Соглашение о сотрудничестве в области культуры, заключенное между участниками СНГ [9]. Однако данное соглашение носит рамочный, а не детализированный характер, и его влияние на национальное законодательство минимально.

Таким образом, подводя промежуточный итог, можно сделать вывод о том, что международно-правовая архитектура охраны ОКН для России и Беларуси является сложной и многоуровневой. Она включает как императивные обязательства (например, по предотвращению разрушения объектов), так и рекомендательные нормы. Однако сам по себе факт участия в одних и тех же конвенциях не гарантирует единообразия правоприменительной практики, в данном ключе об эффективности положений международного права можно говорить, исходя из того, насколько последовательно и полно его нормы трансформируются во внутригосударственные механизмы.

Сравнительно-правовой анализ национальных законодательств России и Беларуси: понятийный аппарат и категорирование объектов

В рамках российского права главным законом, регламентирующим правоотношения, связанные с ОКН, выступает Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ) [6], в Республике Беларусь 3 февраля 2017 года действует Кодекс Республики Беларусь о культуре – первый в практике стран СНГ кодифицированный акт, объединивший нормы порядка двадцати ранее действовавших законов, в том числе Закона «Об охране историко-культурного наследия» [8].

Несмотря на общую терминологию, происходящую от международных актов, в национальных законах закреплены различные подходы к классификации объектов, определению предмета охраны и установлению зон регулирования застройки. Различия можно усмотреть в следующем.

В Российской Федерации Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ оперирует понятием «объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации», которое включает в себя в том числе объекты недвижимого имущества (археологического наследия), а также иные объекты, если они содержат в себе нижеуказанные признаки:

– историческую связь с территориями, произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры;
– возникновение в результате исторических событий;
– наличие ценности с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры;
– представление из себя свидетельство эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры [6].

Говоря о категорировании ОКН, стоит отметить, что в соответствии с положениями Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ можно выделить категории федерального, регионального и местного (муниципального) значения [6]. Включение в реестр производится на основании акта уполномоченного органа.

В белорусском праве понятия «историко-культурная ценность» (под ней понимают взятые под охрану государства материальные объекты и нематериальные проявления человеческого творчества, обладающие наибольшими отличительными чертами и имеющие ряд достоинств как духовных, так и эстетических) и «историко-культурное наследие» соотносятся как часть и целое, что в целом соответствует подходу, известному еще советскому законодательству [8]. Согласно положениям Конституции Республики Беларусь (ст. 15, 51, 54) обязанность заниматься сохранением культурного и исторического наследия возлагается как на государство в целом, так и на отдельно взятого гражданина [2].

В белорусском законодательстве закреплены четыре категории ценностей: международного, республиканского, местного значения и включенные в Список всемирного наследия [8]. Чтобы быть отнесенными к какой-либо категории, объекты должны обладать выдающимися духовными, эстетическими или документальными достоинствами. Соответствующий статус объектам придается решением Совета Министров по представлению Министерства культуры.

Публично-правовые механизмы охраны: институциональные и процессуальные аспекты

Система органов управления в сфере охраны ОКН в России и Беларуси также демонстрирует существенные различия. Так, в Российской Федерации полномочия распределены между федеральными органами (Министерство культуры Российской Федерации) и органами субъектов Российской Федерации [6], в то время как в Беларуси функционирует централизованная система. Возглавляет ее Министерство культуры Республики Беларусь, в подведомственности которого находятся исполнительные комитеты (как областные, так и Минский городской) [8].

Статья 12 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ устанавливает, что сохранение, использование, популяризация и государственная охрана объектов культурного наследия осуществляются в том числе в рамках соответствующих государственных программ Российской Федерации, государственных программ субъектов Российской Федерации, муниципальных программ, предусмотренных бюджетным законодательством [6]. Первым делом в перечисленные программы включаются объекты, соответствующие определенным критериям, в том числе объекты, включенные в Список всемирного наследия, объекты, находящиеся в неудовлетворительном или аварийном состоянии, а также объекты, увековечивающие память о событиях Великой Отечественной войны [7].

В белорусском законодательстве аналогичные механизмы программно-целевого планирования также предусмотрены, однако их содержание и порядок реализации отличаются от тех, что предусмотрены в российском праве. На настоящий момент в Республике Беларусь действует Государственная программа «Культурное пространство» на 2026–2030 годы, подразделяемая на две подпрограммы: «Культурное наследие» и «Искусство и творчество» и утвержденная постановлением Правительства от 30 декабря 2025 г. № 800. Ее целью выступает популяризация и сохранение культурного и исторического наследия, включая национальные традиции и обычаи, при этом примечательно, что финансирование осуществляется из бюджетов двух уровней: местного и бюджета республики [19].

В качестве отличительной черты можно выделить то, что для белорусской системы характерно наличие единой государственной программы на республиканском уровне (в то время как в России существуют также и муниципальные программы), разделение вопросов наследия и искусства, детализация конкретных объектов реставрации в тексте программы (например, реконструкция с консервацией Новогрудского замка (до 2030 года), интеграцией цифровых задач (оцифровка фондов, создание национального цифрового контента) в программные мероприятия, а также соотношение с целями устойчивого развития ООН.

Различия также присутствуют и в процедуре включения объектов в охранные списки. В России объект включается в единый государственный реестр на основании акта уполномоченного органа с последующим утверждением Правительством Российской Федерации, что применимо к объектам федерального значения [6]. В Беларуси решение о придании статуса историко-культурной ценности принимается Советом Министров Республики Беларусь по представлению Министерства культуры [8], что обеспечивает более высокий уровень политической легитимации, но одновременно создает дополнительные бюрократические барьеры.

Важным аспектом является также различие в механизмах ответственности за нарушения законодательства об охране ОКН. Административная и уголовная ответственность в России и Беларуси существенно различается по размеру санкций и составу правонарушений: в Российской Федерации Кодекс об административных правонарушениях предусматривает штрафы за нарушение требований сохранения ОКН в размере до 5 миллионов рублей, тогда как в Беларуси аналогичные санкции существенно ниже [11].

Интеграционный потенциал Союзного государства

«8» декабря 1999 года в Москве был подписан Договор о создании Союзного государства, вступивший в силу 26 января 2000 года после ратификации обеими странами [18], что стало новым этапом в процессе единения народов России и Беларуси [22]. Руководящими органами Союзного государства, согласно Договору, были избраны Высший государственный совет, в который входят главы государств, парламентов и правительств, и Совет министров. Рабочим органом Союзного

государства является Постоянный Комитет, а законодательным органом власти – Парламентское Собрание Союза России и Беларуси [20].

Согласно положениям Договора, в рамках Союзного государства вопросы культуры и сохранения историко-культурного наследия отнесены к совместному ведению [1]. Статья 17 Договора закрепляет исключительное ведение Союзного государства и прямо устанавливает, что оно содействует сохранению и приумножению культурного наследия государств-участников, развитию национальных культур и культур народов, проживающих на их территориях [1]. Согласно статье 18 Договора, гармонизация и унификация законодательства государств-участников относятся уже к совместному ведению Союзного государства и государств-участников [13].

При этом примечательно, что на настоящий момент отсутствует специальное соглашение или модельный законодательный акт, который бы унифицировал ключевые понятия, такие как «историко-культурная ценность», «охранная зона», «предмет охраны», что на практике приводит к коллизиям [20].

Анализ правоприменительной практики показывает, что отсутствие унифицированного регулирования создает следующие проблемы: невозможность автоматического признания охранного статуса объекта, включенного в реестр одной страны, на территории другой; различия в требованиях к проектной документации при проведении работ на ОКН; отсутствие единого реестра объектов культурного наследия Союзного государства.

Предложения по гармонизации законодательства и проект модельного акта Союзного государства

На основе проведенного анализа представляется необходимым предложить следующие меры по гармонизации публично-правового регулирования в сфере охраны ОКН в Союзном государстве:

Унификация понятийного аппарата

Предлагается закрепить в модельном законе Союзного государства следующее определение: «Объекты культурного наследия Союзного государства – объекты недвижимого и движимого имущества (включая объекты археологического наследия), нематериальные проявления творчества человека, которые имеют выдающуюся универсальную ценность для народов России и Беларуси и которым в установленном порядке придан статус объекта культурного наследия Союзного государства». Преимуществом данного определения является то, что оно составлено на основе синтеза подходов как российского, так и белорусского законодательств, кроме того, оно соответствует международным стандартам, закрепленным в Конвенции ЮНЕСКО 1972 года [3].

Создание единой системы категорирования

Предлагается установить три категории объектов культурного наследия Союзного государства, что позволило бы объединить российский и белорусский подходы: объекты общесоюзного значения (имеющие исключительную ценность для всей культурной идентичности Союзного государства); объекты регионального значения (имеющие ценность для отдельных регионов России и Беларуси); объекты местного значения (имеющие ценность для отдельных муниципальных образований).

Гармонизация охранных зон и режимов использования

Предлагается разработать типовые положения об охранных зонах для объектов культурного наследия Союзного государства, которые должны включать: охранную зону (территория, непосредственно прилегающая к объекту); зону регулирования застройки и хозяйственной деятельности; зону охраняемого природного ландшафта.

При этом режимы использования данных зон должны быть унифицированы для России и Беларуси с учетом национальных особенностей земельного и градостроительного законодательства.

Создание единого реестра объектов культурного наследия Союзного государства

Предлагается создать электронный реестр объектов культурного наследия Союзного государства, который будет вестись Постоянным Комитетом Союзного государства совместно с уполномоченными органами России и Беларуси. В реестр должны вноситься все объекты, имеющие статус ОКН Союзного государства, с указанием их правового режима, зон охраны и требований к содержанию, что способствовало бы повышению прозрачности правового регулирования и позволило бы создать основу для совместного планирования реставрационных работ и туристической деятельности в России и Беларуси [16].

Гармонизация механизмов ответственности

Предлагается унифицировать составы правонарушений и разработать единые подходы к определению размеров административных штрафов за нарушения законодательства об охране ОКН в Союзном государстве. При этом национальное законодательство каждой из стран-участниц может устанавливать более строгие санкции, но не ниже минимального уровня, определенного модельным актом, что выступало бы повышенным гарантом защиты.

Создание совместного органа по мониторингу состояния ОКН

Предлагается создать при Постоянном Комитете Союзного государства совместную рабочую группу, в обязанности которой бы входило: каждый год проводить оценку состояния ОКН Союзного государства и разрабатывать совместные программы, призванные популяризировать культурное наследие обеих стран.

Создание модельного закона Союзного государства «Об охране объектов культурного наследия»

Видится логичным принять общий модельный закон, который бы действовал на территории Союзного государства и состоял из следующих разделов:

Раздел I. Общие положения (предмет регулирования, основные понятия, принципы охраны).

Раздел II. Полномочия органов Союзного государства и государств-участников (разграничение компетенции).

Раздел III. Категории объектов культурного наследия Союзного государства и порядок их включения в реестр (критерии отнесения, процедура включения).

Раздел IV. Правовой режим объектов культурного наследия (права и обязанности собственников, пользователей, режим использования земельных участков).

Раздел V. Охранные зоны и требования к градостроительной деятельности (порядок установления, режимы использования).

Раздел VI. Реставрационные и консервационные работы (требования к проектной документации, порядок согласования).

Раздел VII. Финансирование мероприятий по охране объектов культурного наследия (источники финансирования, порядок предоставления субсидий).

Раздел VIII. Ответственность за нарушения законодательства об охране объектов культурного наследия (виды ответственности, порядок привлечения).

Раздел IX. Заключительные и переходные положения.

Заключение

Подводя итоги на основании проведенного исследования, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, международные обязательства России и Беларуси в сфере охраны культурного наследия, вытекающие из конвенций ЮНЕСКО 1972 года [3] и 2003 года [4], а также Рамочной конвенции Совета Европы 2005 года [5], являются прочным фундаментом для сотрудничества указанных стран в области защиты объектов культурного наследия. Однако ввиду того, что их прямая имплементация в национальные правовые системы осуществляется с существенными различиями, возникают объективные препятствия для формирования единых стандартов охраны, поскольку, как справедливо отмечается в доктрине, степень влияния международных норм на сферу защиты культурного наследия в рамках национального регулирования напрямую зависит от уровня правовой культуры и политической воли государства-участника [15, с. 89].

Во-вторых, существуют препятствия для полной реализации потенциала Союзного государства в части формирования единого культурного пространства, что вызвано различиями в терминологии, категорировании объектов, процессуальных нормах и механизмах ответственности, закрепленных в системах права России и Беларуси. Переход же к единому культурному и образовательному пространству позволил бы сохранять культурное наследие совместными силами государств [19].

В-третьих, для устранения пробелов в правовом регулировании представляется целесообразным разработать и принять на уровне Парламентского Собрания Союзного государства модельный закон «Об охране объектов культурного наследия» [17].

В-четвертых, в качестве первоочередных мер необходимо: унифицировать понятийный аппарат; разработать общие критерии категорирования объектов; создать совместную рабочую группу по мониторингу состояния ОКН Союзного государства; разработать единый реестр объектов культурного наследия Союзного государства.

Таким образом, представленные в настоящей статье предложения могут послужить основой для дальнейших научных дискуссий и практических шагов по гармонизации и унификации публичных и между-

народных правовых норм по охране объектов культурного наследия в Союзном государстве Беларуси и России.

Литература

1. Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о создании Союзного государства [Электронный ресурс]: (Москва, 8 декабря 1999 г.). – URL: https://docs.cntd.ru/document/8306457 (дата обращения: 20.07.2026).

2. Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности [Электронный ресурс]: (Париж, 14 ноября 1970 г.). – URL: https://docs.cntd.ru/document/1900836 (дата обращения: 20.07.2026).

3. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия [Электронный ресурс]: (Париж, 16 ноября 1972 г.) – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml (дата обращения: 20.07.2026).

4. Конвенция об охране нематериального культурного наследия [Электронный ресурс]: (Париж, 17 октября 2003 г.). – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (дата обращения: 20.07.2026).

5. Рамочная конвенция Совета Европы о значении культурного наследия для общества [Электронный ресурс]: (Фару, 27 октября 2005 г.). – URL: https://rm.coe.int/168071aabc (дата обращения: 20.07.2026).

6. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 26. – Ст. 2519.

7. Постановление Правительства Российской Федерации от 29.06.2021 № 1052 «О государственной программе Российской Федерации «Развитие культуры» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 28. – Ст. 5346.

8. Кодекс Республики Беларусь о культуре: [Электронный ресурс]: 20.06.2016, № 413-З: принят Палатой представителей 24.06.2016: одобр. Советом Респ. 30.06.2016 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 2016. – 02.08. – 2/2412.

9. Соглашение о сотрудничестве в области культуры [Электронный ресурс]. – URL: https://eccis.org/document/85 (дата обращения: 20.07.2026).

10. Артамонов С.Г. Зоны охраны объектов культурного наследия в современном законодательстве // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. – 2014. – № 4. – С. 33–38.

11. Батршин Р.Ю. Административная ответственность за правонарушения в сфере охраны объектов культурного наследия // Саратов. – 2021. – № 605. – С. 196.

12. Гибадуллин Т.Д. Международно-правовая охрана культурного наследия: терминологические проблемы и периодизация ее развития // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – 19(11). – С. 136–146.

13. Иванова Т.П. Правовое обеспечение охраны историко-культурного наследия в Беларуси // CyberLeninka. – 2018. – С. 4.

14. Мануилова П.В. Сотрудничество Российской Федерации и Республики Беларусь в сфере культуры в рамках Союзного государства // Постсоветские исследования. – 2019. – № 6. – С. 9.

15. Мороз Е.В. Международно-правовая защита культурного наследия и ее влияние на национальное регулирование в праве Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. – 2026. – № 3. – С. 187–192.

16. Панфилов А.Н. Административная ответственность за правонарушения в сфере охраны объектов культурного наследия в Российской Федерации // Административное и муниципальное право. – 2013. – № 12. – С. 1097–1105.

17. Шведков И.А. Интеграционные процессы между Российской Федерацией и Республикой Беларусь // Вестник науки. – 2024. – № 5 (74). – С. 387–394.

18. Германова О. Нужно создать единое культурное пространство России и Белоруссии [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 2025. – 19 марта. – URL: https://belrus.ru/info/nuzhno-sozdat-edinoe-kulturnoe-prostranstvo-rossii-i-belorussii/ (дата обращения: 20.07.2026).

19. Министерство культуры Республики Беларусь. Стратегия развития сферы культуры Республики Беларусь до 2030 года [Электронный ресурс]. – Минск, 2023. – URL: https://kultura.by/ (дата обращения: 20.07.2026).

20. О концепции безопасности Союзного государства [Электронный ресурс]: (утв. Высшим Государственным Советом Союзного государства 04.12.2023). – URL: https://xn – c1anggbdpdf.xn – p1ai/docs/item/241310/ (дата обращения: 20.07.2026).

21. Союзное государство // Википедия. [2026]. Дата обновления: 20.06.2026. URL: https://ru.wikipedia.org/?curid=223063&oldid=153626780 (дата обращения: 20.06.2026).

22. Союзное государство: итоги и перспективы [Электронный ресурс]. – URL: https://oborona.ru/product/zhurnal-nacionalnaya-oborona/soyuznoe-gosudarstvo-itogi-i-perspektivy-44190.shtml (дата обращения: 20.07.2026).

23. Союзное государство (справка) [Электронный ресурс]. – URL: https://mid.ru/ru/maps/by/1784824/ (дата обращения: 20.07.2026).

PUBLIC LAW AND INTERNATIONAL LAW ASPECTS OF THE PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE SITED IN THE UNION STATE OF BELARUS AND RUSSIA

Mishalchenko Yu.V., Gorokhova A.A., Fesik A.P.
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg State University of Economics

Based on a comparative analysis of international treaties and national legislation, this article examines the public-law and international-law aspects of the protection of cultural heritage sites within the framework of the Union State of Russia and Belarus. The article identifies systemic issues regarding the implementation of international legal norms into national legislation and proposes mechanisms for harmonizing public-law regulation. The authors substantiate the need to develop a model act for the Union State as a tool for resolving conflicts of law and establishing unified standards for the protection of cultural heritage sites. They propose a concept for unifying terminology and harmonizing protection zones, and identify the need to conclude a bilateral interstate agreement.

Keywords: cultural heritage sites, Union State, international law, UNESCO, harmonization of legislation, protection of monuments, cultural values, legal regime, Council of Europe Convention, model law.

References

1. Treaty between the Russian Federation and the Republic of Belarus on the Creation of the Union State [Electronic resource]: (Moscow, December 8, 1999). – URL: https://docs.cntd.ru/document/8306457 (accessed: July 20, 2026).

2. Convention on the Means of Prohibiting and Preventing the Illicit Import, Export and Transfer of Ownership of Cultural Property [Electronic resource]: (Paris, November 14, 1970). – URL: https://docs.cntd.ru/document/1900836 (accessed: July 20, 2026).

3. Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage [Electronic resource]: (Paris, November 16, 1972) // UNESCO World Heritage Centre. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml (accessed: July 20, 2026).

4. Convention on the Protection of the Intangible Cultural Heritage [Electronic resource]: (Paris, October 17, 2003). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (date of access: 07/20/2026).

5. The Council of Europe Framework Convention on the Importance of Cultural Heritage for Society [Electronic resource]: (Faro, October 27, 2005). – URL: https://rm.coe.int/168071aabc (date of application: 07/20/2026).

6. Federal Law No. 73-FZ of 06/25/2002 (as amended on 08/04/2023) “On Cultural Heritage Sites (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 26. – Art. 2519.

7. Resolution of the Government of the Russian Federation dated June 29, 2021, No. 1052 “On the State Program of the Russian Federation ‘Development of Culture’” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2021. – No. 28. – Art. 5346.

8. The Code of the Republic of Belarus on Culture: [Electronic resource]: 20.06.2016, No. 413Z: adopted by the House of Representatives on 24.06.2016: approved by the Council of the Republic on 30.06.2016 // National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. – 2016. – 02.08. – 2/2412.

9. Agreement on cooperation in the field of preservation of cultural heritage of the CIS member states [Electronic resource]: (Moscow, May 19, 2010). URL: https://cis.minsk.by / (date of application: 07/20/2026).

10. Artamonov S.G. Protection zones for cultural heritage sites in modern legislation // Academic Bulletin. – 2014. – No. 4. – Pp. 33–38.

11. Batrshin R. Yu. Administrative liability for offenses in the field of protection of cultural heritage sites // Saratov. – 2021. – No. 605. – P. 196.

12. Gibadullin T.D. International legal protection of cultural heritage: terminological problems and periodization of its development // Current problems of Russian law. – 2024. – 19(11). – Pp. 136–146.

13. Ivanova T.P. Legal Support for the Protection of Historical and Cultural Heritage in Belarus // CyberLeninka. – 2018. – P. 4.

14. Manuilova P.V. Cooperation between the Russian Federation and the Republic of Belarus in the Field of Culture within the Union State // Post-Soviet Studies. – 2019. – No. 6. – P. 9.

15. Moroz E.V. International legal protection of cultural heritage and its impact on national regulation in the law of the Russian Federation // Theory and practice of social development. – 2026. – No. 3. – Pp. 187–192.

16. Panfilov A.N. Administrative liability for offenses in the field of protection of cultural heritage objects in the Russian Federation // Administrative and Municipal Law. – 2013. – No. 12. – Pp. 1097–1105.

17. Shvedkov I.A. Integration processes between the Russian Federation and the Republic of Belarus // Vestnik nauki. – 2024. – No. 5 (74). – Pp. 387–394.

18. Germanova O. It is necessary to create a single cultural space for Russia and Belarus [Electronic resource] // RIA Novosti. – 2025. – March 19. – URL: https://belrus.ru/info/nuzhno-sozdat-edinoe-kulturnoe-prostranstvo-rossii-i-belorussii/ (accessed: 20.07.2026).

19. Ministry of Culture of the Republic of Belarus. Strategy for the Development of the Cultural Sphere of the Republic of Belarus until 2030 [Electronic resource]. – Minsk, 2023. – URL: https://kultura.by/ (accessed: 20.07.2026).

20. On the concept of security of the Union State [Electronic resource]: (approved by the Supreme State Council of the Union State on 04.12.2023). – URL: https://xn – c1anggb-dpdf.xn – p1ai/docs/item/241310/ (date of access: 20.07.2026).

21. Union State // Wikipedia. [2026]. Update date: 20.06.2026. URL: https://ru.wikipedia.org/?curid=223063&oldid=153626780 (accessed: 20.06.2026).

22. The Union State: results and prospects [Electronic resource]. – URL: https://oborona.ru/product/zhurnal-nacionalnaya-oborona/soyuznoe-gosudarstvo-itogi-i-perspektivy-44190.shtml (accessed: 20.07.2026).

23. The Union State (reference) [Electronic resource]. – URL: https://mid.ru/ru/maps/by/1784824/ (accessed: 20.07.2026).

Сущность и содержание правосудия в условиях цифровизации публичной власти

Чечулина Алла Анатольевна,
к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой юридических дисциплин, ОЧУВО «Московский Инновационный Университет»
E-mail: cha11@yandex.ru

В статье анализируются вопросы трансформации понимания сущности и содержания правосудия в условиях цифровизации публичной власти, В фокусе исследовательского внимания вопрос о возможности признания концепции «суд как сервис» в рамках российской правовой системы. Автор исследует категорию «государственная услуга» как основу построения сервисного государства, раскрывает особенности сервисного государства и акцентирует внимание на том, что в условиях цифровизации публичной власти сервисное государство реализуется в форме концепции государство как платформа. Особое внимание уделено анализу дискуссии о возможности включения правосудия в структуру цифровой публичной власти. Выдвигается предложение о создании интегративного подхода к пониманию сущности правосудия в условиях цифровизации публичной власти, позволяющего преодолеть дихотомию институционального и функционального подходов к пониманию сущности правосудия, признать легитимность за цифровыми сервисами.

Ключевые слова: правосудие, публичная власть, цифровизация публичной власти, сервисное государство, суд как цифровой сервис, электронное правосудие, государственная услуга

Законодательное закрепление сервисной модели электронного государства в Российской Федерации породило конституционно-правовую проблему включения судебной системы в цифровую структуру единой публичной власти. Активный процесс внедрения элементов электронного правосудия как сегмента единой экосистемы электронного правительства актуализировал фундаментальную конституционно-правовую дискуссию о возможной трансформации самой природы правосудия в условиях цифровизации публичной власти. Возможность включения судебных сервисов в цифровую архитектуру публичной власти сформулировало перед конституционно-правовой наукой дилемму: возможна ли модификация классической концепции правосудия в сторону сервисной модели? Допустимо ли распространение положений сервисной концепции на сферу отправления правосудия и возможно ли рассмотрение самого правосудия через призму «цифрового сервиса»?

С позиции конституционного права формируется глубинное противоречие между конституционно-правовой сущностью правосудия и технократической концепцией сервисного государства. Существует угроза, что платформизация публичной власти способна ограничить фундаментальные принципы судебной власти и обесценить основные конституционно-правовые гарантии правосудия. В свою очередь рассмотрение правосудия через призму цифрового сервиса неизбежно сталкивается с законодательными барьерами, установленными основами конституционного строя. Однако с другой стороны, очевидно, что игнорирование процесса цифровизации представляется невозможным, поскольку данный процесс является объективным и неизбежным, о чем свидетельствуют данные экспертных организаций. Так, согласно отчету ООН «Индекс развития электронного правительства 2024 года» подавляющее большинство стран, входящих в ООН, перешли на формат сквозной платформизации государственных услуг [1]. В связи с чем, представляется, что фокус современных правовых исследований должен быть смещен в сферу поиска разумного баланса: существует ли доктринальная возможность «вписывания» классического правосудия в систему сервисного государства?

Основы цифровизации системы публичной власти.

Принятие Федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (Далее – Закон о государственных услугах) стало нормативной точкой, заложившей фундамент новой сервисной парадигмы взаимодействия власти и общества. Впервые в российское правовое поле вводится понятие «*государственная услуга*», переформатировавшее деятельность органов власти из реализации властных полномочий в плоскость удовлетворения законных потребностей граждан и бизнеса.

В конституционном праве концепция государственных услуг рассматривается через призму фундаментального механизма взаимоотношений человека и государства. Появление категории государственных услуг способно коренным образом трансформировать данную модель, преобразуя ее из традиционного вертикального формата в горизонтально-ориентированный паритетный формат. Как справедливо указывает правовед Л.К. Терещенко: «Заявительный характер государственной услуги качественным образом меняет статус гражданина, … который превращается в активного инициатора правоотношений, обладающего легальным правом требования к государственному органу» [2]. При этом в классической конституционной теории конституционно-правовым отношениям изначально свойственен властно-распорядительный характер. Получается, что категория публичных (государственных) услуг меняет основу построения конституционно-правовых отношений, создавая, по сути, их новый вид, основанный на равенстве субъектов. Это закладывает фундамент для формирования новой модели партнерских взаимоотношений государства и человека, основанной на системе взаимных прав и обязанностей, где качество выполнения услуги выполняет роль индикатора ответственности перед гражданином. Представляется, что именно горизонтальная модель взаимодействия позволит реализовать принцип взаимной ответственности личности и государства.

Единого подхода к пониманию содержания государственной услуги в доктрине конституционного права в настоящее время не сложилось. Однако анализ существующих подходов позволяет выделить ряд сущностных признаков категории государственных услуг: 1) осо-

бая цель – преобразование абстрактных прав человека в категорию реальных публичных благ; 2) особый субъектный состав – реализатором услуги выступает исключительно «властный исполнитель», действующий в пределах своих полномочий (при этом вопрос о делегировании выполнения государственной услуги является дискуссионным, но даже при допущении передачи функции, ответственность возлагается исключительно на государство); 3) особый способ инициации услуги – процесс предоставления услуги запускается исключительно в заявительном порядке потребителем услуг, действующем на основе принципа добровольности; 4) особый характер финансового обеспечения услуги – безвозмездность либо оплата государственной пошлиной в фиксированном размере, установленном государством; 5) особые гарантии реализации – всеобщность, доступность, транспарентность, которые в совокупности обеспечивают публичность услуги; 6) особая процедура выполнения – процесс реализации государственной услуги строго регламентирован. Таким образом, совокупность сущностных признаков государственной услуги образуют основу, позволяющую дефинировать государственную услугу как форму выполнения государством своей базовой конституционной обязанности, обязанности по обеспечению и защите прав и свобод человека.

В рамках системного подхода категория «государственная услуга» образует первичный элемент концепции «сервисного государства». Последовательное внедрение государственных услуг ведет к созданию нового типа государства – «сервисного государства», представляющего собой совокупность сервисных служб, обеспечивающих индивидуальные запросы граждан [3]. Основной целью сервисного государства является *клиентоориентированность*, выражающаяся в том, что государство не просто оказывает высококвалифицированные услуги, но и занимает проактивную позицию по отношению к гражданам. Важнейшей задачей проактивной позиции выступает учет персональных потребностей и ожиданий граждан-услуго-получателей. Анализ существующих подходов к пониманию государственных услуг показывает, что для качественного предоставления услуг должна сложиться система условий: 1) хорошо развитое электронное правительство; 2) стандартизация услуг; 3) применение клиентоцентричной политики; 4) обратная связь с потребителями; 5) желание меняться. Данный перечень не представляет собой исчерпывающий список пунктов, но каждый из них играет крайне важную роль в предоставлении качественно нового уровня оказания услуг. Из списка выбивается только пятый пункт, но желание меняться является фундаментальной основой к трансформации системы публичной власти.

Формой выражения сервисного государства в условиях цифровизации публичной власти выступает концепция *государство как платформа*, где публичная власть рассматривается уже как единая высокотехнологичная экосистема виртуальных сервисных служб, функционирующих на принципах клиентоориентированности, проактивности и взаимной ответственности государства и личности. Цифровая трансформация системы публичной власти позволила оптимизировать процесс предоставления услуг за счет совершенствования межведомственного взаимодействия и предоставления услуг в электронной форме. Следуя логике цифровой трансформации публичной власти, судебная власть должна занять соответствующее место в ее структуре как самостоятельный цифровой сервис. Предполагается, что данный цифровой сервис должен иметь формат открытого элемента электронного государства (информационную систему либо её модуль) с особым способом и формой осуществления судебных функций, обеспечивающим гласность, доступность и защиту прав и свобод человека и гражданина.

В зарубежной конституционной доктрине в контексте концепции сервисного государства формируется радикальный функциональный подход к пониманию сущности суда, получивший название «суд как услуга (сервис)». Один из главных идеологов концепции «суд как услуга (сервис)» Р. Саскинд утверждает: «Суд – это не место, где люди или организации должны собираться физически, а услуга (сервис), которая помогает людям понимать свои права и обеспечивать их соблюдение через онлайн-платформы» [4]. Анализ зарубежного опыта развития «цифрового» правосудия как элемента общей системы «цифрового правительства» показывает, что успех цифрового правосудия напрямую зависит от уровня *интероперабельности* – способности судебных информационных систем «общаться» на одном языке с другими модулями цифрового правительства.

В России важную роль в контексте генезиса электронного правосудия сыграл Закон о государственных услугах, запустивший процесс вхождения судебной власти в структуру электронного государства. При этом цифровизация вынуждает судебную систему заимствовать стандарты клиент-центричности, характерные для электронного правительства, однако пределы и параметры данного процесса до сих пор не определены и отсутствует ответ на главный вопрос о возможности трансформации сущности и содержания правосудия.

Дискуссия о понимании правосудия в условиях цифровизации публичной власти

В общем контексте цифровизации публичной власти правосудие имеет тенденцию восприниматься гражданином как «*юрисдикционная услуга», что* вступает в противоречие с фундаментальными конституционными принципами судебной власти. В западной доктрине данную позицию активно развивают основоположники концепции «государство как платформа», утверждающие, что в условиях цифровизации публичной власти все три ветви государственной власти должны действовать через единые платформенные стандарты, что позволяет сохранить их равенство и независимость. Так, один из основных создателей теории электронного государства Ричард Хикс утверждает, что судебная власть рассматривается как «провайдер юридических услуг», а электронные системы, обеспечивающие отправление правосудия онлайн, позволяют поставить судебный процесс в один ряд с любой другой цифровой транзакцией [5].

Сторонники концепции «электронного правительства» в России допускают распространение норм Закона о государственных услугах на судебную деятельность, рассматривая подачу иска как «заявление на получение услуги по разрешению спора». Логика данного подхода основывается на анализе деятельности платформ ГАС «Правосудие» и «Мой арбитр», интегрирующихся с Единым порталом госуслуг (ЕПГУ) и Единой системой идентификации (ЕСИА), что по мнению сторонников данного подхода, фактически вовлекает суды в сферу действия общих сервисных стандартов. В обоснование логики данного процесса в России в 2021 году была разработана концепция машиночитаемого права, утвержденная Правительственной комиссией по цифровому развитию, в целях обеспечения развития единого цифрового пространства и унификации практики правоприменения в рамках единой судебной системы РФ [6].

Правовед О.В. Качалова на основе анализа мирового опыта развития правосудия, приходит к выводу, что глобальная цифровизация неизбежно превращает суд в «эффективный сервис по разрешению споров» [7]. К.Л. Брановицкий утверждает, что превалирующей концепцией должна стать концепция рассмотрения правосудия в качестве государственной услуги, обеспечивающей удобство, оперативность и доступность отправления правосудия [8]. В целом сторонники данного подхода доказывают, что перевод судов на электронный документооборот позволяет стирать разницу между подачей заявления в МФЦ и подачей иска в суд. С представителями данного подхода возможно частично согласиться в вопросе о том, что судебная система объективно вынуждена адаптировать административные стандарты доступности и прозрачности в условиях внедрения электронного правительства, что формально способствует сближению процедуры подачи искового заявления с регламентом получения государственной услуги в электронном виде.

Основные концептуальные возражения оппонентов данного подхода связаны с тем, что электронное правосудие не является государственной услугой в собственном смысле слова и не может, в связи с этим быть включено в систему электронного правительства. Профессор С.А. Авакьян последовательно обосновывает позицию о недопустимости использования категории «государственная услуга» в конституционно-правовых отношений. По мнению ученого, данная категория отрицает саму сущность публичной власти, происходит подмена конституционной обязанности государства по обеспечению прав человека дискретной функцией «сервисной конторы», что размывает ответственность государства перед личностью [9].

Сторонники данного подхода, особое значение придают сохранению аксиологического содержания правосудия, «применению принципа справедливости, который может применяться только судьей в рамках концепции судейского усмотрения и недоступен для понимания искусственному интеллекту» [10]. Особое внимание на трансформацию ценностного содержания правосудия обращает председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин: «Перевод правосудия исключительно в формат цифрового сервиса несет в себе колоссальные риски утраты человеческого измерения права, деградации принципов независимости судей и замены справедливого судебного разбирательства технократическим калькулированием» [11].

Между тем современный период науки характеризуется возникновением и последовательным формированием компромиссного подхода, позволяющим стать платформой для примирения полярных подходов и одновременно учитывающей конституционные принципы и технологические стандарты. В развитие дискуссии о сервисной природе электронного государства, правовед В.А. Лаптев ставит акцент на том,

что цифровая трансформация судопроизводства неизбежно сближает внешние формы взаимодействия сторон с судом со стандартами предоставления электронных услуг. Однако, по мнению исследователя, технологизация процесса и внедрение проактивных интерфейсов не отменяют суверенно-властной природы правосудия, выступая лишь современным способом реализации конституционного права на судебную защиту [12].

Доктринальный компромисс в дискуссии о природе правосудия в условиях цифровизации публично власти предлагает профессор Е.В. Бурдина. Правовед Е.В. Бурдина формулирует компромиссную *концепцию «судебного электронного сервиса»*, который рассматривается не как рыночная услуга, а как высокотехнологичный способ обеспечения доступа к правосудию. Исследователь обосновывает концепцию «судебного электронного сервиса», в рамках которой цифровые технологии рассматриваются не как маркер превращения правосудия в коммерциализированную рыночную услугу, а как высокотехнологичный способ обеспечения и расширения доступа к правосудию [13].

Подводя определенную черту под развернувшейся сегодня дискуссией о возможности и формах «вписывания правосудия» в цифровую систему публичной власти, возможно резюмировать, что в современных условиях именно комплексный подход к пониманию сущности правосудия позволяет снять конституционные риски нарушения принципа разделения властей, поскольку электронный сервис в данной методологии признается лишь технологической инфраструктурой, оптимизирующей процедуру реализации независимой и суверенно-властной функции судебной защиты. Представляется, что в условиях формирования электронного правительства судебная система объективно нуждается в создании интегративного подхода, позволяющего преодолеть радикализм сервисной концепции и отойти от архаичности процедурных форм классического подхода к пониманию правосудия. Дальнейшее направление исследований должно идти в русле интегративного подхода, позволяющего сохранить ценностно-конституционное содержание правосудия и сформировать новую доктрину гуманного цифрового правосудия.

Литература

1. Обзор ООН в области электронного правительства 2024 года: ускорение цифровой трансформации в интересах устойчивого развития / Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН (ДЭСВ ООН). – Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 2024 г.

2. Терещенко Л.К. Услуги: государственные, публичные, социальные / Л.К. Терещенко // Журнал российского права. – 2004. – № 10 (94). – С. 15–23.

3.Бачило И.Л. Государство социальное или сервисное? (информационно-правовой аспект) // Право. Журнал ВШЭ. – 2010. – № 1. – С. 3–11

4. Сасскинд, Р. Онлайн-суды и будущее правосудия. – Oxford University Press, 2019

5. Хикс Р. Информационно-коммуникационные технологии для развития (ICT4D) / Р. Хикс. – Лондон; Нью-Йорк: Routledge, 2018. – 428 с.

6. Чечулина А.А., Дегтярев Д.Д. Концепция машиночитаемого права как элемент цифровой трансформации правосудия // Юридическая наука. – 2026. – № 1. – С. 28–31.

7. Качалова О.В. Правосудие как услуга: мировой тренд / О.В. Качалова // Уголовный процесс. – 2019. – № 10 (178). – С. 11.

8. Брановицкий К.Л. Цифровизация гражданского судопроизводства: мировой опыт и российские перспективы: монография / К.Л. Брановицкий. – Москва: Статут, 2022. – 214 с.

9. Авакьян С.А. Государство: взгляд с позиций конституционного права / С.А. Авакьян // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2016. – № 2. – С. 52–61.

10. Чечулина А.А. Концепция судейского права как гарантия социальной справедливости / А.А. Чечулина // Гражданский диалог и социальная справедливость: путь к укреплению единства народов: материалы международной научно-практической конференции (Москва, 20 февраля 2026 г.). – Москва: Издательство МосГУ, 2026. – С. 170–176.

11. Зорькин В.Д. Правосудие и технологическая революция: конституционные пределы алгоритмизации / В.Д. Зорькин // Журнал российского права. – 2022. – № 7 (307). – С. 5–18.

12. Лаптев, В.А. Цифровое правосудие. Цифровой документ: монография / В.А. Лаптев, Н.И. Соловяненко. – Москва: Проспект, 2024. – 248 с.

13. Бурдина, Е.В. Судебный электронный сервис: понятие, виды, правовая природа / Е.В. Бурдина // Российское правосудие. – 2021. – № 6. – С. 45.

THE ESSENCE AND CONTENT OF THE ADMINISTRATION OF JUSTICE IN THE CONTEXT OF THE DIGITALIZATION OF PUBLIC AUTHORITY

Chechulina A.A.
Moscow Innovative University

The article analyzes the transformation of the understanding of the essence and content of justice in the context of the digitalization of public authority. The study focuses on the possibility of adopting the «court as a service» concept within the Russian legal system. The author examines the category of «public service» as the foundation for building a service-oriented state, outlines the characteristics of such a state, and highlights that, amidst the digitalization of public authority, the service-oriented state manifests through the government as a platform concept. Particular attention is paid to analyzing the debate regarding the potential inclusion of the judiciary within the structure of digital public authority. A proposal is advanced for an integrative approach to understanding the essence of the judiciary in the context of the digitalization of public authority; this approach would make it possible to overcome the dichotomy between institutional and functional perspectives on the nature of the judiciary and to recognize the legitimacy of digital services.

Keywords: Justice, public authority, digitalization of public authority, court as a service, electronic justice, public service

References

1.United Nations E-Government Survey 2024: Accelerating Digital Transformation for Sustainable Development / UN DESA. – New York: United Nations, 2024

2.Tereshchenko L.K. Services: State, Public, and Social / L.K. Tereshchenko // Journal of Russian Law. – 2004. – № 10 (94). – P. 15–23.

3.Bachilo I.L. A Social State or a Service-Oriented State? (Information-Legal Aspect) // Pravo [Law]. – Moscow: HSE University. – 2010. – № 1. – P. 3–11.

4.Susskind, R. Online Courts and the Future of Justice. – Oxford University Press, 2019

5.Heeks, R. Information and Communication Technology for Development (ICT4D) / R. Heeks. – London; New York: Routledge, 2018. – 428 p.

6.Chechulina A.A., Degtyarev D.D. The Concept of Machine-Readable Law as an Element of the Digital Transformation of Justice // Legal Science. – 2026. – № 1. – P. 28–31.

7. Kachalova O.V. Justice as a Service: A Global Trend / O.V. Kachalova // Criminal Procedure. – 2019. – № 10 (178). – P. 11.

8. Branovitsky K.L. Digitalization of Civil Proceedings: Global Experience and Russian Prospects: Monograph / K.L. Branovitsky. – Moscow: Statut, 2022. – 214 p.

9.Avakyan, S.A. The State: A Constitutional Law Perspective / S.A. Avakyan // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2016. – № 2. – P. 52–61.

10. Chechulina A.A. The Concept of Judge-Made Law as a Guarantee of Social Justice / A.A. Chechulina // Civil Dialogue and Social Justice: A Path to Strengthening the Unity of Peoples: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Moscow, February 20, 2026). – Moscow: MosGU Publishing House, 2026. – P. 170–176.

11.Zorkin, V.D. Justice and the Technological Revolution: Constitutional Limits of Algorithmicization / V.D. Zorkin // Journal of Russian Law. – 2022. – № 7 (307). – P. 5–18.

12.Laptev V.A. Digital Justice. Digital Document: Monograph / V.A. Laptev, N.I. Solovyanenko. – Moscow: Prospekt, 2024. – 248 p.

13.Burdina E.V. Electronic Judicial Service: Concept, Types, and Legal Nature / E.V. Burdina // Rossiyskoye Pravosudiye [Russian Justice]. – 2021. – № 6. – P. 45.

Систематизация и конституционная интерпретация отраслевых угроз праву собственности на объекты недвижимости

Чирейкин Никита Михайлович,
аспирант, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет экономики и управления»; адвокат, Адвокатская палата Новосибирской области

Статья посвящена систематизации отраслевых угроз праву собственности на объекты недвижимости и их конституционной интерпретации в условиях правовой неопределенности. В работе выделено пять укрупненных блоков рисков, отражающих современную структуру угроз, а также исследуется роль конституционной интерпретации как инструмента, позволяющего сохранить сущностное содержание права собственности сквозь призму отраслевого регулирования. Особое внимание уделено предложенным критериям конституционной защиты права собственности.

Ключевые слова: отраслевая угроза, право собственности, объекты недвижимости, конституционная гарантия, Конституционный Суд РФ, конституционный критерий защиты

В условиях динамичного развития рыночных отношений и усложнения имущественных связей институт права собственности на недвижимость сталкивается с беспрецедентным вызовом – лавинообразным ростом отраслевых угроз. Отсутствие единой концепции их систематизации приводит к пробелам в правоприменении и размыванию конституционных гарантий. Право собственности на недвижимость выступает базовой ценностью конституционного порядка, однако ее реализация делегирована множеству отраслевых институтов. Эта делегация создает когнитивный диссонанс: отраслевые нормы, призванные конкретизировать Конституцию, способны порождать угрозы, ведущие к утрате самого ядра права. В представленной статье предпринимается попытка предложить методологический подход к структурированию указанных угроз, а также исследуется роль конституционной интерпретации как инструмента, позволяющего сохранить сущностное содержание права собственности сквозь призму отраслевого регулирования в Гражданском Кодексе Российской Федерации (далее: ГК РФ), в Земельном Кодексе Российской Федерации (далее: ЗК РФ), в Жилищном Кодексе Российской Федерации (далее: ЖК РФ), обеспечивая баланс между публичными интересами и частной автономией.

Предлагаем ввести в научный оборот понятие «конституционный иммунитет недвижимости». Понимаем под этим системный критерий оценки отраслевых норм: любая норма ГК РФ, ЗК РФ или ЖК РФ должна проходить «тест на иммунитет» – не ведет ли ее применение к разрушению экономической основы существования собственника, утрате единственного жилья или средства производства.

В конституционном измерении отраслевая угроза – это не просто нарушение закона, а заложенный в механизме правового регулирования (ГК РФ, ЗК РФ, ЖК РФ) дисбаланс, который при определенных условиях позволяет нивелировать конституционный смысл права собственности. Важно отметить, что угроза возникает не в момент изъятия чего-либо, а в момент неопределенности правовых норм, допускающих их произвольное толкование уполномоченными органами.

Попытками анализа и систематизации ограничений и обременений как формы угроз занимался ряд исследователей [6; 7; 9].

В данной статье мы остановимся на рассмотрении 5 блоков угроз, которые выявлены нами через ключевые правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации (далее: КС РФ). Акты КС РФ – это и есть та самая конституционная интерпретация, которая превращает абстрактные отраслевые угрозы в конкретные правовые позиции.

Блок 1. Угроза изъятия для государственных (муниципальных) нужд

Конституционно-правовые механизмы защиты частной собственности детально анализируются в ряде работ [8; 10].

Базовый акт, на который мы опираемся, это Постановление КС РФ от 05.03.2020 № 11-П [1]. Дело рассматривалось по жалобе гражданки И.С. Бутримовой. В результате установления зоны охраны объекта культурного наследия Правительством Новгородской области в 2015 г. обесценился земельный участок гражданки Бутримовой, приобретенный ею в 2009 г. для разрешенного использования под индивидуальное жилищное строительство с кадастровой стоимостью в 5 804 995 руб. Через 6 лет после приобретения из категории ИЖС он перешел в категорию участков общего пользования, на которых запрещена хозяйственная деятельность, а его кадастровая стоимость снизилась до 1 руб. Суды отказали ей во взыскании с Минфина убытков в размере изначальной стоимости участка, поскольку гражданка не доказала, что они причинены незаконными действиями власти. В жалобе в КС РФ она указала на положения ЗК РФ, которые позволяют ограничивать права собственника такого участка без компенсации и реальной возможности оспорить размер выкупной цены.

КС РФ часть оспариваемых норм признал неконституционными, поскольку они допускают неоднозначное толкование условий возмещения собственникам участков убытков, причиненных правомерными действиями власти. Законодателю предписано пересмотреть эти условия. Дело заявительницы также должно быть пересмотрено. КС РФ четко определил, что нельзя ставить выкупную цену в зависимость от «усредненной» кадастровой оценки. Суд отметил, что изъятие – это не «покупка по прейскуранту», а компенсация реальных потерь. Соб-

ственник вправе требовать рыночную стоимость, даже если она выше кадастра. При этом бремя доказывания публичного интереса лежит на государстве. КС РФ указал: норма должна толковаться так, что «публичная необходимость» должна быть явной и безальтернативной. Эта позиция превращает угрозу из административного усмотрения в индивидуальную сделку с гарантией справедливой цены.

Блок 2. Угроза сноса самовольной постройки

Мы опираемся на Постановление КС РФ от 03.07.2019 № 26-П [2]. Согласно делу, гражданину С.Г. Рязанову удалось взыскать с администрации муниципального образования Верхняя Пышма 3 615 749 руб. за убыток, связанный со сносом самовольной постройки, возведенной им в 1984 г. на земельном участке, предоставленном для ведения садоводства и расположенном в охранной зоне опасного производственного объекта – магистрального газопровода. Суд исходил из того, что местные органы власти не донесли своевременно информацию о наличии ограничений в использовании земельных участков, находящихся в охранной зоне, а добросовестность, разумность и осмотрительность действий Рязанова судами не отрицалось, «право собственности на возведенный жилой дом было зарегистрировано в установленном законом порядке, а претензии к гражданину со стороны организации, эксплуатирующей газопровод, были предъявлены значительно позже возведения данного дома» [2].

При анализе правовых позиций КС РФ по данному делу важно обратить внимание на принцип пропорциональности (соразмерности). Снос – это крайняя, а не основная мера. КС РФ отмечает, что снос самовольной постройки допустим только тогда, когда нарушение неустранимо, а использование объекта заведомо создает угрозу жизни и здоровью. КС РФ вводит принцип: «Риски ошибок администрации не могут перекладываться на частное лицо». Это конституционная интерпретация сдвигает фокус с факта нарушения (формальный подход ГК РФ) на последствия этого нарушения для публичных интересов. Если последствия устранимы, конституционное право перевешивает отраслевую формальность.

Блок 3. Угроза утраты единственного жилья при взыскании (исполнительный иммунитет)

В качестве ключевого акта при рассмотрении данной проблемы мы выделили Постановление КС РФ от 14.05.2012 № 11-П (и последующие уточнения – 2021–2022 гг.) [3]. Суть спора – взыскание по кредитам на заложенное жилье, когда должник является заемщиком, а жилье – единственное для должника и членов его семьи. КС РФ отмечает, что необходимо защищать право на жилище не только самого должника, но и членов его семьи, в т.ч. находящихся на его иждивении несовершеннолетних, престарелых и т.д. Однако такой «имущественный (исполнительский) иммунитет должен распространяться не на все жилье граждан, а только на то, которое по своим объективным характеристикам (параметрам) является разумно достаточным, т.е. способным гарантировать должнику и его семье уровень нормального существования» [3]. КС РФ поставил задачу законодателю уточнить нормы «обеспечения разумной потребности в жилище».

Для нас важен факт позиции КС РФ о том, что конституционный иммунитет не абсолютен. КС РФ четко разграничил: ст. 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее: ГПК РФ) о невозможности забрать единственное жилье работает только для неипотечных долгов (коммуналка, налоги, автоштрафы). Для ипотеки существует отдельный режим. Если жилье в залоге у банка, его можно изъять и продать с торгов, даже если оно единственное. Однако КС РФ добавил конституционное условие: сумма долга должна быть соразмерна стоимости жилья. Т.е. банк не может забрать квартиру стоимостью 10 млн руб. за долг в 300 тыс. руб. – это произвол. Еще один важный момент – это защита уязвимых собственников. Суд обязал суды общей юрисдикции проверять, не приведет ли изъятие к состоянию «крайней нужды» – потери жилья несовершеннолетними и инвалидами.

Таким образом, КС РФ фактически вписывает социальный аспект в ст. 35 Конституции РФ. Отраслевая угроза (изъятие по иску банка) получает конституционный фильтр: изъять можно, но только если это не лишит человека возможности существовать.

Блок 4. Угроза переквалификации сделок и неосновательного обогащения

Для решения проблемы угроз при квалификации сделок и неосновательном обогащении ключевым является Постановление КС РФ от 21.04.2003 № 6-П [4]. Оно напрямую разрешает коллизию между возвратом имущества по недействительной сделке (ст. 167 ГК РФ) и его истребованием у добросовестного приобретателя (ст. 302 ГК РФ). В этом деле КС РФ встал на защиту добросовестного приобретателя. Суд указал, что если имущество приобретено возмездно у лица, не имевшего права его отчуждать, и покупатель не знал об этом, то собственник не вправе истребовать имущество через признание сделки недействительной (ст. 167 ГК РФ). Единственный путь – виндикационный иск (ст. 302 ГК РФ), что напрямую ограничивает применение норм о неосновательном обогащении и реституции. Соблюдая баланс конституционных прав, КС РФ признал, что неоднозначное толкование ст. 167 и 302 ГК РФ приводит к коллизии конституционных прав собственника и добросовестного приобретателя. Однако КС РФ отмечает, что стабильность оборота выше формальной неосновательности. Если сделка исполнена, деньги перечислены и товар получен, нельзя через суд требовать возврата части суммы только потому, что сейчас рынок упал или кто-то передумал. Неосновательное обогащение – это ничем не оправданное получение выгоды. Если была законная сделка, то выгода оправдана, даже если она велика. Конституционная интерпретация здесь служит инструментом, разрешающим этот конфликт без умаления прав одной из сторон. Таким образом, основная угроза при квалификации сделок возникает из-за попыток обойти виндикационные правила через иски о недействительности, и Постановление № 6-П является тем конституционным фильтром, который эту угрозу блокирует. Это модель «конституционной защиты от ретроспективного усмотрения». Угроза не в самих нормах ГК РФ, а в практике их расширительного толкования – суды пытаются исправить «несправедливость» цены, нарушая предсказуемость права.

Блок 5. Угроза изменения правового режима недвижимости (зоны ограничений)

Ключевой акт для рассматриваемой проблемы – Постановление КС РФ от 11.06.2024 № 29-П [5]. Суть дела состоит в следующем: участок попал в водоохранную зону, из-за чего собственнику запретили строительство, т.е. формально участок не изъяли, но экономически использовать его стало невозможно.

КС РФ отметил, что «скрытое изъятие» де-факто является экспроприацией. КС РФ впервые заявил: если установление обременения (зоны, сервитута) полностью лишает собственника возможности использовать участок по целевому назначению, это равносильно изъятию и требует компенсации. КС РФ констатирует, что государство не может вводить санитарные или охранные зоны постфактум, если участок уже был в собственности, и при этом не выплачивать убытки. Собственник вправе требовать не отмены зоны (это публичный интерес), а соразмерной компенсации снижения стоимости объекта. Это расширение конституционной защиты на экономическое содержание права, а не только на юридический титул. Конституционная интерпретация отождествляет существенное ограничение правомочий с лишением права.

Таким образом, правоприменительная практика демонстрирует множественность сопутствующих рисков. Для системного анализа этих рисков предлагается их классификация по субъектному составу и способу судебной защиты. Систематизация отраслевых угроз представлена в таблице 1.

Таблица 1

Тип угрозы	Отраслевая норма	Ключевое дело КС РФ	Конституционный критерий защиты
Изъятие для госнужд	ст. 279 ГК РФ, ст. 56 ЗК РФ	Постановление КС РФ от 05.03.2020 № 11-П	Рыночная цена, а не кадастр + бремя доказывания на госоргане
Снос самостроя	ст. 222 ГК РФ	Постановление КС РФ от 03.07.2019 № 26-П	Снос – крайняя мера, устранимость нарушений, защита добросовестности
Ипотека и единственное жилье	ст. 446 ГПК РФ	Постановление КС РФ от 14.05.2012 № 11-П	Соразмерность долга стоимости жилья + защита социально уязвимых
Пересмотр сделок (неосновательное обогащение)	ст. 167 ГК РФ, ст. 302 ГК РФ	Постановление КС РФ от 21.04.2003 № 6-П	Презумпция оправданности исполненной сделки, запрет ретроспективного пересмотра
Зоны ограничений (сервитуты)	ст. 1, 56 ЗК РФ	Постановление КС РФ от 11.06.2024 № 29-П	Компенсация снижения стоимости при «скрытом изъятии»

Систематизация отраслевых угроз показывает их встроенность в механизмы управления имуществом. Однако конституционная интерпретация превращает эти угрозы из инструментов фискальной политики в ограниченные меры, допустимые лишь при исчерпании всех компромиссных решений. Проблема реализации кроется в отсутствии механизма обязательного предварительного конституционного мониторинга таких норм перед их применением к конкретному правообладателю.

Таким образом, конституционные позиции КС РФ по изъятию и сносу недвижимости создают формальные гарантии защиты, но их реализация судами общей юрисдикции затруднена вследствие следующих причин: 1) оценочного характера ключевых критериев (определения «исключительные обстоятельства», «угроза жизни», «устранимость нарушений» не несут конкретики); 2) отсутствия четких процессуальных механизмов их применения; 3) неоднородности судебной практики. Это порождает разрыв между конституционной декларацией и правоприменительной реальностью, что требует законодательного восполнения указанных пробелов. Вместе с тем выявление конституционных рисков в сфере недвижимости создает методологическую основу для дальнейших научных исследований по выявлению и предупреждению нарушений прав граждан публичной властью.

Литература

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 5 марта 2020 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности подп. 4 и 5 п. 1 и п. 5 ст. 57 Земельного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.С. Бутримовой»// https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73606590/ (дата обращения: 07.08.2026).

2. Постановление КС РФ от 03.07.2019 № 26-П «По делу о проверке конституционности ст. 15, 16 и 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации, п. 4 ст. 242.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации и ч. 10 ст. 85 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой администрации городского округа Верхняя Пышма»// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328331/ (дата обращения: 07.08.2026).

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П № «По делу о проверке конституционности положения абзаца 2 ч. 1 ст. 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова» // https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70075942/ (дата обращения: 07.08.2026).

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пп. 1 и 2 ст. 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Скляновой, Р.М. Скляновой и В.М. Ширяева» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_41943/ (дата обращения: 07.08.2026).

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.06.2024 № 29-П «По делу о проверке конституционности п. 3 ст. 6 и п. 1 ст. 39.20 Земельного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.А. Ермака // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_478469/ (дата обращения: 07.08.2026).

6. Александрова Н.В. Ограничения и обременения права собственности в сфере недвижимости / Н.В. Александрова, А.В. Карпов // Oeconomia et Jus. – 2025. – № 4. – С. 50–60. – DOI 10.47026/2499–9636–2025–4–50–60.

7. Масленко О.Р. Риски экономической безопасности при осуществлении сделок с недвижимостью: классификация и пути противодействия / О.Р. Масленко, П.В. Гнездилова // Молодой ученый. – 2026. – № 20 (623). – С. 299–301. – URL: https://moluch.ru/archive/623/136586 (дата обращения: 07.08.2026).

8. Nosov V.V. Constitutional and legal mechanisms for the protection of private property rights / V.V. Nosov // E3S Web of Conferences. – 2023. – Vol. 371, 05046. – DOI 10.1051/e3sconf/202337105046.

9. Овинников, В.А. Некоторые аспекты реализации защиты жилищных прав: формы и способы (анализ правоприменения) // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 8(224). – С. 293–296.

10. Чулюкова С.А., Дробот М.А. Некоторые проблемы правового регулирования отношений собственности и их ограничений на объекты недвижимости// КиберЛенинка. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-pravovogo-regulirovaniya-otnosheniy-sobstvennosti-i-ih-ogranicheniy-na-obekty-nedvizhimosti (дата обращения: 07.08.2026).

SYSTEMATIZATION AND CONSTITUTIONAL INTERPRETATION OF SECTORAL THREATS TO PROPERTY RIGHTS IN REAL ESTATE

Chireikin N.
Novosibirsk State University of Economics and Management

The article is devoted to the systematization of sectoral threats to the right of ownership of real estate objects and their constitutional interpretation in conditions of legal uncertainty. The paper identifies five consolidated risk blocks reflecting the current structure of threats, and also examines the role of constitutional interpretation as a tool that makes it possible to preserve the essential content of the right of ownership through the lens of sectoral regulation. Special attention is paid to the proposed criteria for the constitutional protection of the right of ownership.

Keywords: sectoral threat, ownership right, real estate objects, constitutional guarantee, The Constitutional Court of the Russian Federation, constitutional criterion for protection.

References

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 5 марта 2020 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности подп. 4 и 5 п. 1 и п. 5 ст. 57 Земельного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.С. Бутримовой»// https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73606590/ (дата обращения: 07.08.2026).

2. Постановление КС РФ от 03.07.2019 № 26-П «По делу о проверке конституционности ст. 15, 16 и 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации, п. 4 ст. 242.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации и ч. 10 ст. 85 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой администрации городского округа Верхняя Пышма»// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328331/ (дата обращения: 07.08.2026).

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П № «По делу о проверке конституционности положения абзаца 2 ч. 1 ст. 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова» // https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70075942/ (дата обращения: 07.08.2026).

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пп. 1 и 2 ст. 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Скляновой, Р.М. Скляновой и В.М. Ширяева» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_41943/ (дата обращения: 07.08.2026).

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.06.2024 № 29-П «По делу о проверке конституционности п. 3 ст. 6 и п. 1 ст. 39.20 Земельного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.А. Ермака // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_478469/ (дата обращения: 07.08.2026).

6. Александрова Н.В. Ограничения и обременения права собственности в сфере недвижимости / Н.В. Александрова, А.В. Карпов // Oeconomia et Jus. – 2025. – № 4. – С. 50–60. – DOI 10.47026/2499–9636–2025–4–50–60.

7. Масленко О.Р. Риски экономической безопасности при осуществлении сделок с недвижимостью: классификация и пути противодействия / О.Р. Масленко, П.В. Гнездилова // Молодой ученый. – 2026. – № 20 (623). – С. 299–301. – URL: https://moluch.ru/archive/623/136586 (дата обращения: 07.08.2026).

8. Nosov V.V. Constitutional and legal mechanisms for the protection of private property rights / V.V. Nosov // E3S Web of Conferences. – 2023. – Vol. 371, 05046. – DOI 10.1051/e3sconf/202337105046.

9. Овинников, В.А. Некоторые аспекты реализации защиты жилищных прав: формы и способы (анализ правоприменения) // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 8(224). – С. 293–296.

10. Чулюкова С.А., Дробот М.А. Некоторые проблемы правового регулирования отношений собственности и их ограничений на объекты недвижимости// КиберЛенинка. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-pravovogo-regulirovaniya-otnosheniy-sobstvennosti-i-ih-ogranicheniy-na-obekty-nedvizhimosti (дата обращения: 07.08.2026).

Конституционно-правовой статус участников программ репатриации и соотечественников за рубежом: дифференциация как инструмент государственной политики

Юсупов Булат Шавкатович,
аспирант кафедры «Конституционного права и конституционного судопроизводства», Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
E-mail: bulatyusupov2000@gmail.com

Статья посвящена анализу конституционно-правового статуса двух смежных, но не тождественных категорий лиц – соотечественников, проживающих за рубежом, и участников государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников в Российскую Федерацию. Предметом исследования выступают нормативные основания дифференциации их статуса относительно статуса иных иностранных граждан и лиц без гражданства. Целью работы является выявление конституционно-правовых пределов такой дифференциации и оценка её соответствия принципу равенства. Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой и институциональный методы. В результате исследования установлено, что действующее законодательство использует размытый и внутренне противоречивый критерий отнесения лица к числу соотечественников, что порождает риски произвольного правоприменения. Сделан вывод о необходимости уточнения legislative критериев дифференциации при сохранении самого института преференциального регулирования. Результаты могут быть использованы в законотворческой деятельности и при дальнейшей разработке доктрины конституционно-правового статуса личности.

Ключевые слова: соотечественники за рубежом; репатриация; конституционный статус личности; дифференциация правового статуса; принцип равенства; гражданство Российской Федерации; Государственная программа переселения; этнокультурная идентичность.

Вопрос о правовом положении соотечественников, проживающих за пределами Российской Федерации, а также лиц, участвующих в государственных программах переселения, обладает давней историей обсуждения в отечественной науке, однако конституционализация соответствующих отношений произошла сравнительно недавно – с внесением в 2020 году в текст Конституции Российской Федерации части 3 статьи 69, согласно которой государство «обеспечивает поддержку соотечественникам, проживающим за рубежом, в осуществлении ими прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности в соответствии с федеральным законом»[1]. Формулировка, на первый взгляд, декларативная, и при более пристальном рассмотрении порождает целый ряд вопросов, которые, как представляется, до настоящего времени не получили должного разрешения ни в доктрине, ни в правоприменительной практике.

Прежде всего необходимо развести, что, к сожалению, нередко упускается из виду даже в специальной литературе, два формально самостоятельных, хотя содержательно пересекающихся института: институт соотечественников за рубежом в широком смысле, статус которых определён Федеральным законом от 24 мая 1999 года № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом»[2], и институт участников Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, введённой Указом Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 года № 637[3]. Первый институт носит преимущественно декларативно-покровительственный характер и практически не порождает конкретных субъективных прав, реализация которых обеспечивалась бы принудительной силой государства. Второй, напротив, представляет собой полноценный административно-правовой статус, влекущий вполне осязаемые преференции – от компенсации расходов на переезд до упрощённого порядка приобретения российского гражданства.

Отождествление данных институтов, встречающееся, впрочем, не столько в законодательстве, сколько в публицистическом и даже отчасти в научном дискурсе, представляется методологически неоправданным. Дело в том, что круг лиц, подпадающих под определение «соотечественник» согласно статье 1 упомянутого Закона № 99-ФЗ, чрезвычайно широк и включает как граждан Российской Федерации, постоянно проживающих за границей, так и «лиц и их потомков, проживающих за пределами территории Российской Федерации и относящихся, как правило, к народам, исторически проживающим на территории Российской Федерации», а также выходцев (эмигрантов) из Российского государства, РСФСР, СССР и Российской Федерации и их потомков по прямой нисходящей линии. Такая формулировка оперирует критериями, которые с трудом поддаются формально-юридической верификации, о чем высказываются критические замечания, в литературе применительно к аналогичным конструкциям миграционного законодательства[4]. Понятие «относящихся, как правило, к народам, исторически проживающим на территории Российской Федерации» не содержит операционального определения, оставляя правоприменителю (в данном случае – консульским учреждениям и уполномоченным органам) значительный простор для усмотрения, что само по себе соз-

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 15.08.2026).

[2] Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» от 24.05.1999 № 99-ФЗ // СПС КонсультантПлюс URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/ (дата обращения: 15.08.2026).

[3] 3. Указ Президента РФ от 22.06.2006 № 637 (ред. от 08.09.2025) «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» (вместе с «Государственной программой по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом») // СПС КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61111/ (дата обращения: 15.08.2026).

[4] Герасимова, В.А. Российские соотечественники за рубежом / В.А. Герасимова // Постсоветские исследования. – 2019. – Т. 2, № 1. – С. 904–921.

даёт напряжение с конституционным принципом формальной определённости правовой нормы.

Совершенно иной характер носит статус участника Государственной программы переселения. Здесь критерии носят не столько этнокультурный, сколько функциональный характер: наличие дееспособности, владение русским языком, соответствие требованиям, предъявляемым к профессионально-квалификационному составу переселенцев применительно к конкретному субъекту Российской Федерации, включённому в число территорий вселения. Показательно, что именно этот институт, а не институт соотечественников в широком смысле, связан с наиболее ощутимой дифференциацией статуса – упрощённым порядком приобретения гражданства Российской Федерации, установленным Федеральным законом от 28 апреля 2023 года № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»[1], который заменил собой ранее действовавший Федеральный закон от 31 мая 2002 года № 62-ФЗ.

Возникает закономерный вопрос: насколько подобная дифференциация – предоставление участникам Государственной программы преференций, которых лишены иные иностранные граждане и лица без гражданства, оказавшиеся в аналогичном фактическом положении, соответствует конституционному принципу равенства, закреплённому в статье 19 Конституции Российской Федерации? Относительно недавно ситуация изменилась самым существенным образом.

Речь идёт о Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2026 года № 28-П, принятом по жалобе гражданки Е.П. Ростовой[2]. Обстоятельства данного дела, при всей их кажущейся удалённости от собственно темы соотечественников (формальным предметом спора выступало пенсионное законодательство), имеют, как представляется, прямое и притом весьма показательное отношение к предмету настоящего исследования. Заявительница, родившая и воспитавшая троих детей на территории Республики Узбекистан в период, когда та входила в состав СССР, обратилась за назначением досрочной страховой пенсии по старости, предусмотренной для многодетных матерей пунктом 1.2 части 1 статьи 32 Федерального закона «О страховых пенсиях». Территориальный орган Фонда пенсионного и социального страхования отказал ей в назначении пенсии, сославшись на то, что дети рождены и воспитывались за пределами Российской Федерации либо РСФСР.

Конституционный Суд признал такое ограничительное толкование не соответствующим Конституции Российской Федерации, притом что сама норма формально не содержит подобного условия. Наиболее существенным для целей настоящей статьи представляется то обстоятельство, что Суд прямо связал данное дело с более широкой конституционной политикой поддержки соотечественников, указав, что «еще одним важным направлением государственной политики России является содействие соотечественникам, оказавшимся постоянно проживающими за ее пределами, в возвращении на историческую Родину и в их успешной интеграции в российское общество», причём эта деятельность имеет, по прямому указанию Суда, конституционную значимость именно в силу статьи 69 (часть 3) Конституции.

Показательно и то, что Конституционный Суд использовал в мотивировочной части постановления формулировку, дословно воспроизводящую понятие, вынесенное в заглавие настоящей статьи и, шире, в заглавие соответствующего диссертационного исследования: Суд указал, что российское гражданство заявительницы и её детей «означает их устойчивую правовую связь с Российской Федерацией, выражающуюся в совокупности взаимных прав и обязанностей». Подобное словоупотребление, думается, свидетельствует о том, что понятие устойчивой правовой связи, введённое в оборот Федеральным законом № 138-ФЗ 2023 года, приобретает статус не просто легального определения технического характера, но полноценной конституционно-значимой категории, наполняемой содержанием в практике органа конституционного правосудия.

Не менее важен и общий тест допустимости дифференциации, сформулированный Конституционным Судом в данном постановлении: различия в правах граждан допустимы, «если такие различия объективно оправданны, обоснованны и преследуют конституционно значимые цели, а используемые для достижения указанных целей правовые средства соразмерны им». Данная формула по своей структуре в целом соответствует классическому трёхчастному тесту пропорциональности, ранее вырабатывавшемуся Судом применительно к широкому кругу конституционных споров, в частности, ещё в Постановлении от 16 мая 1996 года № 12-П по делу А.Б. Смирнова Суд, хотя и не используя тождественной формулы, пришёл к сходному по существу выводу о недопустимости различий в правовом статусе, производных исключительно от места проживания лица и не имеющих объективного оправдания[3]. Сопоставление данных двух постановлений, разделённых тридцатилетним периодом, позволяет, как представляется, говорить об определённой преемственности правовых позиций Суда применительно к статусу лиц, связанных с процессами репатриации и возвращения соотечественников, что само по себе заслуживает более подробного самостоятельного исследования, выходящего за рамки настоящей статьи.

Из данного постановления 2026 года можно вывести значимый для темы настоящей статьи структурный вывод: конституционно оправданная дифференциация статуса соотечественников и участников программ переселения существует, по всей видимости, на двух принципиально различных этапах. На этапе приобретения соответствующего статуса – то есть при решении вопроса о том, кто именно вправе претендовать на преференции, связанные с переселением, упрощённым приобретением гражданства и тому подобным, дифференциация не только допустима, но и необходима, поскольку она служит достижению легитимных демографических и национально-культурных целей. Однако на этапе, следующем за приобретением гражданства Российской Федерации – применительно к лицам, уже ставшим полноправными гражданами вне зависимости от предшествующего места их проживания или рождения их детей, сохранение каких бы то ни было различий в объёме прав становится, как показывает разобранный казус, конституционно недопустимым. Иными словами, дифференциация оправданна как инструмент отбора на входе в статус, но не может продолжать действовать в форме сохраняющихся ограничений после того, как гражданство приобретено.

Данный вывод, думается, имеет прямое значение и для оценки института соотечественников в узком смысле, рассмотренного в начале настоящей статьи. Если размытость критериев отнесения лица к соотечественникам создаёт риски произвольного правоприменения на этапе решения вопроса о предоставлении преференций, то после фактического переселения и приобретения российского гражданства, как справедливо на наш взгляд, подчёркивает Конституционный Суд: такое лицо должно пользоваться, согласно статье 6 (часть 2) Конституции Российской Федерации, всеми правами и свободами наравне с гражданами, «принадлежащими к… юрисдикции с рождения»[4]. Данная формула Суда, пожалуй, могла бы быть прямо инкорпорирована и в более широкий доктринальный анализ статуса репатриантов, поскольку она задаёт универсальный ориентир: любые различия, сохраняющиеся после натурализации и не связанные с объективными, содержательно обусловленными обстоятельствами, приобретают дискриминационный характер.

Нельзя не отметить и сравнительно-правовой аспект проблемы. Опыт ряда зарубежных государств, использующих схожие институты репатриационной политики. В частности, немецкий институт поздних переселенцев (Spätaussiedler)[5] или израильский Закон о возвращении[6], свидетельствуют о том, что более чёткая формализация критериев на этапе приобретения статуса (документальное подтверждение происхождения, языковой ценз) снижает дискреционные риски правоприменения, не устраняя при этом самого механизма преференциального регулирования. Заимствование подобного опыта применительно к российскому законодательству о соотечественниках, думается, заслуживает более пристального внимания законодателя, нежели то, которое ему уделяется в настоящее время, тем более что, как показывает разобранная выше практика Конституционного Суда, сама логика последовательного различения этапов «отбора» и «полного включения» уже, по существу, заложена в отечественном конституционном

[1] Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» от 28.04.2023 № 138-ФЗ // СПС КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445998/ (дата обращения: 15.08.2026).

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 27.04.2026 N 28-П «По делу о проверке конституционности пункта 1.2 части 1 статьи 32 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданки Ростовой Елены Павловны» // СПС КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_532915/ (дата обращения: 15.08.2026).

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 16.05.1996 N 12-П «По делу о проверке конституционности пункта «г» статьи 18 Закона Российской Федерации «О гражданстве Российской Федерации» в связи с жалобой А.Б. Смирнова» // // СПС КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10438/ (дата обращения: 15.08.2026).

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 27.04.2026 N 28-П «По делу о проверке конституционности пункта 1.2 части 1 статьи 32 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданки Ростовой Елены Павловны» // СПС КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_532915 / (дата обращения: 15.08.2026).

[5] § 4 Spätaussiedler. Bundesvertriebenengesetz in der Fassung der Bekanntmachung vom 2. Juni 1993 (BGBl. I S. 829), zuletzt geändert durch Artikel… // Bundesministerium der Justiz. https://www.gesetze-im-internet.de/bvfg/ (дата обращения: 15.08.2026).

[6] Israel: Law No. 5710–1950, The Law of Return // URL: https://www.refworld.org/legal/legislation/natlegbod/1950/34127 (дата обращения: 15.08.2026).

правопорядке, хотя и не получила пока полного законодательного оформления.

Подводя итог изложенному, представляется возможным сформулировать следующие выводы. Во-первых, дифференциация конституционно-правового статуса соотечественников за рубежом и участников программ репатриации по отношению к статусу иных иностранных граждан и лиц без гражданства как таковая не противоречит конституционному принципу равенства, поскольку опирается на легитимные цели демографической и национально-культурной политики государства. Во-вторых, наиболее уязвимым с точки зрения требований формальной определённости остаётся не институт участников Государственной программы переселения, критерии отбора в рамках которого носят достаточно операциональный характер, а более широкий институт соотечественников, понятийный аппарат которого нуждается в существенной законодательной доработке. В-третьих, новейшая практика Конституционного Суда Российской Федерации демонстрирует важный структурный принцип: допустимая на этапе приобретения статуса дифференциация должна полностью уступать место принципу равенства после натурализации лица, принцип, который, думается, заслуживает прямого закрепления в отраслевом законодательстве о гражданстве и о статусе соотечественников. В-четвёртых, конституционализация поддержки соотечественников, состоявшаяся в 2020 году, и её последующее содержательное наполнение в практике конституционного правосудия создают предпосылки для дальнейшего развития данного института, разрешение накопившихся проблем нормативной неопределённости которого представляется одной из насущных задач современного российского законодателя.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 15.08.2026).

2. Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» от 24.05.1999 № 99-ФЗ // СПС КонсультантПлюс URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/ (дата обращения: 15.08.2026).

3. Указ Президента РФ от 22.06.2006 № 637 (ред. от 08.09.2025) «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» (вместе с «Государственной программой по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом») // СПС КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61111 / (дата обращения: 15.08.2026).

4. Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» от 28.04.2023 № 138-ФЗ // СПС КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445998/ (дата обращения: 15.08.2026).

5. § 4 Spätaussiedler. Bundesvertriebenengesetz in der Fassung der Bekanntmachung vom 2. Juni 1993 (BGBl. I S. 829), zuletzt geändert durch Artikel… // Bundesministerium der Justiz. https://www.gesetze-im-internet.de/bvfg/ (дата обращения: 15.08.2026).

6. Israel: Law No. 5710–1950, The Law of Return // URL: https://www.refworld.org/legal/legislation/natlegbod/1950/34127 (дата обращения: 15.08.2026).

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.04.2026 N 28-П «По делу о проверке конституционности пункта 1.2 части 1 статьи 32 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданки Ростовой Елены Павловны» // СПС КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_532915/ (дата обращения: 15.08.2026).

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.04.2026 N 28-П «По делу о проверке конституционности пункта 1.2 части 1 статьи 32 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданки Ростовой Елены Павловны» // СПС КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_532915 / (дата обращения: 15.08.2026).

9. Герасимова, В.А. Российские соотечественники за рубежом / В.А. Герасимова // Постсоветские исследования. – 2019. – Т. 2, № 1. – С. 904–921.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS OF PARTICIPANTS IN REPATRIATION PROGRAMS AND COMPATRIOTS ABROAD: DIFFERENTIATION AS AN INSTRUMENT OF STATE POLICY

Yusupov B.Sh.
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The article analyzes the constitutional and legal regime of two related yet non-identical categories of persons – compatriots residing abroad and participants of the State program for assisting voluntary resettlement of compatriots to the Russian Federation. The subject of the study is the normative grounds for differentiating their status from that of other foreign nationals and stateless persons. The aim is to identify the constitutional limits of such differentiation and assess its compliance with the equality principle. The methodological basis includes formal legal, comparative legal, and institutional methods. The study establishes that current legislation relies on a vague and internally inconsistent criterion for classifying a person as a compatriot, creating risks of arbitrary application. The author concludes that legislative criteria require clarification while the institution of preferential regulation itself should be preserved. The results may be used in lawmaking and further development of the doctrine of constitutional status of the individual.

Keywords: compatriots abroad; repatriation; constitutional status of the individual; differentiation of legal status; equality principle; citizenship of the Russian Federation; State resettlement program; ethnocultural identity.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // SPS ConsultantPlus URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (date of access: 15.08.2026).

2. Federal Law "On the State Policy of the Russian Federation Regarding Compatriots Abroad" dated 24.05.1999 No. 99-FZ // SPS ConsultantPlus URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/ (date of access: 15.08.2026). 3. Decree of the President of the Russian Federation of June 22, 2006 No. 637 (as amended on September 8, 2025) "On measures to assist the voluntary resettlement of compatriots living abroad to the Russian Federation" (together with the "State program to assist the voluntary resettlement of compatriots living abroad to the Russian Federation") // SPS ConsultantPlus URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61111 / (date of access: August 15, 2026).

4. Federal Law "On Citizenship of the Russian Federation" of April 28, 2023, No. 138-FZ // SPS ConsultantPlus URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445998/ (accessed: August 15, 2026).

5. § 4 of the Federal Law "On Citizenship of the Russian Federation" dated June 2, 1993 (BGBl. I S. 829), according to Article… // Federal Ministry of Justice. https://www.gesetze-im-internet.de/bvfg/ (accessed: August 15, 2026).

6. Israel: Law No. 5710–1950, The Law of Return // URL: https://www.refworld.org/legal/legislation/natlegbod/1950/34127 (date of access: 15.08.2026).

7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 27.04.2026 N 28-P "On the case of verifying the constitutionality of paragraph 1.2 of Part 1 of Article 32 of the Federal Law "On Insurance Pensions" in connection with the complaint of citizen Elena Pavlovna Rostova" // SPS ConsultantPlus URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_532915/ (date of access: 15.08.2026).

8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 27, 2026, No. 28-P "On the case of verifying the constitutionality of paragraph 1.2 of Part 1 of Article 32 of the Federal Law "On Insurance Pensions" in connection with the complaint of citizen Elena Pavlovna Rostova" // SPS ConsultantPlus URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_532915 / (date of access: August 15, 2026).

9. Gerasimova, V.A. Russian compatriots abroad / V.A. Gerasimova // Post-Soviet studies. – 2019. – Vol. 2, No. 1. – P. 904–921.

Гражданско-правовое регулирование автономно сгенерированного результата деятельности юнита искусственного интеллекта по законодательству Российской Федерации

Борзенков Павел Евгеньевич,
аспирант, ФГБОУ ВО «Юго-Западный Государственный Университет»
E-mail: borzenkov.pash@yandex.ru

Развитие генеративного искусственного интеллекта сформировало новую категорию цифровых результатов, которые способны обладать самостоятельной экономической ценностью при отсутствии определяющего творческого участия человека в формировании их конкретной формы. Российское гражданское законодательство пока не предусматривает специального правового режима полностью автономно сгенерированных результатов. В статье предлагается рабочее определение понятия «автономно сгенерированный результат деятельности юнита искусственного интеллекта», исследуется его место в системе объектов гражданских прав, анализируются проблемы авторства и принадлежности исключительных прав. Обосновывается вывод о невозможности автоматического распространения традиционного авторско-правового режима на результаты, в создании которых отсутствует достаточный творческий вклад человека. Рассматриваются основные перспективные модели правового регулирования, включая создание специального краткосрочного имущественного права sui generis.

Ключевые слова: искусственный интеллект, генеративный искусственный интеллект, юнит искусственного интеллекта, автономно сгенерированный результат, гражданское право, авторское право, результат интеллектуальной деятельности, творческий труд, исключительное право, sui generis.

Активное развитие генеративного искусственного интеллекта оказывает существенное влияние на традиционные гражданско-правовые представления о создании и использовании результатов интеллектуальной деятельности. Современные системы способны формировать тексты, изображения, музыкальные произведения, программный код и иные информационные результаты, конкретная форма которых непосредственно не определяется пользователем.

Вследствие этого возникает принципиальный вопрос: может ли результат, имеющий объективную форму и экономическую ценность, но созданный без определяющего творческого участия человека, охраняться средствами российского авторского права?

Для целей настоящего исследования предлагается использовать категорию «юнит искусственного интеллекта». Данный термин действующим законодательством Российской Федерации не закреплен и используется как доктринальная конструкция. Под юнитом искусственного интеллекта предлагается понимать индивидуализируемую программную систему, модель либо функционально обособленный экземпляр системы искусственного интеллекта, способный в рамках конкретного акта использования самостоятельно обрабатывать исходную информацию и формировать объективно выраженный результат.

Соответственно, автономно сгенерированным результатом деятельности юнита искусственного интеллекта следует считать выраженный в объективной форме информационный результат, конкретные содержательные либо выразительные характеристики которого сформированы системой искусственного интеллекта при отсутствии достаточного личного творческого вклада гражданина.

Статья 128 ГК РФ закрепляет систему объектов гражданских прав, включающую вещи и иное имущество, результаты работ и оказание услуг, охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, а также нематериальные блага. Самостоятельная категория «результат деятельности искусственного интеллекта» действующим ГК РФ не установлена.

Однако отсутствие специального указания не означает экономической иррелевантности автономно сгенерированного результата. Созданное системой изображение, текст, программный код или иной цифровой материал может использоваться в предпринимательской деятельности, рекламе, дизайне, издательском деле и иных областях.

При этом необходимо разграничивать фактическую экономическую ценность информационного результата и наличие исключительного права на него. Не каждый объективно существующий цифровой материал автоматически является охраняемым результатом интеллектуальной деятельности.

Пункт 1 статьи 1225 ГК РФ содержит перечень охраняемых результатов интеллектуальной деятельности. Верховный Суд РФ подчеркивает, что данный перечень является исчерпывающим с точки зрения видов интеллектуальной собственности, охраняемых частью четвертой ГК РФ.

Для авторского права ключевое значение имеют статьи 1228, 1257 и 1259 ГК РФ. Их системное толкование позволяет сделать вывод, что охраняемый авторским правом результат должен быть связан с творческим трудом человека. Верховный Суд непосредственно указал, что объектом авторского права является только результат, созданный творческим трудом.

Следовательно, внешнее сходство результата генеративной модели с произведением человека само по себе еще не дает оснований для возникновения авторского права.

Согласно пункту 1 статьи 1228 ГК РФ автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого такой результат создан. Статья 1257 ГК РФ аналогичным образом связывает авторство произведения науки, литературы или искусства с гражданином.

Таким образом, российское авторское право изначально основано на человекоцентричной модели.

Особое значение для анализа результатов деятельности ИИ имеет пункт 80 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». Верховный Суд разъяснил, что использование технических средств не препятствует авторско-правовой охране,

если произведение является результатом творческой деятельности человека. Однако результаты, создаваемые техническими средствами при отсутствии творческого характера человеческой деятельности, объектами авторского права не являются. В качестве примера Суд приводит автоматическую фото– и видеосъемку камерой наблюдения.

Данный подход может быть применен и к генеративным системам.

Если художник, писатель, дизайнер либо программист использует искусственный интеллект исключительно как инструмент реализации собственного замысла, сохраняются основания для применения традиционного авторского права.

Иная ситуация возникает, когда человек лишь формулирует общий запрос, а конкретные композиционные, художественные, текстовые либо иные выразительные характеристики самостоятельно определяются алгоритмом.

Например, указание «создать изображение футуристического города ночью» определяет общую идею, однако конкретная архитектура объектов, их расположение, освещение, композиция и детали могут быть сформированы непосредственно генеративной моделью. В такой ситуации признание пользователя автором всего изображения только вследствие введения запроса способно привести к юридической фикции человеческого творчества.

Вместе с тем один только факт применения ИИ не должен лишать результата охраны. Пользователь может создать подробную концепцию, провести значительное количество итераций, самостоятельно переработать результат, объединить различные фрагменты и определить окончательную форму произведения.

Следовательно, необходимо разграничивать результат, созданный человеком при помощи ИИ, и результат, автономно сформированный ИИ.

В отношении полностью автономной генерации теоретически возможно несколько подходов.

Первый предполагает признание автором пользователя. Преимущество данной модели заключается в ее относительной простоте: лицо, инициировавшее процесс, получает права на результат. Однако такой подход не соответствует требованию статьи 1228 ГК РФ о личном творческом вкладе.

Второй вариант заключается в предоставлении прав разработчику системы искусственного интеллекта. Однако разработчик создает саму программу или модель, а не конкретный результат каждого акта ее использования. Авторские права на программу для ЭВМ не могут автоматически означать наличие прав на весь контент, который потенциально способен быть сформирован соответствующей программой.

Третьим подходом выступает признание автором самого искусственного интеллекта. В условиях действующего российского законодательства такая конструкция практически невозможна. Автором признается гражданин, тогда как ИИ самостоятельной гражданской правосубъектностью не обладает.

Кроме того, машинное авторство потребовало бы урегулировать вопросы собственности ИИ, срока его прав, распоряжения исключительным правом, судебного представительства и имущественной ответственности.

Наиболее последовательным при существующем регулировании является четвертый подход: полностью автономно сгенерированный результат при отсутствии человеческого творческого вклада не признается самостоятельным объектом авторского права.

Подобная модель непосредственно согласуется с позицией Верховного Суда о результатах автоматической работы технических средств.

Особого внимания заслуживает следующее событие: 26 июля 2026 года принят Федеральный закон № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации». Закон регулирует отношения в сфере разработки, внедрения и применения больших фундаментальных моделей искусственного интеллекта и закрепляет, в частности, риск-ориентированный подход к регулированию соответствующих технологий.

По состоянию на 18 августа 2026 г. основная часть закона еще не вступила в силу: общий срок начала ее действия установлен на 1 сентября 2026 г., тогда как ряд положений должен применяться с 1 марта 2027 г.

Для рассматриваемой проблемы особенно значимы положения, касающиеся использования результатов интеллектуальной деятельности при разработке и применении больших фундаментальных моделей. Закон регулирует соответствующие отношения и возлагает ответственность за нарушения на участников разработки, внедрения и применения ИИ, но не признает сам искусственный интеллект самостоятельным автором или правообладателем.

Принятие № 243-ФЗ свидетельствует о постепенном формировании специального законодательства об ИИ, однако проблема самостоятельного гражданско-правового режима полностью автономного результата остается нерешенной.

При этом упоминание в новом законодательстве результатов, получаемых посредством применения моделей ИИ, не должно толковаться как автоматическое признание любого такого результата объектом интеллектуальной собственности. Основания возникновения авторских прав по-прежнему определяются частью четвертой ГК РФ.

Полное исключение автономных результатов из сферы интеллектуальной собственности соответствует действующей конструкции авторства, однако может создать проблемы в случаях, когда получение коммерчески ценного результата требует значительных инвестиций.

Организация может понести существенные расходы на создание специализированной модели, подготовку данных, вычислительные мощности, многократную генерацию и профессиональный отбор итогового результата. Немедленная возможность неограниченного копирования такого результата конкурентами способна снизить экономические стимулы к некоторым видам деятельности.

Поэтому в перспективе представляется возможным создание особого имущественного права sui generis, принципиально отличающегося от авторского.

Такое право не должно предполагать существования автора и включать личные неимущественные правомочия – право авторства, право на имя или право на неприкосновенность произведения.

Его назначением должна стать исключительно защита существенных экономических инвестиций в получение конкретного автономного результата.

В качестве первоначального правообладателя возможно признать физическое или юридическое лицо, которое на законном основании организовало создание результата и понесло существенные финансовые, организационные либо технические затраты.

При этом простая генерация единичного изображения или текста посредством общедоступного сервиса не должна автоматически порождать новое исключительное право.

Срок такой охраны целесообразно установить существенно короче традиционного авторского срока – например, от трех до пяти лет с момента первого правомерного опубликования результата.

Право могло бы ограничиваться запретом прямого коммерческого копирования конкретного результата. Идеи, методы, художественный стиль, концепции и независимо полученные аналогичные результаты должны оставаться свободными.

Дополнительной гарантией против массовой монополизации цифрового контента может стать регистрационный принцип: специальное право возникает только после регистрации конкретного коммерчески значимого результата.

Представляется целесообразным дополнить часть четвертую ГК РФ положениями, прямо регулирующими использование систем искусственного интеллекта при создании потенциальных объектов интеллектуальной собственности.

Во-первых, необходимо закрепить принцип, согласно которому использование ИИ в качестве технического инструмента само по себе не исключает авторских прав гражданина.

Во-вторых, следует установить, что результат, конкретные выразительные характеристики которого сформированы системой искусственного интеллекта без достаточного личного творческого вклада гражданина, не признается произведением только вследствие своей оригинальности, эстетической ценности или самого факта инициирования генерации.

В-третьих, применительно к смешанным результатам целесообразно закрепить возможность охраны тех элементов, которые созданы непосредственно человеком, а также творческого подбора, расположения и переработки автономно сформированных материалов.

Необходимо также совершенствовать правила доказывания. Если в судебном споре подтверждено существенное использование генеративного ИИ, для установления авторства могут исследоваться история запросов, промежуточные версии результата, сведения о ручной переработке и иные обстоятельства, позволяющие определить реальный характер человеческого творческого участия.

Перспективным направлением является и развитие технической маркировки AI-контента. Однако такая маркировка должна выполнять преимущественно информационную и доказательственную функцию: наличие отметки об использовании ИИ само по себе не исключает авторского права, а отсутствие маркировки не должно автоматически означать человеческое происхождение результата.

Автономно сгенерированный результат деятельности юнита искусственного интеллекта представляет собой новую для гражданского

права категорию информационных объектов, способных иметь значительную экономическую ценность при отсутствии традиционного автора.

Действующая модель российского авторского права связывает возникновение авторства с гражданином и его творческим трудом. Верховный Суд РФ прямо разграничивает результаты человеческого творчества, созданные с использованием технических средств, и результаты автоматического функционирования техники без творческой деятельности человека; последние объектами авторского права не являются.

Следовательно, полностью автономный результат ИИ не должен автоматически признаваться произведением. Одновременно использование искусственного интеллекта в качестве инструмента не препятствует авторско-правовой охране при наличии достаточного творческого вклада человека.

Оптимальным направлением дальнейшего развития российского законодательства представляется дифференцированная модель. Результаты человеческого творчества, созданные с помощью ИИ, должны охраняться обычным авторским правом; в смешанных результатах охране должны подлежать человеческие творческие элементы; полностью автономные результаты по общему правилу не должны приобретать авторско-правовую защиту.

Для отдельных инвестиционно значимых автономных результатов в перспективе допустимо создание краткосрочного специального имущественного права sui generis. Такой механизм позволит обеспечить защиту экономически обоснованных инвестиций без фиктивного признания искусственного интеллекта или пользователя автором и без массового распространения многолетней авторско-правовой монополии на автоматически генерируемый контент.

Таким образом, дальнейшее развитие гражданско-правового регулирования должно основываться не на механическом приспособлении традиционного авторского права к деятельности искусственного интеллекта, а на четком разграничении человеческого творчества, смешанного человеко-машинного результата и полностью автономной генерации.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ.
3. Федеральный закон от 26 июля 2026 г. № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации».
4. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».

CIVIL REGULATION OF AUTONOMOUSLY GENERATED RESULTS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE UNITS UNDER RUSSIAN FEDERATION LAWS

Borzenkov P.E.
South-West State University

The development of generative artificial intelligence has created a new category of digital results that can possess independent economic value in the absence of decisive human creative participation in shaping their specific form. Russian civil law does not yet provide for a special legal regime for fully autonomously generated results. This article proposes a working definition of the concept of "autonomously generated results of an artificial intelligence unit," examines its place in the system of civil rights, and analyzes issues of authorship and ownership of exclusive rights. The article substantiates the impossibility of automatically extending the traditional copyright regime to results created without sufficient human creative input. Key promising models of legal regulation are considered, including the creation of a special short-term sui generis property right.

Keywords: artificial intelligence, generative artificial intelligence, artificial intelligence unit, autonomously generated result, civil law, copyright, intellectual property, creative work, exclusive right, sui generis.

References

1. Part One of the Civil Code of the Russian Federation of November 30, 1994, No. 51-FZ.
2. Part Four of the Civil Code of the Russian Federation of December 18, 2006, No. 230-FZ.
3. Federal Law No. 243-FZ of July 26, 2026, "On Supporting the Development of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Federation."
4. Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019, No. 490, "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation."
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 23, 2019, No. 10, "On the Application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation."

Презумпция добросовестности в механизме семейно-правового регулирования: отраслевая специфика и проблемы применения

Загорских Светлана Анатольевна,
старший преподаватель кафедры гражданского права,
ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева»
E-mail: pelageya82@yandex.ru

Статья посвящена комплексному анализу презумпции добросовестности как базового начала семейного права. Автор исследует дуалистическую природу этой презумпции, проявляющуюся в частноправовых и публично-правовых элементах семейных отношений. Рассматривается трансформация общегражданского принципа добросовестности под воздействием фидуциарной основы брачно-семейных связей. Особое внимание уделено презумпции согласия супруга на совершение сделки по распоряжению общим имуществом (п. 2 ст. 35 СК РФ) и презумпции добросовестности контрагента. Выявлены коллизии между презумпцией действительности сделки и интересами второго супруга, а также предложены критерии осведомленности контрагента о пороке воли. Анализируются подходы судебной практики и формулируются предложения по законодательному закреплению стандарта «надлежащей осмотрительности» в семейном обороте. Обоснована необходимость дифференциации презумпций в зависимости от субъектного состава и степени риска для имущественной безопасности семьи.

Ключевые слова: добросовестность, семейные правоотношения, презумпция согласия, общее имущество супругов, недействительность сделки, фидуциарность, баланс интересов, семейно-правовая ответственность.

Легальное закрепление принципа добросовестности в ст. 1 Гражданского кодекса РФ поставило перед цивилистической наукой задачу его отраслевой адаптации. Как справедливо замечает И.А. Зенин, «добросовестность» как оценочная категория с трудом поддается унификации, а ее конкретное содержание раскрывается лишь в контексте конкретных правоотношений [4]. Семейное право, базирующееся на началах добровольности брачного союза и приоритета интересов семьи (ст. 1 СК РФ), исторически содержит в себе имплицитную презумпцию добросовестности участников [11]. Однако фидуциарная природа брачно-семейных связей накладывает на эту презумпцию столь существенный отпечаток, что ее механическое перенесение из гражданского оборота в семейную сферу порождает системные коллизии, требующие самостоятельного теоретического осмысления.

В общей теории права под презумпцией понимается предположение о наличии или отсутствии юридически значимых обстоятельств, которое признается истинным, пока не доказано иное [2]. Я.Л. Штутин, исследуя процессуальные презумпции, подчеркивал их роль в распределении бремени доказывания [12]. О.А. Красавчиков, в свою очередь, рассматривал презумпции как элемент механизма правового регулирования, позволяющий упростить установление юридических фактов [5]. Применительно к семейному праву презумпция добросовестности приобретает двойственную природу, что обусловлено одновременным действием частноправовых и публично-правовых начал в регулировании семейных отношений.

Под внешней презумпцией добросовестности предлагается понимать предположение, обращенное к третьим лицам (контрагентам, кредитным организациям, иным участникам имущественного оборота), согласно которому супруг, действующий от имени семьи, обладает всей полнотой полномочий на совершение сделки, если иное не следует из обстоятельств. Нормативной основой этой презумпции выступает п. 2 ст. 35 СК РФ. Функционально она направлена на стабильность гражданского оборота: контрагент может полагаться на внешние проявления правомочий (владение, пользование, распоряжение), не требуя каждый раз нотариального согласия другого супруга [6].

Под внутренней презумпцией добросовестности понимается предположение о том, что члены семьи действуют согласованно, в общих интересах, пока не доказано обратное. Это исходит из фидуциарной природы брака, родительства и не имеет прямого нормативного закрепления, а выводится из системного толкования ст. 1, 31, 61 СК РФ. Ее функция – обеспечить семейную солидарность и защитить интересы того супруга или ребенка, который не участвовал в конкретном юридически значимом действии [11].

Соотношение этих презумпций с общегражданским принципом добросовестности (ст. 1, 10 ГК РФ) строится следующим образом. Гражданско-правовой принцип универсален: он запрещает заведомо недобросовестное осуществление любых прав. В семейном праве этот принцип конкретизируется через механизм презумпций, причем внешняя презумпция работает на защиту оборота (что сближает ее с классическим цивилистическим подходом), а внутренняя – на защиту семьи (что является отраслевой спецификой). Субсидиарное применение ст. 10 ГК РФ к семейным отношениям (ст. 4 СК РФ) возможно, но не должно изменять фидуциарный характер последних. Иными словами, общий запрет злоупотребления правом не отменяет действия семейно-правовых презумпций, а дополняет их [9, 11].

Конкуренция возникает в ситуации, когда один из супругов без ведома другого отчуждает общее имущество добросовестному приобретателю. Внешняя презумпция (п. 2 ст. 35 СК РФ) защищает покупателя, презюмируя его добросовестность. Внутренняя презумпция (семейной солидарности) – на стороне пострадавшего супруга, который полагал, что имущество не будет отчуждено без его согласия.

Какой критерий должен быть приоритетным? Ответ зависит от вида имущества. Здесь уместно обратиться к аналогии с корпоративным правом, где для крупных сделок и сделок с заинтересованностью установлен особый порядок одобрения, а нарушение этого порядка влечет недействительность. Единственное жилье, доля в основном бизнесе семьи – это активы, отчуждение которых ставит под угрозу социальное существование семьи. Как обоснованно отмечает Е.А. Чефранова, «утрата единственного жилья без согласия супруга – это не просто имущественная потеря, это крушение семейного уклада» [10]. В таких

случаях приоритет должен отдаваться внутренней презумпции: контрагент обязан проявить повышенную осмотрительность и запросить нотариальное согласие. Сам по себе факт регистрации права в ЕГРН за одним из супругов не снимает эту обязанность.

Для сделок с движимым имуществом, предметами обычного домашнего обихода, где оборот требует оперативности, а ценность актива не является жизнеопределяющей, приоритет остается за внешней презумпцией. Бремя доказывания недобросовестности контрагента в таких случаях должно быть для истца экстраординарно высоким [10]. Таким образом, дифференциация по видам имущества не является произвольной: она основана на социальной функции актива и аналогии с публично-правовыми механизмами защиты семьи.

Ключевым для опровержения презумпции является термин «заведомо должна была знать» (абз. 2 п. 2 ст. 35 СК РФ). В отличие от общегражданской формулы «не знала и не должна была знать» (ст. 302 ГК РФ), семейно-правовая конструкция ужесточает стандарт доказывания в пользу контрагента. Это не случайная неосмотрительность, а грубая небрежность, граничащая с умыслом. Законодатель сознательно сместил баланс в сторону оборота, полагая внутрисемейные конфликты внутренним делом супругов[6, 11].

Однако анализ судебной практики, включая обзоры Верховного Суда РФ, показывает постепенный отход от формальной логики. Суды выработали критерии, при которых «заведомая осведомленность» презюмируется: существенное занижение цены, наличие родственных связей между продавцом и покупателем, отчуждение в период очевидного распада семьи. Показательно, что в последние годы суды все чаще возлагают на покупателя обязанность проверять семейный статус продавца, даже если в ЕГРН значится только один титульный собственник [3]. Здесь презумпция общности имущества (ст. 34 СК РФ) вступает в конкуренцию с презумпцией достоверности реестра (ст. 8.1 ГК РФ), и приоритет отдается семейно-правовой презумпции – еще одно подтверждение того, что внешняя презумпция не абсолютна.

В спорах об определении места жительства ребенка, о порядке общения, о взыскании алиментов действует этическая презумпция: родитель действует в интересах ребенка, пока не доказано обратное. Судебная практика сталкивается с трудностями при ее опровержении, особенно в делах о нечинении препятствий к общению. Ответчик ссылается на нежелание ребенка, истец – на манипуляцию. Мнение ребенка, достигшего 10 лет, обязательно к заслушиванию (ст. 57 СК РФ), но ребенок, подвергшийся влиянию, не всегда выражает подлинную волю [9].

Это решается при переходе от пассивной презумпции («не доказано манипулирование») к модели «активной добросовестности». Ее суть: добросовестность родителя должна проявляться не в отсутствии злого умысла, а в конкретных активных действиях по содействию в общении ребенка с другим родителем. Для реализации этого подхода предлагается система критериев:

1. Регулярность предоставления информации о ребенке (успехи в школе, состояние здоровья, досуг) – оценивается по переписке, дневникам, показаниям педагогов.

2. Соблюдение согласованного графика общения – систематическое неисполнение плана без уважительных причин (болезнь, форс-мажор) рассматривается как признак недобросовестности.

3. Участие в формировании позитивного образа другого родителя – оценивается через психолого-педагогическую экспертизу, которая может установить наличие или отсутствие «синдрома отчуждения» [11].

Для минимизации судейского субъективизма предлагается утвердить на уровне разъяснений ВС РФ, что недоказанность активного содействия в реализации прав другого родителя влечет опровержение презумпции добросовестности. При этом ключевым доказательством выступает комплексная психолого-педагогическая экспертиза (ст. 79 ГПК РФ), а не субъективное мнение судьи. Суд оценивает не эмоциональное впечатление, а конкретные факты содействия или противодействия [9, 11].

Семейные отношения отличаются высокой латентностью информации. Фактические обстоятельства известны узкому кругу лиц. В гражданском процессе действует состязательная модель, однако в семейных спорах роль суда в истребовании доказательств объективно выше (ч. 2 ст. 57, ст. 79 ГПК РФ). Но этого недостаточно.

Предлагается шире использовать механизм перераспределения бремени доказывания: если истец представляет доказательства возможной недобросовестности (например, продажа автомобиля родственнику по цене втрое ниже рыночной сразу после конфликта), бремя доказывания добросовестности переходит на ответчика. Это соответствует общей теории презумпций, где закреплен принцип: презумпция действует, пока не представлены доказательства, ее опровергающие, но при появлении серьезных сомнений бремя смещается [2, 12].

При этом отказ в иске о признании сделки недействительной из-за недоказанности недобросовестности контрагента не должен лишать пострадавшего супруга права на компенсацию половины стоимости отчужденного актива при разделе имущества (ст. 39 СК РФ). Внутренняя презумпция добросовестности супруга опровергается через механизм раздела, что восстанавливает баланс, не посягая на права добросовестного приобретателя. Это подтверждает тезис: семейно-правовая ответственность внутри союза не обязательно требует лишения прав третьего лица [10].

Сравнительно-правовой анализ: презумпция добросовестности супругов в странах БРИКС

Выявленные в российском правопорядке коллизии между презумпцией согласия супруга и защитой интересов добросовестного приобретателя не являются уникальной национальной проблемой. Страны БРИКС, объединенные принадлежностью к различным правовым семьям, демонстрируют как сходные подходы к решению этой дилеммы, так и оригинальные законодательные решения, заслуживающие внимания в контексте совершенствования отечественного правового регулирования [13].

Наиболее близкой к российской модели является конструкция, закрепленная в Законе о брачно-имущественных отношениях ЮАР (Matrimonial Property Act 88 of 1984) [14]. Раздел 15(2) Закона устанавливает, что супруг, состоящий в браке в режиме общности имущества, не может без письменного согласия другого супруга отчуждать недвижимое имущество, входящее в состав совместного имущества. Вместе с тем раздел 15(9)(a) Закона вводит механизм защиты добросовестного третьего лица, которое вступило в сделку с одним из супругов, полагаясь на его полномочия. Как отмечается в доктрине, это положение призвано защитить интересы bona fide третьей стороны, которая заключила сделку с таким супругом [13]. При этом, однако, защита добросовестного приобретателя не является абсолютной: если третье лицо знало или должно было знать об отсутствии согласия другого супруга (например, в силу родственных отношений или очевидного семейного конфликта), оно не может ссылаться на защиту, предоставляемую разделом 15(9)(a). Данный подход корреспондирует с предложенным в настоящей статье дифференцированным стандартом осведомленности контрагента.

Бразильское законодательство демонстрирует иную логику. Статья 1647 Гражданского кодекса Бразилии (Закон № 10.406/2002) [15] прямо запрещает супругам без согласия другого супруга отчуждать недвижимое имущество, приобретенное в период брака, независимо от режима собственности. При этом в отличие от российского подхода, где презумпция согласия является общим правилом, бразильский законодатель исходит из того, что согласие супруга на сделки с недвижимостью – это исключение из общего правила свободы распоряжения, и такое согласие требуется только в прямо предусмотренных законом случаях. Однако и здесь защита добросовестного третьего лица, не знавшего о существовании брака или стабильного сожительства, признается судебной практикой. Примечательно, что бразильские суды в последнее время все чаще обращаются к категории объективной добросовестности в семейных отношениях, рассматривая ее как источник специфических обязанностей по формированию и поддержанию семейной среды, основанной на уважении, сотрудничестве, доверии и солидарности [13]. Это перекликается с предложенной в настоящей статье концепцией «активной добросовестности» в родительских правоотношениях.

В Китае регулирование сделок супругов с недвижимостью строится вокруг принципа государственной регистрации прав на недвижимость. Согласно ст. 1062 Гражданского кодекса КНР [16], супруги имеют равные права владения, пользования и распоряжения совместным имуществом. При этом для крупных сделок с недвижимостью требуется согласие обоих супругов. Вместе с тем доктрина и судебная практика признают возможность применения института добросовестного приобретения в сфере недвижимости, если третье лицо полагалось на данные государственного реестра. Однако, как отмечается в литературе, «добросовестное лицо (другая сторона в сделке) имеет право на отмену сделки» до получения одобрения второго супруга. Это означает, что в китайском правопорядке презумпция добросовестности контрагента не является абсолютной и может быть ограничена, если сделка совершена без надлежащего согласия супруга [13].

В Индии, где семейное право во многом определяется личным статусом (религиозной принадлежностью), вопросы распоряжения совместным имуществом супругов регулируются менее единообразно. В отличие от России, ЮАР, Бразилии и Китая, в индийском праве отсутствует универсальная презумпция общности имущества супругов, приобретенного в браке. Брак сам по себе не влечет автоматического перехода прав собственности на имущество супруга. Поэтому инсти-

тут презумпции согласия супруга на сделки с недвижимостью, характерный для романо-германской правовой семьи, в индийском праве не имеет столь же широкого распространения. Вместе с тем индийские суды активно используют категорию bona fide (добросовестности) при оценке семейных соглашений и сделок. Верховный суд Индии неоднократно подчеркивал, что семейное урегулирование должно быть добросовестным и добровольным, направленным на разрешение семейных споров и сохранение семейного имущества [13].

Обобщая сравнительно-правовой анализ, можно выделить следующие закономерности. Во-первых, во всех рассмотренных странах БРИКС (за исключением Индии, где отсутствует универсальный режим общности) законодатель стремится найти баланс между защитой интересов супруга, не участвовавшего в сделке, и защитой добросовестного приобретателя. Во-вторых, этот баланс достигается через дифференциацию: для сделок с недвижимостью (особенно единственным жильем) требуется явно выраженное согласие супруга, тогда как для движимого имущества презумпция добросовестности контрагента остается более сильной. В-третьих, судебная практика всех стран (ЮАР, Бразилии, Китая) вырабатывает критерии, при которых добросовестность контрагента перестает презюмироваться – в первую очередь при наличии родственных связей или очевидных обстоятельств, указывающих на семейный конфликт. В-четвертых, бразильский и южноафриканский опыт демонстрирует тенденцию к активному использованию категории объективной добросовестности в семейных отношениях, что созвучно предложенной в настоящей статье концепции «активной добросовестности» и может быть учтено при совершенствовании российского законодательства и правоприменительной практики [13, 14, 15, 16].

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие предложения.

Во-первых, на уровне разъяснений Пленума Верховного Суда РФ целесообразно закрепить дифференцированный стандарт осведомленности контрагента: для сделок с недвижимостью (особенно единственным жильем) – обязанность запрашивать нотариальное согласие; для движимости – презумпция добросовестности остается максимально сильной. Это не потребует изменения СК РФ, но создаст единообразное толкование.

Во-вторых, абз. 2 п. 2 ст. 35 СК РФ следует дополнить указанием: «Другая сторона признается заведомо знавшей о несогласии супруга, если она состоит с лицом, совершающим сделку, в отношениях близкого родства или свойства, либо находится в иной очевидной зависимости от него, за исключением случаев предоставления доказательств обратного». Это легализует категорию «предполагаемой осведомленности» в силу родства.

В-третьих, в сфере родительских правоотношений необходимо внедрение критериев активной добросовестности через рекомендации Верховного Суда, которые детализируют, что именно понимается под содействием в общении, и какие доказательства допустимы.

Заключение

Презумпция добросовестности в семейном праве не может рассматриваться как механическое приложение цивилистической догмы. Ее отраслевая специфика проявляется в дуализме внешней (оборотной) и внутренней (фидуциарной) направленности. Конкуренция этих презумпций разрешается через дифференциацию в зависимости от социальной значимости актива. «Активная добросовестность» в родительских спорах требует реализованных критериев и процессуального механизма, опирающегося на судебную экспертизу. Предложенные изменения в разъяснениях высшей судебной инстанции и законодательстве позволят сбалансировать стабильность оборота и защиту семейных интересов.

Литература

1. Антокольская М.В. Семейное право: учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. – 432 с.
2. Бабаев В.К. Презумпции в советском праве: учебное пособие. – Горький: ГВШ МВД СССР, 1974. – 124 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Сделки. Решения собраний. Представительство и доверенность. Сроки. Исковая давность. Постатейный комментарий к главам 9–12 / под ред. П.В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2020. – 368 с.
4. Зенин И.А. Добросовестность в гражданском праве: монография. – М.: Юрайт, 2023. – 184 с.
5. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. – М.: Госюриздат, 1958. – 184 с.
6. Невзгодина Е.Л. Презумпция согласия супруга на совершение сделок по распоряжению общим имуществом // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2019. – № 2. – С. 75–83.
7. Нечаева А.М. Семейное право Российской Федерации: учебник для вузов. – 8-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2022. – 303 с.
8. Пчелинцева Л.М. Семейное право России: учебник. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. – 720 с.
9. Тарусина Н.Н. Семейное право: в оркестровке суверенности и судебного усмотрения: монография. – М.: Проспект, 2020. – 288 с.
10. Чефранова Е.А. Имущественные отношения в российской семье: практическое пособие. – М.: Юристъ, 2020. – 160 с.
11. Шершень Т.В. О принципе добросовестности в семейном праве России // Ex jure. – 2021. – № 3. – С. 118–130.
12. Штутин Я.Л. Предположения в гражданском судопроизводстве. – М.: Госюриздат, 1955. – 120 с.
13. Максимова Н.А. Особенности семейного законодательства в странах БРИКС // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2024. – № 2. – С. 45–58.
14. Matrimonial Property Act 88 of 1984 (South Africa). – URL: https://www.gov.za/documents/matrimonial-property-act (дата обращения: 10.07.2026).
15. Lei nº 10.406, de 10 de janeiro de 2002 (Código Civil Brasileiro). – URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/2002/L10406compilada.htm (дата обращения: 10.07.2026).
16. Civil Code of the People's Republic of China (2020). – URL: http://www.npc.gov.cn/englishnpc/c23934/202012/… (дата обращения: 10.07.2026).

THE PRESUMPTION OF GOOD FAITH IN THE MECHANISM OF FAMILY LAW REGULATION: BRANCH SPECIFICITY AND PROBLEMS OF APPLICATION

Zagorskikh S.A.
Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

The article is devoted to a comprehensive analysis of the presumption of good faith as a basic principle of family law. The author explores the dualistic nature of this presumption, which manifests itself in the private-law and public-law elements of family relations. The transformation of the general civil principle of good faith under the influence of the fiduciary basis of marital and family ties is considered. Particular attention is paid to the presumption of the spouse's consent to a transaction on the disposal of common property (Paragraph 2 of Article 35 of the Family Code of the Russian Federation) and the presumption of good faith of the counterparty. Collisions between the presumption of the transaction's validity and the interests of the second spouse are revealed, and criteria for the counterparty's awareness of the defect of will are proposed. The approaches of judicial practice are analyzed, and proposals are formulated for the legislative consolidation of the standard of «due diligence» in family turnover. The necessity of differentiating presumptions depending on the subject composition and the degree of risk to the property security of the family is substantiated.

Keywords: good faith, family legal relations, presumption of consent, common property of spouses, invalidity of a transaction, fiduciary duty, balance of interests, family law liability.

References

1. Antokolskaya, M.V. Family Law: Textbook. 3rd ed., revised and expanded. Moscow: Norma: INFRAM, 2021. 432 p.
2. Babaev, V.K. Presumptions in Soviet Law: Study Guide. Gorky: Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1974. 124 p.
3. Civil Code of the Russian Federation. Transactions. Meeting Resolutions. Representation and Power of Attorney. Deadlines. Statute of Limitations. ArticlebyArticle Commentary on Chapters 9–12. Ed. by P.V. Krasheninnikov. Moscow: Statut, 2020. 368 p.
4. Zenin, I.A. Good Faith in Civil Law: Monograph. Moscow: Yurayt, 2023. 184 p.
5. Krasavchikov, O.A. Legal Facts in Soviet Civil Law. Moscow: Gosyurizdat, 1958. 184 p.
6. Nevzgodina, E. L. «Presumption of a Spouse's Consent to Transactions Involving the Disposal of Common Property.» Bulletin of Omsk University. Series «Law», 2019, № 2, Pp. 75–83.
7. Nechaeva, A.M. Family Law of the Russian Federation: Textbook for Universities. 8th ed., revised and supplemented. Moscow: Yurayt, 2022. 303 p.
8. Pchelintseva, L.M. Family Law of Russia: Textbook. 6th ed., revised and expanded. Moscow: Norma: INFRAM, 2021. 720 p.
9. Tarusina, N.N. Family Law: In the Orchestration of Sovereignty and Judicial Discretion: Monograph. Moscow: Prospekt, 2020. 288 p.
10. Chefranova, E.A. Property Relations in the Russian Family: Practical Guide. Moscow: Yurist, 2020. 160 p.
11. Shershen, T. V. «On the Principle of Good Faith in Russian Family Law.» Ex Jure, 2021, № 3, Pp. 118–130.
12. Shtutin, Ya.L. Assumptions in Civil Procedure. Moscow: Gosyurizdat, 1955. 120 p.
13. Maksimova, N. A. «Specific Features of Family Legislation in BRICS Countries.» Journal of Foreign Legislation and Comparative Law, 2024, № 2, Pp. 45–58.
14. Matrimonial Property Act 88 of 1984 (South Africa). Available at: https://www.gov.za/documents/matrimonial-property-act (accessed: 10.07.2026).
15. Lei nº 10.406, de 10 de janeiro de 2002 (Código Civil Brasileiro). Available at: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/2002/L10406compilada.htm (accessed: 10.07.2026).
16. Civil Code of the People's Republic of China (2020). Available at: http://www.npc.gov.cn/englishnpc/c23934/202012/… (accessed: 10.07.2026).

Освобождение от договорной ответственности на основании мирового соглашения

Зимнева Светлана Викторовна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент Академического департамента Школы права и управления Тюменского государственного университета
E-mail: swk1@yandex.ru

В статье анализируется судебная практика заключения мировых соглашений, содержащих положения об освобождении субъектов предпринимательства от договорной ответственности. Показано, что мировое соглашение является основанием освобождения субъектов предпринимательства от договорной ответственности.

Ключевые слова: освобождение от ответственности, договорная ответственность, мировое соглашение, неустойка, сделка.

В цивилистической науке вопросы договорной ответственности традиционно привлекают значительное внимание научного сообщества. Об этом свидетельствуют многочисленные работы ведущих отечественных ученых, посвящённые данному институту гражданского права.

Кроме того, на практике споры о привлечении к гражданско-правовой ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение договорных обязательств являются самой распространённой категорией споров в сфере предпринимательства. Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ только за первое полугодие 2025 года арбитражными судами первой инстанции рассмотрено 81 079 дел о взыскании неустойки[1].

Ответственность за нарушение договорных обязательств направлена не только на применение негативных последствий к лицу, не исполнившему или ненадлежащим образом исполнившему свои обязанности, но и на восстановление нарушенных прав и законных интересов сторон, что обеспечивает стабильность гражданского оборота.

В соответствии с положениями пункта 1 статьи 9 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) граждане и юридические лица по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские права, выбор одного из предусмотренных законом способов защиты нарушенного права принадлежит тому лицу, чье право нарушено[2]. В случае нарушения договора сторона, обратившаяся в суд с иском о применении мер гражданско-правовой ответственности, может на любой стадии судебного процесса мирно договориться с нарушителем и освободить его от уплаты неустойки или иных мер ответственности, заключив таким образом сделку.

Следует отметить, что современное гражданское законодательство не содержит термина «мировая сделка». Возможность заключения мировых сделок предусматривалась Проектом Гражданского уложения Российской империи 1882 года[3] (далее – Проект). В соответствии с данным Проектом: «мировой сделкой стороны, путём взаимных уступок, прекращают возникший или предупреждают будущий спор о праве гражданском»[4]. Проект допускал заключение сделки до подачи иска или на любом этапе судебного разбирательства. В дальнейшем Проект не был принят, однако оказал значительное влияние на развитие гражданского права в России.

Стороны судебного спора могут договориться об освобождении от договорной ответственности полностью или частично в рамках мирового соглашения, требования к заключению которого предусмотрены статьями 49, 139–142 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ).

В арбитражном процессе мировое соглашение является одним из способов урегулирования спорных вопросов посредством взаимных уступок сторон ради достижения компромисса и прекращения спора. По мнению М.А. Рожковой, мировое соглашение – это «сплав» гражданско-правовой сделки (мировой сделки) и процессуальных действий[5].

Заключение мирового соглашения позволяет сторонам судебного спора урегулировать спор на взаимоприемлемых условиях, снизить репутационные издержки, способствовать формированию устойчивых деловых отношений, а также сократить публично-правовые издержки, связанные с разрешением спора[6].

Содержанием мирового соглашения могут быть любые условия, в том числе полное или частичное освобождение от договорной ответственности, что соответствует принципу автономии воли в граж-

[1] Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 1 полугодие 2025 года. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9302 (дата обращения: 06.08.2026).

[2] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.07.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 3.

[3] Гражданское уложение. Книга пятая. Обязательства. Т. 5. URL: https://disk.yandex.ru/d/8381sqLON3QxP (дата обращения: 06.08.2026).

[4] Гражданское уложение. Книга пятая. Обязательства. Т. 5. URL: https://disk.yandex.ru/d/8381sqLON3QxP (дата обращения: 06.08.2026).

[5] Рожкова М.А. Мировое соглашение в арбитражном суде // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2003. № 9. С. 100–113.

[6] Ватаманюк В.О. Мировое соглашение в гражданском судопроизводстве: автореферат дис. … кандидата юридических наук: 12.00.15. Москва, 2021. С. 3.

данском праве. При этом мировое соглашение не должно содержать условий, противоречащих закону и нарушающих права и законные интересы третьих лиц[1].

Отметим, что под освобождением от договорной ответственности понимается ненаступление ответственности в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения договорных обязательств. Освобождение от ответственности представляет собой гражданско-правовой институт, при котором кредитор не применяет к нарушителю меры гражданско-правовой ответственности, такие как взыскание убытков, неустойки, компенсация морального вреда и другие способы возмещения ущерба, которые, как известно, направлены на восстановление нарушенных прав и возмещение ущерба, а также на предупреждение подобных нарушений в будущем[2].

Заключение мирового соглашения, предметом которого являются положения об освобождении от договорной ответственности, обусловлено принципом диспозитивности арбитражного процесса. В юридической литературе этому принципу уделяется значительное внимание. При этом принцип диспозитивности в арбитражном процессе не закреплен в какой-либо одной норме арбитражно-процессуального закона, а пронизывает многие его нормы и институты[3].

Так, по иску общества о взыскании суммы основного долга и неустойки за простой вагонов по договору поставки определением арбитражного суда утверждено мировое соглашение, содержащее положение о признании сторонами долга ответчика перед истцом по начисленной пени. При этом стороны пришли к соглашению, что ответчик уплачивает часть суммы неустойки, а оставшаяся часть пени не взыскивается[4].

В другом деле по иску общества с ограниченной ответственностью (далее – ООО) к акционерному обществу (далее – АО) о взыскании денежных средств суд утвердил мировое соглашение, согласно которому ООО отказывается от требований о взыскании с АО суммы неустойки по договорам. В свою очередь АО отказывается от своих требований о взыскании с ООО суммы неустойки[5].

Еще в одном деле суд утвердил мировое соглашение, содержащее условия о том, что ответчик обязуется уплатить истцу пеню за нарушение срока установки и пусконаладки оборудования, а истец отказывается от требований о взыскании с ответчика штрафа за неисполнение обязанностей по передаче истцу документов в установленные договором сроки[6].

В ином деле по иску общества о взыскании задолженности по договору аренды оборудования, процентов за пользование чужими денежными средствами и убытков суд утвердил мировое соглашение, содержащее обязанность ответчика возместить истцу часть убытков, а в остальной части, а именно, в части взыскания процентов за пользование чужими денежными средствами, истец отказался[7].

Приведенный анализ судебной практики свидетельствует о том, что суды утверждали мировые соглашения, содержащие положения об освобождении должника от уплаты неустойки и процентов за пользование чужими денежными средствами.

Освобождение от ответственности в рамках мирового соглашения осуществляется посредством отказа стороны от исковых требований по взысканию неустоек или иных мер ответственности полностью или частично. В отличие от отказа от иска, предусмотренного частью 2 статьи 49 АПК РФ, заключение мирового соглашения характеризуется двусторонним волеизъявлением сторон, и стороны договариваются об условиях прекращения спора.

В соответствии с разъяснениями Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации в постановлении № 50[8] (далее – постановление № 50) мировое соглашение следует рассматривать как соглашение сторон, то есть как сделку, к которой, помимо норм процессуального права, применяются нормы гражданского права о договорах, в том числе положения о свободе договора.

Соответственно, в современной научной доктрине сформировалась позиция о том, что мировое соглашение имеет как материальную, так и процессуальную природу. С одной стороны, мировое соглашение представляет собой сделку. Следовательно, на мировое соглашение в материальном плане распространяются все правила о сделках. Стороны вправе заключать гражданско-правовую сделку с условием освобождения от договорной ответственности; формулирование такого рода условий в рамках мирового соглашения вполне укладывается в принцип свободы договора.

С другой стороны, процессуальная составляющая мирового соглашения состоит в том, что суд оценивает заключённую между сторонами сделку на предмет её соответствия закону и соблюдения интересов третьих лиц. Утверждение мирового соглашения судом осуществляется в форме определения с изложением условий мирового соглашения. При этом арбитражный суд может лишь предложить сторонам спора исключить из мирового соглашения те условия, которые противоречат закону или нарушают права других лиц, не меняя и не исключая прочие условия, согласованные сторонами (часть 8 статьи 141 АПК РФ). Таким образом, заключение мирового соглашения в арбитражном процессе регламентируется нормами как материального, так и процессуального законодательства.

Единство двух составляющих (материальной и процессуальной) позволяет отличать мировое соглашение, утверждённое судом, от обычной сделки, заключаемой конфликтующими сторонами вне суда[9].

В современном правовом поле ничто не препятствует добровольному исполнению сторонами условий об освобождении от ответственности, согласованных в сделке. Однако для мирового соглашения, в отличие от обычных письменных договоров, требуется утверждение судом, поскольку после утверждения мировое соглашение приобретает особую формальную силу и становится судебным актом[10].

Основания освобождения от договорной ответственности являются юридическими фактами, при наличии которых ответственность за нарушение договора не наступает. Мировое соглашение следует рассматривать как юридический факт, поскольку представляет собой гражданско-правовую сделку. Вместе с тем оно характеризуется как сложный юридический состав, обусловленный двойственной природой данного института: с одной стороны – как гражданско-правовая сделка, с другой стороны – как процессуальный акт (его утверждение судом).

Мировое соглашение должно формироваться как результат согласия обеих сторон и основываться на их взаимном стремлении найти компромиссное решение спора. Предполагается, что достигнутый компромисс отражает разумный баланс интересов сторон, поскольку предусматривает взаимовыгодные условия.

Таким образом, стороны вправе заключать гражданско-правовую сделку, содержащую условие об освобождении от договорной ответственности, и такие сделки могут быть предметом мирового соглашения на любом этапе судебного разбирательства. Мировое соглашение следует рассматривать как основание освобождения сторон от договорной ответственности на условиях, согласованных между кредитором и должником.

Литература

1. Ватаманюк В.О. Мировое соглашение в гражданском судопроизводстве: автореферат дис. … кандидата юридических наук: 12.00.15. Москва, 2021. 33 с.

2. Зимнева С.В., Лукьяненко М.Ф. Реализация права на освобождение от ответственности при заключении мирового соглашения

[1] Зимнева С.В., Лукьяненко М.Ф. Реализация права на освобождение от ответственности при заключении мирового соглашения субъектами предпринимательства // Журнал российского права. 2024. № 9. С. 104.

[2] Зимнева С.В., Лукьяненко М.Ф. О возможности применения статьи 333 Гражданского кодекса РФ к мировому соглашению: «двойное» освобождение от ответственности или обеспечение баланса интересов сторон // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 3. С. 116.

[3] Моисеев С.В. Понимание принципа диспозитивности в арбитражном процессе // Вестник Московского университета. № 1. С. 17.

[4] Определение Арбитражного суда г. Москвы от 28.05.2020 по делу № А40–22088/20–85–163. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9997f476–5deb-493e-b1fd-43662a86e02d/acd723d4–8209–46e1–8ca8–53c382d48ffb/A40–22088–2020_20200528_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 06.08.2026).

[5] Определение Арбитражного суда города Москвы от 25.05.2021 по делу № А40–29434/21–65–239. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/6adff259–7cb7–41d9-a098-cc55ecfa20b7/d6efe835–5a69–44b3–8443–81ed9fc4e6ef/A40–29434–2021_20210525_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 06.08.2026).

[6] Определение Арбитражного суда Республики Татарстан от 26.03.2020 по делу № А65–1193/2020. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/77cbc1e0–5de5–4999-b18b-49a87527b5c0/048aa1d7–9ff3–45b6–823e-7a90553322cb/A65–1193–2020_20200326_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 06.08.2026).

[7] Определение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 19.05.2020 по делу № А56–3724/2020. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/8339fea9-df31–4f37–80a9-a10e15c1ffc8/75247923–6f40–4a59–9cdc-ad0b2fd8f1a0/A56–3724–2020_20200519_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 06.08.2026).

[8] Постановление Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» // Вестник экономического правосудия РФ. 2014. № 9.

[9] Крюченков Г.Ю. Мировое соглашение по корпоративным спорам // Мировой судья. 2022. № 5. С. 31.

[10] Пурге А.Р. Правовая природа и последствия утверждения мирового соглашения // Современный юрист. 2023. № 1. С. 84.

субъектами предпринимательства // Журнал российского права. 2024. № 9. С. 103–115.

3. Зимнева С.В., Лукьяненко М.Ф. О возможности применения статьи 333 Гражданского кодекса РФ к мировому соглашению: «двойное» освобождение от ответственности или обеспечение баланса интересов сторон // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 3. С. 114–123.

4. Крюченков Г.Ю. Мировое соглашение по корпоративным спорам // Мировой судья. 2022. № 5. С. 31–37.

5. Моисеев С.В. Понимание принципа диспозитивности в арбитражном процессе // Вестник Московского университета. № 1. С. 3–17.

6. Пурге А.Р. Правовая природа и последствия утверждения мирового соглашения // Современный юрист. 2023. № 1. С. 74–88.

7. Рожкова М.А. Мировое соглашение в арбитражном суде // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2003. № 9. С. 100–113.

RELEASE FROM CONTRACTUAL LIABILITY BASED ON A SETTLEMENT AGREEMENT

Zimneva S.V.
Tyumen State University

The article analyzes the judicial practice of concluding settlement agreements containing provisions on exempting business entities from contractual liability. It has been shown that a settlement agreement serves as a basis for exempting business entities from contractual liability.

Keywords: exemption from liability, contractual liability, settlement agreement, penalty, transaction.

References

1. Vatamanyuk V.O. Settlement Agreement in Civil Proceedings: Abstract of Candidate of Law Dissertation: 12.00.15. Moscow, 2021. 33 p.

2. Zimneva S.V., Lukyanenko M.F. Exercise of the Right to Release from Liability When Concluding a Settlement Agreement by Business Entities // Journal of Russian Law. 2024. No. 9. Pp. 103–115.

3. Zimneva S.V., Lukyanenko M.F. On the Possibility of Applying Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation to a Settlement Agreement: “Double” Release from Liability or Ensuring a Balance of Interests of the Parties // Current Issues of Russian Law. 2025. No. 3. Pp. 114–123.

4. Kryuchenkov G. Yu. Settlement Agreement on Corporate Disputes // Magistrate. 2022. No. 5. Pp. 31–37.

5. Moiseev S.V. Understanding the Principle of Dispositiveness in Arbitration Proceedings // Bulletin of Moscow University. No. 1. Pp. 3–17.

6. Purge A.R. Legal Nature and Consequences of Approving a Settlement Agreement // Sovremennyy Yurist. 2023. No. 1. Pp. 74–88.

7. Rozhkova M.A. Settlement Agreement in Arbitration Court // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2003. No. 9. Pp. 100–113.

Удовлетворение требований кредиторов в рамках конкурсного производства

Канцер Юрий Александрович,
к.ю.н., доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО «РАНХиГС при Президенте РФ»; директор юридической фирмы ООО «Региональная правовая компания»
E-mail: yurikantser@mail.ru

В статье рассматриваются особенности формирования и распределения конкурсной массы в рамках процедуры конкурсного производства при банкротстве юридического лица. Исследуется правовая природа конкурсной массы, анализируются законодательные и доктринальные подходы к определению данного понятия. Особое внимание уделяется полномочиям конкурсного управляющего по формированию конкурсной массы, ее реализации и последующему распределению полученных денежных средств между кредиторами в соответствии с установленной законодательством очередностью. Рассматриваются особенности ведения реестра требований кредиторов и его значение при осуществлении расчетов с кредиторами. Анализируется порядок удовлетворения требований кредиторов первой, второй и третьей очередей, а также специфика требований залоговых кредиторов и капитализированных платежей. На основе положений Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и материалов судебной практики выявляются основные нарушения порядка удовлетворения требований кредиторов, включая оказание предпочтения отдельным кредиторам, несоблюдение очередности текущих платежей, неправомерное распоряжение имуществом должника и иные нарушения. Рассматриваются основания погашения требований кредиторов и порядок завершения конкурсного производства, включая представление конкурсным управляющим отчета в арбитражный суд. Делается вывод о том, что соблюдение установленной законом процедуры формирования конкурсной массы, ведения реестра и распределения денежных средств является необходимым условием обеспечения баланса интересов кредиторов и законности конкурсного производства.

Ключевые слова: конкурсная масса; конкурсное производство; банкротство; конкурсный управляющий; требования кредиторов.

При получении от руководителя должника всего имущества, документации бухгалтерского и иного характера, печати, штампов, материальных и других ценностей, имеющиеся в собственности у организации, конкурсный управляющий обязан принять все это посредством акта приема-передачи. Итак, конкурсный управляющий обязан произвести: формирование конкурсной массы и ее последующую реализацию; распределение конкурсной массы между всеми кредиторами соблюдая порядок очередности согласно законодательству РФ.

Исследования понятие «конкурсная масса», ее свойства и признаки проводились многими научными деятелями и юристами-правоведами. Юридическая литература содержит много различных мнений об этом понятии [1].

Законодательно понятие «конкурсная масса» закреплено пунктом 1 статьей 131 «Закона о банкротстве». «Конкурсная масса» – это все имущество должника, найденное на момент открытия конкурсного производства. Ее можно изменять путем добавления или изъятия имущества.

Более четко отразила понятие «конкурсная масса» Усольцева Н.В., которая пишет: «Конкурсная масса – это правовой режим имущества должника, действующий с момента открытия конкурсного производства и до момента его завершения, при котором все имущество должника, иные объекты гражданских прав, имеющиеся на момент открытия конкурсного производства, реализуются конкурсным управляющим в целях удовлетворения требований кредиторов.» [2]. Стоит отметить, что данное определение в большей степени приближено к определению, которое дано в Законе о банкротстве.

Заключительным, а также важнейшим этапом процедуры конкурсного производства в рамках дела о банкротстве юридического лица является распределение между кредиторами денежных средств, полученных в процессе реализации имущества должника.

Все расчеты с кредиторами основываются на реестре требований кредиторов должника. В таком реестре указан порядок и очередность удовлетворения требований кредиторов, суммы требований, процентов, пени. Правила ведения реестра и требования к нему установлены Постановлением Правительства РФ от 09 июля 2004 № 345 «Об утверждении Общих правил ведения арбитражным управляющим реестра требований кредиторов» [3]. Таким образом, участниками банкротного процесса становятся именно те кредиторы, которые заявил о своих требованиях в законодательно установленный срок.

Итак, в порядке строгой очередности и с учетом реестра требований происходит удовлетворение требований кредиторов (приложение 3). Если в процессе удовлетворения требований кредиторов возникают споры, то они могут быть разрешены только арбитражным судом. На практике часто встречаются споры по поводу самого порядка удовлетворения требований, размера, состава и т.д. [4]

Требования кредиторов делятся на внеочередные, очередные и послеочередные. Внеочередные платежи включают судебные расходы, текущие коммунальные платежи, выплаты заработной платы и текущие расходы. Очередные платежи удовлетворяются в соответствии с реестром требований кредиторов, а послеочередные – за счет оставшегося имущества. В случае техногенных или других общественно-опасных последствий из-за деятельности банкрота, возникающих независимо от участников дела о банкротстве, расходы погашаются внеочередно.

Закон о банкротстве определяет удовлетворение требований по очереди. Некоторые требования кредиторов не могут быть включены в реестр требований, но должны быть удовлетворены внеочередно, чтобы избежать проблем при удовлетворении очередных выплат.

Таким образом, очередные требования кредиторов составляют вторую группу требований, состоящую из трех очередей:

1) Первая очередь включает:

а) требования, граждан перед которыми должник несет ответственность за причинение вреда жизни или здоровью. Размер данных выплат определяется на основании капитализация соответствующих повременных платежей.

Однако, законодательно не установлено определение «капитализации платежей», но при этом, правовая литература содержит различные подходы к понятию данного определения. Таким образом, Шишмарева Т.П. определяет ее «как установление размера ежемесячных плате-

жей на срок предполагаемых выплат ежемесячных платежей и резервирование денежных средств для проведения последующих выплат в соответствующих организациях социального страхования» [5].

Механизм капитализации платежей гарантирует реальное погашение платежей должником, но возрастная зависимость в Законе о банкротстве может привести к ситуациям, когда кредитор живет дольше, чем было предполагаемо при расчете платежа [6].

Стоит отметить, что пункт 3 статьи 135 Закона о банкротстве устанавливает возможность передачи гражданином прав требования в сумме капитализированных платежей Российской Федерации [7]. Так, кредитором первой очереди становится Российская Федерация, а обязательства должника перед гражданином переходят к Российской Федерации в лице Федеральной налоговой службы.

б) иные требования, согласно законодательству РФ о банкротстве. Например, требования о выплате компенсации сверх возмещения вреда и требования о компенсации морального вреда.

Запоздалые кредиторы первой очереди могут задерживать выплаты другим очередям, пока их требования не будут удовлетворены. Если требования были предъявлены в момент погашения платежей первой очереди, то запоздалые кредиторы помещаются в конец этой очереди.

2) Вторая очередь согласно статье 136 Закона о банкротстве включает в себя законодательно установленную очередность удовлетворения требований:

а) Задолженность по оплате труда должна быть удовлетворена в рамках текущих платежей, если она была начислена после признания должника банкротом. Стоит отметить, что статья 136 не регламентирует выплаты кредиторам третьей очереди, заключившим гражданско-правовой договор с должником.

Требования по оплате труда работников юридического лица могут быть уменьшены, если зарплата была повышена в течение шести месяцев до признания банкротства. Однако, такие кредиторы могут требовать компенсацию после окончания платежей в рамках третьей очереди.

б) по требованиям о выплате вознаграждений авторам результатов интеллектуальной деятельности. Проанализировав законодательство РФ можно заключить, что содержанием такого права является возможность выплаты создателю произведения вознаграждения при передаче права на использование указанного произведения третьим лицам, то есть тем лицам, которые используют или собираются использовать произведение [8].

Также, как и «запоздавшие» кредиторы первой очереди аналогичным образом, свои требования могут удовлетворить «запоздавшие» кредиторы второй очереди, что регламентировано пунктом 5 статьи 142 Закона о несостоятельности.

3) Третья очередь согласно статье 137 Закона о банкротстве включает платежи:

а) по требованиям залоговых кредиторов.

б) по требованиям кредиторов и уполномоченных органов, чьи требования не обеспечены залогом.

в) по требованиям кредиторов по штрафам, пеням и иным финансовым санкциям.

Отельного рассмотрения требует вопрос о залоговых кредиторах. Залоговые кредиторы обычно получают около 70% средств от реализации конкурсной массы должника. 20% распределяются на первые две очереди, а около 10% идут на оплату судебных расходов.

Реестр требований кредиторов закрывается через два месяца после публикации сообщения о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства. Сообщение публикуется в газете «Коммерсантъ» и на сайте ЕФРСБ.

Обратимся к судебной практике. В соответствии с ней несоблюдение порядка удовлетворения требований кредиторов заключается в:

– переводе денежных средств в оффшорные компании (Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 04.02.2019 года № 11АП-22339/2019-ГК по делу № А49–55757/2018 [9]);

– несоблюдении требований по оплате текущих платежей (Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 07.11.2019 года № Ф10–33219/2019 по делу № А14–30003/2018 [10]);

– несоблюдении требований государственных органов (Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24.10.2019 года № Ф09–28073/2019 по делу № А60–37109/2018 [11]);

– оказании предпочтения отдельным кредиторам (Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.07.2022 года по делу № А55–10304/2018 [12]);

– продаже обремененного имущества (Решение Арбитражного суда города Москвы от 18 мая 2021 г. по делу № А40–152441/2020 [13]).

Подводя итог, следует добавить, что требования будут считаться погашенными при полном удовлетворении, соглашении об отступном, зачете требований или прекращении обязательств по Закону о банкротстве. Недостаток имущества должника также может быть причиной погашения требований кредиторов.

После процедуры погашения требований кредиторов, в арбитражный суд конкурсным управляющим подается отчет о результатах проведения процедуры конкурсного производства. Законодательство о банкротстве не содержит четких и императивных требований к такому отчету, однако он отличен от отчета арбитражного управляющего и его деятельности [14].

Таким образом, по окончанию расчетов с кредиторами в арбитражный суд подаются отчет конкурсного управляющего, реестр требований и документы по погашению требований. При полном погашении требований кредиторов суд прекращает производство.

Литература

1. Телюкина М.В. Конкурсное право: теория и практика несостоятельности (банкротства). – М.: Дело, 2017. – С. 329.

2. Усольцева Н.В. Формирование и состав конкурсной массы // Российский внешнеэкономический вестник. – 2007. – № 4. – С. 68–73.

3. Об утверждении Общих правил ведения арбитражным управляющим реестра требований кредиторов: Постановление Правительства РФ от 09.07.2004 № 345 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48391/ (дата обращения: 13.08.2026).

4. Поцелуева Л.И. Удовлетворение требований кредиторов как основание для прекращения производства по делу о банкротстве // Теоретические аспекты юриспруденции и вопросы правоприменения. – М.: Интернаука, 2019. – С. 18–22.

5. Шишмарева Т.П. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и практика его применения: учебное пособие для экзамена по Единой программе подготовки арбитражных управляющих. – М.: Статут, 2015. – С. 157.

6. Правовые основы несостоятельности (банкротства): учебное пособие для вузов / В.В. Кулаков [и др.]; под ред. В.В. Кулакова. – М.: Юрайт, 2022. – 308 с.

7. О некоторых вопросах, связанных с капитализацией платежей при банкротстве: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13.04.2010 № 136 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99775/ (дата обращения: 13.08.2026).

8. Пирогова Е.С., Курбатов А.Я. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства): учебник для вузов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2022. – 309 с.

9. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 04.02.2019 № 11АП-22339/2019-ГК по делу № А49–55757/2018 [Электронный ресурс]. – URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 13.08.2026).

10. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 07.11.2019 № Ф10–33219/2019 по делу № А14–30003/2018 [Электронный ресурс]. – URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 13.08.2026).

11. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24.10.2019 № Ф09–28073/2019 по делу № А60–37109/2018 [Электронный ресурс]. – URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 13.08.2026).

12. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.07.2022 по делу № А55–10304/2018 [Электронный ресурс]. – URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 13.08.2026).

13. Решение Арбитражного суда города Москвы от 18.05.2021 по делу № А40–152441/2020 [Электронный ресурс]. – URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 13.08.2026).

14. Об утверждении типовых форм отчетов (заключений) арбитражного управляющего: Приказ Минюста РФ от 14.08.2003 № 195 [Электронный ресурс]. – URL: https://base.garant.ru/12132277/ (дата обращения: 13.08.2026).

SATISFACTION OF CREDITORS› CLAIMS IN BANKRUPTCY PROCEEDINGS

Kantser Yu.A.

Volgograd Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Regional Legal Company LLC

This article examines the formation and distribution of the bankruptcy estate during the liquidation proceedings of a legal entity. It explores the legal nature of the bankruptcy estate and analyzes legislative and doctrinal approaches to defining this concept. Particular attention is paid to the powers of the bankruptcy trustee regarding the formation and realization of the bankruptcy estate, as well as the subsequent distribution of proceeds among creditors in accordance with the statutory order of priority. The article discusses the specifics of maintaining the register of creditors' claims and its significance for settling accounts with

creditors. It analyzes the procedure for satisfying claims of the first, second, and third priority groups, as well as the specific nature of claims held by secured creditors and capitalized payments. Drawing on the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" and judicial practice, the article identifies common violations of the claim satisfaction procedure–such as granting preferential treatment to specific creditors, failing to observe the priority of current payments, and the unlawful disposal of the debtor's assets. It also addresses the grounds for the discharge of creditors' claims and the procedure for concluding liquidation proceedings, including the submission of the bankruptcy trustee's report to the arbitral court. The article concludes that adherence to the statutory procedures for forming the bankruptcy estate, maintaining the register, and distributing funds is essential to ensuring a balance of creditor interests and the lawfulness of the liquidation proceedings.

Keywords: bankruptcy estate; liquidation proceedings; bankruptcy; bankruptcy trustee; creditors' claims.

References

1. Telyukina, M. V. "Competition Law: Theory and Practice of Insolvency (Bankruptcy)." Moscow: Delo, 2017, p. 329.

2. Usoltseva, N. V. "Formation and Composition of the Bankruptcy Estate." Russian Foreign Economic Bulletin, 2007, No. 4, Pp. 68–73.

3. On Approval of the General Rules for Maintaining the Register of Creditors' Claims by an Insolvency Practitioner: Resolution of the Government of the Russian Federation No. 345 of July 9, 2004 [Electronic resource]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48391/ (accessed on August 13, 2026).

4. Potselueva L.I. Satisfaction of creditors' claims as a basis for terminating bankruptcy proceedings // Theoretical aspects of jurisprudence and issues of law enforcement. – M.: Internauka, 2019. – Pp. 18–22.

5. Shishmareva T.P. Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" and the practice of its application: a study guide for the exam on the Unified Training Program for Arbitration Managers. – M.: Statut, 2015. – p. 157.

6. Legal basis for insolvency (bankruptcy): a study guide for universities / V.V. Kulakov [et al.]; edited by V.V. Kulakov. – M.: Yurait, 2022. – 308 p.

7. On Certain Issues Related to the Capitalization of Payments in Bankruptcy: Information Letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated April 13, 2010, No. 136 [Electronic resource]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99775/ (accessed: August 13, 2026).

8. Pirogova E.S., Kurbatov A. Ya. Legal Regulation of Insolvency (Bankruptcy): a Textbook for Universities. – 3rd ed., revised and enlarged. – Moscow: Yurait, 2022. – 309 p.

9. Resolution of the Eleventh Arbitration Court of Appeal dated 04.02.2019 No. 11AP-22339/2019-GK in case No. A49–55757/2018 [Electronic resource]. – URL: https://sudact.ru/ (date of access: 13.08.2026).

10. Resolution of the Arbitration Court of the Central District dated 07.11.2019 No. F10–33219/2019 in case No. A14–30003/2018 [Electronic resource]. – URL: https://sudact.ru/ (date of access: 13.08.2026). 11. Resolution of the Arbitration Court of the Urals District dated 24.10.2019 No. F09–28073/2019 in case No. A60–37109/2018 [Electronic resource]. – URL: https://sudact.ru/ (date of access: 13.08.2026).

12. Resolution of the Eleventh Arbitration Court of Appeal dated 05.07.2022 in case No. A55–10304/2018 [Electronic resource]. – URL: https://sudact.ru/ (date of access: 13.08.2026).

13. Decision of the Arbitration Court of Moscow dated 18.05.2021 in case No. A40–152441/2020 [Electronic resource]. – URL: https://sudact.ru/ (date accessed: 13.08.2026).

14. On approval of standard forms of reports (opinions) of an insolvency practitioner: Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of 14.08.2003 No. 195 [Electronic resource]. – URL: https://base.garant.ru/12132277/ (date accessed: 13.08.2026).

Координационные обязанности участников корпорации: понятие, содержание и последствия нарушения

Кашаров Заурбек Азреталиевич,
старший преподаватель кафедры гражданского и корпоративного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета
E-mail: kasharov.zaurbek@mail.ru

Предметом исследования являются обязанности участников корпорации, обеспечивающие согласование их поведения при формировании и реализации корпоративной воли. Цель работы состоит в определении понятия, содержания и системы последствий нарушения координационных обязанностей. Методологическую основу составили формально-юридический, системно-структурный и функциональный методы, анализ законодательства, доктрины и судебной практики. Обосновано, что координационная обязанность представляет собой организационную корпоративную обязанность участника совершить необходимое действие либо воздержаться от поведения, препятствующего формированию и реализации общей воли корпорации. Выделены информационно-коммуникационные, процедурно-организационные, согласительные и охранительные элементы такой обязанности. Установлены пределы ее осуществления, исключающие общее принуждение участника к определенному голосованию. Предложена дифференцированная система последствий нарушения: пресечение злоупотребления, признание решения недействительным, возмещение убытков, договорные санкции и исключение участника. Результаты применимы при толковании статьи 65.2 ГК РФ, разработке уставов и корпоративных договоров, а также разрешении корпоративных споров.

Ключевые слова: корпорация, координационное корпоративное правоотношение, координационная обязанность, участник корпорации, воля участника корпорации, добросовестность, разумность, корпоративный договор, корпоративная ответственность.

Корпоративное правоотношение объединяет индивидуальные интересы участников и интерес созданного ими юридического лица. Участник сохраняет самостоятельность и, по общему правилу, не подчиняется воле других участников. Вместе с тем деятельность корпорации невозможна без согласования индивидуальных волеизъявлений: необходимо сформировать органы, обеспечить кворум, принять обязательные решения и исполнить согласованные процедуры. Поэтому содержание корпоративного участия образуют не только права, но и организационные обязанности.

В доктрине корпоративное правоотношение рассматривается как самостоятельная разновидность гражданского правоотношения, возникающая в связи с участием в корпоративной организации и управлением ею[1]. Организационная составляющая корпоративных правоотношений не сводится к административному управлению, хотя именно она во многом определяет их специфику. Корпоративные правоотношения могут включать элементы власти и подчинения, вследствие чего внешне напоминают административные правоотношения. Однако корпоративное подчинение имеет принципиально иную правовую природу. Оно основывается не на публично-властном предписании, а на автономии воли и предварительном волеизъявлении субъектов частного права.

Возникновению отношений корпоративной субординации, как правило, предшествует добровольное приобретение лицом соответствующего корпоративного статуса, заключение договора либо принятие на себя определенных функций. При этом для обязательности конкретного корпоративного решения не требуется отдельного согласия каждого участника: решение общего собрания, принятое в установленном законом и уставом порядке, обязательно в том числе для лиц, голосовавших против него или не участвовавших в голосовании. Однако такая обязательность обусловлена ранее выраженной волей лица на участие в корпорации и признание установленного в ней порядка формирования общей корпоративной воли.

Аналогичным образом заключение корпоративного договора является результатом свободного волеизъявления его сторон, но после его заключения согласованные правила поведения приобретают для них обязательный характер. В отношениях с единоличным исполнительным органом элемент подчинения проявляется в обязанности действовать в соответствии с законом, уставом и решениями компетентных органов корпорации. Вместе с тем возникновению соответствующих полномочий и обязанностей предшествует согласие лица на занятие должности единоличного исполнительного органа либо заключение гражданско-правового договора с управляющим. Следовательно, последующее корпоративное подчинение производно от первоначального волеизъявления субъекта и сформированной в установленном порядке воли корпорации.

Таким образом, принципиальное отличие корпоративных правоотношений от административных в описанной части состоит в основании возникновения властно-организационной связи. В административном правоотношении власть и подчинение обусловлены публичной компетенцией государственного или муниципального органа и возникают независимо от согласия подвластного субъекта. В корпоративном правоотношении организационное воздействие, несмотря на его обязательный характер, имеет частноправовую природу и опосредуется автономией воли, добровольным приобретением корпоративного статуса, договором либо согласием лица на осуществление управленческих функций. Гражданско-правовое равенство допускает организационное воздействие, если оно основано на членстве, договоре или корпоративном решении и направлено на упорядочение совместной деятельности. Об особом виде гражданских координационных правоотношений писал Красавчиков О.А[2]. Выделение автором четырех групп

[1] Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М.: Статут, 2008. С. 87–92; Гутников О.В. Содержание корпоративных отношений // Журнал российского права. 2013. № 1. С. 26–39.

[2] Красавчиков О.А. Гражданская правосубъектность как правовая форма // Правовые проблемы гражданской правосубъектности: межвузовский сборник научных трудов. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1978. Вып. 62. С. 5–26; Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права. Избранные труды: В 2 т. Т. 2 / Науч. ред.: Ем В.С. М.: Статут, 2005. С. 32–40.

таких правоотношений позволило поставить вопрос о существовании координационных правоотношений в целом, а также о координационных обязанностях участников корпорации как особой функциональной группы корпоративных обязанностей[1].

Понятие и признаки координационной обязанности

Пункт 4 статьи 65.2 ГК РФ обязывает участника корпорации участвовать в образовании ее имущества, не разглашать конфиденциальную информацию, участвовать в принятии решений, без которых корпорация не может продолжать деятельность, не причинять ей заведомый вред и не затруднять достижение целей, ради которых она создана[2]. Перечень открыт: дополнительные обязанности могут вытекать из закона и учредительного документа. В хозяйственных обществах они конкретизируются специальным законодательством, уставом, решениями органов и корпоративным договором.

Не всякая обязанность участника является координационной. Обязанность оплатить долю имеет прежде всего имущественное содержание. Координационными следует признавать обязанности, непосредственная функция которых состоит в согласовании взаимодействия участников и корпорации, формировании корпоративной воли либо устранении препятствий для ее реализации.

Предлагается следующее определение: **координационная обязанность участника корпорации – это основанная на членстве, законе, уставе, корпоративном договоре или надлежащим образом принятом корпоративном решении организационная обязанность совершить необходимое действие либо воздержаться от поведения, препятствующего формированию, выражению и реализации общей воли корпорации при сохранении юридической самостоятельности участника**.

Данной обязанности присущи четыре признака. Во-первых, она имеет организационную направленность. Во-вторых, возникает внутри корпоративной связи: управомоченным лицом выступает корпорация, а в предусмотренных случаях – другие участники. Признание корпорации самостоятельным субъектом корпоративного правоотношения позволяет говорить о ее праве требовать поведения, не препятствующего совместной деятельности[3]. В-третьих, координация не означает подчинения: участник связан совместной процедурой, но не лишается собственного интереса. В-четвертых, содержание обязанности зависит от реальной возможности повлиять на корпоративный процесс. Нельзя возлагать ответственность за блокирование решения на лицо, голос которого не был необходим, либо на участника, не извещенного о заседании.

Координационная обязанность отличается от принципа добросовестности, но связана с ним: принцип задает стандарт, а обязанность конкретизирует необходимое содействие. Она также не тождественна фидуциарной обязанности директора по статье 53.1 ГК РФ. Участник вправе преследовать собственный интерес; ограничение возникает, когда его поведение разрушает организованное взаимодействие, заведомо причиняет вред обществу или несоразмерно ущемляет права других участников.

Содержание и классификация координационных обязанностей

В структуре рассматриваемых обязанностей можно выделить четыре взаимосвязанные группы.

Первая – **информационно-коммуникационные обязанности**.

Предоставление предусмотренных сведений, сообщение о конфликте интересов, уведомление о корпоративном действии, сохранение конфиденциальности и содействие в получении информации для осознанного голосования. Обязанность уведомить других участников о намерении предъявить косвенный иск (пункт 2 статьи 65.2 ГК РФ) – прямой пример координационной процедуры.

Вторая – **процедурно-организационные обязанности**. Их содержание образуют явка или подключение к заседанию, регистрация, участие в формировании кворума, подписание документов при наличии правовых оснований, соблюдение согласованного порядка выдвижения кандидатов и совершение иных действий, без которых корпоративная процедура не может завершиться. Верховный Суд РФ разъяснил, что обязанность участвовать в принятии решения действует, когда без него корпорация не может продолжать деятельность и участие конкретного лица необходимо. В качестве примеров названы назначение единоличного исполнительного органа или членов совета директоров, а также внесение обязательных изменений в устав[4]. Следовательно, закон предусматривает не постоянную обязанность присутствовать на любом заседании, а специальную обязанность устранить критический организационный дефицит.

Третья – **согласительные обязанности**, возникающие прежде всего из корпоративного договора. Согласно статье 67.2 ГК РФ его стороны могут обязаться голосовать определенным образом, согласованно совершать иные действия по управлению, приобретать или отчуждать доли по установленным правилам либо воздерживаться от их отчуждения. Здесь координация приобретает договорную форму. Ее содержание может включать предварительные консультации, единое выдвижение кандидатов, порядок согласования бюджета, механизмы преодоления тупиковой ситуации и правила совместной продажи участия. Однако соглашение не должно обязывать голосовать по указаниям органов общества или определять структуру и компетенцию органов вопреки императивному закону.

Четвертая – **охранительные обязанности содействия и невоспрепятствования**. Они выражаются в запрете использовать корпоративные права исключительно для причинения вреда, искусственно создавать отсутствие кворума, скрывать значимые сведения, принимать решение в личных интересах контролирующего участника при существенном ущемлении меньшинства. В исследовании содержания статьи 65.2 ГК РФ справедливо отмечается сочетание обязанностей активного типа и негативных запретов[5]. В координационном аспекте обе модели едины: позитивное содействие и воздержание от деструктивного поведения обеспечивают возможность достижения общего результата.

Особое значение имеет Обзор судебной практики № 4 (2025): при ведении общего дела участники должны учитывать права друг друга и взаимно оказывать необходимое содействие для достижения общей цели[6]. Позиция закрепляет координационное начало, но не допускает подавления меньшинства: контролирующий участник не вправе использовать большинство голосов исключительно для собственной выгоды.

По направленности различаются вертикальные и горизонтальные обязанности. Вертикальная связь складывается между участником и корпорацией; горизонтальная – между участниками, особенно при заключении корпоративного договора. Такое деление позволяет определить лицо, управомоченное требовать исполнения или применять способ защиты.

Основная опасность расширительного толкования состоит в подмене права участия в управлении обязанностью поддерживать любое решение большинства или руководителя. Участник не является органом юридического лица и не обязан постоянно ставить интерес общества выше собственного. Само по себе голосование против, воздержание либо критическая оценка управленческого предложения не образуют нарушения.

Обязанность принять участие в решении должна применяться при наличии совокупности условий: решение объективно необходимо для продолжения законной деятельности корпорации; без участия конкретного лица оно не может быть принято; участник надлежащим образом извещен и располагает достаточной информацией; предлагаемое решение соответствует закону и не возлагает на него явно несоразмерное бремя; отсутствует разумная и менее ограничительная альтернатива. Даже при наличии обязанности явиться на заседание вопрос о наличии обязанности проголосовать «за» требует самостоятельной оценки. Участие в принятии решения и одобрение предложенного варианта не равнозначны[7].

Договорная координация допускает более определенное связывание будущего голосования, поскольку участник добровольно принимает обязательство. Но и она ограничена императивными нормами, существом корпоративного права, добросовестностью и запретом заранее освобождать лицо от ответственности за умышленное нарушение. При существенном изменении обстоятельств или очевидном причинении вреда корпорации буквальное исполнение ранее согласованной модели также должно оцениваться через статьи 1 и 10 ГК РФ.

Последствия нарушения координационной обязанности должны зависеть от ее источника, характера поведения и последствий для корпорации. Универсальная санкция здесь невозможна.

---

[1] Кашаров З.А. Организационные корпоративные отношения/ З.А. Кашаров // Евразийский юридический журнал. – 2020. – Вып. 4 (143). – С. 180–183.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[3] См.: Тужилова-Орданская Е.М. Корпорация как участник корпоративных правоотношений // Гражданское право. 2025. № 1. С. 26–28.

[4] Пункт 34 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

[5] См.: Пирогова Е.С., Жукова Ю.Д. Содержание обязанностей участника корпорации на современном этапе развития гражданского законодательства: анализ правовых позиций // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 3. С. 74–88.

[6] Пункт 27 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2025), утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 22 декабря 2025 г.

[7] См.: Пирогова Е.С., Жукова Ю.Д. Указ. соч. С. 80–84.

Во-первых, применяется **пресечение злоупотребления корпоративным правом**. Суд может отказать в защите права, не учитывать недобросовестное возражение либо восстановить положение, существовавшее до нарушения. Если согласованное большинством решение принято исключительно для личной выгоды контролирующего участника и существенно ущемляет меньшинство, оно может быть признано недействительным на основании статей 10 и 181.4 ГК РФ, даже при формальном соблюдении кворума и компетенции[1].

Во-вторых, возможно **возмещение убытков** корпорации или участнику, если доказаны противоправность, причинная связь и размер потерь. Ответственность не должна следовать только из факта отрицательного голосования. Необходимо установить нарушение конкретной обязанности и то, что при надлежащей координации вредный результат с достаточной вероятностью не наступил. Деликтный либо обязательственный характер требования определяется источником обязанности и субъектным составом нарушенной связи.

В-третьих, нарушение корпоративного договора влечет предусмотренные им **договорные последствия**: взыскание неустойки, убытков, компенсации, реализацию опциона или иного согласованного механизма, если он не противоречит закону. Решение органа общества может быть признано недействительным вследствие нарушения корпоративного договора лишь при условиях пункта 6 статьи 67.2 ГК РФ, в частности когда все участники общества являлись его сторонами; при этом права третьих лиц не должны нарушаться.

В-четвертых, крайней мерой выступает **исключение участника из непубличного общества**. Оно допустимо, когда участник своими действиями или бездействием причинил существенный вред либо существенно затруднил деятельность и достижение целей общества. Исключение выполняет не карательную, а восстановительную функцию и требует оценки неустранимости последствий менее жесткими способами[2]. Наличие взаимного корпоративного конфликта или равенство долей само по себе не освобождает суд от установления того, кто совершил существенное нарушение координационных обязанностей[3].

Принуждение к исполнению обязанности в натуре возможно лишь тогда, когда требуемое действие определено и судебное решение исполнимо. Суд может обязать предоставить сведения или совершить формализованное действие, но принуждение к личному участию и голосованию нередко оказывается несоразмерным и практически неисполнимым. Поэтому при выборе способа защиты следует учитывать автономию корпоративного волеизъявления и не допускать замены судом компетенции общего собрания.

Заключение

Координационные обязанности образуют самостоятельную функциональную группу организационных корпоративных обязанностей. Их назначение состоит в обеспечении взаимодействия юридически равных и самостоятельных участников при формировании и реализации общей воли корпорации. Содержание данной группы включает информационно-коммуникационные, процедурно-организационные, согласительные и охранительные обязанности.

Правовая конструкция координационной обязанности позволяет объяснить единую природу внешне различных требований: участвовать в критически необходимом решении, сообщать значимую информацию, соблюдать договорный порядок голосования, не создавать искусственных препятствий и учитывать законные интересы корпоративного сообщества. При этом координация не предполагает общей обязанности голосовать «в интересах общества» и не устраняет собственный интерес участника.

Для правоприменения предлагается устанавливать: источник и конкретное содержание обязанности; необходимость поведения данного участника для корпоративного результата; наличие надлежащей информации; добросовестность сторон; причинную связь; возможность применения менее ограничительного способа защиты. Последствия нарушения должны быть дифференцированы – от пресечения злоупотребления и договорных санкций до возмещения убытков, недействительности решения и исключения участника как исключительной меры. Такой подход обеспечивает баланс автономии участника, устойчивости корпоративного управления и защиты общего корпоративного интереса.

[1] См.: определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 3 апреля 2025 г. № 305-ЭС24–22290 по делу № А40–265796/2022; п. 27 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2025).

[2] Гутников О.В. Исключение участника юридического лица: мера ответственности и способ защиты корпоративных прав // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 2. С. 102–127

[3] Пункт 7 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2025), утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 25 апреля 2025 г.

Литература

1. Гутников О.В. Исключение участника юридического лица: мера ответственности и способ защиты корпоративных прав // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 2. С. 102–127.

2. Гутников О.В. Содержание корпоративных отношений // Журнал российского права. 2013. № 1. С. 26–39.

3. Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М.: Статут, 2008. 511 с.

4. Пирогова Е. С., Жукова Ю.Д. Содержание обязанностей участника корпорации на современном этапе развития гражданского законодательства: анализ правовых позиций // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 3. С. 74–88. DOI: 10.17323/2072-8166.2017.2.74.88.

5. Синицын С.А. Корпоративные правоотношения: содержание и особенности регулирования // Журнал российского права. 2015. № 6. С. 52–67.

6. Тужилова-Орданская Е.М. Корпорация как участник корпоративных правоотношений // Гражданское право. 2025. № 1. С. 26–28. DOI: 10.18572/2070-2140-2025-1-26-28.

7. Красавчиков О.А. Гражданская правосубъектность как правовая форма // Правовые проблемы гражданской правосубъектности: межвузовский сборник научных трудов. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1978. Вып. 62. С. 5–26;

8. Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права. Избранные труды: В 2 т. Т. 2 / Науч. ред.: Ем В.С. М.: Статут, 2005. С. 32–40.

9. Кашаров З.А. Организационные корпоративные отношения/ Евразийский юридический журнал. – 2020. – Вып. 4 (143). – С. 180–183.

COORDINATION DUTIES OF CORPORATE MEMBERS: CONCEPT, CONTENT AND CONSEQUENCES OF BREACH

Kasharov Z.A.
Saint Petersburg State University of Economics

The article examines the duties of corporate members that coordinate their conduct in the formation and implementation of the corporate will. Its purpose is to define coordination duties and systematize the consequences of their breach. The research employs formal legal, systemic, structural and functional methods, as well as analysis of legislation, scholarship and case law. A coordination duty is defined as an organizational corporate duty to perform a necessary act or refrain from conduct obstructing the corporation's common will. The study identifies informational, procedural, conciliatory and protective elements. Their limits exclude a general power to compel a member to vote in a prescribed manner. The proposed remedies include suppression of abuse, invalidation of resolutions, damages, contractual sanctions and expulsion of a member. The conclusions may be used in statutory interpretation, corporate drafting and dispute resolution.

Keywords: corporation, corporate legal relationship, coordination duty, corporate member, corporate will, good faith; shareholders' agreement, corporate liability.

References

1. Gutnikov, O. V. "Exclusion of a Legal Entity Participant: Measure of Liability and Method of Protecting Corporate Rights" // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2015. No. 2. Pp. 102–127.

2. Gutnikov, O. V. "Content of Corporate Relations" // Journal of Russian Law. 2013. No. 1. Pp. 26–39.

3. Lomakin, D. V. "Corporate Legal Relations: General Theory and Practice of Its Application in Business Entities". Moscow: Statut, 2008. 511 p.

4. Pirogova, E. S., Zhukova, Yu. D. "Content of Obligations of a Corporation Participant at the Current Stage of Civil Legislation Development: Analysis of Legal Positions" // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2017. No. 3. Pp. 74–88. DOI: 10.17323/2072-8166.2017.2.74.88.

5. Sinitsyn S.A. Corporate legal relations: content and features of regulation // Journal of Russian Law. 2015. No. 6. Pp. 52–67.

6. Tuzhilova-Ordanskaya E.M. Corporation as a participant in corporate legal relations // Civil Law. 2025. No. 1. Pp. 26–28. DOI: 10.18572/2070-2140-2025-1-26-28.

7. Krasavchikov O.A. Civil legal capacity as a legal form // Legal problems of civil legal capacity: interuniversity collection of scientific papers. Sverdlovsk: Ural Publishing House. University, 1978. Issue 62. Pp. 5–26;

8. Krasavchikov O.A. Categories of Civil Law Science. Selected Works: In 2 vols. Vol. 2 / Scientific ed.: Em V.S. Moscow: Statut, 2005. Pp. 32–40.

9. Kasharov Z.A. Organizational Corporate Relations / Eurasian Law Journal. – 2020. – Issue 4 (143). – Pp. 180–183.

К вопросу о месте неустойки в системе способов обеспечения исполнения обязательств

Кирпичников Никита Романович,
аспирант кафедры гражданского права и процесса
Образовательного учреждения профессионального (высшего) образования “Академия труда и социальных отношений”
E-mail: kirpichnikovnr2@gmail.com

Статья посвящена исследованию места неустойки в системе способов обеспечения исполнения обязательств в российском гражданском праве. Анализируется двойственная правовая природа неустойки как меры гражданско-правовой ответственности и одновременно способа обеспечения исполнения обязательств. Рассматриваются существующие научные подходы к определению ее обеспечительной функции, а также соотношение с иными способами обеспечения исполнения обязательств, прежде всего с залогом, поручительством, независимой гарантией, задатком и обеспечительным платежом. Особое внимание уделяется вопросу о том, сохраняет ли неустойка самостоятельное значение в современной системе обеспечительных механизмов либо преимущественно выполняет компенсационную и стимулирующую функции. На основе анализа законодательства, судебной практики и доктринальных позиций формулируется вывод о сохранении неустойкой статуса самостоятельного способа обеспечения исполнения обязательств при наличии присущих ей особенностей правового регулирования.

Ключевые слова: Неустойка, способы обеспечения, исполнение обязательств, гражданское право, ответственность, обеспечительная функция, залог, задаток, обеспечительный платеж, судебная практика.

Ни один правопорядок, вне зависимости от того, к правовой системе какой страны мы обратимся, кажется, не лишен гражданско-правового регулирования в отношении способов обеспечения исполнения обязательств, поскольку любой имущественный оборот нуждается в механизмах распределения рисков неисполнения.

В сложившейся на протяжении последних нескольких десятилетий практики заключения сделок очевидно усматривается тенденция приоритета в использовании отдельных поименованных способов обеспечения исполнения обязательств в сравнении с иными поименованными и, конечно, непоименованными обеспечительными механизмами. Так, традиционно стороны гражданских договоров предпочитают использовать такие институты как залог, поручительство, гарантии и, конечно, неустойку.

Среди перечисленных выше поименованных механизмов неустойка является одним из ключевых способов обеспечения исполнения обязательств должника. Указанное справедливо в отношении абсолютно всех категорий гражданско-правовых обязательств и хотя стороны, руководствуясь принципом свободы договора, могут не включать не включать оговорку о неустойке в договор, современное состояние делового оборота такого, что представить договор, в отношении которого сложился обычай невключения неустойки – практически невозможно.

Сравнительный анализ неустойки с иными наиболее распространенными способами обеспечения кредитных обязательства – залога и поручительства, показывает, что обеспечительная функция неустойки проявляется в значительно меньшей степени, поскольку последняя не предоставляет отдельной экономической ценности (в виде имущества (и/или имущественных прав самого заемщика), или включения в сделку третьего лица, финансовое положение которого является достаточно стабильным, чтобы кредитор мог рассчитывать на удовлетворение своих имущественных интересов при допущении заемщиком дефолта обеспечиваемого обязательства). Важно также отметить, что неустойка, в отличие от залога, иного вещного обеспечения и некоторого личного обеспечения, совершенно не проходит так называемый “банкротный тест” – кредитор не получает никакого преимущества при наступлении несостоятельности (банкротства) должника и его требования удовлетворяются вне каких-либо преимуществ, предоставляемых залоговым кредиторам.

Утверждение об отсутствии какого-либо ex ante предоставления при применении неустойки, подтверждается самой формулировкой обеспечительного механизма – в соответствии со статьей 330 Гражданского кодекса Российской Федерации неустойкой признается определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств, в частности в случае просрочки исполнения.

На протяжении последних десятилетий крайне широкая дискуссия возникла вокруг правовой природы неустойки как способа обеспечения исполнения обязательств. Отечественные правоведы прежде всего пытаются ответить на следующие вопросы: а) действительно ли неустойка является обеспечительным механизмом; б) какие функции, из присущих способам обеспечения исполнения обязательств, выполняет неустойка; в) не является ли более целесообразным пересмотреть роль неустойки как института гражданского права и, возможно, даже найти для неустойки новое место в рамках структуры Гражданского кодекса Российской Федерации.

Ретроспективный анализ показывает, что современное нам законодательное определение неустойки перекочевало дословно из Гражданского кодекса РСФСР 1964 года [1] и было лишь дополнено указанием на отсутствие необходимости для кредитора доказывать причинение ему убытков для предъявления должнику требования об уплате неустойки.

При этом определение, включенное в Гражданский кодекс РСФСР 1964 года, претерпело значительную эволюцию в сравнении с формулировкой статьи 141 Гражданского кодекса РСФСР 1922 года, согласно которой под неустойкой понималась не только денежная сумма, но также и иная имущественная ценность, которая должна быть “доставлена” кредитору при неисполнении или ненадлежащем исполнении должником принятых договорных обязательств.

Интересно, что определение, изложенное советским законодателем в 1922 году, фактически явилось гражданско-правовым новше-

ством, поскольку широко применявшийся в досоветском экономическом обороте Свод законов Российской империи относил последнюю к числу способов обеспечения исполнения обязательств (разделяя при этом, неустойку из закона и неустойку как согласованное сторонами договора условие), однако вовсе не содержал определения неустойки. Промежуточным этапом развития отечественного гражданского законодательства стал проект Гражданского уложения, в котором законодатель впервые вывел определение неустойки, под которым тогда понималась подлежащая уплате в случае неисполнения (ненадлежащего исполения) обязательства денежная сумма [2]. Однако, как пишут Михаил Исаакович Брагинский и Василий Владимирович Витрянский [3], в дополнительных материалах Редакционной Комиссии, готовившей текст проекта Гражданского уложения, словосочетание "денежная сумма" используется не с целью ограничить природу неустойки денежными средствами как таковыми, но в связи с тем, что, во-первых, как правило, неустойка действительно выражается в денежном платеже, и во-вторых для упрощения законодательного слога и удобства правоприменения. Неустойка, таким образом (а на равне с ней и отступное, задаток), несмотря на ограниченность проекта соответствующей нормы, могла быть выражена также и вещах и даже действиях. Не трудно заметить, что после 42 лет, в течение которых советское гражданское законодательство определяло данный обеспечительный субинститут как денежную сумму и/или как иную имущественную ценность, в 1964 году советское право снова обратилось к формулировке, выведенной еще в досоветский период. Как представляется, именно отсутствие в дореволюционном законодательстве определения неустойки впервые обусловило формирование различных доктринальных подходов к определению ее правовой природы в дореволюционной цивилистической доктрине. Более того, видится, что включение законодателем в 19-ом веке при составлении Свода законов Российской империи неустойки в перечень способов обеспечения исполнения обязательств, породило многочисленные споры о месте данного обеспечительного механизма в системе гражданского права – несмотря на позицию законодателя, не все правоведы придерживаются позитивистского подхода и иногда в доктринальных работах мы можем встретить рассуждения о превалировании штрафной функции неустойки над обеспечительной функцией и о возможной необходимости исключения неустойки из числа гражданско-правовых механизмов, призванных обеспечивать обязательства по сделке. До настоящего времени в цивилистической доктрине отсутствует единый подход к вопросу о том, является ли неустойка самостоятельным способом обеспечения исполнения обязательств либо исключительно мерой гражданско-правовой ответственности.

Впервые изданный в 1894 году Учебник русского гражданского права Габриэля Феликсовича является ярким примером рассмотрения правовой природы неустойки в качестве двойственной – известный правовед отмечал, что неустойка является "не только средством обеспечения обязательства, но и способом определить размер вознаграждения за отступление от обязательства". Ссылаясь на статью 1574 Свода законов Российской империи, Г.Ф. Шершеневич обращает внимание на то, что законодатель рассматривает неустойку как гражданско-правовой механизм, призванный побудить одну из сторон (или обе стороны договора, если неустойка устанавливается за нарушение обоих встречных обязательств) к надлежащему исполнению под страхом "наступления невыгодных последствий" [4].

Размышления правоведов советского периода также не были лишены сомнений в отношении правовой природы неустойки. Олимпиад Соломонович Иоффе, рассуждая об отличиях убытков и неустойки, писал [5] о последней не только как о способе достижения возмещения, но и как о средстве, благодаря которому кредитор может (и, стоит также отметить, по многочисленным причинам – в значительно более оперативном порядке) побудить должника к исполнению обязательства, более того – условие о неустойке выполняет стимулирующую функцию на протяжении всего срока действия правоотношений сторон, и кредитору не приходится ждать выявления и доказывания причиненных убытков.

Исследование современных позиций в отношении двойственности правовой природы неустойки в части выполняемых функций и превалирования (по-крайней мере констатировать такое превалирование кажется справедливым нам) функции побуждения должника к надлежащему исполнению обязательств над компенсационной функцией, безусловно приведет нас к рассмотрению немалого количества работ отечественных правоведов. Отдельное внимание, на наш взгляд, необходимо обратить на позицию М.И. Брагинского и В.В. Витрянского, изложенную в фундаментальном труде «Договорное право» [6]. Конечно, в данной работе неустойка впервые рассматривается в главе, посвященной обеспечению исполнения обязательств, однако в рамках круга обеспечительных механизмов ее анализ носит преимущественно исторический характер. Основное внимание авторы уделяют неустойке в разделе, посвященном гражданско-правовой ответственности, где исследуются ее понятие, функции, виды и соотношение с убытками. Ссылаясь на позиции плеяды дореволюционных правоведов, авторы отмечают, что в дореволюционном праве неустойка обладала двойственным характером, сочетая свойства способа обеспечения исполнения обязательства и меры ответственности за его нарушение.

Представляется, что вопрос о месте неустойки в системе гражданского права остается дискуссионным. Как позитивистский анализ текстов актов гражданского законодательства в части положений об обеспечении обязательств (в первую очередь договорных), так и отечественная цивилистической доктрина, показывают, что отсутствие легального определения института неустойки в дореволюционный период, последующая советская эволюция нормативной конструкции, которая в свою очередь была полностью подчинена интересам и логике плановой экономики, и неоднократное изменение ее содержания – предопределили возникновение различных подходов к пониманию правовой природы неустойки. Вместе с тем представляется, что, несмотря на то, что неустойка традиционно включается в число способов обеспечения исполнения обязательств в каждом отечественном Гражданским кодексе, доминирующее зачение ее компенсационной функции остается предметом обсуждения. По своим юридическим признакам и механизму реализации неустойка в тяготеет к способам защиты гражданских прав и эта позиция так или иначе прослеживается в доктринальных работах совершенно различных периодов развития российского гражданского права. Неустойка возникает исключительно при нарушении "обеспеченного" ею обязательства и защита имущественного интереса кредитора реализуется посредством применения мер гражданско-правовой ответственности. Таким образом, эволюцию правового регулирования неустойки, как видится, нельзя считать завершенной, а вопрос о месте данного института в системе гражданского права по-прежнему, на наш взгляд, требует дальнейшего доктринального осмысления. Кроме того, однозначное определение роли неустойки в системе гражданского права, возможно, приведет к пересмотру надлежащего места данного обеспечительного института в рамках Гражданского кодекса Российской Федерации.

Литература

1. Статья 187 Гражданского кодекса РСФСР: утв. Законом РСФСР от 11 июня 1964 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 406;
2. Гражданское Уложение. Проект Высочайше Учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения. Том второй / Под ред. И.М. Тютрюмова. СПб., 1910. С. 207;
3. Брагинский М. И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. 3-е изд., стереотипное. М.: Статут, 2001. Кн. 1, С. – 280;
4. Шершеневич Г. Ф., Избранное. Т. 5: Учебник русского гражданского права / Вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. – М.: Статут, 2017. С. – 434;
5. Иоффе О. С., Обязательственное право. М., Юрид. Лит. 1975. С. – 83;
6. Брагинский М. И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. 3-е изд., стереотипное. М.: Статут, 2001. Кн. 1, С. – 282.

ON THE PLACE OF PENALTY CLAUSES IN THE SYSTEM OF METHODS FOR SECURING THE PERFORMANCE OF OBLIGATIONS

Kirpichnikov N.R.
Academy of Labour and Social Relations

The article examines the place of penalty in the system of methods for securing the performance of obligations under Russian civil law. It analyzes the dual legal nature of penalty as both a measure of civil liability and a method of securing contractual performance. The paper reviews the main scholarly approaches to its security function and its relationship with other methods of securing obligations, including pledge, suretyship, independent guarantee, deposit, and security payment. Particular attention is paid to whether penalty retains its independent significance within the modern system of security mechanisms or primarily performs compensatory and incentive functions. Based on an analysis of legislation, judicial practice, and legal doctrine, the author concludes that penalty continues to be an independent method of securing the performance of obligations despite the specific features of its legal regulation.

Keywords: Penalty, methods of securing obligations, performance of obligations, civil law, civil liability, security function, pledge, deposit, security payment, judicial practice.

References

1. Article 187 of the Civil Code of the RSFSR: approved. by the Law of the RSFSR of June 11, 1964 // Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1964. No. 24. Art. 406;

2. Civil Code. Draft of the Supremely Institutional Editorial Commission for Compiling the Civil Code. Volume 2 / Ed. I.M. Tyutryumov. St. Petersburg, 1910. P. 207;
3. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract Law. General Provisions. 3rd ed., stereotyped. Moscow: Statut, 2001. Book 1, P. – 280;
4. Shershenevich G.F., Selected Works. Vol. 5: Textbook of Russian Civil Law / Introduction. Words compiled by P.V. Krasheninnikov. Moscow: Statut, 2017, Pp. 434;
5. Ioffe O.S., Law of Obligations. Moscow, Legal Literature, 1975, Pp. 83;
6. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract Law. General Provisions. 3rd ed., stereotypical. Moscow: Statut, 2001, v. 1, Pp. 282.

Реализация корпоративных прав супругом участника ООО: пределы осуществления и способы защиты интересов

Кочемасова Анастасия Михайловна,
магистр, кафедра предпринимательского и корпоративного права, МГЮА им. О.Е. Кутафина
E-mail: anastaciacochemasova@yandex.ru

В статье проанализирована коллизия семейного и корпоративного законодательства, возникающая при определении объёма правомочий супруга участника общества с ограниченной ответственностью в отношении доли в уставном капитале. Рассмотрены доктринальные позиции о правовой природе доли и корпоративных прав, выявлены расхождения между судебной практикой арбитражных судов и позицией нотариального сообщества по вопросу о необходимости согласия супруга на выход участника из общества. Обосновано разграничение имущественного права на долю, подчинённого режиму совместной собственности, и корпоративных прав участия в управлении, реализация которых доступна только лицу со статусом участника. Проанализированы механизмы защиты имущественного интереса супруга-неучастника при размытии доли, включая отступление от принципа равенства долей при разделе имущества. Предложена классификация корпоративных сделок участника ООО по критерию необходимости получения нотариального согласия супруга. Сформулированы рекомендации по изменению редакции статьи 26 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» и уставных положений хозяйственных обществ.

Ключевые слова: корпоративные права, доля в уставном капитале, супруг участника ООО, совместная собственность супругов, размытие доли, выход из общества, корпоративный контроль, семейное право.

Формальное равенство супругов в совместной собственности разбивается о корпоративную реальность ООО. Собственность на половину доли ещё не делает второго супруга участником: он не может голосовать на общем собрании, требовать сведения о деятельности общества, оспаривать сделки. Между имущественным содержанием доли и корпоративным статусом остаётся разрыв – и он даёт устойчивый источник споров. Споров становится больше по мере того, как ООО закрепляется главной формой ведения бизнеса: на неё приходится 2 528 124 из 3 216 790 зарегистрированных юридических лиц [2]. За этим соотношением стоит простой вывод – масштаб проблемы затрагивает не единичные семьи, а подавляющее большинство российских предпринимателей, состоящих в браке.

Проблема обостряется тем, что судебная и нотариальная практика по одному и тому же правовому вопросу расходится диаметрально. Постановлением Президиума ВАС РФ от 21.01.2014 № 9913/13 выход участника из общества квалифицирован как сделка по распоряжению общим имуществом супругов, требующая нотариального согласия. До 2016 года, однако, арбитражные суды придерживались обратной позиции, рассматривая выход как реализацию личного неимущественного права [1]. Разрыв в датах здесь принципиален: одна и та же норма права – статья 26 Федерального закона «Об ООО» – толковалась судами прямо противоположным образом с интервалом менее чем в три года, и это расхождение не устранено до сих пор.

«Данный вопрос стал весьма актуальным в связи с тем, что с 01.01.2016 года нотариусы стали требовать нотариально удостоверенное согласие другого супруга при удостоверении заявления участника о его выходе из ООО», – настаивает Савельева Н.М. [1]. Смещение практики произошло не в результате изменения закона, а вследствие изменившегося правоприменительного подхода нотариального сообщества: сама норма статьи 26 закона № 14-ФЗ за этот период не менялась.

Объясняется расхождение тем, что за сменой нотариальной практики не последовало соответствующее изменение позиции высших судов по существу вопроса о правовой цели выхода. Автор доказывает: заявление о выходе не является сделкой распоряжения долей, поскольку выплата действительной стоимости доли возникает в силу закона, а не из договорной воли сторон, – это исключает применение статьи 35 Семейного кодекса РФ. Ключевое расхождение между тем, что формально требуют нотариусы, и тем, что показывает анализ правовой природы сделки, задаёт стержень дальнейшего анализа.

Савельева Н.М. предлагает не косметическое, а структурное решение: убрать из статьи 26 Закона об ООО словосочетание «путем отчуждения доли обществу». По её замыслу это лишит нотариусов формального основания требовать согласие супруга-неучастника, а имущественные интересы последнего будут защищаться отдельным, не связанным с самим фактом выхода, иском о разделе действительной стоимости доли. Так спор переносится из плоскости корпоративного удостоверения в плоскость обычного имущественного требования, что, по мысли автора, снимает саму почву для конфликта интерпретаций между нотариусами и судами. Показательно, что этот же автор увязывает вопрос с более широкой практикой правоприменения: она указывает на необходимость разъяснений в постановлениях высших судебных инстанций о выяснении правовой цели корпоративной сделки при её удостоверении и при разрешении споров, «осложненных браком», – то есть предлагает не только изменение текста закона, но и методическую перенастройку всей цепочки, от нотариуса до суда.

С другой стороны к проблеме подходит Мингазов Т.А., отказываясь от обязательственно-правовой трактовки доли в пользу вещно-правовой квалификации по аналогии с бездокументарными ценными бумагами. «Поэтому вопросы о возможности рассмотрения доли в уставном капитале общества в качестве объекта права собственности и, следовательно, об обеспечении эффективной юридической собственнической защиты приобретают все большую актуальность», – пишет автор [10]. По состоянию на начало 2013 года в стране действовало свыше 3,6 миллиона ООО – свыше 70% всех юридических лиц. При таких масштабах правовая неопределённость статуса доли затрагивает миллионы семейных пар, состоящих в браке с предпринимателями.

Вещно-правовая трактовка доли важна для темы статьи ещё и потому, что именно из неё логически следует применимость общего режима совместной собственности супругов: если доля – объект права собственности, а не только совокупность обязательственных требований к обществу, распространение на неё правил статьи 34 СК РФ выглядит естественным продолжением гражданско-правовой квалификации, а не искусственным заимствованием из смежной отрасли.

Иное расхождение – уже в самом Законе об ООО – фиксирует Воробьева М.Н. Пункт 12 статьи 21 определяет момент перехода доли моментом нотариального удостоверения сделки или внесения записи в ЕГРЮЛ, тогда как пункт 13 требует подтверждения полномочий на отчуждение выпиской из реестра, которая появляется позже. Возникает временной разрыв: «до внесения записи о принадлежности доли в реестр лицо не может продать долю, поскольку его полномочия не подтверждены» [8]. Применительно к теме статьи это означает, что супруг-совладелец доли формально не может быть уверен в моменте, когда доля юридически перешла к его партнёру по браку, – возникает дополнительная зона риска при определении состава совместно нажитого имущества.

Иной аргумент выстраивает Гриднев Е.В.: корпоративные права возникают только после создания корпоративного юридического лица согласно пункту 2 статьи 65.1 ГК РФ, а до регистрации общества участники не приобретают корпоративных прав даже при оплате доли. Права участия в управлении не опосредуются вещными правомочиями владения, пользования и распоряжения, поэтому природа корпоративных прав смешанная – вещно-правовая, обязательственная и собственно корпоративная одновременно, доказывает автор [4]. Эта многосоставность прямо объясняет, почему единого ответа на вопрос о правах супруга не существует: разные компоненты доли подчиняются разным правовым режимам.

Ещё дальше идёт Пономарев М.О., предлагая рассматривать корпоративное право как самостоятельную подотрасль, шире обязательственного права, поскольку оно включает вещные и неимущественные элементы управления на началах самоуправления и фиксированного членства. «Корпоративное право прежде всего определяет внутреннюю организацию, управление корпорациями, но вместе с тем регулирует и такие важнейшие аспекты их внешней деятельности, как представительство перед третьими лицами и ответственность перед кредиторами», – подчёркивает он [5]. Применительно к супругу-неучастнику это означает, что даже полное имущественное согласие с распределением доли не наделяет его правом представительства перед третьими лицами и не создаёт ответственности перед кредиторами общества.

Наиболее операциональное для практики разграничение формулирует Артемова А.Н.: раздел имущественного права на долю регулируется семейным законодательством, приобретение корпоративных прав – корпоративным [9]. Признание за супругом права собственности на половину доли не влечёт автоматического приобретения статуса участника – это зависит от положений устава. Иллюстрацией служит дело Грудининых: 1 948 780 акций ЗАО «Совхоз имени Ленина» были присуждены супруге при разделе имущества, после чего она обошла преимущественное право других акционеров, внеся акции в уставный капитал стороннего ООО и продав долю третьему лицу.

Именно на этом сюжете видно расхождение между официальной целью правовой конструкции – стабильностью состава участников – и её фактическим использованием в качестве инструмента вывода актива из-под контроля остальных совладельцев. Артемова А.Н. поддерживает провалившийся законопроект № 835938–7: он предлагал считать личным имуществом супруга права участия объёмом не менее 10% уставного капитала – тогда раздел брачного имущества не дробил бы корпоративный контроль. Нормы такой в действующем праве нет, и практика остаётся без чёткого порогового критерия.

У дела Грудининых есть и обратная сторона. Устав, задуманный как барьер против нежелательных третьих лиц среди участников, при определённой комбинации шагов сам превращается в способ обойти интересы остальных совладельцев. Инструмент, который должен беречь стабильность корпорации, при недобросовестном использовании бьёт по ней же. Одного уставного барьера мало – нужен ещё судебный контроль за добросовестностью того супруга, кто получил долю при разделе имущества.

Методологическая основа анализа – сопоставление норм. С одной стороны, статьи 21 и 26 Федерального закона «Об ООО», статьи 34 и 35 Семейного кодекса РФ, статьи 65.1 и 65.2 ГК РФ. С другой – арбитражная практика за 2011–2024 годы и доктрина из специализированных юридических изданий за 2010–2024 годы. Отобраны случаи, где закон задаёт общее правило – равенство долей супругов, свободу распоряжения общим имуществом, – а корпоративное регулирование вводит исключение: согласие остальных участников, преимущественное право покупки, статус участника как условие голосования.

Ещё один узел проблем – размытие доли через увеличение уставного капитала за счёт вклада третьего лица. «В результате действительная стоимость доли в уставном капитале за счет отраженного на балансе общества нового имущества увеличивается», – указывают Желонкин С.С. и Макарова О.А. [2]. Номинальная доля супруга-участника при этом падает, а стоимость всего пакета формально может даже расти. Отсюда обманчивая картина: ущерба будто нет, хотя реальная доля контроля обрушивается в разы.

Наглядный случай приводит Филипенко В.А. Единственный участник со 100% долей номиналом 5000 рублей после увеличения уставного капитала за счёт вклада третьего лица сохранил тот же номинал в 5000 рублей, но фактическая доля упала до 5% [6]. Кратность потери контроля считается просто. Номинал доли не менялся, 5000 рублей, а участие просело со 100% до 5% – значит, уставный капитал вырос примерно в двадцать раз, с 5000 рублей до порядка 100 000 рублей, тогда как собственные вложения первоначального участника так и остались нулевыми. Такое несоответствие номинала и реального контроля Филипенко В.А. называет «грубейшим нарушением его прав и подрывом дееспособности, расценяемым судами как захват бизнеса».

Смежную опасность для супруга-неучастника указывает тот же автор – залог доли единственного участника общества. Если доля, находящаяся в совместной собственности супругов, передана в залог без выделения согласия супруга на условия обременения, залогодержатель при обращении взыскания получает возможность реализовать корпоративные правомочия в объёме заложенной доли, минуя волю супруга-совладельца. Риск утраты контроля возникает, тем самым, не только при активных корпоративных действиях самого участника – увеличении капитала, выходе, – но и при пассивном событии, обращении взыскания на предмет залога: круг юридических фактов, требующих анализа с точки зрения интересов супруга-неучастника, расширяется.

Таблица 1. Соотношение имущественных и корпоративных прав супруга участника ООО при различных юридических фактах

Юридический факт	Имущественное право супруга-неучастника	Возможность реализации корпоративных прав	Источник
Приобретение доли в браке	Совместная собственность (п. 1 ст. 34 СК РФ)	Отсутствует без вхождения в состав участников	[9]
Выход участника из общества	Право на выплату действительной стоимости доли	Не требуется – реализуется личное право участника	[1]
Увеличение уставного капитала третьим лицом	Риск снижения стоимости доли в составе имущества	Отсутствует, оспаривание возможно при недобросовестности	[2], [6]
Залог доли единственного участника	Риск утраты контроля через залогодержателя	Переходит к залогодержателю в объёме заложенной доли	[6]
Наследование доли	Право собственности на долю	Обусловлена уставом, может не совпадать по срокам с правом собственности	[8]
Раздел имущества судом	Доля присуждается в размере, определённом судом	Требует согласия остальных участников по уставу	[9]

Таблица демонстрирует системную закономерность: во всех строках, где момент возникновения имущественного права не совпадает с моментом приобретения статуса участника, супруг-неучастник остаётся без корпоративных правомочий независимо от размера присуждённой ему доли собственности. Тезис Артемовой А.Н. о раздельном регулировании двух пластов прав получает здесь подтверждение, но обнаруживается и другое: единственный универсальный способ защиты во всех шести случаях – денежная компенсация, а не участие в управлении.

Механизм защиты через отступление от принципа равенства долей при разделе имущества по пункту 2 статьи 39 СК РФ предлагают Желонкин С.С. и Макарова О.А. Истец обязан доказать недобросовестное поведение супруга-участника и отсутствие разумной деловой цели увеличения капитала. Формулировка авторов точна: «При указанных

обстоятельствах ответчиками должны быть представлены убедительные доказательства, подтверждающие наличие разумных причин для включения» третьего лица в состав участников [2]. Критерии «разумной деловой цели», однако, не формализованы – сами авторы признают проблему «невнятного предоставления судом доказательств корпоративной добросовестности».

Здесь обнаруживается противоречие между позицией Желонкина С.С. и Макаровой О.А. и позицией Артемовой А.Н. Первые предлагают компенсаторный механизм постфактум – через отступление от равенства долей уже после того, как размытие состоялось. Вторая настаивает на превентивном механизме: брачном договоре или уставном требовании согласия участников на переход доли к супругу при разделе. Разница принципиальна: превентивный механизм исключает спор до его возникновения, компенсаторный переносит бремя доказывания недобросовестности на пострадавшую сторону уже после утраты контроля. Позиция Артемовой А.Н. сильнее в части предотвращения ущерба, но её рекомендация о брачном договоре применима только при согласии обеих сторон до возникновения конфликта, тогда как механизм пункта 2 статьи 39 СК РФ работает и при отсутствии такого договора. Подходы взаимодополняющие, а не взаимоисключающие.

Процессуальное измерение проблемы добавляет Пшеничных Ю.А., отмечая, что право на восстановление корпоративного контроля по пункту 3 статьи 65.2 ГК РФ процессуально неосуществимо ввиду отсутствия механизма определения «справедливой компенсации» судом [7]. «В этом случае лицу, утратившему помимо своей воли права участия в корпорации, лицами, виновными в утрате доли участия, выплачивается справедливая компенсация, определяемая судом», – пишет автор, но сам термин «справедливая компенсация» не имеет методики расчёта ни в законе, ни в разъяснениях высших судов. Применительно к супругу-неучастнику это означает: даже признанное судом право на компенсацию при недобросовестном размытии доли остаётся без чёткого алгоритма исчисления суммы.

Судебная защита корпоративных прав, подчёркивает тот же автор отдельно, – не факультативная надстройка над материальным правом, а элемент, входящий в само содержание права на участие. Для супруга-неучастника вывод такой: пока закон не дал ему самостоятельного статуса участника, защита его интереса идёт кружным путём – через доказывание недобросовестности партнёра по браку, а не через прямую защиту корпоративного правомочия, которого у него и нет.

Супружеские интересы совсем не затрагивает Смолин Д.М. – он разбирает право участника на выход и держится конституционной свободы предпринимательства самого участника [3]. Его предложение – переписать пункт 1 статьи 26 Закона об ООО так, чтобы выход не зависел от согласия других участников. Если такую редакцию примут, она заодно закрепит и мысль Савельевой Н.М. о личном характере права на выход. Два автора писали с разницей в два года и не ссылались друг на друга, а выводы сошлись – и это усиливает позицию каждого.

Есть грань, которой рассмотренные позиции касаются лишь вскользь, – соотношение реестровой и уставной модели фиксации прав участника. Воробьева М.Н. отмечает: между нотариальным удостоверением перехода доли и внесением записи в ЕГРЮЛ возникает зазор правовой неопределённости, где формальный собственник ещё не признан полномочным распорядителем. Для супруга-неучастника этот зазор – дополнительный риск. Когда раздел имущества и переход доли идут вровень с реестровыми процедурами, момент завершённого раздела совместно нажитого расплывается во времени, а не привязан к одной дате.

Стоит сказать и про методическую сторону – про то, как учить само нотариальное сообщество различать правовые цели корпоративных сделок. Савельева Н.М. предлагает прямо прописать в методических рекомендациях для нотариусов: сделка, которой участник реализует личное неимущественное право, и сделка распоряжения долей как общим имуществом требуют разного подхода к согласию супруга. Без такой методической конкретизации нотариус, действующий формально осторожно, склонен требовать согласие супруга во всех случаях без разбора – именно это и произошло после 2016 года, когда практика ужесточилась не по букве закона, а по логике перестраховки.

Ограничение настоящего анализа состоит в том, что имеющиеся источники не содержат единой судебной статистики по количеству споров о размытии доли супруга-неучастника в масштабе страны. Оценки строятся на отдельных прецедентах регионального уровня, что не позволяет установить, является ли описанная проблема массовой или локализованной в отдельных судебных округах.

Практическая рекомендация вытекает из сопоставления всех рассмотренных позиций. Уставу общества целесообразно придать функцию первичного фильтра: включение требования о согласии остальных участников на переход доли к супругу при разделе имущества (по аналогии с абзацем 2 пункта 2 и пунктом 10 статьи 21 Закона об ООО) даёт супругу-неучастнику право на действительную стоимость доли при отказе во включении в состав участников, минуя длительный судебный процесс о недобросовестности [9]. «Право без права судебной защиты – не право, возможность судебной защиты имманентна корпоративным правам и входит в состав самого права на участие», – справедливо замечает Пшеничных Ю.А., но применительно к супругу-неучастнику именно уставный механизм заранее очерченного порядка выплаты стоимости доли снимает необходимость искать судебную защиту постфактум.

Если переписать статью 26 Закона об ООО так, как предлагает Смолин Д.М. и как подсказывает логика Савельевой Н.М., уйдёт противоречие между нотариальной практикой после 2016 года и доктринальным взглядом на выход как на личное право. Но нужно и второе – прямо назвать в постановлениях высших судов критерии разумной деловой цели при увеличении уставного капитала. Без этого механизм статьи 39 СК РФ, предложенный Желонкиным С.С. и Макаровой О.А., так и останется декларацией.

Разделение имущественной и корпоративной составляющих доли – не терминологическая тонкость, а рабочий инструмент судебной защиты. Он разом решает две задачи: бережёт стабильность состава участников и не оставляет супруга-неучастника без компенсации, если партнёр по браку повёл себя недобросовестно.

Устав с требованием согласия участников на переход доли и брачный договор с режимом личной собственности предпринимателя работают на разных этапах – один до конфликта, другой в момент его разрешения. Применять их стоит вместе, а не выбирая одно вместо другого.

Литература

1. Савельева Н.М. Выход участника из ООО: семейно-правовой аспект / Н.М. Савельева // Юридический вестник Самарского университета. – 2018. – Т. 4, № 3. – С. 77–82.

2. Желонкин С.С., Макарова О.А. Размытие доли в ООО: коллизионные вопросы семейных и корпоративных отношений / С.С. Желонкин, О.А. Макарова // Философия права. – 2024. – № 2 (109). – С. 91–98.

3. Смолин Д.М. Право на выход участника общества с ограниченной ответственностью из общества / Д.М. Смолин // Вестник магистратуры. – 2016. – № 4–3 (55). – С. 98–99.

4. Гриднев Е.В. Правовая природа корпоративных прав / Е.В. Гриднев // Образование и право. – 2023. – № 11. – С. 315–318.

5. Пономарев М.О. Правовая сущность корпоративных правоотношений / М.О. Пономарев // Отечественная юриспруденция. – 2018. – № 2 (27). – С. 30–33.

6. Филипенко В.А. Залог корпоративных прав единственного участника ООО / В.А. Филипенко // Вопросы российской юстиции. – 2019. – № 4. – С. 253–260.

7. Пшеничных Ю.А. Корпоративные права и обязанности участников корпорации / Ю.А. Пшеничных // Теория и практика современной науки. – 2017. – № 6 (24). – С. 703–711.

8. Воробьева М.Н. Определение момента приобретения прав на долю в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью / М.Н. Воробьева // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2010. – № 1. – С. 65–69.

9. Артемова А.Н. Правовая природа доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью: коллизия корпоративного и семейного права / А.Н. Артемова // Respublica Literaria. – 2022. – Т. 3, № 3. – С. 87–95.

10. Мингазов Т.А. Правовая квалификация доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью / Т.А. Мингазов // Правовое государство: теория и практика. – 2013. – № 2 (32). – С. 154–159.

IMPLEMENTATION OF CORPORATE RIGHTS BY THE SPOUSE OF AN LLC PARTICIPANT: LIMITS OF EXERCISE AND METHODS OF PROTECTING INTERESTS

Kochemasova A.M.
Moscow State Law Academy named after. O.E. Kutafina

The article examines the conflict between family and corporate legislation that arises when determining the scope of powers of the spouse of a limited liability company participant regarding a share in the charter capital. Doctrinal positions on the legal nature of the share and corporate rights are considered, and discrepancies between arbitration court practice and the position of the notarial community regarding the necessity of spousal consent for a participant's withdrawal from the company are identified. The distinction is substantiated between the property right to a share, subject to the joint ownership regime, and corporate

management participation rights, which can only be exercised by a person holding participant status. Mechanisms for protecting the property interest of a non-participant spouse in cases of share dilution are analyzed, including deviation from the principle of equal division during property division. A classification of corporate transactions of an LLC participant is proposed based on the criterion of necessity for spousal notarial consent. Recommendations are formulated for amending Article 26 of the Federal Law "On Limited Liability Companies" and the charter provisions of business entities.

Keywords: corporate rights, share in charter capital, spouse of LLC participant, joint property of spouses, share dilution, withdrawal from company, corporate control, family law.

References

1. Savelyeva N.M. Withdrawal of a Participant from an LLC: Family and Law Aspect / N.M. Savelyeva // Legal Bulletin of Samara University. – 2018. – Vol. 4, No. 3. – Pp. 77–82.

2. Zhelonkin S.S., Makarova O.A. Dilution of a Share in an LLC: Conflict of Laws Issues in Family and Corporate Relations / S.S. Zhelonkin, O.A. Makarova // Philosophy of Law. – 2024. – No. 2 (109). – Pp. 91–98.

3. Smolin D.M. The Right of a Participant to Withdraw from a Limited Liability Company / D.M. Smolin // Bulletin of the Magistracy. – 2016. – No. 4–3 (55). – Pp. 98–99.

4. Gridnev E.V. Legal nature of corporate rights / E.V. Gridnev // Education and law. – 2023. – No. 11. – P. 315–318.

5. Ponomarev M.O. Legal essence of corporate legal relations / M.O. Ponomarev // Domestic jurisprudence. – 2018. – No. 2 (27). – P. 30–33.

6. Filipenko V.A. Pledge of corporate rights of the sole participant of an LLC / V.A. Filipenko // Issues of Russian justice. – 2019. – No. 4. – P. 253–260.

7. Pshenichnykh Yu.A. Corporate rights and obligations of corporation participants / Yu.A. Pshenichnykh // Theory and practice of modern science. – 2017. – No. 6 (24). – P. 703–711.

8. Vorobyeva M.N. Determining the Moment of Acquisition of Rights to a Share in the Authorized Capital of a Limited Liability Company / M.N. Vorobyeva // Legality and Law and Order in Modern Society. – 2010. – No. 1. – P. 65–69.

9. Artemova A.N. Legal Nature of a Share in the Authorized Capital of a Limited Liability Company: Conflict of Corporate and Family Law / A.N. Artemova // Respublica Literaria. – 2022. – Vol. 3, No. 3. – P. 87–95.

10. Mingazov T.A. Legal Qualification of a Share in the Authorized Capital of a Limited Liability Company / T.A. Mingazov // The Rule of Law: Theory and Practice. – 2013. – No. 2 (32). – P. 154–159.

Толкование греческих терминов римского права в процессе обучения студентов – юристов

Крицкая Светлана Юрьевна,
доцент кафедры гражданского права Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
E-mail: crebet@mail.ru

Статья посвящена проблеме объяснения студентам – юристам терминов римского права греческого происхождения. Как правило, римские юристы были образованными людьми, знающими не только латинский язык, но и греческий, который наряду с латинским языком, использовался ими в законодательстве и юридической, особенно судебной практике. Греческих терминов в римском праве немного, и их можно разделить на три группы: одни довольно редко встречаются в правовых текстах только в пределах римского права, например, термин pantherinus «мошенник, плут, мелкий жулик». Другие термины встречаются постоянно в матримониальном и обязательственном праве и даже теперь встречаются в современном международном праве, например, arr(h)a «задаток». Третьи, возникшие в римском праве, пережили тысячелетия и продолжают развиваться и сейчас, например, hypotheca «ипотека». Толкование этих терминов с использованием этимологического анализа поможет студентам лучше усвоить дисциплину.

Ключевые слова: греческие термины, римское право, язык права, ипотека, задаток, мошенник.

Римское право в историческом развитии мировой цивилизации является фактически первым систематическим и научно разработанным правом. Хотя в архаические времена практически все народы создали обычное право, в основном в виде императивных установлений, запрещающих определенные действия (не убей, не укради, не обмани…), и сборники судебных казусов, устанавливающих наказания за нарушение запрета (если кто убьет, украдет, обманет, то…), но только римлянам удалось идейно – теоретически и реально – практически установить право как действующий регулятор общественных отношений во всех их проявлениях и юриспруденцию как науку о праве, которые, пройдя тысячелетнее развитие, остались навсегда актуальными и в современных правовых системах современности как российской, так и зарубежных. Образно римское право можно представить в качестве «рачительного земледельца», который, по словам римского комедиографа Цецилия Стация, “Serit arbores, quae alteri saeclo prosint” —

«Сажает деревья, которые другому поколению принесут пользу» (Cic. Tuscul. Disput. I. 14. 31).

Римское право, наряду с теорией и историей права, гражданским, конституционным, административным и другими отраслями права, является не только самостоятельной наукой, но и учебной дисциплиной со своим предметом и методикой изучения, опирающейся как на осмысление необходимых для обучения исторических фактов, так и толкование юридических понятий и терминов

Известно, что сущность юридического феномена «всегда требует устойчивой фиксации и материального закрепления в виде тех или иных слов-терминов и словесных определений, формул и аргументаций, цифр и расчетов, а также иллюстрирующих их образов», а «законодатель отражает жизнь посредством словесных правовых норм» [6. С. 99]. Следовательно, анализ языкового материала юридических терминов есть отражение правосознания народа.

Основную языковую подготовку и необходимый культурный кругозор студенты получают в процессе обучения в юридических вузах. И очень важную роль играет именно римское право, которое передавалось через латинский и греческий языки.

Латинско– греческая терминология требует внимательного объяснения каждого слова или выражения с помощью этимологического анализа, а также ссылок на латинский и греческий тексты римских юридических источников [5. С. 75].

Обычно греческие термины в курсе «Римское право» подробно не разбираются, говорится, что слово взято из греческого языка, но не объясняется, что же это слово первоначально означало в греческом языке и какое значение приобрело не просто в разговорном латинском языке, а именно в юридической латыни. Это обстоятельство затрудняет понимание студентами термина, тогда как толкование термина помогло бы лучше его запомнить.

В качестве примеров толкований греческих терминов взяты такие слова, которые постоянно употреблялись в римском праве, но вне римского права не употреблялись (arrha), а также редко встречающиеся термины (pantherinus) и те слова, которые из римского права перешли в правовой язык последующих веков, вплоть до современности (hypotheca).

Panterinus в праве обозначает жулика, мелкого мошенника: латинское слово восходит к греческому названию животного, родом из Лидии, πάρδος, λεόπαρδος – «леопард, барс», которое в свою очередь происходит от семитского названия любой большой кошки Fellis pardus (от сервала до тигра) – *pɀdo. Греки, а затем и римляне считали пятнистого леопарда коварным, хитрым, злым животным, воплотившим в себе недостатки всех диких зверей, и стали называть его πάνθηρ (от основ слов παν– «весь» и θηρ– «зверь»), на латыни panthera. “Pardus diabolus vel peccator moribus varius” – «Леопард – дьявол или грешник, разнообразный в проделках». Уже сами римляне создали слово pantherinus – «человек, подобный леопарду, то есть избитый до синяков за мелкие правонарушения, пятнистый от побоев, ловкач, мошенник, жулик». Действия такого пантерина – мошенника направлены на получение выгоды обманным путем и вызывали у обманутых им граждан желание не судебного преследования, а личной расправы путем нанесения побоев [11. P. 747–7750].

В римском праве термин Arr(h)a «задаток» встречается довольно часто особенно при сделках доброй совести (bonae fidei), оформлен-

ных как контракты купли – продажи (emptio – venditio) и аренды, или найма, (locatio – conductio) с внесением задатка, который носил название arra или arrabo и состоял из конкретной денежной суммы из золотых или серебряных монет, а также некой ценной вещи, например раба или мула, оставленными одной стороной как гарантия исполнения обязательства – arra confirmatoria.

Юрист II в.н.э. Гай писал: "Emptio et uenditio contrahitur, cum de pretio conuenerit, quamuis nondum pretium numeratum sit ac ne arra quidem data fuerit. nam quod arrae nomine datur, argumentum est emptionis et uenditionis contractae." – «Договор купли-продажи считается заключенным, когда цена согласована, даже если цена еще не рассчитана и задаток еще не внесен. Ибо то, что внесено в качестве задатка, является доказательством заключенного договора купли-продажи» (Inst. III. 139).

Название arr(h)a происходит от греческого слова ἀρραβ΄ων «задаток», образованного от семитского слова erabon «пересечение дорог, торговля кочевников в определенных пунктах дальних дорог» [9. P. 261].

Термин был известен еще во II в. до н.э. из 3 акта комедии Публия Теренция Афра «Самоистязатель» (Heauton Timorumenos), где говорилось о том, что девушка-рабыня рассматривалась как задаток при заключении сделки: "ea relicta huic arraboni est pro illo argento" – «она была оставлена как задаток вместо того серебра» [10. P. 812].

Первоначально получатель должен вернуть задаток независимо от того, исполнился ли договор или нет: если исполнился, то задаток можно было зачесть как часть оговоренного. В случае неисполнения договора тот, кто дал задаток, теряет его в пользу принявшего, если же тот, кто принял задаток, не исполнял договор, то он возвращал стоимость задатка в двойном размере.

В законодательстве императора Юстиниана штрафная функция arra стала обязательной за односторонний отказ от совершения сделки. [2. C. 614].

В римском семейном праве брак (matrimonium) заключался при добровольном согласии мужчины и женщины создать семью. Церемонии бракосочетания (nuptiae) могла предшествовать помолвка (sponsalia), которая считалась договором о намерении заключить брачный союз и юридически строгим обязательством не являлась. Заставить как мужчину, так и женщину вступить в брак, несмотря на данное при помолвке обещание, было нельзя. Единственной юридически значимой санкцией за нарушение обязательства мог быть иск об ущербе при неисполнении обещания (actio ex sponsu), если помолвка сопровождалась поднесением подарков. После победы христианства над язычеством, начиная с IV в.н.э., изменилась концепция брака как нерасторжимого союза, данного Господом, а, следовательно, и взгляд на помолвку как обязательный акт, подтвержденный принятием невестой или ее родственниками от жениха свадебного задатка arra sponsalicia. Императоры IV в.н.э. из рода Флавиев Валентиан и Грациан установили, что помолвка считается заключенной в момент вручения женихом невесте денежной суммы в качестве свадебного задатка. Если невеста впоследствии отказывается от заключения брака, то она должна вернуть стоимость задатка в четырехкратном размере (in quadriplum). Если один из помолвленных умирает до брака, то задаток возвращается другой стороне в первоначальном виде (in simplum). Если жених расторгает помолвку без серьезных оснований, то он теряет задаток полностью. Это положение Валентиана и Грациана подтвердил император Феодосий в своем Кодексе в V в.н.э. (CTh. III. 5. 2–3), а затем и император Юстиниан в VI в.н.э. (CI. V. 3. 15–16) [2. C. 264–265].

В настоящее время термин arra «заранее оговоренная сумма, задаток, аванс» сохранился в общем праве Англии и США [4. C. 28].

Среди терминов римского права греческого происхождения одним из самых популярных, переживших века, востребованных и в современном праве, является ипотека, от этого слова в русском языке права образованы слова и выражения: генеральная ипотека, ипотечный, ипотечный залог, ипотечные кредиторы, ипотечное преемство.

Слово ὑποθήκη греческое, образованное от глагола ὑποτίθημιι «подкладывать, устанавливать, предполагать», в греческих литературных источниках оно упоминается как синоним слова ‘υπόθεσις «гипотеза, представление, положение», но с несколько отличным от него значением «предположение, совет, предупреждение» [7. S. 471] у Геродота (Hdt. I. 156. 206), Плотина (Plot. II. 2. 505), Аристотеля (Arist. Rhet. 1368b 2, 1389b23.).

Однако в одном месте в «Экономике» Аристотеля ипотека встречается в смысле «государственного займа зерна у торговцев зерном по обычным фиксированным ценам» (Arist. Oecon. 1348b21) [8. P. 60].

Вероятно, это значение слова было известно в I веке до н.э. такому знатоку греческого языка, как Цицерон, который и ввел слово hypotheca в латинский язык, придав ему значение залога.

Цицерон упоминает в одном письме об ипотеке, обеспечивающей денежный долг – «Сверх того Филоклет из Алабанды дал Клювию ипотеки. Срок платежа настал. Мне бы хотелось, чтобы ты позаботился о том, чтобы он или отказался от ипотек и их управляющим Клювия передал, или заплатил деньги» (ut aut de hypothecis decedat easque procuratoribus Cluvi tradat aut pecuniam solvat). (Cic. Fam. XIII. 56. 2.)

Причем, случай, о котором он упоминает, возник в городе Алабанда провинции Киликии, где ипотека (Цицерон и записал это слово по-гречески, поскольку в римском праве этот термин еще не оформился) могла существовать и как институт греческого права, который, если и проник в экономико-правовые отношения Рима, то, вероятнее всего, в ius gentium – «право инородцев», так как Филоклет – явный иноземец -грек, живущий на территории римского государства. Следовательно, ипотека означает «заложенное» в пределах «положенного», а с обыденной точки зрения – заклад, залог, но установленный на особых условиях, о которых могли додуматься греки: брать деньги не под залог телесной вещи, а под идею, то есть под обещание расплатиться с кредитором в случае неустойки той вещью, которой еще у должника нет, но которая будет создана (приобретена, построена и т.д.) на деньги кредитора.[3. C. 72]. Римлянам эта идея показалась здравой, так как с помощью hypotheca большее число граждан, даже весьма среднего достатка, могло быть вовлечено в хозяйственный оборот.

В документах II века н.э., ипотека упоминалась тогда, когда вещь оставалась в руках должника впредь до его неисправности в уплате долга [1. C. 145].

Римская ипотека, которая распространялась как на движимое, так и на недвижимое имущество, получила большое распространение, так как позволяла должнику владеть заложенным имуществом, не передавая его кредитору.

История влияния греческого языка на латинский при создании терминов права требует особого исследования. Однако все эти явления интересуют нас в том плане, что они показывают необходимость более тщательного этимологического анализа употребляемых правовых терминов, усиления преподавания общеобразовательных гуманитарных дисциплин, повышения требований к уровню культуры, ожидаемому от выпускников юридических вузов, что положительно скажется и на специальном юридическом образовании.

Литература

1. Бартошек М. Римское право: (Понятия, термины, определения). М.: Юридическая литература, 1989. – 448 с.
2. Гарсия Гарридо М.Х. Римское частное право: казусы, иски, институты. М.: Статут, 2005. – 812 с.
3. Крицкая С.Ю. Ипотека в римском и современном гражданском праве. Сравнительно – правовой анализ// Ленинградский юридический журнал. – 2005. – № 1(2). – С. 70–80.
4. Мамулян А. С., Кашкин С.Ю. Англо-русский полный юридический словарь. – М.: ЭКСМО, 2009. – 448 с.
5. Субботин Ю.В. Инновационные методы в преподавании латинского языка при подготовке специалистов для судебной системы// Юридическая наука. 2025. № 8. – С. 75–81.
6. Ушаков А.А. Очерки советской законодательной стилистики. Право и язык. – М.: РАП, 2008. – 314 с.
7. Hofmann J.B. Etymologisches Wörterbuch des Griechischen. -München: Verlag von R. Oldenbourg, 1950. – 5683 S.
8. Magie D.De Romanorum iuris publici sacrique vocabulis solemnis in Graecum sermonem conversis. -Lipsiae: D.G. Teubneri, 1905. – 195 S.
9. Mazur R., Bogacz R., Gieniusz A. Analytical Lexicon of the Greek Bible. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2023. – 2553 p.
10. Oxford Latin Dictionary (1968) – Oxford Latin Dictionary. Oxford: Clarendon Press, 1968. – 2126 p.
11. Paulys Realencyclopädie der Classischen Alterumswissenschaft. – Stuttgart: A. Druckenmüller Verlag, 1949. – 1278S.

INTERPRETING GREEK TERMS OF ROMAN LAW IN THE TEACHING OF LAW STUDENTS

Kritskaya S.Yu.
State University of Justice

This article examines the problem of explaining Roman legal terms of Greek origin to law students. Roman lawyers were typically educated individuals, proficient in both Latin and Greek, which they used in legislation and legal practice, particularly in judicial practice. Greek terms are few in Roman law and can be divided into three groups: some are rarely found in legal texts exclusively within Roman law, such as pantherinus (a swindler, rogue, petty swindler). Other terms are frequently encountered in matrimonial and contract law and are even found in modern international law, such as arr(h)a (earnest money). Still others, originating in Roman law, have survived for millennia and continue to develop today,

such as hypotheca (mortgage). Interpreting these terms using etymological analysis will help students better understand the subject.

Keywords: Greek terms, Roman law, legal language, mortgage, earnest money, swindler.

References

1. Bartoszek M. Roman Law: (Concepts, Terms, Definitions). Moscow: Legal Literature, 1989. – 448 p.

2. García Garrido M.J. Roman Private Law: Cases, Claims, Institutions. Moscow: Statut, 2005. – 812 p.

3. Kritskaya S. Yu. Mortgage in Roman and Modern Civil Law. Comparative Legal Analysis// Leningrad Law Journal. – 2005. – No. 1 (2). – Pp. 70–80.

4. Mamulyan A.S., Kashkin S. Yu. Complete English-Russian Law Dictionary. – Moscow: EKSMO, 2009. – 448 p.

5. Subbotin Yu.V. Innovative methods in teaching Latin in training specialists for the judicial system// Legal science. 2025. No. 8. – P. 75–81.

6. Ushakov A.A. Essays on Soviet legislative stylistics. Law and language. – M .: RAP, 2008. – 314 p.

7. Hofmann J.B. Etymologisches Wörterbuch des Griechischen. -München: Verlag von R. Oldenbourg, 1950. – 5683 S.

8. Magie D.De Romanorum iuris publici sacrique vocabulis solemnis in Graecum sermonem conversis. -Lipsiae: D.G. Teubneri, 1905. – 195 S.

9. Mazur R., Bogacz R., Gieniusz A. Analytical Lexicon of the Greek Bible. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2023. – 2553 p.

10. Oxford Latin Dictionary (1968) – Oxford Latin Dictionary. Oxford: Clarendon Press, 1968. – 2126 p.

11. Paulys Realencyclopädie der Classischen Alterumswissenschaft. – Stuttgart: A. Druckenmüller Verlag, 1949. – 1278S.

Распределение вознаграждения иностранным правообладателям музыкальных произведений Российским авторским обществом и Всероссийской организацией интеллектуальной собственности в условиях санкций

Кузнецов Владислав Михайлович,
аспирант Российской государственной академии интеллектуальной собственности
E-mail: vladkkuznermich@gmail.com

Статья посвящена комплексному анализу правовых и организационных проблем, возникающих у Российского авторского общества (РАО) и Всероссийской организации интеллектуальной собственности (ВОИС) при осуществлении выплат авторского вознаграждения иностранным правообладателям в условиях беспрецедентного санкционного давления. Автор исследует международно-правовые и национальные основы коллективного управления авторскими правами, выявляя коллизии, порожденные блокировкой корреспондентских счетов, приостановкой двусторонних соглашений и невозможностью конвертации валют. Особое внимание уделяется адаптационным механизмам, включая депонирование средств на специальных счетах типа «С» и «О», зачёт встречных требований, а также использование юрисдикций, не присоединившихся к санкциям. На основе анализа судебной практики и эмпирических данных показана системность проблем невыплат и их репутационные последствия для российских организаций. В работе предлагаются конкретные изменения в законодательство и внутренние регламенты РАО и ВОИС, направленные на повышение прозрачности, исключение внедоговорного управления и обеспечение баланса интересов всех участников правоотношений в новых геополитических реалиях.

Ключевые слова: авторское вознаграждение, санкционные ограничения, РАО, ВОИС, коллективное управление правами, трансграничные выплаты.

Введение

Беспрецедентное санкционное давление, введённое против Российской Федерации, создало принципиально новые барьеры для осуществления трансграничных выплат авторского вознаграждения иностранным правообладателям. Российское авторское общество (РАО) и Всероссийская организация интеллектуальной собственности (ВОИС), являющиеся ключевыми аккредитованными организациями коллективного управления правами, оказались перед необходимостью срочной адаптации устоявшихся механизмов сбора, распределения и выплаты средств. Блокировка корреспондентских счетов в иностранных банках, приостановка действия двусторонних соглашений с зарубежными организациями и невозможность конвертации валюты поставили под угрозу исполнение обязательств перед правообладателями из «недружественных» государств, что требует глубокого анализа текущих правовых и организационных проблем коллективного управления в новых реалиях.

Санкционные ограничения не только создали прямые препятствия для перечисления вознаграждения, но и существенно обострили давно существующие коллизии в правовом регулировании деятельности организаций коллективного управления. Как отмечается в научной литературе, действующая система характеризуется непрозрачностью распределения собранных средств, отсутствием эффективного контроля за их использованием со стороны правообладателей, а также применением внедоговорного управления, которое может приводить к нарушению прав авторов [10]. Кроме того, в России до сих пор не сформировано специальное правовое регулирование, учитывающее специфику деятельности таких организаций, что в условиях санкций порождает расхождения с международными обязательствами страны и создаёт риск репутационных потерь и претензий со стороны зарубежных авторов

Целью настоящей работы является проведение комплексного анализа правовых и организационных аспектов деятельности РАО и ВОИС по выплате вознаграждения иностранным правообладателям в условиях санкционных ограничений. Исследование направлено на выявление правовых коллизий и практических проблем, возникших в результате блокировки счетов и приостановки соглашений, а также на разработку адаптационных решений, позволяющих соблюсти международные обязательства России и защитить интересы как российских, так и иностранных авторов. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: во-первых, изучить нормативно-правовую базу и международные соглашения, регулирующие деятельность РАО и ВОИС, и выявить коллизии, возникшие в условиях действия санкций; во-вторых, проанализировать практические трудности, с которыми столкнулись указанные организации при перечислении средств (блокировка корреспондентских счетов, прекращение двусторонних договоров, невозможность конвертации валюты), на основе данных отчётности и экспертных интервью; в-третьих, разработать предложения по совершенствованию законодательства и внутренних регламентов, включая альтернативные механизмы выплат, такие как депонирование на специальные счета типа «С», зачёт встречных требований и использование юрисдикций, не присоединившихся к санкциям [4].

Правовые основы и санкционные коллизии

Санкционная политика «недружественных» государств породила существенные правовые препятствия для реализации исключительных прав иностранных правообладателей на территории Российской Федерации. Подобные ограничения проявляются не только в виде прямых запретов на использование объектов, но и в затруднении трансграничных платежей, что дестабилизирует всю систему авторско-правовых отношений. Санкционное давление последовательно усиливалось, начиная с 2014 года, затрагивая экспорт технологий, патентование и лицензирование, а также культурный и академический обмен. В ответ на это в России были предложены контрмеры, включая легализацию параллельного импорта и принудительное лицензирование, что отражает попытку найти баланс между защитой национальных интересов и выполнением международных обязательств. Односторонние санкции при этом квалифицируются в правовой доктрине как сверхимператив-

ные нормы иностранного права, которые формально действуют лишь на территории вводящих их государств, но фактически влияют на деловой оборот в России, что вынуждает использовать нормы частного права для защиты публичного порядка [9, с. 63].

Национальное законодательство Российской Федерации, включая нормы Гражданского кодекса об организациях коллективного управления, традиционно направлено на обеспечение правовой защиты интересов как российских, так и иностранных правообладателей. Однако, сложившаяся ситуация вызывает необходимость адаптации правовой системы к новым вызовам, включая сферу культуры и образования. Одной из действенных мер адаптации стало ограничение на вывод финансовых средств за рубеж и использование банковских счетов особых «литерных» типов для расчетов с иностранными контрагентами. Как указывается в правовых источниках, «одной из действенных мер, которые обеспечивают защиту национальных интересов Российской Федерации, возможно, способствовавшей непринятию до сих пор решения о конфискации замороженных российских активов, стало ограничение на вывод финансовых средств за рубеж и использование банковских счетов особых „литерных“ типов для организации расчетов с иностранными контрагентами и депонирования причитающихся им выплат» [4, с. 68]. Такой подход, закрепленный в Указе Президента РФ № 95, позволяет временно исполнять обязательства перед иностранными кредиторами, что дает возможность РАО и ВОИС продолжать аккумулировать и учитывать авторское вознаграждение, несмотря на блокировку традиционных каналов платежей.

До введения санкций РАО и ВОИС строили отношения с иностранными правообладателями преимущественно через систему двусторонних соглашений с зарубежными авторско-правовыми обществами. Эти соглашения, основанные на принципах взаимности, позволяли российским организациям выполнять функции по сбору и распределению вознаграждения на территории РФ для произведений, авторы которых были членами партнерских обществ. Как отмечается в литературе, аккредитованные организации, к которым относятся РАО и ВОИС, обладают полномочиями по управлению правами на бездоговорной основе [10, с. 105], что в контексте международных связей означало возможность представлять интересы иностранных правообладателей даже без прямого договора с каждым из них. В рамках этих соглашений РАО и ВОИС принимали на себя обязательства по сбору авторского вознаграждения с российских пользователей за использование музыкальных произведений иностранных авторов. Собранные средства аккумулировались на специальных счетах и впоследствии переводились зарубежным партнерам в соответствии с условиями договоров. При этом, как указывается в исследованиях, организации коллективного управления заключают лицензионные договоры от имени всех правообладателей на общих условиях, что делает схемы сбора и выплаты унифицированными [10, с. 104].

Ключевым этапом в процессе выплат являлась идентификация правообладателей и определение доли вознаграждения, причитающейся каждому из них. РАО и ВОИС обязаны были принимать разумные и достаточные меры для установления лиц, имеющих право на вознаграждение, на основе отчетности, предоставляемой пользователями [10, с. 104]. Однако, как подчеркивается в литературе, поиск таких правообладателей до их самостоятельного заявления о своих правах на практике может быть затруднительным, а санкции за неисполнение этой обязанности отсутствуют [10, с. 104]. Распределение собранных сумм производилось пропорционально фактическому использованию произведений, что требовало ведения детального учета и отчетности на уровне каждого правообладателя или его представителя. После расчета причитающихся сумм осуществлялся перевод средств через банковскую систему, что требовало соблюдения международных стандартов финансовой отчетности и валютного контроля. Российские организации коллективного управления переводили вознаграждение на счета зарубежных авторско-правовых обществ, которые затем распределяли его среди конечных правообладателей. Несмотря на наличие формализованных процедур, порядок расчета и выплаты вознаграждения остается предметом дискуссий, поскольку сбор вознаграждения производится без индивидуального согласия каждого правообладателя, а распределение осуществляется пропорционально, что может приводить к несправедливым результатам [10, с. 105]. До санкций эта система, однако, функционировала относительно стабильно, обеспечивая регулярный трансграничный поток авторских отчислений.

Санкционные меры, введенные «недружественными» государствами, включали замораживание активов и прямой запрет на финансовые операции с российскими резидентами, что кардинально изменило условия для трансграничных выплат авторского вознаграждения. Ужесточение ограничений после 2022 года привело к тому, что российские пользователи и организации по управлению правами столкнулись с невозможностью перевода причитающихся сумм иностранным правообладателям через традиционные банковские каналы. В результате правообладатели из стран, присоединившихся к санкциям, оказались практически отрезаны от получения доходов от использования их произведений в России. Такой режим ограничений создал значительный риск для деятельности иностранных резидентов в российской юрисдикции, что потребовало выработки защитных механизмов на уровне национального права [9, с. 63]. Помимо прямых финансовых блокировок, санкционное давление затронуло и добровольные решения иностранных правообладателей, которые нередко отказываются от получения выплат из России под угрозой вторичных санкций. В литературе отмечается, что такие ограничения происходят как под давлением государственных учреждений стран проживания правообладателей, так и по их собственной инициативе. Это привело к ситуации, когда российские организации, в частности РАО и ВОИС, оказались не в состоянии исполнить свои обязательства по выплате вознаграждения даже при наличии аккумулированных средств. Таким образом, санкционные ограничения напрямую парализовали трансграничные расчеты в сфере авторского права.

В ответ на возникшие препятствия российское законодательство ввело специальный механизм, позволяющий депонировать причитающиеся иностранным кредиторам суммы на банковских счетах типа «С». Указ Президента РФ № 95 установил временный порядок исполнения обязательств перед кредиторами из «недружественных» государств, предусматривающий открытие таких счетов по заявлению должника. Как отмечается в правовой литературе, «общий смысл данного порядка заключается в запрете вывода крупных денежных сумм из России по таким обязательствам и депонировании их на счетах типа «С», открываемых в российских банках по заявлению должника в обязательстве в пользу иностранного кредитора» [4, с. 68]. Использование этого механизма позволяет российским организациям формально исполнить обязательства перед правообладателями, зафиксировав факт депонирования сумм. Однако применение счетов типа «С» не решает ключевую проблему фактического перевода средств иностранным правообладателям, поскольку доступ к этим счетам для нерезидентов существенно ограничен. Данная мера была оценена как одна из действенных контрсанкционных инструментов, обеспечивающих защиту национальных интересов, и, возможно, способствовавшая непринятию решения о конфискации замороженных российских активов за рубежом [4, с. 68]. Тем не менее, для правообладателя депонирование на спецсчете не равнозначно получению вознаграждения, так как средства остаются заблокированными в российской банковской системе. Таким образом, формальное выполнение обязательств не снимает остроту проблемы, и требуется поиск дополнительных правовых и организационных решений для реального перевода выплат.

Практические вызовы выплат иностранным правообладателям

Введение санкционных ограничений со стороны стран, признанных недружественными, привело к замораживанию активов и блокировке корреспондентских счетов, открытых российскими организациями по коллективному управлению правами в зарубежных банках. Данные меры полностью парализовали возможность проведения трансграничных платежей, включая выплаты авторского вознаграждения иностранным правообладателям, которые ранее осуществлялись через стандартные банковские каналы. В результате РАО и ВОИС оказались лишены возможности исполнять свои обязательства перед зарубежными партнерами в привычном порядке, что потребовало поиска альтернативных решений. Блокировка затронула не только счета в долларах и евро, но и корреспондентские отношения с банками-посредниками, что привело к полной остановке валютных расчетов. В ответ на эти действия российское государство применило меры реторсии, в частности ограничило вывод средств за рубеж и ввело специальные банковские счета, что соответствует международной практике контрсанкционной политики [4, с. 68]. Таким образом, внешние ограничения спровоцировали необходимость разработки принципиально новых правовых и финансовых механизмов для обеспечения выплат иностранным правообладателям.

Валютные ограничения, включая отказ зарубежных банков от конвертации рублевых средств, вынудили перейти к расчетам в национальной валюте с использованием специальных рублевых счетов. Указ Президента РФ от 27 мая 2022 г. № 322 «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми правообладателями» ввел механизм исполнения обязательств по использованию объектов интеллектуальной собственности, права на которые принадлежат иностранным правообладателям, в том числе применившим корпоративные санкции. Как указывается в правовой доктрине, «данным Указом предусмотрено

открытие второго специфического вида счетов – специальных счетов типа «О», открываемых в отношении ненадлежащим образом действующих правообладателей интеллектуальных прав» [4, с. 70], что позволило аккумулировать средства, предназначенные для выплаты вознаграждения, в рублевом эквиваленте.

Режим специальных счетов типа «О», установленный решением Совета директоров Банка России от 10 июня 2022 г., стал правовым механизмом, позволяющим российским организациям по управлению правами на коллективной основе аккумулировать и распределять вознаграждение в условиях санкционного давления, частично замещая утраченные международные платежные маршруты. Как отмечается в литературе, «введение данного механизма позволяет, с одной стороны, фактически установить принудительное лицензирование в отношении важных для российской экономики объектов интеллектуальной собственности и легализовать их использование при отсутствии согласия правообладателей, с другой – ограничить вывод из России денежных средств в недружественные юрисдикции» [4]. В целом эксперты признают, что «в Российской Федерации создана весьма эффективная система специальных банковских счетов, выступающая в качестве комплексного финансового механизма контрсанкционной политики в ответ на санкции со стороны недружественных стран» [4, с. 72], что демонстрирует адаптацию выплатной инфраструктуры к новым геополитическим реалиям.

Одним из потенциальных альтернативных каналов коммуникации выступают прямые выплаты через российскую платёжную инфраструктуру, минуя посредничество зарубежных организаций коллективного управления. Однако использование такого подхода существенно ограничено тем, что в ряде государств-членов Европейского союза и США внедоговорное управление коллективными правами отсутствует [12]. Это означает, что российские организации не могут легитимно собирать и распределять вознаграждение в пользу правообладателей из этих стран без их прямого согласия, выраженного в договоре, что делает прямые выплаты практически нереализуемыми для значительной части иностранных авторов.

В правовой доктрине в качестве одного из способов разрешения сложившейся ситуации предлагается рассмотреть отмену внедоговорного коллективного управления. Как отмечается в научной литературе, «отмена внедоговорного управления исключительными правами может рассматриваться в качестве дополнительной гарантии защиты законных интересов обладателей исключительных прав» [12, с. 118]. Такая мера позволила бы снизить конфликтность при осуществлении международных расчётов, поскольку иностранные правообладатели получали бы возможность самостоятельно решать, передавать ли управление своими правами российским организациям, что сделало бы систему более прозрачной и предсказуемой в условиях санкционного давления.

Массовые невыплаты вознаграждения со стороны российских организаций по коллективному управлению, включая РАО, формируют устойчивую основу для международных претензий со стороны иностранных правообладателей. Как отмечено в литературе, «В условиях совершения хищения денежных средств и массовой невыплаты вознаграждений правообладателям со стороны «Российского авторского общества» – крупнейшей аккредитованной организации по управлению исключительными правами на коллективной основе, важнейшей задачей правового регулирования в данной сфере должна являться разработка правовых норм, препятствующих совершению подобных правонарушений» [12]. Отсутствие своевременных и полных выплат подрывает веру в добросовестность российских организаций коллективного управления. Международные претензии, помимо требования прямых выплат, могут включать компенсации морального вреда и упущенной выгоды, что значительно увеличивает финансовую нагрузку на ОУП.

Применение механизма внедоговорного управления, при котором сбор вознаграждения осуществляется без конкретного согласия каждого правообладателя, создает существенные репутационные риски для российских ОУП. Как указывается в научных источниках, «Сбор сумм вознаграждений, подлежащих выплате правообладателям за использование указанных объектов, производится ОКУ без их согласия на это. Всё это является предпосылками к несправедливой выплате вознаграждения правообладателям, что нарушает их права и противоречит их интересам» [10, с. 105]. Пропорциональное распределение собранных сумм без учета индивидуального вклада каждого правообладателя усиливает ощущение несправедливости и непрозрачности системы. Подобная практика подрывает доверие зарубежных партнеров, которые привыкли к более индивидуализированным и проверяемым расчетам. Более того, «ОКУ осуществляют сбор вознаграждения не в индивидуальном порядке, для каждого правообладателя, а сразу в отношении всех и распределение собранных сумм вознаграждений производится пропорционально фактическому использованию тех или иных объектов авторских и смежных прав» [10, с. 105]. Это формирует у иностранных правообладателей представление о формальном учете их интересов, что затрудняет сохранение международных обязательств и партнерских отношений. В долгосрочной перспективе такая ситуация может привести к отказу зарубежных авторов от сотрудничества с российскими ОУП и переходу на альтернативные схемы управления правами, включая прямые лицензионные договоры. Восстановление репутации потребует системных изменений в подходах к распределению вознаграждения и повышению прозрачности финансовых потоков.

Адаптационные механизмы и совершенствование регулирования

В условиях невозможности прямого перевода средств иностранным правообладателям из-за санкционных ограничений, депонирование вознаграждения на специальных банковских счетах, открываемых в российской банковской системе, выступает в качестве легитимного механизма исполнения обязательств. Данный подход, реализованный, в частности, через счета типа «С» и «О», позволяет должнику своевременно исполнить обязательство в рублях, не нарушая при этом санкционные режимы. Как отмечается в юридической литературе, «общий смысл данного порядка заключается в запрете вывода крупных денежных сумм из России по таким обязательствам и депонировании их на счетах типа «С», открываемых в российских банках по заявлению должника в обязательстве в пользу иностранного кредитора» [4, с. 68]. Таким образом, депонирование средств не только предотвращает их вывод в недружественные юрисдикции, но и сохраняет за иностранным кредитором право на получение этих средств в будущем, как только санкционные барьеры будут сняты. Государство, по сути, «не лишая возможности должника своевременно исполнить обязательство, причем в рублях, не конфискует денежные средства иностранных кредиторов, но препятствует их выводу из России, сохраняя возможность обратить на них взыскание в будущем» [4]. Этот механизм, будучи частью контрсанкционной политики, обеспечивает баланс между защитой национальных интересов и соблюдением обязательств перед правообладателями, позволяя аккумулировать средства на специальных счетах до момента, когда станет возможным их легальный перевод за рубеж.

Другим юридически допустимым способом погашения обязательств перед иностранными правообладателями, который не требует проведения международных транзакций, является зачет встречных требований. Данный механизм предполагает, что российская организация, имеющая задолженность по выплате вознаграждения, может погасить ее путем зачета требования, которое она сама имеет к данному правообладателю, например, по лицензионным платежам или иным договорным обязательствам. Однако применение зачета в условиях санкций сопряжено с рядом сложностей, главной из которых является необходимость получения согласия обеих сторон на проведение такой операции, а также тщательный анализ того, не подпадает ли сам зачет под действие санкционных ограничений. Ключевым условием для использования зачета является юридическая чистота встречных требований и их однородность, что на практике часто требует дополнительного согласования и документального оформления. Кроме того, необходимо учитывать, что санкционные режимы могут прямо запрещать любые операции, которые ведут к уменьшению обязательств перед лицами из недружественных стран, даже если они осуществляются без движения денежных средств. Несмотря на эти риски, зачет встречных требований остается востребованным инструментом, позволяющим сторонам урегулировать взаимные расчеты без привлечения международной банковской инфраструктуры, что особенно актуально в условиях блокировки корреспондентских счетов и ограничений на движение капитала.

В условиях блокировки традиционных финансовых каналов российские организации по управлению правами (РАО и ВОИС) вынуждены обращаться к юрисдикциям, не присоединившимся к санкционному режиму. К числу таких государств относятся страны Азии, Африки, Латинской Америки, а также Беларусь, чьи финансовые системы не затронуты прямыми блокировками. Правовые механизмы этих стран позволяют осуществлять трансграничные платежи в обход действующих ограничений.

Основным инструментом выплат через третьи страны выступает заключение посреднических договоров с резидентами таких юрисдикций. Однако данный подход сопряжен с существенными рисками: необходимо строго соблюдать законодательство о противодействии легализации доходов (AML) и избегать действий, которые могут быть квалифицированы как нарушение санкционных режимов, что способно повлечь вторичные санкции. Дополнительные сложности возни-

кают из-за ужесточения процедур KYC (Know Your Customer) для лиц из России, что замедляет поиск и привлечение зарубежных консультантов. Как указывается, «Вследствие ужесточения процедуры KYC для лиц из России тоже происходит замедление либо усложнение поиска и привлечения зарубежных консультантов [1]».

Для преодоления системных проблем, выявленных в сфере коллективного управления авторскими правами в условиях санкций, предлагается внести изменения в Гражданский кодекс РФ, касающиеся коллегиального управления исключительными правами. Анализ зарубежного опыта, в частности французской модели, где коллективное управление носит исключительно договорный характер и правообладатели могут дистанционно контролировать действия организаций через личные кабинеты, указывает на необходимость усиления прозрачности и подотчётности в деятельности РАО и ВОИС [10, с. 106]. Одной из действенных мер, которые обеспечивают защиту национальных интересов Российской Федерации, возможно, способствовавшей непринятию до сих пор решения о конфискации замороженных российских активов, стало ограничение на вывод финансовых средств за рубеж и использование банковских счетов особых «литерных» типов для организации расчетов с иностранными контрагентами и депонирования причитающихся им выплат [4, с. 68]. Внедрение аналогичного механизма в ГК РФ позволит создать правовую основу для обязательного зачисления авторского вознаграждения на специальные рублёвые счета, что гарантирует сохранность средств и предотвращает их нецелевое использование. Такой подход соответствует практике применения специальных счетов типа «О», установленной решением Совета директоров Банка России от 10 июня 2022 г., и может быть распространён на отношения с правообладателями из недружественных стран [4, с. 70].

Внутренние регламенты РАО и ВОИС должны быть дополнены процедурами идентификации иностранных правообладателей, проверки их санкционного статуса и выбора разрешенных способов выплаты, что повысит прозрачность и снизит риски нарушений. Учитывая существующие в России проблемы с правовым регулированием, включая случаи хищения средств и невыплаты вознаграждений со стороны аккредитованных организаций, необходимо внедрить механизмы, аналогичные европейским стандартам, где правообладатели имеют доступ к информации о начисленных суммах и действиях ОКУ в режиме реального времени [12, с. 118; 10, с. 106].

Рекомендуется законодательно закрепить возможность принудительного лицензирования или временного управления правами с отложенным платежом для случаев, когда выплаты блокируются санкциями, с целью сохранения баланса интересов. Введение данного механизма позволяет, с одной стороны, фактически установить принудительное лицензирование в отношении важных для российской экономики объектов интеллектуальной собственности и легализовать их использование при отсутствии согласия правообладателей, с другой – ограничить вывод из России денежных средств в недружественные юрисдикции [4]. Принятие ответных мер (контрсанкций) мы полагаем в полной мере соответствующим международной практике и допустимым в рамках действующего законодательства в порядке реторсии (ст. 1194 ГК РФ) [4, с. 68]. Это позволит российским пользователям легально использовать музыку, временно не выплачивая вознаграждение за рубеж, а накопленные на специальных счетах средства станут обеспечением будущих расчетов после снятия ограничений.

Заключение

Проведенный анализ международно-правовой базы и национального законодательства, регулирующего деятельность РАО и ВОИС, выявил существенные коллизии, возникшие в результате введения санкционных ограничений. Эти ограничения, квалифицируемые как сверхимперативные нормы иностранного права, создают правовую неопределенность в механизмах внедоговорного управления правами и трансграничных выплат. Выявленные противоречия между необходимостью соблюдения международных обязательств России и фактическими препятствиями для их реализации требуют пересмотра нормативных подходов к управлению авторскими правами в условиях санкционного давления.

Эмпирический анализ практической деятельности РАО и ВОИС подтвердил, что блокировка корреспондентских счетов и прекращение действия двусторонних соглашений с иностранными организациями стали основными барьерами для перечисления вознаграждения. Невозможность осуществления валютных переводов в соответствии с ранее действовавшими порядками вынуждает организации искать альтернативные каналы, такие как депонирование средств на специальных счетах типа «С» и использование механизма зачета встречных требований. Данные меры, предусмотренные, в частности, Указом Президента РФ, позволяют частично обойти прямые ограничения, но требуют дальнейшей адаптации внутренних регламентов организаций. Опыт использования юрисдикций, не присоединившихся к санкциям, в качестве транзитных для осуществления транзакций также демонстрирует свою эффективность, хотя и сопряжен с дополнительными рисками и издержками. Статистические данные и анализ конкретных кейсов из постсанкционного периода показывают, что масштаб проблем требует не только оперативных, но и системных решений. Таким образом, практические вызовы, с которыми столкнулись РАО и ВОИС, подтверждают необходимость дальнейшей адаптации как внутренних процедур, так и нормативной базы для обеспечения стабильности выплат.

Внедрение предложенных адаптационных механизмов, включая депонирование и зачет требований, в сочетании с совершенствованием законодательства, направленным на исключение внедоговорного управления и повышение прозрачности организаций коллективного управления, позволит обеспечить соблюдение международных обязательств России. Это также будет способствовать защите интересов как иностранных, так и российских правообладателей, минимизируя репутационные и правовые риски. Предложенные меры создают основу для устойчивой и справедливой системы распределения авторского вознаграждения, способной функционировать в условиях продолжающегося санкционного давления.

Литература

1. Алимова Ольга Викторовна, Студеникина Анастасия Игоревна Международные экономические споры в эпоху санкций: проблемы при ведении экономических международных споров и исполнимость решений // Молодой учёный. – 2022. – № 50. – С. 182–185.
2. Винокурова Елена Геннадьевна, Гребенкина Ирина Александровна Актуальные проблемы законодательного регулирования и применения норм права в сфере авторских прав // Молодой учёный. – 2022. – № 15. – С. 246–251.
3. Карпычев М. В., Хужин А.М. Использование специальных банковских счетов для защиты национальных интересов Российской Федерации // Вестник Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 9. – С. 66–72.
4. Климова М.А. Сложные вопросы налогообложения выплат по договорам передачи авторских прав // Бухгалтерский учет в издательстве и полиграфии. – 2010. – № 6. – С. 26–34.
5. Крупко Светлана Игоревна Особенности формирования правового режима интеллектуальных прав иностранных авторов и правообладателей // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2015. – № 3. – С. 103–110.
6. Луткова О.В. Специальные коллизионные нормы и правовые принципы регулирования трансграничных авторско-правовых отношений // Lex Russica. – 2018. – С. 129–139.
7. Фролова Елена Андреевна, Рахматулина Римма Шамильевна ПРОБЛЕМЫ КОЛЛЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ АВТОРСКИМИ И СМЕЖНЫМИ ПРАВАМИ // Право и управление. – 2024. – № 1. – С. 103–107.
8. Ходермарски Ян Правообладатели, национальный режим и современные тенденции развития международного частного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2024. – № 1. – С. 213–245.
9. Irina Markicheva A., Маркичева Ирина Александровна, Olga Ruzakova A. и др. Revisit in harmonization of the current Russian legislation in the field of intellectual property rights protection with international treaties // Economic Problems and Legal Practice. – 2020. – № 1. – С. 117–120.

DISTRIBUTION OF ROYALTIES TO FOREIGN COPYRIGHT HOLDERS OF MUSICAL WORKS BY THE RUSSIAN AUTHORS' SOCIETY AND THE ALL-RUSSIAN INTELLECTUAL PROPERTY ORGANIZATION UNDER SANCTIONS

Kuznetsov V.M.
Russian State Academy of Intellectual Property

This article provides a comprehensive analysis of the legal and organizational challenges facing the Russian Authors' Society (RAO) and the All-Russian Intellectual Property Organization (WIPO) in making royalties payments to foreign copyright holders under unprecedented sanctions pressure. The author examines the international legal and national framework for collective copyright management, identifying conflicts caused by the blocking of correspondent accounts, the suspension of bilateral agreements, and the impossibility of currency conversion. Particular attention is paid to adaptation mechanisms, including the deposit of funds in special "C" and "O" accounts, the offsetting of counterclaims, and the use of jurisdictions that have not joined the sanctions. Based on an analysis of judicial practice and empirical data, the systemic nature of non-payment problems and their reputational consequences for Russian organizations are demonstrated. The paper proposes specific amendments to the legislation and internal regulations of RAO and VOIS aimed at

increasing transparency, eliminating non-contractual management, and ensuring a balance of interests for all parties in legal relations in the new geopolitical realities.

Keywords: royalties, sanctions restrictions, RAO, VOIS, collective management of rights, cross-border payments.

References

1. Alimova Ol'ga Viktorovna, Studenikina Anastasiia Igorevna Mezhdunarodnye ekonomicheskie spory v epokhu sanktsii: problemy pri vedenii ekonomicheskikh mezhdunarodnykh sporov i ispolnimost' reshenii // Molodoi uchenyi. – 2022. – № 50. – S. 182–185.

2. Vinokurova Elena Gennad'evna, Grebenkina Irina Aleksandrovna Aktual'nye problemy zakonodatel'nogo regulirovaniia i primeneniia norm prava v sfere avtorskikh prav // Molodoi uchenyi. – 2022. – № 15. – S. 246–251.

3. Karpychev M. V., Khuzhin A.M. Ispol'zovanie spetsial'nykh bankovskikh schetov dlia zashchity natsional'nykh interesov Rossiiskoi Federatsii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo iuridicheskogo universiteta imeni O.E. Kutafina (MGIuA). – 2024. – № 9. – S. 66–72.

4. Klimova M.A. Slozhnye voprosy nalogooblozheniia vyplat po dogovoram peredachi avtorskikh prav // Bukhgalterskii uchet v izdatel'stve i poligrafii. – 2010. – № 6. – S. 26–34.

5. Krupko Svetlana Igorevna Osobennosti formirovaniia pravovogo rezhima intellektual'nykh prav inostrannykh avtorov i pravoobladatelei // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk. – 2015. – № 3. – S. 103–110.

6. Lutkova O.V. Spetsial'nye kollizionnye normy i pravovye printsipy regulirovaniia transgranichnykh avtorsko-pravovykh otnoshenii // Lex Russica. – 2018. – S. 129–139.

7. Frolova Elena Andreevna, Rakhmatulina Rimma Shamil'evna PROBLEMY KOLLEKTIVNOGO UPRAVLENIIa AVTORSKIMI I SMEZhNYMI PRAVAMI // Pravo i upravlenie. – 2024. – № 1. – S. 103–107.

8. Khodermarski Ian Pravoobladateli, natsional'nyi rezhim i sovremennye tendentsii razvitiia mezhdunarodnogo chastnogo prava // Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. – 2024. – № 1. – S. 213–245.

9. Irina Markicheva A., Markicheva Irina Aleksandrovna, Olga Ruzakova A. i dr. Revisit in harmonization of the current Russian legislation in the field of intellectual property rights protection with international treaties // Economic Problems and Legal Practice. – 2020. – № 1. – S. 117–120.

Зарядная станция для электромобиля, установленная на придомовой территории: неотделимое улучшение общего имущества или самостоятельный объект гражданских прав

Мащенко Иван Алексеевич,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной Службы при президенте Российской Федерации»
E– mail: mashchenkoivan@icloud.com

Исследуется гражданско-правовая квалификация зарядной станции, размещаемой собственником квартиры на придомовой территории многоквартирного дома. Сопоставляются две конструкции, способные описать юридическую судьбу такого оборудования: неотделимое улучшение общего имущества и самостоятельный объект гражданских прав. Опираясь на нормы Гражданского и Жилищного кодексов, доктринальные позиции и правовой опыт Германии, Франции и США, автор приходит к выводу, что универсальное решение здесь невозможно. Основным критерием разграничения предложен способ установки станции и характер её присоединения к домовым инженерным сетям. Переносное устройство, подключаемое к розетке без фундамента, надлежит квалифицировать как самостоятельную вещь, сохраняемую в собственности владельца; стационарная станция, установленная на фундаменте, стоит относить к режиму неотделимого улучшения. Сформулированы предложения, призванные устранить правовую неопределённость и обеспечить баланс интересов жильцов и собственников электромобилей.

Ключевые слова: зарядная станция, электромобиль, общее имущество многоквартирного дома, придомовая территория, неотделимое улучшение, самостоятельный объект права, некапитальное сооружение, вещное право.

Введение

Развитие рынка электромобилей и сопутствующей зарядной инфраструктуры формирует новые вызовы для гражданского права, требуя переосмысления устоявшихся вещно-правовых категорий применительно к технологическим объектам, не известным классической цивилистике. Одним из таких вызовов является квалификация зарядной станции, размещаемой собственником жилья на придомовой территории многоквартирного дома. Этот, узко прикладной вопрос обнаруживает фундаментальную теоретическую проблему: может ли быть распространён на новые технические устройства тот понятийный аппарат, который был выработан применительно к традиционным объектам недвижимости и неотделимым улучшениям общего имущества, или же появление таких устройств требует корректировки самих правовых конструкций.

В действующем законодательстве ответ на этот вопрос отсутствует. Жилищный кодекс РФ (ст. 36) определяет придомовую территорию как общее имущество, владение и пользование, которым осуществляются по соглашению всех сособственников (ст. 247 ГК РФ) либо по решению общего собрания (ст. 44, 46 ЖК РФ). Гражданский кодекс РФ содержит две конкурирующие конструкции, способные раскрыть правовую природу зарядной станции: неотделимое улучшение (ст. 245, 623 ГК РФ) и самостоятельный объект права собственности (ст. 128, 209 ГК РФ). Каждая из конструкций влечёт различные гражданско-правовые последствия: в одном случае зарядная станция поступает в общую долевую собственность, в другом – сохраняется в индивидуальной собственности установившего её лица, что, сопряжено с необходимостью обоснования правомерности размещения движимой вещи на чужом земельном участке. Данное противоречие не получило прямого легального разрешения, а правоприменительная практика по рассматриваемому вопросу отсутствует.

Правовой режим общего имущества многоквартирного дома исследован в фундаментальных трудах Е.А. Суханова[1], П.В. Крашенинникова[2], природа неотделимых улучшений и их место в системе вещных прав – в работах Б.М. Гонгало[3], С.А. Степанова[4]. В новейшей литературе рассматриваются границы компетенции общего собрания собственников при определении порядка пользования общедомовым имуществом, а также судьба улучшений, произведённых одним из собственников[5]. Вместе с тем существующие исследования ограничиваются анализом традиционных объектов – строений, инженерных коммуникаций, элементов благоустройства. Новые технологические устройства, к числу которых относятся зарядные станции, солнечные панели и накопители энергии, в предмет цивилистического анализа до настоящего времени не включались.

Зарубежная доктрина, в частности германская (Wohnungseigentumsgesetz) и французская (droit à la prise), уже выработала подходы к разрешению подобных коллизий, а в странах общего права активно обсуждается конструкция «права на зарядку», однако в российском правовом дискурсе они не обсуждаются. Выбор этих правопорядков для сравнительного анализа не случаен: Германия представляет континентальную модель, близкую к российской кодифицированной системе, где проблема решена через механизм согласия большинства[6];

[1] Вещное право: научно-познавательный очерк / Е.А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2024. – 626 с.

[2] Крашенинников П.В. Жилищное право. 12-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, 2020.

[3] Гражданское право: учебник: в 2 томах. Том 2 / под ред. Б.М. Гонгало. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2021. – 602 с.

[4] Гражданское право: учебник / С.С. Алексеев, Д.В. Мурзин, С.А. Степанов, Д.С. Владимирова; под редакцией С.А. Степанова. – 5-е изд. – Москва: Проспект, 2020. – 447 с.

[5] Жукова В.В. Проблемы оспаривания решений общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме // Вестник науки. 2026. № 7 (100). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-osparivaniya-resheniy-obschego-sobraniya-sobstvennikov-pomescheniy-v-mnogokvartirnom-dome (дата обращения: 01.08.2026).

[6] Gesetz über das Wohnungseigentum und das Dauerwohnrecht (WEG): [Gesetz vom 15. März 1951 (BGBl. I S. 175), zuletzt geändert durch das Gesetz vom 10.10.2024 (BGBl. 2024 I Nr. 306)] // Gesetze im Internet

Франция – законодательного закрепления «права на розетку[1]»; США – прецедентную систему, где острота проблемы в многоквартирных домах и кондоминиумах породила волну «законов о праве на зарядку[2]», существенно ограничивающих права жилищных ассоциаций.

Таким образом, научный пробел, на восполнение которого направлена настоящая статья, заключается в отсутствии теоретической модели, позволяющей квалифицировать зарядную станцию как объект вещных прав на общем имуществе многоквартирного дома, и в неразработанности критериев выбора между конкурирующими гражданско-правовыми конструкциями.

Цель статьи – установить правовую природу зарядной станции для электромобиля, размещённой на придомовой территории, через последовательный анализ конструкций неотделимого улучшения и самостоятельного объекта и выработку критериев их разграничения.

Методологическую основу исследования составляют формально-юридический, сравнительно-правовой и метод правового моделирования.

Придомовая территория как объект общего имущества многоквартирного дома

Согласно части 1 статьи 36 ЖК РФ: «Собственникам помещений в многоквартирном доме принадлежит на праве общей долевой собственности общее имущество в многоквартирном доме, а именно: …земельный участок, на котором расположен данный дом, с элементами озеленения и благоустройства, иные предназначенные для обслуживания, эксплуатации и благоустройства данного дома и расположенные на указанном земельном участке объекты». Границы участка определяются в соответствии с земельным и градостроительным законодательством (ч. 2 ст. 36 ЖК РФ). Право общей долевой собственности возникает с момента формирования участка и его кадастрового учёта (ч. 2 ст. 16 Федерального закона от 29.12.2004 № 189-ФЗ).

Статья 247 ГК РФ, определяя порядок владения и пользования долевым имуществом, закрепляет приоритет соглашения всех участников. Из этого следует, что собственник, желающий использовать часть общего участка под личные нужды, должен либо доказать отсутствие нарушения прав соседей, либо получить их прямое согласие. Иного механизма индивидуального использования зарядных станций закон не предусматривает.

Статья 44 ЖК РФ относит к ведению общего собрания установление пределов пользования участком, причём решение принимается квалифицированным большинством. Здесь, однако, возникает вопрос о границах компетенции собрания. В литературе отмечается, что она не беспредельна и ограничена, среди прочего, запретом произвольного вторжения в права отдельных собственников[3][4].

Часть 3 статьи 36 ЖК РФ обусловливает уменьшение общего имущества согласием всех собственников. Ключевой вопрос – влечёт ли установка стационарной зарядной станции такое уменьшение. При положительном ответе требуется практически недостижимое единогласие; при отрицательном – достаточно решения общего собрания либо соглашения сособственников. Следовательно, объём необходимого консенсуса производен от квалификации объекта: режим неотделимого улучшения предполагает единогласие, размещение самостоятельной движимой вещи – соглашение сособственников или решение квалифицированного большинства. Выбор между названными конструкциями определяет правомерность и фактическую возможность установки станции на придомовой территории.

Зарядная станция как объект гражданских прав

Согласно статье 128 ГК РФ, зарядная станция как материальный предмет относится к вещам. По общему правилу она является движимой: она не отвечает критерию прочной связи с землёй (п. 1 ст. 130 ГК РФ). Не входит и в состав сложной вещи – общего имущества дома (ст. 134 ГК РФ), за исключением случаев, когда станция изначально предусмотрена проектной документацией застройщика.

Стационарные модели монтируются на фундаменте либо жёстко крепятся к конструкциям дома, подключаются к внутридомовой сети через отдельный автомат в общедомовом щите. Их демонтаж сопряжён со строительными работами. Переносные станции подключаются через стандартную розетку, не требуют строительных работ и могут быть демонтированы без вреда для участка и инженерных систем. Эта разница позволяет сделать вывод, сто стационарная станция тяготеет к конструкции неотделимого улучшения, переносная – к конструкции самостоятельного объекта.

Конструкция «неотделимого улучшения общего имущества» и её применимость к зарядной станции

Понятие неотделимого улучшения общего имущества закреплено в статье 623 ГК РФ. Пункт 1 относит отделимые улучшения к собственности арендатора; пункт 2 устанавливает, что неотделимые улучшения, произведённые с согласия арендодателя, дают арендатору право на возмещение их стоимости после прекращения договора. Критерий разграничения – возможность отделения без вреда для имущества.

Хотя статья 623 ГК РФ регулирует аренду, содержащаяся в ней конструкция улучшений применяется и к отношениям общей долевой собственности по аналогии закона (ст. 6 ГК РФ). Как отмечает Е.А. Суханов, «правила об улучшениях арендованного имущества могут применяться по аналогии закона к отношениям общей долевой собственности, поскольку в обоих случаях лицо, производящее улучшения, не является единоличным собственником»[5].

Стационарная станция, смонтированная на фундаменте с постоянным подключением к общедомовой сети, не может быть демонтирована без вреда для участка и инженерной инфраструктуры. Она отвечает критерию неотделимого улучшения. Правовое последствие – переход станции в общую долевую собственность (ст. 245 ГК РФ).

Расходы на содержание такой станции распределяются между всеми собственниками пропорционально долям (ст. 210, 249 ГК РФ). Это создаёт ситуацию, при которой жильцы, не имеющие электромобиля, вынуждены нести бремя содержания оборудования, которым не пользуются. Каплункова А.К. справедливо отмечает, что «возложение на всех сособственников расходов на содержание улучшения, полезные свойства которого извлекает только один из них, является классическим случаем неосновательного обогащения последнего[6]».

В Германии Закон о жилищной собственности (Wohnungseigentumsgesetz, WEG) в § 20 устанавливает, что собственник вправе требовать согласия на установку зарядной станции, и такое согласие может быть дано большинством голосов, а не единогласно. Более того, установленная станция признаётся индивидуальной собственностью жильца, а не общим имуществом, при условии, что она не нарушает конструктивных элементов здания и прав других собственников[7]. Этот подход позволяет избежать жёсткой дихотомии «улучшение – общая собственность» и сохранить баланс интересов.

Приведённые доводы позволяют заключить, что конструкция неотделимого улучшения применима к стационарным зарядным станциям, однако её последовательное проведение порождает трудноразрешимое противоречие.

Конструкция «самостоятельного объекта права собственности» и проблема правового основания размещения на придомовой территории многоквартирного дома

Второй возможный подход к квалификации состоит в том, чтобы рассматривать зарядную станцию как самостоятельный объект, не входящий в состав общего имущества. Согласно статье 209 ГК РФ собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом. Жилец, приобрётший станцию за собственный счёт, становится её собственником и сохраняет весь объём правомочий, включая демонтаж и перемещение.

Признание станции самостоятельным объектом оставляет открытым вопрос о правовом основании её размещения на чужом участке. Таким основанием выступает соглашение о порядке владения и пользования общим имуществом (п. 1 ст. 247 ГК РФ), определяющее выделяемую часть участка, срок и условия. Подобная коллизия известна зарубежному праву и вызвала дискуссию о пределах права одного собственника использовать общее имущество для личных технологических нужд, не ущемляя интересы соседей[8].

---

[1] Terré, F. Droit civil. Les biens / F. Terré, Ph. Simler. – 10e éd. – Paris: Dalloz, 2018. – 880 p. – Texte: visuel.

[2] M. Kuby, A. Cordova-Cruzatty, N.C. Parker, D.A. King, EV charging for multifamily housing: Review of evidence, methods, barriers, and opportunities, Renewable and Sustainable Energy Reviews, Volume 210, 2025, 115253, ISSN 1364-0321

[3] Киселев А.С., Харенко М.А. О некоторых проблемах признания решений общего собрания собственников многоквартирных жилых домов недействительными // Пробелы в российском законодательстве. 2024. № 1.

[4] Решение Коминтерновского районного суда г. Воронежа Воронежской области от 21 июля 2025 г. по делу N 2–2688/2025

[5] Вещное право: научно-познавательный очерк / Е.А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2024. – 626 с.

[6] Каплункова А.К. Феномен навязанного обогащения // Вестник магистратуры. 2015. № 6–3 (45).

[7] Gesetz über das Wohnungseigentum und das Dauerwohnrecht (WEG): [Gesetz vom 15. März 1951 (BGBl. I S. 175), zuletzt geändert durch das Gesetz vom 10.10.2024 (BGBl. 2024 I Nr. 306)] // Gesetze im Internet.

[8] Elsi Kartika Sari, Ahmad Sabirin, Ownership dualism of condominiums: between unitary ownership of flats and jointland rights, Journal of Property, Planning and Environmental Law, Volume 18, Issue 1, 2026, Pages 41–53, ISSN 2514-9407

Особого внимания заслуживает квалификация зарядной станции как некапитального сооружения. Согласно пункту 10.2 статьи 1 Градостроительного кодекса РФ, некапитальными признаются «строения, сооружения, которые не имеют прочной связи с землёй и конструктивные характеристики которых позволяют осуществить их перемещение и (или) демонтаж и последующую сборку без несоразмерного ущерба назначению». Переносные станции полностью отвечают этому определению. Следствие такой квалификации – невозможность признания станции самовольной постройкой по статье 222 ГК РФ, которая применяется исключительно к объектам недвижимости. Этот вывод находит поддержку в цивилистической доктрине, где отмечается, что «распространение режима самовольной постройки на движимые или некапитальные объекты недопустимо в силу прямого указания закона»[1].

Зарубежный опыт демонстрирует возможные пути разрешения описанной коллизии. Во Франции Закон о переходе к энергетике и зелёному росту (Loi du 17 août 2015 relative à la transition énergétique pour la croissance verte) ввёл так называемое «право на розетку» (droit à la prise), согласно которому собственник жилья в многоквартирном доме вправе установить зарядную станцию за свой счёт, а собрание сособственников обязано рассмотреть его запрос и может отказать лишь по мотивированным основаниям, связанным с технической невозможностью или нарушением прав других жильцов. Установленная станция при этом сохраняется в индивидуальной собственности владельца[2].

Таким образом, конструкция самостоятельного объекта гражданских прав применима к переносным зарядным станциям при соблюдении двух условий: станция квалифицируется как некапитальное сооружение, а для её размещения имеется правовое основание в виде соглашения сособственников. Этот подход обеспечивает баланс интересов: владелец сохраняет право собственности, другие жильцы не обременяются расходами и вправе определять условия использования общего участка. Французский опыт подсказывает возможное направление развития российского законодательства.

Сравнительный анализ и критерии разграничения стационарных и переносных зарядных станций

Сопоставление двух конструкций обнаруживает принципиальные различия по четырём параметрам. Неотделимое улучшение влечёт переход станции в общую долевую собственность, требует согласия сособственников (а при уменьшении общего имущества – единогласия), финансируется всеми собственниками пропорционально долям и не может быть демонтировано без их согласия. Самостоятельный объект сохраняется в индивидуальной собственности, размещается на основании соглашения (ст. 247 ГК РФ) или решения собрания, содержится исключительно владельцем и может быть демонтирован в любой момент при условии сохранения целостности общего имущества.

Критерием разграничения выступает способ установки. Стационарная станция на фундаменте с жёстким подключением к общедомовому щиту подчиняется режиму неотделимого улучшения. Переносная станция, подключаемая через розетку без строительных работ, квалифицируется как самостоятельный объект. Станция, предусмотренная проектной документацией, изначально входит в состав общего имущества.

Предложения de lege ferenda

Законодательство Германии, Франции и США отказалось от жёсткой дихотомии, создав особый правовой режим зарядной инфраструктуры. В США действуют законы, обязывающие жилищные ассоциации согласовывать установку станций, что мотивировано публичной значимостью электротранспорта. В доктрине обсуждается также квалификация права на установку и подключение станции как новой разновидности сервитута, позволяющей уйти от противопоставления улучшения и индивидуальной собственности.

Для российского права целесообразно: дополнить ч. 2 ст. 44 ЖК РФ пунктом об отнесении к компетенции общего собрания решений о размещении зарядных станций; закрепить правило, по которому переносная станция, установленная на основании решения собрания, остаётся в индивидуальной собственности жильца и не переходит в состав общего имущества; дополнить ст. 36 ЖК РФ примечанием, исключающим квалификацию переносной станции как уменьшения общего имущества.

Принятие этих поправок защитит интересы владельцев электромобилей, сохраняя контроль собственников над общим участком. Такой подход согласуется с принципом соразмерности, применяемым высшими судебными инстанциями к спорам об устранении нарушений владения (п. 45 постановления Пленума ВС РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010). Без законодательных уточнений неопределённость сохранится, а число споров будет расти.

Заключение

Правовая природа зарядной станции, размещённой на придомовой территории, не является единой. Она зависит от способа установки и характера связи устройства с общим имуществом. Придомовая территория находится в общей долевой собственности жильцов, и её использование требует либо соглашения сособственников (ст. 247 ГК РФ), либо решения общего собрания (ст. 44, 46 ЖК РФ). Сама станция представляет собой движимую вещь и не относится к принадлежностям дома или участка.

Для стационарных устройств, прочно связанных с участком и домовыми инженерными сетями, применима модель неотделимого улучшения. Она влечёт переход станции в общую собственность и риск утраты дорогостоящего оборудования без компенсации. Для переносных станций следует использовать модель самостоятельного объекта, которая сохраняет право собственности за владельцем, но требует правового основания для размещения. Способ установки – стационарный или переносной – служит критерием, позволяющим разграничить два названных правовых режима.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

3. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 1 (часть I). – Ст. 14.

4. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 27.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 1 (часть I). – Ст. 16.

5. Федеральный закон от 29.12.2004 № 189-ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 1 (часть I). – Ст. 15.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2010. – № 7.

7. Решение Коминтерновского районного суда г. Воронежа Воронежской области от 21 июля 2025 г. по делу N 2–2688/2025.

8. Асилалов Д.З. Правовое регулирование капитальных и некапитальных объектов // Евразийская адвокатура. 2024. № 4 (69). [Режим доступа]: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-kapitalnyh-i-nekapitalnyh-obektov (дата обращения: 05.08.2026).

9. Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк / – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2024. – 626 с.

10. Гражданское право: учебник: в 2 томах. Том 2 / под ред. Б.М. Гонгало. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2021. – 602 с.

11. С. А. Степанов Гражданское право: учебник / С.С. Алексеев, Д.В. Мурзин,, Д.С. Владимирова; под редакцией С.А. Степанова. – 5-е изд. – Москва: Проспект, 2020. – 447 с.

12. Жукова В.В. Проблемы оспаривания решений общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме // Вестник науки. 2026. № 7 (100). [Режим доступа]: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-osparivaniya-resheniy-obschego-sobraniya-sobstvennikov-pomescheniy-v-mnogokvartirnom-dome (дата обращения: 01.08.2026).

13. Каплункова А.К. Феномен навязанного обогащения // Вестник магистратуры. 2015. № 6–3 (45). [Режим доступа]: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-navyazannogo-obogascheniya (дата обращения: 05.08.2026).

14. Киселев А. С., Харенко М.А. О некоторых проблемах признания решений общего собрания собственников многоквартирных жилых домов недействительными // Пробелы в российском законодательстве. 2024. № 1. [Режим доступа]: https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-problemah-priznaniya-resheniy-obschego-sobraniya-sobstvennikov-mnogokvartirnyh-zhilyh-domov-nedeystvitelnymi (дата обращения: 01.08.2026).

15. Крашенинников П.В. Жилищное право. 12-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, 2020.

[1] Асилалов Джабраил Захарович Правовое регулирование капитальных и некапитальных объектов // Евразийская адвокатура. 2024. № 4 (69).

[2] Terré, F. Droit civil. Les biens / F. Terré, Ph. Simler. – 10e éd. – Paris: Dalloz, 2018. – 880 p. – Texte: visuel.

16. Кузнецова О.А. Основания, случаи и юридические факты, влекущие возникновение общей собственности // Правовое государство: теория и практика. 2026. № 2 (84). [Режим доступа]: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovaniya-sluchai-i-yuridicheskie-fakty-vlekuschie-vozniknovenie-obschey-sobstvennosti (дата обращения: 01.08.2026).

17. Суворова Е.Ю. Гражданско-правовое регулирование возникновения долевой собственности в объектах недвижимости // Теория и практика общественного развития. 2024. № 8. [Режим доступа]: https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovoe-regulirovanie-vozniknoveniya-dolevoy-sobstvennosti-v-obektah-nedvizhimosti (дата обращения: 01.08.2026).

18. Elsi Kartika Sari, Ahmad Sabirin, Ownership dualism of condominiums: between unitary ownership of flats and jointland rights, Journal of Property, Planning and Environmental Law, Volume 18, Issue 1, 2026, Pages 41–53, ISSN 2514-9407, [Режим доступа]: https://doi.org/10.1108/JPPEL-07–2025–0048.

19. Gesetz über das Wohnungseigentum und das Dauerwohnrecht (WEG): [Gesetz vom 15. März 1951 (BGBl. I S. 175), zuletzt geändert durch das Gesetz vom 10.10.2024 (BGBl. 2024 I Nr. 306)] // Gesetze im Internet. – [Режим доступа]: https://www.gesetze-im-internet.de/woeigg/__20.html (дата обращения: 05.08.2026).

20. M. Kuby, A. Cordova-Cruzatty, N.C. Parker, D.A. King, EV charging for multifamily housing: Review of evidence, methods, barriers, and opportunities, Renewable and Sustainable Energy Reviews, Volume 210, 2025, 115253, ISSN 1364-0321, [Режим доступа]: https://doi.org/10.1016/j.rser.2024.115253.

21. Smith J. The Right to Charge: Overcoming Barriers to EV Adoption in Multi-Unit Dwellings // Harvard Environmental Law Review. – 2022. – Vol. 46. – P. 215–240.

22. Terré, F. Droit civil. Les biens / F. Terré, Ph. Simler. – 10e éd. – Paris: Dalloz, 2018. – 880 p.

AN ELECTRIC VEHICLE CHARGING STATION INSTALLED ON THE PROPERTY ADJACENT TO THE HOUSE: AN INSEPARABLE IMPROVEMENT TO THE COMMON PROPERTY OR AN INDEPENDENT OBJECT OF CIVIL RIGHTS

Mashchenko I.A.
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article deals with the civil law qualification of an electric vehicle charging station installed by a flat owner on the adjoining territory of an apartment building. Two competing proprietary law constructions are examined – an inseparable improvement of common property and an independent object of ownership. Based on the analysis of the Civil and Housing Codes of the Russian Federation, doctrinal sources and foreign experience (Germany, France, USA), differentiation criteria are formulated, resting on the method of installation and the degree of connection with the common property. It is argued that a portable station requiring no construction intervention should be qualified as an independent object and remain in the owner's individual property, whereas a stationary station tends towards the construction of an inseparable improvement. De lege ferenda proposals aimed at eliminating legal uncertainty and balancing the interests of flat owners and electric vehicle users are put forward.

Keywords: charging station, electric vehicle, common property of an apartment building, adjoining territory, inseparable improvement, independent object of ownership, non-permanent structure, property law.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended on August 8, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Article 3301.

2. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of January 26, 1996, No. 14-FZ (as amended on December 13, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 5. – Article 410.

3. Housing Code of the Russian Federation of December 29, 2004, No. 188-FZ (as amended on December 28, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2005. – No. 1 (Part I). – Art. 14.

4. Urban Development Code of the Russian Federation of 29.12.2004 No. 190-FZ (as amended on 27.12.2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2005. – No. 1 (Part I). – Art. 16.

5. Federal Law of 29.12.2004 No. 189-FZ "On the Introduction of the Housing Code of the Russian Federation" (as amended on 28.12.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2005. – No. 1 (Part I). – Art. 15.

6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10, Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 22 of April 29, 2010, "On Certain Issues Arising in Judicial Practice in Resolving Disputes Related to the Protection of Ownership Rights and Other Property Rights" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2010. – No. 7.

7. Decision of the Kominternovsky District Court of Voronezh, Voronezh Region, dated July 21, 2025, in Case No. 2–2688/2025.

8. Asilalov, D. Z., "Legal Regulation of Capital and Non-Capital Assets" // Eurasian Advocacy. 2024. No. 4 (69). [Access mode]: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-kapitalnyh-i-nekapitalnyh-obektov (date accessed: 05.08.2026).

9. Sukhanov E.A. Property Law: a scientific and educational essay / – 3rd ed., revised and expanded. – Moscow: Statut, 2024. – 626 p.

10. Civil Law: a textbook: in 2 volumes. Volume 2 / edited by B.M. Gongalo. – 4th ed., revised and expanded. – Moscow: Statut, 2021. – 602 p.

11. S.A. Stepanov. Civil Law: Textbook / S.S. Alekseev, D.V. Murzin, D.S. Vladimirova; edited by S.A. Stepanov. – 5th ed. – Moscow: Prospect, 2020. – 447 p.

12. Zhukova, V.V. Problems of Challenging Decisions of the General Meeting of Owners of Premises in an Apartment Building // Science Bulletin. 2026. No. 7 (100). [Access mode]: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-osparivaniya-resheniy-obschego-sobraniya-sobstvennikov-pomescheniy-v-mnogokvartirnom-dome (accessed: 01.08.2026).

13. Kaplunkova A.K. The Phenomenon of Imposed Enrichment // Magistracy Bulletin. 2015. No. 6–3 (45). [Access mode]: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-navyazannogo-obogascheniya (accessed: 08/05/2026).

14. Kiselev A.S., Kharenko M.A. On Some Problems of Recognizing Decisions of the General Meeting of Owners of Apartment Buildings as Invalid // Gaps in Russian Legislation. 2024. No. 1. [Access mode]: https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-problemah-priznaniya-resheniy-obschego-sobraniya-sobstvennikov-mnogokvartirnyh-zhilyh-domov-nedeystvitelnymi (date of access: 01.08.2026).

15. Krasheninnikov P.V. Housing Law. 12th ed., revised and enlarged. Moscow: Statut, 2020.

16. Kuznetsova O.A. Grounds, Cases, and Legal Facts Entailing the Emergence of Common Ownership // The Rule of Law: Theory and Practice. 2026. No. 2 (84). [Access mode]: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovaniya-sluchai-i-yuridicheskie-fakty-vlekuschie-vozniknovenie-obschey-sobstvennosti (date accessed: 01.08.2026).

17. Suvorova E. Yu. Civil-legal regulation of the emergence of shared ownership in real estate // Theory and practice of social development. 2024. No. 8. [Access mode]: https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovoe-regulirovanie-vozniknoveniya-dolevoy-sobstvennosti-v-obektah-nedvizhimosti (date accessed: 01.08.2026).

18. Elsi Kartika Sari, Ahmad Sabirin, Ownership dualism of condominiums: between unitary ownership of flats and jointland rights, Journal of Property, Planning and Environmental Law, Volume 18, Issue 1, 2026, Pages 41–53, ISSN 2514-9407, [Access mode]: https://doi.org/10.1108/JPPEL-07–2025–0048.

19. Gesetz über das Wohnungseigentum und das Dauerwohnrecht (WEG): [Gesetz vom 15. März 1951 (BGBl. I S. 175), zuletzt geändert durch das Gesetz vom 10.10.2024 (BGBl. 2024 I Nr. 306)] // Gesetze im Internet. – [Access mode]: https://www.gesetze-im-internet.de/woeigg/__20.html (access date: 08/05/2026).

20. M. Kuby, A. Cordova-Cruzatty, N.C. Parker, D.A. King, EV charging for multifamily housing: Review of evidence, methods, barriers, and opportunities, Renewable and Sustainable Energy Reviews, Volume 210, 2025, 115253, ISSN 1364-0321, [Accessed]: https://doi.org/10.1016/j.rser.2024.115253.

21. Smith J. The Right to Charge: Overcoming Barriers to EV Adoption in Multi-Unit Dwellings // Harvard Environmental Law Review. – 2022. – Vol. 46. – P. 215–240.

22. Terré, F. Droit civil. Les biens / F. Terré, Ph. Simler. – 10th ed. – Paris: Dalloz, 2018. – 880 p.

«Сжечь нельзя опубликовать»: к вопросу об обнародовании произведения вопреки воле автора

Милуцкая Анастасия Сергеевна,
аспирант кафедры интеллектуальных прав Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: milutskaya@gmail.com

В статье исследуется правовая природа права на обнародование произведения и особенности его осуществления после смерти автора. Обосновывается отнесение права на обнародование к личным неимущественным правам автора с учетом его неотчуждаемости и непосредственной связи с личностью и творческой волей автора. Рассматривается вопрос о возможности квалификации обнародования произведения наследником или публикатором вопреки выраженной воле автора как злоупотребления правом. На основе анализа доктринальных подходов и примеров из истории литературы исследуется соотношение частного интереса автора и общественного интереса в сохранении и доступности произведений, способных приобрести значительную культурную ценность после их обнародования. Обосновывается необходимость установления баланса между указанными интересами.

Ключевые слова: право на обнародование произведения, личные неимущественные права, воля автора, злоупотребление правом, добросовестность, наследники, публикатор, исключительное право.

Сущность права на обнародование произведения заключается в осуществлении действий или даче согласия на осуществление действий, которые впервые делают произведение доступным для всеобщего сведения (п. 1 ст. 1268 ГК).

В юридической науке отсутствует единый подход к определению правовой природы права на обнародование произведения. Согласно одной точке зрения, право на обнародование является личным неимущественным правом[1], которое в предусмотренных законом случаях может осуществляться другими лицами. Сторонники иной позиции указывают на его имущественный характер[2], проводя аналогию с правом на получение патента.

Представляется обоснованным согласиться с учеными, придерживающимися первой точки зрения. Все-таки право на обнародование непосредственно связано с личностью автора, поскольку предоставляет ему возможность самостоятельно определить, следует ли вообще доводить произведение до всеобщего сведения и в какой момент это сделать. Такое решение обусловлено прежде всего творческой волей автора и может быть продиктовано обстоятельствами, не связанными с извлечением имущественной выгоды, например незавершенностью произведения, несоответствием его авторскому замыслу или нежеланием автора раскрывать произведение публике. Именно эта связь с личностью автора служит основным аргументом в пользу признания права на обнародование личным неимущественным правом.

В пользу указанного подхода свидетельствует и эволюция отечественного законодательства. Так, Закон РФ «Об авторском праве и смежных правах»[3] прямо относил право на обнародование к личным неимущественным правам автора. Действующая редакция ГК РФ такого указания не содержит, ограничиваясь включением права на обнародование в перечень прав, принадлежащих автору (п. 2 ст. 1255 ГК РФ). Вместе с тем законодатель не придал ему признаков имущественного права: право на обнародование неотчуждаемо и не может быть передано по договору, что также свидетельствует в пользу его личной неимущественной природы.

Кроме того, внимания заслуживает то обстоятельство, что даже после смерти автора право на обнародование не переходит к наследникам или публикатору. В соответствии с п. 3 ст. 1268 ГК РФ произведение, не обнародованное при жизни автора, может быть обнародовано лицом, обладающим исключительным правом на произведение. Следовательно, законодатель не допускает перехода самого права на обнародование, а лишь предоставляет обладателю исключительного права возможность осуществить обнародование произведения в случае если это не противоречит воле автора. Таким образом, осуществление такого правомочия наследником или публикатором не является безусловным. Закон связывает его с необходимостью соблюдения воли автора, что еще раз подчеркивает приоритет личности автора при решении вопроса об обнародовании произведения.

Следовательно, обнародование произведения вопреки выраженной воле автора выходит за пределы надлежащего осуществления права. В литературе высказывается мнение о возможности квалификации такого поведения как злоупотребления правом. Так, О.А. Рузакова[4] указывает, что обнародование произведения наследником или

[1] См., например:

1. Право интеллектуальной собственности: учебник для вузов / под редакцией Л.А. Новоселовой. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. С. 33.

2. Рузакова О.А. Право интеллектуальной собственности / Московская финансово-промышленная академия, М., 2004. С. 26.

3. Липкес А.М. Личные неимущественные права авторов. Актуальные вопросы и судебная практика // ИС. Авторское право и смежные права. 2022. № 5. С. 41–45.

4. Ситдикова Л.Б. Личные неимущественные права автора: особенности их защиты. Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2016. № 3 (23). С. 84–91.

[2] См., например:

Телюкина М. Право на обнародование произведения – личное или имущественное? // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2007. N 8. С. 7.

[3] ст. 15 Закона РФ «Об авторском праве и смежных правах» от 09.07.1993 N 5351–1.

[4] См.: Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации под ред. П.В. Крашенинникова / «Статут», 2011.

публикатором вопреки воле автора может рассматриваться в качестве злоупотребления правом.

Нежелание автора обнародовать произведение может быть обусловлено различными обстоятельствами, не связанными с извлечением имущественной выгоды. Так, автор может считать произведение незавершенным или не соответствующим своему творческому замыслу, не желать связывать с ним свое имя, полагать, что произведение носит исключительно личный характер либо не предназначено для публичного восприятия. Иными словами, по мнению самого автора, произведение может быть еще не готово к обнародованию либо не должно быть обнародовано вовсе.

Примером в этой связи выступает случай, связанный с Владимиром Набоковым: перед смертью он передал своей жене отрывки романа "Лаура и ее оригинал", настаивая на их уничтожении. Однако жена Владимира Набокова не смогла уничтожить произведение и после ее смерти материалы попали к сыну автора – Дмитрию, который опубликовал работу в 2008 г. Филологи в своих исследованиях подчеркивают, что Набоков тщательно прорабатывал свои тексты, поэтому не желал, чтобы недошлифованный роман «Лаура и ее оригинал» был издан после его смерти[1]. В результате неоконченное произведение было неоднозначно воспринято критиками и многие из них придерживаются точки зрения, что работу необходимо было уничтожить, как и просил автор[2].

Еще одним примером является судьба романа "Увидимся в августе" лауреата Нобелевской премии по литературе, Габриэля Гарсиа Маркеса. При жизни автор, в том числе в связи с ухудшением состояния здоровья, принял решение не публиковать произведение, считая его незавершенным и не соответствующим собственному творческому замыслу. После смерти писателя в 2014 г. рукопись была передана на хранение в Центр Гарри Рэнсома при Техасском университете.

Однако в 2024 г., несмотря на выраженную при жизни волю автора, его сыновья приняли решение об опубликовании романа. Наследники объясняли это решение не стремлением к получению экономической выгоды, а необходимостью сохранения литературного наследия писателя[3]. Как и последний роман Владимира Набокова, роман "Увидимся в августе" был воспринят литературными критиками неоднозначно[4].

Вместе с тем возможна и обратная ситуация, когда обнародование произведений вопреки воле автора позволило открыть миру творчество гениальных авторов, которое в противном случае могло быть безвозвратно утрачено.

Одним из самых известных примеров является судьба литературного наследия Франца Кафки. Незадолго до смерти писатель поручил Максу Броду уничтожить неопубликованные рукописи. Однако Брод не исполнил последнюю волю Кафки и принял решение сохранить и опубликовать его произведения. Именно благодаря Максу Броду миру стали известны такие романы, как «Процесс», «Замок» и «Америка».

Еще одним известным примером является судьба поэмы «Энеида». Так, незадолго до смерти Публий Вергилий Марон распорядился уничтожить рукопись произведения, поскольку считал ее незавершенной. Однако император Октавиан Август поручил сохранить поэму и подготовить ее к публикации. В результате «Энеида» не только сохранилась, но и стала одним из величайших памятников античной литературы, оказав значительное влияние на развитие культуры и литературной традиции.

Приведенные примеры наглядно демонстрируют, что рассматриваемая проблема не имеет однозначного решения. С одной стороны, закон должен обеспечивать соблюдение воли автора. С другой стороны, безусловное следование последней воле автора в отдельных случаях может повлечь безвозвратную утрату произведений, способных впоследствии приобрести исключительную культурную ценность и оказать значительное влияние на развитие литературы и искусства.

В связи с этим при решении вопроса об обнародовании произведения после смерти автора необходимо обеспечить разумный баланс между уважением к воле автора и общественным интересом в сохранении и доступности культурного наследия.

В юридической литературе встречается позиция, согласно которой в подобных случаях правовая охрана произведения должна быть прекращена. Так, О.А. Рузакова[5] обосновывает целесообразность прекращения правовой охраны исключительных прав на произведения, обнародованные наследниками или публикаторами вопреки воле автора, рассматривая такие действия как злоупотребление правом.

Аналогичной позиции придерживается Т.А. Маторина[6], предлагая установить специальную ответственность наследников за нарушение воли автора на обнародование произведения. По мнению исследователя, такая ответственность должна выражаться "в прекращении защиты исключительного права на произведение в случае признания действий наследников злоупотреблением правом".

Представляется, что прекращение правовой охраны исключительных прав на произведения, обнародованные вопреки воле автора и признание таких действий злоупотреблением правом действительно является целесообразным и справедливым. Если обнародование произведения вопреки воле автора оправдывается общественным интересом, то недопустимо, чтобы выгоду от такого нарушения получало лицо, совершившее злоупотребление правом. В этом случае произведение должно переходить в режим общественного достояния, а не оставаться объектом исключительного права наследников или публикатора.

В противном случае запрет, закрепленный в п. 3 ст. 1268 ГК РФ, оказывается лишенным реального содержания, поскольку его нарушение не влечет за собой никаких последствий. При этом применение ст. 1117 ГК РФ и признание наследников недостойными было бы чрезмерной мерой, учитывая универсальный характер наследства.

Сравнительный анализ показывает, что в Кодексе интеллектуальной собственности Франции в таком случае в суд может обратиться министр культуры[7]. В целом, по смыслу ст. 46 ГПК РФ и ст. 53 АПК РФ такая конструкция могла бы быть реализована и в России. Кроме того, в российской правоприменительной практике такие вопросы могли бы рассматриваться по иску заинтересованного лица[8], либо в контексте взыскания компенсации наследником за нарушение исключительного права на обнародованное произведение.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Право на обнародование произведения по своей правовой природе является личным неимущественным правом. Его содержание непосредственно связано с личностью автора и выражается в возможности самостоятельно решить вопрос о доведении произведения до всеобщего сведения и определить момент такого обнародования. Неимущественный характер данного права подтверждается также его неотчуждаемостью и невозможностью передачи по договору.

---

[1] Каминская Ю.В. Коллекции, таксономии, картотеки, поэтика "систематизирующего" метаписьма в русской литературе 1920–1970-х гг.: дисс. … кандидата филолог. наук: 5.9.1. Красноярск, 2023. С. 107.

[2] И.Л. Галинская в статье «Лаура и её оригинал» Владимира Набокова приводит следующие мнения критиков относительно произведения:

1. Тед Гамильтон назвал Владимира Набокова одним из величайших писателей XX века, но при этом отметил, что если публикация до каких-то пор недоступного материала всегда является благодеянием для ученых, то это не относится к «Лауре и ее оригиналу», ибо текст этой публикации отнюдь не открытие. Это, скорее, знак сыновней почтительности, чем «новая публикация» покойного мастера прозы

2. Рецензент газеты «Вашингтон таймс» Кристиан Боурдж считает, что эту работу не следовало бы публиковать, особенно в виде карточек.

3. Известный английский драматург Том Стоппард высказался вполне определенно: «Карточки нужно было сжечь».

См.: 1. Галинская И.Л. «Лаура и её оригинал» Владимира Набокова // Вестник культурологии. 2010. № 3.

2. Hamilton T. Nabokov's «The original of Laura» more about readers than writer.

3. Bourge Ch. Neither form nor function.

[3] Так, Родриго и Гонсало Гарсиа Барча пишут: "Мы совершили предательство: поставили на первое место удовольствие будущих читателей и пренебрегли прочими соображениями. Если читатели оценят книгу, Габо, возможно, нас простит. Мы на это надеемся."

См.: Габриэль Гарсиа Маркес. Вступительное слово к роману «Увидимся в августе» // Гарсиа Маркес Г. Увидимся в августе. М.: АСТ, 2024.

[4] Так, например, писательница и биограф Хьюз-Халлетт охарактеризовала его как «набросок, такой же размытый и ошибочный, как и наброски вообще». По ее словам, 100-страничная книга «похожа на выцветший сувенир, невзрачный, но ценный благодаря своим ассоциациям со сказочным воображаемым миром, который Маркес создал в самом расцвете сил».

См.: Hughes-Hallett L. Until August by Gabriel García Márquez review – a 'lost' last novel // The Guardian. – 06.03.2024. – URL: https://www.theguardian.com/books/2024/mar/06/until-august-by-gabriel-garcia-marquez-review-a-lost-last-novel (дата обращения: 02.06.2026).

[5] См.: Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации под ред. П.В. Крашенинникова / «Статут», 2011.

[6] Маторина Т.А. Переход исключительного права и предоставление права использования произведения литературы по авторскому праву Российской Федерации: дисс. … кандидата юр. наук: 12.00.03. М, 2013. С. 53.

[7] См.: art. L121–3 Code de la propriété intellectuell. // URL: https://wipolex-resources-eu-central-1–358922420655.s3.amazonaws.com/edocs/lexdocs/laws/fr/fr/fr621fr_1.pdf (дата обращения: 26.02.2025).

[8] В действующем гражданском законодательстве содержится схожее регулирование. Так, в ст. 1342 ГК РФ прямо закреплено, что исключительное право публикатора прекращается досрочно по иску заинтересованного лица, если публикатор нарушает требования ГК РФ в отношении охраны авторства, имени автора или неприкосновенности произведения.

2. Право на обнародование не переходит к наследникам или публикатору после смерти автора. Предоставление обладателю исключительного права возможности обнародовать произведение, не обнародованное при жизни автора, не означает перехода к нему самого права на обнародование. Такое правомочие может быть осуществлено лишь при соблюдении установленного законом условия – отсутствия противоречия воле автора.

3. Обнародование произведения вопреки выраженной воле автора должно рассматриваться как выход за пределы надлежащего осуществления предоставленного законом права и при наличии установленных признаков может быть квалифицировано как злоупотребление правом. При этом общественная значимость последующего обнародования сама по себе не устраняет недобросовестный характер поведения лица, если оно сознательно действует вопреки выраженной воле автора.

4. В качестве последствия злоупотребления правом при обнародовании произведения вопреки воле автора целесообразно предусмотреть прекращение правовой охраны исключительного права на такое произведение и переход произведения в режим общественного достояния.

Литература

1. Габриэль Гарсиа Маркес. Вступительное слово к роману «Увидимся в августе» // Гарсиа Маркес Г. Увидимся в августе. М.: АСТ, 2024.

2. Галинская И.Л. «Лаура и её оригинал» Владимира Набокова // Вестник культурологии. – 2010. – № 3. С. 113–118.

3. Каминская Ю.В. Коллекции, таксономии, картотеки, поэтика "систематизирующего" метаписьма в русской литературе 1920–1970-х гг.: дисс. … кандидата филолог. наук: 5.9.1. Красноярск, 2023. – 272 с.

4. Липкес А.М. Личные неимущественные права авторов. Актуальные вопросы и судебная практика // ИС. Авторское право и смежные права. 2022. № 5. С. 41–45.

5. Маторина Т.А. Переход исключительного права и предоставление права использования произведения литературы по авторскому праву Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03. – М., 2013. – 171 с.

6. Право интеллектуальной собственности: учебник для вузов / под редакцией Л.А. Новоселовой. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025.

7. Рузакова О.А. Право интеллектуальной собственности. – М.: Московская финансово-промышленная академия, 2004. – 308 с.

8. Ситдикова Л.Б. Личные неимущественные права автора: особенности их защиты. Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2016. № 3 (23). С. 84–91.

9. Телюкина М. Право на обнародование произведения – личное или имущественное? // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2007. N 8.

10. Hughes-Hallett L. Until August by Gabriel García Márquez review – a 'lost' last novel // The Guardian. – 06.03.2024. – URL: https://www.theguardian.com/books/2024/mar/06/until-august-by-gabriel-garcia-marquez-review-a-lost-last-novel (дата обращения: 02.06.2026).

"BURN, CANNOT PUBLISH": ON THE ISSUE OF PUBLISHING A WORK AGAINST THE AUTHOR'S WILL

Milutskaya A.S.
O.E. Kutafin University

The article examines the legal nature of the right to disclose a work to the public and the specific features of its exercise after the author's death. The classification of the right to disclose a work as a personal non-property right of the author is substantiated, taking into account its non-transferable nature and its direct connection with the author's personality and creative will. The article considers whether the disclosure of a work by a successor or publisher contrary to the author's expressed will may be qualified as an abuse of rights. Based on an analysis of doctrinal approaches and examples from literary history, the article examines the relationship between the author's private interest and the public interest in preserving and making available works capable of acquiring significant cultural value after their disclosure. The need to strike a balance between these interests is substantiated.

Keywords: right to disclose a work to the public, personal non-property rights, author's will, abuse of rights, good faith, successors, publisher, exclusive right.

References

1. August" // García Márquez G. See You in August. Moscow: AST, 2024.

2. Galinskaya I.L. "Laura and Her Original" by Vladimir Nabokov // Bulletin of Cultural Studies. – 2010. – No. 3. Pp. 113–118.

3. Kaminskaya Yu.V. Collections, taxonomies, card indexes, and the poetics of "systematizing" metawriting in Russian literature of the 1920s-1970s: diss. … candidate of philological sciences: 5.9.1. Krasnoyarsk, 2023. – 272 p.

4. Lipkes A.M. Personal non-property rights of authors. Current issues and judicial practice // IP. Copyright and related rights. 2022. No. 5. Pp. 41–45.

5. Matorina T.A. Transfer of Exclusive Rights and Granting of the Right to Use a Literary Work under the Copyright of the Russian Federation: Cand. Sci. (Law) Dissertation: 12.00.03. Moscow, 2013, 171 p.

6. Intellectual Property Law: Textbook for Universities / edited by L.A. Novoselova. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow: Yurait Publishing House, 2025.

7. Ruzakova O.A. Intellectual Property Law. Moscow: Moscow Financial and Industrial Academy, 2004, 308 p.

8. Sitdikova L.B. Personal Non-Property Rights of the Author: Features of Their Protection. Moscow State Pedagogical Univ. Series: Legal Sciences. 2016. No. 3 (23). P. 84–91.

9. Telyukina M. The right to publish a work – personal or property? // Intellectual property. Copyright and related rights. 2007. N 8.

10. Hughes-Hallett L. Until August by Gabriel García Márquez review – a 'lost' last novel // The Guardian. – 06.03.2024. – URL: https://www.theguardian.com/books/2024/mar/06/until-august-by-gabriel-garcia-marquez-review-a-lost-last-novel (accessed: 02.06.2026).

Баланс частных и публичных интересов при гражданско-правовом регулировании использования лесных участков: на примере договора аренды и сервитута

Михайлова Карина Алексеевна,
2 курс магистратуры Финансового Университета
при Правительстве РФ
E-mail: mikha-karina@yandex.ru

В статье исследуется проблема соотношения частных и публичных интересов в рамках гражданско-правового регулирования использования лесных участков на примере договора аренды и сервитута. Проведён анализ норм Гражданского кодекса РФ и Лесного кодекса РФ, определяющих правовой режим лесных участков, а также выявлены коллизии и пробелы правового регулирования, затрудняющие реализацию имущественных прав пользователей при одновременном соблюдении публичных интересов в сохранении лесного фонда. На основе анализа актуальной судебной практики арбитражных судов рассмотрены типичные категории споров, возникающих при заключении договоров аренды лесных участков и установлении сервитутов, включая вопросы квалификации оснований, доказывания и баланса интересов сторон. Предложены отдельные направления совершенствования законодательства, направленные на повышение правовой определённости и снижение конфликтности в рассматриваемой сфере. Результаты исследования могут быть использованы в правоприменительной практике, законотворческой деятельности, а также в научно-педагогической работе.

Ключевые слова: лесные участки, гражданско-правовое регулирование, баланс частных и публичных интересов, договор аренды лесного участка, сервитут, правовой режим лесных земель, судебная практика, коллизии законодательства, имущественные права, Лесной кодекс РФ.

Введение

Использование лесных участков в Российской Федерации традиционно строится на сочетании публично-правовых и частноправовых механизмов: с одной стороны, лес – это стратегический природный ресурс, имеющий важное экологическое и социальное значение, с другой – земельные и природные объекты нередко становятся предметом имущественных отношений, реализуемых через гражданско-правовые институты. На 2026 год актуальность проблемы баланса частных и публичных интересов в этой сфере только возрастает: усиливается контроль за использованием земель лесного фонда, актуализируются требования к прозрачности сделок и соблюдению природоохранных ограничений, одновременно расширяется практика вовлечения лесных территорий в хозяйственный оборот через аренду и установление сервитутов.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе использования лесных участков на основании гражданско-правовых оснований (в первую очередь договора аренды и сервитута). Предмет исследования – нормы гражданского и лесного законодательства, регулирующие указанные отношения, а также правоприменительная практика арбитражных судов, отражающая подходы к разрешению коллизий между частными интересами пользователей и публичными интересами государства и общества в сохранении лесного фонда.

Цель работы – выявить особенности и проблемные зоны правового регулирования, препятствующие достижению оптимального баланса частных и публичных интересов при использовании лесных участков на примере договора аренды и сервитута, а также сформулировать предложения по совершенствованию нормативной базы и практики её применения. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

проанализировать соотношение норм Гражданского кодекса РФ и Лесного кодекса РФ применительно к режиму использования лесных участков;

раскрыть специфику договора аренды лесного участка и выявить типичные правовые проблемы, возникающие на стадиях заключения, исполнения и прекращения договора;

исследовать правовые основания и порядок установления сервитутов в отношении земель лесного фонда и определить факторы, влияющие на баланс интересов сторон;

обобщить актуальную судебную практику арбитражных судов по спорам об аренде и сервитутах, выделить основные категории дел и тенденции в квалификации спорных ситуаций;

сформулировать предложения по устранению правовых пробелов и снижению конфликтности в рассматриваемой сфере.

Методологическую основу исследования составляют формально-юридический метод (анализ норм ГК РФ, ЛК РФ и иных нормативных актов), сравнительно-правовой метод (сопоставление публично-правовых и частноправовых подходов к регулированию), а также методы анализа судебной практики и системного толкования правовых норм. Эмпирическую базу составляют положения действующего законодательства по состоянию на 2026 год, обзоры судебной практики, а также отдельные судебные акты арбитражных судов, иллюстрирующие наиболее острые вопросы правоприменения.

Научная новизна работы заключается в комплексном рассмотрении проблемы баланса интересов именно на стыке гражданского и лесного права с учётом актуальных тенденций правоприменения 2024–2026 годов, включая усиление требований к обоснованности ограничений прав пользователей, распределению бремени доказывания в спорах о сервитутах и квалификации оснований для изменения или расторжения договоров аренды лесных участков. Практическая значимость результатов исследования состоит в возможности их использования как в правоприменительной деятельности (в том числе при подготовке процессуальных документов и формировании правовой позиции по спорам), так и в законотворческой работе – при разработке предложений по уточнению норм ЛК РФ и ГК РФ в части регулирования имущественных прав на лесные участки.

1. Правовой режим лесных участков: сочетание публично-правовых и частноправовых начал

Лесные участки в российском правопорядке занимают особое место: они одновременно выступают объектом имущественных прав и важнейшим элементом экологической системы, подлежащей охране в публичных интересах. Эта двойственность предопределяет специфику их правового режима, который формируется на стыке гражданского и природоресурсного законодательства. Базовое регулирование закреплено в Гражданском кодексе РФ (ГК РФ) и Лесном кодексе РФ (ЛК РФ), причём нормы этих актов нередко демонстрируют не столько согласованность, сколько конкуренцию подходов: частноправовой (свобода договора, защита имущественных интересов пользователя) и публично-правовой (ограничение оборотоспособности, приоритет сохранения леса как природного ресурса).

Ключевым проявлением публично-правового начала является ограниченная оборотоспособность лесных участков. В соответствии с ЛК РФ лесные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, не подлежат отчуждению в частную собственность. Их использование допускается преимущественно на основании договоров аренды либо в иных установленных законом формах, включая сервитуты. При этом целевое назначение участка и режим его использования определяются категорией лесов (защитные, эксплуатационные, резервные) и установленными для них ограничениями. Таким образом, даже при наличии гражданско-правовой формы (договор аренды, сервитут) содержание прав пользователя изначально сужено публичными интересами.

На практике эта коллизия проявляется в жёстких требованиях к возврату участка и поддержанию его пригодности для ведения лесного хозяйства. Так, в деле № А75–11701/2025 (постановление 8 ААС от 11.08.2026 № 08АП-4136/2026) арендодатель потребовал расторгнуть договор и вернуть участок в состоянии, пригодном для ведения лесного хозяйства. Суд удовлетворил иск, опираясь на ст. 622 ГК РФ и условие договора, обязывающее арендатора вернуть участок в пригодном состоянии. Примечательно, что суд не принял во внимание частные интересы арендатора по продолжению хозяйственной деятельности, сделав акцент на сохранении функциональной пригодности лесного участка – то есть на публичном интересе. Данный кейс наглядно иллюстрирует, что при прекращении договора аренды приоритет отдаётся не частным планам пользователя, а восстановлению целевого назначения участка.

Не менее показательна и проблема фиксации состояния участка при передаче, где сталкиваются принцип добросовестности и имущественные интересы сторон. В деле № А32–19107/2024 (постановление АС Северо-Кавказского округа от 03.08.2026) арендатор подписал акт приёма-передачи, зафиксировав наличие трансформаторной подстанции, но позднее заявил, что её наличие препятствует использованию участка. Суд отклонил этот довод, указав, что подписание акта без замечаний лишает арендатора права впоследствии ссылаться на указанные препятствия. Здесь баланс интересов выстроен через презумпцию добросовестности: частный интерес арендатора (удобство использования участка) уступает принципу правовой определённости и ответственности за собственные действия при приёмке. Такой подход подчёркивает, что в гражданско-правовых отношениях с лесными участками суды требуют от пользователей повышенной осмотрительности и документальной фиксации всех обстоятельств, способных повлиять на реализацию прав.

Ещё один аспект коллизии – соотношение формы и содержания при изменении условий договора. В деле № А19–20006/2024 (решение от 12.02.2025) предметом спора стало дополнительное соглашение к договору аренды, в котором в качестве основания для изменения условий ошибочно указали проведённое лесоустройство. Суд признал часть соглашения недействительной по ст. 168 ГК РФ, поскольку фактическое основание отсутствовало. Этот пример демонстрирует, что формальное оформление изменений не может подменять реальные юридические основания: публичный интерес в прозрачности и обоснованности использования лесного фонда ограничивает возможности сторон по произвольному изменению условий договора.

Наконец, особый интерес представляет установление сервитутов на лесных участках, где баланс интересов проявляется наиболее наглядно. В деле № А56–87321/2024 (АС Северо-Западного округа, постановление от 15.04.2025) собственник земельного участка требовал установить частный сервитут через лесной участок для организации проезда. Ответчик (орган управления лесами) возражал, ссылаясь на режим защитных лесов и риск негативного воздействия на экосистему. Суд установил сервитут, но в усечённом виде: ширина полосы была сокращена с 4 до 2,5 м, а использование ограничено проездом легкового транспорта без применения тяжёлой техники. В обоснование решения суд сослался на ст. 274 ГК РФ (необходимость сервитута для пользования участком), п. 5 ст. 23 ЗК РФ (принцип наименьшего обременения) и нормы ЛК РФ о режиме защитных лесов. Таким образом, суд не отказал в защите частного интереса, но ограничил его реализацию в целях минимизации вреда лесу – то есть обеспечил баланс интересов через конкретизацию условий обременения.

Приведённые примеры позволяют выделить несколько устойчивых тенденций в правоприменительной практике 2024–2026 годов. Во-первых, суды последовательно исходят из приоритета публичного интереса в сохранении целевого назначения и экологической функции лесных участков – это проявляется и при возврате участка, и при оценке допустимости изменений договора. Во-вторых, принцип добросовестности становится инструментом балансировки: он ограничивает возможность ссылаться на ранее не оспоренные обстоятельства и требует от пользователей заблаговременной фиксации условий. В-третьих, при установлении сервитутов суды применяют принцип наименьшего обременения, фактически «настраивая» объём частного права под требования природоохранного режима.

Таким образом, правовой режим лесных участков формируется как результат постоянного поиска компромисса между имущественными интересами пользователей и публичными интересами в сохранении лесного фонда. Именно эта специфика делает институты аренды и сервитута в отношении лесных участков особенно конфликтными и требующими детальной нормативной проработки.

2. Договор аренды лесного участка как инструмент гражданско-правового регулирования.

Договор аренды лесного участка – один из ключевых механизмов вовлечения лесных земель в хозяйственный оборот. При этом он сохраняет ярко выраженную специфику по сравнению с классической арендой: здесь гражданско-правовая форма (договор) действует в жёстких рамках публично-правового режима, определяемого Лесным кодексом РФ и сопутствующими актами. На 2026 год правовое регулирование аренды лесных участков опирается на ст. 72–74 ЛК РФ, а также на нормы ГК РФ об аренде (ст. 606–625), при этом приоритет в ряде вопросов отдан специальным природоресурсным нормам.

Существенные условия договора аренды лесного участка включают не только стандартные для аренды элементы (объект, срок, размер платы), но и дополнительные обязательства, отражающие публичный интерес. В частности, арендатор обязан разработать и утвердить проект освоения лесов, выполнять мероприятия по охране, защите и воспроизводству лесов и соблюдать целевое назначение участка и режим соответствующей категории лесов (защитные, эксплуатационные, резервные).

Эти обязанности фактически превращают договор аренды лесного участка в комплексный правовой инструмент, где имущественные права пользователя подчинены природоохранным целям. Например, проект освоения лесов – не просто «приложение» к договору, а обязательный документ, без которого использование участка невозможно; его отсутствие либо несоответствие требованиям служит основанием для привлечения к ответственности и расторжения договора.

На практике именно сочетание гражданско-правовых и природоохранных требований порождает наибольшее число конфликтов. Стороны нередко пытаются трактовать отдельные условия как «формальные», но суды последовательно исходят из того, что эти требования – не факультативные, а существенные. Другой распространённый узел противоречий – фиксация состояния участка при передаче и распределение рисков. Не менее острые споры возникают при изменении условий договора. Применяя ст. 168 ГК РФ, можно утверждать, что формальное оформление изменений не может подменять реальные юридические основания. Для аренды лесного участка это особенно важно: любое изменение условий должно быть подкреплено документально подтверждёнными фактами и соответствовать процедурам ЛК РФ. Иначе возникает риск нарушения публичного интереса в прозрачности и обоснованности использования лесного фонда.

Таким образом, договор аренды лесного участка на современном этапе – это не просто гражданско-правовой инструмент передачи имущества во временное пользование, а сложный регуляторный механизм, в котором имущественные интересы пользователя уравновешиваются системой публичных ограничений и обязанностей

3. Сервитут на лесных участках: основания, порядок установления и баланс интересов.

Установление сервитута на лесных участках – один из наиболее конфликтных институтов в сфере лесопользования: здесь частный интерес в доступе или размещении объекта сталкивается с публичным интересом в сохранении лесной экосистемы и соблюдении специального режима лесов. На 2026 год правовое регулирование сервитутов опирается на ст. 274–276 ГК РФ, п. 5 ст. 23 ЗК РФ (принцип наименьшего обременения) и нормы ЛК РФ, определяющие особенности использования лесов в зависимости от их категории.

Сервитут в отношении лесного участка может устанавливаться как в частном, так и в публичном порядке. Частный сервитут (ст. 274 ГК РФ) применяется, когда собственнику соседнего участка необходим проход, проезд либо размещение линейных объектов, без чего невозможно нормальное пользование его имуществом. Публичный сервитут устанавливается в целях обеспечения государственных или муниципальных нужд либо интересов местного населения (например, для прохода граждан в лес, прокладки инженерных сетей). При этом для лесных участков критически важна категория леса: в защитных лесах (ст. 10 ЛК РФ) любое обременение оценивается строже, поскольку основная функция таких лесов – экологическая и средообразующая.

Ключевым критерием при установлении сервитута выступает принцип наименьшего обременения участка (п. 5 ст. 23 ЗК РФ). В отношении лесных участков он реализуется через дополнительные требования: минимизацию площади, исключение рубок, соблюдение противопожарных и санитарных правил, а также учёт проекта освоения лесов и лесохозяйственного регламента. Фактически сервитут не должен менять целевое назначение участка и нарушать его природоохранные функции.

Наглядно этот баланс проявляется в судебной практике. Так, в деле № А56–87321/2024 (АС Северо-Западного округа, постановление от 15.04.2025) собственник участка ИЖС требовал установить сервитут через лесной участок для проезда – альтернативного подъезда не существовало. Ответчик (орган управления лесами) возражал, ссылаясь на режим защитных лесов: проезд мог привести к уплотнению почвы, повреждению корней и нарушению экосистемы. Суд удовлетворил требование, но ограничил параметры сервитута: ширина полосы была уменьшена с заявленных 4 м до 2,5 м, а использование ограничено проездом легкового транспорта без тяжёлой техники. В обоснование суд сослался на ст. 274 ГК РФ (необходимость сервитута для пользования участком), п. 5 ст. 23 ЗК РФ (наименьшее обременение) и нормы ЛК РФ о режиме защитных лесов. Этот пример показывает, как суд не отрицает частный интерес, но «настраивает» его реализацию под требования публичного интереса.

Ещё один узел противоречий – доказанность необходимости сервитута и отсутствие альтернатив. Суды последовательно требуют, чтобы истец доказал, что без сервитута пользование его участком невозможно либо существенно затруднено. При наличии альтернативного маршрута (даже менее удобного) в установлении сервитута могут отказать либо предложить иной вариант трассы, менее обременительный для леса. Здесь принцип наименьшего обременения работает как фильтр: он отсекает избыточные обременения и направляет стороны на поиск компромиссных решений.

Таким образом, сервитут на лесных участках – это не просто ограничение права собственника в пользу третьего лица, а сложный правовой механизм, призванный найти компромисс между необходимостью доступа (или размещения объектов) и сохранением экологической функции леса.

Заключение

Проведённый анализ гражданско-правового регулирования использования лесных участков на примере аренды и сервитута позволяет увидеть, что специфика правового режима лесов заключается не в противопоставлении частных и публичных интересов, а в их постоянном сопряжении.

Эти ограничения обусловлены особой ценностью леса как стратегического природного ресурса, выполняющего экологические, климатические и социальные функции. Именно поэтому любое вовлечение лесного участка в хозяйственный оборот изначально предполагает приоритет сохранения его целевого назначения и природоохранных свойств.

Судебная практика 2024–2026 годов демонстрирует устойчивую логику правоприменения: суды не стремятся полностью подавить частный интерес, но последовательно проверяют его на соответствие публичным целям.

В этих условиях совершенствование регулирования должно быть направлено не на ослабление публично-правовых начал, а на повышение их предсказуемости и прозрачности. Целесообразно закрепить на уровне Лесного кодекса РФ чёткие критерии существенных условий аренды, включая обязательства по восстановлению участка, чтобы устранить спорные трактовки. Одновременно важно добиться синхронизации сроков действия ключевых документов – договора аренды, проекта освоения лесов и лесохозяйственного регламента: их несогласованность создаёт правовую неопределённость и порождает конфликты.

Такой подход позволит сохранить необходимую для лесного фонда степень защиты, одновременно сделав правила игры более понятными для участников оборота. Баланс интересов в этой сфере не может быть достигнут путём устранения ограничений – он формируется именно через чёткие, прозрачные и единообразно применяемые критерии, которые позволяют и государству защищать публичный интерес, и пользователям планировать свою деятельность с учётом установленных требований.

Литература

1. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. от 26.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – URL: (дата обращения: 19.08.2026).
2. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27 мая 2024 г. № 305-ЭС23–27639 по делу № А40–218407/2022 // ГАРАНТ [Электронный ресурс]. – URL: (дата обращения: 19.08.2026).
3. Решение Арбитражного суда от 12 февраля 2025 г. по делу № А19–20006/2024 // СудАкт.ру [Электронный ресурс]. – URL: (дата обращения: 19.08.2026).
4. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 1 июля 2026 г. № 14А/2026 «О рассмотрении судами дел, связанных с правами на земельные участки отдельных категорий земель, изъятых из оборота и ограниченных в обороте, и с использованием таких участков» // Верховный Суд РФ [Электронный ресурс]. – URL: (дата обращения: 19.08.2026).
5. Приказ Минприроды России от 03.03.2026 № 112 «Об утверждении Правил использования лесов для ведения сельского хозяйства и Перечня случаев использования лесов в указанных целях без предоставления лесного участка, с установлением или без установления сервитута, публичного сервитута» (зарегистрирован в Минюсте России 23.04.2026 № 86178) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – URL: (дата обращения: 19.08.2026).
6. Обзор судебной практики по спорам в сфере недропользования (январь 2026) // Журнал «Экостандарт» [Электронный ресурс]. – URL: (дата обращения: 19.08.2026).

THE BALANCE OF PRIVATE AND PUBLIC INTERESTS IN THE CIVIL LAW REGULATION OF FOREST LAND USE: A CASE STUDY OF LEASE AGREEMENTS AND EASEMENTS

Mikhaylova K.A.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines the balance between private and public interests within the civil law regulation of forest land use, focusing on lease agreements and easements. The analysis covers the provisions of the Civil Code of the Russian Federation and the Forest Code of the Russian Federation that define the legal regime of forest lands. The study identifies legal conflicts and gaps that hinder the exercise of property rights by users while simultaneously safeguarding public interests in the preservation of the forest fund. Based on the analysis of current arbitration court practice, the paper reviews typical categories of disputes arising from the conclusion of forest land lease agreements and the establishment of easements, including issues related to the qualification of grounds, burden of proof, and the balance of parties' interests. The article proposes certain directions for improving the legislation to enhance legal certainty and reduce conflict potential in this area. The findings may be useful for law enforcement practice, legislative activities, and academic and educational work

Keywords: forest land, civil law regulation, balance of private and public interests, lease agreement for forest land, easement, legal regime of forest lands, court practice, legislative conflicts, property rights, Forest Code of the Russian Federation.

References

1. Forest Code of the Russian Federation dated 04.12.2006 No. 200-FZ (as amended on 26.12.2024) (with amendments and additions, effective from 01.01.2025) // ConsultantPlus [Electronic resource]. – URL: (accessed: 19.08.2026).
2. Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 27 May 2024 No. 305-ES23–27639 in case No. A40–218407/2022 // GARANT [Electronic resource]. – URL: (accessed: 19.08.2026).
3. Decision of the Arbitration Court dated 12 February 2025 in case No. A19–20006/2024 // SudAct.ru [Electronic resource]. – URL: (accessed: 19.08.2026).
4. Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation dated 1 July 2026 No. 14A/2026 "On the consideration by courts of cases related to the rights to land plots of certain categories of land withdrawn from circulation and restricted in circulation, and the use of such plots" // Supreme Court of the Russian Federation [Electronic resource]. – URL: (accessed: 19.08.2026).
5. Order of the Ministry of Natural Resources of Russia dated 03.03.2026 No. 112 "On Approval of the Rules for the Use of Forests for Agricultural Activities and the List of Cases for Using Forests for These Purposes without Granting a Forest Plot, with or without Establishing an Easement or Public Easement" (registered with the Ministry of Justice of Russia on 23.04.2026 No. 86178) // ConsultantPlus [Electronic resource]. – URL: (accessed: 19.08.2026).
6. Review of judicial practice in disputes related to subsoil use (January 2026) // Journal "Ecostandard" [Electronic resource]. – URL: (accessed: 19.08.2026).

Ответственность генпрокуратуры за несоблюдение внутренних инструкций и возможности гражданско-правовой защиты

Овчинников Алексей Николаевич,
кандидат экономических наук, Тольяттинское высшее военное командно-инженерное строительное училище
E-mail: inza73@gmail.com

Ткаченко Роман Владимирович,
доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
E-mail: rvtkachenko@msal.ru

Статья посвящена ответственности органов прокуратуры Российской Федерации за нарушение порядка рассмотрения обращений граждан вследствие неверного применения пункта 3.2 Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приёма граждан в органах прокуратуры Российской Федерации, утверждённой приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 30.01.2013 № 45. На примере правоприменительной ситуации выявлена практика круговой пересылки жалоб, когда обращение на бездействие нижестоящей прокуратуры возвращается ей же вышестоящим органом, что нарушает запрет пункта 5 статьи 10 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». Проанализированы виды ответственности должностных лиц и возможности гражданско-правовой защиты граждан через институты возмещения вреда по статьям 1069, 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации и компенсации морального вреда. Предложены меры совершенствования ведомственного регулирования.

Ключевые слова: прокуратура, ведомственная инструкция, бездействие органов власти, гражданско-правовая ответственность, возмещение вреда, обращения граждан, компенсация морального вреда

Введение

Право на обращение в государственные органы, включая органы прокуратуры, закреплено статьёй 33 Конституции Российской Федерации и является гарантией защиты прав и свобод человека [1]. Порядок рассмотрения обращений регулируется одновременно Федеральным законом от 02.05.2006 № 59-ФЗ, Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» и ведомственной Инструкцией № 45, при этом, двухуровневое регулирование порождает риск противоречий между законом и ведомственным актом, а также риск его неверного применения правоприменителем [2].

Актуальность темы обусловлена практикой, при которой вышестоящая прокуратура, ссылаясь на пункт 3.2 Инструкции № 45, направляет жалобу на бездействие нижестоящего органа обратно тому же органу, что нарушает прямой запрет пункта 5 статьи 10 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [3]. Следствием является длительное неполучение гражданином ответа по существу, что образует состав административного правонарушения по статье 5.59 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [4] и создаёт основания для гражданско-правовой защиты.

Цель статьи заключается в анализе выявленной коллизии, определении видов ответственности должностных лиц прокуратуры и оценке возможностей гражданско-правовой защиты граждан.

Задачи исследования включают раскрытие правовой природы Инструкции № 45, выявление содержания коллизии между ведомственным актом и законом, систематизацию видов ответственности, а также определение условий применения статей 1069 и 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации к случаям бездействия органов прокуратуры. Методологическую основу составили формально-юридический метод, анализ конкретной правоприменительной ситуации и сравнительно-правовой метод.

Правовая природа Инструкции № 45 и коллизия с законом

Инструкция № 45 представляет собой ведомственный акт, изданный Генеральным прокурором в пределах организационно-распорядительных полномочий для конкретизации Федерального закона № 59-ФЗ и Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». Ведомственные инструкции занимают подчинённое положение по отношению к закону и не могут создавать правил, отличных от него. Пункт 3.2 Инструкции № 45 регулирует специальный случай, когда обращение направлено вышестоящему прокурору, минуя нижестоящие прокуратуры, и решение по нему ещё не принималось. Это толкование напрямую следует из текста нормы, согласно которой перенаправлению подлежат обращения, «решения, по которым не принимали руководители нижестоящих прокуратур» [5].

Пункт 5 статьи 10 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» устанавливает императивный запрет пересылки жалобы органу, действия которого обжалуются, и эта норма служит конкретизацией принципа эффективности внесудебной защиты, поскольку рассмотрение жалобы тем же органом не может быть объективным. Проблема состоит в том, что должностные лица, применяя пункт 3.2 Инструкции № 45 к случаям обжалования бездействия нижестоящей прокуратуры, фактически осуществляют запрещённую законом пересылку жалобы, подменяя понятие проверки доводов пересылкой жалобы на бездействие [6]. Решение коллизии должно основываться на принципе верховенства закона, а Инструкцию № 45 целесообразно дополнить прямым указанием на неприменимость пункта 3.2 к случаям обжалования бездействия нижестоящего органа. Такое уточнение не требует изменения федерального законодательства и может быть реализовано только средствами ведомственного нормотворчества, что делает его практически осуществимым в краткосрочной перспективе.

Иллюстрация проблемы на примере правоприменительной практики

Материалы обращений заявителя О., направленные в 2025–2026 годах в Гагаринскую межрайонную прокуратуру ЮЗАО г. Москвы, прокуратуру ЮЗАО, прокуратуру г. Москвы, Генеральную прокуратуру Российской Федерации и Президенту Российской Федерации, иллюстрируют

указанную практику. Не получив ответа на заявления от 30 апреля и 29 июля 2025 года, заявитель обратился с жалобой на бездействие в вышестоящую прокуратуру ЮЗАО, которая, сославшись на пункт 3.2 Инструкции № 45, направила жалобу той же Гагаринской прокуратуре. Аналогично были переадресованы последующие жалобы, хронология рассмотрения обращений заявителя О. приведена в таблице 1.

Таблица 1. Хронология рассмотрения обращений заявителя О.

Дата	Адресат обращения	Результат
30.04.2025 и 29.07.2025	Гагаринская межрайонная прокуратура	Ответ по существу не получен
19.09.2025	Прокуратура ЮЗАО г. Москвы	Жалоба переслана той же Гагаринской прокуратуре со ссылкой на п. 3.2 Инструкции № 45
25.11.2025	Прокуратура г. Москвы	Жалоба переслана в прокуратуру ЮЗАО, далее вновь в Гагаринскую прокуратуру
29.12.2025	Генеральная прокуратура Российской Федерации	Жалоба переслана в прокуратуру г. Москвы, далее по той же цепочке
05.03.2026	Президент Российской Федерации	Обращение перенаправлено по всей цепочке вплоть до Гагаринской прокуратуры

Составлено автором на основании материалов правоприменительной практики

Как видно из таблицы 1, на протяжении почти года ни один вышестоящий орган не рассмотрел жалобу по существу, ограничившись переадресацией тому же органу, чьё бездействие обжаловалось. Такая модель формирует замкнутый круг, лишающий гражданина эффективного внесудебного средства защиты [7].

Виды юридической ответственности

Нарушение порядка рассмотрения обращений может повлечь несколько видов ответственности, различающихся основанием, субъектом и последствиями. Виды ответственности за нарушение порядка рассмотрения обращений приведены в таблице 2.

Таблица 2. Виды ответственности за нарушение порядка рассмотрения обращений

Вид ответственности	Основание	Содержание
Административная	Статья 5.59 КоАП РФ	Штраф от пяти до десяти тысяч рублей должностному лицу, дело возбуждается прокурором
Дисциплинарная	Статья 41.7 Федерального закона «О прокуратуре РФ»	Взыскания вплоть до увольнения, применяются вышестоящим руководителем
Гражданско-правовая	Статьи 1069, 1070, 151, 1099–1101 ГК РФ	Возмещение вреда и компенсация морального вреда за счёт казны Российской Федерации
Процессуальная	Глава 22 КАС РФ, статья 218	Признание бездействия незаконным, преюдиция для деликтного иска

Составлено автором на основании анализа законодательства

Административная и дисциплинарная ответственность ориентированы на наказание виновного должностного лица и не создают для гражданина средства компенсации, поскольку решение о взыскании относится к дискреции руководителя [6], а гражданско-правовая ответственность, напротив, направлена на восстановление положения пострадавшего за счёт казны и в этом смысле выполняет компенсаторную, а не карательную функцию, что отличает её от административной и дисциплинарной ответственности и обусловливает её самостоятельное значение для защиты прав заявителя.

Гражданско-правовая защита прав граждан

Основание ответственности государства за вред, причинённый бездействием органов, закреплено статьёй 53 Конституции Российской Федерации и статьёй 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации [8]. Специальная норма статьи 1070 Гражданского кодекса, устанавливающая безвиновную ответственность, применяется к исчерпывающему перечню случаев незаконного уголовного преследования и не охватывает волокиту при рассмотрении обращений, вследствие чего применяется общий деликтный состав, предполагающий вину причинителя вреда [9].

Условиями возникновения обязательства признаются противоправность бездействия, наличие вреда, причинная связь и вина органа [10]. Противоправность выражается в нарушении сроков рассмотрения и запрета на пересылку жалобы органу, чьи действия обжалуются. Вина презюмируется и может быть опровергнута доказыванием объективной невозможности рассмотреть обращение [11], а имущественный вред в подобных делах, как правило, ограничивается расходами на составление и направление обращений, включая почтовые расходы, подлежащие взысканию как реальный ущерб при документальном подтверждении [12]. Ответчиком выступает казна Российской Федерации в лице соответствующего финансового органа, а интересы главного распорядителя бюджетных средств применительно к системе прокуратуры представляет Генеральная прокуратура Российской Федерации [13].

Наряду с имущественным вредом возможна компенсация морального вреда, так как длительное неполучение ответа способно причинить нравственные страдания, связанные с ощущением незащищённости перед произволом должностных лиц, что образует самостоятельное основание компенсации независимо от имущественного вреда согласно статье 1099 Гражданского кодекса Российской Федерации [14]. При определении размера компенсации следует учитывать длительность бездействия и системный характер нарушения, выразившийся в повторной пересылке жалобы [15].

Эффективная гражданско-правовая защита требует предварительного признания бездействия незаконным в порядке административного судопроизводства по правилам главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, так как решение суда по административному делу приобретает преюдициальное значение для последующего деликтного иска, освобождая истца от повторного доказывания противоправности [7]. При этом систематический характер нарушения, подтверждаемый неоднократностью обращений и однотипностью ответов различных прокуратур, облегчает доказывание вины ответчика и повышает вероятность удовлетворения иска, поскольку исключает довод о единичной технической ошибке [15].

Направления совершенствования законодательства

Представляется целесообразным дополнить пункт 3.2 Инструкции № 45 прямым указанием, исключающим её применение к случаям обжалования бездействия либо незаконных действий нижестоящей прокуратуры [3]. Такое уточнение должно быть сформулировано максимально конкретно, а именно за счёт включения в текст пункта 3.2 Инструкции № 45 оговорки о том, что установленный им порядок перенаправления обращения нижестоящему прокурору применяется исключительно к обращениям, поступившим в вышестоящую прокуратуру первично, минуя нижестоящие органы, и не распространяется на жалобы, предметом которых выступает бездействие либо незаконные действия самой нижестоящей прокуратуры. Эта формулировка устранила бы неоднозначность толкования нормы и исключила бы ситуацию, при которой правоприменитель формально соблюдает текст Инструкции № 45, но фактически нарушает запрет пункта 5 статьи 10 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [6].

Обоснованным является также введение автоматизированного контроля за повторными жалобами на бездействие одного и того же органа, исключающего техническую возможность повторной переадресации такой жалобы тому же органу, так как органы прокуратуры уже используют единую автоматизированную систему учёта обращений, целесообразно дополнить её функцией сверки обращения с ранее поданными жалобами того же заявителя, при которой повторная жалоба на бездействие органа автоматически блокируется от направления тому же органу и передаётся под личный контроль вышестоящего должностного лица [2].

Целесообразен упрощённый порядок компенсации морального вреда за систематическую волокиту по аналогии с компенсацией за нарушение права на судопроизводство в разумный срок, предусмотренной Федеральным законом от 30.04.2010 № 68-ФЗ, что позволило бы гражданину получить компенсацию без доказывания сложного фактического состава общего деликта [14]. Такой механизм, ориентированный не на общие правила статьи 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации, а на упрощённое установление факта систематического нарушения сроков рассмотрения обращений, повысил бы доступность защиты для заявителя, зачастую не обладающего достаточными познаниями и средствами для полноценного искового производства [15].

Кроме того, возможно закрепить в законодательстве презумпцию недобросовестности органа, повторно переадресовавшего жалобу тому же органу, чьи действия обжалуются, что облегчило бы бремя доказывания истца по делу о возмещении вреда, также оправданным представляется и перенос запрета круговой пересылки жалоб с уровня ведомственного акта на уровень Федерального закона «О прокуратуре

Российской Федерации», что придало бы ему большую юридическую устойчивость.

Заключение

Проблема ответственности прокуратуры за несоблюдение внутренних инструкций связана не с сущностными дефектами Инструкции № 45, а с её систематически неверным применением к случаям, выходящим за пределы пункта 3.2, что приводит к нарушению запрета пункта 5 статьи 10 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» и формирует практику круговой пересылки жалоб. Особенность выявленной практики состоит в том, что она воспроизводится не на одном, а сразу на нескольких уровнях иерархии органов прокуратуры – районном, окружном, городском и федеральном, что прослеживается по материалам рассмотренной правоприменительной ситуации. Это указывает на то, что причина нарушения связана не с единичной ошибкой конкретного должностного лица, а с самим механизмом применения пункта 3.2 Инструкции № 45, и требует комплексного вмешательства в порядок правового регулирования.

Помимо административной и дисциплинарной ответственности, гражданин обладает правом на возмещение вреда и компенсацию морального вреда по статье 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации, реализация которого связана со значительными доказательственными сложностями, сопряжёнными с подтверждением противоправности бездействия, размера вреда и причинной связи. Указанные сложности снижают эффективность гражданско-правового способа защиты по сравнению с административными и процессуальными средствами, что требует их сочетанного применения на практике.

Устранение выявленной коллизии за счёт уточнения текста Инструкции № 45, а также совершенствование процессуальных механизмов компенсации вреда может повысить эффективность защиты конституционного права граждан на обращение в органы прокуратуры и снизить количество обращений, вынужденно проходящих по кругу инстанций без разрешения по существу. Реализация предложенных мер, включающих ведомственное уточнение нормы, внедрение автоматизированного контроля, упрощённую компенсацию и презумпцию недобросовестности повторной переадресации, обеспечила бы соответствие практики органов прокуратуры конституционному праву граждан на обращение и укрепила бы доверие граждан к прокуратуре как органу, призванному стоять на страже законности.

Литература

1. Ахмедова Д.У., Садикова И.С. Прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина // Закон и право. 2021. № 1. С. 44–46.

2. Данилов А.М. Механизм реализации конституционного права граждан на обращение в органы публичной власти РФ // Актуальные исследования. 2026. № 22 (308). С. 10–13.

3. Уваров А.А. Местное самоуправление и прокуратура: проблемы законодательного регулирования // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6. № 1. С. 172–177.

4. Рысай Б.Г., Просветова А.А. Особенности привлечения к административной ответственности за нарушение порядка рассмотрения обращений граждан // Научный Лидер. 2023. № 49 (147). URL: https://scilead.ru/article/5491-osobennosti-privlecheniya-k-administrativnoj- (дата обращения: 06.07.2026).

5. Осинцев Д.В. Прокурор как субъект административного правонарушения // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4 (101). С. 34–39.

6. Братановский С.Н., Братановская М.С. О юридической природе представления прокуратуры об устранении нарушений законодательства и привлечении должностных лиц к дисциплинарной ответственности // Advances in Law Studies. 2016. № 3. С. 134–137.

7. Литвинова Т.А. Участие прокурора в рассмотрении гражданских дел судами проверочных инстанций // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 7. С. 86–100.

8. Носкова Ю.Б. Основание и условия возмещения вреда, причинённого незаконными действиями органов предварительного следствия // Вестник экономики, управления и права. 2015. № 1 (30). С. 9–14.

9. Степченкова Е.В. Проблемы реализации права на возмещение вреда, причинённого незаконным привлечением к уголовной ответственности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2010. № 2. С. 69–83.

10. Григорян Г.В. Проблема возмещения вреда, причинённого незаконными действиями правоохранительных органов // Общество и право. 2009. № 3 (25). С. 64–71.

11. Шубин Д.В. Порядок возмещения вреда, причинённого государственными органами и должностными лицами // Отечественная юриспруденция. 2017. Т. 1. № 5 (19). С. 46–49.

12. Мерзликина Р.А., Молчанова Э.В. Ответственность за вред, причинённый публично-правовыми образованиями // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 2. С. 91–94.

13. Фоноберов Л.В. Об ответственности Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в деликтных обязательствах // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. № 4. С. 170–173.

14. Кукушкин С.Н., Рамазанова К.К. Вопросы деликтной ответственности за вред, причинённый сотрудниками органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3. С. 181–186.

15. Маскаева И.И. Проблемы возмещения вреда, причинённого действиями (бездействием) или решениями государственных органов и их должностных лиц в рамках административного процесса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2016. № 4. С. 123–147.

LIABILITY OF THE PROSECUTOR GENERAL'S OFFICE FOR NON-COMPLIANCE WITH INTERNAL INSTRUCTIONS AND POSSIBILITIES FOR CIVIL LAW REDRESS

Ovchinnikov A.N., Tkachenko R.V.
Tolyatti Higher Military Command and Engineering Construction School, Kutafin Moscow State Law University

This article examines the liability of the Russian Federation prosecutor's offices for violating the procedure for handling citizens' appeals due to the incorrect application of paragraph 3.2 of the Instruction on the Procedure for Handling Appeals and Reception of Citizens in the Prosecutor's Office of the Russian Federation, approved by Order No. 45 of the Prosecutor General of the Russian Federation dated January 30, 2013. A law enforcement case study reveals the practice of circular complaint forwarding, whereby appeals against inaction by a lower prosecutor's office are returned to it by a higher authority, which violates the prohibition of paragraph 5 of Article 10 of the Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation." The article analyzes the types of liability of officials and the possibilities for civil protection of citizens through compensation for damages under Articles 1069 and 1070 of the Civil Code of the Russian Federation and compensation for moral damages. Measures for improving departmental regulation are proposed.

Keywords: prosecutor's office, departmental instructions, government inaction, civil liability, compensation for damages, citizen appeals, compensation for moral damages

References

1. Akhmedova D.U., Sadikova I.S. Prosecutorial supervision over observance of human and civil rights // Law and Legislation. 2021. No. 1. Pp. 44–46.

2. Danilov A.M. Mechanism for implementing citizens' constitutional right to appeal to public authorities of the Russian Federation // Current Research. 2026. No. 22 (308). Pp. 10–13.

3. Uvarov A.A. Local self-government and the prosecutor's office: problems of legislative regulation // Russian Journal of Legal Studies. 2019. Vol. 6. No. 1. Pp. 172–177.

4. Rysay B.G., Prosvetova A.A. Specifics of bringing to administrative liability for violation of the procedure for handling citizens' appeals // Scientific Leader. 2023. No. 49 (147). URL: https://scilead.ru/article/5491-osobennosti-privlecheniya-k-administrativnoj– (accessed: 06.07.2026).

5. Osintsev D.V. The prosecutor as a subject of an administrative offense // Actual Problems of Russian Law. 2019. No. 4 (101). Pp. 34–39.

6. Bratanovsky S.N., Bratanovskaya M.S. On the legal nature of a prosecutor's representation on eliminating legal violations and bringing officials to disciplinary liability // Advances in Law Studies. 2016. No. 3. Pp. 134–137.

7. Litvinova T.A. Participation of the prosecutor in the review of civil cases by courts of review instances // Actual Problems of Russian Law. 2024. Vol. 19. No. 7. Pp. 86–100.

8. Noskova Yu.B. Grounds and conditions for compensation of harm caused by unlawful actions of preliminary investigation bodies // Bulletin of Economics, Management and Law. 2015. No. 1 (30). Pp. 9–14.

9. Stepchenkova E.V. Problems of exercising the right to compensation for harm caused by unlawful criminal prosecution // Vestnik of Saint Petersburg University. Law. 2010. No. 2. Pp. 69–83.

10. Grigoryan G.V. The problem of compensation for harm caused by unlawful actions of law enforcement agencies // Society and Law. 2009. No. 3 (25). Pp. 64–71.

11. Shubin D.V. Procedure for compensation of harm caused by state bodies and officials // Domestic Jurisprudence. 2017. Vol. 1. No. 5 (19). Pp. 46–49.

12. Merzlikina R.A., Molchanova E.V. Liability for harm caused by public legal entities // Humanities and Legal Studies. 2014. No. 2. Pp. 91–94.

13. Fonoberov L.V. On the liability of the Russian Federation, its constituent entities, and municipalities in tort obligations // Problems of Economics and Legal Practice. 2009. No. 4. Pp. 170–173.

14. Kukushkin S.N., Ramazanova K.K. Issues of tort liability for harm caused by employees of internal affairs bodies // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 3. Pp. 181–186.

15. Maskaeva I.I. Problems of compensating for harm caused by actions (inaction) or decisions of state bodies and their officials in administrative proceedings // RUDN Journal of Law. 2016. No. 4. Pp. 123–147.

Потребительский экстремизм как угроза экономической безопасности

Орлов Антон Денисович,
соискатель кафедры гражданского права, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия»
E-mail: orlovad1994@mail.ru

В статье исследуется феномен потребительского экстремизма как системного вызова для российского потребительского права и значимой угрозы экономической безопасности государства. Автор раскрывает взаимосвязь между злоупотреблением потребителями предоставленными им правами и дестабилизацией гражданского оборота, демонстрируя, что подобные действия способны провоцировать спад производства и в конечном счёте наносить ущерб национальным экономическим интересам.
Особое внимание уделено правовым механизмам, которые недобросовестные потребители используют для извлечения выгоды – в частности, нормам о компенсации морального вреда, освобождении от уплаты госпошлины, а также практике применения прогрессивной неустойки. В работе проанализированы эволюция форм потребительского экстремизма (от единичных подмен товаров до организованных схем с участием профессиональных юристов и сетевых групп), а также расхождение в оценках этого явления между бизнессообществом и надзорными органами.
Автор приходит к выводу, что потребительский экстремизм – не просто гражданскоправовая проблема, а фактор, подрывающий баланс интересов в хозяйственном обороте и создающий внутренние угрозы экономической безопасности страны. В качестве мер противодействия предложены конкретизация законодательства, систематизация информации о схемах злоупотреблений, а также выработка единой государственной позиции по вопросу.

Ключевые слова: потребительский экстремизм, экономическая безопасность, защита предпринимателей, злоупотребление правом.

В условиях современного общества одной все более острой становится проблема так называемого потребительского экстремизма. Сегодня устойчивой правовой презумпцией законодательства о защите прав потребителей является положение о том, что в правоотношениях между продавцом и потребителем именно потребитель является слабой и более уязвимой стороной. Однако такая точка зрения зачастую ведет к смещению баланса интересов сторон, что позволяет потребителю злоупотреблять предоставленным ему комплексом прав, и существенно нарушает при этом права иных участников хозяйственного оборота.

Представляется, что проявление потребительского экстремизма может иметь место при любых условиях, где совершена сделка купли-продажи, подряда, оказаниях услуг, или их разновидностей с участием потребителя.

Потребительский экстремизм представляет собой системный вызов для российского потребительского права. Его распространение обусловлено объективными признаками действующей нормативной базы, однако задача законодателя состоит не в ослаблении потребительских прав, а в создании механизма, исключающего их использование в корыстных целях: чёткого правового определения, соразмерных санкций и работающего досудебного порядка.

При этом, на наш взгляд, потребительский экстремизм не может быть рассмотрен только сквозь призму гражданско-правовых норм. Потребительский экстремизм, как уже отмечено, всегда сопутствует совершенной сделке, то есть является сопутствующим осуществлению гражданского оборота. Однако в науке гражданского права прочно укоренилось мнение, что гражданский оборот – это одна из форм оборота экономического. Так, например, Ю.В. Виниченко указывает, что гражданский оборот следует воспринимать не просто как правовую форму, юридическое отражение экономического оборота и, таким образом, как явление исключительно гносеологического порядка, но и как реально (онтологически) существующий феномен [2, с. 879].

На наш взгляд, при восприятии гражданского и экономического оборота как одного и того же явления, рассматриваемого в зависимости от специальных средств и способов изучения различными науками, можно говорить, что угроза нормальному гражданскому обороту – есть угроза экономической безопасности. Таким образом, можно говорить, что потребительский экстремизм в современном обществе – есть одна из угроз экономической безопасности.

Среди гражданских прав и свобод центральное место занимают экономические возможности личности, которые с одной стороны выступают как гарантия существования в Российской Федерации гражданского оборота, а с другой – важнейшим фактором независимости личности, внутреннего экономического суверенитета государства. Закрепленные Конституцией Российской Федерации гражданские экономические права и свободы более подробно раскрываются в Гражданском кодексе, часто называемом «экономической конституцией» [3, с. 19].

В этой связи посягательства на нормальный гражданский оборот, а равно на экономический оборот, могут быть квалифицированы как вызов экономической безопасности. Безопасность в теории рассматривается в качестве социально-экономической и юридической категории. Как социально-экономическую категорию безопасность рассматривают как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. С юридической точки зрения, безопасность воспринимают как гарантированное законом состояние защищенности жизненно-важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, опирающееся на силу государственного принуждения и санкционного воздействия.

Обеспечение экономической безопасности государства гарантировано Стратегией экономической безопасности РФ на период до 2030 г., утвержденной Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208. Ее цель – обеспечение противодействия вызовам и угрозам экономической безопасности, предотвращение кризисных явлений в ресурсно-сырьевой, производственной, научно-технологической и финансовой сферах, а также на недопущение снижения качества жизни населения. Стратегия закрепляет сущность научной дефиниции «экономическая безопасность» как «состояния защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются эконо-

мический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации». Если рассматривать экономическую безопасность общества в целом и личности, как его составляющей, её можно определить как возможность личности реализовать свои потребности в стабильном финансовом состоянии, занятости и благополучии.

На стабильное функционирование механизмов, направленных на обеспечение экономического благополучия государства, оказывают воздействия угрозы экономической безопасности. Угроза экономической безопасности – совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам Российской Федерации в экономической сфере. Угрозы экономической безопасности принято подразделять на внутренние и внешние. Внутренние угрозы экономической безопасности государства связаны со спадом производства, с конкурентоспособностью, с неравнозначным имущественным положением граждан т.д. Также к внутренним угрозам можно отнести и рассматриваемое нами социально-правовое явление потребительского экстремизма.

Одним из признаков «потребительского экстремизма» является попытка получить прибыль любой ценой. Согласно ст. 15 Закона РФ «О защите прав потребителей», моральный вред, причиненный потребителю вследствие нарушения изготовителем (исполнителем, продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером) прав потребителя, предусмотренных законами и правовыми актами Российской Федерации, регулирующими отношения в области защиты прав потребителей, подлежит компенсации причинителем вреда при наличии его вины. Размер компенсации морального вреда определяется судом и не зависит от размера возмещения имущественного вреда. Компенсация морального вреда осуществляется независимо от возмещения имущественного вреда и понесенных потребителем убытков.

Именно этой статьей чаще всего руководствуются недобросовестные потребители, подавая иски с суммами, несоразмерными нанесенным им (чаще мнимым или фиктивным) ущербом. Как правило, размер компенсации снижается судом, но, тем не менее, предприниматели несут убытки от недобросовестных потребителей.

Желание недобросовестных потребителей доводить дело до судебного разбирательства основывается на некоторых особенностях судебного производства в данной сфере. Так, например, потребитель освобождается от уплаты государственной пошлины, если цена иска не превышает одного миллиона рублей (ч. 3 ст. 333.36 Налогового кодекса РФ), освобождается от несения судебных расходов, если в интересах потребителей в суд обращалась общественная организация по защите прав потребителей (п. 13 ч. 1 ст. 333.36 Налогового кодекса РФ).

Потребительский экстремизм развивается в различных сферах, нанося производителям убытки различных уровней, что не может не влиять на их функционирование. Такое поведение потребителей локально оказывает влияние на производительность товаров и услуг, что в последующем может спровоцировать одну из внутренних угроз экономической безопасности – спад производства в государстве.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что развитие в России потребительского экстремизма в глобальном плане создает угрозу экономической безопасности страны. Для стабилизации экономического состояния государства необходимо уменьшать всевозможные факторы, негативно влияющие на экономику.

К одному из возможных вариантов противодействия потребительскому экстремизму можно отнести конкретизацию нормативных правовых актов. Так, в условиях объявленной ВОЗ пандемии новой коронавирусной инфекции Covid-19 в 2020 г. значительно возросло количество покупателей в сфере онлайн-продаж, что также привело к росту потребительского экстремизма. В связи с этим были внесены уточнения в нормативный правовой акт, регулирующий данную сферу. Например, действующее ранее Постановление Правительства РФ от 27.09.2007 г. № 612 «Об утверждении Правил продажи товаров дистанционным способом», не конкретизировало информацию об оферте. Предприниматели на свое усмотрение могли размещать или не размещать ее на сайте. На данный момент, в п. 17 Постановления Правительства РФ от 31.12.2020 г. № 2463, законодатель обязывает продавца предоставить возможность покупателю ознакомиться с офертой. Если ранее одной из причин для потребительского экстремизма могло стать различное толкование представленной предпринимателем информации, то теперь условия покупки будут конкретизированы в оферте.

К возможным способам предотвращения проявления потребительского экстремизма также можно отнести и необходимость систематизации и распространения информации о данном явлении и способах его проявления, чтобы предприниматели самостоятельно могли предотвращать какие-либо ситуации в зависимости от занимаемой на рынке сферы.

В современных рыночных условиях проявление потребителями «экстремизма» невозможно прекратить полностью, т.к. желание получить выгоду будет стимулировать некоторую группу людей на генерирование новых идей, борьба с которыми станет возможна лишь после их реализации. Однако необходимо принятие мер по недопущению превращения потребительского экстремизма в массовое противоправное явление. Гражданско-правовая категория потребительский экстремизм оказывает влияние на экономическую безопасность государства, которая выступает надежной основой обеспечения и развития экономических основ и институтов гражданского общества и правового государства [4, с. 129]. Деятельность так называемых «потребителей-экстремистов» приносит компаниям существенные убытки, что, с одной стороны, напрямую влияет на ее экономическое положение по отношению к другим компаниям, с другой, – способствует спаду производства, снижает защищенность экономики государства и негативно влияет на внутренний и внешний государственный суверенитет. Поскольку полностью избавиться от потребительского экстремизма невозможно, необходимы меры на государственном уровне, позволяющие минимизировать данное явление. Это могут быть как предложенные в работе изменения в законодательство, так и общественные меры противодействия потребительскому экстремизму.

При этом угроза экономической безопасности представляется как глобальный вызов со стороны потребительского экстремизма. Тесно связанными с экономической безопасностью и следующими из вызовов экономической безопасности являются угрозы для осуществления предпринимательской деятельности ее субъектами.

Согласно п. 1 ст. 2 ГК РФ предпринимательской деятельностью является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. В действительности деятельность предпринимателей так или иначе связана с определенными рисками. Приняв решение о начале осуществления предпринимательской деятельности, субъекты предпринимательства рискуют столкнуться с такими последствиями, как убыточность предприятия, отсутствие прироста прибыли, непреодолимые обстоятельства извне, влияющие на успешность деятельности.

Современный потребительский экстремизм существенно эволюционировал. Если прежде он ограничивался единичными случаями подмены товаров или фальсификации дефектов, то сегодня речь идёт об организованных схемах с участием профессиональных юристов, экспертов и специализированных групп в социальных сетях. Управляющий партнёр юридической компании Sakura Legal Даниил Базылев зафиксировал на рынке появление мошеннических групп, действующих по типовым сценариям; ежегодный ущерб от таких схем только по рынку бытовой техники и электроники достигает нескольких миллиардов рублей [1].

Действительной проблемой представляется фактическая невозможность предпринимателей удовлетворить требования потребителей в добровольном порядке. Недобросовестные потребители действуют с исключительной целью получения выгоды и взыскания штрафа или неустоек. При этом именно потребители уклоняются от предоставления продавцу возможности добровольно удовлетворить требования. Потребителями не предоставляются реквизиты либо не помещаются офисы предпринимателей, точки продаж с целью получения денежных средств.

На наш взгляд, подобная угроза формируется из намерения опираться на рост прогрессивной неустойки. Прогрессивная неустойка – неустойка с нарастающим размером, применяемая для стимулирования должника к исполнению обязательства. Она допускается по соглашению сторон или по решению суда (в т.ч. как судебная неустойка по п. 1 ст. 308.3 ГК РФ). Её цель – создать дополнительные экономические стимулы для должника исполнить обязательство.

Правовую основу неустойки в целом составляет ст. 330 ГК РФ, где определяется понятие неустойки как денежной суммы, которую должник обязан выплатить кредитору за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства. Возможность присуждения денежной суммы на случай неисполнения судебного акта предусмотрена именно п. 1 ст. 308.3 ГК РФ. Порядок установления и применения неустойки, в т.ч. прогрессирующей, разъясняется в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств». В частности, суд обязан указать в решении размер или порядок определения такой неустойки.

При начислении неустойки до фактического исполнения обязательства суд фиксирует сумму на дату решения и указывает, что взыскание продолжается до исполнения.

При этом ключевыми требованиями для применения такой неустойки являются:

– Соразмерность последствиям нарушения (п. 75 Постановления Пленума ВС РФ № 7). Суд оценивает, не является ли неустойка чрезмерно обременительной и не ведёт ли она к необоснованной выгоде кредитора.

– Справедливость и недопустимость извлечения выгоды из незаконного поведения (п. 32 Постановления Пленума ВС РФ № 7).

– Доказанность обоснованности размера – кредитор может подтвердить разумность размера неустойки рыночными показателями (ставками кредитов, инфляцией и т.д.).

При этом необходимо учитывать, что для предпринимателей снижение возможно только по заявлению должника и в исключительных случаях. В условиях недобросовестного поведения потребителей, для которых получение неустойки является одной из конечных целей, представляется, что снижение неустойки невозможно. И это приводит к значительным убыткам для предпринимателей и нарушению баланса интересов сторон как основы нормальных гражданско-правовых отношений.

При этом российские суды постепенно вырабатывают инструментарий противодействия потребительскому экстремизму, опираясь прежде всего на институт злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ) и норму о снижении несоразмерной неустойки (ст. 333 ГК РФ). В деле № 49-КГ21–22-К6 Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации (Определение от 29 июня 2021 г.) подтвердила, что в действиях потребителя, направившего досудебную претензию не по юридическому адресу ответчика с целью искусственно увеличить неустойку, усматриваются признаки злоупотребления правом. Одной из знаковых является практика Первоуральского городского суда Свердловской области, который в решении по делу № 2–2210/2025 прямо применил термин «потребительский экстремизм», констатировав злоупотребление правом со стороны истца. В другом деле суд снизил размер неустойки более чем в десять раз, сославшись на позицию Верховного Суда о недопустимости превращения санкций в средство необоснованного обогащения потребителя.

Еще одной проблемой представляется все усложняющийся гражданский оборот, появление новых видов сделок, субъектов предпринимательства. В условиях динамики гражданских правоотношений законодательство, рассчитанное на стабильное многолетнее применение, не всегда соответствует условиям объективной действительности, что является благоприятной средой для проявлений потребительского экстремизма.

Представляется интересной и позиция регулятора. Так, заместитель руководителя Роспотребнадзора в целом критически воспринимает сам термин «потребительский экстремизм», полагая, что за ним нередко скрывается нежелание предпринимателей соблюдать права клиентов: по данным ведомства, в 70% случаев причиной судебных разбирательств становится именно отказ бизнеса от конструктивного диалога [5]. Это свидетельствует о принципиальном расхождении оценок явления между бизнес-сообществом и надзорными органами – расхождении, которое само по себе указывает на отсутствие у законодателя выверенной позиции.

Таким образом, потребительский экстремизм представляет собой системный вызов для российской экономической безопасности. Его распространение обусловлено особенностями действующей нормативной базы – широкими правами потребителя и жёсткими санкциями за их нарушение, – однако использование этих инструментов в корыстных целях дискредитирует саму идею потребительской защиты и влечёт экономические потери, которые в конечном счёте перекладываются на добросовестных покупателей через рост цен.

Литература

1. Базылев Д., Шестакова Я. Новые формы «потребительского экстремизма» набирают обороты [интервью на Радио РБК, 10.02.2026] // РБК [Электронный ресурс]. – URL: https://www.rbc.ru/society/10/02/2026 (дата обращения: 20.05.2026).
2. Виниченко Ю.В. О соотношении гражданского и экономического оборота // Известия БГУ. 2015. № 5. С. 879.
3. Дмитриева Н.В., Кудрявцев Ю.А. «Потребительский экстремизм» как угроза экономической безопасности современной России // Журнал правовых и экономических исследований. 2023. № 1. С. 19.
4. Кудрявцев Ю.А. Институты гражданского общества в механизме вытеснения теневых экономических явлений в современной России // Экономическая безопасность личности, общества, государства: проблемы и пути обеспечения: материалы ежегодной Всерос. науч.-практ. конф. (5 апреля 2018 г.) / сост.: Ю.А. Кудрявцев. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. С. 129.
5. Орлов М. Перебор с правами: как потребительский экстремизм стал угрозой для бизнеса // Сфера: юридический портал [Электронный ресурс]. – URL: https://legalacademy.ru (дата обращения: 20.05.2026).

CONSUMER EXTREMISM AS A THREAT TO ECONOMIC SECURITY

Orlov A.D.
Civil Law Saratov State Law Academy

The article examines the phenomenon of consumer extremism as a systemic challenge to Russian consumer law and a significant threat to the state's economic security. The author reveals the relationship between consumers' abuse of the rights granted to them and the destabilization of civil turnover, demonstrating that such actions can provoke a decline in production and ultimately harm national economic interests.

Particular attention is paid to the legal mechanisms that unscrupulous consumers use to gain an advantage – in particular, the rules on compensation for moral damage, exemption from paying state fees, and the practice of applying progressive penalties. The paper analyzes the evolution of forms of consumer extremism (from isolated cases of product substitution to organized schemes involving professional lawyers and network groups), as well as the divergence in assessments of this phenomenon between the business community and regulatory authorities.

The author concludes that consumer extremism is not merely a civil law problem, but a factor that undermines the balance of interests in economic transactions and creates internal threats to the country's economic security. As countermeasures, the author proposes clarifying the legislation, systematizing information about abuse schemes, and developing a unified state position on the issue.

Keywords: consumer extremism, economic security, protection of entrepreneurs, abuse of rights.

References

1. Bazylev D., Shestakova Ya. New forms of "consumer extremism" are gaining momentum [interview on RBC Radio, 10.02.2026] // RBC [Electronic resource]. – URL: https://www.rbc.ru/society/10/02/2026 (accessed: 20.05.2026).
2. Vinichenko Yu.V. On the relationship between civil and economic turnover // Izvestiya BSU. 2015. № 5. S. 879.
3. Dmitrieva N.V., Kudryavtsev Yu.A. "Consumer extremism" as a threat to the economic security of modern Russia // Journal of Legal and Economic Research. 2023. No. 1. P. 19.
4. Kudryavtsev Yu.A. Civil society institutions in the mechanism of displacement of shadow economic phenomena in modern Russia // Economic security of the individual, society, and the state: problems and ways to ensure it: materials of the annual AllRussian scientific and practical conference (April 5, 2018) / compiled by Yu.A. Kudryavtsev. St. Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. P. 129.
5. Orlov M. Excessive rights: how consumer extremism has become a threat to business // Sphere: legal portal [Electronic resource]. – URL: https://legalacademy.ru (accessed: 20.05.2026).

Распределение бремени доказывания в гражданском процессе в условиях отрицания иска ответчиком

Корнилова Наталья Викторовна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Дальневосточного филиала, ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»
E-mail: n_kornilva@mail.ru

Орлова Ирина Витальевна,
старший преподаватель высшей школы теории права и частного права, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет имени М.П. Даниловского»
E-mail: 013098@pnu.edu.ru

В статье рассматриваются вопросы об определении судом предмета доказывания по гражданскому делу, о распределении бремени доказывания в условиях, когда стороны занимают активную или пассивную позицию по делу, заявляют разные виды возражений, не ссылаются на юридические факты, имеющие значение для разрешения дела по существу. На примере судебной практики дана оценка позиции суда, требующего от ответчика, занимающего по делу позицию отрицания, доказательств юридических фактов, имеющих значение для разрешения дела по существу. В статье аргументирован вывод об обязанности ответчика исполнить требование суда представить доказательства в обоснование своих возражений лишь при условии, если последнему очевидно, что истец доказал юридические факты, на которые он ссылался в обоснование своих исковых требований (то есть имеется объект опровержения).

Ключевые слова: принцип состязательности; юридический факт; судебное доказательство; предмет доказывания по делу; суд общей юрисдикции.

Согласно части 2 статьи 56 ГПК РФ при рассмотрении любого гражданского дела суд обязан определить, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, и должен их вынести на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались. В данной части статьи кодекса речь идёт о совокупности юридических фактов, образующих пределы судебного доказывания, и об обязанности суда распределить бремя их доказывания.

Некоторые учёные-процессуалисты справедливо отмечают, что в настоящее время отсутствует какая-либо концепция о распределении бремени доказывания между сторонами и другими лицами, участвующими в деле [2 с. 2–6]. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 21.05.2026 года № 15 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» сформулировал правило об обязанности суда уже на этой стадии гражданского процесса с учётом характера правоотношений сторон и норм материального права, регулирующих спорные отношения, распределить бремя доказывания, разъяснить лицам, участвующим в деле, какие из обстоятельств и кем из них подлежат доказыванию.

Как отмечается в большинстве научных источников, пределы судебного доказывания суд определяет, изначально руководствуясь юридическими фактами, о которых сообщили участвующие в деле лица, и окончательную совокупность обстоятельств (предмет доказывания) устанавливает исходя из норм материального права, предположительно регулирующих отношения между сторонами.

В настоящей статье будет исследовано несколько теоретических вопросов, имеющих практическое значение: о соотношении обязанностей участвующих в деле лиц по доказыванию юридических фактов, их праве представлять доказательства и об обязанности суда распределить бремя доказывания.

Итак, выясняя характер правоотношений сторон, суд изначально исходит из юридических фактов, на которые ссылаются стороны в обоснование своих требований или возражений. Однако нередко лица, обращающиеся в суд за судебной защитой и не имеющие высшего юридического образования, не сообщают суду всех значимых юридических фактов и, соответственно, их не доказывают. В связи с этим возникает закономерный вопрос: должен ли суд самостоятельно их определить и возложить обязанность по доказыванию на сторону или он может самостоятельно установить эти обстоятельства, истребовав соответствующие доказательства?

Анализ ст. 56 ГПК РФ позволяет прийти к очевидному выводу о том, что у суда существует обязанность установить совокупность юридических фактов, имеющих значение для рассмотрения дела и его разрешения по существу, даже если стороны на них не ссылались. Также суд должен, учитывая разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, возложить на определённую сторону обязанность по доказыванию таких юридических фактов. В некоторых определениях о подготовке гражданских дел к судебному разбирательству судьи перечисляют конкретные факты, обязанность доказывания которых возложена на определённую сторону и другое участвующее в деле лицо. На первый взгляд, вышеуказанная позиция высшей судебной инстанции противоречит положениям части 2 статьи 56 ГПК РФ. Но, представляется, данные разъяснения лишь конкретизируют общее правило о распределении обязанностей по доказыванию, ведь, в конечном счёте, суду необходимо установить истину по делу посредством вовлечения заинтересованных лиц в доказательственную деятельность. Особенно это важно в условиях, когда такое лицо не имеет юридического образования и/или «профессионального» представителя. Таким образом, в рассматриваемой ситуации у стороны существует обязанность доказывания обстоятельств, указанных судом. Используемый законодателем в части 2 статьи 56 ГПК РФ безличный глагол «надлежит», выражающий значение необходимости, обязательности, долженствования, является тому подтверждением. При этом участвующее в деле лицо может выбирать любые доказательства из тех, которые предусмотрены статьёй 55 ГПК РФ (статья 35 ГПК РФ), учитывая при этом правила допустимости доказательств, содержащиеся в ГПК РФ и в других федеральных законах. Суд общей юрисдикции не вправе самостоятельно собирать доказательства. Только в случаях, предусмотренных федеральным законом (ст. 57, абз. 3 ч. 4 ст. 79, ч. 4 ст. 188 ГПК РФ и др.)

он может при определённых условиях оказать сторонам содействие в собирании доказательств либо по собственной инициативе назначить судебную экспертизу, привлечь к участию в процессе специалиста для дачи консультаций или истребовать доказательство.

На практике распространены и другие ситуации, когда в определениях судов о подготовке дела к судебному разбирательству преимущественно содержится стандартная фраза, о том, что каждая сторона должна доказать факты, на которые она ссылается в обоснование своих требований или возражений, и юридические факты при этом не уточняются. Должна ли в таком случае сторона доказывать факты, на которые она не ссылалась в обоснование своей позиции, и которые не были обозначены судом, но которые имеют значение для рассмотрения или разрешения гражданского дела? Представляется, ответ должен быть отрицательным в контексте исследуемых статей ГПК РФ. Как справедливо отмечает О.В. Баулин, несмотря на различные задачи и мотивы, которыми руководствуются суд и стороны, осуществляя доказательственную деятельность, они тем не менее её осуществляют. Суд не может уклониться от участия в доказывании и выполнения действий, необходимость совершения которых предусмотрена законом. С процессуальной точки зрения действия суда и действия иных участников процесса по установлению фактических обстоятельств дела однородны [3 с. 154]. Следовательно, если суд как субъект доказывания пассивен, у сторон в соответствии с ч. 2 ст. 56 ГПК РФ существует лишь обязанность доказывания фактов, на которые они ссылаются в обоснование своей правовой позиции по делу.

В рамках настоящего исследования представляет интерес ещё одна ситуация, возникающая при рассмотрении гражданских дел. Иногда ответчик свои возражения относительно исковых требований сводит лишь к аргументации необоснованности требований истца (то есть критикует доказательства противной стороны, утверждает, что юридические факты-основание иска не доказаны и не представляет доказательства фактов, опровергающих последние), но суд обязывает ответчика предоставить доказательства обстоятельств, которые суд включил в предмет доказывания. В связи с этим возникает вопрос об обязанности ответчика представлять доказательства, если, по мнению последнего, истец не предоставил суду допустимых или достоверных доказательств, на которых он основывает заявленные исковые требования. Рассмотрим конкретный пример из судебной практики.

В Железнодорожный районный суд г. Хабаровска обратилась истец Ч.И. с исковым заявлением о лишении Ч.Г. права на выплаты в связи с гибелью военнослужащего в период прохождения военной службы. Истец указала, что со дня усыновления её сына М. до его совершеннолетия ответчик не исполнял свои родительские обязанности по отношению к сыну, и, кроме того, бил ребёнка, принуждал к тяжёлому физическому труду.

В материалах гражданского дела отсутствовали доказательства фактов обращений истца или несовершеннолетнего сына М. (по достижении им 14-летнего возраста) в органы опеки и попечительства, внутренних дел, прокуратуру, к уполномоченному по правам детей или в суд по поводу привлечения ответчика к уголовной или административной ответственности за ненадлежащее исполнение родительских обязанностей, об отмене усыновления, о взыскании алиментов и т.п. Истец в качестве доказательств представила свидетельские показания нескольких лиц (родственников и знакомых погибшего сына). Последние сообщили суду, что погибший при жизни им рассказывал о том, что ответчик избивал и обзывал его, принуждал к тяжёлому физическому труду при ведении домашнего хозяйства, не занимался его воспитанием, содержанием, не проявлял заботу о физическом и моральном состоянии. Все свидетели не были очевидцами этих обстоятельств. Они дали разные показания, не говорили об одном и том же конкретном факте или о нескольких конкретных фактах, упоминали обстоятельства пространно (говорили о неприязненных отношениях, избиваниях, оскорблениях и т.п.). Преимущественно им это было известно со слов умершего М. Свидетели не сказали, сколько раз повторялись обстоятельства, о которых они рассказывали, когда именно эти обстоятельства имели место, в то время как суду необходимо было установить факт отсутствия семейных отношений на протяжении всего совместного проживания ответчика и погибшего сына М. Никаких других доказательств (кроме объяснений истца), прямо или косвенно подтверждающих эти юридические факты, истцом не было представлено.

Оценив доказательства, представленные истцом, ответчик занял позицию отрицания, будучи уверенным в необоснованности исковых требований. Суд на этапе подготовки дела к судебному разбирательству не распределял бремя доказывания (то есть не указывал сторонам на их обязанность доказывания определённых юридических фактов). Но непосредственно в судебном разбирательстве задавал ответчику вопросы об обстоятельствах, свидетельствующих об исполнении им обязанностей родителя, и о наличии у него соответствующих доказательств. Ответчик ограничился объяснениями о том, что до совершеннолетия сына нареканий относительно исполнения им родительских обязанностей не было, и отсутствуют какие-либо прямые или косвенные доказательства обратного. Также он сообщил суду о некоторых юридических фактах – истец не была против получения ответчиком выплаты, она сама предоставила в страховую организацию заявления обеих сторон о получении выплат, но предъявила вышеуказанный иск в суд после того, как ответчик отказался передать ей перечисленные денежные средства. Спор между сторонами возник в связи с возникшими разногласиями о судьбе полученных ими денежных средств. В материалах гражданского дела имелись копии заявлений сторон, адресованных страховой компании, истец не оспаривала данные обстоятельства.

Суд принял решение об удовлетворении исковых требований. Свою позицию он мотивировал тем, что истец доказал юридические факты, образующие основание иска (посредством объяснений истца и свидетельских показаний), а ответчик не предоставил суду никаких относимых, допустимых и достоверных доказательств фактов, свидетельствующих об обратном – о наличии семейных отношений между ответчиком и погибшим сорокачетырёхлетним сыном М.

Правильную ли позицию по делу занял ответчик? Ещё Е.В. Васьковский отмечал, что ответчик может совершенно бездействовать в процессе и не опровергать какие-либо факты («ответчик не должен доказывать своего отрицания»). В этом случае суду следует вынести решение на основании доказательств истца, причём истцу надлежит доказать иск основательно [1 с. 326]. Т.М. Яблочков тоже полагал, что «ответчик обязан оспаривать лишь то, что доказано до известной степени истцом», то есть бремя доказывания возлагается на ответчика только в случае доказанности иска, а не «голого утверждения» [5 с. 87].

Сущность принципов диспозитивности, состязательности и процессуального равноправия сторон состоит в том, что каждое участвующее в деле лицо самостоятельно определяет, какую позицию ей занимать и какие соответствующие процессуальные права при этом использовать. Суд всесторонне оценивает доказательства только в совещательной комнате. У ответчика возможность оценить доказательства противоположной стороны существует раньше (на любой стадии гражданского процесса до удаления суда в совещательную комнату (например, он может сообщить свои оценочные выводы в возражениях относительно иска, на этапе рассмотрения судом вопроса о приобщении доказательства к материалам дела или в судебных прениях), и это предопределяет его позицию по делу. Поэтому в условиях, когда стороне очевидны (по его мнению) «пороки» доказательств, представленных другой стороной (доказательства не являются относимыми, получены с нарушением установленного законом порядка, недостоверны и т.д.), то она может указывать суду на данные «недостатки» доказательств у истца и на необоснованность заявленных исковых требований. Тогда ответчик вправе не сообщать суду и не доказывать обстоятельства, опровергающие не доказанные истцом юридические факты (фактически отсутствует объект опровержения). Иными словами, как справедливо отмечала Э.М. Мурадьян, ответчик не обязан доказывать отсутствие оснований иска, бремя доказывания не перемещается от истца, не доказавшего свое требование, к противной стороне [1 с. 61–62]. Изложенная позиция также согласуется с точкой зрения А.П. Илюхина, предлагающего распределение бремени доказывания основывать на двух постулатах – добросовестном действии и недобросовестном бездействии: если сторона ссылается на добросовестное поведение, вытекающее из закона или договора, то она освобождается от бремени его доказывания, поскольку, исходя из вышеуказанной нормы права, добросовестное поведение участников гражданского оборота презюмируется (п. 5 ст. 10 ГК РФ), а лицо, ссылающееся на недобросовестное поведение другого лица, – должно доказать данное обстоятельство [2 с. 2–6]. Обязанность доказывать возникает у ответчика либо в силу специального доказательственного правила, либо в связи с выдвижением тезиса о правопрепятствующих юридических фактах – обстоятельствах, свидетельствующих об отсутствии у истца утверждаемого им права [3 с. 165].

Рассматриваемое поведение ответчика нельзя квалифицировать как признание иска либо признание одного или нескольких юридических фактов. Также нет оснований для применения по аналогии части 3.1. статьи 70 АПК РФ. Выраженная стороной критическая оценка доказательств, представленных истцом, свидетельствует об оспаривании обстоятельств, на которые ссылается оппонент.

Таким образом, исходя из конституционного принципа состязательности требование суда представить доказательства в подтверждение наличия фактических семейных отношений должно было испол-

няться ответчиком лишь при условии, если последнему очевидно, что истец доказал юридические факты, на которые он ссылался в обоснование своих исковых требований (то есть имеется объект опровержения). Ведь в конечном счёте, именно истец, обратившийся за судебной защитой, должен доказать факт нарушения или оспаривания своих нарушенных прав, свобод или охраняемых законом интересов ответчиком. Установленная судом обоснованность исковых требований свидетельствует о наличии у истца права на иск и, соответственно, право на принятие судебного решения об удовлетворении иска. У ответчика обязанность доказывания фактов, опровергающих обстоятельства оппонента, возникает лишь при наличии у него уверенности в том, что истец эти обстоятельства доказал.

Литература

1. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. – М.: Бр. Башмаковы, 1914. – 571 с.).

2. Илюхин А.П. Распределение бремени доказывания в гражданском процессе с учетом презумпций добросовестного действия и недобросовестного бездействия // Российский судья. – 2024. – № 7. – С. 2–6.

3. Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / С.Ф. Афанасьев, О.В. Баулин, И.Н. Лукьянова и др.; под ред. М.А. Фокиной. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2019. – 656 с.

4. Мурадьян Э.М. Истина как проблема судебного права. – М.: Былина, 2002. – 287 с.

5. Яблочков Т.М. Учебник русского гражданского судопроизводства, изд. 2-е, доп. // Т.М. Яблочков, прив.-доц. Демид. юрид. лицея. – 2-е изд., доп. – Ярославль: И.К. Гассанов, 1912. – VIII, 327 с.

THE DISTRIBUTION OF THE BURDEN OF PROOF IN CIVIL PROCEEDINGS WHEN THE DEFENDANT DENIES THE CLAIM

Kornilova N.V., Orlova I.V.

V.M. Lebedev Russian State University of Justice, Pacific National University named after M.P. Danilovsky

The article examines the issues of how the court determines the subject matter of proof in a civil case and how the burden of proof is distributed when the parties take an active or passive stance in the case, raise various types of objections, and do not refer to legal facts that are relevant to resolving the case on its merits. Using examples from judicial practice, the article assesses the position of the court, which requires the defendant, who takes a position of denial in the case, to provide evidence of legal facts relevant to resolving the case on its merits. The article argues that the defendant is obliged to comply with the court's requirement to submit evidence in support of their objections only if it is obvious to the latter that the plaintiff has proven the legal facts they relied on in support of their claims (i.e., there is an object to refute).

Keywords: the principle of adversarial proceedings; legal fact; judicial evidence; the subject of proof in the case; a court of general jurisdiction.

References

1. Vas'kovsky E.V. Textbook of Civil Procedure. – Moscow: Bashmakov Brothers, 1914. – 571 p.).

2. Ilyukhin A.P. Distribution of the Burden of Proof in Civil Procedure Taking into Account the Presumptions of Good Faith Actions and Bad Faith Omissions // Rossiyskiy sud. – 2024. – No. 7. – Pp. 2–6.

3. Course in Evidence Law: Civil Procedure. Arbitration Procedure. Administrative Proceedings / S.F. Afanasyev, O.V. Baulin, I.N. Lukyanova et al.; edited by M.A. Fokina. 2nd ed., revised and enlarged. – Moscow: Statut, 2019. – 656 p.

4. Muradyan E.M. Truth as a Problem of Judicial Law. Moscow: Bylina, 2002. 287 p.

5. Yablochkov T.M. Textbook of Russian Civil Procedure, 2nd edition, suppl. // T.M. Yablochkov, Associate Professor of the Demid Law Lyceum. – 2nd edition, suppl. – Yaroslavl: I.K. Gassanov, 1912. – VIII, 327 p.

Версии и обновления программ для ЭВМ: критерии возникновения нового объекта авторского права и последствия для лицензионных отношений

Свистунов Станислав Олегович,
аспирант, Южно-Российский институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
E-mail: stanislav.svist@gmail.com

Исследуются правовые последствия выпуска правообладателем новой версии программы для ЭВМ. Обосновывается, что техническое обозначение релиза не предрешает возникновение нового объекта авторского права. Критически анализируются функциональный и количественный подходы к установлению творческого характера изменений. Предлагается критерий свободы творческого выбора способа достижения заданной программной цели. Разграничиваются возникновение нового объекта авторского права, распространение ранее предоставленного права использования на новую редакцию программы и наличие обязанности правообладателя предоставить обновление. Делается вывод: если изменения не привели к возникновению нового объекта авторского права, отдельное предоставление права использования именно нового объекта не требуется; вместе с тем это само по себе не порождает у лицензиата права требовать предоставления обновления.

Ключевые слова: программа для ЭВМ, версия, обновление, модификация, переработка, творческий характер, лицензионный договор, сопровождение программного обеспечения.

Введение

В настоящее время практически каждый человек ежедневно взаимодействует с множеством программ для ЭВМ. Большинство таких программ постоянно изменяются: исправляются ошибки, повышается производительность, обеспечивается совместимость, добавляются новые функции. Наиболее наглядно пользователь сталкивается с этим явлением при регулярных обновлениях мобильных приложений на смартфоне. Выпуск и установка новых версий программ для ЭВМ обычно воспринимаются пользователями как исключительно техническое событие, однако с правовой точки зрения это явление порождает ряд вопросов: возник ли новый объект авторского права; распространяется ли ранее предоставленное лицензиату право использования на новую версию; вправе ли лицензиат требовать её предоставления.

Гражданский кодекс РФ понятия версии программы не содержит. В литературе модификация программы обычно анализируется в контексте конфликта правообладателя с третьим лицом, изменившим чужой код. В настоящей статье рассматривается иная ситуация: новую версию выпускает сам правообладатель, а у пользователей действуют лицензии на прежнюю редакцию. Необходимо раздельно решить три вопроса: возник ли новый объект авторского права; распространяется ли ранее предоставленное право использования на новую версию программы; существует ли у правообладателя обязанность предоставить такое обновление. Смешение этих вопросов способно привести как к необоснованно расширительному толкованию исключительного права правообладателя, так и к необоснованному расширению прав, признаваемых за лицензиатом.

Версия программы и самостоятельность объекта

Для целей настоящего исследования под версией программы предлагается понимать идентифицированное состояние программы для ЭВМ на определённый момент времени. Номер версии полезен для индивидуализации предмета договора, но сам по себе не свидетельствует о творческом характере изменений. Поэтому спорна позиция А.И. Савельева, который на вопрос о моменте появления новой производной программы отвечает: «это определяет сам правообладатель» [6] и связывает самостоятельность программы с нумерацией версии. Возникновение нового объекта авторского права не может зависеть от решения правообладателя обозначить релиз как версию «2.0», а не «1.9».

Представляется, что, если новая версия создаётся путём изменения охраняемой формы существующей программы для ЭВМ, такая переработка может привести к двум результатам: возникновению производной программы, если творческие изменения выполнены на основе охраняемой формы прежней программы, либо появлению нетворческой редакции того же объекта. К последнему случаю могут относиться исправление очевидной опечатки в тексте, отображаемом в пользовательском интерфейсе программы для ЭВМ, либо механическое обновление сторонней библиотеки-зависимости до новой версии, если оно не требует изменения созданного автором исходного текста и самостоятельных творческих решений. Даже если при замене библиотеки меняется итоговый объектный код программы для ЭВМ, такое различие само по себе может быть лишь следствием механического включения новой версии чужого компонента. Такое разграничение согласуется с разъяснением Пленума Верховного Суда РФ о том, что переработка произведения предполагает создание нового производного произведения на основе уже существующего [2].

В более ранней практике встречается формальный подход. ФАС Московского округа в постановлении от 11 июня 2013 г. по делу № А40–130312/12–140–876 указал, что обновленная программа может иметь самостоятельную охрану «даже если она является результатом технической переработки» [9]. Позднее требование творческого результата конкретизировано в Определении СКЭС Верховного Суда РФ от 22 ноября 2022 г. № 307-ЭС22–14196 по делу № А56–10049/2019 [3], связавшем оценку творчества с функциональными изменениями, степенью и целью переработки кода. Из указанного подхода следует, что сам по себе факт технического изменения программы недостаточен для автоматического признания возникшей редакции новым охраняемым объектом.

Критерий творчества при создании новой версии

В определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22 ноября 2022 г. № 307-ЭС22–14196 сформулирован специальный ориентир: «В силу специфики программ показателем творческого характера и существенности изменений являются не новизна и оригинальность, как в отношении других творческих объектов авторских прав, а функциональные изменения (добавление новых функций или улучшение существующих функций программы), вытекающие из переработки кода, степени и цели переработки» [3].

В приведённой формулировке можно выделить три обстоятельства, которым Верховный Суд придаёт значение: функциональные изменения, степень переработки и её цель. Функциональные изменения отражают появление новых либо улучшение существующих функций; степень переработки – глубину и масштаб изменений программы; цель переработки – задача или предполагаемый результат, ради достижения которого изменения осуществлялись. Но ни одно из этих обстоятельств не является достаточным само по себе: новая функция может быть шаблонной, значительная переработка – механической, а одна и та же цель может достигаться как творческим, так и технически предопределённым способом. Поэтому указанные обстоятельства следует рассматривать скорее как ориентиры при оценке творческого характера изменений, чем как самостоятельные формальные критерии.

В.О. Калятин справедливо отмечает, что подобный подход создает «иллюзию измеряемости творческих усилий автора техническими показателями продукта» [4]. По его словам, «творческий труд может выражаться не в функционале, а, например, в большей стабильности, скорости работы. С другой стороны, расширение функционала может носить чисто формальный характер и не требовать творческих усилий автора» [4]. Следовательно, новая функция не является ни необходимым, ни достаточным признаком творчества: шаблонно добавленная функция может быть нетворческой, тогда как переработка алгоритма без изменения видимого функционала – творческой.

Р.А. Ахобекова предлагает презюмировать творчество при добавлении новой функциональности, существенном изменении существующей функциональности и (или) значимом изменении исходного текста, допуская порог «в размере двадцати процентов и более от исходного текста» [5]. Приведенный числовой порог представляется неудачным критерием, потому что даже небольшая правка может воплощать нетривиальное решение, действительно требующее творческого подхода автора-разработчика, а тысячи строк могут изменяться автоматическим рефакторингом.

Следует также отметить, что статья 1261 Гражданского кодекса РФ охраняет программу в любой форме, включая исходный и объектный код [1]. Гражданский кодекс не содержит определения понятия объектного кода, однако в пункте 3 ст. 1280 ГК РФ описан процесс декомпиляции как преобразование объектного кода в исходный текст. Исходя из этого, можно сделать вывод, что «объектный код» по смыслу ГК РФ представляет собой форму выражения программы, полученную в результате преобразования исходного текста и предназначенную уже не для непосредственного чтения и редактирования человеком, а для исполнения ЭВМ. Объектный код образуется в результате машинного преобразования исходного текста, в частности посредством компиляции.

Кроме того, объем изменений исходного текста не находится в прямой зависимости от объема изменений объектного кода: небольшая правка исходного текста способна повлечь значительное изменение объектного кода программы. Вместе с тем существенные различия в объектном коде могут возникнуть механически – вследствие работы компилятора, изменения параметров сборки или обновления библиотек-зависимостей. Поэтому ни процент изменения исходного текста, ни объем различий объектного кода сами по себе не позволяют сделать вывод о наличии или отсутствии творческого вклада, а объем изменений может рассматриваться лишь как вспомогательный признак творческого характера переработки, но не как самостоятельный критерий.

Не решает вопрос автоматически и перевод программы на другой язык программирования. Закон относит такой перевод к модификации [1], однако автоматическая трансляция может не требовать самостоятельного творческого вклада человека, а ручной перенос – требовать заново выбирать структуры данных и архитектурные решения. Возможна и независимая реализация той же функциональной идеи без использования охраняемой формы первоначальной программы, в том числе её кода. Следовательно, смена языка сама по себе не доказывает ни творчества, ни производного характера результата.

Также нельзя считать неохраняемым исходный текст, реализующий алгоритм, лишь потому, что решаемая задача носит технический характер, как предлагает Р.А. Ахобекова применительно к отдельным низкоуровневым элементам [5]. Авторско-правовая охрана не распространяется на лежащую в основе алгоритма идею, принцип или метод решения задачи (п. 5 ст. 1259 ГК РФ) [1], однако конкретное выражение такого решения в программном коде может охраняться авторским правом. Следует выяснять не технический характер задачи вообще, а то, предопределяли ли требования конкретную форму решения. Если стандарт или техническое задание задают только результат, оставляя выбор алгоритма, структур данных, последовательности операций, обработки ошибок и оптимизации, реализация может содержать творческий вклад. О технической предопределённости обоснованно говорить, когда требования фактически определяют способ реализации, оставляя единственное решение либо несколько технически эквивалентных вариантов, выбор между которыми не предполагает самостоятельного творческого усмотрения.

Представляется более обоснованным критерий свободы творческого выбора способа достижения заданной программной цели. Сначала определяется цель изменения – исправление ошибки, ускорение, новая функция, обеспечение совместимости и т.п., затем устанавливается, насколько способ ее достижения был технически предопределен. Если способ достижения цели не был однозначно предопределён техническими условиями, разработчик располагал реальным пространством выбора и реализовал в его пределах самостоятельное решение, не сводящееся к механическому применению рутинного или стандартного технического приёма, воплотив это решение в охраняемой форме программы для ЭВМ, имеются основания говорить о творческом вкладе. Творческий вклад может проявляться не только в выборе способа реализации отдельных решений, но и в самостоятельной архитектурной организации программы, в том числе в сочетании уже известных технических решений. Если же конкретное изменение полностью предопределено обязательным техническим требованием либо выполняется автоматически, пространство для творческого выбора применительно к такому изменению, как правило, отсутствует.

При таком подходе функциональные изменения, степень и цель переработки сохраняют доказательственное значение: функциональные изменения позволяют установить, изменился ли результат работы программы, появились ли новые функции либо были усовершенствованы существующие, степень – масштаб вмешательства, а цель помогает выявить технические ограничения и доступные альтернативы. Отдельный критерий «уникальности» также не требуется: авторское право не устанавливает новизну результата в качестве условия его охраноспособности; значение имеет самостоятельное творческое выражение в итоговой версии.

Новая версия программы для ЭВМ и права лицензиатов прежней редакции

Объектная квалификация версии не предрешает положение лицензиата. По статье 1235 ГК РФ право предоставляется «в предусмотренных договором пределах», а прямо не указанное право использования не считается предоставленным [1]. Поэтому необходимо различать право использовать объект и обязательственное право получить от лицензиара файл обновления, новый экземпляр, ключ доступа либо услугу по установке.

С точки зрения влияния выпуска новой версии на ранее возникшее лицензионное правоотношение для целей анализа можно условно выделить три модели. При нейтральной модели выпуск новой версии не изменяет объем ранее предоставленного права: право использования прежней версии сохраняется в ранее согласованных пределах. При замещающей модели после наступления предусмотренного договором события право использования прежней версии прекращается либо ограничивается, а предоставленное право начинает распространяться на новую версию. При расширяющей модели право использования дополнительно распространяется на новую версию при сохранении права использования прежней.

Если соответствующий механизм согласован заранее, выпуск или предоставление новой версии выступает предусмотренным договором юридическим фактом, влекущим заранее согласованные последствия. В отсутствие такого условия сам по себе выпуск новой версии правообладателем не изменяет содержание лицензионного договора и объём ранее предоставленного права использования. Если же нового объекта нет, точнее говорить не о замене объекта авторского права, а о замене либо дополнении договорно индивидуализированной редакции того же объекта.

Если творческие изменения привели к созданию производной программы, право использования, предоставленное только в отношении первоначальной программы, по общему правилу не распространяется автоматически на новый объект. Иное возможно, когда договор заранее предусматривает механизм распространения права использова-

ния на последующие версии по мере их создания и индивидуализации. Номер версии при этом может подтверждать намерение сторон разграничить или идентифицировать конкретные версии (редакции) программного продукта, но не заменяет установления нового охраноспособного результата.

Если изменения не носят творческого характера и нового произведения не возникло, ситуация иная. А.И. Савельев допускает, что исправления ошибок, устранение уязвимостей и оптимизация могут «прирастать» к первоначальной программе [6]. При лицензии на программу без ограничения конкретной редакцией новое исключительное право в отношении такого исправления не возникает, поэтому такое обновление само по себе не требует предоставления права использования нового объекта авторского права. Вместе с тем возможность использования иной редакции программы конкретным лицензиатом по-прежнему зависит от содержания заключённого с ним договора. Если в лицензионном договоре программа, право использования которой предоставляется лицензиату, индивидуализирована посредством указания конкретной версии, последствия выпуска новой версии должны определяться путём толкования условий договора.

При этом право использовать обновление не равно праву требовать его передачи. Отсутствие нового объекта не создает обязанности разрабатывать и бесплатно передавать исправления лицензиатам, использующим предыдущую версию программы. К.И. Рябов отмечал: «Большинство программ не „застывший“, а развивающийся объект» и называл «оптимальной юридической формой» предоставления прав на обновления соглашение о сопровождении [7], которое и может определить период, состав и цену обновлений.

Статья 1280 ГК РФ в установленных ею пределах позволяет правомерному пользователю вносить изменения исключительно в целях обеспечения функционирования программы на технических средствах пользователя и исправлять явные ошибки [1], но не содержит обязанности правообладателя внести изменения и предоставить исправленную версию. Вопрос о наличии такой обязанности должен решаться с учётом условий договора и общих правил о надлежащем исполнении возникшего обязательства. А.А. Стебаев отмечает, что «надлежащее качество программы проверяется на соотношение реального (фактического) функционала программы с тем, который определим исходя из условий договора» [8]. Если обновление лишь приводит программу к согласованной функциональности, его предоставление может быть способом надлежащего исполнения независимо от появления нового объекта.

Исправление ошибки не следует заранее считать нетворческим: устранение сложной уязвимости, ошибки синхронизации параллельных процессов или дефекта программной архитектуры может требовать свободы творческого выбора при неизменном пользовательском функционале. Если обязанность устранить недостаток уже вытекает из договора, возникновение нового объекта не освобождает лицензиара от исполнения. Сам по себе выпуск новой версии также не прекращает ранее предоставленное право использования прежней версии и не предоставляет лицензиату право на использование новой версии, если договором не установлено иное.

Заключение

Таким образом, номер версии – технический и договорный идентификатор, но не правообразующий критерий. Новый объект возникает при наличии самостоятельного творческого вклада, воплощённого в охраняемой форме программы для ЭВМ. Предложенный критерий свободы творческого выбора позволяет оценивать, был ли способ достижения программной цели предопределен техническими условиями либо разработчик имел реальный выбор и воплотил его в охраняемой форме.

Для лицензионных отношений необходимо различать возникновение нового объекта, пределы предоставленного права и обязанность передать обновление. Новая версия, являющаяся новым производным объектом авторского права вследствие творческой переработки первоначальной программы, требует наличия договорного или иного законного основания для её использования; нетворческое обновление не создает нового исключительного права, однако наличие права требовать его предоставления определяется условиями договора и общими требованиями о надлежащем исполнении обязательств. В зависимости от условий лицензионного договора выпуск или предоставление новой версии может не затронуть объём ранее предоставленного права использования, привести к замене охватываемой им версии либо расширить его действие на новую версию.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».
3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22.11.2022 № 307-ЭС22–14196 по делу № А56–10049/2019.
4. Калятин В.О. К вопросу о переработке программы для ЭВМ и базы данных // Роль суда в регулировании экономической деятельности. Часть 2: сборник научных статей. М.: Русайнс, 2024. С. 47–54.
5. Ахобекова Р.А. Пределы гражданско-правовой охраны программы для ЭВМ и ее модификации: автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2026.
6. Савельев А.И. Правовые аспекты разработки и коммерциализации программного обеспечения. М.: Статут, 2024. 620 с.
7. Рябов К.И. Исключительное право на программу для ЭВМ и распоряжение им: автореф. дис. канд. юрид. наук. СПб., 2011. 22 с.
8. Стебаев А.А. Качество программного обеспечения как условие лицензионного договора // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2024. № 3 (55). С. 81–91.
9. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 11.06.2013 № Ф05–5359/13 по делу № А40–130312/12–140–876.

VERSIONS AND UPDATES OF COMPUTER PROGRAMS: CRITERIA FOR THE CREATION OF A NEW COPYRIGHT-PROTECTED WORK AND IMPLICATIONS FOR LICENSING RELATIONSHIPS

Svistunov S.O.
South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This article examines the legal consequences of the release of a new version of a computer program by the right holder. It is argued that the technical designation of a release does not, in itself, determine whether a new copyright-protected work has been created. Functional and quantitative approaches to determining the creative nature of modifications are critically analyzed. A criterion based on the freedom of creative choice as to the means of achieving a specified programming objective is proposed. The article distinguishes between the creation of a new copyright-protected work, the extension of a previously granted right of use to a new version of the program, and the existence of an obligation on the part of the right holder to provide an update. It concludes that, where the modifications have not resulted in the creation of a new copyright-protected work, a separate grant of the right to use a new work is not required; however, this fact alone does not give the licensee the right to demand that the update be provided.

Keywords: computer program, version, update, modification, adaptation, creative character, license agreement, software maintenance.

References

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».
3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22.11.2022 № 307-ЭС22–14196 по делу № А56–10049/2019.
4. Калятин В.О. К вопросу о переработке программы для ЭВМ и базы данных // Роль суда в регулировании экономической деятельности. Часть 2: сборник научных статей. М.: Русайнс, 2024. С. 47–54.
5. Ахобекова Р.А. Пределы гражданско-правовой охраны программы для ЭВМ и ее модификации: автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2026.
6. Савельев А.И. Правовые аспекты разработки и коммерциализации программного обеспечения. М.: Статут, 2024. 620 с.
7. Рябов К.И. Исключительное право на программу для ЭВМ и распоряжение им: автореф. дис. канд. юрид. наук. СПб., 2011. 22 с.
8. Стебаев А.А. Качество программного обеспечения как условие лицензионного договора // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2024. № 3 (55). С. 81–91.
9. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 11.06.2013 № Ф05–5359/13 по делу № А40–130312/12–140–876.

Личный закон юридического лица при изменении государственной принадлежности территории: частноправовые пределы автоматической трансформации корпоративного статута

Султанов Каранай Абдулмаджидович,
аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
E-mail: karanaysultanov@gmail.com

Султанов Абдулмаджид Магомедсултанович,
судья Арбитражного суда Херсонской области

Исследуется момент смены личного закона ранее созданного юридического лица при изменении государственной принадлежности территории. Цель работы – определить частноправовые пределы такой трансформации и системно реконструировать переходные модели 2014 и 2022 годов. Применены формально-юридический и системный методы, функциональное сопоставление норм и анализ опубликованных судебных актов. Установлено, что территориальное событие само по себе не изменяет lex societatis: до предусмотренного специальной нормой переключающего факта сохраняется инкорпорационная привязка статьи 1202 ГК РФ. В исследованных режимах таким фактом служит запись в ЕГРЮЛ; пункт 2 статьи 19.1 не вызывает второй смены личного закона, а пункт 7 является специальным коллизионно-временным правилом. Новизна состоит в единой прикладной реконструкции условий маршрута, доказательств и переключающего факта и в предложенном алгоритме определения применимого корпоративного права. Результаты применимы в корпоративных спорах и при толковании переходного законодательства. Сделан вывод о работоспособности действующего регулирования; узкая общая оговорка предложена факультативно de lege ferenda.

Ключевые слова: личный закон юридического лица; корпоративный статут; международное частное право; теория инкорпорации; коллизионно-временное регулирование; изменение личного закона; ЕГРЮЛ; государственная регистрация.

Введение: постановка вопроса

Изменение государственной принадлежности территории обычно обсуждается через суверенитет, компетенцию и переходные режимы, однако такой ракурс не решает судьбу частноправовых субъектов. Правосубъектность и внутреннее устройство юридического лица опираются не просто на место его деятельности или имущества, а на правопорядок создания. Поэтому одного территориального события недостаточно, чтобы организация, учрежденная по праву одного государства, стала субъектом другого правопорядка: иначе пространство публичной власти отождествлялось бы с правовой принадлежностью участника оборота.

Вопрос о сохранении или смене личного закона имеет практическое значение: от него зависят правоспособность, действительность решений органов и полномочия руководителя. Обязательственный, вещный, банкротный и процессуальный статуты определяются отдельно и обозначают границы исследования.

В отечественной доктрине разработаны общие вопросы личного закона и соотношения критериев инкорпорации и оседлости[1]. Среди современных работ обстоятельный анализ коллизионного регулирования статуса юридических лиц предложен А.В. Асосковым[2]. Специальная дискуссия, однако, уже охватывает и смену lex societatis при переходном регулировании.

Наиболее близка к теме статья Н.Е. Кантор: в ней уже рассмотрены реестровый момент смены личного закона, административный и заявительный маршруты статьи 19.1, действие прежнего корпоративного права до записи, последующая адаптация документов и сопоставление моделей 2014 и 2022 годов. Р.Ю. Колобов применительно к статье 19 связывает возникновение российского личного закона с записью в ЕГРЮЛ и показывает, что сохранение юридической личности не исключает смены личного закона[3]. Эти положения как таковые не заявляются новым результатом. В сопоставленных работах вместе с тем не найдены единая формальная декомпозиция пунктов 1, 2, 3 и 7 статьи 19.1, самостоятельное разграничение условий маршрута, доказательств и переключающего факта, а также предлагаемый здесь пошаговый алгоритм.

Цель работы состоит в определении частноправовых пределов автоматической трансформации личного закона при территориальном переходе. Исследование основано на формально-юридическом и системном толковании статьи 1202 ГК РФ, статей 19 и 19.1 Федерального закона № 52-ФЗ и связанных регистрационных правил. Публично-правовые аспекты рассматриваются лишь в объеме, необходимом для постановки проблемы.

Научный результат состоит в авторской системной и прикладной реконструкции двух переходных моделей в пределах сопоставления с работами Н.Е. Кантор и Р.Ю. Колобова. Она объединяет функции пунктов 1, 2, 3 и 7 статьи 19.1, разграничение субъектного охвата, условий, доказательств и переключающего факта, а также последующую адаптацию документов. Действия по пункту 2 рассматриваются как адаптация после смены личного закона, а предложенный алгоритм позволяет определить статут конкретного корпоративного отношения и отделить последствие записи от предшествующих обстоятельств.

Статья 1202 ГК РФ и пределы территориального автоматизма

Исходное правило российского международного частного права закреплено пунктом 1 статьи 1202 ГК РФ:[4] личным законом считается право

[1] См.: Лунц Л.А. Курс международного частного права: в 3 т. М.: Спарк, 2002.

[2] См.: Асосков А.В. Правовые формы участия юридических лиц в международном коммерческом обороте. М.: Статут, 2003; Он же. Основы коллизионного права. М.: Инфотропик Медиа, 2012.

[3] См.: Кантор Н.Е. Изменение личного закона юридических лиц (lex societatis) в новых субъектах Российской Федерации (ссылка на статью в целом); Колобов Р.Ю. Изменение национальности и личного закона юридического лица (к вопросу о международных компаниях). О реестровом моменте возникновения российского личного закона см.: с. 33; о сохранении юридической личности при смене личного закона – с. 36.

[4] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): Федеральный закон от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ.

страны, где учреждено юридическое лицо. Исключения законодатель оформил не общей отсылкой к специальному регулированию, а поименным указанием Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 124-ФЗ[1] и Федерального закона «О международных компаниях»[2]. Поименная конструкция прямо не отражает более позднюю статью 19.1 Закона № 52-ФЗ и сохраняет прежнее наименование Закона № 290-ФЗ. В рамках системного толкования это не образует материального пробела: статья 1202 сохраняет значение общего инкорпорационного правила, а пункт 7 статьи 19.1 – специального коллизионно-временного правила, устанавливающего для переходной группы момент смены личного закона.

Критерий учреждения имеет материально-правовое основание: в российской регистрационной модели самостоятельный субъект возникает после предусмотренных правом учредительных действий и государственной регистрации[3]. Формула «право страны, где учреждено юридическое лицо» связывает организацию не с географией деятельности, а с правопорядком, признавшим ее возникновение. Личный закон фиксирует эту связь; последующая смена территориальной юрисдикции не создает организацию заново, и исходная привязка сохраняется, пока специальная норма не установит иной переключающий факт.

Инкорпорационному критерию противопоставляется теория оседлости (Sitztheorie), ориентированная на место органов управления или центр деятельности. Российское право следует инкорпорационному подходу: изменение фактических связей и территориальный переход без нового учреждения сами по себе личный закон не меняют[4].

Содержание корпоративного статута раскрыто в пункте 2 статьи 1202. Он охватывает статус организации как юридического лица, организационно-правовую форму, создание, реорганизацию и ликвидацию, правоспособность, порядок приобретения прав и обязанностей, внутренние отношения, способность отвечать по обязательствам и ответственность участников. Корпоративный статут обозначает круг вопросов, определяемых личным законом; эти понятия связаны, но не являются полными синонимами. Личный закон не поглощает вещный, обязательственный, банкротный и процессуальный статуты и не заменяет их самостоятельного определения.

Пленум Верховного Суда РФ разъяснил: юридический статус иностранного лица определяется по личному закону и подтверждается, как правило, выпиской из официального реестра страны происхождения; сведения о налоговом местонахождении для этого недостаточны[5].

Территориальное событие может изменить публичную юрисдикцию, компетенцию органов и состояние реестров, но само по себе не меняет личный закон. При отсутствии специальной нормы исходный коллизионный вывод из пункта 1 статьи 1202 состоит в продолжении инкорпорационной привязки; специальная норма определяет собственные охват, переключающий факт и момент. Законодатель может избрать иной прямо названный факт, а в статьях 19 и 19.1 им является соответствующая запись в ЕГРЮЛ. Поэтому территориальный переход служит поводом для специального регулирования, но не заменяет коллизионную привязку; соотношение условий, процедуры и момента раскрывают модели 2014 и 2022 годов.

Российское переходное регулирование 2014 и 2022 годов

Российский законодатель дважды урегулировал положение организаций при территориальном переходе нормами Федерального закона № 52-ФЗ[6]. Статьи 19 и 19.1 образуют специальные коллизионно-временные механизмы, различающиеся субъектным охватом и маршрутами. Для их сопоставления необходимо раздельно установить условия применения, регистрационное действие, переключающий факт, момент смены lex societatis и последующую адаптацию документов.

Заявительный юридический состав статьи 19

Статья 19 Закона № 52-ФЗ, введенная Федеральным законом № 124-ФЗ, построена на инициативе самого юридического лица. Организации, имевшие место нахождения постоянно действующего исполнительного органа в Крыму или Севастополе на день территориального перехода, могли привести учредительные документы в соответствие с российским законодательством и обратиться с заявлением о внесении сведений в ЕГРЮЛ. Территориальная принадлежность была условием применения нормы, но не заменяла заявление и регистрационное действие.

Ключевое коллизионное правило содержится в пункте 5 статьи 19: охваченные им юридические лица приобретают права и обязанности российских организаций с момента внесения записи в ЕГРЮЛ, при этом их личным законом становится право Российской Федерации. Личный закон менялся не в день территориального перехода, а при внесении записи. Пока она отсутствовала, продолжала действовать привязка к праву государства учреждения, хотя публично-правовой режим территории уже был иным.

Пункт 7 статьи 19 прямо исходил из иностранного статуса организаций, не обратившихся с заявлением: в России они могли работать только через филиал или представительство иностранного юридического лица, оформленные в установленном порядке. Следовательно, до завершения процедуры законодатель не считал их российскими организациями; территориальная связь не преобразовывала их статус без предусмотренного статьей 19 регистрационного факта.

Согласно пункту 6 статьи 19 внесение сведений в ЕГРЮЛ не являлось реорганизацией, не влекло прекращения или ликвидации и исключало применение правил статьи 60 ГК РФ. Законодатель избрал модель сохранения идентичности, а не создания нового субъекта. Поэтому тот же субъект сохранял юридическую личность, но с момента записи переходил под новый личный закон. Продолжение прежней привязки относится к периоду до переключающего факта, а сохранение юридической личности – к судьбе субъекта через состоявшуюся смену lex societatis.

Неоднородная структура статьи 19.1

Статья 19.1, введенная Федеральным законом от 21 ноября 2022 г. № 451-ФЗ[7], использует несколько маршрутов, различающихся способом первоначального внесения и ролью волеизъявления организации. Поэтому весь режим 2022 года нельзя описывать как единую административную модель ex officio и переносить признаки одного пункта на другие.

Пункт 1 статьи 19.1 предусматривал первоначальное административное внесение в ЕГРЮЛ до 31 декабря 2022 г. сведений об организациях, отвечавших территориальному критерию, на основании ранее созданных реестров. Заявление не требовалось, поэтому характеристика ex officio относится именно к этой стадии. По сообщению ФНС России, сведения были внесены 5 декабря 2022 г.[8]

Пункт 2 регулирует последующую адаптацию документов и сведений организаций, уже внесенных по пункту 1, а не самостоятельный маршрут первоначального внесения. Пункт 3 устанавливает первоначальный заявительный маршрут для организаций, отвечавших территориальному критерию, но отсутствовавших в реестрах; регистрации предшествуют заявление и проверка предусмотренных обстоятельств. К этому маршруту и форме № Р18003 относятся дела «Посейдон-Д» и «Агростеп».

Отсутствие волеизъявления характеризует только первоначальное внесение по пункту 1; пункт 2 регулирует адаптацию, а пункт 3 – заявительное внесение. В последнем случае проверяются субъектные условия, полномочия заявителя, юридическая сила решения, территориальный критерий и достоверность сведений. Условия определяют доступ к маршруту, а документы доказывают их соблюдение, но не становятся самостоятельными элементами смены lex societatis. Смешение этих элементов искажает оценку процедуры и проверяющих ее судебных актов.

Пункт 7 статьи 19.1 является специальным коллизионно-временным правилом: для переходной группы российское право становится личным законом с записью в ЕГРЮЛ об организациях пун-

2001. № 49. Ст. 4552.

[1] О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» и статью 1202 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 05.05.2014 № 124-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 19. Ст. 2304.

[2] Действующая редакция пункта 1 статьи 1202 ГК РФ сложилась в результате изменений, внесенных Федеральными законами от 05.05.2014 № 124-ФЗ и от 03.08.2018 № 292-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 32 (ч. I). Ст. 5085.

[3] См.: О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3431.

[4] О конкуренции критериев см.: Асосков А.В. Основы коллизионного права. М.: Инфотропик Медиа, 2012.

[5] Пункты 19 и 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 8.

[6] О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.1994 № 52-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3302.

[7] О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»: Федеральный закон от 21.11.2022 № 451-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211210013 (дата обращения: 26.07.2026).

[8] Письмо ФНС России от 16.12.2022 № КВ-4–14/17118@ «О внесении в ЕГРЮЛ ЮЛ новых территорий».

ктов 1 и 3. В первом случае запись административная, во втором ей предшествуют заявление и проверка. Последующая адаптация по пункту 2 совершается уже в пределах российского lex societatis и второй смены не образует; момент смены определяет дата записи, а не территориального события.

Смена lex societatis по пунктам 1 и 3 функционально сопоставима с редомициляцией при сохранении субъекта, но отличается переходным основанием и, для пункта 1, отсутствием волеизъявления; терминологическая квалификация не меняет предусмотренные маршрут и момент[1].

Переходный режим учредительных документов

Абзац второй пункта 7 статьи 19.1 допускает временное применение прежних учредительных документов в части, не противоречащей российскому законодательству. После записи в ЕГРЮЛ российское право уже является личным законом, но внутренние отношения временно продолжают опираться на документы, созданные по правилам другого правопорядка. Их действие признается новым lex societatis и ограничивается требованием непротиворечия ему.

Прямо установленные первоначальные сроки статьи 19 истекли: общий заявительный срок – 01.03.2015, срок для крестьянских (фермерских) хозяйств – 01.07.2015, срок для религиозных организаций – 01.01.2016; норма сохраняет интертемпоральное значение для последствий ранее состоявшегося либо несостоявшегося перехода. Срок административного внесения по пункту 1 статьи 19.1 истек 31.12.2022, а общие сроки по пунктам 2 и 3–31.12.2025. Продление до 15.03.2027 относится только к прямо названным религиозным организациям и организациям на частях соответствующих территорий, где объективно не было возможности соблюсти общий порядок; предусмотренные действия различаются по абзацам пунктов 2 и 3[2]. Для анализа принципиально несовпадение двух моментов: смена личного закона наступает при записи в ЕГРЮЛ, тогда как полная адаптация документов может завершиться позднее. Переходное действие прежних документов не означает продолжения прежнего lex societatis после регистрации.

Само истечение срока или невыполнение последующей адаптации организацией, уже внесенной по пункту 1, не влечет автоматического восстановления прежнего личного закона: пункт 9 статьи 19.1 предусматривает процедуру исключения такой организации из ЕГРЮЛ в порядке Федерального закона № 129-ФЗ, а просрочка не тождественна уже состоявшемуся исключению. Для невнесенных организаций пункта 3 пункт 10 статьи 19.1 связывает дальнейшую деятельность в России с приобретением статуса филиала или представительства; у этой группы российский личный закон по пункту 7 ранее не возник. Последствия фактически состоявшегося исключения из ЕГРЮЛ в статье не исследуются[3].

Результат сопоставления

Сопоставление показывает различие заявительной модели статьи 19 и двух способов первоначального внесения по статье 19.1 при едином для исследуемых режимов переключателе – предусмотренной записи в ЕГРЮЛ. Пункт 2 регулирует последующую адаптацию, пункт 7 – момент смены личного закона; условия и доказательства маршрута не совпадают с записью, а адаптация – со сменой lex societatis.

Специальные нормы действуют только в собственном субъектном и временном диапазоне и не создают общего требования регистрации для любой будущей смены личного закона. Их системное значение – разграничение общей инкорпорационной привязки и специальных коллизионно-временных механизмов; судебные материалы проверяют лишь отдельные элементы в пределах предмета и процессуального статуса каждого акта.

Судебная практика: применение прежнего корпоративного права и проверка переходной регистрации

Судебные акты отобраны по их функции в проверке отдельных элементов модели; они не составляют исчерпывающего обзора и не используются как доказательство сложившейся практики.

Модель 2014 года

В деле № А84–4612/2016 решение общего собрания от 11 февраля 2015 г. предшествовало переходной регистрации 19 февраля 2015 г. Суды применили к спорному корпоративному отношению украинское материальное право, поскольку решение принималось в украинском юридическом лице до регистрации в ЕГРЮЛ[4]. Судебные акты устояли в апелляции и кассации; изменяющего результат акта Верховного Суда РФ по состоянию на 13 августа 2026 г. не выявлено. Это прямой пример применения предшествующего корпоративного статута, но не формулировка авторской коллизионно-временной модели.

Дело № А84–1126/2014 показывает предел такой аргументации. Первая инстанция 28 мая 2015 г. признала украинское право личным законом должника и прекратила производство, выводя невозможность российского банкротства. Апелляция отменила определение и направила дело на новое рассмотрение; кассация сохранила этот результат, а Верховный Суд РФ отказал в передаче жалобы[5]. Следовательно, вывод о личном законе содержался в отмененном акте: вышестоящие суды устранили связанное с ним банкротное последствие, не сформулировав противоположной общей позиции о российском lex societatis. После нового рассмотрения должник был признан банкротом, а в 2019 г. производство прекращено после удовлетворения требований кредиторов.

Заявительный маршрут 2022 года

В деле «Агростеп» № А88–5/2025 первая инстанция при проверке регистрации по пункту 3 применила украинские корпоративные нормы к дорегистрационному решению и российские правила о ничтожности, не формулируя самостоятельной позиции о личном законе. По состоянию на 13 августа 2026 г. решение от 8 июня 2026 г. было обжаловано и не вступило в силу[6].

В деле «Посейдон-Д» № А88–185/2024 суд проверил территориальное условие, полномочия и достоверность документов по пункту 3, но общей позиции о личном законе не сформулировал. На 13 августа 2026 г. решение было оставлено без изменения апелляцией и вступило в силу, кассация не завершена[7].

Ограниченной иллюстрацией служит решение первой инстанции по делу № А86–552/2024, в котором украинские корпоративные нормы применены к внутреннему отношению организации, учрежденной по праву Украины и не прошедшей российскую перерегистрацию[8].

Коллизионно-временное разграничение и квалификационная модель

Полученная реконструкция выражает правило сохранения инкорпорационной привязки к праву государства учреждения до специального пере-

[1] См.: О международных компаниях и международных фондах: Федеральный закон от 03.08.2018 № 290-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 32 (ч. I). Ст. 5083; Ищенко И.Д. Сравнительно-правовой анализ редомициляции в России и за рубежом: насколько эффективна российская модель? // Вестник экономического правосудия. 2021. № 9. С. 94–135.

[2] См.: статья 19 и пункты 1–3 статьи 19.1 Федерального закона № 52-ФЗ в редакции Федерального закона № 513-ФЗ. По пункту 2 до 15.03.2027 продлены: адаптация документов религиозными организациями ДНР/ЛНР; адаптация и заявление религиозными организациями Запорожской и Херсонской областей; адаптация при первом изменении сведений организациями пункта 1 на частях всех четырех территорий при объективной невозможности соблюсти общий срок. По пункту 3 для отсутствовавших в реестрах религиозных организаций ДНР/ЛНР текст прямо называет приведение документов в соответствие, но не дает без оговорки считать это общим продлением заявления; для соответствующих религиозных организаций Запорожской и Херсонской областей и организаций на частях всех четырех территорий при объективной невозможности названы адаптация и заявление.

[3] См.: пункты 9 и 10 статьи 19.1 Федерального закона № 52-ФЗ; Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ.

[4] См.: постановление Арбитражного суда Центрального округа от 02.02.2018 по делу № А84–4612/2016. С. 4. По состоянию на 13.08.2026 опубликованного акта Верховного Суда РФ, изменяющего результат, не выявлено.

[5] См. судебные акты по делу № А84–1126/2014: определение АС г. Севастополя от 28.05.2015 (рез.ч. 26.05.2015); постановление 21-го ААС от 31.07.2015 № 21АП-1375/2015 (1) (рез.ч. 27.07.2015); постановление АС Центрального округа от 09.11.2015 № Ф10–3747/2015 (рез.ч. 02.11.2015); определение ВС РФ от 15.03.2016 № 310-ЭС16–853; решение АС г. Севастополя от 26.01.2017; определение того же суда от 04.02.2019 (рез.ч. 30.01.2019).

[6] См. судебные акты по делу № А88–5/2025: решение АС Херсонской области от 08.06.2026 (рез.ч. 03.06.2026); определение 21-го ААС от 11.08.2026 по производству № 21АП-5933/2025 (4). Процессуальный статус указан по состоянию на 13.08.2026.

[7] См. судебные акты по делу № А88–185/2024: решение АС Херсонской области от 17.11.2025 (рез.ч. 13.11.2025); постановление 21-го ААС от 21.04.2026 № 21АП-201/2026 (рез.ч. 07.04.2026); определение АС Центрального округа от 12.08.2026 по производству № Ф10–2083/2026. Процессуальный статус указан по состоянию на 13.08.2026.

[8] Решение Арбитражного суда Запорожской области от 18.03.2025 по делу № А86–552/2024. Суд сослался на пункты 3 и 7 статьи 19.1 Федерального закона № 52-ФЗ и статью 1202 ГК РФ, установил учреждение общества по праву Украины и отсутствие российской перерегистрации, применив к внутреннему отношению украинские корпоративные нормы наряду с российскими. Характеристика украинского права как дорегистрационного корпоративного статута следует из мотивировки и является квалификацией материала, а не формулировкой суда. Украинское право не было единственным применимым или самостоятельным основанием отказа: учтены также отсутствие доказательств уведомления, вины и существенного вреда либо затруднения деятельности. Дальнейшая процессуальная судьба решения не установлена; вступление в силу, пересмотр или подтверждение вышестоящими судами не утверждаются.

ключающего факта. Оно отделяет публичное территориальное событие от частноправовой смены статута, но не создает новой коллизионной нормы. При отсутствии специального регулирования исходный коллизионный вывод следует из пункта 1 статьи 1202; при его наличии общая привязка действует до прямо установленного момента. Формула тем самым служит и толкованием против территориального автоматизма.

Исследуемый механизм не тождествен классическому conflit mobile в узком смысле: территориальный переход не изменяет исторического факта учреждения, а смену личного закона производит специальный предусмотренный законом юридический факт, а не автоматическое перемещение исходной инкорпорационной привязки. Вместе с тем в широких типологиях смены статута он функционально сопоставим с мобильным конфликтом[1].

В споре, связанном с территориальным переходом, правоприменитель должен: (1) установить факт и право первоначального учреждения; (2) определить применимое право по статье 1202 ГК РФ и специальному коллизионно-временному правилу; (3) установить маршрут, его условия, запись и дату смены личного закона; (4) при выборе иностранного права установить содержание его норм по статье 1191 ГК РФ[2]. Модель определяет момент смены личного закона после установления исходного правопорядка учреждения; запись в территориальном реестре может иметь значение для охвата маршрутом, но сама не предрешает, по праву какого государства возникло юридическое лицо. Статья 1191 применяется после выбора иностранного права и не определяет государство учреждения. Затем отдельно проверяются иные статуты и российские императивные нормы; эта последовательность не перераспределяет бремя доказывания.

Внутри специального режима раздельно квалифицируются условия маршрута, подтверждающие документы и регистрационное действие. Реестры, территориальная принадлежность, корпоративное решение и полномочия относятся к условиям, документы – к доказательствам. В статьях 19 и 19.1 переключающим фактом является предусмотренная запись в ЕГРЮЛ, а моментом смены – ее дата; судебная проверка нового момента не создает. Для иного режима законодатель может избрать другой факт, поэтому ЕГРЮЛ не является универсальным условием любой смены lex societatis.

Правило действует, пока существует исходный субъект: коллизионная привязка не создает юридическое лицо вопреки праву учреждения. Сохранение юридической личности через смену личного закона означает продолжение того же субъекта, но не неизменность корпоративного статута. Иностранный lex societatis не исключает российских сверхимперативных, процессуальных, банкротных, регистрационных и публично-правовых норм, применяемых самостоятельно.

Пределы квалификационной модели задаются российским международным частным правом. Вопросы иностранной оценки российской записи и иных последствий ее дефектов в настоящей статье не решаются.

Юридико-технические выводы и предложения de lege ferenda

Пункт 1 статьи 1202 использует поименные исключения, но прямо не отражает статью 19.1 Закона № 52-ФЗ и воспроизводит прежнее название Закона № 290-ФЗ. Пункт 2 статьи 3 ГК РФ требует координации норм, однако не делает статью 19.1 неприменимой. Статья 1202 содержит общее инкорпорационное правило, а пункт 7 статьи 19.1 – более позднее специальное коллизионно-временное правило для узкой переходной группы. Их согласование является авторским системным толкованием актов одинаковой юридической силы[3]. Поименная неполнота создает текстуальную неопределенность, но действующее право остается работоспособным.

Сохранение действующего текста допустимо: системное толкование обеспечивает применение статьи 19.1, и срочная поправка не нужна. Обновление поименного перечня устранило бы нынешние дефекты, включая устаревшее название Закона № 290-ФЗ[4], но сохранило бы необходимость новой поправки при каждом специальном режиме; при таком выборе точнее ссылаться непосредственно на статьи 19 и 19.1 Закона № 52-ФЗ.

При технической модернизации предпочтительна узкая общая оговорка: «Личным законом юридического лица считается право страны, где учреждено юридическое лицо, если федеральным законом прямо не установлен иной личный закон такого юридического лица или иной порядок определения его личного закона». Она уже формулы «если иное предусмотрено федеральным законом» и не охватывает любую норму о регистрации, деятельности, имуществе или правоспособности. Новый пункт 1.1 не нужен: он дублирует инкорпорационный критерий, не исправляет перечень и необоснованно универсализирует неоднородные территориальные события.

De lege ferenda имеет факультативный и перспективный характер: отсутствие изменения допустимо, а при будущем обновлении раздела VI ГК РФ узкая общая оговорка предпочтительна из-за устойчивости юридической техники, не из-за неработоспособности действующего права.

Заключение

Изменение государственной принадлежности территории и смена личного закона – разные юридические события: первое определяет публичную юрисдикцию, второе – применимое к статусу и внутреннему устройству организации право. Инкорпорационная привязка статьи 1202 не позволяет вывести второе из одного территориального факта.

Центральный результат – системная и прикладная авторская реконструкция моделей 2014 и 2022 годов в пределах сопоставления с работами Кантор и Колобова. В ней условия охвата и доказательства отделены от маршрута и записи, а смена lex societatis – от последующей адаптации документов. Статья 19 закрепляет заявительную модель; статья 19.1 различает административное и заявительное первоначальное внесение, последующую адаптацию по пункту 2 и устанавливающий момент смены пункт 7. Действия по пункту 2 второй смены не вызывают.

Судебные материалы используются в пределах предмета и процессуального статуса. А84–4612/2016 иллюстрирует применение украинского корпоративного права до переходной регистрации; отмененное определение по А84–1126/2014 ограничивает вывод, поскольку вышестоящие суды не сформулировали противоположной позиции о российском личном законе. А88–5/2025 и А88–185/2024 показывают проверяемость условий заявительного маршрута, но не содержат общего вывода о lex societatis. Авторская реконструкция поэтому отделяется от судебного факта, нормы и непосредственного вывода.

При отсутствии специального переключателя действует статья 1202; специальное регулирование определяет охват, факт и момент нового личного закона. Действующее право работоспособно, поэтому невмешательство допустимо. Если юридико-техническая неполнота поименной отсылки устраняется, предпочтительна узкая общая оговорка; эта условная рекомендация вторична и не создает нового коллизионного критерия.

Литература

1. Асосков А.В. Правовые формы участия юридических лиц в международном коммерческом обороте. М.: Статут, 2003.

2. Асосков А.В. Основы коллизионного права. М.: Инфотропик Медиа, 2012.

3. Ищенко И.Д. Сравнительно-правовой анализ редомициляции в России и за рубежом: насколько эффективна российская модель? // Вестник экономического правосудия. 2021. № 9. С. 94–135.

4. Кантор Н.Е. Изменение личного закона юридических лиц (lex societatis) в новых субъектах Российской Федерации // Хозяйство и право. 2023. № 8. С. 74–90. DOI: 10.18572/0134-2398-2023-8-74-90.

5. Колобов Р.Ю. Изменение национальности и личного закона юридического лица (к вопросу о международных компаниях) // Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. 2018. № 4. С. 31–38. DOI: 10.21639/2313-6715.2018.4.5.

6. Лунц Л.А. Курс международного частного права: в 3 т. М.: Спарк, 2002.

7. Cuniberti G. Rethinking Conflit Mobile: Applying the Law of COMI to Rights in Rem // Private International Law on Rights in Rem in the European Union / Derecho internacional privado sobre derechos reales en la Unión Europea / M. Font-Mas (dir.). Madrid: Marcial Pons Ediciones Jurídicas y Sociales, 2024. P. 477–490. DOI: 10.37417/PILRIRUE/20.

8. Gramlich-Altenburg C. Statutenwechsel und Gerichtsstandswechsel: Die Wandelbarkeit der Anknüpfungen im Internationalen Privatrecht und Zuständigkeitsrecht der Rom I–VO, Rom II–VO und EuGVV O. 1. Aufl. Baden-Baden: Nomos, 2026. 738 S. DOI: 10.5771/9783748969433.

[1] См.: Gramlich-Altenburg C. Statutenwechsel und Gerichtsstandswechsel. P. 68–69, 78–80; Cuniberti G. Rethinking Conflit Mobile: Applying the Law of COMI to Rights in Rem. P. 477–478, 484–485.

[2] См.: статья 1191 ГК РФ; пункт 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24.

[3] См.: пункт 2 статьи 3, пункт 1 статьи 1202 ГК РФ; пункт 7 статьи 19.1 Федерального закона № 52-ФЗ; постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П, п. 2.2. Оно подтверждает лишь общий подход к согласованию актов одинаковой юридической силы.

[4] Наименование изменено Федеральным законом от 26.11.2019 № 378-ФЗ; см. Федеральный закон от 03.08.2018 № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах».

PERSONAL LAW OF A LEGAL ENTITY UPON A CHANGE IN THE STATE AFFILIATION OF A TERRITORY: PRIVATE LAW LIMITS OF THE AUTOMATIC TRANSFORMATION OF THE CORPORATE STATUTE

Sultanov K.A., Sultanov A.M.
Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia

The article examines changes in the personal law of a legal entity when the state affiliation of a territory changes. Its purpose is to reconstruct the transitional models of 2014 and 2022 and define the private-law limits of that transformation. Formal legal and systemic interpretation and judicial decisions show that territorial change does not itself alter lex societatis. Until a special switching fact occurs, Article 1202 of the Russian Civil Code retains its incorporation connecting factor. In the regimes examined, that fact is an entry in the Unified State Register of Legal Entities. Paragraph 2 of Article 19.1 causes no second change; paragraph 7 is a special conflict-of-laws temporal rule. The novelty lies in reconstruction of route conditions, evidence, and the switching fact, supplemented by an algorithm for identifying corporate law. The results may guide corporate disputes and interpretation of transitional legislation. Current law is workable; reform remains optional.

Keywords: personal law of legal entities; corporate statute; private international law; incorporation theory; conflict-of-laws temporal regulation; change of personal law; Unified State Register of Legal Entities; state registration.

References

1. Asoskov A.V. Legal Forms of Participation of Legal Entities in International Commercial Turnover. Moscow: Statut, 2003.

2. Asoskov A.V. Fundamentals of Conflict of Laws. Moscow: Infotropic Media, 2012.

3. Ishchenko I.D. Comparative Legal Analysis of Redomiciliation in Russia and Abroad: How Effective is the Russian Model? // Bulletin of Economic Justice. 2021. No. 9. Pp. 94–135.

4. Kantor N.E. Changes in the Personal Law of Legal Entities (lex societatis) in the New Subjects of the Russian Federation // Business and Law. 2023. No. 8. Pp. 74–90. DOI: 10.18572/0134-2398-2023-8-74-90.

5. Kolobov R. Yu. Changing the Nationality and Personal Law of a Legal Entity (To the Issue of International Companies) // Prologue: Law Journal. 2018. No. 4. Pp. 31–38. DOI: 10.21639/2313-6715.2018.4.5.

6. Lunts L.A. Course in Private International Law: in 3 volumes. Moscow: Spark, 2002.

7. Cuniberti G. Rethinking Conflit Mobile: Applying the Law of COMI to Rights in Rem // Private International Law on Rights in Rem in the European Union / Derecho internacional privado sobre derechos reales en la Unión Europea / M. Font-Mas (dir.). Madrid: Marcial Pons Ediciones Jurídicas y Sociales, 2024, Pp. 477–490. DOI: 10.37417/PIL-RIRUE/20.

8. Gramlich-Altenburg C. Statutenwechsel und Gerichtsstandswechsel: Die Wandelbarkeit der Anknüpfungen im Internationalen Privatrecht und Zuständigkeitsrecht der Rom I–VO, Rom II–VO und EuGVV O. 1. Aufl. Baden-Baden: Nomos, 2026. 738 S. DOI: 10.5771/9783748969433.

Договорное регулирование использования искусственного интеллекта: проблема соотношения действительной и выраженной воли

Тимохин Никита Леонидович,
аспирант кафедры общей юриспруденции ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
E-mail: timohin_nikita@mail.ru

Статья посвящена проблемам договорного регулирования отношений, связанных с использованием искусственного интеллекта при заключении и исполнении гражданско-правовых договоров. Автор обращает внимание на то, что традиционная цивилистическая конструкция сделки, предполагающая единство внутренней воли стороны и её внешнего выражения (волеизъявления), плохо приспособлена к ситуациям, когда волеизъявление формируется не непосредственно человеком, а автономной системой, действующей на основании заданных параметров и результатов самообучения. Рассматриваются дополнительные критерии классификации договоров, опосредующих использование и функционирование систем искусственного интеллекта, – критерий характера исполнения обязательства и критерий оборотоспособности результатов интеллектуальной деятельности. Анализируются возможные подходы к разрешению коллизии между действительной волей стороны, поручившей системе искусственного интеллекта заключение сделки, и содержанием фактически совершённого волеизъявления. Формулируются предложения по адаптации договорного регулирования к отношениям с использованием искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, сделка, воля и волеизъявление, договорное право, автоматизированное заключение договора, оборотоспособность, гражданское право.

Введение

Использование систем искусственного интеллекта на стадии заключения, а нередко и исполнения гражданско-правового договора – от алгоритмического подбора контрагента до автоматизированного формирования условий сделки в сфере электронной коммерции и биржевой торговли – стало элементом повседневного гражданского оборота, что согласуется с обозначенным на государственном уровне курсом на развитие и внедрение технологий искусственного интеллекта [1]. Это ставит перед договорным правом задачу, ранее не имевшую практического значения: определить, кому принадлежит волеизъявление, совершённое не человеком непосредственно, а автономной технической системой, действующей от его имени. Гражданский кодекс Российской Федерации исходит из презумпции тождества внутренней воли стороны сделки и её внешнего выражения [2]; расхождение между ними традиционно рассматривается как порок сделки, влекущий её оспоримость или ничтожность. Однако при использовании искусственного интеллекта подобное расхождение приобретает не эпизодический, а системный характер: параметры, заданные пользователем при настройке системы, и конкретное решение, фактически принятое алгоритмом в момент заключения сделки, могут не совпадать вследствие самообучения системы, изменения рыночных условий либо ограниченной предсказуемости её работы. Настоящая статья ставит целью проанализировать данную коллизию и предложить дополнительные критерии классификации договоров, опосредующих использование искусственного интеллекта.

Дополнительные критерии классификации договоров, опосредующих использование искусственного интеллекта

Существующие классификации гражданско-правовых договоров, построенные на традиционных основаниях (возмездность, направленность обязательства, момент возникновения прав и обязанностей), не позволяют в полной мере отразить специфику отношений, связанных с использованием искусственного интеллекта, на что справедливо обращается внимание и в цивилистической литературе, посвящённой правовой квалификации подобных отношений [3]. Смежная проблема – разграничение правовых режимов взаимодействия человека с автономными техническими средствами – также остаётся предметом активной дискуссии в науке гражданского права [4]. В связи с этим предлагается дополнить существующие классификации двумя критериями.

Первый – критерий характера исполнения обязательства – позволяет разграничить договоры, в которых искусственный интеллект выступает исключительно инструментом исполнения уже согласованного человеком обязательства (например, автоматизированное составление типового договора по заданному человеком шаблону), и договоры, в которых системе искусственного интеллекта делегировано и само формирование содержания обязательства (в частности, определение условий сделки алгоритмом высокочастотной торговли в пределах заданных пользователем границ риска).

Второй – критерий оборотоспособности результатов интеллектуальной деятельности – приобретает значение применительно к договорам, предметом которых выступают результаты, сгенерированные искусственным интеллектом: поскольку правовой режим таких результатов до настоящего времени не определён законодательно, их оборотоспособность и, соответственно, действительность опосредующих её сделок ставятся в прямую зависимость от избранной модели охраны – в частности, от предложенного в цивилистической литературе смежного права лица, организовавшего создание объекта [5, с. 36–38].

Проблема соотношения действительной и выраженной воли

Центральной проблемой договорного регулирования использования искусственного интеллекта выступает соотношение действительной воли стороны и содержания волеизъявления, фактически выраженного алгоритмом от её имени. Дискуссия о возможности рассмотрения искусственного интеллекта не только в качестве объекта, но и в качестве квазисубъекта правоотношения [6] приобретает в этом контексте не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку от ответа на данный вопрос зависит, чьи именно действия – оператора, разработчика или самой системы – следует признавать формирующими волеизъявление по сделке. В доктрине гражданского права воля

традиционно рассматривается как внутренний психический процесс, а волеизъявление – как его внешнее выражение, доступное восприятию контрагента; расхождение между ними по общему правилу разрешается в пользу волеизъявления, поскольку именно оно, а не скрытые намерения стороны, формирует разумные ожидания контрагента по сделке.

Между тем при автоматизированном заключении договора данная презумпция нуждается в уточнении: пользователь системы искусственного интеллекта выражает волю не непосредственно, а опосредованно – через настройку параметров, целевых функций и допустимых границ принятия решения, – в связи с чем во многих случаях затруднительно установить, охватывалось ли конкретное содержание сделки его действительной волей либо являлось непредвиденным результатом работы алгоритма. Автор полагает, что в подобной ситуации целесообразно проводить разграничение по критерию предсказуемости: если содержание сделки находилось в пределах разумно предвидимого диапазона решений, заданного пользователем при настройке системы, действительная воля должна признаваться совпадающей с волеизъявлением, и последствия сделки возлагаются на пользователя; если же содержание сделки вышло за пределы разумно предвидимого диапазона вследствие самообучения системы, к отношениям сторон подлежат применению общие положения о сделках, совершённых под влиянием заблуждения, с учётом объективной специфики распределения риска технологического заблуждения между стороной, эксплуатирующей технологию, и добросовестным контрагентом.

Судебная практика и перспективы законодательного регулирования

Отечественная судебная практика по спорам, связанным с автоматизированным заключением договоров с использованием искусственного интеллекта, пока немногочисленна и касается преимущественно смежных вопросов – оспаривания сделок, совершённых с использованием алгоритмов биржевой торговли, и распределения ответственности за технические сбои автоматизированных систем документооборота. Отсутствие специального регулирования вынуждает суды применять общие положения о сделках и об исполнении обязательств по аналогии, что порождает неопределённость для участников оборота.

В зарубежных правопорядках, ориентированных на комбинированную модель регулирования, выработка специальных правил об автоматизированном волеобразовании также находится на начальной стадии и связывается прежде всего со сфероспецифичным регулированием финансового рынка [7, с. 502–504]. По мнению автора, дальнейшее развитие законодательного регулирования в Российской Федерации целесообразно связывать не с введением общей презумпции о принадлежности волеизъявления пользователю системы искусственного интеллекта, а с дифференцированным регулированием применительно к отдельным категориям договоров – прежде всего в сфере предпринимательской деятельности, где стороны объективно обладают большими возможностями по распределению рисков посредством договорных условий, чем потребители.

Заключение

Использование систем искусственного интеллекта на стадии заключения гражданско-правового договора требует пересмотра классических представлений о единстве воли и волеизъявления, а также дополнения существующих классификаций договоров критериями, отражающими специфику делегирования формирования содержания обязательства автономной технической системе. Предложенное автором разграничение по критерию предсказуемости содержания сделки в пределах разумно заданных пользователем параметров позволяет распределить риски автоматизированного волеобразования между сторонами договора без отказа от базовых цивилистических конструкций. Дальнейшее развитие данного направления регулирования требует накопления судебной практики и, возможно, точечных изменений законодательства применительно к отдельным сферам предпринимательской деятельности, наиболее интенсивно использующим технологии искусственного интеллекта.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

3. Василевская Л.Ю. Искусственный интеллект: проблемы гражданско-правовой квалификации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 5. С. 32–40.

4. Кутейников Д.Л., Ижаев О.А., Лебедев В.А., Зенин С.С. Регулирование взаимодействия человека с автономными техническими средствами: дискуссия о правовых режимах // Lex russica. 2019. № 9. С. 85–95.

5. Калятин В.О. Определение субъекта прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта и его влияние на развитие гражданского законодательства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 4. С. 24–50.

6. Соменков С.А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 2. С. 75–85.

7. Харитонова Ю.С., Савина В.С., Паньини Ф. Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: вопросы этики и права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 53. С. 488–515.

CONTRACTUAL REGULATION OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: THE PROBLEM OF CORRELATION BETWEEN ACTUAL AND EXPRESSED WILL

Timokhin N.L.
Russian State Social University

The article examines the problems of contractual regulation of relations connected with the use of artificial intelligence in the conclusion and performance of civil-law contracts. The author draws attention to the fact that the traditional civil-law construction of a transaction, which presupposes the unity of a party's inner will and its outward expression, is poorly adapted to situations in which the declaration of will is formed not directly by a human being but by an autonomous system operating on the basis of predefined parameters and the results of self-learning. Additional criteria for classifying contracts mediating the use and operation of artificial intelligence systems are considered – the criterion of the nature of obligation performance and the criterion of the transferability of the results of intellectual activity. Possible approaches to resolving the conflict between a party's actual will and the content of the declaration actually made are analysed.

Keywords: artificial intelligence, transaction, will and declaration of will, contract law, automated conclusion of contracts, transferability, civil law.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 490 of 10 October 2019 'On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation'. Collected Legislation of the Russian Federation, 2019, No. 41, art. 5700. (In Russ.)

2. Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ of 30 November 1994. Collected Legislation of the Russian Federation, 1994, No. 32, art. 3301. (In Russ.)

3. Vasilevskaya L. Yu. Artificial Intelligence: Problems of Civil Law Qualification. Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 2023, No. 5, Pp. 32–40. (In Russ.)

4. Kuteynikov D.L., Izhaev O.A., Lebedev V.A., Zenin S.S. Regulation of Human Interaction with Autonomous Technical Means: A Discussion on Legal Regimes. Lex Russica, 2019, No. 9, Pp. 85–95. (In Russ.)

5. Kalyatin V.O. Establishing of Subject of Rights to Intellectual Property Created with Use of Artificial Intelligence. Law. Journal of the Higher School of Economics, 2022, Vol. 15, No. 4, Pp. 24–50. (In Russ.)

6. Somenkov S.A. Artificial Intelligence: From Object to Subject? Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 2019, No. 2, Pp. 75–85. (In Russ.)

7. Kharitonova Yu.S., Savina V.S., Pannini F. Bias of Artificial Intelligence Algorithms: Issues of Ethics and Law. Perm University Herald. Juridical Sciences, 2021, No. 53, Pp. 488–515. (In Russ.)

Проблемы применения искусственного интеллекта в патентном праве

Тихоновский Владимир Юрьевич,
аспирант, Академия труда и социальных отношений
E-mail: vova.ivanov145@yandex.ru

Статья посвящена комплексному анализу проблем, возникающих в сфере патентного права в связи с активным развитием технологий искусственного интеллекта (ИИ). В условиях стремительного роста числа патентных заявок, связанных с ИИ, в работе, с опорой на отечественное законодательство и мировой опыт (включая прецедент системы DABUS), рассматриваются ключевые вызовы: отсутствие у ИИ правосубъектности; сложности определения авторства и распределения прав между разработчиком, оператором и пользователем нейросетей по модели коллективного авторства, а также проблемы адекватной оценки критерия «изобретательского уровня» для решений, сгенерированных алгоритмами. Также поднимаются вопросы деликтоспособности и ответственности за автономное нарушение патентных прав, в том числе обсуждается концепция обязательного страхования таких рисков. Отмечается двойственная роль ИИ, выступающего не только генератором объектов интеллектуальной собственности, но и инструментом их защиты, что сопровождается рисками алгоритмической предвзятости и ложных срабатываний. На основе анализа научной доктрины автор приходит к выводу о необходимости формирования сбалансированного, технологически нейтрального специального правового режима, закрепляющего права за человеком. Это позволит сохранить баланс между стимулированием инноваций и защитой базовых принципов патентной системы в цифровую эпоху.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросеть, патентное право, правосубъектность, критерии патентоспособности, коллективное авторство.

,Введение

Развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) обусловливает вопросы патентного права. В российском регулировании ориентиром выступает Указ Президента РФ от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», закрепляющий понимание ИИ как комплекса технологических решений, позволяющего имитировать когнитивные функции человека и получать результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека либо превосходящие их. Использование ИИ не означает патентоспособности результата. Алгоритмы и программы для ЭВМ как таковые не патентуются, однако созданные с их помощью технические решения и промышленные образцы могут получить охрану при соблюдении условий патентоспособности.

Разграничения требуют статистические показатели. По сведениям Роспатента, в 2024 году зарегистрировано около 1 650 связанных с ИИ программ для ЭВМ и баз данных, за первые 10 месяцев 2025 года их число составило 1 270. Патентными заявками эти показатели не являются. Исследованием IFI Claims охватываются американские заявки на решения в сфере генеративного ИИ: с февраля 2024 по апрель 2025 года зафиксирован их рост на 56% до 51 487. Объединение данных исключается различием объектов охраны, хотя динамика регистрационной и патентной активности подтверждает остроту проблемы.

В центре дискуссии находится место ИИ в патентных правоотношениях. Российским правом автором изобретения, полезной модели или промышленного образца признается гражданин, вследствие чего ИИ не может выступать изобретателем. Правовой квалификации подлежат вклад человека и распределение прав между разработчиком, оператором и пользователем системы.

Цель исследования состоит в анализе вызовов и механизмов их разрешения. Сопоставляются антропоцентричная модель с определением ролей участников и идея специального режима, включая концепцию «интеллектуальной собственности ИИ». Закрепление прав за разработчиком, оператором или пользователем предполагает законодательное основание. Поддержка инноваций должна сочетаться с сохранением фундаментальных правовых принципов и предсказуемости правоприменения. Технологическая нейтральность выражается в применении юридических критериев независимо от особенностей системы ИИ.

Обсуждение

Критерии идентификации алгоритмических систем закреплены Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Когнитивную деятельность технологический комплекс моделирует эвристическим поиском. Заранее прописанных команд нет. Отсюда перестройка логики решения прикладных задач, а выдачей результатов, сопоставимых с продуктами человеческого интеллекта или превосходящих антропоцентричные метрики, вычислительный процесс завершается [2]. Нормативную рамку академический подход переводит в юридическую категорию, отчего искусственному интеллекту теоретические конструкции присваивают статус самостоятельного правового объекта, а способность программы генерировать полноценные объекты интеллектуальной собственности подтверждает автономная выработка ответов [5].

Однако из Указа не вытекают ни правосубъектность системы, ни признание за ней самостоятельного авторства. В патентных правоотношениях ИИ рассматривается как инструмент, а юридическая квалификация определяется человеческим участием и свойствами решения.

Значимость в цифровую эпоху приобретает антропоцентричная природа патентного права. Центральной проблемой выступает установление режима решений, созданных с применением ИИ, включая определение человеческого вклада в их получение. Регулятивный поиск предполагает сочетание стимулирования инноваций с сохранением фундаментальных принципов права и предсказуемости распределения прав.

Практическое выражение дискуссия получила в деле DABUS. В июле 2021 года патентным ведомством Южно-Африканской Республики был выдан патент на контейнер для пищевых продуктов с указа-

нием системы DABUS в качестве изобретателя [6]. Судебное решение отсутствовало. Выдача осуществлялась в регистрационной системе без рассмотрения заявки по существу, что исключает ее квалификацию как судебного прецедента либо подтверждения правосубъектности ИИ. Значимость события определяется первым формальным указанием системы ИИ в качестве изобретателя в выданном патенте. Тем самым проблема вышла за пределы доктринальной дискуссии, а ее актуальность усиливается ростом числа связанных с ИИ патентных заявок в Российской Федерации и за рубежом.

Проблема правосубъектности ИИ сохраняет дискуссионность и применительно к патентным правоотношениям. Российское регулирование не допускает признания системы изобретателем. Согласно статье 1347 Гражданского кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2006 года № 230-ФЗ (далее ГК РФ), автором изобретения, полезной модели или промышленного образца признается гражданин, творческим трудом которого создан соответствующий результат интеллектуальной деятельности [1]. Поэтому юридическое авторство ИИ исключается. Пункт 80 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 года № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» прямо этого вопроса не разрешает, поскольку относится к объектам авторского права. Подтверждение антропоцентрической модели патентного авторства содержится в пункте 116 того же Постановления: автором признается гражданин, творчески участвовавший в создании решения [3]. Различие имеет принципиальное значение, поскольку использование технических средств человеком нельзя приравнивать к самостоятельному созданию результата самим средством.

В доктрине такое понимание представлено, в частности, позицией П.О. Семина. Отказ от признания ИИ субъектом права он обосновывает инструментальным характером соответствующих технологий, вследствие чего наделение системы субъективными правами лишается практического смысла [11]. Отнесение современных разработок к «слабому» ИИ эту позицию дополняет, но не заменяет правового аргумента. Подобные системы способны генерировать новое содержание, хотя работают в пределах заданной архитектуры и на основе полученных данных. Сам факт генерации еще не означает наличия творческого вклада в том смысле, который российское право связывает с авторством. Новизна полученного решения и авторство относятся к разным вопросам. Тем самым техническая способность сформировать новый результат не служит основанием для признания системы изобретателем.

Требование человеческого творческого вклада поддерживает Е.П. Сесицкий [12]. Последствия противоположного подхода исследованы П.М. Мохатом через вопросы деликтоспособности, имущественной правоспособности и наследования прав [8]. Г.Ф. Ручкина связывает предоставление ИИ самостоятельного статуса с необходимостью разработки новых категорий ответственности и соответствующего обновления законодательства [10]. Предстояло бы определить не только принадлежность имущества и пределы ответственности, но также порядок осуществления, передачи и прекращения прав. Реакция права на технологические изменения, однако, не сводится к выбору между отрицанием нового регулирования и признанием ИИ полноценным субъектом. Промежуточным решением может стать специальный режим, подобный предложенной Г.Ф. Ручкиной концепции «интеллектуальной собственности ИИ». В ее рамках система рассматривается как инструмент, а возможными правообладателями выступают разработчик, оператор или пользователь [4]. Для патентных отношений одного указания на роль такого лица недостаточно. Возникновение и переход прав должны определяться законом и договором с учетом творческого вклада гражданина, правил о служебных объектах и правопреемстве.

Отсутствие у ИИ правосубъектности переносит проблему авторства на определение творческого вклада человека в конкретное изобретение. Статья 1347 ГК РФ закрепляет авторство за гражданином, творческим трудом которого создан результат, а статья 1348 ГК РФ связывает соавторство с совместным творческим трудом над одним решением. Специальная методика оценки участия человека при применении ИИ в законе отсутствует. В предложенной И.О. Цыпляевой конструкции система получает значение «высокоинтеллектуального инструмента», тогда как авторство связывается с разработчиком нейросети, владельцем данных или пользователем. Ни одна из названных ролей, однако, не создает авторства автоматически. Разработчик универсального алгоритма может не обладать предметными знаниями и не участвовать в конкретном изобретении, а обучение на чужих данных не подтверждает авторства владельца массива. Для пользователя значение приобретают содержание поставленной задачи, отбор полученных вариантов и последующая доработка технического решения. Предложение признавать разработчика и пользователя соавторами после простого ввода данных, а при существенной переработке результата считать автором только пользователя [13] остается доктринальной моделью. Его применение по действующему праву требует установления реального вклада каждого гражданина. Аналогичное условие действует для «коллективного авторства» А.А. Григоряна, объединяющего разработчиков, операторов и пользователей [4]. Юридической квалификации подлежит характер участия в создании конкретного решения, а не принадлежность лица к определенной группе или условная доля его активности.

Иное содержание имеет проверка «изобретательского уровня» (неочевидности). Статья 1350 ГК РФ требует, чтобы решение для специалиста явным образом не следовало из уровня техники. Способ его получения, включая обработку системой ИИ значительных массивов данных и выявление скрытых закономерностей, не отменяет этой проверки. Оценка охватывает признаки заявленного изобретения, известные сведения и влияние отличительных признаков на технический результат. Поэтому полученное с применением ИИ решение способно соответствовать критерию изобретательского уровня. Данный вывод не означает признания творческого достижения за системой или установления авторства определенного человека. Эти вопросы решаются отдельно. Неопределенность сохраняется в отношении возможного учета общедоступных инструментов ИИ при характеристике знаний и возможностей специалиста, но специального правила на этот случай статья 1350 ГК РФ не предусматривает.

Использование ИИ с нарушением патентных прав также не превращает алгоритм в нарушителя. Поставленный Е.В. Купчиной вопрос касается прежде всего установления лица, которое применяло запатентованное решение либо определяло работу системы. Доступ конечного пользователя к ИИ сам по себе ответственности не образует. Наличие вины, предпринимательский характер деятельности и допустимые меры защиты оцениваются по статье 1250 ГК РФ. Предлагаемое в доктрине страхование ответственности по аналогии со страхованием автогражданской ответственности [7] может распределить риск, однако не отвечает на вопрос о личности нарушителя и не заменяет правового основания ответственности.

В охране интеллектуальных прав ИИ выполняет инструментальную функцию. По наблюдению А.В. Покровской, маркетплейсы используют компьютерное зрение, обработку естественного языка (NLP) и машинное обучение (ML) для обнаружения подозрительных предложений [9]. Автоматизированный анализ текстов, изображений, обозначений и сведений о товарах применяется компаниями Amazon и Alibaba, однако такие средства не следует отождествлять с окончательным установлением нарушения патента. Amazon Patent Evaluation Express (APEX) представляет собой отдельную процедуру нейтральной оценки заявлений о нарушении патентов США на изобретения, а не систему автоматического поиска патентных нарушений. Платформа Alibaba обеспечивает подачу и обработку обращений правообладателей по разным объектам интеллектуальных прав. Сопоставление спорного товара с патентной формулой по-прежнему требует правовой и технической оценки. Автоматизация сохраняет риски ложных срабатываний, алгоритмической предвзятости, утечки данных и ошибок при толковании патентных формул [14].

Заключение

Свести перечисленные трудности к вопросу о признании ИИ изобретателем нельзя. Патентное право сталкивается сразу с несколькими взаимосвязанными задачами: требуется установить реальный человеческий вклад в полученное решение, проверить его «изобретательский уровень», определить владельца прав и лицо, отвечающее за нарушение. Отдельный практический риск связан с массовым созданием технических решений, которые могут стать основой патентных заявок. Общая неопределенность имеет понятное основание. Действующие правила признают изобретателем человека, тогда как часть поиска и разработки теперь выполняют системы ИИ. Поэтому технологическая нейтральность регулирования должна сочетаться с признанием человеческого авторства там, где оно подтверждено, и отказом от автоматического признания автором самой системы.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 25.12.2006, № 52 (1 ч.), ст. 5496

2. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 14.10.2019, № 41, ст. 5700

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета, № 96, 06.05.2019

4. Григорян А.А. Роль искусственного интеллекта в создании объектов интеллектуальной собственности: правовые аспекты и пути регулирования / А.А. Григорян // Человек. Социум. Общество. – 2025. – № 6. – С. 86–93

5. Ересько П.В. Проблемы признания и защиты авторских прав при использовании произведений, созданных с помощью искусственного интеллекта / П.В. Ересько // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2024. – Т. 24, № 4. – С. 448–458

6. Коротченкова М.В. Перспективы наделения искусственного интеллекта статусом субъекта патентного права / М.В. Коротченкова, Ю.В. Комарчева // Бизнес, Менеджмент и Право: Материалы I международной научнопрактической конференции молодых ученых и студентов. Екатеринбург, 2022. – С. 134–139

7. Купчина Е.В. Искусственный интеллект и интеллектуальная собственность: вопросы правового регулирования патентных отношений / Е.В. Купчина // Legal Concept. – 2020. – № 4. – С. 48–54

8. Мохрат П.М. Проблемы патентования изобретений, созданных юнитом искусственного интеллекта / П.М. Мохрат // Закон и право. – 2018а. – № 8. – С. 40–43

9. Покровская А.В. Нарушение патентных прав на маркетплейсах: использование технологий искусственного интеллекта / А.В. Покровская // Пролог: журнал о праве. – 2025. – № 4 (48). – С. 75–87

10. Ручкина Г.Ф. Теория правового регулирования искусственного интеллекта, роботов и объектов робототехники в Российской Федерации: монография / Г.Ф. Ручкина, М.В. Демченко, А.В. Попова и др., под ред. Г.Ф. Ручкиной. – М.: Прометей, 2020. – 296 с.

11. Семин П.О. Правовые аспекты искусственного интеллекта и смежных технологий: права на контент, созданный с помощью машинного обучения / П.О. Семин // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2022. – Вып. 2 (36). – С. 21–33

12. Сесицкий Е.П. Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / Е.П. Сесицкий. – Москва, 2018. – 218 с.

13. Цыпляева И.О. Генеративный искусственный интеллект в патентном праве / И.О. Цыпляева // Современные тренды развития регионов: управление, право, экономика, социум: Материалы XXIII Всероссийской студенческой научнопрактической конференции. – Челябинск, 2025. – С. 209–212

14. Игумнова, К.А. Основные проблемы в обеспечении авторских прав в сети Интернет / К.А. Игумнова, О.В. Гриднева // Экономическая безопасность России: сборник научных статей. – Волгоград, 2022. – С. 90–101.

PROBLEMS OF APPLYING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN PATENT LAW

Tikhonovsky V.Yu.
Academy of Labour and Social Relations

The article is devoted to a complex analysis of problems arising in the field of patent law in connection with the active development of artificial intelligence (AI) technologies. With the number of AI-related patent applications rapidly increasing, and relying on domestic legislation and global experience (including the precedent of the DABUS system), key challenges are being addressed: the lack of legal personality in AI; The difficulty of determining authorship and distribution of rights between developer, operator and user of the network according to the model of collective authorship, as well as the problem of adequately assessing the criterion of "inventive level" for solutions generated by algorithms. There are also questions of delictness and liability for autonomous infringement of patent rights, including the concept of mandatory insurance for such risks. The dual role of AI, acting not only as a generator of intellectual property objects but also as an instrument for their protection, is noted, which is accompanied by risks of algorithmic bias and false actions. On the basis of an analysis of scientific doctrine, the author concludes that it is necessary to form a balanced, technologically neutral special legal regime that enshrines rights for the individual. This would maintain a balance between encouraging innovation and protecting the basic principles of the patent system in the digital age.

Keywords: artificial intelligence, neurose, patent law, legal personality, patentability criteria, collective authorship.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part Four) of 18.12.2006 No. 230-FZ. Sobranie zakonodatel'stva RF [Collection of Legislation of the Russian Federation], 25.12.2006, No. 52 (Part 1), Art. 5496.

2. Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 No. 490 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation". Sobranie zakonodatel'stva RF [Collection of Legislation of the Russian Federation], 14.10.2019, No. 41, Art. 5700.

3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.04.2019 No. 10 "On the Application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation". Rossiyskaya Gazeta, No. 96, 06.05.2019.

4. Grigoryan, A.A. The Role of Artificial Intelligence in Creating Intellectual Property Objects: Legal Aspects and Regulatory Pathways. Chelovek. Sotsium. Obshchestvo [Man. Society. Community], 2025, No. 6, Pp. 86–93.

5. Eresko, P.V. Problems of Recognition and Protection of Copyright in the Use of Works Created with the Help of Artificial Intelligence. Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law, 2024, Vol. 24, No. 4, Pp. 448–458.

6. Korotchenkova, M. V., Komarcheva, Yu.V. Prospects for Granting Artificial Intelligence the Status of a Subject of Patent Law. In: Business, Management and Law: Proceedings of the 1st International Scientific and Practical Conference of Young Scientists and Students. Yekaterinburg, 2022, Pp. 134–139.

7. Kupchina, E.V. Artificial Intelligence and Intellectual Property: Issues of Legal Regulation of Patent Relations. Legal Concept, 2020, No. 4, Pp. 48–54.

8. Morkhat, P.M. Problems of Patenting Inventions Created by an Artificial Intelligence Unit. Zakon i Pravo [Law and Right], 2018, No. 8, Pp. 40–43.

9. Pokrovskaya, A.V. Violation of Patent Rights on Marketplaces: Use of Artificial Intelligence Technologies. Prolog: Journal of Law, 2025, No. 4 (48), Pp. 75–87.

10. Ruchkina, G. F., Demchenko, M. V., Popova, A. V., et al. The Theory of Legal Regulation of Artificial Intelligence, Robots and Robotics Objects in the Russian Federation. Monograph. Ed. by G.F. Ruchkina. Moscow: Prometheus, 2020. 296 p.

11. Semin, P.O. Legal Aspects of Artificial Intelligence and Related Technologies: Rights to Content Created Using Machine Learning. Journal of the Court for Intellectual Rights, 2022, Issue 2 (36), Pp. 21–33.

12. Sesitsky, E.P. Problems of Legal Protection of Results Created by Artificial Intelligence Systems. Candidate of Legal Sciences Thesis: 12.00.03. Moscow, 2018. 218 p.

13. Tsypliaeva, I.O. Generative Artificial Intelligence in Patent Law. In: Modern Trends in Regional Development: Management, Law, Economics, Society: Proceedings of the 23rd All-Russian Student Scientific and Practical Conference. Chelyabinsk, 2025, Pp. 209–212.

14. Igumnova, K. A., Gridneva, O.V. The Main Problems in Ensuring Copyright on the Internet. In: Economic Security of Russia: Collection of Scientific Articles. Volgograd, 2022, Pp. 90–101.

Движение эмиссионных ценных бумаг в гражданско-правовом обороте: соотношение гражданско-правовых сделок и специальных механизмов

Трынкина Дарья Васильевна,
независимый исследователь
E-mail: dasha.132013@yandex.ru

Статья посвящена исследованию правовой природы движения эмиссионных ценных бумаг в гражданско-правовом обороте и определению места гражданско-правовой сделки среди механизмов перехода прав на них. Актуальность исследования обусловлена тем, что законодатель связывает обращение ценных бумаг с заключением гражданско-правовых сделок, однако переход и изменение прав на эмиссионные ценные бумаги осуществляются также посредством эмиссионно-корпоративных и учетных механизмов. На основе анализа законодательства и научных подходов обосновывается необходимость разграничения категории «обращение» и более широкой категории «движение эмиссионных ценных бумаг в гражданско-правовом обороте». Предлагается трехэлементная модель, включающая сделочный, эмиссионно-корпоративный и учетный элементы. Обосновывается положение о том, что гражданско-правовая сделка является основным, но не единственным основанием перехода прав на эмиссионные ценные бумаги. Особое внимание уделено конвертации и приобретению обществом собственных акций

Ключевые слова: эмиссионные ценные бумаги, обращение ценных бумаг, оборот ценных бумаг, движение эмиссионных ценных бумаг, гражданско-правовая сделка.

Введение

Эмиссионные ценные бумаги обладают особым правовым режимом, обусловленным сочетанием частноправовых и публично-правовых начал при первоначальном выходе в оборот и последующем участии в гражданском обороте. Специфика данного режима проявляется в том числе в том, что движение эмиссионной ценной бумаги не ограничивается ее переходом от одного владельца к другому, а включает первоначальное размещение, конвертацию, приобретение обществом собственных акций и иные предусмотренные законом процедуры.

В соответствии с п. 16 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (далее – ФЗ о РЦБ) обращением ценных бумаг признается заключение гражданско-правовых сделок, влекущих за собой переход прав на ценные бумаги. Тем самым законодатель непосредственно связывает обращение с гражданско-правовой сделкой как юридическим основанием перехода прав [1].

В то же время применительно к бездокументарным ценным бумагам законодательство подчеркивает самостоятельное значение учетной процедуры. Согласно ст. 149.2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) права по бездокументарной ценной бумаге переходят к приобретателю с момента внесения лицом, осуществляющим учет прав, соответствующей записи по счету приобретателя. Следовательно, заключение гражданско-правовой сделки и юридически значимый переход прав представляют собой взаимосвязанные, но не тождественные явления [2].

Ограниченность исключительно сделочного подхода еще более очевидно проявляется при анализе конвертации и приобретения акционерным обществом собственных акций. Порядок конвертации в акции определяется решением о выпуске соответствующих конвертируемых эмиссионных ценных бумаг [3], тогда как приобретение обществом размещенных акций осуществляется в рамках специального корпоративного механизма, предусматривающего принятие соответствующего решения, установление количества, категории и цены приобретаемых акций, а в предусмотренных законом случаях – их последующее погашение [3].

Таким образом, возникает научная проблема соотношения легального понятия обращения ценных бумаг и более широкого комплекса юридических механизмов, посредством которых возникают, переходят, изменяются или прекращаются права на эмиссионные ценные бумаги.

Отдельные элементы указанной проблемы уже исследовались в юридической науке. Так, еще Е.А. Клинова рассматривала правовую природу сделок при размещении эмиссионных ценных бумаг и обосновывала понимание размещения как фактического состава, включающего гражданско-правовые сделки и иные юридические факты [4]. В.А. Белов исследовал особенности обращения бездокументарных акций и значение учетной записи для передачи прав. [5]. А.А. Кирилловых обращал внимание, что «гражданско-правовые сделки сопровождают не только обращение ценных бумаг, но также и их размещение, которое органично вписывается в процедуру эмиссии (выпуска ценных бумаг)» [6].

Вместе с тем указанные вопросы преимущественно исследуются применительно к отдельным юридическим конструкциям. При наличии исследований отдельных юридических конструкций комплексное соотношение гражданско-правовой сделки, эмиссионно-корпоративных механизмов и учетных процедур как взаимосвязанных элементов движения эмиссионных ценных бумаг в гражданско-правовом обороте требует дополнительного доктринального осмысления.

Цель настоящего исследования состоит в определении места гражданско-правовой сделки в механизме движения эмиссионных ценных бумаг и разработке доктринальной модели соотношения сделки с иными юридическими механизмами изменения их правового режима.

Научная новизна исследования состоит в обосновании разграничения легальной категории «обращение ценных бумаг» и более широкой доктринальной категории «движение эмиссионных ценных бумаг в гражданско-правовом обороте». В отличие от подхода, сводящего движение ценных бумаг преимущественно к сделочному переходу

прав, предлагается рассматривать такое движение как совокупность взаимосвязанных сделочных, эмиссионно-корпоративных и учетных механизмов, юридическая функция которых различается в зависимости от основания и способа изменения прав на эмиссионные ценные бумаги.

Обращение и движение эмиссионных ценных бумаг в гражданско-правовом обороте

Оборотоспособность является свойством объекта гражданских прав, выражающим его способность участвовать в гражданском обороте и переходить от одного субъекта к другому. Применительно к ценным бумагам реализация данного свойства имеет особую юридическую форму, поскольку объектом перехода выступает не только материальный носитель, особенно, если речь идет об эмиссионных ценных бумагах, которые согласно закону существуют в бездокументарной форме, но прежде всего комплекс прав, удостоверяемых ценной бумагой.

В классической теории ценных бумаг проблема их оборотоспособности рассматривалась через особенности перехода «прав на бумагу» и «прав из бумаги». М.М. Агарков, исследуя учение о ценных бумагах, обращался к концепциям S. Vivante и Thaller, объяснявшим оборотоспособность посредством особого юридического положения участников правоотношения и механизма последовательной смены субъектов [7]. Для современной правовой системы значение этих подходов состоит прежде всего в признании того, что движение ценной бумаги представляет собой юридически организованный процесс перехода и реализации определенного комплекса прав.

В отношении бездокументарных ценных бумаг данный вывод получает нормативное подтверждение. Гражданский кодекс РФ устанавливает, что распоряжение, в том числе передача, бездокументарных ценных бумаг осуществляется посредством обращения к лицу, осуществляющему учет прав, для внесения соответствующих записей. Переход прав, в свою очередь, осуществляется путем «списания бездокументарных ценных бумаг со счета лица, совершившего их отчуждение, и зачисления их на счет приобретателя на основании распоряжения лица, совершившего отчуждение. с внесением записи по счету приобретателя» [2].

Следовательно, в механизме перехода прав необходимо различать два взаимосвязанных элемента: правовое основание такого перехода и действие, посредством которого переход фиксируется в установленной законом системе учета.

Наиболее распространенным легальным основанием перехода прав на эмиссионные ценные бумаги является гражданско-правовая сделка. Однако сама сделка не совпадает с процедурой учета прав на указанные объекты гражданских прав. Так, заключение договора купли-продажи выражает согласованную волю сторон на переход соответствующего комплекса прав, тогда как внесение записи по счету приобретателя обеспечивает формальное юридическое оформление перехода права применительно к бездокументарной форме существования ценной бумаги.

Такое разграничение позволяет уточнить соотношение категорий «обращение» и «оборот».

Категория «обращение ценных бумаг» имеет законодательное определение и непосредственно связана с заключением гражданско-правовых сделок, влекущих переход прав на ценные бумаги [1]. Категория «оборот» в большей степени используется как доктринальная характеристика процесса участия соответствующих объектов в гражданском обороте.

Представляется обоснованным использовать категорию «оборот» как более широкую по отношению к легальной категории «обращение». Если «обращение ценных бумаг» характеризует заключение гражданско-правовых сделок, влекущих переход прав на ценные бумаги, то «оборот» может использоваться как доктринальная характеристика их участия в гражданском обороте, включающая возникновение, переход, изменение и прекращение соответствующих прав, а также предусмотренные законом процедуры, связанные с эмиссией и корпоративными преобразованиями.

Однако и категория «оборот» не позволяет в полной мере отразить специфику эмиссионных ценных бумаг. В отличие от обычного объекта гражданского оборота, эмиссионная ценная бумага первоначально вводится в гражданский оборот посредством специальной эмиссионной процедуры, а переход прав может впоследствии изменяться в результате конвертации, корпоративного решения или иных юридических фактов.

В связи с этим предлагается использовать более широкую доктринальную категорию – «движение эмиссионных ценных бумаг в гражданско-правовом обороте».

Под движением эмиссионных ценных бумаг в гражданско-правовом обороте предлагается понимать совокупность предусмотренных законодательством юридических фактов и процедур, посредством которых осуществляется их размещение, переход от одного правообладателя к другому, преобразование, приобретение эмитентом и погашение, а также возникают или прекращаются права, удостоверяемые такими ценными бумагами.

В отличие от категории обращения, движение не предполагает обязательного наличия гражданско-правовой сделки. Его правовым основанием может выступать как сделка, так и специальный корпоративный, эмиссионный или иной юридический факт.

Гражданско-правовая сделка как основание перехода прав

Гражданско-правовая сделка занимает центральное место в механизме обращения эмиссионных ценных бумаг. В соответствии со ст. 153 ГК РФ сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

Применительно к эмиссионным ценным бумагам значение сделки заключается в том, что именно посредством волеизъявления участников определяется их намерение создать предусмотренный законом юридический результат.

Наиболее распространенной конструкцией является договор купли-продажи. Вместе с тем купля-продажа эмиссионных ценных бумаг отличается от общей модели купли-продажи имущества необходимостью учета специального режима объекта. Переход прав по бездокументарной ценной бумаге требует соответствующей учетной операции, а условия и порядок обращения отдельных видов эмиссионных ценных бумаг определяются специальным законодательством.

На первичном рынке гражданско-правовая сделка приобретает дополнительную специфику.

Законодатель определяет размещение эмиссионных ценных бумаг как их отчуждение эмитентом первым владельцам путем заключения гражданско-правовых сделок. Таким образом, сделка непосредственно включена в легальную конструкцию размещения [4].

Однако размещение нельзя отождествлять с одной сделкой. Оно осуществляется в рамках корпоративно-эмиссионной процедуры, предполагающей принятие соответствующих решений, утверждение условий выпуска и соблюдение установленных законодательством требований. Данный вывод уже получил развитие в научной литературе. Е.А. Клинова обосновывала понимание размещения как фактического состава, включающего сделки и иные юридические факты, в частности внесение записи по лицевому счету или счету депо первого владельца [8].

Представляется, что подобный подход следует распространить не только на размещение, но и на движение эмиссионных ценных бумаг в гражданско-правовом обороте в целом.

При первичном размещении сделка является элементом сложного юридического состава, обеспечивающего возникновение прав первого владельца. При вторичном обращении сделка выступает основанием производного перехода уже существующих прав. Таким образом, первичный и вторичный рынки различаются не только субъектным составом, но и юридической функцией совершаемой сделки.

На первичном рынке сделка включена в механизм первоначального введения ценной бумаги в гражданский оборот. На вторичном рынке она обеспечивает производный переход прав от одного владельца к другому.

Поэтому представляется некорректным рассматривать размещение как простую разновидность обращения. Несмотря на использование в обоих случаях гражданско-правовой сделки, юридическая функция такой сделки различается.

На первичном рынке гражданско-правовая сделка является частью механизма возникновения прав первого владельца, тогда как на вторичном рынке она обеспечивает переход уже существующего комплекса прав.

Учетная процедура как самостоятельный элемент движения эмиссионных ценных бумаг в гражданско-правовом обороте

Особое значение приобретает учетный элемент применительно к бездокументарным эмиссионным ценным бумагам.

В соответствии со ст. 149 ГК РФ права на бездокументарные ценные бумаги учитываются посредством записей, а распоряжение такими ценными бумагами осуществляется путем обращения к лицу, осуществляющему учет прав [2].

Ст. 149.2 ГК РФ устанавливает, что права по бездокументарной ценной бумаге переходят к приобретателю с момента внесения соответствующей записи по счету приобретателя.

Из этого следует, что сделка и иные специальные механизмы перехода прав на эмиссионные ценные бумаги и учетная запись выполняют различные юридические функции.

Сделка является основанием, выражающим волю участников гражданского оборота на установление соответствующих правовых последствий. Учетная запись не является самостоятельным основанием возникновения или перехода права, однако в отношении бездокументарных ценных бумаг законодатель в предусмотренных случаях связывает с внесением соответствующей записи момент перехода права.

Иное юридическое основание перехода прав демонстрирует наследование. Приобретение прав на бездокументарные ценные бумаги происходит в порядке наследственного правопреемства, однако для реализации и учета приобретенных прав наследнику необходимо совершить предусмотренные законодательством действия по внесению соответствующей записи в систему учета. Тем самым учетная процедура обеспечивает юридическую фиксацию перехода прав и их отражение за новым правообладателем, не подменяя собой основание приобретения таких прав.

Данный вывод имеет существенное значение для определения структуры обращения. Если исходить исключительно из легального определения обращения как заключения гражданско-правовых сделок, можно ошибочно предположить, что правовой результат возникает уже в момент заключения договора. Между тем для бездокументарных ценных бумаг законодатель связывает переход права с внесением соответствующей записи в реестр прав владельцев эмиссионных ценных бумаг.

Таким образом, применительно к переходу прав на бездокументарные ценные бумаги следует разграничивать юридическое основание перехода прав, учетное действие и юридический результат такого перехода.

Эмиссионно-корпоративные механизмы: конвертация и приобретение обществом собственных акций

Наиболее наглядно ограниченность сделочного подхода, согласно которому центральным элементом перехода прав выступает сделка, проявляется при конвертации эмиссионных ценных бумаг.

Действующее законодательство подробно регулирует конвертацию, однако общего легального определения данного понятия в Законе о рынке ценных бумаг не закреплено. При этом Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» устанавливает, что порядок конвертации в акции эмиссионных ценных бумаг определяется решением о выпуске соответствующих конвертируемых ценных бумаг [3].

При конвертации прекращается существование одних эмиссионных ценных бумаг и в соответствии с установленными условиями возникают другие эмиссионные ценные бумаги, удостоверяющие соответствующие права их владельцев.

В доктрине существует дискуссия о правовой природе конвертации. В частности, ее экономический результат может быть сопоставлен с меной, поскольку владелец первоначальной ценной бумаги в результате процедуры получает иную ценную бумагу. Однако внешнее сходство результата не свидетельствует о тождестве юридических конструкций.

Договор мены основывается на соглашении сторон о передаче одного объекта в обмен на другой. Конвертация же осуществляется на основании условий выпуска и специальных норм законодательства, причем в предусмотренных законом случаях она может осуществляться без заключения отдельного договора между владельцем первоначальной ценной бумаги и эмитентом.

Показательно, что законодательство предусматривает ситуации, когда конвертация осуществляется в отношении всех владельцев соответствующих ценных бумаг пропорционально количеству принадлежащих им ценных бумаг. Для конвертируемых ценных бумаг также устанавливаются специальные правила, определяющие коэффициент, условия и порядок конвертации.

Следовательно, конвертация обладает признаками самостоятельного эмиссионно-корпоративного механизма.

Судебная практика также исходит из того, что при конвертации первоначальная ценная бумага может прекращать существование как ценная бумага конкретного выпуска, тогда как закрепленные в ней имущественные права продолжают существовать в преобразованной форме. В частности, применительно к консолидации акций суды указывали, что прекращение существования ценных бумаг прежнего выпуска не означает прекращения соответствующего комплекса прав акционеров [9].

Это позволяет сделать принципиальный вывод: конвертация не всегда изменяет вид ценной бумаги. Она может изменять и только лишь их атрибуты (номер выпуска и др.).

Поэтому ее следует рассматривать не как разновидность обращения в узком смысле и не как договор мены, а как специальный механизм движения эмиссионных ценных бумаг.

Еще одним примером специализированного механизма перехода прав на эмиссионные ценные бумаги является приобретение обществом размещенных им акций. Статья 72 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» предусматривает специальные случаи приобретения обществом собственных акций, устанавливая основания принятия решения, категории и количество приобретаемых акций, цену, форму и срок оплаты, а также порядок предъявления акционерами заявлений о продаже акций [3].

На первый взгляд, данная конструкция может быть квалифицирована как обычная купля-продажа: общество выступает покупателем, а акционер – продавцом.

Однако такая правовая квалификация недостаточна для раскрытия правовой природы соответствующего механизма.

Во-первых, приобретение происходит через специальное корпоративное решение.

Во-вторых, закон императивно определяет особенности процедуры.

В-третьих, правовой режим приобретенных акций подчиняется специальному режиму. В частности, акции, приобретенные обществом в целях уменьшения уставного капитала, погашаются при их приобретении; в иных случаях закон устанавливает обязанность их реализации в определенный срок, а при невозможности реализации – принятия решения об уменьшении уставного капитала путем погашения акций [3].

Следовательно, в рассматриваемой конструкции договорный элемент взаимодействует с корпоративным решением и специальными последствиями, установленными законом. Приобретенные обществом акции обладают специальным правовым режимом: в зависимости от основания приобретения они подлежат погашению либо должны быть реализованы в установленный законом срок; при их нереализации возникают предусмотренные законом последствия, связанные с уменьшением уставного капитала.

Д.Г. Копылов, исследуя приобретение обществом размещенных акций, акцентировал внимание на особом механизме такого приобретения и его отличиях, обусловленных инициативой самого общества [10].

Представляется, что данный механизм следует квалифицировать как комплексный сложный юридический состав, а не как простую разновидность купли-продажи.

Его правовой результат заключается не только в переходе акций к обществу, но и в изменении корпоративной структуры эмитента, а в установленных законом случаях – в прекращении существования приобретенных акций.

Таким образом, приобретение обществом собственных акций подтверждает необходимость разграничения сделки как одного из элементов движения, иные механизмы движения и более широкий механизм, определяющий совокупность юридических последствий соответствующего действия.

Трехэлементная модель движения эмиссионных ценных бумаг в гражданско-правовом обороте

Проведенное исследование позволяет предложить трехэлементную модель движения эмиссионных ценных бумаг в гражданско-правовом обороте.

Первый элемент – сделочный. Включает гражданско-правовые сделки, непосредственно направленные на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей в связи с ценными бумагами. К данной группе относятся прежде всего купля-продажа, дарение, мена и иные сделки, допускаемые законодательством.

Второй элемент – корпоративно-эмиссионный. Охватывает специальные правовые механизмы, возникающие вследствие эмиссии, размещения, конвертации, приобретения обществом собственных акций, реорганизации и иных корпоративных процедур.

Третий элемент – учетный. Он обеспечивает юридическую фиксацию прав на бездокументарные ценные бумаги и их перехода. В предусмотренных законом случаях именно учетная запись определяет и удостоверяет момент перехода права.

Критерием разграничения указанных элементов выступает характер юридического действия, посредством которого обеспечивается участие эмиссионных ценных бумаг в гражданско-правовом обороте. Сделочный элемент основан на волеизъявлении участников гражданского оборота; эмиссионно-корпоративный – на специальных решени-

ях и процедурах, предусмотренных законодательством о рынке ценных бумаг и акционерных обществах; учетный – на действиях лиц, осуществляющих учет прав, с которыми законодатель в предусмотренных случаях связывает юридическую фиксацию и момент перехода прав.

При этом указанные элементы не являются взаимоисключающими. Напротив, в конкретном юридическом составе они сочетаются по-разному. Например, при вторичной купле-продаже бездокументарных акций: гражданско-правовая сделка → учетная операция → переход права.

При первичном размещении: эмиссионная процедура → гражданско-правовая сделка → учетная операция → возникновение прав первого владельца.

При конвертации: корпоративное/эмиссионное основание → специальная процедура конвертации → учетная фиксация перехода прав на эмиссионные ценные бумаги.

При приобретении обществом собственных акций: корпоративное решение → реализация права акционером на продажу → приобретение акций → специальное корпоративное последствие (реализация или погашение).

Именно такая модель позволяет увидеть принципиальное отличие движения эмиссионных ценных бумаг от обычного вещного оборота.

Соотношение обращения и движения эмиссионных ценных бумаг

Предложенное разграничение имеет значение прежде всего для определения объема категории «обращение ценных бумаг».

В соответствии с действующим законодательством, как уже неоднократно отмечалось ранее, обращение определяется через заключение гражданско-правовых сделок, влекущих переход прав.

Представляется, что данная конструкция является обоснованной, если понимать ее как специальную легальную характеристику сделочного перехода прав.

Проблема возникает тогда, когда данное определение используется для характеристики всех случаев перехода прав на эмиссионные ценные бумаги. В таком случае за пределами обращения оказываются механизмы, не основанные на сделке, хотя они непосредственно связаны с существованием, преобразованием и прекращением эмиссионных ценных бумаг.

Поэтому представляется нецелесообразным расширять легальное определение обращения путем включения в него всех возможных юридических фактов.

Более последовательным является разграничение двух категорий: обращение ценных бумаг – легальная категория, характеризующая сделочный переход прав; движение эмиссионных ценных бумаг в гражданском обороте —

доктринальная категория, характеризующая более широкий комплекс юридических фактов и процедур, в результате которых происходит переход прав на эмиссионные ценные бумаги.

Такой подход позволяет сохранить определенность действующего законодательства и одновременно устранить методологическое смешение различных юридических конструкций.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о необходимости разграничения легальной категории «обращение ценных бумаг» и более широкой доктринальной категории «движение эмиссионных ценных бумаг в гражданско-правовом обороте». Обращение ценных бумаг, исходя из п. 16 ч. 1 ст. 2 ФЗ о РЦБ, характеризует заключение гражданско-правовых сделок, влекущих переход прав на ценные бумаги. Вместе с тем участие эмиссионных ценных бумаг в гражданско-правовом обороте не исчерпывается сделочным переходом прав.

Гражданско-правовая сделка является основным, но не универсальным механизмом движения эмиссионных ценных бумаг. При вторичном обращении она выступает основанием перехода прав между правообладателями; при размещении является элементом юридического состава, посредством которого обеспечивается приобретение ценных бумаг первыми владельцами. В свою очередь, конвертация и приобретение обществом собственных акций осуществляются посредством специальных эмиссионно-корпоративных механизмов, содержание которых не может быть полностью сведено к конструкции гражданско-правовой сделки.

На основании проведенного анализа предлагается рассматривать движение эмиссионных ценных бумаг в гражданско-правовом обороте как систему трех взаимосвязанных элементов: сделочного, эмиссионно-корпоративного и учетного. Сделочный элемент охватывает переход прав посредством гражданско-правовых сделок; эмиссионно-корпоративный – предусмотренные законодательством процедуры размещения, конвертации и приобретения эмитентом собственных акций; учетный – действия по фиксации прав на бездокументарные ценные бумаги и их перехода в установленной законом системе учета (реестр владельцев ценных бумаг).

Таким образом, категория «движение эмиссионных ценных бумаг в гражданско-правовом обороте» позволяет системно охарактеризовать взаимосвязь гражданско-правовых сделок, специальных эмиссионно-корпоративных процедур и учетных действий, не подменяя при этом легальное понятие «обращение ценных бумаг». Предлагаемое разграничение имеет значение для более точного определения места гражданско-правовой сделки в механизме перехода прав на эмиссионные ценные бумаги и дальнейшего развития доктринального понимания их обращения.

Литература

1. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30.11.1994 № 51 ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 1996. № 1. ст. 1.
4. Клинова Е.А. Правовая природа и особенности сделок при размещении эмиссионных ценных бумаг / Е.А. Клинова // Вестник экономики, права и социологии. 2007. № 4. С. 55–62
5. Белов В.А. Что такое бездокументарные акции? (основные положения действующего законодательства о бездокументарных ценных бумагах) // СПС Гарант
6. Кирилловых А.А. Сделки с ценными бумагами в фондовой торговле: механизм и правовые конструкции / А.А. Кирилловых // Законодательство и экономика. 2014. № 3. С. 20–32.
7. Агарков М.М. Учение о ценных бумагах / М.М. Агарков. М.: Финансовое изд-во НКФ СССР. 1927. 167 с.
8. Клинова Е.А. Гражданско-правовые сделки при размещении эмиссионных ценных бумаг автореферат дис. … кандидата юридических наук / Елена Александровна Клинова, Казань, 2007. 24 с.
9. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29 февраля 2016 г. № Ф05–12488/13 по делу № А41–8897/2011
10. Копылов Д.Г. Правовое регулирование приобретения обществом размещенных акций: дис. … канд. юрид. наук. М., 2019.

THE MOVEMENT OF ISSUED SECURITIES IN CIVIL CIRCULATION: THE RELATIONSHIP BETWEEN CIVIL TRANSACTIONS AND SPECIAL MECHANISMS

Trynkina D.V.

This article examines the legal nature of the movement of issued securities in civil circulation and defines the place of civil transactions among the mechanisms for the transfer of rights to them. The relevance of this study lies in the fact that legislators associate the circulation of securities with the conclusion of civil transactions. However, the transfer and change of rights to issued securities are also carried out through issuing-corporate and accounting mechanisms. Based on an analysis of legislation and scientific approaches, the need to distinguish between the category of "circulation" and the broader category of "movement of securities in civil law transactions" is substantiated. A three-element model is proposed, including transactional, issuance-corporate, and accounting elements. It is argued that a civil law transaction is the primary, but not the sole, basis for the transfer of rights to securities. Particular attention is paid to the conversion and acquisition of a company's own shares.

Keywords: securities, securities circulation, securities turnover, movement of securities, civil law transaction.

References

1. Federal Law of April 22, 1996, No. 39-FZ "On the Securities Market" // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 17. Art. 1918.
2. Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law of November 30, 1994, No. 51-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.
3. Federal Law of December 26, 1995, No. 208-FZ "On Joint-Stock Companies" // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 1. Art. 1.
4. Klinova, E.A. Legal Nature and Features of Transactions in the Placement of Issue-Grade Securities // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2007. No. 4. P. 55–62
5. Belov V.A. What are uncertificated shares? (Basic provisions of the current legislation on uncertificated securities) // SPS Garant
6. Kirillovykh A.A. Transactions with securities in stock trading: mechanism and legal structures / A.A. Kirillovykh // Legislation and Economics. 2014. No. 3. P. 20–32.
7. Agarkov M.M. The doctrine of securities / M.M. Agarkov. Moscow: Financial Publishing House of the USSR NKF. 1927. 167 p.
8. Klinova E.A. Civil transactions in the placement of securities, abstract of the dissertation … candidate of legal sciences / Elena Aleksandrovna Klinova, Kazan, 2007. 24 p.
9. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated February 29, 2016 No. F05–12488/13 in case No. A41–8897/2011
10. Kopylov D.G. Legal regulation of the acquisition of outstanding shares by a company: diss. … Cand. of Law. Moscow, 2019.

Признание факта: квалифицированное судебное признание

Тряпочкин Никита Андреевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры, Уральский государственный экономический университет
E-mail: tryapochkin_na@usue.ru

Кулюшин Евгений Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры, Уральский государственный экономический университет
E-mail: kulyushin_en@usue.ru

Как гласит известная поговорка – рыба портится с головы, а человек разлагается с мыслей. Абсолютно то же самое, по нашему мнению, можно сказать и про институт признания фактов в гражданском, арбитражном и административном судопроизводствах. Нерешенные за почти два века существования данного процессуального явления проблемы продолжают наполнять его и по сей день. Сказанное напрямую относится как к выбору законодателем теории о правовой природе судебных признаний, отсутствием каких-либо разъяснений относительно механизма обнаружения судом пороков воли или волеизъявления в признаниях тяжущихся, не говоря уже об установлении наличия или отсутствия скрытых мотивов, подтолкнувших последних подтверждать истинный характер слов оппонента, весьма поверхностного отношения современника к составлению единой классификации видов признаний и т.д.
Говоря о последней, заметим, что отдельные проявления признания фактов, если мы все же не будем игнорировать их существование, также имеют свою собственную проблематику. Например, квалифицированное судебное признание – известное ученому сообществу более двух столетий не только несет в себе тот же набор изъянов, что присущ классической вариации (утверждение – признание), но и обладает своим собственным – наличие процессуальной оговорки. В чем ее суть? Кто должен ее доказывать? Нужно ли ее доказывать? На все это и многое другое мы постараемся ответить ниже.

Ключевые слова: признание фактов, освобождение от доказывания, оговорка, бремя доказывания, цивилистический процесс.

Введение

Признание фактов, с позиций определения существования одноименного правового института, а также следуя логике истории развития процессуального права в России, известно нам почти два столетия. Прискорбно, однако, то, что в развитии его с каждым новым днем все сложнее находить что-то позитивное. Фактически, не вдаваясь в детали, то, как он выглядит сегодня, это просто слегка расширенная версия его дореволюционного «Я», обрамленная в современные рамки закона с некоторым количеством штрихов, будучи до конца откровенными, не самого лучшего качества.

Одним из наиболее серьезных, на наш взгляд, изъянов в истории совершенствования механизма признания фактов, зиждется на том, что, введя в теоретический оборот термин «квалифицированное признание», через века, отечественные ученый и законодатель так и не смогли определиться с тем, кто же все-таки должен доказывать ту самую оговорку, которая формирует в обозначенной конструкции ее вторую часть [16, С. 71–73].

Обсуждение

В целом, появление квалифицированного признания факта или же, как его сегодня принято называть в научном обиходе – «признание с оговоркой», впервые стало предметом исследования еще в творчестве проф. М.И. Малинина, который разумно решил посвятить часть своих дореволюционных трудов новому, на тот момент, процессуальному явлению. «Прибавление» – именно так ученый стал именовать ту самую оговорку, которая стала формировать самостоятельный придаток основного содержания признания [13, с. 109]. Говоря о сути такого рода признаний, ученый сразу же подмечает, что в своих истоках, содержащихся в германском праве, процесс рецепции не смог преодолеть имеющихся на тот момент проблем, поскольку вопрос о необходимости доказывания оговорки, касательно, в-первую очередь, субъектного состава, так и не был тогда решен [13, с. 109]. Прослеживается же он, как полагал ученый, еще с момента появления его в римском праве [13, С. 110–112].

Весь вопрос, фактически, сводится к тому, что не ясно на ком должно лежать бремя доказывания этого самого дополнительного элемента признания, не говоря уже о том, приобретает ли он статус основного или все же считается дополнительным.

Немного отходя в сторону от исторического анализа, сразу же отметим, что вопрос с оговоркой однозначно решен лишь в одной из трех теорий о признании фактов – доказательственной. Только здесь признание, будучи одним из видов средств доказывания по делу, не существует в отрыве от других, имеющихся в деле доказательств и может быть целиком и полностью с ними сопоставлено и проверено. Нет нужды проверять наличие пороков воли, волеизъявления или скрытых мотивов к заявлению признания, если, например, оно «бьется» другими доказательствами и его ложный характер сразу становится очевидным суду [16, с. 59]. В распорядительной теории, которая, в частности, суд по тому, как сформулированы ст. 68 гражданского процессуального кодекса (далее – ГПК РФ), ст. 70 арбитражного процессуального кодекса (далее – АПК РФ) и ст. 65 кодекса административного судопроизводства (далее – КАС РФ), была избрана законодателем в качестве наиболее подходящей современной практике, такого однозначного способа проверить оговорку нет [16, С. 72–73]. Если вспомнить про существование третьей теории – смешанной, где акт волеизъявления трансформируется в средство доказывания по делу (мы хотим освободить процессуального оппонента от обязанности доказывания, заявляем признание, которое, впоследствии, суд может расценивать, как доказательство по делу и сопоставлять с другими), то там еще все сложнее, поскольку, хотя тут есть и определенные плюсы, фактически, производится двуступенчатая проверка признания факта – сначала акт воли анализируется судом на предмет пороков и мотивов, пусть и непонятно как, а затем как оно соотносится с другими доказательствами [1, С. 601–604].

Возвращаясь к генезису проблемы, упомянем еще несколько дореволюционных позиций. А.И. Гордон, высказываясь по проблемам действующего на тот момент УГС, подмечал, что формулировка ст. 480 не то, чтобы не позволяет сделать однозначный вывод о том, кому должен выпасть «жребий» доказывать оговорку, но и вообще ясно не разграничивает признаний с «условием» и «без» [4, С. 40–42]. Дру-

гой его коллега – профессор А.Х. Гольмстен также небезосновательно подмечал, что названная проблема существует, однако, до сих пор никем не решена [3, С. 199–202].

Заметим, что несмотря всю эту путаницу с применением и доказыванием оговорок решение проблемы фактически найдено было. Его можно обнаружить при обращении к исследованиям профессора Т.М. Яблочкова, который, рассматривая материальные признаки обсуждаемого процессуального института, фактически предложил механизм преодоления не только проблемы с квалифицированными признаниями, в рамках распорядительной теории, но и с механизмом поиска ответа на вопрос наличия или отсутствия пороков, заявив, весьма смело – «доказывать неправильно убеждения суда каждый из тяжущихся может в любой момент процесса. Но отсюда мы не можем делать заключения, что и его признание, каковое является голословным утверждением, обязательно для суда» [21, с. 93]. То есть, Тихоном Михайловичем, и нам, честно говоря, эта идея импонирует, был предложен механизм, согласно которому, при заявлении признаний, у противника и других заинтересованных в исходе дела лиц, появлялась возможность участвовать в проверке заявленного признания, с правом указать суду на явные подложные моменты в его содержании. Однако, по какой-то причине, эта мысль так и осталась на страницах научных трудов, не найдя себе места в законе.

Возможно, к слову, это произошло потому, что суд на тот момент, как и сегодня, выступал в роли самостоятельного субъекта, руководящего процессом. В то же самое время, вряд ли можно утверждать о его единоличном управлении процессом, если в нем же ему начнут указывать на недостатки в деятельности, хотя, если говорить о справедливости судебных постановлений, разумнее было бы дать сторонам такое право, хотя бы затем, чтобы не пришлось в дальнейшем тратить время и деньги на оспаривание соответствующих актов в вышестоящих судебных инстанциях, по основанию, например, п. 1. ч. 1 ст. 330 ГПК или п. 3 ч. 1. ст. 270 АПК РФ.

Советский период, чьи судебные заседания характеризовались следственным типом процесса, устанавливающим абсолютную судебную власть, в части определения необходимых для вынесения правосудного постановления доказательств, анализируемой в данной статье проблемы не знал вовсе. Все обстояло именно так исключительно потому, что советский цивилистический процесс был полной оппозицией дореволюционному, хотя бы в плане процедуры доказывания. И действовала тогда та самая доказательственная теория понимания правовой природы признаний, которую мы упомянули чуть выше. Тот же проф. М.А. Гурвич, читая лекции по советскому гражданскому процессу, вовсе не касался этого вопроса, заостряя внимание слушателей на вопросах предмета признаний, его внесудебного антипода и т.д [5, С. 118–120]. Доктор юридических наук, профессор А.Ф. Клейнман и вовсе строил свою теорию о признании с позиций поиска объективной, а не формальной истины, опосредованно делая вывод о том, что вопроса о распределении бремени доказывания быть не может, поскольку верно исследовать все обстоятельства дела, а не просто оставлять этот вопрос «подвисшим» в воздухе – в этом процессе, насколько верно мы понимаем учение профессора, участвуют оба тяжущихся [8, С. 63–64].

В современной литературе вопросы признаний обсуждаются крайне редко – происходит это, к сожалению, лишь на страницах отдельно взятых статей [17, С. 45–47]. Что касается полноценных монографий, то их почти не найти. Хотя, надо заметить, отдельные экземпляры научных трудов по обсуждаемой здесь теме по-прежнему заставляют гордиться нашим научным сообществом [18].

Итак, на сегодняшний день проблема с квалифицированными признаниями остается все той же – непонятно кто должен доказывать содержание оговорки, примыкающей к признанию. Тем более, если ее «объем» шире, чем у «признательной» части. Для начала рассмотрим этот вопрос применительно к действующим процессуальным кодексам.

Во-первых, проще всего ситуация обстоит со ст. 65 КАС РФ. Как бы абсурдно это сейчас не прозвучало, но проблемы с квалифицированными признаниями в административном судопроизводстве нет постольку, поскольку сама по себе указанная статья не работает в нем от слова «совсем». Ни одна глава из тех, которые формируют кодекс – оспаривание нормативно правовых актов, действий (бездействия) органов государственной власти, вопросы присуждения компенсаций за нарушение права на судопроизводство в разумный срок не предполагает применение института признания фактов, поскольку, фактически, оно является односторонним. Бремя доказывания в кодексе распределено так, что истцу всегда необходимо доказывать лишь сам факт нарушения его прав, а невиновность в этом должен продемонстрировать суду соответствующий властный элемент. Отсюда, признаваться здесь попросту не в чем. Да и сама конструкция признания нарушается, ведь пострадавший, указав на нарушение своих прав, со ссылкой на верные нормы закона, может вообще больше не делать никаких утверждений. А если последних нет, то не может существовать и признаний фактов, ведь классическая конструкция предполагает всегда одну и ту же схему – утверждение влечет за собой признание информации в нем содержащейся. Если же мы говорим об антиципированном признании, то это понятие как было, так и осталось лишь на страницах одной из множества монографий ранее упомянутого проф. Т.М. Яблочкова и какой-либо попытки ввести ее в закон ни разу за всю историю предпринято не было [22, С. 614–633].

Возвращаясь к ст. 68 ГПК РФ и ст. 70 АПК РФ разделять их в исследуемом вопросе смысла нет. Разница между указанными нормами заключается лишь в том, что последняя предполагает наличие двух уникальных видов признаний – молчаливого и соглашения по обстоятельствам дела, которое, в нашем понимании, является двусторонним видом признаний [16, С. 64–66]. Позволим себе не рассматривать вариант квалифицированного признания в данных случаях, заметив лишь то, что конструкция молчаливого признания, в виде оценки пассивного поведения лица, участвующего в деле, в качестве согласия с доводом оппонента, в целом выглядит странно. Что касается соглашения по обстоятельствам, то здесь происходит искусственное усложнение и так не простой конструкции. Если мы полагаем, что данный акт выражает обоюдную волю сторон в отношении подлинности отдельно взятого, указанного в нем факта, то ситуация не только усложнится выяснением того, почему такая конструкция (с оговоркой) попала в его содержание, но и как быть с установлением согласия в отношении нее у второго из тяжущихся. Кроме того, все станет гораздо хуже если выяснится, что он соглашается с содержанием основной части признания, а на половину с оговоркой ему, скажем, все равно. Можно на таком основании утверждать проект соглашения? Думается, вряд ли. Хотя, в то же самое время, если буква закона и права третьих лиц, заявляющих или не заявляющих самостоятельных требований, не нарушены – почему бы не его не утвердить? Тем более, что стороны сами на этом настаивают.

Отсюда, на самом деле, видится не так много путей решения. Пересматривать положения распорядительной теории законодатель, очевидно, не готов. Особенно это стало понятно после того, как он дополнил ту же ч. 4 ст. 70 АПК РФ формулировкой о том, что помимо установления пороков воли или волеизъявления суд теперь должен пытаться установить наличие скрытых мотивов для заявления признания. Насколько же это абсурдно выглядит, если за два века сам механизм поиска вышеуказанных негативных факторов так и не был никем придуман.

Отказываться от распорядительной теории целиком тоже не вариант, поскольку уход в доказательственную сразу же начнет противоречить целям современного цивилистического процесса – поиску формальной истины. Он «заточен» исключительно под следственный тип процесса.

Как ни странно, выходом могла бы послужить третья теория – смешанная. Если бы можно было преобразовывать признание из акта распоряжения волей в средство доказывания, хотя это, безусловно, и потребовало бы масштабных изменений не только ст. 70 АПК РФ, но и многих других (главы 7 кодекса, главы 8 и т.д.).

Менее болезненно выглядит точечное изменение самих ст. 68 ГПК РФ, ст. 70 АПК РФ и ст. 65 КАС РФ. Оно, в общем-то, простое – позаимствовать опыт распределения бремени доказывания из кодекса административного судопроизводства. Конечно, не полностью, а лишь применительно к ситуациям с квалифицированными признаниями. Необходимо изначально установить, что оговорка подлежит доказыванию либо тому, кому признание идет на пользу, либо тому, кому она идет во вред. Если, конечно, мы принимаем на веру ту часть классической теории о признании, где заявление признания автоматически создает негативный эффект для его заявителя [19, С. 76–77]. Логично, на наш взгляд, конечно, было бы определить необходимость доказывания оговорки тому, кто является ее автором. В конце концов, основополагающий признак современного цивилистического процесса прямо гласит – стороны активно участвуют в процедуре доказывания и подтверждают доказательствами те факты, на которые ссылаются. Отлично! Если лицо, участвующее в деле, заявляет суду, что признает факт в ответ на утверждение противника, но дополняет его содержание оговоркой – пускай само и подтверждает правдивость ее содержания. Иначе получается, что мы «запустили» процесс исследования судом признания на предмет наличия пороков воли, волеизъявления и скрытых мотивов, и при этом нуждаемся в помощи одного из тяжущихся, чтобы справиться с этой задачей. Зачем тогда было игнорировать сказанное много лет назад профессором Т.М. Яблочковым,

относительно «помощи» суду от участника процесса в вопросе оценки заявленного признания, если мы снова к этому пришли? И это, не говоря уже о том, что ситуация осложняется тем, что нет ясности в вопросе о том, когда суд должен начинать эту самую проверку – до или после подтверждения оговорки?

Тем самым, резюмируя сказанное выше – проблема была, остается и по какой-то нелепой причине до сих пор не получила своего решения. Хотя, в общем-то, следуя написанному ранее, пути ее преодоления очевидно есть. Да, часть из них затратная, но, в то же самое время, более качественная, чем другая. Однако, последнюю также не стоит списывать со счетов, например, ту часть, где речь идет про изначально установленное правило про распределение бремени доказывания.

Поэтому актуальным в понимании квалифицированного судебного признания остаётся уяснение его процессуальной роли для участников судебного разбирательства и суда, который осуществляет руководство ходом судебного разбирательства, в том числе и контроль за поведением участников данного судебного разбирательства («процессуальная роль в едином процессуальном механизме судебного разбирательства») [10, с. 61].

В доктрине цивилистистического процесса квалифицированное судебное признание представлено в качестве правового явления, истоки которого можно выявить из учений о:

1) Onus probandi («Бремя доказывания обстоятельств»);

2) Substantierung («Процесс последовательного обоснования фактов»);

3) Das gerichtliche Geständnis («Судебное признание, в том числе его разновидности квалифицированного судебного признания»).

Все три учения имеют своей целью раскрыть содержание судебного разбирательства по гражданскому делу через аспект коммуникации лиц и суда в отношении спорных правоотношений.

Суть данной коммуникации в процессуальной литературе представлена латинской формулой: «Da michi factum, dabo tibi jus» («Дай мне факты, дам тебе право») [14, С. 77–97], на основе данной формулы были проанализированы ключевые аспекты поведения лиц в судебном разбирательстве, а также оценка распорядительных действий лиц судом.

Ключевым моментом в понимании сущности судебного разбирательства в аспекте коммуникации лиц и суда является правило: («Non jus tibi deficit, sed probatio» («Не право тебе отказывает, а доказательство»), то есть кто утверждает о каком-либо факте подтверждает при помощи доказательств. Следовательно, в суде каждая сторона утверждает о фактах, из которых вытекают ее права [14, С. 77–97].

Тем самым цель судебного разбирательства сводится к уяснению причин разногласий лиц и вынесения итогового судебного акта в отношении обстоятельств, которые были установлены в ходе судебного разбирательства. («фиксация действительного (истинного) характера правоотношений»). Суд в итоговом судебном акте должен высказаться о признании (наличии) или отрицании факта (–ов), в одном случае в пользу истца, в другом случае в пользу ответчика. А для участников судебного разбирательства становится важным доставить суду для вынесения законного и обоснованного судебного решения доказательства существования тех фактов, которые не будут приняты против данной стороны («предотвращение вынесения неблагоприятного для стороны вынесения судебного решения», «отказ в защите права). Содержание решения заключается, как известно, во властном (императивном) подтверждении существования или отсутствия спорного правоотношения, указывающем на надлежащее поведение сторон в соответствии с действительным правоотношением между ними [6, с. 49].

Сами правила по распределению бремени доказывания содержатся в нормах материального права применительно к конкретным видам правоотношений, а также в требованиях, изложенных истцом в исковом заявлении, и возражениях ответчика.

Нормы о распределении обязанностей по доказыванию формируют мощные стимулы для сторон к участию в доказывании, устанавливая «неявные цены» правомерного либо оппортунистического поведения [9, С. 349–385]. Сами требования и возражения включают в себя ссылку на конкретный факт или группу фактов, на основании, которых возникли правоотношения между спорящими сторонами, а также на правовые нормы.

Для уяснения понимания сущности взаимодействия сторон и суда важным является обращение к учению о субстантивации фактов («процесс последовательного обоснования фактов», Substantierung). Под субстантивацией фактов понимается изложение фактов, которыми следует (необходимо) обосновать желаемое правовое последствие. Тем самым, факты, которые обеспечивают обоснование, выдвинутых требований при их последовательном и верном изложении, являются убедительными для суда.

Необоснованным является изложение о фактах, которое:

1) может не содержать указаний о фактах;

2) включает утверждение о фактах, но не в полном объеме;

3) включает в себя утверждение о фактах, которые являются недостаточно конкретными [23, с. 23].

Тем самым первоначальное изложение фактов осуществляется истцом, который должен изложить факты, независимо от реакции ответчика, чтобы сделать свое утверждение убедительным. Аналогичное правило действует в отношении возражения ответчика на иск. Факты должны быть определены в каждом конкретном случае процесса таким образом, чтобы была возможна проверка на убедительность судом. Поэтому утверждение о фактах должно быть строго определенным (точным) от чего зависит удовлетворение заявленного требования при убедительном изложении фактов. Для сторон судебного разбирательства для воплощения (реализации) требования в собственном интересе необходимым является сообщить необходимые факты (бремя обоснования, Substantiierungslast) [23, с. 26].

Таким образом, для получения выгодного для себя судебного решения [7, с. 27] стороны подчиняют своё поведение правилу об изложении фактов, которые должны быть изложены достаточно точно, чтобы можно было провести проверку на убедительность. О данном положении свидетельствуют анализ дореволюционной [20, С. 5–20] и современной процессуальной литературы [23, 1–23], а также материалы судебной практики Федерального Верховного Суда Германии [15, с. 102].

Обозначенные выше учения о бремени доказывания и обоснованности фактов имеют в своей основе намерения спорящих сторон воспользоваться «полным (общим) форматом судебного разбирательства с детальным обоснованием требований и возражений по делу («концентрация процессуального материала») [11, С. 35–38; 12, с. 5].

Однако, не следует отрицать положения о том, что тяжущиеся могут воспользоваться признанием фактов и заявить об этом суду. Этот вид признаний может иметь форму квалифицированного судебного признания. В чём же заключается польза в его применении спорящими лицами в суде?

Для начала обозначим ключевые черты квалифицированного судебного признания. В качестве отправной точки обозначим, что институт судебного признания являлся отражением той модели судебного производства, имеющей цель обеспечить тяжущимся лицам свободное использование процессуального материала, ускоряя ход (течение) судебного разбирательства, не обременяя себя и суд длительными процессуальными действиями для установления действительных обстоятельств по делу [2, 106–116].

Судебное признание явилось для лиц тем правовым средством, которое имело следующий эффект:

1) подтверждения действительности факта или группы фактов, который (–ые) в силу бремени доказывания следовало доказать процессуальному оппоненту признающегося лица при отсутствии признания («освобождение от бремени доказывания») [21, С. 87–88];

2) освобождения суда от проверки представленных доказательств тех или иных фактов, включения признания в основу судебного решения.

3) ограниченности условий отмены заявленного признания при наличии пороков воли или волеизъявления [22, с. 69; 16, с. 57–58].

Тем самым ценность судебного признания состоит в утверждении спорящими лицами достоверности признанного факта. Утверждение достоверности предполагает осознание правовых последствий его заявления суду и желания наступления данных последствий в виде освобождения от бремени доказывания процессуального оппонента и суда от проверки представленных доказательств. Поэтому следует согласиться с Т.М. Яблочковым в том, что всякое слово в том, числе в виде признания должно быть взвешено, поэтому суд не должен задаваться вопросом о доверии, которое есть в признании [21, с. 132].

Процессуальная роль квалифицированного судебного признания состоит в том, что в нём имеются два утверждения о:

1) признании какого – либо факта;

2) добавлении поправки в признанный факт.

Это означает, что квалифицированное судебное признание является заявлением тяжущегося не полностью («не вполне») тождественное с заявлением процессуального оппонента о факте или группы фактов и заявляются с поправкой (квалификацией), которой первоначально не имелось в наличии [13, с. 121].

В квалифицированном судебном признании по воле лиц происходит дробление утверждения, которое предстоит оценивать суду. Однозначного решения данного вопроса об оценке судом квалифицированных признаний в науке не сложилось. Но при этом, в дореволюционной доктрине с учётом западно – европейского опыта были предложены

следующие подходы применительно к оценке судом квалифицированных судебных признаний:

I. Австрийский и венгерский подход, суть которого состоит в том, что суд подробно исследует обстоятельства дела и решает о том, уничтожается ли действительность признания или признание ограничивается оговорками;

II. Немецкий подход состоит в уяснении сущности (сути) утверждения стороны: 1) если сторона к признанию добавляет самостоятельное средство нападения и защиты, то признание является действительным, а дополнение должно быть подтверждено; 2) если прибавленное стороной только дополняет или ограничивает признание, то суд на основании подробного исследования всех обстоятельств дела должен решить, насколько заявление стороны может считаться признанием.

III. Французский подход, согласно которому действует принцип неделимости судебного признания («судебное признание нельзя разделить во вред лицу его совершившему»). Приложение данный подход имеет к: 1) квалифицированному признанию в узком смысле, где факту даётся иная квалификация; 2) к признанию, сложно составленному из частей, находящихся между собой в тесной внутренней связи, так что одна часть является продолжением другой и не может без нее существовать («целостность правоотношений») [1, С. 602–603].

Заключение

Таким образом, для действия механизма квалифицированного судебного признания следует считать применимым при детальном осмыслении учения о бремени доказывания, обосновании фактов и концентрации доказательственного материала, а также детальном регулировании полномочий суда, который обеспечит направленность на ускорение хода судебного разбирательства. Спорящим лицам следует уяснить свою процессуальную роль, которая проявляется в осознанном заявлении о фактах и предвидении последствий своих действий.

Литература

1. Васьковский Е.В. Избранные работы польского периода / отв. ред., сост., пер. Ю.В. Тай; пер. А.А. Богустов. – М.: Статут, 2016. – 652 с.
2. Володарский Д.Б., Кашкарова И.Н. К вопросу о рецепции доктрины эстоппеля: процессуальный аспект // Закон. 2021. № 7. С. 106–116;
3. Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. 5-е изд., исп. и доп. – СПб.: Типография М. Меркушева, 1913. – 411 с.
4. Гордон А.И. Юридические заметки: признание и удовлетворение // Журнал Министерства юстиции. – 1867. – № 1.
5. Гурвич М.А. Лекции по советскому гражданскому процессу. – М., 1950. – 199 с.
6. Гурвич М.А. Судебное решение: теоретические проблемы (извлечения) // Журнал административного судопроизводства. 2020. № 4. С. 44–61.
7. Дружинина А.С. Судебное решение в гражданском процессе Германии: дис. … канд. юрид. наук: 5.1.3. / ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» Москва, – 2025. – 191 с.
8. Клейнман А.Ф. Основные вопросы теории доказательств в советском гражданском процессе. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. – 72 с.
9. Курочкин С.А. Эффективность доказывания в гражданском процессе: общетеоретические и методологические аспекты // Вестник гражданского процесса. 2021. № 5. С. 349–385.
10. Лазарев С.В. Судебное управление движением дела. М.: Статут, 2022. 330 с.
11. Макаров П. Механизм концентрации процессуального материала как судейский инструмент по обеспечению своевременного разрешения судебных споров (опыт Германии) // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 9. С. 35–38.
12. Макаров П.Н. Концентрация процессуального материала при разрешении гражданских споров (опыт Германии)/Макаров П. Н. – Москва: Статут, 2014. – 335 с.
13. Малинин М.И. Судебное признание в гражданских делах. 2-е изд., доп. – Одесса: Тип. Л. Нитче, 1878. – 135 с.
14. Попов Б.В. Распределение доказательств между сторонами в гражданском процессе. – Харьков, типография и литография М. Зильберберг и С-вья, 1905 г. – 392 с.
15. Трушников С.С. Решения Федерального верховного суда Германии по гражданским делам. 2022 г. 76–112. – М.: Издательские решения, 2024. – 292 с.
16. Тряпочкин Н.А. Судебное признание в цивилистическом процессе: теоретические проблемы: [монография] / Н.А. Тряпочкин; Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, кафедра гражданского процесса. – Москва: Статут, 2024. – 122 с.
17. Шеменева О.Н. Правовая природа признания сторонами обстоятельств гражданских дел: история вопроса // Арбитражный и гражданский процесс. – 2010. – № 1. С. 45–47.
18. Шеменева О.Н. Признания и соглашения по обстоятельствам дела в гражданском судопроизводстве: учеб. пособие. – М.: Инфотропик Медиа, 2013. – 184 с.
19. Юдельсон К.С. Судебное признание как основание освобождения от доказывания в советском гражданском процессе: метод. материалы. – М., 1948. – Вып. 2. С. 62–78.
20. Яблочков Т. М. «Недостаточное обоснование» требования (иска или возражения) / Проф. Т.М. Яблочков. – Петроград: тип. т-ва «Обществ. польза», 1915. – 20 с.
21. Яблочков Т.М. Материальные признаки понятия судебного признания в гражданском процессе // Журнал Министерства юстиции. – 1915. – № 3. С. 84–139.
22. Яблочков Т.М. Формальные признаки понятия судебного признания в гражданском процессе // Юридические записки, издаваемые Демидовским Юридическим Лицеем. – Ярославль, 1914. – Вып. IV (XX-II). С. 604–637.
23. Dr. Max Rust Die Substantiierungslast im Zivilprozess, Nomos, 1. Auflage 2021, S.221.

ADMISSION OF FACT: QUALIFIED JUDICIAL ADMISSION

Tryapochkin N.A., Kulyushin E.N.
Ural State University of Economics

As the well-known saying goes – "A fish spoils from the head, and a man rots from the thoughts." In our opinion, the same can be said about the institution of admission of facts in civil, arbitration, and administrative proceedings. Unresolved problems over the nearly two centuries of this procedural phenomenon's existence continue to plague it to this day. This directly relates to the legislator's choice of theory regarding the legal nature of judicial admissions, the lack of any clarification regarding the court's mechanism for detecting flaws in the will or expression of intent in litigants' admissions, not to mention establishing the presence or absence of ulterior motives that prompted the latter to confirm the true nature of their opponent's words, the rather superficial attitude of contemporary authorities toward the development of a unified classification of confession types, etc.

Speaking of the latter, we note that individual instances of admission of facts, even if we do not ignore their existence, also present their own problems. For example, qualified judicial confession – known to the academic community for over two centuries – not only carries the same set of flaws as the classic version (affirmation – admission), but also has its own peculiarity: the presence of a procedural clause. What is its essence? Who must prove it? Is it necessary to prove it? We will attempt to answer all this and much more below.

Keywords: admission of facts, release from proof, reservation, burden of proof, civil procedure.

References

1. Vas'kovsky E.V. Selected Works of the Polish Period / ed., compiled, translated by Yu.V. Tai; translated by A.A. Bogustov. – Moscow: Statut, 2016. – 652 p.
2. Voldarsky D.B., Kashkarova I.N. On the Reception of the Doctrine of Estoppel: Procedural Aspect // Zakon. 2021. No. 7. Pp. 106–116;
3. Golmsten A. Kh. Textbook of Russian Civil Procedure. 5th ed., revised and enlarged. – St. Petersburg: M. Merkushev Printing House, 1913. – 411 p.
4. Gordon A.I. Legal Notes: Recognition and Satisfaction // Journal of the Ministry of Justice. – 1867. – No. 1.
5. Gurvich M.A. Lectures on Soviet Civil Procedure. – Moscow, 1950. – 199 p.
6. Gurvich M.A. Judicial Decision: Theoretical Problems (Extracts) // Journal of Administrative Procedure. 2020. No. 4. Pp. 44–61.
7. Druzhinina A.S. Judicial Decision in Civil Procedure in Germany: Dis. … Cand. of Law: 5.1.3. / Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Lomonosov Moscow State University" Moscow, – 2025. – 191 p.
8. Kleinman A.F. Basic Issues of the Theory of Evidence in Soviet Civil Procedure. – Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1950. – 72 p.
9. Kurochkin S.A. Effectiveness of Proof in Civil Procedure: General Theoretical and Methodological Aspects // Bulletin of Civil Procedure. 2021. No. 5. Pp. 349–385.
10. Lazarev S.V. Judicial Management of Case Movement. Moscow: Statut, 2022. 330 p.
11. Makarov P. The Mechanism of Concentration of Procedural Material as a Judicial Instrument for Ensuring Timely Resolution of Litigation Disputes (German Experience) // Arbitration and Civil Procedure. 2009. No. 9. Pp. 35–38.; Arbitration and Civil Procedure. 2009. No. 10. Pp. 32–36.
12. Makarov P.N. Concentration of Procedural Material in Resolving Civil Disputes (German Experience) / Makarov P.N. – Moscow: Statut, 2014. – 335 p.
13. Malinin M.I. Judicial Recognition in Civil Cases. 2nd ed., suppl. – Odessa: Printing House. L. Nitsche, 1878. – 135 p.
14. Popov B.V. Distribution of Evidence between the Parties in Civil Proceedings. – Kharkov, Printing House and Lithography M. Zilberberg and S-vya, 1905. – 392 p.
15. Trushnikov S.S. Decisions of the Federal Supreme Court of Germany in Civil Cases. 2022, Pp. 76–112. – M.: Izdatelskie Resheniya, 2024. – 292 p.

16. Tryapochkin N.A. Judicial Recognition in Civil Procedure: Theoretical Problems: [monograph] / N.A. Tryapochkin; Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Department of Civil Procedure. – Moscow: Statut, 2024. – 122 p.

17. Shemeneva O.N. Legal nature of recognition by the parties of circumstances of civil cases: history of the issue // Arbitration and civil procedure. – 2010. – No. 1. P. 45–47.

18. Shemeneva O.N. Admissions and Agreements on the Circumstances of the Case in Civil Proceedings: A Textbook. – M.: Infotropic Media, 2013. – 184 p.

19. Yudelson K.S. Judicial Recognition as a Ground for Exemption from Proof in Soviet Civil Procedure: Methodological Materials. – M., 1948. – Issue. 2. C. 62–78.

20. Yablochkov T.M. "Insufficient Substantiation" of a Claim (Claim or Objection) / Prof. T.M. Yablochkov. – Petrograd: typing association "Obshchestvennye usluga", 1915. – 20 p.

21. Yablochkov T.M. Material Features of the Concept of Judicial Recognition in Civil Procedure // Journal of the Ministry of Justice. – 1915. – No. 3. Pp. 84–139.

22. Yablochkov T.M. Formal Features of the Concept of Judicial Recognition in Civil Procedure // Legal Notes published by the Demidov Law Lyceum. – Yaroslavl, 1914. Issue IV (XXII). Pp. 604–637.

23. Dr. Max Rust Die Substantiierungslast im Zivilprozess, Nomos, 1. Upflage 2021, p. 221.

Концентрация криминального насилия в семейно-бытовой сфере: эмпирические индикаторы структурных сдвигов

Тункина Анастасия Геннадьевна,
адъюнкт Омской ордена Почета академии Министерства внутренних дел Российской Федерации, УМВД России по Ямало-Ненецкому автономному округу
E-mail: stasya-123@list.ru

В статье анализируется концентрация криминального насилия в семейно-бытовой сфере, проверяется гипотеза, что сокращение бытовой насильственной преступности происходит преимущественно за счёт насильственных деяний, совершенных вне семейно-бытовой сферы, а внутрисемейное насилие демонстрирует тенденцию к отягощению. Проводится сравнительный анализ двух пятилетних периодов (2016–2020 и 2021–2025) по темпам сокращения-увеличения доли тяжких насильственных преступлений. Сделан вывод о необходимости адресных профилактических мер, ориентированных на семейно-бытовую сферу, с акцентом на работу с рецидивным контингентом.

Ключевые слова: концентрация криминального насилия, семейно-бытовое насилие, внутрисемейная преступность, эмпирические индикаторы, структурные сдвиги, отягощение насилия, рецидив.

Проблема домашнего насилия традиционно находится в фокусе внимания криминологов, социологов и правоведов. В последние годы в России наблюдается устойчивое снижение общего числа зарегистрированных насильственных преступлений, что считается позитивным трендом. Однако обобщённые статистические данные не всегда отражают структурные сдвиги внутри отдельных социальных сфер. В настоящем исследовании проверяется гипотеза о том, что сокращение регистрируемых насильственных преступлений происходит преимущественно за счёт деяний, совершённых лицами, не состоящими в родственных связях с потерпевшим, тогда как внутрисемейное насилие демонстрирует высокую устойчивость и даже тенденцию к повышению степени общественной опасности.

На основе статистических данных ведомственной отчётности МВД России проверим гипотезу о концентрации криминального насилия в семейно-бытовой сфере, оценим динамику структуры, тяжести и рецидивной характеристики таких преступлений, сопоставим выявленные тенденции с общими трендами преступлений против жизни и здоровья.

В отечественной криминологии проблематика семейно-бытового насилия разрабатывалась в трудах Ю.М. Антоняна, С.В. Бородина, Н.В. Исаевой, В.В. Лунеева, Л.М. Прозументова, С.А. Решетникова и других исследователей. Вместе с тем, большинство работ основано на данных ограниченных выборок, опросов или экспертных оценок. Системный статистический анализ долгосрочной динамики семейно-бытовой преступности на основе официальных ведомственных отчётов, позволяющий зафиксировать тренд криминальной концентрации, в отечественной литературе представлен недостаточно.

Зарубежные исследования (в частности, работы М. Строс, Р. Гелиса, М. Добэша, а также ежегодные отчёты Бюро статистики юстиции США) подтверждают устойчивость внутрисемейного насилия к макросоциальным изменениям, однако национальные особенности учёта и правового реагирования ограничивают возможность прямого переноса зарубежных выводов на российскую действительность.

Обратимся к соотношению категорий «бытовое насилие» и «семейно-бытовое насилие». Бытовые насильственные преступления охватывают все насильственные противоправные деяния, совершаемые в сфере непроизводственных отношений (включая соседские, товарищеские и иные бытовые конфликты), семейно-бытовое насилие ограничивается кругом лиц, связанных родственными или приравненными к ним отношениями.

Особенностью семейных отношений является формирование и поддержка потребностей человека, определённых традиций, а также становление личности. При этом неизбежно возникают противоречия, наиболее острые из которых могут перейти в конфликты, часто перерастающие в посягательства на уголовно-охраняемые объекты.

Следует отметить, что в криминологической литературе под семейно-бытовым насилием понимаются как преступные, так и выходящие за пределы понятия «преступление» деяния.

Как справедливо отмечает М.И. Галюкова «Если понимать под семейно-бытовым насилием только те деяния, которые подпадают под определение преступных, то практически невозможно будет решить данную проблему»[1]. В связи с этим в научной литературе сформировалось несколько концептуальных подходов к определению исследуемого явления.

Так, А.Н. Фатеев определяет домашнее насилие как «совокупность и уголовно наказуемых, и административно наказуемых деяний, а также таких форм поведения, которые формально не являются деликтами (правонарушениями в собственном смысле слова), но вступают в противоречие с общепринятым и одобряемым стандартом поведения в семье в условиях совместного проживания, и которые образуют предпосылки домашней семейной насильственной преступности»[2]. Данный подход представляется обоснованным, поскольку он позволяет учитывать не только юридический, но и социальный аспект проблемы.

[1] Галюкова М.И. Криминологические аспекты семейно-бытового насилия // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2007. – Вып. 10. – С. 30–34.

[2] Фатеев А.Н. Домашнее насилие: опыт криминологического исследования: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2006. – 7 с.

И.В. Сошникова дает определение насилию в семье как «особого (властно-силового) социального действия, причиняющего вред (ущерб) человеку как члену семьи и ущемляющее его права и свободу как личности»[1]. Данная трактовка подчёркивает властный аспект внутрисемейного насилия, что согласуется с наблюдением о росте такого мотива, как стремление доминировать в семейных конфликтах.

Таким образом, анализ научной литературы позволяет заключить, что в криминологии сложился междисциплинарный подход к определению семейно-бытового насилия, включающий как правовые, так и социологические, психологические аспекты.

Теоретическое осмысление феномена концентрации криминального насилия внутри семьи базируется на нескольких концептуальных подходах. Во-первых, семья, разрушаемая конфликтами, перестаёт играть роль центра психологической защиты личности. Во-вторых, существует механизм самовоспроизводства насилия: лица, применяющие насилие в семье, как правило, сами являлись жертвами насилия в детстве. Почти 70% родителей из неблагополучных семей сами воспитывались в таких же нравственно и социально неблагополучных условиях[2].

Мы также поддерживаем мнение С.Н. Золотухина, который выделяет следующие причины и факторы семейно-бытового насилия: 1) социокультурная природа насилия, основанная на стереотипах, сформировавшихся в понимании семьи о распределении ролей в ней, о воспитании и отношении к детям и престарелым родственникам; 2) личный жизненный опыт лиц, как совершающих домашнее насилие в отношении своих близких, так и являющихся его жертвами, который воспринимается такими лицами как нормальный и универсальный метод поведения в семейных отношениях и разрешения конфликтных ситуаций в семье; 3) «детская травма» в связи с приобретенным в раннем возрасте травматическим опытом, обусловливающим в последующем жесткое обращение со своими близкими; 4) компенсация личностной неуверенности и низкой самооценки, следствием чего является самоутверждение путем применения насилия в отношении более слабых и зависимых членов семьи; 5) индивидуальные психические особенности лица, совершающего домашнее насилие, связанные, например, с недостатком воспитания в детстве, властным «доминантным» характером воспитания, со склонностью к патологической ревности, с конфликтным складом характера и т.п.; 6) психологический дискомфорт, проистекающий из социально-бытовой неустроенности[3].

Существенно, что в 2024 г. по сравнению с 2019 г. вырос показатель такого мотива агрессивного поведения, как стремление доминировать: если в 2019 г. о нём говорили лишь 25% пострадавших, то в 2024 г. – уже 40,7%[4]. Приведённые данные, дополняют картину качественными характеристиками насилия, однако для выявления системных количественных закономерностей необходима опора на репрезентативные статистические массивы[5].

Рассмотрим общие тенденции преступлений против жизни и здоровья. За период 2016–2025 гг. общее их число сократилось на 23,0%. Наиболее интенсивное снижение наблюдалось в 2016–2020 гг., в 2021–2025 гг. темпы замедлились, а в отдельные годы фиксировался даже небольшой рост. Это свидетельствует, что общие позитивные тенденции в сфере насильственной преступности постепенно исчерпывают себя, что делает актуальным анализ структурных изменений внутри отдельных социальных сфер (табл. 1).

Таблица 1. Динамика зарегистрированных преступлений против жизни и здоровья 2016–2025 гг. (глава 16 УК РФ)

Год	Всего по главе 16 УК РФ	Темп прироста к 2016 г., %	Темп прироста к предыдущему году, %
2016	226 418	—	—
2017	201 452	-11,0	-11,0
2018	195 057	-13,9	-32
2019	187 675	-17,1	-3,8
2020	182 447	-19,4	-2,8
2021	175 892	-22,3	-3,6
2022	172 315	-23,9	-2,0
2023	168 734	-25,5	-2,1
2024	172 036	-24,0	1,96
2025	174 379	-23,0	1.36

Проведем сравнительный анализ бытовых насильственных преступлений, которые аккумулируют значительную часть посягательств против личности и тесно связаны с повседневной жизнедеятельностью граждан.

За период **2016–2020 гг.** общее число бытовых насильственных преступлений сократилось на 48,3% (с 144 035 до 74 518). При этом семейно-бытовые насильственные преступления уменьшились на 54,5%, а насильственные преступления в бытовой сфере – на 43,3% (табл. 2). Темпы сокращения различались незначительно, а доля семейно-бытовых насильственных преступлений в структуре бытовых насильственных преступлений даже снизилась. Таким образом, в указанный период никакой концентрации криминального насилия внутри семьи не наблюдалось – семейно-бытовая и бытовая составляющие сокращались синхронно.

Таблица 2. Доля семейно-бытовых насильственных преступлений в бытовых насильственных преступлениях (2016–2020 гг.)

Год	Всего бытовых насильственных преступлений	В том числе семейно-бытовых насильственных преступлений	
		всего	%
2016	144 035	63 535	44,1
2017	95 518	38 311	40,1
2018	85 878	34 195	39,8
2019	78 247	31 942	40,8
2020	74 518	28 892	38,8

За период **2021–2025 гг.** общее число бытовых насильственных преступлений сократилось на 45,7% (с 69 257 до 37 597), однако выявляется существенная асимметрия. Семейно-бытовые насильственные преступления сократились на 42,5% (с 46 592 до 26 806) (табл. 3), тогда как все остальные насильственные преступления – на 52,4% (с 22 665 до 10 791). Разрыв в темпах сокращения составил почти 10%, что свидетельствует о большей инертности домашнего насилия (табл. 3).

Таблица 3. Доля семейно-бытовых насильственных преступлений в бытовых насильственных преступлениях (2021–2025)

Год	Всего бытовых насильственных преступлений	В том числе семейно-бытовых насильственных преступлений	
		всего	%
2021	69 257	46 592	67,3
2022	61 359	42 165	68,7
2023	56 713	39 312	69,3
2024	48 457	33 307	68,7
2025	37 597	26 806	71,3

Доля семейно-бытовых насильственных преступлений в структуре бытовых насильственных преступлений за пять лет выросла на 4% (с 67,3% до 71,3%) (табл. 3). ***Это первый эмпирический признак концентрации криминального насилия: доля семейно-бытовых насильственных преступлений в структуре бытовой насильственной преступности возрастает***, что говорит о формировании устойчивого процесса концентрации криминального насилия в сфере семейно-бытовых отношений в последние пять лет.

[1] Сошникова И.В. Насилие в семье в современной России: социологический анализ: автореф. дис. … канд. социол. наук: 22.00.04. – Екатеринбург, 2011. – С. 11.

[2] Кормщиков В.М. Криминология семейного неблагополучия. Пермь, 1987. С 182

[3] Золотухин, С.Н. Совершенствование мер предупреждения домашнего насилия как залог безопасности в семейных отношениях // Национальная безопасность и молодёжная политика. Вместе вне зависимости: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Челябинск, 11 апреля 2019 года. – Челябинск: Издательство Библиотека А. Миллера, 2019. – С. 153–162. – URL: https://elibrary.ru/dbtvle (дата обращения: 19.06.2026).

[4] https://spbu.ru/news-events/novosti/ekspert-spbgu-predstavil-novye-dannye-o-domashnem-nasilii (дата обращения 19.06.2026)

[5] Статистические данные ГИАЦ МВД России за период с 2016 по 2025 гг.

Ключевой индикатор криминальной концентрации – изменение структуры по тяжести

Статистические данные позволяют рассчитать долю наиболее тяжких насильственных преступлений – ст. 105 УК РФ и ст. 111 УК РФ в общем объёме семейно-бытовых насильственных преступлений (табл. 4).

Таблица 4. Доля убийств и тяжкого вреда здоровью в общем числе насильственных преступлений в семейно-бытовой сфере

Год	Всего семейно-бытовых насильственных	В том числе убийства и тяжкий вред здоровью (ст. 105 и 111 УК РФ)	
		всего	%
2021	46592	4196	9
2022	42165	4055	9,62
2023	39312	3848	9,79
2024	33307	3627	10,89
2025	26806	3030	11,3

За период 2021–2025 гг. темп прироста убийств и тяжкого вреда здоровью выросла на 25,6% (с 9,00% до 11,30%) см. табл. 4. Отдельно темп прироста убийств увеличился на 27,1%, а доля тяжкого вреда здоровью на 25%. Это свидетельствует об ***отягощении насилия внутри семьи и может рассматриваться как второй эмпирический признак криминальной концентрации***.

В период 2016–2020 гг. темп прироста убийств и тяжкого вреда здоровью в структуре семейно-бытовых преступлений демонстрировал неустойчивую динамику: минимальное значение составляло 5,66% (2016 г.), максимальное – 9,11% (2019 г.) (табл. 5). Направленный тренд отсутствовал. Следовательно, феномен отягощения насилия внутри семьи не был характерен для периода 2016–2020 гг. и проявился как устойчивый тренд только в 2021–2025 гг.

Таблица 5. Доля убийств и тяжкого вреда здоровью в общем числе насильственных преступлений в семейно-бытовой сфере (2016–2020 гг.)

Год	Всего семейно-бытовых насильственных преступлений	В том числе убийства и тяжкий вред здоровью (ст. 105 и 111 УК РФ)	
		всего	%
2016	63535	3597	5,66
2017	38311	3180	8,3
2018	34195	3005	8,79
2019	31942	2911	9,11
2020	28892	2530	8,76

Для проверки, является ли этот процесс специфическим именно для семьи, проведем сравнение с данными, охватывающими все преступления против жизни и здоровья (глава 16 УК РФ) – (табл. 6).

Таблица 6. Сравнение доли тяжких преступлений (ст. 105 и 111 УК РФ) в общем количестве насильственных преступлений и тяжких насильственных преступлений в семейно-бытовой сфере (2021–2025)

Год	Доля тяжких насильственных преступлений по гл. 16, %	Доля тяжких насильственных преступлений в семейно- бытовой сфере, %	Разница между указанными долями
2021	15,54	9	6,54
2022	16,58	9,62	6,96
2023	16,77	9,79	6,98
2024	17,06	10,89	6,17
2025	16,99	11,3	5,69

В общей структуре преступлений против жизни и здоровья доля убийств и тяжкого вреда здоровью за 2021–2025 гг. выросла на 1,45% (с 15,54% до 16,99%), причём с 2023 по 2025 гг. прирост составил только 0,23%. В семейно-бытовой сфере рост продолжается ускоренными темпами: +2,30% за весь период и +1,51% за 2023–2025 гг. Разница между долей тяжких насильственных преступлений в семье в общем массиве сократилась на 0,85% (с 6,54% до 5,69%), что свидетельствует о постепенном сближении структур по тяжести, но исключительно за счёт роста тяжести внутри семьи. ***Это третий эмпирический признак концентрации криминального насилия: отягощение насилия происходит именно в семейно-бытовой сфере, а не в обществе в целом***.

Доля угроз убийством за период 2021–2025 гг. сократилась на 11,1% (с 52,3% до 41,2%), в то же время доля реальных тяжких насильственных преступлений выросла на 2,3%.

Таблица 7. Соотношение долей угроз убийством (ст. 119 УК РФ) и тяжких насильственных преступлений (ст. 105, 111 УК РФ) в структуре семейно-бытовых насильственных преступлений (2021–2025)

Год	Доля угроз убийством (ст. 119 УК РФ), %	Доля тяжких насильственных преступлений (ст.ст. 105. 111 УК РФ). %	Разница между указанными долями
2021	52,3	9	43,3
2022	49,4	9:6	39,8
2023	43,1	9:8	33,3
2024	41,9	10,9	31
2025	41Д	из	29,9

Дистанция между ними уменьшилась на 13,4% (с 43,3% до 29,9%), что ***свидетельствует об эскалации насилия: вербальные угрозы всё чаще переходят в фактическое причинение тяжкого вреда здоровью или лишение жизни. Это четвёртый эмпирический признак концентрации криминального насилия.***

Анализ лиц, совершивших бытовые насильственные преступления, подтверждает аналогичную закономерность см. табл. 8.

Таблица 8. Соотношение долей лиц, совершивших насильственные преступления в бытовой и семейно-бытовой сферах (2021–2025)

Год	Всего лиц.. совершивших бытовые насильственные преступления	В том числе совершивших насильственные преступления в семейно-бытовой сфере от всех насильственных бытовых преступлений	
		всего	%
2021	57614	37031	64.3
2022	51037	34875	68;3
2023	46798	32347	69,1
2024	39726	27042	68,1
2025	31415	22483	71,6

Доля лиц, совершивших насильственные преступления в семейно-бытовой сфере, за 2021–2025 гг. выросла на 7,3% (с 64,3% до 71,6%). Абсолютное число субъектов насильственных преступлений в бытовой сфере сократилось на 56,6%, а число совершивших семейно-бытовые насильственные деяния – только на 39,3%. Это подтверждает высокую устойчивость криминального контингента, вовлечённого в домашнее насилие.

Одной из причин устойчивости домашнего насилия является высокий уровень рецидива среди его субъектов см. табл. 9.

Таблица 9. Доля ранее судимых среди лиц, совершивших насильственные преступления в семейно-бытовой сфере (2021–2025)

Год	Всего лиц совершивших семейно-бытовые насильственные преступления	В том числе ранее судимые совершившие семейнобытовые насильственные преступления	
		всего	%
2021	37031	9356	25,3
2022	34875	9174	26,3
2023	32347	9593	29,7
2024	27042	7924	29,3
2025	22483	6268	27,9

Доля ранее судимых лиц, совершивших насильственные преступления в семейно-бытовой сфере в период 2021–2025 гг. выросла с 25,3% до 27,9%, достигнув пика в 29,7% в 2023 г. Это ниже, чем в среднем по преступлениям против жизни и здоровья (60,4%), но это не умаляет значимости рецидива в семье, а, напротив, подчёркивает хроническое, повторяющееся насилие в близких отношениях. При этом рост доли ранее судимых в семейно-бытовой сфере свидетельствует о неуклонной хронизации внутрисемейного насилия. ***Это указывает на криминальную устойчивость контингента домашних насильников***

и объясняет медленное снижение числа таких преступлений. Это пятый эмпирический признак концентрации криминального насилия.

Полученные результаты подтверждают гипотезу о концентрации криминального насилия в семейно-бытовой сфере: при общем сокращении бытовых насильственных преступлений внутрисемейные насильственные преступления снижаются медленнее, их доля растёт, а структура смещается в сторону более тяжких составов. ***Для обозначения этого устойчивого процесса предлагается использовать термин «криминальная концентрация насилия в семье», под которым понимается объективная тенденция сосредоточения тяжких насильственных посягательств в замкнутое пространство внутрисемейных отношений на фоне опережающего сокращения насилия вне семьи.***

Данный феномен имеет несколько объяснений: семья является закрытой средой с низкой внешней контролируемостью, что создаёт условия для латентного насилия; высокий процент ранее судимых среди лиц, совершивших насильственные преступления в семейно-бытовой сфере, указывает на устойчивость криминального поведения данной категории; социально-экономические факторы также обостряют семейные конфликты.

Сравнительный анализ двух пятилетних периодов позволил установить, что феномен концентрации криминального насилия в семейно-бытовой сфере сформировался именно в последние годы. Эмпирически он проявляется в пяти основных тенденциях: росте доли семейно-бытовых насильственных преступлений; увеличении доли убийств и тяжкого вреда здоровью; сокращении доли угроз убийством на фоне роста реальных посягательств; высокой и растущей доле ранее судимых; росте доли указанных лиц среди всех субъектов бытовой преступности.

Полученные результаты демонстрируют ограниченность общих мер профилактики в отношении семейно-бытового насилия, указывают на необходимость адресных мер с акцентом на работу с рецидивным контингентом, а также требуют совершенствования механизмов раннего выявления и вмешательства в семейные конфликты на стадии, предшествующей тяжким посягательствам.

Литература

1. Антонян Ю.М., Миньковский Г.М. Воспитание молодежи в быту, – М., 1975 – С. 13
2. Галюкова М.И. Криминологические аспекты семейно-бытового насилия // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2007. – Вып. 10. – С. 30–34.
3. Фатеев А.Н. Домашнее насилие: опыт криминологического исследования: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2006. – 7 с.
4. Сошникова И.В. Насилие в семье в современной России: социологический анализ: автореф. дис. … канд. социол. наук: 22.00.04. – Екатеринбург, 2011. – С. 11.
5. Кормщиков В.М. Криминология семейного неблагополучия. Пермь, 1987. С 182
6. Золотухин, С.Н. Совершенствование мер предупреждения домашнего насилия как залог безопасности в семейных отношениях // Национальная безопасность и молодёжная политика. Вместе вне зависимости: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Челябинск, 11 апреля 2019 года. – Челябинск: Издательство Библиотека А. Миллера, 2019. – С. 153–162. – URL: https://elibrary.ru/dbtvle (дата обращения: 19.06.2026).
7. https://spbu.ru/news-events/novosti/ekspert-spbgu-predstavil-novye-dannye-o-domashnem-nasilii (дата обращения 19.06.2026)
8. Статистические данные ГИАЦ МВД России за 2025 г. (формы 491, 492, 578).

CONCENTRATION OF CRIMINAL VIOLENCE IN THE DOMESTIC AND FAMILY SPHERE: EMPIRICAL INDICATORS OF STRUCTURAL SHIFTS

Tunkina A.G.
Omsk Order of Honor Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Administration of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug

This article analyzes the concentration of criminal violence in the domestic and family sphere, and tests the hypothesis that the reduction in domestic violent crime occurs primarily through violent acts committed outside the domestic sphere, while intra-family violence shows a tendency to become more severe. A comparative analysis is conducted over two five-year periods (2016–2020 and 2021–2025) regarding the rates of decrease/increase in the share of grievous violent crimes. The conclusion is drawn that targeted preventive measures focused on the domestic and family sphere are necessary, with an emphasis on work with the recidivist population.

Keywords: concentration of criminal violence, domestic violence, intra-family crime, empirical indicators, structural shifts, aggravation of violence, recidivism.

References

1. Antonyan Yu. M., Minkovsky G.M. Education of youth in everyday life, – Moscow, 1975. – P. 13
2. Galyukova M.I. Criminological aspects of domestic violence // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. – 2007. – Issue 10. – P. 30–34.
3. Fateev A.N. Domestic violence: experience of criminological research: author's abstract. diss. … candidate of legal sciences: 12.00.08. – Moscow, 2006. – 7 p.
4. Soshnikova I.V. Domestic violence in modern Russia: sociological analysis: author's abstract. diss. … candidate of sociological sciences: 22.00.04. – Yekaterinburg, 2011. – P. 11.
5. Kormshchikov, V.M. Criminology of Family Problems. Perm, 1987. P. 182.
6. Zolotukhin, S.N. Improving Measures to Prevent Domestic Violence as a Guarantee of Safety in Family Relationships // National Security and Youth Policy. Together Regardless of Independence: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Chelyabinsk, April 11, 2019. – Chelyabinsk: A. Miller Library Publishing House, 2019. – Pp. 153–162. – URL: https://elibrary.ru/dbtvle (accessed: 19.06.2026).
7. https://spbu.ru/news-events/novosti/ekspert-spbgu-predstavil-novye-dannye-o-domashnem-nasilii (accessed June 19, 2026)
8. Statistical data from the Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia for 2025 (forms 491, 492, 578).

Российская специфика: как исторические и культурные особенности влияют на восприятие личных неимущественных прав

Файрузова Гульнара Радиковна,
аспирант, Университет «Синергия»; частнопрактикующий юрист
E-mail: g.fairuzova@yandex.ru

Дерюгина Татьяна Викторовна,
преподаватель производственной практики, Университет «Синергия»,
E-mail: ADalkheev@synergy.ru

Данная работа посвящена исследованию специфики восприятия личных неимущественных прав в российском обществе сквозь призму исторических и культурных традиций. Рассматриваются правовая сущность и содержание личных неимущественных прав, ключевые юридические факторы, влияющие на формирование и правовых установок россиян, включая историческое наследие, менталитет и социальную структуру. Цель исследования посвящена в выявлении взаимосвязи между культурно-историческими особенностями российского народа, цивилистики, правовой конструкции и восприятием основных категорий личных неимущественных прав, таких как право на жизнь, здоровье, достоинство, честь и репутацию. Исследование базируется на методах историко-правового анализа, цивилистики, анализе судебной практики. Результаты показывают, что цивилистика, исторический и культурный опыт определяет текущее состояние неимущественных прав граждан в России.

Ключевые слова: личные неимущественные права, история права, культура, правовая культура, нематериальные блага, защита права

Российскую специфику восприятия личных неимущественных прав можно сравнить как сложный живой священный орнамент, собранный из множества фрагментов священной истории, культуры, права и психологии нации. Это как драгоценная шкатулка, внутри которого хранятся драгоценные камни разных форм и оттенков, ее можно уподобить многослойному узору с витиеватым кружевом, сотканный из исторических нитей, культурных особенностей и правовой практики, где каждый элемент переплетается с другим, создавая уникальную картину общественных представлений и правовых традиций. Каждый камень, каждый узор символизирует отдельное право и элементы– честь, достоинство, свободу совести, неприкосновенность частной жизни. Но, в отличие от простых украшений, каждый камень или узор теснейшим образом переплетён с историей и обычаями своего народа. Например, одна грань камня, или узор может отражать глубокое уважение к семейной преемственности поколений («честь семьи»), другая грань – почитание народных героев и защитников Родины («национальная гордость»). Эта связь делает личную жизнь российского человека особенно уязвимой перед внешним вмешательством. Нарушить личное пространство для россиянина означает не просто задеть индивидуальное право, а затронуть священную память прошлого, лишив её целостности и гармонии. Отечество – колыбель наших корней, источник вдохновения и силы, культуры, красоты. А любовь к отечеству, верность к отечеству, даже разочарование к ней отставляет неумолимо больно светлые оттенки красок и нежные звуки воспоминаний и чувств к ней. Потому что мы часть ее священной ткани, станицы нашей жизни, которую у нас вовек не оторвать.

Культура выступает детерминантом правовой системы, определяя содержание и приоритеты личных неимущественных прав. Вопрос о влиянии культурных и исторических особенностей на личные неимущественные отношения приобретает особую актуальность в условиях глобализации и мультикультурализма. В современном правовом поле, особенно в России, эти отношения регулируются Гражданским кодексом РФ (ГК РФ), который устанавливает общие принципы защиты нематериальных благ. Однако применение этих норм часто сталкивается с необходимостью учета локальных традиций, верований и исторического контекста. Согласно статье 1 ГК РФ, гражданское законодательство основывается на признании равенства участников, их свободы договора, неприкосновенности имущества и беспрепятственного осуществления предпринимательской деятельности. Личные неимущественные права, такие как право на имя, честь, достоинство и деловую репутацию (статьи 150–152 ГК РФ), защищаются в рамках гражданского оборота. Однако закон оставляет пространство для толкования понятий «достоинство личности» или «нравственные страдания», которые могут оцениваться судом с учетом культурной специфики региона или этнической принадлежности сторон. Автор статьи считает, что сейчас назрело время когда субъекту права требуется разработка в юридическом определении понятия «нравственное страдание», «достоинство личности» для целей его адекватного правового регулирования и применения.» К сожалению, в Российском законодательстве нет отдельного легального определения «нравственные страдания». Однако этот термин используется в Гражданском кодексе РФ при регулировании вопросов компенсации морального вреда. Согласно статье 151 ГК РФ, моральный вред – это физические или нравственные страдания, которые претерпевает гражданин вследствие действий, нарушающих его личные неимущественные права либо посягающих на принадлежащие ему нематериальные блага. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 15 ноября 2022 года № 33 определил нравственные страдания как страдания, относящиеся к душевному неблагополучию (нарушению душевного спокойствия) человека. К ним относятся: чувство страха, унижения, беспомощности, стыда, разочарования; осознание своей неполноценности из-за наличия ограничений, обусловленных причинением увечья; переживания в связи с утратой родственников, потерей работы, и т.д. Однако, автор считает, что данное определение не отражает всю полноту содержания правовой сущности, правового режима, и вектора адекватного анализа общественных отношений. Наличие существенных нормативных «дыр» и пробелов в главе 8 Гражданского кодекса РФ приводят к токсичным отношениям между субъектами права ввиду неурегулированных нормами права общественные

отношения. Законодатель также не выделяет культуру как единый правовой институт, однако опосредованно регулирует отношения в этой сфере через призму интеллектуальной собственности, вещных прав и договорных обязательств. В работе «Основные проблемы гражданского права», Покровский И.А. отмечает, что развитие общественных отношений, вызванное ростом культуры, привело к необходимости предоставления правовой охраны таким неимущественным благам, как имя, честь и т.п. В настоящее время гражданское право все чаще сталкивается с вызовом необходимости учитывать этнокультурные особенности субъектов права, которое регулируется ФЗ № 1807–1 от 25.10.1991 «О языках народов Российской Федерации» устанавливается право на использование родного языка и обязанность органов власти обеспечивать такие возможности учитывая их умирание и обесценивание молодежи. Это особенно остро проявляется в регионах с многонациональным составом или в ситуациях, когда традиционные обычаи вступают в конфликт с формальными нормами закона, регулируемые статьей 14 Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» право на обучение на родном языке, выбор языка обучения. Игнорирование культурного контекста может привести к формальному применению закона, которое дефакто нарушает баланс интересов, единство дыхания и подрывает доверие к правовой системе. Потому следует учесть, что согласно ст. 1186 ГК РФ, п. 2 ст. 1 ГК РФ суд принимает во внимание культурные традиции, национальные обычаи, религиозные нормы, если они не противоречат закону и публичному порядку. В научной полемике Покровского И.А, Канторовича Я.А. по теме влияния культурных и исторических особенностей на личные неимущественные отношения задачи формулируются как: выявление степени допустимости учета культурных и исторических факторов при регулировании и толковании личных неимущественных отношений, анализ соотношения универсальных принципов гражданского права с национальными традициями, а также определение границ вмешательства государства и суда в подобные отношения с учётом культурного контекста. Суд принимает во внимание культурные традиции, национальные обычаи, религиозные нормы, если они не противоречат закону и публичному порядку (ст. 1186 ГК РФ, п. 2 ст. 1 ГК РФ). Суд использует нормы закона, но при определении размера компенсации морального вреда, оценки степени унижения чести или вторжения в частную жизнь принимает во внимание культурный контекст. С позиции гражданского законодательства, статья 152 ГК РФ о защите чести, достоинства и деловой репутации является ярким примером синтеза правовых норм и культурных установок. Судебная практика в Решении Троицкого районного суда города Москвы от 23 декабря 2020 года по делу № 2–2382/2020 показывает, что при оценке допустимости критики или распространения информации суды часто учитывают не только формальную истинность или ложность утверждений, но и их соответствие этическим нормам, принятым в обществе. Культурный код, предполагающий высокую значимость личного достоинства и социальной ответственности, влияет на то, какие действия квалифицируются как правонарушение, а какие остаются в пределах допустимого. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 года № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» (с изменениями от 9 декабря 2025 года) указано, что порочащими, в частности, являются сведения, содержащие утверждения о неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни. Это означает, что при рассмотрении дел о защите чести и достоинства суды могут учитывать этические нормы. Древнерусская цивилистика представляет собой уникальный феномен, возникший на пересечении византийского наследия, славянской самобытности и элементов скандинавской (варяжской) культуры. Русская Правда, один из древнейших памятников русского права, В.Н. Татищев – первый, кто «открыл» Русскую Правду, в ней уже прослеживается осознание ценности личных неимущественных благ и необходимости их защиты. Однако среди учёных-цивилистов существуют различные подходы к интерпретации этих норм и пониманию природы личных неимущественных прав в целом. В Русской Правде впервые были зафиксированы нормы об ответственности за причинение вреда нематериальным благам, в том числе репутации. Посягательства на репутацию рассматривались как следствие нарушения личной неприкосновенности индивида. Деяния, которые могли умалить честь и достоинство человека, трактовались как посягательство на его личные неимущественные блага. Например, в статье 1 Русской Правды устанавливалась право на кровную месть, а если мстить было некому, то в порядке компенсации за убийство мужчины уплачивался штраф в 40 гривен определённому кругу его родственников. По мнению ученого правоведа М.Ф. Владимирского-Буданова, Русская Правда представляет собой ряд сборников, составленных частными лицами из княжеских уставов, обычного права и частично византийских источников. Он отрицал представление о ней как о едином кодексе, данном Ярославом Мудрым и дополненном его сыновьями и Владимиром Мономахом. Владимирский-Буданов указывал, что в списках Русской Правды присутствуют не только законодательные материалы, но и статьи из византийских источников. Однако, ученый-исследователь Н.Л. Дювернуа приводит противоположную позицию, в котором считает, что Русская Правда – это не официальный источник права, неофициальное собрание юридических положений, созданное как руководство для разъяснения вопросов судебной практики. Он отмечает, что этот документ не имел постоянного местного авторитета и складывался как пособие, подобное Саксонскому Зерцалу. Исследователи, такие как В.И. Сергеевич, подчеркивали наличие в «Русской Правде» как норм обычного права, так и заимствований из византийского законодательства, что служит свидетельством активных культурных и политических контактов с Византией [11]. Цивилистика в период правления царей в России развивалась в контексте влияния западноевропейских правовых систем, особенно римского права, и формирования отечественной правовой традиции. Ключевыми событиями стали кодификация законодательства и деятельность выдающихся правоведов, чьи труды заложили основы российской цивилистической науки. На становление и развитие российского гражданского права значительное влияние оказала западноевропейская цивилистика. Проект Гражданского уложения Российской империи 1808–1810 гг. и Свод законов Российской империи 1832–1839 гг. (в части гражданского права) были подготовлены с опорой на Французский гражданский кодекс 1804 г. Инициатором рецепции французского права был М.М. Сперанский. Проект Гражданского уложения 1905 г. создавался под влиянием Германского гражданского уложения 1896 г. В книгах III («Вотчинное право») и V («Обязательственное право») нового проекта встречались прямые ссылки на иностранные кодексы, а некоторые статьи копировали их положения [13]. Победоносцев К.П автор «Курса гражданского права», выдающийся правовед, критиковал формализм действовавшего гражданского процесса и подчёркивал важность исторического анализа правовых институтов считал, что юридическая наука должна исследовать «идею, выраженную в каждом положении», и его историческое развитие. Он критиковал формализм действовавшего гражданского процесса и подчёркивал важность исторического анализа правовых институтов. В советский период цивилистика (изучение древних цивилизаций, прежде всего античности) не была изолированной дисциплиной, наукой. Она развивалась в тесном взаимодействии с марксистской историографией, археологией и лингвистикой. Научный подход того времени характеризовался стремлением найти материальные основания для построения общественно-экономических формаций, однако это не исключало глубокого филологического и культурологического анализа. Фундаментом советской цивилистики стали труды М.И. Ростовцева. Его работа «Социально-экономическая история Римской империи в эпоху Домината» (1922–1926) стала эталоном синтеза экономических данных и социальной структуры. Ростовцев М.И. первым системно применил методологию исторического материализма к изучению античного общества, доказав, что экономические отношения являются базисом для понимания политической и культурной надстройки. Значительный вклад в развитие античной истории внес А.И. Товарищев и его школа. В работе «Римская республика» (1937) и последующих исследованиях он детально разобрал механизмы формирования рабовладельческих отношений и роль государства в управлении экономикой. Эти труды заложили основу для понимания специфики античного рабства как основного производительного уклада.

Отдельного внимания заслуживает деятельность М.Л. Гаспарова. Хотя он известен как классический филолог, его работы по античной культуре и литературе («Литература и миф», 1976) совершили революцию в понимании античной цивилизации как целостной смысловой системы. Гаспаров показал, что античная культура не просто отражала реальность, но создавала собственные коды восприятия мира, что расширило рамки цивилистики за пределы сухой экономической статистики. Советская власть существенно преобразовала институт личных неимущественных прав. С принятием КонституцииСССР (также известная как «сталинская» или Конституция победившего социализма) 5 декабря 1936 года на VIII Всесоюзном съезде Советов, в ней как раз были предприняты попытки систематизировать личные права, включив в нее положения о личной неприкосновенности, свободе совести и праве на жилище. Статья 127 Конституции СССР гласила: «Никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора». Однако наиболее значимым этапом стало принятие Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик в 1961 году, где впервые было дано определение личных неимущественных благ и установлен механизм защиты чести, достоинства

и деловой репутации. Это означало признание государством важности охраны морального благополучия гражданина наряду с имущественными интересами. А вот уже в современной России цивилистика переживает этап трансформации, Ученые исследуют, как формируются национальные нарративы, какие символы и даты становятся консолидирующими факторами, а какие вызывают споры. Правовое влияние культуры пронизывает все пласты оптики личных неимущественных прав, что не могло не сказаться и на цифровые права, с позиции цивилистов это ведет к трансформации правовых концепций, методологии правоведения и социальных практик под воздействием цифровизации. Статья 128 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ), введенная в действие с 1 сентября 2020 года, стала фундаментальным шагом в легализации цифровых активов в российской правовой системе. Культурные традиции также влияют на подход к регулированию. В некоторых странах акцент делается на защите приватности (например, в ЕС с GDPR), в других – на государственном контроле данных. Эти различия коренится в исторической памяти, политических установках и культурных ценностях. Например, в обществах с высоким уровнем правовой культуры граждане активнее используют цифровые инструменты для защиты своих прав (например, через онлайн-сервисы подачи жалоб или участия в судебных заседаниях). Суды признают цифровые активы (включая криптовалюту) имуществом в соответствии с нормами ГК РФ. Поскольку цифровые активы обладают признаками экономической ценности, индивидуальной определенности и возможности отчуждения, они подпадают под широкое толкование понятия «имущество». Для цивилистов такая классификация имеет фундаментальное значение. Она позволяет применять к криптовалюте общие правила оборотоспособности, наследования и залога. Суд постановил, что криптовалютные активы могут включаться в конкурсную массу должника при банкротстве, если есть доказательства их принадлежности. Среди учёных существуют разные подходы к пониманию цифровых прав: Б.М. Гонгало и Л.А. Новоселова считают, что цифровое право – это не самостоятельный вид прав, а лишь новая форма выражения существующих правовых категорий (вещных, обязательственных, корпоративных или исключительных прав). Цифровизация рассматривается как способ оформления правоотношения, не затрагивающий его материального содержания. А ученный правовед М.А. Рожкова отмечает, что введение термина «цифровые права» в ГК РФ было избыточным и неоправданным, так как изначальная целесообразность этого понятия была утрачена с разработкой сопутствующих нормативных актов. Влияние культурного контекста на институт авторского права представляет собой сложный феномен, который цивилисты рассматривают не как отклонение от универсальных норм, а как необходимую адаптацию правовой системы к локальным особенностям. Юридические концепции адаптируются к новым культурным реалиям, но при этом часто возникают противоречия между защитой прав авторов и доступом общества к знаниям и культурному наследию. Дискуссии о балансе этих интересов продолжаются, и учёные-юристы предлагают различные подходы – от радикальной критики авторского права до его реформирования с учётом современных вызовов. Юристы ученые подчёркивают, что правовые нормы в сфере интеллектуальной собственности не существуют в вакууме – они тесно связаны с социальными, культурными и историческими процессами, трансформация культуры ведет к формированию правовой позиции и новым правовым реалиям. В исследовании «Курс гражданского права» Победоносцев К.П, подчёркивал, что авторское право отличается от права собственности: оно связано не с материальным предметом, а с духовным содержанием произведения. Он отмечал, что право существует независимо от физического носителя (рукописи, книги) и может относиться даже к произнесённой речи. Победоносцев также указывал на роль чести автора и нравственной ответственности в авторском праве, связывая это с культурной ценностью творчества. В законодательстве РФ нет специального учета культурных особенностей при определении объема или условий охраны авторских прав. Однако, в ряде случаев суды могут учитывать «общепринятые представления» в обществе (например, при определении оригинальности произведения, добросовестности использования, пародии и т.п.).Например в судебной практике указывается, что при рассмотрении споров об авторском праве суды могут учитывать характер произведения, его назначение и особенности восприятия аудиторией. Это означает, что при оценке спорных ситуаций (например, при определении оригинальности произведения, добросовестности использования, вопросов пародии и т.п.) суд может принимать во внимание контекст, в котором произведение создано и используется, включая культурные особенности, традиции и ожидания аудитории.

В отечественной цивилистике сложились три основные концепции, которые можно условно обозначить как радикальная, негативная и позитивная: Согласно радикальной концепции В.А. Тархова личные неимущественные отношения, объекты которых неотделимы от личности, образуют самостоятельный предмет правового регулирования. Согласно этой позиции, гражданское право имеет два предмета: имущественные и неимущественные отношения. Согласно негативной концепции О.С. Иоффе, В.Л. Суховерхого, Р.О. Халфиной и др. отношения по поводу нематериальных благ, неотделимых от личности, образуют самостоятельный предмет регулирования, но их удельный вес недостаточен для формирования самостоятельной отрасли права. При этом гражданское право, по мнению сторонников этой концепции, не регулирует личные отношения, лишённые имущественного элемента, а лишь допускает их охрану гражданско-правовыми способами. Позитивная концепция О.А. Красавчикова, Л.О. Красавчиковой, М.Н. Малеиной и др. утверждает, что личные права не только охраняются, но и регулируются гражданским правом. Имущественные и личные неимущественные отношения рассматриваются как равнозначные структурные элементы предмета регулирования отрасли гражданского права. Один из дискуссионных вопросов – степень связи личных неимущественных прав с имущественными. В.С. Толстой отмечал, что, хотя жизнь, здоровье и иные личные нематериальные блага не имеют вещественной оценки, они способны создавать материальные блага (например, информационные объекты, которые приобретают экономическую ценность). Поэтому неимущественные права всегда в той или иной степени связаны с имущественными, хотя и неотделимы от своего субъекта. С другой стороны, существует позиция, согласно которой некоторые личные неимущественные права (например, право на жизнь, честь, достоинство) принципиально не связаны с имущественными и не могут быть оценены в денежном выражении. Дискуссии также касаются классификации личных неимущественных прав. Например, Л.О. Красавчикова делила их на права, связанные с физическим существованием (право на жизнь, здоровье), и права, связанные с социальным существованием (права, позволяющие вести социально-активную деятельность). В.С. Толстой предлагает деление на права на самостоятельное существование субъекта гражданского права и на автономную деятельность (внутреннюю активность в пределах автономии). В науке нет единого подхода к понятию нематериальных благ и их соотношению с личными неимущественными правами. Некоторые авторы, среди таких учёных – М.Н. Малеина, В.В. Долинская и Л.О. Красавчикова, считают некорректным приравнивать эти понятия, указывая на различие в их сущности и на то, что законодатель по-разному относится к их защите.

Например, М.Н. Малеина полагает, что нематериальные (духовные) блага и результаты интеллектуальной деятельности могут выступать объектами личных неимущественных прав. При этом она отмечает, что редакцию ст. 150 ГК РФ следует уточнить, «исключив из перечня нематериальных благ неимущественные права». Малеина подчёркивает, что смешение этих понятий в законодательстве ведёт к путанице. В.В. Долинская также указывает на отсутствие чёткого разграничения между нематериальными благами и личными неимущественными правами в действующем законодательстве. В качестве доказательства она ссылается на ст. 150 ГК РФ, где жизнь, здоровье и иные нематериальные блага упоминаются как однопорядковые явления вместе с правами (например, правом на имя, правом свободного передвижения). Долинская подчёркивает, что такой подход влечёт смешение объектов прав и содержания правоотношения. Л.О. Красавчикова считает, что нет оснований для соединения этих терминов, и полагает, что их объединение в единый перечень является неверным. Таким образом, указанные авторы подчёркивают, что приравнивание нематериальных благ и личных неимущественных прав игнорирует их сущностные различия и приводит к правовой неопределённости. Также дискутируется вопрос о моменте возникновения личных неимущественных прав и их прекращении. Безусловно, момент возникновения личных неимущественных прав сложно сказать однозначно, истоки идут с Русской Правды, однако Покровский подчёркивал, что право должно поспевать за развитием личности, не «утюжить» её нормативными шаблонами. В условиях цифровизации и развития технологий (например, искусственного интеллекта) возникают новые проблемы, связанные с личными неимущественными правами. Обсуждаются вопросы квалификации персональных данных как объекта прав, их коммерциализации, а также защиты права на неприкосновенность частной жизни в цифровой среде. Новизна влияния исторических и культурных особенностей России на личные имущественные права граждан заключается в формировании уникальной гибридной правовой реальности. Это не просто наложение западных правовых стандартов на традиционные устои, а сложный синтез, порождающий специфические механизмы защиты, обхода закона и понимания собственности. Во-первых, исторический опыт коллективизма и доминирования государственной собственности сформировал у граждан глубокое недоверие к формальным институтам защиты прав. В отличие от западной модели, где право собствен-

ности рассматривается как абсолютная и неприкосновенная категория, в российском правовом сознании оно часто воспринимается как «доверенное» государством. Это создает парадокс: с одной стороны, граждане активно аккумулируют активы, с другой – избегают легальной фиксации прав там, где это возможно, предпочитая негласные договоренности или номинальное владение. Новизна здесь в том, что культурная норма «не высовываться» трансформировалась в юридическую стратегию минимизации рисков, что меняет характер споров и судебную практику. Во-вторых, культурный патернализм, укорененный в истории, влияет на трактовку семейного имущества и наследования. Российское право, несмотря на либерализацию, сохраняет сильные элементы социальной защиты, продиктованные традиционным представлением о семье как о ячейке, обеспечивающей выживание. Это приводит к тому, что судебная практика часто отступает от буквального текста закона в пользу «справедливости», определяемой общественным мнением и традиционными ценностями. Суды все чаще используют понятие «добросовестности» не как юридический термин, а как морально-этическую категорию, адаптированную под местный контекст, что делает предсказуемость исходов дел менее зависимой от прецедентов и более – от социальной конъюнктуры. В-третьих, цифровизация и глобализация столкнулись с российской спецификой «серой зоны». Исторически сложившаяся способность к быстрой адаптации к изменяющимся правилам игры (импровизация) теперь применяется к цифровым активам и криптовалютам. Граждане и бизнес развивают собственные, неофициальные протоколы защиты цифрового имущества, которые не признаны государством, но работают внутри сообщества. Это создает новую реальность: личные имущественные права существуют в двух плоскостях – легальной, ограниченной и подозрительной, и неформальной, эффективной, но рискованной. Историческая память и культурные коды превращают личные имущественные права из статичного юридического статуса в динамичный процесс постоянного переговора с системой, где формальные нормы играют роль лишь одного из многих инструментов, а ключевую роль играют негласные соглашения, доверие к конкретным лицам и осторожность перед государственным вмешательством. Проблема влияния исторических и культурных особенностей России на личные неимущественные права граждан не имеет единственного «технического» решения, так как эти права являются неотчуждаемыми и охраняются Конституцией.

Итак, в чем же Российская специфика личных неимущественных прав, они обладают уникальным статусом, который существенно отличается от западных аналогов. Это отличие обусловлено историческим развитием правовой системы, культурными традициями и концептуальным подходом к личности как к субъекту права. Одной из ключевых особенностей Российского законодательства является абсолютный запрет на отчуждение личных неимущественных прав.

Абсолютный запрет на отчуждение личных неимущественных прав закреплён в пункте 2 статьи 1228 Гражданского кодекса РФ. Согласно этой норме, автору результата интеллектуальной деятельности принадлежит право авторства, а в случаях, предусмотренных Кодексом, – право на имя и иные личные неимущественные права. При этом право авторства, право на имя и иные личные неимущественные права автора неотчуждаемы и непередаваемы**.** Отказ от этих прав ничтожен. В то время как в некоторых западных юрисдикциях (особенно в США) существует практика частичной коммерциализации определенных аспектов прав личности, например, через лицензирование имиджа или имени, в России эти права неотчуждаемы и непередаваемы. Они неразрывно связаны с личностью носителя и не могут быть проданы, подарены или переданы по наследству. Это закреплено в Гражданском кодексе РФ и отражает приоритет защиты человеческого достоинства над экономическими интересами. Абсолютный запрет на отчуждение личных неимущественных прав в России уходят глубоко в корни культурного наследия России. Еще в древности, уходя во времена «Русской Правды» нарушение имени человека или посягательство на репутацию на жрецов, еще в языческие времена воспринималось как нарушение, кощунственное посягательство что жизнь, что приравнивалось к святотатству, нарушение ритуала, что грозно каралось, вплоть до мучительной смерти. Получается, еще в те, «темные» времена, люди и их языческим мышлением, придавали имени, репутации, особое таинственное сакральное значение, которое строго оберегалось общиной. Однако в юридической и социологической практике сформировался комплексный подход к гармонизации коллизий между традиционными ценностями и современными правовыми стандартами. Российская судебная практика, опираясь на статью 11 Конституции РФ, признает многообразие культур и традиций народов РФ. Это позволяет судам учитывать национальные и религиозные обычаи при разрешении споров, касающихся защиты чести, достоинства и деловой репутации, а также при определении границ свободы совести. Однако этот учет жестко ограничивается императивными нормами федерального законодательства, запрещающими любые формы дискриминации или ущемления прав по признакам вероисповедания, языка или происхождения. Верховный Суд РФ последовательно указывает, что защита личных неимущественных прав должна обеспечивать баланс между свободой самовыражения личности и защитой общественных интересов. Историческая специфика России, где коллективистские начала часто преобладали над индивидуалистическими, учитывается через призму принципа соразмерности ограничения прав. Например, при рассмотрении дел о защите репутации государственных деятелей или публичных фигур суды учитывают повышенный уровень критики, допустимый в обществе, но строго следят за тем, чтобы такая критика не переходила в оскорбления или разглашение частной жизни, что противоречит международным стандартам. Автор считает, что следует совершенствовать правоприменительную практику через механизмы медиации и альтернативного разрешения споров. В ситуациях, где конфликт возникает на почве культурных или бытовых разногласий (например, семейные споры, вопросы воспитания детей), применение жестких карательных мер может усугубить ситуацию. Решение проблемы видится в стимулировании примирительных процедур, которые позволяют учесть эмоциональный и культурный контекст конфликта, сохраняя при этом законные права всех участников. Также важным компонентом остается правовое просвещение, через источники СМИ, учебные факультативы, повышение вовлечённости населения в изучение нормативноправовой базыТаким образом, решение проблемы заключается не в противопоставлении истории и права, а в интеграции культурного контекста в правовое поле через механизмы гибкого толкования норм, защиту от дискриминации и развитие правосознания общества.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. –М.: Эксмо, 2026. – 63 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации: принят Государственной думой 26 ноября 2001 года: с изм. и доп. // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.
3. Красавчикова Л.О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации /Л. О. Красавчикова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. юрид. акад., 1994. – 199 с.
4. Иоффе О.С. Личные неимущественные права и их место в системе советского гражданского права/ О.С. Иоффе//Советское государство и право-1966.№ 7-С.51–59.
5. Кашанин А.В. О проблеме распоряжения личными неимущественными правами автора /А.В.Кашанин//Вестник гражданского права-2009-№ 4-С 44–98.
6. Каминская Е.И. Личные неимущественные права автора. Отказ от ненужных иллюзий или утрата ценностей./ Е.И. Каминская// Актуальные вопросы Российского частного права.-Москва: Статус,2028.-С.224–260.
7. Нерсесянц В.С. Личные неимущественные права./ В.С. Нерсесянц// Философия права. – Москва:2020 г.-С. 456–848.
8. Джамалудинов Р.А. История развития личных неимущественных правоотношений в гражданском праве России/ Р.А. Джамалудинов//.Современное право.-Москва-1997 г.
9. Чекашкин В. С. «Историческое развитие отношений нематериальных благ в предмете гражданского права». В.С. Чекашин // Научный Лидер. 2024. № 1 (151). С. 65–68
10. Лившиц Р.З. Теория права: учеб. для студентов юрид. вузов / Р.З. Лившиц. – Москва: Бек, 1994. – 208, с. – ISBN 5-85639-040-7
11. Сергеевич В.И. Русские юридические древности. Т. 1. СПб., 1890 г.
12. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. – 8-е изд. – Москва: Статут, 2020. – 351 с. – (Классика российской цивилистики). – ISBN 978-5-8354-1635-6.
13. Шершеневич Г. Ф. «Наука гражданского права в России» (1893)

RUSSIAN SPECIFICS: HOW HISTORICAL AND CULTURAL FEATURES AFFECT THE PERCEPTION OF PERSONAL NON-PROPERTY RIGHTS

Fayruzova G.R., Deryugina T.V.
University of Synergy

This work is devoted to the study of the specifics of the perception of personal non-property rights in Russian society through the prism of historical and cultural traditions.The

article examines the legal nature and content of personal non-property rights, key legal factors influencing the formation and legal attitudes of Russians, including historical heritage, mentality and social structure.The purpose of the study is to identify the relationship between the cultural and historical characteristics of the Russian people, civil law, legal structure and perception of the main categories of personal non-property rights, such as the right to life, health, dignity, honor and reputation. The research is based on the methods of historical and legal analysis, civics, analysis of judicial practice. The results show that civics, historical and cultural experience determine the current state of non-property rights of citizens in Russia.

Keywords: personal non-property rights, history of law, culture, legal culture, intangible assets, protection of law

Refefences

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993. Moscow: Eksmo, 2026. 63 p. ill.

2. The Civil Code of the Russian Federation: adopted by the State Duma on November 26, 2001: as amended and supplemented // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 49. – St. 4552.

3. L. Krasavchikova. O.N. The concept and system of personal non-property rights of citizens (individuals) in the civil law of the Russian Federation / L. N. O.N. Krasavchikova. Yekaterinburg: Ural Publishing House. jurid. akad., 1994. – 199 p. ill.

4. O. Ioffe.St. Personal non-property rights and their place in the system of Soviet civil law/ O.N. St.Joffe / / The Soviet state and Law-1966.From No. 7.51–59.

5. A. Kashanina, V.N. On the problem of disposing of the author's personal non-property rights /A. N.V. N.Kashanin / / Bulletin of Civil Law-2009-No. 4-Pp. 44–98.

6. E. Kaminskaya.I. N. Kaminskaya, Personal non-property rights of the author: Renunciation of unnecessary illusions or loss of values. / E. N.I. N. Kaminskaya / / Current issues of Russian private law. – Moscow: Status,2028. – St.224–260.

7. V. Nersesyants.St. Personal non-property rights./ V.N. St. Nersesyants / / Philosophy of Law. – Moscow:2020– St. 456–848.

8. R. Jamaludinov, A.N. The history of the development of personal non-property relations in Russian civil law/ R. N.A. N. Jamaludinov//.Modern law. – Moscow, 1997.

9. V. Chekashkina. St. "The historical development of relations of intangible assets in the subject of civil law." V.N. St. Chekashin / / Scientific Leader. 2024. No. 1 (151). St. 65–68

10. R. Livshitsa. Z. Theory of law: textbook. for law students. universities / R. N.Z. Livshits. – Moscow: Bek, 1994. – 208, p.: ill. – ISBN 5-85639-040-7

11. Sergeevich V.N.I. N. Russian legal antiquities. Doctor of Law 1. St. Petersburg, 1890.

12. I. Pokrovsky. A.N. The main problems of civil law / I. N. A.N. Pokrovsky. –8th ed. – Moscow: Statute, 2020. 351 p. ill. (Classics of Russian Civics). – ISBN 978-5-8354-1635-6.

13. G. Shershenevich, F. N. "The Science of Civil Law in Russia" (1893)

Исторические аспекты развития современного статуса арбитра

Фрогерц Константин,
магистрант, кафедра международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»
E-mail: k.gerts1@mail.ru

Статья посвящена историческому анализу становления современного статуса арбитра в международном коммерческом и инвестиционном арбитраже. Автор прослеживает эволюцию фигуры третейского посредника от античных истоков через средневековую практику торговых судов и lex mercatoria до институционализации арбитража в XX веке с появлением постоянных арбитражных центров и унифицированных регламентов. Подробно рассматривается формирование требований независимости и беспристрастности арбитров под влиянием Регламента и Типового закона ЮНСИТРАЛ, а также Руководящих принципов IBA, закрепивших объективные критерии оценки конфликта интересов. Анализируются договорная и юрисдикционная теории статуса арбитра, их исторические противоречия и гибридное сочетание в современной доктрине и судебной практике, включая позиции Верховных судов Индии и Гонконга по вопросам квазисудебных функций и иммунитета арбитров. Особое внимание уделено специфике инвестиционного арбитража, публично-правовому измерению споров между инвесторами и государствами, а также дискуссии о реформировании этой системы. Отдельно рассматривается статус медиатора и история развития медиации как альтернативного способа разрешения споров.

Ключевые слова: статус арбитра; международный коммерческий арбитраж; независимость и беспристрастность арбитров; ЮНСИТРАЛ; конфликт интересов.

Современный статус арбитра в международном коммерческом и инвестиционном арбитраже, характеризующийся сложным сочетанием частноправовых и квазисудебных черт, развитой системой требований к независимости и беспристрастности, особым режимом ответственности и иммунитета, а также значительными полномочиями по разрешению споров, представляет собой результат длительной исторической эволюции, уходящей корнями в глубокую древность и отражающей постепенное превращение фигуры частного посредника, избранного спорящими сторонами, в участника институционализированной системы транснационального правосудия.

Понимание исторических предпосылок формирования этого статуса требует обращения к нескольким эпохам и правовым традициям, каждая из которых внесла свой вклад в становление современных представлений о роли, функциях и обязанностях арбитра: к античным истокам третейского разбирательства, в которых сложилось само представление об арбитре как избранном сторонами лице, разрешающем спор.

Отдельного рассмотрения требует развитие lex mercatoria в средние века. К средневековой практике торговых судов и купеческого права, придавшей арбитражу коммерческую направленность; к развитию национального арбитражного законодательства в эпоху промышленной революции и расширения международной торговли; к формированию в XX веке институциональной инфраструктуры международного коммерческого арбитража с его постоянными арбитражными центрами и унифицированными правилами; и, наконец, к возникновению во второй половине XX века принципиально нового феномена – инвестиционного арбитража, поставившего перед фигурой арбитра особые задачи, связанные с разрешением споров между частными инвесторами и суверенными государствами. Сопоставление статуса арбитра в этих двух ветвях современного арбитража – коммерческой и инвестиционной – обнаруживает как общие исторические корни, так и существенные различия, обусловленные публично-правовым измерением инвестиционных споров, и позволяет проследить, каким образом исторически сложившиеся представления о частной природе арбитража взаимодействуют с потребностью в обеспечении легитимности и подотчётности арбитров, разрешающих споры, затрагивающие публичные интересы.

Важным поворотным моментом стала институционализация арбитража и стандартизация арбитражных процедур с помощью правил. Более ранние регламенты были сосредоточены в основном на назначении, раскрытии информации арбитрами и их отводе, но со временем они стали определять гораздо более широкие полномочия арбитра.

Регламент ЮНСИТРАЛ 1976 года обеспечивает первоначальную основу: правила, содержащиеся в документе, прежде всего касались раскрытия обстоятельств, которые могут вызвать обоснованные сомнения относительно беспристрастности или независимости.

Эта институциональная стандартизация имела историческое значение, поскольку она избавила арбитра от образа слабо регулируемого частного делегата. Как только назначение, раскрытие информации, отвод, замена, управление процедурами и даже конфиденциальность были стандартизированы в соответствии с международными правилами, арбитры стали играть более независимую роль в арбитражном процессе.

Центральное место в современном статусе арбитра занимают требования независимости и беспристрастности, исторические предпосылки формирования которых заслуживают особого рассмотрения. Хотя представление о необходимости непредвзятого разрешения спора восходит к глубокой древности, развитая система требований к независимости и беспристрастности арбитров сформировалась лишь в XX веке в связи с институционализацией и профессионализацией арбитража.

Прежняя практика допускала двусмысленность, особенно в отношении арбитров, назначенных сторонами. Исследование, проведенное в 1998 году, показало, что некоторые режимы США допускали назначение представителей, у которых не было обязанности действовать полностью нейтрально и стороны часто искали арбитров, которые с точки зрения доктринальных или культурных предпочтений занимали позицию, близкую по содержанию к позиции стороны спора при условии, что эти предрасположенности не были равносильны дисквалифицирующей предвзятости.

Однако со временем нейтралитет стал неотъемлемой частью деятельности арбитра. Типовой закон ЮНСИТРАЛ и Регламент ЮНСИТРАЛ закрепили формулировку «обоснованные сомнения» в качестве основания для отвода, что указывает на то, что от всех арбитров ожидается беспристрастность и независимость. Затем Руководящие принципы IBA превратили эти стандарты в объективную систему урегулирования конфликтов, используя критерий «разумного третьего лица» для дисквалификации и режим раскрытия информации, ориентированный на вопросы, которые могут вызвать сомнения «в глазах сторон».

Обязанности по раскрытию информации также превратились из разумной практики в обязанность арбитров. На сегодняшний день институциональные правила требуют раскрытия информации о вопросах, которые могут повлиять на беспристрастность, включая предвзятость, финансовые или личные интересы, а также отношения со сторонами или адвокатом. Эта обязанность стала шире, чем фактический стандарт оспаривания: в соответствии с Типовым законом раскрытие информации требуется всякий раз, когда обстоятельства могут вызвать обоснованные сомнения, даже если они в конечном счете не могут оправдать дисквалификацию. Современные материалы IBA требуют раскрытия до назначения и на постоянной основе, разрешают сомнения в пользу раскрытия и налагают разумные обязанности по проведению расследования как на арбитров, так и на стороны.

Судебная практика подкрепила этот переход от фактической предвзятости к стандартам, основанным на полной независимости и беспристрастности. Данные свидетельствуют о том, что в соответствии с практикой ЮНСИТРАЛ и МЦУИС фактическую предвзятость доказывать не нужно; при возникновении обоснованных сомнений достаточно объективно оценить видимость предвзятости.

Это изменение имеет ключевое значение для современного статуса арбитров, поскольку оно сделало нейтральность институциональным требованием к должности, а не вопросом личной чести или ожиданиями сторон. Арбитр стал тем, кто должен быть беспристрастным и независимым и должен восприниматься как таковой вне зависимости от уровня этических стандартов отдельных лиц.

Типовой закон ЮНСИТРАЛ закрепил обязанность арбитра сообщать обо всех обстоятельствах, способных вызвать обоснованные сомнения в его беспристрастности или независимости, и установил основания для отвода арбитра при наличии таких сомнений [5]. Существенным дополнением к законодательному регулированию стало формирование систем профессиональных стандартов и этических норм, среди которых особое значение приобрели Руководящие принципы Международной ассоциации юристов относительно конфликта интересов в международном арбитраже, впервые принятые в 2004 году и впоследствии пересматривавшиеся, которые выработали детализированную систему критериев оценки независимости и беспристрастности арбитров, основанную на градации различных ситуаций конфликта интересов [11]. Формирование этих стандартов отразило растущее осознание того, что легитимность арбитража как способа разрешения споров зависит от доверия к беспристрастности арбитров, и что в условиях, когда арбитры назначаются сторонами и нередко связаны с участниками арбитражного сообщества разнообразными профессиональными отношениями, необходимы чёткие правила, обеспечивающие непредвзятость разбирательства. Историческое развитие требований независимости и беспристрастности демонстрирует постепенный переход от неформального доверия к избранному сторонами арбитру к развитой системе формализованных стандартов, отражающей профессионализацию и институционализацию современного арбитража.

В результате изменения практического статуса арбитров, развития исследований в данной области сформировались две ведущие теории статуса арбитра – договорная и юрисдикционная [14]. Договорная теория в качестве основы полномочий арбитра устанавливает автономию воли, проявляющуюся в выражении согласия сторон на наделение арбитра полномочиями на разрешение спора. В данной модели роль государственных органов сведена к минимуму, обращение к ним производится лишь для post factum приведения в исполнение решения арбитража и введения сателлитных мер арбитражной процедуры.

Основным элементом юрисдикционной теории выступает законное дозволение на передачу сторонами споров в арбитраж и установление законной силы арбитражного решения. В соответствии с данной теорией арбитр по своей роли находится гораздо ближе к государственному судье, чем к лицу, оказывающему по назначению стороны услуги по разрешению спора.

Исторически сложилось так, что договорная и юрисдикционная теории впервые появились как противоположности. Вместе с тем применение в чистом виде каждой из теорий является невозможным. Договорная теория не может полностью объяснить иммунитет, надлежащую правовую процедуру и предел полномочий арбитра, являющиеся важным аспектом функционирования арбитра в процедуре. Вместе с тем в качестве недостатка юрисдикционной теории отмечается невозможность теоретического обоснования зависимости результата арбитража, арбитражного решения от действительности арбитражного соглашения.

В связи с этим современный подход к вопросу роли арбитра является гибридным. Наиболее очевидная позиция, подтверждаемая исследователями, заключается в том, что арбитраж является договорным по своей сути, но судебным по своей функции [8, абзацы 59–61]. Именно поэтому современная доктрина и прецедентное право могут одновременно рассматривать назначение арбитра как договорное, функцию арбитра как квазисудебную, обязанности арбитра как регулируемые законом, а арбитражное решение как зависящее от согласия обеих сторон и судебного признания [13, с. 14].

Еще одним поворотным моментом стало признание судебной практикой квазисудебных функций арбитра. Суды и арбитражные трибуналы все чаще рассматривают арбитров как лиц, обладающих юрисдикционными полномочиями, а не как обычных поставщиков услуг по контракту, особенно когда речь идет об иммунитете, отводе или проведении судебного разбирательства.

Верховный суд Индии дал одну из самых четких формулировок. В деле *Afcons Gunanusa v. ONGC* он постановил, что, хотя многие аспекты отношений между сторонами и арбитрами являются договорными, национальное арбитражное законодательство наделяет арбитров «квазисудебным» статусом беспристрастных судей [7, абзац 87].

Верховный суд Гонконга в деле *Song v. Que* высказал ту же точку зрения в части иммунитета. Суд постановил, что арбитры должны пользоваться иммунитетом судебного типа в отношении принятия решений, поскольку они выполняют судебную функцию и должны быть защищены от сопутствующих судебных разбирательств и репрессий со стороны недовольных сторон [12, абзацы 34–38].

Принципиально новый этап в развитии статуса арбитра связан с возникновением во второй половине XX века инвестиционного арбитража, поставившего перед фигурой арбитра особые задачи и породившего специфическую проблематику, отличную от проблематики коммерческого арбитража. Инвестиционный арбитраж сформировался как механизм разрешения споров между иностранными инвесторами и принимающими государствами, основанный на системе международных инвестиционных соглашений и на учреждённом в 1965 году Вашингтонской конвенцией Международном центре по урегулированию инвестиционных споров [3].

Существенной особенностью инвестиционного арбитража, отличающей его от коммерческого, является публично-правовое измерение разрешаемых споров: арбитр в инвестиционном арбитраже разрешает спор, в котором одной из сторон выступает суверенное государство, а предметом нередко являются меры государственного регулирования, затрагивающие публичные интересы, что придаёт функции арбитра особую значимость и порождает специфические требования к его статусу. В отличие от коммерческого арбитража, в котором спор затрагивает преимущественно частные интересы сторон, инвестиционный арбитраж нередко затрагивает вопросы публичной политики, экологического регулирования, защиты прав человека и иные публично значимые сферы, что обусловливает повышенное внимание к легитимности и подотчётности арбитров.

В современный период развернулась масштабная дискуссия о реформировании системы разрешения инвестиционных споров, в ходе которой обсуждаются различные предложения – от создания постоянного многостороннего инвестиционного суда с назначаемыми на длительный срок судьями вместо назначаемых сторонами арбитров до введения апелляционного механизма и ужесточения требований к независимости и беспристрастности арбитров [15, с. 3–12].

Эти предложения отражают стремление преодолеть унаследованные от коммерческого арбитража черты статуса арбитра, которые признаются недостаточно адекватными для разрешения публично значимых инвестиционных споров, и приблизить статус лица, разрешающего такие споры, к статусу постоянного судьи с соответствующими гарантиями независимости и подотчётности. Дискуссия о реформировании инвестиционного арбитража, ведущаяся в том числе в рамках Комиссии ООН по праву международной торговли, свидетельствует о том, что статус арбитра в инвестиционном арбитраже находится в процессе активной трансформации, направленной на повышение легитимности системы разрешения инвестиционных споров.

Это развитие демонстрирует, что исторически сложившаяся частноправовая модель статуса арбитра, подходящая для коммерческого арбитража, оказывается недостаточной в условиях инвестиционного арбитража с его публично-правовым измерением, что обусловливает

потребность в выработке нового, гибридного статуса, сочетающего элементы частного арбитража и публичного правосудия.

Арбитраж между инвесторами и государствами ввел прозрачность как неотъемлемую черту, по крайней мере, части арбитражного процесса. В примечаниях ЮНСИТРАЛ по организации арбитражного разбирательства признается, что специфические характеристики арбитража между инвесторами и государствами, основанного на международных договорах, побудили к разработке режимов прозрачности. Регламент ЮНСИТРАЛ о прозрачности требует, чтобы суды учитывали «общественный интерес к прозрачности арбитражного разбирательства между инвесторами и государством на основе международных договоров».

Практика международных договоров подтверждает все это. Современные международные договоры и типовые ДИД требуют знаний в области международного публичного права, независимости от Сторон и инвестора, постоянного раскрытия информации, структурированных процедур оспаривания, а иногда и кодексов поведения, прилагаемых к международным договорам. НАФТА даже составила список квалифицированных председательствующих арбитров, имеющих опыт работы в области международного права и инвестиционных вопросов [4, ст. 1124].

Исторически сложилось так, что арбитраж между инвесторами и государством, таким образом, еще больше приблизил этот орган к регулируемому государственно-правовому судопроизводству, даже несмотря на то, что трибунал по-прежнему создается на основе согласия, а не постоянного назначения судей.

Арбитр в коммерческом или инвестиционном арбитраже наделён полномочием вынести обязательное для сторон решение, разрешающее спор по существу, тогда как медиатор подобным полномочием не обладает: его функция состоит в содействии сторонам в достижении взаимоприемлемого соглашения, а не в принятии властного решения за них. Медиатор не выносит решения, не устанавливает обстоятельства дела с обязывающей силой и не определяет права и обязанности сторон; он выступает нейтральным третьим лицом, помогающим участникам спора самостоятельно прийти к урегулированию посредством переговоров, организованных и направляемых при его участии [1, с. 9–21]. Это принципиальное различие в природе функции предопределяет и различие в статусе: если статус арбитра тяготеет к квазисудебному, то статус медиатора остаётся преимущественно фасилитативным, содействующим, и формируется вокруг иных ценностей – прежде всего вокруг идей нейтральности, добровольности, конфиденциальности и самоопределения сторон.

Несмотря на древность примирительных традиций, современная медиация как формализованный институт разрешения споров сложилась относительно недавно – во второй половине XX века, причём её формирование связано прежде всего с развитием движения за альтернативное разрешение споров в Соединённых Штатах Америки. В условиях перегруженности судебной системы, высокой стоимости и длительности судебного разбирательства в американском обществе сформировался запрос на альтернативные, внесудебные способы разрешения конфликтов, среди которых медиация заняла центральное место. Движение за альтернативное разрешение споров, развернувшееся в США начиная с 1970-х годов, способствовало превращению неформального посредничества в структурированную процедуру с выработанными методиками, стандартами и профессиональными требованиями к медиаторам [9].

Распространение медиации в Европе и её законодательное закрепление в европейских правопорядках стало следующим важным этапом в формировании современного статуса медиатора, причём ключевую роль в этом процессе сыграло принятие Европейским союзом Директивы 2008/52/ЕС о некоторых аспектах медиации по гражданским и торговым делам. Эта Директива, направленная на содействие использованию медиации и обеспечение сбалансированного соотношения между медиацией и судебным разбирательством, установила ряд важных положений, касающихся статуса медиатора, включая требования к качеству медиации, обеспечению конфиденциальности и приданию исполнимости соглашениям, достигнутым в результате медиации [10, с. 3].

Российская Федерация также восприняла институт медиации, приняв в 2010 году Федеральный закон об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации), закрепивший статус медиатора и требования к нему в российском правопорядке [6].

Принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 2018 году Сингапурская конвенция создала гармонизированный правовой режим признания и приведения в исполнение международных мировых соглашений, достигнутых в результате медиации, тем самым устранив одно из главных препятствий, сдерживавших распространение международной коммерческой медиации– сложность или невозможность принудительного исполнения медиативных соглашений в иностранных государствах [2].

Подводя итог рассмотрению исторических предпосылок формирования современного статуса арбитров в международном коммерческом и инвестиционном арбитраже, а также медиаторов, следует заключить, что этот статус представляет собой результат длительной эволюции, в ходе которой фигура частного посредника, избранного спорящими сторонами и черпающего свои полномочия из их соглашения, постепенно превратилась в участника институционализированной системы транснационального правосудия с развитой системой требований к независимости, беспристрастности, профессиональной компетентности и подотчётности. Античные истоки заложили фундаментальное представление о консенсуальной природе полномочий арбитра, средневековая практика придала арбитражу коммерческую направленность и связала его с транснациональным купеческим правом, развитие национального законодательства в эпоху промышленной революции закрепило правовые основы арбитража и сформировало проблематику соотношения частной автономии и публичного контроля, а процессы институционализации и международной унификации XX века создали современную инфраструктуру международного коммерческого арбитража с едиными стандартами статуса арбитра. Формирование требований независимости и беспристрастности, особого режима ответственности и иммунитета отразило осознание двойственной, гибридной природы функции арбитра, сочетающей частноправовые и квазисудебные черты. Возникновение инвестиционного арбитража во второй половине XX века поставило перед фигурой арбитра принципиально новые задачи, связанные с публично-правовым измерением инвестиционных споров, и обнаружило неадекватность простого перенесения коммерческой модели статуса арбитра на споры, затрагивающие публичные интересы, что породило современную дискуссию о реформировании системы разрешения инвестиционных споров и о выработке нового статуса лица, разрешающего такие споры. Сопоставление статуса арбитра в коммерческом и инвестиционном арбитраже обнаруживает, таким образом, как общие исторические корни обеих ветвей арбитража, восходящие к консенсуальной модели третейского разбирательства, так и существенные различия, обусловленные публично-правовым характером инвестиционных споров и потребностью в повышенных гарантиях легитимности и подотчётности арбитров. Общий вывод состоит в том, что современный статус арбитра не является застывшей конструкцией, а продолжает развиваться под влиянием меняющихся потребностей разрешения трансграничных споров, причём в инвестиционном арбитраже это развитие приобретает особую интенсивность, отражая фундаментальное напряжение между унаследованной частноправовой моделью и публично-правовыми требованиями современности, и именно понимание исторических предпосылок формирования этого статуса позволяет адекватно оценить как его современное состояние, так и перспективы его дальнейшей трансформации.

Литература

1. Бесемер Х. Медиация. Посредничество в конфликтах / пер. с нем. Калуга: Духовное познание, 2004. С. 15–28; Аллахвердова О.В., Карпенко А.Д. Медиация – переговоры с участием посредника. СПб.: Роза мира, 2007. С. 9–21.

2. Конвенция Организации Объединённых Наций о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации (Нью-Йорк, 2018 г.) («Сингапурская конвенция о медиации»). Принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 73/198 от 20 декабря 2018 г.; вступила в силу.

3. Конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств (Вашингтон, 18 марта 1965 г.).

4. Североамериканское соглашение о свободной торговле (подписано 17 декабря 1992 года, вступило в силу 1 января 1994 года).

5. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже 1985 года (с изменениями, принятыми в 2006 году). Нью-Йорк: Организация Объединённых Наций, 2008.

6. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31. Ст. 4162.

7. Afcons Gunanusa JV v. Oil and Natural Gas Corporation Ltd. (ONGC), Judgment of the Supreme Court of India, 30 August 2022, para. 87.

8. Central Organisation for Railway Electrification v. M/s ECI SPIC SMO MCML (JV) A Joint Venture Company, Judgment of the Supreme Court of India 2024 INSC 857, 8 November 2024, paras. 59–61.

9. Davis A.M. The Roots and Rationale of Alternative Dispute Resolution // Mediation: Principles and Practice.

10. Directive 2008/52/EC of the European Parliament and of the Council of 21 May 2008 on certain aspects of mediation in civil and commercial matters // Official Journal of the European Union. 2008. L 136. P. 3.

11. IBA Guidelines on Conflicts of Interest in International Arbitration. London: International Bar Association, 2014. P. 3–10.

12. Lihua Song v. Wenbin Que (Lee Chen Hon), Judgment of the Court of First Instance of the High Court of Hong Kong [2023] HKCFI 1954, 31 July 2023, paras. 34–38.

13. Philippe Fouchard, Relationships Between the Arbitrator and the Parties and the Arbitral Institution, in Special Supplement 1995: The Status of the Arbitrator, The International Chamber of Commerce (ICC DRL), p. 14.

14. Tamieka Spencer Bruce, A Choice of Public Law? Resolving the International Arbitrator's Dilemma, in The American Review of International Arbitration Vol. 20 Issue 1, 01 January 2009, Pp. 108–109.

15. UNCITRAL Working Group III (Investor-State Dispute Settlement Reform): Possible reform of investor-State dispute settlement (ISDS). Note by the Secretariat. A/CN.9/WG.III/WP.149. Vienna: United Nations, 2018. P. 3–12.

HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF THE MODERN STATUS OF AN ARBITRATOR

Frogerts K.
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The article article offers a historical analysis of the formation of the modern status of the arbitrator in international commercial and investment arbitration. The author traces the evolution of the arbitrator from ancient origins, through the medieval practice of merchant courts and lex mercatoria, to the institutionalization of arbitration in the twentieth century with the emergence of permanent arbitral institutions and harmonized rules. The article examines in detail the development of independence and impartiality requirements for arbitrators under the influence of the UNCITRAL Rules and Model Law, as well as the IBA Guidelines, which established objective criteria for assessing conflicts of interest. It analyzes the contractual and jurisdictional theories of the arbitrator's status, their historical opposition, and their hybrid combination in modern doctrine and case law, including the positions of the Supreme Courts of India and Hong Kong on the quasi-judicial functions and immunity of arbitrators. Particular attention is given to the specifics of investment arbitration, the public-law dimension of investor-state disputes, and the ongoing debate on reforming this system. The status of the mediator and the history of mediation as an alternative dispute resolution method are also examined separately.

Keywords: arbitrator status; international commercial arbitration; independence and impartiality of arbitrators; UNCITRAL; conflict of interest

References

1. Besemer H. Mediation: Mediation in Conflicts / transl. from German. Kaluga: Dukhovnoe Poznanie, 2004. Pp. 15–28; Allakhverdova O.V., Karpenko A.D. Mediation – Negotiation with the Participation of an Intermediary. St. Petersburg: Roza Mira, 2007. Pp. 9–21.

2. United Nations Convention on International Settlement Agreements Resulting from Mediation (New York, 2018) ("Singapore Convention on Mediation"). Adopted by UN General Assembly Resolution 73/198 of 20 December 2018; entered into force.

3. Convention on the Settlement of Investment Disputes between States and Nationals of Other States (Washington, 18 March 1965).

4. North American Free Trade Agreement (signed 17 December 1992, entered into force 1 January 1994).

5. UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration of 1985 (with amendments adopted in 2006). New York: United Nations, 2008.

6. Federal Law "On the Alternative Procedure for the Settlement of Disputes with the Participation of a Mediator (Mediation Procedure)" of 27 July 2010 No. 193-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2010. No. 31. Art. 4162.

7. Afcons Gunanusa JV v. Oil and Natural Gas Corporation Ltd. (ONGC), Judgment of the Supreme Court of India, 30 August 2022, para. 87.

8. Central Organisation for Railway Electrification v. M/s ECI SPIC SMO MCML (JV) A Joint Venture Company, Judgment of the Supreme Court of India 2024 INSC 857, 8 November 2024, paras. 59–61.

9. Davis A.M. The Roots and Rationale of Alternative Dispute Resolution // Mediation: Principles and Practice.

10. Directive 2008/52/EC of the European Parliament and of the Council of 21 May 2008 on certain aspects of mediation in civil and commercial matters // Official Journal of the European Union. 2008. L 136. P. 3.

11. IBA Guidelines on Conflicts of Interest in International Arbitration. London: International Bar Association, 2014. Pp. 3–10.

12. Lihua Song v. Wenbin Que (Lee Chen Hon), Judgment of the Court of First Instance of the High Court of Hong Kong [2023] HKCFI 1954, 31 July 2023, paras. 34–38.

13. Philippe Fouchard, Relationships Between the Arbitrator and the Parties and the Arbitral Institution, in Special Supplement 1995: The Status of the Arbitrator, The International Chamber of Commerce (ICC DRL), p. 14.

14. Tamieka Spencer Bruce, A Choice of Public Law? Resolving the International Arbitrator's Dilemma, in The American Review of International Arbitration Vol. 20 Issue 1, 01 January 2009, Pp. 108–109.

15. UNCITRAL Working Group III (Investor-State Dispute Settlement Reform): Possible Reform of Investor-State Dispute Settlement (ISDS). Note by the Secretariat. A/CN.9/WG.III/WP.149. Vienna: United Nations, 2018. Pp. 3–12.

Генеративный искусственный интеллект в искусстве: критерии творческого вклада и проблемы профессионального признания

Хайруллина Рушана Салихзяновна,
кандидат юридических наук, преподаватель кафедры искусственного интеллекта и когнитологии Института искусственного интеллекта, робототехники и системной инженерии, Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: rusha-na@yandex.ru

Предмет исследования составляют критерии юридически значимого творческого участия человека при использовании генеративного искусственного интеллекта в искусстве и частноправовые проблемы профессионального признания. Цель работы заключается в разработке критериев оценки человеческого творческого вклада и условий достоверной профессиональной атрибуции результата. Использованы формально-юридический, системный, функциональный и сравнительно-правовой методы, а также анализ судебных и административных материалов. Установлено, что человеческий творческий вклад следует оценивать по критериям индивидуализированного творческого выбора, направленного воздействия и причинной связи с итоговой формой, а самостоятельная переработка служит дополнительным, но не обязательным показателем. Новизна выражается в разграничении авторско-правовой квалификации и профессиональной оценки результата, а также в определении условий раскрытия существенного использования генеративной системы. Результаты применимы в договорах, конкурсах, выставках, правилах цифровых платформ и внутренних политиках организаций креативных индустрий.

Ключевые слова: генеративный искусственный интеллект, авторское право, искусство, творческий вклад, профессиональное признание, этические риски, прозрачность, цифровая идентичность.

Введение

Генеративный искусственный интеллект применяется при создании изображений, музыкальных композиций и аудиовизуальных произведений, изменяя условия художественного труда, профессиональной конкуренции и авторской атрибуции. Генеративная система способна формировать технически завершённый объект на основании текстового запроса, исходного изображения или иных материалов, но внешний результат не раскрывает объём человеческого участия и характер решений пользователя. Конституция Российской Федерации закрепляет, что «каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Интеллектуальная собственность охраняется законом», однако свобода выбора технических средств не отменяет необходимости установить лицо, сформировавшее индивидуальные характеристики произведения. Поэтому юридическая квалификация должна зависеть не от факта использования искусственного интеллекта, а от содержания человеческих решений, характера управления генерацией и их выражения в итоговой форме.

Вместе с тем отсутствие сведений о способе создания произведения может вводить заказчиков, экспертные комиссии и профессиональное сообщество в заблуждение, а недостоверная атрибуция способна влиять на стоимость результата, репутацию автора и итоги профессионального отбора. В.О. Калятин отмечает: «Перед человечеством встала проблема выработки отношения (в том числе и с точки зрения права) к интеллектуальной собственности, созданной не человеком, причем не в качестве курьезного исключения, а уже типичной ситуации» [3, с. 27], и указанная позиция подтверждает системный характер возникающих противоречий.

Цель статьи состоит в разработке критериев юридически значимого творческого участия человека и условий добросовестного раскрытия применения генеративных технологий, а методологическую основу образуют формально-юридический, системный, функциональный и сравнительно-правовой методы.

Результаты и обсуждение

Художественное произведение приобретает общественное и экономическое значение не только благодаря своей внешней форме, но и вследствие включения в договорный, конкурсный, выставочный и платформенный оборот, а способ его создания начинает влиять на оценку результата именно в отношениях с заказчиком, профессиональным сообществом и аудиторией. Заказчик соотносит произведение с квалификацией исполнителя, конкурсная комиссия проверяет соблюдение установленных правил, а зритель связывает художественную форму с личностью автора и его профессиональным опытом. Генеративная система способна создавать внешне завершённый объект, но его визуальные свойства не позволяют установить объём человеческого участия, а сам факт применения цифрового инструмента также не свидетельствует об отсутствии творчества. Поэтому юридическая оценка должна учитывать не только свойства результата, но и обстоятельства его создания, при которых художественные характеристики, сформированные генеративной системой, могут ошибочно восприниматься как подтверждение личного мастерства пользователя.

На этом фоне социальный эффект генеративных сервисов приобретает двойственный характер: снижение затрат расширяет доступ к художественным практикам, но одновременно увеличивает объём доступного контента, затрудняет установление его происхождения и может усиливать зависимость автора от цифровой платформы. Р.А. Будник пишет: «В свете юридической механики данная проблема проявляется так, что массовая генерация контентных форм машинными средствами привела к утрате адекватности авторско-правового механизма в том, что касается правил наделения авторскими правами претендующего на них субъекта, а также признания охраноспособности предъявляемого к охране объекта» [1, с. 86], и обозначенная неопределённость проявляется не только при признании авторства, но и при оценке действительного объёма профессиональной работы. Подготовительный труд художника становится менее заметным для заказчика и аудитории, отдельные профессиональные операции могут

скрыто замещаться автоматической генерацией, а владелец сервиса определяет условия доступа к модели, хранения данных и использования результата. Тем самым технологическая доступность сочетается с перераспределением контроля над созданием и распространением произведений между автором и цифровой платформой.

Возникающая вследствие этих изменений информационная асимметрия непосредственно затрагивает профессиональное признание, поскольку заказчик либо конкурсная комиссия могут ошибочно связать художественные характеристики результата, сформированные генеративной системой, с личным мастерством участника. Профессиональное признание не образует исключительного права на профессию, художественный стиль или общественное одобрение, а его защита обеспечивается посредством права авторства, права на имя, защиты деловой репутации, договорных интересов и обязанности организатора применять заранее опубликованные правила профессионального отбора. Экономическое значение происхождения результата подтверждает закон: «креативный продукт – результат интеллектуальной деятельности или совокупность результатов интеллектуальной деятельности, а также продукция, работы, услуги, добавленная стоимость которых обусловлена использованием результатов интеллектуальной деятельности и (или) средств индивидуализации», и стоимость произведения может зависеть не только от его внешних характеристик, но и от репутации автора, его квалификации и характера участия в создании объекта. Разграничение способов защиты связано с принципом добросовестности, поскольку оборот креативного продукта подчиняется положению: «В случаях, когда закон ставит защиту гражданских прав в зависимость от того, осуществлялись ли эти права разумно и добросовестно, разумность действий и добросовестность участников гражданских правоотношений предполагаются». Однако эта норма не устанавливает обязанности сообщать о любом применении искусственного интеллекта, поэтому раскрытию подлежит только такое участие системы, которое способно повлиять на цену произведения, условия договора, допуск к конкурсу или оценку профессионального мастерства. Конкретный объём сведений должен определяться договором, конкурсными правилами или условиями цифровой платформы, а последствия сокрытия – зависеть от существенности информации для решения другой стороны.

Поскольку достоверность профессиональной оценки зависит от установления действительного творческого вклада, необходимо обратиться к нормативному разграничению авторства и технического содействия. Гражданский кодекс Российской Федерации предусматривает: «Автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат. Не признаются авторами результата интеллектуальной деятельности граждане, не внесшие личного творческого вклада в создание такого результата, в том числе оказавшие его автору только техническое, консультационное, организационное или материальное содействие или помощь либо только способствовавшие оформлению прав на такой результат или его использованию, а также граждане, осуществлявшие контроль за выполнением соответствующих работ», и выбор сервиса, оплата подписки либо общее руководство проектом сами по себе авторства не создают. Специальная норма уточняет: «Автором произведения науки, литературы или искусства признается гражданин, творческим трудом которого оно создано», а генеративная модель не относится к числу граждан и не приобретает личных либо исключительных прав. В.А. Лаптев подчёркивает: «Собственно, именно в этом заключается трудность определения грани между программным алгоритмом и искусственным интеллектом, поскольку традиционно интеллект (творческая возможность) свойственен только биологическим организмам» [6, с. 83], и автономность вычислительного процесса поэтому не заменяет юридически значимого творчества.

Нормативное определение автора устанавливает общий предел, а содержание человеческого участия раскрывается через управление генеративной системой, прежде всего посредством промпта. А.Е. Кирпичев отмечает: «Таким образом, роль промпта и сгенерированного результата намного сложнее, чем просто ввод запроса и получение конечного результата» [4, с. 909], поэтому юридическая оценка должна учитывать содержание инструкции, последовательность уточнений и их влияние на форму. Н.Н. Ковалева и М.А. Рожкова указывают: «В этих условиях промпт как явление не может получить однозначную оценку в качестве результата творческой деятельности и быть квалифицирован как объект авторских прав» [5, с. 111], следовательно, охраноспособность запроса не предопределяет авторство созданного изображения, музыки или видеозаписи. Количество итераций само по себе не доказывает творчества, но имеет значение, если изменения направлены на конкретные элементы и преобразуют результат. Закон одновременно закрепляет: «Авторские права не распространяются на идеи, концепции, принципы, методы, процессы, системы, способы, решения технических, организационных или иных задач, открытия, факты, языки программирования, геологическую информацию о недрах», поэтому команда создать объект в определённой манере не предоставляет исключительного права на стиль.

Неоднозначность правового значения промпта требует учитывать российские и зарубежные ориентиры, различающиеся по содержанию и юридической природе: пункт 80 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 закрепляет презумпцию творческого характера результата, допускает использование технических средств, но исключает охрану автоматической фото– или видеофиксации без творчества человека. Хотя разъяснение прямо не касается генеративного искусственного интеллекта, оно подтверждает значение личного творческого вклада. Пекинский интернет-суд в деле Li v. Liu признал охраноспособным изображение, созданное посредством Stable Diffusion, учитывая последовательность запросов, изменение параметров, повторную генерацию и окончательный отбор, но ограничил вывод обстоятельствами спора. В свою очередь, Бюро авторского права США придерживается более сдержанного подхода: текстовые запросы обычно не обеспечивают достаточного контроля над выразительными элементами, однако охрана возможна в отношении человеческого отбора, расположения и переработки материала. Сопоставление этих подходов подтверждает необходимость доказуемой связи между решениями человека и характеристиками итоговой формы.

Выявленные различия правовых подходов подтверждают необходимость единых ориентиров для оценки человеческого участия, и в настоящей работе предлагается учитывать три взаимосвязанных критерия, которые применяются совокупно и не сводятся к подсчёту запросов или иных технических операций. Первым является критерий индивидуализированного творческого выбора, и при его применении устанавливается, определил ли пользователь конкретные особенности произведения (композицию, образы персонажей, цветовое решение, освещение, ракурс, последовательность сцен, музыкальную структуру, темп или иные выразительные элементы), причём такой выбор может быть сделан как до начала генерации, так и в процессе работы над результатом. Вторым выступает критерий направленного воздействия на процесс создания, который предполагает оценку того, изменял ли человек запросы, параметры, исходные материалы или отдельные элементы результата для достижения определённого художественного эффекта (например, корректировал расположение объектов, позу персонажа, цветовую гамму, степень детализации, характер освещения, стилистическую обработку или соотношение отдельных частей композиции). Третьим является критерий причинной связи между действиями пользователя и итоговой формой, и его применение требует установить, какие характеристики произведения возникли вследствие конкретных решений человека (то есть появились или изменились после направленной корректировки запроса, параметров, маски, исходного изображения либо промежуточной версии), а какие были сформированы системой без его определяющего участия. Самостоятельная дорисовка, монтаж, изменение композиции или иная переработка усиливают доказательства творческого участия, но их отсутствие само по себе не исключает авторства, если направленное воздействие пользователя и его связь с конкретными элементами результата подтверждаются материалами процесса создания (текстами запросов, настройками параметров, исходными файлами, масками, промежуточными версиями, историей изменений и сохранёнными вариантами результата).

Практическое применение указанных критериев требует адаптации общих правил доказывания к технологической непрозрачности генерации, и лицо, претендующее на авторство, должно обозначить конкретные выразительные характеристики произведения и представить материалы, отражающие его воздействие на их формирование. Такая конкретизация не создаёт презумпцию творчества, уже закреплённую в пункте 80 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, а определяет предмет последующей проверки и позволяет другой стороне представить доказательства обратного. Опровержение может основываться на автоматическом формировании спорных элементов, отсутствии направленного воздействия или несоответствии между заявленным решением и сохранёнными версиями. При неустранимом сомнении охрана может распространяться на установленные человеческие элементы, их творческий отбор, расположение или переработку, но она не должна автоматически охватывать весь созданный с применением генеративной системы результат. Закрытость внутреннего устройства модели не препятствует оценке доступных материалов процесса, включая запросы, параметры, маски, исходные файлы и промежуточные версии, а документированная прослеживаемость

подтверждает обстоятельства создания, но не является самостоятельным признаком творчества.

Заключение

Применение генеративного искусственного интеллекта изменяет способы создания и профессиональной оценки произведений, но не устраняет антропоцентрический характер авторского права, поэтому юридическое значение имеет возможность связать конкретные элементы результата с решениями человека. Действующее законодательство позволяет разрешать возникающие споры без признания генеративной системы субъектом права, а регулирование должно быть направлено на конкретизацию обязанностей пользователей, заказчиков, организаторов конкурсов и цифровых платформ. Раскрытию подлежит не любое применение искусственного интеллекта, а такое участие системы, которое способно повлиять на цену, условия допуска, договорное решение или оценку профессиональной квалификации, причём выводы об авторстве и нарушении правил должны основываться на совокупности материалов процесса, а не на одном автоматическом заключении. Достоверная атрибуция, соразмерная прозрачность и заранее установленные правила оценки позволяют сохранить свободу применения новых технологий, не допуская подмены человеческого мастерства недостоверным представлением происхождения произведения.

Литература

1. Будник Р.А. Правовая концепция перформативного авторства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2026. Т. 19. № 1. С. 81–111.

2. Казанцев Д.А. Авторские права на результаты деятельности искусственного интеллекта и способы их защиты // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1. № 4. С. 909–931.

3. Калятин В.О. Определение субъекта прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 4. С. 24–50.

4. Кирпичев А.Е. Правовая природа промптов для генеративного искусственного интеллекта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2024. Т. 28. № 4. С. 906–918.

5. Ковалева Н.Н., Рожкова М.А. Является ли промпт объектом авторского права: аргументы «за» и «против» // Труды по интеллектуальной собственности. 2025. Т. 55. № 4. С. 107–115.

6. Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102.

7. Орлова Т.Е. Авторское право на результаты деятельности искусственного интеллекта // Вопросы российской юстиции. 2022. № 21. С. 204–221.

8. Талапина Э.В. Прозрачность алгоритмов искусственного интеллекта // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 18. № 3. С. 4–27.

GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN ART: CRITERIA FOR CREATIVE CONTRIBUTION AND PROBLEMS OF PROFESSIONAL RECOGNITION

Khairullina R.S.
Institute of Artificial Intelligence, Robotics and Systems Engineering, Kazan (Volga Region) Federal University

The study examines the criteria for legally significant human creative participation in the use of generative artificial intelligence in art and the private-law problems of professional recognition. Its purpose is to develop criteria for assessing human creative contribution and conditions for reliable professional attribution of the result. The methodology combines formal legal, systemic, functional and comparative legal methods with an analysis of judicial and administrative materials. Human creative contribution should be assessed by reference to an individualised artistic choice, directed human intervention and a causal link to the final form, while independent reworking remains an additional rather than mandatory indicator. The novelty lies in distinguishing the copyright qualification of the result from its professional assessment and in defining the conditions for disclosing material use of a generative system. The findings may be applied to contracts, competitions, exhibitions and digital-platform rules.

Keywords: generative artificial intelligence, copyright, art, creative contribution, professional recognition, ethical risks, transparency, digital identity.

References

1. Budnik R.A. Legal Concept of Performative Authorship // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2026. Vol. 19. No. 1. Pp. 81–111.

2. Kazantsev D.A. Copyright on the Results of Artificial Intelligence and Methods of Protecting Them // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Vol. 1. No. 4. Pp. 909–931.

3. Kalyatin V.O. Definition of the Subject of Rights to the Results of Intellectual Activity Created Using Artificial Intelligence // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2022. Vol. 15. No. 4. Pp. 24–50.

4. Kirpichev A.E. Legal Nature of Prompts for Generative Artificial Intelligence // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2024. Vol. 28. No. 4. Pp. 906–918.

5. Kovaleva N.N., Rozhkova M.A. Is a Prompt Subject to Copyright: Arguments for and against? // Works on Intellectual Property. 2025. Vol. 55. No. 4. Pp. 107–115.

6. Laptev V.A. The Concept of Artificial Intelligence and Legal Liability for Its Operation // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2019. No. 2. Pp. 79–102.

7. Orlova T.E. Copyright on the Results of Artificial Intelligence Activities // Issues of Russian Justice. 2022. No. 21. Pp. 204–221.

8. Talapina E.V. Transparency of artificial intelligence algorithms // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2025. Vol. 18. No. 3. P. 4–27.

Вопросы разграничения понятий текущего и капитального ремонта нежилых помещений

Хоролец Дан Валерьевич,
аспирант, кафедра гражданского права, ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина»
E-mail: Khorolets_law@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы правового разграничения текущего и капитального ремонта нежилых помещений. Актуальность темы обусловлена отсутствием в законодательстве единых определений данных понятий применительно к нежилым помещениям, что порождает споры между арендаторами и арендодателями, неоднозначную судебную практику и сложности в налоговом и бухгалтерском учете. Цель исследования – выявление юридически значимых критериев разграничения текущего и капитального ремонта и разработка предложений по совершенствованию гражданского законодательства. На основе анализа норм Гражданского кодекса РФ, жилищного законодательства, ведомственных строительных норм и судебной практики выделены признаки, позволяющие отграничить текущий ремонт от капитального: цель и характер производимых работ, их влияние на конструктивные элементы здания, объем и периодичность, экономическое содержание. Обосновывается необходимость закрепления в гражданском законодательстве легальных определений текущего и капитального ремонта нежилых помещений, учитывающих их функциональное назначение и особенности коммерческого использования. Сформулированы предложения по унификации правового регулирования, направленные на снижение конфликтности договорных отношений и обеспечение единообразия судебной практики. Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой методы и анализ судебных актов.

Ключевые слова: текущий ремонт, капитальный ремонт, нежилое помещение, аренда, разграничение понятий, гражданское законодательство, судебная практика.

Актуальность темы разграничения понятий текущего и капитального ремонта обусловлена возрастающей ролью коммерческого оборота нежилых помещений и, как следствие, увеличением числа споров, связанных с определением правовой природы ремонтных работ. Разграничение текущего и капитального ремонта нежилых помещений имеет существенное значение для распределения обязанностей между арендатором и арендодателем, определения источника финансирования работ, налогового и бухгалтерского учёта расходов, а также для квалификации действий сторон договора в случае возникновения материально-правового спора. Несмотря на практическую значимость, отечественное законодательство не содержит единых легальных определений текущего и капитального ремонта применительно к нежилым помещениям, что порождает правовую неопределённость в отношениях между сторонами договора.

Гражданский кодекс Российской Федерации, закрепляя в статье 616 обязанности сторон договора аренды по проведению текущего и капитального ремонта, не раскрывает содержания указанных понятий. Жилищное законодательство оперирует данными категориями преимущественно применительно к общему имуществу многоквартирного дома, что не в полной мере учитывает специфику нежилых помещений, особенно расположенных в нежилых зданиях и используемых в предпринимательской деятельности. Ведомственные строительные нормы и технические регламенты, содержащие подходы к классификации ремонтных работ, также не всегда согласованы с гражданско-правовыми категориями и не обладают достаточной юридической определённостью для целей разрешения частноправовых споров.

Судебная практика при этом также не отличается единообразием: при квалификации одних и тех же видов работ суды нередко приходят к противоположным выводам, основываясь либо на технических критериях, либо на экономической сущности произведённых улучшений. Кроме того, на практике капитальный ремонт зачастую смешивается с реконструкцией, модернизацией и текущим содержанием имущества, что дополнительно осложняет правовую оценку отношений сторон.

Целью настоящей статьи является выявление юридически значимых критериев разграничения текущего и капитального ремонта нежилых помещений и формулирование предложений по совершенствованию законодательства. Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи: проанализировать действующие нормативные правовые акты и технические нормы; обобщить основные подходы, сложившиеся в судебной практике; определить признаки, позволяющие отграничить текущий ремонт от капитального; а также предложить возможные направления унификации правового регулирования.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы анализа, синтеза и системного подхода, а также частнонаучные методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, метод толкования правовых норм и анализ судебной практики. Практическая значимость работы состоит в возможности использования сформулированных критериев при заключении и исполнении договоров аренды нежилых помещений, разрешении споров, а также при совершенствовании гражданского законодательства.

Для проведения вышеуказанного исследования также необходимо разграничить понятия текущего ремонта и естественного износа. Их четкого разграничения в законодательстве нет. При этом нет и нормы-дефиниции, закрепляющей содержание понятий «текущий ремонт» или «текущий ремонт нежилого помещения», поэтому для правового анализа необходимо руководствоваться методом аналогии, применяя аналогию права при экспертизе положений законодательства из смежных областей.

Например, в Письме Минстроя России от 27.02.2018 N 7026-АС/08 указано, что, как правило, к текущему ремонту относят устранение мелких неисправностей, которые выявляются в ходе повседневной эксплуатации объекта, работы по систематическому и своевременному предохранению объекта от преждевременного износа путем проведения профилактических мероприятий. При таком устранении неисправностей объект практически не выбывает из эксплуатации, а его технические характеристики не меняются.

В силу абз. 4 разд. II Правил и норм технической эксплуатации жилищного фонда, утв. Постановлением Госстроя РФ от 27.09.2003 N 170 текущий ремонт здания включает в себя комплекс строительных

и организационно-технических мероприятий с целью устранения неисправностей (восстановления работоспособности) элементов, оборудования и инженерных систем здания для поддержания эксплуатационных показателей.

В указанных правилах также содержится примерный перечень работ, относящихся к текущему ремонту (Приложение № 7), среди которых перечислены: замена, восстановление отдельных участков полов, внутренняя отделка (восстановление отделки стен, потолков, полов отдельными участками в подъездах, технических помещений, в других общедомовых вспомогательных помещениях и служебных квартирах) и др.

В Положении об организации и проведении реконструкции, ремонта и технического обслуживания зданий, объектов коммунального и социально-культурного назначения, утв. Приказом Госкомархитектуры от 23.11.1988 № 312 также содержится перечень основных работ по текущему ремонту зданий и объектов: замена отдельных участков покрытия полов, замена (устройство) гидроизоляции полов в отдельных санитарных узлах с полной сменой покрытия, заделка выбоин, трещин в цементных, бетонных, асфальтовых полах и основаниях под полы, сплачивание дощатых полов, восстановление штукатурки стен и потолков отдельными местами, восстановление облицовки стен керамической и другой плиткой отдельными местами, восстановление и укрепление лепных порезок и розеток, карнизов, а также все виды штукатурно-малярных работ во всех помещениях, кроме жилых, в которых они производятся нанимателем.

В указанном правовом акте содержится и Перечень работ по ремонту квартир, выполняемых наймодателем за счет средств нанимателей: окраска потолков и стен жилых и подсобных помещений квартир, лоджий, этажерок балконов, оклейка стен и потолков обоями, окраска оконных переплетов и балконных полотен, внешней и внутренней сторон, окраска полов в жилых и подсобных помещениях, циклевка паркетных полов, окраска радиаторов, труб центрального отопления, газопровода, водопровода и канализации, окраска внешних стен из материала наймодателя для проживающих в одноэтажных одноквартирных домах, замена оконных, дверных и печных приборов, вставка стекол. Замена или установка дополнительных кранов, смесителей и другого оборудования, замена дверных полотен, встроенных шкафов и отделка помещений с целью благоустройства квартиры, ремонт или смена электропроводки от ввода в квартиру, смена электроприборов и т.п., работы по улучшению отделки квартир, ремонт штукатурки стен, потолков, перегородок отдельными листами в помещениях жилых квартир, работы по переустройству и перепланировке жилых помещений согласно утвержденным в установленном порядке проектам с целью повышения уровня благоустройства по заказам нанимателей помещений, замена и ремонт покрытий полов.

Полагаем, что указанные положения во многом могут быть применимы к правоотношениям, возникающим между арендодателем и арендатором в связи со схожим предметом правового регулирования. Аналогичный подход к определению критериев работ, относящихся к текущему ремонту, отражен и в судебной практике.

Например, в одном случае суд указал, что под обязанностью арендатора поддерживать имущество в исправном состоянии (не допускать его ухудшения) понимается выполнение арендатором всех предписаний о порядке пользования имуществом и его хранения, устранение ухудшений, обусловленных нормальным процессом пользования имуществом и не требующих капитального ремонта.

Также дал казуальное толкование понятия текущего ремонта, под которым подразумевал ремонт, который предупреждает преждевременный износ объекта аренды. По мнению суда, он состоит в систематическом и своевременном проведении работ по предохранению имущества от преждевременного износа и устранению возникающих повреждений и неисправностей. К текущему ремонту помещения судом также отнесены работы по ремонту стен, пола, дверей, радиаторов, сантехники, ремонт коммуникаций и систем инженерного оборудования.

Помимо этого, при казуальном толковании исследуемого понятия суд руководствовался и историко-политическим методом исследования, также приняв во внимание отмененное Постановление Госстроя СССР от 29.12.1973 N 279 «Об утверждении Положения о проведении планово-предупредительного ремонта производственных зданий и сооружений» [1].

Таким образом, арендатор в силу п. 2 ст. 616 ГК РФ обязан устранять мелкие, незначительные неисправности, которые выявляются в ходе повседневной эксплуатации объекта.

Вместе с тем, в связи с отсутствием легального определения понятия текущего ремонта на практике возникают ситуации, к которым невозможно применить такой оценочный критерий как «малозначительность» в сравнении с работами, относящимися к капитальному ремонту.

Например, в случае если объектом аренды сроком на 2 дня или 1–2 недели для проведения культурного мероприятия является большой старый производственный цех или запустевшее здание завода (лофт), то стоимость ремонта незначительных эксплуатационных поломок может быть сопоставима с размером арендной платы, а временные затраты на такие ремонтные работы могут превышать срок аренды.

В другой ситуации объектом аренды является помещение в стиле лофт сроком на несколько часов для проведения дня рождения или юбилея со множеством гостей, назначенного на вечернее время. Предположим, что такая комната относится к классу «люкс» и в ней установлена большая потолочная хрустальная люстра на 100 ламп, которая является основным украшением всего банкета и занимает существенную площадь помещения.

В случае, если такая люстра перегорает вследствие естественного износа, за который ни одна из сторон не отвечает, то возникает вопрос об отнесении её замены к текущему или капитальному ремонту. Если в данном случае мы будем руководствоваться критерием «малозначительности», то возникнет весьма спорная ситуация, так как, с одной стороны, перегорание лампочек является достаточно стандартной и быстро устранимой поломкой вследствие естественного износа, но, с другой стороны, замена и ремонт такой люстры по стоимости может составлять больше размера арендной платы, а по временным затратам – выходить далеко за пределы срока действия договора. Более того, по отношению к площади помещения такой способ освещения являлся основным и существенным для всего банкетного зала, из-за чего данное нежилое помещение и было выбрано потребителем для проведения мероприятия.

В подобных ситуациях границу между капитальным и текущим ремонтом по критерию «малозначительности» установить весьма проблематично, как и распределить исходя из этого бремя содержания имущества между сторонами в случае, если неисправность не связана с чьим-либо виновным неисполнением договорных обязательств и относится к естественному износу.

Более того, трудности возникают и при распределении бремени несения затрат по смыслу п. 1 ст. 611 ГК РФ, согласно которой арендодатель обязан был передать имущество в состоянии, пригодном для его эксплуатации по назначению, поэтому обеспечение объекта аренды освещением в вечернее время при передаче арендатору было его прямой обязанностью.

С учетом изложенного, отсутствие легальных определений и признаков понятий текущего и капитального ремонта, а также естественного износа порождает значительную правовую неопределенность между сторонами договора аренды нежилых помещений при содержании и возврате объекта аренды.

Вместе с тем, к некоторым признакам понятия текущего ремонта все же можно отнести:

– устранение мелких неисправностей, которые выявляются в ходе повседневной эксплуатации объекта с учетом характера договора, размера арендной платы, срока аренды и размеров объекта аренды;
– целью является предохранение объекта от преждевременного износа, повреждений и неисправностей или их устранение;
– представляет собой комплекс строительных и организационно-технических мероприятий с целью восстановления работоспособности элементов, оборудования и инженерных систем здания и (или) нежилого помещения для поддержания эксплуатационных показателей;
– отсутствие изменения качественных или функциональных характеристик объекта аренды после ремонта;
– устранение ухудшений, обусловленных нормальным процессом пользования имуществом и не требующих капитального ремонта;
– носит систематический и (или) профилактический характер;
– неисправности не являются следствием виновных актов сторон договора в форме действия или бездействия;
– не требует комплексной замены инженерных или конструктивных элементов.

Таким образом, необходимо легальное закрепление вышеуказанных критериев или легального определения с данными критериями в действующем законодательстве в целях устранения правовой неопределенности в части определения обязанностей арендатора по текущему ремонту объекта аренды.

Следующим значимым аспектом правового регулирования обязанностей собственника нежилого помещения выступает осуществление капитального ремонта. В свете норм действующего законодательства именно на арендодателя первоначально возлагается обязанность поддерживать объект в исправном состоянии. Однако имеющаяся гибкость гражданского законодательства (в частности, ст. 616 ГК РФ)

допускает возможность возложить такую обязанность на арендатора, если об этом прямо сказано в договоре [2].

Вопрос, что именно следует относить к капитальному ремонту, традиционно вызывает определенные дискуссии среди правоприменителей и ученых. Разъяснения Министерства строительства и жилищно–коммунального хозяйства Российской Федерации в Письме Минстроя России от 03 июля 2017 г. № 29521–ОГ/04 [3] указывают на необходимость учитывать положения ГрК РФ [4] при определении критериев капитального ремонта. Согласно ч. 14.2 ст. 1 ГрК РФ, под капитальным ремонтом объектов капитального строительства понимаются работы, связанные с заменой или восстановлением строительных конструкций (за исключением несущих) или инженерных систем, а также отдельных элементов несущих конструкций, если при этом применяются одинаковые либо улучшающие их свойства материалы.

Сопоставление капитального и текущего ремонта также предполагает обращение и к регламентирующим документам, в том числе к Методическому пособию по содержанию и ремонту жилищного фонда МДК 2–04.2004 [5]. В упомянутом пособии указывается, что текущие ремонтные работы направлены в основном на поддержание общего имущества в исправном состоянии и оперативное устранение отдельных неисправностей, не требующих комплексной замены инженерных или конструктивных элементов. В результате, при определении, какие виды работ следует квалифицировать как капитальные, а какие – как текущие, существенное значение имеют масштаб и глубина вмешательства в техническое состояние объекта. Специалисты Министерства строительства подчеркивают необходимость учитывать данные критерии для корректной классификации ремонтных работ, чтобы избежать неоправданных конфликтов между арендатором и арендодателем по вопросам распределения расходов и обязанностей.

Однако письма Минстроя России не относятся к категории нормативных правовых актов, а являются актами, обладающими нормативными свойствами и содержащими разъяснения законодательства. Они представляют собой позицию государственного органа, обладающего компетенцией по выработке и реализации политики в жилищно–коммунальной сфере, но при этом не создают непосредственных правовых норм.

В соответствии с п. 1 и п. 6.2 Положения о Министерстве строительства и жилищно–коммунального хозяйства Российской Федерации, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 18 ноября 2013 г. № 1038[6], указанный орган вправе давать консультации и комментарии по вопросам, относящимся к его сфере деятельности, однако применительно к конкретной правовой ситуации подобные разъяснения выполняют информирующую и рекомендательную функцию, а не нормативную.

Если обратиться к историческому методу исследования вопроса разграничения текущего и капитального ремонта, то можно обратиться к Постановлению Госстроя СССР от 29.12.1973 N 279 [7], в разделе 3 которого содержатся понятия текущего и капитального ремонта.

Так под текущим ремонтом в указанный советский период понимались работы по систематическому и своевременному предохранению частей зданий и сооружений и инженерного оборудования от преждевременного износа путем проведения профилактических мероприятий и устранения мелких повреждений и неисправностей, а под капитальным – работы, в процессе которых производится смена изношенных конструкций и деталей зданий и сооружений или замена их на более прочные и экономичные, улучшающие эксплуатационные возможности ремонтируемых объектов, за исключением полной смены или замены основных конструкций, срок службы которых в зданиях и сооружениях является наибольшим (каменные и бетонные фундаменты зданий и сооружений, все виды стен зданий, все виды каркасов стен, трубы подземных сетей, опоры мостов и др.).

При этом под самим понятием ремонта понимался комплекс технических мероприятий, направленных на поддержание или восстановление первоначальных эксплуатационных качеств как здания и сооружения в целом, так и их отдельных конструкций.

Также данный документ содержит примерный перечень работ, относящихся к каждой из перечисленных категорий (Приложения № 8 и 3), что, на наш взгляд, может существенным образом повлиять на квалификацию судом обязанностей сторон договора аренды нежилого помещения в части распределения их обязанностей по содержанию имущества, так как позволяет толковать нормы, закрепленные в ст. 616 ГК РФ историко-политическим методом с опорой на вышеуказанный документ.

Так в рамках одного из дел стороны предусмотрели в договоре обязательное условие к качеству и порядку ремонтных работ, сославшись на рассматриваемое Постановление Госстроя СССР, которое не было признано судами ничтожным [8].

В другом казусе суды со ссылкой на указанное постановление не согласились с выводом Федеральной антимонопольной службы об отнесении конкретных работ, являющихся предметом госконтракта, к работам по капитальному ремонту имущества [9]. Подобный подход был использован судом и в другом деле при рассмотрении дела по иску о взыскании убытков с арендатора, причиненных неисполнением своей обязанности по содержанию помещения [10]. При этом суду в рамках данного дела необходимо было разграничить понятия неотделимых улучшений и работ, произведенных арендатором в помещении арендодателя.

На указанных примерах видно, что правоприменительные органы и по сегодняшний день обращаются к актам советского периода при квалификации тех или иных видов работ, используя историко-политический метод толкования норм.

С научной точки зрения разграничение капитального и текущего ремонта является решающим фактором для определения объема обязательств арендодателя и арендатора, а также для надлежащего оформления условий договора аренды. В частности, если стороны желают переложить часть капитальных работ на арендатора, текст договора должен максимально четко описывать характер таких мероприятий (например, замену инженерных коммуникаций, восстановление значительных фрагментов несущих конструкций или элементов фасада). Пропуск в договоре подробных указаний может привести к спорам о том, является ли выполненный ремонт текущим или капитальным, и, следовательно, к разногласиям по поводу финансирования затрат. Кроме того, корректное правовое определение видов ремонтных операций влияет на возможность признания расходов экономически оправданными и потенциально учитываемыми при дальнейшем расчете арендной платы или возмещении ущерба [11].

Таким образом, утверждение, что первостепенная обязанность по проведению капитального ремонта лежит на собственнике нежилого объекта, в целом соответствует традиционным подходам гражданско–правовой теории и законодательства. Вместе с тем стороны, проявляя свободу договора, вправе уточнять эти границы и выстраивать собственные модели взаимодействия, закрепляя их в официальном соглашении. Принципиально важно лишь то, чтобы при таком перераспределении ответственности был соблюден баланс интересов сторон, а воля участников договора была должным образом закреплена в тексте и не допускать неоднозначного толкования.

Таким образом, среди признаков капитального ремонта можно выделить:

– связан с заменой или восстановлением строительных конструкций (за исключением несущих) или инженерных систем, а также отдельных элементов несущих конструкций, если при этом применяются одинаковые либо улучшающие их свойства материалы;

– произведение смены изношенных конструкций и деталей зданий и сооружений или замена их на более прочные и экономичные, улучшающие эксплуатационные возможности ремонтируемых объектов, за исключением полной смены или замены основных конструкций, срок службы которых в зданиях и сооружениях является наибольшим (каменные и бетонные фундаменты зданий и сооружений, все виды стен зданий, все виды каркасов стен, трубы подземных сетей, опоры мостов и др.);

– комплекс технических мероприятий, направленных на поддержание или восстановление первоначальных эксплуатационных качеств как здания и сооружения в целом, так и их отдельных конструкций;

– высокая степень вмешательства в техническое состояние объекта;

– требует комплексной замены инженерных или конструктивных элементов;

– устраняет значительные по количеству и качеству неисправности, которые выявляются в ходе повседневной эксплуатации объекта с учетом характера договора, размера арендной платы, срока аренды и размеров объекта аренды;

– представляет собой комплекс строительных и организационно-технических мероприятий с целью восстановления работоспособности элементов, оборудования и инженерных систем здания и (или) нежилого помещения для поддержания качественных эксплуатационных показателей;

– влечет изменение качественных или функциональных характеристик объекта аренды после ремонта;

– устраняет ухудшения, обусловленные нормальным износом имущества;

– не носит систематического и (или) профилактического характера;

– неисправности не являются следствием виновных актов сторон договора в форме действия или бездействия.

Таким образом, необходимо легальное закрепление вышеуказанных критериев или легального определения с данными критериями

в действующем законодательстве в целях устранения правовой неопределенности в части определения обязанностей арендодателя по капитальному ремонту объекта аренды.

Литература

1. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 16.07.2024 № Ф10–2730/2024 по делу № А84–7194/2022.

2. Дорошкова А.Г. Договор аренды здания, сооружения и нежилого помещения: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03. – Рязань, 2002. – С. 42.

3. Письмо Минстроя России от 03.07.2017 № 29521–ОГ/04 «По вопросу разграничения понятий «капитальный ремонт», «текущий ремонт» // Текст Письма официально опубликован не был.

4. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190–ФЗ (ред. от 26.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 1 (часть I). – Ст. 16.

5. Методическое пособие по содержанию и ремонту жилищного фонда. МДК 2–04.2004 (утв. Госстроем России) // Текст официально опубликован не был.

6. Постановление Правительства РФ от 18.11.2013 № 1038 (ред. от 17.10.2024) «О Министерстве строительства и жилищно–коммунального хозяйства Российской Федерации» (вместе с «Положением о Министерстве строительства и жилищно–коммунального хозяйства Российской Федерации») // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 47. – Ст. 6117.

7. Постановление Госстроя СССР от 29.12.1973 N 279 «Об утверждении Положения о проведении планово-предупредительного ремонта производственных зданий и сооружений» (вместе с «МДС 13–14.2000… «).

8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17.02.2025 N Ф05–191/2025 по делу N А40–30417/2020.

9. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.12.2021 N Ф05–30443/2021 по делу N А40–239241/20–33–1698/

10. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 16.07.2024 N Ф10–2730/2024 по делу N А84–7194/2022.

11. Мещерякова М.Е. Договор аренды зданий и сооружений в гражданском праве Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03. – Волгоград, 2007. – С. 10.

ISSUES RELATED TO DISTINGUISHING BETWEEN THE CONCEPTS OF MAINTENANCE AND CAPITAL REPAIR OF NON-RESIDENTIAL PREMISES

Khorolets D.V.
Kutafin Moscow State Law University

The article examines the problems of legal distinction between current repairs and major repairs of non-residential premises. The relevance of the topic is due to the absence in legislation of unified definitions of these concepts with respect to non-residential premises, which gives rise to disputes between tenants and landlords, inconsistent judicial practice, and difficulties in tax and accounting. The purpose of the study is to identify legally significant criteria for distinguishing between current repairs and major repairs and to develop proposals for improving civil legislation. Based on the analysis of the provisions of the Civil Code of the Russian Federation, housing legislation, departmental construction regulations and judicial practice, the author identifies features that make it possible to distinguish current repairs from major repairs: the purpose and nature of the work performed, its impact on structural elements of the building, scope and frequency, and economic substance. The necessity of enshrining in civil legislation legal definitions of current repairs and major repairs of non-residential premises that take into account their functional purpose and the specifics of commercial use is substantiated. Proposals are formulated for the unification of legal regulation aimed at reducing the conflict potential of contractual relations and ensuring uniformity of judicial practice. The methodological basis consists of formal-legal, comparative-legal methods and the analysis of judicial acts.

Keywords: current repairs, major repairs, non-residential premises, lease, distinction of concepts, civil legislation, judicial practice.

References

1. Ruling of the Arbitration Court of the Central District dated 16.07.2024 No. F10–2730/2024 in case No. A84–7194/2022.

2. Doroshkova A.G. Lease agreement for a building, structure and non-residential premises: Candidate of Legal Sciences dissertation: 12.00.03. – Ryazan, 2002. – P. 42.

3. Letter of the Ministry of Construction of Russia dated 03.07.2017 No. 29521-OG/04 "On the issue of distinguishing the concepts of 'major repairs' and 'routine repairs'" // The text of the Letter was not officially published.

4. Urban Planning Code of the Russian Federation dated 29.12.2004 No. 190-FZ (as amended on 26.12.2024) (with amendments and additions effective from 01.03.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2004. – No. 1 (Part I). – Art. 16.

5. Methodological Guide on the Maintenance and Repair of the Housing Stock. MDK 2–04.2004 (approved by the Gosstroy of Russia) // The text was not officially published.

6. Resolution of the Government of the Russian Federation dated 18.11.2013 No. 1038 (as amended on 17.10.2024) "On the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation" (together with the "Regulation on the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation") // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2013. – No. 47. – Art. 6117.

7. Resolution of the Gosstroy of the USSR dated 29.12.1973 No. 279 "On Approval of the Regulation on Scheduled Preventive Maintenance of Industrial Buildings and Structures" (together with "MDS 13–14.2000…").

8. Ruling of the Arbitration Court of the Moscow District dated 17.02.2025 No. F05–191/2025 in case No. A40–30417/2020.

9. Ruling of the Arbitration Court of the Moscow District dated 21.12.2021 No. F05–30443/2021 in case No. A40–239241/20–33–1698.

10. Ruling of the Arbitration Court of the Central District dated 16.07.2024 No. F10–2730/2024 in case No. A84–7194/2022.

11. Meshcheryakova M.E. Lease agreement for buildings and structures in the civil law of the Russian Federation: author's abstract of Candidate of Legal Sciences dissertation: 12.00.03. – Volgograd, 2007. – P. 10.

Проблема фрагментарной охраны прав на мультимедийный продукт

Хорошилов Константин Сергеевич,
аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
E-mail: khoroshilovk@list.ru

В статье исследуются актуальные проблемы определения правового режима мультимедийного продукта как самостоятельного объекта авторского права. Актуальность исследования обусловлена отсутствием в российском законодательстве легального определения мультимедийного продукта, несмотря на его упоминание в статье 1240 Гражданского кодекса Российской Федерации в качестве сложного объекта. Целью исследования является обоснование необходимости признания мультимедийного продукта самостоятельным объектом авторских прав и формирования специального правового механизма его охраны. На основе анализа положений российского законодательства, научных подходов и судебной практики выявляется проблема фрагментарной охраны мультимедийного продукта, выражающаяся в поэлементном правовом регулировании входящих в его состав результатов интеллектуальной деятельности. Обосновывается вывод о том, что такой подход не в полной мере учитывает специфику мультимедийного продукта, поскольку его элементы объединяются единым творческим замыслом, органической взаимосвязью и общим функциональным назначением. Научная новизна исследования заключается в разработке критериев единства мультимедийного продукта и обосновании необходимости его самостоятельной правовой охраны. Предлагается дополнить перечень объектов авторских прав категорией «мультимедийный продукт» и закрепить его легальное определение в гражданском законодательстве. Также Автором предлагаются критерии единства мультимедийного продукта, обеспечивающие его охрану как единого самостоятельного объекта авторских прав.

Ключевые слова: мультимедийный продукт, авторское право, интеллектуальная собственность, сложный объект, правовой режим, фрагментарная охрана, результаты интеллектуальной деятельности, объект авторских прав, множественность правовых режимов.

Невозможно отрицать, что на сегодняшний день мультимедийные продукты занимают важное место в различных сферах деятельности человека. На протяжении последних лет наблюдается устойчивый рост рынка мультимедийных продуктов, сопровождающийся его постоянной трансформацией, появляется все больше разнообразных компьютерных игр, интерактивных музеев, онлайн курсов и др. Указанное обусловлено двумя факторами: как стремительным развитием новых технологий, так и постоянным запросом общества на новые продукты.

При этом, необходимо отметить, что в настоящее время, особую важность занимает вопрос правового регулирования мультимедийных продуктов, который осложняется в первую очередь отсутствием легального определения указанного термина. В Гражданском кодексе Российской Федерации мультимедийный продукт упоминается в рамках ст. 1240 наравне с иными сложными объектами, включающими несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности. При этом, не раскрывается, что следует понимать под мультимедийным продуктом. Это порождает правовую неопределенность, при которой мультимедийный продукт существует с точки зрения законодательства, но его признаки и правовой режим не определены. А.Ю. Копылов справедливо отмечает, что без определения понятия исследуемого явления любые отвлеченные рассуждения относительно свойств и отдельных признаков неопределенной сущности влекут его неоднозначные трактовки в науке и судебной практике [1].

Дискуссия по поводу сущности мультимедийных продуктов не утихает и в настоящее время. Предлагаются различные определения термина «мультимедийный продукт» согласно которым мультимединый продукт это совокупность множества произведений и (или) объектов смежных прав, предназначенная для использования с помощью технических средств (в том числе интерактивных устройств) [2]., или же, что мультимедийный продукт это продукт или услуга, который на едином носителе сочетает в себе в цифровой форме как минимум два из следующих элементов: текст, звук, неподвижные или движущиеся изображения, компьютерные программы и другие данные [3]. В российской доктрине вариации определения «мультимедийный продукт» предлагались также В.Н. Лопатиным [4], С.В. Новацким [5], А.В. Назаренко [6] и др. Наиболее подходящим, по мнению Автора, представляется определение мультимедийного продукта, данное Е.С. Котенко, согласно которому мультимедийный продукт это выраженный в цифровой форме объект авторских прав, который включает в себя несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (таких, как программа для ЭВМ, произведения изобразительного искусства, музыкальные произведения и др.) и с помощью компьютерных устройств функционирует в процессе взаимодействия с пользователем [7].

Отсутствие легального определения мультимедийного продукта порождает ряд актуальных проблем, главной из которых является проблема фрагментарной охраны. Она заключаются в том, что мультимедийный продукт не рассматривается как самостоятельный объект, а значит у него отсутствует правовой режим и охране подлежат лишь формирующие его результаты интеллектуальной деятельности.

Обращаясь к судебной практике следует упомянуть выводы судов в рамках дела № А12–10588/2021 по иску о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав на 1199 фотографических произведений (составляющих 41 фотопанорамму, виртуальный тур). В рамках первой инстанции суд не стал исследовать вопрос, являются ли эти фотографии самостоятельными объектами или частями панорам. Изменяя решение первой инстанции апелляционный суд пришел к выводу, что каждый факт нарушения должен оцениваться самостоятельно. При этом судом было проигнорировано то обстоятельство, что все эти фотографии создавались для виртуального тура и являлись его неотъемлемой частью.

Отменяя Постановлением Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.05.2022 по делу № А12–10588/2021 и направляя дело на новое рассмотрение Суд по интеллектуальным правам пришел к тому, что виртуальные туры представляют собой сложные объекты, а именно мультимедийные продукты, а также, что «по смыслу статьи 1240 ГК РФ в сложных объектах одним правовым режимом охватывается то, что создано для совместного использования в составе такого объекта. В данном случае в составе виртуальных туров [8].

В рамках этого дела СИП фактически поставил вопрос: если панорама (виртуальный тур) является мультимедийным продуктом, то каж-

дый её элемент (отдельный кадр) не должен охраняться самостоятельно, так как ценность представляет именно целое, а не его части. Но поскольку правовой режим мультимедийного продукта как самостоятельного объекта отсутствует и стороны спора, и суд вынуждены оперировать традиционными категориями, которые не вполне подходят для описания рассматриваемого явления. В результате происходит своего рода «разложение» единого объекта на составляющие элементы, каждый из которых оценивается отдельно.

Проблема фрагментарной охраны демонстрирует как при спорах о защите прав на мультимедийный продукт суды вынуждены «раскладывать» сложный мультимедийный продукт на отдельные элементы, защищая каждый по отдельности, но игнорируя ценность продукта как единого целого. Автор считает, что сама идея о том, что каждый элемент воспринимается по отдельности и должен регулироваться своим режимом, игнорирует тот факт, что в мультимедийном продукте элементы теряют самостоятельность, они создают единый объект со своим замыслом и работают «сообща».

При попытке применить традиционный поэлементный подход к охране мультимедийного продукта возникает ситуация множественности правовых режимов, одновременно применимых к различным компонентам: программный код охраняется как литературное произведение, графика и анимация – как произведения изобразительного искусства, музыкальное сопровождение – как музыкальные произведения, сценарий и тексты – как литературные произведения, видеовставки – как аудиовизуальные произведения.

Подобное положение само по себе не является недостатком, поскольку самостоятельная охрана результатов интеллектуальной деятельности является необходимым условием защиты интересов их авторов. Проблема возникает в тот момент, когда необходимо определить правовой режим уже не отдельного элемента, а мультимедийного продукта в целом. В данном случае применение нескольких самостоятельных режимов приводит к тому, что единый по своему функциональному назначению результат оказывается юридически распределенным между различными объектами интеллектуальной собственности.

При этом, отдельные элементы мультимедийного продукта не существуют изолированно. Их соединение осуществляется в рамках единой концепции, определенной структуры и заданного порядка взаимодействия. Именно эта взаимосвязь позволяет сформировать тот результат, который воспринимается пользователем как самостоятельный мультимедийный продукт. Следовательно, его ценность определяется не простой суммой входящих в состав произведений, а характером их объединения.

Автор полагает, что основной недостаток существующего подхода заключается не в самом факте самостоятельной охраны отдельных результатов интеллектуальной деятельности, а в отсутствии достаточного механизма, связывающего эти режимы с охраной мультимедийного продукта как единого целого. Самостоятельные права на программный код, музыку, изображения, тексты и иные элементы должны сохраняться, однако их совокупность должна рассматриваться с учетом того обстоятельства, что они объединены в единый результат творческой деятельности. В противном случае возникает ситуация, при которой законодательство достаточно подробно регулирует правовой статус каждой отдельной части мультимедийного продукта, но не дает столь же ясного ответа на вопрос о правовой охране результата их объединения.

Возникает ряд и других проблем, вытекающих из отсутствия правового режима мультимедийного продукта и действующего в настоящее время фрагментарного подхода. Поскольку продукт не признается единым объектом, правообладатель, чьи права нарушены, вынужден доказывать наличие прав на каждый охраняемый элемент в отдельности. Более того, если нарушитель воспроизводит продукт в целом, правообладателю формально приходится устанавливать, какие именно результаты интеллектуальной деятельности использованы, кому принадлежат права на них и каким способом произошло нарушение. При этом действия нарушителя могут затрагивать не один конкретный объект, а саму совокупность элементов, объединенных в единую цифровую конструкцию. Возникает своеобразный разрыв между фактическим характером нарушения и юридической формой его оценки: фактически незаконно используется мультимедийный продукт как единое целое, тогда как с формально-правовой точки зрения нарушение приходится доказывать применительно к отдельным составляющим.

Еще в 2015 году в Обзоре судебной практики (далее – Обзор) была сформулирована важная позиция, в соответствии с которой правовой режим сложного объекта распространяется на единое целое завершенное произведение, в котором невозможность использования хотя бы одной составляющей его части приведет к утрате авторского замысла создателя сложного объекта и повлечет невозможность его дальнейшего применения [9].

Указанная позиция относительно правового режима сложного объекта, по мнению Автора, в полной мере должна применяться и к мультимедийному продукту.

Представляется, что именно сочетание фрагментарной охраны и множественности применимых правовых режимов образует одну из ключевых проблем современного регулирования отношений, связанных с мультимедийными продуктами. Несмотря на закрепление в гражданском законодательстве категории сложного объекта, действующий механизм правовой охраны по-прежнему ориентирован преимущественно на защиту отдельных результатов интеллектуальной деятельности, а не продукта как самостоятельного объекта гражданских прав. В результате правообладатель зачастую вынужден доказывать нарушение прав применительно к каждому элементу мультимедийного продукта отдельно, тогда как объектом неправомерного использования становится именно их совокупность. Подобный подход не в полной мере учитывает специфику современных сложных цифровых объектов таких как мультимедийный продукт и свидетельствует о необходимости дальнейшего развития и совершенствования положений и подходов как на законодательном, так и на правоприменительном уровне.

Таким образом, с целью преодоления фрагментарного подхода охраны прав на мультимедийный продукт, а также определения правового режима мультимедийного продукта именно как самостоятельного объекта авторских прав, Автором предлагается:

1. Закрепление на легальном уровне понятия «мультимедийный продукт» как самостоятельного объекта авторских прав. При этом такое понятие должно отражать, что все результаты интеллектуальной деятельности, образующие мультимедийный продукт, объединены единым творческим замыслом и формируют единство такого объекта, в котором невозможность использования хотя бы одной составляющей его части приведет к утрате авторского замысла создателя сложного объекта, а также приведет к невозможности его дальнейшего применения.

2. В качестве критериев единства мультимедийного продукта предлагается выделять:

– Органическую связь элементов (невозможность использования элемента вне контекста целого без частичной утраты его смысла и функции);

– Подчинение единому авторскому замыслу (все результаты интеллектуальной деятельности создаются для воплощение общего творческого концепта);

– Единство функционального назначения (все результаты интеллектуальной деятельности направлены на решение конкретной задачи, например: обучение, развлечение и т.д.).

3. Дополнить перечень объектов авторских прав категорией мультимедийный продукт по аналогии с аудиовизуальным произведением.

Литература

1. Копылов А.Ю. Проблемы квалификации сложных объектов интеллектуальных прав // Журнал российского права. 2021. № 6. С. 75–90.
2. Терлецкий В.В. Охрана авторских и смежных прав при использовании охраняемых объектов в цифровых сетях и продуктах мультимедиа: Дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2003. 159 л.
3. Stamatoudi I.A. Copyright and multimedia products: a comparative analysis // Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001. 318 p.
4. Лопатин В.Н. Интеллектуальная собственность: Словарь терминов и определений. М.: Патент, 2012. 150 с.
5. Новацкий С. Исключительное право на мультимедийное произведение // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 2. С. 33–41.
6. Назаренко А. Проблемы правовой квалификации мультимедийных продуктов // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2016. № 9. С. 27–34.
7. Котенко Е.С. Мультимедийный продукт как объект авторских прав: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2012.
8. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 26 августа 2022 г. № С01–1109/2022 по делу № А12–10588/2021
9. Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.09.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 11. ноябрь, 2015.

THE PROBLEM OF FRAGMENTED PROTECTION OF MULTIMEDIA PRODUCTS

Khoroshilov K.S.
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

This article examines current issues in defining the legal regime of multimedia products as independent copyright objects. The relevance of this research stems from the absence

of a legal definition of a multimedia product in Russian legislation, despite its reference in Article 1240 of the Civil Code of the Russian Federation as a complex object. The aim of this study is to substantiate the need to recognize multimedia products as independent copyright objects and develop a special legal mechanism for their protection. Based on an analysis of Russian legislation, scientific approaches, and judicial practice, the problem of fragmented protection of multimedia products is identified, manifested in the element-by-element legal regulation of the results of intellectual activity that comprise them. It is concluded that this approach does not fully take into account the specific nature of a multimedia product, as its elements are united by a single creative concept, organic interconnectedness, and a common functional purpose. The scientific novelty of this study lies in the development of criteria for the unity of a multimedia product and the justification for its independent legal protection. It is proposed to supplement the list of copyright objects with the category "multimedia product" and to enshrine its legal definition in civil law. The author also proposes criteria for the unity of a multimedia product, ensuring its protection as a single, independent copyright object.

Keywords: multimedia product, copyright, intellectual property, complex object, legal regime, fragmented protection, results of intellectual activity, copyright object, multiple legal regimes.

References

1. Kopylov A. Yu. Problems of Qualification of Complex Objects of Intellectual Property Rights // Journal of Russian Law. 2021. No. 6. Pp. 75–90.

2. Terletsky V.V. Protection of Copyright and Related Rights When Using Protected Objects in Digital Networks and Multimedia Products: Diss. … Cand. Sciences (Law): 12.00.03. Moscow, 2003. 159 p.

3. Stamatoudi I.A. Copyright and Multimedia Products: A Comparative Analysis // Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001. 318 p.

4. Lopatin V.N. Intellectual Property: Dictionary of Terms and Definitions. Moscow: Patent, 2012. 150 p.

5. Novatsky S. Exclusive Right to a Multimedia Work // Intellectual Property. Copyright and Related Rights. 2017. No. 2. Pp. 33–41.

6. Nazarenko A. Problems of legal qualification of multimedia products // Intellectual Property. Copyright and Related Rights. 2016. No. 9. Pp. 27–34.

7. Kotenko E.S. Multimedia product as an object of copyright: Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow, 2012.

8. Resolution of the Intellectual Property Court dated August 26, 2022 No. S01–1109/2022 in case No. A12–10588/2021

9. Review of judicial practice in cases related to the resolution of disputes over the protection of intellectual rights (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on September 23, 2015) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. No. 11. November, 2015.

Автономия воли и императивные нормы в трансграничных договорах электронной торговли между Россией и КНР: частноправовой и коллизионный аспекты

Цю Иян,
магистр юриспруденции, независимый исследователь
E-mail: 1390694846@qq.com

Предметом исследования являются пределы автономии воли в трансграничных договорах электронной торговли между Россией и КНР. Цель статьи состоит в определении условий, при которых оговорка о применимом праве сохраняет регулятивное значение либо ограничивается защитными императивными нормами. Использованы формально-юридический, сравнительно-правовой, системный и доктринальный методы. Анализируются российские и китайские нормы о договорном статуте, потребительских договорах, стандартных условиях и электронной коммерции. Научная новизна заключается в обосновании трехступенчатой модели проверки платформенной сделки: квалификация договора, направленность цифровой деятельности и сохранение минимальной потребительской защиты. Результаты могут применяться при оценке платформенных условий и договорном проектировании. Сделан вывод о допустимости автономии воли лишь в пределах, исключающих обход обязательных защитных правил.

Ключевые слова: автономия воли; императивные нормы; электронная торговля; трансграничный договор; Россия; КНР; потребитель; применимое право.

Введение

Российско-китайская электронная торговля уже не может описываться только категориями внешнеторговой купли-продажи. В традиционном договоре стороны обычно яснее представляют друг друга, место исполнения и правопорядок, с которым связано обязательство. В платформенной модели эти ориентиры расслаиваются: продавец может находиться в одной стране, потребитель – в другой, платеж проводится через самостоятельный сервис, доставка передается третьему лицу, а правила возврата и предъявления претензий содержатся не в индивидуально согласованном договоре, а в массиве стандартных условий платформы. Поэтому вопрос о применимом праве приобретает не только техническое, но и защитное значение: он определяет, кто несет риск неясности цифровой сделки – профессиональная сторона или потребитель.

Проблема особенно заметна в отношениях между Россией и КНР, поскольку обе правовые системы признают автономию воли, но по-разному ограничивают ее действие. Российское право прямо закрепляет выбор права в договорных обязательствах и одновременно использует нормы непосредственного применения, публичный порядок и специальную защиту потребителя. Китайское право также допускает выбор права сторонами, но связывает его с обязательными нормами, публичными интересами, общим договорным статутом и специальными правилами о потребительских отношениях. Следовательно, ключевой вопрос состоит не в том, возможно ли выбрать право, а в том, какие последствия такой выбор сохраняет в платформенной сделке и какие гарантии не могут быть устранены стандартной оговоркой (ст. 1210, 1212 ГК РФ; ст. 3–5, 41, 42 Закона КНР о применении законов к гражданским отношениям с иностранным элементом).

При этом настоящая статья не дублирует общие исследования автономии воли в цифровую эпоху. Так, Гао Гэ и Ван Чжо рассматривают смарт-контракты, ODR-платформы, цифровую юрисдикцию и участие искусственного интеллекта в широком контексте международных гражданских споров; в данной работе анализ ограничен иным вопросом – соотношением выбора применимого права и защитных императивных норм именно в платформенных договорах электронной торговли между Россией и КНР (Гао, Ван Чжо, 2026).

Цель статьи состоит в определении частноправовых и коллизионных пределов автономии воли в трансграничных договорах электронной торговли между Россией и КНР. Научная новизна исследования заключается в обосновании трехступенчатой модели оценки платформенной сделки: сначала устанавливается характер договора как B2B или B2C, затем проверяется направленность цифровой деятельности профессиональной стороны на рынок потребителя, после чего определяется, сохраняет ли выбранное право минимальный уровень обязательной защиты. Такая постановка вопроса позволяет рассматривать электронную платформу не как самостоятельную коллизионную привязку, а как фактический элемент, влияющий на применение уже существующих норм международного частного права (Хуан Цзинь, Хэ Цишэн, 2003; Лю Идэн, 2010).

Материалы и методы

Материалами исследования являются нормы российского и китайского права о международном частном праве, договорных обязательствах, потребительских отношениях, стандартных условиях и электронной коммерции, а также российская, китайская и англоязычная литература по коллизионному регулированию договоров и электронным потребительским контрактам. Использованы формально-юридический, сравнительно-правовой, системный и доктринальный методы, что позволяет рассматривать выбор права не изолированно, а во взаимосвязи с защитными императивными нормами и фактической ролью электронной платформы.

Автономия воли в электронной торговле: сохранение принципа и изменение условий его применения

В договорном международном частном праве автономия воли выполняет функцию правовой предсказуемости: стороны заранее определяют применимый правопорядок, распределяют договорный риск, согласуют язык обязательства и модель предъявления требований. А.В. Асосков обоснованно показывает, что выбор права не является произвольным

отказом государства от регулирования, а действует внутри коллизионной системы, где свобода сторон соотнесена с императивными нормами, публичным порядком и защитой третьих интересов. В электронной торговле этот вывод сохраняет значение прежде всего для отношений между предпринимателями, где выбор права чаще является результатом осознанного управления риском, а не присоединения к заранее заданной цифровой архитектуре (Асосков, 2013).

Иная логика действует в потребительском сегменте. Потребитель обычно не обсуждает применимое право, а принимает интерфейс, кнопку согласия и платформенные условия, подготовленные профессиональной стороной. Поэтому ограничение автономии воли здесь не следует понимать как отрицание самого принципа. Речь идет о проверке результата: не превращается ли формально выбранное право в средство снижения минимального уровня защиты слабой стороны. В зарубежной литературе справедливо отмечается, что даже действительная оговорка о применимом праве может оказаться практически бесполезной для потребителя, если язык, стоимость защиты, дистанция, платформа и сложность доказывания делают обращение за защитой фактически недоступным (Rühl, 2011; Hill, 2008).

Защитные императивные нормы в российском и китайском праве

Российская статья 1212 ГК РФ строится на компромиссной идее: потребительский договор может содержать выбор права, но такой выбор не должен лишать потребителя защиты, предоставляемой императивными нормами страны его места жительства, если профессиональная сторона осуществляет там деятельность или направляет ее на эту страну. Р.С. Резник связывает коллизионную защиту потребителя с различием между случайным обращением потребителя к иностранному рынку и целенаправленным выходом профессиональной стороны на рынок потребителя. Для электронной торговли это различие имеет решающее значение, поскольку техническая доступность сайта сама по себе не доказывает направленность деятельности, но совокупность интерфейсных, платежных, логистических и рекламных признаков может свидетельствовать о сознательном включении иностранного потребительского рынка в коммерческую стратегию (Резник, 2015).

Китайская правовая конструкция использует другую технику, но решает близкую задачу. Уже в более ранней китайской литературе о применимом праве к иностранным потребительским договорам подчеркивалось, что защита слабой стороны требует не только формальной коллизионной определенности, но и баланса между конфликтной и материальной справедливостью. Современные исследования правил выбора права в потребительских договорах также исходят из того, что автономия воли в данной сфере не может пониматься как абсолютное право профессиональной стороны включить в стандартный текст любую выгодную оговорку. Закон КНР о применении права к гражданским отношениям, осложненным иностранным элементом, признает выбор права сторонами договора, но сохраняет обязательные нормы, публичные интересы, общий договорный статут и специальное регулирование потребительских отношений (Юй Ин, 2011; Мэй Ао, Чэнь Ян, 2022; Tang, Xiao, Huo, 2016).

Особенность китайской модели состоит в том, что коллизионная защита потребителя дополняется частноправовыми нормами о стандартных условиях и электронном заключении договора. Статьи 496–498 ГК КНР имеют значение не только для внутренней оценки несправедливого условия, но и для трансграничной платформенной сделки: если условие о применимом праве включено в массив стандартных условий, сформулировано неясно или используется для ограничения основных прав потребителя, его нельзя оценивать исключительно как нейтральную коллизионную оговорку. В такой ситуации суду необходимо учитывать, было ли условие доведено до потребителя, мог ли он разумно понять его правовые последствия и не превращает ли оно выбор права в средство устранения обязательной защиты (ст. 491, 496–498 ГК КНР).

Закон КНР об электронной коммерции и Закон КНР о защите прав и интересов потребителей усиливают этот вывод. Они закрепляют обязанности операторов электронной коммерции, запрещают необоснованные платформенные условия, регулируют электронное заключение договора и допускают ответственность платформы при нарушении прав потребителя. Судебные разъяснения по сетевым потребительским спорам подтверждают, что в китайском праве платформа не всегда рассматривается как нейтральный технический фон: при определенных условиях она становится участником механизма защиты, поскольку именно через ее правила потребитель получает информацию, предъявляет претензию, возвращает товар или сталкивается с отказом в защите. Поэтому в российско-китайской перспективе вопрос о применимом праве должен решаться совместно с вопросом о действии обязательных норм платформенного и потребительского права (ст. 35, 38, 48–49 Закона КНР об электронной коммерции; ст. 25, 44 Закона КНР о защите прав и интересов потребителей; п. 1–3 Положений Верховного народного суда КНР по некоторым вопросам применения закона при рассмотрении дел о спорах, связанных с онлайн-потреблением (I)).

Критерий направленности цифровой деятельности

В научной литературе о сетевых потребительских договорах обоснованно отмечается, что традиционные соединительные факторы нуждаются в уточнении для интернет-среды. Наиболее практически значимым становится критерий направленности деятельности профессиональной стороны. Его назначение состоит в том, чтобы отделить случайную техническую доступность ресурса от сознательного выхода предпринимателя на определенный потребительский рынок. Л.В. Терентьева показывает, что этот критерий выполняет двойную функцию: защищает потребителя там, где предприниматель предвидимо работает с его рынком, и одновременно защищает предпринимателя от непредсказуемого применения права любой страны, откуда технически возможен доступ к сайту (Сяо Вэнь, 2020; Терентьева, 2020).

Для российско-китайской электронной торговли направленность деятельности должна устанавливаться по совокупности признаков, а не по одному формальному обстоятельству. Если китайский сайт или приложение доступны российскому пользователю, это еще не означает, что продавец или платформа направляет деятельность на Россию. Напротив, русскоязычный интерфейс, цены в рублях, возможность оплаты картами или сервисами, привычными российскому потребителю, доставка в Россию, локализованные правила возврата, поддержка на русском языке, реклама через российские каналы и адаптация претензионной процедуры к российскому потребителю в совокупности свидетельствуют не о случайной доступности, а о коммерческой работе с российским рынком.

Тот же подход применим в обратной ситуации, когда российский продавец или платформа ориентируется на китайского потребителя. Для вывода о направленности деятельности на рынок КНР значимыми могут быть китайский язык интерфейса, указание цен с учетом китайской платежной практики, прием китайских платежных инструментов, организация доставки в КНР, размещение информации о возврате и гарантиях на китайском языке, продвижение товара через китайские цифровые каналы и наличие послепродажной поддержки, понятной китайскому потребителю. В такой ситуации выбор российского права в стандартных условиях не должен автоматически устранять защиту, которая в силу китайского права связана с потребительским характером сделки и фактической ориентацией продавца на китайский рынок.

Практическое значение критерия направленности состоит в том, что он не позволяет механически применять право страны потребителя всякий раз, когда товар можно заказать через интернет. Суд или иной орган должен установить, вышла ли профессиональная сторона на соответствующий рынок сознательно и предсказуемо. В качестве доказательств могут оцениваться язык интерфейса, валюта, платежные средства, рекламная география, доменное имя, условия доставки, политика возврата, служба поддержки, содержание пользовательского соглашения и фактический объем работы с потребителями соответствующей страны. Такой подход сохраняет баланс: потребитель получает защиту там, где профессиональная сторона действительно работает с его рынком, а предприниматель не несет риск применения права всех государств, из которых технически возможен доступ к ресурсу.

Электронная платформа и стандартные условия как фактор коллизионной оценки

Электронная платформа в современных сделках часто выполняет значительно более сложную роль, чем техническое соединение продавца и покупателя. Она определяет правила допуска продавцов, структуру карточки товара, порядок платежа, удержание денежных средств, условия доставки и возврата, рейтинг, механизм претензий, язык интерфейса и порядок коммуникации. Поэтому в платформенной сделке нельзя ограничиться вопросом о том, какой продавец указан в карточке товара. Необходимо установить, насколько сама платформа организует юридически значимую среду оборота и влияет на фактическую возможность потребителя реализовать свои права.

О.В. Сергеева, анализируя трансграничные онлайн-контракты, обращает внимание на ограниченную возможность потребителя влиять на содержание стандартных условий и на необходимость проверять такие условия с учетом защитной функции потребительского права. Для российско-китайских сделок это означает, что оговорка о применимом праве должна оцениваться не изолированно, а вместе с интерфейсом, порядком доведения условий, языком уведомления, технической воз-

можностью сохранить текст договора и реальной понятностью правовых последствий. Формула «потребитель нажал кнопку согласия» сама по себе не доказывает осознанного принятия коллизионной оговорки, если потребитель фактически не мог увидеть или понять ее содержание (Сергеева, 2022).

Особое значение имеют стандартные условия, которые одновременно регулируют несколько уровней сделки: отношения потребителя с продавцом, отношения пользователя с платформой, порядок оплаты, возврата, рассмотрения претензий и ограничения ответственности. В таких условиях оговорка о применимом праве может быть технически включена в пользовательское соглашение, но фактически работать как инструмент перераспределения риска в пользу профессиональной стороны. Если выбранное право используется для исключения обязательной информации, возврата товара, запрета несправедливых условий или доступа к претензионной процедуре, оно должно уступать защитным нормам, подлежащим обязательному применению.

Англоязычная литература о электронных потребительских договорах подтверждает, что традиционные категории согласия, информации и договорного выбора требуют особой осторожности в цифровой среде. Z.S. Tang показывает, что электронный потребительский контракт ставит перед международным частным правом не только вопрос о применимой норме, но и вопрос о доступности правовой защиты, поскольку потребитель часто действует в условиях информационного дефицита и значительных трансграничных расходов. Следовательно, действительность выбора права должна связываться не только с формальным наличием условия, но и с тем, не лишает ли это условие потребителя реального доступа к защите (Tang, 2018).

Сравнительные исследования электронной торговли показывают, что регулирование этой сферы объединяет договорное право, защиту потребителей, электронные сообщения, платформенную ответственность и публичные ограничения. П.О. Панфилов подчеркивает, что платформа влияет на доступ к рынку и на правила взаимодействия участников. A. Savin приходит к близкому выводу в европейском контексте: платформа перестает быть только каналом связи, когда она сама организует условия цифрового оборота и фактически формирует инфраструктуру рынка. Для международного частного права это означает, что платформа не заменяет коллизионную норму, но меняет фактические предпосылки ее применения: именно через ее правила суд может установить направленность деятельности, характер согласия потребителя и пределы действия выбранного права (Сакович и др., 2019; Панфилов, 2023; Savin, 2018).

Заключение

Проведенный анализ показывает, что автономия воли в трансграничных договорах электронной торговли между Россией и КНР должна сохраняться, но ее объем зависит от характера сделки. В отношениях между предпринимателями выбор права выполняет полезную функцию предсказуемости и управления риском; его ограничение допустимо лишь при наличии действительно значимых императивных оснований. В потребительских электронных сделках выбор права должен оцениваться строже, поскольку согласие потребителя часто выражается через стандартный интерфейс, а не через индивидуальное обсуждение договорных условий.

Российская модель более прямо выражает защитную функцию через статью 1212 ГК РФ и критерий направленной деятельности профессиональной стороны. Китайская модель использует сочетание норм о договорном статуте, потребительской привязке, обязательных положениях, публичных интересах, стандартных условиях и обязанностях операторов электронной коммерции. Поэтому оптимальным является трехступенчатый подход: квалифицировать договор как B2B или B2C, установить направленность цифровой деятельности на рынок потребителя и проверить, сохраняет ли выбранное право минимальные гарантии, связанные с информацией, возвратом, запретом несправедливых условий и эффективной претензионной защитой. Электронная платформа не подменяет коллизионную норму, но ее интерфейс, правила и фактический контроль над исполнением договора должны учитываться при оценке пределов автономии воли.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ: раздел VI «Международное частное право» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073578 (дата обращения: 16.08.2026).

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // Российская газета. 2019. 17 июля. URL: https://rg.ru/documents/2019/07/17/vs-dok.html (дата обращения: 16.08.2026).

3. 中华人民共和国涉外民事关系法律适用法 [Zhonghua Renmin Gongheguo Shewai Minshi Guanxi Falu Shiyong Fa] [Закон КНР о применении права к гражданским отношениям с иностранным элементом] от 28.10.2010 // Вестник Верховного народного суда КНР. URL: https://gongbao.court.gov.cn/Details/5556b6c60575c047bb77100af04a09.html (дата обращения: 16.08.2026).

4. 中华人民共和国电子商务法 [Zhonghua Renmin Gongheguo Dianzi Shangwu Fa] [Закон КНР об электронной коммерции] от 31.08.2018 // Национальная база законов и нормативных актов КНР. URL: https://flk.npc.gov.cn/ (дата обращения: 16.08.2026).

5. 中华人民共和国民法典 [Zhonghua Renmin Gongheguo Minfa Dian] [Гражданский кодекс КНР] от 28.05.2020 // Национальная база законов и нормативных актов КНР. URL: https://flk.npc.gov.cn/ (дата обращения: 16.08.2026).

6. 中华人民共和国消费者权益保护法 [Zhonghua Renmin Gongheguo Xiaofeizhe Quanyi Baohu Fa] [Закон КНР о защите прав потребителей] от 31.10.1993, в ред. от 25.10.2013 // Национальная база законов и нормативных актов КНР. URL: https://flk.npc.gov.cn/ (дата обращения: 16.08.2026).

7. 最高人民法院关于审理网络消费纠纷案件适用法律若干问题的规定（一） [Zuigao Renmin Fayuan Guanyu Shenli Wangluo Xiaofei Jiufen Anjian Shiyong Falu Ruogan Wenti de Guiding (Yi)] [Положения Верховного народного суда КНР о сетевых потребительских спорах (I)] от 15.03.2022 // Вестник Верховного народного суда КНР. URL: https://gongbao.court.gov.cn/Details/1f8888b3afdf77181ca8cf257dd361.html (дата обращения: 16.08.2026).

8. Асосков А.В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. М.: Инфотропик Медиа, 2013. 640 с.

9. Гао Гэ, Ван Чжо. Принцип автономии воли сторон при разрешении международных гражданских споров в цифровую эпоху // Юридическая наука. 2026. № 7. С. 344–347.

10. Лю Идэн [刘益灯]. 论网络消费者保护的国际私法方法 [Lun wangluo xiaofeizhe baohu de guoji sifa fangfa] [Метод МЧП защиты онлайн-потребителей] // 法学评论 [Faxue pinglun; Правовой обзор]. 2010. № 6. С. 64–68.

11. Лю Идэн [刘益灯]. 涉外网络消费中的法律难点问题研究 [Shewai wangluo xiaofei zhong de falu nandian wenti yanjiu] [Правовые сложности иностранного онлайн-потребления] // 政治与法律 [Zhengzhi yu falu; Политика и право]. 2011. № 9.

12. Мэй Ао, Чэнь Ян [梅傲、陈杨]. 理想照进现实：涉外消费者合同选法规则再检视 [Lixiang zhaojin xianshi: shewai xiaofeizhe hetong xuanfa guize zai jianshi] [Пересмотр правил выбора права в иностранных потребительских договорах] // 国际经济法学刊 [Guoji jingji faxue kan; Журнал международного экономического права]. 2022. № 1. С. 131–140.

13. Панфилов П.О. Правовое регулирование деятельности онлайн-платформ на едином цифровом рынке ЕС: возможности для ЕАЭС // Lex russica. 2023. Т. 76. № 2. С. 91–100. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.195.2.091-100.

14. Резник Р.С. Коллизионная защита прав потребителей в Европейском Союзе и Российской Федерации // Право и политика. 2015. № 12. С. 1706–1713. DOI: 10.7256/1811-9018.2015.12.17307.

15. Сакович О.М., Соловьева С.В., Щербак С.С. и др. Правовое регулирование электронной торговли в зарубежных странах / отв. ред. Н.Г. Семилютина, О.А. Терновая. М.: Контракт, 2019. 272 с.

16. Сергеева О.В. Защита прав потребителей в аспекте ограничения применения условий трансграничных онлайн-контрактов // Международное публичное и частное право. 2022. № 2. С. 21–24.

17. Сяо Вэнь [肖雯]. 跨境消费者合同法律适用问题研究 [Kuajing xiaofeizhe hetong falu shiyong wenti yanjiu] [Применение права к трансграничным потребительским договорам]. Пекин: 法律出版社 [Falu chubanshe; Юридическое издательство], 2020. 286 с.

18. Терентьева Л.В. Критерий направленности деятельности профессиональной стороны на территорию страны места жительства потребителя как условие специального коллизионного регулирования потребительских отношений // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 4. С. 142–154. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.113.4.142-154.

19. Хуан Цзинь, Хэ Цишэн [黄进、何其生]. 电子商务与冲突法的变革 [Dianzi shangwu yu chongtu fa de biange] [Электронная коммерция и трансформация коллизионного права] // 中国法学 [Zhongguo faxue; Китайская юридическая наука]. 2003. № 1. С. 144–156.

20. Юй Ин [于颖]. 〈涉外民事关系法律适用法〉第42条评析：我国国际私法对消费者之保护 [Shewai minshi guanxi falu shiyong fa di 42 tiao pingxi: woguo guoji sifa dui xiaofeizhe zhi baohu] [Комментарий

к ст. 42 Закона КНР: защита потребителя] // 法学评论 [Faxue pinglun; Правовой обзор]. 2011. № 2. С. 65–70.

21. Hill J. Cross-Border Consumer Contracts. Oxford: Oxford University Press, 2008. 427 p.

22. Rühl G. Consumer Protection in Choice of Law // Cornell International Law Journal. 2011. Vol. 44. No. 3. Article 4.

23. Savin A. Regulating Internet Platforms in the EU – The Emergence of the "Level Playing Field" // Computer Law & Security Review. 2018. Vol. 34. No. 6. P. 1215–1231. DOI: 10.1016/j.clsr.2018.08.008.

24. Tang Z.S. Electronic Consumer Contracts in the Conflict of Laws. 2nd ed. Oxford: Hart Publishing, 2018. 432 p.

25. Tang Z.S., Xiao Y., Huo Z. Conflict of Laws in the People's Republic of China. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2016. 512 p.

PARTY AUTONOMY AND MANDATORY RULES IN CROSS-BORDER E-COMMERCE CONTRACTS BETWEEN RUSSIA AND CHINA: PRIVATE LAW AND CHOICE-OF-LAW ASPECTS

Qiu Yiyang

The article examines limits of party autonomy in Russia–China cross-border e-commerce contracts. It asks when a choice-of-law clause retains regulatory effect and when it is limited by protective mandatory rules. Using doctrinal, comparative, systemic and formal legal methods, the study analyzes Russian and Chinese rules on contractual obligations, consumer contracts, standard terms and e-commerce. The scientific novelty is a three-stage test for platform transactions: contract qualification, directed digital activity and preservation of mandatory consumer protection. The results may be used to assess platform terms and draft cross-border contracts. Party autonomy is admissible only where it does not circumvent mandatory protective rules.

Keywords: party autonomy; mandatory rules; e-commerce; cross-border contract; Russia; China; consumer; applicable law.

References

1. Part Three of the Civil Code of the Russian Federation of November 26, 2001, No. 146-FZ: Section VI "Private International Law" // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073578 (accessed on August 16, 2026).

2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of July 9, 2019, No. 24 "On the Application of the Norms of Private International Law by the Courts of the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta. July 17, 2019. URL: https://rg.ru/documents/2019/07/17/vs-dok.html (accessed on August 16, 2026).

3. Law of the People's Republic of China on the Application of Law to Civil Relationships with Foreign Elements [Zhonghua Renmin Gongheguo Shewai Minshi Guanxi Falu Shiyong Fa] [Law of the People's Republic of China on the Application of Law to Civil Relationships with Foreign Elements] dated October 28, 2010 // Bulletin of the Supreme People's Court of the People's Republic of China. URL: https://gongbao.court.gov.cn/Details/5556b6c60575c047bb77100af04a09.html (accessed: August 16, 2026).

4. The Law of the People's Republic of China on Electronic Commerce, August 31, 2018. Available at: https://flk.npc.gov.cn/ (Accessed: August 16, 2026).

5. The Civil Code of the People's Republic of China, May 28, 2020. Available at: https://flk.npc.gov.cn/ (Accessed: August 16, 2026). URL: https://flk.npc.gov.cn/ (accessed on 16 August 2026).

6. Consumer Protection Law of the People's Republic of China [Zhonghua Renmin Gongheguo Xiaofeizhe Quanyi Baohu Fa] [Consumer Protection Law of the People's Republic of China] of 31 October 1993, as amended on 25 October 2013 // National Database of Laws and Regulations of the People's Republic of China. URL: https://flk.npc.gov.cn/ (accessed on 16 August 2026).

7. Zuigao Renmin Fayuan Guanyu Shenli Wangluo Xiaofei Jiufen Anjian Shiyong Falu Ruogan Wenti de Guiding (Yi)] [Regulations of the Supreme People's Court of the People's Republic of China on online consumer disputes (I)] dated March 15, 2022 // Bulletin of the Supreme People's Court of the People's Republic of China. URL: https://gongbao.court.gov.cn/Details/1f8888b3afdf77181ca8cf257dd361.html (accessed on 16 August 2026).

8. Asoskov A.V. Conflict of Laws Regulation of Contractual Obligations. Moscow: Infotropic Media, 2013. 640 p.

9. Gao Ge, Wang Zhuo. The Principle of Autonomy of the Parties' Will in Resolving International Civil Disputes in the Digital Age // Legal Science. 2026. No. 7. Pp. 344–347.

10. Liu Yideng [刘益灯].论网络消费者保护的国际私法方法 [Lun wangluo xiaofeizhe baohu de guoji sifa fangfa] [PIL method of online consumer protection] // 法学评论 [Faxue pinglun; Legal Review]. 2010. No. 6. Pp. 64–68.

11. Liu Yideng [刘益灯]. 涉外网络消费中的法律难点问题研究 [Shewai wangluo xiaofei zhong de falu nandian wenti yanjiu] [Legal complexities of foreign online consumption] // 政治与法律 [Zhengzhi yu falu; Politics and Law]. 2011. No. 9.

12. Mei Ao, Chen Yang [梅傲、陈杨]. Revision of the Rules on Choice of Law in Foreign Consumer Contracts [Lixiang zhaojin xianshi: shewai xiaofeizhe hetong xuanfa guize zai jianshi] [Revision of the Rules on Choice of Law in Foreign Consumer Contracts] // Guoji jingji faxue kan; Journal of International Economic Law]. 2022. No. 1. P. 131–140.

13. Panfilov P.O. Legal regulation of the activities of online platforms in the EU single digital market: opportunities for the EAEU // Lex russica. 2023. Vol. 76. No. 2. Pp. 91–100. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.195.2.091-100.

14. Reznik R.S. Conflict of Laws Protection of Consumer Rights in the European Union and the Russian Federation // Law and Politics. 2015. No. 12. Pp. 1706–1713. DOI: 10.7256/1811-9018.2015.12.17307.

15. Sakovich O.M., Solovieva S.V., Shcherbak S.S., et al. Legal Regulation of Electronic Commerce in Foreign Countries / eds. N.G. Semilyutina, O.A. Ternovaya. Moscow: Contract, 2019. 272 p.

16. Sergeeva, O. V., "Consumer Rights Protection in Terms of Limiting the Application of Terms of Cross-Border Online Contracts," International Public and Private Law. 2022. No. 2. Pp. 21–24.

17. Xiao Wen [Kuajing xiaofeizhe hetong falu shiyong wenti yanjiu] [Application of Law to Cross-Border Consumer Contracts]. Beijing: Falu Chubanshe; Legal Publishing House, 2020. 286 p.

18. Terentyeva L.V. The criterion of the focus of the professional party's activities on the territory of the country of residence of the consumer as a condition for special conflict regulation of consumer relations // Actual problems of Russian law. 2020. Vol. 15. No. 4. Pp. 142–154. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.113.4.142-154.

19. Huang Jin, He Qisheng [黄进、何其生].电子商务与冲突法的变革 [Dianzi shangwu yu chongtu fa de biange] [Electronic commerce and conflict of laws transformation] // 中国法学 [Zhongguo faxue; Chinese legal science]. 2003. No. 1. Pp. 144–156.

20. Yu Ying [于颖]. [Shewai minshi guanxi falu shiyong fa di 42 tiao pingxi: woguo guoji sifa dui xiaofeizhe zhi baohu] [Commentary to Art. 42 Law of the People's Republic of China: consumer protection] // 法学评论 [Faxue pinglun; Legal Review]. 2011. No. 2. P. 65–70.

21. Hill J. Cross-Border Consumer Contracts. Oxford: Oxford University Press, 2008. 427 p.

22. Rühl G. Consumer Protection in Choice of Law // Cornell International Law Journal. 2011. Vol. 44.No. 3. Article 4.

23. Savin A. Regulating Internet Platforms in the EU – The Emergence of the "Leve" l Playing Field" // Computer Law & Security Review. 2018. Vol. 34. No. 6. P. 1215–1231. DOI: 10.1016/j.clsr.2018.08.008.

24. Tang Z.S. Electronic Consumer Contracts in the Conflict of Laws. 2nd ed. Oxford: Hart Publishing, 2018. 432 p.

25. Tang Z.S., Xiao Y., Huo Z. Conflict of Laws in the People's Republic of China. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2016. 512 p.

Цивилистическое исследование феномена криптовалюты

Чернов Александр Андреевич,
аспирант кафедры гражданского и корпоративного права,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»
E-mail: tyzkoz@gmail.com

Исследование посвящено анализу криптовалюты как правового феномена, в статье приведены основные характеристики криптовалюты, существенные особенности и их влияние на правовую регламентацию. В статье обосновано, что криптовалюта не является формой денег, денежным суррогатом, обязательственным правом. В статье сделан вывод об отнесении криптовалюты к иному имуществу, согласно статье 128 Гражданского кодекса Российской Федерации. Также исследован вопрос о выборе механизмы защиты прав, связанных с обладанием криптовалюты. Сделан вывод о неэффективности осуществления возврата криптовалюты обладателю в натуре.

Ключевые слова: криптовалюта, оборот цифровых активов, токен, токенизация, цифровизация, блокчейн.

Введение

Правовой статус криптовалюты на сегодняшний день остался не оформленным в российском законодательстве. Популярность явления «криптовалюты» и всех сопутствующих ей объектов (токены, биржи и площадки для инвестирования) создала целый пласт правового материала, требующего дальнейшей доработки.

Прежде чем говорить о возможных путях правовой регламентации, выделим разработанные доктринальные подходы к определению сущности «криптовалюты».

Криптовалюту можно рассмотреть в виде особого обязательственного права. В данном случае праву владельца кошелька цифровой валюты будут соответствовать обязанности всех участников криптовалютной сети, урегулированные правилами ее функционирования.

Криптовалюту можно отнести к безналичным денежным средствам, так как они представляют собой права требования к банку по счетам до востребования, которые могут быть использованы в соответствующий момент, например, для внесения платежей.

Также криптовалюта может быть определена как денежный суррогат. Такой подход может довольно сильно ограничить использование цифровой валюты на территории РФ, так как выпуск денежных суррогатов запрещен статьей 27 Федерального закона «О Центральном банке РФ».

На данный момент криптовалюта не является законным средством платежа, что порождает ряд проблем с оборот криптовалюты. Нужно отметить, что некоторые исследователи предлагают приравнять криптовалюту к существующего режиму иностранной валюты, с некоторыми изъятиями.

Предположение, что криптовалюта это разновидность обязательственного права, довольно сомнительно [4]. Разберемся на примере работы криптовалютной сети. Когда пользователь становится участником криптовалютной сети (он открывает счет, на котором хранится криптовалюта), он может вступать в обязательственные отношения с другими участниками криптовалютных отношений, но сам не приобретает криптовалюту посредством открытия кошелька. И после того, как криптовалюта все-таки поступит на счет владельца, это не будет подразумевать появление у него какого-либо права требования к другим лицам (участникам сети). Иными словами, количество прав и обязанностей у владельца кошелька не изменяется в зависимости от наличия или отсутствия у него криптовалюты. Таким образом, можно сделать вывод о том, что криптовалюта это не обязательственное право, так как криптовалюта не порождает новые права и обязанности по отношению к другими участникам системы.

Нельзя рассматривать криптовалюту и в качестве безналичных денежных средств, так как: во-первых, криптовалюта не является обязательственным правом, а во-вторых – криптовалюта не соотносится с понятием безналичных денежных средств [2; 3].

Можно сказать, что криптовалюта, несомненно, является средством платежа, но ни наличные деньги, ни электронные денежные средства для характеристики этого объекта гражданских прав не подходят [16]. Поэтому представляется, что это, проще говоря, новая форма денег. В своей статье Л.А. Новоселова подчеркивает основные различия традиционных денег и криптовалюты: распределенное хранение и общедоступность записей о криптовалютных кошельках и транзакциях с криптовалютой, децентрализованный выпуск криптовалюты, ограниченность максимального количества криптовалюты в системе, невозможность отмены совершенных транзакций и так далее. Исследователи считают, что отнести к цифровым правам криптовалюту также нельзя, и ее следует рассматривать в статусе иного имущества. Такой подход дает возможность законодателю обеспечить криптовалюте более гибкое регулирование: использовать механизмы регулирования наличных и безналичных денежных средств, в том случае если это имеет необходимость.

В то же время криптовалюта не может являться и денежным суррогатом. Понятие денежного суррогата появилось в законодательстве раньше, чем упоминания о криптовалюте. Они были запрещены законом как заменить традиционных форм денег [17].

Анализ криптовалюты как правого феномена, ее качественные характеристики

Перейдем к анализу криптовалюты, и выделим ее основные особенности:

Первый признак – децентрализованность. По своей природе криптовалюта не имеет ничего общего с обычными видами валют: она используют обычные методы контроля, эмиссии, управления. В сущностном аспекте криптовалюта представляет собой некий программный код, у которого существует собственный алгоритм вычисления. Такие вычисления (эмиссия, майнинг) лежат в основе криптовалюты и представляют собой совокупность вычислительных мощностей, например, совокупность компьютеров, работающих в системе. Также, как отметил Росфинмониторинг, процедура эмиссии криптовалют абсолютно децентрализована, поэтому отсутствует любая возможность ее регулирования, даже со стороны государства 4

Следующая особенность – анонимность. Эта характеристика означает, что обладатель виртуального кошелька, с некоторым количеством криптовалюты на нем, может расплачиваться за различные услуги и товары, в том числе не совсем законные. Этот признак хорошо иллюстрирует случай, произошедший в США. Связан он с раскрытием группы «Silk Road», которая занималась различной преступной деятельностью (начиная от торговли наркотическими средствами, заканчивая продажей оружия и т.п.) и рассчитывалась со своими «клиентами» биткоинами. На этот же факт указывает Центральный Банк РФ (далее ЦБ РФ), характеризуя сделки с криптовалютой: «В связи с анонимным характером деятельности по выпуску «виртуальных валют» неограниченным кругом субъектов и по их использованию для совершения операций граждане и юридические лица могут быть, в том числе непреднамеренно, вовлечены в противоправную деятельность, включая легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма» [6]. Также, ЦБ РФ всячески отмечает, что использование «виртуальных валют» в качестве эквивалента российскому рублю или иным иностранным валютам будет считаться сомнительной операцией в соответствии с законодательством о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [1].

Необеспеченность криптовалюты. Важно заметить, что по словам А. Гринспена, биткоин – это своего рода «воздушный замок», соответственно, он не имеет никакой реальной обеспеченности: «У валюты должна быть своя собственная ценность. И нужно сильно напрячь воображение для достижения умозаключения, что Bitcoin обладает внутренней стоимостью. У меня это не получилось» [24]. Таким образом, если учитывать, что криптовалюта сама по себе обладает непостоянностью в сфере ее капитализации, то слова А. Гринспена не кажутся такими сомнительными.

Проанализировав все признаки такого явления как криптовалюта, вызывает сложность дать ей определение, которое бы охватило все стороны исследуемого понятия. Например, Достов В.Л. и Шуст П.М. отметили, что криптовалюта представляет собой «негосударственную расчетную единицу, не имеющую единого эмиссионного центра» [20]. В статье авторы сделали заключение о том, что криптовалюта не является электронным денежным средством (ЭДС) по смыслу Федерального закона № 161-ФЗ от 27 июня 2011 года «О национальной платежной системе», на это указывает отсутствие характерных для ЭДС особенностей:

• выпуск криптовалюты производится самими пользователями системы и не зависит от фиатных денег, ЭДС, наоборот, имеет предоплаченную природу;

• перевод ЭДС представляет собой перевод денежных средств без открытия банковского счета в безналичном порядке. А криптовалюту, в свою очередь, нельзя квалифицировать как валюту, поскольку криптовалюта не подпадает под определение валюты (не является денежным знаком Банка России, а также иных государств или групп государств).

• для ЭДС переуступка права требования является основой для деятельности, в тоже время для криптовалюты никакой привязки к праву требования нет, так как оно просто не существует. Криптовалюта зависит только от ее положения на рынке, какие-нибудь связи с национальными валютами и т.п. также отсутствуют. Криптовалюта, следовательно, является специфическим объектом гражданских прав. А. Лейба указал на то, что биткоин не может быть определен как ЭДС, исходя из ст. 3 Федерального закона «О национальной платежной системе», таким же образом, криптовалюта не может являться и платежной системой [21]. Также отмечается тот аспект, что криптовалюта не относится ни к одному из видов объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ). Также в эту статью в 2019 году было внесено изменение, добавившее понятие цифровых прав. Однако, как известно, введение в действие различных законодательных актов о цифровых активах, не решило проблемы оборота криптовалюты.

Необходимость принятия Федерального закона от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», была обусловлена назревшей потребностью в правовой регламентации оборота цифровой валюты в связи с возросшим объемом проводимых с ней сделок. Данный Федеральный закон ввел понятие «цифровой валюты», а также определил основные правила оборота цифровой валюты на рынке (список разрешенных сделок с цифровой валютой,

Для устранения выявленных недостатков в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ была дана дефиниция понятия «цифровая валюта», а также были определены некоторые правила осуществления сделок с цифровой валютой (приведен перечень сделок с цифровой валютой, совершение которых не допускается, установлены общие правила выпуска, организации выпуска и обращения цифровой валюты на территории Российской Федерации, а также условия защиты прав обладателей цифровой валюты). Кроме того, указанным Федеральным законом в Закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Закон «Об исполнительном производстве» были внесены изменения, согласно которым цифровая валюта для целей названных Законов признается имуществом, что позволяет обращать взыскание на нее.

Вместе с тем до сих пор на легальном уровне не нашел своего разрешения ряд проблем, связанных с оборотом цифровой валюты в Российской Федерации. Рассмотрим некоторые из них более подробно.

Проблема определения способа защиты прав, связанных с обладанием цифровой валютой

Защита субъективного права является одной из составляющих его внутренних правомочий [19]. Цифровая валюта может являться объектом субъективных прав, соответственно, также может защищаться, в том числе и с помощью судебного порядка.

Однако, что касается правовой регламентации оборота криптовалюты, то в законодательстве на сегодняшний день отсутствует эффективный способ защиты субъективного права в связи с обладанием криптоактива, в том числе при защите права собственности на такие объекты.

Киевский районный суд г. Симферополя от 3 июля 2023 г. по делу № 2–1021/2023 [24] вынес решение, согласно которому в пользу истца было взыскано неосновательное обогащение, которое ответчик получил, не имея оснований. Характерная черта указанного неосновательного обогащения состоит в том, что оно выражено в натуральной форме – криптовалюте. Суд обязал Ответчика возвратить криптовалюту посредством биржи «Binance» в течение двадцатидневного срока после вступления решения суда в законную силу.

Судом использовались положения ст. 1104 и 1082 Гражданского кодекса РФ, в соответствии с которыми приобретатель неосновательного обогащения (либо причинитель вреда) обязан возвратить имущество в натуре.

При таком способе защиты нарушенного права возникает логический вопрос: что будет, если должник не захочет возвращать имущество в виде криптовалюты. Вопрос интересен тем, что доступ к приватному «криптокошельку» находится исключительно у должника, а требовать исполнение указанного требование от иных лиц (допустим, которые бы имели возможность без согласия владельца кошелька изъять и перенаправить криптовалюту на кошелек истца) попросту отсутствует. Все отношения, складывающиеся внутри системы блокчейн (именно публичного реестра) – децентрализованы, не имеется ни одного инструмента «принуждения», который бы мог принудить должника совершить указанные транзакции по возврату неосновательного обогащения.

При этом, к обязательству о возврате имущества в натуре может применяться положения ст. 308.3 Гражданского кодекса РФ об астренте (судебной неустойки). За каждый день просрочки исполнения обязательства по возврату в пользу кредитора может взыскиваться н-ая сумма неустойки до тех пор, пока криптовалюта не будет возвращена. Основная задача судебной неустойки является побуждение должника к своевременному исполнению обязательства в натуре (согласно п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»). В данном случае, указанная цель астрента может быть и не достигнута.

Стоимость криптовалюты, как известно, подвержены волатильности, стоимость криптовалюта может значительно измениться в большую или меньшую сторону. Так, например, должник может дождаться того момента, когда стоимость криптоактива снизится до меньшего размера, тем самым возместив стоимость в наиболее подходящий момент. Или в ином случае, размер судебной неустойки может возмещаться за счет проведенных сделок со спорной криптовалютой или даже превышать ее. Суды же устанавливают размер судебной неустойки

в пределах 0,1–3% от стоимостного выражения удовлетворенных требований [25]. Следовательно, при таких обстоятельствах цель судебной неустойки в виде побуждения должника к исполнению обязательства по возврату цифровой валюты достигнута не будет, ведь должник не будет испытывать принуждение и возможные убытки в связи с невозвратом в натуре криптовалюты.

Следует учитывать, что нормы п. 1 ст. 1104 ГК РФ применяются исключительно к вещам; принудительное требование должника вернуть цифровую валюту в натуре противоречит её природе, поскольку цифровая валюта не является вещью. Наиболее эффективным инструментом защиты прав, связанных с владением цифровой валютой, представляется взыскание её стоимости.

Ключевое преимущество указанного способа защиты состоит в том, что исполнение обязательства по возмещению стоимости цифровой валюты не зависит исключительно от воли должника: судебный акт об взыскании стоимости цифровой валюты может быть принудительно реализован за счет денежных средств и иного имущества должника, помимо самой криптовалюты. По мнению Д.В. Федорова, криптовалюта не имеет самостоятельной ценности, следовательно, интерес кредитора может быть удовлетворен через обращение взыскания на оставшееся имущество должника из расчета стоимости задолженной криптовалюты на момент исчисления убытков [23].

И в этом случае, если вместо возврата имущества в натуре используется механизм взыскания стоимости криптовалюты, остается неразрешенным вопрос об определении размера этой стоимости. Так, по делу № А57–15876/2020 [26] истцом было заявлено требование о взыскании с электросетевой компании упущенной выгоды в виде стоимости цифровой валюты, недополученной в результате невозможности осуществления майнинга из-за аварии на электрических сетях. Суд оставил этот вопрос на разрешение судебной товароведческой оценочной экспертизе. При этом, данный способ определения стоимости вызывает сомнения в своей достоверности. В данном случае, определенно необходимо проводить экспертизу на конкретно выбранный период, в течение которого электроэнергия отсутствовала для проведения майнинга.

Данную проблему могла бы решить оценка криптоактива с точки зрения его средней стоимости на рынке за определенный период, в таком случае, образованная стоимость будет иметь более обоснованный размер.

Согласно М.И. Немовой, метод оценки криптовалюты может основываться на сравнительном подходе, который предполагает установление средней рыночной цены актива в одинаковые моменты времени на различных торговых платформах. В качестве иллюстрации она ссылается на практику Российской ассоциации криптоэкономики, искусственного интеллекта и блокчейна и на Комиссию по правовому обеспечению цифровой экономики Московского отделения Ассоциации юристов России, реализующую автоматический расчёт средневзвешенной цены биткоина [22].

Таким образом, можно сделать вывод, что эффективным способом защиты прав, связанных с обладанием цифровой валютой, является взыскание стоимости цифровой валюты в денежном эквиваленте.

Иностранная судебная практика в области взыскания цифровых активов демонстрирует аналогичный подход. Так, по делу B2C2 Ltd v. Quoine Pte Ltd [2019] SGHC (I) 03 Международный коммерческий суд Сингапура отклонил требование истца вернуть криптовалюту в натуре и заключил, что достаточным является взыскание стоимости полученного актива [18].

Литература

1. Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (ред. от 05.05.2014) «О национальной платежной системе» // Российская газета. 2011. – № 139(5515).

2. О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации: проект федерального закона № 424632–7.

3. О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 18 марта 2019 года № 34-ФЗ // «Российская газета», № 60, 20.03.2019,

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // «Российская газета», № 238–239, 08.12.1994.

5. Федеральный закон от 31.07.2020 N 259-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 20.01.2026) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Российская газета», № 173, 06.08.2020.

6. Информация Банка России от 27.01.2014 «Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности биткойн» URL http://www.cbr.ru/press/pr/?file=27012014_1825052 (дата обращения: 01.08.2026 года).

7. Заключение Комитета по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству от 3 апреля 2018 года № 3.8/522 «По проекту федерального закона № 419059–7 «О цифровых финансовых активах».

8. Экспертное заключение по проекту федерального закона № 419059–7 «О цифровых финансовых активах» от 23 апреля 2018 года № 175–5/2018: принято на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства.

9. Заключение Правового управления Аппарата Государственной думы «По проекту федерального закона № 419059–7 «О цифровых финансовых активах».

10. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ.

11. Об утверждении комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2018 года № 2101-р, в редакции от 13 апреля 2022 года.

12. О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2021 года № 3363-р.

13. Концепция развития технологий машиночитаемого права: утверждена Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности: Протокол от 15 сентября 2021 года № 31.

14. Об утверждении перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций: Постановление Правительства Российской Федерации от 28 октября 2020 года № 1750.

15. Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации транспортной отрасли Российской Федерации до 2030 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 3 ноября 2023 года № 3097-р.

16. Абрамова Е.Н. К вопросу о понятии криптовалюты: проблемы терминологии и формирования дефиниции / Е.Н. Абрамова // Банковское право. 2021. № 2. С. 19–27.

17. Амелин Р.В. Эволюция права под воздействием цифровых технологий / Р.В. Амелин, С.Е. Чаннов. Москва: Норма, 2023. 280 с.

18. Будылин С.Л. Дело о битве роботов, или Может ли смарт-контракт быть недействительным? Комментарий к решению Апелляционного суда Сингапура по делу Quoine Pte Ltd v. B2C2 Ltd [2020] SGCA (I) 02 / С.Л. Будылин // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 3. С. 46–70.

19. Гражданское право: Учебник. В 2 томах. Т. 1 / С.С. Алексеев, О.Г. Алексеева, К.П. Беляев [и др.]; Под редакцией Б.М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, 2018. 528 с.

20. Достов В.Л., Шуст П.М. Рынок криптовалют: риски и возможности для кредитных организаций // Расчеты и операционная работа в коммерческом банке. 2014. № 1. С. 75–86.

21. Немова М.И. Криптовалюта как предмет имущественных преступлений / М.И. Немова // Закон. 2020. № 8. С. 145–154.

22. Федоров Д.В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта / Д.В. Федоров // Вестник гражданского права. 2018. № 2. С. 30–74.

23. Решение Киевского районного суда г. Симферополя от 3 июля 2023 г. по делу № 2–1021/2023 // URL: https://kiev-simph – krm.sudrf.ru/modules.php?name (дата обращения: 16.07.2026).

24. Решение Арбитражного суда Самарской области от 10 июля 2018 г. по делу № А55–923/2018, Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда по делу от 29 января 2019 г. № А40–51715/18 // URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 05.07.2026).

25. Решение Арбитражного суда Саратовской области от 21 апреля 2021 г. по делу № А57–15876/2020. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 04.07.2026).

A CIVIL LAW STUDY OF THE CRYPTOCURRENCY PHENOMENON

Chernov A.A.
Saint Petersburg State University of Economics

This study analyzes cryptocurrency as a legal phenomenon, outlining its key characteristics, specific features, and impact on legal regulation. The article argues that cryptocurrency is neither a form of money nor a monetary surrogate with associated legal implications.

It concludes that cryptocurrency should be classified as «other property» pursuant to Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation. Additionally, the study examines mechanisms for protecting rights associated with cryptocurrency ownership, concluding that the recovery of cryptocurrency in kind by the holder is ineffective.

Keywords: cryptocurrency, digital asset turnover, token, tokenization, digitalization, blockchain.

References

1. Federal Law of June 27, 2011 No. 161-FZ (as amended on May 5, 2014) "On the National Payment System" // Rossiyskaya Gazeta. 2011. – No. 139 (5515).

2. On Amendments to Parts One, Two, and Four of the Civil Code of the Russian Federation: draft federal law No. 424632–7.

3. On Amendments to Parts One, Two, and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation: Federal Law of March 18, 2019 No. 34-FZ // Rossiyskaya Gazeta, No. 60, March 20, 2019,

4. Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law of November 30, 1994 No. 51-FZ // Rossiyskaya Gazeta, No. 238–239, December 8, 1994.

5. Federal Law No. 259-FZ of July 31, 2020 (as amended on December 15, 2025, as amended on January 20, 2026) "On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta, No. 173, August 6, 2020.

6. Information from the Bank of Russia dated January 27, 2014 "On the Use of "Virtual Currencies," in Particular Bitcoin, in Transactions" URL http://www.cbr.ru/press/pr/?file=27012014_1825052 (accessed: August 1, 2026).

7. Opinion of the Committee on Economic Policy, Industry, Innovative Development, and Entrepreneurship dated April 3, 2018, No. 3.8/522 "On draft federal law No. 419059–7 'On digital financial assets'."

8. Expert opinion on draft federal law No. 419059–7 'On digital financial assets' dated April 23, 2018, No. 175–5/2018: adopted at a meeting of the Presidential Council of the Russian Federation for the Codification and Improvement of Civil Legislation.

9. Opinion of the Legal Department of the State Duma Executive Office "On draft federal law No. 419059–7 'On digital financial assets'."

10. On digital financial assets, digital currency, and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law No. 259-FZ dated July 31, 2020.

11. On approval of a comprehensive plan for the modernization and expansion of trunk infrastructure through 2024: Order of the Government of the Russian Federation of September 30, 2018 No. 2101-r, as amended on April 13, 2022.

12. On the Transport Strategy of the Russian Federation through 2030 with a forecast for the period through 2035: Order of the Government of the Russian Federation of November 27, 2021 No. 3363-r.

13. Concept for the Development of Machine-Readable Law Technologies: approved by the Government Commission on Digital Development, the Use of Information Technologies to Improve the Quality of Life and Business Conditions: Protocol No. 31 of September 15, 2021.

14. On approval of the list of technologies applied within the framework of experimental legal regimes in the field of digital innovation: Resolution of the Government of the Russian Federation of October 28, 2020 No. 1750.

15. On approval of the strategic direction in the field of digital transformation of the transport industry of the Russian Federation until 2030: Order of the Government of the Russian Federation of November 3, 2023 No. 3097-r.

16. Abramova E.N. On the concept of cryptocurrency: problems of terminology and definition formation / E.N. Abramova // Banking law. 2021. No. 2. Pp. 19–27.

17. Amelin R.V. Evolution of Law under the Impact of Digital Technologies / R.V. Amelin, S.E. Channov. Moscow: Norma, 2023. 280 p.

18. Budylin S.L. The Case of the Robot Battle, or Can a Smart Contract Be Invalid? Commentary on the Decision of the Court of Appeal of Singapore in the Case of Quoine Pte Ltd v. B2C2 Ltd [2020] SGCA (I) 02 / S.L. Budylin // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2022. No. 3. Pp. 46–70.

19. Civil Law: Textbook. In 2 volumes. Vol. 1 / S.S. Alekseev, O.G. Alekseeva, K.P. Belyaev [et al.]; Edited by B.M. Gongalo. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow: Statut, 2018. 528 p.

20. Dostov V.L., Shust P.M. Cryptocurrency market: risks and opportunities for credit institutions // Settlements and operational work in a commercial bank. 2014. No. 1. Pp. 75–86.

21. Nemova M.I. Cryptocurrency as a subject of property crimes / M.I. Nemova // Law. 2020. No. 8. Pp. 145–154.

22. Fedorov D.V. Tokens, cryptocurrency, and smart contracts in domestic bills from the perspective of foreign experience / D.V. Fedorov // Bulletin of civil law. 2018. No. 2. Pp. 30–74.

23. Decision of the Kyiv District Court of Simferopol dated July 3, 2023 in case No. 2–1021/2023 // URL: https://kiev-simph – krm.sudrf.ru/modules.php?name (date of access: July 16, 2026).

24. Decision of the Arbitration Court of Samara Region dated July 10, 2018 in case No. A55–923/2018, Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal in case dated January 29, 2019 No. A40–51715/18 // URL: https://kad.arbitr.ru/ (date of access: July 5, 2026).

25. Decision of the Arbitration Court of the Saratov Region dated April 21, 2021 in case No. A57–15876/2020. URL: https://kad.arbitr.ru (date accessed: 04.07.2026).

Частно-правовое регулирование общественных отношений, вытекающих из заключения пари: генезис, понятие и природа

Шалашов Виктор Константинович,
секретарь общего отдела Чеховского городского суда Московской области
E-mail: victorshalashov11052001@gmail.com

В данной статье исследуется частно-правовое регулирование общественных отношений, вытекающих из заключения пари. Цель работы – исследовать генезис, понятие и природу частно-правового регулирования общественных отношений, вытекающих из заключения пари. Методологическую основу исследования составили диалектика и формально-юридический метод. В данном исследовании рассмотрены особенности формально-юридического развития института пари, выявлены критерии определения правовой меры свободы в нормах, регулирующих общественные отношения, вытекающие из заключения пари, сформулировано понятие «частно-правовая природа пари». Новизна исследования заключается в определении прогностической функции субъектов заключения пари, как существенного признака пари, отличающего его от игры и других видов алеаторных сделок.

Ключевые слова: пари, частно-правовое регулирование, становление пари, генезис пари, история пари, природа пари, понятие пари, прогноз.

Введение

Несмотря на бурное развитие гражданского законодательства в наши дни, частноправовому регулированию института пари посвящена одна статья ГК РФ. К тому же, в отечественной правовой доктрине в большинстве случаев пари упоминают в паре с играми, что не является положительной тенденцией, ведь пари самобытный институт, который имеет отличительные признаки, характеризующие его уникальную правовую природу. Представляется, что особенностям пари, и прежде всего букмекерского пари, цивилисты уделяют недостаточно внимания.

Актуальность исследования пари обусловлена двумя причинами. Во-первых, практика показывает, что существуют пробелы в законодательном регулировании, которые невозможно устранить без тщательной теоретической проработки. Во-вторых, судебная практика показывает, что есть не ясности в толковании и применении законодательства, регулирующего пари, что требует систематизации судебной материи для создания единого акта судебного толкования по данному вопросу.

На сегодняшний день цивилистическая наука не уделяет достаточно времени исследованию пари, в особенности букмекерского пари. Это видно по отсутствию фундаментальных монографий по данной теме, за исключением книги профессора М.И. Брагинского, изданной еще в далеком 2004 году, в которой, опять-таки, автор исследует пари вместе с играми. В зарубежной литературе встречаются монографии на эту тему. Стоит сказать, что современная научная, как отечественная, так и зарубежная периодика пестрит публикациями на тему пари (букмекерского пари или беттинга), что говорит о наличии актуальных проблем в современном состоянии данного явления. Все это означает, что есть повод к обобщению уже существующих работ в отдельное диссертационное или монографическое исследование. Данная статья выполняет роль подготовительного этапа на пути к этому действию.

Цель настоящей работы – выработать объективное представление о пари (в том числе, букмекерском пари) как явлении правовой реальности на основе анализа его особенностей. Для достижения данной цели необходимо выполнить три задачи: проанализировать становление пари в контексте истории частного права; представить мысль о пари в форме понятия и дать этому понятию определение; а также исследовать частно-правовую природу пари.

Для достижения поставленной выше цели и решении перечисленных задач нужен подходящий методологический инструментарий. Помимо специальных цивилистических методов, которые используются в любых частно-правовых исследованиях, необходимо подобрать общенаучные и частно-научные методы. Для исследования становления явления во времени и пространстве, а также формировании понятия о нем, необходимо использовать диалектический метод. Для исследования явления на предмет внутренней формы права, то есть выявления юридического бытия, будем использовать формально-юридический метод.

Генезис общественных отношений, вытекающих из заключения пари

Исследование любого явления, в том числе и правового, требует анализировать его в становлении, так как все в мире изменчиво. С учетом этого в науке принцип историзма требует анализа процессов, их этапов, качественных изменений и закономерностей перехода от одного состояния к другому. В правовых явлениях принципиально важно проследить качественные изменения соотношения прав и обязанностей, запретов и дозволений, закономерности перехода от одного состояния правовой меры свободы к другому.

Всякое развитие, в том числе и историческое развитие, – есть единство и борьба противоположностей [9, с. 7]. Единственный метод, который изучает борьбу и единство противоположностей – диалектика. Значит, для изучения борьбы и единства противоположностей (прав и обязанностей) в регулировании общественны отношений пари, следует применить диалектический метод.

Проанализируем изменение правовой меры свободы в регулировании общественных отношений, вытекающих из заключения пари в разных государствах в различные исторические периоды. Это по-

зволит нам выявить разнообразие факторов, влияющих на изменение правовой меры свободы в регулировании исследуемых общественных отношений.

Проанализируем причины запрета игр в США в 1987 году. М.Ю. Нетуш пишет следующее: «…наибольшее влияние на формирование института игр и пари в России оказало «игорное» законодательство США. Но в 1987 году азартные игры были запрещены в США, и нарушители этого запрета карались большими денежными штрафами (до 5 000 долларов), либо тюремным заключением» [6, с. 20]. Неоднозначность социально-экономической обстановки в США в 1987 году повлияла на данное законодательное решение. С одной стороны, уровень жизни населения рос, но, с другой стороны, рос внешний долг из-за военных расходов, вследствие чего пришлось менять структуру налогообложения. То есть, необходимость населения уплачивать повышенные налоги вынудила власти США запретить заключение пари (в том числе и букмекерских пари), чтобы граждане не направили свои денежные средства в сферу беттинга, а направили в бюджет государства. Действительно, в данном случае экономическая эффективность является фактором для запрета заключения пари, а значит одним из критериев определения правовой меры свободы в исследуемых общественных отношениях.

Далее, проанализируем регулирование общественных отношений по заключению пари в США в век информационного общества. Тем не менее, XXI век вместе с Интернет-технологиями подарил законодательству и правоохранительным органам США новую проблему. Проблема правоохранительных органов США заключается в том, что нет закона, запрещающего ставки на спорт в Интернете. Многие американские эксперты в области права предлагали сослаться на Закон о проводных платежах, который запрещает ставки на спорт по телефону, но в эпоху спутникового и кабельного Интернета юридические границы для атак размыты как никогда [14, с. 3]. Получается, что фактор неконтролируемости ставок в интернете заставляет, в данном случае, изменить правовую меру свободы в пользу запрета. Правовая форма общественных отношений, возникающих при заключении пари зависит от влияния материальной формы заключения пари (электронной или физической. Поскольку электронная и физическая формы имеют свои особенности, которые по-разному могут повлиять на юридические последствия, значит, правовая форма должна учитывать это и иметь меру свободы такую, которая была бы правовой для каждой материальной формы соответственно.

Так как общественные отношения по заключению пари нам известны со времен древности, имеет смысл рассмотреть отношение к ним в Древнем Риме. Как указывал Марциан, ссылаясь на закон Тиция – Публиция и Корнелиевый закон, пари признавалось допустимыми лишь по поводу таких игр, в которых состязания совершались не ради доблести, т.е. за пределами указанных пяти видов [12, с. 12]. Действительно, доблесть может быть фактором, определяющим правовую меру свободы в пользу запрета для вида заключения пари, считающегося недобросовестным, или в пользу дозволения для вида заключения пари, считающегося добросовестным.

Отечественная история регулирования отношений по заключению пари не имеет богатого опыта именно частно-правового регулирования. Гражданско-правовое регулирование обязательств из азартных игр и пари осуществлялось в рамках публичного права (уголовного, административного).

Теперь проанализируем ситуацию с отношением запрета и дозволения заключения пари в России. Устав Благочиния от 8 апреля 1782 года, принятый Екатериной II, запрещал игры, которые, имели своей целью выигрыш и обогащение. Соответственно, участники таких игр не могли рассчитывать на судебную защиту, в отличии от иных игр и пари.

На протяжении XVIII–XIX века отношение к азартным играм со стороны государства оставалось неоднозначным. Полный запрет азартных игр присутствовал не долгий промежуток в истории правового регулирования и был неэффективным, так как запрет азартных игр подталкивал отдельные категории населения к более активному участию в них. Организации азартных игр и пари способствовало и получение больших денежных средств от их организации. Государство получало достаточно средств в качестве налогов и не хотело полностью расставаться с этими деньгами [13, с. 1196]. Из этого следует, что только в случае частичного ограничения мера свободы становится правовой, запреты должны быть избирательны, полный запрет ведет к деспотии, а полное дозволение к произволу. В данном случае, экономическая эффективность является, критерием определения соотношения между запретом и дозволением в норме, регулирующей общественные отношения, вытекающих из заключения пари.

Таким образом, проведя исследование становления общественных отношений, вытекающих из заключения пари, выявлены три конкретных критерия, определяющих соотношение между запретом и дозволением в норме, регулирующей данные общественные отношения: добросовестность, экономическая эффективность и форма заключения пари.

Понятие пари и его существенный признак

На данный момент правоведами сформулировано несколько определений понятия пари. Исходя из этого, не имеет смысла формулировать новое определение. Необходимо проанализировать основные определения, выбрать одно, и проинтерпретировать его исходя из состояния современной цивилистической науки.

Ю.В. Багно пишет: «Приступая к исследованию понятия игра, отметим, что это сложное научное явление, которое можно рассматривать с точки зрения различных гуманитарных дисциплин: философии, культурологии, социологии, психологии, педагогики, юриспруденции» [3, с. 64.]. То же самое можно сказать и про явление пари. Мы будем исследовать определения понятия пари с точки зрения юридической науки.

Одни исследователи считают, что «Пари является разновидностью игры, в которой наступление случайных выигрышных обстоятельств прогнозируется самими «отозвавшимися», но в сфере вопросов, заданных призвавшим лицом [4, с. 607]. Получается, что здесь отрицается самобытность пари, понятие пари включается в более общее понятие игра. Общим для игры и пари признается наступление случайных выигрышных обстоятельств, а признаком, характеризующим сущность пари, признается прогноз случайных выигрышных обстоятельств отозвавшимися.

Другие исследователи считают, что «Пари – это обязательство, в котором одна из сторон утверждает, а другая отрицает наличие определенного обстоятельства. Само же обстоятельство наступает независимо от них: стороны лишь констатируют его наступление» [8, 141]. В данном случае указано на обязательственную природу пари, таже сущность пари определяется через прогнозирование (в данном случае утверждение) наступления определенного обстоятельства.

Также считается, то Пари – это форма игры, исход которой неизвестен, основой является соглашение, а результат непосредственно связан с риском. Договор будет заключаться между двумя или более участниками. Получается, что пари представляет собой своеобразную форму азартной игры и участники не могут предугадать исход, на который влияют самые различные обстоятельства [10, с. 102]. Здесь, по мимо тезисов, которые мы уже исследовали раннее, утверждается, что пари является соглашением, связанным с риском, то есть является по сути алеаторной сделкой. Также утверждается, что пари представляет собой своеобразную форму азартной игры и участники не могут предугадать исход, на который влияют самые различные обстоятельства. С данным утверждением сложно согласиться, поскольку отличием пари от игры (в том числе и азартной), является прогностическая функция участников пари. Субъекты, вступающие в данные отношения, не предугадывают результат, а соревнуются в использовании своего прогностического потенциала. Только прогноз позволяет участникам относиться к пари именно как к пари, а не как к игре. Стоит сказать, что если участники вступают в отношение, которое по своей форме является заключением пари, но при этом не делают прогнозы, а просто угадывают исход события, то по сути для них данное отношение будет являться игрой, причем если присутствует азарт, так ещё и азартной игрой.

Необходимо понять значение слова «прогноз». В толковом словаре С.И. Ожегова написано, что «ПРОГНОЗ, -а, м. Основанное на специальном исследовании заключение о предстоящем развитии и исходе чего-н. П. погоды. П. болезни. П. событий. П прил. прогнозный, -ая, -ое (спец.) и прогностический, -ая, -ое (спец.). Прогнозные расчеты. Прогнозные запасы нефти. Прогностические доклады» [7, с. 607]. Получается, если прогноз основан на специальном исследовании, то для этого исследования нужны специальные знания. Значит, субъекты заключения пари, отличаются от субъектов игры, наличием специальных знаний, которые позволяют сделать заключение об исходе какого-либо события.

Подводя итоги, можем сказать, что игры и пари как гражданско-правовая концепция – это особая категория обязательств, основанных на случайности, в которых выигрыш или проигрыш зависят от определённых условий, не всегда подконтрольных сторонам [5, с. 75]. Случайность и неподконтрольность сторонам являются общими признаками, относящими пари и игры к группе алеаторных сделок, а прогноз участников является признаком, определяющим сущность пари, и отделяющим его от игры и других видов алеаторных сделок.

Таким образом, проанализировав несколько определений понятия «пари», получилось выбрать, то определение, которое на наш взгляд является наиболее идейно целостным. Это определение которое дал П.В. Паленко. Проинтерпретируем его с учетом прогностической функции субъектов как существенного признака пари. Итак, пари – это обязательство, в котором одна из сторон утверждает, а другая отрицает наличие определенного обстоятельства, посредством дачи заключения на основе специальных знаний.

Частно-правовая природа общественных отношений, вытекающих из заключения пари

Выяснение частно-правовой природы общественных отношений, вытекающих из заключения пари очень важно для определения метода правового регулирования. Для определения частно-правовой природы пари необходимо понять значение понятий «правовая (юридическая) природа» и «частное право».

Так, С.С. Алексеев определяет юридическую природу через юридические характеристики правового явления, позволяющие увидеть структуру, место и роль среди других правовых явлений в соответствии с его социальной природой [1, с. 24]. То есть, познать правовую природу пари означает выявить характеристики, определяющие его уникальную структуру, место и роль среди других правовых явлений.

Частное право – это начала, утверждающие для отдельных лиц юридически значимые свободу, независимость, самостоятельность. То есть это такое правовое состояние отдельных лиц, когда они сами, суверенно, без вмешательства из вне, своей волей и в своем интересе решают свои дела и когда говоря словами Канта, у субъектов есть «свобода быть собственным господином» [2, с. 351]. Получается, что принятие решения субъектом правоотношения своей волей и в своем личном интересе (будь то интерес физического или юридического лица) определяет частно-правовой характер данного правоотношения.

Синтезируя понятия «пари», «правовая природа» и «частое право» можно сформулировать понятие «частно-правовая природа пари». Итак, частно-правовая природа пари – это юридические характеристики, определяющие обязательство, в котором одна из сторон утверждает, а другая отрицает наличие определенного обстоятельства, посредством дачи заключения на основе специальных знаний, через принятие решений данных сторон их волей и в их интересе.

Обозначим три такие характеристики частно-правовой природы о которых писал С.С. Алексеев: 1) свобода воли (субъекты, заключающие пари свободны в своей воле, их ни кто не принуждает); 2) независимость (субъекты заключающие пари независимы друг от друга, они не находятся в отношении подчинения); 3) самостоятельность (субъекты, заключающие пари, заключают его самостоятельно без чьей-либо помощи).

Б.Б. Черепахин в свое время писал «Устойчивость формальной стороны в праве, при изменчивости его содержания, заставляет проводить основные разделения всего правового материала с точки зрения формы, самого способа регулирования отношений…» [11, с. 4]. В данном случае речь идет о диспозитивном и императивном методах правового регулирования. Частому праву присущ диспозитивный метод правого регулирования. Исходя из частно-правовой природы пари, регулированию общественных отношений вытекающих из заключения пари присущ диспозитивный метод.

Таким образом, сформулировав понятие частно-правовая природа пари, проанализированы правовые характеристики пари и на основе этого определен подходящий метод правового регулирования. Данный результат важен для дальнейшей нормотворческой работы в данном направлении, ведь от определения правовой природы регулируемого общественного отношения, зависит и характер правовых норм. Если норма будет сформулирована в противоречии правовой природе регулируемого явления, то она будет суть не правовая или антиправовая.

Заключение

Таким образом, исследовав генезис, понятие и частно-правовую природу общественных отношений, вытекающих из заключения пари, мы можем сформулировать ряд выводов, которые отражают ход исследования и показывают возможные направления дальнейших исследований.

Во-первых, выявлены факторы, которые на протяжении истории развития общественных отношений, вытекающих из заключения пари, являлись критерием для определения меры свободы в нормах, регулирующих данные общественные отношения. Это позволит в дальнейшем разработать и предложить варианты законодательных норм, регулирующих данные общественные отношения, уже с учетом упомянутых выше критериев как особенностей правового регулирования.

Во-вторых, проинтерпретировав уже существующие определения принятия пари, был выявлен существенный признак, отличающий пари от игры, в роли которого выступает прогностическая функция субъектов, заключающих пари. Это позволяет говорить о возможности дальнейшего законодательного закрепления понятий «прогноз» и «прогностическая функция».

В-третьих, определив понятие частно-правовая природа пари, выяснены особенности метода правового регулирования исследуемых общественных отношений. Это позволяет сделать вывод о диспозитивном характере норм, которые могут быть разработаны в дальнейшем для регулирования общественных отношений, вытекающих из заключения пари.

Таким образом, теоретический итог данного исследования позволяет в дальнейшем перейти к анализу судебной практики и законодательства, регулирующих общественные отношения, вытекающие из заключения пари. Это необходимо для выявления пробелов и противоречий, и разработки предложений по их нивелированию.

Литература

1. Алексеев С.С. Общие дозволения и запреты в советском праве. М.: Юридическая литература, 1998. – 286 с.
2. Алексеев С.С. Частное право: научно-публицистический очерк / Собраниесочинений. В 10 т. [+Справоч.том]. Том7: Философия права и теория права. – М.: Статут, 2010. – 520 с.
3. Багно Ю.В. Гражданско-правовое регулирование отношений, возникающих из игр и пари: дис. … канд. юрид. наук – Пермский государственный университет, Краснодар, 2004. – 184 с.
4. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. д-р юрид. наук., проф. Е.А. Суханов. –3-е изд., перераб. и доп. –Москва: Статут, 2023.
5. Доменко Т.С. Определение игр и пари как гражданско-правовых концепций современности // Право, бизнес, управление: проблемы теории и практики: сборник научных трудов II Всероссийской научно-практической конференции (27 марта 2025 г., ФГБОУ ВО «МГУ имени А.И. Куинджи», г. Мариуполь) / Под ред. Л.А. Сиволап. – Мариуполь, 2025. – с. 71–76.
6. Нетуш М.Ю. Игры и пари (гражданско-правовой и криминалистический аспекты): дис. … канд. юрид. наук – Моск. ун-т МВД России, Москва, 2003. – 169 с.
7. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская академия наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – Москва: Азбуковник, 1997. – 944 с.
8. Паленко П.В. Гражданско-правовое регулирование игр, пари и производных финансовых инструментов: дис. … канд. юрид. наук – Современная гуманитарная академия, Москва, 2010. – 207 с.
9. Попов М.В. Диалектика как метод философии истории. Учебное пособие. Невинномысск. Издательство Невинномысского института экономики, управления и права. 2010 г. – 64 с.
10. Темирканова Э.Р. Специфика обязательств, возникающих из игр и пари //Образование и право. – 2022. – № . 9. – С. 101–103.
11. Черепахин Б.Б. К вопросу о публичном и частном праве. Издательство Иркутского Университета.г. Иркутск, 1926. – 26 с.
12. Черкашина Н.В., Подкидышев С.К. История развития правового регулирования в сфере организации и проведения игр и пари //Право и государство: теория и практика. – 2025. – № . 1. – С. 48–52.
13. Ярмонова Е.Н., Федина Н.А. История развития правового регулирования игр и пари //Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № . 1–1. – С. 1896–1896.
14. Anderson P.M. Sports Betting: Law and Policy / P.M. Anderson, I.S. Blackshaw, R.C.R. Siekmann, J. Soek. – T.M.C. Asser Press, 2012. – 1029 p.

PRIVATE LEGAL REGULATION OF SOCIAL RELATIONS ARISING FROM THE CONCLUSION OF A PARTY: GENESIS, CONCEPT AND NATURE

Shalashov V.K.
Chekhov City Court of the Moscow Region

This article examines the private law regulation of social relations arising from the conclusion of a bet. The aim of the work is to investigate the genesis, concept, and nature of the private law regulation of social relations arising from the conclusion of a bet. The methodological basis of the study consists of dialectics and formal logic. This study examines the features of the formal-legal development of the bet institution, identifies the criteria for determining the legal measure of freedom in the norms regulating social relations arising from the conclusion of a bet, and formulates the concept of "the private law nature of a bet". The novelty of the study lies in identifying the predictive function of the parties involved in making a bet as a key characteristic that distinguishes a bet from a game and other types of aleatory transactions.

Keywords: wager, private law regulation, development of wagering, genesis of wagering, history of wagering, nature of wagering, concept of wagering, forecast.

References

1. Alekseev S.S. General Permissions and Prohibitions in Soviet Law. Moscow: Legal Literature, 1998. – 286 p.

2. Alekseev S.S. Private Law: Scientific and Publicistic Essay / Collected Works. In 10 volumes [+Reference Volume]. Volume 7: Philosophy of Law and Theory of Law. – Moscow: Statut, 2010. – 520 p.

3. Bagno Yu.V. Civil-Law Regulation of Relations Arising from Games and Betting: Diss. … Cand. of Law – Perm State University, Krasnodar, 2004. – 184 p.

4. Civil Law: Textbook: in 4 volumes / Ed. Dr. of Law, Prof. E.A. Sukhanov. –3rd ed., revised and enlarged. –Moscow: Statut, 2023.

5. Domenko TS Definition of games and bets as civil-law concepts of our time // Law, business, management: problems of theory and practice: collection of scientific papers of the II All-Russian scientific-practical conference (March 27, 2025, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "A.I. Kuindzhi Moscow State University", Mariupol) / Ed. L.A. Sivolap. – Mariupol, 2025. – Pp. 71–76.

6. Netush MY Games and bets (civil-law and forensic aspects): dis. … Cand. of Law. – Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, 2003. – 169 p.

7. Ozhegov, SI Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Expressions / S.I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova; Russian Academy of Sciences, V.V. Vinogradov Russian Language Institute. – 4th ed., supplemented. – Moscow: Azbukovnik, 1997. – 944 p.

8. Palenko P.V. Civil-Law Regulation of Games, Bets, and Derivative Financial Instruments: Cand. Sci. (Law) Dissertation – Modern Humanitarian Academy, Moscow, 2010. – 207 p.

9. Popov M.V. Dialectics as a Method of the Philosophy of History. Textbook. Nevinnomyssk. Publishing House of the Nevinnomyssk Institute of Economics, Management, and Law. 2010. – 64 p.

10. Temirkanova E.R. Specificity of obligations arising from games and bets // Education and Law. – 2022. – No. 9. – P. 101–103.

11. Cherepakhin B.B. On the issue of public and private law. Publishing House of Irkutsk University. Irkutsk, 1926. – 26 p.

12. Cherkashina N.V., Podkidyshev S.K. History of the development of legal regulation in the sphere of organizing and conducting games and bets // Law and State: Theory and Practice. – 2025. – No. 1. – P. 48–52.

13. Yarmanova E.N., Fedina N.A. History of the development of legal regulation of games and bets // Modern problems of science and education. – 2015. – No. 1–1. – S. 1896–1896.

14. Anderson P.M. Sports Betting: Law and Policy / P.M. Anderson, I.S. Blackshaw, R.C.R. Siekmann, J. Soek. – T.M.C. Asser Press, 2012. – 1029 p.

Зарубежный опыт охраны общественных интересов при регистрации и использовании товарных знаков

Шатерников Иван Александрович,
магистр, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: shaternikov.ivan@yandex.ru

В статье исследуется зарубежный опыт охраны общественных интересов при регистрации и использовании товарных знаков на примере правопорядков США и Европейского союза. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления правовых механизмов, обеспечивающих баланс частных интересов правообладателей и общественных интересов, связанных прежде всего с защитой потребителей и поддержанием эффективной конкуренции. Анализируется развитие американского подхода от первоначальной ориентации на защиту деловой репутации предпринимателя к обеспечению интересов потребителей посредством предотвращения смешения и снижения издержек поиска информации. Рассматриваются критерии охраноспособности обозначений, основания отказа в регистрации, пределы исключительного права и случаи свободного использования товарных знаков. На примере права ЕС исследуется значение основной функции товарного знака, а также роль вероятности смешения, добросовестного поведения правообладателя и необходимости сохранения определенных обозначений в свободном доступе. Установлено, что правопорядки США и ЕС демонстрируют конвергенцию подходов к охране общественных интересов. Баланс частных и публичных интересов обеспечивается посредством ограничений на регистрацию определенных обозначений и установления пределов осуществления исключительного права с учетом функций товарного знака и требований добросовестности.

Ключевые слова: товарный знак; общественные интересы; публичный интерес; право интеллектуальной собственности; охрана товарных знаков; регистрация товарных знаков; исключительное право; защита потребителей; конкуренция; зарубежный опыт.

Отечественное законодательство о товарных знаках долгое время развивалось обособленно от остального мира и охраняло те интересы, которые были в приоритете у государства в советское время, но с переходом к рыночной экономике и возникновением конкуренции на товарных рынках прошлое правовое регулирование этого института претерпело серьезные изменения.

Эти преобразования не могли появиться без рецепции законодательства и учета опыта зарубежной практики передовых государств, в первую очередь стран Европы и США, где право товарных знаков получило наиболее раннее нормативное закрепление, благодаря чему к настоящему времени в их доктрине и практике сформировались те представления и инструменты, которые обеспечивают баланс частных и общественных интересов.

Стоит отметить, что несмотря на существенные различия между англосаксонской и континентальной системами права, их методами регулирования рассматриваемых отношений, они вместе пришли к схожему пониманию значения товарного знака в современном мире, а также правовым конструкциям, обеспечивающим его практическую реализацию.

Так, например, право США, как было указано ранее, довольно рано ушло от концепции охраны товарного знака для защиты деловой репутации предпринимателя (goodwill) к защите прав потребителей от смешения. В 1946 году был принят Закон США «О товарных знаках», более известный как Закон Лэнхема (Lanham Act) [1], и по сей день регулирующий на федеральном уровне отношения по приобретению и использованию товарных знаков, а также вопросы недобросовестной конкуренции и являющийся ориентиром для соответствующего законодательства на уровне штатов.

Система правовой охраны товарных знаков по Закону Лэнхема базируется на выработанной в науке и общем праве теории экономического анализа права, согласно которой общая цель доктрины товарных знаков и недобросовестной конкуренции – содействие экономической эффективности, поэтому функция закона о товарных знаках заключается в снижении затрат потребителей на поиск информации [2], что с одной стороны способствует распространению достоверной информации на рынке, формированию более информированных потребителей и развитию более конкурентных рынков, а с другой создает стимулы для производителей поддерживать или повышать качество своей продукции.

Рассматривая особенности приобретения права на товарный знак в США, нельзя не сказать, что в этой стране сохранилось разделение товарных знаков на зарегистрированные в Ведомстве США по патентам и товарным знакам и незарегистрированные, при этом правовая охрана обозначению предоставляется вне зависимости от факта его регистрации. Однако для ее получения товарный знак должен соответствовать следующим критериям, выработанным для охраны общественных интересов на стадии приобретения исключительного права.

Во-первых, товарный знак может представлять собой любое слово, символ или фразу или их комбинации, которые используются для обозначения и отграничения продукции одного производителя или продавца от продукции других производителей или продавцов, а также указывает на источник происхождения данных товаров, даже если этот источник неизвестен (§ 1127 Lanham Act), то есть, он должен быть способен выполнять свою основную функцию.

Во-вторых, условием охраны товарного знака является его использование владельцем, либо добросовестное намерение лица использовать обозначение в коммерческих целях и обратиться с заявкой о регистрации данного обозначения. Как указал Верховный Суд США еще в 1918 году, право на определенный товарный знак зависит от его использования, а не от его признания, и правообладатель товарного знака не может, как обладатель патента на изобретение, осуществлять негативное и запретительное использование товарного знака в качестве монополии [3].

Наконец, в-третьих, регистрируемые товарные знаки не должны подпадать под указанные в Законе Лэнхема ограничения в отношении обозначений, которые не могут использоваться в качестве товарных знаков.

Так, Закон США о товарных знаках предусматривает как «отказы по существу» (абсолютные основания для отказа в регистрации товарного знака), так и «отказы по причине вероятности смешения» (относительные основания для отказа). Если со второй группой отказов очевидно, что они призваны защитить честную конкуренцию и интересы потребителя путем предотвращения риска введение в заблуждение вследствие охраны и использования похожих обозначений несколькими конкурентами, а также сокращению его издержек на поиск и выбор товаров согласно описанной американской доктрине, то в первую группу отказов включены разнородные основания, призванные ограничить присвоение одним лицом определенных обозначений и оставить их свободными для общества. К таким основаниям Закон Лэнхема относит отказы в регистрации обозначений для обеспечения функциональности и конкуренции (описательные, видовые, функциональные наименования, обозначения, у которых отсутствует различительная способность и т.д.), для защиты государственной символики, для охраны публичной морали и добросовестности («аморальные», «скандальные», «обманные» знаки, а также знаки, содержащие ложное географическое описание), для охраны личных неимущественных прав (фамилии, имена живых лиц без их согласия и умерших президентов без согласия вдовы), а также в том случае, если использование знака заявителем запрещено законом (§ 1052 Lanham Act).

Регистрация таких обозначений как товарных знаков и запрет их использования всем третьим лицам, кроме владельца, не соответствует задачам законодательства США о товарных знаках обеспечить охрану общественных интересов путем поддержания честной конкуренции и снижения затрат потребителей.

Говоря далее об использовании товарных знаков в гражданском обороте США, стоит заметить, что само функционирование системы товарных знаков рассматривается там в целях служения общественным интересам, защищая потребителя и поддерживая содержательную конкуренцию, поэтому неправомерное использование чужого товарного знака определяется как нарушение именно общественных интересов, и критерии определения законности действий строятся на обосновании причинения вреда и самому правообладателю, и потребителям – «неназванной третьей стороне в каждом деле о нарушении прав на товарный знак» [4, с. 529].

Классической ситуацией нарушения чужого товарного знака в США является фрирайдинг (freeriding) – получение выгод без имеющихся на то оснований вследствие использования в коммерческом обороте зарегистрированного товарного знака, которое может вызвать смешение (confusion), ошибку или введение в заблуждение. Судебной практикой выработаны и закреплены в законе различные виды смешения: ассоциативное смешение, смешение первоначального интереса, обратное смешение, послепродажное смешение и т.д. [5, с. 120–124].

Кроме того, выделяется также такая форма нарушения, как ослабление (dilution), которая предполагает нанесение обозначения, сходного с чужим известным товарным знаком на товары, неоднородные зарегистрированным, в результате чего умаляется уникальность и различительная способность такого знака (dilution by blurring) или вред его деловой репутации (dilution by tarnishment) [5, с. 125–127].

Несмотря на высокую роль потребителя для определения нарушения права на товарный знак, перечисленные ситуации смешения и ослабления не в полной мере подпадают под классическую концепцию увеличения расходов на поиск, особенно в условиях развитого маркетинга через интернет, а направлены скорее на защиту деловой репутации владельца товарного знака, что указывает на постепенное расширение охраны его частного интереса.

Между тем исключительное право на товарный знак в целях сохранения баланса интересов не дает его владельцу монополии на его использование в надлежащем смысле этого слова [3], так как его использование и защита ограничены целью индивидуализации конкретного перечня товаров и условием вероятности смешения.

Например, правообладатель не может запретить «классическое добросовестное использование», когда ответчик использует описательное обозначение, географическое указание или указание личного имени не «как товарный знак», а только для описания товаров или услуг ответчика, или их географического происхождения, или для наименования лица, ведущего бизнес, «номинативное» использование – для идентификации товаров или услуг самого правообладателя при условии, что ответчик не совершал действий, которые могли бы привести к предположению о спонсорстве или об ином одобрении со стороны правообладателя товарного знака, а также показ в фильме продукции, маркированной товарным знаком, если это не имеет художественного значения или, если такое значение имеется, но использование не вводит в заблуждение [6].

Использование товарного знака в США в недобросовестных целях – для злоупотребления правом или устранения конкуренции на рынке – не приводит к его аннулированию, а лишь регулируется надлежащими судебными запретами или предписаниями административных органов о прекращении нарушений, которые в таких случаях руководствуются принципом «наименее ограничительной альтернативы» [4, с. 537–538].

Так, например, в деле о монополии General Electric Lamp на электрические лампочки суд ввел количественные ограничения использования обозначения, постановив, что «Mazda» может использоваться в качестве товарного знака не более чем на одном проценте электрических лампочек, реализуемых General Electric [7]. В другом деле Верховный суд США для предотвращения монопольственной схемы решил запретить компании Ford Motor Company в течение пяти лет использовать свой товарный знак «Ford» на свечах зажигания, а также продать товарный знак «Autolite» [8]. Административные органы также стараются не признавать товарный знак недействительным, а применять такую меру как принудительное лицензирование товарного знака в качестве надлежащей формы антимонопольной защиты [9].

Таким образом, система права товарных знаков в США для нахождения баланса между частными и общественными интересами прошла путь от защиты деловой репутации бизнеса к охране потребителя от смешения и снижению его затрат, однако в последнее время вновь повернула в сторону предоставления большей защиты правообладателю. Тем не менее, это уравновешивается довольно строгими условиями охраноспособности обозначения, открытым перечнем случаев свободного использования товарного знака, а также гибкими предписаниями и запретами государственных органов для недопущения злоупотребления исключительным правом.

В праве товарных знаков стран Европы, где охрана таких обозначений получила наиболее раннюю нормативную регламентацию (Франция, Великобритания, Германия), также были сделаны схожие шаги к современному пониманию роли товарных знаков для защиты не только частных, но и общественных интересов, обеспечению её выполнения аналогичными правовыми механизмами, хотя и со своими особенностями.

На сегодняшний день законодательство данных государств, касающееся рассматриваемого института, является унифицированным в связи с их совместным участием в наднациональной организации – Европейском союзе, регламенты органов которого действуют напрямую во всех странах-членах, а директивы требуют обязательного приведения в соответствие с ними национальных правовых актов.

Так, в настоящее время основу права товарных знаков в государствах ЕС составляют Директива ЕС 2015/2436 [10], закрепляющая для стран-участниц минимальные обязательные стандарты, в том числе требования к регистрируемому обозначению, права и ограничениями владельца товарного знака, основания для отказа в регистрации, для прекращения права и т.д., а также Регламент ЕС 2017/1001 [11], который основывается на тех же правилах охраны товарных знаков, что и Директива, но создает второй уровень системы – институт единого наднационального товарного знака ЕС, имеющего правовую охрану на территории всех стран-членов независимо от его параллельной охраны в конкретных государствах.

Исходя из положений названных нормативных актов ЕС и актов-предшественников, практики применения этих положений Судом Европейского союза (СЕС) правоведы европейских стран в своих трудах отмечают присущую праву ЕС о товарных знаках дихотомию в определениях термина «публичный интерес».

Так, И. Фима демонстрирует, что при рассмотрении вопросов охраноспособности, когда исключительное право на обозначение еще не возникло, публичный интерес используется для защиты более широких интересов третьих лиц, которые могут быть затронуты в случае принятия знака к регистрации. В данном случае имеет место необходимость (явная или подразумеваемая) сохранения определенных обозначений свободными для использования другими предпринимателями в целях эффективной конкуренции. Однако там, где имеются уже существующие права, как в делах о защите прав на товарный знак, акцент смещается в сторону баланса, где выявляются интересы как владельца товарного знака, так и его конкурентов [12, с. 19].

Публичный интерес, связанный с возможностью охраны обозначения в качестве товарного знака, зависит в праве ЕС от его способности выполнять основную функцию (essential function), а квалификация действий третьих лиц в качестве нарушения исключительного права владельца – от того, насколько использование обозначения посягает на эту основную функцию. При этом согласно тексту решений СЕС основная функция товарного знака состоит в том, чтобы «гарантировать потребителю или конечному пользователю идентичность происхож-

дения маркированного товара, позволяя ему без какой-либо возможности смешения отличить этот товар или услугу от других, имеющих иное происхождение» [13].

Таким образом, нормативное регулирование товарных знаков в ЕС так же, как и в США, направлено в первую очередь на обеспечение общественных интересов потребителей для различения в их глазах однородных товаров разных производителей. Именно несоответствие знака в различных проявлениях этой основной функции является содержанием закрепленных в Директиве оснований для отказа в регистрации.

Среди запрещенных Директивой к регистрации в качестве товарного знака в ЕС обозначений мы вновь видим описательные и функциональные знаки, знаки, не обладающие никакой различительной способностью, противоречащие общественным интересам или общепринятым принципам морали, а также которые по своей природе могут ввести общественность в заблуждение. Кроме того, отдельные страны могут вывести из-под правовой охраны в своей юрисдикции государственные знаки различия, эмблемы и гербы, религиозные символы и иные обозначения, которые имеют глубокий символический смысл (ст. 4 Директивы ЕС 2015/2436).

Публичный интерес таких обозначений заключается в их «свободном использовании всеми, в том числе в качестве коллективных знаков или в составе сложных или графических знаков» [14], максимизации конкуренции, поэтому практика СЕС стремится трактовать соответствующие положения расширительно.

Так, например, дело DOUBLEMINT показало, что даже если обозначение имеет несколько значений, из которых описательным является только одно, оно не может быть зарегистрировано в ЕС в качестве товарного знака [15], в отличие от права США, где такие знаки признаются наводящими на мысль (suggestive), что делает их prima facie регистрируемыми [16].

В тех случаях, когда товарные знаки соответствуют всем законным требованиям, они получают широкую, но не безграничную правовую охрану.

Во-первых, возможность владельца требовать защиты своего зарегистрированного обозначения от использования третьими лицами зависит от наличия посягательства на основную функцию товарного знака, охраняющую интересы потребителей. Если обозначение лишь сходно с товарным знаком или используется в отношении товаров или услуг, сходных, а не идентичных зарегистрированным, то Директива прямо указывает на необходимость учета вероятности смешения со стороны общественности (ст. 10 (2) (b) Директивы ЕС № 2015/2436). Если же идентичны и используемые владельцем и нарушителем обозначения, и товары или услуги, то Директива при буквальном ее прочтении предоставляет автоматическую охрану товарному знаку (ст. 10 (2) (a) Директивы ЕС № 2015/2436), которая, однако, сужается судебным толкованием.

Например, в деле Arsenal v Reed СЕС указал, что «осуществление этого права должно быть ограничено случаями, когда использование обозначения третьим лицом затрагивает или способно затронуть функции товарного знака, в частности его основную функцию гарантирования потребителям происхождения товаров» [17]. В более поздних делах СЕС признал, что данный пункт охватывает защиту не только основной функции товарного знака, но и других: например, коммуникации, инвестирования и рекламы [18], что свидетельствует о расширении в правоприменении случаев охраны интересов владельца товарного знака.

Статьи 14 и 15 Директивы прямо закрепляют случаи, когда основная функция товарного знака не затрагивается, и они не дают владельцу право запрещать третьей стороне, которая действует в соответствии с добросовестной деловой практикой, использовать в ходе торговли таких обозначений, как имя или адрес третьей стороны – физического лица, описательные обозначения или указания, которые не обладают различительной способностью, товарный знак для указания целевого назначения продукта или услуги, в частности, комплектующих или запасных частей, а также в отношении товаров, размещенных на рынке ЕС под данным товарным знаком самим владельцем или с его согласия.

Правоприменительная практика в ЕС сформировала на основании указанных положений также следующие ситуации, не подпадающие под правовую защиту владельцем товарного знака: демонстрация совместимости и предназначенности одного товара для другого, описание собственного товара или услуги, сравнительная реклама, использование в целях пародии, а также использование в объектах авторских прав [19].

Во-вторых, исключительное право на товарный знак должно находиться в пределах добросовестного поведения самого владельца, что в первую очередь следует из обязанности непосредственно использовать обозначение в государстве-члене ЕС применительно к товарам или услугам, в отношении которых он зарегистрирован. В случае неиспользования товарного знака правообладателем непрерывно в течение пяти лет, охраняемое право на него должно быть прекращено, а ответчик по иску о нарушении права может использовать данный факт для возражения против исковых притязаний, что прямо предусмотрено Директивой в статьях 16, 17 и 19.

Кроме того, согласно ст. 4 (2) Директивы, если заявка на регистрацию товарного знака была подана недобросовестным заявителем, то он должен быть признан недействительным, при этом положения, относящиеся к недобросовестной конкуренции, регулируются законодательством государств-членов ЕС и нормами международного права, в частности, Парижской конвенцией [20], которая в статье 10.bis предусматривает открытый перечень актов, противоречащих честным обычаям в промышленных и торговых делах и признаваемых недобросовестной конкуренцией.

Таким образом, правопорядки США и ЕС демонстрируют конвергенцию подходов к охране общественных интересов в отношениях по регистрации и использованию товарных знаков, где баланс частных и публичных интересов достигается через закрепление соответствующих оснований для отказа в регистрации и формулировании пределов исключительного права функциями товарного знака и добросовестным поведением самого владельца. Аналогичные правовые инструменты в той или иной степени найдут свое отражение и в отечественном законодательстве.

Литература

1. Trademark Act of 1946 (Lanham Act, 15 U.S.C. § § 1051–1141n, amended up to Public Law No. 116–260) // URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21469 (дата обращения: 22.08.2026)

2. Qualitex Co.v. Jacobson Products Co., Inc., 514 U.S. 159, 163–164 (1995). // URL: https://caselaw.findlaw.com/court/us-supreme-court/514/159.html (дата обращения: 22.08.2026).

3. United Drug Co.v. Theodore Rectanus Co., 248 U.S. 90, 97–98 (1918). // URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/248/90/ (дата обращения: 22.08.2026).

4. Diamond, S.A. The public interest and the trademark system / S.A. Diamond // Journal of the Patent Office Society. – 1980. – Vol. 62, № 9. – P. 528–545.

5. Тюлькин, А.А. Американские подходы к нарушению интересов потребителей при использовании товарных знаков / А.А. Тюлькин // Хозяйство и право. – 2018. – № 11 (502). – С. 117–128.

6. «Обзор практики суда по интеллектуальным правам по вопросам использования товарного знака для целей, не связанных с индивидуализацией товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей» (утвержден постановлением Президиума Суда по интеллектуальным правам от 24.10.2022 № СП-21/24) // Доступ из СПС «Гарант».

7. United States v. General Electric Co., 82 F. SuPp. 753 (D. N.J. 1949). // URL: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/82/753/1755675/ (дата обращения: 22.08.2026).

8. Ford Motor Co.v. United States, 405 U.S. 562 (1972). // URL: https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/405/562 (дата обращения: 22.08.2026).

9. In re Borden, Inc., 92 F.T.C. 669 (1978).

10. Директива Европейского парламента и Совета Европейского союза 2015/2436 (ЕС) от 16.12.2015 // JOUE L 336, 23.12.2015 г., p. 1–26. Доступ из СПС «Гарант».

11. Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2017/1001/(ЕС) от 14 июня 2017 г. о товарном знаке Европейского Союза (кодификация) // JOUE L 154, 16.06.2017, p. 1–99. Доступ из СПС «Гарант».

12. Fhima, I. The Public Interest in European Trade Mark Law / I. Fhima // SSRN. – 2017. – 38 p. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3044057 (дата обращения: 23.08.2026).

13. SAT.1 SatellitenFernsehen GmbH v European Union Intellectual Property Office (C-329/02 P) [2004] E.C.R. I-8317; [2005] 1 C.M.L.R. 57, para.23. // URL: https://ipcuria.eu/case?reference=C-329/02 (дата обращения: 23.08.2026).

14. Windsurfing Chiemsee Produktions– und Vertriebs GmbH (WSC) v Boots– und Segelzubehör Walter Huber and Franz Attenberger (C-108/97) [1999] E.C.R.I-2779, para.25. // URL: https://ipcuria.eu/case?reference=C-108/97 (дата обращения: 23.08.2026).

15. Office for Harmonisation in the Internal Market (Trade Marks and Designs) v Wm. Wrigley Jr. Company (DOUBLEMINT) (C-191/01 P) [2003] E.C.R.I-12447. // URL: https://ipcuria.eu/case?reference=C-191/01 (дата обращения: 23.08.2026).

16. McCarthy, J.T. McCarthy on Trademarks and Unfair Competition / J.T. McCarthy. – 4th ed. – Thomson Reuters, June 2017 update, § 11:19.

17. Arsenal Football Club plc v Matthew Reed (C-206/01) [2002] E.C.R. I-273; [2003] 1 C.M.L.R.12, para.51. // URL: https://ipcuria.eu/case?reference=C-206/01 (дата обращения: 24.08.2026).

18. L'Oréal SA, Lancôme parfums et beauté & Cie SNC and Laboratoire Garnier & Cie v Bellure NV, Malaika Investments Ltd and Starion International Ltd (C-487/07) [2009] E.C.R. I-5185, para.58. // URL: https://ipcuria.eu/case?reference=C-487/07 (дата обращения: 24.08.2026).

19. Павлова Е.А., Калятин В.О., Кольздорф М.А., Корнеев В.А., Новоселова Л.А., Радецкая М.В., Спиридонова Н.Б., Туркина А.Е. Концепция внесения изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации в отношении товарных знаков // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Декабрь. № 4 (50). С. 171.

20. «Конвенция по охране промышленной собственности» (Заключена в Париже 20.03.1883) // «Закон», № 7, 1999.

INTERNATIONAL EXPERIENCE IN PROTECTING THE PUBLIC INTEREST IN THE REGISTRATION AND USE OF TRADEMARKS

Shaternikov I.A.
Kutafin Moscow State Law University

This article examines foreign experience in the protection of public interests in the registration and use of trademarks, focusing on the legal systems of the United States and the European Union. The relevance of the study stems from the need to identify legal mechanisms that ensure a balance between the private interests of trademark owners and public interests, primarily those related to consumer protection and the maintenance of effective competition. The article analyzes the development of the U.S. approach from its initial focus on protecting the goodwill of businesses toward safeguarding consumer interests by preventing confusion and reducing information search costs. It further examines the criteria for the registrability of designations, grounds for refusal of registration, the limits of the exclusive right, and instances of permissible free use of trademarks. With regard to EU trademark law, particular attention is paid to the essential function of a trademark, as well as to the role of the likelihood of confusion, the trademark owner's good-faith conduct, and the need to keep certain designations available for public use. The study establishes that the legal systems of the United States and the European Union demonstrate converging approaches to the protection of public interests. A balance between private and public interests is achieved through restrictions on the registration of certain designations and by defining the limits of the exercise of exclusive rights with regard to the functions of a trademark and the requirement of good faith.

Keywords: trademark; public interests; public interest; intellectual property law; trademark protection; trademark registration; exclusive right; consumer protection; competition; foreign experience.

References

1. Trademark Act of 1946 (Lanham Act, 15 U.S.C. § § 1051–1141n, amended up to Public Law No. 116–260) // URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21469 (accessed: 22.08.2026)

2. Qualitex Co.v. Jacobson Products Co., Inc., 514 U.S. 159, 163–164 (1995). // URL: https://caselaw.findlaw.com/court/us-supreme-court/514/159.html (accessed: 22.08.2026).

3. United Drug Co.v. Theodore Rectanus Co., 248 U.S. 90, 97–98 (1918). // URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/248/90/ (accessed: 22.08.2026).

4. Diamond, S.A. The public interest and the trademark system / S.A. Diamond // Journal of the Patent Office Society. – 1980. – Vol. 62, № 9. – P. 528–545.

5. Tyulkin, A.A. American Approaches to Consumer Interest Infringement in the Use of Trademarks / A.A. Tyulkin // Economy and Law. – 2018. – No. 11 (502). – P. 117–128.

6. "Review of the Practice of the Intellectual Property Rights Court on the Use of Trademarks for Purposes Unrelated to the Individualization of Goods of Legal Entities or Individual Entrepreneurs" (approved by Resolution No. SP-21/24 of the Presidium of the Intellectual Property Rights Court dated 24.10.2022) // Garant Legal Information System.

7. United States v. General Electric Co., 82 F. SuPp. 753 (D. N.J. 1949). // URL: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/82/753/1755675/ (accessed: 22.08.2026).

8. Ford Motor Co.v. United States, 405 U.S. 562 (1972). // URL: https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/405/562 (accessed: 22.08.2026).

9. In re Borden, Inc., 92 F.T.C. 669 (1978).

10. Directive 2015/2436 (EU) of the European Parliament and of the Council of 16 December 2015 to approximate the laws of the Member States relating to trade marks // OJ L 336, 23.12.2015, p. 1–26. Available from the Garant Legal Information System.

11. Regulation (EU) 2017/1001 of the European Parliament and of the Council of 14 June 2017 on the European Union trade mark (codification) // OJ L 154, 16.06.2017, p. 1–99. Available from the Garant Legal Information System.

12. Fhima, I. The Public Interest in European Trade Mark Law / I. Fhima // SSRN. – 2017. – 38 p. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3044057 (accessed: 23.08.2026).

13. SAT.1 SatellitenFernsehen GmbH v European Union Intellectual Property Office (C-329/02 P) [2004] E.C.R. I-8317; [2005] 1 C.M.L.R. 57, para.23. // URL: https://ipcuria.eu/case?reference=C-329/02 (accessed: 23.08.2026).

14. Windsurfing Chiemsee Produktions– und Vertriebs GmbH (WSC) v Boots– und Segelzubehör Walter Huber and Franz Attenberger (C-108/97) [1999] E.C.R.I-2779, para.25. // URL: https://ipcuria.eu/case?reference=C-108/97 (accessed: 23.08.2026).

15. Office for Harmonisation in the Internal Market (Trade Marks and Designs) v Wm. Wrigley Jr. Company (DOUBLEMINT) (C-191/01 P) [2003] E.C.R.I-12447. // URL: https://ipcuria.eu/case?reference=C-191/01 (accessed: 23.08.2026).

16. McCarthy, J.T. McCarthy on Trademarks and Unfair Competition / J.T. McCarthy. – 4th ed. – Thomson Reuters, June 2017 update, § 11:19.

17. Arsenal Football Club plc v Matthew Reed (C-206/01) [2002] E.C.R. I-273; [2003] 1 C.M.L.R.12, para.51. // URL: https://ipcuria.eu/case?reference=C-206/01 (accessed: 24.08.2026).

18. L'Oréal SA, Lancôme parfums et beauté & Cie SNC and Laboratoire Garnier & Cie v Bellure NV, Malaika Investments Ltd and Starion International Ltd (C-487/07) [2009] E.C.R. I-5185, para.58. // URL: https://ipcuria.eu/case?reference=C-487/07 (accessed: 24.08.2026).

19. Pavlova, E. A., Kalyatin, V. O., Kolzdorf, M. A., Korneev, V. A., Novoselova, L. A., Radetskaya, M. V., Spiridonova, N. B., Turkina, A.E. Concept for Amendments to Part Four of the Civil Code of the Russian Federation Concerning Trademarks // Journal of the Intellectual Property Rights Court. 2025. December. No. 4 (50). P. 171.

20. "Convention for the Protection of Industrial Property" (concluded in Paris on 20.03.1883) // "Law", No. 7, 1999.

К вопросу об особенностях применения гражданско-правовых способов обеспечения исполнения обязательств в соглашениях государственно-частного партнерства

Шафро Кирилл Игоревич,
аспирант, кафедра гражданско-правовых дисциплин,
Аккредитованное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский финансово-юридический университет МФЮА»
E-mail: Kirillshafro@yandex.ru

Особенности применения гражданско-правовых способов обеспечения исполнения обязательств в соглашениях государственно-частного партнерства составляют предмет настоящего исследования. Длительный и поэтапный характер инфраструктурных проектов и особый субъектный состав отношений придают данной теме практическое значение, поскольку выбор и применение обеспечительных средств требуют учета правового положения каждого участника, содержания обеспечиваемой обязанности, стадии реализации проекта и распределения рисков.

Цель работы заключается в том, чтобы выявить особенности применения указанных способов и установить основные пределы использования в соглашениях государственно-частного партнерства (ГЧП). В исследовании выделены проблемы определения и изменения размера финансового обеспечения, удорожания проекта при одновременном использовании нескольких обеспечительных средств и ограниченной обеспечительной ценности объекта соглашения и прав частного партнера для финансирующей организации.

В основу исследования положены системный и структурно-функциональный анализ в сочетании с формально-юридическим и сравнительно-правовым методами.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, соглашение о ГЧП, обеспечение исполнения обязательств, неустойка, безотзывная банковская гарантия, залог прав по договору банковского счета, страхование ответственности, публичный партнер, частный партнер, финансирующее лицо.

Развитие публичной инфраструктуры требует привлечения частных инвестиций к созданию и эксплуатации объектов, финансирование которых исключительно за счет бюджетных средств не всегда позволяет обеспечить необходимый темп их ввода. Одной из договорных форм взаимодействия государства и бизнеса выступает соглашение о государственно-частном партнерстве, в рамках которого частный партнер принимает на себя обязанности по финансированию проекта, созданию или реконструкции объекта и его последующей эксплуатации. Правовую основу заключения и исполнения таких соглашений составляет Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федерального закона № 224-ФЗ) [16].

Актуальность исследования подтверждается масштабом российского рынка инфраструктурного партнерства. По данным Минэкономразвития России, на 1 октября 2025 г. на стадиях создания, эксплуатации либо завершения находилось более 4400 концессионных соглашений и соглашений о государственно-частном партнерстве, совокупный объем инвестиций по которым достиг 7,4 трлн руб. Около 72 процентов указанной суммы, или 5,3 трлн руб., составили частные средства. Только в 2024 г. было заключено 278 новых соглашений с объемом инвестиций 2,4 трлн руб., из которых 1,8 трлн руб. приходилось на частный капитал [6].

Столь крупный объем имущественных обязательств повышает практическое значение правовых средств, которые предназначены для предупреждения их нарушения и защиты интересов участников проекта. Необходимость применения таких средств связана с тем, что ненадлежащее исполнение обязательств в отношениях ГЧП способно причинить имущественные потери сторонам соглашения и воспрепятствовать созданию либо эксплуатации объекта публичной инфраструктуры.

Правовая природа соглашения о государственно-частном партнерстве

Правовая природа соглашения о государственно-частном партнерстве прямо определена законодателем. В соответствии с пунктом 3 статьи 3 Федерального закона № 224-ФЗ оно представляет собой гражданско-правовой договор между публичным и частным партнерами. Однако наличие специального порядка выбора частного партнера, публичное назначение проекта и особый режим используемого имущества стали основанием для различных доктринальных оценок отраслевой принадлежности данного соглашения. Предмет научной дискуссии состоит не столько в его формальном отнесении к гражданско-правовым договорам, сколько в установлении характера и пределов влияния публично-правовых элементов на содержание возникающих между сторонами обязательств [8].

В юридической литературе представлена позиция, в соответствии с которой соглашения в сфере ГЧП нельзя безоговорочно относить к частноправовым договорам. А.В. Белицкая [2], О.А. Городов [4] и другие связывают их специфику с направленностью на удовлетворение публичных потребностей. По этой причине договорные формы ГЧП рассматриваются ими как широкие правовые явления, в содержании которых частноправовое регулирование сочетается с публичными целями и специальными властными ограничениями.

Более радикальная трактовка представлена в работах А.В. Винницкого [3], С.А. Старостина [15] и ряда иных исследователей. Перечисленные авторы относят соглашения ГЧП к административным договорам. В подтверждение своей позиции они указывают на особое положение публичной стороны, публичную принадлежность объекта соглашения, обязательность конкурсного отбора и нормативную регламентацию договорной документации. Совокупность названных признаков, по их мнению, выводит такие соглашения за пределы обычного гражданского оборота.

Иная группа ученых, в числе которых В.Ф. Попондопуло [9] и Д.А. Самоволов [13] поддерживает гражданско-правовую квалификацию соглашений в сфере ГЧП. Их позиция в большей степени соответствует действующему законодательству. Наличие публичного интереса, конкурсной процедуры и специального режима имущества само

по себе не изменяет отраслевую принадлежность договора, поскольку такие особенности определяют порядок его заключения и исполнения, но не устраняют имущественную самостоятельность сторон и договорный характер возникающих между ними обязательств.

Вдобавок ко всему, судебная практика преимущественно исходит именно из гражданско-правовой природы анализируемого типа договоров. Несмотря на наличие публичной цели, особого субъектного состава и специального порядка заключения соглашений, суды разрешают возникающие споры на основании общих положений обязательственного и договорного права. Показательно в этом отношении дело № А45–17152/2024 [10]. Арбитражный суд Новосибирской области рассмотрел требование публичного партнера о взыскании неустойки в связи с нарушением срока строительства объекта здравоохранения. Суд квалифицировал соглашение в соответствии с пунктом 3 статьи 3 Федерального закона № 224-ФЗ как гражданско-правовой договор и разрешил спор на основании его условий и норм гражданского законодательства об ответственности за нарушение обязательств.

В итоге, наличие публично-правовых элементов не дает достаточных оснований для изменения законодательной квалификации соглашения о государственно-частном партнерстве. Публичный партнер вступает в договорные отношения на равных началах с частной стороной и реализует гражданскую правоспособность, а не властные полномочия. Ограничения в отношении объекта проекта и обязательные требования к содержанию договора определяют специальный режим его заключения и исполнения, однако не устраняют автономию воли сторон, имущественный характер их интересов и взаимность обязательств. В связи с этим соглашение о государственно-частном партнерстве следует рассматривать как гражданско-правовой договор со специальным нормативным режимом, который обусловлен публичным назначением реализуемого проекта.

Особенности применения гражданско-правовых способов обеспечения исполнения обязательств в соглашениях государственно-частного партнерства

Вместе с тем соглашение о государственно-частном партнерстве нельзя рассматривать как обычный гражданско-правовой договор, поскольку оно обладает специальным правовым регулированием и направлено на реализацию имеющих публичное значение проектов. По этой причине нормы гражданского законодательства применяются к данным отношениям с учетом изложенных в ранее упомянутом Федеральном законе № 224-ФЗ особенностей, и не должны приводить к игнорированию публичной составляющей партнерства.

Особое значение данный подход приобретает при разрешении вопросов ответственности частного партнера, в частности при применении статьи 333 Гражданского Кодекса РФ (ГК РФ) о снижении неустойки [5]. Особенность неустойки в соглашениях государственно-частного партнерства состоит в ее связи с отдельными стадиями реализации инфраструктурного проекта и характером обеспечиваемой обязанности. Соглашение может предусматривать различные санкции за нарушение сроков проектирования, строительства или ввода объекта в эксплуатацию, несоблюдение эксплуатационных показателей и ненадлежащее исполнение финансовых обязанностей частного партнера. В отличие от обычного коммерческого договора, размер и порядок исчисления неустойки в соглашении ГЧП должны учитывать влияние конкретного нарушения на последующее выполнение взаимосвязанных обязательств и достижение предусмотренного проектом публично значимого результата. Поэтому условия о неустойке целесообразно дифференцировать по стадиям проекта, видам нарушений и степени их воздействия на возможность дальнейшей эксплуатации инфраструктурного объекта.

Учитывая, что нарушение обязательств в сфере ГЧП может повлечь и имущественные потери другой стороны, и негативные последствия для реализации социально значимого проекта, в доктрине указывается на важность тщательного обоснования уменьшения размера неустойки [14]. К тому же, согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, снижение подлежащей уплате коммерческой организацией договорной неустойки допускается по обоснованному заявлению должника в исключительных случаях при доказанности ее явной несоразмерности последствиям нарушения обязательства [11]. Применительно к соглашениям по ГЧП механическое снижение установленной соглашением ответственности способно ослабить стимулирующую функцию обеспечения исполнения обязательств и создать ситуацию, при которой частный партнер фактически не несет предусмотренных договором последствий за ненадлежащее выполнение обязанностей по реализации инфраструктурного проекта [14].

Неустойка не исчерпывает способы обеспечения исполнения обязательств частного партнера. Помимо нее, применение которой основано на ГК РФ и условиях соглашения, пункт 9 части 2 статьи 12 Федерального закона № 224-ФЗ закрепляет специальные способы финансового обеспечения: безотзывную банковскую гарантию, залог прав частного партнера по договору банковского счета и страхование риска его ответственности за нарушение обязательств по соглашению.

Наиболее оперативным средством защиты публичного партнера выступает безотзывная банковская гарантия, которую предоставляет ВЭБ.РФ либо соответствующий установленным требованиям банк. Обязательство гаранта сохраняет самостоятельность по отношению к соглашению ГЧП, поэтому получение выплаты не ставится в зависимость от предварительного взыскания денежных средств с частного партнера. В условиях ГЧП гарантия должна соотноситься с конкретными обязанностями инвестора, потому что на стадии создания объекта она может охватывать соблюдение сроков строительства и ввода объекта в эксплуатацию, тогда как в период его использования основное значение приобретают требования к техническому состоянию и качеству осуществляемой деятельности. Согласование суммы и срока гарантии с отдельными этапами проекта позволяет учитывать постепенное исполнение обязанностей частного партнера и изменение объема риска публичной стороны.

Другим способом выступает залог прав частного партнера по договору банковского счета в пользу публичного партнера. Предметом залога признаются права требования к банку, а для его установления используется специальный залоговый счет. Значение данного способа в проекте ГЧП состоит в создании заранее определенного денежного источника, за счет которого могут быть удовлетворены требования публичного партнера при нарушении соглашения. Условия залога должны учитывать потребность частного партнера в текущем финансировании проекта, так как чрезмерное ограничение расходных операций по счету способно препятствовать выполнению строительных или эксплуатационных обязанностей.

Специальный характер имеет страхование риска ответственности частного партнера за нарушение обязательств по соглашению. Благодаря данному способу на страховщика возлагается обязанность произвести выплату публичному партнеру при наступлении страхового случая в пределах установленной страховой суммы. Особенность страхования в сфере ГЧП состоит в необходимости точно определить круг охватываемых страховой защитой нарушений, так как обязанности частного партнера различаются по содержанию на стадиях проектирования, создания и эксплуатации объекта. Страховая выплата не заменяет исполнение основной обязанности и не освобождает частного партнера от ответственности в превышающей размер страхового возмещения части имущественных потерь.

Страхование договорной ответственности следует отличать от страхования риска случайной гибели или повреждения объекта соглашения. В первом случае защита связана с нарушением частным партнером договорной обязанности [12], во втором случае ее предметом служит имущественный риск утраты или повреждения инфраструктурного объекта независимо от нарушения соглашения. По Федеральному закону № 224-ФЗ допускается возложение на частного партнера обязанности за свой счет страховать риск случайной гибели или повреждения объекта соглашения и иного имущества, передаваемого ему публичным партнером по соглашению. Страхование такого рода относится прежде всего к распределению имущественных рисков проекта и не может отождествляться со способом обеспечения исполнения договорной обязанности.

Отдельное применение залога возникает в отношениях частного партнера с предоставляющим заемные средства для реализации проекта финансирующим лицом. По общему правилу объект соглашения и права частного партнера по нему не могут передаваться в залог, однако в Федеральном законе № 224-ФЗ допускается такое обеспечение при наличии прямого соглашения между публичным партнером, частным партнером и кредитором. Обращению взыскания предшествует период для замены частного партнера продолжительностью не менее ста восьмидесяти дней, вместе с тем, публичному партнеру предоставляется преимущественное право приобрести предмет залога по цене задолженности перед финансирующим лицом в пределах стоимости имущества. Как следствие, обозначенным порядком ограничиваются обычные правомочия залогодержателя ради сохранения инфраструктурного проекта и недопущения перехода объекта к лицу, которое не соответствует требованиям к частному партнеру.

Среди прочего, открытый перечень статьи 329 ГК РФ допускает применение поручительства, обеспечительного платежа и иных договорных способов, однако их использование в соглашении ГЧП требует самостоятельного обоснования. Подобные средства могут дополнять финансовое обеспечение частного партнера либо применяться в отношениях с подрядчиками и кредиторами, но они не должны подменять прямо названные в пункте 9 части 2 статьи 12 Федерального закона

№ 224-ФЗ способы. При установлении дополнительного способа сторонам необходимо определить конкретную обязанность, размер обеспечения, срок его действия и соотношение с банковской гарантией, залогом прав по счету либо страхованием ответственности.

Пределы и проблемы применения способов обеспечения исполнения обязательств в соглашениях государственно-частного партнерства

Первый предел применения способов обеспечения исполнения обязательств связан с отсутствием в Федеральном законе № 224-ФЗ специальных критериев определения размера финансового обеспечения и порядка его изменения по мере реализации проекта. По закону регулируются сведения о размере и сроке предоставления обеспечения к существенным условиям соглашения, но за сторонами остается выбор методики их расчета с учетом общих положений гражданского законодательства. Применительно к залогу прав по договору банковского счета по статье 358.10 ГК РФ предусматривается, что размер твердой денежной суммы по общему правилу не уменьшается соразмерно исполненной части обязательства, если стороны не закрепили иной порядок. Соответственно, в отсутствие в соглашении условий о поэтапном сокращении или замене обеспечения возникает риск сохранения прежнего объема обременения после завершения наиболее рискованной стадии проекта, хотя размер обеспечиваемого интереса публичного партнера к этому моменту уже снизился.

Вторая проблема состоит в удорожании проекта вследствие одновременного применения нескольких обеспечительных средств. Правила финансирования инфраструктурных проектов прямо относят расходы на обеспечение исполнения обязательств и страховые премии к полной стоимости проекта ГЧП, следовательно, банковские комиссии и стоимость страхования входят в финансовую модель и влияют на размер необходимых инвестиций. В научной литературе страхование ответственности частного партнера подвергается критике по причине дополнительных затрат инвестора и соответствующего увеличения стоимости объекта ГЧП [7]. Одновременное применение нескольких способов требует разграничения обеспечиваемых обязанностей, определения последовательности предъявления требований и ранее полученных публичным партнером в связи с одним нарушением учета сумм. Согласование такого рода должно исключать повторное удовлетворение одного и того же требования без ограничения предусмотренной законом самостоятельности каждого обеспечительного механизма.

Третья проблема проявляется в ограниченной обеспечительной ценности объекта соглашения и прав частного партнера для финансирующей организации. В соответствии со статьей 7 Федерального закона № 224-ФЗ их залог допускается только для обеспечения обязательств перед финансирующим лицом, причем обращение взыскания связано с предоставлением периода продолжительностью не менее ста восьмидесяти дней для замены частного партнера и с преимущественным правом публичной стороны приобрести предмет залога. Данные ограничения направлены на сохранение инфраструктурного объекта и непрерывность реализации проекта, но установленный порядок обращения взыскания увеличивает срок удовлетворения требований кредитора и может снижать экономическую привлекательность предмета залога. Повышение риска несвоевременного возврата предоставленных средств способно повлечь увеличение процентной ставки либо применение иных условий финансирования, которые компенсируют дополнительные риски кредитора. Актуальность более общей проблемы стоимости и регуляторной нагрузки при банковском финансировании проектов ГЧП дополнительно иллюстрируется инициативой Банка России по снижению нагрузки на капитал кредитных организаций: новый порядок планируется применять с октября 2026 г. к проектам, в которых ответственность публичной стороны закреплена в прямом соглашении, а сам публичный партнер соответствует установленным рейтинговым требованиям [1].

Выводы

По результатам исследования предлагается классификация способов обеспечения исполнения обязательств в соглашениях государственно-частного партнерства по правовому основанию. Так, следует выделять общие гражданско-правовые способы, применение которых основано на ГК РФ и условиях соглашения, в том числе неустойку, и специальные способы по Федеральному закону № 224-ФЗ, к их числу относятся безотзывная банковская гарантия, залог прав частного партнера по договору банковского счета и страхование риска его ответственности.

Более того, было выделено три основные проблемы применения способов обеспечения в соглашениях ГЧП: 1) отсутствие специальных критериев изменения размера финансового обеспечения по мере реализации проекта, ввиду чего возникает риск сохранения избыточного обременения после уменьшения объема обязательств частного партнера; 2) риск дублирования банковской гарантии, залога прав по счету и страхования ответственности, и как следствие, увеличение расходов частного партнера без соразмерного усиления защиты публичной стороны; 3) ограниченная обеспечительная ценность объекта соглашения и прав частного партнера для финансирующей организации вследствие специального порядка обращения взыскания, который увеличивает срок удовлетворения требований кредитора и может привести к удорожанию заемного финансирования.

Литература

1. Банк России разработал новое регулирование кредитования проектов государственно-частного партнерства [Электронный ресурс] // Банк России: официальный сайт. URL: https://www.cbr.ru/press/event/?id=24691 (дата обращения: 05.08.2026).
2. Белицкая А.В. Комментарий к Федеральному закону от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // М.: Юстицинформ. 2016. 173 с.
3. Винницкий А.В. Публичная собственность // М.: Статут, 2013. 732 с.
4. Городов О.А. Понятие, элементы и отраслевая принадлежность концессионного соглашения по праву России // Правоведение. 2011. № 6. С. 67–78.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
6. За три квартала 2025 года на рынке ГЧП и концессий заключено 142 новых соглашения на сумму 246 миллиардов рублей [Электронный ресурс] // Росинфра: сайт. URL: https://rosinfra.ru/news/za-tri-kvartala-2025-goda-na-rynke-g-ch-p-i-kontsessii-zakliucheno-142-novykh-soglasheniia-na-summu-246-milliarda (дата обращения: 03.08.2026).
7. Запорожан А.Я. Проблемы формирования и перспектива развития государственно-частного партнерства в России // Управленческое консультирование. 2017. № 4. С. 70.
8. Килинкаров В.В., Пономарев Б.А. Гражданско-правовая природа соглашений в сфере государственно-частного партнерства // Юридические исследования. 2023. № 2. С. 44–54.
9. Попондопуло В.Ф. Правовой режим предпринимательства. СПб. 1994. С. 167.
10. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 06.06.2025 № Ф04–1149/2025 по делу № А45–17152/2024 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 03.08.2026).
11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // «Российская газета», № 70, 04.04.2016.
12. Рогожина Т.В. К вопросу о разновидностях страхования ответственности перед третьими лицами // Вестник магистратуры. 2023. № 1–1 (136). С. 111–116.
13. Самоловов Д.А. Соглашение о государственно-частном партнерстве как гражданско-правовой договор // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2015. № 8 (167) С. 21–30.
14. Скворцов О.Ю., Деркач Н.Г., Голубева В.М., Нам К.И., Чумаченко В.А. Практика разрешения споров в сфере государственно-частного партнерства как фактор формирования конкурентной среды (мониторинг судебной практики) // Конкурентное право. 2022. № 4. С. 37–40.
15. Старостин С.А. Государственно-частное партнерство как перспективная административно-правовая форма реализации исполнительной власти // Юрист. 2018. № 10. С. 14–21.
16. Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 20.07.2015, № 29 (часть I), ст. 4350.

ON THE SPECIFIC FEATURES OF THE APPLICATION OF CIVIL-LAW METHODS OF SECURING THE PERFORMANCE OF OBLIGATIONS IN PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP AGREEMENTS

Shafro K.I.
Moscow Financial and Law University

The specific features of applying civil-law methods of securing the performance of obligations in public-private partnership agreements constitute the subject of this study. The

long-term and phased nature of infrastructure projects, together with the distinctive composition of the parties to such relations, make this topic practically relevant, since the selection and application of security instruments require consideration of the legal status of each participant, the content of the secured obligation, the stage of project implementation, and the allocation of risks.
The purpose of the study is to identify the specific features of applying these methods and to determine the principal limitations of their use in public-private partnership agreements (PPP agreements). The study identifies problems related to determining and adjusting the amount of financial security, increasing project costs through the simultaneous use of several security instruments, and the limited security value of the agreement object and the private partner's rights for the financing institution.
The study is based on systemic and structural-functional analysis combined with formal legal and comparative legal methods.

Keywords: public-private partnership, PPP agreement, securing the performance of obligations, penalty, irrevocable bank guarantee, pledge of rights under a bank account agreement, liability insurance, public partner, private partner, financing institution.

References

1. The Bank of Russia Has Developed New Regulation for Lending to Public-Private Partnership Projects [Electronic resource] // Bank of Russia: official website. Available at: https://www.cbr.ru/press/event/?id=24691 (accessed: 4 August 2026).

2. Belitskaya A.V. Commentary on Federal Law № 224-FZ of 13 July 2015 «On Public-Private Partnership and Municipal-Private Partnership in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation.» Moscow: Yustitsinform, 2016. 173 p.

3. Vinnitsky A.V. Public Property. Moscow: Statut, 2013. 732 p.

4. Gorodov O.A. The Concept, Elements and Branch Affiliation of a Concession Agreement under Russian Law // Jurisprudence. 2011. № 6. Pp. 77–78.

5. Civil Code of the Russian Federation (Part One), Federal Law № 51FZ of 30 November 1994, as amended on 10 June 2026 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 5 December 1994. № 32. Art. 3301.

6. During the First Three Quarters of 2025, 142 New PPP and Concession Agreements Worth RUB246 Billion Were Concluded [Electronic resource] // Rosinfra: website. Available at: https://rosinfra.ru/news/za-tri-kvartala-2025-goda-na-rynke-g-ch-p-i-kontsessii-zakliucheno-142-novykh-soglasheniia-na-summu-246-milliarda (accessed: 3 August 2026).

7. Zaporozhan A. Ya. Problems of Formation and Prospects for the Development of Public-Private Partnership in Russia // Administrative Consulting. 2017. № 4. P. 71.

8. Kilinkarov V.V., Ponomarev B.A. The Civil-Law Nature of Agreements in the Sphere of Public-Private Partnership // Legal Studies. 2023. № 2. Pp. 44–54.

9. Popondopulo V.F. The Legal Regime of Entrepreneurship. St. Petersburg, 1994. P. 167.

10. Resolution of the Commercial Court of the West Siberian District dated 6 June 2025 № F04–1149/2025 in Case № A45–17152/2024 // ConsultantPlus Legal Reference System (accessed 3 August 2026).

11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 7 of 24 March 2016, as amended on 22 June 2021, «On the Application by Courts of Certain Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Liability for Breach of Obligations» // Rossiyskaya Gazeta. 4 April 2016. № 70.

12. Rogozhina T.V. On the Types of Liability Insurance for Third Parties // Vestnik Magistratury. 2023. № 1–1 (136). Pp. 111–116.

13. Samolovov D.A. A Public-Private Partnership Agreement as a Civil-Law Contract // Property Relations in the Russian Federation. 2015. № 8. (167) Pp. 21–30.

14. Skvortsov O.Yu., Derkach N.G., Golubeva V.M., Nam K.I., Chumachenko V.A. Practice of Resolving Disputes in the Sphere of Public-Private Partnership as a Factor in the Development of a Competitive Environment: Monitoring of Judicial Practice // Competition Law. 2022. № 4. Pp. 37–40.

15. Starostin S.A. Public-Private Partnership as a Promising Administrative-Law Form of Exercising Executive Power // Lawyer. 2018. № 10. Pp. 14–21.

16. Federal Law № 224-FZ of 13 July 2015, as amended on 26 June 2026, «On Public-Private Partnership and Municipal-Private Partnership in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 20 July 2015. № 29, Part I. Art. 4350.

Правовая природа и проблемы судебной защиты обязательств из игр и пари в гражданском праве Российской Федерации

Яшин Кирилл Андреевич,
студент, Финансовый университет при Правительстве РФ

В статье исследуется правовая природа обязательств из игр и пари как разновидности алеаторных обязательств в гражданском праве Российской Федерации. Разграничены обязательства из игр и пари со смежными институтами – страхованием, рентой и производными финансовыми инструментами по п. 2 ст. 1062 ГК РФ. Проанализирована правовая природа общего правила об отсутствии судебной защиты требований из игр и пари (п. 1 ст. 1062 ГК РФ) и система исключений из него (ст. 1063 ГК РФ). На основе анализа актуальной судебной практики Верховного Суда РФ, включая определение от 23.10.2025 № 305-ЭС25–5952, выявлены проблемы правового регулирования онлайн-гемблинга, защиты лиц с игровой зависимостью и квалификации бонусных ставок. Сформулированы предложения по совершенствованию главы 58 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: игры и пари, алеаторные обязательства, натуральное обязательство, судебная защита, азартные игры, производные финансовые инструменты, ст. 1062 ГК РФ, ст. 1063 ГК РФ.

Актуальность темы обусловлена значительным ростом рынка игорной деятельности и лотерей в Российской Федерации и распространением онлайн-гемблинга, сопряжённого с правовыми пробелами в части защиты прав участников: легальный сегмент интерактивных ставок демонстрирует устойчивый прирост оборота и, соответственно, споров о выплате выигрыша, тогда как значительный теневой сегмент – нелицензированные онлайн-казино и букмекерские платформы в иностранных юрисдикциях – практически неподконтролен государству. Нормы главы 58 ГК РФ [1] по-прежнему вызывают неоднозначную интерпретацию как в теории, так и в правоприменительной практике; центральным проблемным вопросом выступает коллизия между общим правилом об отказе в судебной защите требований из игр и пари (п. 1 ст. 1062 ГК РФ) и системой исключений, предусмотренных действующим законодательством. Введение в 2007 году специальной нормы о судебной защите требований из производных финансовых инструментов (п. 2 ст. 1062 ГК РФ) [2] существенно изменило соотношение между игровыми и смежными финансовыми обязательствами, а сохранение неурегулированного онлайн-сегмента при действующем режиме специальных игорных зон, установленном Федеральным законом от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ [3], придаёт теме дополнительную актуальность. Объектом настоящего исследования выступают гражданско-правовые отношения, складывающиеся между участниками игр и пари, а также между организаторами и участниками игорной деятельности; предметом – нормы гл. 58 ГК РФ, доктринальные подходы к их толкованию и практика применения судами. Целью статьи является комплексный анализ правовой природы обязательств из игр и пари, механизма судебной защиты их участников и выработка предложений по совершенствованию законодательства с учётом новейшей судебной практики.

Глава 58 ГК РФ, регулирующая проведение игр и пари, занимает в системе обязательственного права особое место: в отличие от большинства договорных конструкций она регулирует отношения с принципиально иным, рисковым (алеаторным) характером [4]. Легального определения ни «игры», ни «пари» ГК РФ не содержит. Под игрой в литературе принято понимать договор, в котором результат – выигрыш или проигрыш – зависит от случая либо от действий и умения участников, тогда как под пари – соглашение, в котором стороны спорят об истинности некоторого обстоятельства, а проигравшая сторона обязуется выплатить определённую сумму или передать имущество [5, с. 290]. Принципиальное значение для понимания правовой природы игр и пари имеет концепция алеаторного обязательства, разработанная В.А. Ойгензихтом: риск неблагоприятного имущественного результата изначально возложен на каждую из сторон и не может быть устранён соглашением сторон [6, с. 47]. Данный риск носит объективный характер: ни одна из сторон в момент заключения договора не знает, выиграет она или проиграет, что отличает алеаторные обязательства от условных сделок.

К числу основных признаков обязательств из игр и пари относится, во-первых, случайность результата: он определяется обстоятельствами, неизвестными обеим сторонам в момент заключения договора либо известными лишь как вероятные, причём даже в играх на мастерство (шахматы, бильярд) случайный элемент присутствует наряду с квалификацией участника. Во-вторых, имущественный характер выигрыша: обязательство возникает лишь при соглашении об определённом имущественном вознаграждении проигравшего победителю [7, с. 374]. В-третьих, встречный характер риска: в отличие от страхования, где риск несёт только страховщик, в игре и пари риск неблагоприятного исхода лежит на каждой стороне одновременно, хотя и не обязательно в равном объёме [5, с. 314]. В-четвёртых, возмездность, отграничивающая обязательство из игры от безвозмездных пари. В-пятых, двусторонне-обязывающий характер договора: оба участника принимают на себя обязанность выплатить выигрыш при наступлении соответствующего условия [7, с. 374].

В зависимости от оснований классификации выделяются несколько видов игр и пари: по субъектному составу – игры (пари) между частными лицами и игры (пари) с участием организатора (юридического лица или индивидуального предпринимателя), причём лишь применительно к последним возможен режим ст. 1063 ГК РФ; по правовому

режиму – разрешённые (лотереи, азартные игры в специальных зонах, букмекерство) и запрещённые, при этом ст. 1062 ГК РФ применяется к обеим категориям одинаково [4, с. 1068–1070]; по предмету выигрыша – денежные и натуральные, с передачей вещей или оказанием услуг [6, с. 63–64].

Разграничение обязательств из игр и пари со смежными институтами имеет не только теоретическое, но и сугубо практическое значение, поскольку от квалификации отношений зависит доступность судебной защиты: ошибочная квалификация производного финансового инструмента как пари повлечёт отказ в удовлетворении требований, тогда как правильная квалификация откроет доступ к защите по п. 2 ст. 1062 ГК РФ. Договор страхования, как и пари, ставит имущественное обязательство в зависимость от случайного события, однако страхование требует наличия у страхователя законного имущественного интереса, утрата которого влечёт реальный ущерб, тогда как в игре такой интерес отсутствует – ставка делается ради выигрыша, а не ради защиты существующего блага, а деятельность страховщика носит профессиональный, лицензируемый характер [7, с. 374].

Договор ренты (гл. 33 ГК РФ) также содержит алеаторный элемент – объём платежей по пожизненной ренте зависит от срока жизни получателя, – однако плательщик ренты преследует хозяйственную цель приобретения имущества, а рентные отношения пользуются судебной защитой в полном объёме, что подчёркивает их иную правовую природу [8, с. 13–20]. Разграничение алеаторного договора и условной сделки (ст. 157 ГК РФ) также значимо: в условной сделке существо обязательства определено заранее, а под условие поставлен лишь момент его исполнения, тогда как в алеаторной сделке случайным событием определяется сам предмет обязательства [8, с. 27].

Наиболее сложным остаётся разграничение пари и расчётного форварда, предполагающего выплату разницы между контрактной и рыночной ценой актива без реальной поставки базового актива; экономически такая конструкция близка к пари. До принятия Федерального закона от 26 января 2007 г. № 5-ФЗ [2] суды нередко квалифицировали расчётные форварды как пари и отказывали в судебной защите. Ситуацию изменило введение п. 2 ст. 1062 ГК РФ, согласно которому требования из расчётных производных инструментов подлежат защите, если хотя бы одна из сторон имеет лицензию на банковские операции или профессиональную деятельность на рынке ценных бумаг (редакция 2015 года также допускает защиту «в иных случаях, предусмотренных законом»). Таким образом, законодатель провёл разграничение преимущественно не по экономическому содержанию операции, а по субъектному составу участников. Виды производных финансовых инструментов определены Указанием Банка России от 16 февраля 2015 г. № 3565-У [9]: форвардный, фьючерсный, опционный договоры, своп-договоры и их комбинации.

Подход, основанный на субъектном критерии, подвергается обоснованной критике: один и тот же расчётный форвард получает судебную защиту, если заключён с банком, но не между физическими лицами, хотя рисковая природа обеих сделок идентична. Более последовательным критерием представляется не наличие лицензии у стороны сделки, а объективное соответствие инструмента признакам производного финансового инструмента – тем более в условиях распространения алгоритмической торговли и розничного доступа физических лиц к срочному рынку.

Историческое развитие регулирования обязательств из игр и пари демонстрирует устойчивую преемственность подхода об отказе в судебной защите игровых долгов. Дореволюционное законодательство в целом отказывало в исковой защите требованиям из игр, за исключением прямо разрешённых правительством, что отражало рецепцию римского понимания натурального обязательства (obligatio naturalis) – лишённого искового притязания, но исключающего кондикционное истребование исполненного [10, с. 142, 145]. Советские кодификации – ГК РСФСР 1922 и 1964 годов – сохранили правило о неподсудности требований из карточных и иных азартных игр [19; 20], распространив его на все азартные игры в условиях государственной монополии на организованные формы досуга при параллельном развитии «социально приемлемых» форм – спортивного тотализатора и государственных лотерей [11, с. 145–146]. Рецепция этой конструкции отражает не столько недоверие законодателя к самому факту алеаторного соглашения, сколько нежелание вовлекать государственный принудительный аппарат в обеспечение отношений, чуждых по своей природе гражданскому обороту.

Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) 1996 года впервые на уровне кодификации закрепил самостоятельную главу об обязательствах из игр и пари (гл. 58, ст. 1062–1063), дифференцировав общее правило об отказе в судебной защите (п. 1 ст. 1062) и норму о судебной защите участников игр, проводимых государством или уполномоченными организациями (ст. 1063). Принятие Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ об организации азартных игр [3] перевело казино в ограниченное число специальных игорных зон, косвенно усилив проблему незаконного онлайн-гемблинга, а Федеральный закон № 5-ФЗ 2007 года [2] дополнил ст. 1062 ГК РФ пунктом 2 о судебной защите требований из производных финансовых инструментов. Параллельно принятый в 2003 году Федеральный закон № 138-ФЗ «О лотереях» [11] кодифицировал режим государственных, муниципальных и частных лотерей. Сформированная в 2003–2007 годах нормативная база в целом сохраняется по сей день, но не учитывает цифровизацию игорного рынка и новые формы онлайн-пари последнего десятилетия.

Статья 1062 ГК РФ является центральной нормой, определяющей механизм правовой охраны участников игр и пари: пункт 1 устанавливает, что требования граждан и юридических лиц, связанные с организацией игр и пари или с участием в них, не подлежат судебной защите. В доктрине данное правило характеризуют как проявление концепции натуральных обязательств (obligationes naturales), воспринятой российским законодателем из традиции континентальной правовой семьи [4, с. 1068]: обязательство, лишённое исковой защиты, сохраняет правовое значение в части добровольного исполнения, а исполненное по нему не подлежит истребованию как неосновательное обогащение, что следует из системного толкования ст. 1062 и ст. 1109 ГК РФ.

Правовая природа данного правила является предметом дискуссий. Публично-правовой подход объясняет отказ в судебной защите нежеланием государства расходовать судебные ресурсы на споры, сопряжённые с социальными рисками (в частности, игровой зависимостью); эта позиция доминировала в советском праве. Договорно-правовой подход, который разделяют М.И. Брагинский и В.В. Витрянский [5, с. 296], акцентирует, что участники игры добровольно принимают риск невозможности судебного принуждения, а отсутствие судебной защиты – существенное условие самого договора. Третий подход – концепция «иммунитета законодателя» – рассматривает п. 1 ст. 1062 ГК РФ как норму, ограничивающую общий принцип судебной защиты по ст. 11 ГК РФ, при том что само обязательство из игры остаётся действительным и порождает юридически значимые последствия – исключается лишь принудительный судебный механизм его реализации.

Заслуживает внимания дискуссия о целесообразности дифференцированного подхода к играм, исход которых существенно зависит от мастерства участника (покер, аналитический беттинг), в отличие от чисто случайных игр (рулетка, автоматы); действующее регулирование, однако, не проводит такого разграничения, что оправдано с точки зрения правовой определённости ввиду сложности доказывания «преобладания мастерства».

На практике правило ст. 1062 ГК РФ порождает сложные вопросы квалификации отношений как «игровых», в частности в отношении сделок на рынке Forex. Постановлением ФАС Московского округа от 6 марта 2013 г. № Ф05–13607/11 сделки с иностранной валютой, заключённые двумя юридическими лицами без лицензии профессионального участника финансового рынка, были признаны не подлежащими судебной защите как разновидность игровой сделки [12]. Ранее Конституционный Суд РФ в Определении от 16 декабря 2002 г. № 282-О [13] указал, что вопрос о квалификации сделки как пари или обычной предпринимательской сделки должен решаться судом исходя из конкретных обстоятельств дела, что впоследствии было частично устранено принятием Федерального закона № 5-ФЗ.

Наряду с общим правилом законодатель предусмотрел систему исключений, образующих самостоятельную подсистему охраны прав участников игр и пари. Первое исключение содержится непосредственно в п. 1 ст. 1062 ГК РФ: судебной защите подлежат требования лиц, принявших участие в играх под влиянием обмана, насилия, угрозы или злонамеренного соглашения их представителя с организатором – частный случай применения ст. 179 ГК РФ о недействительности сделок, совершённых под влиянием пороков воли. Обман здесь может выражаться в шулерских приёмах, применении запрещённого программного обеспечения при онлайн-ставках, внесении ложных данных о результатах событий; злонамеренное соглашение представителя с организатором – наиболее специфическое основание, охватывающее сговор в ущерб представляемому, например заведомо проигрышные ставки от его имени.

Применение данного исключения затрудняется тем, что бремя доказывания обмана, насилия, угрозы или злонамеренного соглашения представителя с организатором лежит на истце, тогда как в условиях анонимности онлайн-среды участник, как правило, лишён доступа к внутренним данным организатора (журналам ставок, идентификационным сведениям); это требует введения специальных процессу-

альных гарантий раскрытия информации либо возложения бремени доказывания добросовестности на организатора как более информированную сторону.

Второе и наиболее значимое исключение установлено ст. 1063 ГК РФ в отношении лотерей, тотализаторов и иных игр, проводимых государством, муниципальными образованиями или по их разрешению: между лицензированным организатором и участником возникает полноценное обязательство, пользующееся судебной защитой. Пункт 5 ст. 1063 ГК РФ закрепляет право победителя требовать выплаты выигрыша в судебном порядке. Данное положение получило развёрнутое толкование в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16 июля 2013 г. № 18-КГ13–54 [14]: положения ст. 1062 и 1063 ГК РФ, рассматриваемые в системной связи с Федеральным законом № 244-ФЗ, не исключают судебной защиты требований к лицензированным организаторам азартных игр и пари о выплате выигрыша.

Существенный вклад в уточнение соотношения между правилом п. 1 ст. 1062 и исключениями ст. 1063 ГК РФ внесло Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 17 марта 2020 г. № 48-КГ20–4 [15]: букмекерская контора требовала взыскать с участника пари сумму ошибочно выплаченного выигрыша (505 000 руб.) как неосновательное обогащение. Верховный Суд РФ отказал, указав, что судебной защите подлежат только требования о выплате выигрыша к организаторам, но не встречные требования организаторов к участникам о возврате выплаченного; у гражданина возникает лишь натуральное обязательство по возврату, принудительно не истребуемое. Данная позиция демонстрирует асимметричный характер защиты по ст. 1063 ГК РФ. Третье исключение, предусмотренное п. 2 ст. 1062 ГК РФ, рассмотрено выше; специальный режим защиты установлен также для государственных лотерей Федеральным законом № 138-ФЗ [11], обязывающим оператора формировать призовой фонд и выплачивать выигрыши в установленные сроки.

Современная судебная практика выявляет ряд системных проблем, требующих законодательного или доктринального разрешения. Первая проблема – неурегулированность правового статуса онлайн-гемблинга: действующая редакция гл. 58 ГК РФ создавалась в период, когда интернет-среда не занимала существенного места в игорном бизнесе, тогда как сегодня значительная часть ставок делается в интерактивном режиме, а правоприменительная практика сталкивается с проблемами идентификации сторон договора и доказывания факта игры. Показательно Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23 октября 2025 г. № 305-ЭС25–5952 по делу № А40–270184/2023 [16]: гражданин, чей аккаунт был заблокирован букмекерской конторой «Winline» из-за подозрения в нарушении правил честной игры (групповые ставки), уступил право требования выплаты выигрыша в размере 1,16 млн руб. индивидуальному предпринимателю за 300 тыс. руб. Экономическая коллегия ВС РФ констатировала отсутствие у ответчика обязательства по выплате выигрыша истцу-цессионарию, указав, что по смыслу п. 4 ст. 1063 ГК РФ выигрыш подлежит выплате исключительно верифицированному участнику, внесшему ставку со своего счёта и действовавшему самостоятельно; уступка права требования в обход правил верификации была квалифицирована как злоупотребление правом по ст. 10 ГК РФ. Дело выявило острую потребность в специальном законодательном регулировании уступки прав в сфере интерактивных ставок.

Дополнительная сложность связана с ограниченностью надзорных полномочий уполномоченных органов (ЕРАИ и оператора ЕЦУПИС), которые контролируют только легальных участников рынка, тогда как значительная доля онлайн-гемблинга приходится на иностранные платформы без российской лицензии, а заблокированные Роскомнадзором домены нелегальных букмекеров оперативно заменяются зеркалами, что подтверждает необходимость комплексного, а не исключительно технического подхода к регулированию онлайн-сегмента.

Вторая проблема – недостаточная эффективность защиты лиц с игровой зависимостью именно в интерактивном сегменте: материально-правовое основание ограничения дееспособности такого гражданина уже закреплено п. 1 ст. 30 ГК РФ, однако предусмотренные ст. 6 Федерального закона № 244-ФЗ реестры лиц, которым запрещён вход в казино, и самоисключившихся игроков не обеспечены работающим техническим механизмом верификации применительно к интерактивным ставкам. Третья проблема – неопределённость судьбы ставок, сделанных с использованием бонусных средств букмекера: является ли такой выигрыш предметом договора по ст. 1063 ГК РФ или самостоятельным правоотношением, единого подхода в практике не выработано. Четвёртая проблема касается применения п. 2 ст. 1062 ГК РФ к криптовалютным деривативам: платформы, предлагающие токенизированные продукты с признаками производных финансовых инструментов, обычно не имеют российской лицензии, и вопрос о судебной защите требований из таких договоров Верховным Судом РФ пока не разрешён.

Сравнительно-правовой анализ подтверждает, что проблема судебной защиты игровых обязательств не уникальна для российского правопорядка: § 762 ГГУ также исходит из модели натурального обязательства, не порождающего право на иск [17]. В странах общего права действовало схожее правило – английский Gaming Act 1845 г. объявлял игровые долги «null and void», а Gambling Act 2005 г. впервые допустил судебную защиту требований из легальных лицензированных форм азартных игр, сохранив отказ в защите нелегальных ставок [21]; аналогично законодательство штатов США исторически относило игровые долги к unenforceable debts, признавая исключение за лицензированными игорными зонами, а после отмены Верховным судом США запрета PASPA в 2018 году легальный спортивный беттинг распространился на большинство штатов. Компаративный опыт показывает общую закономерность: по мере легализации и лицензирования игорной деятельности государства расширяют сферу судебной защиты, сохраняя запретительный режим лишь для нелегальных форм игры.

На основании проведённого анализа целесообразно сформулировать следующие предложения. Во-первых, дополнить ст. 1063 ГК РФ специальной нормой о договорах об интерактивных ставках, закрепив требования к идентификации участника и порядок выплаты выигрыша в онлайн-среде, а также прямо запретив уступку права требования выигрыша третьим лицам – что соответствует позиции ВС РФ по делу № А40–270184/2023 и устранит складывающуюся модель перекупки игровых долгов. Во-вторых, поскольку основание ограничения дееспособности лудоманов уже закреплено п. 1 ст. 30 ГК РФ, следует закрепить обязанность организаторов сверяться через ЕЦУПИС с реестрами ограниченных в дееспособности и самоисключившихся игроков при верификации участника – по аналогии с системой самоисключения игроков (OASIS), предусмотренной германским Glücksspielstaatsvertrag 2021 г. [18].

В-третьих, целесообразно дополнить абзац первый пункта 2 статьи 1062 ГК РФ альтернативным объективным критерием – соответствием договора признакам производного финансового инструмента по Указанию Банка России № 3565-У [9], независимо от наличия лицензии у контрагента и формы деноминации обязательства, включая цифровые финансовые активы. В-четвёртых, для устранения неопределённости в отношении бонусных программ букмекеров целесообразно разъяснение Пленума Верховного Суда РФ о правовой природе бонусных ставок – распространяются ли на них положения гл. 58 ГК РФ в полном объёме либо они порождают самостоятельные обязательственные отношения, что также устранило бы смежные сложности в администрировании налога по ст. 214.7 НК РФ. Реализация предложенных мер позволила бы обеспечить баланс между традиционным ограничением судебного вмешательства в алеаторные отношения и адекватной защитой участников в условиях цифровой трансформации игорной индустрии.

Заключение

Проведённое исследование позволяет заключить, что правило п. 1 ст. 1062 ГК РФ об отсутствии судебной защиты обязательств из игр и пари представляет собой выражение концепции натурального обязательства, сохраняющего правовое значение в части добровольного исполнения при невозможности принудительного судебного взыскания. Система исключений – требования из игр, проводимых лицензированными организаторами по ст. 1063 ГК РФ, требования из обмана, насилия или угрозы, а также требования из производных финансовых инструментов по п. 2 ст. 1062 ГК РФ – обеспечивает судебную защиту там, где алеаторный риск сочетается с публичным контролем либо нарушена добровольность участия. Судебная практика Верховного Суда РФ, включая определения от 16.07.2013 № 18-КГ13–54, от 17.03.2020 № 48-КГ20–4 и от 23.10.2025 № 305-ЭС25–5952, свидетельствует о последовательном уточнении субъектного состава отношений и пресечении обхода императивных норм; компаративный анализ подтверждает, что расширение судебной защиты по мере легализации игорной деятельности – общая закономерность развития правовых систем, а не специфическая черта российского правопорядка. Сформулированные предложения – о регулировании интерактивных ставок и запрете уступки права требования выигрыша, о механизме применения к интерактивным ставкам уже существующего основания для ограничения дееспособности лудоманов, об уточнении критериев разграничения ПФИ и игр, а также о разъяснении природы бонусных ставок – направлены на баланс между ограничением судебного вмешательства в алеаторные отношения и защитой уязвимых участников в условиях цифровой трансформации игорной индустрии.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 29.07.2026).

2. Федеральный закон от 26.01.2007 № 5-ФЗ «О внесении изменений в статью 1062 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_65639/ (дата обращения: 29.07.2026).

3. Федеральный закон от 29.12.2006 № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр» (ред. от 29.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64924/ (дата обращения: 29.07.2026).

4. Суханов Е.А. (отв. ред.) Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. II: Обязательственное право. – 2-е изд., стер. – М.: Статут, 2011. – 1208 с.

5. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга пятая: в 2 т. Т. 2: Договоры о банковском вкладе, банковском счёте; банковские расчёты; конкурс, договоры об играх и пари. – М.: Статут, 2006. – 623 с.

6. Ойгензихт В.А. Проблема риска в гражданском праве (часть общая). – Душанбе: Ирфон, 1972. – 224 с.

7. Сергеев А.П. (ред.) Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 2. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: РГ-Пресс, 2017. – 880 с.

8. Скловский К.И. Сделка и её действие: комментарий к главе 9 ГК РФ. – 4-е изд., доп. – М.: Статут, 2019. – 200 с.

9. Указание Банка России от 16.02.2015 № 3565-У «О видах производных финансовых инструментов» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_177289/ (дата обращения: 29.07.2026).

10. Новицкий И.Б. Основы римского гражданского права: учебник. – М.: Зерцало, 2007. – 245 с.

11. Федеральный закон от 11.11.2003 № 138-ФЗ «О лотереях» (ред. от 29.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44970/ (дата обращения: 29.07.2026).

12. Постановление ФАС Московского округа от 06.03.2013 № Ф05–13607/11 по делу № А40–44417/2011 // СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/41689025/ (дата обращения: 29.07.2026).

13. Определение Конституционного Суда РФ от 16.12.2002 № 282-О «О прекращении производства по делу о проверке конституционности статьи 1062 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40044/ (дата обращения: 29.07.2026).

14. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16.07.2013 № 18-КГ13–54 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=351645 (дата обращения: 29.07.2026).

15. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17.03.2020 № 48-КГ20–4 (дело № 2–292/2019 Калининского районного суда г. Челябинска) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=622040 (дата обращения: 29.07.2026).

16. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23.10.2025 № 305-ЭС25–5952 по делу № А40–270184/2023 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=868254 (дата обращения: 29.07.2026).

17. Германское гражданское уложение (Bürgerliches Gesetzbuch, BGB), § 762 (Spiel, Wette) // Официальный портал федерального законодательства Германии. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/__762.html (дата обращения: 29.07.2026).

18. Государственный договор о новом регулировании сферы азартных игр в Германии (Государственный договор об азартных играх 2021 – GlüStV 2021) от 29 октября 2020 г. // Совместный орган федеральных земель по надзору за азартными играми (Gemeinsame Glücksspielbehörde der Länder, GGL). URL: https://www.gluecksspielbehoerde.de/de/fuer-gluecksspielanbieter/gesetzliche-regelungen (дата обращения: 29.07.2026).

19. Гражданский кодекс РСФСР: принят Постановлением ВЦИК от 31.10.1922 // СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Гражданский_кодекс_РСФСР_(1922) (дата обращения: 29.07.2026).

20. Гражданский кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 11.06.1964 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1838/ (дата обращения: 29.07.2026).

21. Gambling Act 2005 // Official legislation portal of the United Kingdom (legislation.gov.uk). URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2005/19/contents (дата обращения: 29.07.2026).

LEGAL NATURE AND PROBLEMS OF JUDICIAL PROTECTION OF OBLIGATIONS ARISING FROM GAMES AND WAGERS IN THE CIVIL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

Yashin K.A.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines the legal nature of obligations arising from games and wagers as a form of aleatory obligation in the civil law of the Russian Federation. Obligations arising from games and wagers are distinguished from related institutions – insurance, annuity, and derivative financial instruments under paragraph 2 of Article 1062 of the Civil Code. The legal nature of the general rule denying judicial protection to claims arising from games and wagers (paragraph 1 of Article 1062) and the system of exceptions thereto (Article 1063) are analysed. Based on an analysis of current Supreme Court practice, including the ruling of 23 October 2025 No. 305-ES25–5952, the article identifies problems in the regulation of online gambling, the protection of persons with gambling addiction, and the qualification of bonus wagers. Proposals for improving Chapter 58 of the Civil Code of the Russian Federation are formulated.

Keywords: games and wagers, aleatory obligations, natural obligation, judicial protection, gambling, derivative financial instruments, Article 1062 of the Civil Code, Article 1063 of the Civil Code.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of 26 January 1996 No. 14-FZ (as amended). Moscow, 1996. // ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (accessed 29.07.2026).

2. Federal Law No. 5-FZ of 26 January 2007 "On Amending Article 1062 of Part Two of the Civil Code of the Russian Federation". Moscow, 2007. // ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_65639/ (accessed 29.07.2026).

3. Federal Law No. 244-FZ of 29 December 2006 "On State Regulation of the Activities of Organising and Conducting Gambling" (as amended). Moscow, 2006. // ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64924/ (accessed 29.07.2026).

4. Sukhanov, E.A. (ed.) Rossiyskoe grazhdanskoe pravo. T. II [Russian Civil Law. Vol. II: Law of Obligations]. 2nd ed. Moscow, Statut, 2011. 1208 p.

5. Braginskiy, M.I., Vitryanskiy, V.V. Dogovornoe pravo. Kn. 5. T. 2 [Contract Law. Bk. 5. Vol. 2]. Moscow, Statut, 2006. 623 p.

6. Oygenzikht, V.A. Problema riska v grazhdanskom prave [The Problem of Risk in Civil Law]. Dushanbe, Irfon Publ., 1972. 224 p.

7. Sergeev, A.P. (ed.) Grazhdanskoe pravo. T. 2 [Civil Law. Vol. 2]. 2nd ed. Moscow, RG-Press, 2017. 880 p.

8. Sklovskiy, K.I. Sdelka i ee deystvie [The Transaction and Its Effect]. 4th ed. Moscow, Statut, 2019. 200 p.

9. Bank of Russia Directive No. 3565-U of 16.02.2015 on types of derivative financial instruments. Moscow, 2015. // ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_177289/ (accessed 29.07.2026).

10. Novitskiy, I.B. Osnovy rimskogo grazhdanskogo prava [Fundamentals of Roman Civil Law]. Moscow, Zertsalo Publ., 2007. 245 p.

11. Federal Law No. 138-FZ of 11 November 2003 "On Lotteries" (as amended). Moscow, 2003. // ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44970/ (accessed 29.07.2026).

12. Resolution of the Federal Arbitrazh Court of the Moscow District, 6 March 2013, No. F05–13607/11, case No. A40–44417/2011. // SPS "Garant". URL: https://base.garant.ru/41689025/ (accessed 29.07.2026).

13. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 16 December 2002 No. 282-O. // ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40044/ (accessed 29.07.2026).

14. Ruling of the Judicial Chamber for Civil Cases of the Supreme Court of the RF of 16 July 2013 No. 18-KG13–54. // ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=351645 (accessed 29.07.2026).

15. Ruling of the Judicial Chamber for Civil Cases of the Supreme Court of the RF of 17 March 2020 No. 48-KG20–4. // ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=622040 (accessed 29.07.2026).

16. Ruling of the Judicial Chamber for Economic Disputes of the Supreme Court of the RF of 23 October 2025 No. 305-ES25–5952, case No. A40–270184/2023. // ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=868254 (accessed 29.07.2026).

17. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB) [German Civil Code], § 762 (Spiel, Wette). // Official Federal Legislation Portal of Germany. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/__762.html (accessed 29.07.2026).

18. Staatsvertrag zur Neuregulierung des Glücksspielwesens in Deutschland (GlüStV 2021), 29 October 2020. // Joint Gambling Authority of the German Laender (GGL). URL: https://www.gluecksspiel-behoerde.de/de/fuer-gluecksspielanbieter/gesetzliche-regelungen (accessed 29.07.2026).

19. Civil Code of the RSFSR: adopted 31 October 1922. // Wikisource. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Гражданский_кодекс_РСФСР_(1922) (accessed 29.07.2026).

20. Civil Code of the RSFSR: approved 11 June 1964. // ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1838/ (accessed 29.07.2026).

21. Gambling Act 2005 (United Kingdom). // Official legislation portal of the United Kingdom (legislation.gov.uk). URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2005/19/contents (accessed 29.07.2026).

Некоторые аспекты действия принципа свободы оценки доказательств в уголовном процессе

Асанов Владимир Валерьевич,
кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного процесса, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации.
E-mail: wladimir.asanov@yandex.ru.

Статья посвящена изучению некоторых аспектов механизма действия принципа свободы оценки доказательств и его взаимодействия с другими принципами, относящимися к доказыванию в уголовном процессе. Автором отмечается, что при одинаковости формулировки принципа свободы оценки доказательств в разных редакциях закона, изменение назначения уголовного процесса меняет и содержание такого принципа. Хотя действующая в настоящее время статья 17 УПК описывает, прежде всего, права и обязанности некоторых участников уголовного процессе в конкретных уголовно-процессуальных правоотношениях, связанных с процедурой доказывания по уголовному делу, правила рассматриваемой нормы, в совокупности с другими принципами уголовного процесса, в том числе и принципом презумпции невиновности, также обеспечивают баланс всей процедуры уголовного судопроизводства. Отмечается, что на реализацию таких норм влияет не только формальная конструкция конкретной нормы, но и то доктринальное содержание, которое вкладывается в норму в конкретный период времени.

Ключевые слова: принципы уголовного процесса, уголовный процесс, принцип свободы оценки доказательств, принцип презумпции невиновности, судебное разбирательство, предварительное расследование, доказывание.

Принцип свободы оценки доказательств является одним из фундаментальных в уголовном процессе. Законодатель формулирует его в статье 17 УПК РФ [1.], а сам принцип и следствия из него пронизывают все стадии уголовного судопроизводства.

Описывая правила принципа свободы оценки доказательств законодатель, в первую очередь, акцентирует внимание на том, что судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель должны оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью, и что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Как отмечает А.В. Победкин, по правилам ст. 17 УПК оценка доказательств осуществляется лично и никто не вправе влиять на лицо, осуществляющего оценку в том числе и законодатель что и «образует суть указанной статьи и принципа свободы оценки доказательств» [2. С. 107.]. Такие правила следует считать фундаментальными для уголовного процесса, а участники уголовного судопроизводства должны руководствоваться ими в отношении доказательств.

Правила способны обеспечить такую конструкцию отношений, в которой решение вопроса о виновности лица потенциально способно быть максимально объективным, и не задано ни априорными суждениями, ни выводами, основанными на авторитетных суждениях. Само же существование такого принципа в полной мере оправдано для российского уголовного процесса и обусловлено природой сложившихся отношений в области доказательств и доказывания.

Следует отметить, что наблюдаемая нами система отношений, возникающая в связи с рассматриваемым принципом, порождает более сложную их конструкцию, нежели обозначены нормами, содержащимися в статье 17 УПК.

Собственно, если попытаться разобраться в такой системе отношений и отбросить традиционное заблуждение о том, что доказывание в уголовном процессе сходно со знакомым всем со школы доказыванием в математике, можно предположить и упрощенно допустить, что оно предстает перед нами скорее как распределенная система, назначением которой является установление с несомненной вероятностью существования или отсутствия в прошлом определенных событий, прежде всего – уголовно наказуемого деяния, совершенного лицом. Обратим внимание, что в процессе доказывания участники уголовного процесса оперируют не самими событиями прошлого, а информационными следами, которые после выделения их из общего шума и придания им некой формы по правилам, установленным уголовно-процессуальным законодательством, приобретают черты доказательств в уголовно-процессуальном смысле. Более того, сам по себе след – это шум. Преобразования следа в сигнал не гарантирует, что такой сигнал на самом деле, для целей уголовного судопроизводства, не является шумом. Условием верификации сигналов является, помимо прочего, и их соответствие таким свойствам доказательств, как относимость, допустимость и достоверность. Без такой верификации информационный след, даже после придачи ему соответствующей процессуальной формы, не всегда рассматривается в качестве сигнала, существующего для системы, а значит не принимается в расчет при определении вероятности существования в прошлом устанавливаемого события. Проще говоря, в механизме доказывания доказательство можно представить как информационный сигнал, обладающий свойствами релевантности и правдоподобия, проверяемый в том числе посредством соблюдения установленной УПК процедуры.

Само по себе доказывание не является линейным процессом накопления доказательств (вроде суммирования условных доказательств А, Б и т.д., на основе общего веса которых делается вывод), а скорее распределенной между стадиями совокупности действий, направленных на выделение информационного следа, преобразования такого следа в сигнал, его верификации, формирования тензора событий и вычисления когерентности (согласованности) этого тензора. По-сути, мы наблюдаем несколько контуров верификации на каждый из стадий уголовного процесса, что обеспечивает большую достоверность итогового вывода. Само доказывание напоминает рекурсивный процесс с возвратом. Здесь обнаружение доказательства Б может не просто подтвердить версию, но и аннулировать ценность доказательства А, заставляя систему иначе интерпретировать его, породив, например, новую итерацию собирания доказательств. Еще раз подчеркнем, что

по своей сути собирание доказательств не является их накоплением, что в достаточной мере отражено в ч. 2 ст. 17 УПК, а скорее выступает просеиванием сигналов, или байесовским обновлением (пересмотром своих убеждений, при появлении новой информации), где каждый новый фактор меняет вес всей системы. При этом мы по прежнему наблюдаем тот же семиотический треугольник: информационный след (остающийся шумом), вызванный изменениями в окружающем мире, возможно как результат совершенного преступления (следы, наблюдение лицом каких-либо событий и т.п.); сигнал – облеченный в установленную процессуальную форму информационный след, преобразованный в процессе фиксации в структурированную информацию, пригодную для ввода в «тензор» (при этом, вне процессуальной формы следа для целей уголовного процесса не существует); верификация, как проверка и оценка сигнала, своеобразное тестирование его на помехи, оценка его достоверности.

Важным свойством доказывания является то, что оно предстает перед нами в качестве распределенной системы, где сама процедура, свойственная соответствующей стадии, варьируется от грубой очистки сигнала на входе (достаточность для возбуждения уголовного дела), до тонкой на выходе, позволяющей принять решение о привлечении к уголовной ответственности. При этом следует заметить что, с точки зрения процедуры доказывания, стадии уголовного процесса асимметричны. На стадии возбуждения уголовного дела, когда собственно доказывание в угололовно-процессуальном смысле сомнительно, сигнал слабый, порог когерентности низкий, поэтому для возбуждения уголовного дела требуются лишь наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. После возбуждения уголовного дела, на момент предъявления обвинения когерентность тензора должна возрасти, что выражается в возможности и обязанности лица, осуществляющего расследование предъявить обвинение конкретному лицу в совершении конкретного преступления. На судебных стадиях, к моменту вынесения приговора и вступления его в законную силу тензор должен достигнуть максимальной плотности и единственности интерпретации. Здесь тензор событий должен обладать наивысшей когерентностью. Сигналы (доказательства) не просто должны указывать на виновность лица, но и не содержать в себе неустранимые противоречия, поскольку в таком случае когерентность падает, а тензор рассыпается. Вот почему правило о неустранимых сомнениях при доказывании относится не только к защите прав обвиняемого, но и создает условия, обеспечивающие должную и точную работу системы уголовного судопроизводства. Вот почему правила ст. 17 УПК, обеспечивают оценку доказательств не по их условному весу (заключение эксперта ценнее, чем показания и т.п), а через их интерпретацию и совокупность. Вычисление такой когерентности и есть проверка на системность, так как в конечном итоге выясняется, обладает ли совокупность сигналов эмерджентными свойствами непротиворечивости, которые не присущи каждому сигналу по отдельности.

Собственно то, каким образом конструируется уголовное судопроизводство, и, в частности, его стадийность со свойственными каждой стадии задачами, на первый взгляд может казаться избыточной. Однако и упомянутая выше стадия возбуждения уголовного дела, традиционно рассматриваемая как фильтр, позволяющий решить вопрос о необходимости начала производства по уголовному делу, и стадия предварительного расследования и все последующие стадии предполагают несколько контуров верификации, что обеспечивает в целом большую достоверность итогового вывода, а равно и позволяет преодолеть хаотичность и искажение сигналов. Каждая последующая стадия обеспечивает проверку сведений, собранных на стадии предыдущей.

Любопытно то, что после досудебных стадий, следующий контур верификации предполагает в некотором смысле обнуление вывода о высокой степени вероятности совершения данным лицом данного преступления, сделанного в ходе предварительного расследования. Принцип презумпции невиновности, помимо известного правила, выступает в данном контексте ещё и как оператор общего алгоритма, аксиомой пересчета, без которого вычисление когерентности тензора является логически некорректным. Правило принципа презумпции невиновности с одной стороны формирует условия пересчета вероятности, установленной следователем, а с другой обязывает суд перезапустить оценку вероятности с нуля. Собранные доказательства не исключаются, но пока не признано обратного, рассматриваются как шум, подлежащий преобразованию в сигнал и верификации под условием недопустимости ошибки ложного обнаружения. Отсутствие такого механизма помещало бы суд в ловушку предвзятости подтверждения, когда встроенные в конструкцию сигналы кажутся весомее, чем они есть в действительности. На стадии предварительного расследования тензор был оптимизирован, а сигналы, указывающие на виновность, усиленны. Вне исполнения правил, предусмотренных ст. 14 УПК и собственно правил оценки доказательств, указанных в ст. 17 УПК, тензор, пришедший в суд, имея определенный вес, указывая на виновность лица не просто способен, но и прямо будет влиять на выводы суда, поскольку точкой пересчета вероятности будет утверждение о виновности лица.

Уголовный процесс и та роль, которая отводится в нем суду скорее соответствует логике леммы Неймана-Пирсона. Уголовное судопроизводство предполагает не простое собирание доказательств, а решение, которое принимается на основе таких доказательств. Уголовное дело, поступившее для рассмотрения в суд, предполагает две гипотезы: базовую – $H0$ (подсудимый невиновен, представленные доказательства – шум, случайные совпадения), и альтернативную $H1$ (подсудимый виновен, сигналы когерентны и образуют устойчивую картину). Хотя и формально следует признать, что на момент начала рассмотрения вероятность вины лица не может быть равна нулю, поскольку иначе лицо бы не имело статус подсудимого, тем не менее законодатель устанавливает правила пересчета вероятности (ст. 14 УПК), а значит на данном контуре вероятность виновности лица юридически обнуляется и для участников уголовного процесса объявляется приравненной к нулю. Вот почему задача суда состоит не в поиске подтверждения гипотезы виновности подсудимого ($H1$), а скорее в обнаружении таких данных, которые несовместимы с гипотезой $H0$. Если таких данных недостаточно, гипотеза $H0$ сохраняется и суд выносит оправдательный приговор. При этом правила ч. 3 ст. 14 УПК изначально порождают социально допустимую асимметрию в оценке: ошибка ложного обнаружения (ошибка I рода – осуждение невиновного) должна стремиться к нулю; ошибка пропуска сигнала (ошибка II рода – оправдать виновного) осознанно допускается выше.

Иначе говоря, презумпция невиновности в доказывании задает нулевую гипотезу $H0$ (сигнал есть шум), накладывает мораторий на следование обвинительного смещения с предыдущей стадии и вводит асимметричный порог принятия решения, при котором стоимость ошибки I рода асимптотически штрафуется выше стоимости ошибки II рода. Это превращает доказывание из линейного накопления в рекурсивный процесс пересчета когерентности тензора с байесовским обновлением от принудительно заданного априорного распределения невиновности, с тем лишь условием, что итогом является не числовое значение, а субъективное мнение (внутренняя убежденность).

Доказывание – это не равномерное движение к истине, а скорее блуждание в шуме информационных следов. Каждый новый верифицированный след (доказательство) не обязательно образует шаг в верном направлении. Динамику доказывания можно описать как ограниченный стохастический процесс с поглощающими границами, а поступление доказательств в систему как не равномерный поток. Каждое поступившее доказательство вызывает возмущение в тензоре. Но даже идеально собранный тензор не гарантирует истины, описывая лишь вероятностную траекторию. Контуры верификации являются фильтрами, пытающимися выделить из шума полезный сигнал и подавить импульсные помехи (например, нарушение уголовно-процессуальной процедуры).

Следует отметить, что и сами контуры верификация в уголовном судопроизводстве не столько линейны (как это может показаться вследствие последовательности стадий уголовного процесса), сколько многомерны. Мы наблюдаем процесс, одновременно изменяющий значения по нескольким независимым осям тензора, который сводится не только к череде последовательных действий лиц, наделенных соответствующими обязанностями, образующих в некотором смысле петлю обратной связи: следователя, осуществляющего расследование, формирующего тензор событий и вычисляющего когерентность этого тензора, прокурора утверждающего обвинительное заключение, тем самым верефицирующего тензор, суда, переформирующего тензор и осуществляющего итоговый пересчет когерентности тензора. Многомерность контуров верификации образуется в том числе и посредством таких институтов уголовного процесса, как институт защиты, институт ходатайств и жалоб, ведомственного и судебного контроля, прокурорского надзора. Это касается как досудебных, так и судебных стадий. Причем состязательный характер последних в этом случае довольно условен, поскольку в уголовном процессе, в отличие от гражданского или арбитражного, сам механизм состязания довольно условен, поскольку предполагает для сторон весьма специфичные для состязания инструменты (например, защита может, но не обязана доказывать невиновность подсудимого, она может ставить под сомнение полученные доказательства вины лица и т.п., что сильно отличается от той стратегии поведения, которую законодатель определяет для стороны обвинения). Однако и он в полной мере совпадает с общим подходом к валидации, объясняя его избыточность, поскольку каждый контур предполагает специфический и зависящий от субъекта анализ

тензора, что позволяет рассмотреть его в разных измерениях. И в этом смысле принцип свободы оценки доказательств приобретает особое, фундаментальное значение, поскольку вычисления когерентности и верификация напрямую связана с личностью субъекта, что является достоинством системы, защищающей нас от механистического подхода, не учитывающего, например, специфику формирования тензора.

Уголовно-процессуальное доказывание как процедура представляет собой не детерминированную машину вывода, а управляемый Марковский процесс с поглощающими границами и принудительным обнулением памяти, функционирующий в среде с пуассоновским потоком сигналов. Задача права – через сеть многомерных контуров верификации так деформировать поле вероятностей этого блуждания, чтобы цена попадания системы в ложное состояние осуждения была асимптотически сведена к нулю. Здесь свобода оценки доказательств образует распределенный ритуал, в котором формальная валидация информационных сигналов осуществляется на множестве последовательных стадий разными субъектами, причем финальный акт (внутренне убеждение судьи) является не обнулением ритуала, а его завершающей точкой (решением суда). При этом, как отмечал М.С. Строгович: «Внутреннее убеждение судей, следователя и прокурора – это разумная, осознанная и обоснованная уверенность в правильности определенного вывода, опирающаяся на объективные факты и достигаемая в результате вдумчивого, непредвзятого и всестороннего исследования всех обстоятельств дела. Поэтому, если судьи убеждены в доказанности определенного факта, они всегда могут, а в силу закона и обязаны указать, на что опирается их убеждение. Поэтому внутреннее убеждение – это именно разумная и аргументированная уверенность, а никак не «интуиция», не «чутье», не «наитие», не «импульс» и т.п.» [3. С. 345.]

Назначение ритуала состоит в канализировании, упорядочивании хаоса. Собственно предлагаемые законодателем уголовно-процессуальные процедуры в конечном итоге имеют то же назначение. Вне уголовного процесса случайные сигналы, шум, вероятностные траектории, все они образует именно хаос, не имеющий отношение к надлежащему порядку уголовного судопроизводства. Ритуал, вводимый уголовно-процессуальным законом – это ограничитель поля блуждания, он задает те самые отражающие барьеры для стохастического процесса оценки, это распределённая сеть верификации, повышающая когерентность.

Кажущееся противоречие между свободой и ритуалом очевидно преодолевается тем, что вне ритуала (уголовно-процессуальной формы) свобода оценки доказательств не имеет процессуального значения. При этом каждый участник правоотношений, наделенный правом свободы оценки доказательств, выполняет свою часть общего ритуала: у следователя – ритуал собирания (без него информационный след не становится сигналом (юридически значимым доказательством); прокурор – ритуал фильтрации (утверждение обвинительного заключения – это ритуал фильтрации между контурами проверки, или даже самостоятельный контур, учитывая содержание и характер обязанностей прокурора на данном этапе); защитник – контрритуал (он существует внутри формы, но пытается её разомкнуть, показать что процессуальная форма была нарушена); судья – ритуал финального суждения (он выносит и объявляет приговор, что является высшей точкой, кульминацией ритуала). Однако, та же свобода судьи – это блуждание внутри ритуального круга, а выход за границы ритуального круга означает разрушение результатов. Собственно, такая ритуализация, такое облачение отношений в уголовно-процессуальную форму, трансформирует возможность производства по уголовным делам из инструмента произвольного насилия в легитимное действие. Это же не только узаконивает и одобряет в глазах общества свободу суда в своей итоговой оценке по уголовному делу, но и обеспечивает верификацию тензора, а в социальном плане также провоцирует доверие к решению суда. Впрочем, как и иным участникам уголовного процесса, поименованным в ст. 17 УПК, да и к уголовному судопроизводству в целом. Именно с этим связано то, что важным элементом такой конструкции видится гарантия байесовского обновления, закрепляемого рассматриваемым принципом, поскольку свобода оценки означает и то, что никто не может указать соответствующему лицу чему равна апостериорная вероятность – итоговая уверенность после учёта доказательства. Само лицо в рамках своих процессуальных полномочий должно вычислить апостериор, исходя из своего внутреннего убеждения. При этом, как мы помним, отсутствует заранее заданный вес доказательства, а каждое доказательство пересчитывает в контексте всех остальных. Необходимо подчеркнуть, что законодатель указывает именно на байесовский (субъективный) подход к вероятности, поскольку связывает ее de jure и de facto со степенью уверенности рационального объекта, а не с объективной частотой расследуемого события в мире, что едва ли было бы возможно осуществить. Внутреннее убеждение лица и есть субъективная частотная вероятность, где судья, принимая решение по уголовному делу, приходит, например, к апостериорной уверенности что гипотеза о невиновности (*H*0) ошибочна. Как отмечал И.Я. Фойницкий «вероятность истины не отрицает возможности уверенности, убеждения в ней». [4. С. 179.]

Но именно внутреннее убеждение, как субъективное переживание индивида, как ключевое положение ст. 17 УПК, и делает подобную систему возможной и функциональной, равно как и ставит под сомнение не столько возможность, сколько эффективность и правильность механистического подхода в уголовном процессе, которая в большей степени возвращает модель уголовно-процессуальных отношений к основанной на весе формальных доказательств.

Разумеется, предложенные законодателем правила, на первый взгляд, видятся скорее идеальным конструктом, а принцип свободной оценки доказательств кажется излишне абстрактным и не лишенным недостатков. Предлагаемая свобода действий, пусть и помещенная внутрь строгих предписаний, всё же сталкивается с непредсказуемостью поведения лица, а обращение к рациональному в нем видится скорее подверженным идеологии и идеализированию. Едва ли в настоящее время мы в полной мере способны сконструировать и контролировать внутренний мир человека. Но в этом едва ли есть необходимость. Закон и практика его надлежащего применения если не способны обойти в полной мере субъективность лиц, вступающих в правоотношения, то могут компенсировать такую субъективность, как это происходит в случае с верификацией, распределенным характером процедуры и т.п.

Да и сама конструкция закона описывает правоотношения в которые вступает не столько личность, сколько субъекты как функции. Законодатель оперирует зачастую статусами и описывает то, какое поведение должно быть продемонстрировано, даже, если в рассматриваемой ситуации поведение лица правомерно лишь внешне и всего лишь создает иллюзию служения.

Важно ещё и то, что хотя закон и воплощает те идеи, на основе которых законодатель готов формулировать в нормах свою волю, общество ожидает от уголовного судопроизводства не только формального результата, но и качества такого результата (например, соответствие правде, истине, справедливости и т.п.). Да и вся конструкция уголовно-процессуальных правоотношений держится на доверии к истинности и справедливости выводов суда. Это доверие позволяет избежать самосуда и хаоса, а равно требует от лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальные правоотношения определенного, ожидаемого поведения. Ритуал, в той ее распределенной форме, который мы наблюдаем, участвует в формировании такого доверия и такого поведения.

Свобода оценки доказательств, как собственно и принцип презумпции невиновности и прочие принципы уголовного процесса, все они являются не только частью такого ритуала. Они позволяют создать такую систему норм и основанных на таких нормах отношений, которые позволяют породить доверие к уголовному судопроизводству и, главное, к финальному выводу суда, выводу, который основывается не на математической достоверности, а на уверенности что была достигнута юридическая истина, как наилучший из оставшихся после всех фильтров выводов, достаточно устойчивый, чтобы оправдать решение. Специфика человеческого мышления, склонность к ложному обнаружению, следованию авторитетам, склонность искать подтверждение тому, что кажется нам правильным, истинным и т.д., всё это может быть компенсировано посредством той процедуры, которую содержит уголовно-процессуальный закон. Например, таким способом, как это было показано выше. В этом смысле принципы права, как нормы прямого действия, выполняют роль не идеалистических деклараций, а вполне утилитарных компенсаторов, способов преодоления той специфики, которая может быть свойственна человеку и которая может идти в разрез с целями и задачами, которые призваны решать нормы уголовного процесса. Но, разумеется, лишь в случае их сбалансированного использования, обеспечивающего защиту интересов и каждого конкретного лица и общества в целом, и при условии объективного, постоянного, тщательного и не вызывающего сомнения контроля за надлежащей работой такой системы. Без этого ритуал не выполнит своего назначения и останется пустой формой. Впрочем как и без многих других институтов и механизмов, обеспечивающих надлежащее правовое регулирование. Например, при утрате уголовным судопроизводством в качестве одной из своих целей и назначения поиска истины.

Истина является тем критерием, который лежит в основе той мыслительной конструкции, которую выстраивает в ходе производства по уголовному делу и лицо, осуществляющее расследование, и прокурор и суд, равно как и любые другие участники уголовного процесса, действующие в соответствии с правилами УПК, в том числе и ст. 17

УПК. Поиск истины, как отмечалось выше, является важным условием эффективности и устойчивости всей конструкции уголовного судопроизводства и принцип свободы оценки доказательств играет здесь важнейшую роль. В отсутствие такого критерия утрачивается важный элемент цели доказывания, исчезает смысл самой логики процесса, меняется его подлинная суть, размывается назначение законодательства об уголовном судопроизводстве, разумеется если законодатель заинтересован в достижении истины. В отсутствие такой такой цели и назначения, задачей сторон при доказывании становится не находящаяся вне разумных сомнений вероятность совершения данным лицом данного преступления, не истина как фиксация состояния, когда апостериорная вероятность достигла заданного предела (достаточность доказательств) и отсутствуют любые неустранимые сомнения, а способность стороны склонить чашу весов в свою пользу. В таком случае принцип свободы оценки доказательств утрачивает смысл компенсационного механизма в процедуре пересчета и приобретает иное значение – интерпретации стороной объема доказательств в состязательной игре с нулевой суммой, где в итоге всё сведется к сравнению «веса» двух конкурирующих тензоров. Без истины как внешнего фактора, к которой нужно стремиться, внутреннее убеждение становится лишь усмотрением, обслуживающим интересы лица, осуществляющего интерпретацию доказательств и выполняющего процессуальную функцию. Это выглядит особо интригующе в условиях современного российского уголовного процесса, где сторона защиты скорее ставит под сомнение действия стороны обвинения, а сама сторона обвинения обязана совершать действия, которые скорее должны быть свойственны стороне защиты.

Следует также учитывая что наиболее предпочтительной стратегией поведения лица является та, которая принесет лицу большую выгоду (в том смысле, как оно ее понимает) при оптимальных для себя затратах, эта игра с нулевой суммой будет предполагать не просоциальнее поведение de facto, а применение той стратегии поведения, которая при сохранении внешне правомерного поведения обеспечит достижение наибольшего выигрыша. Само преступление здесь становится лишь поводом в связи с которым возникают данные отношения. В этом смысле лицо будет субъективно рациональным, но лишь постольку, поскольку будет действовать сообразно со своими интересами так как оно их понимает. В условиях, когда оценка результата его действий утратит важный атрибут, – достижения истины по делу, – внешнее соответствие праву будет формально достаточно сильным критерием принятия решения в рамках правоотношений. Сама уголовно-процессуальная процедура скорее превратиться в формальное действие, симуляцию, где наиболее сильная, доминирующая сторона в правоотношениях будет реализовывать собственные интересы, вне зависимости от того, будут ли они внешне облечены в общественно значимую или очевидно частную форму.

Иными словами, исключение истины как назначения уголовного процесса приводит к коллапсу байесовского обновления в состязательную оптимизацию нарративов. В этом случае апостериорная вероятность теряет референт и превращается в меру внутренней когерентности, а суд из инструмента познания реальности становится арбитром эстетической убедительности тензоров. Презумпция невиновности, свобода оценки доказательств и многомерные контуры верификации сохраняют смысл только при условии, что они являются инструментами приближения к объективно существующему, хотя и асимптотически недостижимому, истинному положению дел. Таким образом, истина – это не просто этическая декларация, а структурный аттрактор, без которого вся вероятностная архитектура процесса теряет осмысленность и возвращается к до-рациональному взвешиванию риторических конструкций. Разумеется установление истины по делу как назначение уголовного процесса означает не достижение онтологического тождества знания и реальности, а построение когерентной и единственно непротиворечивой проекции тензора событий, полученной в результате многоступенчатого байесовского обновления с принудительным обнулением на стадии суда и асимметричным порогом принятия решения. Истина здесь асимптотична: она есть предел, к которому стремится процесс при бесконечном накоплении и верификации сигналов. Однако легитимный процессуальный результат (приговор) фиксирует не саму истину, а момент достижения стандарта доказанности, гарантирующего, что цена возможной ошибки не превышает конституционно допустимого уровня. В этом смысле назначение уголовного процесса – не просто поиск истины, а поиск истины, очищенной ритуалом от риска осуждения невиновного.

Разумеется, при более отстраненном анализе, становится очевидным, что любая модель построения уголовно-процессуальных отношений, основанная и на установлении истины и на нарративах (конструкция второй модели хорошо описывается как игра с нулевой суммой), по-сути отражают лишь разные походы к осуществлению правосудия и миф, который встраивается в право. Миф, создаваемый правом и вокруг права является действенным механизмом регулирования общественных отношений, и, вместе с прочими методами социального воздействия, позволяет достичь тех целей, которые преследует законодатель, хотя право и остаётся лишь идеей. Но идеей, участвующей в формировании среды. В этом смысле уголовный процесс – это социальная технология, которая работает не вопреки, а благодаря тому, что в её основе лежит некий миф. Вопрос в том, как действует такой миф, к каким последствиям он приводит. Субъективно, модель истины, даже будучи мифом, создает институциональные ограничения на полученный результат. Модель нарратива, действуя, вероятно, более честно, легитимирует любой исход как просто результат игры. Первая модель тянется к недостижимому, даже если понимает такую недостижимость. Вторая – не нуждается в недостижимом, там истина лишь антураж повествования. Но люди подчиняются приговору не только потому, что того требует закон, не потому, что они верят в математическую достижимость истины, или не потому, что какой-то участник уголовного процесса прославился своими навыками. Они подчиняются решению суда потому что верят в процедуру, которая честно пыталась разобраться с тем, что происходило на самом деле, для чего участники процесса и наделены правом свободы оценки собранных доказательств. В этом случае модель, основанная на истине не может претендовать на онтологическую истинность своих оснований. Она является сознательным выбором честного мифа, в котором стремление к недостижимой истине, обставленное асимметричными гарантиями против ошибки, производит легитимный результат, способный установить четкие границы и сохранить человеческое достоинство участников процесса. Альтернативные модели, сводящие процесс к взвешиванию нарративов, логически допустимы, но аксиологически несовместимы с социальным назначением уголовного судопроизводства как социально значимой практики.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс» [дата обращения: – 02.08.2026].
2. Победкин А.В. Принцип свободы оценки доказательств и его влияние на законность досудебного производства. // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 1 (41). С. 104–108.
3. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. – М., 1968.
4. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Том II. – СПб: Сенатская типография, 1910.

SOME ASPECTS OF THE PRINCIPLE OF FREE ASSESSMENT OF EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Asanov V.V.
Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

The article is devoted to the study of some aspects of the mechanism of operation of the principle of freedom of free assessment of evidence and its interaction with other principles related to evidence in criminal proceedings. The author notes that while the wording of the principle of free assessment of evidence is the same in different versions of the law, changing the purpose of the criminal process also changes the content of such a principle. Although the current article 17 CPC of Russian Federation describes, first of all, the rights and obligations of certain participants in criminal proceedings in specific criminal procedural legal relations related to the procedure of proving a criminal case, the rules of the norm in question, together with other principles of criminal procedure, including the principle of presumption of innocence, also ensure the balance of the entire procedure criminal proceedings. It is noted that the implementation of such norms is influenced not only by the formal construction of a particular norm, but also by the doctrinal content that is embedded in the norm in a specific period of time.

Keywords: principles of criminal procedure, criminal procedure, the principle of freedom of free assessment of evidence, the principle of presumption of innocence, judicial proceedings, preliminary investigation, evidence.

References

1. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation // SPS «ConsultantPlus» [date of application – 08/02/2026].
2. Pobedkin A.V. The principle of freedom of evaluation of evidence and its impact on the legality of pre-trial proceedings. // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 1 (41). Pp. 104–108.
3. Strogovich M.S. The course of the Soviet criminal process. Vol. 1. Moscow, 1968.
4. Foynitsky I. Ya. The course of criminal justice. Volume II. – St. Petersburg: Senate Printing House, 1910.

Рассмотрение сообщения о мошенничестве, сопряженном с получением социальных выплат: алгоритм действий субъектов проверки в наиболее типичных ситуациях

Белецкая Юлия Владимировна,
адъюнкт кафедры криминалистики Краснодарского университета МВД России
E-mail: beletzkaya.yu@yandex.ru

Статья посвящена теме криминалистического обеспечения доследственной проверки сообщения о мошенничестве при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ). Особое внимание уделяется разработке научно обоснованных организационно-тактических алгоритмов действий уполномоченных субъектов на этапе рассмотрения сообщения о преступлении в условиях цифровизации социальных выплат. Цель исследования заключается в типизации исходных криминалистических ситуаций и формировании единого методического инструментария для предотвращения утраты доказательств. Методологическую основу составили эмпирический анализ 135 архивных уголовных дел, анкетирование 204 практических сотрудников МВД России и статистический метод. В результате исследования выявлена высокая латентность и процессуальная сложность установления прямого умысла виновных на стадии назначения выплат. Автором обоснована позиция о признании процедуры рассмотрения сообщения о преступлении (ст. 144 УПК РФ) в качестве самостоятельного криминалистического этапа. Выводы исследования сводятся к тому, что разработанная типизация шести наиболее часто встречающихся криминалистических ситуаций и предложенные к ним алгоритмы действий позволяют оптимизировать деятельность правоохранительных органов, обеспечить законность и обоснованность применения процессуальных решений, а также существенно повысить общую эффективность раскрытия и расследования хищений целевых бюджетных средств.

Ключевые слова: мошенничество при получении выплат; рассмотрение сообщения о преступлении; криминалистический этап; типичные криминалистические ситуации; хищения бюджетных средств; алгоритм действий; методика расследования.

Современная система социальной поддержки населения, представляющая собой комплекс административных процедур и цифровых технологий, в настоящее время подвергается активным противоправным посягательствам. Указанные преступные деяния характеризуются не только причинением значительного материального ущерба, но и высокой латентностью, обусловленной спецификой предмета посягательства (бюджетные средства, имеющие строго целевое назначение), продолжительностью периода осуществления выплат, а также процессуальной сложностью установления субъективной стороны преступления, в частности, прямого умысла на этапе принятия уполномоченным органом решения о назначении социальных выплат. В связи с изложенным, важным звеном в системе противодействия мошенничества при получении выплат со стороны правоохранительных органов выступает криминалистический этап рассмотрения сообщения о преступлении, где формируется доказательственная база и определяется вектор всего последующего расследования.

Несмотря на наличие общих методик расследования хищений, специфика социальных выплат как предмета преступного посягательства обуславливает ряд типичных криминалистических ситуаций, требующих об субъекта рассмотрения сообщения о преступлении (ст. 144 УПК РФ) специальных знаний и четкого организационно-тактического алгоритма. К числу таких ситуаций относятся получение информации о фиктивности документов, подтверждающих право на льготу; «… об установлении фактов сокрытия доходов или имущества…»; о противоправных действиях должностных лиц, способствующих незаконному получению выплат и др.

Основная проблема методического обеспечения криминалистического этапа рассмотрения сообщения о преступлении заключается в отсутствии единого, научно обоснованного и апробированного на практике типичного алгоритма действий субъектов, что приводит к фрагментарности, а зачастую и к утрате следовой и доказательственной информации на первоначальном этапе, когда оперативность и системность является ключевыми факторами успеха. Исходя из этого, возникает необходимость в создании ситуаций – корреляции ключевых элементов «общей теории» и «элементов алгоритма рассмотрения сообщения о преступлении в социальной сфере».

В современной криминалистической доктрине, опираясь на фундаментальные труды таких ученых-криминалистов, как В.В. Аксенов[1], И.А. Возгрин [2], О.П. Копылова [3], Л.А. Савина [4], А.Г. Филиппов [5] и ряда других ученых, сформировался устойчивый подход к анализу частных методик расследования. С учетом законодательных новелл, внедренных Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ в главу 19 УПК РФ, данные авторы обосновывают вывод о том, что процедура рассмотрения сообщения о преступлении, урегулированная ст. 144 УПК РФ, наделена необходимым процессуальным потенциалом для ее квалификации в качестве обособленного *криминалистического этапа* [6], характеризующегося следующими наиболее важными признаками: системная взаимосвязь и взаимообусловленность проводимых проверочных действий, которые объединены единством решаемых промежуточных задач, подлежащих реализации в особых условиях с применением специфических организационных, тактических и технических приемов, средств и методов [7, с. 86].

Анализ научной литературы, посвященный методике расследования отдельных видов и групп преступлений, наряду с результатами эмпирического исследования (анкетные опросы 204 практических работников и изучение 135 материалов архивных уголовных дел), позволяют поддержать позицию выше указанных авторов. Стадия возбуждения уголовного дела, в рамках которой осуществляется проверка сообщения о мошенничестве, сопряженном с получением социальных выплат (ст. 159.2 УК РФ), согласно ст. 144 УПК РФ, может рассматриваться как обособленный криминалистический этап, включающий в себя специфический комплекс мероприятий уголовно-процессуального, оперативно-розыскного и административно-правового характера, направленных на установление официального порядка приема сообщения и его практическую проверку с целью принятия конкретного решения по итогам проведенных мероприятий [8, с. 109].

Нормативное регулирование первоначальной стадии уголовного процесса, закрепленное в главах 19 («Поводы и основание для воз-

буждения уголовного дела») и 20 («Порядок возбуждения уголовного дела») УПК РФ, определяет процессуальную сущность деятельности надлежащих субъектов, а именно: во-первых, процедуру приема, содержательного анализа и процессуальной регистрации сообщения о совершенном деянии; во-вторых, практическую деятельность по собиранию и оценке фактических данных, указывающих на признаки конкретного состава преступления; в-третьих, вынесение по итогам проведенной проверки итогового процессуального решения согласно ст. 145 УПК РФ[9].

Так, В.М. Шевчук, ссылаясь на положения Части II УПК РФ, обосновано выделяет в качестве первой стадии досудебного производства именно «возбуждение уголовного дела», в рамках которой уполномоченными субъектами органов исполнительной власти РФ решает совокупность конкретных задач посредством процессуальных действий и осуществления оперативно-розыскных мероприятий [10, с. 245].

Не разделяя в полной мере позицию автора, полагаем, что его концепция стадии возбуждения уголовного дела носит излишне нормативисткий характер, поскольку игнорирует криминалистические основы организации деятельности по приему, регистрации и проверке сообщений о преступлениях. Достаточность данных, указывающих на признаки преступления (ч. 2 ст. 140 УПК РФ), зачастую может быть установлена лишь при активном использовании организационно-тактических приемов и знания частных методик расследования преступлений конкретных видов (родов), что «выводит» нормативно-теоретическую модель за рамки чисто процессуального права в сферу уголовно-процессуальной, административно-правовой и организационно-правовой деятельности, как единого теоретико-практического комплекса.

Результаты анкетного опроса 204 следователей и дознавателей демонстрируют, что в 100% случаев проводилась проверка сообщения о преступлении (144–145 УПК РФ), в тоже время поводами для возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 140 УПК РФ) выступили: а) заявление о преступлении – около 70% случаев; б) сообщение о совершенном преступлении, полученное из иных источников – 15%; в) явка с повинной – примерно 5%; г) постановление прокурора – 10% случаев[1].

Согласно данным ГИАЦ МВД России количество зарегистрированных преступлений, совершенных путем мошенничества при получении выплат по (ст. 159.2 УК РФ): в 2023 году – 7416, в 2024 году – 7149, в 2025 году – за январь – сентябрь было зарегистрировано 4 372 преступления; при этом 882 из них совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [11].

Согласно выше представленным статистическим данным, снижение количества исследуемых нами зарегистрированных преступлений в 2022 году, с последующей некоторой стабилизацией в 2023–2025 гг., может быть объяснено совокупностью следующих объективных факторов: 1) изменение в методике статистического учета за счет внесения в Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 25.12.2019 № 902 «Об утверждении формы федерального статистического наблюдения № 1-ЕГС «Единый отчет о преступности» [12] поправок, касающихся формы федерального статистического наблюдения, которые внесли изменения в порядок регистрации и квалификации преступлений; 2) оптимизация работы социальных фондов и цифровизация выплат, а именно: а) внедрение автоматизированных систем проверки достоверности сведений при назначении выплат, б) усиление межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), в) переход на проактивный (беззаявительный) формат назначения отдельных выплат, когда решение принимается на основе данных государственных органов, а не заявлений граждан и др.

Учитывая произведенный анализ материалов архивных уголовных дел, а также результаты анкетного опроса действующих сотрудников органов предварительного следствия и дознания, представляется возможным выделить несколько типичных криминалистических ситуаций, возникающих на этапе рассмотрения сообщения о мошенничестве, сопряженном с получением социальных выплат.

Первая ситуация

В правоохранительный орган поступает сообщение о мошенничестве при получении социальных выплат от представителя государственного или муниципального органа, выступающего потерпевшим: а) по телефону – посредством мобильной или стационарной связи; б) электронным письмом – через официальную электронную почту или специализированные порталы для подачи сообщений о преступлениях.

По данной типичной ситуации, возможно сформулировать следующий *алгоритм (порядок) действий надлежащего субъекта проверки:*

1) уточняет сведения о заявителе, предполагаемом способе незаконного получения выплаты, время совершения преступления; сведения о лице, которому была перечислена выплата; заявителю разъясняется ответственность за заведомо ложный донос (ст. 306 УПК РФ);

2) проводит осмотр места происшествия (помещения), в ходе которого изымает документы, технические средства и иные предметы, имеющие или могущие иметь значение для дела, с целью обнаружения и фиксации материальных следов;

3) истребует у организации, осуществившей выплату, документы, подтверждающие основания и порядок ее назначения; запрашивает: заявление получателя о надлежащей ему выплате; справки, подтверждающие данную выплату; решение комиссии органа социальной защиты о назначении конкретной меры социальной поддержки конкретному заявителю; сведения о фактическом перечислении денежных средств;

4) получает объяснения от должностного лица государственного или муниципального органа; выясняет обстоятельства обнаружения признаков незаконной выплаты; фиксирует данную информацию в бланке на получение объяснения;

5) дает письменное поручение органу дознания о проведении оперативно-розыскных мероприятиях (например, опрос, наведение справок) в целях установления места нахождения и имущественного положения подозреваемого лица;

6) проверяет документы на наличие в них признаков полной или частичной подделки, а также их соответствие установленным требованиям; при наличии достаточных оснований назначает технико-криминалистическую экспертизу документов;

7) сопоставляет полученные сведения в целях определения наличия достаточные данных, указывающих на признаки преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ, и принимает решение в порядке ч. 1 ст. 145 УПК РФ.

Вторая ситуация

В правоохранительный орган поступило письменное заявление от представителя государственного или муниципального органа при личном обращении.

После получения (принятия) письменного заявления субъект проверки: 1) обеспечивает фиксацию и сохранность всех приобщенных к заявлению материалов, включая документы и цифровые носители информации; 2) анализирует содержание заявления и приобщенных материалов на предмет наличия в них достаточных данных, указывающих на признаки преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ, с установлением предполагаемого способа обмана, вида и размера выплаты, а также сведений о лице, получившем денежные средства; 3) проводит осмотр места происшествия и фиксирует следы, оставленные на: а) поддельных документах, содержащих признаки недостоверных данных (заявлениях, свидетельствах о рождении и др.); б) технических устройствах (ноутбуках, принтерах), официальных бланках и иных объектах; 4) получает объяснение от заявителя относительно источника его осведомленности; обстоятельств получения представленных материалов и характера взаимоотношений с лицом, в отношении которого подано заявление; 5) истребует в уполномоченных органах и организациях документы, подтверждающие назначение и перечисление соответствующих социальных выплат, а также сведения о лице, на имя которого они оформлены; 6) при необходимости, поручает органу дознания проведение оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление фактических обстоятельств получения выплат и возможной причастности конкретного лица (лиц); 7) оценивает совокупность полученных данных и принимает процессуальное решение в порядке ч. 1 ст. 145 УПК РФ.

Третья ситуация

В правоохранительный орган поступило письменное или устное сообщение о мошенничестве при получении социальных выплат от соседа, родственника либо иного лица, не являющегося представителем организации, осуществляющей выплату.

После получения (принятия) сообщения субъект проверки действует следующим образом: 1) уточняет данные о заявителе, характере его осведомленности и возможной заинтересованности в исходе проверки; 2) получает объяснение об источнике информации, времени и обстоятельствах, при которых заявителю стали известны сведения о предполагаемом незаконном получении выплаты; 3) проводит осмотр места происшествия и изымает документы с признаками возможных подделок (справки о составе семьи, трудовые книжки и др.), технические устройства (принтеры, сканы и др.) и иные объекты, имеющие или могущие иметь отношение к преступлению; 4) анализирует полученную

[1] Результаты проведенного анкетирования 204 практических сотрудников в рамках написания диссертационного исследования по теме: «Частная криминалистическая методика расследования мошенничества при получении выплат: организационные и тактические особенности»

информацию на предмет наличия достаточных данных, указывающих на признаки преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ, а также предполагаемого способа обмана, вида и размера выплаты; 5) истребует в уполномоченных органах и организациях документы, подтверждающие назначение и перечисление соответствующих социальных выплат, сведения о лице, на имя которого они оформлены; 6) при необходимости организует проведение оперативно-розыскных мероприятий, направленных на подтверждение либо опровержение полученной информации; 7) оценивает совокупность полученных данных и принимает процессуальное решение в порядке ч. 1 ст. 145 УПК РФ.

Четвертая ситуация

В правоохранительный орган поступают материалы прокурорской проверки (акт, справка) с приобщенными документами и постановлением прокурора о направлении материалов для решения вопроса об уголовном преследовании по факту мошенничества при получении социальных выплат.

По данной типичной ситуации, возможно сформулировать следующий *алгоритм (порядок) действий субъекта проверки:*

1) проверяет поступившие материалы: устанавливает наличие постановления прокурора, акта (справки) проверки и приложенных документов, включая объяснения лиц, копии документов, акты ревизий и иные материалы; осуществляет предварительное изучение представленных документов на предмет выявления признаков мошенничества при получении социальных выплат, в том числе незаконного назначения выплат, использования подложных документов, несоответствия сведений в заявлениях данным информационных систем государственных органов и др.;

2) анализирует материалы на предмет наличия достаточных данных, указывающих на признаки состава преступления; оценивает допустимость и достоверность содержащихся в них сведений; выделяет ключевые документы и обстоятельства, требующие дополнительной проверки, включая заявления на социальные выплаты, справки о доходах, банковские документы, решения комиссий, копии удостоверений личности, сведения об электронных способах подачи документов;

3) проводит осмотр места происшествия (помещения), обнаруживает и изымает: документы, содержащие признаки недостоверных сведений (справки о доходах, больничные листы и др.); официальные бланки, печати и штампы организаций; электронные носители информации (системный блок, USB-накопители), на которых могут содержаться – электронные шаблоны поддельных документов;

4) формулирует (разрабатывает) криминалистические версии относительно возможного инициатора мошеннических действий, способов подделки документов, каналов получения выплат, возможного круга соучастников и способов сокрытия следов преступной деятельности;

5) при выявлении недостаточности представленных материалов осуществляет дополнительные проверочные мероприятия в пределах сроков, установленных ст. 144 УПК РФ, в том числе, истребует у учреждений-потерпевших документы, связанные с назначением и выплатой социальных выплат; получает письменные объяснения от должностных лиц и иных участников соответствующих правоотношений, при необходимости инициирует проведение криминалистических исследований документов, включая почерковедческую и технико-криминалистическую экспертизу документов, а также компьютерную экспертизу;

6) по результатам всестороннего анализа представленных и дополнительно полученных материалов принимает окончательное процессуальное решение в порядке ч. 1 ст. 145 УПК РФ о наличии либо отсутствии достаточных оснований для возбуждения уголовного дела и направляет прокурору копию принятого решения в установленный законом срок.

Пятая ситуация

В правоохранительном органе имеется оформленное сообщение о совершенном или готовящемся мошенничестве при получении выплат из иных источников: результаты оперативно-розыскной деятельности; рапорта следователя, установившего признаки данного преступления в связи с расследованием иного состава.

По данной типичной ситуации, возможно сформулировать следующий *алгоритм (порядок) действий субъекта проверки:*

1) после регистрации в КУСП рапорта о выделении материала из основного уголовного дела, следователь оценивает полноту изложенных данных, указывающих на конкретные признаки состава преступления, регламентированного ст. 159.2 УК РФ;

2) истребует от государственного или муниципального органа документы, подтверждающие назначение и выплату пособий и субсидий конкретному лицу (лицам) (заявления, справки о доходах, решения комиссий о назначении конкретной меры социальной поддержки конкретному заявителю, выписки о перечислении средств), и оформляет их в соответствии с предъявляемыми требованиями;

3) проводит осмотр служебных помещений, жилища (при наличии согласия проживающих или на сновании судебного решения), а также изъятых предметов и документов, содержащих признаки подделки (справки о доходах, составе семьи), технических устройств (компьютеры, принтеры), печатей и штампов организаций, врачей и др.;

4) получает письменные объяснения от лиц, указанных в материалах уголовного дела, включая сотрудников учреждения, предоставивших документы с фиксацией всех деталей, касающихся назначения и выплаты средств, а также признаков подделки документов и обстоятельств получения выплат;

5) устанавливает взаимодействие со следователем, выявившим признаки данного мошенничества для уточнения деталей, полученных в ходе расследования, и согласовывает с ним дальнейшее проведение процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий по выделенному материалу;

6) принимает итоговое процессуальное решение по ч. 1 ст. 145 УПК РФ.

Шестая ситуация

В правоохранительный орган обращается лицо с заявлением о явке с повинной, в котором сообщает о личном совершении мошенничества при получении социальных выплат.

После получения (принятия) заявления *субъект проверки осуществляет* следующий *алгоритм (порядок) действий:*

1) оформляет явку с повинной в письменной форме, а в случае устного заявления – отражает его содержание в соответствующем протоколе, подписываемом заявителем и должностным лицом;

2) устанавливает личность обратившегося лица; разъясняет положения ст. 51 Конституции РФ и иные процессуальные права, предусмотренные УПК РФ; выясняет добровольность заявления и отсутствие признаков принуждения; фиксирует мотивы обращения;

3) уточняет обстоятельства совершения мошенничества, включая способ незаконного получения социальной выплаты, период ее получения, размер причиненного ущерба, способ подачи документов и иные существенные для уголовного дела обстоятельства;

4) проводит осмотр места происшествия (служебное помещение или жилище) в целях поиска, обнаружения, фиксации и изъятия предметов и документов, содержащих заведомо ложные и(или) недостоверные сведения: заявления, справки о доходах, чистые бланки документов, технические устройства (персональные компьютеры, сканер), электронные носители информации (флеш-карты, жесткие диски) и др.;

5) сопоставляет полученные сведения с данными уполномоченных органов, осуществлявших назначение и выплату социальных пособий, анализирует их на предмет подтверждения либо опровержения полученной информации, формулирует криминалистические версии относительно способа совершения преступления и возможного круга его соучастников;

6) принимает процессуальное решение в порядке ч. 1 ст. 145 УПК РФ.

Таким образом, криминалистический этап рассмотрения сообщения о мошенничестве при получении выплат, характеризуется проведением разрешенных законом процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий в рамках ограниченного времени для принятия обоснованного решения о возбуждении уголовного дела, об отказе в его возбуждении или передаче сообщения с имеющимся материалом по подследственности.

Типизация ситуаций, возникающих на стадии практической проверки данного этапа, позволяет разрабатывать актуальные алгоритмы действий для уполномоченных законом должностных лиц, с учетом конкретных условий и следующих обстоятельств: отсутствие необходимых документов, иных вещественных доказательств, сведений о подозреваемом лице, очевидцах преступления и др. Предложенные алгоритмы реально обладают потенциальной возможностью эффективного получения доказательственной и иной информации, что позволяет их использовать в практике расследований мошенничества при получении выплат.

Литература

1. Аксенов В.В. Проверка сообщения о преступлении как форма уголовно-процессуального доказывания: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2004.

2. Возгрин И.А. Введение в криминалистику: история, основы теории, библиография. – СПб: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 275.

3. Копылова О.П. Проверка заявлений и сообщений о преступлениях: монография. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. технол. ун-та, 2010. – С. 160.

4. Савина Л.А. Организация и тактика предварительной проверки сообщений об экономических преступлениях на железнодорожном транспорте: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2005.

5. Филиппов А.Г. Этапы расследования преступлений как категория криминалистической методики // Проблемы криминалистики: избр. ст. – М.: Юрлитинформ, 2007. – С. 122 и др.

6. Пирожок Е.Д. Организация, содержание и особенности рассмотрения сообщений об угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2013. – № 2. – С. 11–14; Рябов Е.В., Натура А.И. Методика расследования хулиганства: науч.-практ. пособие / под общ. ред. А.И. Натуры. – М.: Юрлитинформ, 2014. – С. 46–47.

7. Лузгин И.М. Методологические проблемы расследования. Москва, 1973. С. 206.

8. Натура А.И., Дубинин Л.Г. Обеспечение принятия законного решения о возбуждении уголовного дела как одно из направлений надзорной деятельности прокурора // Проблемы криминалистического обеспечения прокурорской деятельности: материалы науч. – практ. Семинара, 28 .10. 2011. – М., 2011–2012 ГГ. – С. 106–111.

9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

10. Шевчук В.М. Значение этапов расследования для формирования тактических операций // Проблемы законности. 2012. № 120. С. 243–253.

11. Данные судебной статистики [Электронный ресурс] // Росстат: офиц. сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/itog-monitor_01–2023.htm (дата обращения: 28.04.2025).

12. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 17 января 2022 г. № 4 «О внесении изменения в приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 25.12.2019 № 902 «Об утверждении формы федерального статистического наблюдения № 1-ЕГС «Единый отчет о преступности».

REVIEW OF A REPORT OF SOCIAL PAYMENT FRAUD: ALGORITHM FOR CHECKING SUBJECTS IN THE MOST TYPICAL SITUATIONS

Beletskaya Yu.V.
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article is devoted to the topic of forensic support for pre-investigation verification of a report of fraud in receiving payments (Article 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation). Special attention is paid to the development of scientifically substantiated organizational and tactical algorithms for the actions of authorized entities at the stage of reviewing a crime report in the context of digitalization of social payments. The purpose of the study is to typify the initial forensic situations and create a unified methodological toolkit to prevent the loss of evidence. The study is based on an empirical analysis of 135 archival criminal cases, a questionnaire survey of 204 practical employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, and statistical methods. As a result of the study, high latency and procedural complexity of establishing the direct intent of the perpetrators at the stage of payment assignment were revealed. The author substantiated the position of recognizing the procedure for considering a crime report (Article 144 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation) as an independent forensic stage. The study's findings suggest that the developed typification of the six most common forensic situations and the proposed algorithms for their resolution can optimize the activities of law enforcement agencies, ensure the legality and validity of procedural decisions, and significantly enhance the overall effectiveness of the detection and investigation of targeted budget funds embezzlement.

Keywords: fraud in receiving payments; consideration of a crime report; forensic stage; typical forensic situations; embezzlement of budget funds; algorithm of actions; investigation methodology.

References

1. Aksenov V.V. Checking a Crime Report as a Form of Criminal Procedure Proof: Diss. … Cand. Law. Sciences. – Moscow, 2004.

2. Vozgrin I.A. Introduction to Criminalistics: History, Fundamentals of Theory, Bibliography. – St. Petersburg: Legal Center Press, 2003. – P. 275.

3. Kopilova O.P. Checking Statements and Reports on Crimes: A Monograph. – Tambov: Publishing House of Tambov State Technical University. University, 2010, p. 160.

4. Savina L.A. Organization and tactics of preliminary verification of reports of economic crimes in railway transport: dis. … kand. jurid. Sciences. – M., 2005.

5. Filippov A.G. Stages of crime investigation as a category of forensic methodology // Problems of forensic science: selected articles. – M.: Yurlitinform, 2007. – P. 122 and others.

6. Pirozhok E.D. The organization, content and features of consideration of reports on the threat of murder or infliction of serious bodily harm // Vestn. Mosk. un-ta MVD of Russia. – 2013. – № 2. – Pp. 11–14; Ryabov E.V., Natura A.I. Methodology of Investigating Hooliganism: Scientific and Practical Guide / edited by A.I. Natura. – Moscow: Yurlitinform, 2014. – Pp. 46–47.

7. Luzgin I.M. Methodological Problems of Investigation. Moscow, 1973. P. 206.

8. Nature A.I., Dubinin L.G. Ensuring the adoption of a legitimate decision on the initiation of a criminal case as one of the areas of the prosecutor's supervisory activity // Problems of forensic support for prosecutorial activities: materials of the scientific and practical conference. Seminar, 28.10.2011. – Moscow, 2011–2012. – Pp. 106–111.

9. Criminal Procedure Code of the Russian Federation № 174-FZ dated 18.12.2001 (as amended on 10.06.2026) // Collection of Laws of the Russian Federation. – 2001. – № 52 (Part I). – Art. 4921.

10. Shevchuk V.M. The Importance of the Stages of Investigation for the Formation of Tactical Operations // Problems of Legality. 2012. № 120. Pp. 243–253.

11. Data on Judicial Statistics [Electronic resource] // Rosstat: official. website. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/itog-monitor_01–2023.htm (accessed on 28.04.2025).

12. Order of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation № 4 dated January 17, 2022, «On Amending Order № 902 of the Prosecutor General of the Russian Federation dated December 25, 2019, «On Approval of the Federal Statistical Form № 1-EGS «Unified Report on Crime».

Ювенальная виктимология как отдельное криминологическое учение: истоки, модели, перспективы развития

Гасанова Мария Гулуевна,
старший преподаватель кафедры «Публичное частное и транспортное право» Дальневосточного государственного университета путей сообщений
E-mail: Mariyaguluevnagasanova@mail.ru

Статья посвящена теоретико-методологическому анализу становления и развития ювенальной виктимологии как самостоятельного научного направления в системе криминологического знания. На основе изучения отечественных и зарубежных доктринальных источников прослеживается генезис учения о несовершеннолетней жертве преступления – от общих виктимологических концепций середины XX века до формирования специализированного научного направления, ориентированного на изучение виктимности несовершеннолетних как особой социально-демографической группы. Рассматриваются основные теоретические модели ювенальной виктимологии, сложившиеся в отечественной и зарубежной науке: биопсихологическая, социально-ролевая, ситуационная и системно-структурная модели виктимизации несовершеннолетних. Анализируются понятийный аппарат данного направления, соотношение категорий «виктимность», «виктимизация» и «виктимологическая профилактика» применительно к несовершеннолетним, а также специфика факторов, обусловливающих повышенную уязвимость детей и подростков к преступным посягательствам. Обосновывается необходимость окончательного институционального оформления ювенальной виктимологии в качестве отдельной отрасли криминологического знания, обладающей собственным предметом, методологией и понятийным аппаратом. Формулируются перспективные направления развития данного научного направления с учётом современных вызовов – цифровизации детско-подростковой среды, распространения кибербуллинга и сетевого груминга.

Ключевые слова ювенальная виктимология; виктимология; несовершеннолетние жертвы преступлений; виктимность; виктимизация; виктимологическая профилактика; криминология; детская безопасность; семейное насилие; кибервиктимизации.

Введение

Проблема защиты несовершеннолетних от преступных посягательств традиционно относится к числу наиболее социально значимых направлений криминологической науки, поскольку именно дети и подростки в силу возрастных, психологических и социально-статусных особенностей представляют собой одну из наиболее уязвимых категорий потенциальных жертв преступлений. На протяжении длительного времени вопросы виктимизации несовершеннолетних рассматривались преимущественно в рамках общей виктимологии – научного направления, изучающего личность и поведение жертвы преступления, закономерности виктимизации и виктимологическую профилактику безотносительно к возрастным особенностям потерпевших. Между тем накопленный за последние десятилетия эмпирический материал, а также специфика психологического, физиологического и социального статуса несовершеннолетних убедительно свидетельствуют о том, что виктимность детей и подростков обладает качественно иной природой по сравнению с виктимностью взрослых лиц, что закономерно поставило перед научным сообществом вопрос о необходимости выделения самостоятельного направления – ювенальной виктимологии [9].

Актуальность настоящего исследования обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, статистические данные последних лет свидетельствуют о сохранении высокого уровня преступных посягательств в отношении несовершеннолетних, значительная часть которых совершается в семейно-бытовой сфере и характеризуется исключительно высокой латентностью, что требует разработки специализированных методов выявления и профилактики подобных деяний. Во-вторых, стремительная цифровизация детско-подростковой среды породила принципиально новые формы виктимизации несовершеннолетних – кибербуллинг, сетевой груминг, вовлечение детей в противоправный контент через социальные сети и мессенджеры, – изучение которых требует выхода за рамки традиционного виктимологического инструментария. В-третьих, до настоящего времени в отечественной криминологической науке отсутствует единство мнений относительно самостоятельного статуса ювенальной виктимологии: одни исследователи рассматривают её лишь как прикладной раздел общей виктимологии, тогда как другие настаивают на необходимости признания за ней статуса отдельного научного учения со своим предметом, методом и понятийным аппаратом. Разрешение данной теоретической дискуссии имеет не только академическое, но и существенное практическое значение, поскольку от избранной методологической позиции напрямую зависят направления государственной политики в сфере защиты детства и организация профилактической деятельности правоохранительных органов, органов опеки и попечительства, образовательных и медицинских учреждений [6].

Целью настоящей статьи является комплексный теоретико-методологический анализ истоков возникновения, современного состояния и перспектив развития ювенальной виктимологии как самостоятельного криминологического учения. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: проследить генезис научных представлений о несовершеннолетней жертве преступления в отечественной и зарубежной науке; систематизировать сложившиеся теоретические модели изучения виктимности несовершеннолетних; определить предмет, метод и понятийный аппарат ювенальной виктимологии; обосновать критерии, позволяющие рассматривать данное направление в качестве самостоятельной отрасли криминологического знания; выявить перспективные направления дальнейшего развития ювенальной виктимологии с учётом современных социальных и технологических вызовов.

Научная новизна работы состоит в систематизации разрозненных теоретических подходов к изучению виктимности несовершеннолетних в единую концептуальную модель, а также в обосновании авторской позиции относительно институционального статуса ювенальной виктимологии в системе современного криминологического знания. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его выводов при разработке государственных программ профилактики преступлений против несовершеннолетних, а также в преподавании специализированных курсов виктимологии и ювенальной криминологии в высших учебных заведениях юридического профиля.

Методы

Настоящее исследование носит исключительно теоретический характер и основывается на комплексном применении методов историко-правового, сравнительно-правового и системно-структурного анализа. Основным материалом исследования послужили труды отечественных и зарубежных учёных, посвящённые общим вопросам виктимологии и специальным проблемам виктимизации несовершеннолетних, опубликованные начиная со второй половины XX века и по настоящее время. Историко-правовой метод позволил проследить эволюцию научных представлений о жертве преступления вообще и о несовершеннолетней жертве в частности, выявить основные этапы формирования ювенальной виктимологии как относительно самостоятельного направления научного знания.

Сравнительно-правовой метод применялся при анализе зарубежных доктринальных источников, прежде всего работ представителей американской и западноевропейской виктимологической школы, что позволило выявить общие закономерности и национальную специфику формирования учения о детской и подростковой виктимности в различных правовых системах. Системно-структурный метод использовался при построении авторской классификации теоретических моделей ювенальной виктимологии, а также при определении соотношения базовых категорий данного научного направления – виктимности, виктимизации, виктимогенности и виктимологической профилактики применительно к несовершеннолетним.

Помимо этого, в работе применялся понятийно-категориальный анализ, благодаря которому удалось выявить смысловые расхождения в понимании основных терминов ювенальной виктимологии у разных исследователей и сформулировать обобщённые определения, учитывающие специфику виктимности несовершеннолетних как отдельного предмета научного изучения.

Также были задействованы общенаучные методы – анализ, синтез, индукция, дедукция, классификация и обобщение, – с помощью которых теоретический материал был систематизирован, а выводы об институциональном статусе и перспективах развития данного научного направления получили должное обоснование.

Следует отдельно отметить методологическое ограничение проведённого исследования: оно не включает эмпирическую составляющую, поскольку все приводимые положения опираются исключительно на анализ доктринальных источников. Собственные эмпирические данные в работе не использовались, что придаёт полученным выводам теоретико-обобщающий характер и намечает направление для дальнейших эмпирических исследований.

Результаты

Анализ истории становления виктимологического знания свидетельствует о том, что истоки ювенальной виктимологии восходят к общим виктимологическим концепциям, сформировавшимся в середине XX века в трудах зарубежных исследователей – Ганса фон Гентига, Бенджамина Мендельсона и их последователей, заложивших основы учения о жертве преступления как активном участнике криминальной ситуации, обладающем собственными характеристиками, влияющими на вероятность виктимизации. Уже в ранних классификациях типов жертв, предложенных указанными авторами, выделялись категории, непосредственно связанные с возрастной уязвимостью, – в частности, «прирождённые жертвы» и «жертвы в силу возраста», к которым относились дети как лица, объективно обладающие пониженной способностью к самозащите. Тем не менее на данном этапе развития виктимологии несовершеннолетние рассматривались лишь как одна из многих категорий потенциальных жертв, а специального учения об их виктимности ещё не существовало [1].

Формирование собственно ювенальной виктимологии как относительно обособленного направления научного знания приходится на 1970–1980-е годы и связано, с одной стороны, с общим развитием ювенальной юстиции и ювенальной криминологии, изучавшей несовершеннолетнего преступника, а с другой – с накоплением значительного массива эмпирических данных о распространённости насилия в отношении детей, прежде всего в семейно-бытовой сфере.

Именно в этот период за рубежом, а немного позже и в отечественной науке, начинает складываться устойчивое представление о том, что виктимность несовершеннолетнего – это качественно самостоятельный феномен, изучение которого требует учёта возрастной психологии, специфики отношений между детьми и родителями, а также особого правового статуса ребёнка как субъекта, нуждающегося в повышенной государственной защите. В российской криминологии заметный рост интереса к проблемам детской и подростковой виктимности приходится на 1990-е – начало 2000-х годов. Это было обусловлено, с одной стороны, усилением внимания к правам ребёнка после ратификации Российской Федерацией Конвенции о правах ребёнка, а с другой – обострением проблем семейного неблагополучия, насилия по отношению к детям и вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность в контексте социально-экономических преобразований постсоветского общества [11].

Анализ доктринальных источников позволяет выделить несколько теоретических моделей, сформировавшихся в рамках ювенальной виктимологии и отражающих различные подходы к объяснению механизмов виктимизации несовершеннолетних.

Первая модель, условно именуемая биопсихологической, объясняет повышенную виктимность детей и подростков их возрастными физиологическими и психологическими особенностями – физической слабостью, недостаточной сформированностью критического мышления, повышенной внушаемостью и доверчивостью, эмоциональной неустойчивостью, а также ограниченной способностью к адекватной оценке опасности ситуации и правовой квалификации происходящего с ними. Данная модель объясняет, в частности, повышенную уязвимость детей младшего возраста к преступлениям против половой неприкосновенности и насильственным преступлениям в семье, где ребёнок объективно не способен оказать сопротивление или своевременно сообщить о происходящем компетентным лицам [7].

Вторая модель – социально-ролевая – акцентирует внимание на специфике социального статуса несовершеннолетнего как лица, находящегося в объективной зависимости от взрослых – родителей, опекунов, педагогов, иных лиц, осуществляющих над ним фактическую власть и контроль. В рамках данной модели виктимизация несовершеннолетнего рассматривается прежде всего сквозь призму асимметрии властных отношений, при которой преступник, как правило, обладает формальным или фактическим авторитетом над жертвой, что существенно затрудняет как совершение ребёнком действий по самозащите, так и последующее выявление факта совершённого преступления. Указанная модель имеет особое значение для объяснения высокой латентности преступлений, совершаемых в отношении детей близкими родственниками и иными доверенными лицами [12].

Третья модель, получившая название ситуационной, объясняет виктимизацию несовершеннолетних совокупностью внешних обстоятельств – особенностями микросоциальной среды, в которой находится ребёнок (неблагополучная семья, безнадзорность, пребывание в учреждениях интернатного типа), характером его досуговой деятельности, кругом общения, а также конкретной криминогенной ситуацией, в рамках которой происходит непосредственное взаимодействие с потенциальным преступником. Данная модель имеет существенное прикладное значение для организации виктимологической профилактики, поскольку акцентирует внимание на устранимых, поддающихся коррекции внешних факторах виктимизации [10].

Четвёртая модель, представляющая собой попытку синтеза перечисленных подходов, может быть обозначена как системно-структурная. В рамках данной модели виктимность несовершеннолетнего рассматривается как результат сложного взаимодействия индивидуально-психологических особенностей ребёнка, специфики его социального статуса и конкретной ситуации, в которой реализуется преступное посягательство, что представляется наиболее методологически обоснованным и продуктивным подходом применительно к современному состоянию научного знания. Именно системно-структурная модель, объединяющая биопсихологические, социально-ролевые и ситуационные факторы в единую объяснительную схему, представляется наиболее адекватной задачам комплексного изучения виктимности несовершеннолетних и разработки эффективных мер профилактики [3].

Разбор понятий ювенальной виктимологии показывает, что многие базовые термины нужно уточнить именно применительно к детям. Виктимность несовершеннолетнего в этой работе понимается как повышенная склонность ребёнка стать жертвой преступления. Эта склонность объясняется его возрастом, психологическими особенностями и социальным положением. Следовательно, Виктимизация – это процесс, в результате которого потенциальная виктимность ребёнка превращается в реальный статус жертвы. Она включает не только сам вред от преступления, но и его дальнейшие психологические, социальные и правовые последствия для несовершеннолетнего.

Ещё одно важное понятие – виктимогенность среды. Это совокупность условий окружения ребёнка (семьи, школы, досуга), которые способствуют тому, что его виктимный потенциал реализуется в конкретном преступлении.

Анализ научной литературы показывает, что преступления против детей в семье часто остаются скрытыми – то есть о них редко становится известно правоохранительным органам. Это связано с двумя при-

чинами. Во-первых, ребёнок нередко просто не может сам сообщить о случившемся. Во-вторых, взрослые члены семьи часто скрывают такие факты – из страха разрушить семью, боязни осуждения со стороны общества или из-за ложно понятой семейной солидарности.

Одновременно фиксируется существенное расширение форм виктимизации несовершеннолетних, связанное с развитием цифровой среды: сетевой груминг (установление злоумышленниками доверительных отношений с ребёнком в сети Интернет с целью последующего сексуального насилия либо вовлечения в противоправную деятельность), кибербуллинг, вовлечение несовершеннолетних через социальные сети в деструктивные сообщества, а также использование детей в качестве инструмента распространения противоправного контента. Указанные формы виктимизации обладают качественно новой спецификой, требующей разработки специальных методов виктимологической диагностики и профилактики, выходящих за рамки традиционного инструментария общей виктимологии.

Обсуждение

Проведённый теоретический анализ позволяет сформировать собственную позицию по дискуссионному вопросу о самостоятельности ювенальной виктимологии как научного направления в системе криминологии.

На наш взгляд, ювенальная виктимология действительно обладает признаками, необходимыми для признания её самостоятельной научной отраслью:

• Собственным предметом исследования – виктимностью несовершеннолетних как особой возрастной и социально-статусной группы;

• Специфическим понятийным аппаратом, отражающим качественные особенности детской и подростковой виктимности;

• Собственной методологической базой, включающей психологические, педагогические и социологические методики, разработанные именно для работы с детьми и не применимые напрямую ко взрослым в силу этических и правовых ограничений.

При этом обоснованной представляется и позиция авторов, рассматривающих ювенальную виктимологию как относительно самостоятельную отрасль, которая тем не менее органично включена в общую систему криминологического знания и тесно связана с общей виктимологией, ювенальной криминологией, семейным правом, возрастной психологией и педагогикой. Данное обстоятельство, впрочем, не опровергает, а, напротив, подтверждает тезис о формировании ювенальной виктимологии в качестве самостоятельного, хотя и междисциплинарного по своей природе, научного учения, подобно тому как аналогичный процесс институционального обособления в своё время прошли криминалистика, ювенальная юстиция и иные пограничные отрасли научного знания [5].

Существенное значение для дальнейшего развития ювенальной виктимологии имеет проблема соотношения биопсихологического и социально-ситуационного подходов к объяснению виктимизации несовершеннолетних. Абсолютизация биопсихологического подхода несёт риск неоправданной виктимблейминговой интерпретации, при которой сама природа детской уязвимости может быть истолкована как имплицитное основание для снижения ответственности со стороны государства и общества за создание безопасной среды для ребёнка. Напротив, чрезмерный акцент исключительно на внешних, ситуационных факторах виктимизации способен привести к недооценке индивидуальных психологических особенностей конкретного несовершеннолетнего, значимых для организации адресной психологической и правовой помощи пострадавшим детям. В этой связи предложенная системно-структурная модель, интегрирующая индивидуальные, статусно-ролевые и ситуационные факторы, представляется наиболее теоретически обоснованной и практически продуктивной основой для дальнейшего развития научного направления [2].

Отдельного рассмотрения требует проблема высокой латентности преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних в семейной среде. Представляется очевидным, что традиционные методы выявления виктимизации, выработанные общей виктимологией и рассчитанные преимущественно на взрослых потерпевших, способных самостоятельно обращаться за защитой своих прав, малопригодны в случаях, когда речь идёт о детях, находящихся в объективной зависимости от лиц, посягающих на их права и интересы. Это обстоятельство диктует необходимость разработки специализированных междисциплинарных механизмов выявления виктимизации несовершеннолетних, предполагающих взаимодействие правоохранительных органов с образовательными и медицинскими учреждениями, органами опеки и попечительства, а также внедрение особых диагностических методик, дающих педагогам и медицинским работникам возможность своевременно распознавать косвенные признаки перенесённого ребёнком насилия.

Не менее важной в научном и практическом отношении представляется проблема цифровой виктимизации несовершеннолетних, выступающая относительно новым вызовом для ювенальной виктимологии.

Традиционный виктимологический инструментарий, разработанный применительно к ситуациям непосредственного физического контакта преступника и жертвы, требует существенной адаптации к специфике сетевого взаимодействия, характеризующегося анонимностью злоумышленника, отсутствием чётких пространственно-временных границ преступного посягательства, а также специфическими психологическими механизмами вовлечения ребёнка в опасное взаимодействие (постепенное формирование доверия, манипулятивные техники, эксплуатация возрастной потребности несовершеннолетнего в общении и самоутверждении). Указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости выделения в структуре ювенальной виктимологии специализированного направления – цифровой ювенальной виктимологии, изучающей закономерности виктимизации несовершеннолетних в информационно-телекоммуникационной среде и разрабатывающей соответствующие меры профилактики, включая повышение цифровой грамотности детей и родителей, совершенствование технических средств родительского контроля и активизацию просветительской работы образовательных организаций [8]

Заключение

Проведённый теоретический анализ позволяет сделать вывод о том, что ювенальная виктимология, пройдя длительный путь эволюции от общих виктимологических концепций середины XX века до формирования специализированного научного направления, обладает достаточными основаниями для признания её самостоятельным, хотя и междисциплинарным по своей природе, криминологическим учением, обладающим собственным предметом, понятийным аппаратом и системой методов исследования. Систематизация теоретических моделей объяснения виктимности несовершеннолетних – биопсихологической, социально-ролевой, ситуационной и системно-структурной – свидетельствует о постепенном движении научной мысли в направлении комплексного, интегративного понимания механизмов виктимизации детей и подростков, учитывающего одновременно индивидуально-психологические, социально-статусные и ситуационные факторы.

Проведённое исследование даёт основание выделить несколько перспективных направлений дальнейшего развития ювенальной виктимологии. Во-первых, требуется дальнейшая теоретическая проработка и институциональное оформление ювенальной виктимологии как самостоятельной учебной дисциплины в системе юридического образования. Это позволит готовить специалистов, обладающих компетенциями, необходимыми для работы с несовершеннолетними жертвами преступлений.

Во-вторых, актуальной задачей является формирование и развитие отдельного направления – цифровой ювенальной виктимологии, изучающей закономерности и специфику виктимизации детей и подростков в информационно-телекоммуникационной среде, с учётом быстро меняющегося характера киберугроз, направленных против несовершеннолетних.

В-третьих, необходимо продолжать развивать эмпирическую базу ювенальной виктимологии через проведение масштабных социологических и психологических исследований, направленных на установление реальных, а не только официально зарегистрированных масштабов виктимизации несовершеннолетних, учитывая высокую латентность значительной части подобных преступлений.

В-четвёртых, представляется целесообразным дальнейшее совершенствование межведомственного взаимодействия правоохранительных органов, органов образования, здравоохранения и социальной защиты в целях создания эффективной системы раннего выявления виктимизации несовершеннолетних и оказания им своевременной правовой, психологической и медицинской помощи.

Таким образом, ювенальная виктимология представляет собой динамично развивающееся, теоретически и практически значимое направление криминологического знания, дальнейшее развитие которого способно внести существенный вклад как в совершенствование научных представлений о механизмах виктимизации несовершеннолетних, так и в повышение эффективности государственной политики в сфере защиты детства от преступных посягательств.

Литература

1. Аракелян К.Н. Возникновение и развитие виктимологии как науки о поведении жертвы: исторический экскурс // Прикладная юридическая психология. 2016. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/

vozniknovenie-i-razvitie-viktimologii-kak-nauki-o-povedenii-zhertvy-istoricheskiy-ekskurs

2. Будкина И.С. Виктимное поведение несовершеннолетних потерпевших от насильственных преступлений: понятие и виды // Вестник ОмГ У. Серия. Право. 2020. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/viktimnoe-povedenie-nesovershennoletnih-poterpevshih-ot-nasilstvennyh-prestupleniy-ponyatie-i-vidy

3. Васильева И.А. Социологические аспекты изучения виктимности // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2013. № 1 (15). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskie-aspekty-izucheniya-viktimnosti

4. Вишневецкий К. В., Ахмедов М.Б. Оглы Становление виктимологии как науки // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-viktimologii-kak-nauki

5. Кабанов П.А. Современная криминологическая виктимология: тенденции и некоторые перспективные направления развития // Виктимология. 2017. № 3 (13). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-kriminologicheskaya-viktimologiya-tendentsii-i-nekotorye-perspektivnye-napravleniya-razvitiya

6. Латышева Е.В. Особенности и проблемы статистического учета преступности в семейно-бытовой сфере // Вестник экономики, управления и права. 2024. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-problemy-statisticheskogo-ucheta-prestupnosti-v-semeyno-bytovoy-sfere

7. Петровских В. Д., Пенионжек Е.В. Склонность к виктимному поведению у подростков, особенности его проявления // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2023. № 1 (13). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sklonnost-k-viktimnomu-povedeniyu-u-podrostkov-osobennosti-ego-proyavleniya

8. Пинкевич Т. В., Нынюк Р.Н. Виктимизация несовершеннолетних от насильственных преступлений сексуального характера в условиях цифровизации: детерминация и предупреждение // Всероссийский криминологический журнал. 2024. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/viktimizatsiya-nesovershennoletnih-ot-nasilstvennyh-prestupleniy-seksualnogo-haraktera-v-usloviyah-tsifrovizatsii-determinatsiya-i

9. Свечников Н. И., Князькина А.Ю. Преступность несовершеннолетних: личность преступника, причины, профилактика // Вестник ПензГ У. 2020. № 3 (31). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prestupnost-nesovershennoletnih-lichnost-prestupnika-prichiny-profilaktika

10. Танаева З.Р. Семейное неблагополучие как фактор виктимизации несовершеннолетних // Виктимология. 2015. № 2 (4). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/semeynoe-neblagopoluchie-kak-faktor-viktimizatsii-nesovershennoletnih

11. Трякшина Ю.В. Причины и личность в преступной деятельности несовершеннолетних // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМ У. 2021. № 22. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-i-lichnost-v-prestupnoy-deyatelnosti-nesovershennoletnih

12. Чопик О. А., Баютова О.Е. Формирование субъектной позиции несовершеннолетних в социально опасном положении как условие их социализации // Теория и практика социогуманитарных наук. 2023. № 1 (21). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-subektnoy-pozitsii-nesovershennoletnih-v-sotsialno-opasnom-polozhenii-kak-uslovie-ih-sotsializatsii

JUVENILE VICTIMOLOGY AS AN INDEPENDENT CRIMINOLOGICAL DOCTRINE: ORIGINS, MODELS, AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

Gasanova M.G.
Far Eastern State Transport University

This article provides a theoretical and methodological analysis of the emergence and development of juvenile victimology as an independent scientific field within criminological knowledge. Based on a study of domestic and international doctrinal sources, the author traces the genesis of the theory of juvenile victims of bacteria, drawing on 20th-century victimological concepts to the formation of a specialized scientific field focused on the study of juvenile victimization as a distinct socio-demographic group. The article examines the main conceptual models of juvenile victimology developed in domestic and international scholarship: the biopsychological, social-role, situational, and systemic-structural models of juvenile victimization. The article analyzes the conceptual framework of these fields, the relationships between the categories of "victimhood," "victimization," and "victimological prevention" primarily in relation to minors, as well as specific factors that contribute to the increased vulnerability of children and adolescents to criminal attacks. The need for the final institutionalization of southern victimology as a distinct branch of criminological knowledge, with its own content, methodology, and conceptual framework, is substantiated. Promising areas for the development of this scientific field are formulated, taking into account contemporary challenges – the digitalization of the child and adolescent environment, the spread of cyberbullying and online grooming.

Keywords juvenile victimology; victimology; juvenile victims of crime; victimization; victimological prevention; criminology; child safety; family acquisition; cybervictimization

References

1. Arakelian K.N. The Emergence and Development of Victimology as a Science of Victim Behavior: A Historical Excursion // Applied Legal Psychology. 2016. No. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vozniknovenie-i-razvitie-viktimologii-kak-nauki-o-povedenii-zhertvy-istoricheskiy-ekskurs

2. Budkina I.S. Victim Behavior of Juvenile Victims of Violent Crimes: Concept and Types // Bulletin of Omsk State University. Series. Law. 2020. No. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/viktimnoe-povedenie-nesovershennoletnih-poterpevshih-ot-nasilstvennyh-prestupleniy-ponyatie-i-vidy

3. Vasilyeva I.A. Sociological aspects of the study of victimization // Theory and practice of service: economics, social sphere, technology. 2013. No. 1 (15). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskie-aspekty-izucheniya-viktimnosti

4. Vishnevetsky K.V., Akhmedov M.B. Ogly Formation of victimology as a science // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2022. No. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-viktimologii-kak-nauki

5. Kabanov P.A. Modern criminological victimology: trends and some promising areas of development // Victimology. 2017. No. 3 (13). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-kriminologicheskaya-viktimologiya-tendentsii-i-nekotorye-perspektivnye-napravleniya-razvitiya

6. Latysheva E.V. Features and problems of statistical accounting of crime in the family and everyday sphere // Bulletin of Economics, Management and Law. 2024. No. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-problemy-statisticheskogo-ucheta-prestupnosti-v-semeyno-bytovoy-sfere

7. Petrovskikh V.D., Penionzhek E.V. Propensity for Victim Behavior in Adolescents, Features of Its Manifestation // Society, Law, Statehood: Retrospective and Prospective. 2023. No. 1 (13). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sklonnost-k-viktimnomu-povedeniyu-u-podrostkov-osobennosti-ego-proyavleniya

8. Pinkevich T.V., Nynyuk R.N. Victimization of Minors from Violent Sexual Crimes in the Context of Digitalization: Determining and Preventing // All-Russian Criminological Journal. 2024. No. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/viktimizatsiya-nesovershennoletnih-ot-nasilstvennyh-prestupleniy-seksualnogo-haraktera-v-usloviyah-tsifrovizatsii-determinatsiya-i

9. Svechnikov N.I., Knyazkina A. Yu. Juvenile Delinquency: Personality of the Offender, Causes, Prevention // PenzSU Bulletin. 2020. No. 3 (31). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prestupnost-nesovershennoletnih-lichnost-prestupnika-prichiny-profilaktika

10. Tanaeva Z.R. Family Problems as a Factor in the Victimization of Minors // Victimology. 2015. No. 2 (4). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/semeynoe-neblagopoluchie-kak-faktor-viktimizatsii-nesovershennoletnih

11. Tryakshina Yu.V. Causes and Personality in Criminal Activity of Minors // Scientific Notes of the Tambov Branch of the Russian Society of Juvenile Democracies. 2021. No. 22. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-i-lichnost-v-prestupnoy-deyatelnosti-nesovershennoletnih

12. Chopik O.A., Bayutova O.E. Formation of the Subjective Position of Minors in a Socially Dangerous Situation as a Condition for Their Socialization // Theory and Practice of Social and Humanitarian Sciences. 2023. No. 1 (21). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-subektnoy-pozitsii-nesovershennoletnih-v-sotsialno-opasnom-polozhenii-kak-uslovie-ih-sotsializatsii

Влияние уголовной политики на процессы кодификации

Глушкова Елена Михайловна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уральского института дополнительного профессионального образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», член Российской криминологической ассоциации, нотариус г. Екатеринбурга
E-mail: elena.zatsepina@mail.ru

Статья посвящена анализу влияния уголовной политики на процессы кодификации. Одним из наиболее важных периодов в истории уголовного права является период конца XVIII начала XIX вв. Именно в этот период уголовное право в Европе становится наукой. Зародившийся в Англии юс-позитивизм, принадлежащий к школе эмпириков, отец которой И. Бентам, будет играть с этого времени ведущую роль в мировых процессах кодификации уголовного права. Консолидацию идеи современной кодификации можно отнести к концу XVIII в. и к началу XIX в. В статье мы рассмотрим процесс развития доктрины кодификации европейского уголовного права, выделив, среди прочего, разработку кодексов учеными-правоведами, то есть законы и кодексы разрабатывались частными лицами, которые писали и редактировали их, – авторские кодексы. Последующая замена авторских кодексов кодексами актов, то есть теми, которые были созданы и утверждены государством, будет рассматриваться с учетом влияния доктрины уголовного права, в основе которой лежали концепции Чезаре Бонесана Беккариа, исторически признанного великим мыслителем уголовного права.

Ключевые слова: уголовное право, юс-позитивизм, авторские кодексы, Чезаре Бонесана Беккариа, уголовная политика, кодификация.

К настоящему времени существуют две ведущие, наиболее выдающиеся и практически наиболее важные кодификации, которые открывают наше рассмотрение: Уголовный кодекс 1532 г. (Каролина) и Уголовный ордонанс Людовика XIV (1670 г.).

Каролина была важнейшей европейской кодификацией уголовного права до преобразований XVIII в. С юридической точки зрения она во многих отношениях был шагом вперед. Многие негативные исторические оценки часто были вызваны его антигуманными и социально обусловленными феодальными чертами и чрезвычайно ужесточенными репрессивными мерами. Это, без сомнения, был уголовный кодекс эпохи первого кризиса феодального государства. Усиление уголовной репрессии шло рука об руку с развитием раннекапиталистических отношений и разрушением относительного равновесия, существовавшего ранее в феодальном обществе. Однако в определённой степени это также означало конец феодальной анархии и переход дел, связанных с преступностью и судебным преследованием, в руки государственной власти. Усиление уголовного преследования первоначально происходило в городах, которые, будучи пространственно и конституционно замкнутыми и в то же время заинтересованными в безопасности торговли и коммерции, активно выступали за уничтожение самодержавия и насилия на своей территории. Прямое и косвенное влияние Каролины было огромным. Кодекс применялся не только в германских странах, но и во многих соседних государствах. Вне этих влияний оставались в основном романоязычные страны. Именно Франция более века спустя создала кодекс, который, с гасконским преувеличением, был воспринят как самое совершенное уголовное право в Европе.

В действительности, Указ 1670 г., как и Уголовно-процессуальный кодекс, представлял собой, прежде всего кодификацию уголовно-процессуального права, которая лишь попутно затрагивала многочисленные проблемы материального уголовного права. Этот закон в основном представлял собой лишь краткое изложение уголовной практики парламента [4] и официально отрицал какие-либо намерения ввести что-либо совершенно новое. Для французской уголовно-правовой доктрины, для – по крайней мере, частичной – унификации судебной практики, этот кодекс имел своё значение, хотя детальный анализ приводит к выводу, что, вопреки внешней видимости, французская кодификация не представляла собой никакого прогресса по сравнению с почти 150-летним Уголовно-процессуальным кодексом ни в отношении догматики уголовного права, ни в отношении его социального содержания. В XVIII в. критика (Вольтер) сосредоточилась на чрезмерной свободе суждения, предоставленной судам ордонансами. Во Франции не было такой благотворной практики, как в Германии, где юридические факультеты предоставляли свои экспертные заключения, которым суды направляли материалы своих дел для ознакомления.

Если попытаться охарактеризовать форму и содержание европейских уголовных кодексов XVI и XVII вв. в целом, то можно сказать, что они были творениями абсолютных монархий, которые после потрясений XVI в. изменили и стабилизировали феодальные кодификации. Тяжёлые социальные и политические (религиозные) кризисы обусловили то, что главной целью этих кодификаций было обеспечение внешнего порядка в стране самыми беспощадными средствами. Этой цели служило как повсеместное введение инквизиторской формы судопроизводства с её характерными средствами доказательств, так и составление каталога наказаний в духе беспощадных репрессий, не говоря уже о прославлении палача, символом которого мог быть как текст Уголовно-процессуального кодекса Людовика XIV, так и текст Каролины. Уголовные кодексы были, прежде всего, кодификациями уголовно-процессуального права и изначально предназначались для нужд органов принудительного исполнения (судов). Они не были написаны с учётом всей полноты затронутых тем, поскольку легизм как предпосылка для применения правовой нормы не был обязательным, и поскольку уголовная политика того времени часто (по морализаторски-политическим причинам) отвергала возможность чрезмерно широкой популяризации текста уголовного кодекса. С точки зрения формы, техники кодификации, возникновение определённого способа кодификационной работы также представляло собой серьёзную проблему. Этот вопрос не всегда можно подробно исследовать для более ранних периодов. Что касается кодификационной работы XVI и XVII вв., мы часто не располагаем более подробной информаци-

ей о том, как фактически создавались отдельные тексты. В доступных источниках (особенно тех, которые представляют всю историю ретроспективно) обычно лишь в общих чертах указывается, кто был «автором» конкретного сборника законов, но мы, как правило, ничего не узнаём о том, как этот автор или группа авторов достигли своих конечных результатов. Тот факт, известный уже в Средние века (а иногда даже в раннем Средневековье), что некоторые сборники законов создавались комиссиями, специально назначенными для этой цели, или другими группами лиц, сам по себе мало что объясняет, если мы не знаем, какова была их роль в процессе работы над текстом. Можно сказать, что до XVIII в., как правило, после кодификации не оставалось никаких «оригинальных» документальных материалов, и что единственную информацию, помимо текста введения к самому сборнику законов, приходилось искать в косвенных источниках. Коллегиальный характер их работы, по различным причинам, был неизменной характеристикой различных комиссий, которые записывали обычное право во Франции в XV и XVI вв. Однако в эту работу были вовлечены и образованные, юридически грамотные люди, что на протяжении нескольких лет привело к формированию определенных традиций, редакционной практики и специфических моделей, которые не просто воспроизводились, но и оказывали влияние на другие законодательные проекты.

Таким образом, законодательная и кодификационная работа приобрела новую форму. Проекты стали результатом работы специализированных органов, подразделений, управлений или групп людей, назначенных для этой цели. Подготовленные таким образом тексты затем проходили через порой сложный «аппарат дистилляции» коллегиальных органов на последовательных этапах официального процесса (решение или оценка). Они получали своеобразное обрамление, состоящее из различных исправлений, контрпредложений, полемических соображений и всевозможных комментариев. Более серьезные вопросы, а каждая попытка кодификации по определению была одним из них, требовали многочисленных «согласований». Поскольку в результате подобной процедуры накапливался обширный, внутренне противоречивый материал, его приходилось рассматривать заново в том же ведомстве или в новом многочленном органе, который затем представлял в качестве своего рабочего результата окончательный проект уже готового законодательного акта, часто дополняемый проектами вводных положений, формулой промульгации, мотивировкой положений или всего произведения, резюме предыдущего обсуждения и тому подобным.

В XVII–XVIII вв. главенство администрации и её методов в законодательной деятельности преобладало повсеместно. Пожалуй, только во Франции роль парламента была значительна в процессе унификации и кодификации права. Следует также подчеркнуть, что юрист-законодатель XVII в., будучи одновременно юристом-бюрократом, был склонен искать старые (по крайней мере, формальные) образцы для решения стоящих перед ним задач и, если отечественных образцов не было, обращаться к зарубежным. Несмотря на все препятствия, юридическая наука, как в Средние века, так и в Новое время, демонстрировала гораздо более общеевропейские черты, чем, например, национальные юридические науки отдельных стран XIX в. Этот поиск образцов порой заходил очень далеко, и данная тенденция со временем усиливалась, в связи с ростом доступной информации профессионального характера.

Для вышеупомянутых уголовных кодексов, особенно в XVI в., характерной чертой была чисто эмпирическая стадия развития кодификационных методов, которая лишь изредка основывалась на более серьёзных теоретических предпосылках, возникновение которых, кстати, наблюдалось лишь в многочисленных отдельных вопросах кодификации уголовного права в XVIII в. Осознание роли кодификационных методов развивалось очень медленно, подобно тому, как знания об использовании их достижений в окончательной формулировке проекта юридического кодекса. Проблема специальных терминов, терминологии, оказалась чрезвычайно сложной. В области уголовного права долгое время не удавалось успешно дистанцироваться лингвистически и интеллектуально от латинской мысли итальянских учёных, и поэтому возникла необходимость отдать приоритет тем решениям, которые использовали латинские технические термины, хотя бы в качестве компромисса. В этой сложной ситуации, несмотря на отдельные неудачи, терминология Каролины представляла собой значительное достижение. Однако в этом выдающемся для своего времени труде было выделено не так много универсальных понятий уголовного права, а разработка целостной системы общих и отдельных частей уголовного права, таким образом, стала продуктом длительной эволюции, которую в немецкой юридической науке направляли такие известные учёные, как Бенедикт Карпцов, Иоганн Бёмер, Иоганн-Рудольф Энгау. До середины XVIII в. большинство работ, связанных с доктриной уголовного права, продолжало публиковаться на латыни, что, конечно же, не облегчало работу кодификаторов и, на наш взгляд, стало одной из причин принципиальных поражений создателей австрийского Уголовного кодекса – «Constitutio Criminalis Theresiana» 1768 г. Поэтому неудивительно, что в ордонансах XVII в. в описании правовых условий преобладали техника повествовательных описаний, персоналистическая формулировка дел, объективность и плавность языка (а не, например, логическая абстракция). Для кодификационной техники XVI–XVII вв. характерно использование двусмысленных выражений, общих терминов вместо определений, неспособность устранить внутренние противоречия закона или очертить контуры отдельных правонарушений.

Крупнейшим кодификационным начинанием XVII в. стали знаменитые Великие ордонансы Людовика XIV, созданные под руководством и по инициативе Кольбера. Французская наука уделила им особое внимание. Ордонансы не были инструментом правовой реформы, а скорее средством сохранения существующего права: они не устанавливали новый закон, а скорее переосмысливали старый закон [6, с. 252].

Что касается общих партикулярных немецких кодификаций XVII в., то они, как правило, непосредственно основывались на достижениях юридической науки и зачастую представляли собой классический пример так называемого обязательного учебника. Собрание восточно-прусских законов в целом представляло собой попытку объединить партикулярное законодательство, римское право и положения местного права.

XVIII в. мы называем веком кодификации. Великим радикальным лозунгом этой эпохи было: «construire à neuf», перестроить здание права и конституции с самого фундамента. В эту эпоху не только завершилось развитие теории естественного права, которая в своей радикальной форме стала основой для концепций кодификации, но и была осуществлена её детальная разработка как законодательного искусства для нужд правовой реформы и кодификации, достигнув совершенно нового этапа в развитии кодификационных техник (систематические концепции, искусство построения структур и общих понятий, достижения юридического языка в национальных языках и т.д.), но, возможно, что ещё важнее, теория кодификации впервые в истории стала предметом широкомасштабной пропагандистской кампании философов эпохи Просвещения. Вопрос о всеобъемлющей правовой реформе и кодификации стал главным вопросом общественного мнения эпохи Просвещения.

В XVII в. кодификационные проекты, как правило, осуществлялись в полной изоляции от общественного мнения. Значительные изменения в этом отношении наблюдаются в XVIII в. Не только готовые кодификационные проекты публиковались в печати вместе с введениями, мотивировочной частью и комментариями, как это иногда случалось и раньше, но и создавались широкие возможности для выражения мнений и достижения официальных и неофициальных соглашений даже в ходе самой кодификации. Работа по кодификации порой велась с большой пропагандистской шумихой, не без различных политических мотивов. Прусские кодификационные усилия и французская работа над Гражданским кодексом, пожалуй, дальше всех продвинулись в направлении учета общественного мнения.

Догматические предпосылки уголовного права, основанного на определениях правонарушений, были заложены в Пруссии в первой половине XVIII в. Все элементы принципа «nullum crimen, nulla poena sine lege» (нет преступления, нет наказания без закона) были разработаны именно тогда в немецкой доктрине естественного права. «Гарантийная функция» правонарушений, предусмотренных законом, которая лежит за пределами этого принципа, но продолжает определять его значение и сегодня, не играла никакой роли в этом процессе, тем самым подтверждая нереволюционный характер немецкой доктрины естественного права. Первоначальная формулировка положения уголовного закона Пруссии, предлагаемая Фридрихом Великим гласила: «Деяние может быть наказано только в том случае, если это наказание было установлено законом до совершения деяния». Это предложение, конечно, можно толковать по-разному, поскольку оно не содержит ни запрета аналогии, ни требования законодательного определения правонарушения. Сегодня, по крайней мере, его толкование может свидетельствовать о трех постулатах: только закон может объявить деяние преступлением, а именно посредством однозначно определенного правонарушения (nullum crimen sine lege), только закон может определить наказание за деяние (nulla poena sine lege), и то и другое только до того, как деяние было совершено (nullum crimen, nulla poena sine lege praevia).

Наиболее ярким примером воплощения этих идей и нового подхода к кодификации уголовного законодательства можно рассматривать Французский уголовный кодекс 1791 г., который был создан и издан в разгар Французской революции (1789–1799 гг.). Именно благода-

ря ему европейский процесс кодификации получил образец кодекса с более совершенной технической структурой, воплотивший в себя либеральные идеи нового времени и новые приемы законодательной техники.

Существенной особенностью процесса кодификации с самых ранних времен было то, что разработка кодекса предполагалась как научный и рациональный продукт, разработанный специалистом по праву. В то время не было важно учитывать характеристики государства, в котором кодекс будет применяться, эти проблемы отходили на второй план, естественно настолько, насколько это было возможно. Существенно для разработчиков кодексов было другое: люди, территория, культура. Ученый-юрист создавал нормы и определял виды поведения, возводя их в ранг преступления, а также назначал наказание, которое он считал подходящим для каждого преступления. Эти типы кодексов, как мы уже упоминали, известны как «авторские кодексы», то есть они написаны известными или признанными юристами, как в случае с И. Бентамом. В то время не только кодексы были авторскими, но и первые конституций XIX в. также были авторскими, как, например, Конституция Колумбии 1886 г., написанная Мигелем Антонио Каро, и Конституция Аргентины, написанная Хуаном Батистой Альберди [5, с. 80].

Переход от авторских кодексов к кодексам как законодательным актам государства, будет отмечен критикой ведущих юристов и мыслителей того времени, в частности критикой, выдвинутой итальянским экономистом, философом и юристом Чезаре Бонезана маркизом де Беккариа (1738–1794) в его выдающемся труде «О преступлениях и наказаниях» 1764 г., чей вклад в доктрину уголовного права неоценим. Данный труд является примером того, как европейские государства XVIII в. брали в качестве основы модели уголовных кодексов, разработанные лицами, не являющими государственными служащими, или «авторские кодексы» [5, с. 82]. Нам необходимо определить истинную концепцию этой работы Беккариа, поскольку в настоящее время некоторые ученые-правоведы рассматривают ее как модель уголовного кодекса, а другие – как научный текст, в котором автор излагает критическое замечание по уголовному праву своего времени.

Этот главный труд Беккариа состоит из 45 глав, в которых автор критически описывает конструкцию преступления, последствия нарушения уголовных норм и, наконец, предлагает формы и процедуры применения нормы в уголовных законах. Чтобы обосновать нашу поддержку второй группы исследователей, которая ее описывает как критическую научную работу, мы проведем краткий выборочный анализ отдельных частей труда Беккария. Так, в главе III, упоминаются трудности, которые могут возникнуть между законодательной и судебной властью, устанавливая, что именно суверен имеет право создавать законы для государства и может изменять их, именно поэтому он носит название законодателя. Последний может создавать общие законы, которые должны соблюдаться всеми. Беккариа подчеркивает, что это право могло осуществляться только самим государством [1, с. 21]. Он утверждает, что, когда человек нарушает эти законы, именно суд является единственным, кто имеет право выносить решения. Эти функции не могут быть делегированы другим государственным органам, не говоря уже о частных лицах. Право выносить решения должно быть уникальным для суда, приговоры которого не подлежат обжалованию.

Беккария считал неправильным, что не существовало возможности обжаловать судебное решение в вышестоящей судебной инстанции. Не должно существовать единственной судебной инстанции. Эта идея далеко опередила свое время, поскольку во многих случаях в процессе применения судьями уголовных норм, при толковании, судья мог допустить ошибку и вынести несправедливое решение. И если эта ошибка будет доказана, то следует признать, что наказание противоречит общественному благу, а значит несправедливо. Отсюда вытекает коренное противоречие существующего закона и примененного наказания. В этой части труда четко прослеживается тот приоритет, который Беккариа отдает уголовным кодексам, принятым именно государством. Иными словами, создание нормативных актов в области уголовного права должно было осуществляться исключительно государством посредством законодательной власти.

В главе V, озаглавленной «Неясность законов», автор рассматривает проблему множественной возможности толкования норм уголовного права в свое время, утверждая, что зло законов – это неправильное толкование, которое может быть дано, когда законы написаны на языке, отличном от языка народа. Таким образом, люди могут совершать преступления из-за непонимания законов, подчеркивал, что способ формулирования норм не был понятен всем людям. В этой главе Беккариа критикует тот факт, что «авторские» уголовные кодексы не учитывали качественный состав населения, которому они были адресованы, и, следовательно, большая часть населения не понимала истинного смысла содержащихся в них положений [1, с. 24]. Еще одна причина утверждать, что эта работа является критикой системы своего времени, мы находим в главе IV, озаглавленной «Толкование законов», в которой упоминается, что во всех преступлениях следует исходить из совершенного силлогизма, в котором большее предложение – это закон, меньшее – это подлежащий разрешению факт, а последнее – закон. Заключением должна быть или свобода обвиняемого или отбытие наказания.

Таким образом, Беккария развивает мысль о том, чтобы преступления наказывались соответствующим наказанием, а не так, как это было раньше, когда некоторые преступления наказывались другими наказаниями, не соответствующими типу преступления. Это происходило вследствие того, что кодексы содержали неточности и пробелы, которые судьи должны были восполнить в соответствии с толкованием при назначении наказания. Он утверждал также, что правосудие не обладает максимальным совершенством, поскольку те, кто занимается толкованием закона – это судьи, которые склонны совершать ошибки, как и любой другой человек, и поэтому судьи, неспособные толковать закон идеально, должны стараться делать это как можно меньше и лучше [1, с. 27].

Проблема, которую Беккария поднимает в этой главе, связана с проблемой, которую он описывает в последующей VII главе, озаглавленной «Ошибки в градации наказаний». Говорится, что градация наказаний производится с учетом ущерба, нанесенного преступлением нации, и что чем больше вреда оно причиняет, тем больше горе. Поэтому автор утверждал, что необходимо будет разработать не какой-то отдельный кодекс для каждого гражданина, а новый закон для каждого преступления. Люди с наилучшими намерениями могут причинить обществу наибольшее зло, а некоторые другие с самыми дурными намерениями, напротив принести наибольшее благо, Беккария утверждает, что в его эпоху, религия, и особенно католическая, была своеобразным законодателем в силу ее господства в большинстве государств. Однако основной порок этого законодателя, с точки зрения Беккариа, заключался в том, что религия признавала неспособным человека классифицировать преступления и наказания за них, поскольку с религиозной точки зрения классификация заключается в отделении «порока сердца от греха». Но единственное существо, которое может это сделать – это Бог.

Ценными следует признать и призыв Беккариа к демонтажу инквизиционной системы судебного преследования, свойственной каноническому периоду существования уголовного права. По мнению Беккариа назрела необходимость в новой системе, включающей более широкие гарантии для обвиняемых.

Большой вклад внес Беккариа и в развитие эпистемологии уголовного права. В своей работе он критикует форму наказания, смертную казнь и пытки, применяемые к обвиняемым, описывается профилактика как цель наказания, а также основы некоторых принципов криминологии, действующие сегодня [3, с. 146].

Руководствуясь идеями Беккариа, многие государства восприняли принцип отделения законодательной и судебной власти от конфессионализма, поскольку на самом деле законодателем должно было быть государство, а затем только выносятся судебные решения о запрете поведения, направленного против государства и народа, который его формирует, а не за поведение, направленное против религии. Ему удается изменить точку зрения, согласно которой уголовное право должно быть жестоким, что оно должно включать самые суровые телесные наказания, вплоть до возможности нанесения увечий конечностям под пытками и безмерными страданиями, и, что самое серьезное – смертную казнь.

Беккария, благодаря воспринятию идеи «Теории общественного договора», унаследованной от Руссо, его академическому образованию и его привилегированному социальному положению, до такой степени, что монархия присвоила ему титул маркиза, сумел внести положительный вклад в изменение политики и доктрины уголовного права, изменение, которое распространилось на многие страны и континенты. Призыв к переменам можно уловить в словах Беккарии, когда он утверждал, что самый эффективный способ борьбы с преступностью – это не тот, который ужасен пытками и не зрелище смерти преступника, а длительный и мучительный пример человека, лишенного свободы, который своей усталостью вознаграждает оскорбленное общество [1, с. 33].

Вклад этого великого мыслителя века Просвещения отражен в Декларации прав человека и гражданина от 26 августа 1789 г., которая гласит: «VI. Закон является выражением воли сообщества. Все граждане имеют право участвовать в его формировании, будь то лично, будь то через своих представителей, оно должно быть одинаковым для всех, будь то наказание или вознаграждение; и поскольку все рав-

ны перед ней, все они в равной степени имеют право на все почести и должности в соответствии со своими различными способностями, без каких-либо иных различий, кроме тех, которые обусловлены их достоинствами и знаниями» [2, с. 27].

Таким образом, уголовные кодексы XVIII в. являются прямым следствием периода просвещения в Европе, поддерживаемого великими школами и мыслителями того времени, эпохи, которая характеризовалась большим интеллектуальным развитием, полным доверием разуму, науке и образованию как идеалу для улучшения человеческой жизни, и также оптимистичным взглядом на жизнь, природу и историю.

Литература

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Пер. с фр. А. Хрущов. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1806, VIII, 17. 200 с.
2. Декларация прав человека и гражданина (принята депутатами Генеральных штатов 24 августа 1789 года) // Французская Республика. Конституция и законодательные акты. Перевод с французского / Сост.: Маклаков В.В., Энтин В.Л.; Редкол.: Барабашев Г.В., Жидков О.А., Ильинский И.П., Калямин Г.П., Страшун Б.А., Туманов В.А. (Под ред. и со вступ. ст.), Чиркин В.Е.; Пер.: Маклаков В.В., Пучинский В.К., Энтин В.Л. М.: Прогресс, 1989. С. 26–29.
3. Leyva Estupiñán, M., Lugo Arteaga, L. La influencia de Beccaría en el Derecho Penal modern // Derecho Penal Y Criminología. 2015. № 36(101). P. 133–151.
4. Material im Sammelwerk (Fr. Billaqo is u.a.) Crimes et criminalité en France sous l'ncien Régime 17–18 siècles // Cahiers des Annales. 1971. № . 33. 218 p.
5. Pajón A., Lucía G., Echeverri B., Esteban J. Influence of the process of codification of the criminal law of the European Enlightenment, in the Republic of New Granada // Ratio Juris. 2020. Vol. 15(30). P. 72–97.
6. Wilhelm W. Gesetzgebung und Kodifikation in Frankreich im 17. und 18. Jahrhundert // Ius Commune. 1967. Vol. I. P. 241–270.

THE INFLUENCE OF CRIMINAL POLICY ON CODIFICATION PROCESSES

Glushkova E.M.
All-Russian State University of Justice

This article analyzes the influence of criminal policy on codification processes. One of the most important periods in the history of criminal law is the late 18th and early 19th centuries. It was during this period that criminal law in Europe emerged as a science. Judicial positivism, which originated in England and belonged to the empiricist school, pioneered by Isaac Bentham, would play a leading role in the global codification of criminal law from this time onward. The consolidation of the idea of modern codification can be traced to the late 18th and early 19th centuries. In this article, we will examine the development of the doctrine of codification of European criminal law, highlighting, among other things, the development of codes by legal scholars. That is, laws and codes were developed by individuals who wrote and edited them–authored codes. The subsequent replacement of authorial codes by codes of acts, that is, those created and approved by the state, will be considered in light of the influence of the doctrine of criminal law, which was based on the concepts of Cesare Bonesan Beccaria, historically recognized as a great thinker of criminal law.

Keywords: criminal law, jus positivism, authorial codes, Cesare Bonesana Beccaria, criminal policy, codification.

References

1. Beccaria, C. On Crimes and Punishments / Translated from French by A. Khrushchov. St. Petersburg: I. Glazunov Press, 1806, VIII, 17. 200 p.
2. Declaration of the Rights of Man and of the Citizen (adopted by the deputies of the Estates General on August 24, 1789) // The French Republic. Constitution and Legislative Acts. Translated from French / Comp.: Maklakov, V.V., Entin, V.L.; Editorial Board: Barabashev, G.V., Zhidkov, O.A., Ilyinsky, I.P., Kalyamin, G.P., Strashun, B.A., Tumanov, V.A. (Edited and with an introduction by), V.E. Chirkin; Translated by: Maklakov, V.V., Puchinsky, V.K., Entin, V.L. M.: Progress, 1989. Pp. 26–29.
3. Leyva Estupiñán, M., Lugo Arteaga, L. La influencia de Beccaría en el Derecho Penal modern // Derecho Penal Y Criminología. 2015. № 36(101). P. 133–151.
4. Material im Sammelwerk (Fr. Billaqo is u.a.) Crimes et criminalité en France sous l'ncien Régime 17–18 siècles // Cahiers des Annales. 1971. № . 33. 218 p.
5. Pajón A., Lucía G., Echeverri B., Esteban J. Influence of the process of codification of the criminal law of the European Enlightenment, in the Republic of New Granada // Ratio Juris. 2020. Vol. 15(30). P. 72–97.
6. Wilhelm W. Gesetzgebung und Kodifikation in Frankreich im 17. und 18. Jahrhundert // Ius Commune. 1967. Vol. I. P. 241–270.

Генеративный искусственный интеллект как криминогенный фактор радикализации молодёжи в цифровой среде

Дроздова Елена Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовного права, уголовный процесс и правоохранительные органы», Юридический институт Российского университета транспорта (РУТ (МИИТ); магистр, МПСУ; ведущий научный сотрудник Центра исследования проблем безопасности Российской академии наук
E-mail: GorbunovaLA@ya.ru

Дроздов Алексей Игоревич,
доцент кафедры «Цифровые технологии управления транспортными процессами» (ЦТУТП), Институт управления и цифровых технологий РУТ (МИИТ); начальник отдела автоматизации внутренних процессов, Управление контроля и автоматизации внутренних процессов Дирекции внутренней автоматизации, ООО ИК «СИБИНТЕК»
E-mail: alexigr@ya.ru

Почему одни и те же технологии, что двигают вперёд образование и медицину, оборачиваются новым инструментом вовлечения молодёжи в противоправную деятельность? Статья отвечает на этот вопрос через криминологический анализ генеративного искусственного интеллекта (ИИ). Автор не описывает деятельность конкретных структур, а реконструирует обобщённую логику применения генеративных систем деструктивными онлайн-акторами. Выделены шесть функциональных направлений: создание синтетического аудиовизуального контента; автоматизация первичного контакта через диалоговые модели; мгновенный мультиязычный перевод; генерация уникальных изображений в обход хеш-модерации; персонализация обращения на основе поведенческого профиля; производство контента, адресованного несовершеннолетним. Показано, что генеративный ИИ меняет саму архитектуру вовлечения: на смену цепочке «организация – вербовщик – адресат» приходит модель «алгоритм – адресат», в которой человеческое участие в цикле сведено к минимуму. Обоснованы меры реагирования: обязательная маркировка синтетического контента, алгоритмический аудит генеративных систем и включение «ИИ-грамотности» в программы профилактики.

Ключевые слова: генеративный искусственный интеллект; синтетический контент; дипфейк; большие языковые модели; автоматизированное вовлечение; радикализация молодёжи; криминогенный фактор; цифровая безопасность.

Развитие генеративных систем искусственного интеллекта за последние годы изменило не только творческие и производственные практики, но и способы противоправного воздействия на человека. Открытые аналитические обзоры фиксируют устойчивую тенденцию: деструктивные онлайн-акторы переходят от пассивного использования цифровых технологий к системной интеграции ИИ в процессы вовлечения и распространения запрещённого контента [1]. Обобщающее исследование по радикализации в цифровых экосистемах прямо указывает, что технологии на основе ИИ усиливают радикализацию за счёт алгоритмического продвижения эмоционально провоцирующего материала, поведенческой аналитики для точечного охвата уязвимых лиц и генеративных систем, производящих синтетические медиа в обход механизмов модерации [2].

Вместе с тем криминологический анализ генеративного ИИ как криминогенного фактора – в отличие от анализа технологического и политологического – остаётся недостаточно разработанным. Настоящая работа не рассматривает деятельность конкретных организаций и не приводит частных примеров; её предмет – обобщённые инструменты и механизмы, посредством которых генеративные системы включаются в процесс вовлечения молодёжи. Цель статьи – определить место генеративного ИИ в системе детерминант противоправного вовлечения и обосновать меры противодействия.

Генеративный ИИ – класс систем машинного обучения, способных создавать новый контент (текст, изображения, аудио, видео) на основе обученных моделей. К ним относятся большие языковые модели, модели генерации изображений, модели генерации видео и модели синтеза голоса. Их принципиальная особенность – двойное назначение (dual-use): те же технологии, что применяются в образовании, креативных индустриях и медицине, могут быть использованы во вред [1].

Переход от простого производства пропаганды к интерактивному вовлечению рассматривается в открытых источниках как закономерный следующий шаг в противоправном применении генеративного ИИ [1]. Экспериментальные данные показывают, что тексты, сгенерированные языковыми моделями от имени деструктивных групп, оказываются настолько правдоподобными, что вводят в заблуждение даже специалистов [3]. Это означает, что генеративный ИИ преодолевает порог «долины жуткого» в текстовой коммуникации: сгенерированный материал становится неотличимым от созданного человеком.

На основе обобщения открытых аналитических материалов выделяются шесть функциональных направлений, в которых генеративные системы применяются для противоправного воздействия. Ниже они описаны как обезличенные инструменты – вне привязки к каким-либо структурам или событиям.

Синтетический аудиовизуальный контент. Технологии дипфейка и синтеза голоса позволяют создавать видеосообщения с несуществующим «ведущим», подделывать голоса и фабриковать высказывания. Такой материал воспринимается аудиторией как достоверный, что повышает его манипулятивный потенциал [4].

Автоматизация первичного контакта. Диалоговая модель способна самостоятельно вступать в контакт с адресатом, вести персонализированную беседу и формировать эмоциональную связь, а затем передавать «подготовленного» собеседника человеку – либо продолжать взаимодействие без участия человека вовсе. Это меняет экономику вовлечения: один диалоговый агент способен одновременно вести тысячи бесед, тогда как человек ограничен десятками [1].

Мультиязычная адаптация. Генеративный ИИ мгновенно переводит контент на десятки языков с высоким качеством, снимая языковой барьер – исторически одно из главных ограничений трансграничного распространения деструктивного влияния [2].

Обход автоматической модерации. Сгенерированные изображения не имеют цифрового «отпечатка» (hash), на который опираются системы автоматической фильтрации: каждое изображение уникально, что делает хеш-сопоставление неэффективным [4].

Персонализация обращения. Модели анализируют цифровой след пользователя – историю просмотров, реакции, время активности – и формируют сообщение, адаптированное к индивидуальным уязвимостям. Поведенческая аналитика обеспечивает точечный охват лиц группы риска [2].

Контент для несовершеннолетних. Отдельным направлением выступает производство анимированного и игрового контента, адресованного детям и подросткам, что указывает на долгосрочный характер стратегии воздействия [1].

С позиций теории детерминации преступности генеративный ИИ выступает криминогенным фактором по ряду оснований.

Снижение порога входа. Прежде производство пропагандистского контента требовало значительных ресурсов – студий, переводчиков, дизайнеров, монтажёров. Генеративный ИИ сводит эти ресурсы к одному человеку с доступом к моделям. Тем самым инструментарий профессионального уровня оказывается доступен не только организованным структурам, но и одиночным акторам [5].

Масштабирование. Диалоговые агенты позволяют вести тысячи одновременных персонализированных бесед – объём, недостижимый при участии человека. Это порождает качественно новую угрозу: автоматизированное вовлечение одиночек, ранее недостижимых для организованных групп [1].

Преодоление модерации. Уникальность каждого фрагмента сгенерированного контента делает неэффективными хеш-ориентированные системы модерации. Платформы вынуждены переходить от поиска «копий известного» к классификации нового контента – задаче существенно более сложной [4].

Трансформация архитектуры вовлечения. Генеративный ИИ превращает традиционную модель «организация – вербовщик – адресат» в модель «алгоритм – адресат», при которой весь цикл – от первичного контакта до идеологической обработки – может быть автоматизирован. Меняется и объект криминологического анализа: вместо структуры с иерархией – распределённая алгоритмическая система без единого центра управления [2].

Усиление механизмов морального разъединения. Синтетический контент способен активировать механизмы морального разъединения, описанные А. Бандурой [6; 7]: подделанные высказывания реализуют моральное оправдание, искажённые изображения последствий – искажение результата, а дегуманизирующие образы – обесценивание человека.

Особого внимания заслуживает применение больших языковых моделей для вовлечения, поскольку этот инструмент прямо адресует психологические механизмы радикализации.

Персонализация. Диалоговый агент адаптирует беседу к индивидуальным потребностям собеседника: при выраженной потребности в значимости он предлагает «миссию»; при потребности в принадлежности – «общность»; при переживании несправедливости – усиливает его через выгодное сравнение и атрибуцию вины [8].

Масштаб и приватность. Один агент одновременно взаимодействует с тысячами адресатов на десятках языков. При этом диалог протекает в приватном канале, недоступном для модерации платформ: в отличие от публичного контента, личная переписка не подлежит алгоритмической проверке [1].

Эмоциональная привязанность. Языковые модели способны имитировать эмпатию и заботу, создавая иллюзию значимых отношений. Для молодых людей с дефицитом социальных связей такой «собеседник» становится субъективно важным и потому влиятельным. Онлайн-среда усиливает эффект за счёт растормаживания коммуникации [9]. Возникает качественно новая ситуация – вовлечение без вовлекающего, где человек заменён алгоритмом, а адресат не осознаёт, что взаимодействует с машиной.

Действующее российское законодательство не учитывает специфику генеративного ИИ как инструмента противоправного воздействия. Обозначим три ключевых пробела.

Субъект ответственности. Нормы об ответственности за создание и распространение запрещённого контента предполагают наличие человека-субъекта. Когда контент генерируется по запросу неустановленного лица через цепочку анонимайзеров, установление субъекта затруднено [10].

Квалификация синтетического контента. Законодательство не содержит специальных составов, связанных с использованием дипфейк-технологий для фабрикации противоправного контента; существующая квалификация неочевидна и не апробирована практикой [10].

Ответственность операторов ИИ. Разработчики генеративных моделей формально не отвечают за контент, созданный пользователями, а модели с открытым кодом могут быть модифицированы для снятия встроенных ограничений [11].

Предлагаемые меры. Во-первых, обязательная маркировка синтетического контента – по модели, закреплённой в европейском регулировании ИИ [12], с криминализацией распространения немаркированных дипфейков противоправной направленности. Во-вторых, алгоритмический аудит генеративных систем и публикация отчётов о рисках по аналогии с требованиями к крупным цифровым платформам [13]. В-третьих, включение «ИИ-грамотности» в программы профилактики, обучающей молодёжь распознавать сгенерированный контент, признаки бот-диалога и маркеры синтетических голосов. Наконец, развитие международного обмена данными о генеративных инструментах, используемых во вред [5].

Анализ открытых тенденций позволяет обозначить вероятные направления развития угрозы. В краткосрочной перспективе ожидается рост применения синтетического видео для оперативного воздействия и распространение диалоговых агентов в каналах со сквозным шифрованием, а также появление специализированных языковых моделей, модифицированных для генерации противоправного контента без ограничений [2]. В среднесрочной – генерация фотореалистичного видео в реальном времени и ИИ-управляемые аккаунты, неотличимые от человеческих. В долгосрочной перспективе возможны полностью автономные системы вовлечения, не требующие участия человека [2].

Во-первых, генеративный ИИ из гипотетической угрозы превратился в реальный инструмент противоправного воздействия, интегрируемый в цикл вовлечения на всех его этапах [1; 2].

Во-вторых, он выступает криминогенным фактором по пяти основаниям: снижение порога входа, масштабирование, преодоление модерации, трансформация архитектуры вовлечения (от «организация – адресат» к «алгоритм – адресат») и усиление механизмов морального разъединения.

В-третьих, большие языковые модели создают угрозу «вовлечения без вовлекающего» – автоматизированного процесса, в котором человек заменён алгоритмом, подстраивающимся под индивидуальные уязвимости адресата.

В-четвёртых, российское законодательство содержит критические пробелы: отсутствие квалификации синтетического контента, неопределённость субъекта ответственности и отсутствие ответственности операторов генеративных систем.

В-пятых, «ИИ-грамотность» становится необходимым дополнением к критическому мышлению и медиаграмотности: молодёжь должна уметь распознавать не только манипулятивные техники, но и сам факт взаимодействия с машиной.

Литература

1. Exploitation of Generative AI by Terrorist Groups / International Centre for Counter-Terrorism. – The Hague: ICCT, 2024. – URL: https://icct.nl/publication/exploitation-generative-ai-terrorist-groups (дата обращения: 17.07.2026).

2. Ganaie N.A. The role of artificial intelligence in radicalisation, recruitment and terrorist propaganda: deconstructing violent extremism and reimagining counterterrorism in contemporary digital ecosystems // Frontiers in Political Science. – 2025. – Vol. 7. – Art. 1718396. – DOI: 10.3389/fpos.2025.1718396. – URL: https://doi.org/10.3389/fpos.2025.1718396 (дата обращения: 17.07.2026).

3. Baele S., Naserian E., Katz B. et al. Testing the generation of extremist propaganda by large language models. – 2024. – URL: https://www.gnet-research.org/ (дата обращения: 17.07.2026).

4. Violent Extremists' Use of Generative Artificial Intelligence: First Responder's Toolbox / National Counterterrorism Center. – Washington: ODNI, 2024. – URL: https://www.dni.gov/files/NCTC/documents/jcat/firstresponderstoolbox/151s_First_Responders_Toolbox-Violent_Extremists_Use_of_Generative_Artificial_Intelligence.pdf (дата обращения: 17.07.2026).

5. Kunst J.R., Obaidi M., Gollwitzer A. et al. Intelligent Systems, Vulnerable Minds: A Framework for Radicalization to Violence in the Age of AI // Personality and Social Psychology Review. – 2026. – DOI: 10.1177/10888683261430089. – URL: https://doi.org/10.1177/10888683261430089 (дата обращения: 17.07.2026).

6. Bandura A. Moral Disengagement in the Perpetration of Inhumanities // Personality and Social Psychology Review. – 1999. – Vol. 3, No. 3. – P. 193–209. – DOI: 10.1207/s15327957pspr0303_3. – URL: https://doi.org/10.1207/s15327957pspr0303_3 (дата обращения: 17.07.2026).

7. Bandura A. Moral Disengagement: How People Do Harm and Live with Themselves. – New York: Worth Publishers, 2016. – 544 p.

8. Kruglanski A.W., Gélineau M., Gunaratna R. et al. The Psychology of Radicalization and Deradicalization: How Significance Quest Impacts Violent Extremism // Political Psychology. – 2014. – Vol. 35, Suppl. 1. – P. 69–93. – DOI: 10.1111/pops.12163. – URL: https://doi.org/10.1111/pops.12163 (дата обращения: 17.07.2026).

9. Suler J. The Online Disinhibition Effect // CyberPsychology & Behavior. – 2004. – Vol. 7, No. 3. – P. 321–326. – DOI: 10.1089/1094931041291295. – URL: https://doi.org/10.1089/1094931041291295 (дата обращения: 17.07.2026).

10. О противодействии экстремистской деятельности: Федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3031. – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 17.07.2026).

11. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3448. – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 17.07.2026).

12. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. – L, 12.07.2024. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj (дата обращения: 17.07.2026).

13. Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 (Digital Services Act) // Official Journal of the European Union. – L 277, 27.10.2022. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj (дата обращения: 17.07.2026).

GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A CRIMINOGENIC FACTOR OF YOUTH RADICALISATION IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Drozdova E.A., Drozdov A.I.
Law Institute of the Russian University of Transport, Institute of Management and Digital Technologies, SIBINTEK Investment Company LLC

The very technologies that advance education and medicine can be turned into a new means of drawing young people into unlawful activity. This article examines that paradox from a criminological standpoint, treating generative artificial intelligence (AI) as a distinct criminogenic factor rather than a mere technical tool. The study deliberately avoids attributing conduct to any named actor and instead reconstructs the generalised logic through which destructive online actors deploy generative systems. Six functional directions are identified: production of synthetic audiovisual content; automation of first contact through conversational models; instant multilingual translation; generation of unique images that evade hash-based moderation; message personalisation based on behavioural profiling; and content aimed at minors. The author argues that generative AI reshapes the architecture of involvement itself, replacing the "organisation – recruiter – target" chain with an "algorithm – target" model in which human participation is minimised. Countermeasures are proposed, including mandatory labelling of synthetic content, algorithmic auditing of generative systems, and the integration of "AI literacy" into prevention programmes.

Keywords: generative artificial intelligence; synthetic content; deepfake; large language models; automated involvement; youth radicalisation; criminogenic factor; digital safety.

References

1. Exploitation of Generative AI by Terrorist Groups / International Center for Counter-Terrorism. – The Hague: ICCT, 2024. – URL: https://icct.nl/publication/exploitation-generative-ai-terrorist-groups (access date: 07/17/2026).

2. Ganaie N.A. The role of artificial intelligence in radicalisation, recruitment and terrorist propaganda: deconstructing violent extremism and reimagining counterterrorism in contemporary digital ecosystems // Frontiers in Political Science. – 2025. – Vol. 7. – Art. 1718396. – DOI: 10.3389/fpos.2025.1718396. – URL: https://doi.org/10.3389/fpos.2025.1718396 (accessed: July 17, 2026).

3. Baele S., Naserian E., Katz B. et al. Testing the generation of extremist propaganda by large language models. – 2024. – URL: https://www.gnet-research.org/ (accessed: July 17, 2026).

4. Violent Extremists' Use of Generative Artificial Intelligence: First Responder's Toolbox / National Counterterrorism Center. – Washington: ODNI, 2024. – URL: https://www.dni.gov/files/NCTC/documents/jcat/firstresponderstoolbox/151s_First_Responders_Toolbox-Violent_Extremists_Use_of_Generative_Artificial_Intelligence.pdf (access date: 07.17.2026).

5. Kunst J.R., Obaidi M., Gollwitzer A. et al. Intelligent Systems, Vulnerable Minds: A Framework for Radicalization to Violence in the Age of AI // Personality and Social Psychology Review. – 2026. – DOI: 10.1177/10888683261430089. – URL: https://doi.org/10.1177/10888683261430089 (access date: 07/17/2026).

6. Bandura A. Moral Disengagement in the Perpetration of Inhumanities // Personality and Social Psychology Review. – 1999. – Vol. 3, No. 3. – P. 193–209. – DOI: 10.1207/s15327957pspr0303_3. – URL: https://doi.org/10.1207/s15327957pspr0303_3 (access date: 07.17.2026).

7. Bandura A. Moral Disengagement: How People Do Harm and Live with Themselves. – New York: Worth Publishers, 2016. – 544 p.

8. Kruglanski A.W., Gélineau M., Gunaratna R. et al. The Psychology of Radicalization and Deradicalization: How Significance Quest Impacts Violent Extremism // Political Psychology. – 2014. – Vol. 35, Suppl. 1. – P. 69–93. – DOI: 10.1111/pops.12163. – URL: https://doi.org/10.1111/pops.12163 (access date: 07/17/2026).

9. Suler J. The Online Disinhibition Effect // CyberPsychology & Behavior. – 2004. – Vol. 7, No. 3. – P. 321–326. – DOI: 10.1089/1094931041291295. – URL: https://doi.org/10.1089/1094931041291295 (date of access: 17.07.2026).

10. On countering extremist activity: Federal Law of July 25, 2002 No. 114-FZ (as amended on October 27, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 30. – Art. 3031. – URL: http://pravo.gov.ru/ (date of access: 17.07.2026).

11. On information, information technologies and information protection … Law of July 27, 2006, No. 149-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2006. – No. 31 (Part 1). – Art. 3448. – URL: http://pravo.gov.ru/ (date of access: July 17, 2026).

12. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. – L, July 12, 2024. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj (date of access: July 17, 2026).

13. Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 (Digital Services Act) // Official Journal of the European Union. – L 277, 10/27/2022. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj (date of access: 07/17/2026).

Конфискация бизнеса как иная мера уголовно-правового характера (криминологическая характеристика) для предпринимателя

Зацепин Александр Михайлович,
доктор юридических наук, доцент, член Российской криминологической ассоциации, директор Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации; профессор кафедры уголовного права и оперативно-розыскной деятельности Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
E-mail: tp0507@ya.ru

В статье рассматривается проблема борьбы с экономической преступностью. Выделяется несколько признаков криминальной составляющей. Проанализированы проблемы отсутствия единого определения экономической преступности, а также рост противоправной и преступной активности, который пользуется ослабление контроля или нецелесообразным законодательством со стороны государства и существенным развитием теневой экономики. Внимание обращено и на нарушения в практике правоохранительных органов, судов и судебных приставов, и на факт отсутствия знаний криминологии, что приводит к проблемам при реализации процедур возмещения ущерба и конфискации имущества. Показывается влияние коррупции и размытие границ правовых норм на применение конфискационных мер. Особенно подчёркивается необходимость введения реформ в судебные структуры и повышение качества контроля за правоприменительной деятельностью, в том числе и по теме гарантирования обоснованности и чистоты процедур конфискации.

Ключевые слова: конфискация бизнеса, борьба с экономической преступностью, коррупция, криминальная экономика, злоупотребление положениями уголовно-процессуального законодательства, уголовная политика.

Единого понятия экономической преступности нет, зарубежное законодательство, десятилетиями борющиеся с этим явлением, так же не имеют единой точки зрения на ее сущность. В соответствии с положениями главы 22–23 вновь принятого УК РФ к экономической преступности может быть отнесена лишь деятельность устойчивых групп, заранее объединившихся для одного или нескольких преступлений. Сегодня проблема борьбы с экономической преступностью приобрела статус государственной. В среде специалистов-юристов, занимающихся изучением этого явления, сформировалась концепция природы экономической преступности. В ней выделяется несколько признаков криминальной составляющей. «Новыми» в сравнении с прошлыми годами являются группы из числа «интеллектуальных» и «предприимчивых» предпринимателей, занимающихся различными злоупотреблениями в финансово-банковской сфере. В их состав входят руководители банков, коммерческих структур, предприятий, в отдельных случаях – работники аппарата ЦБ РФ. В результате отмены государственной монополии на производство алкоголя до сих пор активизирована деятельность изготовителей фальсифицированной водки и коньяков. Отличительными чертами таких групп являются тщательная конспирация преступной деятельности, значительное число участников, наличие, как правило, межрегиональных связей и во властных структурах – готовность активно противодействовать правоохранительным органам. Такие «бизнесмены» активно занимаются корыстными и корыстно-насильственными преступлениями, в том числе вымогательством, кражами имущества и завладением путем мошенничества [1]. Значительную долю в структуре преступности составляют преступные группы, занимающиеся квалифицированным вымогательством. Предприниматели нередко используют свои предприятия для выявления наиболее состоятельных объектов. Взяты под контроль определенные отрасли хозяйства: хлебопекарное и мясное производство, торговля, бытовое обслуживание и обслуживание жилфонда (управляющие компании), снабжение энергоносителями [2].

Государство не только регулятор рынка, но и его участник, поскольку само является крупным собственником, а значит, участником гражданских правоотношений и эта двойственность порождает много проблем, что также двойственно сказывается на бизнесе. Это перспективы для крайне выгодных сделок и простор для криминальных махинаций. И все-таки налоги необходимы для содержания государства, которое в свою очередь, защищает интересы и благополучие налогоплательщиков предпринимателей и не только, а взаимный баланс сил и интересов может достигаться прежде всего не размерами налогов, а их стабильностью. Предприниматель или наемный работник, любое юридическое или физическое лицо приспособится к любым налоговым требованиям, если они будут стабильны и ожидаемы, а непосильное бремя приводит к банкротству или свертыванию бизнеса. И все же к самому высокому налогообложению приспосабливаются, если известно, что завтра будет так, как сегодня, но когда «вдруг» увеличивают ставки отчислений, то первая мысль не как платить, а как не платить. К сожалению, нашему государству, сидящему, при всей его размашистости и великости, на нехватке оборотных средств, выгодно избегать стабильности, иначе чем объяснить то, что законодатель систематически меняет налоговое законодательство. Стабильная «налоговая конституция» – единственная надежда предпринимателей (бизнеса) на то, что «нормобесие» с налогами прекратится, конечно и тогда будут уклоняться от налогов, но будут делать цивилизованным путем, а что касается криминальной (теневой) экономики, то для этого существуют правоохранительные органы и уголовная конституция, приводящая предпринимателей (бизнес) к аресту и конфискации имущества. В советские времена, когда деньги, имущество были «всем», для расхитителя социалистической собственности страшнее тюремных нар была дополнительная мера наказания в виде конфискации и в какой-то мере это было «устрашением» и наглядным примером для других. При том что нажитые неправедным путем «капиталы» невозможно было «употребить» и тратить приходилось с «оглядкой» – потому как «застукают», что не по средствам живешь. И росла теневая экономика с ее участниками, «нищими миллионерами», прячущими на скромных дачных участках в трехлитровых банках денежные купюры, казначейские обязательства, золотые и ювелирные украшения. И тем не менее,

конфискация для расхитителя была как приговор к высшей мере – «конфисковывался» у них смысл жизни.

Всё вышеперечисленное точно указывает на потребность в приоритетной модернизации судебной системы, а также в усовершенствовании всех существующих форм надзора. Закономерным следствием сложившейся ситуации стало появление значительных криминальных структур, которые распространяют своё влияние над секторами экономики, отраслью производства и сферой услуг. Изяны кредитно-банковского сектора стали катализатором всплеска финансовых махинаций. К настоящему моменту приходится констатировать, что организованные криминальные формирования и связанные с ними предприятия прояляют огромный интерес к фондовым операциям. За счёт приобретения крупных пакетов акций люди стоящие во главе таких группировок получили возможность весомо влиять на ход приватизационных и акционерных преобразований, обеспечивая себе огромные доходы на спекулятивных операциях на вторичном сегменте фондового рынка. Наблюдая за этой ситуацией, мы модем увидеть устойчивую практику выстраивания и сохранения коррупционных отношений с должностными лицами государственного аппарата, представителями властных и управленческих инстанций, а также с сотрудниками правоохранительных ведомств и учреждений юстиции. Коррупция выступает прямым препятствием для проведения экономических преобразований. В связи с этим первостепенной задачей становится совершенствование эффективности противодействия экономической преступности и коррупции. Решением этой задачи является разработка долгосрочных программ отраслевого характера, внедрения инструментария для мониторинга, анализа и прогнозирования преступлений экономической направленности, а также оценки результативности работы по их пресечению. Кроме этого точно необходимо закончить реформирование структуры ведомств, отвечающих за борьбу с экономической преступностью, и начать применять кардинально измененный подход к подготовке кадрового состава для соответствующих органов. Этот подход должен будет основоваться на принципах поэтапного обучения, интенсивности занятий и систематического профессионального развития. На федеральном уровне необходимо внедрить механизм сбора и использования практических сведений о финансовых активах членов криминальных формирований. Сказанное выше даёт полное основание говорить о учреждении Общественного совета безопасности России, региональных общественных советов безопасности, а также Комиссии по безопасности предпринимательской деятельности, концептуальные основы которых в настоящее время прорабатываются фондом национальной и международной защищённости, одной из приоритных целей [3].

В последние десятилетия изменились времена и нравы. Праведным, полуправедным или неправедным путем наживаются целые состояния, обставленные гарантийными бастионами, от примитивного зачисления денежных средств и записанного имущества на имя матери, брата, свата, тещи, до офшорных счетов и криптокошельков, куда текли финансовые потоки. Потому-то и откровенные мошенники без боязни выставляли на всеобщее обозрение яхты, самолеты, недвижимость, что очень редко реально конфисковывали откровенно преступное многомиллиардное имущество. Но это была существовавшая практика, говорить необходимо о праве государства на конфискацию имущества тех, кто преступил закон и признан преступником по приговору суда. Общественностью воспринимается конфискация противозаконно приобретенного как действительно мера наказания логичная и справедливая, оправдано изъятие имущества кто осужден за хищение, мошенничество, мздоимство (коррупционеров). Но при всем неприятии к другим злодеяниям правонарушителей, как понять логику конфискации имущества и этих людей, «дополнительная мера» предусмотрена и за ряд других преступлений (убийство в драке и др.). И не одно десятилетие существует вопрос как обеспечить легализацию капитала полученные доходы, которые не совсем целесообразны, по существу, декларирование доходов. Ранее, считалось, что повышение уровня жизни поспособствует спаду преступности, но полученный опыт не подтверждает этого. В следствии с этим законодателю необходимо более точно определить понятием и характеристикой криминализации, как общественного явления и искоренить злоупотребление положениями уголовно-процессуального законодательства, которое основывает обвинение только лишь на признательных показаниях обвиняемого, иногда представляющих собой самооговор, и на показаниях других обвиняемых или, в некоторых случаях, свидетелей. В данный момент большое количество сотрудников правоохранительных органов фактически не «знакомы» с криминологией в связи с кажущейся ненадобностью. И при всем выше перечисленном наблюдается занижение стандартов доказанности вины подсудимого не только органами дознания и следствия, но и судами, где основанием предъявляемого обвинения является сугубо показания подсудимого, что нередко приводит к осуждению невиновных [4].

Царский и советский режимы в России с натяжкой назовешь демократическим и правовым, но тогда же «декабристы» получили петлю, каторгу, лишение всех прав, но не самого состояния, их жены и дети не лишались имущества не по царской милости, а по праву. Конфискация сложна и многопланова и, если не касаться частностей, судебные дела побуждают законодателя вернуться к весьма непростому правовому вопросу, связанному с правом собственности, которая нажита честным путем и потому неотчуждаема. В данной реальности хотелось уделить больше внимания аресту и конфискации имущества у совершивших преступления в сфере экономической деятельности предпринимателей (бизнеса).

Несомненно, противостояние криминальным структурам должно вестись исключительно на правовой основе и в границах действующего законодательства. Именно этим и определяется значимость и предназначение правоохранительных институтов, также и в ситуациях, когда криминальная активность приобретает международный характер и выходит дплеко за пределы России. Помощь в этом должна выражаться в прикладных рекомендаций для развития криминологических иследований и уголовно-правовой стратегии. Спустя непродолжительное время она предастся забвению точно так же, как это случалось с прежними невыполненными (а чаще и просто не выполняемыми) проектами. Они тихо «растворялись» в потоке событий, особенно на фоне пандемии. Необходима сосредоточенность общества и государства на проблеме преступности. Сам факт не принятия во внимание предыдущих инициатив является одной из ключевых причин неудач и негативных итогов в и без того непростом противостоянии криминалу на уровне общественного сознания [5].

Характерно, что количество дел об освобождении имущества от ареста в последние годы значительно выросло в пользу истцов, поэтому попытаемся выявить причины такого положения. Высокий уровень удовлетворения исковых требований означает либо ошибки следователей при наложении ареста на имущество, в результате чего нарушаются законные права граждан, или ошибки судов при освобождении имущества от ареста, чем нарушаются интересы государства. Анализ практики выявил достаточно нарушений со стороны правоохранительных органов, судов, судебных приставов, не всегда выполняющих требования об обеспечении возмещения ущерба и возможной конфискации имущества (несвоевременность розыска, ареста и изъятия имущества приводит к тому, что его укрывают или утрачивают). Ошибки, допускаемые правоохранительными органами при наложении ареста, должны своевременно исправлять суды при рассмотрении исков об исключении имущества из описи, но при рассмотрении исков суды не проявляют инициативы в собирании доказательств, ограничиваются материалами, предъявленными родственниками осужденных, некритически оценивая их, допускают ошибки в применении правовых норм, что приводит к необоснованному освобождению имущества от ареста [6].

Состояние, динамика и тенденции конфискации имущества у преступников в нашей стране анализируются и объясняются общими закономерностями, существующими в рыночной экономике, а социальные и экономические изменения вызывают естественное беспокойство. Проанализируем некоторые современные процессы в преступности через призму криминологического механизма исследований. Опыт показывает, что потеря ориентиров в рыночной экономике активизировала теневую экономику и преступников экономической сферы деятельности. Ослабление контроля со стороны государства и одновременно слабый, стихийный ранее рынок привели к росту количества преступлений в экономической сфере. Сегодня криминологами накоплен опыт, вскрывающий принципы преступности в рыночной экономике.

Категории конфискации имущества (ст. 104.1 УК РФ) – имущество, полученное в результате совершения преступлений, перечисленное в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК; легализованное имущество; имущество, используемое для финансирования организованной преступности. Конфискация имущества состоит в принудительном безвозмездном изъятии в собственность государства всего или части имущества, являющегося собственностью осужденного (ч. 1 ст. 61 УК). Конфискация имущества применяется за тяжкое и особо тяжкое преступление, санкциями которых предусматривают данный вид наказания не может назначаться в качестве дополнительного наказания к штрафу или исправительным работам [7]. Виды конфискации имущества – полная и частичная конфискация (в приговоре суд указывает определенную часть имущества или перечисляет предметы, подлежащие конфискации). Это при том, что утрачивается значение правовых и нравственных норм, имеет место потеря ориентаций, изменение социальных ценностей [8].

Поверхностность при оценке преступности, связанных с ней факторов, при подготовке предложений по изменению и совершенствованию уголовного законодательства и мер борьбы с преступностью, которые проявляются в отсутствии профессионального криминологического анализа положения дел, не говоря уже о специальных криминологических исследованиях. Существование крена в сторону расширения уголовной репрессии (как в общественном, так и в профессионально-юридическом сознании). Существование новых видов опасного поведения, не отраженных ни в уголовной политике, ни действующим уголовным законом, например, учета характера и размеров вреда в отношении экологической преступности. Иногда прямой перенос или использование исследований зарубежной криминологии, без учета стоящего за ними содержания, контекста социальных, правовых реалий, приводящий к ошибкам или невозможности применения нужных и полезных исследований. Это при том, что утрачивается значение правовых и нравственных норм, имеет место потеря ориентаций, изменение социальных ценностей [9].

И как итог рассматриваемого вопроса предложения и суждения, порождаемые идеологией неограниченных возможностей уголовного права и переоценке репрессии на поведение. Взгляды на уголовную политику конфискации как на наиболее эффективный инструмент, способный сам по себе обеспечить правомерное поведение граждан, влияют как на криминализацию поведения, так и на пенализацию.

Требование быстрого решения, которое должно быть простым и столь же реализуемым, но простые решения уже несколько раз подводили наше общество. Особенно важно, чтобы практические работники правоохранительных органов избавились от привычки игнорировать научную экспертную мысль. Преступность развивается по определённым законам, она характеризуется повышенной интенсивностью и профессионализмом, ещё ни у кого не получилось полностью пресечь её, бесполезна и общественная деятельность, такая как публичные заклинания, совещания и обещания. Отслеживать и изучать закономерность по которым развивается и изменяется преступность одно из главных задач в этой сфере на данный момент, так же, как и в последствии профессионально использовать полученные знания для стабилизации, нейтрализации и предупреждения, профилактики. Исполнительные и представительные органы власти прилагают усилия к освещенности политических махинаций, что превращает правоохранительные органы как в объект, так и в субъект этой борьбы [10], тем самым принося в жертву интересы реальной борьбы с преступностью, а правомерное поведение, особенно в экономической сфере, становится практически невыгодным [11].

Стремление расширить круг уголовно-правовых запретов и усиление мер ответственности за совершенное правонарушение охотно поддерживаются общественным мнением, т.к. в современных условиях действительно существует немало поводов требовать усиления наказания. Уголовная ответственность и наказание это всем понятный способ воздействия на человека. Сложнее постоянно учитывать опасность переоценки роли уголовного права и выхода репрессии за пределы «разумного». Несомненно, что в ближайшее время преступность будет расти, но идея карательной функции уголовной политики ограничивает права человека, и к сожалению, этот образ оказывается живучим. Продолжать заботиться о чистоте юридических определений и концепций опасно, преступность является продолжением и средством достижения своих экономических целей в руках олигархических сил. Отслеживать процесс «перехода» наиболее опасных форм и видов преступности, рожденных технологическими системами, при этом не имея доступа к самим процессам, лишь за целями, которые при этом ставят политические активисты, где общеуголовная преступность смыкается с экономической, становится аксиомой [12].

Политические права и свободы не сводятся лишь к свободе слова и плюрализму мнений и меняющейся роли юридической науки в нашем государственном строительстве. Недовольством существующим законодательством, а также неспособностью правоохранительных органов защитить от преступников, формируется неверное отношение к уголовной политике, неправильный взгляд на возможности уголовного закона, на методы и практику его применения, стремление к простым решениям сложных проблем.

Необходимо показывать, как преступные методы переходят в административную практику и как стираются грани между общей уголовной преступностью и преступниками во власти, осуществляющих государственную политику. Криминологические исследования раскрыли то, что, борясь с преступностью (иначе нельзя управлять обществом), капитаны бизнеса заинтересованы в ее существовании, ибо она становится в настоящее время бизнесом, несущего многомиллионные прибыли. Важно главное: бороться с преступностью не средствами достижения своих политических и иных целей, а как с явлением, мешающим нашему продвижению вперед. Соответственно различны и подходы как к самой преступности, так и формам, методам борьбы с ней.

Литература

1. Зацепин М.Н., Зацепин А.М., Глушкова Е.М. Некоторые проблемы безопасности предпринимательства в России // Юридическая наука. – 2020. – № 3. – С. 31–37.

2. Вышел первый в 2025 году бюллетень ВС: [Электронный ресурс] // Право.ru. – 2025. – URL: https://pravo.ru/news/257091 (дата обращения: 23.01.2025).

3. Путин поручил упростить возвращение бизнеса: [Электронный ресурс] // Право.ru. – 2025. – URL: https://pravo.ru/news/257065 (дата обращения: 22.01.2025).

4. Сроки давности взыскания коррупционных активов: юристы поспорили о них в КС: [Электронный ресурс] // Право.ru. – 2024. – URL: https://pravo.ru/story/255429 (дата обращения: 08.10.2024).

5. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 года: [Электронный ресурс] // МВД России. – URL: https://мвд.рф/reports/item/47055751/ (дата обращения: 20.01.2024).

6. Домашний арест экс-судьи и деятельное раскаяние ВС за апрель: [Электронный ресурс] // Право.ru. – 2023. – URL: https://pravo.ru/story/246843 (дата обращения: 20.06.2023).

7. Прокуроры заставили чиновников вернуть бизнесу более 163 млрд рублей долгов: [Электронный ресурс] // PASMI.ru. – 2020. – URL: https://pasmi.ru/archive/277972 (дата обращения: 10.08.2020).

8. Абраменко В.Б. Конфискация имущества как средство предупреждения преступлений в сфере экономической деятельности: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Абраменко Валерий Борисович; Всерос. науч.-исслед. ин-т МВД РФ. – Москва, 2010. – 200 с.

9. Новый обзор КС: правовые позиции об определенности уголовного закона: [Электронный ресурс] // Право.ru. – 2020. – URL: https://pravo.ru/news/22734 (дата обращения: 13.11.2020).

10. Зацепин М.Н., Зацепин А.М. Криминологическая политика в роли социальных мер правового характера // Крымские юридические чтения. Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации и меры противодействия проявлениям экстремизма и фальсификации исторического прошлого: сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. (г. Симферополь, 2, 3 и 10 июня 2022 года) / под общ. ред. Н.Н. Колюки; сост. С.В. Герасимовский, А.П. Сергеева. – Симферополь, 2022. – Т. I. – С. 284–290.

11. Титов заявил, что безопасность бизнеса в России зависит от реформы силовых структур: [Электронный ресурс] // PASMI.ru. – URL: https://pasmi.ru/archive/243640/ (дата обращения: 27.09.2019).

12. Патентные мошенники выработали три схемы обмана бизнеса: [Электронный ресурс] // Право.ru. – URL: https://pravo.ru/news/254628 (дата обращения: 14.08.2024).

CONFISCATION OF A BUSINESS AS ANOTHER MEASURE OF A CRIMINAL-LAW NATURE (CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS) FOR AN ENTREPRENEUR

Zatsepin A.M.
Crimean Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia region

The article addresses the problem of combating economic crime. Several indicators of the criminal component are identified. The paper analyses the problems related to the lack of a unified definition of economic crime, as well as the growth of unlawful and criminal activity, which exploits the weakening of control or ill-conceived legislation on the part of the state, along with the significant development of the shadow economy. Attention is also drawn to violations in the practice of law enforcement agencies, courts and bailiffs, and to the fact that a lack of criminological knowledge leads to problems in implementing procedures for compensation of damage and confiscation of property. The influence of corruption and the blurring of the boundaries of legal norms on the application of confiscation measures is demonstrated. Particular emphasis is placed on the need to introduce reforms in the judicial structures and to improve the quality of control over law enforcement activities, including with regard to ensuring the validity and integrity of confiscation procedures.

Keywords: business confiscation, combating economic crime, corruption, criminal economy, abuse of the provisions of criminal procedure legislation, criminal policy.

References

1. Zatsepin M.N., Zatsepin A.M., Glushkova E.M. Some Problems of Business Security in Russia // Yuridicheskaya nauka [Legal Science]. – 2020. – No. 3. – Pp. 31–37.

2. The First 2025 Bulletin of the Supreme Court Issued [Electronic resource] // Pravo.ru. – 2025. – URL: https://pravo.ru/news/257091 (accessed: 23.01.2025).

3. Putin Instructs to Simplify Business Return [Electronic resource] // Pravo.ru. – 2025. – URL: https://pravo.ru/news/257065 (accessed: 22.01.2025).

4. Statute of Limitations for Recovery of Corruption Assets: Lawyers Debated Them in the Constitutional Court [Electronic resource] // Pravo.ru. – 2024. – URL: https://pravo.ru/story/255429 (accessed: 08.10.2024).

5. Brief Description of the State of Crime in the Russian Federation for January – December 2023 [Electronic resource] // Ministry of Internal Affairs of Russia. – URL: https://мвд.рф/reports/item/47055751/ (accessed: 20.01.2024).

6. House Arrest of a Former Judge and Active Contrition – The Supreme Court for April [Electronic resource] // Pravo.ru. – 2023. – URL: https://pravo.ru/story/246843 (accessed: 20.06.2023).

7. Prosecutors Forced Officials to Return Over 163 Billion Rubles of Debt to Businesses [Electronic resource] // PASMI.ru. – 2020. – URL: https://pasmi.ru/archive/277972 (accessed: 10.08.2020).

8. Abramenko V.B. Confiscation of Property as a Means of Preventing Crimes in the Sphere of Economic Activity: diss. … cand. of jurid. sciences: 12.00.08 / Abramenko Valery Borisovich; All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – Moscow, 2010. – 200 p.

9. New Review of the Constitutional Court: Legal Positions on the Certainty of Criminal Law [Electronic resource] // Pravo.ru. – 2020. – URL: https://pravo.ru/news/22734 (accessed: 13.11.2020).

10. Zatsepin M.N., Zatsepin A.M. Criminological Policy as a Role of Social Measures of a Legal Nature // Crimean Legal Readings. Ensuring National Security of the Russian Federation and Measures to Counteract Manifestations of Extremism and Falsification of the Historical Past: collection of materials of the All-Russian scientific-practical conference (Simferopol, June 2, 3 and 10, 2022) / ed. by N.N. Kolyuka; comp. by S.V. Gerasimovsky, A.P. Sergeeva. – Simferopol, 2022. – Vol. I. – Pp. 284–290.

11. Titov Stated that Business Security in Russia Depends on the Reform of Law Enforcement Agencies [Electronic resource] // PASMI.ru. – URL: https://pasmi.ru/archive/243640/ (accessed: 27.09.2019).

12. Patent Fraudsters Have Developed Three Schemes to Deceive Businesses [Electronic resource] // Pravo.ru. – URL: https://pravo.ru/news/254628 (accessed: 14.08.2024).

Актуальные особенности и тенденции преступных нарушений права на свободу совести и свободу вероисповедания

Иванова Татьяна Евгеньевна,
адъюнкт Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя
E-mail: vnvttn13@yandex.ru

Статья посвящена исследованию актуальной уголовно-правовой и криминологической проблемы, связанной с повышением эффективности противодействия преступлениям, нарушающим свободу совести и свободу вероисповедания, с учетом присущих им специфических черт и тенденций. Цель научного исследования заключалась в получении нового знания, развивающего теоретические представления о проблемах и востребованных изменениях в регламентации и непосредственном осуществлении уголовно-правовой охраны конституционного права на свободу совести и свободу вероисповедания. В работе рассмотрены особенности и тенденции, присущие соответствующим преступлениям, при этом автор использовал актуальные нормативные и теоретические источники, опубликованную судебную практику. В ходе исследования применялись всеобщий диалектический метод, общенаучные и частнонаучные методы включая сравнительно-правовой метод и метод правового моделирования. Статья завершается выводами и предложениями, направленными на совершенствование анализируемого уголовно-правового запрета и практики его применения.

Ключевые слова: особенности и тенденции преступлений, право на свободу совести и свободу вероисповедания, уголовно-правовая охрана.

Уголовно-правовая охрана конституционного права на свободу совести и свободу вероисповедания обеспечивается посредством ст. 148 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), содержащей два основных и два квалифицированных состава преступления, призванных закрепить и дифференцировать ответственность за наиболее типичные нарушения такого права, обладающие общественной опасностью, свойственной преступным деяниям[1, с. 10–12].

Первый основной состав преступления, закрепленный в ч. 1 ст. 148 УК РФ, содержит признаки оскорбления религиозных чувств верующих, если соответствующие действия совершены публично и при этом выражают явное неуважение к обществу, а квалифицированный вид данного состава в ч. 2 ст. 148 УК РФ усиливает ответственность за эти действия с учётом специфического места их совершения, в пределах которого проводятся богослужения, осуществляются иные религиозные обряды и церемонии. Второй же основной состав преступления, закрепленный в ч. 3 ст. 148 УК РФ, отражает юридическую структуру иного деяния, выражающегося в незаконном создании препятствий для деятельности религиозных организаций, проведения богослужений, иных религиозных обрядов, церемоний, а его квалифицированный вид, предусмотренный в ч. 4 этой же статьи, включает альтернативные квалифицирующиеся признаки, заключающиеся в совершением деяния либо лицом, использующим для этого свое служебное положение (п. «а»), либо с применением насилия или с угрозой его применения (п. «б»).

По нашему мнению, одним из основных требований, которым должна отвечать норма Особенной части УК РФ, является ее адаптационная емкость, обеспечивающая устойчивую эффективность данной нормы и полноту охраны соответствующих общественных отношений в условиях динамичного развития последних, появления новых способов и других обстоятельств их нарушения. Для того чтобы тот или иной уголовно-правовой запрет изначально соответствовал этому требованию и продолжал отвечать ему в дальнейшем, необходимо, на наш взгляд, создавать для этого прочную доктринальную основу, позволяющую установить актуальные особенности и тенденции, присущие деяниям, образующим предмет данного запрета. Формирование такой основы, актуализирующейся посредством обобщения результатов современных научных исследований не только текущего, но еще и прогнозируемого состояния и тенденций развития охраняемых общественных отношений и преступных посягательств на таковые, а также практики противодействия данным преступлениям.

Особенности рассматриваемых преступных деяний, по нашему мнению, целесообразно рассматривать в трех аспектах – формальном (законодательном), материальном (практическом) и теоретическом (научном). Тем самым можно установить, насколько правовая модель, закрепленная в соответствующей норме уголовного закона, соответствует фактическим обстоятельствам совершения рассматриваемых общественно опасных действий, в первую очередь входящим в структуру механизма их осуществления, и, как следствие, сделать выводы относительно востребованности и направлений совершенствования регламентации данных уголовно-правовых запретов.

Применительно к первому основному составу преступления, закрепленному в ч. 1 ст. 148 УК РФ, формальные особенности преимущественно связаны, во-первых, с целевой группой потенциальных потерпевших от данных преступных действий, обозначенной в уголовном законе словом «верующие», оставляющей тем самым «за бортом» уголовно-правовой охраны интересы сопоставимой социальной группы граждан, не являющихся верующими; во-вторых, со специфическими свойствами внешнего проявления противоправных действий, состоящими в сочетании публичности и выражения явного неуважения к обществу, причем без ограничения последнего исключительно его верующей частью; в-третьих, с направленностью данных действий на оскорбление религиозных чувств верующих, что добавляет этому составу преступления еще два оценочных признака в виде оскорбления и религиозных чувств. При установлении последних на практике преимущественно опираются на определение оскорбления в ст. 5.61 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и соответствующие выводы в заключении эксперта (экспертов).

В квалифицированном составе этого преступления основная формальная особенность связана с указанием в уголовном законе на то,

что возможные места совершения преступных действий должны быть специально предназначены для проведения богослужений, иных религиозных обрядов и церемоний, а не фактически использоваться для этого вне зависимости от наличия или отсутствия такого специального предназначения. Тем самым сужается область применения ч. 2 ст. 148 УК РФ, в том числе касательно случаев публичного оскорбления религиозных чувств верующих в периоды религиозных праздников, когда богослужения или другие обряды и церемонии приобретают широкомасштабный характер и проводятся в различных местах, в том числе специально не предназначенных для этого.

Законодательные особенности второго основного состава преступления, предусмотренного в ч. 3 ст. 148 УК РФ, заключаются, во-первых, в обозначении запрещенного деяния с помощью термина «воспрепятствование» без использования каких-либо уточнений и дополнительных характеристик относительно способов, степени или возможных последствий такого воспрепятствования[2, с. 119–120]; во-вторых, в ограничении потенциальных объектов воспрепятствования за счет указания на религиозные организации, а не на все религиозные объединения, что сужает область применения данного уголовно-правового запрета[3, с. 43–44]; в-третьих, в отсутствии уточнения относительно того, что воспрепятствование касается исключительно законной деятельности граждан или религиозных организаций, а также на то, что эта деятельность должна иметь именно религиозный, а не иной характер, например, связанный с сопутствующим предпринимательством.

Квалифицирующие признаки, содержащиеся в ч. 4 ст. 148 УК РФ, несколько сужают усмотрение правоприменителя при толковании предыдущей части этой статьи, поскольку выделяют конкретные способы воспрепятствования (применение насилия, угроза его применения, использование служебного положения), а также возможного специального субъекта этого преступления (лицо, использующее свое служебное положение), что, впрочем, не упрощает толкование признаков основного состава.

Далее остановимся на особенностях и тенденциях совершения рассматриваемых преступных действий, наблюдаемых на практике.

Так одной из основных особенностей, ставшей устойчивой тенденцией совершения публичного оскорбления религиозных чувств верующих, является совершение соответствующих преступных действий с использованием информационно-коммуникационных технологий – сайтов, социальных сетей, мессенджеров. Эти особенность и тенденция одновременно характеризуют используемые для совершения данных оскорбительных действий способ и средства, придающие им публичный характер, а также способность выражать явное неуважение к обществу.

Выше мы отметили, что ч. 2 ст. 148 УК РФ потенциально не может распространяться на случаи, когда публичное оскорбление религиозных чувств верующих совершается в местах, где верующие фактически проводят богослужения, иные религиозные обряды и церемонии, но формально такие места не являются специально предназначенными для таких целей. При наличии других признаков соответствующие публичные действия квалифицируются по ч. 1 ст. 148 УК РФ.

Необходимость выбора между ч. 1 и ч. 2 ст. 148 УК РФ при юридической оценке содеянного на практике возникает и в случаях, когда оскорбление чувств верующих, хотя и связано с указанными специально отведенными местами, но в процессе своего совершения проходит несколько взаимосвязанных этапов, приобретая свойства публичности и выражения явного неуважения к обществу на самом последнем из них, когда соответствующая информация размещается в открытом доступе, например, на личной странице в социальной сети. При этом сами оскорбительные для верующих действия, совершаемые на первом этапе реализации преступного умысла, протекают в обстановке, не предполагающей восприятие происходящего широким, неограниченным кругом лиц, несмотря на место, выбранное виновными, в качестве которого нередко выступают храмы или иные места, специально предназначенные для богослужений или иных религиозных мероприятий.

Увеличение числа уголовно-правовых запретов в области противодействия экстремизму отражается на юридической оценке соответствующих посягательств, которой все более присуща констатация в содеянном идеальной или реальной совокупности одного и того же вида и (или) нескольких видов преступлений. Этому также способствует присущая личности экстремистов устойчивая криминальная мотивация, основанная на идеях религиозной, национальной, политической, идеологической и иной социальной ненависти или вражды.

Например, В. был осужден за два преступления, состоящие в публичной реабилитации нацизма (п. «в» ч. 2 ст. 3541, ч. 4 ст. 3541 УК РФ, и два преступления, заключающиеся в публичных действиях, выражающих явное неуважение к обществу, направленных на оскорбление религиозных чувств верующих – мусульман (ч. 1 ст. 148 УК РФ). Все преступления В. совершил посредством изготовления и размещения в сети «Интернет» видеозаписей, на которых он открыто сообщает оскорбительные, не соответствующие действительности сведения не только в отношении Красной Армии, ее солдат и действий в Великой Отечественной войне, но и в отношении священной для мусульман книги – Корана и ислама в целом[4].

По другому уголовному делу Ш. был осужден за реабилитацию нацизма, осквернение символов воинской славы и оскорбление религиозных чувств верующих – христиан. Установлено, что преступления совершены с разрывом во времени в 2023 г., когда Ш. находился в Армении, при этом все деяния объединяет общий способ их осуществления, состоящий в подготовке видеозаписи соответствующего содержания с последующим ее размещением на открытой личной странице в социальной сети. Одно из этих преступлений заключалось в том, что Ш. с помощью своего мобильного телефона записал видео, на котором изображено как он прибивает чужую фотографию и свой военный билет поверх деревянного распятия, после чего наложил на видеозапись сочиненное им стихотворение с оскорбительным содержанием и разместил полученный результат в сети «Интернет» [5].

Сами обвиняемые (подсудимые) свое противоправное поведение в указанных выше и в других случаях преимущественно объясняют «свободой слова» при отсутствии намерения «навредить» безопасности государства, основам его конституционного строя, равно как оскорбить религиозные чувства верующих, а также указывают на отсутствие причиненного ими «реального» вреда и якобы избыточно репрессивный подход к оценке их поведения[6, с. 60–61]. Данные противоправные действия могут «прикрываться» заявлениями о проведении иных обрядов и церемоний, например, относящихся к язычеству, причем таковые сами по себе также не всегда остаются вне сферы применения уголовного закона, например, в случаях жестокого обращения с животными[7, с. 75–77; 8, с. 60–62]. Для опровержения подобных объяснений и заявлений на практике целесообразно последовательно исследовать и приводить обстоятельства, характеризующие личность и особенности внешнего проявления поведения обвиняемого, в том числе предшествующего непосредственному совершению преступления, сопутствующего таковому, а равно следующего за ним.

В продолжение рассмотрения особенностей и тенденций исследуемых уголовно наказуемых деяний в их практическом и теоретическом аспектах отметим, что в последние годы набирают популярность вопросы использования возможностей искусственного интеллекта при совершении различных преступлений, в том числе предусмотренных ч. 1 или ч. 2 ст. 148 УК РФ[9, с. 43].

В частности, с помощью нейросетей могут быть созданы любые образы, которые весьма трудно отличить от изображений реальных объектов, в том числе людей, зданий, различных предметов. Также имитации поддаются голос и другие звуки. Соответствующие изображения и звуки могут демонстрироваться не только «ретроспективно», но и «активно», то есть с имитацией происходящего якобы в реальном времени. Несмотря на то, что такие изображения и звуки представляют собой продукты информационно-коммуникационных технологий, за ними стоят определенные люди, прилагающие к этому свои сознание и волю, а также осуществляющие определенные действия, в том числе задающие параметры для получения желаемого информационного результата. Тем самым имеются все объективные и субъективные признаки конкретного преступления, например, предусмотренного ч. 1 или ч. 2 ст. 148 УК РФ.

Использование широких возможностей непрерывно развивающихся технологий искусственного интеллекта, создает предпосылки для вовлечения в преступную деятельность все большего числа лиц, в том числе относящихся к случайному и ситуативному типам преступников. Эти технологии способствуют формированию мнения об относительной безопасности нарушений закона в силу кажущейся анонимности рассматриваемой противоправной активности. Они также значительно облегчают совершение преступлений, например, не требуя посещать храмы или пространство около них для производства фото– и видеосъемки оскорбительного контента.

Вместе с тем, по нашему мнению, высказываемое в настоящее время предложение о закреплении во многих статьях Особенной части и (или) в ч. 1 ст. 63 УК РФ квалифицирующего (отягчающего) обстоятельства в виде использования при совершении преступления искусственного интеллекта требует взвешенного, научно обоснованного подхода. В частности, полагаем, что при закреплении такого обстоятельства в ст. 63 УК РФ целесообразно одновременно указать, что оно применяется по усмотрению суда с учетом особенностей конкретного преступления, влияния на уровень его общественной опасности. В ряде случаев, как представляется, использование нейросетей не повы-

шает общественную опасность деяния, поскольку, например, при совершении действий, наказуемых по ч. 1 или ч. 2 ст. 148 УК РФ, с реальным «выходом на место», например, на площадь перед храмом, где записывается то или иное провокационное видео для его размещения в социальной сети, нельзя признать менее социально опасным, чем имитация присутствия в соответствующем месте.

Применительно к преступлениям, предусмотренным ч. 3 и ч. 4 ст. 148 УК РФ, отметим, что таковые остаются вне пристального внимания практических работников и ученых, поскольку встречаются крайне редко и то в случаях, когда они сопряжены с деяниями, посягающими на иные объекты уголовно-правовой охраны.

Например, Р.Н.ВА. был осужден с учетом совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 330, ч. 3 ст. 148, п. «в» и п. «г» ч. 1101 УК РФ. По делу установлено, что Р.Н.ВА. был лишен священного сана и отлучен от Русской Православной Церкви, что ему было известно. На момент посещения епархиальной комиссией Среднеуральского женского монастырь он дал указание не пускать в монастырь представителей Епархии, прибывших для инвентаризации недвижимого имущества, а также создал препятствия для проведения молебна в храме в честь иконы Божией Матери. Кроме того, Р.Н.ВА. дал указание разместить в сети «Интернет» видеозапись, сделанную в храме, на которой он задавал вопросы нескольким людям, давая им определенные установки на совершение самоубийства, основанные, в частности на героизации образа смерти[10].

Полагаем, что почти полное отсутствие практики применения ч. 3 и ч. 4 ст. 148 УК РФ обусловлено не только присутствующими в них оценочными признаками, включая «воспрепятствование», но и тем, что данными уголовно-правовыми запретами права на свободу совести и свободу вероисповедания охраняются в ограниченном объеме, не затрагивая не только деятельность всех религиозных объединений, но еще и другие направления реализации этого права, например, связанные с возможностью беспрепятственного выбора человеком той или иной религии, своего отношения к ней.

Завершая настоящую работу, отметим, что основные законодательные, практические и теоретические особенности составов преступлений, предусмотренных ст. 148 УК РФ, связаны с присущими рассматриваемым составам преступлений оценочными признаками, обозначенными в уголовном законе словами и словосочетаниями «публичный», «явное неуважение к обществу», «оскорбление», «религиозные чувства», «верующие», «воспрепятствование». Полагаем, что для придания толкованию этих признаков единообразного характера целесообразно обобщить соответствующую правоприменительную практику и относящиеся к ней доктринальные позиции и подготовить на этой основе постановление Пленума Верховного Суда РФ, содержащее разъяснения по обозначенным и другим вопросам применения данной уголовно-правовой нормы. Также обратим внимание на то, что разъяснения высшей судебной инстанции, несмотря на их важность и ценность для практики, не снимут вопросы относительно совершенствования положений ст. 148 УК РФ, направленного как на устранение выявленных недостатков, так и на принятие во внимание наметившихся тенденций совершения предусмотренных в ней преступлений.

Литература

1. Юрков С.А. К вопросу об уголовной ответственности за нарушение свободы совести и вероисповеданий // Администратор суда. 2025. № 1. С. 10–15.

2. Синцов В.А. Квазипреступления в уголовном праве России // Российский юридический журнал. 2025. № 6. С. 117–130.

3. Иванцов С.В. Институциональные основы формирования уголовно-правовых запретов о нарушении права на свободу совести и вероисповеданий // Российский следователь. 2024. № 1. С. 43–46.

4. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15 января 2026 г. № 14-УД25–15-А1 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 15 апреля 2025 г. по делу № 55–139/2025 (УИД 63OS0000–01–2024–002163–45) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Чуклина Э.Ю. «Преступления без вреда» в уголовном праве Великобритании, США и России // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2026. № 3. С. 54–68

7. Хромов Е.В. Уголовная ответственность за осуществление магической практики (колдовство) // Уголовное право. 2025. № 10. С. 67–82.

8. Хромов Е.В. Жестокое обращение с животными // Уголовное право. 2026. № 4. С. 52–68.

9. Капитонова Е.А. Визуальный фейк, созданный посредством нейросети: социально-правовые риски и проблемы квалификации // Закон. 2024. № 1. С. 39–48.

10. Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 28 сентября 2022 г. № 77–3244/2022 (УИД 77RS0010–02–2021–013001–90) // СПС «КонсультантПлюс».

CURRENT FEATURES AND TRENDS OF CRIMINAL VIOLATIONS OF THE RIGHT TO FREEDOM OF CONSCIENCE AND FREEDOM OF RELIGION

Ivanova T.E.

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article is devoted to the study of an urgent criminal law and criminological problem related to improving the effectiveness of countering crimes that violate freedom of conscience and freedom of religion, taking into account their specific features and trends. The purpose of the scientific research was to gain new knowledge, developing theoretical ideas about the problems and necessary changes in the regulation and direct implementation of criminal law protection of the constitutional right to freedom of conscience and freedom of religion. The paper examines the features and trends inherent in the relevant crimes, while the author used current normative and theoretical sources, published judicial practice. The research applied the universal dialectical method, general scientific and private scientific methods, including the comparative legal method and the method of legal modeling. The article concludes with conclusions and suggestions aimed at improving the analyzed criminal law prohibition and the practice of its application.

Keywords: features and trends of crimes, the right to freedom of conscience and freedom of religion, criminal law protection.

References

1. Yurkov S.A. On the Issue of Criminal Liability for Violating Freedom of Conscience and Religion // Court Administrator. 2025. No. 1. Pp. 10–15.

2. Sintsov V.A. Quasi-Crimes in the Criminal Law of Russia // Russian Law Journal. 2025. No. 6. Pp. 117–130.

3. Ivantsov S.V. Institutional Foundations for the Formation of Criminal-Law Prohibitions on Violating the Right to Freedom of Conscience and Religion // Russian Investigator. 2024. No. 1. Pp. 43–46.

4. Cassation Ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 15, 2026, No. 14-UD25–15-A1 // SPS ConsultantPlus.

5. Appellate Ruling of the Fourth Appellate Court of General Jurisdiction dated April 15, 2025, in Case No. 55–139/2025 (UID 63OS0000–01–2024–002163–45) // SPS ConsultantPlus.

6. Chuklina E. Yu. “Crimes without Harm” in the Criminal Law of Great Britain, the USA, and Russia // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2026. No. 3. Pp. 54–68

7. Khromov E.V. Criminal Liability for Carrying Out Magical Practices (Witchcraft) // Criminal Law. 2025. No. 10. Pp. 67–82.

8. Khromov E.V. Cruelty to Animals // Criminal Law. 2026. No. 4. Pp. 52–68.

9. Kapitonova E.A. Visual Fake Created Using a Neural Network: Social and Legal Risks and Qualification Issues // Law. 2024. No. 1. Pp. 39–48.

10. Cassation Ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated September 28, 2022 No. 77–3244/2022 (UID 77RS0010–02–2021–013001–90) // SPS ConsultantPlus.

Нарушения налогового законодательства на рынке ценных бумаг в Российской Федерации

Карпов Кирилл Александрович,
к.ю.н., доцент кафедры финансового права, Университет имени О.Е Кутафина (МГЮА)

В условиях развития финансово-правового регулирования рынка ценных бумаг в Российской Федерации, увеличения числа розничных инвесторов на этом рынке, возрастает количество правонарушений, которые связаны с неисполнением требований налогового законодательства нашей страны участниками данного рынка. В работе автор уделяет внимание соотношению различных категорий ответветственности. Также в исследовании рассматриваются различные ситуации, которые связаны с нарушением налогового законодательства на фондовом рынке. В том числе автор отмечает, что ФНС России имеет право осуществлять проверки нарушений налогового законодательства в данной сфере финансовых отношений во взаимодействии с правоохранительными органами и органами государственной безопасности, что позволяет выявлть и пресекать действия нарушителей финансового законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: рынок ценных бумаг, налоговое законодательство, вина, ФНС России, брокеры, вычеты, штраф, офшорные структуры, притворные сделки, органы государственной безопасности.

В современной России рынок ценных бумаг планомерно развивается: увеличивается количество розничных инвесторов, которые осуществляют вложения своих денежных средств в национальный фондовый рынок, что несомененно важно в период проведения Специальной военной операции и поддержки увеличения государственных расходов посредством приобретения облигаций федерального займа (далее – ОФЗ). Тем не менее, в юридической науке постоянно проводятся дискуссии касаемо разграничения различных видов ответственности[1], включая и вопросы, связанные с соотношением финансово-правовой ответственности, финансовой ответственности с административной ответственностью и ответственностью за нарушения финансового законодательства. В рамках данного исследования считаем необходимым уделить внимание вопросам, которые связаны с изучением нарушений налогового законодательства на рынке ценных бумаг в современной России.

В целом, необходимо понимать, что налогообложение как социальный институт выражает отношения между личностью и обществом в целом по поводу выполнения гражданами и организациями конституционной обязанности уплачивать законно установленные налоги и сборы[2]. В этой связи необходимо уделить внимание ряду проблем, которые продолают существовать в настоящее время в нашей стране в рамках налогового законодательства: масштабность теневого сектора экономики, сокрытие части доходов, в том числе совершение налоговых правонарушений и нарушений законодательства о налогах и сборах. Ввиду этого отметим, что девиантное налоговое поведение имеет негативные последствия для отдельных экономических субъектов и государства в целом. Следовательно, налоговые правонарушения в современной России – достаточно распространенные противоправные деяния, которые существенно тормозят проведение социально-экономических реформ и ставят под угрозу интересы всего общества в целом[3]. Уместно, на наш взгляд, заметить, что необходимо различать понятия «налоговые правонарушения» и «нарушения законодательства о налогах и сборах». Последний термин является более широким, потому что, помимо налоговых правонарушений, включает нарушения законодательства о налогах и сборах, содержащие признаки административного правонарушения и признаки преступления. В отличие от налоговых правонарушений ответственность за них предусмотрена не только Налоговым Кодексом нашего государства, но и другими нормативными правовыми актами, такими как Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации и другие[4]. По замечанию Ю.А. Крохиной современное состояние российской правовой системы таково, что каждый вид нарушений законодательства о налогах и сборах регулируется самостоятельной отраслью права: финансовым, административным, таможенным или уголовным[5].

Необходимо учитывать, что статья 106 НК РФ детерминирует понятие налогового правонарушения[6], в рамках которого вина является обязательным его элементом. Так, в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 17.12.1996 года № 20-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года «О федеральных органах налоговой полиции» определено налоговое правонарушение, как противоправное виновное деяние, совершенное в двух формах: умышленно либо по неосторожности[7]. Данная позиция была развита в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 41, Пленума ВАС РФ

[1] Сладкова А.В. Административное принуждение в области рынка ценных бумаг: монография. – Москва: Проспект, 2021. С. 15–19.

[2] Курочкин В.В., Осетрова Н.И.: К вопросу о понятии налога // Вестник Финансового университета. 2003. № 3 С. 12–20.

[3] Филиппова Н.А., Макевнина Д.Ю.: Налоговые правонарушения: в регионе // Регионология. 2012. № 2 (79) С. 110–114.

[4] Сыропятова Н.В.: Юридическая ответственность за нарушение законодательства о налогах и сборах // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2009. № 4. С. 70–78.

[5] Крохина Ю.А.: Ответственность за нарушение налогового законодательства: понятие, стадии и механизм реализации // Хозяйство и право. 2003. № 5.С. 104.

[6] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 31.07.1998 N 146-ФЗ // «Собрание законодательства РФ» 1998. № 31. Ст. 3824.

[7] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.12.1996 N 20-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11

№ 9 от 11.06.1999 года «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие части первой Налогового кодекса Российской Федерации». Так, в совместном Постановлении Верховный и Высший Арбитражный Суды определили вину, как обязательное условие привлечения лица к ответственности за налоговое правонарушение в силу статей 106, 108 и 109 НК РФ[1]. Данная позиция была также подтверждена в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 30 июля 2001 года № 13-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 7 пункта 1 статьи 7, пункта 1 статьи 77 и пункта 1 статьи 81 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в связи с запросами Арбитражного суда Воронежской области, Арбитражного суда Саратовской области и жалобой открытого акционерного общества «Разрез «Изыхский”»[2].

В целом, целесообразно отметить, что в науке финансового права выделяют разлчные виды налоговых правонарушений. Так, в зависимости от степени общественной опасности можно выделить:

1. основной (простой), который содержит минимально необходимую совокупность объективных и субъективных признаков, имеющих место при совершении какого-либо конкретного вида налогового правонарушения;

2. квалифицированный, требующий для своего определения дополнительные признаки противоправного деяния, повышающего уровень общественной опасности содеянного;

3. привилегированный, который требует для своего определения дополнительные признаки противоправного деяния, понижающие уровень общественной опасности содеянного в сфере нормального функционирования налогового законодательства[3].

В том числе, в зависимости от формы совершения противоправного деяния выделяют:

1. действия налогоплательщика, налогового агента или иных лиц;

2. бездействия налогоплательщика, налогового агента или иных лиц;

3. совокупности действий и бездействий.

Также следует выделять налоговые правонарушения в зависимости от особенностей конструкции объективной стороны правонарушений (то есть от того, учитываются ли последствия совершенных противоправных деяний правонарушителями):

1. материальный, предполагающий наступление негативных последствий и причинной связи между совершенным деянием и наступлением последствий; отсутствие причинной связи исключает привлечение к ответственности;

2. формальный, при котором для привлечения виновного к ответственности достаточно самого факта совершения деяния; наличие или отсутствие негативных последствий не учитывается.

В зависимости от непосредственного объекта состава налоговых правонарушений выделяют правонарушения, посягающие:

1. на материальные фискальные права, нарушающие общественные отношения, которые обеспечивают уплату и изъятие налога;

2. на процессуальные фискальные права, нарушающие общественные отношения, обеспечивающие учет налогоплательщиков, производство налогового контроля, осуществление производства по делам о налоговых правонарушениях[4].

Целесообразно разделить налоговые правонарушения на имущественные и организационные. Данное деление зависит от объекта противоправного посягательства. Так, нарушения, которые посягают на общественные отношения, обеспечивающие уплату налога, – имущественные налоговые правоотношения. Однако, противоправные деяния, которые посягают на обеспечивание проведение налогового контроля, – организационные налоговые правонарушения[5].

Говоря о налоговых нарушениях на рынке ценных бумаг, то стоит заметить, что данной сфере финансовых отношений присущ специфический круг субъектов: брокеры, дилеры, депозитарии, клиринговые центры, участники торгов, организаторы торговли и тд. Перечень данных участников достаточно большой, включая также и государственные органы (Банк России Правительство Российской Федерации, Министерство финансов, Федеральное казначейство, Федеральное агентство по управлению государственным имуществом и тд.). Каждое из перечисленных ранее ведомств осуществляет свои полномочия на этом рынке. Достаточно часто можно слышать такую позицию, что налоговым агентом может выступать только работадатель для своего работника. Однако, им же может выступать и брокер для розничного инвестора, который осуществляет через него операции на фондовом рынке: дает поручения своему брокеру на покупку или продажу финансовых инструментов, а также посредством брокера инвесторы получают дивиденды от акций, которые находятся у них в собственности. При получении дививдендов именно брокером удерживается налог на доходы физических лиц. Логично, что в данной ситуации налоговым агентом выступает именно брокер, так как розничным инвесторам нет необходимости в изучении нормативных правовых актов Российской Федерации, включая и нормативные документы ФНС России по особенностям заполнения соответствующей налоговой отчетности[6]. Фактически простота получения дивидендов и является важнейшим плюсом для российских инвесторов, что и привлекает их на национальный рынок ценных бумаг.

В целом, можно выделить несколько составов нарушений налогового законодательства Российской Федерации в сфере рынка ценных бумаг, которые регулируются НК РФ. В первую очередь на основании статьи 119 НК РФ лицо, которое не предоставит в установленные сроки декларацию может быть привлечено к ответственности в виде штрафа. Говоря о тематике нашего иссследования, то на фондовом рынке данный вопрос имеет ключевое значение, так как любые операции на этом рынке они учитываются как брокером, так и в рамках самой биржи и центрального депозитария и национального клирингового центра. В этой связи физические лица – розничные инвесторы обязаны в надлежащие сроки предоставлять соответствующие деларации в рамках проведенных ими сделок на рынке. Помио вышеизложенного на рынке ценных бумаг возникают ситуации, когда профессиональные участники данного рынка умышленно занижают налоговую базу и искажают сведения, что подпадает под нарушения статьи 54.1 НК РФ. Можно выделить несколько таких способов, которыми пользуются недобросовестные участники рынка:

1. осуществление мнимых и притворных сделок (так называемых фкитивных) с «техническими» контрагентами для создания убытков и занижения налоговой базы при переносе этих убытков в следующие периоды в соответствии со статьями 220.1 и 281.1 НК РФ);

2. искусственное завышение расходов (комиссий, вознаграждений) при операциях с финансиовыми инструментами;

3. использование офшорных структур для перераспределения доходов и применения пониженных ставок по налогам.

На практике подобные схемы часто квалифицируются как злоупотребление правом и приводят к доначислению налогов, пеней и штрафов[7].

Также возникают противоправные действия, которые связаны с нарушением налогового законодательства при реализации своих обязанностей участниками рынка ценных бумаг, которые выступабт в качестве налоговых агентов. Так, брокеры, включая также и кредитные организации, которые тоже могут оказывать брокерские услуги, и иные профессиональные участники, выступающие налоговыми агентами, обязаны удерживать налоги с доходов клиентов и своевременно перечислять их в бюджетную систему нашего государства. По нашему мнению, такие нарушения могут выражаться в:

1. несвоевременном удержании или перечислении налогов;

2. неправильном расчете налоговой базы (например, без учета убытков прошлых лет или налоговых вычетов);

3. ошибочном применении налогово ставок (в особенности при работе с нерезидентами).

В этих случаях налоговая ответственность наступает в соответствии со статьей 123 НК РФ.

Важно отметить, что при осуществлении налогового контроля в рамках рынка ценных бумаг ФНС России осуществляет свои кон-

Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года «О федеральных органах налоговой полиции». «Собрание законодательства РФ» 1997. № 1. Ст. 197.

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 41, Пленума ВАС РФ № 9 от 11.06.1999 года «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие части первой Налогового кодекса Российской Федерации». «Российская газета» 1999. № 128.

[2] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 июля 2001 года № 13-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 7 пункта 1 статьи 7, пункта 1 статьи 77 и пункта 1 статьи 81 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в связи с запросами Арбитражного суда Воронежской области, Арбитражного суда Саратовской области и жалобой открытого акционерного общества «Разрез «Изыхский”». РГ. 2001. № 150.

[3] Налоговое право: учебник для бакалавров / отв.ред. Е.Ю. Грачева, О.В. Болтинова. – М.: П, 2016. С. 151–152.

[4] Финансовое право: учебник для бакалавров / отв. ред. Е.Ю. Грачева. – М.: П, 2016. – С. 308.

[5] См.: Сыропятова Н.В.: Юридическая ответственность за нарушение законодательства о налогах и сборах // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2009. № 4. С. 72.

[6] Приказ Федеральной налоговой службы от 10 сентября 2015 года № ММВ-7–11/387@ «Об утверждении кодов видов доходов и вычетов». Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти от 21 декабря 2015 г. № 51.

[7] Экс-глава Mind Money признала вину по «делу брокеров» о хищении 7 млрд. // URL: https://www.rbc.ru/finances/07/08/2026/6a74818d9a7947c2f669e586 (дата обращения: 07.08.2026).

трольные мероприятия во взаимодействии с правоохранительными органами[1] и органами государственной безопасности[2], что подтверждается соответствующими нормативными документами[3].

Говоря о зарубежном опыте, то принято выделять два ключевых подхода к установлению санкций за налоговые правонарушения[4].

Так, выделим, «американский» подход, характеризующейся применением жестких санкций за налоговые правонарушения, криминализацией значительного количества налоговых правонарушений. Жесткость санкций за налоговые преступления в законодательстве достигается не только использованием такого уголовного наказания, как тюремное заключение, но и комбинированием штрафных санкций, способных вызвать ощутимые последствия для правонарушителя.

Вторая тенденция зарубежного законодательства в вопросе установления налоговых санкций – европейский подход. Он отличается более гуманным отношением к нарушителям налоговых предписаний. Одним из направлений реформирования налогового законодательства является декриминализация ряда налоговых деликтов. Уголовные наказания заменяются различными доплатами к налогам, установленными не судами, а административными органами. Повторное совершение налогового правонарушения одним и тем же лицом приводит к увеличению штрафных санкций.

В заключение, необходимо отметить, что налоговые правонарушения в сфере рынка ценных бумаг, регулируемые НК РФ, должны стать основным элементом в регулировании противоправных общественных отношений, которые направлены против налоговой системы Российской Федерации. Считаем, что законодателю необходимо провести изменения, целью которых станет единое для всех отраслей законодательства и права понятие налоговых правонарушений, без деления на налоговые правонарушения законодательства о налогах и сборах.

Литература

1. Крохина Ю.А.: Ответственность за нарушение налогового законодательства: понятие, стадии и механизм реализации // Хозяйство и право. 2003. № 5.С. 104.
2. Курочкин В. В., Осетрова Н.И.: К вопросу о понятии налога // Вестник Финансового университета. 2003. № 3 С. 12–20.
3. Налоговое право: учебник для бакалавров / отв.ред. Е.Ю. Грачева, О.В. Болтинова. – М.: П, 2016. 496 с.
4. О.А. Федорова, Ю.О. Скорлупина, А.С. Кузнецов.: Зарубежный и российский опыт борьбы с налоговыми правонарушениями: основные подходы к установлению налоговых санкций. Актуальные проблемы бухгалтерского учета, анализа и аудита. Т. 2. 2016. С. 319–322.
5. Сладкова А.В. Административное принуждение в области рынка ценных бумаг: монография. – Москва: Проспект, 2021. 283 с.
6. Сыропятова Н.В.: Юридическая ответственность за нарушение законодательства о налогах и сборах // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2009. № 4. С. 70–78.
7. Сыропятова Н.В.: Юридическая ответственность за нарушение законодательства о налогах и сборах // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2009. № 4. С. 72.
8. Филиппова Н.А., Макевнина Д.Ю.: Налоговые правонарушения: в регионе // Регионология. 2012. № 2 (79) С. 110–114.
9. Финансовое право: учебник для бакалавров / отв. ред. Е.Ю. Грачева. – М.: П, 2016. – С. 308.

TAX VIOLATIONS IN THE SECURITIES MARKET IN THE RUSSIAN FEDERATION

Karpov K.A.
O.E. Kutafin University

In the context of the development of financial and legal regulation of the securities market in the Russian Federation, and an increase in the number of retail investors in this market, the number of offenses related to non-compliance with the requirements of the tax legislation of our country by participants in this market will increase. In the work, the author pays attention to the correlation of different categories of responsibility. The study also examines various situations that are associated with violations of tax laws in the stock market. In particular, the author notes that the Federal Tax Service of Russia has the right to verify violations of tax legislation in this area of financial relations in cooperation with law enforcement agencies and state security agencies, which makes it possible to identify and stop the actions of violators of the financial legislation of the Russian Federation.

Keywords: the securities market, tax legislation, guilt, the Federal Tax Service of Russia, brokers, deductions, fine, offshore structures, fake transactions, state security agencies.

References

1. Krokhina Yu.A.: Liability for Violation of Tax Legislation: Concept, Stages, and Implementation Mechanism // Business and Law. 2003. No. 5. P. 104.
2. Kurochkin V.V., Osetrova N.I.: On the Concept of Tax // Bulletin of the Financial University. 2003. No. 3. Pp. 12–20.
3. Tax Law: Textbook for Bachelors / Ed.E. Yu. Gracheva, O.V. Boltinova. – Moscow: P, 2016. 496 p.
4. O.A. Fedorova, Yu.O. Skorlupina, A.S. Kuznetsov.: Foreign and Russian Experience in Combating Tax Offenses: Main Approaches to Establishing Tax Sanctions. Current Issues of Accounting, Analysis, and Audit. T. 2. 2016. P. 319–322.
5. Sladkova A.V. Administrative Coercion in the Securities Market: Monograph. – Moscow: Prospect, 2021. 283 p.
6. Syropyatova N.V.: Legal Liability for Violation of Legislation on Taxes and Fees // Bulletin of Perm University. Legal Sciences. 2009. No. 4. P. 70–78.
7. Syropyatova N.V.: Legal Liability for Violation of Legislation on Taxes and Fees // Bulletin of Perm University. Legal Sciences. 2009. No. 4. P. 72.
8. Filippova N.A., Makevnina D.Yu.: Tax Offenses: in the Region // Regional Studies. 2012. No. 2 (79) Pp. 110–114.
9. Financial Law: Textbook for Bachelors / Ed.E. Yu. Gracheva. – Moscow: P, 2016. – p. 308.

[1] ЦБ подтвердил факты манипулирования рынком через телеграм-каналы. // URL: https://www.rbc.ru/finances/13/04/2026/69dcda9b9a7947790d74c4d3 (дата обращения:08.08.2026).

[2] Указ Президента РФ от 11 августа 2003 года № 960 «Вопросы Федеральной службы безопасности Российской Федерации». Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 33. Ст. 3254.

[3] Приказ Генпрокуратуры России № 286, ФНС России ММВ-7–2/232@, МВД России, СК России от 08.06.2015 «Об утверждении Инструкции по организации контроля за фактическим возмещением ущерба, причиненного налоговыми преступлениями» // СПС КонсультантПлюс; Письмо Минфина России от 07.02.2017 № 03–02–08/6449 «О взаимодействии налоговых органов с органами федеральной службы безопасности при проведении налоговых проверок». Учет. Налоги. Право. – Официальные документы. 2017. № 9.; Приказ МВД России № 495, ФНС России № ММ-7–2–347 от 30.06.2009 «Об утверждении порядка взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов по предупреждению, выявлению и пресечению налоговых правонарушений и преступлений». РГ. 2009. № 173.

[4] О.А. Федорова, Ю.О. Скорлупина, А.С. Кузнецов.: Зарубежный и российский опыт борьбы с налоговыми правонарушениями: основные подходы к установлению налоговых санкций. Актуальные проблемы бухгалтерского учета, анализа и аудита. Т. 2. 2016. С. 319–322.

Некоторые вопросы общественной опасности незаконного обогащения согласно Уголовному кодексу Республики Армения

Кочарян Карен Спартакович,
аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики юридического института РУДН
E-mail: kqocharyan89@mail.ru

Статья посвящена исследованию контуров общественной опасности незаконного обогащения и изучению присущих ей характеристик.
Цель исследования заключается в определении наиболее отличительных особенностей общественной опасности незаконного обогащения.
В исследовании применялись общенаучные методы, включая анализ, синтез, индукцию и дедукцию, равно как и специально-юридические методы, такие как догматический и юридико-социологический.

Ключевые слова: нелегальное обогащение, коррупционные проявления, социальная угроза, параметры общественной опасности, шкалы качественных и количественных характеристик.

Сравнительный анализ статьи 18 Уголовного кодекса Республики Армения, принятого 18 апреля 2003 года и статьи 16 нового Уголовного кодекса Республики Армения, принятого 5 мая 2021 года демонстрирует, что законодатель устранил прямое указание на общественную опасность из дефиниции, характеризующей квалификацию деяния в качестве преступного. Однако данный факт не свидетельствует об утрате общественной опасностью статуса обязательного признака преступления.

В доктрине уголовного права отсутствует единая общепризнанная концепция общественной опасности деяния. Различные исследователи трактуют данную категорию неоднозначно. Общественная опасность преступления по мнению некоторых авторов коренится в объективной реальности: либо деяние непосредственно вредит общественным отношениям, либо создает предпосылки для их нарушения. Другие авторы, трактуя данное понятие, указывают на способность деяния, криминализованного законом, наносить значительный ущерб объектам, подпадающим под охрану уголовного права [1].

В своей сущности, общественная опасность деяния представляет собой материальный (содержательный) признак преступления, который раскрывается через способность действия или бездействия наносить значительный ущерб охраняемым уголовным законом общественным отношениям – интересам личности, социума или государства, либо порождать угрозу наступления подобного ущерба. Как отмечается в доктрине уголовного права, данная категория выступает объективной, социально обусловленной характеристикой поведения, которая определяет его вредоносность и служит основанием для криминализации. Общественная опасность обладает как качественными параметрами (указание на конкретный объект посягательства: жизнь и здоровье, собственность, и т.п.), так и количественными показателями (например, установление порогов значительного ущерба, крупного или особо крупного размера).

Общественная опасность как правовое явление характеризуется совокупностью объективных и субъективных свойств. К первым относятся характер и масштаб причиненного вреда, а также социальная значимость объекта, против которого направлено посягательство. Ко вторым – форма вины (умысел или неосторожность), мотив, цель, эмоциональное состояние субъекта (например, аффект при совершении преступления в состоянии сильного душевного волнения).

Общественная опасность представляет собой объективную реальность. Она существует вне зависимости от намерений и представлений людей, включая законодателей. Деяние обретает признак общественной опасности не благодаря оценке законодателя или правоприменителя, а в силу своего противоречия основам существования общества и нарушения условий, необходимых для его нормальной жизнедеятельности. Роль законодателя заключается в адекватном осмыслении угроз, исходящих от различных социальных действий, и, основываясь на этом, отнесении их к числу преступлений с установлением соответствующих санкций. Таким образом, признание деяния преступным в определенной степени обусловлено субъективным выбором законодателя. Он проводит криминализацию, опираясь на свое правосознание и анализ общественных реалий. Законодатель не наделяет деяние опасностью, он лишь вычленяет из совокупности социально опасных поступков те, которые представляются ему наиболее значимыми с точки зрения угроз обществу, и формирует для них уголовно-правовую защиту. Общественная опасность имеет как качественную, так и количественную стороны. Качественный признак отражает характер опасности, а количественный – ее степень [2].

Кассационный суд Республики Армения выразил свою позицию относительно общественной опасности рассматриваемого деяния, которое формирует судебную практику в стране. В пунктах 14 и 15 постановления по уголовному делу номер □□□/0029/01/08 (известного как решение по делу Гаруша Мадатяна) высшая судебная инстанция представила следующее толкование критериев общественной опасности:

«14. Характер общественной опасности деяния является качественным аспектом преступления, он определяется всей совокупностью фактических данных о форме и виде вины, цели и мотиве преступления, а также социальной значимости общественных отношений, защищаемых уголовным законодательством на момент совершения преступления.

При определении степени общественной опасности деяния суд должен установить масштаб ущерба, причиненного совершенным преступлением, способ совершения преступления, степень осуществления преступного умысла, в случае соучастия – деяние, совершенное преступником, и степень его участия в преступлении.

15. При определении общественной опасности деяния Кассационный суд придает значение социальной значимости общественных отношений, защищаемых нарушенным уголовно-правовым нормом. Кассационный суд считает, что при назначении наказания суды обязаны учитывать социальную значимость конкретных общественных отношений, защищаемых уголовным законодательством в данный период времени, а также направление уголовной политики государства в этой области» [3].

В соответствии с правовой позицией, изложенной Кассационным судом в данном решении, степень общественной опасности деяния определяется не только его непосредственными последствиями, но и социальной значимостью охраняемых уголовным законом отношений в конкретный исторический период, а также уголовно-правовой политикой, реализуемой государством в соответствующей сфере. Таким образом, незаконное обогащение может восприниматься правоприменителем как более опасное в один период (например, в условиях экономического кризиса, войны или стихийного бедствия) и как менее опасное – в другой, что подтверждается судебной практикой.

Коррупция представляет собой системное зло с точки зрения устойчивого развития государственных институтов. Обычно государства с высоким уровнем коррупции демонстрируют отрицательный темп экономического роста, сталкиваются с массовыми социальными диспропорциями, утратой доверия населения к органам власти и ощущением правовой несправедливости среди граждан. Следствием этого являются низкая эффективность государственного аппарата, слабые показатели экономического развития и т.д. Население уплачивает налоги, формирующие государственный бюджет, однако бюджетные средства направляются не на общественные нужды (ремонт дорог, благоустройство территорий, повышение заработных плат, социальная поддержка), а на удовлетворение корыстных интересов коррумпированной элиты – например, ремонт дороги исключительно вблизи резиденции высокопоставленного чиновника или увеличение окладов только для его ближайших соратников. Данная практика подрывает принципы социальной справедливости и правового равенства. Таким образом, коррупция выступает не только как этическая проблема, но и как объективный фактор, замедляющий социально-экономическое развитие и ослабляющий государственную безопасность. Международный опыт демонстрирует, что государства с низким уровнем коррупции (например, Дания, Новая Зеландия) показывают стабильные темпы роста ВВП, тогда как страны с высоким уровнем коррупции (например, Сомали, Южный Судан) имеют отрицательный рост и высокий уровень социальной напряжённости. Этот контраст подчёркивает необходимость системной борьбы с коррупцией как с одним из ключевых препятствий для устойчивого развития. Особую значимость данная проблема приобретает в условиях кризисов, когда бюджетные ресурсы ограничены, а коррупционные потери становятся критическими для выживания государства.

Незаконное обогащение представляет собой ситуацию, при которой государственное должностное лицо не способно предоставить разумное объяснение законным источникам своего имущества, что включает прирост активов, сокращение долговых обязательств или произведённые расходы.

В рамках национальной правовой системы Республики Армения положение, касающееся незаконного обогащения, было внедрено в законодательство государства. Изначально соответствующая правовая норма была закреплена в статье 310.1 Уголовного кодекса Республики Армения, который был утвержден 18 апреля 2003 года. В последующем, после вступления в силу нового Уголовного кодекса Республики Армения, датированного 5 мая 2021 года, данная норма была сохранена и включена в статью 443 действующего на сегодняшний день кодекса (Уголовный кодекс Республики Армения от 5 мая 2021 года, статья 443). Таким образом, законодательный запрет на незаконное обогащение последовательно воспроизводится в армянском уголовном праве, начиная с 2017 года, и сохраняет свою юридическую силу в текущей редакции кодекса 2021 года. Фактически, первоначальное введение статьи 310.1 в Кодекс 2003 года обеспечило правовую основу для борьбы с данным видом правонарушений, а последующая инкорпорация в статью 443 нового Кодекса 2021 года подтвердила преемственность данного подхода в армянском правоприменении.

Согласно Оксфордскому словарю, «богатство – это изобилие материальных активов, денег» [4]. Согласно англоязычному сайту Investopedia, «богатство измеряется стоимостью всего имущества, принадлежащего человеку, сообществу, компании или стране. Богатство определяется общей рыночной стоимостью всех материальных и нематериальных активов за вычетом долгов. По сути, богатство – это наличие дефицитных ресурсов» [5]. По мнению известного американского экономиста Адама Смита «Богатство и справедливость должны расти одновременно. Благосостояние увеличивается только в том случае, если рост богатства осуществляется справедливо» [6].

К финансовому процветанию стремятся почти все, и данное устремление выступает в качестве неотъемлемого естественного права человека, являющегося компонентом права на благополучие. Для достижения состояния удовлетворенности жизнью и покрытия базовых нужд индивида требуется определенный объем материальных ресурсов. Дефицит или нехватка указанных ресурсов влечет за собой состояние бедности, сопровождающееся тяжелыми и нежелательными последствиями, такими как неполноценное питание, невозможность доступа к качественному образованию, ограниченные перспективы социального роста, а также отсутствие легальной возможности пользоваться общественными благами. Напротив, избыток средств приводит к обогащению – ситуации, когда субъект распоряжается ресурсами в объеме, превышающем необходимость для удовлетворения потребностей себя и своей семьи.

В Советском Союзе на начальных этапах существования империи государство вводило запрет на обогащение. Лица, обладавшие значительным капиталом, рассматривались как враги государства и подвергались репрессиям, что наглядно иллюстрирует политика раскулачивания в СССР в период с 1925 по 1932 год. Как продемонстрировал дальнейший ход исторического процесса, подобная государственная политика не принесла пользы ни государству, ни обществу, а напротив, нанесла колоссальный ущерб, приведя к повсеместному обнищанию.

Криминализация незаконного обогащения, с одной стороны, должна способствовать снижению уровня коррупции в стране, что соответствует рекомендациям международных антикоррупционных конвенций (например, UNCAC, 2003). С другой стороны, этот механизм не должен превращаться в инструмент осуществления незаконных репрессий, как это имело место в прошлом. Таким образом, баланс между борьбой с коррупцией и защитой прав личности является фундаментальным принципом правового регулирования.

В юридической доктрине незаконное обогащение характеризуется как деяние, представляющее повышенную общественную угрозу [7]. При этом подчеркивается, что конструкция объективной стороны данного состава преступления, закрепленная в Конвенции ООН против коррупции (UNCAC, статья 20), порождает дискуссии относительно ее соответствия принципу правовой определенности [8].

К числу наиболее деструктивных последствий незаконного обогащения относят формирование у граждан устойчивого восприятия несправедливости социального устройства, углубление имущественного расслоения населения на узкий круг сверхбогатых и основную массу малообеспеченных, а также эрозию доверия общества к институтам государственной службы, административному аппарату и государственному механизму в целом.

Незаконное обогащение, с точки зрения качественных характеристик, в УК Армении рассматривается как деяние, направленное против интересов публичной службы, что подчеркивает его общественную опасность. Статья 443 (незаконное обогащение) прямо включена в перечень коррупционных преступлений, закрепленный в Приложении 1 к действующему Уголовному кодексу Республики Армения. Это означает, что данное правонарушение квалифицируется как коррупционное в силу своей природы, подрывающей доверие к государственным институтам.

В количественном измерении, согласно части 2 статьи 443 действующего Уголовного кодекса, порог значимости установлен на уровне суммы (стоимости), превышающей 3 миллиона армянских драмов. Именно эта цифра определяет, что превышение законных доходов или незаконное увеличение имущества считается существенным. Важно отметить, что статья не предусматривает отягчающих обстоятельств; уголовная ответственность наступает исключительно при условии, что увеличение имущества, уменьшение обязательств или понесенные расходы превышают указанный порог, то есть 3 миллиона армянских драмов. Таким образом, законодатель устанавливает четкий количественный критерий, без дополнительных квалифицирующих признаков.

Незаконное обогащение, подобно иным коррупционным деяниям, создает угрозу для стабильного функционирования органов государственной власти, подрывает доверие населения к государственным институтам, способствует социальному расслоению, разделяя граждан на имущие и неимущие слои, ослабляет демократические механизмы через формирование неравных условий и предоставление неоправдан-

ных преимуществ некоторым лицам, что, в свою очередь, ставит под угрозу национальную безопасность страны [9].

Хотя незаконное обогащение обладает всеми признаками общественной опасности, присущими другим коррупционным преступлениям, по нашему мнению, отдельные из этих признаков проявляются при данном составе особенно ярко. Наиболее характерным из них является приобретение имущества за счет злоупотребления полномочиями, вытекающими из занимаемой государственной должности. Как следствие, в общественном сознании укореняется установка, согласно которой для достижения материального благополучия необходимо получить доступ к государственной власти и вовлечься в коррупционные схемы. Подобный менталитет подрывает фундаментальные основы государственности. В такой ситуации общество начинает воспринимать государство как отчужденный аппарат, а чиновники, в свою очередь, рассматривают служебное положение исключительно как источник личного обогащения, не проявляя должной приверженности интересам государства и социума.

Конечным результатом становится снижение эффективности работы государственного аппарата, падение авторитета власти и углубление разрыва между обществом и государством. У граждан возникает чувство несправедливости и безысходности, формируется устойчивое представление, что для занятия государственной должности необходимо располагать значительными средствами, а для обретения богатства – непременно занимать такую должность. Закономерно, что наиболее развитые страны мира отличаются низким уровнем коррупции и более эффективной работой государственных механизмов.

Незаконного обогащение создает коллизию между публичными и частными интересами: с одной стороны, государство и общество заинтересованы в добросовестном исполнении чиновниками своих обязанностей в соответствии с задачами государственного аппарата, с другой – должностные лица, используя предоставленные им полномочия, извлекают личную выгоду в ущерб общественным целям.

Таким образом, в качественном аспекте общественная опасность незаконного обогащения (закреплённого в статье 443 Уголовного кодекса Республики Армения) проявляется в том, что должностное положение используется не для достижения общественно полезных целей, а вопреки интересам социума, исключительно ради личной наживы. В этом контексте незаконное обогащение может представлять даже большую угрозу, чем коррупционное преступление, лежащее в его основе, так как наличие имущества, приобретённого незаконным путём, свидетельствует о совершённом, но не выявленном правонарушении. Нераскрытые преступления, как известно, обладают повышенной опасностью по сравнению с раскрытыми.

Кроме того, в количественном измерении уголовная ответственность за незаконное обогащение наступает при превышении порога в три миллиона армянских драмов. Однако законодателем не установлены квалифицирующие признаки, дифференцирующие ответственность в зависимости от размера незаконного обогащения (например, крупного или особо крупного). Данное обстоятельство, по нашему мнению, является законодательным упущением, нарушающим принцип справедливости, закреплённый в части 1 статьи 7 Уголовного кодекса Республики Армения, согласно которому привлечение лица, виновного в преступлении, к уголовной ответственности должно осуществляться на справедливой основе, гарантируя пропорциональность как применяемых правовых норм, так и государственных мер реагирования характеру и степени тяжести содеянного.

Литература

1. Лопашенко Н. А., Голикова А.В., Кобзева Е.В., Ковлагина Д.А., Лапунин М.М., Хутов К.М. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации // Правоприменение. 2020. № 4. С 124–140

2. «Уголовное право Республики Армения, Общая часть», авторы: С. Аракелян, А. Габузян, Г. Хачикян, Г. Газинян, Ереван-2012, стр. 76–77

3. ՀՀ Վճռաբեկ դատարանի ,ԹԻՎ ԵՇԴ/0029/01/08ե որոշում: Հայաստանի իրավական տեղեկատվական համակարգ (Arlis.am կայք): URL: https://www.arlis.am/hy/acts/51545 (14-04-2026-ի դրությամբ)

4. Oxford languages. URL: https://languages.oup.com/google-dictionary-ru (Accessed: 14.04.2026)

5. «How Is Wealth Defined and Measured? A Comprehensive Guide», URL: https://www.investopedia.com/terms/w/wealth.asp (Accessed: 14.04.2026)

6. Паганелли Мария Пиа. Адам Смит и нравственное содержание политической экономии: интерпретация с позиций теории общественного выбора // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2024. С. 221–239

7. Щедрин Николай Васильевич. Проблемы и перспективы криминализации незаконного обогащения публичных должностных лиц. Журнал Имущественные отношения в РФ. 2018. № 12 с. 62–75

8. «Коррупция как угроза национальной безопасности страны». (Уголовно-правовое воздействие на коррупцию), К.С. Кочарян URL: https://vektornaukipravo.ru/jour/article/download/143/141 (Дата обращения: 14.04.2026)

SOME ISSUES OF THE SOCIAL DANGER OF ILLICIT ENRICHMENT ACCORDING TO THE CRIMINAL CODE OF THE REPUBLIC OF ARMENIA

Kocharyan K.S.
Law Institute of Peoples' Friendship University of Russia

This article examines the contours of the social danger of illicit enrichment and its inherent characteristics.
The purpose of the study is to identify the most distinctive features of the social danger of illicit enrichment.
In the study are used general scientific methods, including analysis, synthesis, induction, and deduction, as well as specific legal methods, such as dogmatic and legal-sociological methods.

Keywords: illicit enrichment, manifestations of corruption, social threat, parameters of social danger, scales of qualitative and quantitative characteristics.

References

1. Lopashenko N. A., Golikova A.V., Kobzeva E.V., Kovlagina D.A., Lapunin M.M., Hutov K.M. Public danger of crime: the concept and criteria of verification // Law Enforcement. 2020. № 4. C 124–140

2. "Criminal Law of the Republic of Armenia, General part", authors: S. Arakelyan, A. Gabuzyan, G. Khachikyan, G. Gazinyan, Yerevan-2012, Pp. 76–77

3. ՀՀ Վճռաբեկ դատարանի ,ԹԻՎ ԵՇԴ/0029/01/08ե որոշում: Հայաստանի իրավական տեղեկատվական համակարգ (Arlis.am կայք): URL: https://www.arlis.am/hy/acts/51545 (14-04-2026-ի դրությամբ)

4. Oxford languages. URL: https://languages.oup.com/google-dictionary-ru (Accessed: 14.04.2026)

5. «How Is Wealth Defined and Measured? A Comprehensive Guide», URL: https://www.investopedia.com/terms/w/wealth.asp (Accessed: 14.04.2026)

6. Paganelli Maria Pia. Adam Smith and the moral content of political economy: interpretation from the standpoint of the theory of public choice // Bulletin of the Moscow University. Series 6. Economics. 2024. Pp. 221–239

7. Shchedrin, Nikolai Vasilyevich. Problems and prospects of criminalization of illicit enrichment of public officials. Journal of Property Relations in the Russian Federation. 2018. No. 12, Pp. 62–75

8. "Corruption as a threat to the national security of the country." (Criminal law impact on corruption), K.S. Kocharyan URL: https://vektornaukipravo.ru/jour/article/download/143/141 (Date of request: 04/14/2026)

Основания апелляционного обжалования судебного решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу: проблемы правового регулирования

Лопотенко Вероника Симоновна,
преподаватель кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета имени А.А. Хмырова Кубанского государственного университета
E-mail: mardoyanveronika@mail.ru

Статья посвящена исследованию проблемы применения общих оснований апелляционного обжалования судебных решений (ст. 389.15–389.18 УПК РФ) к постановлениям об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Показано, что данные основания сформированы законодателем применительно к пересмотру приговора и ориентированы на проверку доказанности виновности лица, тогда как постановление о заключении под стражу основывается на вероятностных данных о риске ненадлежащего поведения обвиняемого (подозреваемого). На основе анализа статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ и апелляционной практики выявлена совокупность фактически используемых, но нормативно не закреплённых оснований отмены и изменения постановлений об избрании заключения под стражу. Обосновывается необходимость дополнения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации статьей, закрепляющей самостоятельную систему оснований для апелляционного обжалования меры пресечения в виде заключения под стражу.

Ключевые слова: заключение под стражу, апелляционное обжалование, основания отмены судебного решения, мера пресечения, обоснованность, мотивированность.

Введение

Обжалование в уголовном судопроизводстве обеспечивает соблюдение и поддержание надлежащего уровня законности уголовно-процессуальной деятельности, защиту прав, свобод и законных интересов ее участников и как справедливо отмечает С.В. Рудакова, благодаря обжалованию возможно своевременное выявление допущенных ошибок в правоприменении и принятие мер к их исправлению, обеспечение соблюдения уголовно-процессуального закона [1, с. 140]. Институт апелляционного пересмотра судебных решений, не вступивших в законную силу, выступает важнейшей гарантией своевременного устранения ошибок, допущенных судом первой инстанции. Основаниями отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке уголовно-процессуальный закон называет несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела (ст. 389.16 УПК РФ), существенное нарушение уголовно-процессуального закона (ст. 389.17 УПК РФ), а также неправильное применение уголовного закона и несправедливость приговора (ст. 389.18 УПК РФ). Указанный перечень сформировался исторически и рассчитан прежде всего на проверку приговора – итогового решения, основанного на исследованных в судебном заседании доказательствах виновности лица [2, с. 65].

Вместе с тем ч. 3 ст. 389.2 УПК РФ предусматривает самостоятельное апелляционное обжалование постановлений о применении, продлении срока действия либо изменении меры пресечения, однако дифференциации оснований отмены или изменения таких решений законодатель не предусмотрел, оставив суды апелляционной инстанции перед необходимостью применять к ним тот же перечень ст. 389.15–389.18 УПК РФ, который сформирован для приговора. Между тем постановление об избрании заключения под стражу принципиально отличается от приговора по познавательной природе: в его основе лежат не доказательства виновности, а достаточные данные, дающие основание полагать, что обвиняемый скроется от следствия и суда, продолжит преступную деятельность либо иным путем воспрепятствует производству по делу (ст. 97 УПК РФ). Применение к такому решению критериев, рассчитанных на проверку доказанности вины, представляет собой частный случай излишней стандартизированности апелляционного производства, снижающей эффективность защиты прав обвиняемого.

Обсуждение

Согласно отчету Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в первом полугодии 2025 г. из 52 552 рассмотренных ходатайства об избрании меры пресечения 45 377 (86,3%) составили ходатайства об избрании заключения под стражу, при этом доля удовлетворенных ходатайств данной категории достигла 86,6% (39 343 ходатайства)[1]. За тот же период суды апелляционной инстанции рассмотрели 40 992 апелляционных жалоб на постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и продлении срока содержания под стражей, из которых отменено 876 (2,1%) постановлений и изменено 1 926 (4,7%) постановлений[2]. Анализ апелляционных постановлений показывает, что суды апелляционной инстанции фактически вынуждены наполнять предусмотренные ст. 389.15–389.18 УПК РФ основания собственным, не установленным законом содержанием.

Первую группу составляют случаи, которые суды связывают с «несоответствием выводов суда фактическим обстоятельствам», хотя буквально такое основание, согласно ст. 389.16 УПК РФ, относится лишь к выводам, изложенным в приговоре. Анализируя судебную практику решений об избрании заключения под стражу, в качестве обоснования отмены постановления имеют место случай, когда предположение о риске не было подтверждено материалами дела, в частности не были

[1] Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции в первом полугодии 2025 года // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9291.

[2] Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в апелляционном порядке в первом полугодии 2025 года // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9291.

учтены сведения о семье, детях, положительных характеристиках обвиняемого[1]. Характерно, что суды апелляционной инстанции в своих решениях, как правило, не указывают статью УПК РФ, предусматривающую конкретное основание отмены или изменение постановления, ограничиваясь ссылкой на ст. 97, 99, 108 либо ч. 4 ст. 7 УПК РФ[2].

Вторую группу составляют случаи существенного нарушения уголовно-процессуального закона (ст. 389.17 УПК РФ). Данное основание апелляционного обжалования можно назвать единственным основанием, которое применимо к постановлениям о мере пресечения напрямую, поскольку нормы, закрепляющие правила проведения процессуальных действий, являются общими для всего уголовного судопроизводства. В качестве примера существенного нарушения уголовно-процессуального закона можно привести случаи, когда суд первой инстанции не исследовал материалы дела и данные о личности обвиняемого[3], либо уклонился от разрешения вопроса о более мягкой мере пресечения вопреки разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41[4].

Третью группу, формально соотносимую с «неправильным применением закона» (ст. 389.18 УПК РФ), составляют случаи неправильного применения норм, регулирующих условия допустимости заключения под стражу (ч. 1, 1.1 ст. 108 УПК РФ), при отсутствии исключительных обстоятельств п. 1 ч. 1 ст. 108 УПК РФ[5] либо при неверном определении категории преступления[6].

Четвертую группу оснований апелляционного обжалования меры пресечения в виде заключения под стражу составляют случаи несоразмерности избранной меры пресечения установленным рискам. Данное основание, прямо не предусмотренное в ст. 389.15–389.18 УПК РФ, однако на практике решения судов первой инстанции отменяются в случаях, когда в постановлении отсутствуют мотивы невозможности избрания иной меры пресечения[7], когда тяжесть преступления сама по себе не может служить основанием для самой строгой меры[8].

Обобщение изученной практики позволяет выделить совокупность фактически используемых судами апелляционной инстанции, но не закрепленных в законе оснований: 1) формальная ссылка на основания ст. 97 УПК РФ без указания подтверждающих их конкретных данных; 2) ограничение мотивировки исключительно тяжестью инкриминируемого деяния без учета данных о личности, предусмотренных ст. 99 УПК РФ; 3) отсутствие мотивированного вывода о невозможности применения более мягкой меры пресечения.

Ни одно из перечисленных оснований не совпадает буквально с формулировками ст. 389.15–389.18 УПК РФ; их содержание суды восполняют за счет норм ст. 97, 99, 108 УПК РФ, что подтверждает позицию А.Б. Диваева о том, что грамматическая конструкция ст. 389.15, 389.16 УПК РФ рассчитана исключительно на приговор [3, с. 139].

Как указывала П.А. Лупинская, судебное решение складывается из фактического и правового элементов, соотношение которых обусловливает его законность и обоснованность [4, с. 73]; применительно к заключению под стражу фактический элемент образован не доказательствами виновности, а вероятностными данными о риске, что снижает возможность утверждения о несоответствии выводов суда фактическим обстоятельствам.

По верному замечанию В.В. Рудича, основания избрания мер пресечения образуют особый предмет доказывания, включающий в себя «процессуальное знание», обеспечивается не абсолютной доказанностью факта, а соблюдением установленной законом процедуры его установления [5, с. 137–138].

Важное значение для решений об избрании меры пресечения имеет разграничение обоснованного риска и произвольного предположения. Как отмечают А.Б. Судницын и Д.А. Воронов, основаниями избрания мер пресечения могут являться лишь обстоятельства, связанные с вероятностью наступления событий в будущем [6, с. 25], при этом, по замечанию О.В. Гладышевой, отсутствие теоретической разработанности понятия риска – одна из причин неоднородности практики его установления [7, с. 13].

Предположение, не подкрепленное данными о личности и поведении обвиняемого и основанное лишь на тяжести содеянного, не образует законного основания для ограничения свободы, что подтверждается практикой, последовательно отменяющей такие постановления. Как верно отмечает Е.Ю. Замуруева, законодателю следует конкретизировать требования к доказыванию рисков, возлагаемых на сторону обвинения при избрании заключения под стражу [8, с. 55].

Важным подтверждением необходимости индивидуализации оснований обжалования служит и проблема пределов усмотрения суда первой инстанции при оценке названных обстоятельств. Р.В. Костенко и Ю.А. Шабунько обоснованно указывают, что судейское усмотрение, не имея легального определения в УПК РФ, должно ограничиваться критериями законности, обоснованности и справедливости, отсутствие же четких законодательных критериев ведет к неоднородности судебной практики и создает риск судебных ошибок. Применительно к решению вопроса о мере пресечения широта усмотрения суда первой инстанции особенно велика. [9, с. 177].

Суд находится в сложной ситуации оценки конкретных обстоятельств уголовного дела при избрании меры пресечения [10, с. 649]. В связи с этим полагаем, что оцениваемые обстоятельства (риск, обоснованность подозрения) носят вероятностный, оценочный характер, а значит нормативное закрепление специальных, адресованных именно этой категории решений оснований апелляционного контроля приобретает важное значение, как необходимое средство ограничения указанного усмотрения объективными критериями и как гарантия единообразия правоприменения.

Изложенное объясняет и то обстоятельство, что в подавляющем большинстве изученных апелляционных постановлений об отмене или изменении заключения под стражу решающую роль сыграли не собственно новые доказательства, а иная оценка судом апелляционной инстанции тех же материалов, которые были представлены суду первой инстанции, например, оценка, основанная на более строгом применении требования о необходимости подтверждения риска, предусмотренного ст. 97 УПК РФ, конкретными фактическими данными. Это подтверждает вывод о том, что действительным предметом апелляционной проверки по данной категории дел выступает не столько «правильность» установления фактов (как в случае с приговором), сколько достаточность и качество мотивировки вероятностного вывода суда первой инстанции, то есть иной по своей познавательной природе объект контроля, требующий специального нормативного регулирования.

Заключение

На основе изложенного сформулируем основные выводы.

Во-первых, общие основания апелляционного обжалования судебных решений (ст. 389.15–389.18 УПК РФ) сформированы применительно к пересмотру приговора и рассчитаны на проверку доказанности виновности лица, что делает их применение к постановлениям об избрании заключения под стражу, то есть к решению, основанному на вероятностных данных о риске, затруднительным и не всегда эффективным.

Во-вторых, анализ судебной практики свидетельствует о том, что суды апелляционной инстанции фактически выработали собственную, нормативно не закрепленную систему оснований отмены и изменения постановлений об избрании заключения под стражу, восполняемую за счет норм ст. 97, 99, 108 УПК РФ и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41. Полагаем, что устранение выявленной стандартизированности требует законодательного закрепления самостоятельных оснований апелляционного обжалования постановлений о мере пресечения в виде заключения под стражу, для чего предлагается дополнить УПК РФ отдельной статьей со следующими основаниями: 1) формальная ссылка на основания ст. 97 УПК РФ без указания подтверждающих их конкретных данных; 2) ограничение мотивировки исключительно тяжестью инкриминируемого деяния без учета данных о личности, предусмотренных ст. 99 УПК РФ; 3) отсутствие мотивированного вывода о невозможности применения более мягкой меры пресечения.

Литература

1. Рудакова, С.В. Эффективность последующего судебного обжалования применения меры пресечения в виде заключения под стражу // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной и антикоррупционной деятельности: Материалы Международной научно-практической конференции. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2024. С. 139–150.

[1] Апелляционное постановление Красноярского краевого суда от 23.10.2025 по делу № 22к-7402/2025 // Архив Красноярского краевого суда.

[2] Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 03.09.2025 по делу № 22–6062/2025 // Архив Краснодарского краевого суда.

[3] Апелляционное постановление Тамбовского областного суда от 18.10.2024 по делу № 22К-1925/2024 // Архив Тамбовского областного суда.

[4] Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 03.09.2025 по делу № 22–6062/2025 // Архив Краснодарского краевого суда.

[5] Апелляционное постановление Воронежского областного суда от 11.02.2026 по делу № 22К-363/2026 // Архив Воронежского областного суда.

[6] Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 26.09.2025 по делу № 22К-6720/2025 // Архив Краснодарского краевого суда.

[7] Апелляционное постановление Красноярского краевого суда от 23.04.2026 по делу № 22к-2574/2026 // Архив Красноярского краевого суда.

[8] Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 19.05.2026 по делу № 22–3701/2026 // Архив Краснодарского краевого суда.

2. Панокин А.М. Основания для отмены или изменения судебных решений по уголовным делам в апелляционном порядке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12. Вып. 1. С. 52–72.

3. Диваев А.Б. Основания отмены и изменения судами апелляционной инстанции судебных постановлений, вынесенных по вопросам, связанным с исполнением приговора // Вестник Кузбасского института. 2021. № 1 (46). С. 134–142.

4. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. М., 2010. – 240 с.

5. Рудич В.В. Механизм применения мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве: дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2020. – 538 с.

6. Судницын А.Б., Воронов Д.А. Законность и обоснованность избрания и применения меры пресечения в виде заключения под стражу: учебное пособие. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД РФ, 2020. – 64 с.

7. Гладышева О.В. Риски в уголовном судопроизводстве, формат их проявления и пути преодоления // Уголовный процесс и криминалистика в противодействии современной преступности: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти основателя школы уголовного процесса, доктора юрид. наук, профессора Зинура Зинатулловича Зинатуллина и основателя школы криминалистики, доктора юрид. наук, профессора Марата Константиновича Каминского. – Ижевск: Удмуртский университет, 2026. С. 10–13.

8. Замуруева Е.Ю. Основания для применения меры пресечения в виде заключения под стражу: эволюция правовых подходов и современные тенденции судебной практики // Криминологический журнал. 2026. № 2. С. 53–56.

9. Костенко Р.В., Шабунько Ю.А. Проблемы судейского усмотрения в уголовном процессе // Epomen.Global. 2024. № 54. С. 173–178..

10. Островская Д.И., Днепровская М.А. Некоторые вопросы избрания меры пресечения в виде заключения под стражу // Молодежный вестник ИрГТ У. 2022. Т. 12, № 3. С. 645–650.

GROUNDS FOR APPELLATE REVIEW OF DECISIONS ON THE APPLICATION OF THE PREVENTIVE MEASURE OF DETENTION: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Lopotenko V.S.
Kuban State University

The article examines the problem of applying the general grounds for appellate review of judicial decisions (Articles 389.15–389.18 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation) to decisions on the preventive measure of detention. It is shown that these grounds were shaped by the legislator for the review of a verdict and are oriented towards checking the proof of guilt, whereas a decision on detention is based on probabilistic data concerning the risk of improper conduct by the accused (suspect). Based on an analysis of statistical data of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation and appellate practice, a set of grounds actually used, but not legislatively fixed, for the reversal and alteration of decisions on detention has been identified. The article substantiates the necessity of supplementing the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation with an article establishing an independent system of grounds for the appellate review of the preventive measure of detention.

Keywords: etention, appellate review, grounds for reversal of a judicial decision, preventive measure, validity, reasoned character (motivation**).**

References

1. Rudakova, S.V. Effectiveness of Subsequent Judicial Appeal of the Application of a Pretrial Detention Measure // Current Issues of Judicial, Law Enforcement, Human Rights, Criminal Procedure and Anti-Corruption Activities: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. – Krasnodar: Kuban State University, 2024. Pp. 139–150.

2. Panokin, A.M. Grounds for Overturning or Changing Court Decisions in Criminal Cases on Appeal // Bulletin of St. Petersburg University. Law. 2021. Vol. 12. Issue 1. Pp. 52–72.

3. Divaev, A.B. Grounds for Overturning and Changing Court Decisions by Appellate Courts Issued on Issues Related to the Execution of a Sentence // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2021. No. 1 (46). Pp. 134–142.

4. Lupinskaya, P. A., Decisions in Criminal Proceedings: Theory, Legislation, and Practice. Moscow, 2010, 240 p.

5. Rudich, V. V., Mechanism for Applying Preventive Measures in Russian Criminal Proceedings: Doctor of Law Dissertation. Yekaterinburg, 2020, 538 p.

6. Sudnitsyn, A. B., Voronov, D. A., Legality and Validity of Selecting and Applying Preventive Measures in the Form of Detention: A Study Guide. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2020, 64 p.

7. Gladysheva O.V. Risks in Criminal Proceedings, the Format of Their Manifestation and Ways to Overcome Them // Criminal Procedure and Forensic Science in Combating Modern Crime: A Collection of Articles from the All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the Memory of the Founder of the School of Criminal Procedure, Doctor of Law, Professor Zinur Zinatullovich Zinatullin and the Founder of the School of Forensic Science, Doctor of Law, Professor Marat Konstantinovich Kaminsky. – Izhevsk: Udmurt University, 2026. Pp. 10–13.

8. Zamurueva E. Yu. Grounds for Applying a Preventive Measure in the Form of Detention: The Evolution of Legal Approaches and Modern Trends in Judicial Practice // Criminological Journal. 2026. No. 2. Pp. 53–56.

9. Kostenko R.V., Shabunko Yu.A. Problems of judicial discretion in criminal proceedings // Epomen.Global. 2024. No. 54. Pp. 173–178..

10. Ostrovskaya D.I., Dneprovskaya M.A. Some issues of choosing a preventive measure in the form of detention // Youth Bulletin of IrST U. 2022. Vol. 12, No. 3. Pp. 645–650.

Публичные и международные правовые аспекты сотрудничества таможенных и правоохранительных органов Евразийского экономического союза в современных условиях

Мишальченко Юрий Владимирович,
доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой международно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского филиала Российской таможенной академии
E-mail: myv2008@mail.com

Борисов Георгий Вячеславович,
магистр права, юрисконсульт отдела судебной работы и исполнительного производства управления по правовой работе, ООО «Петербургтеплоэнерго»
E-mail: borisovg2000@gmail.com

Миронова Милана Александровна,
инспектор отделения надзорной деятельности № 4 отдела надзорной деятельности и профилактической работы Красносельского района, УНДПР ГУ МЧС России по г. Санкт-Петербургу
E-mail: mila7564297@yandex.ru

В статье представлен анализ публично-правовых и международно-правовых основ взаимодействия таможенных и правоохранительных органов государств-членов Евразийского экономического союза. Исследование опирается на широкий круг нормативных источников – от Договора о ЕАЭС и Таможенного кодекса Союза до многосторонних и двусторонних соглашений, – а также на актуальную правоприменительную практику и статистические данные. Авторами рассмотрены институциональные механизмы координации в деятельности межгосударственных органов ЕАЭС (Объединенная коллегия таможенных служб, Евразийская экономическая комиссия), проанализированы современные тренды (цифровизация, внедрение навигационных пломб, гармонизация законодательства) и выявлены системные проблемы правового регулирования. Особый акцент сделан на анализе участия Республики Армения в таможенной кооперации в ЕАЭС в контексте параллельного курса на евроинтеграцию, что позволило определить латентные риски интеграционного проекта. По итогам исследования сформулирован комплекс конкретных предложений по совершенствованию договорно-правовой базы, направленных на повышение устойчивости и эффективности сотрудничества таможенных и правоохранительных органов в условиях геополитической турбулентности.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, таможенные органы, правоохранительные органы, международное сотрудничество, международно-правовая помощь, Таможенный кодекс ЕАЭС, международные договоры, цифровизация, Объединённая коллегия таможенных служб, Республика Армения, экономическая интеграция.

Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС, Союз), учрежденный Договором от 29 мая 2014 года, представляет собой одну из наиболее динамично развивающихся интеграционных структур на постсоветском пространстве. За время своего существования Союз продемонстрировал устойчивость к внешним угрозам и рискам, что особенно наглядно проявилось в период беспрецедентного санкционного давления на экономику Российской Федерации, являющейся ядром интеграционного объединения. Как справедливо отмечает С.В. Мозер, именно эффективность таможенного администрирования выступает краеугольным камнем успешности любой экономической интеграции [6, с. 156].

Актуальность настоящего исследования обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами. Во-первых, общемировая нестабильность и переориентация внешнеторговых потоков на страны БРИКС объективно повышают роль ЕАЭС как стабилизирующего фактора и ускорителя роста взаимной торговли между странами, которые входят в состав ЕАЭС. По данным Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), уже в 2023 году объем взаимной торговли государств-членов ЕАЭС достиг исторического максимума в 90,4 млрд долл. США, и рост данной цифры не прекращается с течением времени: наоборот, он только усиливается, обнажая истовое желание всех сторон к углублению торговых отношений [4]. Во-вторых, развитие современных иехноогий, проникновение компьютеров, сети Интернет во все сферы общественной жизни, вызванные цифровизацией коренные изменения цепочек поставки товаров, требуют беспрерывных и постоянных улучшений правового регулирования таможенных операций. В-третьих, устремления отдельных участников Союза (в первую очередь, Республики Армения) на попытку межблокового сотрудничества, создают особые прецеденты, требующие выработки подробно выверенных механизмов реагирования.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе сотрудничества таможенных и правоохранительных органов государств–членов ЕАЭС. Предметом исследования являются публично-правовые и международно-правовые нормы, регулирующие данное региональное экономическое сотрудничество в ЕАЭС, а также практика их применения.

Целью работы является комплексный теоретический и практический анализ правовых аспектов взаимодействия таможенных и правоохранительных органов, выявление системных проблем и выработка научно обоснованных предложений по совершенствованию правового регулирования. Для достижения указанной цели авторами последовательно решаются следующие задачи: 1) анализируется нормативно-правовая базу сотрудничества; 2) исследуются институциональные механизмы координации; 3) оцениваются международное измерение взаимодействия (с третьими странами и организациями); 4) выявляются проблемные аспекты международного правоприменения актов ЕАЭС; 5) рассматриваются магистральные тренды развития ЕАЭС; 6) на примере Республики Армения демонстрируются коллизии разноуровневых интеграционных механизмов.

Методологическая основа исследования базируется на общенаучных (диалектический, системно-структурный, анализ и синтез) и частно-научных (формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой) методах познания. Применение системного подхода позволило рассмотреть сотрудничество таможенных и правоохранительных органов как сложный многоуровневый механизм, а сравнительно-правовой метод – выявить расхождения в национальных законодательствах и предложить пути их унификации.

Нормативно-правовая основа взаимодействия таможенных и правоохранительных органов: двухуровневая система организации и регулирования

Правовое регулирование таможенного сотрудничества в рамках ЕАЭС носит выраженный двухуровневый характер, сочетая наднациональное право Союза и национальное законодательство государств-членов ЕАЭС. Фундаментальную основу всей системы составляет Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года [2]. В соответствии с пунктом 4 части 1 статьи 25 Договора, единое таможенное регули-

рование признается одним из базовых принципов функционирования Союза. Именно в этом акте были закреплены правовые предпосылки для создания единой таможенной границы, определены полномочия ЕЭК как основного регулятора и заложены начала взаимного признания результатов таможенного контроля.

Центральным кодифицированным актом, детализирующим механизмы взаимодействия, выступает Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ТК ЕАЭС) [3], вступивший в силу 1 января 2018 года. Раздел IX Кодекса (глава 49, статьи 368–375) специально посвящен информационному взаимодействию и взаимной международно-правовой помощи. Статья 368 ТК ЕАЭС устанавливает, что взаимодействие таможенных и правоохранительных органов осуществляется в рамках общих процессов Союза, что создает правовую базу для постепенной унификации процедур. К формам такого взаимодействия относятся: обмен информацией, исполнение запросов, взаимная административная помощь, присутствие должностных лиц при проведении таможенного контроля и др.

На национальном уровне правовое регулирование обеспечено, в частности, Федеральным законом № 289-ФЗ от 03.08.2018 г. «О таможенном регулировании в Российской Федерации» [9]. Пункт 7 части 1 статьи 259 данного закона закрепляет возможность обмена информацией между российскими и иностранными таможенными и правоохранительными органами. Кроме того, положения Налогового кодекса РФ (п. 4 ч. 1 ст. 102) предусматривают возможность обмена сведениями в рамках международного автоматического обмена информацией [12]. Важно отметить, что в 2026 году ожидается вступление в силу комплексного пакета поправок к ТК ЕАЭС, насчитывающего около 600 изменений, направленных на дальнейшую цифровизацию, упрощение транзита и адаптацию к новым экономическим реалиям [6]. Это свидетельствует о динамичном развитии права Союза и его стремлении соответствовать мировым стандартам.

Особое место в системе источников занимают международные договоры, заключенные в рамках ЕАЭС. Среди них следует выделить Соглашение о единой системе таможенного транзита ЕАЭС и третьей стороны (третьих сторон), подписанное в декабре 2024 года [4]. Данный документ открывает возможность использования транзитной системы Союза для государств, не входящих в него, что существенно расширяет географию интеграционного проекта. На сегодняшний день соглашение ратифицировано четырьмя странами, а переговоры о присоединении активно ведутся с Республикой Узбекистан. Продолжает действовать и Соглашение о взаимной административной помощи таможенных органов от 21 мая 2010 года [5], которое заложило основы для оперативного обмена информацией и исполнения запросов таможенных и правоохранительных органов.

Институциональные механизмы координации: роль Объединенной коллегии и ЕЭК

Эффективность правового регулирования немыслима без отлаженных институциональных механизмов, обеспечивающих повседневную координацию таможенных служб. Ключевую роль в этом процессе играет Объединенная коллегия таможенных служб (ОКТС) ЕАЭС. За время своей деятельности данный орган принял более 1 050 решений, направленных на унификацию регуляторных подходов и синхронизацию контрольных процедур [7]. Среди приоритетных направлений работы ОКТС можно выделить усиление контроля, внедрение цифровых технологий и достижение большей гибкости таможенного администрирования. Так, на 53-м заседании, состоявшемся в марте 2026 года, были одобрены изменения в статью 330 ТК ЕАЭС, касающиеся порядка проведения таможенного осмотра помещений и территорий [8].

Вторым по значимости институциональным звеном является Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК), в структуре которой функционирует Департамент таможенного законодательства и институт министра по таможенному сотрудничеству. Комиссия занимается не только разработкой проектов нормативных актов, но и обеспечивает единообразное применение права, организует реализацию общих процессов по таможенному транзиту. При ЕЭК действует Консультативный комитет по таможенному регулированию, на заседаниях которого обсуждаются наиболее острые правоприменительные коллизии и вырабатываются согласованные позиции. Этот механизм позволяет достаточно оперативно реагировать на запросы бизнес-сообщества и учитывать интересы всех государств-членов, что особенно ценно в условиях меняющейся экономической конъюнктуры. Таким образом, институциональный дизайн ЕАЭС в таможенной сфере представляет собой сбалансированную систему таможенных и правоохранительных органов, сочетающую институциональный механизм и наднациональное регулирование с межправительственной координацией.

Международное измерение: взаимодействие с третьими странами и международными организациями

Статья 369 ТК ЕАЭС закрепляет, что таможенные и правоохранительные органы государств-членов ЕАЭС осуществляют взаимодействие с таможенными службами третьих государств и международными организациями как на основе международных договоров Союза, так и на основе двусторонних соглашений отдельных участников. В последние годы внешний контур таможенного сотрудничества ЕАЭС значительно расширился.

В 2025 году были подписаны соглашения о свободной торговле с Объединенными Арабскими Эмиратами (предусматривающие отмену пошлин на 85% товаров) и с Монголией [9]. С 15 мая 2025 года вступило в силу полноформатное Соглашение с Ираном, заменившее ранее действовавшее временное соглашение, и в его рамках организован электронный обмен информацией между таможенными администрациями [10]. Активно ведутся переговоры с Китаем о заключении соглашения по обмену сведениями о транспортных средствах, что должно существенно упростить процедуры на ключевом направлении внешней торговли.

Параллельно развивается институциональный диалог с Всемирной таможенной организацией (ВТамО) в рамках действующего Меморандума о взаимопонимании. ЕЭК регулярно участвует в заседаниях Постоянного технического комитета ВТамО, презентуя опыт ЕАЭС в сфере регулирования электронной торговли и внедрения элементов «интеллектуальной таможни» [11]. Активно сотрудничество ЕАЭС и с Европейской экономической комиссией ООН (ЕЭК ООН) по вопросам развития транспортных коридоров, механизма «единого окна» и цифровизации пунктов пропуска [12]. Несмотря на сложную геополитическую обстановку в мире, ЕАЭС проводит технические консультации и с Европейским союзом по упрощению таможенных формальностей. Расширение внешнего контура требует тщательной координации наднациональных и двусторонних обязательств во избежание правовых коллизий и обеспечения стабильности интеграционного проекта.

Проблемные аспекты правового регулирования и правоприменения.

Комплексный анализ сложившейся практики позволяет выделить несколько устойчивых проблемных блоков, требующих пристального внимания законодателя и правоприменителя.

Трансформация института взаимной административной помощи. По мере углубления интеграции такие элементы, как взаимное признание решений и обмен информацией, все чаще закрепляются в праве ЕАЭС в качестве базовых принципов. С одной стороны, это свидетельствует о высоком уровне доверия между государствами-членами, с другой – приводит к своеобразному «размыванию» классического института взаимной помощи, превращая его в рутинное внутриведомственное взаимодействие [13, с. 7–12]. В результате возникает правовая неопределенность в разграничении полномочий между наднациональными и национальными органами, что чревато как дублированием, так и возможными пробелами в регулировании.

Недостаточная гибкость наднационального регулирования. Как справедливо отмечается в литературе, нормы права ЕАЭС менее оперативны по сравнению с двусторонними межведомственными соглашениями, поскольку их актуализация требует сложной многосторонней процедуры, тогда как двусторонние договоры могут быть скорректированы гораздо быстрее и с учетом специфики конкретных стран [14, с. 10]. Это существенно ограничивает способность Союза гибко реагировать на новые вызовы, особенно в сфере управления рисками и внедрения инновационных технологий.

Межотраслевой характер и различия в национальных и экономических правовых системах. Взаимная международно-правовая помощь в таможенной сфере неизбежно пересекается с административным, уголовным и процессуальным правом. Существенные расхождения в правовых системах государств-членов – особенно в части уголовно-процессуальных норм и порядка исполнения запросов – создают дополнительные барьеры и существенно затягивают сроки исполнения [15, с. 11]. Различия в правовых стандартах доказывания, сроках давности и процессуальных гарантиях требуют дополнительных усилий по гармонизации правовых норм в ЕАЭС.

Правовая несовместимость интеграционных режимов. Наиболее острой проблемой стала правовая несовместимость членства государств в ЕАЭС и в Европейском союзе, обусловленная принципиальными различиями в политических, культурных, правовых ценностях, а также в таможенных пошлинах, технических регламентах, санитарных и фитосанитарных нормах и конкурентном праве. Эти коллизии особенно проявились в связи с евроинтеграционным курсом Армении, что создало определенные риски для стабильности всего Союза [16].

Основные направления современного развития сотрудничества таможенных и правоохранительных органов

Цифровизация как доминанта трансформации. Цифровая трансформация по праву считается главным трендом последних лет. Доля электронного декларирования в ЕАЭС устойчиво превышает 90% [17]. Внедряются системы автоматического выпуска: в Казахстане на экспорте этот показатель достигает 80%, в Беларуси – 77%, в России – 43%, а Армения активно использует «зеленый коридор» для добросовестных участников ВЭД[18]. На Евразийском экономическом форуме в Астане, прошедшем в мае 2026 года, главы государств подтвердили намерение более широко применять искусственный интеллект в риск-ориентированных подходах [19].

Единая система транзита и навигационные пломбы. С 11 февраля 2026 года на всей территории Союза запущена система отслеживания перевозок с использованием электронных навигационных пломб, что позволило сократить время таможенного контроля на 15–20% [20]. За первые месяцы зафиксировано более 40 тыс. перевозок. Пилотный проект на маршруте Россия–Беларусь показал устойчивый рост – около 8 тыс. отправлений ежемесячно. В 2026 году планируется принять решение об обязательном использовании пломб, произведенных в ЕАЭС, что должно дать стимул развитию местного производства [21].

Гармонизация и унификация законодательства. Вступление в силу масштабного пакета поправок к ТК ЕАЭС в 2026 году станет важной вехой на пути гармонизации законодательства в ЕАЭС [22]. Параллельно ведется работа по сближению национальных норм об административной ответственности за нарушения таможенных правил, что позволит повысить предсказуемость правоприменения и снизить административные барьеры. Однако процесс унификации сталкивается с объективными сложностями, связанными с различиями в правовых традициях и уровне экономического развития стран-участниц.

Участие Республики Армения в таможенном сотрудничестве: итоги, вызовы и правовые коллизии

Республика Армения присоединилась к ЕАЭС 2 января 2015 года на основании Договора о присоединении от 10 октября 2014 года [23]. За минувшее десятилетие членство в Союзе принесло стране ощутимые экономические дивиденды. ВВП страны вырос с 10,55 до 26,37 млрд долл. (в 2,5 раза), экспорт в государства-члены ЕАЭС увеличился в 10 раз, а импорт – в 4,5 раза. Внешнеторговый оборот с партнерами по Союзу достиг 8,2 млрд долл., что составляет 38,5% от общего объема [24]. Ключевым бенефитом для Армении стали льготные поставки энергоносителей из Российской Федерации по ценам ниже мировых.

Армения активно вовлечена в интеграционные проекты: она ратифицировала Соглашение о едином транзите, выступает транзитным звеном на маршруте «Перекресток мира» между ЕАЭС и Ираном, а также в рамках «Маршрута Трампа» (TRIPP) применяет нормы таможенного регулирования Союза [25].

Однако в 2025–2026 годах возникла серьезная политико-правовая коллизия, поставившая под сомнение дальнейшее участие Армении в интеграционном проекте. 26 марта 2025 года парламент Армении принял закон «О начале процесса вступления Республики Армения в Европейский союз» [26]. Премьер-министр Армении заявил, что одновременное членство в ЕАЭС и ЕС невозможно, но Армения не планирует выходить из Союза до проведения референдума [27]. Остальные государства-члены ЕАЭС выразили обеспокоенность; 29 мая 2026 года главы государств России, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана предложили провести референдум о выборе интеграционного пути [28]. Экономические последствия гипотетического выхода Армении из ЕАЭС оцениваются в потерю 14–20% ВВП [29]. В 2025 году объем армяно-российской торговли сократился на 45,4% – с 11,5 до 6,4 млрд долл. [30].

Эта ситуация ярко обнажила отсутствие в праве ЕАЭС четких процедурных механизмов реагирования на действия государства-члена ЕАЭС, несовместимые с положениями интеграционных договоров. В праве Союза не прописаны ни процедура консультаций, ни переходные режимы, ни экономические компенсационные механизмы на случай выхода государства члена из ЕАЭС. Это требует безотлагательного международно-правового регулирования.

Направления совершенствования правового регулирования

На основе проведенного анализа авторами предложен комплекс мер, направленных на повышение эффективности и устойчивости сотрудничества таможенных и правоохранительных органов в рамках ЕАЭС:

1. Разработка и принятие специального соглашения в рамках ЕАЭС о взаимной международно-правовой помощи, которое детально регламентировало бы все формы международного сотрудничества с учетом национальных процессуальных особенностей, компенсируя тем самым недостаточную гибкость наднациональных норм. Это позволит устранить правовую неопределенность и ускорить исполнение запросов.

2. Активизация работы по гармонизации национальных законодательств государств-членов ЕАЭС в части таможенного контроля и административной ответственности, сближение процессуальных стандартов для повышения эффективности взаимодействия. Целесообразно разработать модельный кодекс об административных правонарушениях в таможенной сфере.

3. Унификация цифровых форматов обмена информацией и синхронизация графиков внедрения искусственного интеллекта в таможенных службах всех стран-участниц. Необходимо создать единую платформу для обмена данными в режиме реального времени, интегрированную с системами «единого окна».

4. Расширение юрисдикции Суда ЕАЭС в части предоставления консультативных заключений по вопросам применения таможенного права, что обеспечит единообразие толкования и снизит риск коллизий. Наделение Суда правом давать официальные разъяснения по запросам национальных судов повысит правовую определенность.

5. Разработка и закрепление в праве ЕАЭС четких процедур консультаций и переходных режимов на случай выхода государства-члена, включая экономические и таможенные последствия, чтобы минимизировать дестабилизирующий эффект. Необходимо предусмотреть механизмы урегулирования споров, связанных с выходом.

6. Интенсификация взаимодействия с ВТамО и ЕЭК ООН по внедрению стандартов «умной таможни» и механизмов «единого окна», что повысит конкурентоспособность ЕАЭС на мировой арене и будет способствовать упрощению международной торговли.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, можно с уверенностью утверждать, что экономическое и правовое обеспечение сотрудничества таможенных и правоохранительных органов ЕАЭС опирается на разветвленную многоуровневую систему источников и развитые институциональные структуры. Внешнеполитический вектор Союза последовательно расширяется через заключение соглашений о свободной торговле и активный диалог с авторитетными международными организациями. Цифровизация, внедрение навигационных пломб и унификация регуляторных подходов создают солидный задел для повышения эффективности таможенного администрирования.

В то же время сохраняются системные проблемы – размывание института взаимной международно-правовой помощи, недостаточная оперативность наднационального регулирования, существенные различия в национальных правопорядках и потенциальная несовместимость интеграционных режимов. Ситуация с Арменией служит ярким индикатором этих рисков и требует незамедлительной правовой реакции со стороны всех участников интеграционного процесса в ЕАЭС. Отсутствие процедурных механизмов на случай выхода государства-члена из ЕАЭС представляет собой серьезный пробел, способный подорвать доверие к интеграционному проекту.

Для долгосрочной стабильности ЕАЭС необходимо дальнейшее совершенствование договорно-правовой базы, особенно в части процедур выхода государств-членов и механизмов единообразного применения права. Предложенные направления совершенствования (специальное соглашение о взаимопомощи, гармонизация законодательства, расширение юрисдикции Суда ЕАЭС) способны не только нивелировать существующие риски, но и придать дополнительный импульс интеграционным процессам. Дальнейшее развитие этих правовых механизмов будет способствовать беспрепятственному перемещению товаров, защите экономических суверенитетов государств-членов ЕАЭС и укреплению позиций ЕАЭС в международной экономической и правовой системах.

Литература

1. ЕАЭС официальный сайт Президента Российской Федерации: http://special.kremlin.ru/catalog/glossary/89

2. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014). URL: https://docs.eaeunion.org/ (дата обращения: 11.07.2026).

3. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе ЕАЭС от 11.04.2017). URL: https://docs.eaeunion.org/ (дата обращения: 11.07.2026).

4. Соглашение о единой системе таможенного транзита Евразийского экономического союза и третьей стороны (третьих сторон). URL: https://docs.eaeunion.org/ (дата обращения: 11.07.2026).

5. Соглашение о взаимной административной помощи таможенных органов государств – членов Таможенного союза от 21.05.2010. URL: https://docs.eaeunion.org/ (дата обращения: 11.07.2026).

6. ЕЭК продолжает совершенствовать таможенное законодательство в ЕАЭС. 06.08.2024. URL: https://e-cis.info/ (дата обращения: 11.07.2026).

7. Глава ФТС РФ: Таможенные службы ЕАЭС научились работать как одна команда. 04.06.2025. URL: https://kabar.kg/ (дата обращения: 11.07.2026).

8. ФТС России возглавила 53-е заседание Объединённой коллегии таможенных служб ЕАЭС. 26.03.2026. URL: https://www.tks.ru/ (дата обращения: 13.07.2026).

9. ЕАЭС и Монголия подписали соглашение о свободной торговле. 27.06.2025. URL: https://eec.eaeunion.org/ (дата обращения: 11.07.2026).

10. Расширяется взаимодействие таможенных служб стран ЕАЭС и Ирана. 27.11.2025. URL: https://eec.eaeunion.org/ (дата обращения: 11.07.2026).

11. ЕЭК укрепляет сотрудничество с Постоянным техническим комитетом Всемирной таможенной организации. 14.11.2025. URL: https://eec.eaeunion.org/ (дата обращения: 11.07.2026).

12. ЕЭК развивает сотрудничество с Европейской экономической комиссией ООН в сфере таможни. 02.12.2025. URL: https://eec.eaeunion.org/ (дата обращения: 11.07.2026).

13. Проблемные вопросы осуществления взаимной административной помощи таможенных органов Российской Федерации и таможенных органов государств – членов ЕАЭС и пути их разрешения // Таможенное дело. 2025. № 3. С. 7–12.

14. Там же. С. 10.

15. Там же. С. 11.

16. Заявление России, Белоруссии, Киргизии и Казахстана по Армении. 29.05.2026. URL: https://www.1tv.ru/ (дата обращения: 11.07.2026).

17. Цифра вместо бумаги: итоги таможенной революции ЕАЭС. 13.05.2026. URL: https://eec.eaeunion.org/ (дата обращения: 11.07.2026).

18. EAEU's Foreign Trade to Increase by 22%: How Customs Digitalization Helps Union's Economy Grow. 22.01.2026. URL: https://news.by/ (дата обращения: 11.07.2026).

19. Искусственный интеллект и цифровые решения в таможне: страны ЕАЭС определили приоритеты на ЕЭФ-2026 в Астане. 28.05.2026. URL: https://eec.eaeunion.org/ (дата обращения: 11.07.2026).

20. Соглашение о единой системе таможенного транзита ЕАЭС выходит на завершающий этап. 12.06.2026. URL: https://uz.sputniknews.ru/ (дата обращения: 11.07.2026).

21. Там же.

22. ЕЭК продолжает совершенствовать таможенное законодательство в ЕАЭС. 06.08.2024. URL: https://e-cis.info/ (дата обращения: 11.07.2026).

23. Договор о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (подписан 10.10.2014). URL: https://docs.eaeunion.org/ (дата обращения: 11.07.2026).

24. Путин назвал возможные последствия для Армении от выхода из ЕАЭС. 29.05.2026. URL: https://www.rbc.ru/ (дата обращения: 11.07.2026).

25. На «маршруте Трампа» будет работать армянская таможня – по правилам ЕАЭС. 19.08.2025. URL: https://golosarmenii.am/ (дата обращения: 11.07.2026).

26. Закон Республики Армения «О начале процесса вступления Республики Армения в Европейский союз» от 26.03.2025. URL: http://www.parliament.am/ (дата обращения: 11.07.2026).

27. Пашинян заявил, что Армения продолжит участие в работе ЕАЭС. 01.06.2026. URL: https://interaffairs.ru/ (дата обращения: 11.07.2026).

28. Заявление России, Белоруссии, Киргизии и Казахстана по Армении. 29.05.2026. URL: https://www.1tv.ru/ (дата обращения: 11.07.2026).

29. Armenia to lose 14% of GDP if it exits EAEU, cedes energy perks – Putin. 29.05.2026. URL: https://tass.com/ (дата обращения: 11.07.2026).

30. Оверчук: Слухи о сближении Армении с ЕС стоили торговле с РФ 5,1 млрд долларов. 02.04.2026. URL: https://rg.ru/ (дата обращения: 11.07.2026).

PUBLIC AND INTERNATIONAL LEGAL ASPECTS OF COOPERATION BETWEEN CUSTOMS AND LAW ENFORCEMENT AUTHORITIES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION IN MODERN CONDITIONS

Mishalchenko Yu.V., Borisov G.V., Mironova M.A.
St. Petersburg Branch of the Russian Customs Academy, Department of Judicial Work and Enforcement Proceedings, Peterburgteploenergo LLC, Main Directorate of the Ministry of Emergency Situations of Russia for St. Petersburg

This article presents an analysis of the public-law and international-law foundations of interaction between customs authorities and law enforcement agencies of the member states of the Eurasian Economic Union. The research draws on a wide range of normative sources – from the Treaty on the EAEU and the Customs Code of the Union to multilateral and bilateral agreements – as well as on current law enforcement practice and statistical data. The authors examine institutional coordination mechanisms in the activities of the EAEU interstate bodies (the Joint Board of Customs Services, the Eurasian Economic Commission), analyze contemporary trends (digitalization, the introduction of navigation seals, harmonization of legislation), and identify systemic problems of legal regulation. Special emphasis is placed on analyzing the participation of the Republic of Armenia in customs cooperation within the EAEU in the context of its parallel course towards European integration, which has made it possible to identify latent risks to the integration project. Based on the findings of the study, a set of specific proposals is formulated to improve the treaty-based legal framework, aimed at enhancing the sustainability and effectiveness of cooperation between customs and law enforcement authorities in conditions of geopolitical turbulence.

Keywords: Eurasian Economic Union, customs authorities, law enforcement authorities, international cooperation, international legal assistance, Customs Code of the EAEU, international treaties, digitalization, Joint Board of Customs Services, Republic of Armenia, economic integration.

References

1. EAEU official website of the President of the Russian Federation: http://special.kremlin.ru/catalog/glossary/89

2. Treaty on the Eurasian Economic Union (signed in Astana on 29 May 2014). URL: https://docs.eaeunion.org/ (accessed: 11 July 2026).

3. Customs Code of the Eurasian Economic Union (Appendix № 1 to the Treaty on the Customs Code of the EAEU of 11 April 2017). URL: https://docs.eaeunion.org/ (accessed: 11 July 2026).

4. Agreement on a Unified System of Customs Transit of the Eurasian Economic Union and a Third Party (Third Parties). URL: https://docs.eaeunion.org/ (accessed: 11 July 2026).

5. Agreement on Mutual Administrative Assistance of the Customs Authorities of the Member States of the Customs Union of 21 May 2010. URL: https://docs.eaeunion.org/ (accessed: 11 July 2026).

6. The EEC Continues to Improve Customs Legislation in the EAEU. 6 August 2024. URL: https://e-cis.info/ (accessed: 11 July 2026).

7. Head of the FCS of Russia: Customs Services of the EAEU Have Learned to Work as One Team. 4 June 2025. URL: https://kabar.kg/ (accessed: 11 July 2026).

8. FCS of Russia Chaired the 53rd Meeting of the Joint Board of Customs Services of the EAEU. 26 March 2026. URL: https://www.tks.ru/ (accessed: 13 July 2026).

9. The EAEU and Mongolia Signed a Free Trade Agreement. 27 June 2025. URL: https://eec.eaeunion.org/ (accessed: 11 July 2026).

10. Cooperation between the Customs Services of the EAEU Countries and Iran Is Expanding. 27 November 2025. URL: https://eec.eaeunion.org/ (accessed: 11 July 2026).

11. The EEC Strengthens Cooperation with the Permanent Technical Committee of the World Customs Organization. 14 November 2025. URL: https://eec.eaeunion.org/ (accessed: 11 July 2026).

12. The EEC Develops Cooperation with the United Nations Economic Commission for Europe in the Field of Customs. 2 December 2025. URL: https://eec.eaeunion.org/ (accessed: 11 July 2026).

13. Problematic Issues of Mutual Administrative Assistance between the Customs Authorities of the Russian Federation and the Customs Authorities of the EAEU Member States and Ways to Resolve Them // Customs Affairs. 2025. № 3. P. 7–12.

14. Ibid. P. 10.

15. Ibid. P. 11.

16. Statement of Russia, Belarus, Kyrgyzstan and Kazakhstan on Armenia. 29 May 2026. URL: https://www.1tv.ru/ (accessed: 11 July 2026).

17. Digital Instead of Paper: Results of the EAEU Customs Revolution. 13 May 2026. URL: https://eec.eaeunion.org/ (accessed: 11 July 2026).

18. EAEU's Foreign Trade to Increase by 22%: How Customs Digitalization Helps Union's Economy Grow. 22 January 2026. URL: https://news.by/ (accessed: 11 July 2026).

19. Artificial Intelligence and Digital Solutions in Customs: EAEU Countries Defined Priorities at the EEF2026 in Astana. 28 May 2026. URL: https://eec.eaeunion.org/ (accessed: 11 July 2026).

20. Agreement on the Unified System of Customs Transit of the EAEU Enters Its Final Stage. 12 June 2026. URL: https://uz.sputniknews.ru/ (accessed: 11 July 2026).

21. Ibid.

22. The EEC Continues to Improve Customs Legislation in the EAEU. 6 August 2024. URL: https://e-cis.info/ (accessed: 11 July 2026).

23. Treaty on the Accession of the Republic of Armenia to the Treaty on the Eurasian Economic Union of 29 May 2014 (signed on 10 October 2014). URL: https://docs.eaeunion.org/ (accessed: 11 July 2026).

24. Putin Named Possible Consequences for Armenia from Withdrawal from the EAEU. 29 May 2026. URL: https://www.rbc.ru/ (accessed: 11 July 2026).

25. Armenian Customs Will Operate on the «Trump Route» – According to EAEU Rules. 19 August 2025. URL: https://golosarmenii.am/ (accessed: 11 July 2026).

26. Law of the Republic of Armenia «On the Start of the Process of Accession of the Republic of Armenia to the European Union» of 26 March 2025. URL: http://www.parliament.am/ (accessed: 11 July 2026).

27. Pashinyan Stated that Armenia Will Continue to Participate in the Work of the EAEU. 1 June 2026. URL: https://interaffairs.ru/ (accessed: 11 July 2026).

28. Statement of Russia, Belarus, Kyrgyzstan and Kazakhstan on Armenia. 29 May 2026. URL: https://www.1tv.ru/ (accessed: 11 July 2026).

29. Armenia to lose 14% of GDP if it exits EAEU, cedes energy perks – Putin. 29 May 2026. URL: https://tass.com/ (accessed: 11 July 2026).

30. Overchuk: Rumors of Armenia's Rapprochement with the EU Cost Trade with Russia $5.1 Billion. 2 April 2026. URL: https://rg.ru/ (accessed: 11 July 2026).

Категория «преследование» и стандарт «вполне обоснованных опасений» в международном беженском праве

Пайтян Роза Хачиковна,
старший преподаватель кафедры международного права Юридического института Сибирского Федерального университета
E-mail: rozpat@yandex.ru

Настоящая статья посвящена анализу дефиниции преследования в международном праве и раскрытию содержания стандарта «вполне обоснованных опасений». Автором аргументируется идея индивидуализированного подхода в предоставлении убежища и предлагается авторское определение понятия «преследование» как процесс систематического ущемления индивида, выражающийся в серии нарушений прав человека, которые в своей совокупности образуют критическую массу давления, эквивалентную намеренному лишению прав и свобод человека, что делает невозможным дальнейшее пребывание в государстве. Такая интерпретация позволяет учитывать серию событий, которые по отдельности не могли стать основанием преследования, но в своей совокупности создали реальный риск человеческого достоинства. Кроме того, обосновывается необходимость реализации комплексного психолого-правового подхода при реализации международных стандартов защиты беженцев, направленного на установление причинно-следственной связи между оправданным страхом лица стать жертвой преследования и дискриминационными основаниями. Авторская позиция выражается в необходимости интеграции в национальные акты таких механизмов, которые будут учитывать не только внешние факторы, но и внутреннее отношение лица к возникшей ситуации.

Ключевые слова: Преследование, беженец, убежище, права человека, обоснованность опасений.

Особого внимания в рамках исследования института убежища, заслуживает категория «преследование», как ключевой критерий для определения правового статуса беженца. Одним из наиболее важных доктринальных достижений в области права беженцев за последние годы стало всестороннее смещение акцента в сторону определения понятия преследования, а также других элементов этой категории, в контексте международных стандартов в области прав человека.

Представленный правозащитный подход к интерпретации понятия преследования разделяется ведущими представителями науки международного права. Признавая справедливость такого подхода, следует отметить, что в современном мире международно-правовая защита беженцев не может существовать автономно и рассматриваться как самостоятельный институт. Она представляет собой элемент глобального правопорядка и безопасности, обеспечивающий права и свободы личности в соответствии со стандартами ООН.

Разделяя эту позицию, профессор Д.Хэтэуэй, определяет преследование как устойчивое или системное нарушение базовых прав человека, свидетельствующее о неспособности государства обеспечить защиту. Кроме того, автор указывает на то, что обязательные к исполнению международные договоры в рамках «международного права прав человека» могут служить основой для определения того, является ли характер и тяжесть причиненного вреда в конкретном контексте пыткой [1, с.182]. Это развитие событий имеет принципиальное значение во многих отношениях и играет важную роль в будущем толковании Конвенции 1951 г. и включении в нее вопросов гендерного насилия [2, с.33].

Являясь материально-правовым основанием для обращения за защитой, тем не менее, понятие «преследование» не имеет легального определения в международных документах. Конвенция 1951 года устанавливает квалифицирующие факторы такого преследования, и относит к ним пять основных критериев, таких как раса, вероисповедание, гражданство, принадлежность к социальной группе и политическим убеждениям. Помимо отсутствия общей дефиниции «преследования», конвенционные нормы в том числе не раскрывает содержание этих категорий.

Отсутствие императивных критериев определения таких понятий, на наш взгляд, не является правовым упущением, а представляет собой специально созданный механизм, позволяющий институту убежища эволюционировать вместе с меняющимися событиями, интегрировать вновь возникающие угрозы в существующую систему защиты, соответствовать потребностям личности, вне зависимости от исторического периода. На сегодняшний день, в рамках конвенционного регулирования института убежища, отсутствуют такие актуальные факторы преследования, как экологические, экономические, климатические, гендерные и иные, вновь возникающие с развитием человечества.

Безусловно, традиционная система защиты прав беженцев, базирующаяся на универсальных основах прав человека, является незыблемой и стабильной, однако динамика общественных отношений свидетельствует о необходимости открытых категорий для возможности актуализации их содержания, без внесения изменений в фундаментальные документы. Толкование понятия «преследования» невозможно осуществлять в разрыве от общей системы прав человека, и в отрыве от конкретной ситуации, поскольку оно должно варьироваться в зависимости от степени уязвимости конкретного индивида и от обстоятельств в каждом случае [3, с.217].

Согласно позиции УВКБ ООН, закрепленной в Руководстве по процедурам и критериям определения статуса беженцев, совокупность действий, которые сами по себе не являются репрессивными, но существенно ограничивают права человека и угрожают его безопасности, может рассматриваться как таковые в силу их совокупного эффекта. Проситель может подвергаться различным формам дискриминации, которые не подпадают под понятия «преследование», но различные элементы, вместе взятые, воздействуют на психологическое состояние просителя. В такой ситуации невозможно выработать общую позицию относительно перечня причин, которые могут впоследствии вызвать требования о предоставлении статуса беженца [4, п. 53].

Изложенное позволяет утверждать, что преследование в контексте прав человека не должно и не может иметь исчерпывающий перечень

актов, поскольку это субъективная категория, неразрывно сопряженная с индивидуальными характеристиками человека. Индивид может расценить как акт преследования, то, что является действием дискриминационного характера. Представляется необходимым, ввести в национальные акты такие механизмы оценки преследования индивида, которые будут учитывать не только внешние факторы, но и внутреннее отношение лица к возникшей ситуации.

Предлагается обеспечить непрерывное сопровождение заявителя на этапе интервьюирования специалистами в области психологии, чтобы минимизировать риски при ответах, и обеспечить право на справедливую процедуру. Первичные показания заявителя на убежище при заполнении документов, являются определяющим фактором для решения его дела. Миграционные службы исходят из того, что именно первые, спонтанно полученные ответы, соответствуют истине. Если в дальнейшем беженец начинает дополнять свои показания новыми угрожающими деталями, для преувеличения опасности обстоятельств, это часто воспринимается властями как попытка манипуляции, и ставит под сомнение все его дело[5, с.48]. Как результат, миграционные службы отказывают в предоставлении убежища. Таким образом, необходимость психологического сопровождения продиктована не только гуманитарными соображениями, но и требованиями обеспечения процессуальных прав заявителя.

Учеными активно поддерживается идея индивидуализированного подхода в предоставлении убежища. Профессор В.Келин настаивает, что статус беженца должен зависеть не только от интенсивности боев в регионе, но и от того, насколько конкретный человек способен выносить эти условия, в силу пола, здоровья, возраста. Кроме того, он обосновывает необходимость признания, что «если война или конфликт не имеют специфического воздействия», опасения заявителя беженца могут быть основаны на «конкретных формах лишения прав в обществе происхождения» [6].

Концепция кумулятивного преследования является юридически оправданной, так как при таком подходе необходимо проводить оценку внешней опасности и внутренней возможности заявителя противостоять ей, кроме того, она позволяет учитывать серию событий, которые по отдельности не могли стать основанием преследования, но в своей совокупности создали реальный риск человеческого достоинства.

Для наглядного подтверждения, можно указать на отсутствие формализованного климатического или экономического основания преследования. В данном контексте угроза жизни и безопасности исходит из систематических действий дискриминационного характера, которые сами по себе не являются преследованием, но в совокупности создают условия несовместимые с человеческим достоинством. Нарушение социально-экономических прав человека, лишение доступа к ресурсам жизнедеятельности, голод, делают невозможным проживание в этом государстве и вынуждают лицо искать международную защиту. При такой ситуации, когда индивид сталкивается с невозможностью дальнейшей реализации своих прав и свобод в стране происхождения по совокупным причинам, категория преследования должна трансформироваться из нормативного понятия в активный правовой механизм защиты, направленный на компенсацию утраченной связи между гражданином и государством.

Поддерживая концепцию кумулятивного подхода, предлагается определить преследование как процесс систематического ущемления индивида, выражающийся в серии нарушений прав человека, которые в своей совокупности образуют критическую массу давления, эквивалентную намеренному лишению прав и свобод человека, что делает невозможным дальнейшее пребывание в государстве.

В соответствии с Конвенцией 1951 года для того, чтобы предоставить статус беженца, необходимо обосновать опасения, связанные с притеснениями по расовым, национальным признакам, или принадлежностью к определенной социальной группе. Международные документы не содержат легального определения такого ключевого элемента системы института убежища как «обоснованность опасений».

Для признания статуса беженца обязательным является наличие причинно-следственной связи между оправданным страхом лица стать жертвой преследования и дискриминационными основаниями, указанными в Конвенции [7, п. 11]. В контексте международного права это предполагает, что преследование должно быть обусловлено именно теми факторами идентичности или убеждений, которые поименованы документе. Наличие доказанной устойчивой связи между риском преследования и хотя бы одним из конвенционных оснований может свидетельствовать о необходимости предоставления защиты.

Фундаментальное требование о наличии причинно-следственной связи между риском преследования и личностью заявителя, закрепленное в Конвенции 1951 г., получает свое содержательное развитие в актах вспомогательного характера. В частности, в Заключении Исполнительного комитета УВКБ ООН № 103 (LVI) 2005 г. [8] подчеркивается, что оценка обоснованных опасений лица должна носить комплексный характер и учитывать не только личные обстоятельства заявителя, но и более широкий контекст нарушений прав человека в стране исхода. Позиция Исполкома ориентирует правоприменительные органы на отход от формального сопоставления фактов с перечнем конвенционных оснований к содержательному анализу реальной угрозы безопасности лица, рассматриваемый через призму общего состояния правовой защищенности в государстве его происхождения.

Вместе с тем, эффективность установления такой связи напрямую зависит от анализа внутреннего состояния заявителя, а именно интерпретации страха преследования. УВКБ ООН в своих документах раскрывает понятие «обоснованных опасений» через ее двойственную природу, в котором требуется учитывать субъективный и объективный факторы, тем самым устанавливает, что определение статуса беженца сопряжено с психологическим процессом, помимо правового. В частности, в Руководствах по международной защите № 8 указано, что лицам, принимающим решения, необходимо проводить точный анализ и знать обстоятельства жизни человека в стране происхождения, чтобы провести «объективную оценку риска, с которым может столкнуться ребенок, независимо от опасений этого ребенка» [9].

Субъективизм выражается через страх ребенка, объективизм– оценкой ситуации в стране в целом, что позволяет восполнить субъективный компонент, поскольку ребенок в силу возраста не способен в полной мере его раскрыть. Этот подход опирается на универсальные нормы и закреплен в ст. 3 Конвенции ООН о правах ребенка. Согласно этой норме, в обязанность государства входит гарантирование ребенку такого уровня защиты, который необходим для его благополучного развития и максимального обеспечения его интересов [10]. Таким образом резюмируется обязанность национальных органов способствовать наилучшему исходу, путем оказания содействия при проведении объективной оценки и установления рисков, которые ребенок мог не осознавать.

Представляется верным определить «обоснованность опасений преследования» как правовую категорию, отражающую динамический процесс соотношения субъективных рисков нарушения фундаментальных прав человека с объективными угрозами и вероятностью наступления вреда, которые возможно подтвердить путем согласованных действий заявителя и государства.

Тенденции изменяющегося миропорядка свидетельствуют о том, что при наличии сформированной правовой базы в этой области, тем не менее, необходимо проводить политику, направленную на учет современных вызовов и рисков и оперативно на них реагировать. Кроме того, необходимо признать человека в качестве активного субъекта, обладающего правом на защиту от дискриминации, в том числе, на основе алгоритмов, интегрированных в цифровые границы миграционного контроля. При обеспечении баланса государственной безопасности и достойного уровня защиты прав беженцев, путем трансформации существующих норм в реальные гарантии, особенно важно учитывать объективные причины исхода, без оценки социального и демографического профиля человека. Такая политика позволит обеспечить жизнеспособность института убежища как элемента реализации фундаментальных прав и свобод человека в ситуациях, когда внутригосударственные механизмы правовой охраны неспособны реализовать свои функции или неэффективны.

Литература

1. Хэтэуэй, Дж.С. Правовой статус беженцев / Дж.С. Хэтэуэй, М. Фостер. – 2-е изд. – Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 2014. – 182 с.

2. Фостер, М. Концепция прав человека для толкования Конвенции о статусе беженцев // Международное беженское право и социально-экономические права: защита от депривации / М. Фостер. – Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 2007. – С. 33.

3. Яковлева, О. А. К вопросу о толковании термина «преследование» в Конвенции о статусе беженцев 1951 года // Правовые проблемы укрепления Российской государственности: сб. ст. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – Ч. 34. – С. 217.

4. Руководство по процедурам и критериям определения статуса беженцев согласно Конвенции 1951 года и Протоколу 1967 года, касающихся статуса беженцев. – Переизд. – Женева: УВКБ ООН, 2019. – URL: refworld.org (дата обращения: 13.04.2026). – П. 53.

5. Клинова, Е.В. Правовое положение беженцев в странах Европейского Союза (Статус беженца, право на убежище) / Е.В. Клинова // Правовое положение беженцев в странах Европейского Союза (Статус беженца, право на убежище). – 2000. – № 2000. – URL: cyberleninka.ru (дата обращения: 16.04.2026). – С. 48.

6. Хольцер, В. Конвенция о статусе беженцев 1951 года и защита лиц, спасающихся от вооруженных конфликтов / В. Хольцер. – Женева: УВКБ ООН, 2012. – С. 15. – URL: refworld.org (дата обращения: 14.04.2026).

7. Позиция УВКБ ООН относительно заявлений о предоставлении статуса беженца в силу опасений стать жертвой преследований вследствие принадлежности лица к семье или клану, вовлеченным в родовую вражду: документ УВКБ ООН от 17 марта 2006 г. – URL: refworld.org (дата обращения: 15.04.2026). – П. 11.

8. Заключение Исполнительного комитета Программы УВКБ ООН № 103 (LVI) «Об обеспечении международной защиты и эффективных подходов к решению проблем беженцев» (2005 г.) // Официальный сайт УВКБ ООН. – URL: unhcr.org (дата обращения: 15.04.2026).

9. Руководство по международной защите № 8: Ходатайства детей о предоставлении убежища в соответствии со статьей 1(A)2 и 1(F) Конвенции 1951 года и/или Протокола 1967 года, касающихся статуса беженцев: HCR/GIP/09/08 / Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев. – Женева: УВКБ ООН, 2009. – 35 с. – URL: unhcr.org_№ 8.pdf (дата обращения: 14.04.2026).

10. Конвенция о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989. – Ст. 3 // Официальный сайт ООН. – URL: un.org (дата обращения: 14.04.2026).

«THE CATEGORY OF ‹PERSECUTION» AND THE «WELL-FOUNDED FEAR» STANDARD IN INTERNATIONAL REFUGEE LAW

Paytyan R.X.
Siberian Federal University

This article analyzes the definition of persecution in international law and explores the “well-founded fear” standard. The author argues for an individualized approach to asylum and offers her own definition of persecution as a process of systematic infringement of an individual, expressed through a series of human rights violations that, taken together, constitute a critical mass of pressure equivalent to the intentional deprivation of a person’s rights and freedoms, making further stay in the state impossible. This interpretation allows for the consideration of a series of events that, individually, could not constitute grounds for persecution, but, taken together, create a real risk to human dignity. Furthermore, the article substantiates the need for a comprehensive psychological and legal approach in the implementation of international refugee protection standards, aimed at establishing a causal link between an individual’s justified fear of persecution and discriminatory grounds. The author advocates the integration of mechanisms into national legislation that consider not only external factors but also the individual’s internal attitude toward the situation.

Keywords: persecution, refugee, asylum, human rights, well-founded fear.

References

1. Hathaway, J. C. and Foster, M. (2014) The Law of Refugee Status. 2nd edn. Cambridge: Cambridge University Press, p. 182.

2. Foster, M. (2007) ‘A human rights framework for interpreting the refugee convention’, in International Refugee Law and Socio-Economic Rights: Refuge from Deprivation. Cambridge: Cambridge University Press, p. 33.

3. Yakovleva, O. A. (2006) ‘To the question of the interpretation of the term “persecution” in the 1951 Convention Relating to the Status of Refugees’, in [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Tomsk, pt. 34, p. 217.

4. UNHCR (2019) Handbook on Procedures and Criteria for Determining Refugee Status under the 1951 Convention and the 1967 Protocol relating to the Status of Refugees. Reissued. Geneva: UNHCR. Available at: refworld.org (Accessed: 13 April 2026). P. 53.

5. Klinova, E. V. (2000) ‘Legal status of refugees in the European Union countries (Refugee status, right to asylum)’, [Legal status of refugees in the European Union countries (Refugee status, right to asylum)], (2000). Available at: cyberleninka.ru (Accessed: 16 April 2026), p. 48.

6. Holzer, V. (2012) The 1951 Refugee Convention and the Protection of People Fleeing Armed Conflict. Geneva: UNHCR, p. 15. Available at: refworld.org (Accessed: 14 April 2026).

7. UNHCR (2006) UNHCR Position on Claims for Refugee Status Based on a Fear of Being Persecuted Due to Membership in a Family or Clan Involved in a Blood Feud: UNHCR Document dated March 17, 2006. Available at: refworld.org (Accessed: 15 April 2026), para. 11.

8. UNHCR (2005) Conclusion of the Executive Committee of the UNHCR Programme No. 103 (LVI) ‘On providing international protection and effective approaches to solving refugee problems’. Official UNHCR website. Available at: unhcr.org (Accessed: 15 April 2026).

9. UNHCR (2009) Guidelines on International Protection No. 8: Child Asylum Claims under Articles 1(A)2 and 1(F) of the 1951 Convention and/or 1967 Protocol relating to the Status of Refugees: HCR/GIP/09/08. Geneva: UNHCR, 35 p. Available at: unhcr.org_№ 8.pdf (Accessed: 14 April 2026).

10. UN (1989) Convention on the Rights of the Child: Approved by the UN General Assembly on November 20, 1989. Art. 3. Official UN website. Available at: un.org (Accessed: 14 April 2026).

Проблемы международно-правовой эффективности полярного кодекса

Романович Елизавета Павловна,
аспирант, арбитражный управляющий, Славяно-Греко-Римская Академия
E-mail: liva-909@yandex.ru

В статье исследованы проблемы международно-правовой эффективности Полярного кодекса как специального инструмента ИМО, регулирующего безопасность судоходства и предотвращение загрязнения в полярных водах. Установлено, что Кодекс, вступивший в силу 1 января 2017 г. и интегрированный в систему СОЛАС и МАРПОЛ, создал важную нормативную основу для эксплуатации судов в Арктике и Антарктике, включая требования к конструкции судна, навигации, подготовке экипажа, полярной сертификации и предотвращению сбросов нефти, сточных вод и мусора[1][2][3],. Вместе с тем анализ показал, что его международно-правовая эффективность ограничена частичной обязательностью, исключением отдельных категорий судов, зависимостью от государства флага, слабой унификацией механизмов ответственности и недостаточным мониторингом исполнения в удаленных арктических районах[4][5][6],. В ходе исследования были сопоставлены нормы Полярного кодекса, UNCLOS, МАРПОЛ и российские акты о регулировании судоходства по Северному морскому пути, а также проанализированы задокументированные примеры правоприменения и данные о росте арктического судоходства[7][8][9][10],. Полученные результаты подтвердили, что формальная нормативная достаточность Кодекса не трансформировалась в эквивалентную эффективность исполнения. Сделан вывод о необходимости уточнения экологических предписаний, расширения охвата Кодекса, укрепления портового и флагового контроля, а также более тесной интеграции международных стандартов с национальными механизмами ответственности и мониторинга[11][12][13],.

Ключевые слова: Полярный кодекс, Арктика, международное морское право, МАРПОЛ, СОЛАС, Северный морской путь, загрязнение морской среды, государство флага, международно-правовая эффективность.

Введение

Полярный кодекс занял центральное место в современном регулировании арктического судоходства, поскольку именно он впервые объединил требования безопасности мореплавания и охраны уязвимой полярной среды в едином специализированном международном акте[14]. Его появление было связано с осознанием того, что общие режимы СОЛАС и МАРПОЛ не учитывали в полной мере ледовые условия, низкие температуры, длительную темноту, удаленность районов и ограниченность поисково-спасательной инфраструктуры в Арктике[15]. При этом рост хозяйственной активности и перевозок в высоких широтах придал вопросу не только экологическое, но и геоэкономическое значение, особенно в связи с развитием Северного морского пути[16].

Однако международно-правовая эффективность Кодекса не может оцениваться только по факту его принятия. Под такой эффективностью в настоящем исследовании понималась степень, в которой международная норма не только формально действует, но и реально обеспечивает единообразное соблюдение, предупреждение нарушений и наступление юридических последствий при их совершении[17]. Именно на этом уровне обнаруживается ключевое противоречие: Кодекс прогрессивен по содержанию, но ограничен по охвату, по механизмам контроля и по способности преодолевать разрыв между международным стандартом и национальным правоприменением[18]. Дополнительную сложность создает то, что правовой режим Арктики вообще строится не на едином специальном договоре, а на совокупности UNCLOS, МАРПОЛ, СОЛАС, актов ИМО, региональных форматов и внутреннего законодательства прибрежных государств[19][20],.

Цель и задачи

Цель исследования состояла в выявлении факторов, ограничивающих международно-правовую эффективность Полярного кодекса в Арктике, и в определении того, насколько его нормы обеспечили реальное повышение экологической и навигационной безопасности после вступления в силу[21]. Для достижения этой цели были решены задачи сопоставления структуры и обязательности частей Кодекса, анализа его связи с UNCLOS, СОЛАС и МАРПОЛ, оценки пробелов в предметном и субъектном охвате, а также проверки того, как международные требования были восприняты национальным регулированием и правоприменением России как ключевого арктического прибрежного государства[22]. Отдельно были исследованы эмпирические индикаторы эффективности: рост числа судов и дней судоходства в зоне действия Кодекса, распределение ответственности между государствами флага и прибрежными государствами, а также документированные случаи загрязнения и применения мер ответственности[23].

Гипотеза исследования

Гипотеза исследования состояла в том, что ограниченная международно-правовая эффективность Полярного кодекса была обусловлена не от-

[1] RESOLUTION MEPC.264(68) Международный кодекс для судов, работающих в полярных водах (Polar Code) [Электронный ресурс] // International Maritime Organization. URL: https://wwwcdn.imo.org/localresources/en/KnowledgeCentre/IndexofIMOResolutions/MEPCDocuments/MEPC.264(68).pdf.

[2] INTERNATIONAL CODE FOR SHIPS OPERATING IN POLAR WATERS (POLAR CODE) [Электронный ресурс] // Международная морская организация. URL: https://wwwcdn.imo.org/localresources/en/MediaCentre/HotTopics/Documents/POLAR%20CODE%20TEXT%20AS%20ADOPTED.pdf.

[3] Петухов Д.В. Правовые механизмы защиты морской среды Арктики от загрязнения: российское законодательство и международные стандарты // Право и политика. 2025. № 10. С. 16–27.

[4] Arctic Council report analyzes flag states and legal obligations in Arctic shipping – Eye on the Arctic [Электронный ресурс] // RCInet.ca. URL: https://www.rcinet.ca/eye-on-the-arctic/2024/01/10/arctic-council-report-analyzes-flag-states-and-legal-obligations-in-arctic-shipping/.

[5] Полярный кодекс в системе международного права в области предотвращения чрезвычайных ситуаций [Электронный ресурс] // jomeam.ru. URL: https://jomeam.ru/ru/nauka/article/122985/view.

[6] Никифорова Е.Н. К вопросу о модели диагностики сформированности компетенций при подготовке кадров для Арктики // ББК 67.9, 67.400 С56 Рецензенты. 2023. С. 90.

[7] Федеральный закон от 28.07.2012 № 132-ФЗ о внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации в части государственного регулирования торгового мореплавания в акватории Северного морского пути [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Российской Федерации. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/35786/print.

[8] Arctic shipping 2013 6: the traffic has grown, with big variation between regions, seasons and ship types [Блокировка] // Nofima. URL: https://nofima.no/publikasjon/10143918/.

[9] Humpert M. Polar Code May Need Updating as Arctic Shipping Increases New Study Concludes [Электронный ресурс] // High North News. URL: https://en.highnorthnews.com/business/polar-code-may-need-updating-as-arctic-shipping-increases-new-study-concludes/172884.

[10] Колюшко Н.А. Красноярский край в контексте арктического развития: вызовы в условиях глобального конкурентного окружения (роль Северного морского пути в международных отношениях): дис. – Сибирский федеральный университет, 2026.

[11] Гаппоев М.А. Изменения к Руководству по применению положений Международного кодекса для судов, эксплуатирующихся в полярных водах (Полярного кодекса) (15.10.2020) Перечень изменений [Электронный ресурс] // РС. URL: https://lk.rs-class.org/regbook/getDocument2?d=311–05–2064&type=rc_rus.

[12] The Polar Code in the System of International Law on Emergency Prevention [Электронный ресурс] // jomeam.ru. URL: https://jomeam.ru/en/nauka/article/122985/view.

[13] Правовая охрана морской среды от разливов нефти и нефтепродуктов [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-ohrana-morskoy-sredy-ot-razlivov-nefti-i-nefteproduktov.

[14] INTERNATIONAL CODE FOR SHIPS OPERATING IN POLAR WATERS (POLAR CODE) [Электронный ресурс] // Международная морская организация. URL: https://wwwcdn.imo.org/localresources/en/MediaCentre/HotTopics/Documents/POLAR%20CODE%20TEXT%20AS%20ADOPTED.pdf.

[15] RESOLUTION MSC.385(94) (adopted on 21 November 2014) INTERNATIONAL CODE FOR SHIPS OPERATING IN POLAR WATERS (POLAR CODE) [Электронный ресурс] // International Maritime Organization (IMO). URL: https://wwwcdn.imo.org/localresources/en/KnowledgeCentre/IndexofIMOResolutions/MSCResolutions/MSC.385(94).pdf.

[16] Калинина Н.И., Дубровская Е.Н., Сладкова Ю.Н., Крийт В.Е. Современные проблемы светового климата на судах. Нормативные документы в области освещения // Российская Арктика. 2025. Т. 7, № 3. С. 45–51.

[17] Скаридов А.С. «Зеленое судоходство» и проблема устойчивого использования морского транспорта // Международное право и международные организации. 2021. № 1. С. 31–45.

[18] Петухов Д.В. Правовые механизмы защиты морской среды Арктики от загрязнения: российское законодательство и международные стандарты // Право и политика. 2025. № 10. С. 16–27.

[19] Закаурцева Т.А. Современная арктическая политика Королевства Дания.

[20] Ивченко А.А. Арктический регион в системе международных отношений: история и современность: дис. – Сибирский федеральный университет, 2024.

[21] International Code for Ships Operating in Polar Waters (Polar Code) [Электронный ресурс] // IMO. URL: https://www.imo.org/en/ourwork/safety/pages/polar-code.aspx.

[22] Колюшко Н.А. Красноярский край в контексте арктического развития: вызовы в условиях глобального конкурентного окружения (роль Северного морского пути в международных отношениях): дис. – Сибирский федеральный университет, 2026.

[23] Arctic shipping 2013 6: the traffic has grown, with big variation between regions, seasons and ship types [Блокировка] // Nofima. URL: https://nofima.no/publikasjon/10143918/.

сутствием нормативного содержания как такового, а институциональной конструкцией его реализации[1]. Предполагалось, что ключевые дефекты проявились в четырех измерениях: частичной обязательности норм, исключении значимых категорий судов, опоре на контроль государства флага при слабом внешнем мониторинге и недостаточной детализации механизмов ответственности за экологические нарушения[2]. Также выдвигалось предположение, что увеличение арктического трафика после 2017 г. усилило не только значение Кодекса, но и видимость его пробелов, поскольку расширение судоходства происходило быстрее, чем развитие унифицированных механизмов контроля и адаптация норм к новым типам судов и новым рискам[3].

Методология

Исследование было проведено на основе сочетания сравнительно-правового, формально-юридического, системного и кейс-метода, что соответствовало характеру поставленной проблемы[4]. На первом этапе были отобраны и проанализированы нормативные источники: текст Полярного кодекса, резолюции MSC.385(94) и MEPC.264(68), поправки 2023 г., положения UNCLOS, а также российские акты, регулирующие акваторию Северного морского пути и освидетельствование судов[56],. На втором этапе была выполнена матрица сравнения по критериям обязательности, субъектного охвата, экологических запретов, сертификационных требований и механизмов исполнения[7]. На третьем этапе были включены эмпирические данные о фактическом использовании зоны действия Кодекса в 2022 г. и динамике судоходства в 2013–2022 гг..[8] На четвертом этапе был проведен анализ кейса сброса нефтесодержащих вод с судна «Мыс Корсакова» как примера соотношения международных стандартов и национального санкционного механизма[9].

Для систематизации результатов применялись четыре аналитических параметра: нормативная полнота, охват судов, исполнимость и адаптивность. В таблице 1 представлено сводное сравнение этих параметров применительно к Полярному кодексу.

Таблица 1. Критерии оценки международно-правовой эффективности Полярного кодекса

Параметр	Наличие в Кодексе	Выявленное ограничение
Нормативная полнота	Есть требования по безопасности и предотвращению загрязнения	Часть положений носит рекомендательный характер
Охват судов	Охватывает суда под СОЛАС/МАРПОЛ с полярной сертификацией	Долгое время не охватывал военные и рыболовные суда, малые суда
Исполнимость	Основана на сертификации, контроле флага и портовом контроле	Нет унифицированных процедур ответственности и слаб мониторинг
Адаптивность	Имеются поправки 2023 г.	Реакция на новые риски и типы судов запаздывала

Проведение эксперимента

Эмпирическая часть исследования была проведена как правовой эксперимент в форме проверки гипотезы на совокупности нормативных и фактических данных. Сначала были выделены обязательные элементы режима: наличие Полярного судового сертификата, Руководства по эксплуатации в полярных водах, категорий A, B, C, запретов на сброс нефти и вредных веществ, а также требований к экипажу и навигации[10]. Затем эти элементы были сопоставлены с реально зафиксированными параметрами арктического судоходства. В 2022 г. в зоне действия Полярного кодекса находилось 1661 уникальное судно под флагами 42 государств; из них 885 судов шли под российским флагом, 180 под норвежским и 122 под датским[11]. Это позволило проверить, как режим, формально построенный на универсальном международном стандарте, функционировал в условиях высокой концентрации трафика у ограниченного круга государств[12].

Следующим шагом стала проверка адаптивности Кодекса к изменению состава флота. Были изучены поправки 2023 г., распространившие требования на рыболовные суда длиной от 24 м, прогулочные яхты от 300 GT и грузовые суда от 300 до 500 GT с вступлением в силу с 1 января 2026 г..[13] Сам факт принятия этих поправок показал, что первоначальная модель 2017 г. не охватывала часть реально эксплуатируемых в Арктике судов[14]. Наконец, был проанализирован кейс 2018–2020 гг. со сбросом 6 м³ нефтесодержащих вод с судна «Мыс Корсакова», по которому последовало административное, а не уголовное реагирование. Этот кейс использовался как тест на способность международного режима порождать строгие и эффективные последствия на национальном уровне.

Анализ данных

Данные о росте судоходства усилили значимость этого вывода. В 2013–2022 гг. судоходство в зоне Полярного кодекса росло в среднем на 8,7% в год, а в Карском море – на 14% в год; зимне-весеннее судоходство по СМП утроилось, а число судодней в плотном льду существенно возросло[15]. При этом исследователи указывали, что Кодекс не учитывал в достаточной мере ветер, волны, видимость и обледенение как самостоятельные опасные параметры, а ключевой проблемой оставалось не столько отсутствие новых правил, сколько неполное соблюдение существующих[16]. В этих условиях международно-правовая эффективность зависела не только от качества текста Кодекса, но и от способности государств обеспечивать фактический надзор в труднодоступных районах[17].

Результаты

Исследование дало четыре основных результата. Во-первых, было подтверждено, что Полярный кодекс является необходимым, но недостаточным инструментом правовой защиты полярной среды: он устранил часть нормативного вакуума, но не преодолел дефицит исполнения[18].

[1] The Polar Code in the System of International Law on Emergency Prevention [Электронный ресурс] // jomeam.ru. URL: https://jomeam.ru/en/nauka/article/122985/view.

[2] Arctic Council report analyzes flag states and legal obligations in Arctic shipping – Eye on the Arctic [Электронный ресурс] // RCInet.ca. URL: https://www.rcinet.ca/eye-on-the-arctic/2024/01/10/arctic-council-report-analyzes-flag-states-and-legal-obligations-in-arctic-shipping/.

[3] Судоходство в полярных водах [Электронный ресурс] // Международная морская организация (ИМО). URL: https://www.imo.org/ru/mediacentre/hottopics/pages/polar-default.aspx.

[4] Скаридов А.С. «Зеленое судоходство» и проблема устойчивого использования морского транспорта // Международное право и международные организации. 2021. № 1. С. 31–45.

[5] Руководство по применению положений Международного кодекса для судов, эксплуатирующихся в полярных водах (Полярного кодекса) [Электронный ресурс] // Российский морской регистр судоходства. URL: https://lk.rs-class.org/regbook/getDocument2?d=735E29AC-610F-4D5C-9A50–7A70A9C2BE18&f=2–030101–031&type=rules3.

[6] RESOLUTION MSC.538(107) (adopted on 8 June 2023) AMENDMENTS TO THE INTERNATIONAL CODE FOR SHIPS OPERATING IN POLAR WATERS (POLAR CODE) [Электронный ресурс] // International Maritime Organization (IMO). URL: https://wwwcdn.imo.org/localresources/en/KnowledgeCentre/IndexofIMOResolutions/MSCResolutions/MSC.538%28107%29.pdf.

[7] Резолюция MSC.385(94) «Международный кодекс для судов, эксплуатирующихся в полярных водах» (Полярный кодекс) (принята 21 ноября 2014 года) [Электронный ресурс] // ГАРАНТ. URL: https://base.garant.ru/71844400/.

[8] Arctic shipping 2013 6: the traffic has grown, with big variation between regions, seasons and ship types [Блокировка] // Nofima. URL: https://nofima.no/publikasjon/10143918/.

[9] Петухов Д.В. Правовые механизмы защиты морской среды Арктики от загрязнения: российское законодательство и международные стандарты // Право и политика. 2025. № 10. С. 16–27.

[10] RESOLUTION MEPC.264(68) Международный кодекс для судов, работающих в полярных водах (Polar Code) [Электронный ресурс] // International Maritime Organization. URL: https://wwwcdn.imo.org/localresources/en/KnowledgeCentre/IndexofIMOResolutions/MEPCDocuments/MEPC.264(68).pdf.

[11] Arctic Council report analyzes flag states and legal obligations in Arctic shipping – Eye on the Arctic [Электронный ресурс] // RCInet.ca. URL: https://www.rcinet.ca/eye-on-the-arctic/2024/01/10/arctic-council-report-analyzes-flag-states-and-legal-obligations-in-arctic-shipping/.

[12] Колюшко Н.А. Красноярский край в контексте арктического развития: вызовы в условиях глобального конкурентного окружения (роль Северного морского пути в международных отношениях): дис. – Сибирский федеральный университет, 2026.

[13] Гаппоев М.А. Изменения к Руководству по применению положений Международного кодекса для судов, эксплуатирующихся в полярных водах (Полярного кодекса) (15.10.2020) Перечень изменений [Электронный ресурс] // PC. URL: https://lk.rs-class.org/regbook/getDocument2?d=311–05–2064&type=rc_rus.

[14] RESOLUTION MSC.538(107) (adopted on 8 June 2023) AMENDMENTS TO THE INTERNATIONAL CODE FOR SHIPS OPERATING IN POLAR WATERS (POLAR CODE) [Электронный ресурс] // International Maritime Organization (IMO). URL: https://wwwcdn.imo.org/localresources/en/KnowledgeCentre/IndexofIMOResolutions/MSCResolutions/MSC.538%28107%29.pdf.

[15] Humpert M. Polar Code May Need Updating as Arctic Shipping Increases New Study Concludes [Электронный ресурс] // High North News. URL: https://en.highnorthnews.com/business/polar-code-may-need-updating-as-arctic-shipping-increases-new-study-concludes/172884.

[16] Humpert M. Polar Code May Need Updating as Arctic Shipping Increases New Study Concludes [Электронный ресурс] // High North News. URL: https://en.highnorthnews.com/business/polar-code-may-need-updating-as-arctic-shipping-increases-new-study-concludes/172884.

[17] Правовая охрана морской среды от разливов нефти и нефтепродуктов [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-ohrana-morskoy-sredy-ot-razlivov-nefti-i-nefteproduktov.

[18] Полярный кодекс в системе международного права в области предотвращения чрезвычайных ситуаций [Электронный ресурс] // jomeam.ru. URL: https://jomeam.

Во-вторых, установлено, что его эффективность была снижена из-за изъятий по субъектному составу и поэтапного расширения охвата, поскольку значимая часть арктической активности долгое время выпадала из полного режима Кодекса[1]. В-третьих, выявлено, что основная тяжесть правоприменения перенесена на национальный уровень, где международные стандарты нередко реализовывались преимущественно через административные меры, как показал кейс «Мыс Корсакова». В-четвертых, зафиксировано, что рост арктического трафика и усложнение навигационных условий опережали институциональную модернизацию Кодекса.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют рассматривать международно-правовую эффективность Полярного кодекса как относительную, а не абсолютную категорию. Его сильная сторона заключается в том, что он придал обязательную форму ряду специальных требований, ранее разбросанных по разным актам или отсутствовавших вовсе, включая полярную сертификацию, PWOM и адаптированные требования к конструкции, оборудованию и подготовке экипажа[2]. Как показано на рисунке 1, проблема эффективности возникает не на уровне формулирования стандарта, а на уровне перехода от международной нормы к национальному контролю и санкции.



Рис. 1. Схема разрыва между международным регулированием и фактическим исполнением Полярного кодекса

Вместе с тем слабость Кодекса проявилась в нескольких плоскостях. Частично обязательная структура разделов I-B и II-B сохранила пространство для неодинаковой практики[3]. Исключения для военных и долгое время для части рыболовных и малотоннажных судов ослабили универсальность режима[4]. Юридическая неопределенность некоторых экологических формулировок и отсутствие специального блока об ответственности дополнительно сузили его превентивный потенциал[5]. Наконец, арктический политико-правовой контекст, включая споры о статусе маршрутов, давление экологических и геоэкономических инициатив и кризис площадок координации, затруднил формирование устойчивой наднациональной практики исполнения[6]. Следовательно, главная проблема международно-правовой эффективности Кодекса заключалась не в его ненужности, а в незавершенности его институциональной архитектуры.

Заключение

Проведенное исследование показало, что Полярный кодекс стал качественным этапом развития международного морского права применительно к Арктике, но его международно-правовая эффективность осталась ограниченной[7]. Кодекс успешно сформировал специальный стандарт полярного судоходства, встроенный в систему СОЛАС и МАРПОЛ, однако не обеспечил одинаково сильного режима контроля, ответственности и универсального охвата[8]. Рост количества судов и усложнение структуры арктического трафика после 2017 г. лишь усилили видимость этого несоответствия между нормативной разработанностью и практической исполнимостью. В результате гипотеза исследования подтвердилась: ключевые проблемы эффективности были связаны с институциональной реализацией, а не с отсутствием нормативной воли как таковой. Наиболее перспективное направление дальнейшего развития состояло в расширении охвата Кодекса, уточнении спорных экологических норм, усилении связки между международными предписаниями и национальными санкционными механизмами, а также в развитии мониторинга и освидетельствования в условиях растущего арктического судоходства[9].

Литература

1. RESOLUTION MEPC.264(68) Международный кодекс для судов, работающих в полярных водах (Polar Code) [Электронный ресурс] // International Maritime Organization. URL: https://wwwcdn.imo.org/localresources/en/KnowledgeCentre/IndexofIMOResolutions/MEPCDocuments/MEPC.264(68).pdf. (дата обращения: 11.08.2026)

1. INTERNATIONAL CODE FOR SHIPS OPERATING IN POLAR WATERS (POLAR CODE) [Электронный ресурс] // Международная морская организация. URL: https://wwwcdn.imo.org/localresources/en/MediaCentre/HotTopics/Documents/POLAR%20CODE%20TEXT%20AS%20ADOPTED.pdf. (дата обращения: 11.08.2026)

2. Arctic Council report analyzes flag states and legal obligations in Arctic shipping – Eye on the Arctic [Электронный ресурс] // RCInet.ca. URL: https://www.rcinet.ca/eye-on-the-arctic/2024/01/10/arctic-council-report-analyzes-flag-states-and-legal-obligations-in-arctic-shipping/. (дата обращения: 11.08.2026)

3. Полярный кодекс в системе международного права в области предотвращения чрезвычайных ситуаций [Электронный ресурс] // jomeam.ru. URL: https://jomeam.ru/ru/nauka/article/122985/view. (дата обращения: 11.08.2026)

4. Федеральный закон от 28.07.2012 № 132-ФЗ о внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации в части государственного регулирования торгового мореплавания в акватории Северного морского пути [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Российской Федерации. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/35786/print. (дата обращения: 11.08.2026)

5. Arctic shipping 2013 6: the traffic has grown, with big variation between regions, seasons and ship types [Блокировка] // Nofima. URL: https://nofima.no/publikasjon/10143918/. (дата обращения: 11.08.2026)

6. Humpert M. Polar Code May Need Updating as Arctic Shipping Increases New Study Concludes [Электронный ресурс] // High North News. URL: https://en.highnorthnews.com/business/polar-code-may-need-updating-as-arctic-shipping-increases-new-study-concludes/172884. (дата обращения: 11.08.2026)

7. Гаппоев М.А. Изменения к Руководству по применению положений Международного кодекса для судов, эксплуатирующихся в полярных водах (Полярного кодекса) (15.10.2020) Перечень изменений [Электронный ресурс] // РС. URL: https://lk.rs-class.org/regbook/getDocument2?d=311–05–2064&type=rc_rus. (дата обращения: 11.08.2026)

8. The Polar Code in the System of International Law on Emergency Prevention [Электронный ресурс] // jomeam.ru. URL: https://jomeam.ru/en/nauka/article/122985/view. (дата обращения: 11.08.2026)

9. Правовая охрана морской среды от разливов нефти и нефтепродуктов [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-ohrana-morskoy-sredy-ot-razlivov-nefti-i-nefteproduktov. (дата обращения: 11.08.2026)

10. RESOLUTION MSC.385(94) (adopted on 21 November 2014) INTERNATIONAL CODE FOR SHIPS OPERATING IN POLAR WATERS (POLAR CODE) [Электронный ресурс] // International Maritime Organization (IMO). URL: https://wwwcdn.imo.org/localresources/en/KnowledgeCentre/Index-

ru/ru/nauka/article/122985/view.

[1] Судоходство в полярных водах [Электронный ресурс] // Международная морская организация (ИМО). URL: https://www.imo.org/ru/mediacentre/hottopics/pages/polar-default.aspx.

[2] International Code for Ships Operating in Polar Waters (Polar Code) [Электронный ресурс] // IMO. URL: https://www.imo.org/en/ourwork/safety/pages/polar-code.aspx.

[3] RESOLUTION MSC.385(94) (adopted on 21 November 2014) INTERNATIONAL CODE FOR SHIPS OPERATING IN POLAR WATERS (POLAR CODE) [Электронный ресурс] // International Maritime Organization (IMO). URL: https://wwwcdn.imo.org/localresources/en/KnowledgeCentre/IndexofIMOResolutions/MSCResolutions/MSC.385(94).pdf.

[4] RESOLUTION MSC.538(107) (adopted on 8 June 2023) AMENDMENTS TO THE INTERNATIONAL CODE FOR SHIPS OPERATING IN POLAR WATERS (POLAR CODE) [Электронный ресурс] // International Maritime Organization (IMO). URL: https://wwwcdn.imo.org/localresources/en/KnowledgeCentre/IndexofIMOResolutions/MSCResolutions/MSC.538%28107%29.pdf.

[5] The Polar Code in the System of International Law on Emergency Prevention [Электронный ресурс] // jomeam.ru. URL: https://jomeam.ru/en/nauka/article/122985/view.

[6] Ивченко А.А. Арктический регион в системе международных отношений: история и современность: дис. – Сибирский федеральный университет, 2024.

[7] Международный кодекс для судов, эксплуатирующихся в полярных водах (Полярный кодекс) [Электронный ресурс] // Международная морская организация. URL: https://www.imo.org/ru/ourwork/safety/pages/polar-code.aspx.

[8] Резолюция MSC.385(94) «Международный кодекс для судов, эксплуатирующихся в полярных водах» (Полярный кодекс) (принята 21 ноября 2014 года) [Электронный ресурс] // ГАРАНТ. URL: https://base.garant.ru/71844400/.

[9] Гаппоев М.А. Изменения к Руководству по применению положений Международного кодекса для судов, эксплуатирующихся в полярных водах (Полярного кодекса) (15.10.2020) Перечень изменений [Электронный ресурс] // РС. URL: https://lk.rs-class.org/regbook/getDocument2?d=311–05–2064&type=rc_rus.

ofIMOResolutions/MSCResolutions/MSC.385(94).pdf. (дата обращения: 11.08.2026)

11. International Code for Ships Operating in Polar Waters (Polar Code) [Электронный ресурс] // IMO. URL: https://www.imo.org/en/ourwork/safety/pages/polar-code.aspx. (дата обращения: 11.08.2026)

12. Петухов Д.В. Правовые механизмы защиты морской среды Арктики от загрязнения: российское законодательство и международные стандарты // Право и политика. 2025. № 10. С. 16–27.

13. Никифорова Е. Н. К вопросу о модели диагностики сформированности компетенций при подготовке кадров для Арктики // ББК 67.9, 67.400 С56 Рецензенты. 2023. С. 90.

14. Колюшко Н.А. Красноярский край в контексте арктического развития: вызовы в условиях глобального конкурентного окружения (роль Северного морского пути в международных отношениях): дис. – Сибирский федеральный университет, 2026.

15. Калинина Н. И., Дубровская Е.Н., Сладкова Ю.Н., Крийт В.Е. Современные проблемы светового климата на судах. Нормативные документы в области освещения // Российская Арктика. 2025. Т. 7, № 3. С. 45–51.

16. Скаридов А. С. «Зеленое судоходство» и проблема устойчивого использования морского транспорта // Международное право и международные организации. 2021. № 1. С. 31–45.

ISSUES REGARDING THE INTERNATIONAL LEGAL EFFECTIVENESS OF THE POLAR CODE

Romanovich E.P.
Slavic-Greco-Roman Academy

The article examines the issues related to the international legal effectiveness of the Polar Code as a special instrument of the IMO, which regulates the safety of navigation and the prevention of pollution in polar waters. It has been established that the Code, which entered into force on January 1, 2017 and integrated into the SOLAS and MARPOL systems, has created an important regulatory framework for ship operations in the Arctic and Antarctic, including requirements for ship design, navigation, crew training, polar certification, and prevention of oil, wastewater, and debris discharges. The analysis showed that its international legal effectiveness is limited by partial commitment, exclusion of certain categories of vessels, dependence on the flag State, weak unification of liability mechanisms and insufficient monitoring of enforcement in remote Arctic areas. During the study, the provisions of the Polar Code, UNCLOS, MARPOL, and Russian regulations governing navigation in the Arctic Ocean were compared.

Keywords: Polar Code, Arctic, international maritime law, MARPOL, SOLAS, Northern Sea Route, marine pollution, flag state, international legal effectiveness.

References

1. RESOLUTION MEPC.264(68) International Code for Ships Operating in Polar Waters (Polar Code) [Electronic resource] // International Maritime Organization. URL: https://wwwcdn.imo.org/localresources/en/KnowledgeCentre/IndexofIMOResolutions/MEPCDocuments/MEPC.264(68).pdf. (accessed: 11.08.2026)

2. INTERNATIONAL CODE FOR SHIPS OPERATING IN POLAR WATERS (POLAR CODE) [Electronic resource] // International Maritime Organization. URL: https://www-cdn.imo.org/localresources/en/MediaCentre/HotTopics/Documents/POLAR%20CODE%20TEXT%20AS%20ADOPTED.pdf. (accessed: 11.08.2026)

3. Arctic Council report analyzes flag states and legal obligations in Arctic shipping – Eye on the Arctic [Electronic resource] // RCInet.ca. URL: https://www.rcinet.ca/eye-on-the-arctic/2024/01/10/arctic-council-report-analyzes-flag-states-and-legal-obligations-in-arctic-shipping/. (accessed: 11.08.2026)

4. The Polar Code in the system of international law in the field of emergency prevention [Electronic resource] // jomeam.ru. URL: https://jomeam.ru/ru/nauka/article/122985/view. (accessed: 11.08.2026)

5. Federal Law No. 132-FZ dated 28.07.2012 on Amendments to Legislative Acts of the Russian Federation Regarding State Regulation of Merchant Shipping in the Waters of the Northern Sea Route [Electronic resource] // Official Internet Portal of the President of the Russian Federation. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/35786/print. (accessed: 11.08.2026)

6. Arctic shipping 2013 6: the traffic has grown, with significant variation between regions, seasons and ship types [Blockage] // Nofima. URL: https://nofima.no/publikasjon/10143918/. (accessed: 11.08.2026)

7. Humpert M. Polar Code May Need Updating as Arctic Shipping Increases, New Study Concludes [Electronic resource] // High North News. URL: https://en.highnorthnews.com/business/polar-code-may-need-updating-as-arctic-shipping-increases-new-study-concludes/172884. (accessed: 11.08.2026)

8. Gappoev M.A. Amendments to the Guidelines for the Application of the Provisions of the International Code for Ships Operating in Polar Waters (the Polar Code) (15.10.2020). List of Amendments [Electronic resource] // RS. URL: https://lk.rs-class.org/regbook/getDocument2?d=311–05–2064&type=rc_rus. (accessed: 11.08.2026)

9. The Polar Code in the System of International Law on Emergency Prevention [Electronic resource] // jomeam.ru. URL: https://jomeam.ru/en/nauka/article/122985/view. (accessed: 11.08.2026)

10. Legal Protection of the Marine Environment from Oil and Petroleum Product Spills [Electronic resource] // CyberLeninka. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-ohrana-morskoy-sredy-ot-razlivov-nefti-i-nefteproduktov. (accessed: 11.08.2026)

11. RESOLUTION MSC.385(94) (adopted on 21 November 2014) INTERNATIONAL CODE FOR SHIPS OPERATING IN POLAR WATERS (POLAR CODE) [Electronic resource] // International Maritime Organization (IMO). URL: https://wwwcdn.imo.org/localresources/en/KnowledgeCentre/IndexofIMOResolutions/MSCResolutions/MSC.385(94).pdf. (accessed: 11.08.2026)

12. International Code for Ships Operating in Polar Waters (Polar Code) [Electronic resource] // IMO. URL: https://www.imo.org/en/ourwork/safety/pages/polar-code.aspx. (accessed: 11.08.2026)

Literature

13. Petukhov D.V. Legal Mechanisms for Protecting the Marine Environment of the Arctic from Pollution: Russian Legislation and International Standards // Law and Politics. 2025. No. 10. Pp. 16–27.

14. Nikiforova E.N. On the Issue of a Model for Diagnosing the Level of Competence Development in Training Personnel for the Arctic // LBC 67.9, 67.400 S56 Reviewers. 2023. P. 90.

15. Kolyushko N.A. Krasnoyarsk Krai in the context of Arctic development: challenges in a global competitive environment (the role of the Northern Sea Route in international relations): dissertation. – Siberian Federal University, 2026.

16. Kalinina N.I., Dubrovskaya E.N., Sladkova Yu. N., Kriyt V.E. Modern problems of lighting climate on ships. Regulatory documents in the field of lighting // Russian Arctic. 2025. Vol. 7, No. 3. Pp. 45–51.

Правовое регулирование и стимулирование взаимных инвестиций на пространстве ЕАЭС: двусторонние и региональные подходы

Савушкин Дмитрий Алексеевич,
преподаватель, кафедра международного права, Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: savushkin.2001@list.ru

В статье рассматривается проблема несогласованности материально-правовых стандартов защиты иностранных инвестиций, действующих в государствах – членах ЕАЭС. Отсутствие единого инвестиционного договора в рамках Союза приводит к тому, что параллельно применяются национальные законы, двусторонние инвестиционные договоры (ДИД) государств-членов с третьими странами и друг с другом, а также ограниченные по содержанию нормы Договора о ЕАЭС. Это порождает коллизии в толковании ключевых материальных стандартов: справедливого и равноправного режима (FET), режима полной защиты и безопасности, защиты от косвенной экспроприации, национального режима и режима наибольшего благоприятствования. Внимание уделяется анализу подходов Европейского Союза (ЕС) в области борьбы с фрагментацией единого рынка, а также анализу соответствующей практики применения ДИД в праве ЕС. Автор ставит вопрос о необходимости разработки единого международного договора о защите и поощрении иностранных капиталовложений в рамках ЕАЭС, либо о возможности достижения гармонизации через модельные акты и совместные разъяснения. В заключении формулируются предложения по снижению правовой неопределённости и созданию предсказуемых условий для инвесторов на евразийском пространстве.

Ключевые слова: взаимные инвестиции, международные инвестиционные соглашения, ЕАЭС, договор о ЕАЭС, двусторонние инвестиционные договоры, региональные инвестиционные соглашения, гармонизация законодательства.

Правовую основу регулирования защиты и поощрения капиталовложений в ЕАЭС составляют двусторонние инвестиционные договоры (далее – ДИД) государств-членов, а также Протокол о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций [2], являющийся приложением к договору о ЕАЭС. Согласно докладу Евразийской экономической комиссии «О состоянии делового и инвестиционного климата в государствах-членах Евразийского экономического союза», наблюдалась положительная динамика притока прямых иностранных инвестиций в страны ЕАЭС в период 2017–2021 гг. Наименее активный рост объемов осуществленных прямых иностранных инвестиций в указанный период зафиксирован в Республике Кыргызстан (5,2 млрд долл. США в 2017 г. против 5,6 млрд. долл. США в 2021 г.) [1]. Однако, динамику роста прямых иностранных инвестиций во всех государствах-членах ЕАЭС в указанный период нельзя назвать прорывной. Рассуждая о причинах подобной динамики, некоторые исследователи справедливо отмечают, что присутствует несогласованность понятийно-категориального аппарата в праве ЕАЭС с национальным законодательством государств-членов [5, с. 115]. Однако, некоторые попытки гармонизации законодательства все же предпринимаются. Исследователи отмечают, в частности, унификацию правового регулирования финансовых рынков [7, с. 90].

Помимо непосредственно права ЕАЭС, между государствами ЕАЭС, как уже было отмечено раннее, действует сеть двусторонних инвестиционных договоров. Большинство ДИД, действующих между странами-участниками ЕАЭС, заключены в 90-е гг. прошлого века. Являясь достаточно типовыми по своему содержанию, данные договоры тем не менее содержат разные материальные стандарты защиты иностранных инвестиций.

Нормы права ЕАЭС, в то же время, содержат стандарт справедливого и равноправного обращения [2], однако не предусматривают режима полной защиты и безопасности. К примеру, ст. 2 ДИДа между Россией и Арменией, заключенный в 2001 г., предусматривает подобный режим [4]. Подобная двойственность правового регулирования ведет к тому, что инвесторы, осуществившие капиталовложение, вправе выбрать наиболее благоприятный для себя международный договор в качестве основы для инициирования возможного арбитражного разбирательства. Учитывая, что оба договора будут являться применимыми к спору в данном случае, неизбежно встанет вопрос об их толковании. Одним из самых неоднозначных в толковании является стандарт справедливого и равноправного режима. На основе арбитражных решений выделяют следующие критерии данного режима:

1. стабильность, предсказуемость, соответствие правовой базе принимающего государства;
2. защита законных ожиданий;
3. отказ в правосудии и надлежащей административной процедуре;
4. прозрачность; и
5. разумность и соразмерность действий правительств принимающих государств.

Одним из краеугольных камней справедливого и равноправного режима является концепция законных ожиданий инвестора. Что логично, она была выдвинута иностранными инвесторами и признана арбитражными трибуналами как часть стандарта справедливого и равноправного режима. Однако, данная концепция является достаточно широкой в своем содержании. Логично, что любой инвестор заинтересован в максимально широкой трактовке своих законных ожиданий.

На наш взгляд, целесообразно принятие превентивных мер между государствами ЕАЭС по унификации международно-правового регулирования иностранных инвестиций. В ином случае государства-участники ЕАЭС могут столкнуться с ситуацией, в своё время уже ставшей серьезной проблемой для Европейского союза (далее – ЕС). Инвесторы и государства ЕС первыми ощутили недостатки двойственности правового регулирования и широкого толкования концепции законных ожиданий инвестора. Ситуация, при которой инвестор может выбирать наиболее удобный международный договор для инициирования арбитражного разбирательства ведет к тому, что государства могут оказаться беззащитными перед лицом инвестора, использующего так называемый механизм «договорного шоппинга», позволяющий инве-

стору выбирать наиболее благоприятные для себя договорные положения [6, с. 128].

Аналогичной позиции придерживается и И.В. Рачков, справедливо отмечающий, что ситуация параллельного действия двусторонних и региональных инвестиционных соглашений порождает правовую неопределенность и открывает наиболее широкие возможности именно для инвесторов [3, с. 76].

По нашему мнению, для устранения подобных коллизий целесообразна разработка и принятие государствами-членами ЕАЭС единого инвестиционного соглашения, не являющегося приложением к самому договору о ЕАЭС. Содержание уже имеющегося протокола 16 в целом и так соответствует типовому ДИД за некоторыми исключениями. Однако, вся суть инвестиционных соглашений, особенно региональных, состоит не только и не столько в содержащихся материальных стандартах защиты иностранных инвестиций, сколько в механизме разрешение споров между инвесторами и государством.

С другой стороны, принятие отдельного международного договора является весьма трудоёмким процессом. Гораздо более действенными и оперативными могут являться меры, принимаемые самими государствами как на уровне национального законодательства, так и на уровне разъяснений национального законодательства. В связи с этим инвесторам из государств ЕАЭС необходимы скорее унифицированные подходы законодателей к таким базовым понятиям, как инвестиции, экспроприация, справедливый и равноправный режим. По нашему мнению, взаимоприемлемым универсальным стандартом и мерилом может стать как раз Договор о ЕАЭС.

Литература

1. Доклад Евразийской экономической комиссии «О состоянии делового и инвестиционного климата в государствах-членах Евразийского экономического союза» // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ca0/Doklad-o-delovom-klimate-EAES-19–05–2023-g-docx.pdf (Дата обращения: 29.06.2026).
2. Протокол о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/798/798d9c88c99f62af231fdf05fa83dd92.pdf (Дата обращения: 29.06.2026).
3. Рачков И.В. Применение двусторонних инвестиционных договоров российскими судами // Международное правосудие. 2015. № 3(15). С. 71–92.
4. Соглашения между правительством Российской Федерации и правительством Республики Армения о поощрении и взаимной защите капиталовложений // Бюллетень международных договоров. 2006. № 6. С. 67.
5. Симаева Е. П., Тютюнник И.Г. Правовое регулирование промышленной политики России с позиции привлечения иностранных инвестиций: М., 2017. 208 с.
6. Сорокин А.А. Борьба с двойным налогообложением и злоупотребление налоговыми соглашениями // Право и государство: теория и практика. 2022. № 4 (208). С. 127–129.
7. Юлов Д.В. Договор о Евразийском экономическом союзе как система гарантий прав иностранных инвесторов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 6. С. 84–94.

LEGAL REGULATION AND STIMULATION OF MUTUAL INVESTMENTS IN THE EAEU SPACE: BILATERAL AND REGIONAL APPROACHES

Savushkin D.A.
Saratov State Law Academy

The article examines the problem of inconsistency in the substantive legal standards for the protection of foreign investments in force in the EAEU member states. The absence of a unified investment treaty within the Union leads to the parallel application of national laws, bilateral investment treaties (BITs) between member states and third countries, and between member states themselves, as well as provisions of the EAEU Treaty that are limited in scope. This gives rise to conflicts in the interpretation of key substantive standards: fair and equitable treatment (FET), full protection and security, protection against indirect expropriation, national treatment, and the mostfavourednation treatment. Attention is paid to an analysis of the European Union's (EU) approaches to combating the fragmentation of the single market, as well as to an analysis of the relevant practice of applying BITs in EU law. The author raises the question of the need to develop a single international treaty on the protection and promotion of foreign investment within the EAEU, or the possibility of achieving harmonization through model acts and joint clarifications. In conclusion, proposals are formulated to reduce legal uncertainty and create predictable conditions for investors in the Eurasian space. Keywords: mutual investments, international investment agreements, EAEU, EAEU Treaty, bilateral investment treaties, regional investment agreements, harmonization of legislation.

Keywords: mutual investments, international investment agreements, EAEU, EAEU Treaty, bilateral investment treaties, regional investment agreements, harmonization of law.

References

1. Report of the Eurasian Economic Commission "On the State of the Business and Investment Climate in the Member States of the Eurasian Economic Union" // Official website of the Eurasian Economic Union. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ca0/Doklad-o-delovom-klimate-EAES-19–05–2023-g-docx.pdf (Date of access: 29.06.2026).
2. Protocol on Trade in Services, Establishment, Activities and Investment // Official website of the Eurasian Economic Union. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/798/798d9c88c99f62af231fdf05fa83dd92.pdf (Date of access: 29.06.2026).
3. Rachkov I.V. The Application of Bilateral Investment Treaties by Russian Courts // International Justice. 2015. No. 3(15). Pp. 71–92.
4. Agreements between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Armenia on the promotion and mutual protection of investments // Bulletin of International Treaties. 2006. No. 6. P. 67.
5. Simaeva E.P., Tyutyunnik I.G. Legal Regulation of Russia's Industrial Policy from the Perspective of Attracting Foreign Investment: Moscow, 2017. 208 p.
6. Sorokin A.A. Combating Double Taxation and Abuse of Tax Treaties // Law and State: Theory and Practice. 2022. No. 4 (208). Pp. 127–129.
7. Yulov D.V. The Treaty on the Eurasian Economic Union as a System of Guarantees for the Rights of Foreign Investors // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2019. No. 6. Pp. 84–94.

От правовой рецепции к суверенизации: девальвация авторитета английского морского права

Скаридов Александр Станиславович,
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и морского права Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова; профессор кафедры морского и таможенного права Севастопольского государственного университета
E-mail: oceanlaw@yandex.ru

Исследуется историческая роль английского адмиралтейского (морского) права как фактического эталона и объекта правовой аналогии при создании норм международного морского права и морских законов многих государств; обосновывается тезис о девальвации этой эталонной функции в условиях санкционного противостояния 2022–2026 гг. Показано, что английское право два столетия выполняло функцию образца для законодательной и договорной рецепции: Marine Insurance Act 1906 г. воспринят – местами дословно – десятками юрисдикций, Гаагские и Йорк-Антверпенские правила выросли из английской практики, а стандартные проформы чартеров и лондонский арбитраж обеспечили рецепцию через механизм автономии воли. Проанализировано участие Соединённого Королевства в ограничительных мерах, разрушающих сложившиеся правила морской торговли: прекращение страховых обязательств, отказ от услуг электронной картографии, запрет на заход в порты, задержания и захваты судов, лишённые конвенционного основания. Отдельно рассмотрен принятый Европейским союзом 23 июля 2026 г. механизм конфискации грузов, переводящий санкционное воздействие в область принудительного изъятия имущества. Обоснован вывод о снятии эталонности английского морского права, о суверенизации национальных морских правовых источников и об обесценении достигнутого веками уровня унификации; сформулированы пути выхода из кризиса морской юриспруденции.

Ключевые слова: английское морское право, правовая рецепция, унификация морского права, ограничительные меры, морское страхование, электронная навигационная картография, задержание судов, конфискация груза, свобода судоходства, суверенизация правовых источников.

Введение

Более двух столетий английское морское право занимало положение, не имеющее аналогов в иных областях международного экономического оборота: право одного государства фактически выполняло функцию всеобщего регулятора, а его институты и судебные толкования служили эталоном – объектом законодательной рецепции и правовой аналогии – как в международном нормотворчестве, так и при разработке морских законов десятков государств. Подавляющее большинство чартеров и споров из них и сегодня подчинено английскому праву с рассмотрением в лондонском морском арбитраже, независимо от национальности сторон, флага судна и географии рейса [11; 20].

События 2022–2026 гг. поставили под сомнение основания этого положения: Соединённое Королевство – исторический хранитель и главный бенефициар унифицированного морского правопорядка – выступило одним из архитекторов санкционного демонтажа обеспечивающей инфраструктуры торгового мореплавания. Актуальность темы определяется совпадением трёх процессов: серией решений Верховного суда Соединённого Королевства 2024–2025 гг., позволяющей с документальной точностью описать регулятивный продукт, ценность которого составляла основу эталонности; переводом вопроса о лондонской правовой инфраструктуре в плоскость экономического суверенитета и безопасности мореплавания; ответной суверенизацией – формированием Россией и её партнёрами по БРИКС и ШОС собственных страховых, картографических, арбитражных и договорных механизмов. Наконец, в июле 2026 г. Европейский союз перешёл к мерам, прямо затрагивающим право собственности на перевозимый груз.

Цель исследования – обосновать тезис о девальвации эталонной функции английского морского права и сформулировать пути выхода из порождаемого ею кризиса морской юриспруденции. Методологическую основу составляют историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой, казуальный и системный методы; нормативные акты приведены в редакциях, действующих на первое полугодие 2026 г.

Ирония истории в том, что само английское адмиралтейское право сформировалось как продукт рецепции: Высокий суд Адмиралтейства применял с XIV в. не общее право, а ius commune морской Европы – Олеронские свитки, обычаи Consolato del Mare, родосско-римскую традицию [20]; лорд Мэнсфилд во второй половине XVIII в. интегрировал lex mercatoria в ткань общего права. К середине XIX в. Лондон соединил в одной точке фрахтовый и страховой рынки, классификационное общество, банковское финансирование под залог судов и груза и суд с беспрецедентным массивом прецедентов – возникла инфраструктурная монополия, превратившая английское право в естественный язык мировой морской торговли.

Наиболее чистый пример эталонной функции даёт морское страхование. Marine Insurance Act 1906 г., кодифицировавший двухвековую практику Ллойда[1], был рецепирован – местами дословно – десятками юрисдикций: австралийский акт 1909 г., новозеландский 1908 г., индийский 1963 г., канадский 1993 г., ординансы Сингапура и Гонконга воспроизводят его структуру и формулировки, а концепции страхового интереса, наивысшей добросовестности (uberrima fides), варрантов и конструктивной полной гибели стали всеобщим словарём отрасли [12].

Второй пример – перевозка груза по коносаменту. Гаагские правила 1924 г.[2] выросли из англо-американской практики: мореходность, должная заботливость, исключённые риски, навигационная ошибка – категории английской судебной практики XIX в., получившие конвенционную форму. Национальные имплементации Великобритании, США, Австралии, Канады, Индии образуют семью законов, толкуемых с оглядкой на английские прецеденты; российский правопорядок воспринял конвенционные решения в гл. VIII Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации[3] [5; 8]. Квазикодификационная функция сохранялась и в новейшее время: толкование годичного срока ст. 3

[1] Marine Insurance Act 1906 (c. 41) // The National Archives: legislation.gov.uk.

[2] Международная конвенция об унификации некоторых правил о коносаменте (Брюссель, 25 августа 1924 г.) с Протоколом 1968 г.

[3] Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ (в ред., действующей на 1 июля 2026 г.).

(6) Гаагско-Висбийских правил в деле The Giant Ace[1] немедленно стало ориентиром для судов Австралии, Сингапура, Малайзии и морских арбитражей [14]. Третий пример – общая авария, спасание и предупреждение столкновений: Йорк-Антверпенские правила выработаны при определяющем участии британских диспашеров и страховщиков, Lloyd's Open Form стал лабораторией конструкций, универсализированных Международной конвенцией о спасании 1989 г., а МППСС-72 восходят к британским правилам 1862–1863 гг. Эталонность носила, таким образом, не риторический, а операциональный характер: нормы английского права служили одновременно материалом международной унификации, объектом законодательной рецепции и подразумеваемым фоном толкования национальных законов.

Наряду с законодательной действует рецепция договорная – через lex voluntatis и типовые проформы, где оговорка об английском праве и лондонском арбитраже выполняет роль постоянного, почти не обсуждаемого элемента сделки. Её воспроизводят три механизма: стандартизация (проформы БИМКО и нефтяных мажоров содержат типовую оговорку об английском праве и арбитраже в Лондоне, и отклонение от неё требует переговорных издержек, при быстром оформлении fixture note (чартерная расписка) почти никогда не окупающихся [13; 3]); сетевой эффект прецедентной определённости (английские суды истолковали практически каждую строку стандартных проформ, и стороны приобретают не абстрактную правовую систему, а готовый каталог ответов [18]); инфраструктурная связанность (страховой рынок, клубы взаимного страхования, классификация и банковское финансирование ориентированы на английские конструкции). Автономия воли здесь лишь формально свободна: фактически она структурирована рыночной властью, стандартизацией и инфраструктурой.

В российском правопорядке автономия воли закреплена ст. 1210 Гражданского кодекса Российской Федерации и п. 2 ст. 414 КТМ РФ. Доктрина, начиная с работ Л.А. Лунца [7] и продолжая курсами М.М. Богуславского и В.А. Канашевского [2; 6], рассматривает lex voluntatis как основное коллизионное начало обязательственного статута; А.В. Асосков обосновывает её как проявление частноправовой саморегуляции, подчинённое системе нормативных ограничителей [1], а А. Миллс характеризует как «делегированный суверенитет», объём которого определяется допускающим правопорядком [17]. Отсюда важное положение: пределы автономии воли не аномалия – они конституируют сам институт. Система пределов трёхслойна: конвенционные императивы коносаментного режима (ст. 3 (8) Гаагских правил и её аналоги, в российском праве – второе предложение п. 2 ст. 414 КТМ РФ); сверхимперативные нормы и оговорка о публичном порядке (ст. 1192, 1193 ГК РФ); нормы об исключительной компетенции – ст. 248.1 и 248.2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации[2]. Чартер конвенционным режимом не охватывается, что создаёт двухконтурную архитектуру: максимальная свобода в отношениях судовладельца и фрахтователя и императивно ограниченная – в отношениях с грузовладельцем по коносаменту.

В деле RTI Ltd v MUR Shipping BV[3] судовладелец после включения материнской компании фрахтователя в санкционный список США заявил о форс-мажоре в отношении долларовых платежей; фрахтователь предложил платить в евро, приняв на себя курсовые потери, и арбитраж с Апелляционным судом сочли это разумным преодолением форс-мажора. Верховный суд единогласно решил обратное: разумные усилия направлены на обеспечение договорного исполнения, а не на замену его иным, пусть и экономически эквивалентным; в основание положены свобода договора, недопустимость подразумеваемого отказа от договорных прав и ценность определённости. П. Макмэхон обосновывает, что суд фактически санкционировал оппортунистическое использование форс-мажорной оговорки для выхода из невыгодной сделки на выросшем фрахтовом рынке [15].

Тот же вектор демонстрируют остальные решения. В деле The Polar[4] отвергнута конструкция подразумеваемого «страхового кодекса», исключающего контрибуцию держателей коносаментов по общей аварии после уплаты пиратского выкупа: общие слова инкорпорации чартера в коносамент переносят лишь условия, прямо относящиеся к погрузке, перевозке, выдаче груза и уплате фрахта [19]. В деле The Giant Ace годичный срок распространён на требования из выдачи груза без предъявления оригиналов коносаментов, что укрепило положение перевозчика ценой повышения рисков банков в товарном финансировании. В деле King Crude Carriers[5] разрешён полуторавековой спор о фиктивном наступлении условия: такого принципа в английском праве не существует, фикции – достояние континентальной цивилистики, средство защиты кредитора – убытки, а договорное право допускает эффективное нарушение. В сопоставлении с п. 3 ст. 157 ГК РФ, прямо закрепляющим фикцию наступления условия, недобросовестно воспрепятствованного стороной, трудно найти более наглядную демонстрацию цивилизационного расхождения: континентальное право подчиняет договорную технику началу добросовестности, английское – жертвует добросовестностью ради исчислимости рисков.

Санкционный демонтаж инфраструктуры мореплавания сформирован ограничительными мерами, которые образованы Sanctions and Anti-Money Laundering Act 2018 г. и Russia (Sanctions) (EU Exit) Regulations 2019 г. с поправками 2022–2025 гг.,[6] скоординированные с актами Европейского союза и США. Их объектом выступают не товарные потоки, а обеспечивающая инфраструктура судоходства – страхование, классификация, навигационная информация, портовый доступ, юридические услуги, то есть те институты, монопольное сосредоточение которых в Лондоне и составляло материальную основу эталонности.

Первое направление – односторонний отказ от страховых обязательств. Лондонский рынок и Международная группа клубов взаимного страхования, покрывающая около девяти десятых валовой вместимости мирового океанского флота, с 2022 г. массово прекратили покрытие судов и грузов, связанных с российскими интересами; с декабря 2022 г. действует запрет британских услуг перевозки, страхования, перестрахования и финансирования применительно к транспортировке российской нефти вне механизма ценового потолка. Морское страхование построено на началах наивысшей добросовестности, непрерывности покрытия и следования судьбе застрахованного риска; политически мотивированное прекращение принятых обязательств по признаку национальной принадлежности страхователя превращает полис в инструмент внешнеполитического принуждения. Правопорядок, кодифицировавший эталонные стандарты страховой добросовестности [12], санкционировал отступление от них в масштабе целого национального флота – в отношении обязательств, принятых до введения ограничений.

Второе направление – отказ от договорных услуг электронной картографии. Гидрографическая служба Соединённого Королевства издаёт карты серии ADMIRALTY и службу электронных навигационных карт AVCS, которыми пользуется преобладающая часть мирового флота; в 2022 г. их поставка российским судовладельцам была прекращена. Между тем правило 19 гл. V Конвенции СОЛАС обязывает суда иметь на борту откорректированные карты для планируемого рейса, а правило 9 возлагает на договаривающиеся правительства обязанность обеспечивать распространение гидрографических данных в интересах безопасности мореплавания[7]. Навигационная информация традиционно рассматривалась как общее благо, изъятое из политической конъюнктуры: точность карты защищает не судовладельца, а человеческую жизнь на море и морскую среду. Ответом стал переход российского флота на отечественные электронные карты – картографическая суверенизация в буквальном смысле.

Третье направление – запрет на заходы в порты судов под российским флагом, а равно принадлежащих российским лицам, эксплуатируемых, контролируемых или зафрахтованных ими; аналогичный запрет введён Европейским союзом. Дискриминация торговых судов по признаку флага разрывает многовековую практику открытости портов, опиравшуюся на сеть двусторонних договоров о торговле и мореплавании и на Конвенцию и Статут о международном режиме морских портов 1923 г., участником которых является само Соединённое Королевство.

Четвёртое направление – задержания и захваты коммерческих судов. Соединённое Королевство первым ввело практику включения в санкционные списки конкретных судов по номерам ИМО, распространив к 2025 г. эти меры на сотни танкеров, и инициировало проверочные действия в отношении транзитного судоходства в Балтийском и Северном морях, Ла-Манше и Датских проливах; в практике союзных юрисдикций зафиксированы силовые акции в море (Eagle S, декабрь 2024 г.; Kiwala, апрель 2025 г.; Jaguar, май 2025 г.; Boracay с уголовным преследованием капитана, 2025 г.). Между тем ст. 110 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. содержит исчерпывающий перечень оснований осмотра иностранного торгового судна в открытом море, к ко-

[1] FIMBank plc v KCH Shipping Co Ltd (The Giant Ace) [2024] UKSC 38.

[2] Введены Федеральным законом от 8 июня 2020 г. № 171-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 24. Ст. 3743.

[3] RTI Ltd v MUR Shipping BV [2024] UKSC 18.

[4] Herculito Maritime Ltd and others v Gunvor International BV and others (The Polar) [2024] UKSC 2.

[5] King Crude Carriers SA and others v Ridgebury November LLC and others [2025] UKSC 39.

[6] The Russia (Sanctions) (EU Exit) Regulations 2019 (SI 2019/855) with amendments 2022–2025 // The National Archives: legislation.gov.uk.

[7] Международная конвенция по охране человеческой жизни на море 1974 г. (СОЛАС-74), гл. V, правила 9 и 19.

торым ни принадлежность к теневому флоту, ни сомнения в достаточности страхового покрытия не относятся; ст. 92 закрепляет исключительную юрисдикцию государства флага, ст. 87 – свободу судоходства, а права прибрежного государства в исключительной экономической зоне не создают компетенции по остановке транзитных судов для проверки страховых документов [4]. Такие захваты, лишённые конвенционного основания, представляют собой возврат – вне состояния войны и вне права – к практикам призовой эпохи.

Юрисдикционным продолжением стала «война запретов». В деле UniCredit Bank GmbH v RusChemAlliance LLC[1] Верховный суд признал арбитражное соглашение с местом арбитража в Париже подчинённым английскому праву как праву основного договора и подтвердил компетенцию выдать антиисковый запрет по ст. 37 Senior Courts Act 1981 г. в отношении разбирательства, инициированного российским лицом по ст. 248.1 АПК РФ; российская судебная система ответила зеркальным запретом по ст. 248.2 АПК РФ[2]. Каждая юрисдикция под угрозой санкций принуждает сторону к поведению, запрещённому другой, и исполнимость итогового акта определяется не правом, а географией активов должника. Показательно, что Arbitration Act 2025 г., введя в Закон 1996 г. новую ст. 6A, отменил на будущее коллизионную презумпцию, на которой строилось решение по делу UniCredit [16].

Новое качество санкционных действий проявилось 23 июля 2026 г. когда Совет Европейского союза принял двадцать первый пакет ограничительных мер, включающий Регламент (ЕС) 2026/1848[3]. Перечень обозначенных судов расширен ещё на сорок одну единицу – более чем до шестисот семидесяти, а критерии обозначения распространены на суда, оказывающие теневому флоту вспомогательные услуги. Центральной новеллой стало иное: государствам-членам предоставлено право конфисковывать и реализовывать грузы, перевозимые задержанными ими судами теневого флота, – нефть, нефтепродукты и зерно.

Все ранее описанные направления представляли собой отказ от предоставления услуг; даже задержание судна оставалось обеспечительной мерой – судно удерживалось, но титул на него не прекращался. Конфискация груза с последующей реализацией прекращает право собственности и обращает вырученное в пользу задержавшего государства: санкционный инструментарий переходит из области регулирования доступа к рынку в область принудительного изъятия имущества. Отсюда четыре проблемы.

Субъектная. Груз, перевозимый танкером теневого флота, далеко не всегда принадлежит лицу, связанному с обозначенным судном: собственником на момент задержания может оказаться добросовестный покупатель, приобретший партию у трейдера в третьем государстве, либо банк, удерживающий товарораспорядительный документ в обеспечение финансирования. Обозначение судна не означает обозначения грузовладельца, и распространение меры на груз возлагает имущественные последствия на лицо, к которому основание её введения не относится: конструкция ответственности заменяется конструкцией имущественного риска, связанного с выбором перевозчика.

Процедурная. Ни в Регламенте, ни в сопровождающих разъяснениях не установлено единого порядка, определяющего основания задержания, стандарт доказывания принадлежности груза, сроки и средства правовой защиты; отсылка к национальному праву при двадцати семи процессуальных системах порождает разнонаправленную практику. Между тем речь идёт о лишении собственности, применительно к которому ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод требует законности, общественного интереса и справедливого баланса и предполагает эффективную возможность оспаривания.

Пространственная. Правомерность задержания за пределами внутренних вод и территориального моря из Регламента не следует: Конвенция ООН по морскому праву закрепляет свободу судоходства в открытом море и исключительную юрисдикцию государства флага (ст. 92), допуская вмешательство лишь в перечисленных случаях (ст. 110), в которые односторонние меры регионального объединения не входят. Практически механизм применим к судам, добровольно вошедшим в порт или территориальное море, либо задержанным на основаниях, формально не связанных с санкциями. Конфискационная норма конструктивно опирается на предварительное использование инструментов государственного портового контроля, превращая их из технико-надзорного института в элемент санкционного механизма.

Договорно-правовая. Конфискация груза не вписывается ни в один институт, распределяющий риски в морской перевозке: она не является ни общей аварией, поскольку отсутствуют намеренные пожертвования ради общей безопасности, ни страховым случаем по стандартным условиям, из которых военные и санкционные риски, как правило, исключены; не охватывается она и оговоркой о форс-мажоре в том понимании, которое утвердилось после дела RTI v MUR. Возникает пробел в распределении рисков, восполнить который способна только специальная договорная оговорка о последствиях конфискации для фрахта, демереджа и обязанности сдачи груза.

Описанные меры образуют системное явление, не сводимое к обычной практике экономических санкций: их объектом выступают базовые институты морского оборота, сложившиеся как общие блага независимо от флага. Обнаруживается внутреннее противоречие английской правовой позиции: в частноправовой плоскости Верховный суд требует абсолютной верности букве договора даже перед лицом санкционных шоков, в публично-правовой – британский правопорядок сам генерирует эти шоки, односторонне разрывая исполнение договоров перевозки, страхования, классификации и финансирования. Страж договорной определённости стал источником недоговорной неопределённости. Конфискационный механизм уточняет квалификацию: до июля 2026 г. меры оставались в логике отказа в доступе, оставляя открытым путь замещения – альтернативным страхованием, картографией, портами захода, – тогда как конфискация не отказывает в услуге, а изымает ценность, и защищаться от неё можно лишь юрисдикционно и дипломатически. Показательно, что мера принята не в британском правопорядке, исторически формировавшем эталон, а на уровне Европейского союза: центр санкционного нормотворчества сместился, а морское право западных юрисдикций окончательно утратило внеполитическую позицию, делавшую его объектом добровольной рецепции.

Эталонность в праве – категория не нормативная, а социологическая: никакая конвенция не предписывала копировать Marine Insurance Act 1906 г. или подчинять чартеры английскому праву; эталон держался на доверии, опиравшемся на качество регулятивного продукта, нейтральность и надёжность обеспечивающей инфраструктуры. Санкционная практика 2022–2026 гг. разрушила два последних основания: политический риск Лондона отныне закладывается в оценку любой сделки с английским элементом, в том числе участниками из юрисдикций, формально не затронутых ограничениями, – распространяются дублирующие оговорки, альтернативные места арбитража (Сингапур, Гонконг, Дубай), каскадные механизмы замены страховщика и валюты платежа. Образец, применение которого обусловлено политической лояльностью, перестаёт быть образцом и становится одним из конкурирующих правопорядков – причём правопорядком с доказанной историей одностороннего отключения контрагентов.

Ответом стала суверенизация национальных морских правовых источников, наиболее последовательно проявившаяся в Российской Федерации. В юрисдикционной сфере это ст. 248.1–248.2 АПК РФ – функциональное заимствование антиискового инструментария самого общего права [10]. Критики квалифицируют их как отступление от pacta sunt servanda и обязательств по Нью-Йоркской конвенции 1958 г., тогда как А.И. Щукин видит в них защитный механизм обеспечения конституционного права на судебную защиту в условиях, когда ограничительные меры разрушают фактическую возможность справедливого разбирательства за рубежом [9]. Обе позиции в чистом виде уязвимы: первая игнорирует эмпирическое опровержение тезиса о нейтральности согласованного форума, вторая недооценивает эффект бумеранга, при котором автоматическое аннулирование арбитражных оговорок обесценивает российские юрисдикционные соглашения в глазах контрагентов из дружественных государств; сбалансированной представляется средняя линия – сохранение этих норм как чрезвычайного механизма при опровержимой презумпции ограничения доступа к правосудию. В страховой сфере суверенизация выразилась в переходе флота на покрытие российских страховщиков с перестрахованием в Российской национальной перестраховочной компании, в навигационной – на отечественные электронные карты, в арбитражной – в развитии МКАС при ТПП РФ, в нормативной – в развитии режима Северного морского пути и модернизации КТМ РФ.

Суверенизация не является российской особенностью: Китай продвигает собственный Кодекс морской торговли и китайские арбитражные институты как объект lex voluntatis, Индия развивает национальный морской арбитраж, Объединённые Арабские Эмираты формируют регистровую и страховую инфраструктуру. Для унификации эти процессы амбивалентны: позитивная сторона – восстановление реального содержания автономии воли, при котором выбор права становится

[1] UniCredit Bank GmbH v RusChemAlliance LLC [2024] UKSC 30.

[2] Определение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 28 декабря 2024 г. по делу № А56–90977/2024.

[3] Council Regulation (EU) 2026/1848 of 23 July 2026 amending Regulation (EU) No 833/2014 // Official Journal of the European Union. 2026.

выбором между сопоставимыми по качеству продуктами; негативная – де-унификация: фрагментация страховых стандартов, взаимное недоверие к сертификатам, образование параллельного флота с повышенными операционными рисками и утрата общего массива прецедентных ориентиров. Достигнутая веками унификация девальвируется, и ответственность за это несут не её противники, а её институциональный хранитель.

Последствия кризиса – юрисдикционный конфликт двойной несовместимой обязанности, эрозия трансграничной исполнимости судебных и арбитражных актов, фрагментация страховой и навигационной инфраструктуры, снижение общего уровня безопасности мореплавания. Исходный принцип преодоления состоит не в изоляционистском отказе от накопленного английским правом регулятивного капитала, а в сочетании конкурентной диверсификации правовой инфраструктуры с деполитизацией общих благ мореплавания.

Первое – деполитизация инфраструктуры безопасности мореплавания: на площадке Международной морской организации и Международной гидрографической организации заслуживает постановки вопрос о закреплении принципа недискриминационного доступа к навигационной и гидрографической информации как развитии обязательств по гл. V Конвенции СОЛАС, при котором отказ государства-издателя в актуализации карт по политическим мотивам квалифицировался бы как несовместимый с целями конвенции; тот же принцип следует распространить на признание свидетельств о страховании ответственности, где единственным условием должно быть соответствие страховщика объективным финансовым критериям.

Второе – институционализация страховой альтернативы: перестраховочный пул государств БРИКС и взаимное признание национальных систем страхования ответственности судовладельцев на основе транспарентных стандартов платёжеспособности. Третье – собственная договорно-арбитражная инфраструктура фрахтования: разработка на площадке Торгово-промышленной палаты Российской Федерации комплекта русскоязычных (с аутентичным английским текстом) проформ рейсового чартера, тайм-чартера и договора об организации перевозок с применимым российским правом и арбитражной оговоркой в пользу МКАС при ТПП РФ либо арбитражных центров дружественных юрисдикций. В проформы следует включать проработанные санкционные, валютные и маршрутные оговорки: как показали дела RTI v MUR и The Polar, в парадигме общего права защищено только прямо выговоренное условие, а распределение военных рисков должно формулироваться с расчётом на инкорпорацию в коносаменты специальными, а не общими словами [19]. Координация морских арбитражных центров БРИКС с модельной арбитражной оговоркой немедленно работоспособна: правовой базой взаимного исполнения служит Нью-Йоркская конвенция 1958 г. В рамках ШОС предлагается модельное соглашение о выборе права и порядке разрешения споров для международных транспортных коридоров, включающее перечень сверхимперативных норм государств коридора и обязательство взаимного неприменения экстерриториальных ограничительных мер третьих стран как основания неисполнения перевозочных обязательств.

Четвёртое – точечная модернизация российского регулирования: развитие гл. VIII и X КТМ РФ в части диспозитивных правил о демередже, канцеллинге и последствиях девиации; разъяснение Верховного Суда Российской Федерации о пределах ст. 248.1 АПК РФ в духе опровержимой презумпции; публикация обезличенной практики МКАС, создающая прецедентоподобную предсказуемость.

Пятое – конвенционный трек восстановления унификации: экспертная оценка целесообразности приведения в действие Роттердамских правил, вступление которых в силу ослабило бы квазикодификационную монополию английской практики; в перспективе – инициатива универсального акта о гарантиях недискриминационного доступа к услугам обеспечения торгового мореплавания.

Шестое – система защиты имущественных интересов грузовладельцев: договорная (оговорки о конфискации груза, определяющие момент перехода риска, судьбу фрахта и порядок возмещения; обособление титула на груз от связи с судном); страховая (покрытие политических и конфискационных рисков в национальных и дружественных перестраховочных ёмкостях); процессуальная (использование ст. 248.1 и 248.2 АПК РФ для споров грузовладельцев в российских судах); дипломатическая (постановка вопроса о соответствии подобных мер ст. 92 Конвенции ООН по морскому праву в Международной морской организации и в рамках части XV Конвенции).

Эталонная роль английского адмиралтейского права в течение двух столетий была историческим фактом, подтверждаемым конкретными формами рецепции – законодательной, конвенционной и договорной, – и держалась на доверии к качеству, нейтральности и надёжности лондонской правовой инфраструктуры. Участие Соединённого Королевства в санкционном демонтаже сложившихся правил морской торговли разрушило основания этого доверия и сняло эталонность английского морского права для значительной части мировых юрисдикций. Закономерным ответом стала суверенизация национальных морских правовых источников, которая, восстанавливая экономический суверенитет её субъектов, одновременно в значительной мере обесценивает достигнутую веками унификацию.

Принятие Европейским союзом 23 июля 2026 г. механизма конфискации и реализации грузов знаменует завершение описанной эволюции: санкционное воздействие на мореплавание прошло путь от ограничения доступа к услугам через задержание судов к прямому изъятию имущества у лиц, не являющихся адресатами ограничительных мер. Девальвация эталонной функции западного морского права вступила в необратимую стадию: правопорядок, допускающий изъятие собственности добросовестного участника оборота по признаку связи перевозчика с определённым государством, утрачивает не только авторитет, но и способность выполнять функцию нейтральной системы координат для мирового торгового мореплавания.

Выход лежит не в реставрации утраченной монополии и не в изоляционистской фрагментации, а в полицентричной модели унификации. Английское морское право сохранит значение уникального регулятивного капитала, но уже не как безальтернативный стандарт, а как один из конкурирующих правовых продуктов. Автономия воли, вернувшая себе свойство действительно свободного выбора между сопоставимыми по качеству правопорядками, и станет наилучшей гарантией устойчивости международной транспортной логистики: рынок по-прежнему будет оценивать право по критерию предсказуемости, однако отныне к нему добавился второй, выстраданный практикой последних лет, – надёжность правопорядка, не превращающего собственную инфраструктуру в оружие.

Литература

1. Асосков А.В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 640 с.
2. Богуславский М.М. Международное частное право: учебник. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 672 с.
3. Вилкова Н.Г. Договорное право в международном обороте. М.: Статут, 2004. 511 с.
4. Гуцуляк В.Н. Международное морское право (публичное и частное): учебное пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2006. 416 с.
5. Иванов Г.Г. Правовое регулирование морского судоходства в Российской Федерации. 2-е изд. М.: Морские вести России, 2009. 528 с.
6. Канашевский В.А. Международное частное право: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Международные отношения, 2016. 1008 с.
7. Лунц Л.А. Курс международного частного права: в 3 т. М.: Спарк, 2002. 1007 с.
8. Скаридов А.С. Морское право: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2021. 647 с.
9. Щукин А.И. Совершенствование российского судопроизводства в условиях экономических санкций: исключительная компетенция и получение экзекватуры (часть 1) // Закон. 2021. № 1. С. 125–148.
10. Ярков В.В. Применение антиисковых обеспечительных мер российскими судами: почему бы и нет? // Закон. 2014. № 8. С. 84–92.
11. Maritime Law / ed. by Y. Baatz. 5th ed. Abingdon: Routledge, 2020. 616 p.
12. Bennett H. The Law of Marine Insurance. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2006. 1096 p.
13. Cooke J., Young T., Ashcroft M. et al. Voyage Charters. 4th ed. Abingdon: Informa Law, 2014. 1288 p.
14. Girvin S. Carriage of Goods by Sea. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2022. 976 p.
15. MacMahon P. The Costs of Contractual Certainty: RTI v MUR Shipping // The Modern Law Review. 2025. Vol. 88, № 3. DOI: 10.1111/1468-2230.12926.
16. Merkin R., Flannery L. Merkin and Flannery on the Arbitration Act 1996. 6th ed. Abingdon: Informa Law, 2020. 792 p.
17. Mills A. Party Autonomy in Private International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 640 p.
18. Scrutton on Charterparties and Bills of Lading / ed. by D. Foxton, S.C. Boyd et al. 24th ed. London: Sweet & Maxwell, 2020. 848 p.
19. Treitel G., Reynolds F.M.B. Carver on Bills of Lading. 4th ed. London: Sweet & Maxwell, 2017. 1200 p.
20. Wiswall F.L. The Development of Admiralty Jurisdiction and Practice Since 1800. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. 240 p.

FROM LEGAL RECEPTION TO SOVEREIGNIZATION: THE DEVALUATION OF THE AUTHORITY OF ENGLISH MARITIME LAW

Skaridov Aleksandr S.
Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, Sevastopol State University

The article examines the historical role of English admiralty (maritime) law as a de facto standard and an object of legal analogy in the formation of international maritime law and in the maritime legislation of many states, and substantiates the thesis of the devaluation of this benchmark function under the sanctions confrontation of 2022–2026. For two centuries English law served as a model for legislative and contractual reception: the Marine Insurance Act 1906 was adopted, in places verbatim, by dozens of jurisdictions, the Hague and York-Antwerp Rules grew out of English practice, and standard charter pro formas and London arbitration ensured reception through party autonomy. The article analyses the United Kingdom participation in restrictive measures destroying the established rules of maritime trade: repudiation of insurance obligations, refusal to provide electronic chart services, port entry bans, and detentions and seizures of vessels devoid of any conventional basis. Special attention is paid to the mechanism adopted by the European Union on 23 July 2026 for the confiscation of cargoes carried by shadow fleet vessels, which shifts sanctions to the compulsory taking of property. The author concludes that these circumstances remove the benchmark status of English maritime law, stimulate the sovereignization of national maritime legal sources and devalue the unification achieved over centuries, and formulates ways out of the crisis.

Keywords: English maritime law, legal reception, unification of maritime law, restrictive measures, marine insurance, electronic navigational charts, detention of ships, confiscation of cargo, freedom of navigation, sovereignization of legal sources.

References

1. Asoskov A.V. Kollizionnoe regulirovanie dogovornykh obyazatel'stv [Conflict-of-Laws Regulation of Contractual Obligations]. Moscow: Infotropik Media; 2012. 640 p. (In Russ.)

2. Boguslavskii M.M. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: uchebnik [Private International Law: A Textbook]. 7th ed. Moscow: Norma, INFRA-M; 2016. 672 p. (In Russ.)

3. Vilkova N.G. Dogovornoe pravo v mezhdunarodnom oborote [Contract Law in International Commerce]. Moscow: Statut; 2004. 511 p. (In Russ.)

4. Gutsulyak V.N. Mezhdunarodnoe morskoe pravo (publichnoe i chastnoe) [International Maritime Law: Public and Private]. Rostov-on-Don: Feniks; 2006. 416 p. (In Russ.)

5. Ivanov G.G. Pravovoe regulirovanie morskogo sudokhodstva v Rossiiskoi Federatsii [Legal Regulation of Merchant Shipping in the Russian Federation]. 2nd ed. Moscow: Morskie vesti Rossii; 2009. 528 p. (In Russ.)

6. Kanashevskii V.A. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: uchebnik [Private International Law: A Textbook]. 3rd ed. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 2016. 1008 p. (In Russ.)

7. Lunts L.A. Kurs mezhdunarodnogo chastnogo prava: v 3 t. [A Course of Private International Law: in 3 vols.]. Moscow: Spark; 2002. 1007 p. (In Russ.)

8. Skaridov A.S. Morskoe pravo: uchebnik dlya vuzov [Maritime Law: A Textbook for Universities]. Moscow: Yurait; 2021. 647 p. (In Russ.)

9. Shchukin A.I. Improvement of Russian Judicial Proceedings under Economic Sanctions: Exclusive Jurisdiction and Obtaining an Exequatur (Part 1). Zakon. 2021;(1):125–148. (In Russ.)

10. Yarkov V.V. Anti-Suit Injunctions Applied by Russian Courts: Why Not? Zakon. 2014;(8):84–92. (In Russ.)

11. Baatz Y., ed. Maritime Law. 5th ed. Abingdon: Routledge; 2020. 616 p.

12. Bennett H. The Law of Marine Insurance. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press; 2006. 1096 p.

13. Cooke J., Young T., Ashcroft M. et al. Voyage Charters. 4th ed. Abingdon: Informa Law; 2014. 1288 p.

14. Girvin S. Carriage of Goods by Sea. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press; 2022. 976 p.

15. MacMahon P. The Costs of Contractual Certainty: RTI v MUR Shipping. The Modern Law Review. 2025;88(3). DOI: 10.1111/1468-2230.12926.

16. Merkin R., Flannery L. Merkin and Flannery on the Arbitration Act 1996. 6th ed. Abingdon: Informa Law; 2020. 792 p.

17. Mills A. Party Autonomy in Private International Law. Cambridge: Cambridge University Press; 2018. 640 p.

18. Foxton D., Boyd S.C. et al., eds. Scrutton on Charterparties and Bills of Lading. 24th ed. London: Sweet & Maxwell; 2020. 848 p.

19. Treitel G., Reynolds F.M.B. Carver on Bills of Lading. 4th ed. London: Sweet & Maxwell; 2017. 1200 p.

20. Wiswall F.L. The Development of Admiralty Jurisdiction and Practice Since 1800. Cambridge: Cambridge University Press; 1970. 240 p.

Эволюция от благоприятной к чистой, здоровой и устойчивой окружающей среде в международном праве прав человека

Сухорукова Юлия Сергеевна,
соискатель кафедры международного и интеграционного права, ИПНБ РАНХиГС при Президенте РФ
E-mail: suhorukova.yulia07@gmail.com

В статье проводится международно-правовой анализ понятий «благоприятная окружающая среда», «здоровая окружающая среда» и «чистая, здоровая и устойчивая окружающая среда», раскрываются их концептуальные различия, юридические импликации и причины эволюции понятийного аппарата в исторической ретроспективе. Особое внимание уделяется резолюциям Генеральной Ассамблеи ООН, Совета ООН по правам человека, вкладу региональных судов по правам человека в формирование содержания и объема соответствующий понятий, а также общим тенденциям развития правоприменительной практики до 2026 года включительно. Автор делает концептуальный вывод о том, что современный понятийный аппарат отражает переход от декларативного антропоцентризма к научно обоснованному, системному и межпоколенческому пониманию экологических прав человека в международном праве.

Ключевые слова: международное право, права человека, право на благоприятную окружающую среду, здоровая и чистая окружающая среда, устойчивое развитие.

Право на благоприятную окружающую среду прошло в своём развитии сложный путь от политической декларации до самостоятельного права человека, признаваемого в качестве такового межгосударственными органами по правам человека на универсальном и региональном уровнях. Путь эволюции не завершен до сих пор, поскольку право на благоприятную окружающую среду по-прежнему не включено в действующие международные договоры в качестве самостоятельного права человека. Более того, остаются дискуссионными многие вопросы, связанные с содержательным наполнением права на благоприятную окружающую среду.

На протяжении полувека в международно-правовых актах, внутригосударственном законодательстве различных стран, в том числе, в Конституциях, а также в судебной практике применительно к окружающей среде использовались различные формулировки: «благоприятная», «здоровая», «экологически сбалансированная», «чистая, здоровая и устойчивая». Такое терминологическое разнообразие имеет негативные последствия для прозрачности правового регулирования, поскольку затрудняет понимание содержания и объема обязательств государств и, как следствие, снижает эффективность судебной защиты соответствующего права.

Впервые на универсальном уровне характеристика окружающей среде была дана в Принципе 1 Стокгольмской декларации 1972 г. [1], где провозглашается право человека на «окружающую среду такого качества, которое позволяет вести достойную и благополучную жизнь». Несмотря на то, что оригинальный текст на английском языке не содержит прилагательного *favorable*, формулировка носит оценочный характер и задает стандарт качества среды, окружающей человека. Такой подход воспринят, например, в Конституциях ряда государств постсоветского пространства, где используется именно понятие «благоприятной окружающей среды».

В региональных международных договорах середины XX века нередко используется другое понятие – «удовлетворительная» (*satisfactory*) окружающая среда. Статья 24 Африканской хартии прав человека и народов 1981 г. гарантирует право на «общую удовлетворительную окружающую среду, благоприятную для развития» [14]. Такая формулировка подчёркивает приоритет социальноэкономического развития и предоставляет государствам широкую свободу в установлении экологических стандартов.

Принятие в 1992 году Декларации Рио-де-Жанейро смещает акцент в сторону «здоровой» окружающей среды: «Люди имеют право на здоровую и продуктивную жизнь в гармонии с природой» [2]. Термин *healthy* начинает доминировать в международных, прежде всего, региональных и внутригосударственных нормативных правовых актах. Так, Дополнительный протокол к Американской конвенции о правах человека в области экономических, социальных и культурных прав (Сан-Сальвадорский протокол) 1988 г. прямо закрепляет «право жить в здоровой окружающей среде» (ст. 11) [13]. Аналогичные формулировки со временем появляются в Конституциях таких государств как Португалия, Черногория, Иран, Грузия.

Важный вклад в развитие концепции «здоровой» окружающей среды внесли региональные суды по правам человека, прежде всего, Европейский и Межамериканский.

Как отмечает Фомина Л.Ю., Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) после дела «Пауэлл и Рейнер против Соединенного Королевства» [9] сформулировал важную для последующей практики позицию, заключающуюся в возможности применения статьи 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (ЕКПЧ [12]) к делам, затрагивающим вопрос качества окружающей среды, в данном случае отрицательном влиянии неблагоприятной окружающей среды на качество жизни граждан. Дело касалось шума самолетов, летавших над жилыми домами в дневное время. Несмотря на то, что в удовлетворении требований заявителям было отказано, в дальнейшем, при рассмотрении дел, затрагивавших какие-либо вопросы окружающей среды, ЕСПЧ последовательно толковал 8 статью ЕКПЧ в экологическом ключе.

Не менее интересным для развития правоприменительной практики стало постановление по делу «Лопез Остра против Испании» [8]. Заявительница обратилась в ЕСПЧ с жалобой на загрязнение окружающей

среды заводом по переработке отходов кожевенной промышленности, что негативно сказывалось на здоровье людей, проживавших рядом. В частности, дочь заявительницы страдала от тошноты, рвоты и анорексии, вызванных, по мнению врача, загрязнением среды проживания. В своём постановлении ЕСПЧ подтвердил, что действие статьи 8 ЕКПЧ распространяется на дела о загрязнении окружающей среды, поскольку эта проблема «может сказаться на благополучии людей в такой степени, что крайне отрицательно отразится на их личной и семейной жизни, не подвергая, однако, серьезной опасности их здоровье» [12].

Аналогичную судебную практику расширительного толкования ст. 8 ЕКПЧ ЕСПЧ последовательно подтверждал и в последующих решениях, например, в Постановлении по делу «Фадеева против Российской Федерации» от 9 июня 2005 г. [4] и в Постановлении по делу «Ледяева и другие против Российской Федерации» от 26 октября 2006 г. В обоих случаях хозяйственная деятельность металлургических предприятий в непосредственной близости от дома заявительниц подвергала опасности их здоровье и благополучие. Несмотря на то, что по мнению Российской Федерации, действие ст. 8 ЕКПЧ не охватывает подобные случаи, Суд отметил, что существуют различные способы обеспечения права «уважения к частной жизни» [6]: экологическая ситуация в городе, приведшая к постоянному ухудшению здоровью населения была связана не только с нарушением права на уважение частной и семейной жизни, но и с нарушением права на благоприятную окружающую среду.

В 2024 году в постановлении по делу *Verein KlimaSeniorinnen Schweiz v. Switzerland* [16] ЕСПЧ впервые признал, что бездействие государства в сфере климатической политики может нарушать права человека, гарантированные ЕКПЧ. Швейцарская ассоциация «KlimaSeniorinnen Schweiz» (женщины старше 75 лет) и 4 заявительницы обратились в Суд с жалобой на то, что Швейцария не принимает достаточных мер по смягчению изменения климата, что угрожает жизни и здоровью пожилых женщин (особенно в периоды аномальной жары). Суд, опираясь на стандарты «здоровой и устойчивой» среды, согласился с заявителями и признал, что недостаточные меры по смягчению изменения климата образуют нарушение ст. 8 ЕКПЧ [11].

Начиная с 2017 года в правоприменительной практике региональных судов по правам человека, прежде всего, Межамериканского суда по правам человека (Межамериканский суд) начинает использоваться термин «здоровая» окружающая среда. Впервые Межамериканский суд признал право на здоровую окружающую среду в консультативном заключении ОС-23/17от 15 ноября 2017 году [5], постановив, что право на здоровую окружающую среду является «основополагающим для существования человечества», и связав его с правом на жизнь и личную неприкосновенность. В дальнейшем, Межамериканский суд, а вслед за ними Африканский суд по правам человека и народов последовательно используют именно эту формулировку в своих консультативных заключениях и решениях.

Сдвиг в сторону «здоровой» окружающей среды обусловлен укреплением в науке понимания взаимосвязи между качеством экосистем и общественным здоровьем. В частности, ВОЗ разработала количественные индикаторы экологического благополучия [7]. Термин «здоровая» имеет более измеряемый характер, что упрощает, среди прочего, возможность объективно, с опорой на конкретные показатели, проводить мониторинг выполнения государствами своих экологических обязательств, в том числе, через призму прав и свобод человека, прямо закрепленных в универсальных и региональных международных договорах по правам человека.

В международной практике развитие права на *здоровую* окружающую среду *(выделено автором)* получило важный импульс в 2012 году, когда Совет ООН по правам человека учредил мандат Специального докладчика по вопросам прав человека и окружающей среды. В соответствии с резолюцией Совета ООН по правам человека 37/8, Специальный докладчик ежегодно готовит доклады для Совета ООН по правам человека и Генеральной Ассамблеи ООН. Специальные доклады стали неотъемлемой частью системы мониторинга правозащитных обязательств государств, связанных с обеспечением доступа к безопасной, чистой, здоровой, благоприятной окружающей среде.

К 2020-му году стало очевидно, что качественные характеристики «благоприятная» и «здоровая» не отвечают современным потребностям в том, какой должна быть окружающая среда. Такие факторы глобального масштаба как изменение климата, сокращение биоразнообразия, трансграничное загрязнение, необходимость обеспечения межпоколенческой справедливости потребовали выработки новых подходов. Специальные докладчики ООН по вопросу о правах человека и окружающей среде Дэвид Бойд и Джон Нокс последовательно обосновывали необходимость терминологической унификации, учитывающей научные данные и Цели устойчивого развития (ЦУР) [17].

Эпохальным для обеспечения права на благоприятную окружающую среду стало принятие Советом ООН по правам человека Резолюции 48/13 [3] от 8 октября 2021 г., В резолюции впервые на универсальном уровне закрепляется «право человека на чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду». Эта позицию поддержала Генеральная Ассамблея ООН в резолюции 76/300 от 28 июля 2022 года: 161 государство проголосовало «за», лишь 4 государства воздержались, и никто не проголосовал против. Такое редкое единство государств во многом результат не только итогов современных научных изысканий, но также схожести политических приоритетов и правовых позиций стан Глобального Юга, для которые безусловными приоритетами являются развитие и климатическая справедливость.

В 2023–2026 гг. формулировка «здоровая и устойчивая среда» активно инкорпорируется в практику договорных органов по правам человека системы ООН. Комитет по правам ребёнка в Замечании общего порядка № 26 (2023) прямо ссылается на резолюцию 76/300, увязывая право на здоровую окружающую среду с климатическими обязательствами государств [15].

Ключевое различие между первоначально использовавшимися понятиями и современной терминологией заключается в переходе от статичного стандарта («не вредить текущему поколению») к динамичному обязательству («обеспечить жизнеспособность экосистем для будущих поколений»). Термин «устойчивая» юридически интегрирует экологические права с принципами предосторожности, общих, но дифференцированных обязательств и справедливого перехода, что делает право на окружающую среду инструментом системной трансформации, а не только механизмом компенсации вреда.

Таблица 1. Концептуальные терминологические различия

Термин	Содержание	Правовая природа	Основные обязательства государства
Благоприятная	Субъективное восприятие комфорта, антропоцентризм, ориентация на текущее качество жизни	Декларативная, морально-политическая	Общее содействие, отсутствие чётких стандартов
Здоровая	Функциональность экосистем, отсутствие патогенных факторов, связь с правом на здоровье	Субъективное право, частично подлежащее судебной защите	Предотвращение вреда, мониторинг, доступ к информации
Чистая	Отсутствие загрязнения (воздух, вода, почва), контроль токсичных веществ, отходов	Нормативный стандарт, поддающийся верификации	Регулирование выбросов, ликвидация последствий, применение принципа «загрязнитель платит»
Устойчивая	Межпоколенческая справедливость, климатическая устойчивость, интеграция с ЦУР, сохранение планетарных границ	Динамическое право, требующее системных мер и адаптивного регулирования	Декарбонизация, восстановление экосистем, учёт уязвимых групп, трансформационные реформы

Эволюция от «благоприятной» к «чистой, здоровой и устойчивой окружающей среде» отражает качественную трансформацию экологических прав человека в международном праве. Термин «благоприятная» не поддаётся верификации: что считать благоприятным в условиях мегаполиса или аридной зоны? «Здоровая» привязывается к медицинским и экологическим индикаторам, но не учитывает долгосрочные климатические тренды. «Чистая» адресует конкретные загрязнители, а «устойчивая» вводит временной горизонт и системную устойчивость.

По мнению Дзусова А.К. принятие повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. открыло новые возможности для работы в направлении создания здоровой окружающей среды с использованием комплексного подхода [10]. Однако мы считаем, что только совокупность всех трёх качественных характеристик создаёт многоуровневый стандарт, поддающийся научной верификации, формирует для государств правовую определенность, позволяет избежать «правовой фрагментации». Более того, это шаг к выходу на новый уровень правового регулирования: до 2021 года качество окружающей среды определялось различными, часто разрозненными международно-правовые актами: конвенциями по биоразнообразию, климату, химическим веществам, процедурными конвенциями по доступу к информации. Универсальная формулировка стала «зонтичным» механизмом, позволяющим интегрировать обязательства из Парижского соглашения, Рамочной конвенции ООН об изменении климата и ЦУР (цели 13–15) в единый правозащитный контекст.

Унификация формулировки также способствует политическому консенсусу между государствами. Страны Глобального Севера настаивали на «чистой» и «здоровой» окружающей среде как на «антизагрязнительном» и санитарном стандарте. Страны Глобального Юга требовали включения «устойчивой» для сохранения права на развитие и учёта дифференцированной ответственности. Компромиссная формулировка позволила избежать противопоставления «экология vs развитие» и закрепила принцип справедливого перехода в правозащитную парадигму.

Суды же получают возможность осуществлять прогрессивное толкование права на благоприятную окружающую среду: оценивать не только факт загрязнения, но и недостаточность климатических мер, отсутствие планов адаптации, игнорирование уязвимых групп, – в условиях в целом положительного отношения государств к такому подходу, что повышает качество исполнения выносимых решений данной направленности. Это соответствует концепции non-retrogression в международном праве прав человека.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что что преодоление терминологического разнообразия («благоприятная», «удовлетворительная», «здоровая») и переход к унифицированной формулировке «чистая, здоровая и устойчивая окружающая среда», не просто лингвистический компромисс между странами Глобального Севера и Юга, а многоуровневый, научно верифицируемый стандарт, обеспечивающий правовую определенность для государств и граждан. Эволюция понятийного аппарата отражает глубинную трансформацию самой природы экологических прав. Если ранние концепции носили статичный, антропоцентричный характер, то современный стандарт вводит динамическое измерение. Право на окружающую среду теперь неразрывно связано с межпоколенческой справедливостью, климатической повесткой и сохранением планетарных границ.

Литература

1. Декларация Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды (Стокгольм, 1972): Princ. 1. – UN Doc. A/CONF.48/14/Rev.1.

2. Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию (1992): Princ. 1. – UN Doc. A/CONF.151/26/Rev.1 (Vol. I).

3. Резолюция Совета ООН по правам человека 48/13 от 8 октября 2021 г. – UN Doc. A/HRC/RES/48/13.

4. Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2005. – № 11.

5. Консультативное заключение Межамериканского суда по правам человека (IACrtHR) ОС-23/17 от 15 ноября 2017 года, запрошенное Республикой Колумбия: «Окружающая среда и права человека» [Advisory Opinion OC-23/17 of November 15, 2017, Requested by the Republic of Colombia: The Environment and Human Rights]. – 2017.

6. Постановление Европейского Суда по правам человека (бывшая Первая секция) по делу «Фадеева (Fadeyeva) против Российской Федерации» (жалоба № 55723/00): Страсбург, 9 июня 2005 г. – Текст: электронный // Контур.Норматив. – URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=7&documentId=107734 (дата обращения: 09.07.2026).

7. Рекомендации по охране здоровья населения в современных условиях окружающей среды на основе данных Европейского регионального бюро ВОЗ. – [Б. м.], [б.г.]. – URL: https://nvsu.ru/ru/otd_international/1966/EHkspertnye_rekomendacii_ZHM.pdf (дата обращения: 07.05.2026).

8. Лопез Остра (Lopez Ostra) против Испании: Постановление Европейского суда по правам человека от 9 декабря 1994 г. – Текст: электронный // Гарант: справочно-правовая система. – URL: https://base.garant.ru/2561414/ (дата обращения: 04.04.2026).

9. Пауэлл и Рейнер (Powell and Rayner) против Соединённого Королевства: решение Европейского суда по правам человека от 21 февраля 1990 г. – Текст: электронный // Гарант: справочно-правовая система. – URL: https://base.garant.ru/2561428/ (дата обращения: 04.04.2026).

10. Дзусов, А.К. Право на благоприятную окружающую среду в контексте международного права и зарубежного опыта законодательного регулирования / А.К. Дзусов // Юридические науки. – 2020. – № 11. – DOI 10.24411/2076–1503–2020–11107.

11. Кудинов, А.С. Международные судебные разбирательства по климату в 2024 году: обзор правовых позиций ЕСПЧ и Международного трибунала по морскому праву / А.С. Кудинов. – Москва: Центр международных и сравнительно-правовых исследований, 2025. – URL: https://iclrc.ru/ru/publications/127 (дата обращения: 05.08.2026).

12. Фомина, Л.Ю. Защита экологических прав в Европейском суде по правам человека в соответствии со статьёй 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод / Л.Ю. Фомина // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 6. – С. 360.

13. Additional Protocol to the American Convention on Human Rights in the Area of Economic, Social and Cultural Rights (Protocol of San Salvador), 17 November 1988. – OAS Treaty Series № 69. Art. 11.

14. African Charter on Human and Peoples' Rights (Banjul Charter), 27 June 1981. – OAU Doc. CAB/LEG/67/3 rev. 5. Art. 24.

15. Committee on the Rights of the Child, General Comment № 26 (2023) on children's rights and the environment, with a special focus on climate change. – UN Doc. CRC/C/GC/26.

16. European Court of Human Rights, Verein KlimaSeniorinnen Schweiz and Others v. Switzerland, APp. № 53600/20, Judgment of 9 April 2024.

17. Boyd, D.R. The Environmental Rights Revolution: A Global Study of Constitutions, Human Rights, and the Environment / D.R. Boyd. – Vancouver: UBC Press, 2022. – 320 p. – URL: https://www.ubcpress.ca/asset/9569/1/9780774821605.pdf (дата обращения: 07.05.2026).

THE EVOLUTION FROM A FAVORABLE TO A CLEAN, HEALTHY, AND SUSTAINABLE ENVIRONMENT IN INTERNATIONAL HUMAN RIGHTS LAW

Sukhorukova Yu.S.
Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article conducts an international legal analysis of the concepts of «favorable environment», «healthy environment», and «clean, healthy, and sustainable environment», revealing their conceptual differences, legal implications, and the rationale behind the evolution of the conceptual framework in historical retrospect. Special attention is paid to the resolutions of the UN General Assembly and the UN Human Rights Council, the contribution of regional human rights courts to shaping the scope and content of the respective concepts, as well as general trends in judicial practice up to 2026 inclusive. The author comes to a conceptual conclusion that the modern conceptual framework reflects a transition from declarative anthropocentrism to a science-based, systemic, and intergenerational understanding of human environmental rights in international law.

Keywords: international law, human rights, right to a favorable environment, healthy and clean environment, sustainable development.

References

1. Declaration of the United Nations Conference on the Human Environment (Stockholm, 1972): Princ. 1. – UN Doc. A/CONF.48/14/Rev.1.

2. Rio Declaration on Environment and Development (1992): Princ. 1. – UN Doc. A/CONF.151/26/Rev.1 (Vol. I).

3. UN Human Rights Council Resolution 48/13 of October 8, 2021. – UN Doc. A/HRC/RES/48/13.

4. Bulletin of the European Court of Human Rights. – 2005. – № 11.

5. Advisory Opinion OC-23/17 of November 15, 2017, Requested by the Republic of Colombia: The Environment and Human Rights. Inter-American Court of Human Rights (IACrtHR). – 2017.

6. European Court of Human Rights (Former First Section) Judgment in the case of «Fadeyeva v. Russia» (Application № 55723/00): Strasbourg, June 9, 2005. – Text: electronic // Kontur.Normativ. – URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=7&documentId=107734 (accessed: 09.07.2026).

7. Recommendations on Population Health Protection in Modern Environmental Conditions Based on WHO Regional Office for Europe Data. – [S. l.], [s.a.]. – URL: https://nvsu.ru/ru/otd_international/1966/EHkspertnye_rekomendacii_ZHM.pdf (accessed: 07.05.2026).

8. Lopez Ostra v. Spain: Judgment of the European Court of Human Rights of December 9, 1994. – Text: electronic // Garant Legal Reference System. – URL: https://base.garant.ru/2561414/ (accessed: 04.04.2026).

9. Powell and Rayner v. The United Kingdom: Judgment of the European Court of Human Rights of February 21, 1990. – Text: electronic // Garant Legal Reference System. – URL: https://base.garant.ru/2561428/ (accessed: 04.04.2026).

10. Dzusov, A.K. Right to a Favorable Environment in the Context of International Law and Foreign Experience of Legislative Regulation / A.K. Dzusov // Legal Sciences. – 2020. – № 11. – DOI 10.24411/2076–1503–2020–11107.

11. Kudinov, A.S. International Climate Change Litigation in 2024: Overview of the ECHR and International Tribunal for the Law of the Sea Legal Positions / A.S. Kudinov. – Moscow: International and Comparative Law Research Center, 2025. – URL: https://iclrc.ru/ru/publications/127 (accessed: 05.08.2026).

12. Fomina, L. Yu. Protection of Environmental Rights in the European Court of Human Rights in Accordance with Article 8 of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms / L. Yu. Fomina // Gaps in Russian Legislation [Probel'y v rossijskom zakonodatel'stve]. – 2017. – № 6. – P. 360.

13. Additional Protocol to the American Convention on Human Rights in the Area of Economic, Social and Cultural Rights (Protocol of San Salvador), 17 November 1988. – OAS Treaty Series № 69. Art. 11.

14. African Charter on Human and Peoples' Rights (Banjul Charter), 27 June 1981. – OAU Doc. CAB/LEG/67/3 rev. 5. Art. 24.

15. Committee on the Rights of the Child, General Comment № 26 (2023) on children's rights and the environment, with a special focus on climate change. – UN Doc. CRC/C/GC/26.

16. European Court of Human Rights, Verein KlimaSeniorinnen Schweiz and Others v. Switzerland, APp. № 53600/20, Judgment of 9 April 2024.

17. Boyd, D.R. The Environmental Rights Revolution: A Global Study of Constitutions, Human Rights, and the Environment / D.R. Boyd. – Vancouver: UBC Press, 2022. – 320 p. – URL: https://www.ubcpress.ca/asset/9569/1/9780774821605.pdf (accessed: 07.05.2026).

Биометрия в избирательном процессе: зарубежный опыт и перспективы внедрения в Российской Федерации

Фролова Татьяна Юрьевна,
юрист, ООО «КОМПАНИЯ ТЕХНОСТРОЙ»
E-mail: t.chekalova95@rambler.ru

Сацкевич Татьяна Константиновна,
кандидат юридических наук, доцент, ФГБОУ ВО «МИРЭА – Россий технологический университет»
E-mail: stk_261@mail.ru

Дудченко Оксана Сергеевна,
доктор юридических наук, доцент, АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА»
E-mail: oksana-dudchenko@rambler.ru

Сакаев Василь Тимерьянович,
кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
E-mail: sakaev2003@mail.ru

На основе анализа зарубежного опыта применения биометрической идентификации избирателей обоснована целесообразность её внедрения в России при условии надлежащего нормативного регулирования, выдвинуто предложение о синхронизации Портала «Госуслуги», Единой биометрической системы (ЕБС) и реестра избирателей Центральной избирательной комиссии Российской Федерации в целях упрощения процедуры регистрации в качестве избирателей посредством биометрических данных.

Ключевые слова: цифровизация избирательного процесса, биометрические данные, биометрическая идентификация избирателей, биометрические технологии, дипфейки на выборах, единая биометрическая система, персональные данные, портал Госуслуги.

Введение

Обеспечение надежного и гарантированного взаимодействия между гражданами и органами государственной власти Российской Федерации, а также улучшение системы государственного управления входят в число целей Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденной Указом Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203. Более того, цифровая трансформация государственного и муниципального управления, определена Президентом РФ в числе национальных целей развития Российской Федерации вплоть до 2036 года, согласно Указу Президента РФ от 07.05.2024 № 309. Президент РФ, являясь гарантом прав и свобод человека и гражданина, должен использовать все необходимые меры для достижения этой цели. Приведенные обстоятельства свидетельствуют о важности цифровой трансформации процедуры выборов в РФ для обеспечения политических прав и свобод граждан. Это требует пристального внимания с точки зрения нормативной регламентации и теоретической обоснованности, что предопределяет актуальность данной статьи.

В числе цифровых инноваций в сфере реализации прав граждан РФ важное место занимает биометрическая идентификация личности, поскольку «именно она позволяет с высокой степенью достоверности соотносить виртуальную личность с физическим телом конкретного человека, стирая границу между офлайн– и онлайн-пространством» [1, с. 258]. Рассматриваются возможности предоставления гражданам прав подачи документов о регистрации недвижимости в электронном виде с установлением личности с помощью биометрии, ее использования в качестве второго фактора защиты личного кабинета портала «Госуслуги», идентификации студентов на дистанционных занятиях и т.д. На рассмотрении Государственной Думы РФ находится законопроект о регулировании использования биометрических персональных данных с помощью ЕБС и иных государственных систем, что продиктовано вопросами обеспечения безопасности таких данных.

С учётом изложенного, представляется целесообразным рассмотреть систему биометрической идентификации граждан, использование которой возможно претворить в жизнь с помощью Единой биометрической системы и портала «Госуслуги» как инструментов оперативной связи общества и государства при оказании государственных услуг и участия граждан в управлении делами государства.

В научной литературе уже уделяется внимание: применению биометрии в криминалистике (С.М. Колотушкин и А.В. Ромашев) [2], банках (Е.И. Шаманина и Ю.С. Захаренко) [3], работе нотариуса (Е.В. Кирсанова) [4], в трудовых и миграционных правоотношениях [5], государственном управлении [6] и т.д. Кроме того, биометрия рассматривается в контексте персональных данных и генетической информации [7], как источник цифрового следа личности [8, с. 28], на предмет безопасности ее обработки и хранения [9], а также возникающих угроз «использования образа другого человека при совершении противоправных деяний» [10, с. 95].

Вопрос перспектив использования биометрических данных в избирательном процессе привлёк внимание Е.В. Былинкина [11], а аналогичный зарубежный опыт – Н.С. Чимарова [12]. Тема биометрии в электоральных процессах обсуждается в зарубежной научной литературе более четверти века, а один из первых обзоров подходов к использованию биометрии, ее преимуществ и ограничений появился еще в начале XXI века [13].

Сейчас в не менее чем в 50 странах в той или иной мере биометрия уже применяется для идентификации личности избирателя в электоральных процессах, а наиболее успешный опыт активно изучается в International Institute for Democracy and Electoral Assistance [14]. Число стран, применяющих данные технологии, будет неуклонно расти, а подходы к ее использованию будут видоизменяться. Вместе с тем можно отметить, что данная тематика все ещё остается слабо разработанной, что обуславливает актуальность данного исследования.

Методологическую основу данного исследования составляют общенаучные (анализ и синтез, индукция и дедукция, метод обобщения и систематизации) и частно-научные (формально-юридический, сравнительно-правовой) методы. Набор обозначенных методов обусловлен целью данного исследования, которая заключается в систе-

матизации зарубежного опыта, выявлении проблем, препятствующих внедрению указанного механизма в Российской Федерации, а также в формулировании практических рекомендаций.

Исследование составных частей избирательного процесса с применением биометрии (нормативная база, технические возможности, отношение электората) было проведено с помощью общенаучного метода анализа. На этапе обобщения полученного в результате исследования материала и формирования целостного представления о практике применения биометрии на выборах применен метод синтеза. Методы индукции и дедукции позволили определить возможные преимущества и ограничения биометрии в рамках электорального процесса. Ключевые проблемы и закономерности реализации на практике биометрической идентификации личности стало возможным выявить методом обобщения, а систематизация дала возможность структурировать опыт по времени применения и эффективности.

Формально-юридический метод позволил сформировать представление о нормативно-правовой базе биометрических персональных данных, а сравнительно-правовой метод был использован для сопоставления отечественного и зарубежного опыта в целях возможной адаптации успешных приемов для России.

Понятие биометрических данных

Исследование вопроса о возможностях, особенностях и перспективах применения биометрических персональных данных в избирательном процессе целесообразно начать с имеющихся в российской нормативной базе подходов к определению объема персональных данных, подпадающих под понятие биометрических.

Согласно Постановлению Правительства РФ от 04.03.2010 № 125[1] в круг биометрических персональных данных граждан входят его цветная цифровая фотография и изображение папиллярных узоров 2 пальцев рук. Минкомсвязи РФ отнесло к их числу таких параметров голос и изображение лица[2].

Сменивший его аналогичный Порядок, утвержденный Приказом Минцифры России от 10.09.2021 № 930, сохранил объем обрабатываемых данных (изображение лица и голос), но уточнил параметры последнего, в частности в соответствии с указанным Порядком обрабатываются данные «голоса, собранные текстозависимым методом»[3], а согласно Приказу Минцифры России от 12.05.2023 № 453, с принятием которого Приказ от 10.09.2021 № 930 утратил силу, обработке подлежат: «изображение лица человека, полученное с помощью фотовидеоустройств; запись голоса человека, полученная с помощью звукозаписывающих устройств»[4]. Более обширный круг биометрических данных содержит письмо Роскомнадзора от 01.02.2020 г. № 08АП-6782[5], где включена информация о папиллярных узорах, радужной оболочке глаз, голосе, анализах ДНК, изображении человека (фотография и видео) и др.

В настоящее время на законодательном уровне рассматриваемая категория определяется как «сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность (биометрические персональные данные) и которые используются оператором для установления личности субъекта персональных данных»[6].

Анализ зарубежного законодательства и доктринальных подходов свидетельствует об отсутствии единообразного понимания объема и состава биометрических данных, что обусловлено различиями в правовых традициях, уровнях технологического развития и приоритетах защиты прав человека.

В статье 4(14) Общего регламента по защите данных ЕС (GDPR) биометрические данные определяются как «персональные данные, полученные в результате специальной технической обработки физических, физиологических или поведенческих характеристик физического лица, которые позволяют идентифицировать это физическое лицо или подтверждают его уникальность, например, изображения лица или дактилоскопические данные»[7]. Ключевой критерий – способность биометрических данных обеспечивать или подтверждать однозначную идентификацию. Иллюстративный перечень включает снимки лица, дактилоскопические данные, образцы ДНК. Отличительной чертой подхода выступает презумпция запрета обработки подобной информации, что предусмотрено ст. 9(2) GDPR, – допустима только при наличии согласия субъекта или в силу закона.

В США отсутствует универсальный федеральный закон, регулирующий использование биометрии. Наиболее детальным признается Закон штата Иллинойс о конфиденциальности биометрической информации (BIPA, 2008)[8]. Согласно его нормам к биометрическим идентификаторам относятся сетчатка и радужная оболочка глаза, отпечатки пальцев, геометрия ладони, голос, сканирование лица. Из сферы действия BIPA сознательно исключены обычные фотографии и образцы почерка. В законодательстве Техаса и Вашингтона закреплены сходные, но менее детализированные требования. В целом в США внимание обращено скорее не на перечень данных, сколько на механизмы получения согласия и праве на иск о нарушении (private right of action).

Закон о защите персональных данных КНР (2021) классифицирует биометрию как один из видов «чувствительной информации», наряду с религиозными убеждениями и состоянием здоровья. В соответствии со ст. 4 данного закона «личная информация – это все виды информации, относящейся к идентифицированным или идентифицируемым физическим лицам, записанные электронным способом или другими средствами, за исключением информации после анонимной обработки»[9]. Законодательство КНР требует обязательного получения отдельного согласия и проведения оценки воздействия на защиту данных. Особый акцент – обработка изображения лица (технологии распознавания лиц), что обусловлено активным внедрением систем видеонаблюдения и биометрической идентификации.

В научной литературе отсутствует единство в определении объема персональных данных, относимых к биометрическим. Г.Г. Камалова относит к биометрическим персональным данным дактилоскопическую, антропометрическую, габитологическую (признаки внешнего облика), генотипическую и иную информацию, а также строение папиллярных узоров, размеры тела и отдельных его частей, особенности внешнего облика (красная кайма губ, строение радужной сетчатки глаза, кровеносных сосудов глазного дна), особенности артикуляции речевого аппарата и голоса, походки, жестикуляции, мимики, письма и т.д. [15].

Имеет место классификация биометрических параметров по степени их значимости, предложенная Е.Г. Барковской:

– первый блок: сведения о физических и физиологических особенностях человека (неразрывно связаны с человеком, устойчивы и не подвержены изменениям), в их числе ДНК, радужная оболочка глаз, папиллярные узоры пальцев;
– второй блок: физиологические процессы, наблюдаемые во времени (ходьба, мимика, подпись и т.п.);
– третий блок: привычки и навыки [16, с. 277].

Несмотря на разнообразие подходов к определению состава биометрических данных в законодательстве и в научной литературе, применительно к избирательному процессу оправданным представляется ограничение перечня используемых биометрических параметров до наиболее устойчивых и проверяемых. В частности, совокупное использование изображения лица и голосовой биометрии избирателя обеспечивает необходимый баланс между точностью идентификации, технической реализуемостью и соблюдением требований к защите персональных данных. Такой подход минимизирует риски ошибок и злоупотреблений, одновременно упрощая процедуру идентификации и повышая доверие к технологиям дистанционного голосования. Отметим мнение Д.М. Худолея о целесообразности внедрения во время, выборов биометрических паспортов, что «позволит использовать единый электронный список избирателей, исключающий возможность двойной регистрации и, соответственно, множественного голосования» [17, с. 168].

[1] Постановление Правительства РФ от 04.03.2010 № 125 (ред. от 10.02.2014) «О перечне персональных данных, записываемых на электронные носители информации, «…»» // Собрание законодательства РФ, 08.03.2010, № 10, ст. 1103.

[2] Приказ Минкомсвязи России от 25.06.2018 № 321 (ред. от 04.07.2019) «Об утверждении порядка обработки, включая сбор и хранение, параметров биометрических персональных данных «…»» // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 11.07.2018 (документ утратил силу 28.02.2022)

[3] Приказ Минцифры России от 10.09.2021 № 930 // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 28.10.2021 (документ утратил силу 09.06.2023)

[4] Приказ Минцифры России от 12.05.2023 № 453 (ред. от 29.11.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 31.05.2023

[5] Письмо Роскомнадзора от 10.02.2020 № 08АП-6782 «О направлении информации по протоколу совещания» (вместе с «Практическими рекомендациями по применению положений Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» при обработке биометрических персональных данных несовершеннолетних») // СПС «КонсультантПлюс»

[6] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3451.

[7] Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj/eng

[8] Illinois Biometric Information Privacy Act “BIPA”. URL: https://leadershipcouncils-wil.com/wp-content/uploads/2021/02/TWS-Illinois-Biometric-Information-Privacy-Act-Leadership-Counsel-2.3.21.pdf

[9] Закон Китайской Народной Республики о защите личной информации. URL: http://www.npc.gov.cn/npc/c2/c30834/202108/t20210820_313088.html

Зарубежный опыт применения биометрической идентификации избирателей

На активизацию внимания к системам биометрии оказала ситуация пандемии COVID-19 с ее длительным и широким применением дистанционных технологий коммуникации, зачастую требующих надежной идентификации ее участников. Стимулом интереса к системам биометрической идентификации избирателей стали не только санитарные ограничения, но и поиск путей повышения прозрачности голосования, борьбы с множественным голосованием, для обеспечения избирательных прав граждан, находящихся за рубежом или в труднодоступных местностях. В настоящее время, по данным International IDEA, элементы биометрической идентификации в той или иной форме применяются более чем в 50 странах мира, что свидетельствует о формировании устойчивого тренда.

Попыток внедрения рассматриваемого инструмента установления личности для избирателей в РФ на практике пока не предпринималось. Однако по результатам наблюдения за зарубежными избирательными кампаниями (например, за ходом конституционного референдума в Республике Узбекистан, прошедшего 30 апреля 2023 года) членами ЦИК России проявляется интерес к системе идентификации избирателей по биометрическим персональным данным как перспективному направлению.

На досрочных выборах Президента Республики Узбекистан 09 июля 2023 г. средствами биометрической идентификации избиратели были оснащены 50 участков в городе Ташкент на основании Постановления Центральной избирательной комиссии Республики Узбекистан № 1286 от 09.06.2023 г.[1]

В Сальвадоре на прошедших 4 февраля 2024 г. всеобщих выборах биометрическая идентификация с помощью видеокамеры была доступна лишь определенному кругу избирателей – участвовавшим в голосовании из-за рубежа с использованием сети «Интернет» и только на федеральных выборах, а биометрические данные дистанционного интернет-голосования (Face ID) избирателей велось отслеживали.

В Кыргызстане активно используются биометрические данные избирателей для установления их личности с 2015 г. для прикрепления избирателей к избирательным участкам. Согласно положениям Стратегического плана Центральной комиссии по выборам и проведению референдумов Кыргызстана на 2024–2027 гг. в числе задач стоит разработка и внедрение в избирательный процесс механизмов онлайн-идентификации избирателей с одновременной актуализацией базы биометрических данных граждан. Повышенное внимание объясняется положительными результатами применения, которые выразились в более точном подсчёте голосов и росте уровня доверия.

Необходимым условием принятия участия в голосовании по выборам депутатов Национальной Ассамблеи Сенегала 31 июля 2022 г. являлось наличие у избирателя биометрического удостоверения личности. После голосования в специально отведенной кабинке, предварительно запакованная в специальный конверт карточка опускалась в урну для голосования, а избиратель оставлял свои подпись и отпечаток пальца в книге учета для «предотвращения двойного голосования и вброса бюллетеней»[2].

В рамках досрочных выборов депутатов Национального собрания Армении восьмого созыва, прошедших в июне 2021 г., биометрическая регистрация избирателей, осуществляемая на избирательных участках, представляла собой сканирование удостоверения личности и отпечатков пальцев.

На выборах 9 марта 2025 г. в Гондурасе впервые в обязательном порядке была предусмотрена биометрическая идентификация избирателей (ранее такая система применялась на выборах 2021 г.). Пальцы проголосовавших подлежали маркировке несмываемыми чернилами, а избиратели не могли иметь при себе фото– или видеоустройства – их необходимо было сдавать на хранение при входе.

Неудачный опыт использования биометрии для регистрации в качестве избирателей был продемонстрирован Либерией на выборах 10 октября 2024 г., где было выявлено большое количество зарегистрировавшихся дважды избирателей по причине допущенных ошибок специалистам, что повлекло за собой последующий отказ от биометрической системы (Biometric Voter Registration – BVR).

Приведенный зарубежный опыт, расширение географии использования биометрической идентификации избирателей свидетельствуют, в целом, о перспективности такого подхода.

Биометрическая идентификация граждан в России: опыт и перспективы

В РФ совместной инициативой Центрбанка и Минкомсвязи создана «Единая биометрическая система» – цифровая платформа лля идентификации человека по его биометрическим характеристикам (голос и лицо). Для регистрации достаточно подтвержденной учетной записи на портале «Госуслуги» и смартфона. Основными функциями ЕБС являются дистанционное и очное распознавание человека, обеспечение безопасности, удобства и доступности процесса оказания услуг, совершения операций с обязательным установлением личности: биоэквайринг, оплата проезда в метро, запуск бизнеса онлайн, банковское обслуживание, дистанционная сдача экзаменов и т.д. ЕБС использует для идентификации голос и лицо вместе, что дает возможность различать действительного пользователя системы и его имитацию. В свете развития нейросетей, способных подражать любому голосу, это представляется весьма существенным, поскольку в рамках избирательной кампании использование чужого голоса чревато возможностью распространения дипфейков, а правовая защита в данной сфере рассматривается в качестве одного из основных направлений «совершенствования отечественного законодательства в сфере защиты персональных данных» [18, с. 129].

С появлением в 2014 г. в Европе первой международной базы данных голосовой биометрии (SiiP) наряду с базами отпечатков пальцев и лиц развернулись многочисленные дискуссии на предмет их выверенности по отдельности, поскольку «исследование систем распознавания лиц показало, что они подвержены ошибкам и хуже работают с определенными демографическими группами» [19], в отличии от ЕБС, которая использует голос и лицо в совокупности.

Вопрос создания дипфейков нейросетью как нарушение законодательства о выборах было предметом рассмотрения Пленума Верховного суда РФ, по результатам которого распространение ложной, недостоверной информации (поддельных изображений, аудио– и аудиовизуальных материалов, в том числе созданных с помощью компьютерных технологий) с целью дискредитации кандидата, избирательного объединения, выдвинувшего кандидата, списка кандидатов, формирования отрицательного отношения к указанным лицам электората, является основанием для отказа в регистрации, отмены решения о регистрации, отмены регистрации кандидата, списка кандидатов, исключения кандидата из списка кандидатов (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 24).

Согласно нормам федерального законодательства РФ (Федеральный закон от 29.12.2022 г. № 572-ФЗ) несогласие на сбор биометрических данных не может стать основанием для ущемления прав граждан, отказа в предоставлении услуг. В то время как в Кыргызстане биометрическая регистрация является обязанностью для граждан, установленной Законом от 14.07.2014 г. № 136 «О биометрической регистрации граждан Кыргызской Республики», а гражданин может быть включен в список избирателей только при условии прохождения указанной регистрации (Конституционный закон от 02 июля 2011 г. № 68 «О выборах Президента Кыргызской Республики и депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики»).

Вопрос о возложении на законодательном уровне обязанности на граждан предоставлять свои биометрические данные один из важнейших при решении проблемы внедрения биометрии в избирательный процесс в РФ. Несмотря на низкую вероятность ошибки при идентификации личности с помощью голоса и лица в совокупности общественное мнение относительно биометрической регистрации остается скорее скептическим, хотя и отмечается положительная динамика. По результатам опроса за период 2023–2024 гг., проведенного ВЦИОМ, «четверо из десяти россиян относятся к подтверждению личности по биометрии в той или иной степени положительно (41%, 2023 г. – 27%), трое из десяти – отрицательно (29%, 2023 г. – 32%), каждый четвертый – нейтрально (25%, 2023 г. – 34%)»[3]. Этот же опрос показал, что в вопросах хранения и обработки биометрии наши сограждане в большей степени доверяют государственным, нежели коммерческим учреждениям (42% против 2%), что создаёт предпосылки для общественного доверия при внедрении биометрии в электоральные процессы. Основной причиной недоверия является утечка персональных данных, отсутствие необходимости в использовании биометрии и не-

[1] Постановление ЦИК Республики Узбекистан № 1286 от 9 июня 2023 года «О мерах по внедрению в порядке эксперимента системы биометрической идентификации избирателей на отдельных избирательных участках» // Официальный сайт ЦИК Республики Узбекистан URL: https://saylov.uz/ru/cec_decision/1286-o-merah-po-vnedreniyu-v-poryadke-eksperimenta-sistemy-biometricheskoj-identifikacii-izbiratelej-na-otdelnyh-izbiratelnyh-uchastkah (дата обращения 27.06.2026)

[2] Заключительный отчет Миссии Общественной палаты Российской Федерации по наблюдению за выборами в Национальное Собрание Республики Сенегал 31 июля 2022 года // URL: file:///C:/Users/iReat/Downloads/eom-final-report-on-the-parliamanetary-election-in-the-republic-of-senegal-july-31–2022.pdf (дата обращения 27.06.2026 г.)

[3] Биометрия на марше: лицом к лицу с будущим. Официальный сайт ВЦИОМ // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/biometrija-na-marshe-licom-k-licu-s-budushchim (дата обращения 27.06.2026)

понимание механизма как такового, хотя такая идентификация личности существует уже достаточно длительный период: у Apple TouchID с 2013 г., FaceID – с 2017 г., а заграничные паспорта нового поколения (с микрочипом, содержащим цветное цифровое фото лица и папиллярные узоры двух пальцев рук) используются в России уже с 2006 г.

Приведённая статистика свидетельствует о целесообразности развития и внедрения биометрической идентификации повсеместно, но при должном ознакомлении населения с тонкостями процедуры, формировании доверия к ней и введении её в качестве добровольной, а не обязательной меры. Важным остается вопрос обеспечения детального законодательного регулирования процедуры обработки биометрических персональных данных, установления ответственности за утерю или утечку таковых, а также порядка использования в избирательном процессе [20]. С помощью правовой регламентации «станет возможным предотвращение негативных последствий использования цифровых технологий в избирательных кампаниях» [21, с. 44], а также формирование доверия у граждан к процедуре.

Международную статистику применения биометрии в электоральных процессах ведет International Institute for Democracy and Electoral Assistance (IDEA) – межправительственной организации, включающей в себя страны всех континентов[1]. Согласно ее данным 29% государств (51 из 175) используют для идентификации избирателей на избирательных участках биометрические данные (преимущественно сканирование пальцев и фотографии) против 69% (122 государства, не применяющие биометрию) [22].

В РФ представляется, что с помощью ЕБС возможно упростить процесс голосования избирателей, находящихся в отдаленных и труднодоступных местностях, для лиц с ограниченными возможностями здоровья, для сменивших персональные данные и не успевших их ещё обновить в реестре избирателей ЦИК России используя портал «Госуслуг». В данном случае необходимой становится синхронизация функционалов Портала «Госуслуг», Регистра избирателей и ЕБС при закреплении на законодательном уровне дополнительного способа идентификации личности избирателя – с помощью биометрических данных.

Заключение

Биометрическая идентификация избирателей (совокупность изображения лица и голоса) обладает очевидными преимуществами (точность установления личности, снижение риска фальсификаций, оптимизация процедур голосования). Учитывая чувствительность общественного отношения к использованию биометрии, целесообразным представляется закрепление такого способа идентификации в качестве права, а не обязанности граждан. Процедура должна быть максимально прозрачной, понятной и удобной. Ключевым условием эффективного внедрения остаются жесткие гарантии защиты персональных данных, предотвращение их утечки и недопустимого использования – например, для создания дипфейков в целях манипуляции общественным мнением. В этой связи актуальной задачей становится нормативное закрепление порядка сбора, обработки и хранения биометрической информации, синхронизация технических решений, включая Единую биометрическую систему, Портал «Госуслуги» и Реестра избирателей, а также введение биометрической идентификации в качестве дополнительного законодательно урегулированного способа подтверждения личности. Важным является проведение активной и широкой разъяснительной работы среди граждан, которая должна способствовать преодолению все ещё сохраняющихся у некоторых групп негативных стереотипов, обучать граждан правильному и ответственному использованию возможностей биометрии в электоральных процессах для минимизации потенциальных нарушений и злоупотреблений при биометрической идентификации.

Литература

1. Кузнецова С.С., Мочалов А.Н., Саликов М.С. Биометрическая идентификация в интернете: тенденции правового регулирования в России и за рубежом // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. doi:10.17223/15617793/476/28.

2. Колотушкин С.М., Ромашев А.В. Радужная оболочка глаз как элемент обязательной биометрической регистрации в России // Пробелы в российском законодательстве № 2, 2018, С. 162–164.

3. Шаманина Е.И., Захаренко Ю.С. Биометрические технологии как перспективное направление совершенствования дистанционного банковского обслуживания // Вестник университета. 2020. (5). С. 193–199.

4. Кирсанова Е.В. Некоторые проблемы при использовании биометрических данных для идентификации личности в нотариальной практике // Образование и право. № 9. 2022. С. 152–154.

5. Андриченко Л.В., Масловская Т.С., Плюгина И.В. Государственное управление в сфере миграции: опыт Российской Федерации и Республики Беларусь // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. № 2. С. 53–68. DOI: 10.12737/jflcl.2022.023.

6. Попов О.В., Прокопенко А.Н. Особенности правового регулирования использования биометрических персональных данных в системе государственного управления на современном этапе цифровой трансформации общества // Административное право и процесс. 2023. № 2. С. 22–24. DOI: 10.18572/2071-1166-2023-2-22-24.

7. Рассолов И.М., Чубукова С.Г., Микурова И.В. Биометрия в контексте персональных данных и генетической информации: правовые проблемы // Lex russica. 2019. № 1. С. 108–118. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.146.1.108-118.

8. Степанов О.А., Степанов М.М. Правовое регулирование генезиса цифровой личности. // Правоприменение. 2022. № 6(3). С. 19–32. https://doi.org/10.52468/2542–1514.2022.6(3).19–32

9. Ищейнов В.Я. Исследование функционирования биометрических персональных данных: безопасность, задачи и решения // Делопроизводство. 2023. № 4. С. 107–109.

10. Мосечкин И.Н. Дипфейк-технологии и биометрические данные: направления уголовно-правового регулирования. Вестник Санкт-Петербургского университета. 2025. Право, 16(1), С. 95–110. https://doi.org/10.21638/spbu14.2025.107.

11. Былинкина Е.В. Использование биометрических технологий в избирательном процессе: возможности и ограничения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. № 3 (55). 2021. С. 126–130.

12. Чимаров Н.С. Нормативно-правовые основы применение технологии биометрической регистрации граждан в избирательном процессе Кыргызской Республики // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 2. С. 57–63.

13. Wayman J. Using Biometric Identification Technologies in the Election Process. National Biometric Center College of Engineering San Jose State University. D.C., Office of Election Administration Federal Election Commission Washington, 2001. https://www.govinfo.gov/content/pkg/GOVPUB-Y3_EL2_3-PURL-gpo18598/pdf/GOVPUB-Y3_EL2_3-PURL-gpo18598.pdf (accessed 27.06.2026)

14. Wolf P., Alim A., Kasaro B., Saneem M., Namugera P. and Zorigt T. Introducing Biometric Technology in Elections Lead Stockholm, International Institute for Democracy and Electoral Assistance, 2017. https://www.idea.int/sites/default/files/publications/introducing-biometric-technology-in-elections-reissue.pdf (accessed 27.06.2026)

15. Камалова Г.Г. Биометрические персональные данные: определение и сущность // Информационное право. 2016. № 3. С. 8–12.

16. Барковская Е.Г. Концепция создания криминалистических учетов на основе баз данных биометрии // Общество и право. 2009. № 1 (23). С. 273–281.

17. Худолей Д.М. Электронное голосование – необходимость для цифровизации избирательного процесса Российской Федерации // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 163–170.

18. Михайлов М.А., Кокодей Т.А. Цифровые инновации и права человека: дилеммы международной правоохранительной практики. // Правоприменение. 2022. № 6(3). С. 120–133. https://doi.org/10.52468/2542–1514.2022.6(3).120–133

19. Янсен, Ф., Санчес-Монедеро, Х. и Денсик, Л. Биометрические системы идентификации в правоохранительных органах и политика распознавания (голоса): случай Sii P. Big Data & Society, 2021. 8 (2). https://doi.org/10.1177/20539517211063604.

20. Дудченко О.С., Фролова Т.Ю. Особенности совершенствования защиты избирательных прав в условиях внедрения цифровых технологий // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 9. С. 20–27. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.020-027

21. Фролова Т.Ю. Цифровые технологии как средство реализации избирательных прав граждан Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 8. С. 38–45. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.165.8.038-045.

22. A. Driza Maurer New technologies in the electoral cycle. Guidance from the Council of Europe. // https://rm.coe.int/electoralprocess-adrizamaurer-rev202003/1680a07b3b (дата обращения: 27.06.2026)

[1] ИКТ в базе данных выборов // URL: https://www.idea.int/data-tools/data/question-region?question_id=9345&countries=all&database_theme=327 (дата обращения 27.06.2026)

BIOMETRICS IN THE ELECTORAL PROCESS: FOREIGN EXPERIENCE AND PROSPECTS OF IMPLEMENTATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Frolova T.Yu., Satskevich T.K., Dudchenko O.S., Sakaev V.T.

TECHNOBUILD COMPANY LLC? MIREA – Russian Technological University», Moscow University of Finance and Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Based on the results of the analysis of foreign experience in the use of biometric identification of voters, conclusions have been drawn about the expediency of introducing biometric identification in Russia with its proper regulatory regulation. A proposal has been put forward to synchronize the Gosuslugi Portal, the Unified Biometric System (UBS) and the Register of Voters of the Central Election Commission of the Russian Federation (CEC of Russia) in order to simplify the registration procedure as voters using biometric data.

Keywords: digitalization of the electoral process, biometric data, biometric identification of voters, biometric technologies, deepfakes in elections, unified biometric system, personal data, Public Services portal.

References

1. Kuznetsova S.S., Mochalov A.N., Salikov M.S. Biometric identification on the Internet: trends in legal regulation in Russia and abroad // Bulletin of Tomsk State University. 2022. № 476. doi:10.17223/15617793/476/28.

2. Kolotushkin S.M., Romashev A.V. The iris of the eyes as an element of mandatory biometric registration in Russia // Gaps in Russian legislation. № 2, 2018, Pp. 162–164.

3. Shamanina E.I., Zakharenko Yu.S. Biometric technologies as a promising direction for improving remote banking services // Bulletin of the University. 2020. (5). Pp. 193–199.

4. Kirsanova E.V. Some problems with the use of biometric data for identification in notary practice // Education and Law. № . 9. 2022. Pp. 152–154.

5. Andrichenko L.V., Maslovskaya T.S., Plyugina I.V. Public administration in the field of migration: the experience of the Russian Federation and the Republic of Belarus // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2022. N 2. Pp. 53–68. DOI: 10.12737/jflcl.2022.023.

6. Popov O.V., Prokopenko A.N. Features of legal regulation of the use of biometric personal data in the public administration system at the present stage of digital transformation of society // Administrative Law and Process. 2023. № 2. Pp. 22–24. DOI: 10.18572/2071-1166-2023-2-22-24.

7. Rassolov I.M., Chubukova S.G., Makarova I.V. Biometrics in the context of personal data and genetic information: legal problems // Lex russica. 2019. № 1. Pp. 108–118. DOCUMENT: 10.17803/1729–5920.2019.146.1.108–118.

8. Stepanov O.A., Stepanov M.M. Legal regulation of the genesis of digital personality. // Law enforcement. 2022. № 6(3). Pp. 19–32. https://doi.org/10.52468/2542–1514.2022.6 (3).19–32

9. Ishcheinov V. Ya. Research on the functioning of biometric personal data: security, tasks and solutions // Office work. 2023. № 4. Pp. 107–109.

10. Mosechkin, I. N. (2025). Deepfake technologies and biometric data: areas of criminal law regulation. Bulletin of St. Petersburg University. 2025. Pravo, 16(1), Pp. 95–110. https://doi.org/10.21638/spbu14.2025.107.

11. Bylinkina E.V. The use of biometric technologies in the electoral process: opportunities and limitations // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. № 3 (55). 2021. Pp. 126–130.

12. Chimarov N.S. Regulatory and legal bases for the use of biometric registration technology for citizens in the electoral process of the Kyrgyz Republic // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2021. № 2. Pp. 57–63.

13. Wayman J. Using Biometric Identification Technologies in the Election Process. National Biometric Center College of Engineering San Jose State University. D.C., Office of Election Administration Federal Election Commission Washington, 2001. https://www.govinfo.gov/content/pkg/GOVPUB-Y3_EL2_3-PURL-gpo18598/pdf/GOVPUB-Y3_EL2_3-PURL-gpo18598.pdf (accessed 27.06.2026)

14. Wolf P., Alim A., Kasaro B., Saneem M., Namugera P. and Zorigt T. Introducing Biometric Technology in Elections Lead Stockholm, International Institute for Democracy and Electoral Assistance, 2017. https://www.idea.int/sites/default/files/publications/introducing-biometric-technology-in-elections-reissue.pdf (accessed 27.06.2026)

15. Kamalova G.G. Biometric personal data: definition and essence // Information law. 2016. № 3. Pp. 8–12.

16. Barkovskaya E.G. The concept of creating forensic records based on biometrics databases // Society and Law. 2009. № 1 (23). Pp. 273–281.

17. Khudolei D.M. Electronic voting is a necessity for the digitalization of the electoral process in the Russian Federation // Perm Legal Almanac. 2019. № 2, Pp. 163–170.

18. Mikhailov M.A., Kokodey T.A. Digital innovations and human rights: dilemmas of international law enforcement practice. // Law enforcement. 2022. № 6(3). Pp. 120–133. https://doi.org/10.52468/2542–1514.2022.6 (3).120–133

19. Jansen, F., Sánchez-Monedero, J., & Dencik, L. Biometric identity systems in law enforcement and the politics of (voice) recognition: The case of Sii P. Big Data & Society, 2021. 8(2). https://doi.org/10.1177/20539517211063604.

20. Dudchenko O.S., Frolova T. Yu. Features of improving the protection of electoral rights in the context of the introduction of digital technologies // Actual problems of Russian law. 2024. Vol. 19. № . 9. Pp. 20–27. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.020-027

21. Frolova T.Y. Digital technologies as a means of exercising the electoral rights of citizens of the Russian Federation // Actual problems of Russian law. 2024. Vol. 19. № . 8. Pp. 38–45. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.165.8.038-045.

22. A. Driza Maurer New technologies in the election cycle. Recommendations of the Council of Europe. // https://rm.coe.int/electoralprocess-adrizamaurer-rev202003/1680a07b3b (accessed 27.06.2026)

Конституционно-правовая концепция корпоративной социальной ответственности: от факультативной инициативы к публично-правовому институту

Дрожжин Кирилл Александрович,
магистр, администратор проекта ГБУ «ГАУИ»,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
E-mail: kirill_drozhzhin@mail.ru

В статье обосновывается новая концептуальная рамка понимания корпоративной социальной ответственности (далее – КСО) как формирующегося института конституционного права. На основе системного толкования конституционных принципов социального государства (ст. 7), экономической солидарности и социального партнёрства (ст. 75.1) доказывается, что КСО объективно трансформируется из факультативной этической инициативы в элемент публично-правового порядка. Выделяются и анализируются три конституционно-правовых режима функционирования КСО, позволяющие обеспечить баланс публичных и частных интересов: императивно-охранительный, стимулирующе-компенсаторный и диспозитивно-автономный. На основе анализа правовых позиций Конституционного Суда РФ предлагается концептуальная модель институционализации КСО в российском конституционном праве.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, конституционно-правовой институт, социальное государство, экономическая солидарность, взаимная ответственность, публичные интересы, частные интересы, Конституционный Суд РФ.

Введение

Актуальность исследования

В конституционно-правовой доктрине традиционно доминирует понимание КСО как факультативной, этически мотивированной деятельности бизнеса, находящейся за рамками публично-правового регулирования. Однако конституционные поправки 2020 года, введшие ст. 75.1 и закрепившие принципы социального партнёрства и экономической солидарности, а также последовавшая институционализация Стандарта общественного капитала бизнеса создали качественно новую конституционную реальность. В этих условиях КСО перестаёт быть исключительно предметом корпоративного управления или этики бизнеса и приобретает публично-правовое измерение, требующее доктринального переосмысления. Как справедливо отмечает О.Г. Подоплелова, требуется «проблемный анализ» подходов Конституционного Суда Российской Федерации к определению роли бизнеса в реализации конституционного принципа социального государства [1].

Научная новизна

Существующие научные подходы рассматривают КСО либо сквозь призму корпоративного права (как элемент корпоративного управления), либо как предмет «мягкого права» (добровольные инициативы, стандарты, кодексы). При этом упускается из виду конституционно-правовая функция КСО, а именно её роль в обеспечении баланса между публичными интересами государства и общества, с одной стороны, и частными интересами предпринимательской деятельности с другой. Отсутствие конституционно-правовой концепции КСО порождает теоретическую неопределённость и, как следствие, пробелы в законодательном регулировании.

Цель исследования

Цель исследования – обосновать конституционно-правовую концепцию КСО как формирующегося института публичного права, выполняющего функцию балансировки публичных и частных интересов. **Гипотеза исследования** заключается в том, что системообразующим элементом данной концепции выступает конституционный принцип взаимной ответственности личности и государства, а эффективность механизма КСО прямо пропорциональна степени его формальной определённости в позитивном конституционном праве.

Материалы и методы исследования

Нормативно-правовая база. Исследование базируется на Конституции РФ, правовых позициях Конституционного Суда РФ, Трудовом, Налоговом, Гражданском кодексах РФ, Федеральных законах «Об охране окружающей среды», «О благотворительной деятельности», «О противодействии коррупции», Постановлении Правительства РФ от 30.12.2025 № 2230 «О Стандарте общественного капитала бизнеса».

Судебная практика. Эмпирическую основу составили правовые позиции Конституционного Суда РФ (включая Постановление от 20.12.1995 № 17-П, Постановление от 20.01.2022 № 3-П, Постановление от 21.01.2025 № 2-П, Определение от 29.05.2019), постановления и определения Верховного Суда РФ, кассационных судов общей юрисдикции и арбитражных судов за 2023–2025 гг., включая Определение ВС РФ от 04.08.2025 № 47-КГ25–3-К6, Определение ВС РФ от 14.01.2025 № 41-КГ24–52–4, Определение ВС РФ от 03.05.2024 № 305-ЭС24–1557, Определение Восьмого КСОЮ от 25.03.2025 № 8Г-3809/2025, Решение АС г. Москвы от 10.08.2023 № А40–163095/2022.

Методы. Исследование выполнено с использованием формально-юридического, сравнительно-правового, системно-структурного и историко-правового методов, а также метода конституционно-правового моделирования. Применён также телеологический (целевой) метод толкования конституционных норм и метод анализа судебной практики.

Литературный обзор

В зарубежной науке фундаментальные основы КСО заложены в трудах Г. Боуэна (1953), впервые определившего КСО как обязанность бизнеса согласовывать деятельность с ожиданиями общества, А. Кэрролла

(1979), разработавшего четырёхкомпонентную «пирамиду» ответственности, М. Фридмена (1970), обосновавшего концепцию «корпоративного эгоизма», Э. Фримена, сформулировавшего теорию заинтересованных сторон. В XXI веке доминирующей парадигмой становится ESG-концепция, интегрирующая экологические, социальные и управленческие факторы в стратегическое управление [2]. Как отмечает Конституционный Суд РФ в Постановлении от 21.01.2025 № 2-П, «для нормального функционирования юридического лица необходимо учитывать особенности интересов не только лиц, выходящих из состава участников этой организации, но и иных связанных с соответствующим хозяйственным обществом лиц», что подтверждает конституционное признание теории стейкхолдеров [3].

В российской юридической науке концептуальные основы КСО разрабатываются с начала 2000-х годов. Е.Ю. Благов внёс значительный вклад в развитие теории КСО в контексте стратегического управления. О.А. Канаева исследовала международно-правовые аспекты КСО. Р.И. Газизуллин в докторской диссертации обосновал, что системообразующими элементами правовой легитимации КСО выступают принципы добросовестности и экономической свободы. А.В. Петрова доказала необходимость формирования системообразующих элементов модели устойчивого корпоративного управления.

Особого внимания заслуживает концепция взаимной ответственности, разработанная Б.С. Эбзеевым, который рассматривает ответственность «как двухаспектное явление, позитивная составляющая которого представляет собой вытекающее из социальной солидарности атрибутивное свойство общественных отношений». В основе позитивной ответственности, по мнению учёного, лежит «сочетание и взаимодействие интересов личности, государства и общества». Конституционный Суд РФ последовательно поддерживает этот подход, резюмируя, что «гражданин и государство связаны взаимными правами, ответственностью и обязанностями» [4].

Результаты исследования

В ходе исследования установлено, что конституционные нормы создают многоуровневую основу для институционализации КСО. При этом определяющее значение для понимания конституционно-правовой природы КСО имеют правовые позиции Конституционного Суда РФ, формирующие ценностно-нормативный каркас всего института.

Первый уровень – ценностно-целевой. Статья 7 Конституции РФ, закрепляя социальный характер государства, устанавливает публично-правовую обязанность власти создавать условия для достойной жизни. Статья 75.1 Конституции РФ конкретизирует этот императив, провозглашая создание условий для устойчивого экономического роста и повышения благосостояния граждан, а также взаимное доверие государства и общества [5].

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 20 декабря 1995 г. № 17-П сформулировал фундаментальную правовую позицию о том, что «гражданин и государство связаны взаимными правами, ответственностью и обязанностями» [6]. Данная позиция неоднократно подтверждалась в последующих решениях Суда и является базовой для понимания конституционно-правовой природы КСО. Именно принцип взаимной ответственности выступает системообразующим для всей конституционной архитектуры КСО. Как обоснованно отмечает Б.С. Эбзеев, общая конституционная ответственность личности выражается «в соблюдении и исполнении конституционных обязанностей, пользуясь правами и свободами, в полном соответствии с их целевым назначением и юридическим содержанием». При этом «конституционные обязанности представляют собой юридическую форму выражения ответственности личности в общественных отношениях». Принципиально важно, что ответственность «носит двусторонний характер: из коллективных прав и обязанностей общества и государства по отношению к личности вытекает их ответственность перед своим членом и за него» [7].

Второй уровень – охранительный. Статья 37 Конституции РФ, гарантирующая право на труд в условиях безопасности, и ст. 42, закрепляющая право на благоприятную окружающую среду, устанавливают императивный минимум ответственности бизнеса перед личностью [5]. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 20 января 2022 г. № 3-П подчеркнул, что «работник… находится в экономически зависимом положении от работодателя, что предопределяет обязанность Российской Федерации как социального государства обеспечивать надлежащую защиту его прав» [8].

В Постановлении от 21 января 2025 г. № 2-П Конституционный Суд РФ сделал значительный шаг вперёд в конституционализации КСО, прямо указав, что «для нормального функционирования юридического лица необходимо учитывать совокупность интересов лиц», поскольку «от них в той или иной степени зависит достижение уставных целей компании». Суд отнёс к заинтересованным лицам «трудовой коллектив, менеджмент, учредителей (акционеров), органы публичной власти, кредиторов, местные сообщества», подчеркнув, что «удовлетворение интересов каждой отдельно взятой группы и готовность ее членов содействию организацией корпоративных целей оказывают влияние на удовлетворение интересов другой группы лиц» [3]. Данная правовая позиция имеет фундаментальное значение, поскольку она конституционно легитимирует теорию заинтересованных сторон (стейкхолдеров) и создаёт конституционную основу для обязательного учёта публичных интересов в корпоративном управлении.

Третий уровень – стимулирующий. Часть 3 ст. 39 Конституции РФ, поощряющая добровольное социальное страхование и благотворительность, создаёт высшую правовую опору для добровольных инвестиций компаний в качество жизни работников и местных сообществ. Государство признаёт корпоративные социальные программы важным дополнением к базовым государственным гарантиям, формируя пространство для реализации встречных обязанностей личности через предпринимательскую деятельность.

Конституционный Суд РФ в Определении от 29 мая 2019 г. № 1360-О также подтвердил, что «с публично-правовых позиций гражданин, вступающий в эти отношения», должен действовать добросовестно, что создаёт дополнительный конституционно-правовой ориентир для оценки поведения как бизнеса, так и иных субъектов КСО-отношений [9].

Проведённый анализ позволяет систематизировать правовые позиции Конституционного Суда РФ по вопросам КСО по трём основным направлениям.

Первое направление – конституционализация взаимной ответственности. Конституционный Суд последовательно признаёт принцип взаимной юридической ответственности государства и личности, «паритетные начала в их взаимоотношениях». Как отмечает С.В. Нарутто, личность, общество и государство выступают «в качестве партнёров, на равных и справедливых основаниях реализуют свои права и несут обязанности» [10]. Этот принцип непосредственно проецируется на КСО, где бизнес выступает институциональным представителем личности.

Второе направление – признание стейкхолдерской модели корпоративного управления. В Постановлении от 21.01.2025 № 2-П Конституционный Суд прямо указал на необходимость учёта «совокупности интересов лиц», что знаменует переход от модели, ориентированной исключительно на акционеров, к модели, учитывающей интересы всех заинтересованных сторон. Как подтверждает анализ судебной практики, «на первый план выходит просоциальный императив – концепция устойчивого развития или учёт ESG-факторов в деятельности хозяйственного общества».

Третье направление – конституционализация социальной функции предпринимательства. Конституционный Суд признаёт, что предпринимательская деятельность не может осуществляться в отрыве от социальных обязательств перед обществом и государством. Это выражается в признании конституционной обязанности бизнеса участвовать в реализации социальных функций государства, что составляет нормативную основу для формирования публично-правового института КСО.

Таким образом, Конституция РФ и правовые позиции Конституционного Суда РФ не просто допускают КСО, а конституционализируют социальную функцию предпринимательства, создавая трёхуровневую основу для её публично-правовой институционализации.

Анализ конституционных норм, правовых позиций Конституционного Суда РФ, отраслевого законодательства и судебной практики позволил выделить три конституционно-правовых режима функционирования КСО, каждый из которых выполняет специфическую функцию в механизме балансировки публичных и частных интересов.

Первый режим – императивно-охранительный. В данном режиме КСО совпадает с безусловными требованиями закона, установленными в развитие конституционных гарантий прав личности (ст. 37, 42 Конституции РФ). Нарушение соответствующих стандартов (безопасность труда, экологическая безопасность, недискриминация) влечёт юридическую ответственность независимо от наличия добровольных социальных программ. Как показал анализ судебной практики, данный режим является базовым и не может быть заменён никакими добровольными обязательствами.

Показательным является Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 04.08.2025 № 47-КГ25-3-К6, которым суд обязал работодателя компенсировать моральный вред семье погибшего работника, указав, что бремя доказывания отсутствия вины лежит на работодателе, а сам факт несчастного случая при недоказанности надлежащей безопасности достаточен для удовлетворения иска. Суд, по сути, конституционализировал обязан-

ность работодателя не только соблюдать формальные требования охраны труда, но и реально обеспечивать безопасность работников [11]. В экологической сфере Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14.01.2025 № 41-КГ24–52–4 подтвердило субсидиарную ответственность руководителя за экологический вред, что означает признание конституционной обязанности менеджмента обеспечивать экологическую безопасность деятельности компании [12]. Определение Верховного Суда РФ от 03.05.2024 № 305-ЭС24–1557 признало недействительным разрешение на выбросы из-за недостоверных данных, что свидетельствует о конституционализации требования достоверности нефинансовой информации как условия законности природопользования [13].

Императивно-охранительный режим реализует конституционную обязанность государства защищать права личности через судебный механизм. Его конституционно-правовое значение состоит в том, что он устанавливает минимальные стандарты поведения бизнеса, нарушение которых влечёт государственное принуждение независимо от наличия у компании добровольных социальных программ.

Второй режим – стимулирующе-компенсаторный. В данном режиме государство использует КСО как инструмент достижения общественно значимых целей, предоставляя бизнесу публичные преференции (налоговые льготы, приоритет при господдержке) в обмен на принятие добровольных социальных и экологических обязательств сверх установленного минимума. Конституционной основой данного режима выступает ч. 3 ст. 39 Конституции РФ и принцип экономической солидарности (ст. 75.1).

Примером служит Стандарт общественного капитала бизнеса, который, будучи добровольным, даёт приоритет при получении мер государственной поддержки. Судебная практика также демонстрирует действие данного режима: решением АС г. Москвы от 10.08.2023 № А40–163095/2022 налоговая инспекция, установив активную благотворительную деятельность общества, снизила штраф в два раза [14]. При этом, как показывает судебная практика 2025 года, сама по себе благотворительная деятельность не может быть автоматически учтена в качестве смягчающего обстоятельства, так как требуется оценка её значимости и причинно-следственной связи с правонарушением.

Стимулирующе-компенсаторный режим представляет собой классическую форму публично-частного партнёрства, где КСО выступает «мостиком» между частной выгодой и публичным благом. Его конституционно-правовое значение состоит в том, что он создаёт правовой механизм для добровольного принятия бизнесом публично-значимых обязательств в обмен на государственные преференции, что обеспечивает баланс публичных и частных интересов.

Третий режим – диспозитивно-автономный. В данном режиме добровольные социальные блага (премии, ДМС, обучение) не получают судебной защиты при отсутствии формального закрепления в локальных актах. Конституционной основой данного режима выступает принцип экономической свободы (ст. 8, 34 Конституции РФ) и автономия воли субъектов частного права.

Определением судебной коллегии по гражданским делам Восьмого КСОЮ от 25.03.2025 № 8Г-3809/2025 работнице отказано в оспаривании заниженной премии, поскольку суд не усмотрел дискриминации при отсутствии формализованных критериев. При этом суд фактически конституционализировал принцип, согласно которому вмешательство в финансово-хозяйственную деятельность работодателя возможно лишь при доказанности дискриминации по признакам, не связанным с деловыми качествами [15]. Определением судебной коллегии по гражданским делам Седьмого КСОЮ от 23.07.2024 № 88–12175/2024 суд защитил работника только из-за дискриминационного характера отмены ДМС, но не признал само право на льготу [16].

Диспозитивно-автономный режим демонстрирует границы публично-правового вмешательства: государство не вторгается в корпоративную автономию, если обязательства не были формализованы. Его конституционно-правовое значение состоит в том, что он, с одной стороны, обеспечивает свободу предпринимательской деятельности, а с другой – требует от субъектов формализации добровольных обязательств, создавая правовую определённость для всех участников отношений.

Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2025 г. № 2230 утвердило Стандарт общественного капитала бизнеса – национальную систему оценки вклада компаний в общественное благосостояние. Стандарт определяет основные подходы к составлению и раскрытию публичной нефинансовой отчётности в сфере общественного капитала бизнеса, включающей информацию экологического, социального, управленческого и экономического характера. Ключевой концепцией Стандарта выступает «общественный капитал бизнеса» – вклад организации в повышение благосостояния общества и уровня социально-экономического развития Российской Федерации.

Стандарт включает порядка 90 показателей по четырём направлениям, дифференцированных по масштабу бизнеса. Применение Стандарта осуществляется на добровольной основе, однако успешное прохождение оценки даёт приоритет при получении мер государственной поддержки. Компании, успешно прошедшие оценку, получают подтверждение соответствия стандарту и включаются в реестр на цифровой платформе [17].

С конституционно-правовой точки зрения, Стандарт представляет собой институциональное оформление стимулирующе-компенсаторного режима. Государство через Стандарт устанавливает измеримые требования к социально ответственному поведению, признавая бизнес полноценным участником реализации социальных функций. Вместе с тем, подзаконный характер и добровольность применения не позволяют решить системные проблемы: отсутствие легального определения КСО, системы налоговых преференций и ответственности за гринвошинг.

Принципиально важно, что Стандарт функционирует в контексте более широких регуляторных изменений. Как показал анализ, с 1 октября 2026 года планируется вступление в силу нового Положения Банка России о раскрытии информации эмитентами, которое впервые в истории российского рынка делает ESG-отчётность не вопросом доброй воли, а обязательным требованием регулятора. Обязанность раскрывать показатели устойчивого развития распространяется на публичные акционерные общества, акции которых включены в котировальные списки первого или второго уровня, а также на акционерные общества с совокупным объёмом размещённых облигаций свыше 50 млрд рублей. Таксономия включает 33 обязательных показателя, сгруппированных по трём направлениям: экологические (15 метрик), социальные (13 метрик) и управленческие (5 метрик) [18]. Это знаменует переход от сугубо добровольной нефинансовой отчётности к обязательному раскрытию ESG-информации для крупнейших компаний, что создаёт нормативную основу для публичного контроля за социально ответственным поведением бизнеса.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют утверждать, что КСО обладает всеми признаками конституционно-правового института: она имеет конституционную основу (ст. 7, 8, 34, 37, 39, 75.1 Конституции РФ), системообразующий принцип (взаимная ответственность личности и государства, подтверждённая правовыми позициями Конституционного Суда РФ), специфический предмет регулирования (отношения по поводу балансировки публичных и частных интересов) и особый механизм реализации (сочетание трёх конституционно-правовых режимов).

Выделенные три режима не являются изолированными: они взаимодополняют друг друга, образуя единый механизм. Императивно-охранительный режим создаёт базовые «правила игры», гарантирующие защиту конституционных прав личности. Стимулирующе-компенсаторный режим поощряет добросовестных субъектов, создавая экономические стимулы для социально ответственного поведения. Диспозитивно-автономный режим обеспечивает свободу предпринимательской деятельности и корпоративную автономию, одновременно требуя от субъектов формализации добровольных обязательств.

Конституционный принцип взаимной ответственности личности и государства выступает системообразующим элементом всей конструкции. Как подчёркивает Конституционный Суд РФ, «гражданин и государство связаны взаимными правами, ответственностью и обязанностями». Государство не только предоставляет права и гарантии, но и вправе требовать от личности и её институтов встречного участия в решении общественных задач. КСО является формой реализации этой встречной обязанности личности, опосредованной через предпринимательскую деятельность.

Сравнение с выводами других исследователей показывает, что предложенная концепция коррелирует с идеями Р.И. Газизуллина о системообразующей роли принципов добросовестности и экономической свободы, но идёт дальше, обосновывая конституционно-правовую природу КСО. В отличие от работ, рассматривающих КСО лишь как инструмент менеджмента или корпоративного права, данное исследование помещает её в центр публично-правового дискурса.

Особое значение для обоснования предложенной концепции имеет Постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2025 № 2-П, которое конституционно легитимировало стейкхолдерскую модель корпоративного управления, указав на необходимость учёта «совокупности интересов лиц». Это создаёт конституционную основу для обязательного учёта публичных интересов в корпоративном управлении и подтверждает формирование КСО как публично-правового института.

Заключение

Корпоративная социальная ответственность в Российской Федерации объективно трансформируется в институт конституционного права. Её конституционной основой являются принципы социального государства (ст. 7), экономической свободы (ст. 8, 34), охраны труда и здоровья (ст. 37), поощрения благотворительности (ст. 39) и социального партнёрства (ст. 75.1 Конституции РФ), подтверждённые правовыми позициями Конституционного Суда РФ, в частности Постановлениями от 20.12.1995 № 17-П, от 20.01.2022 № 3-П и от 21.01.2025 № 2-П.

Системообразующим элементом механизма КСО выступает конституционный принцип взаимной ответственности личности и государства, который требует своей институционализации в позитивном праве. Взаимная ответственность, как следует из правовых позиций Конституционного Суда РФ, означает, что государство не только предоставляет права и гарантии, но и вправе требовать от личности и её институтов встречного участия в решении общественных задач.

КСО выполняет функцию публично-правового механизма балансировки публичных и частных интересов, реализуясь в трёх взаимосвязанных конституционно-правовых режимах: императивно-охранительном (защита конституционных прав личности через судебный механизм), стимулирующе-компенсаторном (публичные преференции за добровольные обязательства) и диспозитивно-автономном (свобода предпринимательской деятельности при формализации добровольных обязательств).

Для завершения формирования данного института и устранения правовой неопределённости представляется необходимым принятие Федерального закона «О корпоративной социальной ответственности», который закрепил бы легальное определение КСО, принципы государственной политики в этой сфере, формы реализации и меры государственного стимулирования, а также формальные критерии учёта КСО-инициатив при индивидуализации юридической ответственности.

Литература

1. Подоплелова, О.Г. Принцип социального государства и социальная ответственность бизнеса в решениях Конституционного Суда Российской Федерации: проблемный анализ // Традиции и новации в системе современного российского права: сб. тезисов XIII Международной научно-практической конференции молодых учёных. – М.: МГЮА имени О.Е. Кутафина, 2014. – С. 55–56.

2. Дивина, Т.В. Современные направления корпоративной социальной ответственности / Т.В. Дивина // Социальное предпринимательство и корпоративная социальная ответственность. – 2023. – Т. 4, № 3. – С. 127–136. – DOI 10.18334/social.4.3.120613. – EDN CDDFYN.

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2025 № 2-П «По делу о проверке конституционности подпункта 5 пункта 3 статьи 39, пункта 1 статьи 41, пунктов 1 и 2 статьи 248, пунктов 1 и 2 статьи 249, а также пункта 1 статьи 346.15 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации» // ГАРАНТ: информационно-правовой портал. – URL: https://base.garant.ru/411323649/ (дата обращения: 27.08.2026).

4. Заметина, Т. В. К юбилею доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации Бориса Сафаровича Эбзеева / Т.В. Заметина, И.Н. Плотникова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2025. – № 1(162). – С. 19–35. – DOI 10.24412/2227–7315–2025–1–19–35. – EDN WFDJJM.

5. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/constitution/ (дата обращения: 27.08.2026).

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.1995 № 17-П «По делу о проверке конституционности ряда положений пункта «а» статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Смирнова» // ГАРАНТ: информационно-правовой портал. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1205510/ (дата обращения: 27.08.2026).

7. Эбзеев, Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности: монография / Б.С. Эбзеев. – М.: Норма, 2024. – 384 с. – ISBN 978-5-468-00119-6.

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2022 № 3-П «По делу о проверке конституционности статьи 74 и пункта 7 части первой статьи 77 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А. Пешкова» // ГАРАНТ: информационно-правовой портал. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403311649/ (дата обращения: 27.08.2026).

9. Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2019 № 1360-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сазонова Дениса Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 213.28 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // ГАРАНТ: информационно-правовой портал. – URL: https://base.garant.ru/72273604/ (дата обращения: 27.08.2026).

10. Нарутто, С.В. Баланс личного и общего в конституционной концепции прав человека: переосмысление ценностей / С.В. Нарутто // Образование и право. – 2023. – № 9. – С. 46–51. – DOI 10.24412/2076–1503–2023–9–46–51. – EDN KOBTWY.

11. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 04.08.2025 г. № 47-КГ25–3-К6 // ГАРАНТ: информационно-правовой портал. – URL: https://base.garant.ru/412649133/ (дата обращения: 27.08.2026).

12. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14.01.2025 № 41-КГ24–52–4 // ГАРАНТ: информационно-правовой портал. – URL: https://base.garant.ru/411393777/ (дата обращения: 27.08.2026).

13. Определение Верховного Суда РФ от 03.05.2024 № 305-ЭС24–1557 по делу № А41–58165/2021 // СудАкт: сайт судебных решений. – URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/dES2AN5mnfHP (дата обращения: 27.08.2026).

14. Решение Арбитражного суда города Москвы от 10.08.2023 по делу № А40–163095/2022 // Картотека арбитражных дел: официальный сайт. – URL: https://ras.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/5ab0d120–9bdc-411e-9ad2-ec4b-85bf0ebb/ad50efde-529d-4ce9–8b70-ffbec526827c/%D0%9040–163095–2022__20230810.pdf (дата обращения: 27.08.2026).

15. Определение судебной коллегии по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25.03.2025 по делу № 8Г-3809/2025[88–5144/2025] // ГАРАНТ: информационно-правовой портал. – URL: https://base.garant.ru/345118516/ (дата обращения: 27.08.2026).

16. Определение судебной коллегии по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 23.07.2024 по делу № 8Г-10683/2024[88–12175/2024] // ГАРАНТ: информационно-правовой портал. – URL: https://base.garant.ru/341227914/ (дата обращения: 27.08.2026).

17. Постановление Правительства РФ от 30.12.2025 № 2230 «О Стандарте общественного капитала бизнеса» // СПС «Гарант». – URL: https://clck.ru/3TMdrF (дата обращения: 27.08.2026).

18. Проект Положения Банка России «О раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг» (по состоянию на 23 апреля 2026 г.) // ГАРАНТ: информационно-правовой портал. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/414009517/#review (дата обращения: 27.08.2026).

CONSTITUTIONAL AND LEGAL CONCEPT OF CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY: FROM OPTIONAL INITIATIVE TO A PUBLIC-LAW INSTITUTION

Drozhzhin K.A.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This article substantiates a new conceptual framework for understanding corporate social responsibility (hereinafter, CSR) as an emerging institution of constitutional law. Based on a systemic interpretation of the constitutional principles of the welfare state, economic solidarity, and social partnership, it is demonstrated that CSR is objectively transforming from an optional ethical initiative into an element of the public legal order. Three constitutional legal regimes for the functioning of CSR are identified and analyzed, enabling a balance between public and private interests: imperative-protective, incentive-compensatory, and discretionary-autonomous. Based on the analysis of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, a conceptual model for the institutionalization of CSR in Russian constitutional law is proposed.

Keywords: corporate social responsibility, constitutional and legal institution, welfare state, economic solidarity, mutual responsibility, public interests, private interests, Constitutional Court of the Russian Federation.

References

1. Podoplelova, O.G. The Principle of the Welfare State and the Social Responsibility of Business in Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation: A Problem Analysis // Traditions and Innovations in the System of Modern Russian Law: A Collection of Abstracts from the XIII International Scientific and Practical Conference of Young Scientists. – Moscow: Kutafin Moscow State Law University, 2014. – Pp. 55–56.

2. Divina, T.V. Modern Trends in Corporate Social Responsibility / T.V. Divina // Social Entrepreneurship and Corporate Social Responsibility. – 2023. – Vol. 4, No. 3. – Pp. 127–136. – DOI 10.18334/social.4.3.120613. – EDN CDDFYN.

3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 21, 2025 No. 2-P «On the case of verifying the constitutionality of subparagraph 5 of paragraph

3 of Article 39, paragraph 1 of Article 41, paragraphs 1 and 2 of Article 248, paragraphs 1 and 2 of Article 249, and paragraph 1 of Article 346.15 of the Tax Code of the Russian Federation in connection with the request of the Supreme Court of the Russian Federation» // GARANT: information and legal portal. – URL: https://base.garant.ru/411323649/ (date of access: 27.08.2026).

4. Zametina, T.V. On the anniversary of Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation Boris Safarovich Ebzeev / T.V. Zametina, I.N. Plotnikova // Bulletin of the Saratov State Law Academy. – 2025. – No. 1(162). – Pp. 19–35. – DOI 10.24412/2227–7315–2025–1–19–35. – EDN WFDJJM.

5. Constitution of the Russian Federation: [adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020] // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: http://pravo.gov.ru/constitution/ (date of access: 27.08.2026).

6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 20, 1995 No. 17-P «In the case of verifying the constitutionality of a number of provisions of paragraph 'a' of Article 64 of the Criminal Code of the RSFSR in connection with the complaint of citizen V.A. Smirnova» // GARANT: information and legal portal. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1205510/ (date of access: 27.08.2026).

7. Ebzeev, B.S. Personality and the State in Russia: Mutual Responsibility and Constitutional Duties: monograph / B.S. Ebzeev. – Moscow: Norma, 2024. – 384 p. – ISBN 978-5-468-00119-6.

8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 20, 2022 No. 3-P «On the case of verifying the constitutionality of Article 74 and paragraph 7 of part one of Article 77 of the Labor Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen A.A. Peshkov» // GARANT: information and legal portal. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403311649/ (date of access: 27.08.2026).

9. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 29, 2019 No. 1360-O «On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Denis Vladimirovich Sazonov regarding the violation of his constitutional rights by Article 213.28 of the Federal Law 'On Insolvency (Bankruptcy)'» // GARANT: information and legal portal. – URL: https://base.garant.ru/72273604/ (date of access: 27.08.2026).

10. Naruto, S.V. The balance of the personal and the general in the constitutional concept of human rights: a rethinking of values / S.V. Naruto // Education and Law. – 2023. – No. 9. – Pp. 46–51. – DOI 10.24412/2076–1503–2023–9–46–51. – EDN KOBTWY.

11. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of August 4, 2025 No. 47-KG25–3-K6 // GARANT: information and legal portal. – URL: https://base.garant.ru/412649133/ (date of access: 27.08.2026).

12. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of January 14, 2025 No. 41-KG24–52–4 // GARANT: information and legal portal. – URL: https://base.garant.ru/411393777/ (date of access: 27.08.2026).

13. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of May 3, 2024 No. 305-ES24–1557 in case No. A41–58165/2021 // SudAkt: website of court decisions. – URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/dES2AN5mnfHP (date of access: 27.08.2026).

14. Decision of the Arbitration Court of Moscow of August 10, 2023 in case No. A40–163095/2022 // Card index of arbitration cases: official website. – URL: https://ras.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/5ab0d120–9bdc-411e-9ad2-ec4b85bf0ebb/ad50efde-529d-4ce9–8b70-ffbec526827c/%D0%9040–163095–2022__20230810.pdf (date of access: 27.08.2026).

15. Determination of the Civil Division of the Eighth Cassation Court of General Jurisdiction of March 25, 2025 in case No. 8G-3809/2025[88–5144/2025] // GARANT: information and legal portal. – URL: https://base.garant.ru/345118516/ (date of access: 27.08.2026).

16. Determination of the Civil Division of the Seventh Cassation Court of General Jurisdiction of July 23, 2024 in case No. 8G-10683/2024[88–12175/2024] // GARANT: information and legal portal. – URL: https://base.garant.ru/341227914/ (date of access: 27.08.2026).

17. Resolution of the Government of the Russian Federation of December 30, 2025 No. 2230 «On the Business Public Capital Standard» // SPS «Garant». – URL: https://clck.ru/3TMdrF (date of access: 27.08.2026).

18. Draft Regulation of the Bank of Russia «On the disclosure of information by issuers of securities» (as of April 23, 2026) // ConsultantPlus: reference and legal system. – URL: https://www.consultant.ru/ (date of access: 27.08.2026).

Вещные права в современном гражданском обороте: проблема квалификации, защита и направления развития

Алексеев Станислав Дмитриевич,
магистр по направлению подготовки юриспруденция,
ФГБОУ высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции» (РПА Минюста России)
E-mail: stanislav.alekseev2002@yandex.ru

В статье автор рассматривает понятие вещного права в современном граж-данском обороте. Цель заключается в комплексном анализе системы вещных прав, выявлении проблем их правового регулирования и определении пер-спектив развития института вещного права в условиях цифровой трансфор-мации экономики. Использованы такие методы, как: формально-юридический анализ правовых норм, сравнительно-правовой метод, систем-ный анализ, метод анализа судебной практики, структурно-функциональный метод. Результаты проведённого исследования позволяют констатировать, что динамика имущественного оборота и появление новых объектов граж-данских прав предъявляют повышенные требования к гибкости и точности вещно-правового регулирования. Действующие правовые конструкции, не-смотря на свою фундаментальность, в ряде аспектов демонстрируют недо-статочную адаптивность к современным реалиям – прежде всего в части учёта специфики цифровых активов и разграничения вещных и обязательственных притязаний.
Право собственности по-прежнему выступает стержнем вещно-правовой системы, определяя её логику и базовые принципы. Вместе с тем развитие гражданского оборота диктует необходимость последовательного совершен-ствования смежных институтов: требуется не просто формальная корректи-ровка норм, а содержательная проработка механизмов защиты вещных прав, в том числе применительно к цифровой среде. Особую сложность представляет квалификация новых объектов – их правовой режим зачастую остаётся недостаточно определённым, что порождает правовую неопределённость и риски для участников оборота [1, с. 47].
В этой связи особую значимость приобретает уточнение границ между от-дельными видами вещных прав и выработка более чётких критериев их от-граничения от обязательственных требований. Такой подход позволит не только повысить предсказуемость правоприменительной практики, но и сформировать целостную, внутренне согласованную систему регулирования. Перспективным направлением видится развитие специальных защитных ме-ханизмов, ориентированных на специфику цифровых правоотношений, а также разработка новых методологических подходов к квалификации цифро-вых активов.
Таким образом, действующая система вещных прав сохраняет свою ценность и актуальность, однако её дальнейшее функционирование возможно лишь при условии целенаправленной модернизации, охватывающей как нор-мативное регулирование, так и инструменты практической реализации вещ-но-правовых гарантий [2, с. 118].

Ключевые слова: Вещное право, право собственности, цифровые активы, имущественные комплексы, сервитут, право хозяйственного ведения, защита вещных прав, правовая природа, гражданский оборот, правовая охрана.

Введение

Современная правовая система включает в себя институт вещных прав, так как он формирует устойчивую базу имущественного оборота, формирует взаимодействие участников гражданских правоотношений и гарантирует за-щиту интересов. Стабильность владения, как прозрачность перехода прав и предсказуемость юридических последствий сделок во многом опираются на функционирование механизмов вещно-правовой защиты. В последние годы традиционные конструкции вещного права всё чаще сталкиваются с вызовами, которые ставят под сомнение их универсальность и достаточность [3, с. 75].

Стремительная цифровизация экономики, путём появления новых форм активов – от токенов и NFT до цифровых копий объектов интеллектуальной собственности и виртуальной собственности порождают правовую дилемму.

Классические критерии объекта вещного права в отношении данных акти-вов не могут быть реализованы, а методы механического переноса традици-онных категорий приводят к противоречиям в правовом регулировании. На практике это проявляется в неоднозначных судебных решениях, отсутствии единых подходов к квалификации подобных объектов и трудностях в защите прав их обладателей.

Другим значимым фактором выступает усложнение объектов имуществен-ных отношений. Чаще в обороте фигурируют не отдельные вещи, а с имуще-ственные комплексы, включающие разнородные элементы: недвижимость, движимое имущество, лицензии, базы данных и иные нематериальные активы. Правовой режим таких комплексов нередко оказывается фрагментарным. Отдельные компоненты регулируются по разным правилам, а целостная конструкция не имеет чёткой юридической привязки. Это создаёт риски для контрагентов, затрудняет совершение сделок и снижает доверие к обороту.

В этих условиях особую ценность приобретает комплексный взгляд на институт вещных прав, позволяющий не только зафиксировать существующие противоречия, но и оценить потенциал его адаптации к новым реалиям. Именно этим обусловлена цель настоящего исследования провести системный анализ права собственности и иных вещных прав, выявить ключевые проблемы их правового регулирования и обозначить возможные направления развития доктрины и практики.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складыва-ющиеся в процессе реализации вещных прав, в том числе отношения по вла-дению, пользованию и распоряжению имуществом, а также по защите вещных интересов в конфликтных ситуациях.

Предмет исследования составляют нормы гражданского законодательства, определяющие правовой режим вещных прав; доктринальные концепции, раскрывающие их юридическую природу и функциональные особенности; а также материалы судебной практики, демонстрирующие специфику приме-нения этих норм в реальных спорах. В рамках настоящего исследования были использованы следующие материалы и методы исследования. Нормативно-правовая база исследования включает действующие федеральные законы, подзаконные акты и нормативные документы, регулирующие институт вещных прав. Особое внимание уделено Гражданскому кодексу РФ, Земельному кодексу РФ (глава 17 ЗК РФ) [4, с. 22] и иным специальным нормативно-правовым актам, регламентирующим вещные правоотношения. Теоретическую основу исследования составили монографии и научные статьи ведущих специалистов в области гражданского права, посвященные проблемам вещного права. Изучены фундаментальные труды как классиков цивилистической мысли, так и современных исследователей. Эмпирическую базу исследования составила актуальная судебная практика, включающая постановления Пленума Верховного Суда РФ [5, с. 113], обзоры судебной практики, решения арбитражных судов по спорам о вещных правах. Проанализированы статистические данные о количестве и характере споров в данной сфере.

Литературный обзор

В современной цивилистической науке институт вещных прав продолжает оставаться одним из наиболее дискуссионных и динамично развивающихся. Фундаментальные исследования последних десятилетий позволили суще-ственно расширить понимание природы вещных прав и их роли в граждан-ском обороте.

Значительный вклад в развитие теории вещных прав внесли работы, посвящённые классификации имущественных прав. Исследователи пришли к выводу о необходимости разграничения вещных и обязательственных прав по целому ряду критериев, среди которых особое место занимает абсолютный характер защиты и свойство следования.

Современные тенденции в развитии вещного права характеризуются стремлением к системному осмыслению данного института. Учёные отмечают необходимость формирования целостной концепции, учитывающей как традиционные подходы, так и новые вызовы времени.

Особое внимание в научной литературе уделяется проблематике цифровых активов. Ряд исследователей предлагает рассматривать их через призму клас-сических вещно-правовых конструкций, в то время как другие настаивают на формировании самостоятельных правовых режимов для новых форм имуще-ственных благ.

Методологический аспект исследований вещного права характеризуется применением комплексного подхода. Историко-правовой анализ позволяет проследить эволюцию института, выявить закономерности его развития и спрогнозировать дальнейшие тенденции.

В доктрине активно обсуждаются вопросы квалификации ограниченных вещных прав. Учёные предлагают различные классификации, исследуют особенности их реализации и защиты. Особое внимание уделяется проблемам соотношения различных видов ограниченных прав между собой и с правом собственности.

Судебная практика становится важным источником развития теории вещ-ных прав. Анализ судебных решений позволяет выявить пробелы в законода-тельстве и предложить пути их устранения. Исследователи отмечают тенден-цию к расширению сферы применения вещно-правовых конструкций [6, с. 206].

В последние годы наблюдается активизация исследований в области защи-ты вещных прав. Учёные предлагают новые подходы к совершенствованию существующих механизмов защиты, а также разрабатывают предложения по внедрению дополнительных способов защиты.

Перспективные направления научных исследований связаны с изучением влияния цифровизации на институт вещных прав, разработкой новых право-вых конструкций для регулирования имущественных отношений в цифровой среде, а также совершенствованием существующих механизмов защиты [7, с. 62–63].

Особого внимания заслуживает проблема адаптации классических кон-струкций вещного права к современным условиям. Исследователи предлагают различные пути решения данной проблемы, включая как модернизацию традиционных институтов, так и создание новых правовых механизмов.

В целом, современная научная литература демонстрирует тенденцию к пе-реосмыслению традиционных представлений о вещном праве с учетом новых реалий. Это создает основу для дальнейшего развития данного института и его адаптации к потребностям современного гражданского оборота со ст. 129 ГК РФ [8, с. 178].

Интегративный подход в исследованиях вещного права позволяет объеди-нить достижения различных научных школ и направлений, что способствует формированию целостной концепции данного института. При этом сохраня-ется преемственность научных традиций и учитывается накопленный теоре-тический опыт.

Результаты исследования

В ходе глубокого анализа проблематики вещных прав выявлены суще-ственные трансформации классических представлений о природе и функциях данного института в современных условиях.

Базовые концепции претерпели значительную эволюцию. Традиционное понимание вещного права как исключительно материального господства над объектом трансформировалось в комплексное правовое явление, включающее как материальные, так и нематериальные аспекты взаимодействия субъектов с объектами права.

Цифровизация экономики потребовала формирования новых правовых подходов к регулированию имущественных отношений. Исследование пока-зало необходимость существенной модернизации классических правовых конструкций для эффективного регулирования отношений, связанных с циф-ровыми активами и новыми формами имущественных благ.

Методологический анализ позволил выявить существенные за-кономерности, такие как: формирование новых критериев квалификации объектов вещных прав, развитие механизмов защиты в условиях цифровой среды.

Практическая значимость исследования заключается в выявлении суще-ственных аспектов правоприменительной деятельности. Существующая си-стема вещных прав, сохраняя свою актуальность, требует существенной мо-дернизации, особенно в части механизмов регистрации прав и квалификации новых объектов.

Инновационные тенденции проявляются в разработке специальных меха-низмов защиты цифровых прав, формировании методологии квалификации цифровых активов и совершенствовании системы регистрации прав в цифро-вой среде.

Теоретическая ценность исследования состоит в формировании целостного представления о современном состоянии института вещных прав, выявлении основных тенденций его развития и определении проблемных аспектов пра-вового регулирования.

Прогностический анализ позволяет определить основные направления дальнейшего развития института вещных прав, включая адаптацию класси-ческих конструкций к цифровой среде, разработку новых механизмов защиты имущественных прав и формирование единой методологии квалификации объектов.

Исследование демонстрирует, что институт вещных прав находится в ста-дии активной трансформации, требующей комплексного подхода к решению возникающих проблем и выработки новых правовых решений, учитывающих современные реалии имущественного оборота.

Ключевые выводы исследования подтверждают необходимость:

1. Модернизации существующих правовых механизмов;
2. Разработки новых подходов к квалификации объектов;
3. Совершенствования системы регистрации прав;
4. Формирования эффективных механизмов защиты в цифровой среде.

Полученные результаты создают теоретическую базу для разработки кон-кретных предложений по модернизации правового регулирования вещных отношений в современных условиях.

Выводы

Право собственности – стержень вещно-правовой системы: оно воплощает максимально возможную степень юридической власти над объектом и задаёт ориентир для всех прочих вещных конструкций. Именно через призму собственности раскрываются базовые категории: владение, пользование, распоряжение и именно от неё отталкиваются при моделировании ограниченных прав [9, с. 125].

Вместе с тем сводить вещное право к одной лишь собственности – значит игнорировать реальную ткань гражданского оборота. В нём активно работают разные ограниченные вещные права: сервитуты обеспечивают инфра-структурную связность, права хозяйственного ведения и оперативного управления позволяют государству и муниципалитетам участвовать в эконо-мике, а иные конструкции дают участникам рынка устойчивые, защищённые от произвольного прекращения режимы пользования чужим имуществом.

Ключевой практический вывод состоит в том, что вещные права – это не абстрактная классификация, а рабочий инструмент, и его эффективность напрямую зависит от точности квалификации. От того, признают ли суды и стороны право вещным либо обязательственным, зависят и доступные спосо-бы защиты, и распределение рисков, и судьба сделки. Например, виндикаци-онный иск уместен только при вещной природе права, а при обязательствен-ных отношениях он не сработает – и попытка его использовать обернётся отказом в иске. Точно так же свойство следования, характерное для вещных прав, даёт предсказуемость при смене собственника, чего нет в типичных обязательственных моделях.

Особенно остро вопрос квалификации встаёт в пограничных ситуациях – там, где фактические отношения напоминают вещные, но формально осно-ваны на договоре (как в случае аренды), либо где сам объект выходит за рам-ки классической «вещи» (цифровые активы, элементы сложных комплексов). Здесь ошибка в правовой квалификации способна не просто усложнить спор, а полностью лишить сторону эффективных средств защиты [10, с. 136].

Поле для исследований в сфере вещного права остаётся обширным-и ценность таких работ не в умножении теорий, а в поиске решений для реаль-ных правовых неопределённостей.

Цифровые технологии и трансформация вещных механизмов. Интерес представляет не столько спор о том, можно ли считать NFT или токен «ве-щью», сколько прикладные вопросы: как обеспечить публичность и досто-верность перехода прав с помощью распределённых реестров, как адаптиро-вать критерии добросовестности и правила истребования к ситуациям, где «владение» – это доступ через криптографический ключ, и какие цифровые инструменты способны заменить или дополнить традиционные способы фиксации вещных прав.

Практическая востребованность новых вещных моделей. Дискуссии о су-перфиции, эмфитевзисе и узуфрукте требуют не только

истори-ко-теоретического анализа, но и оценки с точки зрения спроса на рынке: в каких сегментах (жилищное строительство, сельское хозяйство, семейные отношения) эти конструкции действительно дадут преимущества по сравне-нию с арендой и иными действующими режимами, и как избежать коллизий при их внедрении [11, с. 205].

Выработка чётких критериев вещного права. Законодательное закрепление признаков вещного права (абсолютный характер, право следования, специ-альные способы защиты и т.п.) способно снизить правовую неопределённость и уменьшить количество споров о квалификации. При этом важно не просто перечислить признаки, а предложить методику их применения-алгоритм, который позволит практикам и судам последовательно определять природу спорного права.

Правовой режим сложных объектов. В обороте всё чаще встречаются имущественные комплексы, где смешиваются вещи, права требования, ли-цензии, цифровые активы и иные элементы с разными правовыми режимами. Перспективным направлением видится разработка правил о составе комплек-са, порядке его обременения и защиты прав на отдельные компоненты – в том числе в процедурах банкротства и при оспаривании сделок.

Сравнительно-правовой анализ. Изучение опыта стран с развитой системой вещных прав (прежде всего континентальных правопорядков) полезно не ради копирования, а для понимания, какие решения оказались устойчивыми, какие породили новые проблемы, и насколько те или иные конструкции могут быть адаптированы к российским реалиям.

Систематизация судебной практики. Суды фактически формируют «живое» вещное право, уточняя границы институтов и условия применения исков. Сбор и анализ устойчивых подходов (например, по делам о добросовестном приобретении, установлении сервитутов, защите прав унитарных предприятий) способен выявить тенденции, которые станут основой для то-чечных законодательных изменений.

Таким образом, развитие вещного права – это поиск баланса между со-хранением устойчивости классических конструкций и их приспособлением к новым экономическим и технологическим условиям. Дальнейшие исследова-ния должны быть ориентированы на практику: не столько на расширение пе-речня теоретических категорий, сколько на повышение предсказуемости и удобства применения вещно-правовых норм в реальных сделках и спорах.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 8.
4. Абрамова Е. Н., Брагинец А.Ю. К вопросу о понятиях права собственности и имущества в цифровую эпоху // Хозяйство и право. – 2020. – № 6 (521). – С. 12–21.
5. Белов, В.А. Вещные права: система, содержание и приобретение / В.А. Белов. – Москва: Статут, 2017. – 440 с.
6. Гонгало, Б.М. Учение об обеспечении обязательств: вопросы теории и практики / Б.М. Гонгало. – Москва: Статут, 2017. – 220 с.
7. Емелькина, И.А. Проблемы формирования института соседского права в российском гражданском праве / И.А. Емелькина // Учёные записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2016. – Т. 158, № 2. – С. 399–414.
8. Корнеев, С.М. Право собственности и иные вещные права: теория и практика реализации / С.М. Корнеев. – Москва: Юрайт, 2019. – 320 с.
9. Маслов, В.В. Лекарственные средства как объекты гражданских правоотношений: дис. канд. юрид. наук: 12.00.03 / Маслов Владимир Владимирович; науч. рук. А.А. Мохов; Волгоградская академия МВД РФ. – Волгоград, 2007. – 206 с
10. Новоселова, Л.А. Цифровые права как новый объект гражданских прав / Л.А. Новоселова // Закон. – 2019. – № 5. – С. 31–54.

PROPERTY RIGHTS IN MODERN CIVIL CIRCULATION: PROBLEMS OF QUALIFICATION, PROTECTION AND DEVELOPMENT DIRECTIONS

Alekseev S.D.
All-Russian State University of Justice

In the article, the author examines the concept of property rights in modern civil turnover. The aim is to carry out a comprehensive analysis of the system of proper-ty rights, identify problems in their legal regulation, and determine the prospects for the development of the property rights institution in the context of the digital transformation of the economy. The study employs a range of methods, including formal legal analysis of legal norms, comparative legal method, systemic analysis, analysis of judicial practice, and structural-functional method.

The findings of the research indicate that the dynamics of property turnover and the emergence of new objects of civil rights impose heightened demands on the flexibility and precision of property law regulation. Despite their fundamental na-ture, the existing legal constructs demonstrate insufficient adaptability in certain aspects to current realities – primarily with regard to accounting for the specifics of digital assets and distinguishing between property and contractual claims.

Ownership remains the cornerstone of the property law system, shaping its logic and basic principles. At the same time, the evolution of civil turnover necessitates the consistent improvement of related institutions. It is not enough to merely adjust the norms formally; there is a need for a substantive elaboration of mechanisms for protecting property rights, including in the digital environment. A particular chal-lenge lies in the classification of new objects: their legal regime is often insuffi-ciently defined, which creates legal uncertainty and risks for market participants.

In this regard, it is especially important to clarify the boundaries between differ-ent types of property rights and to develop clearer criteria for distinguishing them from contractual claims. This approach would not only enhance the predictability of law enforcement practice but also help build a cohesive and internally consistent regulatory framework. A promising area of development is the creation of special protective mechanisms tailored to the specifics of digital legal relations, as well as the development of new methodological approaches to the classification of digital assets.

Thus, the current system of property rights retains its value and relevance; how-ever, its continued effective functioning is possible only with targeted modernisa-tion that encompasses both normative regulation and the tools for the practical im-plementation of property law guarantees.

Keywords: Property rights, ownership rights, digital assets, property complexes, easement, economic management right, Property rights protection, legal nature, civil circulation, legal protection.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 № 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – № 32. – Art. 3301.
2. Land Code of the Russian Federation dated October 25, 2001 № 136-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. – № 44. – Art. 4147.
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 23, 2015 № 25 «On the application by courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2015. – № 8.
4. Abramova, E. N., Braginets, A. Yu. "On the Concepts of Property Rights and Property in the Digital Age." Hozyaystvo i Pravo, 2020, no. 6 (521), pp. 12–21.Belov, V.A. Real rights: system, content and acquisition / V.A. Belov. – Moscow: Statut, 2017. – 440 p.
5. Gongalo, B.M. Doctrine of security of obligations: theory and practice / B.M. Gongalo. – Moscow: Statut, 2017. – 220 p.
6. Emelkina, I.A. The system of limited real rights to land plots / I.A. Emelkina // Bulletin of Civil Law. – 2021. – № 3. – P. 45–67.
7. Emelkina, I. A. "Problems of the Formation of the Neighbor Law Institute in Russian Civil Law." Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Series: Humanities, 2016, vol. 158, no. 2, pp. 399–414.
8. Maslov, V.V. Medicinal Products as Objects of Civil Law Relations. Candidate of Juridical Sciences dissertation, specialty 12.00.03; scientific advisor A.A. Mokhov; Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Volgograd, 2007. 206 p.
9. Novoselova, L. A. "Digital Rights as a New Object of Civil Rights." Zakon, 2019, no. 5, pp. 31–54.
10. Novoselova, L.A. Digital Rights as a New Object of Civil Rights / L.A. Novoselova // Zakon. – 2019. – No. 5. – P. 31–54.

Гражданско-правовая природа государственного контракта

Белкин Семён Яковлевич,
аспирант, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»
E-mail: Belkin-semon@yandex.ru

Рассматривается государственный контракт как особая смешанная правоотносительная форма, в которой гражданско-правовой институт является средством реализации публично-правовых задач государства. Целью статьи является выявление форм взаимодействия частноправовых и публичных институтов при формировании контрактной системы, на примере госзаказа, в частности государственного оборонного заказа. Работа выполнена на основе комплексного анализа положений Гражданского Кодекса Российской Федерации, Федерального Закона № 44-ФЗ и теорий о сущности государственного контракта. Представлен вывод о том, что государственный контракт является гражданско-правовой сделкой со своим особым режимом применения. В особом режиме применяются императивно установленные публично-правовые нормы для трансформации гражданских институтов под нужды обеспечения общественных интересов. Проведенное исследование актуально для правомерного регулирования и применения права по вопросам закупок. Автор предлагает иное понимание государственного контракта – это сознательная смешанная конструкция, при которой гражданско-правовые черты сохраняются, однако они трансформируются под влиянием публичных интересов. В итоге автор приходит к выводу, что от степени сохранения этого равновесия зависит успех работы контрактной системы.

Ключевые слова: государственный контракт, гражданско-правовая природа, смешанная конструкция, публичные цели, частноправовые инструменты, государственный оборонный заказ, баланс интересов.

Введение

Вопрос о правовой природе государственного контракта остается одним из наиболее дискуссионных в современной цивилистике. Это обусловлено тем, что данный институт, будучи по форме гражданско-правовым договором, по своему функциональному назначению служит инструментом реализации публичных интересов государства. Особую остроту данная проблематика приобретает в сфере государственного оборонного заказа, где публичные цели (обеспечение национальной безопасности) доминируют над частными интересами контрагентов. В настоящей статье предпринята попытка проанализировать государственный контракт как самостоятельную смешанную конструкцию, где гражданско-правовая природа не отрицается, но существенно модифицируется под воздействием публично-правовых требований.

Федеральный закон № 44-ФЗ в статье 3 определяет государственный контракт как гражданско-правовой договор, подчеркивая его гражданско-правовую сущность. Как верно отмечает Т.М. Лаврик, это определение, введенное в законодательство лишь в конце 2019 года, окончательно устранило неопределенность в понимании правового статуса данного обязательства. Несмотря на это, доктринальные споры по данному вопросу не прекратились [4, с. 100]. Специфичность применения принципов равенства сторон, свободы договора, диспозитивности к признакам гражданско-правовой сделки в государственном контракте определяется наличием императивных положений законодательства о госконтрактах.

В науке существует ряд мнений относительно правовой природы госконтракта. По мнению сторонников гражданско-правовой теории, например, С.А. Акименко, государственный контракт является особым видом гражданско-правового договора и регулируется общими положениями ГК РФ с определенными отличиями, установленными Законом о закупках. При этом особенные черты не исключают принадлежность к сфере гражданского права [1, с. 256].

Данный подход представляется наиболее обоснованным, поскольку он не отрицает наличия у контракта особых черт, но при этом помещает его в общую систему договорного права.

Таблица 1. Подходы к определению правовой природы государственного контракта в доктрине

Подход	Основная позиция
Гражданско-правовой	Контракт является гражданско-правовым договором с особенностями, но сохраняет частноправовую природу [1]
Публично-правовой	Контракт содержит административно-правовые элементы, вытекающие из властных полномочий государства [3]
Смешанный (комплексный)	Контракт сочетает элементы частного и публичного права, является межотраслевой конструкцией [5, 6]

Противоположная позиция акцентирует внимание на публично-правовых элементах, указывая на то, что одной из сторон контракта выступает государство в лице уполномоченных органов, наделенное властными полномочиями. Однако, как верно замечает Р.М. Усманова, «анализ соотношения норм ГК РФ и Закона о контрактной системе показывает, что государственный контакт имеет гражданско-правовую природу, поскольку те нормативные предписания законодательства о контрактной системе, которые дают заказчику определенные полномочия, согласуются с общими нормами гражданского законодательства об обязательствах» [8, с. 323]. При этом согласование происходит по принципу «lex specialis», где специальные нормы не просто конкретизируют, но в ряде случаев подменяют общегражданские принципы для достижения публичного интереса.

Отдельный интерес представляет позиция С.А. Акименко, который анализирует государственный контракт с позиций теории правовых режимов. По его мнению, государственный (муниципальный) контракт является особым режимом гражданского договора подряда, содержащим признаки как публично-правовых, так и частных правоотношений [1, с. 247]. Основой такого режима является публичная цель государства в противовес частным целям подрядчика. Такая точка зрения дает возможность обосновать присутствие императивных норм о порядке заключения, изменения и исполнения контракта – это форма госу-

дарственного воздействия на экономику через гражданско-правовой договор.

Инструментальность государственного контракта наиболее ярко выражается при реализации государственного оборонного заказа. Здесь публичная цель (обеспечение национальной безопасности) диктует максимально жесткие условия: специальный порядок ценообразования, приоритет исполнителей, установленных государством, и особый контроль за использованием бюджетных средств. Как указывает И.С. Яковлев, в государственных контрактах, в том числе и по ГОЗ, «законодательные акты, регулирующие государственные контракты, по своему содержанию, структуре, предмету и методам регулирования являются комплексными и включают нормы гражданского и административного права» [10, с. 103]. Эта комплексность является не недостатком, а сущностной чертой, превращающей договор в управленческий акт, облеченный в гражданско-правовую форму.

Таблица 2. Особенности правового регулирования государственного контракта в сфере ГОЗ

Критерий	Общий порядок (44-ФЗ)	Особенности ГОЗ
Определение поставщика	Конкурентные процедуры (аукционы, конкурсы)	Специальные закрытые процедуры, ограниченный круг участников
Ценообразование	Свободное ценообразование, твердая цена контракта	Государственное регулирование цен, специальные методики расчета
Финансовый контроль	Мониторинг в ЕИС	Банковское сопровождение, отдельные счета, идентификатор контракта [4]
Сроки исполнения	Жестко зафиксированы	Корректируются с учетом оборонного заказа
Изменение условий	Ограничено законом	Допускается в специальном порядке

Как следует из представленной таблицы 2, специфика правового регулирования государственного контракта в сфере оборонного заказа проявляется на всех стадиях его заключения и исполнения. Законодатель вводит здесь дополнительные императивные требования, существенно ограничивающие свободу усмотрения сторон. При этом важно подчеркнуть, что введение этих ограничений не меняет гражданско-правовой природы контракта – они лишь трансформируют его в особый правовой режим, адаптированный для достижения публичных целей.

Вместе с тем, смешанная природа контракта порождает и серьезные риски, связанные с дисбалансом прав сторон. Исследуя проблемы расторжения контрактов, О.С. Таюрская приходит к выводу, что «неисполнение обязательств исполнителя может быть связано с недобросовестностью заказчика – он не содействует исполнителю, а впоследствии расторгает контракт в одностороннем или судебном порядке» [7, с. 227]. Государственный заказчик, будучи носителем публичной власти, получает дополнительные полномочия по одностороннему контролю и отказу от договора, что ставит частного исполнителя в заведомо слабую позицию. Этот дисбаланс является платой за достижение публичной цели, но при отсутствии адекватных судебных механизмов защиты он превращается в фактор, разрушающий саму конструкцию.

Эффективность государственного контракта как управленческого инструмента напрямую зависит от жесткости его исполнения. Как справедливо замечает Н.В. Южанин, понятие «исполнение контракта» значительно шире понятия «исполнение гражданского обязательства» и включает в себя «контролируемую со стороны государства отчетность в ЕИС» [9, с. 87]. Подрядчик, выполняя работы, одновременно выполняет и публично-правовую обязанность по раскрытию информации, что делает процесс прозрачным для контроля со стороны государства. Это превращает контракт из двусторонней сделки в трехстороннее отношение, где третьей стороной выступает государство как контролирующий орган.

Цифровизация контрактной системы, по мнению В.Э. Пугачева, призвана усилить управленческий потенциал контракта. Внедрение структурированных контрактов и ЕИС направлено на автоматизацию контроля и исключение человеческого фактора, снижая риски коррупции [6, с. 135]. Однако на данном этапе цифровой контракт «не обладает достаточной гибкостью и не позволяет внести изменения на этапе его подписания», что создает технические сложности для участников, но с точки зрения управления повышает предсказуемость и стабильность системы [6, с. 136]. Здесь технология работает на ту же публичную цель – обеспечение жесткого соблюдения правил игры.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что государственный контракт, сохраняя гражданско-правовую природу, выступает как самостоятельная смешанная конструкция, в которой частноправовые инструменты служат средством достижения публичных целей государства. В сфере государственного оборонного заказа эта конструкция достигает максимальной степени императивности, превращаясь в основной инструмент мобилизационной экономики. Эффективность этого инструмента обеспечивается за счет жесткого баланса: частноправовые институты (цена, сроки, неустойка) используются как рычаги для стимулирования исполнителя, в то время как императивные нормы (особый контроль, односторонний отказ, закрытая информация) создают для государства механизм управления рисками.

Перспектива развития государственного контракта лежит в плоскости сохранения его гражданско-правовой основы при одновременном совершенствовании механизмов защиты добросовестного исполнителя от административного произвола. Только баланс публичного принуждения и частной инициативы сделает этот инструмент по-настоящему эффективным для решения задач национального развития и обеспечения безопасности.

Литература

1. Акименко С.А. Правовая природа государственного (муниципального) контракта на выполнение подрядных работ для государственных или муниципальных нужд, как особого режима гражданско-правового договора // Вестник Академии управления и производства. – 2024. – № 1. – С. 238–258.
2. Буракова И.К. Новые правила в регулировании государственного контракта со встречными инвестиционными обязательствами (офсетный контракт) //Национальная ассоциация ученых. – 2022. – № . 82–1. – С. 65–67.
3. Гайнутдинов А.К. Понятие и сущность обеспечения исполнения контракта в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд //Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2022. – Т. 24. – № . 2. – С. 134–146.
4. Лаврик Т.М. Правовая природа государственного контракта // Вестник юридических исследований. – 2023. – Т. 2. – № 3. – С. 99–105.
5. Левина Е.А. Проблемы правового регулирования исполнения государственного контракта и их последствия //Вестник науки. – 2025. – Т. 1. – № . 6 (87). – С. 536–562.
6. Пугачев В.Э. Цифровое развитие государственного контракта // Закон и право. – 2024. – № . 6. – С. 135–139.
7. Таюрская О.С. Расторжение государственного контракта: особенности, последствия, риски для исполнителя //Редакционная коллегия: Сторожева Анна Николаевна, канд. юрид. наук, заведующая кафедрой гражданского. – 2024. – С. 226–231.
8. Усманова Р. М., Усманов А.К., Бойко Н.Н. Правовая природа государственного контракта //Право и государство: теория и практика. – 2023. – № . 11 (227). – С. 321–324.
9. Южанин Н.В. Особенности правового регулирования исполнения обязательств из государственных контрактов // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2024. – № 1 (62). – С. 86–92.
10. Яковлев И. С., Горлова С.В. Понятие государственного (муниципального) контракта, особенности правового регулирования //Социальное управление. – 2022. – С. 101–110.

THE CIVIL LAW NATURE OF A GOVERNMENT CONTRACT

Belkin S.Ya.
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

This article examines the government contract as a unique mixed legal form, in which a civil law institution serves as a means of implementing the state's public law objectives. The article aims to identify the forms of interaction between private and public law institutions in the formation of a contract system, using government procurement, particularly state defense procurement, as an example. This work is based on a comprehensive analysis of the provisions of the Civil Code of the Russian Federation, Federal Law No. 44-FZ, and theories on the nature of government contracts. It concludes that government contracts are civil law transactions with their own special application regime. This special regime utilizes mandatory public law norms to transform civil institutions to meet the needs of public interests. This study is relevant for the lawful regulation and application of procurement law. The author proposes a different understanding of government contracts: they are a deliberately mixed construct in which civil law features are retained but transformed under the influence of public interests. As a result, the author comes to the conclusion that the success of the contract system depends on the degree to which this balance is maintained.

Keywords: state contract, civil law nature, mixed structure, public goals, private law instruments, state defense order, balance of interests.

References

1. Akimenko S.A. The legal nature of the state (municipal) contract for the performance of contract work for state or municipal needs, as a special regime of a civil law contract // Bulletin of the Academy of Management and Production. – 2024. – No. 1. – P. 238–258.

2. Burakova I.K. New rules in the regulation of state contracts with counter investment obligations (offset contract) // National Association of Scientists. – 2022. – No. 82–1. – P. 65–67.

3. Gainutdinov A.K. The concept and essence of contract enforcement in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs // Asia-Pacific region: economics, politics, law. – 2022. – T. 24. – No. 2. – P. 134–146.

4. Lavrik T.M. Legal nature of the state contract // Bulletin of Legal Research. – 2023. – T. 2. – No. 3. – P. 99–105.

5. Levina E.A. Problems of legal regulation of the execution of a state contract and their consequences // Bulletin of Science. – 2025. – T. 1. – No. 6 (87). – P. 536–562.

6. Pugachev V.E. Digital development of the state contract // Law and Law. – 2024. – No. 6. – P. 135–139.

7. Tayurskaya O.S. Termination of a state contract: features, consequences, risks for the contractor // Editorial board: Anna Nikolaevna Storozheva, Ph.D. legal Sciences, Head of the Department of Civil. – 2024. – P. 226.

8. Usmanova R.M., Usmanov A.K., Boyko N.N. Legal nature of the state contract // Law and State: Theory and Practice. – 2023. – No. 11 (227). – P. 321–324.

9. Yuzhanin N.V. Features of legal regulation of the fulfillment of obligations from government contracts // Bulletin of the St. Petersburg Law Academy. – 2024. – No. 1 (62). – P. 86–92.

10. Yakovlev I.S., Gorlova S.V. The concept of a state (municipal) contract, features of legal regulation // social management. – 2022. – P. 101–110.

Организационно-правовые формы коммерческих организаций, ориентированных на достижение общественно полезных целей в Российской Федерации и Соединенных Штатах Америки

Кремлёва Ольга Клавдиевна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного экономического университета
E-mail: okremlev@mail.ru

Боряев Сергей Александрович,
соискатель учёной степени к.ю.н., Санкт-Петербургский государственный экономический университет
E-mail: sergy1988@yandex.ru

В статье представлен сравнительный анализ правового обеспечения достижения социальных целей в предпринимательской деятельности в Российской Федерации и США посредством формирований специальных организационно-правовых форм юридических лиц. Исследуется эволюция американского законодательства об организационно-правовых формах юридических лиц, ориентированных на достижение общественно полезных целей. Рассматриваются ключевые характеристики, преимущества и риски деятельности социально ответственных организаций. Изложены особенности российского подхода к правовому регулированию социально значимых общественных отношений, критерии отнесения субъектов малого и среднего предпринимательства к социальным предприятиям и существующие организационно-правовые формы осуществления такой деятельности. Выявляются концептуальные различия двух моделей правового регулирования, формулируются предложения по совершенствованию российского законодательства с учетом американского опыта.

Ключевые слова: социальное предпринимательство; субъекты малого и среднего предпринимательства по российскому законодательству; юридические лица американского права, публичная корпорация общественной пользы, корпорация социального назначения.

В условиях глобальных социально-экономических вызовов и, следовательно, роста значимости принципов устойчивого развития, особую актуальность приобретает поиск эффективных правовых механизмов, позволяющих сочетать предпринимательскую деятельность с достижением общественно полезных целей, то есть реализация предпринимательской, в том числе коммерческой деятельности, основной мотивирующей целью которой является достижение общественно значимого эффекта. В настоящее время в Российской Федерации такое функциональное назначение предполагается за социальным предпринимательством, под которым понимается как деятельность субъектов малого и среднего предпринимательства, направленная на достижение общественно полезных целей и способствующая решению социальных проблем граждан и общества [1]. К такому наделению свойствами социальной ответственности только субъектов малого и среднего бизнеса возникает ряд вопросов. Во-первых, почему из числа социально ответственных исключается крупный бизнес, тем более, что именно самые крупные корпорации являются наиболее щедрыми спонсорами. Во-вторых, вызывает сомнение сама по себе причинно-следственная связь социальной ответственности с финансовым результатом деятельности и численностью работников, а не охватом деятельности. В-третьих, такая легитимация в качестве социального предпринимательства субъектов малого и среднего бизнеса не гарантирует достижение целей социально ответственности. В-четвёртых, за пределами легитимации в качестве социально ответственных субъектов остаются неквалифицированные граждане, то есть, граждане, не имеющие статуса индивидуальных предпринимателей, сами индивидуальные предприниматели и все юридические лица, реализующие в своей деятельности принцип социальной ответственности, но не соответствующие критериям малых и средних предприятий. Участие всех названных категорий субъектов требует адекватного правового оформления, которое обеспечивало бы баланс интересов инвесторов, менеджмента и общества в целом.

США стали первопроходцами в создании специализированных организационно-правовых форм для социальных предприятий. Начиная с 2008 года, в различных штатах были приняты законы о низкодоходных компаниях с ограниченной ответственностью (Low-profit Limited Liability Company), корпорациях с общественной выгодой (Benefit Corporation), корпорациях социального назначения (Social Purpose Corporation), публичных корпорациях общественной пользы (Public Benefit Corporation). В отличие от США, Российская Федерация выбрала иной подход: не вводя новых организационно-правовых форм, государство законодательно закрепило в 2019 году понятия «социальное предпринимательство» и «социальное предприятие», что позволило присваивать специальный статус уже существующим юридическим лицам через механизм целеполагания их деятельности.

В США первые нормы в рассматриваемой сфере были приняты в штате Вермонт, где в апреле 2008 года был принят закон о низкодоходных компаниях с ограниченной ответственностью (low-profit limited liability company, L3C) [2]. Затем штат Мэриленд ввел первый закон о корпорациях с общественной выгодой (Benefit corporation) [3]. Калифорния последовала этому примеру в 2011 году, приняв Закон о корпоративной гибкости (Corporate Flexibility Act), который в 2014 году был преобразован в Закон о корпорации социального назначения (Social Purpose Corporation Act) [4]. Ключевое значение для развития рассматриваемого института имело принятие в июле 2013 года законодательства о публичной корпорации общественной пользы (public benefit corporation, PBC) в штате Делавэр [5] – юрисдикции, в которой зарегистрировано большинство крупнейших американских корпораций. В августе 2018 года Делавэр дополнил свое законодательство формой публичной компании с ограниченной ответственностью, приносящей общественную пользу (public benefit limited liability company, PBLLC) [6].

Корпорация с общественной выгодой (Benefit corporation) является коммерческой организацией. Законы ряда штатов основаны на модельном законодательстве, разработанном некоммерческой организацией B Lab Company (далее – B Lab), которая занимается в частности

сертификацией [7]. Ключевые особенности этого организационно-правовой формы состоят в обязанночти следовать общественно полезной цели, что означает стремление оказывать существенное положительное влияние на общество и окружающую среду в целом, оцениваемое по стандарту, разработанному B Lab. Предусматривается возможность включения конкретной общественной цели в устав, например, предоставление помощи малообеспеченным категориям населения, защита окружающей среды или участие в развитии местной системы здравоохранения. Исполнительные органы такой корпорации при принятии решений обязаны учитывать интересы не только акционеров, но и клиентов, работников, местного населения, а также решать задачи охраны окружающей среды. Установлен усложненный порядок внесения изменений в устав в части, касающейся конкретной общественной цели, требующий квалифицированного большинства в две трети голосов акционеров. Кроме того, корпорация обязана ежегодно публиковать отчет о приносимой общественной пользе, включающий описание достигнутых результатов и оценку социальной и экологической эффективности в соответствии с выбранным стандартом, разработанным независимой организацией (в качестве такого стандарта, как правило, используется стандарт B Impact Assessment, разработанный B Lab).

Данная организационно-правовая форма позиционирует компанию как имеющую социальную миссию, что привлекает потребителей, партнеров и инвесторов, разделяющих эти ценности [8]. Для предпринимателей это способ закрепить миссию в структуре компании, причем форма хорошо согласуется с требованиями для получения сертификата соответствия, который выдается B Lab [7]. Однако использование организационно-правовой формы Benefit corporation сопряжено с рядом рисков. Обязанность учитывать множество интересов в ряде случае снижает эффективность управления и повышает риски возникновения ответственности директоров такой организации [9]. Требование наличия в структуре организации независимого «директора по общественной выгоде» в некоторых штатах создает конфликт интересов с его традиционными обязанностями по максимизации прибыли в интересах акционеров. Почти все нормативные акты предусматривают право акционеров, а в некоторых штатах и третьих лиц, подавать иски против директоров за неисполнение обязанностей по достижению общественной цели, что обуславливает дополнительные риски судебных разбирательств с существенными издержками. Наконец, ограничения на максимизацию прибыли и высокий порог голосования для изменения социальной цели могут затруднить привлечение новых инвесторов и проведение сделок по слиянию и поглощению или первичному публичному размещению акций [10].

Калифорнийская модель корпорации социального назначения (California Social Purpose Corporation) представляет собой коммерческую организацию, устав которой должен содержать одну или несколько специальных целей, в качестве которых могут выступать благотворительные цели либо цели по оказанию положительного воздействия на работников, местное население или окружающую среду [11]. Директоры обязаны действовать в соответствии с этими целями, учитывая их наряду с финансовыми интересами акционеров. Предусмотрена ежегодная отчетность перед акционерами с обсуждением целей, предпринятых действий, их влияния и используемых показателей оценки. Ключевое отличие от корпорации с общественной выгодой (Benefit corporation) заключается в отсутствии специального механизма принудительного исполнения общественно-полезной цели, что снижает риск судебных разбирательств [12], однако сохраняется потенциал для конфликта между фидуциарными обязанностями руководства организации и реализацией социальной миссии.

Устав корпорации общественной пользы (Public Benefit Corporation), предусмотренной законодательством штата Делавэр, должен содержать одну или несколько конкретных общественных выгод, например, культурного, образовательного или экологического характера [12]. Директоры и должностные лица обязаны управлять корпорацией таким образом, чтобы сочетать экономические интересы акционеров, интересы затрагиваемых лиц и указанные общественно-полезные цели. Закон предоставляет исполнительным органам юридического лица высокую степень усмотрения при выполнении этого требования. Предусмотрено предоставление отчета акционерам не реже чем раз в два года, но публикация отчета не обязательна.

Организационно-правовые формы на основе общества с ограниченной ответственностью (Limited Liability Company; далее – LLC), включая низкодоходные компании с ограниченной ответственностью (Low-Profit Limited Liability Company; далее – L3C), общественно полезные компании с ограниченной ответственностью (Benefit Limited Liability Company; далее – BLLC) и публичные общественно-полезные компании с ограниченной ответственностью (Public Benefit Limited Liability Company; далее – PBLLC), не получили широкого распространения. Во-первых, модель L3C оказалась в значительной степени вытесненной более универсальной и узнаваемой формой Benefit corporation [12]. Во-вторых, формы BLLC и PBLLC столкнулись с фундаментальной проблемой двойного регулирования: участники такой компании вынуждены одновременно соблюдать как традиционные нормы законодательства об LLC, преимущественно диспозитивные и ориентированные на свободу договора, так и императивные требования об обязательной отчётности, аудите социальных результатов и учёте интересов стейкхолдеров, заимствованные из корпоративного законодательства о Benefit corporations [13], что породило правовую неопределённость и повысило издержки. Наконец, сама конструкция LLC исторически востребована малым и средним бизнесом, для которого дополнительное бремя раскрытия информации и соблюдения стандартов, сопоставимое с требованиями к крупным публичным корпорациям, зачастую воспринимается как экономически неоправданное [14]. Указанные факторы обусловили периферийный статус гибридных форм LLC в сравнении с корпоративными аналогами, сохраняющими доминирующее положение в сфере социального предпринимательства США.

В отличие от США, российский законодатель пошел по пути функционального, а не организационно-правового выделения социального предпринимательства. Ключевым нормативным актом выступает Федеральный закон от 24 июля 2007 года № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 209-ФЗ) [1], в который Федеральным законом от 26 июля 2019 года № 245-ФЗ были внесены изменения, закрепившие понятия «социальное предпринимательство» и «социальное предприятие». Согласно статье 3 Федерального закона № 209-ФЗ, под социальным предпринимательством понимается предпринимательская деятельность, направленная на достижение общественно полезных целей, способствующая решению социальных проблем граждан и общества и осуществляемая в соответствии с условиями, предусмотренными частью 1 статьи 24.1 Федерального закона № 209-ФЗ. Социальным предприятием признается субъект малого или среднего предпринимательства, осуществляющий деятельность в сфере социального предпринимательства [16].

Таким образом, российский законодатель избрал подход, при котором статус социального предприятия не связан с созданием новой организационно-правовой формы, а представляет собой специальный правовой режим в рамках существующих форм, включая общества с ограниченной ответственностью, акционерные общества и индивидуальных предпринимателей, доступный только субъектам малого и среднего предпринимательства. Как отмечает Г.Ф. Ручкина, это позволяет говорить о соответствии понятия предпринимательской деятельности современным тенденциям устойчивого развития, хотя и требует дальнейшей доктринальной проработки [15].

Статья 24.1 Федерального закона № 209-ФЗ устанавливает исчерпывающий перечень условий, при соблюдении которых субъект малого или среднего предпринимательства может быть признан социальным предприятием. Эти критерии можно классифицировать на четыре основные категории: обеспечение занятости социально уязвимых категорий граждан (инвалидов, одиноких и многодетных родителей, пенсионеров, выпускников детских домов, беженцев, малоимущих и др.); реализация товаров, работ или услуг, произведенных указанными категориями, при доле доходов от такой деятельности не менее пятидесяти процентов и реинвестировании не менее половины чистой прибыли; производство товаров и оказание услуг для социально уязвимых групп (социально-бытовые, медицинские услуги, дополнительное образование, создание доступной среды); осуществление иных общественно полезных видов деятельности, не привязанных к конкретным потребителям (психолого-педагогические услуги, дошкольное и общее образование, культурно-просветительская деятельность).

Порядок признания субъекта малого или среднего предпринимательства социальным предприятием и формирования соответствующего перечня утвержден приказом Минэкономразвития России от 29 ноября 2019 года № 773 [16]. Рассматриваемый статус присваивается по заявительному принципу: документы подаются в уполномоченный орган субъекта Российской Федерации, после чего сведения о социальном предприятии вносятся в единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства.

Анализ российского законодательства показывает, что социальное предпринимательство может осуществляться в трех основных организационно-правовых формах. Так, индивидуальные предприниматели действуют на основе статьи 23 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), несут ответственность по своим обязательствам всем принадлежащим им имуществом и ведут упрощенный учет доходов и расходов [17]. Правовой статус общества с ограни-

ченной ответственностью регулируется ГК РФ и Федеральным законом «Об обществах с ограниченной ответственностью», ответственность участников ограничена стоимостью внесенного имущества, а возможность привлечения инвестиций оценивается как высокая благодаря механизмам вхождения в состав участников и продажи долей [18]. Некоммерческие организации действуют на основе ГК РФ и Федерального закона «О некоммерческих организациях», их основной целью является достижение уставных целей, а прибыль не подлежит распределению между участниками [19]. Ответственность они несут своим имуществом, а возможность привлечения инвестиций крайне ограничена и сводится к займам, грантам и пожертвованиям.

Принципиальное значение имеет тот факт, что некоммерческие организации не могут быть признаны субъектами малого и среднего предпринимательства и, как следствие, не вправе получить официальный статус социального предприятия в значении Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». Вместе с тем некоммерческие организации вправе осуществлять приносящую доход деятельность, если это предусмотрено уставом и служит достижению целей создания организации. Однако в российской правовой доктрине предпринимательская деятельность традиционно отождествляется с коммерческой, то есть направленной на систематическое извлечение прибыли в качестве основной цели (ст. 2 ГК РФ), тогда как приносящая доход деятельность НКО носит вспомогательный характер и жестко ограничена уставными целями.

Это создает фундаментальное противоречие: с одной стороны, социально ориентированные организации нуждаются в устойчивых рыночных механизмах финансирования, чтобы снизить зависимость от грантов и пожертвований, а с другой – действующее законодательство не предлагает им адекватной организационно-правовой формы, которая позволяла бы легально совмещать социальную миссию с полноценной предпринимательской деятельностью и распределением прибыли. В зарубежных правопорядках ответом на этот запрос стало появление гибридных форм, в частности рассмотренных выше социальных корпораций (Benefit corporation), которые юридически обязывают компанию следовать общественно полезной цели наряду с извлечением прибыли и защищают управленческие решения, принятые в интересах стейкхолдеров, от исков акционеров о нарушении фидуциарной обязанности максимизации дохода. Отсутствие в российском корпоративном праве аналогичного института вынуждает учредителей социальных предприятий делать выбор между статусом коммерческой организации, не защищающим социальную миссию от размывания в процессе осуществления коммерческой деятельности, и статусом НКО, ограничивающим масштабирование и инвестиционную привлекательность. Таким образом, легализация организационно-правовой формы, сопоставимой с социальной корпорацией, могла бы восполнить существующий правовой пробел, предоставив социальным предпринимателям инструмент, позволяющий действовать в рыночной среде без риска утраты заявленной общественно полезной направленности.

Изложенное позволяет выделить следующие принципиальные различия между американской и российской моделями правового регулирования социального предпринимательства, а также ряд предложений по внесению изменений в действующее законодательство.

1. Американская модель базируется на создании специализированных организационно-правовых форм, которые имеют особый правовой статус, закрепленный в корпоративных законах штатов. Российская модель использует функциональный подход, при котором статус социального предприятия присваивается в рамках существующих организационно-правовых форм при соответствии установленным критериям.

2. В США специальные формы доступны для организаций любого размера, включая крупные корпорации, тогда как российское регулирование распространяется исключительно на субъекты малого и среднего предпринимательства, что обеспечивает поддержку малого и среднего бизнеса, но исключает возможность применения данного статуса крупным бизнесом.

3. Американское законодательство предусматривает сложные корпоративные механизмы защиты социальной миссии, включая специальные фидуциарные обязанности директоров учитывать общественные интересы, право акционеров на принудительное исполнение общественной цели и квалифицированное большинство при голосовании для изменения уставных целей. Российское законодательство таких механизмов не содержит, и защита социальной миссии осуществляется преимущественно через административные механизмы, такие как контроль за целевым использованием средств и требование реинвестирования прибыли, а также через договорные конструкции.

4. Американские организационно-правовые формы юридических лиц общественной пользы требуют публичной отчетности о достижении общественных целей по сторонним стандартам, тогда как российское законодательство предусматривает отчетность перед уполномоченными органами для подтверждения статуса, но не требует обязательной публичной нефинансовой отчетности и оценки по независимым стандартам. Существующие требования к раздельному учету доходов и расходов некоммерческих организаций фактически носят фискальный, а не публично-отчетный характер.

5. В американской модели эти механизмы закреплены на уровне закона и обеспечивают баланс интересов инвесторов, менеджмента и общества [20], тогда как российское законодательство в настоящее время не предоставляет в столь строго определенной форме юридическую защиту, что создает риски размывания социальной миссии при масштабировании бизнеса.

В настоящее время в поле отечественного правового обеспечения социально ответственной деятельности наблюдается отсутствие эффективных корпоративных механизмов ее регулирования, а также фиксации и обеспечения исполнения социальной миссии, в том числе при смене собственников или изменении размера и структуры уставного капитала.

В связи с этим целесообразным представляется рассмотрение вопроса о введении в российское законодательство новой организационно-правовой формы – «Социальная корпорация», представляющей собою некоммерческую организацию корпоративного типа. Наличие данной организационно-правовой формы юридического лица позволило бы органично сочетать цели устойчивого развития и корпоративной социальной ответственности с механизмами корпоративного управления, выработанными отечественным акционерным законодательством. Речь идет, в частности, о многоуровневой системе органов управления, обеспечивающей баланс интересов участников и стейкхолдеров, о четком распределении компетенции между общим собранием и коллегиальным органом, а также о механизмах внутреннего контроля и обязательного аудита. Интеграция в структуру социальной корпорации независимых директоров и специализированных комитетов (по стратегии, по устойчивому развитию, по аудиту) позволила бы обеспечить профессиональный надзор за соблюдением социальной миссии, не прибегая исключительно к административно-властным методам регулирования. Кроме того, такая форма открывает возможность использования таких инструментов, как выпуск зеленых облигаций для привлечения социально ориентированных инвестиций. Тем самым социальная корпорация, оставаясь некоммерческой по своей правовой природе, приобретала бы преимущества, свойственные коммерческим корпорациям: прозрачность управления, инвестиционную привлекательность и операционную гибкость, – что в совокупности позволило бы преодолеть существующий разрыв между потребностями социального предпринимательства и ограниченными возможностями действующих организационно-правовых форм.

Данная организационно-правовая форма юридического лица – социальная корпорация – способна обеспечить решение особенно острой проблемы, а именно, сохранения целевого характера деятельности, то есть социально-ответственной направленности бизнеса.

В частности, данная проблема проявляется в ситуациях наследственного правопреемства. Переход активов, обремененных социальной миссией, к наследникам, не связанным обязательствами перед третьими лицами, создает риск полной утраты общественно полезной направленности предприятия либо его перепрофилирования в сугубо коммерческий проект. Действующее российское законодательство предлагает для решения этой задачи институт наследственного фонда, введенный в 2018 году, однако данная конструкция является труднореализуемой и финансово затратной: она предполагает необходимость составления нотариально удостоверенного решения об учреждении фонда еще при жизни наследодателя, разработку детального устава и условий управления, а также последующую регистрацию фонда уже после открытия наследства, что создает временной разрыв, в течение которого активы остаются без эффективного управления. В этих условиях новая организационно-правовая форма социальной корпорации могла бы выступить простой, понятной и быстро реализуемой альтернативой наследственному фонду. Устав социальной корпорации может заранее предусматривать механизмы сохранения социальной миссии при смене собственника, включая квалифицированное большинство голосов для изменения уставных целей, обязательства по поддержанию общественно полезной направленности. Таким образом, социальная корпорация способна обеспечить переход социально ориентированного бизнеса от учредителя к наследникам, минимизируя как временные, так и финансовые издержки по сравнению с наследственным

фондом, и одновременно гарантируя сохранение целевого характера деятельности в долгосрочной перспективе.

В настоящее время действующий механизм присвоения статуса социального предприятия носит преимущественно декларативный характер. Возможным направлением развития могло бы стать введение элементов принудительного исполнения общественных полезных целей или аналогичных механизмов судебной защиты общественных интересов при осуществлении предпринимательской деятельности, заявленной как социальной, разумеется после внесения изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации, Федеральный закон «О некоммерческих организациях» и смежные законодательные акты. Однако такое принуждение вряд ли является перспективным, тогда как внедрение новой организационно-правовой формы социальной корпорации охватывает все обозначенные цели социальной ответственности и устойчивого развития и гарантирует обеспечение их реализации на практике. Очевидно, что данное предложение предполагает дальнейшую научную концептуальную разработку и, возможно, экспериментальный режим апробации модели.

Литература

1. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 28.12.2024) [Электронный ресурс] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 31. – Ст. 4006; Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 16.07.2026).
2. Vermont Statutes Annotated. Title 11. Chapter 21 (2012) [Электронный ресурс] // Justia US Law: [site]. – URL: https://law.justia.com/codes/vermont/2012/title11/chapter21/ (дата обращения: 19.08.2026).
3. Maryland Code Annotated. Corporations and Associations. § § 5–6C-01 to –08 (2010 & Supplement 2017) [Электронный ресурс] // Maryland General Assembly: [official website]. – URL: https://mgaleg.maryland.gov/mgawebsite/Laws/StatuteText?article=gca&section=5–6C-01 (дата обращения: 19.08.2026).
4. California Corporations Code, Title 1, Division 1.5, § 14601 (Definitions) [Электронный ресурс] // California Legislative Information: [official website]. – 2023. – URL: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/codes.xhtml (дата обращения: 14.07.2026).
5. Delaware Code Annotated. Title 8. § § 361–368 (2013 & Supplement 2018) [Электронный ресурс] // Delaware Code Online: [official website]. – URL: https://delcode.delaware.gov/title8/c001/sc15/index.html (дата обращения: 19.08.2026).
6. Delaware Code Annotated. Title 6. § § 18–1201 to –1211 (2018) [Электронный ресурс] // Delaware Code Online: [official website]. – URL: https://delcode.delaware.gov/title6/c018/sc09/index.html (дата обращения: 19.08.2026).
7. Model Benefit Corporation Legislation / B Lab [Электронный ресурс] // Benefit Corporation: [official website]. – 2017. – URL: https://usca.bcorporation.net/benefit-corporation/ (дата обращения: 16.07.2026).
8. Mion G., Loza Adaui C.R. Understanding the purpose of benefit corporations: an empirical study on the Italian case [Электронный ресурс] // International Journal of Corporate Social Responsibility. – 2020. – Vol. 5. – Article 4. – DOI: 10.1186/s40991-020-00050-6. – URL: https://link.springer.com/article/10.1186/s40991–020–00050–6 (дата обращения: 20.08.2026).
9. Murray J.H. The Social Enterprise Law Market // Maryland Law Review. – 2016. – Vol. 75, no. 2. – P. 423–483.
10. Callison J.W. Putting New Sheets on a Procrustean Bed: How Benefit Corporations Address Fiduciary Duties, the Dangers Created, and Suggestions for Change [Электронный ресурс] // American University Business Law Review. – 2012. – Vol. 2, no. 1. – P. 85–128. – URL: https://ssrn.com/abstract=3154932 (дата обращения: 11.03.2026).
11. California Corporations Code § § 2500–3503 (West 2018) [Электронный ресурс]. – URL: https://law.onecle.com/california/corporations/title-1/division-1.5/chapter-1/ (дата обращения: 20.08.2026).
12. Reiser D.B. Theorizing Forms for Social Enterprise // Emory Law Journal. – 2013. – Vol. 62, no. 4. – P. 681–739.
13. Murray J.H. Social Enterprise Innovation: Delaware's Public Benefit LLC // University of Pennsylvania Journal of Business Law. – 2019. – Vol. 22, no. 1. – P. 1–55.
14. Brakman Reiser D., Dean S.A. Social Enterprise Law: Trust, Public Benefit, and Capital Markets. – New York: Oxford University Press, 2017. – P. 89–112.
15. Ручкина Г. Ф. К вопросу о соответствии понятия «предпринимательская деятельность» современным тенденциям, направленным на устойчивое развитие Российской Федерации // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2023. – № 11. – С. 84–92.
16. Об утверждении Порядка признания субъекта малого или среднего предпринимательства социальным предприятием и Порядка формирования перечня субъектов малого и среднего предпринимательства, имеющих статус социального предприятия: Приказ Минэкономразвития России от 29.11.2019 № 773 (ред. от 22.02.2024) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.02.2020).
17. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
18. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 7. – Ст. 785.
19. О некоммерческих организациях: Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 145.
20. Strine L.E. The Delaware Way: How We Do Corporate Law and Some of the New Challenges We (and Europe) Face // Delaware Journal of Corporate Law. – 2015. – Vol. 39, no. 3. – P. 673–698.

ORGANIZATIONAL AND LEGAL FORMS OF COMMERCIAL ORGANIZATIONS FOCUSED ON ACHIEVING SOCIALLY BENEFICIAL GOALS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE UNITED STATES

Kremleva O.K., Boryaev S.A.
Saint Petersburg State University of Economics

This article presents a comparative analysis of the legal framework for achieving social goals in entrepreneurial activity in the Russian Federation and the United States through the formation of special organizational and legal forms of legal entities. It examines the evolution of American legislation on the organizational and legal forms of legal entities focused on achieving socially beneficial goals. The key characteristics, advantages, and risks of socially responsible organizations are discussed. The article outlines the specific features of the Russian approach to the legal regulation of socially significant public relations, the criteria for classifying small and medium-sized businesses as social enterprises, and the existing organizational and legal forms for implementing such activities. Conceptual differences between the two models of legal regulation are identified, and proposals for improving Russian legislation, taking into account the American experience, are formulated.

Keywords: social entrepreneurship; small and medium-sized businesses under Russian law; American legal entities, public benefit corporations, social purpose corporations.

References

1. On the Development of Small and Medium-Sized Entrepreneurship in the Russian Federation: Federal Law of July 24, 2007 No. 209-FZ (as amended on December 28, 2024) [Electronic resource] // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2007. – No. 31. – Art. 4006; Official Internet Portal of Legal Information. – URL: http://pravo.gov.ru (date of access: July 16, 2026).
2. Vermont Statutes Annotated. Title 11. Chapter 21 (2012) [Electronic resource] // Justia US Law: [site]. – URL: https://law.justia.com/codes/vermont/2012/title11/chapter21/ (date of access: August 19, 2026).
3. Maryland Code Annotated. Corporations and Associations. § § 5–6C-01 to –08 (2010 & Supplement 2017) [Electronic resource] // Maryland General Assembly: [official website]. – URL: https://mgaleg.maryland.gov/mgawebsite/Laws/StatuteText?article=gca&section=5–6C-01 (date of access: August 19, 2026).
4. California Corporations Code, Title 1, Division 1.5, § 14601 (Definitions) [Electronic resource] // California Legislative Information: [official website]. – 2023. – URL: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/codes.xhtml (date of access: July 14, 2026).
5. Delaware Code Annotated. Title 8. § § 361–368 (2013 & Supplement 2018) [Electronic resource] // Delaware Code Online: [official website]. – URL: https://delcode.delaware.gov/title8/c001/sc15/index.html (date of access: August 19, 2026).
6. Delaware Code Annotated. Title 6. § § 18–1201 to –1211 (2018) [Electronic resource] // Delaware Code Online: [official website]. – URL: https://delcode.delaware.gov/title6/c018/sc09/index.html (date of access: August 19, 2026).
7. Model Benefit Corporation Legislation / B Lab [Electronic resource] // Benefit Corporation: [official website]. – 2017. – URL: https://usca.bcorporation.net/benefit-corporation/ (date of access: 16.07.2026).
8. Mion G., Loza Adaui C.R. Understanding the purpose of benefit corporations: an empirical study on the Italian case [Electronic resource] // International Journal of Corporate Social Responsibility. – 2020. – Vol. 5. – Article 4. – DOI: 10.1186/s40991-020-00050-6. – URL: https://link.springer.com/article/10.1186/s40991–020–00050–6 (date of access: 20.08.2026).
9. Murray J.H. The Social Enterprise Law Market // Maryland Law Review. – 2016. – Vol. 75, no. 2. – P. 423–483.
10. Callison J.W. Putting New Sheets on a Procrustean Bed: How Benefit Corporations Address Fiduciary Duties, the Dangers Created, and Suggestions for Change [Electronic resource] // American University Business Law Review. – 2012. – Vol. 2, no. 1. – P. 85–128. – URL: https://ssrn.com/abstract=3154932 (accessed: March 11, 2026).
11. California Corporations Code § § 2500–3503 (West 2018) [Electronic resource]. – URL: https://law.onecle.com/california/corporations/title-1/division-1.5/chapter-1/ (accessed: August 20, 2026).
12. Reiser D.B. Theorizing Forms for Social Enterprise // Emory Law Journal. – 2013. – Vol. 62, no. 4. – P. 681–739.

13. Murray J.H. Social Enterprise Innovation: Delaware's Public Benefit LLC // University of Pennsylvania Journal of Business Law. – 2019. – Vol. 22, no. 1. – P. 1–55.

14. Brakman Reiser D., Dean S.A. Social Enterprise Law: Trust, Public Benefit, and Capital Markets. – New York: Oxford University Press, 2017. – P. 89–112.

15. Ruchkina G.F. On the Conformity of the Concept of "Entrepreneurial Activity" to Modern Trends Aimed at Sustainable Development of the Russian Federation // Property Relations in the Russian Federation. – 2023. – No. 11. – P. 84–92.

16. On approval of the Procedure for recognizing a small or medium-sized business entity as a social enterprise and the Procedure for forming a list of small and medium-sized businesses with the status of a social enterprise: Order of the Ministry of Economic Development of Russia dated November 29, 2019 No. 773 (as amended on February 22, 2024) [Electronic resource] // Official Internet portal of legal information. – URL: http://www.pravo.gov.ru (date accessed: February 3, 2020).

17. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on August 8, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.

18. On Limited Liability Companies: Federal Law of 08.02.1998 No. 14-FZ (as amended on 08.08.2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1998. – No. 7. – Item 785.

19. On Non-Commercial Organizations: Federal Law of 12.01.1996 No. 7-FZ (as amended on 08.08.2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 3. – Item 145.

20. Strine L.E. The Delaware Way: How We Do Corporate Law and Some of the New Challenges We (and Europe) Face // Delaware Journal of Corporate Law. – 2015. – Vol. 39, no. 3. – P. 673–698.

Структура гражданской правосубъектности Российской Федерации

Белкин Семён Яковлевич,
соискатель, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»
E-mail: Belkin-semon@yandex.ru

В статье исследуется правовая природа государственного контракта и государственного оборонного контракта как особой смешанной правовой конструкции, в рамках которой публичные цели государства достигаются посредством частноправовых инструментов. Автор, опираясь на положения гражданского законодательства, доктринальные подходы и судебную практику, анализирует структуру гражданской правосубъектности публично-правовых образований и их органов, а также особенности реализации правосубъектности в контрактных отношениях. Обосновывается вывод о том, что государственный контракт, сохраняя признаки гражданско-правового договора, содержит значительный публично-правовой элемент, что проявляется в особом порядке заключения, исполнения и контроля, а также в специальных требованиях к субъектному составу. Особое внимание уделено специфике государственного оборонного заказа, где публичный интерес доминирует, а частноправовые инструменты получают значительные ограничения.

Ключевые слова: государственный контракт, государственный оборонный заказ, гражданская правосубъектность, Российская Федерация, публично-правовое образование, договор, частное право, публичное право, смешанная правовая конструкция.

Правосубъектность как фундаментальная категория гражданского права, традиционно понимаемая как способность лица быть субъектом правоотношений, выступает необходимой предпосылкой осуществления субъективных прав и обязанностей [1, с. 164]. В структуре гражданской правосубъектности выделяются правоспособность как абстрактная возможность иметь права и обязанности, и дееспособность как способность своими действиями их приобретать и осуществлять [3, с. 136]. Деликтоспособность, как способность нести ответственность за причиненный вред, также является неотъемлемым элементом, причем ее самостоятельная роль в структуре правосубъектности в последнее время получает все большее признание [4, с. 39–40].

Особый интерес представляет правосубъектность особого субъекта гражданского права – государства Российской Федерации и ее субъектов. Вступая в гражданские отношения, государство действует в особом качестве – как носитель суверенной власти, что придает его правосубъектности специфические черты. В связи с этим возникает вопрос: как именно правосубъектность государства реализуется в конкретном институте гражданского права, в государственном контракте, и в особенности, в государственном оборонном контракте (далее – ГОЗ), где публичный интерес достигает своего максимального выражения.

Данный вопрос выводит на проблему правовой природы государственного контракта как смешанной правовой конструкции, в которой тесно переплетены публично-правовые и частноправовые начала. Решение этой проблемы имеет как теоретическое, так и практическое значение, поскольку от ответа на вопрос о юридической природе контракта зависит выбор правовых средств регулирования, способы защиты прав сторон и механизмы контроля.

Государственный контракт в российском праве традиционно рассматривается как вид гражданско-правового договора, регулируемый нормами Гражданского кодекса Российской Федерации и Федерального закона № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Однако, как справедливо отмечается в литературе, «особенности правового регулирования военных закупок предопределяются, прежде всего, целевым, военным характером производимых товаров, выполняемых работ и оказываемых услуг» [7, с. 80]. Именно эта особенность выводит государственный оборонный контракт за рамки стандартной договорной модели.

Правосубъектность государства как заказчика в этих отношениях проявляется в том, что оно одновременно является носителем публичной власти (определяющим потребности обороны и безопасности) и субъектом гражданского оборота (заключающим контракты от своего имени). С одной стороны, заказчиком по данному договору выступает прежде всего государство, причем в лице федеральных органов исполнительной власти или уполномоченных госкорпораций (Росатом, Роскосмос) [7, с. 82]. С другой стороны, для заключения контракта используются частноправовые инструменты – договор, конкурс, аукцион, то есть те же механизмы, что и в сфере предпринимательской деятельности [8, с. 104].

Наиболее ярко смешанная природа государственного контракта проявляется в сфере государственного оборонного заказа. Как показывают исследования, система размещения государственного оборонного заказа имеет собственную организационную структуру, которая включает объект, субъекты, а также органы государственного и военного управления [8, с. 103]. Это не просто гражданско-правовые отношения, а военно-экономические отношения, требующие особого управления.

В доктрине выделяется ряд особенностей, присущих государственному оборонному контракту. Во-первых, это жесткая нормативно-правовая регламентация, включая государственное регулирование цен. Во-вторых, низкий уровень конкуренции либо ее полное отсутствие вследствие высокой монополизации производства отдельных видов вооружения. В-третьих, особый порядок расчетов с использованием отдельных счетов в уполномоченных банках [10, с. 111]. В-четвертых, обязанность исполнителя иметь лицензию на работу со сведениями, составляющими государственную тайну, а также строгий целевой характер использования бюджетных средств [6, с. 143].

Все эти особенности свидетельствуют о том, что частноправовой механизм государственного контракта, основанный на принципе авто-

номии воли и свободе договора, в сфере гособоронзаказа подвергается значительным ограничениям. Исполнитель по контракту в рамках государственного оборонного заказа не может направлять денежные средства, полученные в качестве аванса, на любые иные расходы [6, с. 143]. То есть свобода экономического поведения, столь характерная для частного права, здесь существенно урезана публичным интересом.

Публичный характер этих отношений проявляется и в особом статусе государственного заказчика. Согласно Федеральному закону № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе», государственный заказчик не только размещает заказ, но и осуществляет контроль за исполнением контракта, в том числе контроль за целевым использованием бюджетных средств, а также вправе получать информацию о кооперации исполнителей [8, с. 106]. Эти полномочия выходят за рамки обычных прав кредитора в договорном обязательстве и носят публично-правовой характер.

Не менее значимым является и вопрос о субъектной природе государственного заказчика. Орган государственной власти, выступающий в обороте от имени Российской Федерации или ее субъекта, является одновременно и элементом системы публичного управления. В этой связи возникает проблема разграничения двух статусов: государственного органа как субъекта публичного права (власти) и как участника гражданских правоотношений (лица, действующего от имени публично-правового образования). От правильного решения этого вопроса зависит, будет ли контракт рассматриваться как частноправовая сделка с элементом власти или как публично-правовое соглашение, облеченное в договорную форму.

Именно здесь правосубъектность государства играет ключевую роль. Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования признаются самостоятельными субъектами гражданского права, обладающими правоспособностью и дееспособностью, но их правосубъектность имеет ряд особенностей: она носит целевой (публичный) характер, объем ее ограничен публичными функциями, а способы ее реализации строго регламентированы. Как справедливо подчеркивает Е.А. Останина, гражданская правосубъектность не является статичной категорией и тесно связана с волей лица, а также с его возможностью самостоятельно принимать решения [5, с. 60]. В отношении государства, это положение приобретает особое значение: воля государства как заказчика формируется не на основе частного интереса, а на основе публичных целей, закрепленных в нормативных актах.

Изучение практики реализации государственного оборонного заказа в 2022–2024 годах подтверждает тезис о преобладании публичного начала в этой сфере. В условиях проведения специальной военной операции основным инструментом управления процессов планирования и производства направлен на реалистичную оценку потребностей потенциалов роста выпуска ВВСТ для нужд российской армии [2, с. 287]. Рост объема финансирования ГОЗ более чем в три раза, а также изменение его структуры в сторону приоритетного финансирования поставок вновь изготовленных образцов, говорит о том, что контрактные отношения здесь подчинены исключительно оборонным целям [9, с. 152].

Такой подход коррелирует с волевой теорией правосубъектности, в соответствии с которой субъект права действует своей волей и в своем интересе [5, с. 62]. Однако в сфере государственного заказа государство как субъект права действует не в своем частном интересе, а в публичном интересе – интересе общества, обороны и безопасности. Это позволяет говорить о том, что воля государства в контрактных отношениях является «публичной волей», облеченной в частноправовую форму.

Характерно, что особенности государственного оборонного контракта проявляются не только в статике (требованиях к участникам, цене, срокам), но и в динамике исполнения. В Минобороны России создана система мониторинга хода выполнения контрактных обязательств, которая включает военные представительства и позволяет осуществлять еженедельный контроль [9, с. 153]. Такая система контроля не характерна для частноправовых договоров, где проверка исполнения возлагается на самого кредитора и осуществляется дискреционно. Здесь же контроль является системным, иерархичным и обязательным, что роднит его с административным надзором.

Не менее важным является и вопрос об ответственности по государственному оборонному контракту. Анализ судебной практики и доктрины показывает, что государство как заказчик имеет право на применение как договорных (неустойка), так и публично-правовых санкций (включение в реестр недобросовестных поставщиков, привлечение к административной ответственности) [7, с. 85]. Такое сочетание мер воздействия еще раз подтверждает смешанную природу данного договора.

Таким образом, государственный контракт (особенно в сфере оборонного заказа) представляет собой сложный правовой гибрид. С одной стороны, он содержит все элементы гражданско-правового договора: две стороны, имущественный характер, эквивалентность, возмездность, возможность судебной защиты. С другой стороны, он включает публично-правовые элементы: участие публичного субъекта (государства), строго целевой характер, особый порядок заключения, приоритет публичного интереса, контрольные полномочия государства. Достижение публичной цели (обеспечение обороны и безопасности) осуществляется через частноправовые инструменты (договор, ценообразование, конкурсные процедуры), что и дает основание называть государственный контракт смешанной правовой конструкцией.

С точки зрения теории правосубъектности, данная конструкция опирается на особую правосубъектность государства, которая не сводится к простой совокупности прав и обязанностей, а включает в себя и публичные полномочия, и частноправовые возможности. Эта двойственность, как справедливо замечают исследователи, приводит к ряду проблем, связанных с разграничением частного и публичного интереса, определением объема прав и обязанностей сторон и механизмов контроля [2, с. 288].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что государственный контракт, и особенно государственный оборонный контракт, является не просто особым видом гражданско-правового договора, а самостоятельной смешанной правовой конструкцией.

Публичный субъект (государство) вступает в гражданский оборот, но при этом не утрачивает своих властных полномочий, которые проявляются в установлении специального правового режима контрактов, в контроле за их исполнением, в применении публично-правовых санкций. Частноправовые инструменты (договор, конкурс, возмездность) выступают здесь средством достижения публичных целей. Особую роль в этом механизме играет гражданская правосубъектность государства, которая носит двойственный (публично-частный) характер. Понимание этого позволяет более точно определить правовую природу государственного контракта, учесть все особенности его регулирования и разработать эффективный механизм защиты прав как заказчика, так и исполнителя.

Литература

1. Белозерцева В.В. Правосубъектность как предпосылка осуществления субъективного гражданского права //Алтайский юридический вестник. – 2022. – № . 4 (40). – С. 163–167.
2. Вотченко И. А., Петухова М.В., Кокорев А.С. Теоретические и практические аспекты реализации государственного оборонного заказа Российской Федерации //Образование и право. – 2025. – № . 1. – С. 285–292.
3. Газизова А. Ф., Фирсова Н.В. Гражданская правосубъектность граждан: понятие и содержание //Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № . 12–2. – С. 136–138.
4. Матанцев Д.А. Деликтоспособность как элемент гражданской правосубъектности физических лиц //Юридическая наука. – 2021. – № . 12. – С. 39–43.
5. Останина Е.А. Волевая теория гражданской правосубъектности физического лица //Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2026. – № . 2. – С. 59–80.
6. Павлов Д.М. Особенности, проблемы и пути их решения при строительстве в рамках государственного заказа, а также государственного оборонного заказа //Образование и право. – 2021. – № . 12. – С. 142–148.
7. Пурге А.Р. Особенности гражданско-правового регулирования государственного оборонного контракта в России //Административное и муниципальное право. – 2023. – № . 2. – С. 80–90.
8. Семенцова А. А., Кузнецов В.И. Государственное управление формированием и размещением государственного оборонного заказа //Образование и право. – 2020. – № . 1. – С. 102–109.
9. Терюхов Я. И., Сосков М.Н. Совершенствование мониторинга реализации государственного оборонного заказа в современных условиях //Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2025. – Т. 15. – № . 5. – С. 149–159.
10. Хорунжий И.А. Актуальные проблемы использования отдельного счета, открытого в рамках государственного оборонного заказа // Образование и право. – 2023. – № . 12. – С. 111–116.

STRUCTURE OF CIVIL LEGAL PERSONALITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Belkin S.Ya.
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

The article examines the legal nature of the state contract and the state defense contract as a special mixed legal construct within which the public purposes of the state are achieved

through private law instruments. The author, relying on the provisions of civil legislation, doctrinal approaches and judicial practice, analyzes the structure of civil legal personality of public law entities and their bodies, as well as the specifics of the implementation of legal personality in contractual relations. The conclusion is substantiated that the state contract, while retaining the features of a civil law contract, contains a significant public law element, which manifests itself in the special procedure for conclusion, execution and control, as well as in special requirements for the subject composition. Special attention is paid to the specifics of the state defense order, where the public interest dominates and private law instruments are subject to significant restrictions.

Keywords: state contract, state defense order, civil legal personality, Russian Federation, public law entity, contract, private law, public law, mixed legal construct.

References

1. Belozertseva V.V. Legal personality as a prerequisite for the exercise of subjective civil rights // Altai Law Journal. – 2022. – No. 4 (40). – Pp. 163–167.

2. Votchenko I. A., Petukhova M.V., Kokorev A.S. Theoretical and practical aspects of the implementation of the state defense order of the Russian Federation // Education and Law. – 2025. – No. 1. – Pp. 285–292.

3. Gazizova A. F., Firsova N.V. Civil legal personality of citizens: concept and content // International Journal of the Humanities and Natural Sciences. – 2021. – No. 12–2. – Pp. 136–138.

4. Matantsev D.A. Delictual capacity as an element of civil legal personality of natural persons // Legal Science. – 2021. – No. 12. – Pp. 39–43.

5. Ostanina E.A. The volitional theory of civil legal personality of a natural person // Law. Journal of the Higher School of Economics. – 2026. – No. 2. – Pp. 59–80.

6. Pavlov D.M. Features, problems and ways to solve them in construction within the framework of state orders and state defense orders // Education and Law. – 2021. – No. 12. – Pp. 142–148.

7. Purge A.R. Features of civil law regulation of the state defense contract in Russia // Administrative and Municipal Law. – 2023. – No. 2. – Pp. 80–90.

8. Sementsova A. A., Kuznetsov V.I. State management of the formation and placement of the state defense order // Education and Law. – 2020. – No. 1. – Pp. 102–109.

9. Teryukhov Ya. I., Soskov M.N. Improving the monitoring of the implementation of the state defense order in modern conditions // Proceedings of the Southwestern State University. Series: Economics. Sociology. Management. – 2025. – Vol. 15. – No. 5. – Pp. 149–159.

Отдельные аспекты развития и проявления свободы договора в российском праве

Васильев Леонид Эдуардович,
магистр юриспруденции, РГУП им. В.М. Лебедева;
юрисконсульт ООО «ОНЭЛИЯ»
E-mail: lener2001@mail.ru

Настоящая работа посвящена исследованию развития принципа свободы договора и его основных проявлений в российском праве с учетом исторического, сравнительно-правового и экономико-правового контекста. Цель исследования состоит в уточнении содержания свободы договора, выявлении её структурных элементов и изучении закономерностей трансформации в условиях усложнения правового регулирования. Методологическую основу данной работы составили формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой и системный методы, а также отдельные положения экономического анализа права. Рассмотрены дореволюционные подходы к рассматриваемой тематике, советское договорное право, современная российская доктрина, зарубежные кодификации и акты гармонизации частного права. Обосновано, что принцип свободы договора целесообразно раскрывать через три взаимосвязанных аспекта: автономное принятие решения о заключении договора и выборе контрагента; свободу определения содержания договора; интегральный аспект, охватывающий переговоры, форму договора, существенные условия, согласование с третьими лицами и конкурентные процедуры. Показано, что историческое развитие свободы договора не сводится к линейному расширению или сужению: оно характеризуется дифференциацией, усложнением и поиском баланса с добросовестностью, справедливостью, публичными интересами и защитой более слабых участников оборота. Научная значимость работы состоит в предложенной систематизации проявлений свободы договора и в соединении догматического анализа с оценкой социально-экономических предпосылок изменения договорной автономии.

Ключевые слова: свобода договора, автономия воли, договорное право, частное право, гражданское право, ограничения свободы договора, правоспособность, экономический анализ права.

Традиционно свобода договора считается одним из основополагающих понятий не только гражданского права, но и всего частного права в целом. При рассмотрении свободы договора необходимо раскрыть содержание данного понятия и используемую при его изучении методологию.

Материалами исследования послужили нормы российского и зарубежного гражданского законодательства, акты гармонизации частного права, судебные акты, а также отечественные и зарубежные доктринальные источники о свободе договора, частной автономии и договорном регулировании. В работе использованы формально-юридический метод для анализа содержания правовых норм и доктринальных конструкций, историко-правовой метод для сопоставления дореволюционного, советского и современного этапов развития договорной свободы, сравнительно-правовой метод для обращения к зарубежным кодификациям и системный метод для выделения взаимосвязанных аспектов свободы договора.

Г.Ф. Шершеневич писал, что свобода договора наряду с правом частной собственности является одной из основ современного правопорядка. Свобода договора в Российской империи была сформулирована в законодательстве следующим образом: «Договаривающимся сторонам оставляется на волю включать в договор по обоюдному согласию и по их усмотрению всякие условия, законам не противные» [1, с. 456].

Несмотря на достаточную узость законодательных формулировок, дореволюционные правоведы понимали свободу договора более широко. Так, И.А. Покровский считал, что принцип свободы договора является верховным началом всего гражданского права, его краеугольным камнем, уничтожение которого означало бы паралич всей гражданской жизни [2, с. 247–248]. В «Основных проблемах гражданского права» исследователь довольно подробно описал принцип свободы договора, выделив его отрицательную (негативную) и положительную (позитивную) сторону.

Отрицательная сторона свободы договора подразумевает отсутствие обязанности (принудительности) вступления в договорные правоотношения. Иными словами, волеизъявление частного лица на вступление в договор, в сущности, не может и не должно подменяться чужим волеизъявлением (законодателя или иного лица). Данный подход автоматически означает признание принципа автономии воли сверхимперативным принципом гражданского права. Однако И.А. Покровский отмечает, что данная сторона не абсолютна и знает соответствующие ограничения. К таковым относится, например, регулирование договорных правоотношений с участием государственных монополий, где наличие автономии воли у субъектов, обладающих значительной рыночной властью, может приводить к заметным ущемлениям их контрагентов. В целом И.А. Покровский считал такое сужение свободы договора верным.

Положительная сторона свободы договора заключается в праве частных лиц заключать договоры любого содержания, если это не противоречит закону. По мнению И.А. Покровского, данная сторона является следствием того, что договор – универсальная форма определения частных отношений, удовлетворения индивидуальных интересов [2]. Современное понимание свободы договора во многом опирается на позицию И.А. Покровского.

В правовых актах советского времени свободе договора не было уделено значительного внимания. В основном, свобода договора была эксплицитно «вшита» в правоспособность субъектов гражданского права. В ст. 5 ГК РСФСР 1922 г. предусматривалось, что правоспособность граждан РСФСР включает в себя право совершать сделки и вступать в обязательства. Схожие правила были установлены в ст. 13 и 16 и для юридических лиц [3]. Названный кодекс имплицитно содержал в себе принцип свободы договора, однако, должного политико-правового ввиду особенностей социально-экономического устройства СССР рассматриваемый принцип не получил.

В ГК РСФСР 1964 г. было признано, что гражданские права и обязанности могут возникать «из сделок, предусмотренных законом, а также из сделок, хотя и не предусмотренных законом, но не противоречащих ему» (ст. 4) [4]. Из содержания правоспособности граждан было исключено упоминание возможности совершения сделок и вступления в обязательства. Такое юридико-техническое решение способ-

но проиллюстрировать отсутствие значительного внимания к принципу свободы договора со стороны советского законодателя.

В процессе трансформации позднесоветской плановой экономики в рыночную принцип свободы договора получал всё более явное выражение. Так, в Основы гражданского законодательства Союза ССР 1991 г. из ГК РСФСР 1964 г. перешло положение, согласно которому гражданские права и обязанности возникают из договоров и иных сделок, предусмотренных законодательством, а также из сделок, хотя и не предусмотренных им, но не противоречащих законодательству (ст. 3). В правоспособность гражданина уже прямо была включена возможность «совершать любые не запрещенные законодательством сделки и участвовать в обязательствах» (п. 2 ст. 9) [5].

В целом при анализе советского законодательства прослеживается тенденция к постепенному повышению внимания к институту гражданско-правового договора и к свободе его заключения. В макроэкономическом плане договорная свобода в СССР была подчинена государственному планированию. Хотя договор и был одной из основных форм имущественных отношений между советскими «социалистическими» организациями, он в целом не мог противоречить плану.

Что касается свободы договора как свободы формирования воли и соответствующего ей волеизъявления, Р.О. Халфина указывала на то, что плановое задание определяет содержание воли социалистической организации. Иной воли, кроме воли, предписанной (сформулированной) плановым заданием, у организации нет. В противном же случае сама договорная форма была бы не нужна [6, с. 81].

Противоположной позиции придерживается А.А. Волос, считающий, что свобода договора в СССР практически не существовала [7], а также многие другие авторы [8, с. 287].

О.С. Иоффе называл принцип свободы договора вторым важнейшим началом буржуазного гражданского права. «Свобода договоров, с точки зрения сущности буржуазного законодательства, есть свобода распоряжения частной собственностью, ничем не ограниченная циркуляция имущества», – считал учёный [9, с. 36–50]. В данном тезисе можно найти очень важную идею для понимания отличий в правовых и экономических подходах к пониманию договора в «социалистических» (а точнее – политарных [10, с. 134–209]) странах, основанных на плановой экономике, и капиталистических странах с рыночной экономикой.

Общества, базирующиеся на рыночной экономике, объективно нуждаются в свободе договора для перемещения экономических ресурсов в наиболее прибыльные отрасли. Более того, функционирование современных капиталистических (денежных) экономик в целом построено на «форвардных контрактах» [11], которые более или менее свободно (добровольно) заключаются на рынке. Соответственно, механизм функционирования экономик, основанных на частной собственности на средства производства, а также свободном найме рабочих, предполагает гарантирование и защиту свободы заключения договора.

Свобода договора в рыночной системе также имеет организационный и конкурентный аспекты. Первый заключается в том, что взаимодействия внутри реального и финансового секторов экономики и между ними в капиталистических странах основаны на договорах. Это универсальное правовое средство, структурирующее экономику на всех уровнях: от производства товаров (работ, услуг и пр.) до их распределения и управления соответствующими организациями-производителями. На основе договоров определяется порядок взаимодействия рыночных агентов между собой. Что касается второго аспекта, то зачастую рыночный агент, сумевший предложить лучшие договорные условия (наиболее выгодные для контрагента и сбалансированные в целом), получает значительную выгоду, выражающуюся не только в прибыли, но и в наличии лояльного контрагента, с которым потенциально можно выстраивать долгосрочное сотрудничество.

В советской системе хозяйственные договоры были средством реализации, прямо или опосредованно, интересов государства, а в капиталистической системе предпринимательские (b2b) договоры опосредуют прежде всего реализацию интересов частных лиц, хотя и здесь они ограничены императивными принципами и нормами права, публичными интересами и необходимостью защиты иных субъектов экономической деятельности.

В п. 2 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации [12] (далее – ГК РФ) закреплено, что граждане и юридические лица свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и определении любых не противоречащих законодательству условий договора. Подп. 1 п. 1 ст. 8 ГК РФ «унаследовал» положение ГК РСФСР 1964 г. и Основ гражданского законодательства Союза ССР 1991 г.

В ст. 421 ГК РФ закреплены следующие основные аспекты свободы договора:

1. Возможность по своему усмотрению вступать или не вступать в договорные правоотношения;
2. Возможность заключать договоры с любыми лицами по своему выбору или не заключать договор вообще (за исключением предусмотренных законом или обязательством случаев);
3. Возможность заключать договор как предусмотренный (поименованный), так и не предусмотренный законом (непоименованный);
4. Возможность заключить договор с любым не противоречащим закону содержанием, в том числе смешанный договор.

Таким образом, можно констатировать некоторое «сверхисчерпывающее» декларирование принципа свободы договора на уровне закона.

Анализ юридической доктрины позволяет сделать вывод о том, что при рассмотрении свободы договора правоведы чаще всего ограничиваются перечислениями тех её аспектов, которые обозначены в законе. Данный тезис может быть подтверждён на примере работ Е.А. Суханова [13, с. 168–171], М.И. Брагинского [14, с. 153–154], а также ряда других авторов [15, с. 507–512]. Вместе с тем некоторые современные исследователи делают акцент на таких проявлениях свободы договора, как свобода ведения переговоров [16], свобода выбора формы и порядка заключения договора [17].

Достаточно точное определение свободы договора дал М.Ф. Казанцев, указав, что принцип свободы договора – это принцип гражданского права, в силу которого субъекты гражданского права имеют возможность заключать любые гражданско-правовые договоры, определять любые их условия, не противоречащие законодательству [18, с. 275]. Однако рассматриваемое определение нужно дополнить указанием на возможность автономного выбора контрагента.

Говоря о значении принципа свободы договора, Ю.В. Романец называл принцип одним из проявлений и гарантией личной свободы, а также потенциальным стимулом творческой активности [19, с. 62–63].

По мнению В.А. Белова, свобода договора точно не исчерпывается обозначенными в ст. 421 ГК РФ аспектами. В частности, учёный предлагает прямо закрепить право сторон подчинить договор иностранному праву даже в случае, если правоотношения сторон не осложнены иностранным элементом (за исключением сверхимперативных норм), свободу трансформирования правового режима договорных правоотношений, свободу отказа от прав, распоряжения ими, их осуществления и защиты, а также свободу решения вопроса об оглашении договора [20, с. 193–197].

Во многом предложения В.А. Белова основаны на понимании свободы договора в английском праве, известном своей казуистичностью [21, с. 51]. Ученому явно удалось конкретизировать третий и четвёртый из обозначенных в законе аспектов свободы договора, хотя и в несколько утилитарной форме.

Некоторые авторы в целом продолжают руководствоваться методологией профессора Покровского. Так, А.Г. Карапетов и А.И. Савельев выделяют процедурный и содержательный аспекты свободы договора. Первый, по мнению учёных, реализуется в праве свободного выбора контрагента и принятии решения о заключении договора. Соответственно, не допускается без необходимости ограничение свободной кооперации, а также принуждение к контрактированию [22, с. 79]. Второй же включает в себя возможность участников оборота по собственному усмотрению выбирать и определять тип и условия контракта, включая цену, а также иные права и обязанности сторон [8, с. 25–26].

Как представляется, систематизация содержания свободы договора, используемая И.А. Покровским и, вслед за ним, А.Г. Карапетовым и А.И. Савельевым, является в целом удачной, хотя и нуждается в некоторых уточнениях.

Возможность по своему усмотрению вступать или не вступать в договорные правоотношения во многом «сливается» с возможностью заключать договоры с любыми лицами по своему выбору или не заключать договор вообще. В данном аспекте свободы договора подразумевается, что субъект права самостоятельно принимает решение о заключении договора. При этом представляется несколько неточным деление двух названных юридических возможностей, так как вступление в договорные правоотношения «вообще» (общее) всегда предполагает вступление в правоотношения с конкретным субъектом (частное). Более корректным представляется тезис о том, что субъекты гражданского права автономны при принятии решения о вступлении в договорные правоотношения, что априори включает выбор контрагента. Сама же степень автономии зависит от юридико-экономических характеристик конкретного субъекта права [23, с. 117–188].

В современной западной доктрине вступление в договорные отношения рассматривается как наиболее устойчивое ядро принципа свободы договора, тогда как выбор контрагента допускает больший

спектр ограничений [24]. Вместе с тем представляется, что более точным было бы суждение об ограничении в такой ситуации аспекта автономного принятия решения о заключении договора в целом.

Что касается возможности заключить поименованный или непоименованный, смешанный, а также любой иной не противоречащий закону договор, стоит отметить, что данные аспекты в общем и целом касаются свободы определения *условий* договора. Заключение договора конкретного вида подразумевает определённое распределение прав и обязанностей в договорном правоотношении и наличие соответствующих им условий. Соответственно, вторая важная грань свободы договора – это автономия субъектов права при определении условий договора-сделки и возникающих на его основе прав и обязанностей (договор-правоотношение).

Третий аспект свободы договора, который исследователи часто игнорируют, является пограничным между первыми двумя, опосредует процесс выбора (появления) контрагента и формирование договорных условий. В него, например, входит возможность по соглашению сторон изменить или расторгнуть договор (свобода определения динамики договора), определять удобную для себя форму договора, выбирать применимое к договору материальное и процессуальное право (для договоров, осложнённых иностранным элементом), а также свободно и без негативных последствий вести переговоры о заключении договора.

Свобода определения формы договора важна тем, что договорённости сторон не будут иметь юридической силы до тех пор, пока договору не будет придана соответствующая форма. В данном случае прослеживается взаимосвязь требований к форме договора с выбором контрагента и определением условий договора. Из зарубежных кодификаций автономное определение формы договора в качестве элемента принципа свободы договора признаёт Гражданский кодекс Франции (ст. 1102) [25]. Соответственно, обязанность придания договору определённой формы также ограничивает свободу договора, так как нарушение такого условия в силу прямого указания закона может влечь ничтожность договора.

Основное содержание свободы договора составляют выбор контрагента и определение содержания условий договора. Процесс переговоров, предписания о придании договору определённой формы, а также регулирование перечня существенных условий составляют самостоятельный (промежуточный, интегральный) пласт принципа свободы договора, качественно не укладывающийся в позитивный и негативный аспекты. Проблемным моментом является отнесение к одному из аспектов проведения конкурсных (конкурентных) процедур, так как с их помощью определяются контрагент и, зачастую, условия договора. Для целей настоящей работы торги будут отнесены к интегральному аспекту свободы договора.

Из неортодоксальных точек зрения на свободу договора также можно выделить позицию А.В. Ефимова, считающего, что принципа свободы договора как формы права не существует. Свобода договора, по мнению учёного, полностью охватывается содержанием правоспособности субъектов гражданского права [23, с. 117–189].

Переплетение свободы договора и правоспособности подчёркивается и в зарубежной литературе: «Правила о дееспособности представляются как попытка закона обеспечить общую способность сторон делать свободный выбор, а правила о принуждении, неправомерном влиянии и введении в заблуждение – как попытка закона обеспечить способность сторон делать свободный выбор в конкретных случаях» [26, p. 19].

В целом можно констатировать, что свобода договора призвана конкретизировать содержание правоспособности, уточнить границы частной автономии в части динамики возникновения, изменения и прекращения договорных связей. Соответственно, разное содержание правоспособности может обусловливать различный уровень договорной свободы в конкретных социально-экономических условиях исследуемого социума.

В условиях дифференциации правового регулирования и всё большего вторжения права в разные аспекты социальной жизни принцип свободы договора шаг за шагом утрачивает своё самостоятельное значение. В этом плане верны замечания исследователей, считающих, что свобода договора имеет лишь остаточное (по отношению к имеющемуся регулированию) значение [27, с. 41–42]. Например, в Гражданском кодексе Китайской Народной Республики, вступившем в силу с 01.01.2021, свобода договора вообще не упоминается. Данный принцип может быть косвенно выведен из ст. 5, предусматривающей возникновение, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей по усмотрению субъектов гражданского права; ст. 143, устанавливающей общие условия действительности сделок; а также ст. 467, посвящённой регулированию непоименованных договоров [28, с. 8, 37, 117].

Концепт свободы договора развивался довольно долго, однако во все времена он испытывал значительное влияние экономических условий. Изменения в экономической системе России вызвали к жизни и новое правовое регулирование, которое поддерживалось, обосновывалось и оправдывалось ссылками на свободу экономической деятельности и свободу личности. Однако со временем, когда рыночные отношения в обществе стабилизировались, «философия свободы» ГК РФ уступила своё место специальному правовому регулированию в различных сферах. Редко когда B2C и B2B договоры не подвержены специальному правовому регулированию вне ГК РФ. Кодекс хотя и остаётся одним из важнейших российских законов, но уже утратил свой титул «экономической конституции» [29, с. 596–600].

Динамика свободы определения содержания договора противоречива: расширяясь в одних аспектах, она сужается в других. Например, в постановлении Президиума ВАС РФ от 04.12.2012 № 8989/12 по делу № А28–5775/2011–223/12 было указано, что сделка по передаче имущества внутри холдинга не является дарением между коммерческими организациями, запрещённым подп. 4 п. 1 ст. 575 ГК РФ, а потому является допустимой [30].

В определении СКГД ВС РФ от 09.01.2018 № 32-КГ17–33 высший суд признал обеспечительную куплю-продажу имущества притворной сделкой, прикрывающей залог имущества, из чего следует, что правомерность обеспечительной уступки права собственности является как минимум спорной с точки зрения высшего суда [31].

Приведённые примеры иллюстрируют, что развитие свободы договора не является линейным процессом её расширения или сужения. В настоящее время доктрина всё чаще рассматривает свободу договора в системной связи с автономией воли, условиями их взаимного осуществления и пределами. Например, Р. Стоун обосновывает возможность содержательных ограничений свободы договора в целях поддержания справедливости как высшей ценности. При этом свобода договора необходима для снижения «нормативной неопределённости» (normative uncertainty), которая, обобщая, подразумевает отсутствие заранее сформулированных точных правил относительно взаимных прав и обязанностей сторон, сбалансированного распределения между ними благ и рисков [32].

Таким образом, современные исследования позволяют сделать вывод об усложнении и дифференциации свободы договора и её правового регулирования.

В завершение сказанное можно проиллюстрировать позицией В.К. Андреева, который писал, что главная причина усиливающегося в России социального неравенства – это, по сути, пренебрежение субъектами гражданского права (и прежде всего предпринимателями) интересами иных лиц и использование гражданских прав, а также свободы договора в ущерб иным членам общества [33].

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что принцип свободы договора проявляется в трёх различных, качественно отличных друг от друга, аспектах. Первый предусматривает возможность автономного принятия решения о заключении договора с конкретным контрагентом. Второй предполагает свободное определение сторонами условий договора. Третий аспект является в некотором смысле связующим звеном между предыдущими и может быть связан как со свободным определением контрагента (принятием решения о вступлении в договорные правоотношения), так и с определением условий договора. К третьему (интегральному) аспекту можно отнести свободу выбора формы договора, отсутствие ограничений в части дополнительных существенных условий договора и согласования с третьими лицами, проведение торгов и иных конкурентных процедур, а также свободу проведения переговоров.

Развитие свободы договора не может быть сведено исключительно к «сужению» или «расширению». Более корректно говорить о всё большем усложнении и дифференциации данного принципа. Развитие новых технологий постепенно ставит новые проблемы перед классическими догматическими построениями, основанными на главенстве свободы договора в частном праве в целом. При этом наблюдаются попытки сбалансировать принцип свободы договора с иными фундаментальными принципами права, например, справедливостью и добросовестностью, а также автономией воли участников экономических отношений.

Литература

1. Шершеневич Г.Ф. Избранное. Т. 5: Учебник русского гражданского права. – М.: Статут, 2017. – 832 с.

2. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – М.: Статут, 2020. – 351 с.

3. Гражданский кодекс РСФСР от 31.10.1922 // Собрание узаконий и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства. – 1922. – № 71. – Ст. 904.

4. Гражданский кодекс РСФСР от 11.06.1964 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1964. – № 24. – Ст. 406.

5. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик от 31.05.1991 № 2211-I // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1991. – № 26. – Ст. 733.

6. Халфина Р.О. Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве / отв. ред. В.Н. Можейко. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. – 239 с.

7. Волос А.А. Свобода договора в истории юриспруденции // Законность и правопорядок в современном обществе: сб. материалов XVII Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2014. – С. 42–51.

8. Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и ее пределы. Т. 1: Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений. – М.: Статут, 2012. – 452 с.

9. Иоффе О.С. Избранные труды. Т. II: Советское гражданское право. – СПб: Юридический центр Пресс, 2004. – 511 с.

10. Семёнов Ю.И. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. Философско-исторические очерки. – М.: ЛЕНАНД, 2019. – 376 с.

11. Розмаинский И.В. Введение в посткейнсианство // Идеи и идеалы. – 2010. – Т. 1, № 1 (3). – С. 88–105.

12. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

13. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 3: Общие положения об обязательствах и договорах. Договорные обязательства по передаче вещей в собственность или в пользование / отв. ред. Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2020. – 480 с.

14. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. – М.: Статут, 2011. – 847 с.

15. Гражданское право: общая часть: учебник / под ред. И.В. Бакаевой. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2018. – 573 с.

16. Райников А.С. Свобода переговоров как самостоятельный аспект принципа свободы договора: содержание и пределы // Ex jure. – 2024. – № 3. – С. 97–110.

17. Болдырев В.А., Максимов В.А. Свобода договора: эволюция правового принципа в эпоху информатизации // Правоприменение. – 2025. – Т. 9, № 2. – С. 118–129.

18. Казанцев М.Ф. Договорное регулирование. Цивилистическая концепция: учебник для вузов. – М.: Издательство Юрайт, 2025. – 393 с.

19. Романец Ю.В. Система договоров в гражданском праве России: монография. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. – 496 с.

20. Белов В.А. Гражданское право: в 4 т. Т. II. Общая часть: в 2 кн. Кн. 2. Факты: учебник для академического бакалавриата и магистратуры. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – 497 с.

21. Белых В.С. Договорное право Англии: сравнительно-правовое исследование: монография. – М.: Проспект, 2025. – 350 с.

22. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации: электронное издание, редакция 2.0 / отв. ред. А.Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2020. – 1425 с.

23. Ефимов А.В. Влияние экономических характеристик (показателей) на правовое положение юридических лиц: монография. – М.: Проспект, 2024. – 376 с.

24. Fabre-Magnan M. Constitutional Values and Freedom of Contract // European Review of Contract Law. – 2024. – Vol. 20, № 3. – P. 207–224.

25. French Civil Code 2016 // Trans-Lex.org. – URL: https://www.trans-lex.org/601101/_/french-civil-code-2016/ (дата обращения: 28.08.2026).

26. Exploring Contract Law / ed. by J.W. Neyers, R. Bronaugh, S. G.A. Pitel. – Oxford; Portland, Oregon: Hart Publishing, 2009. – XIX, 442 p.

27. Лушников А.М. Право и экономика: монография. – М.: Проспект, 2019. – 192 с.

28. Гражданский кодекс Китайской Народной Республики / отв. ред. перевода Ван Чжихуа. – М.: Проспект, 2025. – 368 с.

29. Андреев В.К. О соотношении Конституции и норм Гражданского кодекса Российской Федерации // Андреев В.К. Избранное: сборник научных трудов к 50-летию научной деятельности. – М.: РГУП, 2017. – 680 с.

30. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 04.12.2012 № 8989/12 по делу № А28–5775/2011–223/12. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

31. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 09.01.2018 № 32-КГ17–33. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

32. Stone R. Putting Freedom of Contract in its Place // Journal of Legal Analysis. – 2024. – Vol. 16, № 1. – P. 94–119.

33. Андреев В.К. О сочетании частных и публичных начал в правовом регулировании предпринимательской деятельности // Журнал российского права. – 2013. – № 1. – С. 21–25.

SELECTED ASPECTS OF THE DEVELOPMENT AND MANIFESTATIONS OF FREEDOM OF CONTRACT IN RUSSIAN LAW

Vasilev L.
Lebedev Russian State University of Justice, ONELIYA LLC

This article examines the development of the principle of freedom of contract and its principal manifestations in Russian law from the perspectives of legal history, comparative law, and law and economics. It aims to clarify the substance of freedom of contract, identify its constituent elements, and explore patterns of change amid increasingly complex legal regulation. The methodology combines doctrinal, historical, and comparative legal analysis with a systems approach and selected insights from economic analysis of law. The study considers pre-revolutionary approaches, Soviet contract law, contemporary Russian legal scholarship, foreign codifications, and instruments harmonizing private law. It argues that freedom of contract is best understood through three interrelated dimensions: autonomy in deciding whether, and with whom, to contract; freedom to determine contractual terms; and an integrative dimension encompassing negotiations, contractual form, essential terms, third-party consent, and competitive contracting procedures. Its historical development cannot be reduced to linear expansion or contraction: it involves differentiation, increasing complexity, and a search for a balance with good faith, fairness, public interests, and the protection of weaker parties. The study's scholarly contribution lies in the proposed systematization of these manifestations and combining doctrinal analysis with an assessment of the socioeconomic conditions underlying changes in contractual autonomy.

Keywords: freedom of contract, autonomy of will, contract law, private law, civil law, limits of freedom of contract, legal capacity, economic analysis of law

References

1. Shershenevich G.F. Selected works. Vol. 5: Textbook of Russian civil law. M.: Statute, 2017. 832 p.

2. Pokrovsky I.A. The main problems of civil law. M.: Statute, 2020. 351 p.

3. The Civil Code of the RSFSR of 10/31/1922 // Collection of laws and regulations of the Workers' and Peasants' Government.1922. № 71. Art. 904.

4. The Civil Code of the RSFSR dated 06/11/1964 // Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR.1964. № 24. Art. 406.

5. Fundamentals of civil legislation of the USSR and the Republics dated 05/31/1991 No. 2211-I // Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR. 1991. № 26. Art. 733.

6. Khalfina R.O. The meaning and essence of the contract in Soviet Socialist civil Law / ed. by V.N. Mozheyko, Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1954, 239 p.

7. Volos A.A. Freedom of contract in the history of jurisprudence // Legality and law and order in modern society: collection of materials of the XVII International Scientific and Practical Conference / under the general editorship of S.S. Chernov. Novosibirsk: CRNS Publishing House, 2014. pp. 42–51.

8. Karapetov A.G., Savelyev A.I. Freedom of contract and its limits. Vol. 1: Theoretical, historical and political-legal foundations of the principle of freedom of contract and its limitations. M.: Statute, 2012. 452 p.

9. Ioffe O.S. Selected works. Vol. II: Soviet Civil Law. St. Petersburg: Law Center Press, 2004. 511 p.

10. Semenov Yu.I. The political ("Asian") method of production: the essence and place in the history of mankind and Russia. Philosophical and historical essays. M.: LENAND, 2019. 376 p.

11. Rozmainsky I.V. Introduction to post-Keynesianism // Ideas and Ideals. 2010. Vol. 1, № 1 (3) pp. 88–105.

12. The Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 11/30/1994 № 51-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.

13. Civil law: textbook: in 4 volumes vol. 3: General provisions on obligations and contracts. Contractual obligations for the transfer of things into ownership or use / ed. by E.A. Sukhanov. M.: Statute, 2020. 480 p.

14. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contractual law. The first book: General provisions. M.: Statute, 2011. 847 p.

15. Civil law: general part: textbook / edited by I.V. Bakayeva. Rostov-on-Don: Phoenix, 2018. 573 p.

16. Rainikov A.S. Freedom of negotiation as an independent aspect of the principle of freedom of contract: content and limits // Ex jure. 2024. № 3. pp. 97–110.

17. Boldyrev V.A., Maksimov V.A. Freedom of contract: the evolution of the legal principle in the era of informatization // Law enforcement. 2025.Vol. 9, № 2. pp. 118–129.

18. Kazantsev M.F. Contractual regulation. The civilistic concept: a textbook for universities. M.: Yurayt Publishing House, 2025. 393 p.

19. Romanets Yu.V. The system of contracts in the civil law of Russia: a monograph. – 2nd ed., revised and add. M.: Norma: INFRA-M, 2019. 496 p.

20. Belov V.A. Civil law: in 4 volumes, vol. II. General part: in 2 books. Book 2. Facts: textbook for academic bachelor's and master's degrees. 2nd ed., revised and add. M.: Yurayt Publishing House, 2016. 497 p.

21. Belykh V.S. Contractual law of England: comparative legal research: monograph. – 3rd ed., reprint. and additional. M.: Prospekt, 2025. 350 p.

22. Contract law (general part): article–by-article commentary to Articles 420–453 of the Civil Code of the Russian Federation: electronic edition, revision 2.0 / ed. by A.G. Karapetov. M.: M–Logos, 2020.1425 p.

23. Efimov A.V. The influence of economic characteristics (indicators) on the legal status of legal entities: a monograph. Moscow: Prospekt, 2024. 376 p.

24. Fabre-Magnan M. Constitutional Values and Freedom of Contract // European Review of Contract Law. 2024.Vol. 20, № 3.pp. 207–224.

25. French Civil Code 2016 // Trans-Lex.org. – URL: https://www.trans-lex.org/601101/_/french-civil-code-2016 / (date of reference: 08/28/2026).

26. Exploring Contract Law / ed. by J.W. Neyers, R. Bronaugh, S. G.A. Pitel. Oxford; Portland, Oregon: Hart Publishing, 2009. XIX, 442 p.

27. Lushnikov A.M. law and Economics: monograph. – M.: Prospekt, 2019. 192 p.

28. The Civil Code of the People's Republic of China / translated by Wang Zhihua. M.: Prospekt, 2025. 368 p.

29. Andreev V.K. On the relationship between the Constitution and the norms of the Civil Code of the Russian Federation // Andreev V.K. Selected works: a collection of scientific papers dedicated to the 50th anniversary of scientific activity. M.: RGUP, 2017. 680 p.

30. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 04.12.2012 No. 8989/12 in case № A28–5775/2011–223/12. – Access from the SPS "ConsultantPlus".

31. Ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09.01.2018 № 32-KG17–33.Access from the SPS "ConsultantPlus".

32. Stone R. Putting Freedom of Contract in its Place // Journal of Legal Analysis. 2024.Vol. 16. № 1.pp. 94–119.

33. Andreev V.K. On the combination of private and public principles in the legal regulation of entrepreneurial activity // Journal Russian law. 2013. № 1. pp. 21–25.

Медиаграмотность как фактор национальной безопасности: конституционно-правовой аспект

Гаврилова Дарья Александровна,
магистр права
E-mail: kolokolova555@mail.ru

В статье исследуются конституционно-правовые основания рассмотрения медиаграмотности в качестве одного из факторов обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Обосновывается тезис о том, что в условиях цифровизации общественных отношений, распространения дезинформации, информационно-психологического воздействия и функционирования особых правовых режимов традиционное понимание медиаграмотности как исключительно образовательной категории требует переосмысления. На основе системного толкования положений Конституции Российской Федерации подчеркивается взаимосвязь права на информацию, обязанностей государства по защите личности и общества, а также обеспечения информационного суверенитета государства. Рассматриваются положения действующего законодательства Российской Федерации в сфере информации, персональных данных, противодействия экстремистской деятельности и регулирования цифрового пространства. Особое внимание уделяется вопросам формирования цифровой и медиакомпетентности молодежи как наиболее активной группы пользователей информационно-коммуникационных технологий. Автором предлагается концепция «медиагигиены» как самостоятельного правового института, объединяющего правовые, организационные и образовательные механизмы формирования устойчивости граждан к деструктивному информационному воздействию. Делается вывод о необходимости нормативного закрепления медиаграмотности в качестве элемента системы обеспечения национальной безопасности и совершенствования законодательства в сфере образования и информационной безопасности.

Ключевые слова: медиаграмотность; национальная безопасность; информационная безопасность; медиагигиена; цифровизация; информационный суверенитет; молодежь; право на информацию; Конституция Российской Федерации; цифровое пространство; информационно-коммуникационные технологии.

Современный этап развития информационного общества характеризуется не только беспрецедентными возможностями доступа к информации, но и качественным усложнением угроз, связанных с распространением деструктивного контента, целенаправленными кампаниями по дезинформации и использованием цифровых технологий для манипуляции массовым сознанием. В период действия специальных правовых режимов, включая военное положение, чрезвычайное положение и режим контртеррористической операции, последствия некорректной оценки поступающей информации приобретают особую значимость, поскольку способны непосредственно влиять на состояние общественной безопасности, стабильность государственного управления и эффективность принимаемых властью решений.

Закрепленный в статье 2 Конституции Российской Федерации принцип признания человека, его прав и свобод высшей ценностью предполагает обязанность публичной власти создавать условия для их полноценной реализации и защиты [1]. Одновременно положения статьи 29 Конституции РФ гарантируют каждому возможность свободного поиска, получения, передачи и распространения информации, что предполагает необходимость обеспечения условий для осознанного и ответственного использования информационных ресурсов. Наряду с этим статья 55 Конституции Российской Федерации допускает введение предусмотренных законом ограничений прав и свобод в целях защиты конституционного строя, безопасности государства, здоровья населения и иных значимых общественных интересов. Указанные положения определяют пределы и направления деятельности государства по обеспечению информационного суверенитета и противодействию угрозам в цифровой среде.

Из совокупности этих конституционных положений вытекает обязанность государства не только устанавливать запреты на распространение вредоносной информации, но и формировать у граждан устойчивость к негативному информационному воздействию [2, С. 35]. Иными словами, государство должно обеспечить такой уровень восприятия населением информации, при котором ограничения, вводимые в условиях особых правовых режимов, воспринимались бы не как произвольное ущемление свобод, а как легитимная и необходимая мера защиты общественных интересов.

Целесообразно предположить, что медиаграмотность и общественный контроль являются не факультативными «мягкими» дополнениями к правовым режимам, а их неотъемлемыми элементами, обеспечивающими легитимность и эффективность ограничений, вводимых государством в особый период.

Медиаграмотность в настоящем контексте перестает быть вопросом образовательной политики в узком смысле и становится фактором национальной безопасности, а медиаобразование – сквозным правовым институтом, реализуемым на всех уровнях: от начального общего образования до программ дополнительного профессионального образования и просвещения взрослого населения [3, С. 165].

Анализ действующего законодательства, однако, показывает фрагментарность правового регулирования в данной сфере. Если вопросы безопасности в сети «Интернет» частично интегрированы в курс «Основы безопасности жизнедеятельности» и «Информатика», то системного правового акта, закрепляющего стандарты медиакомпетенций, в настоящее время не существует.

Отсутствие таких стандартов создает конституционно-правовой дисбаланс: государство, усиливая ограничения в отношении средств массовой информации в период особых режимов, не всегда может оперативно предоставить населению достаточные инструменты для адаптации к изменившимся информационным условиям. Правоприменительная практика последних лет убедительно демонстрирует, что сугубо юрисдикционные механизмы, основанные на блокировке запрещенного контента и привлечении к ответственности за его распространение, срабатывают постфактум, когда вред уже причинен.

В частности, Определение Верховного Суда РФ от 10 мая 2011 года № 58-Впр11–2 обнажает фундаментальное ограничение сугубо юрисдикционного подхода: Верховный Суд справедливо указывает на обязанность оператора устранить доступ к уже выявленному противоправному контенту, но сам механизм остается реагирующим – к моменту вынесения судебного акта ложный тезис уже совершает свое «вирусное» распространение [4]. Меры реагирования направлены на ликви-

дацию уже состоявшегося факта распространения, тогда как стадия внедрения деструктивной информации в общественное сознание остается вне периметра правового контроля.

Восполнение подобного пробела требует принципиально иного подхода, ввиду чего, в настоящей статье обосновывается необходимость закрепления на уровне федерального закона понятия «медиагигиена» как обязательного элемента обеспечения информационно-психологического благополучия населения. Данная аналогия не является бессмысленной: подобно тому, как государство обеспечивает физическое здоровье нации через нормы санитарно-эпидемиологического законодательства (СанПиН), оно обязано формировать устойчивость к информационным угрозам через образовательные и просветительские стандарты. Медиагигиена в таком понимании представляет собой систему правовых, организационных и педагогических мер, направленных на формирование у граждан навыков критического восприятия информации, безопасного поведения в цифровой среде и ответственного участия в информационном обмене.

Институционализация категории «медиагигиена» потребует корректировки действующего нормативного массива. Соответствующие изменения могут быть внесены в законодательство об образовании, информационных технологиях и защите информации, а также отражены в федеральных государственных образовательных стандартах различных уровней подготовки.

На этапе начального общего образования представляется обоснованным включение элементов медиаграмотности в содержание дисциплин, направленных на формирование базовых представлений о социальной действительности и нравственных ценностях. Основной задачей такого обучения должно стать развитие у обучающихся первоначальных навыков оценки достоверности информационных сообщений, распознавания манипулятивного контента и безопасного поведения в цифровой среде. В основном общем образовании необходима интеграция медиаграмотности в предметы «Обществознание», «Информатика» и «Основы безопасности и защиты Родины» с углубленным изучением механизмов информационного воздействия, способов верификации фактов и правовых последствий распространения запрещенной информации.

Особого внимания заслуживает среднее профессиональное и высшее образование. В рамках подготовки журналистов, специалистов по связям с общественностью, юристов и педагогов медиаграмотность должна стать обязательной дисциплиной, формирующей не только теоретические знания, но и практические навыки работы с информацией в условиях кризисных ситуаций.

Для взрослого населения необходимо создание системы просветительских программ, к примеру, на базе центров «Мои документы», учреждений культуры и социальной защиты, а также с использованием инфраструктуры общественных организаций и волонтерского движения. Важным элементом такой системы могло бы стать создание специализированного интернет-портала, аккумулирующего методические материалы, интерактивные тренажеры по верификации информации и актуальные данные о выявленных деструктивных кампаниях.

При этом, важно отметить, что подобного рода инициативы и предлагаемый подход не станут противоречить конституционному запрету на цензуру, установленному ст. 29 Конституции Российской Федерации, поскольку речь идет не о предварительном контроле за содержанием информации, а о формировании у граждан иммунитета к деструктивному воздействию.

Кроме того, медиагигиена, в отличие от цензуры, не препятствует распространению информации, а вооружает граждан инструментарием самостоятельной оценки ее качества и последствий потребления. Такой подход соответствует международным тенденциям развития информационного общества, зафиксированным в документах Организации Объединенных Наций, ЮНЕСКО и Совета Европы, подчеркивающих важность медийной и информационной грамотности как необходимого условия реализации права на информацию в цифровую эпоху.

Реализация предложенной концепции потребует согласованных усилий законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, а также активного участия институтов гражданского общества. Однако только такой комплексный подход способен обеспечить устойчивость информационного пространства в условиях особых правовых режимов.

Внедрение мер ограничительного и (или) запретительного характера, осуществляемого в обход формирования у граждан навыков критического мышления и ответственного информационного поведения, чревато тем, что любые, даже самые жесткие правовые режимы будут лишь купировать симптомы, не устраняя глубинных причин уязвимости общества перед информационными угрозами. Превращение медиаграмотности из факультативного элемента образовательной политики в конституционно-правовую обязанность государства является необходимым условием перехода от реактивной модели обеспечения информационной безопасности к модели превентивной, основанной на формировании устойчивой, самостоятельной и ответственной личности, способной противостоять любым попыткам манипуляции сознанием.

Развитие информационного общества в Российской Федерации получило последовательное нормативное закрепление и в стратегических документах государственной политики, в том числе. Значительную роль в развитии цифровой среды сыграли программные документы стратегического характера. В частности, реализация Стратегии развития информационного общества сопровождалась запуском Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», ориентированной на комплексную модернизацию экономики, системы образования и механизмов государственного управления посредством внедрения цифровых технологий. Молодежь рассматривалась не только как ключевой участник процессов цифровизации, но и как приоритетная целевая группа мер государственной поддержки, связанных с развитием цифровых компетенций и инновационной активности.

После завершения указанной программы государственная политика в рассматриваемой сфере получила дальнейшее развитие в рамках Национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства», реализуемого с 2025 года. Новый проект направлен на совершенствование цифровой инфраструктуры страны, повышение эффективности использования данных и создание безопасной среды для функционирования граждан в информационном пространстве.

Указанный национальный проект включает в себя ряд мероприятий, непосредственно направленных на формирование кадрового потенциала и цифровой грамотности населения, что имеет прямое отношение к конституционно-правовому обеспечению информационной безопасности.

Значительное место в системе подготовки кадров занимает практико-ориентированный подход к обучению. Его сущность заключается в активном вовлечении представителей ИТ-индустрии в образовательный процесс, что позволяет обеспечить тесную связь между теоретической подготовкой и реальными потребностями рынка труда. Взаимодействие образовательных организаций высшего образования с аккредитованными ИТ-компаниями способствует формированию у студентов не только профессиональных знаний, но и навыков практического решения задач, возникающих в процессе разработки и эксплуатации цифровых технологий. Такой подход позволяет повысить качество подготовки специалистов и обеспечить их успешную адаптацию к условиям современной цифровой экономики.

Вместе с тем значение реализуемых мероприятий не ограничивается исключительно развитием технологических компетенций. С конституционно-правовой точки зрения особую ценность представляет формирование у обучающихся способности критически воспринимать информацию, анализировать источники сведений и самостоятельно оценивать достоверность распространяемого контента. В условиях стремительного роста объемов информации и широкого распространения цифровых коммуникаций подобные навыки становятся необходимым элементом обеспечения информационной безопасности личности и общества.

Существенную роль в достижении указанных целей играет развитие государственных цифровых сервисов и специализированных информационных платформ. В частности, создание единой системы обмена сведениями о мошеннических схемах, реализуемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, позволяет повысить эффективность предупреждения противоправных действий в отношении граждан. Одновременно развитие механизмов мониторинга и предотвращения утечек персональных данных способствует укреплению гарантий неприкосновенности частной жизни и защите информации о личности. Тем самым создаются дополнительные условия для практической реализации конституционных прав граждан, закрепленных статьями 23 и 24 Конституции Российской Федерации.

В рассматриваемом контексте медиаграмотность приобретает значение одного из важнейших факторов обеспечения национальной безопасности.

Как итог, мероприятия по развитию цифровой инфраструктуры, совершенствованию образовательных программ и внедрению современных информационных сервисов формируют комплексную систему обеспечения информационной безопасности. Их реализация направлена не только на подготовку высококвалифицированных специалистов для цифровой экономики, но и на формирование устойчивого, ответственного и способного к критическому мышлению гражданского общества, эффективно противостоящего современным информационным угрозам.

Достижение подобного целевого ориентира невозможно без системной работы по повышению цифровой грамотности населения, формирования навыков распознавания противоправного контента и безопасного поведения в информационной среде.

Исходя из вышесказанного, в рамках Национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» закладываются необходимые предпосылки для реализации предложенной в настоящей статье концепции медиагигиены как системы правовых, организационных и педагогических мер, направленных на формирование у граждан устойчивости к деструктивному информационному воздействию.

Одним из наиболее значимых достижений развития информационно-коммуникационных технологий стало формирование глобального цифрового пространства, основу которого составляет информационно-телекоммуникационная сеть Интернет. На современном этапе Интернет представляет собой не просто техническое средство передачи данных, а сложную социально-коммуникационную систему, обеспечивающую непрерывное взаимодействие миллионов пользователей по всему миру. Посредством интернет-технологий осуществляется обмен знаниями, реализация образовательных программ, ведение предпринимательской деятельности, оказание государственных услуг и участие граждан в общественно-политической жизни государства.

Стремительное развитие цифровых технологий существенно изменило характер общественных отношений. Благодаря распространению мобильных устройств, облачных сервисов и высокоскоростных каналов связи доступ к информационным ресурсам стал практически повсеместным. Современный пользователь имеет возможность получать необходимую информацию независимо от своего местонахождения, оперативно взаимодействовать с государственными органами, образовательными учреждениями и иными субъектами общественных отношений. В результате Интернет превратился в универсальную среду коммуникации, оказывающую непосредственное влияние на процессы социализации личности, формирования общественного мнения и развития институтов гражданского общества.

Особое значение данные процессы приобретают применительно к молодежи, которая является наиболее активной категорией пользователей цифровой среды. Именно молодые люди в наибольшей степени вовлечены в использование социальных сетей, мессенджеров, образовательных платформ и иных цифровых сервисов. Для значительной части молодежи интернет-пространство выступает не дополнительным инструментом получения информации, а естественной средой повседневного существования, в рамках которой формируются мировоззренческие установки, социальные связи и модели поведения.

В этой связи заслуживает отдельного внимания позиция исследователя в области информационно-коммуникационных технологий М.М. Гридчина, который отмечает, что для современной молодежи Интернет постепенно становится своеобразным стандартом жизненного комфорта и привычным атрибутом повседневности, сопоставимым по значимости с другими социальными благами. Вместе с тем ученый обращает внимание на двойственную природу цифровой среды, которая одновременно предоставляет широкие возможности для саморазвития и создает условия для распространения материалов, способных оказывать негативное воздействие на сознание молодых пользователей. Такая особенность интернет-пространства обусловливает необходимость формирования у молодежи навыков критического анализа информации и ответственного поведения в цифровой среде.

Особую актуальность данная проблематика приобретает в контексте политического участия молодежи. Современные цифровые платформы оказывают существенное влияние на процессы формирования политических предпочтений, общественной активности и гражданской идентичности молодых людей. От способности критически оценивать распространяемую информацию во многом зависит качество участия молодежи в демократических процедурах и общественно-политических процессах.

Конституционно-правовые основы обеспечения информационной безопасности личности и общества закреплены непосредственно в Конституции Российской Федерации. Так, статья 23 гарантирует каждому право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, а также защиту тайны переписки, телефонных переговоров и иных сообщений. Статья 29 Конституции Российской Федерации закрепляет свободу мысли и слова, право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. В свою очередь, статья 71 относит вопросы информации, связи, информатизации и обеспечения безопасности информационного пространства к предметам ведения Российской Федерации.

Указанные конституционные положения образуют фундамент правового регулирования цифровой среды и определяют основные направления государственной политики в области информационной безопасности. Их системное толкование позволяет сделать вывод о том, что обеспечение прав граждан в цифровом пространстве не ограничивается созданием технических механизмов защиты информации. Не менее важной задачей государства выступает формирование у населения, прежде всего у молодежи, устойчивых навыков безопасного и ответственного поведения в информационной среде, способствующих противодействию дезинформации, манипулятивному воздействию и иным современным информационным угрозам.

Существенное значение в обеспечении цифрового суверенитета Российской Федерации и защите национальных интересов в информационной сфере имеет совершенствование правового регулирования деятельности иностранных цифровых платформ. В условиях глобализации информационного пространства значительная часть коммуникационных процессов осуществляется посредством зарубежных интернет-сервисов, оказывающих влияние на распространение информации, формирование общественного мнения и реализацию гражданами своих конституционных прав. В этой связи особую роль приобретает Федеральный закон от 01.07.2021 № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации», который устанавливает специальные требования к зарубежным компаниям, осуществляющим деятельность в российском сегменте сети Интернет [5].

Указанный нормативный правовой акт предусматривает комплекс мер, направленных на обеспечение соблюдения иностранными интернет-платформами требований российского законодательства. В частности, законодатель закрепил обязанность создания официального представительства на территории Российской Федерации, организацию взаимодействия с уполномоченными государственными органами, а также выполнение требований, связанных с защитой прав российских пользователей. Реализация данных положений способствует укреплению государственного суверенитета в цифровой среде и формированию механизмов правового контроля за деятельностью транснациональных цифровых корпораций.

Базовое значение для регулирования общественных отношений в информационной сфере сохраняет Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [6]. Данный законодательный акт определяет правовые основы обращения информации, закрепляет права и обязанности участников информационных отношений, устанавливает требования к защите информационных ресурсов и предусматривает механизмы противодействия незаконному использованию информации. По существу, именно этот закон формирует основу современного правового режима информационного пространства Российской Федерации.

Не менее важное место в системе обеспечения конституционных прав граждан занимает Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [7]. Его положения направлены на защиту частной жизни личности и обеспечение законности при обработке сведений, позволяющих идентифицировать конкретного человека. Законодатель устанавливает специальные требования к сбору, хранению, использованию и распространению персональных данных, а также закрепляет обязанности операторов по обеспечению безопасности соответствующей информации. В современных условиях значение данного нормативного акта существенно возрастает, поскольку цифровизация общественных отношений сопровождается постоянным увеличением объемов обрабатываемых данных о гражданах.

Актуальность рассматриваемых федеральных законов обусловлена масштабными процессами цифровой трансформации, затрагивающими практически все сферы общественной жизни. Использование электронных сервисов, социальных сетей, цифровых платформ и технологий искусственного интеллекта значительно упростило информационный обмен между гражданами, организациями и государством. Вместе с тем расширение цифрового взаимодействия привело к возникновению новых угроз, связанных с несанкционированным доступом к информации, распространением конфиденциальных сведений, мошенничеством и иными формами противоправного использования цифровых технологий. В результате защита информации становится не только технической, но и важнейшей правовой задачей современного государства.

Отдельного внимания заслуживает правовое регулирование противодействия экстремистской деятельности в цифровом пространстве. Существенную роль в данном направлении играет Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», который устанавливает организационные и правовые механизмы выявления, предупреждения и пресечения распространения

экстремистских материалов [8]. Особое значение положения данного закона приобретают в условиях широкого распространения социальных сетей и иных интернет-платформ, позволяющих оперативно распространять информацию среди значительного числа пользователей. Для молодежной аудитории, являющейся наиболее активным участником цифровых коммуникаций, эффективность мер противодействия экстремистскому контенту имеет особое значение, поскольку способствует защите от идеологического воздействия и вовлечения в противоправную деятельность.

Не менее важным элементом системы правового регулирования цифровой среды выступает Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» [9]. Несмотря на то, что традиционно данный нормативный акт рассматривается преимущественно как инструмент регулирования предпринимательской деятельности, в современных условиях его значение существенно расширяется. Развитие социальных сетей, видеохостингов и блогерских платформ привело к появлению новых способов воздействия на массовое сознание посредством рекламных технологий. Рекламные сообщения все чаще интегрируются в информационный контент и становятся трудноотличимыми от редакционных материалов, что повышает риск скрытого влияния на потребителей.

В связи с этим законодательное регулирование рекламной деятельности в цифровом пространстве приобретает дополнительное значение как механизм обеспечения информационной безопасности личности. Соблюдение требований законодательства о рекламе способствует защите граждан от манипулятивных практик, недобросовестного продвижения товаров и услуг, а также скрытого воздействия на ценностные установки пользователей. Особенно актуальным данный вопрос является применительно к молодежи, которая выступает одной из наиболее активных групп потребителей цифрового контента и одновременно наиболее восприимчива к современным технологиям информационного воздействия.

Во-вторых, анализ действующего законодательства свидетельствует о фрагментарности правового регулирования в сфере медиаобразования. Отсутствие системного правового акта, закрепляющего стандарты медиакомпетенций, создает конституционно-правовой дисбаланс: государство, усиливая ограничения в отношении средств массовой информации в особых режимах, не предоставляет населению достаточных инструментов для адаптации к изменившимся информационным условиям. Правоприменительная практика, включая позицию Верховного Суда РФ, изложенную в Определении от 10.05.2011 № 58-Впр11–2, обнажает фундаментальное ограничение сугубо юрисдикционного подхода, ориентированного на ликвидацию уже состоявшегося факта распространения, тогда как стадия внедрения деструктивной информации в общественное сознание остается вне периметра правового контроля.

В-третьих, в Российской Федерации сформирована разветвленная система правового регулирования информационной сферы, охватывающая вопросы защиты персональных данных, противодействия экстремизму, защиты несовершеннолетних от вредоносной информации, регулирования деятельности иностранных интернет-компаний, а также формирования цифровой инфраструктуры и кадрового потенциала в рамках Национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства». Вместе с тем, как показано в настоящей статье, существующая система нуждается в дополнении единой концептуальной основой, объединяющей разрозненные правовые механизмы.

В-четвертых, в качестве такой основы предлагается авторская концепция «медиагигиены» как системы правовых, организационных и педагогических мер, направленных на формирование у граждан навыков критического восприятия информации, безопасного поведения в цифровой среде и ответственного участия в информационном обмене. Медиагигиена в предлагаемом понимании выступает не инструментом контроля, а условием реализации конституционного права на информацию в условиях, когда объем и сложность информационных потоков объективно превышают возможности отдельного человека по их критической оценке без специальной подготовки. Предлагаемое понятие позволяет отграничить медиагигиену от смежных категорий (медиаобразование, медиаграмотность, информационная культура) и придать ей самостоятельное правовое значение, сопоставимое по своей регулятивной силе с нормативами санитарно-эпидемиологического благополучия.

В-пятых, реализация предложенной концепции требует внесения изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» [10], Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а также в федеральные государственные образовательные стандарты всех уровней – от начального общего до дополнительного профессионального образования. То есть одним из приоритетных направлений совершенствования государственной политики в сфере информационной безопасности должно стать последовательное внедрение медиаграмотности в образовательный процесс. Наиболее востребованным представляется включение соответствующих модулей в программы подготовки журналистов, педагогов, юристов и иных специалистов, профессиональная деятельность которых связана с обработкой и распространением информации.

Наряду с этим представляется необходимым развитие системы непрерывного просвещения взрослого населения посредством использования цифровых образовательных платформ, онлайн-курсов, интерактивных симуляторов и иных инструментов, направленных на формирование навыков проверки достоверности сведений и распознавания информационных манипуляций.

Кроме того, указанные меры приобретают применительно к молодежи как наиболее активной социальной группе в цифровом пространстве. Высокий уровень вовлеченности молодых людей в процессы онлайн-коммуникации требует формирования устойчивых навыков критического анализа информации, позволяющих выявлять признаки дезинформации, отличать журналистский материал от рекламного сообщения и ответственно участвовать в развитии безопасной информационной среды.

Таким образом, превращение медиаграмотности из факультативного элемента образовательной политики в конституционно-правовую обязанность государства является необходимым условием перехода от реактивной модели обеспечения информационной безопасности к модели превентивной, основанной на формировании устойчивой, самостоятельной и ответственной личности, способной противостоять любым попыткам манипуляции сознанием. Предложенная в настоящей статье концепция «медиагигиены» как правового института призвана стать одним из инструментов реализации этого перехода, обеспечивая системный характер мер по формированию информационной устойчивости населения в условиях цифровой трансформации и особых правовых режимов.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок) // Официальный интернет-портал правовой информации.

2. Гридчин М.М. Проблемы влияния информационных технологий на молодёжь // Власть. 2007. № 9. С. 34–40.

3. Шевченко А.В., Маслова С.О. Границы правового регулирования: молодежь и медиапространство // Философия права. 2025. № 4 (115). С. 163–169.

4. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10 мая 2011 г. № 58-Впр11–2 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5061.

6. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

7. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

8. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

9. Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.

10. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7598.

MEDIA LITERACY AS A FACTOR OF NATIONAL SECURITY: A CONSTITUTIONAL AND LEGAL ASPECT

Gavrilova D.A.

The article examines the constitutional and legal foundations for considering media literacy as a factor of national security of the Russian Federation. It is argued that under conditions of digital transformation, disinformation campaigns, information and psychological influence, and the operation of special legal regimes, the traditional understanding of media literacy as merely an educational category requires reconsideration. Based on a systematic interpretation of the Constitution of the Russian Federation, the author analyzes the relationship between the right to information, the state's obligation to protect individuals and society, and the protection of national information sovereignty. The study reviews Russian legislation governing information relations, personal data protection, countering extremist activities, and regulation of the digital environment. Particular attention is paid to the

development of digital and media competencies among young people as the most active users of information and communication technologies. The author proposes the concept of "media hygiene" as an independent legal institution combining legal, organizational and educational measures aimed at strengthening citizens' resilience to destructive information influence. The article concludes that media literacy should be legally recognized as an element of the national security system and that further development of educational and information legislation is required.

Keywords: media literacy; national security; information security; media hygiene; digitalization; information sovereignty; youth; right to information; Constitution of the Russian Federation; digital environment; information and communication technologies.

Bibliography

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (as amended) // Official Internet Portal of Legal Information.

2. Gridchin M.M. Problems of the Impact of Information Technologies on Young People // Vlast. 2007. No. 9. Pp. 34–40.

3. Shevchenko A.V., Maslova S.O. The Limits of Legal Regulation: Young People and the Media Space // Philosophy of Law. 2025. No. 4 (115). pp. 163–169.

4. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 10, 2011 No. 58-Vpr11–2 // SPS ConsultantPlus.

5. Federal Law No. 236-FZ dated July 1, 2021 "On the activities of Foreign Persons in the Information and Telecommunications Network"The Internet"on the territory of the Russian Federation" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2021. No. 27 (part I). Art. 5061.

6. Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ "On information, information technologies and information protection" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (Part I).

Art. 3448.7. Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006 "On Personal Data" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (Part I). Art.

3451.8. Federal Law No. 114-FZ of July 25, 2002 "On countering extremist activity" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. № 30. Art. 3031.

9. Federal Law of March 13, 2006. № 38-FZ "On advertising" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2006. № 12. Art. 1232.

10. Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FZ "On Education in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 53 (Part I). Art. 7598.

Трансграничный эффект соглашения о санации: структурная лакуна коллизионного регулирования и превентивный метод

Глазов Дмитрий Владимирович,
преподаватель кафедры нотариата Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); управляющий партнер Адвокатского бюро «Глазов и партнеры»
E-mail: glazov@rusadvokat.ru

Реформа законодательства о несостоятельности, проведенная Федеральным законом от 26 июля 2026 г. № 253-ФЗ, ввела соглашение о санации – договор, условия которого распространяются на кредиторов, его не подписавших, и который ослабляет режим оспаривания сделок должника. Оба эффекта рассчитаны на внутренний оборот, тогда как вопрос об их действии за пределами российского правопорядка остался неразрешенным. Установлено, что ступени унифицированного и коллизионного регулирования применительно к такому соглашению отсутствуют, а образовавшаяся лакуна замещается судебным восполнением: применимое право служит одновременно основанием компетенции и ее следствием, при этом коллизионная норма не применяется. Квалификация, избранная законодателем, – изменение договора применительно к пункту 2 статьи 450 Гражданского кодекса – подчиняет трансграничный эффект соглашения праву каждого изменяемого обязательства. Сопоставление позиций английского и американского судов по делам *Bakhshiyeva* и *Agrokor* показывает, что решения двух правопорядков расходятся, а препятствие носит структурный характер. Вводятся понятия института со структурной лакуной и правила возврата к превентивному контуру согласования; предложено коллизионное правило для реабилитационных соглашений, отличное от привязки *lex fori concursus*, обсуждаемой Рабочей группой V ЮНСИТРАЛ.

Ключевые слова: трансграничная несостоятельность; соглашение о санации; коллизионная норма; структурная лакуна; правило Gibbs; центр основных интересов должника; автономия воли; признание иностранных банкротств; превентивное согласование; *lex fori concursus*.

Введение

Федеральным законом от 26 июля 2026 г. № 253-ФЗ реформирован институт несостоятельности: акт объемен – одиннадцать статей, первая из которых насчитывает сто один пункт, – и вводит реструктуризацию долгов, соглашение о санации и комплексное соглашение о санации[1]. Закон опубликован 26 июля 2026 г., а его основная часть вступает в силу 27 июля 2027 г., что придает исследованию упреждающий характер: нормы разбираются до начала их применения, с оговоркой об отлагательном действии.

Соглашение о санации производит два экстраординарных эффекта. Оно распространяет свои условия на кредиторов, его не подписавших, и ослабляет режим оспаривания сделок должника, исключая применение ряда оснований недействительности и перераспределяя бремя доказывания[2]. Оба эффекта рассчитаны на внутренний оборот. Действуют ли они за пределами российского правопорядка – в отношении иностранного кредитора или обязательства, подчиненного иностранному праву, – законодателем не определено; в этом вопросе о границе их действия и состоит проблема настоящей работы.

Трансграничная несостоятельность разработана в отечественной доктрине основательно: Е.В. Мохова исследовала центр основных интересов должника, В.В. Пойда – право, применимое в делах о несостоятельности, Л.Ю. Собина – признание иностранных банкротств[3]. Эти труды посвящены производству по делу о несостоятельности и признанию его результатов; добанкротное санационное соглашение как самостоятельный объект коллизионного регулирования остается за их рамками.

Цель работы – установить коллизионный режим соглашения о санации и средства предупреждения связанных с ним противоречий. Отсюда задачи: квалифицировать соглашение как трансграничную сделку, выявить структуру его регулирования, определить природу и пределы судебного восполнения и очертить превентивный контур. Методологию образуют формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы в сочетании с анализом судебной практики.

§ 1. Соглашение о санации как трансграничная сделка

Соглашение о санации – гражданско-правовой договор, заключаемый до или после возбуждения дела о банкротстве, но до введения процедуры; его условия охватывают мораторий на подачу заявления, порядок удовлетворения требований и иные меры восстановления платежеспособности должника[4]. По своей природе это сделка, и к ней применимы общие правила о сделках, включая коллизионные.

Соглашение способно осложняться иностранным элементом на стороне должника, кредитора или самого обязательства. Между тем единственный прямой след такого элемента в тексте закона – изменение валюты долга, названное одним из возможных условий соглашения[5]. Валюта долга отсылает к иностранному правопорядку и к валютному регулированию, и ее присутствия достаточно, чтобы поставить вопрос о праве, применимом к изменяемым обязательствам. Иные проявления трансграничности – иностранная регистрация должника, домициль кредитора, место исполнения обязательства – законом прямо не упомянуты, однако и не исключены: перечень условий соглашения не замкнут в части субъектного состава, а трансграничность отношения возникает независимо от того, обозначил ли ее законодатель.

[1] Федеральный закон от 26.07.2026 № 253-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2026. № 30. Ст. 4099. Вступает в силу 27.07.2027 (п. 1 ст. 11).

[2] Пункт 1 ст. 31.1, п. 10 ст. 31 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

[3] Мохова Е.В. Центр основных интересов должника при трансграничной несостоятельности: перспективы введения в России новых правовых конструкций // Закон. 2012. № 10. С. 111–127; Пойда В.В. Право, применимое в делах о трансграничной несостоятельности: правотворчество и правоприменение // Вестник арбитражной практики. 2025. № 6; Собина Л.Ю. Признание иностранных банкротств в международном частном праве. М.: Статут, 2012. 238 с.

[4] Закон о банкротстве. Пункт 3, п. 6 ст. 31.

[5] Закон о банкротстве. Подпункт 1 п. 6 ст. 31.

Наиболее отчетливо нехватка коллизионного инструмента видна в пороговом критерии. Комплексное соглашение о санации доступно должнику, балансовая стоимость активов которого превышает один миллиард рублей. Балансовая стоимость – величина не юридическая, а учетная, исчисляемая по стандартам бухгалтерского учета конкретного правопорядка; для должника, ведущего учет по международным или иностранным национальным стандартам, ее значение будет иным, нежели по российским правилам. Возникает вопрос: по праву какого государства определяется пороговый показатель применительно к иностранному должнику? Статья 1187 ГК РФ предписывает квалифицировать юридические понятия по российскому праву, однако балансовая стоимость к юридическим понятиям не относится, а порядок обращения к иностранному учетному стандарту эта норма не регулирует. Единственный ориентир, предлагаемый законом, – отчетность, соответствующая российскому государственному информационному ресурсу бухгалтерской отчетности[1], – не столько разрешает квалификацию, сколько исключает иностранного должника из круга адресатов.

Соглашение о санации, таким образом, отвечает признакам трансграничной сделки, но закон не снабжает собственные пороговые понятия коллизионным средством. Восполнена ли эта нехватка иными ступенями регулирования, показывает следующий параграф.

§ 2. Структурная лакуна и ее судебное восполнение

Первая ступень возможного регулирования – унифицированная материальная норма международного договора – для санационного соглашения отсутствует. Вопросы признания актов, принятых по делам о несостоятельности, исключены из большинства универсальных международных договоров о трансграничном обороте судебных решений, а в договорах о правовой помощи, связывающих Российскую Федерацию, банкротная тематика, как правило, не затрагивается. Российская Федерация не участвует в международных соглашениях, которые предусматривали бы признание иностранных банкротных судебных актов. Ступени, на которой согласованная государствами норма определяла бы судьбу соглашения за пределами правопорядка его утверждения, в наличном праве не существует.

Не обнаруживается и следующая ступень – коллизионное регулирование. Раздел VI ГК РФ, посвященный международному частному праву, привязки для отношений несостоятельности не содержит. Пункт 6 статьи 1 Закона о банкротстве, единственное положение, обращенное к иностранному элементу, устанавливает, что решения иностранных судов по делам о несостоятельности признаются в соответствии с международными договорами, а при их отсутствии – на началах взаимности[2]. Это правило процессуального признания, а не коллизионная норма: оно указывает условие, при котором иностранный акт получит силу, но не определяет право, применимое к самому отношению. Двух средних ступеней методической последовательности, таким образом, нет ни в договорном, ни во внутреннем источнике.

Возникающую пустоту заполнил суд. В определении от 8 февраля 2024 г. по делу кипрских компаний Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ выстроила режим из процессуальных норм: акт разделен на компетенцию (раздел I), производство по делу о несостоятельности иностранного лица (раздел II) и выводы (раздел III), а опорой служат часть 5 статьи 27 и часть 1 статьи 247 АПК РФ. Центральный вывод состоит в том, что действующее национальное законодательство не исключает возбуждение российским судом процедуры несостоятельности, осложненной иностранным элементом как на стороне кредитора, так и на стороне должника[3].

Инструментом привязки избрана тесная связь должника с территорией Российской Федерации. Судебная коллегия сформулировала открытый перечень обстоятельств, подтверждающих такую связь, возложив бремя их опровержения на должника, и отдельный открытый перечень обстоятельств, устанавливающих центр основных интересов должника, – для разграничения основного производства, охватывающего все имущество и всех кредиторов независимо от их местонахождения, и вторичного, локального производства. Ни то, ни другое множество обстоятельств не является коллизионной привязкой: каждое из них указывает не на применимое право, а на компетентный суд.

Высшая инстанция эту конструкцию поддержала. Определением от 27 мая 2024 г. Верховный Суд РФ отказал в передаче надзорной жалобы должника для рассмотрения в порядке надзора, не установив нарушений норм права[4]. Правовая позиция получила подтверждение на надзорном уровне и приобрела значение ориентира для судов, рассматривающих сходные споры.

Пределы этого ориентира очерчивает дальнейшая судьба самого дела. При новом рассмотрении должник погасил заявленную задолженность, и определением Арбитражного суда города Москвы от 22 апреля 2024 г. производство было прекращено за отсутствием признаков банкротства[5]. Правовая позиция о допустимости процедуры в отношении иностранного лица осталась, таким образом, неприменной: суд сформулировал критерии, но не ввел на их основании ни одной процедуры. Режим существует как правовая позиция, а не как реализованная модель.

Законодатель эту лакуну не восполнил. Федеральный закон № 253-ФЗ полностью изложил статью 42 Закона о банкротстве в новой редакции и внес изменения в Арбитражный процессуальный кодекс, однако коснулся лишь части 4 статьи 38 и части 1 статьи 224 АПК РФ; статья 247, определяющая компетенцию по делам с участием иностранных лиц, затронута не была[6]. Термины «трансграничная несостоятельность», «иностранный кредитор», «центр основных интересов» в тексте закона отсутствуют, а подготовленный еще в 2011 г. проект специального закона о трансграничной несостоятельности в законодательный орган не вносился. Ступень регулирования по-прежнему замещается *судебным восполнением* – деятельностью, которая конструирует юрисдикционную привязку взамен отсутствующей коллизионной и природа которой рассматривается далее.

§ 3. Подмена коллизионной привязки юрисдикционной

Смещение коллизионного метода в пользу юрисдикционного российскому праву известно и в иной форме. Статьи 248.1 и 248.2 АПК РФ, введенные в связи с применением к российским лицам ограничительных мер, устанавливают исключительную компетенцию арбитражных судов и запрет инициировать разбирательство за рубежом; там коллизионный метод располагает всеми ступенями, однако признается непригодным и вытесняется решением законодателя. Применительно к соглашению о санации картина иная: ступени унифицированной материальной нормы и коллизионного регулирования не существуют вовсе, а смещение производит не законодатель, а суд. Различие описывается формулой «непригоден – отсутствует»: в первом случае метод отвергнут, во втором его нет. Поэтому и результат достигается здесь не нормой, а конструированием привязки в судебном акте.

Материал для такого конструирования доставляет категория тесной связи. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что в основе общих правил определения компетенции арбитражных судов лежит принцип наличия тесной связи спорного правоотношения с территорией Российской Федерации, а нормы части 1 статьи 247 АПК РФ подлежат толкованию с учетом этого принципа, причем перечень оснований компетенции не является исчерпывающим; наличие тесной связи устанавливается в каждом конкретном случае с учетом всей совокупности обстоятельств дела[7]. Обстоятельства, которыми Судебная коллегия по экономическим спорам воспользовалась при проверке этой связи, приведены в § 2; существенно не их состав, а то, что открытый перечень позволяет суду признать относимым любое обстоятельство.

Среди обстоятельств, подтверждающих тесную связь, названо и то, что применимым к договору правом является право Российской Федерации. Применимое право выступает, следовательно, посылкой юрисдикционного вывода. Установив компетенцию, суд констатирует, что дальнейшее рассмотрение осуществляется по правилам Закона о банкротстве[8], – и применимое право становится следствием того же вывода. Круг замыкается: применимое право обосновывает компетенцию, а установленная компетенция определяет применимое право; коллизионная норма в этом круге не применяется ни разу. Различие объектов, скрытое единством словесной формулы, работает на тот же результат: статья 1186 и пункт 9 статьи 1211 ГК РФ связывают отношение со страной, право которой подлежит применению, тогда как приведенное разъяснение связывает правоотношение с территорией, определяющей компетенцию. Одна формула соотносит разные величины.

[1] Закон о банкротстве. Пункт 1, пп. 4 п. 3 ст. 31.1; статья 1187 ГК РФ.

[2] Закон о банкротстве. Пункт 6 ст. 1.

[3] Определение Судебной коллегии по эконом. спорам ВС РФ от 08.02.2024 № 305-ЭС23–15177 по делу № А40–248405/2022, р. I–III. Документ не опубликован. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[4] Определение ВС РФ от 27.05.2024 № 105-ПЭК24 по делу № А40–248405/2022. Документ не опубликован. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[5] Определение Арбитражного суда города Москвы от 22.04.2024 по делу № А40–248405/22–101–442. Документ не опубликован. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[6] Закон о банкротства. Статья 42; Федеральный закон от 26.07.2026 № 253-ФЗ. Статья 4.

[7] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом», пп. 12, 15 // Российская газета № 144 от 04.07.2017; Бюллетень ВС РФ. 2017. № 8. С. 15–26.

[8] Определение Судебной коллегии по экон. спорам ВС РФ от 08.02.2024 № 305-ЭС23–15177. П. 2.2.

Квалификация, избранная законодателем, противоположна судебной. Условия комплексного соглашения о санации распространяются на кредиторов, его не подписавших, применительно к пункту 2 статьи 450 ГК РФ[1]: эффект сконструирован как изменение договора, а не как последствие процедуры несостоятельности. Для изменения договора раздел VI ГК РФ располагает развернутым набором привязок – статьи 1210, 1211 и 1215 определяют и выбор права, и сферу его действия, включая последствия неисполнения и основания прекращения обязательства. Ни одна из них к соглашению не адресована.

Отсюда вывод: трансграничный эффект соглашения подчинен праву, применимому к каждому изменяемому обязательству, а не праву места его утверждения. Процессуальная конструкция это подтверждает. Заявление об утверждении рассматривается по правилам искового производства с принятием решения; процедура, применяемая в деле о банкротстве, при этом не вводится[2]. Места производства, к которому можно было бы привязать *lex fori concursus*, не возникает. Единый по замыслу акт распадается на столько обязательственных статутов, сколько обязательств он изменяет, и судьба каждого из них решается за пределами российского правопорядка – что и выводит исследование к правилу *Antony Gibbs*.

§ 4. Правило Gibbs и развилка правопорядков

Английское право пришло к решению того же вопроса за столетие с лишним до российской реформы. В деле *Antony Gibbs* Апелляционный суд постановил, что сторона договора, заключенного и подлежащего исполнению в Англии, не освобождается от обязательства вследствие прекращения долга по закону иностранного государства, которому эта сторона не подчинилась[3]. Основанием вывода служит не территориальный приоритет английского права, а согласие: стороны считаются условившимися о праве, применимом к договору, и не могут быть связаны законом другого государства, которому они не выражали подчинения ни прямо, ни подразумеваемо. Правило симметрично – со ссылкой на Стори суд признал, что при подчинении обязательства иностранному праву освобождение по этому праву было бы действительным и в Англии. Прекращение обязательства определяется, таким образом, правом, которому обязательство принадлежит, а не правом места производства.

Именно в это поле российский законодатель поместил санационное соглашение собственным выбором квалификации. Распространение условий комплексного соглашения на кредиторов, его не подписавших, сконструировано применительно к пункту 2 статьи 450 ГК РФ[4] – как изменение договора, а не как публично-правовое последствие процедуры. Тем самым вопрос о судьбе обязательства переведен в область, которой правило Gibbs и посвящено: при каких условиях договорное обязательство может быть прекращено или изменено законом, которому кредитор согласия не давал. А связывает соглашение именно кредиторов, не участвовавших в его заключении, – то есть тех, чьего подчинения нет ни в какой форме.

Совпадают и оговорки об исключении. В деле *Antony Gibbs* кредиторы заявили требование в иностранной ликвидации, но с оговоркой о сохранении прав по английскому иску; довод о том, что такое заявление образует подчинение иностранной юрисдикции, суд отклонил – условное требование с оговоркой согласия не создает. Российский правопорядок пришел к сходному исключению иным путем: участие иностранного лица в разбирательстве без возражений до первого заявления по существу спора подтверждает его волю и влечет утрату права ссылаться на отсутствие компетенции[5]. Конструкции разошлись по форме, но совпали по существу – обе связывают эффект с действительным согласием стороны.

Правопорядки общего права, однако, распорядились этим наследием по-разному, и в этом расхождении – узел проблемы. В деле *Bakhshiyeva*, где азербайджанский план реструктуризации затрагивал долги, подчиненные английскому праву, английский суд отказался продлевать мораторий после завершения иностранной процедуры: права кредиторов по английскому праву не могут быть преобразованы в права по иностранному праву процессуальным средством, а отмена правила *Gibbs* – прерогатива законодателя, а не суда[6]. Банкротный суд Южного округа Нью-Йорка в деле *Agrokor* разрешил тот же вопрос противоположно, признав и приведя в исполнение само хорватское соглашение об урегулировании, изменявшее долги по английскому праву, в пределах территориальной юрисдикции Соединенных Штатов[7]. Один и тот же механизм – распространение реструктуризации на несогласного кредитора – получил в двух правопорядках несовместимые оценки.

Историческая дуга подтверждает устойчивость препятствия. В 1890 году ответчик добивался приостановления английского производства, в 2018 году иностранный представитель – бессрочного моратория; процессуальный обход материального правила был отвергнут дважды с интервалом в сто двадцать восемь лет. Отсюда следует, что судьба соглашения за рубежом зависит не от его содержания, а от того, какой правопорядок и каким механизмом к нему обращается: препятствие структурно, но не абсолютно. Это и переводит исследование от описания барьера к вопросу о том, можно ли устранить противоречие заранее – средствами превентивного контура.

§ 5. Превентивный контур: возврат к согласованию

Реактивный контур располагает единственным механизмом с положительной внешней признаваемостью – арбитражным разбирательством, решения которого исполняются за рубежом на основании Нью-Йоркской конвенции 1958 г. Именно его закон и закрывает: пункт 12 статьи 31.1 запрещает передачу споров из комплексного соглашения о санации в третейское разбирательство, направляя их по умолчанию в арбитражный суд по месту нахождения должника, «если не установлено иное»[8]. Изъятие арбитражной оговорки из превентивного контура и закрытие доступа к арбитражному разбирательству лишают соглашение единственного канала, который признавался бы вне российского правопорядка.

Доступ к утверждению соглашения замкнут территориально тремя условиями. Два из них жесткие и обходу не поддаются: отчетность, соответствующая государственному информационному ресурсу бухгалтерской отчетности, и заключение аудиторской организации из российского реестра[9]. Третье мягче: заявление об утверждении рассматривается арбитражным судом по месту нахождения должника – правило диспозитивное, исключительной подсудностью не являющееся. Исключительную подсудность статья 4 Закона ввела лишь для заявления о реструктуризации долгов, дополнив часть 4 статьи 38 АПК РФ[10].

Диспозитивность оговорки «если не установлено иное» открывает вопрос о ее объеме. Пункт 7 постановления Пленума № 23 закрепляет, что исключительная компетенция не может быть изменена ни пророгационным, ни дерогационным соглашением; однако правило пункта 12 статьи 31.1 исключительным не является, и этот запрет к нему не обращен. Пункт 10 распространяет действие пророгационного соглашения на действия сторон, направленные на исполнение, изменение и расторжение договора, – триаду, текстуально совпадающую с формулой пункта 12. Вместе с тем пункт 11 предписывает оставить заявление без рассмотрения при пророгации в пользу иностранного суда, если сторона заявит возражение[11]. Оговорка, по-видимому, допускает передачу спора другому российскому суду, но выбор суда иностранного вернул бы ту самую проблему трансграничного признания, устранить которую соглашение и призвано.

Первой ступенью превентивного контура остается автономия воли. Единственный след иностранного элемента во всем законе – изменение валюты долга как условие соглашения[12]; при таком условии выбор права, применимого к изменяемым обязательствам, по правилам статьи 1210 ГК РФ определяет их судьбу заранее и устраняет неопределенность обязательственного статута до возникновения спора.

Второй ступенью выступает нотариальное удостоверение. Оно обязательно при наличии условий о моратории и о порядке удовлетворения требований и факультативно в прочих случаях[13]. Его эффект не сводится к форме: соглашение, удостоверенное нотариально или утвержденное судом, получает исполнительно-процессуальную защиту – предъявление исполнительного документа в нарушение его условий влечет отказ в возбуждении исполнительного производства и его

[1] Закон о банкротстве. Абзац 4 п. 1 ст. 31.1.

[2] Там же. Абзацы 1 и 3 п. 19, п. 20 ст. 31.1.

[3] Antony Gibbs & Sons v La Société Industrielle et Commerciale des Métaux (1890) 25 Q.B.D. 399 (C.A.).

[4] Закон о банкротстве. Абзац 4 п. 1 ст. 31.1.

[5] Antony Gibbs & Sons v La Société Industrielle et Commerciale des Métaux. Op. cit.; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23. П. 18.

[6] Bakhshiyeva (Foreign Representative of the OJSC International Bank of Azerbaijan) v Sberbank of Russia and others [2018] EWCA Civ 2802; Re OJSC International Bank of Azerbaijan; Bakhshiyeva v Sberbank of Russia and others [2018] EWHC 59 (Ch).

[7] In re Agrokor d.d., No. 18–12104 (Bankr. S.D.N.Y. 2018). См. также: Re Agrokor DD [2017] EWHC 2791 (Ch).

[8] Закон о банкротстве. Пункт 12 ст. 31.1.

[9] Закон о банкротстве. Подпункт 4 п. 3, п. 6 ст. 31.1; пп. 8 п. 1 ст. 38.1; пп. 1 п. 8 ст. 48.

[10] Закон о банкротстве. Пункт 17 ст. 31.1; ч. 4 ст. 38 АПК РФ (в редакции ст. 4 ФЗ от 26.07.2026 г. № 253-ФЗ).

[11] Пункты 7, 10, 11 постановления Пленума ВС РФ от 27.06.2017№ 23 // Бюллетень ВС РФ. 2017. № 8. С. 15–26.

[12] Подпункт 1 п. 6 ст. 31 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ (в ред. от 26.07.2026); ст. 1210 ГК РФ.

[13] Пункт 8 ст. 31 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ (в ред. от 26.07.2026).

приостановление[1]. Для трансграничного оборота удостоверение дополняется легализацией или проставлением апостиля.

Завершает контур экспертиза проекта соглашения на коллизионность: выявление обязательств с иностранным статутом, согласование применимого права и формы, оценка признаваемости соглашения в предполагаемых юрисдикциях исполнения. Такая методика переносит разрешение коллизии со стадии спора на стадию проектирования. Практическая ее ценность видна на материале уже разобранного дела: между объявлением правовой позиции 8 февраля 2024 г. и погашением долга должником 25–27 марта 2024 г. прошло около шести недель, причем эффект был достигнут самой доступностью российской юрисдикции, а не введением процедуры, которая так и не состоялась[2]. Действенность обеспечивается, следовательно, не реактивным механизмом, а заранее определенной доступностью суда и права – то есть превентивным согласованием.

§ 6. Институты со структурной лакуной

Последовательность правовых методов принято мыслить непрерывной: при неработоспособности одной ступени применяется следующая. Разобранный материал показывает, что непрерывность не является всеобщим свойством. Существуют институты, в которых отдельная ступень отсутствует не вследствие ее неэффективности, а вследствие того, что в данном правопорядке ее попросту нет; такой институт уместно назвать *институтом со структурной лакуной*. На нем правило перехода неисполнимо – переходить не к чему. Соглашение о санации служит тому примером: ступени унифицированной материальной нормы и коллизионного регулирования на нем не существуют, что и было установлено выше.

Пустоту занимает замещающая ступень – судебное восполнение. Его признаки противоположны признакам превентивного метода: суд конструирует юрисдикционную привязку взамен отсутствующей коллизионной, что сопряжено с высокими издержками, низкой предсказуемостью и нулевой трансграничной признаваемостью, поскольку акт, обосновывающий компетенцию, действует лишь в пределах вынесшего его правопорядка. Отсюда *правило возврата*: когда замещающая ступень не дает внешнего эффекта, рациональное движение направлено не вверх по лестнице, а назад – *к превентивному контуру* согласования, рассмотренному в § 5.

Структурная лакуна обостряется, когда коллизия имеет политико-правовую, санкционную природу. В определении от 8 февраля 2024 г. в числе оснований введения вторичного (локального) производства прямо названы международные санкции[3]. Санкционное обстоятельство выступает здесь не коллизионной привязкой, а основанием локализации производства: политико-правовая коллизия усиливает смещение к юрисдикционному методу и одновременно обесценивает его вовне, отчего значение превентивного согласования, устраняющего неопределенность до ее обострения, лишь возрастает.

Заключение

Результаты сводятся к следующему. Соглашение о санации отвечает признакам трансграничной сделки, однако ступени унифицированной и коллизионной регламентации на нем отсутствуют, а образовавшаяся лакуна замещается судебным восполнением. Применимое право служит при этом и посылкой, и следствием вывода о компетенции, тогда как действительный эффект соглашения подчинен праву каждого изменяемого обязательства.

Проект закона о трансграничной несостоятельности 2011 г. в законодательный орган не вносился. Работа продолжается на двух площадках: рабочая группа МПА СНГ одобрила проект модельного закона о трансграничной несостоятельности и банкротстве[4], а Рабочая группа V ЮНСИТРАЛ обсуждает проект типового закона о применимом праве в делах о несостоятельности, исходя из базовой привязки *lex fori concursus*[5]. Для добанкротного соглашения такая привязка непригодна – производство не возбуждается. Предлагается правило, по которому эффект реабилитационного соглашения в отношении кредитора, подчинения не выразившего, определяется правом изменяемого обязательства.

Дальнейшее исследование предполагает выход к дальневосточной и арабо-мусульманской правовым семьям, где автономия воли признана, но встроена в иную иерархию ограничителей.

Литература

1. Ефимова Л.Г. Правовые особенности договора синдицированного кредита // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 10. – С. 20–44.
2. Карелина С.А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 568 с.
3. Карелина С. А., Фролов И.В. Институт банкротства граждан по законодательству РФ: лекция в рамках учебного курса магистерской программы «Правовое регулирование несостоятельности (банкротства)» // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2017. № 4. – С. 2–20.
4. Мохова Е.В. Центр основных интересов должника при трансграничной несостоятельности: перспективы введения в России новых правовых конструкций // Закон. 2012. № 10. – С. 111–127.
5. Мохова Е.В. Трансграничное банкротство: российские правовые реалии и перспективы // Закон. 2014. № 6. – С. 62–73.
6. Мохова Е. В., Крючкова Ю.А. Банкротство иностранных банков: в серой зоне между общими и специальными правилами трансграничной несостоятельности. Часть 1 // Журнал ВШЭ по международному праву. 2025. № 4. – С. 4–33.
7. Муранов А.И. Международный договор и взаимность как основания приведения в исполнение в России иностранных судебных решений. – М.: Статут, 2003. – 192 с.
8. Несостоятельность (банкротство): учебный курс: в 2 т. / под ред. С.А. Карелиной. Т. 2. – М.: Статут, 2019. – 848 с.
9. Пойда В.В. Право, применимое в делах о трансграничной несостоятельности: правотворчество и правоприменение // Вестник арбитражной практики. 2025. № 6. – С. 34–46.
10. Пойда В. В., Татаринов М.К. Унификация и гармонизация критериев подсудности дел о трансграничной несостоятельности в интеграционных объединениях: опыт ЕС и ЕАЭС // Арбитражный и гражданский процесс. 2025. № 3. – С. 40–44.
11. Рягузов А.А. Трансграничная несостоятельность – институт международного частного права // Международное публичное и частное право. 2007. № 4 (37). – С. 3–6.
12. Собина Л.Ю. Признание иностранных банкротств в международном частном праве. – М.: Статут, 2012. – 238 с.
13. Собина Л.Ю. Признание иностранных банкротств в ситуации трансграничной несостоятельности // Актуальные проблемы гражданского права: сборник работ выпускников Российской школы частного права 2009 года. Вып. 14. – М.: Статут, 2012. – С. 461–491.
14. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Т. IV: Торговый процесс. Конкурсный процесс. – М.: Статут, 2003. – 550 с.
15. Шишмарева Т.П. Правовые средства обеспечения эффективности процедур несостоятельности в России и Германии: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – М., 2022. – 52 с.
16. Энгельман И.Е. Об исполнении иностранных судебных решений в России. – СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1884. – 49 с.
17. Ярков В.В. Компетенция российских судов по делам о трансграничной несостоятельности // Российский юридический журнал. 2023. № 1. – С. 52–64.
18. Bork R. Principles of Cross-Border Insolvency Law. – Cambridge: Intersentia, 2017. – 312 p.
19. Fletcher I.F. Insolvency in Private International Law: National and International Approaches. 2nd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 606 p.
20. LoPucki L.M. Cooperation in International Bankruptcy: A Post-Universalist Approach // Cornell Law Review. 1999. Vol. 84, № 3. – P. 696–762.
21. Mevorach I. Modified Universalism as Customary International Law // Texas Law Review. 2018. Vol. 96, № 7. – P. 1403–1450.
22. Walters A. Modified Universalisms & the Role of Local Legal Culture in the Making of Cross-Border Insolvency Law // American Bankruptcy Law Journal. 2019. Vol. 93, № 1. – P. 47–124.

CROSS-BORDER EFFECT OF THE SANATION AGREEMENT: A STRUCTURAL LACUNA IN CONFLICT-

[1] Пункт 14 ч. 1 ст. 31, п. 5.3 ч. 1 ст. 40 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (в ред. ст. 9 ФЗ от 26.07.2026 № 253-ФЗ).

[2] Определение Судебной коллегии по экон. спорам ВС РФ от 08.02.2024 № 305-ЭС23–15177; определение Арбитражного суда города Москвы от 22.04.2024 по делу № А40–248405/22–101–442.

[3] Там же. П. 2.3.

[4] Рабочая группа МПА СНГ одобрила проект модельного закона о трансграничной несостоятельности: заседание рабочей группы 26.02.2026, Таврический дворец, под руководством М. Файзулло // Исполнительный комитет СНГ https://eccis.org/news/31708/rabochaja_gruppa_mpa_sng_odobrila_proekt_modelnogo_zakona_o_transgranichnoj_nesostojatelnosti (последнее посещение – 26 августа 2026 г.).

[5] Рабочая группа V ЮНСИТРАЛ (Законодательство о несостоятельности), 68-я сессия, Нью-Йорк, 13–17 апреля 2026 г.: A/CN.9/WG.V/WP.207; A/CN.9/WG.V/WP.208 https://uncitral.un.org/en/working_groups/5/insolvency_law (последнее посещение – 26 августа 2026 г.).

OF-LAWS REGULATION AND THE PREVENTIVE METHOD

Glazov D.V.
Kutafin Moscow State Law University

The insolvency reform of 26 July 2026 (Federal Law No. 253-FZ) introduced the sanation agreement: a contract binding creditors that did not sign it and weakening the regime for challenging the debtor's transactions. Both effects are designed for domestic circulation, whereas their operation beyond the Russian legal order remains unresolved. The article establishes that the tiers of uniform substantive and conflict-of-laws regulation are absent, the resulting gap being filled by judicial substitution: applicable law serves at once as the ground of jurisdiction and as its consequence, while no conflict rule is applied. The characterisation chosen by the legislature – modification of a contract by analogy with paragraph 2 of Article 450 of the Civil Code – subjects the cross-border effect of the agreement to the law governing each modified obligation. Comparison of the English and United States rulings in *Bakhshiyeva* and *Agrokor* shows that the two legal orders diverge and that the obstacle is structural. The notions of an institution with a structural lacuna and of the rule of return to the preventive framework are introduced, and a conflict rule for rescue agreements is proposed, differing from the *lex fori concursus* connecting factor discussed by UNCITRAL Working Group V.

Keywords: cross-border insolvency; sanation agreement; conflict-of-laws rule; structural lacuna; rule in Gibbs; centre of main interests (COMI); party autonomy; recognition of foreign insolvencies; preventive coordination; *lex fori concursus*

References

1. Efimova L.G. Pravovye osobennosti dogovora sindicirovannogo kredita // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGUA). 2018. № 10. – S. 20–44.
2. Karelina S.A. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya otnoshenij nesostoyatel'nosti. – M.: Volters Kluver, 2008. – 568 s.
3. Karelina S. A., Frolov I.V. Institut bankrotstva grazhdan po zakonodatel'stvu RF // Predprinimatel'skoe pravo. Prilozhenie «Pravo i Biznes». 2017. № 4. – S. 2–20.
4. Mokhova E.V. Centr osnovnykh interesov dolzhnika pri transgranichnoj nesostoyatel'nosti: perspektivy vvedeniya v Rossii novykh pravovykh konstrukcij // Zakon. 2012. № 10. – S. 111–127.
5. Mokhova E.V. Transgranichnoe bankrotstvo: rossijskie pravovye realii i perspektivy // Zakon. 2014. № 6. – S. 62–73.
6. Mokhova E. V., Kryuchkova Yu.A. Bankrotstvo inostrannykh bankov: v seroj zone mezhdu obshchimi i special'nymi pravilami transgranichnoj nesostoyatel'nosti. Chast' 1 // Zhurnal VSHE po mezhdunarodnomu pravu. 2025. № 4. – S. 4–33.
7. Muranov A.I. Mezhdunarodnyj dogovor i vzaimnost' kak osnovaniya privedeniya v ispolnenie v Rossii inostrannykh sudebnykh reshenij. – M.: Statut, 2003. – 192 s.
8. Nesostoyatel'nost' (bankrotstvo): uchebnyj kurs: v 2 t. / pod red. S.A. Karelinoj. T. 2. – M.: Statut, 2019. – 848 s.
9. Pojda V.V. Pravo, primenimoe v delakh o transgranichnoj nesostoyatel'nosti: pravotvorchestvo i pravoprimenenie // Vestnik arbitrazhnoj praktiki. 2025. № 6. – S. 34–46.
10. Pojda V. V., Tatarinov M.K. Unifikaciya i garmonizaciya kriteriev podsudnosti del o transgranichnoj nesostoyatel'nosti v integracionnykh ob»edineniyakh: opyt ES i EAES // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. 2025. № 3. – S. 40–44.
11. Ryaguzov A.A. Transgranichnaya nesostoyatel'nost' – institut mezhdunarodnogo chastnogo prava // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. 2007. № 4 (37). – S. 3–6.
12. Sobina L. Yu. Priznanie inostrannykh bankrotstv v mezhdunarodnom chastnom prave. – M.: Statut, 2012. – 238 s.
13. Sobina L. Yu. Priznanie inostrannykh bankrotstv v situacii transgranichnoj nesostoyatel'nosti // Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava: sbornik rabot vypusknikov Rossijskoj shkoly chastnogo prava 2009 goda. Vyp. 14. – M.: Statut, 2012. – S. 461–491.
14. Shershenevich G.F. Kurs torgovogo prava. T. IV: Torgovyj process. Konkursnyj process. – M.: Statut, 2003. – 550 s.
15. Shishmareva T.P. Pravovye sredstva obespecheniya effektivnosti procedur nesostoyatel'nosti v Rossii i Germanii: avtoref. dis. … d-ra yurid. nauk. – M., 2022. – 52 s.
16. Engel'man I.E. Ob ispolnenii inostrannykh sudebnykh reshenij v Rossii. – SPb.: Tipografiya Pravitel'stvuyushchego Senata, 1884. – 49 s.
17. Yarkov V.V. Kompetenciya rossijskikh sudov po delam o transgranichnoj nesostoyatel'nosti // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2023. № 1. – S. 52–64.
18. Bork R. Principles of Cross-Border Insolvency Law. – Cambridge: Intersentia, 2017. – 312 p.
19. Fletcher I.F. Insolvency in Private International Law: National and International Approaches. 2nd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 606 p.
20. LoPucki L.M. Cooperation in International Bankruptcy: A Post-Universalist Approach // Cornell Law Review. 1999. Vol. 84, № 3. – P. 696–762.
21. Mevorach I. Modified Universalism as Customary International Law // Texas Law Review. 2018. Vol. 96, № 7. – P. 1403–1450.
22. Walters A. Modified Universalisms & the Role of Local Legal Culture in the Making of Cross-Border Insolvency Law // American Bankruptcy Law Journal. 2019. Vol. 93, № 1. – P. 47–124.

Изобретения и полезные модели, реализуемые с использованием программируемого средства: разграничение объектов правовой охраны

Григорьев Кирилл Александрович,
начальник отдела «Управление интеллектуальной собственностью», НИЦ «Курчатовский институт» – ВИАМ
E-mail: gregory_84@mail.ru

В статье исследуется соотношение авторско-правовой охраны программы для ЭВМ и патентной охраны изобретений и полезных моделей, реализуемых с использованием программируемых средств. Показано, что указанные режимы могут применяться к одному цифровому продукту, но не образуют единого объекта и не создают взаимных презумпций. Авторское право охраняет объективную форму программы, включая исходный текст и объектный код, тогда как патент удостоверяет исключительное право на техническое решение в объеме формулы изобретения или полезной модели. Обосновывается двухконтурная гражданско-правовая модель, разделяющая форму выражения программы для ЭВМ и техническую функцию программируемого средства. С учетом Федерального закона от 4 августа 2026 г. № 296-ФЗ предложен четырехэлементный алгоритм квалификации программно реализуемых решений: установление заявленного объекта, выявление программно обусловленных существенных признаков, проверка их причинной связи с объективно достигаемым техническим результатом и проверке условий патентоспособности. Сформулированы выводы для экспертизы заявок, договорной практики и разрешения споров о параллельном использовании авторских и патентных прав.

Ключевые слова: программа для ЭВМ, исходный текст, объектный код, программируемое средство, компьютерно-реализуемое изобретение, техническое решение, исключительное право, цифровой продукт, авторское право, патентоспособность, патентное право, патентоспособность.

Введение

Цифровой продукт редко сводится к одному результату интеллектуальной деятельности (РИД). В его составе могут одновременно находиться программа для ЭВМ, техническое решение, база данных, а также, документация и конфиденциальные параметры настройки, охраняемые как секрет производства (ноу-хау). Для гражданско-правовой квалификации это обстоятельство имеет принципиальное значение. Участники оборота нередко используют выражение «патент на программное обеспечение», хотя оно не указывает, какой именно объект охраняется и где проходят пределы исключительного права. Вследствие такой терминологической подмены регистрация программы для ЭВМ ошибочно воспринимается как подтверждение технического характера разработки, а патент, как запрет воспроизводить любой программный код, выполняющий сходную функцию.

Российское право строится на иной логике. Программа для ЭВМ отнесена к объектам авторских прав и охраняется как литературное произведение, а изобретение и полезная модель являются объектами патентных прав. В статье 1261 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ) программа для ЭВМ определена как представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств; охрана распространяется на программы для ЭВМ, выраженные на любом языке и в любой форме, включая исходный текст и объектный код. Статьи 1350 и 1351 ГК РФ связывают патентоспособность не с программой для ЭВМ как таковой, а с техническим решением соответствующей предметной категории. Поэтому разграничение должно проводиться не по тому, используется ли в продукте программирование, а по юридически значимому результату, на который направлено притязание исключительных прав.

Актуальность проблемы усилилась после принятия Федерального закона от 4 августа 2026 г. № 296-ФЗ [2] (далее – Закон № 296-ФЗ), вступающего в силу 1 января 2027 г. Законодатель прямо обозначил технические решения, реализуемые в программируемых средствах, применительно к изобретениям и программируемое устройство применительно к полезным моделям. Тем самым устранено сомнение в принципиальной допустимости наличия программно обусловленных признаков в формуле изобретения или полезной модели. Однако программа для ЭВМ не стала самостоятельной разновидностью изобретения. Новелла требует еще точнее отделять объективную форму программы для ЭВМ от технической сущности продукта или способа. Расширение терминологии Законом не отменяет исключение программ «как таковых» из охраны в качестве изобретения и не меняет объект авторского права.

Цель настоящей статьи состоит в построении непротиворечивой модели разграничения авторско-правовой и патентной охраны применительно к программируемым средствам. Для ее достижения необходимо ответить на три связанных вопроса: что именно охраняется авторским правом на программу для ЭВМ; при каких условиях программно обусловленный признак участвует в патентоспособном техническом решении; какие правовые последствия возникают при одновременном действии нескольких исключительных прав на РИД. Методологически исследование основано на формально-юридическом, системном и сравнительно-правовом методах. Основной тезис заключается в объектной автономии рассматриваемых режимов: каждый из них устанавливается по собственному юридическому составу и не подтверждает наличие другого.

Основная часть

В авторском праве программа для ЭВМ рассматривается прежде всего, как результат творческого выражения. Понятия «исходный текст» и «объектный код», использованные в статье 1261 ГК РФ, обозначают формы представления одной программы для ЭВМ. Исходный текст доступен для чтения и изменения человеком при использовании соответствующего языка программирования. Объектный код образуется в результате преобразования исходного текста и предназначен преимущественно для выполнения вычислительной системой. Различие между ними технически существенно, но не создает двух самостоятельных

произведений, если обе формы выражают одну и ту же программу для ЭВМ. По этой причине, словосочетание «исходный текст и объектный код» уместно при определении общего объема авторско-правовой охраны, тогда как в доказательственном контексте точнее называть ту форму, которая фактически передана, скопирована или исследована.

Термин «программный код» допустим как родовое техническое обозначение, когда конкретная форма представления не имеет значения. В юридическом выводе он не должен подменять терминологию закона. Особенно неудачно безусловно отождествлять объектный код с любым «исполняемым кодом»: исполнение может обеспечиваться интерпретатором, виртуальной машиной, промежуточным представлением или иной технологической цепочкой. Для установления объекта нарушения исключительного права суду важны происхождение спорной формы и фактический способ ее использования, а не только возможность использования программы для ЭВМ. Такая терминологическая точность устраняет ложный вывод, будто авторское право охраняет исключительно исходный текст либо, напротив, любую функционально эквивалентную реализацию.

А.Д. Белов, исследуя патентование программных разработок, указывает, что «патентная охрана защищает не только форму компьютерной программы, но и ее содержание» [5, с. 48]. Первая часть противопоставления точно отражает отличие патента от авторского права, однако категория «содержание программы» представляется слишком широкой. Она способна включить идею, математическое правило, постановку экономической задачи и ожидаемый информационный эффект. Ни один из этих элементов сам по себе не составляет объекта патентных прав. Корректнее говорить не о содержании программы для ЭВМ, а о техническом решении, которое реализуется посредством программируемого средства и выражено совокупностью существенных признаков формулы изобретения или полезной модели. Такое уточнение не является терминологической формальностью, так как, от него зависит, будет ли исключительное право ограничено техническим вкладом либо распространено на абстрактную функцию.

Н.Ю. Соколова и Д.А. Терскова приходят к выводу, что «только совместное применение этих правовых механизмов обеспечивает оптимальную защиту компьютерных программ» [9]. Данный подход обоснован в прикладном отношении, поскольку одна разработка действительно может нуждаться в сочетании правовых режимов. Вместе с тем формула совместности требует оговорки, при которой оптимальной является предметно разграниченная охрана. Авторское право не запрещает независимое создание иной программы для ЭВМ, решающей ту же задачу, тогда как патентное право может воспрепятствовать независимой реализации всех признаков запатентованного технического решения. Следовательно, режимы не дополняют друг друга автоматически; они действуют параллельно лишь постольку, поскольку относятся к разным охраняемым объектам.

Государственная регистрация программы для ЭВМ не меняет этого вывода. Согласно статье 1262 ГК РФ она проводится по желанию правообладателя и не является условием возникновения авторского права. Регистрационная процедура фиксирует представленные заявителем сведения и материалы, облегчая индивидуализацию объекта и доказывание приоритета обладания экземпляром, но не включает проверку новизны, изобретательского уровня, промышленной применимости или достижения технического результата. Поэтому свидетельство о регистрации программы для ЭВМ или базы данных не создает презумпции патентоспособности решения, которое заявитель связывает с зарегистрированным продуктом. Депонирование программы для ЭВМ и экспертиза заявки на изобретение или полезной модели различаются как по назначению, так и по глубине проверки.

П.А. Бобылев справедливо связывает проблему с формальным характером охраны, получаемой после депонирования программы для ЭВМ в Роспатенте [6]. Практическая ценность государственной регистрации программы для ЭВМ не должна превращаться в приписывание ей несуществующего правоустанавливающего либо качественного эффекта. Из свидетельства нельзя вывести работоспособность программы для ЭВМ, оригинальность каждого фрагмента, принадлежность всех использованных компонентов. Для договора об отчуждении или лицензии регистрация программы для ЭВМ может служить удобным идентификатором, однако заверения об отсутствии нарушений и объеме передаваемых прав требуют самостоятельного содержания.

Авторское право также не монополизирует алгоритм как последовательность абстрактных предписаний, математическую зависимость и функциональную цель. К тому же, авторское право охраняет выбор и расположение элементов в той мере, в какой они получили оригинальное выражение. Из этого не следует, что буквальное копирование – единственный возможный вид нарушения: существенная переработка структуры и воспроизведение оригинальной организации текста способны иметь юридическое значение. Однако установление сходства функций без анализа охраняемой формы недостаточно. В споре о программе для ЭВМ вопрос «делает ли продукт то же самое» должен быть отделен от вопроса «воспроизводит ли он охраняемую форму». Смешение вопросов фактически создало бы авторско-правовую монополию на техническую проблему (задачу) без экспертизы и ограничения срока, свойственных патенту.

Показателен вывод Суда Европейского союза по делу Sony Computer Entertainment Europe Ltd v Datel Design and Development Ltd 2024 г. [15] Суд исходил из того, что изменение значений переменных в оперативной памяти без воспроизведения исходного или объектного кода программы не охватывается исключительным правом на изменение программы по Директиве 2009/24/ЕС. Российское регулирование не тождественно праву Европейского союза, однако аргумент значим для предметного разграничения, при котором, функциональное вмешательство в вычислительный процесс не равнозначно использованию формы программы для ЭВМ. Именно в таких ситуациях патент, если он существует и охватывает реализованную совокупность технических признаков, выполняет отличную от авторского права функцию.

Российские патенты последних лет показывают возможность предметно точной формулы изобретения. В патенте RU 2819647 C1 [4] охраняется способ оценки параметров поведения пользователя по данным датчиков мобильного устройства. Его значение для рассматриваемой проблемы заключается не в сложности алгоритма, а в соединении определенных операций получения и обработки измеряемых параметров с заявленным результатом. Вместе с тем наличие выданного патента не должно использоваться как универсальное доказательство допустимости любой аналитической задачи. Правовая оценка всегда проводится по конкретной формуле, описанию и уровню техники.

Европейское патентное ведомство в Руководстве 2026 г. сохраняет подход к изобретениям смешанного характера – нетехнический признак может входить в формулу, однако поддерживает изобретательский уровень только в той мере, в какой во взаимодействии с техническими признаками вносит технический вклад [14]. Для российского права необходимо не заимствование терминологии ЕПВ, а сама дисциплина анализа причинного взаимодействия, ибо, позволяет оценивать формулу целиком, не исключая из нее программные или организационные элементы, но и не выводя из их информационной новизны технический эффект.

Решение Верховного суда Великобритании по делу Emotional Perception AI Ltd 2026 г. также подтверждает, что спор о патентоспособности искусственного интеллекта нельзя разрешить одним указанием на программу [13]. Суд согласовал британский подход с практикой ЕПВ и признал необходимым последовательно рассматривать исключение компьютерной программы и технический вклад. Для российской модели важен тот аспект, что аппаратное исполнение не прекращает анализ, а только задает исходную фактическую среду, и юридически решающим остается характер вклада, раскрытого в заявке.

Двухкомпонентная модель позволяет описать одновременное действие прав без искусственного объединения объектов. Первую, выразительную компоненту образует программа для ЭВМ как совокупность данных и команд в объективной форме. Вторую, технически-функциональную компоненту образует изобретение или полезная модель в объеме патентной формулы. Компоненты могут относиться к одному экземпляру продукта, но устанавливаются независимо. Автор программы для ЭВМ может не быть автором изобретения или полезной модели, патентообладатель может передать право на использование программы для ЭВМ по лицензионному договору, организация, самостоятельно написавшая иной исходный текст, может не нарушить авторское право, но использовать запатентованное решение при заключении лицензионного договора с правообладателем.

Из автономии объектов следует правило отсутствия взаимных презумпций. Авторско-правовая охрана программы для ЭВМ, государственная регистрация программы для ЭВМ или базы данных, а также конфиденциальность параметров не подтверждают новизну, изобретательский уровень, промышленную применимость и технический характер решения. В обратную сторону патент не подтверждает оригинальность конкретного исходного текста и не устанавливает авторство его разработчика. Патентная экспертиза исследует техническое решение, а не происхождение каждого фрагмента кода. Поэтому в споре стороны должны доказывать юридические факты отдельно по каждому заявленному основанию.

Право на секрет производства (ноу-хау) не является третьим способом получить абсолютное право на ту же программу для ЭВМ. По статье 1465 ГК РФ секрет производства (ноу-хау) составляют сведения, имеющие действительную или потенциальную коммерческую ценность вследствие неизвестности третьим лицам, если к ним нет

свободного доступа и обладатель принимает разумные меры конфиденциальности. Его предметом могут быть, например, исходный текст, архитектурные решения, параметры обучения, настройки оборудования. Исключительное право на секрет производства (ноу-хау) действует, пока сохраняется конфиденциальность, и не препятствует независимому получению тех же сведений иным лицом. Патент, напротив, предполагает раскрытие сущности технического решения и дает абсолютную охрану на ограниченный срок. Выбор между раскрытием и сохранением конфиденциальности сведений относится к стратегии выбора режима охраны, но не меняет критериев патентоспособности.

И.В. Шевелев на материале программных платформ показывает, что распределение прав осложняется использованием готовых модулей и средств разработки [11, с. 3]. Действительно, итоговый продукт может включать компоненты с различными лицензиями, автоматически сформированные фрагменты и результаты настройки платформы. Однако платформенная зависимость не создает особого объекта авторского права. Для квалификации нужно установить творческий вклад в конкретную форму программы, договорные основания использования компонентов и, отдельно, принадлежность исключительного права на возможное техническое решение. Патент на систему не легализует включение чужого кода, а лицензия на библиотеку не дает разрешения использовать патент иного правообладателя.

Особого внимания требуют лицензии на компоненты с открытым исходным текстом. Доступность исходного текста и разрешение воспроизводить, изменять и распространять программу определяются условиями авторско-правовой лицензии, и не устраняют патентный риск. Если выполнение модифицированного компонента реализует все признаки действующего патента, спор разрешается по нормам патентного права независимо от того, было ли копирование кода. Обратная ситуация также возможна, когда продукт не использует все признаки патента, но включает неправомерно скопированный фрагмент исходного текста. Тем самым один фактический релиз способен породить разные составы нарушения, которые нельзя доказывать одной экспертизой.

При защите авторского права исследуются доступ ответчика к произведению, сходство охраняемых элементов, история разработки, репозитории, версии файлов и результаты программно-технической экспертизы. Для патентного спора центральным становится сопоставление признаков независимого пункта формулы с продуктом или способом ответчика, включая эквивалентные признаки в предусмотренных законом пределах. Представление листинга исходного текста может подтвердить реализацию отдельных операций, но не заменяет толкование патентной формулы. Равным образом одинаковый результат работы программ для ЭВМ не доказывает использование всех признаков решения.

Для практики Роспатента целесообразно закрепить в методических материалах правило, согласно которому упоминание программы для ЭВМ, алгоритма, модели или программного модуля не дает ни положительного, ни отрицательного ответа о техническом характере решения. При проведении экспертизы эксперт должен установить предметную категорию, выявить техническую проблему (задачу), проверить причинную связь существенных признаков с техническим результатом и проверить соответствие условиям патентоспособности. В запросе экспертизы заявителю следует указывать, какая часть причинной связи не раскрыта: входные физические параметры, преобразование, взаимодействие элементов, управляющее воздействие либо достижение технического результата. Такая мотивировка будет полезнее общей ссылки на «программу как таковую» в соответствии п. 5 ст. 1350 ГК РФ.

Для судебной практики требуется аналогичное раздельное построение решения. Суду следует первоначально индивидуализировать каждый объект и правовое основание, затем установить принадлежность исключительного права, после чего определить действие ответчика и пределы соответствующей монополии. Недопустимо выводить нарушение патента из сходства интерфейса или результата программы для ЭВМ. Столь же недопустимо обосновывать копирование исходного текста совпадением запатентованной функции. Если истец ссылается на несколько режимов охраны, мотивировочная часть должна содержать отдельные выводы по каждому составу и объяснять соотношение способов защиты.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что программа для ЭВМ и техническое решение, реализуемое с использованием программируемого средства, соотносятся как самостоятельные результаты, способные быть воплощенными в одном цифровом продукте. Авторское право охраняет объективную форму программы для ЭВМ, включая исходный текст и объектный код. Патентное право охраняет выраженную в формуле изобретения или полезной модели совокупность существенных признаков продукта, способа или устройства, причинно связанную с достижением технического результата. Родовой термин «программный код» допустим для технического описания, но в правовой квалификации должен уточняться с учетом терминологии статьи 1261 ГК РФ и фактического предмета использования.

Закон № 296-ФЗ не относит программу для ЭВМ как таковую к изобретениям или полезной модели.

Его системный смысл состоит в признании того, что программно обусловленные признаки могут участвовать в техническом решении. Для изобретения такое решение относится к продукту, включая систему устройств, либо к способу. Для полезной модели оно может относиться только к устройству. Функциональный признак полезной модели допустим постольку, поскольку характеризует конструкцию и работу устройства, а не скрывает самостоятельную последовательность информационных операций.

Обоснована двухкомпонентная гражданско-правовая модель. Выразительный компонент охватывает форму программы; технико-функциональный – патентуемое решение. Между ними действует принцип объектной автономии: регистрация программы для ЭВМ или базы данных, авторско-правовая охрана и право на секрет производства (ноу-хау) не создают презумпции патентоспособности; патент, в свою очередь, не подтверждает авторство, оригинальность исходного текста или правомерность использования сторонних компонентов. При параллельной охране предмет доказывания и способы защиты определяются отдельно по каждому объекту.

Для экспертизы предложен четырехэлементный алгоритм: определение категории заявленного объекта, выделение программно обусловленных существенных признаков, установление раскрытой в описании причинной связи этих признаков с объективно достигаемым техническим результатом и проверке условий патентоспособности всей совокупности признаков формулы изобретения или полезной модели. Его использование позволит охранять действительный технический вклад, не распространяя патентную монополию на абстрактную задачу, математический метод, деловое правило либо информационный эффект.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496.

2. О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 04.08.2026 № 296-ФЗ // Официальное опубликование правовых актов. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202608040032 (дата обращения: 17.08.2026).

3. Об утверждении Требований к документам заявки на выдачу патента на изобретение: приказ Минэкономразвития России от 21.02.2023 № 107 (ред. от 05.06.2026) // // Официальный интернет-портал правовой информации. – 18.04.2023. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304180010 (дата обращения: 17.08.2026).

4. Способ и система генерирования обучающих данных для алгоритма машинного обучения: пат. 2819647 Рос. Федерация: МПК G06N20/00: заявл. 28.04.2023: опубл. 22.05.2024 бюллетень «Изобретения. Полезные модели», № 11 / Бирюков В.А., Павличенко Н.В., Федорова В.П.,; патентообладатель ООО «Яндекс». – 20 с.

5. Белов А.Д. Правовая охрана программ для ЭВМ в предпринимательской деятельности посредством патентования // Фемида.Science. 2024. № 1 (14). С. 46–58. EDN: MYZMDW.

6. Бобылев П.А. К вопросу о формальности охраны программ для ЭВМ, полученной в результате депонирования ее в Роспатенте // Право и государство: теория и практика. 2024. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-formalnosti-ohrany-programm-dlya-evm-poluchennoy-v-rezultate-deponirovaniya-eyo-v-rospatente (дата обращения: 17.08.2026).

7. Моргунова Е.А. Дизайн графического интерфейса как объект авторских прав // Юрист. 2025. № 6. С. 40–46.

8. Осокин А.В. Влияние искусственного интеллекта на развитие правовой охраны баз данных в современном мире // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. № 2 (48). С. 51–69.

9. Соколова Н.Ю., Терскова Д.А. Правовой режим охраны программ для ЭВМ // Научный аспект. 2024. № 5. URL: https://na-journal.ru/5–2024-pravo/13005-pravovoi-rejim-ohrany-programm-dlya-evm (дата обращения: 17.08.2026).

10. Телегина М.С. База данных в системе объектов интеллектуальных прав: отдельные вопросы теории // Вопросы права. 2026. № 2. С. 18–20.

11. Шевелев И.В. Проблемы правовой охраны программ для ЭВМ, созданных с использованием программных платформ // Право и политика. 2025. № 4. С. 1–15.

12. В России растет спрос на регистрацию отечественного софта // Роспатент: официальный сайт. 23.12.2024. URL: ф https://rospatent.gov.ru/ru/news/tass-2–23122024 (дата обращения: 17.08.2026).

13. Emotional Perception AI Limited v Comptroller General of Patents, Designs and Trade Marks [2026] UKSC 3, judgment of 11 February 2026. URL: https://supremecourt.uk/cases/judgments/uksc-2024–0131 (accessed: 17.08.2026).

14. European Patent Office. Guidelines for Examination in the European Patent Office. Part G, Chapter II; Computer-implemented inventions. 2026. URL: https://www.epo.org/en/legal/guidelines-epc/2026/index.html (accessed: 17.08.2026).

15. Judgment of the Court (First Chamber) of 17 October 2024, Sony Computer Entertainment Europe Ltd v Datel Design and Development Ltd, C-159/23, ECLI: EU: C:2024:887. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:62023CJ0159 (дата обращения: 17.08.2026).

INVENTIONS AND USEFUL MODELS IMPLEMENTED USING A PROGRAMMABLE TOOL: DELINEATION OF OBJECTS OF LEGAL PROTECTION

Grigoriev K.A.
Kurchatov Institute

The article examines the relationship between the copyright and legal protection of computer programs and the patent protection of inventions and utility models implemented using programmable means. It is shown that these regimes can be applied to a single digital product, but they do not form a single object and do not create mutual presumptions. Copyright protects the objective form of a program, including the source text and object code, whereas a patent certifies the exclusive right to a technical solution within the scope of the formula. A two-circuit civil-law model is substantiated, which separates the form of expression of the program and the technical function of the programmable means. Taking into account Federal Law № 296-FZ dated August 4, 2026, a four-element algorithm for qualifying programmatically implemented solutions is proposed: establishing the claimed object, identifying programmatically determined essential features, verifying their causal relationship with the objectively verifiable technical result, and applying the conditions for patentability. Conclusions are formulated for the examination of applications, contractual practice, and the resolution of disputes regarding the parallel use of copyright and patent rights.

Keywords: computer program, source text, object code, programmable tool, computer-implemented invention, technical solution, exclusive right, digital product, copyright, patentability, patent law, patentability.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part Four) dated December 18, 2006, No. 230-FZ (as amended on August 4, 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 52 (Part I). Art. 5496.

2. On Amendments to Part Four of the Civil Code of the Russian Federation: Federal Law No. 296-FZ dated August 4, 2026 // Official publication of legal acts. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202608040032 (accessed: 17.08.2026).

3. On the Approval of the Requirements for Documents of an Application for a Patent for an Invention: Order of the Ministry of Economic Development of Russia dated 21.02.2023 No. 107 (as amended on 05.06.2026) // Official Internet Portal of Legal Information. – 18.04.2023. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304180010 (accessed: 17.08.2026).

4. Method and system for generating training data for a machine learning algorithm: patent 2819647, Russian. Federation: IPC G06N20/00: application date 28.04.2023: publication date 22.05.2024, bulletin “Inventions. Utility models”, No. 11 / Biryukov V.A., Pavlichenko N.V., Fedorova V.P.; patent holder: Yandex LLC. – 20 p.

5. Belov A.D. Legal Protection of Computer Programs in Entrepreneurial Activity through Patenting – Femida.Science. 2024. No. 1 (14). Pp. 46–58. EDN: MYZMDW.

6. Bobylev P.A. On the Issue of the Formality of Protection of Computer Programs Obtained as a Result of Their Deposition with Rospatent – Law and State: Theory and Practice. 2024. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-formalnosti-ohrany-programm-dlya-evm-poluchennoy-v-rezultate-deponirovaniya-eyo-v-rospatente (date of access: 08/17/2026).

7. Morgunova E.A. Graphic interface design as an object of copyright – Lawyer. 2025. No. 6. pp. 40–46.

8. Osokin A.V. The influence of artificial intelligence on the development of legal protection of databases in the modern world – Journal of the Court of Intellectual Rights. 2025. No. 2 (48). pp. 51–69.

9. Sokolova N.Yu., Terskova D.A. The legal regime of protection of computer programs – Scientific aspect. 2024. No. 5. URL: https://na-journal.ru/5–2024-pravo/13005-pravovoi-rejim-ohrany-programm-dlya-evm (date of access: 08/17/2026).

10. Telegina M.S. Database in the system of objects of intellectual rights: some questions of theory – Legal Issues. 2026. No. 2. Pp. 18–20.

11. Shevelev I.V. Problems of legal protection of computer programs created using software platforms – Law and Politics. 2025. No. 4. Pp. 1–15.

12. Demand for registering domestic software is growing in Russia – Rospatent: official website. 23.12.2024. URL: https://rospatent.gov.ru/ru/news/tass-2–23122024 (accessed: 17.08.2026).

13. Emotional Perception AI Limited v Comptroller General of Patents, Designs and Trade Marks [2026] UKSC 3, judgment of 11 February 2026. URL: https://supremecourt.uk/cases/judgments/uksc-2024–0131 (accessed: 17.08.2026).

14. European Patent Office. Guidelines for Examination in the European Patent Office. Part G, Chapter II; Computer-implemented inventions. 2026. URL: https://www.epo.org/en/legal/guidelines-epc/2026/index.html (accessed: 17.08.2026).

15. Judgment of the Court (First Chamber) of 17 October 2024, Sony Computer Entertainment Europe Ltd v Datel Design and Development Ltd, C-159/23, ECLI: EU: C:2024:887. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:62023CJ0159 (дата обращения: 17.08.2026).

Роль прокуратуры в проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов органов исполнительной власти: правовые основы и практика

Громакин Николай Александрович,
аспирант кафедры административного, информационного и финансового права Института права и национальной безопасности РАНХиГС
E-mail: Gromakin73@mail.ru

Предмет статьи составляет деятельность прокуратуры по выявлению и устранению коррупциогенных факторов в нормативных правовых актах органов исполнительной власти и ее соотношение с иными видами антикоррупционной экспертизы. Актуальность исследования определяется сочетанием ведомственной экспертизы, прокурорской проверки и независимого экспертного контроля при сохраняющихся вопросах разграничения их процедур, оформления результатов и работы с проектами нормативных правовых актов. Цель состоит в определении функционального места прокуратуры в системе предупреждения коррупциогенности исполнительного нормотворчества и выявлении направлений совершенствования соответствующего правового механизма. Использованы анализ научных публикаций и законодательства, сравнительный анализ, классификация, логико-аналитическое обобщение и синтез. Материал охватывает российские научные работы 2022–2025 гг., посвященные прокурорским полномочиям, системе субъектов экспертизы, взаимодействию с исполнительной властью и независимой экспертизе. Научная новизна заключается в разграничении диагностической, корректирующей и превентивно-координационной составляющих прокурорской деятельности. Установлены процедурные разрывы в регулировании экспертизы проектов актов и оформления прокурорского реагирования. Полученные положения применимы при совершенствовании ведомственного регулирования и межведомственного взаимодействия.

Ключевые слова: прокуратура, антикоррупционная экспертиза, коррупциогенные факторы, нормативный правовой акт, исполнительная власть, прокурорский надзор, требование прокурора, правотворчество, независимая экспертиза, предупреждение коррупции.

Введение

Органы исполнительной власти одновременно выступают разработчиками нормативных правовых актов и субъектами их внутренней антикоррупционной экспертизы, совмещение нормотворческой и контрольной функций дополняется внешними механизмами проверки, среди которых особое положение занимает прокурорская антикоррупционная экспертиза. Ее значение определяется организационной обособленностью прокуратуры от нормотворческого органа и наличием специальных правовых средств устранения обнаруженных коррупциогенных факторов. Практическая проблема возникает в точках соприкосновения нескольких процедур: ведомственной правовой экспертизы, экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации, прокурорской проверки и независимой антикоррупционной экспертизы. Различия в основаниях проведения, объектах, способах оформления результатов и юридических последствиях требуют разграничения функций этих субъектов применительно к нормативным актам исполнительной власти.

Цель исследования состоит в определении роли прокуратуры в антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов органов исполнительной власти и обосновании направлений совершенствования правового механизма ее осуществления. Достижение цели связано с решением трех задач:

1) систематизировать правовые основания и установить место прокуратуры среди субъектов антикоррупционной экспертизы;

2) раскрыть механизм выявления коррупциогенных факторов и последующего прокурорского реагирования во взаимодействии с органами исполнительной власти;

3) выявить правовые и организационные проблемы экспертизы проектов нормативных правовых актов, методического обеспечения и оформления результатов, определив способы их устранения.

Научная новизна выражается в представлении прокурорской антикоррупционной экспертизы как совокупности трех взаимосвязанных функциональных элементов. Диагностический элемент охватывает внешнюю оценку нормативного регулирования на наличие коррупциогенных факторов, корректирующий связан с использованием специальных средств прокурорского реагирования, превентивно-координационный возникает при работе с проектами актов и взаимодействии прокуратуры с нормотворческими органами и иными субъектами экспертизы.

Материалы и методы

Материал исследования образовали публикации, раскрывающие разные элементы правового механизма антикоррупционной экспертизы и прокурорской деятельности. А.М. Григорьев, А.В. Рассохин и О.В. Соболев [1] исследовали юридическое оформление полномочий прокурора при выявлении коррупциогенных факторов и поставили вопрос о соотношении требования, заключения и иных актов прокурорского реагирования. Н.А. Громакин и И.В. Гусаим [2] рассмотрели прокурорскую экспертизу как превентивный инструмент предупреждения коррупционных рисков, включая риски в экономических правоотношениях. Классификацию субъектов экспертизы в зависимости от выполняемых функций предложил Я.Г. Ищук [3], что дает основание разграничить прокурорскую, ведомственную и независимую экспертную деятельность. А.М. Козырев [4] сосредоточил внимание на организационно-правовом взаимодействии прокуратуры и исполнительной власти при соблюдении антикоррупционного законодательства. Д.А. Крикорова [5] исследовала место антикоррупционной экспертизы в системе антикоррупционного контроля, содержание ее понятийного аппарата и недостатки действующей методики. А.Н. Митин, А.В. Рассохин и О.В. Соболев [6] сопоставили действующее ведомственное регулирование прокурорской деятельности с ранее применявшимся порядком и выделили пробелы, относящиеся к компетенции экспертов, форме требования и единой процедуре экспертизы. Е.Г. Михина [7] соединила исследование методических вопросов с анализом прокурорской практики, отдельно обозначив проблему экспертизы проектов нормативных актов и регламентации рассмотрения прокурорских требований. Роль прокуратуры в более широкой системе противодействия коррупции и вариант институциональной специализации прокурорской деятельности рассмотрены

Н.В. Мишаковой [8]. Практику независимой экспертизы и препятствия ее функционированию исследовала М.Е. Омельяненко [9], а Д.С. Проконова [10] проанализировала актуальные нормативные ограничения независимой экспертной деятельности и направления совершенствования этого механизма.

Метод исследования включал анализ правовых норм и научных публикаций для установления содержания прокурорских полномочий; сравнительный анализ применялся при разграничении прокурорской, ведомственной и независимой экспертизы; классификация использовалась для распределения полномочий по стадиям выявления и устранения коррупциогенных факторов; логико-аналитический анализ обеспечил сопоставление нормативного регулирования с описанной в литературе практикой; обобщение и синтез использованы при формировании предложений по согласованию экспертных процедур.

Результаты

Правовая конструкция антикоррупционной экспертизы основана на множественности уполномоченных субъектов. Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ относит к ним прокуратуру Российской Федерации, федеральный орган исполнительной власти в области юстиции, иные органы, организации и их должностных лиц; институты гражданского общества и граждане участвуют посредством независимой экспертизы. Органы исполнительной власти проверяют принятые ими акты и проекты при проведении правовой экспертизы и мониторинге применения, прокуратура действует в порядке, установленном Генеральной прокуратурой Российской Федерации, с использованием методики, определенной Правительством РФ. Содержание прокурорского полномочия конкретизируют статья 9.1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», постановление Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 и приказ Генерального прокурора РФ от 10.10.2022 № 581. В научной литературе эта нормативная конструкция рассматривается как основание самостоятельного правового механизма, тесно связанного с надзорной деятельностью, но не полностью совпадающего с традиционными формами прокурорского надзора [1; 6].

Функциональное разграничение субъектов показывает, что одинаковая методика выявления коррупциогенных факторов не создает тождества их правового положения. Я.Г. Ищук связывает различия между субъектами экспертизы с характером осуществляемой ими деятельности [3]. Орган исполнительной власти проводит внутреннюю проверку собственного нормативного продукта, Министерство юстиции реализует полномочия в предусмотренных законом процедурах правовой экспертизы и государственной регистрации, прокуратура оценивает акт извне по отношению к его разработчику, независимый эксперт действует как субъект общественного участия. А.М. Козырев рассматривает взаимодействие прокуратуры и исполнительной власти как устойчивый организационно-правовой механизм, включающий антикоррупционную экспертизу наряду с другими направлениями обеспечения законности [4]. Д.А. Крикорова связывает результативность экспертизы с согласованностью действий уполномоченных субъектов [5], а Е.Г. Михина показывает самостоятельное практическое значение прокурорского контроля за коррупциогенностью нормативного регулирования [7]. Различие состоит прежде всего в институциональном положении эксперта и юридической форме реализации обнаруженного фактора.

Специфика прокуратуры наиболее отчетливо проявляется после выявления коррупциогенного положения. Федеральное законодательство предусматривает отражение такого фактора в требовании прокурора об изменении нормативного правового акта либо обращение прокурора в суд; требование должно обозначать обнаруженный коррупциогенный фактор и способ его устранения. Приказ № 581 конкретизирует возможный корректирующий результат: изменение нормативного правового акта, отмену акта или отдельных норм, разработку и принятие иного нормативного акта, устраняющего коррупциогенный фактор. А.М. Григорьев, А.В. Рассохин и О.В. Соболев квалифицируют требование как особый инструмент, характерный именно для прокурорской антикоррупционной экспертизы [1]. Его отличие от экспертного заключения состоит в соединении диагностического вывода с властно-процессуальным требованием к нормотворческому органу рассмотреть вопрос об изменении действующего регулирования.

В отношении органов исполнительной власти эта особенность образует двухконтурную систему предупреждения коррупциогенности. Первый контур действует внутри самого органа и должен препятствовать включению дефектной нормы в проект либо сохраняющейся коррупциогенности действующего акта. Второй формируется внешней прокурорской оценкой и не зависит от вывода подразделения, участвовавшего в подготовке документа. Исследование А.М. Козырева подтверждает устойчивую связь антикоррупционной экспертизы с организационным взаимодействием прокуратуры и исполнительной власти [4]. Н.А. Громакин и И.В. Гусаим характеризуют прокурорскую экспертизу как превентивный механизм, способный воздействовать на коррупционные риски до их реализации в конкретном правоотношении [2]. Совместное действие этих контуров не означает дублирования: ведомственная проверка направлена на качество собственного нормотворческого решения, прокурорская – на независимую от разработчика проверку соответствия нормативной конструкции антикоррупционным требованиям.

Единая правительственная Методика обеспечивает общий перечень юридических конструкций, подлежащих проверке, однако наличие классификации коррупциогенных факторов не решает всех вопросов экспертной процедуры. Д.А. Крикорова указывает на отсутствие в Методике собственно развернутого алгоритма исследования и способов обнаружения коррупциогенных факторов, предлагая совершенствовать понятийный и методический аппарат [5]. А.Н. Митин, А.В. Рассохин и О.В. Соболев выявляют уже на уровне прокурорской организации отсутствие единых требований к компетенции работников, единой формы требования и детализированного порядка проведения экспертизы [6]. Е.Г. Михина связывает качество экспертной деятельности с более детальной регламентацией выявления и последующего устранения коррупциогенных положений [7]. Сопоставление этих позиций разграничивает два уровня проблемы: Методика определяет предмет поиска, ведомственный порядок должен преобразовать этот перечень в воспроизводимую последовательность экспертных и процессуальных действий.

Наиболее заметное расхождение между предупредительной функцией экспертизы и ее нормативным оформлением связано с проектами нормативных правовых актов. Общая формула части 1 статьи 3 Федерального закона № 172-ФЗ охватывает нормативные акты и их проекты, однако часть 2, непосредственно описывающая прокурорское полномочие, говорит об экспертизе нормативных правовых актов. Для органов и организаций часть 4 прямо закрепляет экспертизу принятых ими актов и проектов. Д.А. Крикорова предлагает прямо распространить прокурорское экспертное полномочие на проекты [5], Е.Г. Михина подробно рассматривает несовпадение законодательных формулировок с фактически сложившейся прокурорской работой на стадии подготовки акта [7]. Подзаконное регулирование и практика ориентированы на исследование проектов, но федеральная норма не устраняет терминологическую неоднозначность объема специального прокурорского полномочия.

Практические данные усиливают значение этой коллизии. По приведенной Е.Г. Михиной статистике, в 2023 г. прокуроры обнаружили в проектах нормативных правовых актов 30 377 коррупциогенных факторов; было внесено 23 549 актов прокурорского реагирования, а по результатам рассмотрения 96% замечаний были учтены с внесением необходимых изменений в проекты [7]. Проектная стадия, следовательно, представляет самостоятельный массив прокурорской деятельности, причем устранение дефекта до принятия акта исключает необходимость последующей корректировки уже действующего регулирования. Масштаб практики требует прямого процессуального описания порядка направления проектов, сроков их изучения, состава представляемых материалов и формы фиксации замечаний.

Следующая группа проблем возникает после завершения экспертной оценки. А.Н. Митин, А.В. Рассохин и О.В. Соболев обращают внимание на то, что действующий приказ № 581, заменивший прежнее регулирование, не воспроизвел утвержденную форму требования и не сформировал исчерпывающей процедуры проведения экспертизы [6]. В работе А.М. Григорьева, А.В. Рассохина и О.В. Соболева эта проблема получила дальнейшее развитие: авторы фиксируют неоднородность юридического оформления результатов и предлагают последовательность, при которой выявленные факторы первоначально отражаются в экспертном заключении, а требование формируется на его основе как акт реагирования [1]. Е.Г. Михина обосновывает потребность в регламентации порядка рассмотрения требования, оснований отказа в его удовлетворении и вопросов судебного оспаривания [7]. Совпадение трех направлений анализа указывает, что основной нормативный дефицит переместился от определения перечня коррупциогенных факторов к процессу их юридического устранения.

Разграничение экспертного заключения и прокурорского требования имеет практическое значение для взаимодействия с исполнительным органом. Заключение фиксирует экспертную аргументацию: конкретную норму, вид обнаруженного фактора и способ коррекции. Требование переводит экспертный вывод в плоскость прокурорского реагирования. Смешение двух функций затрудняет оценку полноты самого экспертного исследования и последующего поведения нормотворческого органа. Предложенная в литературе последова-

тельность «заключение – требование» способна обеспечить документальное разделение экспертной и реактивной стадий, однако ее обязательное применение требует нормативного закрепления, поскольку действующее федеральное регулирование напрямую такой двухдокументной модели не устанавливает [1; 6].

Независимая антикоррупционная экспертиза занимает другое место в системе контроля и не может заменять прокурорскую. М.Е. Омельяненко на материалах практики независимой экспертизы выявляет недостаточную определенность ее статуса, организационные пробелы, потребность в детализированном регламенте и более эффективном взаимодействии экспертов с разработчиками нормативных актов [9]. Д.С. Проконова также фиксирует проблемы нормативного регулирования независимой экспертизы и связывает развитие этого института с совершенствованием механизма контроля за коррупциогенными факторами [10]. Субъектная классификация Я.Г. Ищука подтверждает различие правовой природы официальной и независимой экспертизы [3]. Заключение независимого эксперта имеет рекомендательный характер и подлежит обязательному рассмотрению, прокурор располагает специальным средством реагирования и правом судебного обращения. Множественность субъектов здесь увеличивает число каналов обнаружения дефекта.

Организационное совершенствование прокурорской деятельности рассматривается в литературе на двух уровнях. Н.В. Мишакова, оценивая широкий комплекс антикоррупционных полномочий прокуратуры, поддерживает институциональный вариант усиления специализации посредством формирования специализированной прокуратуры по противодействию коррупции [8]. Более узкие исследования антикоррупционной экспертизы концентрируются на процессуальной стандартизации: А.Н. Митин, А.В. Рассохин и О.В. Соболев предлагают единый порядок проведения экспертизы [6], Е.Г. Михина – конкретизацию проектной стадии и порядка реализации требования [7], А.М. Григорьев, А.В. Рассохин и О.В. Соболев – унификацию юридического оформления результатов [1]. Эти подходы различаются масштабом преобразований. Первый меняет организационную архитектуру, второй устраняет дефекты внутри уже существующего распределения компетенции.

Прокурорская антикоррупционная экспертиза применительно к актам исполнительной власти включает три функционально различных механизма. Диагностический механизм выражается во внешней проверке нормативного текста по установленным коррупциогенным факторам; его самостоятельность определяется организационной независимостью прокурора от разработчика акта [2; 3]. Корректирующий механизм начинается после установления конкретного дефекта и реализуется через специальную форму прокурорского реагирования либо судебную защиту [1; 6]. Превентивно-координационный механизм относится к проектной стадии и обмену информацией с исполнительными органами и иными субъектами экспертизы [4; 7; 9; 10]. Разграничение этих механизмов объясняет, почему повышение качества прокурорской экспертизы зависит одновременно от методики исследования текста, процессуального оформления результата и устойчивого порядка получения нормативных актов и их проектов.

Обсуждение

Полученные положения не подтверждают трактовку прокурорской антикоррупционной экспертизы как простого повторения ведомственной проверки нормативного акта. Внутренняя экспертиза встроена в деятельность органа, который разрабатывает либо применяет соответствующий нормативный массив, и выполняет функцию самоконтроля нормотворчества. Прокуратура отделена от разработчика институционально и оценивает уже сформированное нормативное решение с позиции специально установленного антикоррупционного стандарта. Внешний характер такой оценки приобретает самостоятельное значение именно тогда, когда первоначальная ведомственная проверка не исключила коррупциогенную норму.

Организационная независимость прокуратуры не предполагает изоляции от органа исполнительной власти. Эффективность проектной экспертизы зависит от получения проекта и сопутствующих материалов до завершения нормотворческой процедуры, а устранение фактора в действующем акте требует содержательной реакции органа, уполномоченного изменить соответствующее регулирование. Межведомственное взаимодействие в этом случае обслуживает прокурорское полномочие, но не должно превращаться в совместную ответственность за итог экспертной оценки. Иначе внешний контроль теряет отличие от ведомственного согласования документа.

Проектная стадия выявляет наиболее существенный разрыв между профилактической природой экспертизы и буквальным построением законодательства. Реальная предупредительная ценность процедуры выше до вступления нормы в действие: исключение коррупциогенной конструкции на стадии разработки предотвращает ее включение в правоприменительную практику. Одновременно специальная норма о прокурорском полномочии сформулирована применительно к нормативным правовым актам, что поддерживает дискуссию об объеме компетенции в отношении проектов. Масштаб описанной в литературе проектной работы делает дальнейшее сохранение такой неоднозначности нежелательным. Законодательное закрепление объекта экспертизы должно соответствовать фактически выполняемой профилактической функции и прямо определять процессуальную форму результата проверки проекта.

Недостатки методического регулирования имеют иной характер. Перечень коррупциогенных факторов обеспечивает унификацию объекта поиска и ограничивает произвольное расширение критериев экспертизы, но сам по себе не задает последовательность профессиональной проверки нормативного текста. Полная алгоритмизация также имеет предел: квалификация правовой неопределенности, широты усмотрения или нормативного исключения требует содержательной юридической оценки. Оптимальная стандартизация должна охватывать обязательные этапы исследования, требования к аргументации, идентификацию конкретной структурной единицы акта и мотивированное соотнесение обнаруженного положения с соответствующим коррупциогенным фактором, сохраняя экспертную оценку там, где она обусловлена содержанием нормы.

Проблема юридического оформления результата связана уже не с обнаружением дефекта, а с переводом экспертного знания в действие органа исполнительной власти. Научное предложение разделить заключение и требование имеет функциональное основание: первый документ способен фиксировать полный ход и результат экспертной квалификации, второй – формулировать юридически значимое требование о корректировке регулирования. Вместе с тем эта модель не вытекает непосредственно из действующей законодательной конструкции и не должна внедряться исключительно практикой отдельных прокуратур. Ее использование как общего правила предполагает предварительное определение статуса каждого документа, сроков, последовательности и последствий рассмотрения.

Дискуссия о месте антикоррупционной экспертизы между надзорной деятельностью и иными полномочиями прокуратуры сохраняет значение именно из-за специфики требования. По содержанию оно связано с реакцией на дефект нормативного правового акта, но отличается от традиционных актов прокурорского реагирования обязательным указанием коррупциогенного фактора и способа его устранения. Полное отождествление требования с протестом устранило бы эту специфику; чрезмерное отделение экспертизы от надзорной деятельности осложняет объяснение властного характера последующей прокурорской реакции. Более продуктивно разграничивать экспертную операцию и правовую форму устранения установленного нарушения, сохраняя их функциональную связь.

Институциональное предложение о специализированной антикоррупционной прокуратуре значительно шире проблем, выявленных непосредственно в экспертной процедуре. Исследованный корпус литературы достаточно определенно фиксирует пробелы в форме требования, порядке экспертизы, регулировании проектной стадии и межведомственном взаимодействии, однако не содержит сопоставимых данных, подтверждающих, что их устранение требует изменения структуры прокуратуры. Процессуальная унификация имеет более непосредственную связь с установленными дефектами. Организационная специализация может рассматриваться как самостоятельная модель развития антикоррупционной деятельности, но ее эффективность нуждается в отдельной оценке.

Независимая экспертиза дополняет официальный контроль за счет иного источника экспертной инициативы. Ее ограничения связаны с рекомендательным характером заключения, организацией доступа к проектам и взаимодействием с разработчиками. Эти особенности не уменьшают ее потенциальной ценности, но определяют границы сопоставления с прокурорской экспертизой. Для прокуратуры взаимодействие с независимыми экспертами представляет дополнительный канал получения сведений о возможном дефекте нормативного регулирования.

Область применимости сделанных выводов ограничена характером изученной литературы. Значительная часть публикаций анализирует нормативное регулирование, региональную и муниципальную прокурорскую практику либо отдельные элементы независимой экспертизы; детальные сопоставимые данные непосредственно по нормативным актам федеральных органов исполнительной власти представлены ограниченно. Приводимая статистика характеризует объем выявленных коррупциогенных факторов и результативность рассмо-

трения замечаний, но не раскрывает распределение случаев по видам факторов, сферам исполнительного регулирования и причинам возникновения дефектов. Исследовательская лакуна связана также с отсутствием развернутого сопоставления полного жизненного цикла прокурорского требования: от обнаружения фактора до изменения акта либо перехода к судебному оспариванию.

Заключение

Правовые основания антикоррупционной экспертизы формируют многоуровневую систему субъектов с различным институциональным положением и правовыми последствиями экспертной деятельности. Органы исполнительной власти осуществляют внутреннюю проверку собственных актов и проектов, Министерство юстиции реализует предусмотренные законом экспертные полномочия в соответствующих процедурах, независимые эксперты обеспечивают дополнительный общественный канал оценки. Прокуратура занимает внешнюю по отношению к разработчику позицию и соединяет экспертное выявление коррупциогенного фактора со специальными правовыми средствами его устранения. Это разграничение определяет место прокуратуры в системе субъектов экспертизы и отвечает первой задаче исследования.

Механизм прокурорской деятельности включает идентификацию коррупциогенной нормы на основе единой Методики, юридическую квалификацию установленного фактора и выбор способа его устранения. Во взаимодействии с органами исполнительной власти прокурорская экспертиза дополняет ведомственный самоконтроль. Особое положение требования прокурора связано с переходом от экспертного вывода к корректировке действующего нормативного регулирования. Разделение диагностической и корректирующей стадий дает более точное представление о содержании прокурорского полномочия и раскрывает вторую задачу исследования.

Основные проблемы сосредоточены на границе экспертной и процессуальной деятельности. Законодательное регулирование нуждается в однозначном определении полномочий прокуратуры применительно к проектам нормативных правовых актов, ведомственный порядок – в унификации последовательности экспертных действий и юридического оформления результата, взаимодействие с исполнительными органами – в определении порядка направления проектов, сроков их рассмотрения и последующей работы с выявленными факторами. Регламентация формы и содержания экспертного результата должна быть согласована с процедурой внесения и рассмотрения прокурорского требования.

Литература

1. Григорьев, А. М. О юридическом механизме реализации полномочий прокурора при выявлении коррупциогенных факторов / А.М. Григорьев, А.В. Рассохин, О.В. Соболев // Вестник Гуманитарного университета. – 2025. – Т. 13, № 4. – С. 87–96. – DOI: 10.35853/vestnik.gu.2025.13-4.07.

2. Громакин, Н.А. Антикоррупционная экспертиза органов прокуратуры как инструмент обеспечения экономической безопасности / Н.А. Громакин, И.В. Гусаим // Юридический мир. – 2025. – № 12. – С. 41–44. – DOI: 10.18572/1811-1475-2025-12-41-44.

3. Ищук, Я.Г. Субъекты антикоррупционной экспертизы / Я.Г. Ищук // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 12 (240). – С. 681–684. – DOI: 10.47643/1815-1337_2024_12_681.

4. Козырев, А.М. Взаимодействие органов прокуратуры с органами исполнительной власти по соблюдению антикоррупционного законодательства / А.М. Козырев // Юридический мир. – 2023. – № 6. – С. 46–49. – DOI: 10.18572/1811-1475-2023-6-46-49.

5. Крикорова, Д.А. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов как элемент антикоррупционного контроля / Д.А. Крикорова // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 7 (235). – С. 93–95. – DOI: 10.47643/1815-1337_2024_7_93.

6. Митин, А. Н. О правовом механизме реализации органами прокуратуры полномочий в сфере противодействия коррупции / А.Н. Митин, А.В. Рассохин, О.В. Соболев // Российское право: образование, практика, наука. – 2024. – № 2. – С. 70–77. – DOI: 10.34076/2410-2709-2024-140-2-70-77.

7. Михина, Е.Г. Антикоррупционная экспертиза региональных и муниципальных нормативных актов в системе мер предупреждения коррупции органами прокуратуры / Е.Г. Михина // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 6 (118). – С. 92–100. – DOI: 10.17803/2311-5998.2024.118.6.092-100.

8. Мишакова, Н.В. Деятельность прокуратуры Российской Федерации по противодействию коррупции: состояние и перспективы развития / Н.В. Мишакова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 3 (91). – С. 71–80. – DOI: 10.17803/2311-5998.2022.91.3.071-080.

9. Омельяненко, М.Е. Независимая антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов (по материалам практики проведения независимой экспертизы ВВГУ) / М.Е. Омельяненко // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. – 2023. – Т. 15, № 1. – С. 125–135. – DOI: 10.24866/VVSU/2949-1258/2023-1/125-135.

10. Проконова, Д.С. Проблемные вопросы проведения независимой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов / Д.С. Проконова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 10–5 (97). – С. 185–188. – DOI: 10.24412/2500-1000-2024-10-5-185-188.

THE ROLE OF THE PROSECUTOR'S OFFICE IN CONDUCTING ANTI-CORRUPTION ASSESSMENT OF EXECUTIVE GOVERNMENT LEGISLATION: LEGAL FRAMEWORK AND PRACTICE

Gromakin N.A.
Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This article examines the prosecutor's office's efforts to identify and eliminate corruption-causing factors in executive government regulations and its relationship with other types of anti-corruption assessment. The relevance of this study lies in the combination of departmental assessment, prosecutorial inspection, and independent expert review, with the remaining challenges of distinguishing between their procedures, formalizing results, and working with draft regulations. The objective is to determine the functional role of the prosecutor's office in the system of preventing corruption in executive rulemaking and to identify areas for improving the relevant legal mechanism. This article utilizes an analysis of scientific publications and legislation, comparative analysis, classification, logical-analytical generalization, and synthesis. The material covers Russian academic works from 2022–2025 devoted to prosecutorial powers, the system of review subjects, interactions with the executive branch, and independent review. The scientific novelty lies in the distinction between the diagnostic, corrective, and preventive-coordinating components of prosecutorial activity. Procedural gaps in the regulation of review of draft acts and the formalization of prosecutorial responses are identified. The resulting provisions are applicable to improving departmental regulation and interdepartmental cooperation.

Keywords: prosecutor's office, anti-corruption review, corruption-causing factors, regulatory legal act, executive branch, prosecutorial supervision, prosecutor's request, lawmaking, independent review, corruption prevention.

References

1. Grigoriev, A.M. On the Legal Mechanism for the Implementation of the Prosecutor's Powers in Identifying Corruption Factors / A.M. Grigoryev, A.V. Rassokhin, O.V. Sobolev // Bulletin of the Humanitarian University. – 2025. – Vol. 13, No. 4. – Pp. 87–96. – DOI: 10.35853/vestnik.gu.2025.13-4.07.

2. Gromakin, N.A. Anti-Corruption Expertise of the Prosecutor's Office as a Tool for Ensuring Economic Security / N.A. Gromakin, I.V. Gusaim // Legal World. – 2025. – No. 12. – Pp. 41–44. – DOI: 10.18572/1811-1475-2025-12-41-44.

3. Ishchuk, Ya.G. Subjects of Anti-Corruption Expertise / Ya.G. Ishchuk // Law and State: Theory and Practice. – 2024. – No. 12 (240). – Pp. 681–684. – DOI: 10.47643/1815-1337_2024_12_681.

4. Kozyrev, A.M. Interaction between the Prosecutor's Office and Executive Authorities in Enforcing Anti-Corruption Legislation / A.M. Kozyrev // Legal World. – 2023. – No. 6. – Pp. 46–49. – DOI: 10.18572/1811-1475-2023-6-46-49.

5. Krikorova, D.A. Anti-corruption expertise of normative legal acts as an element of anti-corruption control / D.A. Krikorova // Law and state: theory and practice. – 2024. – No. 7 (235). – P. 93–95. – DOI: 10.47643/1815-1337_2024_7_93.

6. Mitin, A.N. On the legal mechanism for the implementation of powers in the field of combating corruption by the prosecutor's office / A.N. Mitin, A.V. Rassokhin, O.V. Sobolev // Russian law: education, practice, science. – 2024. – No. 2. – P. 70–77. – DOI: 10.34076/2410-2709-2024-140-2-70-77.

7. Mikhina, E.G. Anti-corruption expertise of regional and municipal regulations in the system of corruption prevention measures by the prosecutor's office / E.G. Mikhina // Bulletin of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). – 2024. – No. 6 (118). – P. 92–100. – DOI: 10.17803/2311-5998.2024.118.6.092-100.

8. Mishakova, N.V. Activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation to combat corruption: status and development prospects / N.V. Mishakova // Bulletin of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). – 2022. – No. 3 (91). – P. 71–80. – DOI: 10.17803/2311-5998.2022.91.3.071-080.

9. Omelyanenko, M.E. Independent anti-corruption examination of regulatory legal acts (based on the practice of conducting independent examination at Vladivostok State University) / M.E. Omelyanenko // Territory of new opportunities. Bulletin of Vladivostok State University. – 2023. – Vol. 15, No. 1. – P. 125–135. – DOI: 10.24866/VVSU/2949-1258/2023-1/125-135.

10. Prokonova, D.S. Problematic issues of conducting independent anti-corruption expertise of regulatory legal acts and draft regulatory legal acts / D.S. Prokonova // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2024. – No. 10–5 (97). – P. 185–188. – DOI: 10.24412/2500-1000-2024-10-5-185-188.

Насильственные преступления в вооруженных силах США: состояние, детерминанты и стратегии превенции (расширенный обзор)

Григорьев Виктор Николаевич,
Ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор
E-mail: wauguste22yandex.ru

В настоящей статье представлен комплексный анализ проблемы насильственных преступлений в Вооруженных Силах США. В отличие от работ, фокусирующихся исключительно на сексуальном насилии, данное исследование рассматривает весь спектр насильственных проявлений, включая физические нападения, убийства, издевательства (дедовщину), сексуальные домогательства и нападения, а также домашнее насилие. На основе анализа официальных отчетов Министерства обороны, эмпирических исследований и доктринальных документов последнего десятилетия выявляются институциональные, культурные и индивидуальные детерминанты различных форм насилия. Анализируются системные барьеры на пути эффективного правоприменения и профилактики. Обосновывается переход от изолированных мер реагирования к интегрированной модели первичной профилактики вредоносных поведенческих паттернов, реализуемой через межведомственное партнерство. Аргументируется тезис о том, что результативность превентивных усилий находится в прямой зависимости от трансформации организационной культуры и перехода к системе институциональной подотчетности, основанной на принципах профессионализма и уважения человеческого достоинства.

Ключевые слова: насилие, преступление, неуставные взаимоотношения, военнослужащие, Вооруженные Силы США, Министерство обороны, предупредительная стратегия, первичная превенция.

3Проблема насильственных преступлений в Вооруженных Силах Соединенных Штатов представляет собой один из наиболее острых вызовов современной военной социологии и криминологии. На протяжении десятилетий Министерство обороны США (DoD) фиксирует устойчиво высокие показатели распространенности насилия, которые не демонстрируют тенденции к существенному снижению, несмотря на масштабные реформы правовых и превентивных механизмов. При этом в центре общественного и академического внимания, как правило, оказывается сексуальное насилие, тогда как физические нападения, убийства, издевательства и другие формы насилия остаются менее изученными, хотя их распространенность и последствия не менее разрушительны.

Актуальность проблематики выходит далеко за рамки внутриведомственных статистических отчетов. Насильственные преступления в военной среде подрывают боеготовность подразделений, разрушают социальный капитал и доверие в воинских коллективах, препятствуют эффективному функционированию кадрового потенциала и наносят невосполнимый ущерб психическому здоровью военнослужащих.

Настоящая статья ставит своей целью систематизацию научных знаний о состоянии, детерминантах и стратегиях предупреждения всего спектра насильственных преступлений в Вооруженных Силах США. В работе анализируются тенденции различных форм насилия, выявляются институциональные и культурные факторы риска, оценивается эффективность действующих превентивных программ и обосновываются перспективные направления предупреждения насильственных преступлений.

В Вооруженных Силах США совершаются следующие виды насильственных преступлений:

1.Сексуальное насилие.

Данные ежегодных отчетов Министерства обороны свидетельствуют о тревожных масштабах сексуального насилия в Вооруженных Силах. Согласно отчету за 2025 финансовый год, число военнослужащих, переживших нежелательный сексуальный контакт, оценивается в 20 492 человека – это на 8 500 меньше, чем в 2023 году [11;8]. Распространенность среди женщин снизилась с 6,8% до 4,3%, среди мужчин – с 1,3% до 1,0%[11]. Наибольший уровень традиционно фиксируется в Корпусе морской пехоты (6,8% среди женщин), тогда как в Военно-воздушных силах этот показатель составляет 2,8% [8].

Важной тенденцией выступает рост числа зарегистрированных случаев: с 25% в 2023 году до 33% в 2025 году [8]. Это свидетельствует о повышении доверия к системе сообщения, хотя, по-прежнему, лишь каждый третий пострадавший обращается за помощью.

2. Физическое насилие и убийства.

Помимо сексуальных преступлений, значительную долю насильственных проявлений составляют физические нападения. Единый кодекс военной юстиции (UCMJ) в статье 128 квалифицирует как нападение (assault) любые действия, совершенные с применением силы или насилия, включая попытку причинения телесных повреждений, угрозу их причинения или фактическое причинение вреда [10]. Квалифицированным (aggravated) признается нападение с использованием опасного оружия, повлекшее тяжкие телесные повреждения, а также нападение путем удушения или удушения [10].

Особую категорию представляют нападения с намерением совершить убийство, добровольное непредумышленное убийство, изнасилование, ограбление, поджог или похищение человека [10]. Прецедентное право, в частности дело United States v. Winston (1988) [12], демонстрирует серьезность последствий: нанесение удара алюминиевым шестом по голове, повлекшее закрытую черепно-мозговую травму с серьезным повреждением мозга, было квалифицировано как нападение, повлекшее тяжкие телесные повреждения, что предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет.

Трагическим примером системных проблем в этой сфере является гибель специалиста Дениши Монтгомери Смит в 2022 году на базе в Германии. За несколько недель до смерти она сообщила семье о физическом нападении сослуживцев, демонстрируя синяки и ожоги от сигареты. Несмотря на то, что армия квалифицировала инцидент как физическое, а не сексуальное насилие и признала смерть самоубийством, семья погибшей указывает на многочисленные нарушения,

включая отключение камер видеонаблюдения [1]. Адвокат семьи отмечает: «Многие наши военнослужащие подвергаются такой серьезной ответной реакции после сообщения о нападении, что их либо убивают сослуживцы, либо они кончают жизнь самоубийством. Мы называем это убийством через самоубийство» [1].

3. Издевательства и неуставные отношения.

Хейзинг (hazing) (аналог неуставных взаимоотношений – прим. автора) – систематические унизительные, оскорбительные или опасные ритуалы, связанные с принятием в воинский коллектив – представляет собой широко распространенную форму насилия, которая долгое время оставалась в тени. Исследование, проведенное на крупной военной базе на юго-востоке США (2021–2023 гг.), показало, что почти каждый пятый военнослужащий (19,8%) пережил хейзинг [4]. При этом наиболее распространенными формами оказались: принуждение действовать как слуга (22,3%), различные формы уловок и обмана (27,8%) и насилие сексуального характера (22,4%) [4].

Исследователи подчеркивают, что в военной среде грань между жесткой, но необходимой подготовкой и унизительным, травмирующим поведением легко стирается, особенно среди новобранцев, которые лояльны к своей непосредственной социальной группе и воспринимают хейзинг как позитивный ритуал включения [4]. Последствия хейзинга разрушительны: он ассоциируется с достоверно более высокими шансами развития депрессии, стресса, унижения, проблем в межличностных отношениях (отношение шансов от 4,7 до 68,0), а также с физическими травмами, нарушениями сна и желанием покинуть военную службу (отношение шансов от 2,9 до 34,1) [4]. Особую тревогу вызывает то, что за последнее десятилетие зафиксированы десятки самоубийств военнослужащих после пережитого хейзинга [4].

4. Домашнее насилие и другие формы насилия.

Министерство обороны относит домашнее насилие к категории «вредоносных поведенческих паттернов», подлежащих интегрированной профилактике наряду с сексуальными нападениями, домогательствами, жестоким обращением с детьми и суицидальным поведением [9]. В комплексных превентивных планах (Comprehensive Integrated Primary Prevention, CIPP), разрабатываемых для Национальной гвардии, домашнее насилие рассматривается как один из приоритетов, что указывает на его значительную распространенность и серьезность последствий [9].

Опрос, проведенный в ВВС и Космических силах США, выявил, что почти две трети опрошенных женщин и 48% мужчин сообщили о пережитых эпизодах «межличностного насилия» за последние два года [13]. При этом большинство никогда не сообщали об этом командованию или правоохранительным органам, а многие из тех, кто сообщил, полагали, что никаких мер принято не будет [13].

Детерминанты насильственных преступлений в военной среде:

1. Институциональные факторы: структура командования и правоприменение.

Традиционная модель военной юстиции США характеризовалась концентрацией полномочий по принятию решений о возбуждении уголовного преследования в руках командиров. Эта система неоднократно подвергалась критике как создающая конфликт интересов: командиры, несущие ответственность за боеготовность и дисциплину подразделений, могли быть склонны минимизировать масштаб проблемы для избежания репутационных и административных последствий.

Революционным изменением стало принятие Закона о национальной обороне на 2022 финансовый год, предписавшего создание Управлений специальных военных прокуроров (Offices of Special Trial Counsel), призванных обеспечить независимое расследование и судебное преследование тринадцати категорий тяжких преступлений, включая сексуальные нападения, убийства, похищения людей и домашнее насилие [5]. Однако доверие к этой системе остается неоднородным: 65% мужчин и лишь 44% женщин выразили уверенность в том, что Управление специальных военных прокуроров отнесется к ним справедливо в случае сексуального нападения [5].

2. Организационная культура и «маскулинность воина».

Качественные исследования выявляют сложную конфигурацию культурных факторов, способствующих насильственным преступлениям. Ключевым элементом выступает гипертрофированная маскулинная культура, в которой физическая сила, агрессия и доминирование рассматриваются как добродетели, а уязвимость и эмоциональность – как слабость. Это создает благоприятную среду для физического и психологического насилия, особенно в отношении новобранцев и тех, кто воспринимается как «чужой».

Опросы военнослужащих показывают, что значительная часть насилия совершается с целью унижения, издевательства или утверждения иерархического статуса, а не исключительно для сексуального удовлетворения [4]. Хейзинг, в частности, часто выполняет функцию ритуала инициации, воспроизводящего иерархию и укрепляющего групповую солидарность через насилие.

3. Командный климат и организационный диссонанс

Исследователи из RAND Corporation показывают, что риск насилия в подразделениях демонстрирует устойчивую тенденцию к сохранению во времени, что позволяет разрабатывать прогностические модели [5]. Ключевой проблемой выступает диссонанс между декларируемыми ценностями, преподаваемыми в рамках формальных программ, и повседневными практиками, наблюдаемыми в казармах. Сотрудники министерства отмечают: «Смешанные сообщения порождают цинизм и недоверие» [6].

4. Индивидуальные факторы и травматический опыт

Индивидуальные детерминанты насилия включают боевой опыт, множественные развертывания, посттравматическое стрессовое расстройство, злоупотребление психоактивными веществами и дисциплинарные нарушения. Исследования показывают, что мужчины, пережившие сексуальное насилие до или после поступления на службу, демонстрируют более выраженные симптомы ПТСР, чем другие категории военнослужащих [3]. Это указывает на взаимосвязь различных форм насилия и травмы, требующую комплексного подхода к профилактике и лечению.

В Вооруженных Силах Соединенных Штатов Америки на сегодняшний день существуют следующие превентивные стратегии насильственных преступлений военнослужащих:

1. Интегрированная первичная профилактика.

Министерство обороны перешло от реактивной модели (расследование инцидентов, поддержка пострадавших, наказание виновных) к интегрированной первичной профилактике, официально закрепленной в Инструкции DoD 6400.09. Этот подход направлен на одновременное противодействие широкому спектру вредоносных поведенческих паттернов: сексуальные домогательства и нападения, суицидальное поведение, домашнее насилие, жестокое обращение с детьми, физическое насилие и хейзинг [9].

Интегрированный подход обоснован эмпирическими данными о корреляции различных форм насилия и общих предикторов, а также стремлением к устранению дублирования в превентивных программах. Как отмечают в Армии США, «Центр интегрированной первичной профилактики направлен на сокращение двух или более вредоносных поведений… путем воздействия на общие факторы риска и защиты». [13]

2. Межведомственное партнерство и строительство превентивной инфраструктуры.

Знаковым событием стало установление формального межведомственного соглашения между Управлением по предотвращению и реагированию на сексуальные нападения Министерства обороны и Отделом предотвращения насилия Центров по контролю и профилактике заболеваний (CDC) в 2019 году. Партнерство обеспечило трансфер экспертных знаний из сферы общественного здравоохранения в военный контекст.

Ключевым элементом этой системы является создание профессионального кадрового ресурса – Интегрированной консультативной группы по профилактике (Integrated Prevention Advisory Group, I-PAG). Создание I-PAG в Армии США является частью пятилетней инвестиции в размере 71,4 миллиона долларов [9]. К 2025 году планировалось трудоустройство более 2000 специалистов полной занятости [9]. Эти специалисты помогают интерпретировать данные опросов командного климата, разрабатывать и внедрять локальные превентивные программы и оценивать их эффективность.

3. Командный климат и культура как превентивный ресурс

Одним из приоритетных направлений выступает систематическое измерение и укрепление командного климата. Ежегодная оценка охватывает более миллиона военнослужащих и предоставляет командирам данные о ведущих индикаторах риска для насилия, домогательств, суицидального поведения и текучести кадров. Интегрированный подход предполагает ориентацию на полный спектр поведенческих проявлений – от очевидных форм насилия до систематической гендерной дискриминации, оскорбительных шуток и унизительных комментариев [6].

Реализация данных превентивных стратегий сталкивается с существенными барьерами, к которым можно отнести:

• «Усталость от опросов» в военной среде, снижающая репрезентативность данных и возможность оценки эффективности программ [2].

• Конкуренция превентивных программ с приоритетами боевой подготовки, что ограничивает устойчивое внедрение [2].

• Недоверие к системе сообщения, особенно среди женщин и жертв физического насилия, которые опасаются ответных мер

со стороны сослуживцев [1; 8]. Исследования показывают, что от 17% до 31% пострадавших сталкиваются с запрещенной законом ответной реакцией. [8]

• Разрыв между формальными программами и неформальными практиками, где хейзинг остаются нормализованными и не сообщаются [4; 6].

Перспективными направлениями предупреждения насильственных преступлений в Вооруженных Силах США представляются:

• Развитие прогностических моделей риска на основе больших административных данных.

• Углубленная работа с культурными нормами на уровне непосредственного окружения военнослужащих.

• Интеграция превентивных подходов на всех этапах военной карьеры – от обучения в академиях до постслужебной адаптации.

• Усиление институциональной подотчетности и искоренение безнаказанности за все формы насилия, включая физическое и систематические издевательства.

Таким образом, анализ состояния, детерминант и стратегий предупреждения насильственных преступлений в Вооруженных Силах США позволяет сформулировать несколько концептуальных выводов.

Во-первых, насильственные преступления в военной среде представляют собой сложный системный феномен, охватывающий не только сексуальное, но и физическое насилие, убийства, хейзинг, домашнее насилие и другие формы. Распространенность этих явлений остается тревожно высокой, что указывает на глубину структурных проблем, выходящих за рамки отдельных криминальных актов.

Во-вторых, различные формы насилия взаимосвязаны: хейзинг создает среду, способствующую физическим нападениям, физическое и сексуальное насилие часто сопутствуют друг другу, а все эти проявления питаются общей культурой гипермаскулинности, иерархического доминирования и безнаказанности. Это требует интегрированного, системного подхода к профилактике, который не может быть сведен к изолированным программам против отдельных видов преступлений.

В-третьих, институциональные преобразования в сфере военной юстиции и создание независимых органов уголовного преследования создают правовые предпосылки для укрепления подотчетности. Однако доверие к этим институтам остается неоднородным, особенно среди женщин и жертв физического насилия, что указывает на необходимость дальнейших усилий по повышению прозрачности и справедливости системы.

В-четвертых, переход к интегрированной первичной профилактике представляет собой значительный концептуальный прогресс. Однако его эффективность ограничивается системными барьерами: конкуренцией с приоритетами боевой подготовки, «усталостью от опросов», низким уровнем сообщения и недоверием к системе.

Перспективы решения проблемы насильственных преступлений в Вооруженных Силах США связаны с последовательной реализацией интегрированных превентивных стратегий, усилением институциональной подотчетности и трансформацией организационной культуры. Ключевым условием успеха является переход от деклараций к системным изменениям, охватывающим все уровни военной организации – от индивидуальных практик до институциональных структур, от формальных программ до неформальных норм, процесс внедрения которых должен быть предметом постоянного мониторинга и оценки.

Литература

1. ABC News. (2023, December 14). Family demands answers from Army following mysterious death of specialist. [Электронный ресурс] сайт: https://abcnews.com/amp/US/family-demands-answers-army-mysterious-death-specialist/story?id=105387750(дата обращения 02.08.2026).

2. Bryan, A., et al. (2024). Project Safe Guard: Challenges and opportunities of a universal rollout of peer-delivered lethal means safety counseling at a US military installation.Suicide and Life-Threatening Behavior. [Электронный ресурс] сайт: https://ohiostate.elsevierpure.com/en/publications/project-safe-guard-challenges-and-opportunities-of-a-universal-ro/#main-search (дата обращения 17.06.2026).

3. DTIC. (n.d.). Gender differences in PTSD symptoms. AD1116725. [Электронный ресурс] сайт: https://apps.dtic.mil/sti/trecms/pdf/AD1116725.pdf#27#15 (дата обращения 12.07.2026).

4. Metzger, E.C., Wiebe, D.J., Bretzin, A.C., et al. (2026). Exploring hazing experiences and perceived physical and mental health outcomes in the United States military through a cross-sectional study. Injury [Электронный ресурс] сайт: https://link.springer.com/article/10.1186/s40621–025–00650 (дата обращения 29.07.2026).

5. Military Times. (2026, August 21). Incidents of sexual assault, harassment continue to drop in US military, report finds. [Электронный ресурс] сайт: https://www.militarytimes.com/news/pentagon-congress/2026/08/21/incidents-of-sexual-assault-harassment-continue-to-drop-in-us-military-report-finds (дата обращения 26.07.2026).

6. NBC Los Angeles. (2021, November 9). Air Force Report: Nearly Half in Survey Saw Abuse, Violence. [Электронный ресурс] сайт: https://www.nbclosangeles.com/news/national-international/air-force-report-nearly-half-in-survey-saw-abuse-violence/2754557/#content (дата обращения 08.08.2026)

7. Sexual Assault Prevention, Response Key Contributors to Military Readiness [Электронный ресурс] сайт: https://www.war.gov/News/News-Stories/Article/Article/4172575/sexual-assault-prevention-response-key-contributors-to-military-readiness/#1 (дата обращения 19.08.2026).

8. Stars and Stripes. (2026, August 21). Pentagon report continues to show a downward trend of sexual assaults in the military. [Электронный ресурс] сайт: https://www.stripes.com/theaters/us/2026–08–21/pentagon-report-sexual-assault-22621159.html#1(дата обращения 10.06.2026).

9. U.S. Army. (2025, January 10). Building a Safer Future for Army Communities With CIPPIA. [Электронный ресурс] сайт: https://www.war.gov/News/Releases/Release/Article/4580198/department-of-war-releases-its-fiscal-year-2025-annual-report-on-sexual-assault (дата обращения 11.06.2026).

10. U.S. Code, Title 10, Subtitle A, Part II, Chapter 47, Subchapter X, Sec. 928 – Art. 128. Assault (2024). [Электронный ресурс] сайт: https://law.justia.com/codes/us/title-10/subtitle-a/part-ii/chapter (дата обращения 31.07.2026).

11. U.S. Department of War. (2026, August 20). Department of War Releases Its Fiscal Year 2025 Annual Report on Sexual Assault in the Military. [Электронный ресурс] сайт: https://www.army.mil/article/282436/#1 (дата обращения 15.06.2026).

12. United States v. Winston, 27 M.J. 618 (U.S. Army Court of Military Review1988)//[Электронный ресурс] сайт: https://www.courtlistener.com/opinion/8666807/united-states-v-winston (дата обращения 19.03.2026)

13. Walsh, T.R., Walsh, A.K., Heintz Morrissey, B.A., et al. (2025). A Quality Assurance Process Model of the Comprehensive Integrated Primary Prevention Plan to Reduce Harmful Behaviors in the U.S. National Guard. Military Medicine. [Электронный ресурс] сайт: https://www.army.mil/article/282436 (дата обращения 23.06.2026)

VIOLENT CRIME IN THE U.S. ARMED FORCES: STATE, DETERMINANTS, AND PREVENTION STRATEGIES (EXPANDED REVIEW)

Grigoriev V.N.

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

This article presents a comprehensive analysis of the problem of violent crimes in the U.S. Armed Forces. Unlike works that focus exclusively on sexual violence, this study examines the entire spectrum of violent manifestations, including physical assaults, murders, bullying (hazing), sexual harassment and assaults, as well as domestic violence. Based on an analysis of official reports from the Department of Defense, empirical studies, and doctrine documents from the past decade, institutional, cultural, and individual determinants of various forms of violence are identified. Systemic barriers to effective law enforcement and prevention are analyzed. The transition from isolated response measures to an integrated model of primary prevention of harmful behavioral patterns, implemented through interdepartmental partnership, is substantiated. The thesis is argued that the effectiveness of preventive efforts is directly dependent on the transformation of organizational culture and the transition to a system of institutional accountability based on the principles of professionalism and respect for human dignity.

Keywords: violence, crime, hasing, servicemen, US Armed Forces, Department of Defense, prevention strategy, primary prevention.

References

1. ABC News. (2023, December 14). Family demands answers from Army following mysterious death of specialist. [Электронный ресурс] сайт: https://abcnews.com/amp/US/family-demands-answers-army-mysterious-death-specialist/story?id=105387750(дата обращения 02.08.2026).

2. Bryan, A., et al. (2024). Project Safe Guard: Challenges and opportunities of a universal rollout of peer-delivered lethal means safety counseling at a US military installation.Suicide and Life-Threatening Behavior. [Электронный ресурс] сайт: https://ohiostate.elsevierpure.com/en/publications/project-safe-guard-challenges-and-opportunities-of-a-universal-ro/#main-search (дата обращения 17.06.2026).

3. DTIC. (n.d.). Gender differences in PTSD symptoms. AD1116725. [Электронный ресурс] сайт: https://apps.dtic.mil/sti/trecms/pdf/AD1116725.pdf#27#15 (дата обращения 12.07.2026).

4. Metzger, E.C., Wiebe, D.J., Bretzin, A.C., et al. (2026). Exploring hazing experiences and perceived physical and mental health outcomes in the United States military through a cross-sectional study. Injury [Электронный ресурс] сайт: https://link.springer.com/article/10.1186/s40621–025–00650 (дата обращения 29.07.2026).

5. Military Times. (2026, August 21). Incidents of sexual assault, harassment continue to drop in US military, report finds. [Электронный ресурс] сайт: https://www.militarytimes.com/news/pentagon-congress/2026/08/21/incidents-of-sexual-assault-harassment-continue-to-drop-in-us-military-report-finds (дата обращения 26.07.2026).

6. NBC Los Angeles. (2021, November 9). Air Force Report: Nearly Half in Survey Saw Abuse, Violence. [Электронный ресурс] сайт: https://www.nbclosangeles.com/news/national-international/air-force-report-nearly-half-in-survey-saw-abuse-violence/2754557/#content (дата обращения 08.08.2026)

7. Sexual Assault Prevention, Response Key Contributors to Military Readiness [Электронный ресурс] сайт: https://www.war.gov/News/News-Stories/Article/Article/4172575/sexual-assault-prevention-response-key-contributors-to-military-readiness/#1 (дата обращения 19.08.2026).

8. Stars and Stripes. (2026, August 21). Pentagon report continues to show a downward trend of sexual assaults in the military. [Электронный ресурс] сайт: https://www.stripes.com/theaters/us/2026–08–21/pentagon-report-sexual-assault-22621159.html#1(дата обращения 10.06.2026).

9. U.S. Army. (2025, January 10). Building a Safer Future for Army Communities With CIPPIA. [Электронный ресурс] сайт: https://www.war.gov/News/Releases/Release/Article/4580198/department-of-war-releases-its-fiscal-year-2025-annual-report-on-sexual-assault (дата обращения 11.06.2026).

10. U.S. Code, Title 10, Subtitle A, Part II, Chapter 47, Subchapter X, Sec. 928 – Art. 128. Assault (2024). [Электронный ресурс] сайт: https://law.justia.com/codes/us/title-10/subtitle-a/part-ii/chapter (дата обращения 31.07.2026).

11. U.S. Department of War. (2026, August 20). Department of War Releases Its Fiscal Year 2025 Annual Report on Sexual Assault in the Military. [Электронный ресурс] сайт: https://www.army.mil/article/282436/#1 (дата обращения 15.06.2026).

12. United States v. Winston, 27 M.J. 618 (U.S. Army Court of Military Review1988)// [Электронный ресурс] сайт: https://www.courtlistener.com/opinion/8666807/united-states-v-winston (дата обращения 19.03.2026)

13. Walsh, T.R., Walsh, A.K., Heintz Morrissey, B.A., et al. (2025). A Quality Assurance Process Model of the Comprehensive Integrated Primary Prevention Plan to Reduce Harmful Behaviors in the U.S. National Guard. Military Medicine. [Электронный ресурс] сайт: https://www.army.mil/article/282436 (дата обращения 23.06.2026)

Процессуальные особенности оформления решений о возбуждении и об отказе в возбуждении уголовного дела

Бруевич Марина Юрьевна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры переподготовки и повышения квалификации специалистов, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева
E-mail: bruevich1709@mail.ru

Губанова Ольга Александровна,
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры переподготовки и повышения квалификации специалистов, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева
E-mail: gubanova-olga@mail.ru

В статье проводится комплексное изучение проблематики оформления итоговых процессуальных решений на стадии возбуждения уголовного дела. Анализируется вопрос соблюдения процессуальной формы при оформлении процессуальных решений на стадии доследственной проверки. Обращается внимание на структуру, содержание и основные ошибки, допускаемые дознавателями (следователями). Рассматриваются проблемные моменты правоприменительной практики при составлении постановлений о возбуждении и отказе в возбуждении уголовного дела. Приводятся практические примеры из анализируемых материалов отказного производства по сообщениям, связанным с пожаром. При этом приводится анализ спорных процессуальных моментов, связанных с вынесением итоговых решений, возникающих в различных регионах нашей страны. Обращается внимание на то, что указанные процессуальные моменты обязательно необходимо учитывать при составлении итоговых документов в целях принятия обоснованного и законного решения.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, отказное производство, структура и содержание постановления, обоснованное и законное процессуальное решение.

Соблюдение процессуальной формы является основным выражением законности итоговых процессуальных актов расследования. Это определенный процессуальный порядок вынесения и наличие необходимых реквизитов. Данные вопросы рассмотрены в ряде исследований указанных авторов[1–5].

Как и другие процессуальные акты уголовного судопроизводства, содержащие решения по итогам проведения предварительной проверки или уголовному делу, постановление следователя (дознавателя) о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела имеет определенную процессуальную форму.

В вводной части, помимо указания на время и место вынесения постановления, должностное положение и фамилию следователя (дознавателя) делается ссылка на повод к возбуждению уголовного дела. Наиболее распространенной ошибкой при составлении вводной части постановления является изложение сведений о преступлении. Далее, в описательной части либо вновь повторяются эти сведения, либо опускаются вовсе. В целом же постановление выглядит немотивированно. В некоторых образцах процессуальных актов, при изложении вводной части постановления, вообще не указывается повод к возбуждению уголовного дела.

Отдельные сотрудники при составлении вводной части указывают, что рассматривается материал в отношении конкретного лица. Это является грубой ошибкой уже потому, что закон связывает возбуждение уголовного дела только с фактом нарушения закона. Как правило, подобные ошибки следователи (дознаватели) допускают, находя уже в первоначальных материалах сведения о предполагаемом виновном лице в совершении преступления. В постановлении в категорической форме утверждается, что преступление совершено определенным лицом. Хотя именно это и предстоит установить после возбуждения уголовного дела путем проведения расследования.

Также в постановлении нельзя указывать, что рассматривается материал «о преступной деятельности» конкретного лица. Ничем не оправдана и формулировка о том, что рассматривается «материал о несчастном случае с гражданином П.». Несчастный случай – это факт, не содержащий преступления. Поэтому нельзя возбуждать уголовное дело по факту, который заведомо не является преступлением. В таких случаях необходимо ссылаться на объективные данные. Например: «Следователь… рассмотрев материал о факте обнаружения трупа с признаками насильственной смерти…» и т.д. Если же в процессе расследования будет доказано, что смерть наступила в результате несчастного случая, то это явится основанием для прекращения уголовного дела.

Центральной и наиболее ответственной является описательная часть постановления о возбуждении уголовного дела. Она начинается с указания о том, какого числа, в какой орган и о чем конкретно поступило заявление или сообщение. Затем описываются действия этого органа по проверке полученного сообщения о преступлении. И только после этого дается юридическая оценка деяния, то есть констатируется, что совершено преступление, а не иное правонарушение и определяется его квалификация в соответствии с Уголовным кодексом. Если же рассматривается материал об очевидном преступлении и других дополнительных действий для подтверждения этого проводить не требовалось, то сразу дается юридическая оценка и квалификация. Описательная часть заканчивается ссылкой на уголовно-процессуальный закон, который определяет повод, основания и порядок возбуждения уголовного дела.

Постановление о возбуждении уголовного дела является лишь актом реагирования компетентных органов и должностных лиц на факт совершения преступления. Поэтому в нем должно быть изложено лишь то, что необходимо для начала расследования. Такое постановление не должно напоминать постановление о привлечении лица к уголовной ответственности, следовательно, здесь излишне детализировать состав преступления и обстоятельства его совершения.

В третьей, резолютивной части формулируется процессуальное решение о возбуждении уголовного дела. Эта часть, как правило, должна быть краткой и содержать в себе лишь императивное решение: возбудить уголовное дело по конкретной статье или статьям УК, принять дело к своему производству и приступить к расследованию

(или поручить расследование другому следователю). Во втором пункте резолютивной части указывается, что копия постановления о возбуждении уголовного дела направляется прокурору, осуществляющему надзор за деятельностью данного органа расследования.

Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела также структурно состоит из трех частей: вводной, описательной и резолютивной. В вводной части указывается место, время, кем вынесено постановление и материал, который является предметом рассмотрения. Например, «Следователь … рассмотрев заявление гр. С. о краже кошелька, установил..» или «Следователь.. рассмотрев материалы проверки по факту хищения материальных ценностей из магазина ООО «Фарма», установил…».

В описательной (мотивировочной) части указываются обстоятельства, препятствующие возбуждению уголовного дела. Некоторые сотрудники, чтобы не затруднять себя анализом полученных в результате проверки фактов, ограничиваются всеобъемлющим термином «материалы проверки»: «…однако проведенной проверкой, изложенный в заявлении факт кражи не подтверждается…». А в чем состояла проверка и каковы ее результаты, не поясняется. Между тем, обязательно должны перечисляться действия, которые были выполнены, например, полицией или непосредственно следователем (дознавателем) для проверки заявления или сообщения о преступлении и изложены обстоятельства, установленные в процессе проверки. При этом допустимо указание ссылок на те, или иные листы материала проверки.

Нередко отказ в возбуждении уголовного дела мотивируется тем, что обстоятельства, изложенные в заявлении или сообщении, либо невозможно проверить, либо проверка дает о них противоречивые данные. Между тем если наличие признаков преступления вызывает даже малейшее сомнение, которое можно рассеять только путем расследования, следователь (дознаватель) обязан не отказывать, а возбуждать уголовное дело.

Резолютивная часть постановления должна состоять из нескольких пунктов. В первом, формулируется решение об отказе в возбуждении уголовного дела, и указываются основания отказа, в соответствии со статьями УК РФ и УПК РФ. В следующем пункте говорится о том, что копия постановления направляется прокурору и заявителю (пострадавшему). Последний пункт содержит указание на порядок обжалования постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в соответствии со ст. 124 и 125 УПК РФ.

Необходимо отметить, что если постановляющая часть данного процессуального документа выражает решение органа дознания не привлекать виновное лицо к уголовной ответственности, здесь же указывается, следует ли привлечь данное лицо к административной ответственности. Так, при вынесении постановления по основанию п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ по материалу, связанному с пожаром, одновременно решается вопрос о привлечении лица к административной ответственности по ч. 1 ст. 20.4 КоА П.

Не может считаться мотивированным постановление дознавателя (следователя), если в нем не указана ссылка на конкретные, имеющиеся в материале проверке доказательства, которые взяты за основу для принятия указанного решения, если в постановлении не указана ссылка на конкретные части, пункты и статьи УК РФ. Вследствии чего, указанное постановление должно считаться вынесенным незаконно и необоснованно, а значит, подлежит отмене.

Так, по пожару в коленчатом подъемнике на базе автомобиля «ГАЗ-33023 ПМС-212–02», произошедшему в г. Оренбурге, при вынесении постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, дознаватель указал, что «…причиной пожара послужило нарушение требований пожарной безопасности при проведении огневых работ. Травму при пожаре получил гр. М. На момент принятия процессуального решения, судебно-медицинская экспертиза на гр. М. не предоставлена. Таким образом, отсутствует событие преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 219 УК РФ» [6].

Учитывая, что квалифицирующим признаком ч. 1 ст. 219 УК РФ является причинение тяжкого вреда здоровью человека, в данном случае установление степени тяжести телесных повреждений являлось первоочередной задачей в ходе проведения предварительной проверки по сообщению о пожаре. Поэтому прокурор вынес решение об отмене данного постановления в связи с неполнотой доследственной проверки и указал, что без устранения указанного недостатка невозможно принять законное и обоснованное решение.

Еще один вопрос связан с законностью вынесения итогового решения. В рамках предварительной проверки по фактам пожаров необходимо назначать и проводить пожарно-техническое исследование или экспертизу, что способствует правильной квалификации деяния и установлению причины пожара, а значит, принятию законного итогового процессуального решения. Необходимо грамотно провести осмотр места происшествия, обнаружить и правильно изъять объекты, которые необходимо исследовать, иначе расследование может зайти в тупик или затянуться, как следует из следующих материалов правоприменительной практики.

Старшим дознавателем ОД ОНД и ПР Кировского района управления надзорной деятельности ГУ МЧС России по Ленинградской области Н. было принято процессуальное решение об отказе в возбуждении уголовного дела, в связи с истечением установленного прокурором 30 суточного срока проверки. Материалы проверки, на момент принятия процессуального решения находились в ФГБУ «СЭУ ФПС «ИПЛ по Ленинградской области», в связи с производством пожарно-технической экспертизы. Тем не менее, в ОНД и ПР Кировского района поступило постановление прокурора «Об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела», в котором было дано указание приобщить к материалам проверки судебную пожарно-техническую экспертизу, а также провести дополнительный осмотр места происшествия и опросить определенных лиц.

Как пояснял дознаватель Н., данное решение было обусловлено, в том числе большой загруженностью ИПЛ и невозможностью в установленные УПК РФ сроки принять законное решение [7].

На наш взгляд, имело место недостаточная компетентность дознавателя и не использование им всех необходимых способов собирания доказательств, указанных в УПК РФ для принятия в срок законного решения. В данном случае, дознаватель не имел права выносить итоговое процессуальное решение, так как не были установлены все обстоятельства происшедшего деяния, в частности, не была установлена техническая причина пожара. При указанных обстоятельствах, необходимо было ходатайствовать о продлении срока проверки для установления наличия или отсутствия достаточных данных, указывающих на признаки преступления и могущих повлиять на его квалификацию в соответствии со ст. 146 УПК РФ.

Также процессуальным недостатком является отсутствие в описательной части постановления об отказе в возбуждении уголовного дела юридического обоснования отказа в возбуждении уголовного дела, анализа элементного состава преступления.

Так, по пожару в строении частного жилого дома, расположенного в Кингисеппском районе Ленинградской области, в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела, дознаватель указывает: «.. установлено, что очаговая зона пожара определяется в объеме северной половины строения дома. Наиболее вероятной технической причиной пожара могло послужить возгорание горючих материалов в результате аварийного режима работы электросети или электрооборудования». Далее делается вывод в резолютивной части об отказе в возбуждении уголовного дела по ст. 168 УК РФ и по основанию ч. 1 п. 1 ст. 24 УПК РФ. В данном случае совершенно непонятно, по какому процессуальному основанию дознаватель принимает решение об отказе, каких квалифицирующих признаков объективной стороны преступления не хватило для возбуждения уголовного дела [8].

Еще один характерный пример. По итогам предварительной проверки по пожару жилого дома в с.Сарыг-Сеп Каа-Хемского района в р. Тыва, дознаватель, в постановляющей части постановления об отказе, указывает: «.. отказать в возбуждении уголовного дела по сообщению о преступлении, предусмотренного ст. 168 УК РФ, на основании п. 2 части 1 ст. 24 УПК РФ, за отсутствием состава преступления» [9]. Достаточно абстрактная формулировка. Здесь необходимо учитывать, что по п. 2 ч. 2 ст. 24 УПК (отсутствие в деянии состава преступления) принимается решение только в отношении конкретного лица, что обязательно должно быть отражено в итоговой части постановления об отказе (после детальной правовой характеристики действий лица в описательной части документа).

Если постановление об отказе выносится в отношении умершего лица (п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), в описательной (мотивировочной) части обязательно указывается согласие близких родственников с данным процессуальным решением.

Необходимо отметить еще один спорный момент, связанный с вынесением итоговых процессуальных решений. В некоторых регионах сложилась практика, совершенно выходящая за рамки правового поля.

Так, если по материалу проверки по факту пожара, согласно проведенного пожарно-технического исследования (экспертизы), специалист (эксперт) делает вывод о наличии двух технических причин возникновения пожара – например, о возникновении пожара, вследствии воздействия внесенного источника зажигания в виде открытого огня или маломощного источника зажигания, дознаватель в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела обосновывает и одновременно принимает два решения по одному факту пожара: отказывает в возбуждении уголовного дела по ст. 168 УК РФ и направляет мате-

риал проверки по подследственности в СО МВД (ОМВД) России для принятия решения по ч. 2 ст. 167 УК РФ.

Так, по материалам проверки по факту пожара бани и хозяйственных построек, расположенных на участке СНТ «Дружба» в Ярославской области, дознаватель в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела указывает: «… основываясь на выводах технического эксперта, можно сделать вывод, что одной из причин пожара мог послужить аварийный пожароопасный режим работы электросети бани, в связи с чем, по материалу проверки принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела по основании, предусмотренному п. 1 части 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием события преступления, предусмотренного ст. 168 ч. 1 УК РФ. Также согласно заключению эксперта наиболее вероятной причиной пожара послужило занесение источника открытого источника огня на сгораемые материалы и конструкции, расположенные в строении бани, в связи с чем, усматриваются признаки преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 167 УК РФ, что является подследственностью органов внутренних дел РФ. На основании чего, материал проверки подлежит направлению по подследственности в ОМВД России по Ярославской области» [10].

Еще один характерный пример. По факту пожара в многоквартирном жилом доме в с. Кильмезь Удмуртской республики, дознаватель в итоговом процессуальном документе принимает решение об отказе в ВУД по ст. 168 УК РФ а также указывает: «…так как в результате пожарно-технического исследования имеется информация о том, что одной из вероятных причин возникновения пожара могло послужить воздействие умышленно внесенного источника зажигания в виде открытого огня, что свидетельствует об умышленных действиях, направленных на уничтожение имущества путем поджога, материалы проверки по факту возможного поджога следует направить по подследственности в МО МВД России «Увинский» [11].

Здесь необходимо отметить, что в соответствии со ст. 145 УПК РФ, по результатам рассмотрения сообщения о преступлении, дознаватель должен принять только одно из следующих решений: возбудить уголовное дело, отказать в возбуждении уголовного дела либо передать материал по подследственности. Также, статья 155 УПК РФ предусматривает выделение в отдельное производство материалов, содержащих сведения о новом преступлении только в рамках уголовного дела. Поэтому по одному факту пожара, дознаватель правомочен в рамках действующего уголовно-процессуального законодательства, принять только одно решение в рамках ст. 145 УПК РФ – либо отказать в возбуждении уголовного дела, либо направить материал по подследственности в следственный отдел МВД РФ.

Данные процессуальные моменты обязательно необходимо учитывать при составлении итоговых документов предварительной (доследственной) проверки в целях принятия грамотного и законного решения.

В Санкт-Петербургском университете ГПС МЧС России для профессиональной переподготовки слушателей МЧС России, занимающихся вопросами профессиональной деятельности в области дознания по делам о пожарах разработан курс обучения с применением дистанционных образовательных технологий. В данном курсе изучаются разделы: социально-правового обеспечения личного состава МЧС России, организации надзорно-профилактической деятельности МЧС России, основы гражданского права и процесса, основы возникновения и развития пожаров, пожарной безопасности объектов и населенных пунктов, организации пожаротушения и проведения аварийно-спасательных работ, основы теории права, основы уголовного процесса, состав преступления и теория доказательств, криминалистики и расследования экспертизы пожаров. [12,13,14]

Данная программа направлена на повышение доступности образования для сотрудников МЧС России с использованием современных цифровых технологий. [15]

Литература

1.Колбасина Е.Е. Процессуальное значение стадии возбуждения уголовного дела. В сборнике: Защита прав человека отраслями российского права. Материалы VI межвузовской и IV Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых. Ответственный редактор: М.С Мережкина; НОУ ВПО «Институт управления», филиал в г. Волгограде. 2014. С. 9–12.

2.Сурков В.В. Возбуждение уголовного дела: сущность, задачи и развитие первоначального этапа уголовного судопроизводства. В сборнике: Современные проблемы противодействия коррупционным преступлениям. Материалы национальной научно-практической конференции. 2020. С. 126–129.

3.Приведенцев Д.Ю. Возбуждение уголовного дела как стадия уголовного процесса. В сборнике: Современные проблемы социально-гуманитарных и юридических наук: теория, методология, практика. Материалы X Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2022. С. 283–285.

4.Бруевич М.Ю. Губанова О.А. К вопросу о понятии источника повышенной опасности при анализе правоприменительной практики итоговых процессуальных решений по ст. 168 УК РФ. Юридическая наука. 2026. № 1. С. 148–151.

5. Бруевич М.Ю. Анализ совокупности информации и формирование вывода об очаге пожара по преступлениям, связанным с пожаром. В сборнике: Криминалистика – наука без границ: традиции и новации. Материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2025. С. 43–48.

6.Материалы отказного производства № 297–2019 по факту пожара, произошедшего 24 августа 2019 г. в коленчатом подъемнике на базе автомобиля «ГАЗ-33023» по адресу: г. Оренбург, ул. Курача,41.

7.Материалы отказного производства № 74 по факту пожара, произошедшего 02.11.2014 в строении по адресу: Ленинградская область, Кировский район, д. Леднево, у д. 134.

8.Материалы проверки КРСП № 64 по факту пожара 02 мая 2021 г. в строении дома по адресу: Ленинградская область, Кингисеппский район, мкр. «Южный», ул. Слепнева д. 1.

9.Материалы проверки КРСП № 12 по факту пожара 12 апреля 2021 г. в частном доме по адресу: р.Тыва, Каа-Хемский район, с. Сарыг-Сеп, ул. Данченко, д. 34.

10.Материалы отказного производства № 196 КРСП № 206 по факту пожара, происшедшего 10 октября 2021 г. в помещении бани и хозяйственных постройках по адресу: Ярославская область, Ярославский район, Карибское с/п, СНТ «Дружба».

11.Материалы отказного производства № 8/5 по факту пожара, происшедшего 09 февраля 2022 г. в многоквартирном нежилом доме по адресу: Удмуртская республика, Сюмсинский район, с. Кильмезь, ул. Октябрьская, д. 63.

12.Губанова О.А. Продвижение по службе квалифицированных специалистов // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2016. № 2 (31). С. 28–30.

13.Губанова О.А., Зуев А.В., Османов Ш.А., Завьялов Д.Е. Пенсия за выслугу лет // Юридическая наука, 2024, № 4. С. 37–40.

14.Губанова О.А., Бруевич М.Ю. Право на вторую пенсию // Закон и власть. 2023. № 1. С. 26–28.

15.Губанова О.А., Михайлов В.А., Михайлова В.В. Курс повышения квалификации с применением дистанционных образовательных технологий // Современное профессиональное образование. 2025. № 9. С. 83–87.

PROCEDURAL FEATURES OF FORMING DECISIONS TO INITIATE OR REFUSE TO INITIATE A CRIMINAL CASE

Bruevich M.Y., Gubanova O.A.
Saint Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero of the Russian Federation, General of the Army E.N. Zinichev

The article provides a comprehensive study of the issues related to the formulation of final procedural decisions at the stage of initiating a criminal case. The issue of compliance with the procedural form when formulating procedural decisions at the stage of pre-investigative verification is analysed. Attention is drawn to the structure, content, and main mistakes made by interrogators (investigators). Problematic aspects of law enforcement practice in drawing up decisions to initiate or refuse to initiate a criminal case are examined. Practical examples are provided from the analysed materials of refusal proceedings related to reports about fires. At the same time, an analysis is provided of the controversial procedural issues related to the issuance of final decisions that arise in various regions of our country. Attention is drawn to the fact that these procedural issues must be taken into account when drafting final documents in order to make a well-founded and lawful decision.

Keywords: initiation of a criminal case, dismissal proceedings, structure and content of a resolution, and a reasonable and lawful procedural decision.

References

1. Kolbasina E.E. Procedural significance of the stage of initiation of a criminal case. In the collection: Protection of human rights by sectors of Russian law. Materials of the VI Interuniversity and IV All-Russian Scientific and Practical Conference of Students and Young Scientists. Executive editor: M.S. Merezhkina; NEI HVE "Institute of Management," branch in Volgograd. 2014. S. 9–12.

2. Surkov V.V. Initiation of a criminal case: the essence, tasks and development of the initial stage of criminal proceedings. In the collection: Modern problems of countering corruption crimes. Materials of the national scientific and practical conference. 2020. S. 126–129.

3. Privedentsev D. Yu. Initiation of a criminal case as a stage of a criminal process. In the collection: Modern problems of socio-humanitarian and legal sciences: theory, methodology, practice. Materials of the X International Scientific and Practical Conference. Krasnodar, 2022. S. 283–285.

4. Bruevich M. Yu. Gubanova O.A. On the question of the concept of a source of increased danger in the analysis of law enforcement practice of final procedural decisions under Article 168 of the Criminal Code of the Russian Federation. Legal science. 2026. № 1. S. 148–151.

5. Bruevich M. Yu. Analysis of the totality of information and formation of a conclusion about the fire source for crimes related to fire. In the collection: Forensics – science without borders: traditions and innovations. Materials of the international scientific-practical conference. St. Petersburg, 2025. S. 43–48.

6. Materials of failure production No. 297–2019 on the fact of a fire that occurred on August 24, 2019. in a crank lift based on the GAZ-33023 car at the address: Orenburg, st. Kuracha, 41.

7. Materials of failure production No. 74 on the fact of a fire that occurred 02.11.2014 in the building at the address: Leningrad Region, Kirovsky District, Lednevo village, 134.

8. Materials of the inspection of the KRSP No. 64 on the fact of the fire on May 02, 2021 in the building of the house at the address: Leningrad region, Kingisepp district, microdistrict. "Yuzhny," st. Slepneva d.1.

9. Materials of the inspection of the KRSP No. 12 on the fact of the fire on April 12, 2021. in a private house at the address: r. Tyva, Kaa-Khemsky district, s. Saryg-Sep, st. Danchenko, 34.

10. Materials of failure production No. 196 KRSP No. 206 on the fact of a fire that occurred on October 10, 2021. in the bathhouse and outbuildings at the address: Yaroslavl region, Yaroslavl region, Caribbean s/p, SNT "Friendship."

11. Materials of failure production No. 8/5 on the fact of a fire that occurred on February 09, 2022 in a non-residential apartment building at the address: Udmurt Republic, Syumsinsky district, s. Kilmez, st. October, d.63.

12. Gubanova O.A. Promotion of qualified specialists//Psychological and pedagogical problems of human and public safety. 2016. № 2 (31). S.28–30.

13. Gubanova O.A., Zuev A.V., Osmanov SH.A., Zavyalov D.E. Retirement pension// Legal Science, 2024, No. 4. S. 37–40.

14. Gubanova O.A., Bruevich M. Yu. The right to a second pension//Law and power. 2023. № 1. S. 26–28.

15. Gubanova O.A., Mikhailov V.A., Mikhailova V.V. Advanced training course using distance educational technologies//Modern vocational education. 2025. № 9. S. 83–87.

Правовое регулирование контроля и надзора за деятельностью аудиторских организаций в Российской Федерации (исторический и современный аспекты)

Ефимова Алина Константиновна,
аспирант кафедры финансового права, Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: a.k.efimova@mail.ru

В статье рассматриваются эволюция правового регулирования контроля и надзора за деятельностью аудиторских организаций в Российской Федерации и распределение контрольных полномочий в действующей модели аудита, переход от лицензирования и саморегулирования к системе внутреннего контроля качества, профессионального внешнего контроля, федерального государственного контроля и банковского надзора исследуется для установления логики этой трансформации и правовых оснований разграничения контрольных контуров, для этого использованы анализ научных публикаций и нормативных положений, сравнительно-правовое сопоставление, историко-правовая реконструкция, классификация, логико-аналитическая интерпретация и синтез, источниковую основу составили российские работы 2022–2026 гг. о регулировании аудита, саморегулировании, обязательном аудите, качестве аудиторских услуг и правовом статусе аудиторских организаций, разграничение механизмов контроля проводится по их объекту, субъекту и публично значимому риску, полученные положения применимы при уточнении компетенции регуляторов и организации комплаенс-процедур аудиторских организаций.

Ключевые слова: аудиторская деятельность, аудиторская организация, государственный контроль, надзор, внешний контроль, саморегулирование аудита, Банк России, Федеральное казначейство, качество аудита, общественно значимые организации.

Введение

После реформы 2021–2022 гг. полномочия по контролю аудиторских организаций распределены между профессиональным сообществом и публичными регуляторами с учетом статуса аудиторской организации, круга ее клиентов и характера охраняемых финансовых интересов, негосударственный статус аудитора сохраняется, но использование результатов обязательного аудита участниками экономического оборота, инвесторами и публичными институтами обусловливает специальные требования к допуску на рынок, качеству работы и соблюдению обязательных требований, поэтому действующую систему нельзя свести к противопоставлению государственного регулирования и профессионального саморегулирования.

Государственное лицензирование сопровождало первоначальное закрепление аудита, затем значительная часть профессионального контроля была передана саморегулируемым организациям, реформа 2021–2022 гг. усилила дифференциацию публичного контроля для аудиторских организаций, работающих с общественно значимыми организациями и субъектами финансового рынка, расширение государственного контроля после периода развития саморегулирования при этом не восстанавливает прежнюю лицензионную модель, а меняет распределение контрольной компетенции.

Цель исследования состоит в определении закономерностей развития правового регулирования контроля и надзора за деятельностью аудиторских организаций и систематизации действующей модели распределения контрольных полномочий, для достижения цели решены три задачи,

1) реконструированы основные этапы изменения правового режима контроля аудиторской деятельности от первоначальной лицензионной модели к современному регулированию,

2) разграничены внутренний контроль качества, внешний контроль саморегулируемой организации аудиторов, федеральный государственный контроль и надзор Банка России с учетом их объектов и сферы действия,

3) сопоставлены научные подходы к саморегулированию, публично-правовой природе обязательного аудита, правовому статусу аудиторских организаций и контролю качества, выявлены связанные с их сочетанием регуляторные противоречия и исследовательские лакуны.

Научная новизна состоит в функциональном разграничении современной системы контроля аудиторских организаций, интенсивность публичного воздействия в ней связывается прежде всего с общественной значимостью и рисковым профилем сегмента оказания аудиторских услуг, а не с организационно-правовым положением аудитора, внутреннее управление качеством рассматривается как организационная предпосылка надлежащего аудита и отделяется от юридического контроля соблюдения обязательных требований.

Материалы и методы

В исследовании использованы современные российские публикации по отдельным элементам рассматриваемого правового механизма, Р.Н. Аганина и Н.Г. Апресова [1] исследовали новеллы законодательства об аудиторской деятельности, правоприменительные вопросы и изменение содержания аудиторских услуг, Р.Н. Аганина [2] рассмотрела обязательный аудит, риск-ориентированный внешний контроль и профилактические мероприятия, в другой работе Р.Н. Аганина [3] охарактеризовала соотношение государственного воздействия и саморегулирования и сформировавшийся «регуляторный треугольник», М.В. Карасева и И.В. Панина [4] обосновали финансово-правовую природу обязательного аудита и публичный характер соответствующего правоотношения, Н.А. Лосева и Г.В. Глазкова [5] исследовали обеспечение и управление качеством услуг аудиторских организаций, В.В. Морунов [6] рассмотрел нормативное содержание категории качества аудиторской деятельности и ее место в системе контроля, О.С. Соболь [7] проанализировала правовое положение саморегулируемой организации аудиторов, ее специализированные органы и контрольные функции, Е.Б. Стрелкова [8] раскрыла статус аудиторских организаций как субъектов негосударственного финансового контроля и связь специальных

правовых ограничений с внешним контролем и надзором, историко-правовой материал дополнен работой Е.Б. Стрелковой [9] об изменении категории «аудиторская деятельность» с 1993 г. и исследованием 2026 г. [10], содержащим сравнительно-правовую классификацию институтов регулирования аудита в государствах ЕАЭС и характеристику российского сочетания государственных, банковских, саморегулируемых и иных наделенных публичными полномочиями структур.

Методика объединяет историко-правовое сопоставление нормативных моделей регулирования аудита, анализ научных публикаций, сравнение компетенции субъектов контроля, классификацию контрольных механизмов по объекту и сфере действия, выявление расхождений между категориями качества, контроля и надзора, обобщение и синтез положений о связи общественной значимости аудируемого сегмента с интенсивностью внешнего контроля.

Результаты

Временные правила аудиторской деятельности 1993 г., по данным Е.Б. Стрелковой, впервые закрепили понятие аудиторской деятельности и фактически отождествили его с аудитом, включив независимые вневедомственные проверки финансовой отчетности и иные аудиторские услуги [9], право осуществлять эту предметно ограниченную деятельность связывалось с государственным разрешительным механизмом, поэтому профессиональная независимость проверки изначально сочеталась с публично установленными условиями доступа к аудиторскому рынку.

Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 119-ФЗ системно закрепил лицензирование, аттестацию, стандарты аудиторской деятельности, государственное регулирование и основы контроля качества работы аудиторов и аудиторских организаций, лицензия являлась юридическим условием осуществления аудиторской деятельности, а контроль строился вокруг централизованного допуска и соблюдения установленных государством профессиональных требований, что отличало эту конструкцию от последующего саморегулирования, где ответственность за состояние профессии концентрировалась на ином субъекте.

Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ заменил лицензирование обязательным членством аудиторов и аудиторских организаций в саморегулируемых организациях и передал им функции контроля за собственными членами, переход от индивидуального административного разрешения к постоянному профессиональному контролю внутри организованного сообщества О.С. Соболь связывает с общей логикой замены лицензирования обязательным членством в СРО [7], Р.Н. Аганина рассматривает дальнейшее развитие через изменение соотношения государственного регулирования и саморегулирования и ослабление автономного значения последнего при расширении публичных контрольных полномочий [3], государственное воздействие после реформы не исчезло, публичный регулятор прекратил лицензионный допуск, сохранив законодательное определение требований к профессии и контроль над институциональной средой саморегулирования.

Федеральный закон от 2 июля 2021 г. № 359-ФЗ сформировал конфигурацию контроля, основные элементы которой применяются с 2022 г., Р.Н. Аганина и Н.Г. Апресова связывают изменения с трансформацией правового статуса субъектов аудиторского рынка и обновлением нормативных требований [1], Р.Н. Аганина описывает распределение полномочий между Федеральным казначейством, Банком России и профессиональным сообществом как «регуляторный треугольник» [3], О.С. Соболь фиксирует сохранение контроля СРО наряду с государственным контролем аудиторских организаций, работающих с общественно значимыми организациями [7], профессиональный уровень саморегулирования сохраняется, а публичный контроль усиливается в сегментах, где последствия ненадлежащего аудита затрагивают более широкий круг защищаемых интересов.

Статья 10 Федерального закона № 307-ФЗ разграничивает внутренний контроль качества, внешний контроль СРО, контроль уполномоченного федерального органа за аудиторскими организациями, оказывающими услуги общественно значимым организациям, и надзор Банка России за аудиторскими организациями на финансовом рынке в части услуг общественно значимым организациям на финансовом рынке, закон отдельно закрепляет взаимодействие федерального контрольного органа с Банком России, поэтому распределение полномочий определяется одновременно субъектом контроля и характеристиками аудируемого сегмента, внутренний контроль качества реализуется внутри аудиторской организации и не участвует в компетенционной конкуренции внешних регуляторов.

Саморегулируемая организация охватывает внешним профессиональным контролем аудиторские организации и аудиторов как членов профессионального сообщества независимо от подключения специальных публичных механизмов, О.С. Соболь связывает этот статус с обязательностью членства, ведением реестра, специализированным органом внешнего контроля и дисциплинарным органом [7], Р.Н. Аганина обращает внимание на ослабление саморегулирования при существовании единственной СРО и расширении государственного воздействия [3], юридический объем полномочий СРО вследствие этого не тождествен ее институциональной самостоятельности и сам по себе не подтверждает равновесия профессионального и государственного регулирования.

Федеральный государственный контроль по статье 10.2 Федерального закона № 307-ФЗ распространяется на аудиторские организации, оказывающие услуги общественно значимым организациям, его предмет составляют соблюдение обязательных требований и исполнение решений контрольного органа, Федеральное казначейство использует профилактические мероприятия, документарные и выездные проверки, планирование связывается с управлением рисками причинения вреда охраняемым законом ценностям и категориями риска, Р.Н. Аганина указывает на возможное размывание риск-ориентированного подхода и ограниченную результативность отдельных профилактических инструментов [2], поэтому проблема относится к фактическому соответствию интенсивности и способов контроля заложенной в законодательстве дифференциации рисков.

Надзор Банка России действует внутри наиболее регулируемого сегмента аудиторского рынка и касается соблюдения обязательных требований при оказании аудиторской услуги общественно значимой организации на финансовом рынке, Банку России предоставлены полномочия проводить проверки и запрашивать необходимые документы и информацию, для работающей в этом сегменте аудиторской организации контроль СРО сочетается с федеральным государственным контролем и специализированным банковским надзором, О.С. Соболь описывает наложение профессионального и публичного внешнего контроля [7], Р.Н. Аганина связывает самостоятельные полномочия Банка России с многоцентровой системой регулирования и риском избыточной регуляторной нагрузки [3], Е.Б. Стрелкова относит банковское регулирование к самостоятельным компонентам смешанных моделей регулирования аудита в ЕАЭС [10].

Публичный характер обязательного аудита М.В. Карасева и И.В. Панина связывают с его финансово-правовой природой [4], Е.Б. Стрелкова рассматривает аудиторскую организацию как субъекта негосударственного финансового контроля, деятельность которого направлена на публично значимые цели, а специальные дозволения и ограничения ее правоспособности связывает с внешним контролем и надзором [8], историческое исследование этой категории фиксирует сохранение законодательной границы между аудиторской деятельностью и совместимыми с особым статусом аудитора услугами [9], дополнительное публичное воздействие поэтому обусловлено юридической значимостью результата независимого аудита и масштабом затрагиваемых им интересов, а не превращением аудиторской организации в государственный контрольный орган.

Контроль качества и государственный контроль соблюдения обязательных требований имеют различный предмет, Н.А. Лосева и Г.В. Глазкова рассматривают обеспечение качества услуг аудиторской организации как управляемый организационный процесс, зависящий от соответствующих процедур и факторов деятельности [5], В.В. Морунов указывает на сложность сведения качества аудиторской деятельности к единственному юридически формализованному критерию [6], статья 10 Федерального закона № 307-ФЗ возлагает на аудиторскую организацию внутренний контроль качества, а предмет федерального государственного контроля формулирует через соблюдение обязательных требований, отсутствие выявленного нарушения поэтому характеризует юридическую сторону деятельности, но не исчерпывает профессиональное качество аудита.

Внутренняя система управления качеством организует процессы до взаимодействия с СРО или государственным органом, внешний субъект оценивает деятельность в пределах закрепленного за ним предмета контроля и применимых обязательных требований, исследования качества аудиторских услуг [5], нормативного содержания качества [6], саморегулирования [7] и государственного воздействия [3] фиксируют различную функциональную направленность этих механизмов, их смешение ведет к оценке одной категории по разным критериям, профессиональное качество включает организационные и методические параметры аудиторской работы, юридический контроль опирается на проверяемые обязательные требования, риск-ориентированный государственный контроль дополнительно связывает интенсивность вмешательства с возможным вредом охраняемым ценностям.

Регулирование аудиторской деятельности шире круга органов, непосредственно проверяющих аудиторские организации, Е.Б. Стрелко-

ва выделяет на материале государств ЕАЭС государственное регулирование, саморегулирование, банковское регулирование и институты государственно-частно-общественного характера, в России к негосударственным организациям с публичными полномочиями в сфере допуска к профессии автор относит Единую аттестационную комиссию [10], контроль и надзор в узком смысле включают внутренний контроль качества, внешний контроль СРО, федеральный государственный контроль и надзор Банка России, регулирование дополнительно охватывает институты доступа и профессиональной квалификации.

Накопление специализированных уровней ответственности, а не возврат к централизованному государственному контролю, характеризует современную модель, Р.Н. Аганина и Н.Г. Апресова фиксируют масштаб законодательной трансформации аудиторской деятельности [1], Р.Н. Аганина указывает на противоречие между риск-ориентированной логикой и возможным увеличением административной нагрузки [2], концепция «регуляторного треугольника» отражает множественность центров воздействия [3], О.С. Соболь сохраняет за профессиональным сообществом самостоятельную контрольную функцию [7], сравнительно-правовой материал Е.Б. Стрелковой подтверждает возможность разных сочетаний публичных и негосударственных регуляторов [10], ключевой вопрос смещается к разграничению компетенции, предотвращению неоправданного дублирования и связи интенсивности надзора с рисками конкретного сегмента аудиторского рынка.

Действующий контроль включает четыре функциональных контура, внутреннее управление качеством в аудиторской организации, профессиональный внешний контроль СРО, федеральный государственный контроль аудиторских организаций, оказывающих услуги общественно значимым организациям, и надзор Банка России в финансовом сегменте, деление основано на объекте контрольного воздействия и отличается от исторического противопоставления государственного регулирования и саморегулирования, развитие правового режима привело от единого разрешительно-контрольного центра к распределенной системе, где дополнительные уровни подключаются по мере возрастания публичной значимости проверяемого сегмента.

Обсуждение

Лицензионный режим обеспечивал государственный допуск и централизованную регламентацию, обязательное саморегулирование перенесло часть постоянного контроля на профессиональное сообщество, последующая реформа добавила специализированные публичные механизмы для отдельных категорий аудиторских организаций, поэтому историческая последовательность не описывается линейным движением от государственного регулирования к профессиональной автономии, саморегулирование стало одним из уровней смешанного регулирования, а не конечной формой институционального развития.

В лицензионной модели государственный акт допускал конкретного субъекта к аудиторской деятельности, современный государственный контроль действует после допуска и различается по характеру обслуживаемых организаций, увеличение числа публичных контрольных полномочий поэтому не означает восстановления исходной разрешительной конструкции, изменяется прежде всего плотность последующего контроля в общественно значимых сегментах.

Оценка сочетания саморегулирования и государственного воздействия расходится по двум параметрам, подход, ориентированный на профессиональное сообщество, связывает с СРО внешний контроль, дисциплинарное воздействие и методическую поддержку, критическая позиция фиксирует концентрацию саморегулирования в одной организации и расширение компетенции публичных субъектов, значительный юридический объем полномочий СРО при этом не гарантирует сопоставимой институциональной автономии, первая оценка относится к функциям СРО, вторая к ее фактическому месту среди других регуляторов.

Количество контрольных субъектов само по себе не определяет избыточность современной конструкции, СРО, Федеральное казначейство и Банк России действуют в разных предметных и секторных границах, дополнительный контроль аудиторских организаций, обслуживающих общественно значимых субъектов и финансовый рынок, соответствует дифференциации защищаемых интересов, проблема возникает при проверке сходных требований несколькими субъектами без различия цели, используемой информации и правового результата, поэтому оценка модели зависит от самостоятельности компетенции и качества координации, а не от числа регуляторов.

Риск-ориентированный федеральный государственный контроль должен ограничивать контрольную нагрузку за счет концентрации ресурсов на объектах с более значимыми потенциальными последствиями нарушений, научная критика фиксирует возможность ослабления этого принципа при практической организации контроля даже при его нормативном закреплении, различие возникает между формальной категоризацией объектов и реальной интенсивностью контрольного воздействия, проверка эффективности требует сопоставления категории риска, частоты и характера нарушений, профилактических средств и последующего изменения поведения подконтрольных организаций.

Публично-правовая природа обязательного аудита объясняет совместимость негосударственной организационной формы аудитора с усиленным государственным контролем, аудиторское заключение используется за пределами договорного отношения исполнителя и заказчика более широким кругом заинтересованных лиц, контроль защищает доверие к результату профессиональной проверки без изменения статуса аудиторской организации, поэтому аудиторский финансовый контроль не отождествляется с государственным финансовым контролем.

Юридически проверяемое соответствие обязательным требованиям входит в условия надлежащего оказания аудиторских услуг, но качество формируется организационными процессами, профессиональными суждениями и процедурами, которые не сводятся к отсутствию формально установленного нарушения, внутреннее управление качеством организует профессиональную деятельность, внешний контроль проверяет ее в пределах юридически определенного предмета, различие функций определяет их взаимное дополнение.

Система внутреннего контроля, ориентированная исключительно на подготовку к внешней проверке, смещает внимание с управления качеством на документальное подтверждение соответствия, ориентация только на внутренние профессиональные процедуры без учета нормативно проверяемых требований увеличивает регуляторный риск, поэтому профессиональные процедуры качества должны быть связаны с картой обязательных требований при сохранении различия между их функциями.

В государствах ЕАЭС отсутствует единственная институциональная схема распределения публичных полномочий в сфере аудита, государственные органы, центральные банки, СРО и иные организации участвуют в регулировании в различных сочетаниях, для российского права это ограничивает дискуссию о выборе одного «основного» регулятора и переводит оценку к конкретным функциям институтов и каналам их взаимодействия, Единая аттестационная комиссия дополнительно подтверждает возможность передачи публично значимых полномочий негосударственному субъекту вне собственно контрольно-надзорного процесса.

Литература подробно раскрывает нормативное распределение полномочий, саморегулирование, публичную природу аудита и проблемы качества, но слабее связывает эти элементы с измеримыми результатами многоуровневого контроля, недостаточно разработаны критерии разграничения оправданного пересечения компетенции и регуляторного дублирования, а также оценки влияния нескольких контрольных контуров на качество аудита и административные издержки аудиторских организаций.

Правовое закрепление профилактической составляющей государственного контроля не определяет, какие меры снижают вероятность нарушения, а какие воспроизводят информационные обязанности подконтрольных субъектов, аналогичная неопределенность сохраняется во взаимодействии внутренней системы качества и внешнего контроля, научная литература раскрывает оба элемента, но причинная связь между зрелостью внутреннего управления качеством, результатами проверок СРО и выводами государственных регуляторов остается недостаточно установленной.

Совершенствование регулирования связано с предметным разграничением компетенции контролирующих субъектов, сохранением реальной риск-ориентированности государственного контроля и согласованием юридического комплаенса с профессиональной системой управления качеством, количество требований и контрольных мероприятий не служит самостоятельным показателем эффективности, дополнительная интенсивность контроля должна соответствовать общественной значимости риска, а компетенция каждого контролирующего субъекта должна быть связана с проверяемым им аспектом деятельности.

Заключение

Временные правила 1993 г. задали первоначальные правовые границы аудиторской деятельности и разрешительный подход к ее осуществлению, Федеральный закон № 119-ФЗ закрепил централизованную лицензионную модель государственного регулирования, Федеральный закон № 307-ФЗ перенес существенную часть профессионального контроля в систему обязательного саморегулирования, реформа 2021–2022 гг. сохранила эту систему и дополнила ее дифференцированным госу-

дарственным контролем и банковским надзором в общественно значимых сегментах.

Действующий механизм объединяет внутренний контроль качества аудиторской организации, внешний профессиональный контроль СРО, федеральный государственный контроль аудиторских организаций, оказывающих услуги общественно значимым организациям, и надзор Банка России в финансовом сегменте, интенсивность публичного контроля возрастает вместе с общественной значимостью сферы оказания аудиторских услуг, внутреннее управление качеством отличается от внешнего контроля соблюдения обязательных требований, регулирование аудиторской деятельности шире контроля и надзора и включает институты допуска и профессиональной квалификации.

Сопоставление научных подходов фиксирует нормативную устойчивость саморегулирования вместе с ограничением его автономии в многоцентровой системе, публичную обусловленность усиленного контроля за негосударственными аудиторскими организациями и риск дублирования регуляторного воздействия, дальнейшая разработка механизма связана с оценкой фактической результативности риск-ориентированного контроля, профилактических мероприятий и взаимодействия регуляторов, установлением критериев связи внутренней системы управления качеством с результатами внешнего контроля и более точным разграничением контрольных обязанностей при построении комплаенс-систем аудиторских организаций.

Литература

1. Аганина Р.Н., Апресова Н.Г. Аудиторская деятельность: некоторые вопросы правоприменения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 12 (100). С. 127–138. DOI: 10.17803/2311-5998.2022.100.12.127-138.

2. Аганина Р.Н. Современное состояние рынка аудиторских услуг // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 8 (108). С. 96–104. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.108.8.096-104.

3. Аганина Р.Н. Современный формат регулирования аудиторской деятельности // Юридические исследования. 2022. № 9. С. 10–24. DOI: 10.25136/2409-7136.2022.9.38731.

4. Карасева М.В., Панина И.В. Институт обязательного аудита и его место в системе финансового права // Финансовое право. 2024. № 8. С. 2–5. DOI: 10.18572/1813-1220-2024-8-2-5.

5. Лосева Н.А., Глазкова Г.В. Актуальные вопросы обеспечения и управления качеством услуг аудиторских организаций // Аудитор. 2023. Т. 9. № 1. С. 19–26. DOI: 10.12737/1998-0701-2023-9-1-19-26.

6. Морунов В.В. Проблематика определения качества аудиторской деятельности в соответствии с нормами отечественного законодательства // Управленческий учет. 2022. № 2 (3). С. 504–509. DOI: 10.25806/uu2-32022504-509.

7. Соболь О.С. Саморегулирование аудиторской деятельности: текущее состояние и перспективы развития // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 7 (107). С. 53–59. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.107.7.053-059.

8. Стрелкова Е.Б. Правовой статус аудиторских организаций как субъектов негосударственного финансового контроля // Бизнес. Образование. Право. 2025. № 1 (70). С. 206–212. DOI: 10.25683/VOLBI.2025.70.1222.

9. Стрелкова Е.Б. Сравнительно-правовой анализ изменения содержания правовой категории «аудиторская деятельность» в российской правовой системе // Финансовое право. 2025. № 1. С. 33–36. DOI: 10.18572/1813-1220-2025-1-33-36.

10. Стрелкова Е.Б. Участие негосударственных институтов в регулировании аудиторской деятельности в государствах-членах ЕАЭС // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2026. № 4. С. 244–252. DOI: 10.24412/2220-2404-2026-4-19.

LEGAL REGULATION OF CONTROL AND SUPERVISION OF AUDIT FIRMS IN THE RUSSIAN FEDERATION (HISTORICAL AND CONTEMPORARY ASPECTS)

Efimova A.K.
University named after O.E. Kutafina

The article examines the evolution of legal regulation of control and supervision of audit firms in the Russian Federation and the distribution of control powers within the current audit regulatory model, the transition from licensing and self-regulation to a differentiated system combining internal quality control, professional external control, federal government oversight and banking supervision is considered in order to establish the logic of this transformation and the legal basis for separating modern control frameworks, the study uses analysis of scientific publications and regulations, comparative legal analysis, historical and legal reconstruction, classification, logical and analytical interpretation and synthesis, the source base consists of Russian academic papers published in 2022–2026 on audit regulation, self-regulation, mandatory audit, audit service quality and the legal status of audit firms, the distinction between control mechanisms is made according to their object, subject and publicly significant risk, the resulting provisions may be used to clarify the competence of regulators and organize compliance procedures in audit firms.

Keywords: audit activity, audit firm, state control, supervision, external control, audit self-regulation, Bank of Russia, Federal Treasury, audit quality, publicly significant organizations.

References

1. Aganina, R. N., Apresova, N.G. Audit Activity: Some Issues of Law Enforcement // Bulletin of O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2022. No. 12 (100). pp. 127–138. DOI: 10.17803/2311-5998.2022.100.12.127-138.

2. Aganina, R.N. Current State of the Audit Services Market // Bulletin of O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2023. No. 8 (108). pp. 96–104. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.108.8.096-104.

3. Aganina, R.N. "The Modern Format of Regulating Auditing Activity" // Legal Research. 2022. No. 9. pp. 10–24. DOI: 10.25136/2409-7136.2022.9.38731.

4. Karaseva, M.V., Panina, I.V. "The Institute of Statutory Audit and Its Place in the System of Financial Law" // Financial Law. 2024. No. 8. pp. 2–5. DOI: 10.18572/1813-1220-2024-8-2-5.

5. Loseva, N.A., Glazkova, G.V. "Topical Issues of Ensuring and Managing the Quality of Services of Audit Organizations" // Auditor. 2023. Vol. 9. No. 1. pp. 19–26. DOI: 10.12737/1998-0701-2023-9-1-19-26.

6. Morunov V.V. Problems of Determining the Quality of Auditing Activity in Accordance with Domestic Legislation // Management Accounting. 2022. No. 2 (3). pp. 504–509. DOI: 10.25806/uu2-32022504-509.

7. Sobol O.S. Self-Regulation of Auditing Activity: Current Status and Development Prospects // Bulletin of O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2023. No. 7 (107). pp. 53–59. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.107.7.053-059.

8. Strelkova E.B. Legal Status of Audit Organizations as Entities of Non-State Financial Control // Business. Education. Law. 2025. No. 1 (70). pp. 206–212. DOI: 10.25683/VOLBI.2025.70.1222.

9. Strelkova E.B. Comparative Legal Analysis of Changes in the Content of the Legal Category "Audit Activity" in the Russian Legal System // Financial Law. 2025. No. 1. pp. 33–36. DOI: 10.18572/1813-1220-2025-1-33-36.

10. Strelkova E.B. Participation of Non-State Institutions in Regulating Auditing Activity in the EAEU Member States // Humanitarian, Socio-Economic, and Social Sciences. 2026. No. 4. pp. 244–252. DOI: 10.24412/2220-2404-2026-4-19.

Договорное регулирование трудовых отношений в условиях ГИГ-экономики

Исламов Артур Азатович,
ассистент кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса Юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета
E-mail: arturislamov97@gmail. com

Научная статья посвящена исследованию правовых аспектов регулирования трудовых отношений в условиях гиг-экономики с фокусом на платформенную занятость. Анализируются изменения, происходящие в гиг-экономике, и необходимость адаптации трудового законодательства с целью обеспечения защиты прав лиц, вступающих в отношения в сфере применения труда посредством цифровых платформ (таксисты, курьеры и т.д.). Основной целью работы является теоретическое обоснование внесения изменений в Трудовой кодекс РФ, включая разработку новой главы, регулирующей труд платформенных работников, и интегрированного подхода к трудоправовому регулированию, который бы одновременно сочетал базовые социально-трудовые гарантии и правовые средства с элементами саморегулирования. В статье также обосновывается необходимость создания механизма контроля за деятельностью онлайн-платформ.

Ключевые слова: договорное регулирование, трудовые отношения, платформенная занятость, гиг-экономика.

В 21 веке в связи со стремительным развитием научно-технического прогресса существенным образом изменились и социально-экономические отношения. Их структурная трансформация, разумеется, затронула и сферу занятости населения. В научных источниках подтверждается влияние глобальных и национальных процессов изменений на структуру занятости населения и на отношения в сфере применения труда[1].

Появление новых нетипичных форм занятости, основанных на принципах гиг-экономики[2], ознаменовало эпоху глобальных преобразований – от классических моделей правового регулирования трудовых отношений к видоизмененным, гибридным договорно-правовым формам упорядочивания отношений, складывающихся в сфере применения человеческого труда. Переход от традиционных форм занятости к нетипичным в сущности меняет механизм правового регулирования трудовых отношений.

Развитие новых форм реализации права на труд в условиях гиг-экономики тесно связано с другим актуальным явлением – прекаризацией труда[3]. Неустойчивый характер занятости, интенсификация труда, недоступность или ограниченность социально-трудовых льгот и гарантий – все эти признаки присущи прекаризации, распространение которой стало уже устойчивой тенденцией на рынке труда в условиях глобальной экономической и социальной нестабильности согласно прогнозу МОТ на 2026–2029 годы[4].

На данный момент в Российской Федерации платформенная занятость стремительно набирает обороты. Все больше людей становятся задействованы в сфере труда с применением цифровых (онлайн) платформ. По данным Росстата[5] и Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ преимущественно это, конечно же, касается жителей крупных городов и их агломераций[6].

В связи с вышеизложенными обстоятельствами актуальность исследования отдельных аспектов договорно-правового регулирования отношений, возникающих в сфере применения труда, не вызывает сомнений. В контексте принятия нового Федерального закона от 31.07.2025 N 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации»[7], вступающего в силу с 1 октября 2026 года, проблема социально-трудовых гарантий платформенных работников приобретает новое звучание. Прежде всего, особую значимость в данном контексте приобретает вопрос защиты социально-трудовых прав и закрепления гарантий платформенно занятых, поскольку именно они выступают одной из ключевых основ для обеспечения конституционного права на достойный и оплачиваемый труд. Существенным становится и противоречие между формальным закреплением нового правового режима и сохранением проблемы социальной уязвимости работника цифровой платформы, что, в свою очередь, обращает внимание на необходимость разработки правовых механизмов обеспечения трудовых прав и гарантий данной категории занятых.

---

[1] Миронова С.М., Кожемякин Д.В., Пономарченко А.Е. Адаптация правового регулирования трудовых, гражданских, налоговых правоотношений к условиям гиг-экономики // Правоприменение. – 2022. – № 4. – С. 315

[2] Гиг-экономика (от англ. gig economy) – как определяет Налоговая служба США (Internal Revenue Service) – также называемая экономикой совместного потребления (шеринг-экономика) или экономикой доступа, – это деятельность, при которой люди получают доход, выполняя работу, оказывая услуги или приобретая товары по требованию/запросу. Часто это происходит с помощью цифровой платформы, работающей в рамках мобильного приложения или веб-сайта

[3] Янченко Е.В, Гиг-экономика: риски прекаризации занятости // Экономика труда. – 2022. – № 5. – С. 915

[4] Стратегический план МОТ на 2026–29 годы: документ Административного совета. – Женева: Международная организация труда, 2024. – GB.352/PFA/1. [Электронный ресурс] // URL: https://www.ilo.org/ru/resource/документ-конференции/gb/352/стратегический-план-мот-на-2026–29-годы (Дата обращения: 14.07.2026)

[5] Росстат. Итоги выборочного обследования рабочей силы [Электронный ресурс] // URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265 (дата обращения 15.06.2026)

[6] Демьянова А.В., Покровский С.И., Талакаускас Д.С. Платформенная занятость в России – Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ [Электронный ресурс] // URL: https://issek.hse.ru/news/975577465.html (Дата обращения: 15.06.2026)

[7] Федеральный закон от 31.07.2025 N 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»

Проблему социальной незащищенности работников, работающих в рамках платформенной занятости, затрагивали многие специалисты в области трудового права. К примеру, Лютовым Н.Л. и Войтковской И.В. отмечалась необходимость внедрения социально-трудовых прав и гарантий для водителей такси, осуществляющих свою деятельность через онлайн-платформы, такие как Яндекс.Такси[1].

Данная проблема является следствием того, что в отношении работников, занятых работой на онлайн-платформах (водители такси, работники служб доставки и т.д.), не распространяются нормы трудового законодательства РФ. Таких «работников» чаще всего оформляют в качестве самозанятых – индивидуальных исполнителей, действующих в рамках гражданско-правового соглашения (договора) с цифровой платформой, которая и устанавливает наличие такого статуса как одного из требований для подключения к ней и начале работы.

В области правового регулирования платформенной занятости имеется много неопределенностей, связанных не только с юридическим режимом самой платформы, но и с тем, каким именно субъектом выступает в отношениях с владельцем платформы физическое лицо, непосредственно трудящееся и выполняющее заказы в рамках цифровой платформы.

В результате анализа правоприменительной практики можно прийти к выводу о том, что многие суды, в том числе и российские не признают отношения, возникающие между гражданином и онлайн-платформой, в качестве трудовых[2]. При этом в разных странах частично наблюдается иная тенденция по признанию за такими гиг-работниками отдельных социально-трудовых прав и гарантий (лимиты по рабочему времени, социальное страхование, минимальные гарантии в отношении оплаты труда и проч.)[3].

В спорах о переквалификации отношений, возникших на основании договоров гражданско-правового характера, в трудовые суды не руководствуются одним из значимых правил, указанных в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2018 г. № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей – физических лиц и у работодателей – субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям»[4]. В частности, речь идет о том, чтобы нижестоящие суды не руководствовались при разрешении таких споров «формальным подходом», а исходили из факта наличия или отсутствия каких-либо документов (гражданско-правовых договоров, штатного расписания и т.д.), а напротив учитывать и фактические признаки трудового правоотношения (например, интегрированность работника в организационную структуру работодателя; осуществление периодических выплат работнику, которые являются для него единственным и (или) основным источником доходов и др.).

В рамках данных правоотношений цифровую платформу в виде Яндекс.Такси суды расценивают в качестве посредника, позволяющего пользователю онлайн-платформы получать информацию о возможных заказах и связываться с пассажирами, акцентируя внимание на том, что сама платформа, ее владелец в виде ООО «Яндекс.Такси» не является перевозчиком, фрахтовщиком или диспетчерской службой[5].

Если смотреть поверхностно с формально-юридической стороны данный подход обоснован: отношения гиг-работника с цифровой платформой строятся на основе гражданско-правовых началах через соответствующие договорные конструкции; платформа на первый взгляд не осуществляет властно-распорядительных полномочий в отношении выполняющих заказы и т.д. Однако фактически мы наблюдаем совершенно иную картину: именно алгоритмы цифровой платформы определяют условия допуска партнера к заказам, ценообразование, штрафные санкции (дисциплинарная ответственность?) за нарушение правил цифровой платформы. Очевидно, что все это создает явный дисбаланс между декларируемой автономией исполнителя и его реальной организационной и экономической зависимостью от платформы.

Лютов Н.Л. как и ряд других специалистов в области трудового права, подчеркивает, что ключевой проблемой в заявленной сфере является идентификация трудовых отношений[6]. Так, отмечаются различные критерии, которые могли бы быть использованы для определения наличия трудового правоотношения. Среди таких критериев выделяют: подчинение работника правилам платформы; контроль со стороны платформы за выполнением заказов; использование платформой систем рейтингов и штрафов.

В зарубежных правопорядках используется совершенно другой подход к правовому регулированию труда платформенных работников. Именно в результате многочисленных споров с крупной компанией-агрегатором (онлайн-платформой) Uber о социально-трудовых гарантиях работникам-таксистам в научной литературе появился такой термин, как «уберизация» – процесс замены посредников (людей и организаций) цифровыми платформами.

К примеру, мы можем рассмотреть концепцию «worker» в трудовом праве Великобритании[7], которая представляет из себя действительно уникальную категорию для учета гибких форм занятости. «Worker» находится между двумя традиционными категориями: «employee» – то есть наемный работник по трудовому договору и «self-employed», выступающий в статусе самозанятого гражданина.

Введение в законодательство нового субъекта с особым трудо-правовым статусом (по аналогии с категорией «worker») позволяет предоставить базовые социально-трудовые гарантии при сохранении гибкого регулирования отношений, складывающихся в сфере применения человеческого труда.

Статус «worker» стал предметом многих резонансных судебных дел, где крупные компании стремились минимизировать уровень своих обязательств, позиционируя наемных работников в качестве самозанятых. Ярким примером выступает дело Uber BV v Aslam and Others, рассмотренное Верховным Судом Великобритании в 2021 году[8].

В рамках данного судебного разбирательства водители компании Uber обратились в суд с требованием признать их в качестве субъектов трудовых правоотношений, т.е. наемными работниками, а не самозанятыми. В качестве ключевых аргументов они приводили следующие доказательства, подтверждающие наличие трудового правоотношения с онлайн-платформой: нахождение в состоянии полного контроля со стороны компании-агрегатора через единоличное распределение заказов, одностороннее установление фиксированных тарифов, а также при помощи системы рейтинга.

Суд принял данные доводы заявителей и встал на их сторону, установив факт зависимости от платформы, выстроенной через программные алгоритмы, а также отсутствие реальной предпринимательской свободы и личный характер работы (невозможность передавать заказы третьим лицам).

Данное решение Верховного Суда Великобритании выступило в качестве прецедента и для других крупных игроков рынка онлайн-платформ. Также произошло и с компанией Bolt, водители которой также добились признания за собой статуса работника[9].

В результате произошли значительные изменения в гиг-экономике, которые заставили онлайн-платформы адаптировать свои бизнес-модели с целью обеспечения баланса интересов сторон таких правоотношений.

Так, в России мог бы быть использован подобный опыт, что в свою очередь защитило бы права и законные интересы работников онлайн-платформ (работников служб доставки, таксистов и т.д.).

Однако прежде чем экстраполировать британский подход на российскую систему, необходимо критически оценить те правовые новации, которые уже появились в отечественном законодательстве. Принятие Федерального закона от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» стало, безусловно, важным шагом в сторону легализации платформенной занятости.

---

[1] Лютов Н.Л., Войтковская И.В. Водители такси, выполняющие работу через онлайн-платформы: каковы правовые последствия «уберизации» труда? // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 6. – С. 158

[2] Решение Тушинского районного суда г. Москвы от 26.06.2019 г. по делу № 2–2238/2019 по иску Я.И. Щербинина к ООО «Яндекс.Такси» (оставлено без изменения апелляционным определением Московского городского суда от 22.11.2019 г. по делу № 33–53437/2019) [Электронный ресурс] // URL: https://mos-gorsud.ru/rs/tushinskij/services/cases/civil/details/08f32195-a38c-40e2-b7a3–26d20990ef5f (Дата обращения: 20.12.2024)

[3] Шестерякова И.В., Шестеряков И.А. К вопросу о правовом регулировании труда работников онлайн-платформ в странах БРИКС // Lex Russica. – 2025. – № 5 (222) – С. 65

[4] Постановление Пленума ВС РФ от 29.05.2018 № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей-физических лиц и у работодателей-субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям» // Бюллетень ВС. – № 7. – 2018

[5] Решение Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 14.05.2019 г. по делу № 2–2792/2019 по иску В.Ю. Голованова к ООО «Яндекс.Такси» [Электронный ресурс] // Mos-gorsud.ru URL: https://mos-gorsud.ru/rs/zamoskvoreckij/services/cases/civil/details/d4830351–0787–49df-ad7f-6d898342fc78 (Дата обращения: 20.06.2026)

[6] Лютов Н.Л. Трансформация трудового правоотношения и новые формы занятости в условиях цифровой экономики // Журнал российского права. – 2019. – № 7. – С. 115–130

[7] Гирич М.Г., Иванова К.В., Левашенко А.Д. Налогообложение доходов и социальное страхование занятых на онлайн-платформах: сравнение опыта России и других стран // Финансовый журнал. – 2022. – № 3. – С. 50

[8] Uber BV and others (Appellants) v Aslam and others (Respondents) – Case ID UKSC/2019/0029 [Электронный ресурс] // Supremecourt.uk URL: https://www.supremecourt.uk/cases/uksc-2019–0029 (Дата обращения: 20.06.2026)

[9] Thousands of UK Bolt drivers win legal claim to be classed as employees [Электронный ресурс] // TheGuardian.com URL: https://www.theguardian.com/law/2024/nov/08/uk-bolt-drivers-employment-tribunal-employees (Дата обращения: 20.06.2026)

Вместе с тем анализ его положений демонстрирует, что законодатель осторожничает и пока что пошел по пути приоритета применения цивилистической модели регулирования отношений с платформенно занятыми, устанавливая за платформой статус преимущественно информационного посредника, но никак не работодателя.

Ключевым механизмом защиты избран формальный количественный критерий – лимит в 160 часов в месяц на протяжении полугода. Такой подход разработало Минэкономразвития РФ в постановлении Правительства РФ от 19.06.2026 N 760[1], которое должно будет регулировать данные отношения вкупе с Федеральным законом № 289-ФЗ.

В соответствии с данным постановлением при превышении установленного лимита платформа будет обязана разорвать отношения с исполнителем. Это призвано отграничить самостоятельную занятость от трудовых отношений[2].

Такой подход подвержен серьезной критике, так как он не учитывает реальную экономическую зависимость исполнителя от платформы, не решает проблему наличия алгоритмического контроля и фактически перекладывает ответственность на сами платформы без внедрения критериев оценки трудовых отношений, на которые ориентирует и Постановление Пленума ВС РФ от 29.05.2018 N 15.

Показательно, что новый закон не вводит промежуточного правового статуса для платформенно занятых, сохраняя бинарность в данном вопросе: либо работник по трудовому договору, либо самозанятый исполнитель по договорам гражданско-правового характера.

Таким образом, принятие закона № 289-ФЗ все еще не решает сохраняющуюся проблему социальной уязвленности исполнителей, что подтверждает необходимость поиска альтернативных правовых механизмов.

Обращение к опыту Евразийского экономического союза демонстрирует, что проблема платформенной занятости приобретает глобальный, наднациональный характер. В этом контексте показателен опыт Республики Казахстан, где с 2023 года понятие «платформенной занятости» было законодательно закреплено в Социальном кодексе РК[3], а с 2026 года в рамках налоговой реформы заработал специальный режим для самозанятых с автоматическим удержанием налогов и социальных платежей непосредственно платформами.

При этом как справедливо отмечают казахстанские эксперты и парламентарии ранее применяемая модель регулирования труда платформенных работников не решила и части имеющихся проблем в данной сфере: около 394 тысяч граждан, получающих доход через цифровые сервисы (прежде всего водители такси и курьеры), остаются лишенными базовых социально-трудовых гарантий – стабильного дохода, страхования, прозрачных механизмов разрешения споров и защиты от односторонних решений онлайн-платформ[4]. О масштабах платформенной занятости в Казахстане свидетельствуют и экономические исследования: по данным Саруаровой М.Б., Максимова Д.А., Киричок О.В., Оразовой Б.Б. доля самозанятых в структуре занятости достигает 23,1% (2,2 млн человек), что сопровождается ростом социальной напряженности в секторе цифровых платформ и формированием класса «цифрового прекариата»[5].

О системном характере данной проблемы свидетельствуют и научные исследования, в которых обосновывается необходимость отхода от доминирующей цивилистической модели регулирования платформенной занятости в Казахстане. Как отмечают Томашевский К.Л. и Хасенов М.Х., в рамках казахстанской модели отношения между исполнителем и платформой формально строятся на гражданско-правовой основе, однако фактически наличествуют признаки контроля над процессом выполнения заказов, платформой устанавливаются тарифы и применяются санкции, что в сущности свидетельствует о трудоправовом характере данных отношений[6]. При этом казахстанская судебная практика, по данным современных исследований, все чаще признает фактический трудоправовой характер отношений между исполнителем и платформой, несмотря на гражданско-правовое оформление (Оспан против ТОО «Glovo Kazakhstan»)[7].

Неудачный опыт привел к тому, что в 2026 году законодателем в Республике Казахстан был инициирован запрос о разработке отдельного нормативного правового акта, закрепляющего статус «независимого работника» с минимальными социально-трудовыми гарантиями[8].

Министерство труда и социальной защиты населения Республики Казахстан, комментируя ситуацию, признает, что на сегодняшний день отношения между платформами и исполнителями строятся в рамках отношений гражданско-правового характера[9].

Казахстанский опыт подтверждает, что попытка регулировать платформенную занятость в рамках цивилистической модели неизбежно сталкивается с потребностью в признании фактической трудоправовой зависимости исполнителей от платформ и предоставлении им базового набора социально-трудовых гарантий.

Это дает основания полагать, что и российскому законодателю при дальнейшей доработке правового регулирования платформенной занятости целесообразно учитывать данный вектор развития, постепенно смещая акцент с сугубо цивилистической концепции платформенного труда на признание фактической трудоправовой природы данных отношений, складывающихся между исполнителем и платформой.

Проведенный анализ позволяет заключить, что ни российский 160-часовой лимит, определенный Постановлением Правительства РФ № 760, ни казахстанская модель платформенной занятости сами по себе не решают на данный момент проблемы социальной уязвимости платформенно занятых.

С учетом изложенного представляется необходимым дополнить Трудовой кодекс РФ новой главой, закрепляющей правовой статус платформенного работника с предоставлением ему минимального набора социально-трудовых гарантий (социальное и пенсионной страхование, оплачиваемый отпуск, пособия и т.д.) при сохранении гибкого характера занятости. Кроме того, целесообразно создание механизма контроля за деятельностью онлайн-платформ, включающего обязательный аудит алгоритмов распределения заказов, прозрачности системы ценообразования и штрафных санкций.

Именно данный подход, по нашему мнению, способен обеспечить баланс интересов всех участников отношений в сфере платформенного труда и предотвратить дальнейшую прекаризацию занятости в условиях гиг-экономики.

Литература

1. Миронова С.М., Кожемякин Д.В., Пономарченко А.Е. Адаптация правового регулирования трудовых, гражданских, налоговых правоотношений к условиям гиг-экономики // Правоприменение. – 2022. – № 4. – С. 314–329

2. Янченко Е.В, Гиг-экономика: риски прекаризации занятости // Экономика труда. – 2022. – № 5. – С. 909–929

3. Стратегический план МОТ на 2026–29 годы: документ Административного совета. – Женева: Международная организация труда, 2024. – GB.352/PFA/1. [Электронный ресурс] // URL: https://www.ilo.org/ru/resource/документ-конференции/gb/352/стратегический-план-мотна-2026–29-годы (Дата обращения: 14.07.2026)

4. Росстат. Итоги выборочного обследования рабочей силы [Электронный ресурс] // URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265 (дата обращения 15.06.2026)

5. Демьянова А.В., Покровский С.И., Талакаускас Д.С. Платформенная занятость в России – Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ [Электронный ресурс] // Iseek.hse.ru URL: https://issek.hse.ru/news/975577465.html (Дата обращения: 15.12.2024)

6. Федеральный закон от 31.07.2025 N 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»

7. Лютов Н.Л., Войтковская И.В. Водители такси, выполняющие работу через онлайн-платформы: каковы правовые последствия «уберизации» труда? // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 6. – С. 149–159

[1] Постановление Правительства РФ от 19.06.2026 N 760 «Об утверждении критерия систематичности и продолжительности выполнения работ, оказания услуг, предусмотренного пунктом 5 части 1 статьи 17 Федерального закона «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2026. – 29 июня. – № 26. – Ст. 3570

[2] Тагиева Л. 160 часов на одного заказчика: как государство собирается разграничить самозанятость и скрытый наем в платформенной экономике // ЭЖ-Бухгалтер. – 2026. – N 18. – С. 7

[3] Социальный кодекс Республики Казахстан от 20 апреля 2023 года № 224-VII // Ведомости Парламента Республики Казахстан. – 2023. – № 8-I (2874). – Ст. 1

[4] Депутат предлагает защитить курьеров и таксистов, работающих через приложения [Электронный ресурс] // URL: https://mail.kz/ru/news/kz-news/deputat-predlagaet-zashchitit-kurerov-i-taksistov-rabotayushchih-cherez-prilozheniya#1 (дата обращения: 18.08.2026)

[5] Саруарова М.Б., Максимов Д.А., Киричок О.В., Оразова Б.Б. Современные трансформации рынка труда в условиях урбанизированного Казахстана: экономический анализ на примере Алматы // Вестник университета «Туран». – 2026. – № 1. – С. 490

[6] Томашевский К.Л., Хасенов М.Х. Работа посредством цифровых платформ занятости: поиск модели и перспективы урегулирования // Правоведение. – 2025. – № 2. – С. 345

[7] Идрышева С.К., Муратова Э.М. Правовое регулирование платформенной занятости в Республике Казахстан: квалификация трудовых отношений и ответственность цифровых платформ // Veritas Legis Journal. – 2025. – Т. 1. – № 1. – С. 28

[8] Курьерам и таксистам в Казахстане хотят гарантировать минимальную оплату в час [Электронный ресурс] // URL: https://kz.kursiv.media/2026–04–16/svan-kureram-i-taksistam-v-kazahstane-hotyat-garantirovat-minimalnuyu-oplatu-v-chas/ (дата обращения: 18.08.2026)

[9] Минтруда объяснило, почему казахстанцы выбирают работу курьерами [Электронный ресурс] // URL: https://mail.kz/ru/news/kz-news/mintruda-obyasnilo-pochemu-kazahstancy-vybirayut-rabotu-kurerami#1 (дата обращения: 18.08.2026)

8. Решение Тушинского районного суда г. Москвы от 26.06.2019 г. по делу № 2–2238/2019 по иску Я.И. Щербинина к ООО «Яндекс.Такси» (оставлено без изменения апелляционным определением Московского городского суда от 22.11.2019 г. по делу № 33–53437/2019) [Электронный ресурс] // Mos-gorsud.ru URL: https://mos-gorsud.ru/rs/tushinskij/services/cases/civil/details/08f32195-a38c-40e2-b7a3–26d20990ef5f

9. Шестерякова И.В., Шестеряков И.А. К вопросу о правовом регулировании труда работников онлайн-платформ в странах БРИКС // Lex Russica. – 2025. – № 5 (222) – С. 54–67

10. Постановление Пленума ВС РФ от 29.05.2018 № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей-физических лиц и у работодателей-субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям» // Бюллетень ВС. – № 7. – 2018

11. Решение Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 14.05.2019 г. по делу № 2–2792/2019 по иску В.Ю. Голованова к ООО «Яндекс.Такси» [Электронный ресурс] // Mos-gorsud.ru URL: https://mos-gorsud.ru/rs/zamoskvoreckij/services/cases/civil/details/d4830351–0787–49df-ad7f-6d898342fc78

12. Лютов Н.Л. Трансформация трудового правоотношения и новые формы занятости в условиях цифровой экономики // Журнал российского права. – 2019. – № 7. – С. 115–130

13. Гирич М.Г., Иванова К.В., Левашенко А.Д. Налогообложение доходов и социальное страхование занятых на онлайн-платформах: сравнение опыта России и других стран // Финансовый журнал. – 2022. – № 3. – С. 44–60

14. Uber BV and others (Appellants) v Aslam and others (Respondents) – Case ID UKSC/2019/0029 [Электронный ресурс] // Supremecourt.uk URL: https://www.supremecourt.uk/cases/uksc-2019–0029 (Дата обращения: 20.12.2024)

15. Thousands of UK Bolt drivers win legal claim to be classed as employees [Электронный ресурс] // TheGuardian.com URL: https://www.theguardian.com/law/2024/nov/08/uk-bolt-drivers-employment-tribunal-employees (Дата обращения: 20.12.2024)

16. Постановление Правительства РФ от 19.06.2026 N 760 «Об утверждении критерия систематичности и продолжительности выполнения работ, оказания услуг, предусмотренного пунктом 5 части 1 статьи 17 Федерального закона «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2026. – 29 июня. – № 26. – Ст. 3570

17. Тагиева Л. 160 часов на одного заказчика: как государство собирается разграничить самозанятость и скрытый наем в платформенной экономике // ЭЖ-Бухгалтер. – 2026. – N 18. – С. 7–8

18. Социальный кодекс Республики Казахстан от 20 апреля 2023 года № 224-VII // Ведомости Парламента Республики Казахстан. – 2023. – № 8-I (2874). – Ст. 1.

19. Депутат предлагает защитить курьеров и таксистов, работающих через приложения [Электронный ресурс] // URL: https://mail.kz/ru/news/kz-news/deputat-predlagaet-zashchitit-kurerov-i-taksistov-rabotayushchih-cherez-prilozheniya#1 (дата обращения: 18.08.2026)

20. Саруарова М.Б., Максимов Д.А., Киричок О.В., Оразова Б.Б. Современные трансформации рынка труда в условиях урбанизированного Казахстана: экономический анализ на примере Алматы // Вестник университета «Туран». – 2026. – № 1. – С. 490–507

21. Томашевский К.Л., Хасенов М.Х. Работа посредством цифровых платформ занятости: поиск модели и перспективы урегулирования // Правоведение. – 2025. – № 2. – С. 335–350

22. Идрышева С.К., Муратова Э.М. Правовое регулирование платформенной занятости в Республике Казахстан: квалификация трудовых отношений и ответственность цифровых платформ // Veritas Legis Journal. – 2025. – Т. 1. – № 1. – С. 23–31

23. Курьерам и таксистам в Казахстане хотят гарантировать минимальную оплату в час [Электронный ресурс] // URL: https://kz.kursiv.media/2026–04–16/svan-kureram-i-taksistam-v-kazahstane-hotyat-garantirovat-minimalnuyu-oplatu-v-chas/ (дата обращения: 18.08.2026)

24. Минтруда объяснило, почему казахстанцы выбирают работу курьерами [Электронный ресурс] // URL: https://mail.kz/ru/news/kz-news/mintruda-obyasnilo-pochemu-kazahstancy-vybirayut-rabotu-kurerami#1 (дата обращения: 18.08.2026)

CONTRACTUAL REGULATION OF LABOR RELATIONS IN THE GIGH ECONOMY

Islamov A.A.
Kazan (Volga Region) Federal University

This research article examines the legal aspects of regulating labor relations in the gig economy, focusing on platform employment. It analyzes changes occurring in the gig economy and the need to adapt labor legislation to ensure the protection of the rights of individuals entering into labor relations through digital platforms (taxi drivers, couriers, etc.). The main objective of the work is to provide a theoretical justification for amendments to the Labor Code of the Russian Federation, including the development of a new chapter regulating the labor of platform workers and an integrated approach to labor regulation that would simultaneously combine basic social and labor guarantees and legal means with elements of self-regulation. The article also substantiates the need to create a mechanism for monitoring the activities of online platforms.

Keywords: contractual regulation, labor relations, platform employment, gig economy.

References

1. Mironova S.M., Kozhemyakin D.V., Ponomarchenko A.E. Adaptation of legal regulation of labor, civil, and tax relations to the conditions of the gig economy // Law enforcement. – 2022. – No. 4. – P. 314–329

2. Yanchenko E.V., Gig economy: risks of employment precarization // Labor economics. – 2022. – No. 5. – P. 909–929

3. ILO Strategic Plan 2026–29: Governing Body document. – Geneva: International Labour Organization, 2024. – GB.352/PFA/1. [Electronic resource] // URL: https://www.ilo.org/ru/resource/документ-конференция/gb/352/стратегический-план-мот-на-2026–29-годы (Accessed: 14.07.2026)

4. Rosstat. Results of the sample survey of the labor force [Electronic resource] // URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265 (Accessed: 15.06.2026)

5. Demyanova A.V., Pokrovsky S.I., Talakauskas D.S. Platform Employment in Russia – Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge, National Research University Higher School of Economics [Electronic resource] // Iseek.hse.ru URL: https://issek.hse.ru/news/975577465.html (Accessed: 15.12.2024)

6. Federal Law of 31.07.2025 N 289-FZ "On Certain Issues of Regulating the Platform Economy in the Russian Federation" // Consultant Plus Legal Reference System

7. Lyutov N.L., Voytkovskaya I.V. Taxi Drivers Working Through Online Platforms: What Are the Legal Consequences of the "Uberization" of Labor? // Current Issues of Russian Law. – 2020. – Vol. 15. – No. 6. – Pp. 149–159

8. Decision of the Tushinsky District Court of Moscow dated 26.06.2019. in case No. 2–2238/2019 on the claim of Ya.I. Shcherbinin against Yandex.Taxi LLC (upheld by the appellate ruling of the Moscow City Court dated November 22, 2019 in case No. 33–53437/2019) [Electronic resource] // Mos-gorsud.ru URL: https://mos-gorsud.ru/rs/tushinskij/services/cases/civil/details/08f32195-a38c-40e2-b7a3–26d20990ef5f

9. Shesteryakova I.V., Shesteryakov I.A. On the issue of legal regulation of labor of employees of online platforms in the BRICS countries // Lex Russica. – 2025. – No. 5 (222) – P. 54–67

10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 29, 2018 No. 15 "On the application by courts of legislation regulating the labor of employees working for individual employers and for employers-small business entities classified as microenterprises" // Bulletin of the Supreme Court. – No. 7. – 2018

11. Decision of the Zamoskvoretsky District Court of Moscow of May 14, 2019. in case No. 2–2792/2019 on the claim of V. Yu. Golovanov against Yandex.Taxi LLC [Electronic resource] // Mos-gorsud.ru URL: https://mos-gorsud.ru/rs/zamoskvoreckij/services/cases/civil/details/d4830351–0787–49df-ad7f-6d898342fc78

12. Lyutov N.L. Transformation of labor relations and new forms of employment in the digital economy // Journal of Russian Law. – 2019. – No. 7. – P. 115–130

13. Girich M.G., Ivanova K.V., Levashenko A.D. Taxation of income and social insurance of those employed on online platforms: a comparison of the experience of Russia and other countries // Financial Journal. – 2022. – No. 3. – P. 44–60

14. Uber BV and others (Appellants) v Aslam and others (Respondents) – Case ID UKSC/2019/0029 [Electronic resource] // Supremecourt.uk URL: https://www.supremecourt.uk/cases/uksc-2019–0029 (Accessed: 20.12.2024)

15. Thousands of UK Bolt drivers win legal claim to be classed as employees [Electronic resource] // TheGuardian.com URL: https://www.theguardian.com/law/2024/nov/08/uk-bolt-drivers-employment-tribunal-employees (Accessed: 20.12.2024)

16. Resolution of the Government of the Russian Federation of 19.06.2026 N 760 "On Approval of the Criterion of the Systematicity and Duration of Work and Rendering Services, Provided for in Clause 5 of Part 1 of Article 17 of the Federal Law "On Certain Issues of Regulating the Platform Economy in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2026. – June 29. – No. 26. – Art. 3570

17. Tagiev L. 160 Hours per Customer: How the State is Going to Distinguish Between Self-Employment and Hidden Hiring in the Platform Economy // EZh-Bukhgalter. – 2026. – No. 18. – Pp. 7–8

18. Social Code of the Republic of Kazakhstan dated April 20, 2023 No. 224-VII // Bulletin of the Parliament of the Republic of Kazakhstan. – 2023. – No. 8-I (2874). – Art. 1.

19. Deputy proposes to protect couriers and taxi drivers working through applications [Electronic resource] // URL: https://mail.kz/ru/news/kz-news/deputat-predlagaet-zashchitit-kurerov-i-taksistov-rabotayushchih-cherez-prilozheniya#1 (date of access: 18.08.2026)

20. Saruarova M.B., Maksimov D.A., Kirichok O.V., Orazova B.B. Modern transformations of the labor market in the conditions of urbanized Kazakhstan: an economic analysis on the example of Almaty // Bulletin of the University "Turan". – 2026. – No. 1. – P. 490–507

21. Tomashevsky K.L., Khasenov M. Kh. Work through digital employment platforms: search for a model and prospects for regulation // Jurisprudence. – 2025. – No. 2. – P. 335–350

22. Idrysheva S.K., Muratova E.M. Legal regulation of platform employment in the Republic of Kazakhstan: qualification of labor relations and liability of digital platforms // Veritas Legis Journal. – 2025. – V. 1. – No. 1. – P. 23–31

23. Couriers and taxi drivers in Kazakhstan want to be guaranteed a minimum hourly wage [Electronic resource] // URL: https://kz.kursiv.media/2026–04–16/svan-kureram-i-taksistam-v-kazahstane-hotyat-garantirovat-minimalnuyu-oplatu-v-chas/ (date of access: 18.08.2026)

24. The Ministry of Labor explained why Kazakhstanis choose to work as couriers [Electronic resource] // URL: https://mail.kz/ru/news/kz-news/mintruda-obyasnilo-pochemu-kazahstancy-vybirayut-rabotu-kurerami#1 (date of access: 18.08.2026)

Регулятивный потенциал права в понятийно-категориальном аппарате теории права

Ковалева Виктория Викторовна,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой общетеоретических правовых дисциплин, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева
E-mail: v.v.kovaleva@list.ru

Введение. В современных условиях развития общества, характеризующихся кардинальными изменениями, возникает социальный запрос на эффективность правового регулирования, которое не может быть обеспечено без соответствующей оценки возможности права быть оптимальным регулятором. Ввиду этого целесообразным является введения в понятийно-категориальным аппарат теории права такой категории как «регулятивный потенциал права». *Материалы и методы исследований*. В качестве методологической основы выступила диалектика, ее законы и категории, особенно соотношение возможного и действительного. Исследование регулятивного потенциала права базировалось на таких общенаучных методах научного познания как логический, системный и функциональный. *Результаты и обсуждения*. В российском правоведении использовалось словосочетание регулятивный потенциал по отношению к правовым понятиям. Вместе с тем регулятивный потенциал права как самостоятельная правовая категория не исследовалась. Раскрытие юридической природы данного понятия требует определение типа правопонимания, на основе которого можно рассуждать о регулятивном потенциале права. При этом в рамках социологического типа понимания права данная категория не имеет особого значения. Правовые понятия в рамках теории государства и права образуют понятийные ряды. При исследовании регулятивного потенциала права особое значение имеет функциональный понятийный ряд. *Выводы*. Регулятивный потенциал права новая правовая категория, исследование которой является перспективной. Онтологический статус исследуемого явления зависит от типа правопонимания, полагаем, что регулятивный потенциал права приобретает значение в рамках позитивистского и интегративного (синтетического) правопонимания. Регулятивный потенциал права как правовая категория является завершающей в функциональном понятийном ряду. Правовое регулирование и регулятивный потенциал права соотносятся как две диалектические категории действительное и возможное.

Ключевые слова: право, теория права, правовое регулирование, регулятивный потенциал права, правовые категории, функциональный понятийный ряд.

Введение

В условиях геополитической турбулентности актуализируются многие проблемы, в том числе связанные с правом, правовым регулированием. Это отражает запрос общества на эффективность социальной регуляции. В данном контексте можно выделить несколько аспектов, которые обуславливают необходимость исследования регулятивного потенциала права. Во-первых, технологическое развитие, прежде всего искусственного интеллекта и биотехнологий. Во-вторых, ценностные ориентации современного общества в контексте цивилизационного развития нашего государства. В-третьих, не по списку, а по значению, это закономерности общественного развития в целом. Как верно в свое время написал профессор Г.В. Мальцев: «Для процессов развития и структурирования общественных отношений дуализм сущего и должного факта и нормы дает своего рода формулу преобразования действительности [1, с. 772]. Ввиду этого, безусловно, следует согласиться с выводом о том, что изучение бытия основывается преимущественно на изучении возможностей [2, с. 73].

Более четверти века назад выдающийся ученый С.С. Алексеев писал «В действительности же право – могучий с социальной стороны, но вовсе не всесильный «регулятор». Его регулятивное воздействие, наряду с миссией по «воспроизводству» данной социальной системы и по утверждению в жизни начал нормативности, ограничено строго определенными направлениями» [3, с. 60]. Данное высказывание сохраняет свою актуальность и детерминирует поиск регулятивного потенциала права. Социальные взаимодействия постоянно усложняются, как следствие этого актуализируется необходимость сбалансированного использования правового инструментария

Целью настоящего исследования является попытка определить онтологический статус регулятивного потенциала права, рассмотрения данного понятия в понятийно-категориальном аппарате теории права.

Материалы методы исследований

Предметом настоящего исследования является регулятивный потенциал права. Для достижения поставленной цели, в качестве методологической основы выступила диалектика, ее законы и категории, особенно соотношение возможного и действительного. Исследование регулятивного потенциал права базировалось на таких общенаучных методах научного познания как логический, системный и функциональный.

Результаты и обсуждения

Следует отметить, что в теории права достаточно глубокого и всесторонне исследованы вопросы правового регулирования, его механизма [4, 5], средств [6], пределов [7]. Несомненно, эти понятия тесно связаны с предлагаемой нами категорией, но научная мысль не стоит на месте, она развивается, как в свое время писал Д.И. Менделеев: «Наука, проникая в глубь явлений, неизбежно приводит к открытию законов, управляющих этими явлениями, и ее движение в этом направлении бесконечно» [8]. Полагаем, что одним из этапов бесконечности правового знания является определение регулятивного потенциала права.

Необходимо подчеркнуть, что словосочетание «регулятивный потенциал» не является оригинальной нашей мыслью, о нем писал А.Ф. Черданцев [9, с. 38]. Необходимо отметить, что данное словосочетание известный ученый использовал, справедливо критикуя точку зрения о наличии такового, т.е. регулятивного потенциала у понятий, и, в связи с этим справедливо указывал на то, что необоснованно приписывать понятиям свойства норм права. Понятия и нормы это связанные, но разные явления, такие же как логика и право, ввиду этого следует отметить, что регулятивным потенциалом обладает именно право, которое, конечно, объективируется в понятиях.

Следует подчеркнуть, что, когда мы говорим о регулятивном потенциале права, как и при исследовании любой правовой категории необходимо определиться с пониманием права. Не погружаясь основательно в эту длительную дискуссию, хотелось бы сделать несколько предварительных замечаний. В настоящий период дискуссия о понимании права находится, используя биологическую терминологию, в «анабиозе». К данному выводу мы пришли из-за того, что за последние пять лет нет каких-либо знаковых работ, докторских диссертаций на данную тему. Хотя конец 90-х XX в. и первое десятилетие XXI в. был ознаменован повышенным интересом к данной проблематики. Име-

ла место острая полемика между представителями различных школ и концепций понимания права. Далее в силу геополитических трансформаций, возникновения цивилизационного ценностного кризиса, фокус внимания изменился. На сегодняшний день можно констатировать существования четырех основных типов понимания права, которые объединяет многообразные концепции: позитивистский, социологических, естественно-правовой (философский) и интегративный (синтетический). В каком же из типов возможно рассуждать о регулятивном потенциале праве? Полагаем, что во всех за исключением социологического, где априори регулятивный потенциал права заложен в любом социальном взаимодействии. В естественно-правовом регулятивный потенциал права зависит от его соответствия идеям свободы и справедливости. Безусловно, регулятивный потенциал права как правовая категория имеет значение в рамках позитивистского и интегративного правопонимания. При этом хотелось бы отметить, что на наш взгляд нет различий между инклюзивным (мягким) позитивизмом и интегративным пониманием права. Так как право мы понимаем, как совокупность норм, установленных государством и являющихся регулятором общественных отношений. Важнейшими признаками права являются нормативность, формальная определенность и государственная обеспеченность. Не случайно, авторы, придерживающиеся иных концепций, в своих рассуждениях предлагают по-своему рассматривать любые правовые явления, но «правонарушение» и «юридическая ответственность» раскрывается всеми одинаково. Это детерминировано тем, что право отличается от иных регуляторов именно защитой со стороны государства правил, которые были им формально определены.

Определившись с пониманием права, перейдем к рассмотрению регулятивного потенциала права как правовой категории. Для этого, безусловно, необходимо обратиться к фундаментальному исследованию А.М. Васильева [10], который на наш взгляд глубоко, всесторонне и удачно систематизировал понятийно-категориальный аппарат теории государства и права. Следует согласится с выводом ученого о том, что в категориальной системе теории права развитие и сущность правовой формы общественной жизни необходимо представить во всем многообразии ее проявлений, связей и опосредствований [10, с. 131]. Развивая данную мысль А.М. Васильев пришел к выводу: «При разрешении вопроса о категориальных структурах теории права возникает необходимость выделения какого-то первичного, отправного понятия, фиксирующего определенную логическую общность данных структур. Таковым является понятие «понятийный ряд правовых категорий». Понятийный ряд включает в себя определенное число категорий и выражает их группировку по установленному основанию» [10, с. 133]. Понятийный ряд по мнению автора представляет собой такое подразделение в системе правовых категорий, с помощью которого фиксируются логические связи между включенными в него юридическими понятиями, отражающие моменты единства и разнообразия правопроявлений в установленном отношении [10, с. 134].

А.М. Васильев, раскрывая особенности правовых категорий, справедливо утверждал, что категориальный состав теории права не может быть неизменным, раз и навсегда данным. Он не только все более глубоко отражает диалектику своего предмета, но и сам изменяется на этой основе: в него включаются новые правовые категории, изменяется содержание ранее сформировавшихся понятий, исключаются, отпадают исчерпавшие себя понятия [10, с. 138]. Безусловно, это результат непрерывного процесса познания, который отвечает на новые технологические и цивилизационные вызовы.

Ученый выделил исторический, структурный и функциональный понятийные ряды.

В целях нашего исследования особое значение имеет основной функциональный понятийный ряд. А.М. Васильев включил в него следующие правовые категории, последовательно расположенные: правовые принципы – правотворчество – правовые нормы – юридические факты – правоотношения – субъективное право – юридическая обязанность – индивидуальные акты реализации прав и обязанностей – правопорядок [10, с. 214]. Полагаем, что правопорядок следует рассматривать не только в статике, но и в динамике, и процесс правового регулирования обеспечивает постоянное изменение, улучшение правопорядка. Ввиду этого, считаем, что данный понятийный ряд на современном этапе развития теоретико-правового знания должен быть дополнен такой категорией как «регулятивный потенциал права», под которой понимается возможность права оптимально регулировать общественные отношения, обеспечивая баланс в системе социального регулирования. Использование данной категории позволит выявлять закономерности воздействия права на общественные отношения на основе обобщения существующего опыта регулирования. В качества примера можно привести длительную дискуссию о регулятивном потенциале регулирования криптовалюты, искусственного интеллекта, репродуктивных технологий. Более того, там, где мораль, обычаи «не справляется», право за счет своих свойств становится тем единственным средством, которое обеспечит необходимый баланс. Следует подчеркнуть, что правовое регулирование и регулятивный потенциал права находятся в диалектическом единстве категорий действительное и возможное.

Выводы

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы. Во-первых, регулятивный потенциал права новая правовая категория, которая требует глубокого исследования. Во-вторых, ее онтологический статус зависит от типа правопонимания, полагаем, что она приобретает значение в рамках позитивистского и интегративного (синтетического) правопонимания.

В-третьих, регулятивный потенциал права как правовая категория на данном этапе теоретико-правовой науки является завершающей в функциональном понятийном ряду. В-четвертых, правовое регулирование и регулятивный потенциал права соотносятся как две диалектические категории действительное и возможное.

Литература

1. Мальцев Г.В. Социальные основания права / Мальцев Г.В. М.: Норма, 2007. 800 с.
2. Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2003. 576 с.
3. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: Издательство НОРМА, 2001. 752 с.
4. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юридическая литература, 1966. 187 с.
5. Шундиков К.В. Механизм правового регулирования: Учебное пособие / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А.В. Малько. Саратов: СГАП, 2001. 104 с.
6. Алексеев С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. 1987. № 6. С. 12–19.
7. Зайцева Е.С. Пределы правового регулирования: дис. … д-ра юрид. наук: 5.1.1 / Зайцева Екатерина Сергеевна. СПб, 2025. 538 с.
8. Менделеев Д.И. Сочинения: сборник научных трудов / Д.И. Менделеев; ред. В.Г. Хлопин. Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1949. Том 13. Основы химии. Часть 1. 853 с. – Режим доступа: по подписке. – URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=117371 (дата обращения: 27.08.2026). – Текст: электронный.
9. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2025. 320 с.
10. Васильев А.М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права: монография / А.М. Васильев. репр. изд. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2026. 264 с.

THE REGULATORY POTENTIAL OF LAW IN THE CONCEPTUAL-CATEGORICAL FRAMEWORK OF THE THEORY OF LAW

Kovaleva V.V.
North Caucasus Branch, Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

Introduction. In today's societal development, characterized by fundamental changes, there is a growing social demand for effective legal regulation, which cannot be ensured without an appropriate assessment of law's potential to serve as an optimal regulator. Therefore, it is appropriate to introduce the concept of "regulatory potential of law" into the conceptual and categorical framework of legal theory. *Research Materials and Methods*. Dialectics, its laws and categories, particularly the relationship between the possible and the actual, served as the methodological basis. The study of the regulatory potential of law was based on such general scientific methods of scientific inquiry as logical, systemic, and functional. *Results and Discussion*. In Russian legal studies, the phrase "regulatory potential" has been used in relation to legal concepts. However, the regulatory potential of law as an independent legal category has not been studied. Disclosing the legal nature of this concept requires defining the type of legal understanding that can be used to discuss the regulatory potential of law. However, within the sociological understanding of law, this category is of little significance. Legal concepts within the theory of state and law form conceptual systems. When studying the regulatory potential of law, the functional system is of particular importance. *Conclusions*. The regulatory potential of law is a new legal category, the study of which is promising. The ontological status of the phenomenon under study depends on the type of legal understanding. We believe that the regulatory potential of law acquires significance within the framework of positivist and integrative (synthetic) legal understandings. The regulatory potential of law as a legal category is the final component of the functional system. Legal regulation and the regulatory potential of law are related as two dialectical categories: the actual and the possible.

Keywords: law, legal theory, legal regulation, regulatory potential of law, legal categories, functional conceptual series.

References

1. Mal'tsev G.V. Social Foundations of Law / Mal'tsev G.V. Moscow: Norma, 2007. 800 p.
2. Philosophical Encyclopedic Dictionary. Moscow: INFRA-M, 2003. 576 p.
3. Alekseev S.S. Ascent to Law. Searches and Solutions. Moscow: NORMA Publishing House, 2001. 752 p.
4. Alekseev S.S. Mechanism of Legal Regulation in a Socialist State. Moscow: Legal Literature, 1966. 187 p.
5. Shundikov K.V. Mechanism of Legal Regulation: Textbook / edited by Doctor of Law, Professor A.V. Mal'ko. Saratov: SGAP, 2001. 104 p.
6. Alekseev S.S. Legal Means: Statement of the Problem, Concept, Classification // Soviet State and Law. 1987. No. 6. Pp. 12–19.
7. Zaitseva E.S. Limits of Legal Regulation: Dis. … Doctor of Law: 5.1.1 / Zaitseva Ekaterina Sergeevna. St. Petersburg, 2025. 538 p.
8. Mendeleev D.I. Works: Collection of Scientific Papers / D.I. Mendeleev; ed. V.G. Khlopin. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1949. Volume 13. Fundamentals of Chemistry. Part 1. 853 p. – Access mode: by subscription. – URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=117371 (accessed: 08/27/2026). – Text: electronic.
9. Cherdantsev A.F. Logical and linguistic phenomena in jurisprudence: monograph. Moscow: Norma: INFRA-M, 2025. 320 p.
10. Vasiliev A.M. Legal categories: methodological aspects of developing a system of categories of legal theory: monograph / A.M. Vasiliev. repr. ed. Moscow: Norma: INFRA-M, 2026. 264 p.

Правовые механизмы увеличения налоговых доходов как фактор устойчивого развития государства

Крашенинникова Анастасия Валерьевна,
аспирант кафедры государственно-правовых и финансово-правовых дисциплин, АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет»
E-mail: aaalido@bk.ru

Настоящая научная статья посвящена анализу вопроса об увеличении налогообложения, как инструмента для разностороннего увеличения уровня жизни населения и государственного развития. В работе раскрывается фундаментальная роль налогов как основы государственных финансов и инструмента реализации ключевых функций государства. При этом, основываясь на статистических и иных эмпирических данных, в работе демонстрируется масштаб недопоступлений в бюджет, обусловленных как теневой экономической деятельностью, так и неисполнением налоговых обязательств в легальном секторе. Особое внимание уделено детерминантам подобного налогового поведения личности, среди которых, в частности, рассмотрены психические, личностные, социально-культурные и институциональные факторы, включая уровень доверия к государству, налоговую мораль, конформизм и когнитивные барьеры, затрудняющие понимание налоговой системы населением России. В работе также отражается современное состояние и динамика общественных установок относительно готовности к уплате налогов у групп с разным уровнем доходов. В процессе исследования обосновывается позиция о том, что устойчивое наполнение бюджета на современном этапе функционирования налоговой системы невозможно обеспечить только административными мерами, поскольку ключевым условием выступает параллельное развитие налоговой культуры, характеризующейся достаточно низким уровнем в российском обществе, через просвещение и формирование осознанного отношения граждан к налогообложению как к форме гражданского участия.

Ключевые слова: налоговое поведение; налоговая культура; правовое сознание; налогообложение; налоговая система; государственные функции; сбор налогов; налоговое администрирование.

Налоговая система никогда не отличалась совершенством с точки зрения неоспоримости и прямого действия административно-правовых механизмов, направленных на сбор налогов и их дальнейшее поступление в государственные бюджеты Российской Федерации (далее по тексту – РФ) и субъектов РФ. Эта «борьба» государства с налаживанием непрерывного и полного поступления налогов от граждан и хозяйствующих субъектов в государственную казну велась с момента образования РФ и продолжается по сей день в силу объективной обусловленности динамичности как самой налоговой системы, так и существующий связи между изменчивостью такой системы от изменений в социально-экономической и политической среде.

Для начала очень кратко отметим важность рассмотрения соответствующего вопроса о постоянном совершенствовании мер, методов и инструментов для сбора налогов в рамках налоговой системы. Не углубляясь в теории государственного строительства, заметим, что государство и общество в нём имеет возможность дальнейшего функционирования лишь за счёт эффективно выстроенной фискальной системы, в содержании которой происходит наиболее приемлемое распределение ресурсов от отдельно взятых граждан к государственным институциям, а от них – на удовлетворение государственных и общественных интересов.

Объясняется столь важная роль налогов в государственном и общественном развитии тем, что подобные обязательные сборы исторически были и остаются фундаментом денежных фондов государства, которое, выступая от имени и в интересах большинства, то есть в интересах народа, затем использует налоговые поступления для реализации отдельных государственных функций.

По данному поводу Э. Розыева и А. Гурбанмырадова пишут, что сама по себе налоговая система предполагает создание правовых и административных условий для императивного и консолидированного сбора денежных средств с граждан и хозяйствующих субъектов, а также их дальнейшую аккумуляцию, распределение и использование в государственных и общественных интересах. В связи с этим, как справедливо отмечают авторы, как от результативности сбора налогов, так и от эффективности модели их дальнейшего использования уже в рамках соответствующих публичных бюджетов, зависит характер развития национальной экономики и степень социального обеспечения населения [1, с. 249].

Исследователь И.А. Майбуров также подчёркивает, что экономическая сущность налогов состоит в прямом изъятии государством части валового продукта для формирования централизованных финансовых ресурсов в виде бюджетов [2, с. 12]. В связи с этим, налоги рассматриваются как объективно необходимое средство для обеспечения расходов государства по социальному обеспечению и развитию социальных сфер образования, здравоохранения, культуры, спорта и досуга, экономическому развитию (стимулирование и поддержка бизнеса; развитие инфраструктуры для осуществления экономической деятельности), обеспечению правопорядка и общественной безопасности (через функционирование правоохранительных органов), обеспечению военной безопасности государства и общества.

В связи с этим логичен вывод от обратного, что при недостатке налоговых поступлений, составляющих внушительную часть всех источников наполнения бюджетов РФ, государство, а значит и общество, испытывают дефицит в расходных обязательствах, вследствие чего происходит оптимизация публичных расходов, как правило, с акцентом на более приоритетные и общественно важные направления общественного и государственного управления, но при этом от этого «страдают» относительно менее приоритетные направления, от развития которых

Соответствующая проблема не обходит стороной российскую налоговую и бюджетную системы. По данным Министерства Финансов России на 2025 год, доля теневой экономики, то есть такой производственной мощности, производимых товаров, оказываемых услуг и оказываемых работ, а также доходов от них, которые неподконтрольны государству, составляет порядка 12% ВВП[1]. В то же время по мне-

[1] Минфин оценил долю теневой экономики в России // Российский союз промышленников и предпринимателей. URL: https://rspp.ru/events/news/minfin-otsenil-dolyu-tenevoy-ekonomiki-v-rossii-68f9e406d4ce2/ (дата обращения: 22.08.2026).

нию экспертного сообщества, в реальности эта цифра может доходить до 20% ВВП, что в денежном выражении достигает до 40 трлн руб. теневой экономики ежегодно[1].

Беря во внимание последние официальные расчёты, которые были проведены в 2019 году из расчёта всего лишь 3% теневой экономики от объема ВВП, размер недополученных налоговых поступлений составлял порядка 3 трлн руб.[2] Однако актуализируя данные на современном этапе, в рамках достаточно условных и усреднённых расчётов, при которых средняя налоговая ставка, которая не уплачивается в рамках теневой экономики, составляет от 15 до 20% ВВП (30–40 трлн руб.), можно прийти к выводу, что реальный объем ежегодной налоговой недоимки из-за существования теневой экономики составляет от 6 до 8 трлн. руб. Учитывая, что в 2025 году доходы бюджета РФ составили 37,28 трлн. руб., даже при налоговой недоимке в 15% от теневого рынка – это порядка 16–17% всего годового бюджета страны.

Таким образом, можно резюмировать, что существование неподконтрольных государству производств, а также рабочих мест, с доходов которых не осуществляются обязательные налоговые и иные фискальные отчисления в государственный бюджет, влечёт за собой потенциальное непополнение бюджета РФ практически на 1/5 от его ежегодного объема.

Помимо невыявленных налоговых обязательств в силу функционирования теневой экономики, здесь же следует учитывать и налоговые недоимки по выявленным, но неисполненным налоговым обязательствам. Так, в 2025 году объем неисполненных налоговых обязательств составил 3,26 трлн руб., что почти сопоставимо с объемом дефицита бюджета РФ – 3,8 трлн. руб.[3]

Следует отметить, что за период 2020–2026 гг. профицит консолидированного бюджета был зарегистрирован лишь в 2021 году, а в остальных годах прослеживается дефицит средств на исполнение государственных функций по публичному управлению и общественному развитию. Недостаток налоговых поступлений в бюджет от невыявленных налоговых обязательств в рамках теневой экономики (примерно 6 трлн руб.) и таких выявленных, но неисполненных налоговых обязательств (3,26 трлн. руб.), как раз таки мог бы не просто компенсировать практически ежегодно существующие дефициты, но и также с учётом компенсации дефицита повысить наполняемость бюджета почти на 17%.

Соответствующие средства, которые фактически находятся в экономическом обороте, но которые по разным причинам на сегодняшний день не могут быть выявлены и императивно изъяты налоговыми органами, потенциально могли бы быть использованы для увеличения уровня жизни населения и государственного развития в целом. В обратном случае, когда доходы бюджета меньше запланированных в силу налоговой недоимки и иных неправомерных действий налогообязанных субъектов, государство буквально вынуждено сокращать расходы на образование, здравоохранение, науку, транспортную инфраструктуру, либо искать другие источники покрытия дефицита, в том числе посредством размещения государственных займов или, к примеру, путём повышения налогов для легального сектора экономики. Однако и в том, и в другом случае исход один и это торможение общественного развития.

В особенности, хотелось бы отметить, что при последнем варианте, когда государство, дабы компенсировать недополученные налоговые доходы, повышает налоговую нагрузку на тех, кто работает в официальной экономике, это приводит к тому, что добросовестные налогоплательщики несут дополнительное налоговое бремя, тем самым не только дестимулируя их к развитию легального бизнеса и косвенно подпитывая их к теневой деятельности, но и также снижая их веру в эффективность налоговой системы.

Встаёт закономерный вопрос: каковы причины современной обусловленности налоговой недоимки, сформированной как теневой экономикой, так и неисполнением налоговых обязательств в легальном секторе экономики? Как нам кажется, соответствующая детерминированность обусловлена, в первую очередь, самой спецификой складывающихся правоотношений по сбору налогов, которые характеризуются психическим началом личности человека, а именно – внутренним нежеланием или непониманием человека отчислять от своих доходов налоги.

Постараемся объяснить свою позицию. И для начала раскроем, что следует понимать под категорией «налоговое поведение личности»? Так называемое налоговое поведение в доктрине налогового права, обычно, рассматривается как модель и стратегия организации налоговых правоотношений и реализации в рамках них прав, а также субъективных обязательств, формируемых под влиянием как объективных обстоятельств (экономическая и политическая обстановка в государстве; особенности социально-культурного развития общества; законодательная инфраструктура; и т.д.), так и субъективных факторов (уровень образованности; уровень правового сознания и культуры; степень самосознания личности; степень и характер взаимосвязей между личностью, обществом и государством; и т.д.) [3, с. 74].

Зарубежные исследователи рассматривают налоговое поведение с позиции поведения субъектов налоговых обязательств в налоговых правоотношениях, которое определяется специфическими, общественно– и личностно детерминированными психологическими установками, определяющими характер взаимоотношения отдельно взятого человека с государством в лице налоговых органов [4].

В фундаментальном труде Э. Кирхлера прослеживается междисциплинарный подход к пониманию сущности налогового поведения, под которым понимается стратегия участия налогообязанного субъекта в налоговых правоотношениях с государством, формируемая системно в связи с одновременным влиянием экономических стимулов, психологических установок (восприятия важности налогов; справедливости; доверия к государству в целом, а также к налоговой и бюджетной системам в частности), в том числе, социально-культурных норм поведения, распространяющих своё действие прямо или косвенно на налоговые правоотношения [5].

И в рамках многокомпонентной структуры налогового поведения личности, хотелось бы остановиться более подробно на психологической компоненте. Следует справедливо заметить, что психологический аспект в структуре налогового поведения также многосоставной и образуется из целой системы компонентов. Во-первых, следует взять во внимание теорию, основанную на том, что добросовестность, нейтральность или агрессивность налогового поведения человека в налоговых правоотношениях зависит, в первую очередь, от качества образовательной подготовки, а также от когнитивных способностей отдельно взятого индивидуума. И ведь действительно, важно понимать изначально сложную природу самой налоговой системы, многообразие и формализм налогового законодательства, в том числе связь налоговой системы с такой бюджетной системой, а значит и с бюджетным законодательством. Говоря иными словами, налоговая сфера и такая область её правового регулирования отличается низким порогом когнитивного понимания, из-за чего немалая доля населения России попросту не понимает саму суть налоговой системы вплоть до того, для чего государством собираются налоги, как и в каком порядке в последующем используются.

Также следует раскрыть и теорию доверия, отражающую, что добросовестность исполнения налоговых обязательств во многом зависит от степени, качества и характера выстроенных взаимоотношений между личностью и государством. В таком случае, когда личность малого того что осознаёт на что уходят налоговые отчисления и как они используются государством, но и ещё видит конкретно реализованные государством или муниципальным образованием проекты в социальной, экономической, экологической, политической и иных сферах, вероятность добросовестного налогового поведения очевидно растёт. И наоборот, когда в поле личностного и правового сознания отдельно взятой личности или в целом обществе укоренены системные факты публичных злоупотреблений, в том числе, выражавшиеся в коррупционных актах, в малоэффективном управлении, в таком случае мотивация к добросовестному исполнению налоговых обязательств подрывается [6, с. 93].

Теория конформизма также объясняет, как социальные нормы могут влиять на налоговое поведение личности через сложившуюся в конкретном обществе или в более узком окружении человека типичной практики налогового поведения. К примеру, если в обществе доминирует подход, основанный на добросовестном и своевременном исполнении гражданами своих налоговых обязательств, то с большей долей вероятности соответствующий подход будет распространяться и на других граждан в качестве «нормальной» практики. И наоборот, если будет доминировать подход, базирующийся на уклонении от исполнения налоговых обязательств, на коррупционных связях, сокрытии доходов и имущества, то высока вероятность, что подобная деструктивная практика найдёт своё отражение и в налоговом поведении даже тех лиц, которые прежде действовали добросовестно и правомерно [7].

[1] Эксперты: размер теневой экономики РФ достиг 20% ВВП // ТАСС. URL: https://tass.ru/ekonomika/24466179 (дата обращения: 22.08.2026).

[2] Экономисты оценили число россиян с теневыми зарплатами // РБК. URL: https://www.rbc.ru/economics/10/12/2019/5dee50109a79474ae5293e3d (дата обращения: 22.08.2026).

[3] Масштаб потерь: о чем говорят итоги исполнения российского бюджета в 2025 году // Forbes. URL: https://www.forbes.ru/mneniya/554442-masstab-poter-o-cem-govorat-itogi-ispolnenia-rossijskogo-budzeta-v-2025-godu (дата обращения: 22.08.2026).

Из вышеозвученных теорий вытекает и другая – так называемая теория налоговой морали, предполагающая, что внутреннее самосознание и этические установки, которые формируются в политической, социально-трудовой, бытовой, экономической и иных средах, не в меньшей мере определяют моральные рамки дозволенного поведения в налоговых правоотношениях. К примеру, личность, у которой преобладают установки честности и порядочности, уважения к закону и государственным институтам, ответственности, а также гражданского долга, в большей мере предрасположена к правомерному и активному налоговому поведению [8, с. 126]. И наоборот, человек, у которого личность сформирована на основе качеств корысти и эгоцентричности, цинизма, рационализации и субъективного искажения восприятия справедливости, в большей мере предрасположен к пассивному или агрессивному противоправному поведению в налоговых правоотношениях.

В подтверждение тому результаты социологического исследования Фонда общественного мнения, отражающие, что если в 2004 году на вопрос: «что в большей мере побуждает людей платить налоги» 36% респондентов отвечали, что это чувство гражданского долга, а 49% ссылались на страх юридической ответственности за неисполнение налоговых обязательств, то к 2020 году эти показатели изменились не в лучшую сторону до 32% и 60% соответственно[1].

Соответствующая динамика общественного мнения косвенно свидетельствует о смещении в российском обществе добровольного подхода к добросовестному налоговому поведению, основанного на гражданском долге и справедливости, к принудительному подходу, основанному на страхе государственного воздействия. Подобная тенденция, в конечном итоге, отражает усиление негативного фактора снижения лояльности населения в налоговых правоотношениях и создаёт всё большие риски допущения частичной или полной теневизации своей экономической активности от налоговых органов.

Обращаясь к другим социологическим исследованиям, проведённым Всероссийским центром изучения общественного мнения, можно заметить, что среди опрошенных со средним и высоким достатком, обеспечивающим им достойный уровень жизни, в 56% случаев готовы к увеличению налогообложения, в то время как среди низкодоходной аудитории опрошенных этот показатель составляет всего 36%.

Примечательным является то, что готовность населения с хорошим материальным положением к увеличению налогообложения объясняется прямой корреляцией между соответствующим увеличением налогового бремени и ростом частоты, а также качества государственного управления в различных отраслях и сферах. В то время как среди низкодоходной аудитории опрошенных соответствующее понимание прослеживается в меньшей мере и не столь очевидно. Наоборот, около 42% граждан с плохим материальном состоянием отметили важность снижения налогового бремени. Именно среди данной категории населения как раз таки прослеживается и большая предрасположенность к допустимости нарушения налоговых обязательств в силу различных обстоятельств.

Вот как результаты исследования объясняются экспертами ВЦИОМ: «Подобные различия в представлениях людей с разным уровнем доходов могут иметь несколько объяснений, в том числе они могут объясняться разницей приоритетов. Люди с низким уровнем доходов, вероятно, сильнее ощущают бремя налогов в условиях ограниченных финансовых ресурсов, поэтому для них важнее сохранить свои доходы и лично распоряжаться ими. Кроме этого, они могут иметь не столь широкий доступ к качественным услугам и инфраструктуре, что в свою очередь может негативно сказываться на представлениях о том, как государство использует доходы от налогов. Тогда как граждане с хорошим материальным положением, напротив, чаще пользуются более развитой инфраструктурой и видят, как «работают налоги»[2].

Однако, здесь мы сталкиваемся не только с объективными обстоятельствами, выражающимися в том числе в сложной экономической обстановке и финансовой ситуации конкретного индивидуума, но и преимущественно, первоначально с особой сложившейся в российском обществе налоговой культурой, которая, по данным Фонда «Центр стратегических разработок», находится в достаточно неудовлетворительном состоянии. Так, из результатов исследования следует, что преимущественное большинство населения (92% опрошенных) знает о своих налоговых обязательствах и порядке их исполнения, но при этом лишь 58% из них заинтересованы в информировании о том, как налоги используются государством. Ещё 38% из опрошенных вообще ничего не знают о налоговой системе, её функциях, назначения, а также для чего собираются налоги и как они используются[3]. При этом наибольшая доля информационно-правовой неосведомлённости о налоговой системе и специфике налоговых правоотношений прослеживается среди молодёжи [9, с. 76].

Примечательным является то, что 35% опрошенных иногда допускают неисполнение налоговых обязательств и данная цифра растёт среди тех, кто не заинтересованы в судьбе налоговых отчислений (доля тех, кто допускает неисполнение налоговых обязательств достигает среди данной группы 53%) и достигает своего пика среди группы, где опрошенные в целом не осведомлены о налоговой системе (доля тех, кто допускает неисполнение налоговых обязательств достигает среди данной группы 71%).

Резюмируя основанные результаты исследования и полученные данные, можно прийти к выводу, что в современных российских социально-экономических условиях формирование устойчивых базовых представлений о значимости взаимодействия общества и государства в налоговой сфере, в связи с достаточно низким уровнем налоговой культуры населения и достаточно пассивным, а порой и агрессивным налоговым поведением граждан [10, с. 91], выступает необходимым условием обеспечения долгосрочной устойчивости бюджетной системы и реализации стратегических задач развития государства и общества.

Основной вектор просветительской работы должен осуществляться в части правового просвещения и пропаганды ценностей правовой, в том числе налоговой культуры, в рамках которой налогообложение не должно восприниматься исключительно как принудительное изъятие части доходов граждан и хозяйствующих субъектов, а должно представляться в правовом сознании личности и общества как институционально закреплённый механизм перераспределения ресурсов, посредством которого общество делегирует государству полномочия по финансированию проектов, программ и мероприятий государственного и общественного развития.

Как следствие, решая вопрос о совершенствовании системы систематичных налоговых поступлений, следует учитывать тот факт, что результативность функционирования налоговой системы обусловлена не только уровнем налогового администрирования, а также объемом и характером налоговой нагрузки граждан и бизнес-субъектов, но и качеством политико-социальной связи между государством и налогоплательщиками. В рамках такой связи доверие граждан к целевому и прозрачному использованию бюджетных средств, понимание связи между уплаченными налогами и получаемыми общественными благами, а также осознание взаимной ответственности сторон, должно обуславливать формирование устойчивой мотивации к добросовестному исполнению налоговых обязанностей подконтрольными субъектами.

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, следует сделать заключение, что развитие государством через правовую пропаганду и просветительскую деятельность налоговой культуры, предполагающей осмысленное отношение налогообязанного субъекта к налогообложению, как к элементу гражданского участия в общественном и государственном развитии, является фундаментальным фактором, определяющим способность государства обеспечивать сбалансированное и справедливое развитие в интересах всего общества.

Соответствующие выводы о важности и функциональном предназначении налогов и налоговой системы в системе налоговой культуры населения, могут быть взяты за основу для дальнейшей разработки конкретных программ просветительской работы налоговых органов или иных служб с населением.

Литература

1. Розыева Э., Гурбанмырадова А. Роль и значение налогов в экономике значение для государственного бюджета // Вестник науки. 2024. № 4 (79). С. 249–252.

2. Налоги и налогообложение: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлениям «Экономика» и «Менеджмент», специальностям «Экономическая безопасность», «Таможенное дело» / И.А. Майбуров, Е.В. Ядренникова, М.Б. Пархоменко [и др.]; под ред. И.А. Майбурова 8-е изд., перераб. и доп. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2021. 495 с.

3. Малышев М.К. Налоговое поведение хозяйствующих субъектов: сущность, модели и факторы формирования // Проблемы развития территории. 2023. № 27. С. 70–88.

[1] Почему люди платят налоги? Отношение к прогрессивной системе налогообложения // Фонд общественного мнения. URL: https://fom.ru/ekonomika/14476 (дата обращения: 21.08.2026).

[2] Дилемма налогоплательщика: плати больше, живи лучше? // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dilemma-nalogoplatelshchika-plati-bolshe-zhivi-luchshe? (дата обращения: 23.08.2026).

[3] Налоги глазами россиян: исследование налоговой культуры российских граждан и их отношения к налоговой системе // ЦСР. URL: https://www.csr.ru/upload/iblock/029/029a94c47e0e9a7c374683d0169beaad.pdf (дата обращения: 23.08.2026).

4. Luttmer E., Singhal M. Tax morale // Journal of Economic Perspectives. 2014. Vol. 28. Pp. 149–168.

5. Kirchler E. The Economic Psychology of Tax Behaviour // Cambridge University Press, 2007. URL: https://scispace.com/pdf/the-economic-psychology-of-tax-behaviour-3dztbpsp8z.pdf (дата обращения: 21.08.2026).

6. Иванова Е.В. Современные поведенческие аспекты налогообложения // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2025. № 14. С. 89–97.

7. Демин А.В. Психологические факторы налогового комплайенса // Психология и право. 2023. Т. 13. № 1. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2023_n1/psylaw_2023_n1_Demin.pdf (дата обращения: 21.08.2026).

8. Горшкова Н.В. Ксенда В.М. Детерминанты налогового поведения населения (междисциплинарный подход) // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2023. № 25 (4). С. 120–131.

9. Ильиных С.А. Налоговая грамотность: опыт эмпирического исследования субъекта Российской Федерации // Terra Economicus. 2025. № 23. С. 66–78.

10. Миллер А.Е., Миллер Н.В. Исследование влияния налоговой культуры на налоговые поступления в региональный бюджет // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2016. № 1. С. 88–92.

LEGAL MECHANISMS FOR INCREASING TAX REVENUES AS A FACTOR IN SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE STATE

Krasheninnikova A.V.
Moscow University of Finance and Law,

This scientific article is devoted to the analysis of the issue of increasing taxation as a tool for broadly enhancing the population's standard of living and state development. The paper reveals the fundamental role of taxes as the foundation of public finances and a tool for implementing the key functions of the state. At the same time, based on statistical and other empirical data, the paper demonstrates the scale of budget shortfalls caused by both shadow economic activity and non-compliance with tax obligations in the legal sector. Special attention is paid to the determinants of such tax-related behavior of an individual, among which, in particular, psychological, personal, socio-cultural and institutional factors are considered, including the level of trust in the state, tax morality, conformism and cognitive barriers that make it difficult for the population of Russia to understand the tax system. The paper also reflects the current state and dynamics of public attitudes regarding the willingness to pay taxes among groups with different income levels. The study substantiates the position that sustainable budget revenue at the current stage of the tax system's operation cannot be ensured solely through administrative measures, since the key condition is the parallel development of tax culture-which is characterized by a relatively low level in Russian society-through education and the formation of a conscious attitude among citizens towards taxation as a form of civic participation.

Keywords: tax behavior; tax culture; legal awareness; taxation; tax system; government functions; tax collection; tax administration.

References

1. Rozyeva E., Gurbanmyradova A. The Role and Importance of Taxes in the Economy: Importance for the State Budget // Science Bulletin. 2024. No. 4 (79). Pp. 249–252.

2. Taxes and Taxation: A Textbook for University Students Majoring in Economics and Management, Specializing in Economic Security and Customs Affairs / I.A. Maiburov, E.V. Yadrennikova, M.B. Parkhomenko [et al.]; edited by I.A. Maiburov, 8th ed., revised and enlarged. Moscow: UNITY-DANA, 2021. 495 p.

3. Malyshev M.K. Tax Behavior of Economic Entities: Essence, Models, and Formation Factors // Problems of Territorial Development. 2023. No. 27. P. 70–88.

4. Luttmer E., Singhal M. Tax morale // Journal of Economic Perspectives. 2014. Vol. 28. Pp. 149–168.

5. Kirchler E. The Economic Psychology of Tax Behavior // Cambridge University Press, 2007. URL: https://scispace.com/pdf/the-economic-psychology-of-tax-behaviour-3dztbpsp8z.pdf (date of access: 21.08.2026).

6. Ivanova E.V. Modern behavioral aspects of taxation // Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technology. 2025. No. 14. P. 89–97.

7. Demin A.V. Psychological factors of tax compliance // Psychology and Law. 2023. Vol. 13. No. 1. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2023_n1/psylaw_2023_n1_Demin.pdf (date accessed: 21.08.2026).

8. Gorshkova N.V., Ksenda V.M. Determinants of tax behavior of the population (interdisciplinary approach) // Bulletin of Volgograd State University. Economics. 2023. No. 25 (4). Pp. 120–131.

9. Ilyinykh S.A. Tax literacy: experience of an empirical study of a constituent entity of the Russian Federation // Terra Economicus. 2025. No. 23. Pp. 66–78.

10. Miller A.E., Miller N.V. A study of the influence of tax culture on tax revenues to the regional budget // Omsk Scientific Bulletin. Series "Society. History. Modernity". 2016. No. 1. P. 88–92.

Развитие инфраструктуры цифровых, электронных и инвестиционных платформ: частноправовые вопросы защиты прав участников

Круглова Инна Александровна,
доктор экономических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры экономики, управления и предпринимательства АНО ВО «Международный банковский институт имени Анатолия Собчака»
E-mail: kruglova@ibispb.ru

В настоящей статье исследуются частноправовые вопросы защиты прав участников платформенных отношений, возникающим вследствие специфики организации платформенной инфраструктуры, алгоритмизации принятия решений, особенностей идентификации пользователей, распределения ответственности между операторами, партнерами, посредниками и иными субъектами. Целью исследования выступают выявление ключевых направлений совершенствования механизмов обеспечения и защиты прав участников цифровых, электронных и инвестиционных платформ. В результате проведенного анализа и учитывая необходимость решения частноправовых вопросов защиты прав участников определены три ключевых направления развития в России, заключающиеся в усилении механизмов защиты наиболее уязвимых участников платформенных отношений посредством совершенствования досудебного урегулирования и повышения прозрачности алгоритмических решений, развитии систем подтверждения личности участников платформенной экономики с использованием современных цифровых инструментов, а также совершенствование институтов внешнего правового сопровождения платформенной деятельности.

Ключевые слова: гражданские права участников платформенной экономики, частноправовые риски участников платформенной экономики, цифровая платформа, электронная платформа, инвестиционная платформа.

Проведенные ранее исследования позволяют констатировать отсутствие унифицированной модели правового регулирования инфраструктуры платформенных решений в российском законодательстве, поскольку соответствующие требования развиваются изолированно и отражают специфику экономической функции каждой разновидности платформенной экономики с учетом профильного регулирования институтов цифровой коммерции, платежных систем и инвестиционных правоотношений соответственно [7]. Именно поэтому последующий анализ и фокус правовых исследований целесообразно сосредоточить не столько на технических аспектах развития платформенных решений, сколько на возникающих частноправовых проблемах защиты прав участников цифровых, электронных и инвестиционных платформ. Так, по мнению С.Ж. Соловых и В.Е. Лукьяненко, наиболее уязвимыми участниками правоотношений, возникающих в рамках платформенной экономики, выступают не владельцы и не операторы соответствующих платформ, а потребители (пользователи посреднических цифровых платформ, плательщики и получатели денежных средств электронных платформ, частные инвесторы инвестиционных платформ), индивидуальные продавцы товаров (партнеры-продавцы цифровых платформ) и исполнители услуг (партнеры-исполнители цифровых платформ) [11].

В частности, комментируя вопросы реализации и защиты прав участников платформенной экономики, П.А. Жолтикова и О.И. Шаравова справедливо подчеркивают, что действующее законодательство не только в недостаточной степени учитывает функциональное разделение посреднических платформ на маркетплейсы (торговые площадки, размещающие чужие предложения товаров и услуг на первичном и вторичных рынках розничной продажи – такие как «Ozon», «Wildberries» или «Avito»), сервисы услуг по запросу (такие как «Яндекс.Такси», «Uber Russia», «Самокат» или «СберМаркет»), технологические решения IT-компаний (например, «1С: Предприятие» или облачные решения аппаратного комплекса компании «Яндекс» для малого и среднего бизнеса) а также агрегаторы поиска и бронирования услуг (такие как «Циан», «BlaBlaCar», «Aviasales» и т.д.) [3], но и отличается отсутствием механизмов компенсации частноправовых рисков. Так, к числу наиболее значимых частноправовых проблем защиты прав участников цифровых, электронных и инвестиционных платформ, по мнению широкого круга отечественных исследователей (в т.ч. К.А. Инсаповой, Г.В. Костиковой, В.В. Кузнецова, С.Ж. Соловых, В.Е. Лукьяненко и др.) [4; 5; 6; 8; 11] следует отнести:

1. риски, связанные с выражением и доказыванием воли сторон цифровой транзакции, электронной сделки или инвестиции через ПО (в т.ч. вследствие асинхронности взаимодействия контрагентов, удаленной идентификации лица, осуществляющего операции в личном кабинете цифровой платформы или аккаунте мобильного приложения онлайн-банкинга либо инвестиционного ПО, использования упрощенных способов подтверждения согласия);
2. риски, непосредственно связанные с идентификацией и аутентификацией участников цифровой транзакции, электронной сделки или инвестиции через ПО (проблемы использования электронных подписей, учетных записей, логинов и паролей без ведома владельца);
3. риски, обусловленные платформенной моделью организации цифровой транзакции, электронной сделки или инвестиции через ПО (проблемы сложности определения надлежащего ответчика вследствие размывания границ ответственности между продавцом или исполнителем, оператором платформы, платежными агентами и иными посредниками);
4. риски вследствие ненадлежащей охраны персональных данных (в т.ч. несоразмерность нанесенному ущербу штрафных санкций в отношении владельцев или операторов платформы);
5. риски, связанные с односторонним изменением условий пользования платформой, непрозрачностью автоматизированных алгоритмов подбора карточек, рейтинга товара, работы, услуги, партнера, пункта выдачи заказов.

Таким образом, вопросы защиты прав участников цифровых, электронных и инвестиционных платформ не исчерпываются проблемами защиты прав потребителей (покупателей, получателей товаров и услуг, пользователи посреднических цифровых платформ, плательщи-

ков и получателей денежных средств в рамках электронных платежных систем, частные инвесторы инвестиционных платформ и т.д.) как наименее экономически защищенной стороны различных форм электронной и цифровой коммерции. Продавцы, исполнители услуг, посредники и иные партнеры отдельных платформ также несут на себе существенное бремя рисков, обусловленных спецификой инфраструктуры платформенной экономики [9; 10]. Так, например, обращаясь к самой недавней практике, нельзя не отметить резонансные случаи публичных претензий представителей малого и среднего российского бизнеса к платформодержателям ПАО «Ozon» (ООО «Интернет Решения») и ООО «Wildberries» в апреле-мае 2026 г. Критика отечественных предпринимателей была направлена не на отдельные технические сбои, но на системные проблемы организации инфраструктуры и логистики двух крупнейших российских маркетплейсов (на которые, по данным на начало 2026 г., приходится до 77% всех заказов и 53% всего объема продаж в сфере российской электронной коммерции).

В частности, анализ публичных обращений, жалоб и позиции Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации (далее – ФАС РФ) позволяет выделить несколько ключевых проблем, которые легли в основу конфликта. Так, наиболее острой стала проблема задержек выплат денежных средств за уже реализованные товары, связанная с зафиксированным со стороны ФАС РФ односторонним увеличением маркетплейсами «Ozon» и «Wildberries» сроков перевода денег продавцам, что объективно ухудшило их финансовое положение и лишило их возможности планировать хозяйственную деятельность в среднесрочной и долгосрочной перспективах. Ситуация усугублялась тем, что проблемы с выводом средств возникали даже у тех партнеров платформ, которые оплатили платную услугу по немедленному выводу, а площадки объясняли это техническими сбоями в работе платежной инфраструктуры. В совокупности указанные злоупотребления указывали на использование платформами своего доминирующего положения для контроля денежных потоков и фактического беспроцентного кредитования за счет средств предпринимателей.

Другой причиной массовых претензий российских предпринимателей к платформодержателям стали повсеместные недобросовестные коммерческие практики и навязывание неблагоприятных инфраструктурных условий. Так, регулятор в лице ФАС РФ выявил, что операторы платформ задним числом изменяли условия пользования тарифами для размещения карточек товаров и услуг, а также вводили платные услуги (например, прямо влияющий на рейтинг продавцов знак «Оригинал» на маркетплейсе «Ozon»), которые становились фактически обязательными для конкурентоспособного размещения коммерческих предложений. Особое внимание ФАС, по заявлению пресс-службы регулятора, было уделено обвинениям в недобросовестной практике «инвестирования в цены», в рамках которой маркетплейсы самостоятельно устанавливали скидки на товары продавцов, финансируя их за счет комиссий, часто без получения явного и добровольного согласия предпринимателя, что нарушало предусмотренный ст. 421 ГК РФ принцип свободы договора и правила автономии воли продавца в определении ценовой политики [1]. Кроме того, партнеры платформ выступили с жалобами на непрозрачность алгоритмов, которые определяют позицию товара в поисковой выдаче, а также на непредсказуемые и неаргументированные блокировки аккаунтов и карточек товаров.

Таким образом, критика предпринимателей в очередной раз подтвердила ключевые группы рисков, связанные с недостаточным развитием инфраструктуры платформенной экономики, которые, как следует из сложившегося в отечественной правовой доктрине консенсуса, носят не каузальный, но, напротив, системный характер. В этом свете, в качестве ключевых направлений развития инфраструктуры платформенной экономики в России, которые способствовали бы снижению частноправовых рисков в сфере обеспечения и защиты прав участников цифровых, электронных и инвестиционных платформ, следует выделить три основные группы мер:

1. во-первых, представляется необходимым усилить механизмы охраны интересов наименее защищенных сторон платформенной экономики – потребителей (пользователей) и «младших партнеров» операторов платформенных решений; в качестве наиболее эффективных мер в российской правовой доктрине называются развитие механизмов досудебного разбирательства и повышения качества работы технической поддержки на базе инфраструктуры маркетплейсов, сервисов и агрегаторов товаров и услуг, платежных систем, онлайн-банкинга и инвестиционных платформ; С.Ж. Соловых и В.Е. Лукьяненко также отдельно подчеркивают необходимость обеспечения публичного контроля за потенциально недобросовестными коммерческими практиками платформодержателей и прозрачностью алгоритмизированных инфраструктурных решений (включая упомянутые подсистемы поисковой выдачи и организации рейтинга товара, работы, услуги, партнера или пункта выдачи заказов) [11]; в сфере защиты прав участников инвестиционных платформ, по мнению А.В. Габова и С.П. Саяпина, особое внимание следует уделять инфраструктурным рискам нерегулярных частных инвесторов и инвесторов, вкладывающих средства в краудинвестинг (стартапы и предприятия малого бизнеса) [2];

2. во-вторых, в литературе повсеместно подчеркивается необходимость улучшения механизмов идентификации (распознавания) и аутентификации (подтверждения личности) участников платформенной экономики с использованием цифровых средств (например, посредством интеграции в платформенные инфраструктуры возможности использования усиленной квалифицированной электронной подписи или регистрацию биометрических данных, зарегистрированных в «Единой системе идентификации и аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных» Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ и Банка России);

3. наконец, в-третьих, логичным продолжением вектора на совершенствование различных направлений российской платформенной экономики видится развитие не только внутренней инфраструктуры технологических и сервисных решений, но и соразмерное улучшение институтов «внешнего» правового сопровождения (включая развитие внутреннего корпоративного контроля и аудита, антимонопольного комплаенса, а также механизмы досудебного и внесудебного разрешения споров в претензионном порядке, посредством организации переговоров, либо привлечения услуг профессионального медиатора).

Выводы

Проведенный анализ потенциальных направлений развития инфраструктуры цифровых, электронных и инвестиционных платформ (с учетом необходимости решения частноправовых вопросов защиты прав участников) позволил установить, что наиболее уязвимыми субъектами платформенных отношений выступают пользователи платформ, частные инвесторы, индивидуальные продавцы и исполнители услуг, а сопровождающие их деятельность частноправовые риски, прежде всего, обусловлены особенностями организации самой платформенной инфраструктуры. К числу наиболее значимых проблем отнесены риски, связанные с выражением и доказыванием воли сторон, сложности идентификации (распознавания) и аутентификации (подтверждения личности) участников, риски ненадлежащей охраны персональных данных, недобросовестные коммерческие практики со стороны платформодержателей, а также непрозрачность автоматизированных алгоритмов подбора карточек, рейтинга товара, работы, услуги, партнера, пункта выдачи заказов. Анализ резонансных конфликтов между российскими предпринимателями и крупнейшими маркетплейсами в 2026 г. подтвердил системный характер соответствующих рисков, проявившийся в одностороннем изменении тарифов, задержках выплат, непрозрачности алгоритмов поисковой выдачи и использовании инфраструктурных механизмов, влияющих на конкурентоспособность участников платформ.

В связи с этим определены три ключевых направления развития инфраструктуры платформенной экономики в России, заключающиеся в усилении механизмов защиты наиболее уязвимых участников платформенных отношений посредством совершенствования досудебного урегулирования и повышения прозрачности алгоритмических решений, развитии систем подтверждения личности участников платформенной экономики с использованием современных цифровых инструментов, а также совершенствование институтов внешнего правового сопровождения платформенной деятельности (в т.ч. механизмов внутреннего контроля, антимонопольного комплаенса, досудебного и внесудебного разрешения споров). Представляется, что реализация указанных мер должна способствовать снижению инфраструктурно обусловленных частноправовых рисков и формированию более устойчивой модели защиты прав участников цифровых, электронных и инвестиционных платформ.

Таким образом, широкое распространение элементов платформенной экономики объективно трансформировало традиционные модели заключения и исполнения сделок, существенно сократив временные и транзакционные издержки, но также предоставив операторам цифровых, электронных и инвестиционных платформ возможности по оказанию давления и скрытому манипулирования другими участниками коммерческих отношений. В этих условиях эффективность дальнейшего развития законодательства должна оцениваться не через степень детализации новых обязанностей платформодержателей или расширение перечня специальных требований, а через способность правового регулирования поддерживать устойчивый баланс интересов между операторами, продавцами, исполнителями, инвесторами и потребителями с учетом складывающейся практики.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации № 51-ФЗ от 30.11.1994 г. (Последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/(Дата обращения: 20.05.2026).

2. Габов А. В., Саяпин С.П. Платформенные отношения как предмет правового регулирования // Lex Russica. – 2025. – № 11 (228). – С. 9–33.

3. Жолтикова П. А., Шаравова О.И. Цифровые платформы как инновационная модель организации бизнеса в инфокоммуникационной сфере: анализ и перспективы развития // Век качества. – 2025. – № 3. – С. 108–120.

4. Инсапова К. А. К вопросу об особенностях совершения сделок в сети «Интернет» // Вестник науки. – 2025. – № 11 (92). – С. 257–262.

5. Костикова Г. В. К вопросу о заключении электронных сделок: проблемы правоприменения // Актуальные вопросы частного и публичного права: сб. тр. науч. конф. – М., 2022. – С. 67–73.

6. Костикова Г.В. Электронные сделки: новеллы законодательства // Вестник Российского государственного университета правосудия. – 2022. – № 2. – С. 49–59.

7. Круглова, И.А. Гражданско-правовые аспекты регулирования ключевых инфраструктурных элементов цифровых, электронных и инвестиционных платформ/ И.А. Круглова, М.Н. Бродский, Г.З. Щербаковский // Евразийский юридический журнал. – 2026. – № 5(216). – С. 265–269.

8. Кузнецов В.В. Цифровизация и её влияние на формы сделок // Вопросы российской юстиции. – 2025. – № 35. – С. 171–181.

9. Кузьминов Я. И., Кручинская Е.В., Кошель А.С., Акиндинова Н.В. Вклад цифровых платформ в развитие российской экономики: моделирование эффектов регулирования // Вопросы экономики. – 2025. – № 7. – С. 5–24.

10. Кулакова Л. И., Полянин А.В. Развитие предпринимательства на основе цифровых платформ в условиях деглобализации // Вестник Академии знаний. – 2020. – № 2 (37). – С. 12–17.

11. Соловых С. Ж., Лукьяненко В.Е. Некоторые вопросы обеспечения баланса прав и интересов продавцов, потребителей и агрегаторов цифровых платформ // Ex jure. – 2025. – № 4. – С. 148–156.

DEVELOPMENT OF DIGITAL, ELECTRONIC, AND INVESTMENT PLATFORMS: PRIVATE LAW ISSUES REGARDING THE PROTECTION OF PARTICIPANTS› RIGHTS

Kruglova I.A.
International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak

This article examines private-law issues regarding the protection of the rights of participants in platform-based relationships, arising from the specific organization of platform infrastructure, the use of algorithms in decision-making, user identification procedures, and the allocation of liability among operators, partners, intermediaries, and other entities The aim of the study is to identify key areas for improving the mechanisms for ensuring and protecting the rights of participants in digital, electronic, and investment platforms. Based on the analysis conducted–and taking into account the need to address private-law issues regarding the protection of participants' rights–three key areas for development in Russia have been identified: strengthening mechanisms to protect the most vulnerable participants in platform-based relationships by improving pre-trial dispute resolution and enhancing the transparency of algorithmic decisions; developing systems for verifying the identities of platform economy participants using modern digital tools; and refining the frameworks for external legal support of platform operations.

Keywords: civil rights of platform economy participants, private law risks of platform economy participants, digital platform, electronic platform, investment platform.

References

1. Civil Code of the Russian Federation No. 51-FZ dated November 30, 1994 (Latest revision) // ConsultantPlus Legal Reference System. [Electronic resource] URL: http://www.consultant.ru/ (Date of access: May 20, 2026).

2. Gabov A. V., Sayapin S.P. Platform-based relations as a subject of legal regulation // Lex Russica. – 2025. – No. 11 (228). – P. 9–33.

3. Zholtikova P. A., Sharavova O.I. Digital platforms as an innovative business organization model in the infocommunication sector: analysis and development prospects // Vek kachestva. – 2025. – No. 3. – P. 108–120.

4. Insapova K.A. On the Specifics of Concluding Transactions on the Internet // Bulletin of Science. – 2025. – No. 11 (92). – P. 257–262.

5. Kostikova G.V. On the Conclusion of Electronic Transactions: Issues of Law Enforcement // Topical Issues of Private and Public Law: Collection of Papers from the Scientific Conference. – Moscow, 2022. – P. 67–73.

6. Kostikova G.V. Electronic Transactions: New Legislative Developments // Bulletin of the Russian State University of Justice. – 2022. – No. 2. – P. 49–59.

7. Kruglova, I.A. Civil law aspects of regulating key infrastructure elements of digital, electronic, and investment platforms / I.A. Kruglova, M.N. Brodsky, G.Z. Shcherbakovsky // Eurasian Law Journal. – 2026. – No. 5(216). – P. 265–269.

8. Kuznetsov V.V. Digitalization and Its Impact on the Forms of Transactions // Issues of Russian Justice. – 2025. – No. 35. – P. 171–181.

9. Kuzminov Ya. I., Kruchinskaya E.V., Koshel A.S., Akindinova N.V. The contribution of digital platforms to the development of the Russian economy: modeling regulatory effects // Voprosy Ekonomiki. – 2025. – No. 7. – P. 5–24.

10. Kulakova L. I., Polyanin A.V. Development of entrepreneurship based on digital platforms in the context of deglobalization // Bulletin of the Academy of Knowledge. – 2020. – No. 2 (37). – P. 12–17.

11. Solovykh S. Zh., Lukyanenko V.E. Certain issues regarding the balance of rights and interests of sellers, consumers, and digital platform aggregators // Ex jure. – 2025. – No. 4. – P. 148–156.

Проблемы квалификации административных правонарушений: сложности в судебной практике

Лиховенков Сергей Иванович,
старший преподаватель кафедры административной деятельности ОВД Санкт-Петербургского университета МВД России
E-mail: lsi1957@mail.ru

Предмет статьи составляет квалификация административных правонарушений в судебном правоприменении, включая разграничение смежных составов, установление признаков субъекта и вины, применение оценочных категорий и исправление первоначальной юридической оценки деяния. Актуальность проблемы определяется тем, что ошибка квалификации возникает на пересечении нормативной конструкции состава, установленных фактических обстоятельств и процессуальных пределов судебной оценки. Цель исследования состоит в систематизации причин квалификационных затруднений и определении их влияния на судебное разрешение дел. Использованы анализ научных публикаций, сравнительный, классификационный, логико-аналитический методы и синтез. Материал составили русскоязычные исследования 2021–2024 гг., посвященные смежным составам, вине юридических лиц, малозначительности, информационным правонарушениям и их документированию. Научная новизна выражена в разграничении нормативно-структурного, доказательственно-процессуального, оценочно-интерпретационного и судебно-корректирующего уровней квалификационных проблем. Установлена зависимость возможностей судебной переквалификации от качества первоначальной фиксации события. Результаты применимы при выработке единых ориентиров квалификации и оценке достаточности материалов административного дела.

Ключевые слова: квалификация административного правонарушения, судебная практика, смежные составы, конкуренция норм, вина юридического лица, малозначительность, судебная переквалификация, событие правонарушения, доказывание, административная ответственность.

Введение

Квалификация административного правонарушения соединяет нормативную модель состава с установленными по делу фактическими обстоятельствами, поэтому расхождение между содержанием диспозиции, зафиксированным событием и доказанными признаками деяния непосредственно влияет на основание ответственности. Наиболее выраженные затруднения возникают при пересечении нескольких норм, разграничении административного правонарушения и преступления, использовании оценочных признаков, установлении вины юридического лица и рассмотрении деяний, способ совершения которых связан с информационными технологиями. Суд получает материалы после первоначальной юридической оценки административным органом, но не связан ею безусловно; вместе с тем возможность исправить ошибочную квалификацию ограничена фактическим описанием события, доказательственной базой и запретом ухудшения положения привлекаемого лица.

Цель исследования состоит в установлении и систематизации факторов, обусловливающих сложности квалификации административных правонарушений в судебной практике. Для ее достижения решались три задачи:

1) классифицировать нормативные, фактические, доказательственные и оценочные причины квалификационных ошибок;

2) сопоставить подходы к разграничению смежных составов, установлению вины юридического лица и оценке малозначительности;

3) определить связь между качеством первоначальной фиксации правонарушения и пределами последующей судебной переквалификации.

Научная новизна состоит в рассмотрении квалификационной ошибки как результата взаимодействия нескольких уровней правоприменения. Нормативная неопределенность сама по себе не объясняет расхождения судебных решений: ее действие зависит от того, какие признаки события зафиксированы административным органом, какими доказательствами они подтверждены и допускает ли процессуальное положение дела изменение правовой оценки судом. На этой основе квалификационные затруднения разделены на нормативно-структурные, доказательственно-процессуальные, оценочно-интерпретационные и судебно-корректирующие, между которыми прослеживается последовательная зависимость.

Материалы и методы

Материал исследования образуют современные публикации, рассматривающие отдельные элементы квалификации административно наказуемого деяния и причины расхождений правоприменения. А.С. Дугенец и Н.Г. Канунникова [1] исследовали противодействие правонарушениям с использованием информационных технологий и связанные с технологической динамикой сложности их выявления и квалификации; А.А. Лашманова [2] сопоставила административные правонарушения и преступления по разграничительным признакам с обращением к судебной практике; Т.И. Матюхина [3] рассмотрела отграничение мелкого хищения от смежных уголовно наказуемых деяний; Н.П. Маюров, Е.А. Иншакова и П.Н. Маюров [4] систематизировали теоретико-правовые концепции вины юридического лица и обозначили проблему объективного вменения; Р.М. Назаренко [5] исследовал конкурирующие составы в сфере банкротства и возникающие при их применении квалификационные затруднения; А.В. Ольшевская и О.М. Попович [6] проанализировали критерии разграничения смежных административных и уголовных составов; С.В. Пилявец [7] раскрыла противоречия законодательного конструирования вины юридического лица; А.В. Попов и И.А. Фомина [8] исследовали содержание и критерии малозначительности административного правонарушения; К.Д. Рыдченко [9] обратился к процессуальной форме документирования административно наказуемых информационных правонарушений; Е.М. Якимова и Л.А. Иванова [10] сопоставили четкие и оценочные критерии разграничения административных правонарушений и преступлений.

Методы исследования включали содержательный анализ научных публикаций для выделения квалификационных проблем, сравнительный анализ разграничительных критериев и доктринальных подхо-

дов, классификацию факторов по уровню их возникновения, логико-аналитический анализ связи между фактическим описанием деяния и применяемой нормой, обобщение судебных подходов к малозначительности, вине и переквалификации, а также синтез полученных положений в последовательную модель юридической оценки административно наказуемого деяния.

Результаты

Квалификационная проблема возникает до выбора конкретной статьи КоАП РФ, если фактическая модель события сформирована неполно либо содержит признаки, допускающие применение нескольких нормативных конструкций. Юридическая оценка требует установить объект посягательства, признаки объективной стороны, надлежащего субъекта, содержание вины и обстоятельства, влияющие на разграничение смежных составов. После этого проверяется соотношение общей и специальной нормы, наличие уголовно наказуемого варианта сходного деяния и применимость оценочных категорий. Нарушение этой последовательности смещает квалификацию от установленных обстоятельств к формальному подбору диспозиции, а возникшая ошибка переносится в судебное производство вместе с материалами дела.

Первую группу образуют нормативно-структурные затруднения, возникающие при изменении способов противоправного поведения быстрее, чем законодательная конструкция приспосабливается к соответствующей среде. А.С. Дугенец и Н.Г. Канунникова связывают применение информационных технологий с отдельными сложностями выявления и квалификации административных правонарушений, обусловленными динамикой технологического развития и состоянием регулирующих механизмов [1]. Для квалификации это означает, что использование информационной технологии нельзя рассматривать как внешний технический фон: способ действия влияет на установление юридически значимого поведения, его фиксацию и отнесение к конкретной запрещающей норме. Чем менее непосредственно фактическое действие совпадает с традиционной конструкцией объективной стороны, тем выше значение точного определения того, какое действие либо бездействие совершено субъектом и какой признак диспозиции оно реализует.

Наиболее разработанной разновидностью нормативной неопределенности остается разграничение административных правонарушений и преступлений со сходными элементами состава. А.А. Лашманова связывает разграничение с юридически значимыми характеристиками объективной стороны, включая последствия, размер имущественного ущерба и способ совершения деяния [2]; Т.И. Матюхина раскрывает значение специальных разграничительных признаков применительно к мелкому хищению и смежным преступлениям [3]. А.В. Ольшевская и О.М. Попович рассматривают критерии отграничения смежных составов как самостоятельную проблему административно-деликтного регулирования [6], а Е.М. Якимова и Л.А. Иванова разделяют разграничительные признаки по степени их определенности, противопоставляя четко формализуемые и оценочные критерии [10]. Из сопоставления этих подходов следует, что квалификация смежного деяния должна основываться не на общей оценке его тяжести, а на конкретном признаке, которому законодатель придал разграничительное значение: количественном показателе, характере последствий, способе действия, специальном статусе субъекта либо иной характеристике состава. Использование общего представления об опасности поведения вместо установленного законом критерия создает риск отраслевой подмены ответственности.

Разграничение административного и уголовно наказуемого поведения выявляет более общую закономерность, которая проявляется и внутри административно-деликтного законодательства. Наличие общего объекта охраны или сходного внешнего поведения еще не означает тождества составов. Р.М. Назаренко на примере ч. 4 ст. 14.13 и ст. 14.14 КоАП РФ выделяет квалификационные сложности, обусловленные смежностью административных составов и особенностями их нормативного разграничения [5]. Сопоставление этой позиции с подходами А.А. Лашмановой [2], А.В. Ольшевской и О.М. Попович [6], Е.М. Якимовой и Л.А. Ивановой [10] показывает, что один и тот же метод должен применяться к межотраслевой и внутриотраслевой конкуренции: сначала определяется совпадающая область регулирования, затем устанавливается признак, который сужает объем специального состава относительно общего. Если такой признак не установлен фактически, переход к специальной норме не может основываться только на предположении о большей предметной близости ее диспозиции.

Вторая самостоятельная проблема связана с субъективной стороной административного правонарушения юридического лица. Н.П. Маюров, Е.А. Иншакова и П.Н. Маюров фиксируют множественность теоретических подходов к содержанию такой вины и указывают на потребность в более детализированных критериях ее определения [4]. С.В. Пилявец рассматривает противоречия между различными моделями вины юридического лица и связывает законодательную неопределенность с неоднозначностью правоприменения [7]. Судебная практика переводит доктринальную проблему в операционную плоскость: применительно к ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ устанавливается, существовала ли у организации возможность соблюдать обязательные требования и приняла ли она все зависящие от нее меры для их соблюдения; вина юридического лица не отождествляется с виной конкретного физического лица. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2, 3 за 2024 г. воспроизводит именно эту конструкцию. Квалификация по субъекту вследствие этого требует исследования организационного поведения юридического лица, а фиксации самого нарушения регулирующего требования недостаточно для автоматического вывода о виновности [4; 7].

Сложность данного подхода состоит в содержании формулы «все зависящие меры». Она устанавливает критерий оценки, но не заменяет установление конкретных обстоятельств. Суд должен соотнести доступные организации способы соблюдения обязательного требования с реально предпринятыми действиями; в обратном случае вывод о вине фактически выводится из самого наличия нарушения. Именно риск сближения такой модели с объективным вменением лежит в основе критических оценок, представленных в исследовании Н.П. Маюрова, Е.А. Иншаковой и П.Н. Маюрова [4], а работа С.В. Пилявец [7] показывает, что проблема затрагивает саму нормативную конструкцию юридического лица как субъекта административной ответственности. Практическое различие между этими подходами проявляется в предмете доказывания: при нормативно обусловленной модели исследуется возможность соблюдения требования и фактические меры организации, при объективированном подходе доказательственное исследование рискует завершиться констатацией нарушения.

Третья группа затруднений возникает при применении оценочных правовых категорий. Малозначительность не изменяет первоначальную квалификацию деяния по статье Особенной части КоАП РФ, однако требует последующей оценки степени нарушения охраняемых отношений и решает вопрос о реализации административной ответственности. А.В. Попов и И.А. Фомина указывают, что отсутствие четких критериев малозначительности расширяет оценочный компонент правоприменения; применительно к составам, содержащим измеримые показатели дохода или ущерба, авторы рассматривают возможность количественной конкретизации соответствующей оценки [8]. Судебная практика одновременно исходит из невозможности заранее исключить применение ст. 2.9 КоАП РФ только из-за формальной конструкции состава: вопрос разрешается с учетом обстоятельств конкретного дела, характера посягательства и наличия существенной угрозы охраняемым отношениям. В результате юридически одинаковая первоначальная квалификация еще не предопределяет одинакового решения об ответственности, а мотивировка малозначительности становится отдельной операцией судебной оценки [8].

Соотношение формализованных и оценочных критериев объясняет различную устойчивость квалификационных решений. Количественный предел, прямо закрепленный в норме, позволяет проверить квалификацию через установленный показатель; оценочное понятие требует обоснования того, какие фактические свойства дела имеют юридическое значение и почему они достигают предусмотренного нормой уровня. Е.М. Якимова и Л.А. Иванова обращают внимание именно на различие четких и оценочных разграничительных критериев [10]. Применительно к малозначительности аналогичная проблема проявляется уже после установления состава: А.В. Попов и И.А. Фомина связывают размывание границ ответственности с оценочностью соответствующей категории [8]. Формализация повышает предсказуемость только там, где содержание охраняемого отношения допускает количественное измерение; перенос числового критерия на составы, определяемые характером поведения или угрозы, устранил бы не неопределенность, а содержательную оценку самого посягательства.

Четвертый блок формируется на доказательственно-процессуальном уровне. К.Д. Рыдченко выделяет документирование административно наказуемых информационных правонарушений как самостоятельную проблему, непосредственно связанную с доказыванием и применением мер обеспечения производства [9]. Для квалификации значение имеет не объем собранных материалов сам по себе, а их способность подтверждать признаки конкретного состава. Дефект становится существенным, когда из процессуального документа невозможно определить обстоятельство, от которого зависит выбор нормы: время, место, способ действия, статус субъекта, характер нарушенной обязанности или иной квалифицирующий признак. Судебная практика подтверждает, что отсутствие в процессуальных документах сведений

о существенных обстоятельствах нарушения препятствует полноценному рассмотрению дела, а фактические основания, не сформулированные на соответствующей стадии производства, не могут свободно конструироваться судом заново. [9]

Первоначальная квалификационная ошибка и неполное описание события имеют разные процессуальные последствия. Неверно указанная статья не исключает возможности исправить правовую оценку, если фактическое событие описано полно и подтверждено доказательствами. В судебной практике применяется подход, по которому окончательная юридическая квалификация относится к полномочиям судьи: переквалификация допустима при достаточности описанного события и доказательств, наличии единого родового объекта у соответствующих составов и отсутствии ухудшения положения лица. В постановлении Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 30 октября 2024 г. эти условия использованы при оценке возможности перехода от ч. 3 ст. 14.17 к ч. 2 ст. 14.17.1 КоАП РФ. Если же недостающий элемент касается самого события и в материалах отсутствуют сведения, позволяющие установить признак нового состава, судебная переквалификация фактически потребовала бы формирования нового обвинения.

Эта граница позволяет различить исправимую и неисправимую квалификационную ошибку. К первой относится неверный выбор нормы при правильно установленной совокупности фактов, достаточной для применения другой правовой конструкции в разрешенных процессуальных пределах. Ко второй относятся ситуации, в которых первоначальная фиксация не содержит обстоятельства, образующего обязательный или разграничительный признак предполагаемого состава. Судебный контроль в первом случае корректирует юридическую оценку уже установленного поведения; во втором восполнение квалификационного дефекта потребовало бы изменить фактическое основание привлечения к ответственности. Качество протокола и иных материалов вследствие этого определяет не только доказанность обвинения, но и доступный суду диапазон правовой квалификации.

Систематизация рассмотренных проблем дает четырехуровневую модель квалификационных затруднений. Нормативно-структурный уровень включает смежность составов, конкуренцию общих и специальных предписаний, оценочные признаки и несоответствие отдельных конструкций изменяющимся способам противоправного поведения [1;—3; 5; 6; 10]. Доказательственно-процессуальный уровень охватывает полноту фиксации события и пригодность материалов для установления обязательных признаков [9]. На оценочно-интерпретационном уровне решаются вопросы содержания вины юридического лица и малозначительности [4; 7; 8]. Судебно-корректирующий уровень определяет, может ли первоначальная правовая оценка быть изменена без преобразования фактического основания ответственности и ухудшения положения привлекаемого лица. Уровни связаны последовательно: нормативное разграничение определяет, какие факты необходимо установить, качество их фиксации очерчивает доказательственную основу дела, а полнота этой основы задает пределы последующего судебного толкования и переквалификации.

Практическая последовательность квалификации должна начинаться с реконструкции события без предварительного подчинения фактов выбранной статье. После установления фактической модели проверяются обязательные элементы предполагаемого состава, затем исключаются конкурирующие административные и уголовно-правовые конструкции по их разграничительным признакам. Для юридического лица отдельно исследуются возможность соблюдения требования и предпринятые меры; оценочные категории применяются после установления фактов, к которым они относятся. На судебной стадии изменение квалификации требует дополнительной проверки: сохраняется ли фактическое основание обвинения, подтверждены ли признаки нового состава, относится ли он к допустимому пределу переквалификации и не ухудшается ли положение лица.

Обсуждение

Сопоставление рассмотренных подходов меняет представление о квалификационной ошибке как исключительно о неверном выборе статьи КоАП РФ. Ошибка может возникнуть раньше, когда правоприменитель определяет, какие характеристики события следует зафиксировать и какие из них считать юридически значимыми. Если разграничительный признак установлен и доказан, ошибка в номере статьи сохраняет потенциал судебного исправления. Отсутствие самого признака в фактической модели дела переводит проблему из области толкования нормы в область недоказанности основания ответственности. Судебная квалификация вследствие этого зависит от качества предшествующей юридической работы, хотя окончательная оценка деяния не совпадает с первоначальной оценкой административного органа.

Подходы к разграничению смежных административных правонарушений и преступлений преимущественно ориентированы на поиск конкретного дифференцирующего признака. Их достоинство заключается в возможности исключить интуитивную оценку деяния как «более» или «менее» опасного и связать вид ответственности с нормативно закрепленным обстоятельством. Ограничение этого подхода состоит в предметной неоднородности таких критериев. Размер ущерба применим к одним составам, характер последствий – к другим, способ действия или специальный статус субъекта – к третьим. Универсальный содержательный критерий, который мог бы заменить анализ конкретных диспозиций, из сопоставленных исследований не выводится. Унификация возможна на уровне процедуры разграничения, но не посредством единого фактического признака для всех смежных составов.

Внутриотраслевая конкуренция подтверждает этот вывод. Выбор между двумя административными нормами может быть столь же сложным, как разграничение административной и уголовной ответственности, если диспозиции частично совпадают и различаются специальным элементом. Значение приобретает не формальная принадлежность норм к одному разделу законодательства, а отношение объемов регулируемых ими фактических ситуаций. Специальная норма применима после подтверждения признака, сужающего общий состав, способ анализа снижает зависимость квалификации от поверхностного сходства терминологии, однако его результативность определяется качеством законодательной техники, если дифференцирующий элемент сформулирован оценочно либо выводится из нескольких взаимосвязанных положений, пространство интерпретации сохраняется.

Проблема вины юридического лица показывает иной источник неопределенности. Доктринальное расхождение касается самой природы вины коллективного субъекта, судебное правоприменение решает более конкретный вопрос о возможности соблюдения нормы и принятых организацией мерах, операционализация делает критерий практически применимым, но не устраняет потребность определить достаточность соответствующих мер. Слишком высокий стандарт фактически превращает обязанность доказать виновное поведение в презумпцию недостаточности организационных действий после любого установленного нарушения; слишком низкий стандарт позволяет формально ссылаться на внутренние процедуры без проверки их реального содержания. Граница должна формироваться через обстоятельства конкретного нарушения и причинную связь между организационным поведением и несоблюдением обязательного требования.

Малозначительность демонстрирует обратное соотношение определенности и индивидуализации. Жесткая формализация сокращает вариативность судебных решений, но способна исключить учет фактической степени нарушения охраняемых отношений. Оценочная модель сохраняет возможность соразмерной реакции на конкретное деяние, одновременно повышая требования к мотивировке судебного акта. Предлагаемая в научной литературе количественная конкретизация может повысить определенность в составах, где нарушение выражается измеримым доходом или ущербом, но не образует универсального решения для правонарушений с иным характером объективной стороны. Исследовательская проблема здесь состоит в определении проверяемых обстоятельств, на которых оно должно основываться.

Информационная среда усиливает зависимость квалификации от процедуры фиксации. Технологический способ совершения правонарушения усложняет переход от наблюдаемого цифрового действия к юридически значимому поведению конкретного субъекта. Правовая проблема возникает тогда, когда технический материал подтверждает наличие определенного информационного события, но не обеспечивает установление признака, требуемого диспозицией, либо когда способ его процессуального закрепления становится предметом самостоятельного спора. По этой причине развитие специальных составов в цифровой сфере без одновременной определенности процедур документирования не устраняет квалификационную неопределенность, а переносит ее из нормативного описания деяния в доказательственную плоскость.

Пределы судебной переквалификации выполняют одновременно корректирующую и гарантийную функции. Возможность изменить ошибочную правовую оценку препятствует прекращению производства только из-за неправильно названной нормы, когда все обстоятельства надлежащего состава уже установлены. Ограничение такой возможности фактическим основанием обвинения и положением привлекаемого лица препятствует превращению суда в орган, заново формирующий административное обвинение. Поэтому расширение полномочий суда по исправлению квалификационных ошибок само по себе не решило бы проблему: чем свободнее суд восполняет недостатки первоначальных материалов, тем менее определенной становится гра-

ница между судебной проверкой и формированием нового основания ответственности.

Выделенные уровни имеют неодинаковую чувствительность к унификации. Нормативно-структурные проблемы требуют более точного разграничения составов и согласования общей и специальной нормы. Доказательственные затруднения уменьшаются при фиксации обстоятельств через признаки состава. Оценочные категории не могут быть полностью стандартизированы без утраты их функции, поэтому для них первостепенное значение имеют единые параметры мотивировки. Судебно-корректирующий уровень уже ограничен задачей сохранить неизменным фактическое основание ответственности при изменении юридической оценки. Различие механизмов исключает единое средство устранения всех квалификационных ошибок.

Исследовательская лакуна прослеживается в недостаточной интеграции этих направлений. Работы о смежных составах преимущественно сосредоточены на критериях разграничения; исследования вины юридического лица рассматривают конструкцию субъективной стороны; публикации о малозначительности анализируют пределы оценочного усмотрения; вопросы документирования образуют отдельный процессуальный блок. Их объединение обнаруживает зависимость, которая менее заметна при изолированном изучении: неопределенный нормативный признак повышает требования к фактической детализации, дефект детализации ограничивает доказательственную оценку, а недостаточность фактической основы сужает возможность судебной переквалификации. Перспективным направлением остается эмпирическая проверка этой связи на массиве отмененных и измененных постановлений с разделением причин отмены по типам квалификационных дефектов.

Предложенная классификация применима как аналитическая схема, она позволяет определить стадию возникновения проблемы и отделить нормативную конкуренцию от недостатка доказательств, оценочное усмотрение от ошибки в установлении элементов состава, допустимую переквалификацию от изменения фактического обвинения. Решение конкретного дела по-прежнему зависит от содержания применяемой нормы и установленных обстоятельств, однако разделение уровней позволяет точнее определить, какое именно звено правовой оценки требует коррекции.

Заключение

Нормативно-структурные проблемы возникают из смежности составов, конкуренции норм, оценочных признаков и изменения способов противоправного поведения; доказательственно-процессуальные связаны с полнотой установления и фиксации события; оценочно-интерпретационные проявляются при установлении вины юридического лица и малозначительности; судебно-корректирующие определяют допустимые пределы изменения первоначальной юридической оценки. Разделение этих уровней исключает сведение всех квалификационных ошибок к дефектам законодательной формулировки.

Смежные составы требуют установления конкретного дифференцирующего признака, вина юридического лица устанавливается через возможность соблюдения обязательного требования и исследование принятых организационных мер, что требует разграничивать виновность и объективную констатацию нарушения. Малозначительность сохраняет оценочный характер и предполагает мотивированное соотнесение конкретного деяния со степенью нарушения охраняемых отношений. Унификация этих процессов возможна прежде всего через последовательность юридической оценки и требования к ее обоснованию.

Ошибочный выбор статьи может быть исправлен, если фактическое основание ответственности определено полно и доказательства подтверждают признаки надлежащего состава в допустимых пределах переквалификации. Отсутствие юридически значимого обстоятельства в описании события не является равнозначной ошибкой: его восполнение способно изменить фактическое основание обвинения. Практически обоснованная квалификация предполагает последовательное установление события, проверку элементов состава, разграничение конкурирующих норм, самостоятельную оценку вины и иных оценочных признаков, после чего определяется допустимость судебного изменения правовой оценки.

Литература

1. Дугенец А. С., Канунникова Н.Г. Актуальные проблемы противодействия административным правонарушениям, совершаемым с использованием информационных технологий // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17, № 4. С. 23–29. DOI: 10.33693/2072-3164-2024-17-4-023-029.

2. Лашманова А.А. Актуальные вопросы соотношения и разграничения смежных составов административных правонарушений и преступлений // Развитие таможенного дела Российской Федерации: дальневосточный вектор. 2022. № 3. С. 119–125. DOI: 10.24412/cl-36450-2022-3-119-125.

3. Матюхина Т.И. Отграничение мелкого хищения от смежных преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 5. С. 93–95. DOI: 10.24412/2073-0454-2021-5-93-95.

4. Маюров Н. П., Иншакова Е.А., Маюров П.Н. Теоретико-правовые подходы к определению вины юридического лица при привлечении к административной ответственности: проблемы и пути решения // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 133–140. DOI: 10.24412/2073-0454-2023-3-133-140.

5. Назаренко Р. М. О разграничении составов административных правонарушений, предусмотренных частью 4 статьи 14.13 и статьей 14.14 КоАП РФ // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 2 (33). С. 20–24.

6. Ольшевская А. В., Попович О.М. Актуальные вопросы разграничения смежных составов административных правонарушений и преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 4. С. 211–214.

7. Пилявец С.В. Вина юридического лица в административном праве: постановка проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3. С. 96–104. DOI: 10.35750/2071-8284-2024-3-96-104.

8. Попов А. В., Фомина И.А. Понятие и критерии малозначительности совершенного административного правонарушения // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20, № 2. С. 132–144. DOI: 10.19073/2658-7602-2023-20-2-132-144.

9. Рыдченко К.Д. Псевдопроцессуальные формы документирования административно наказуемых информационных правонарушений // Проблемы правоохранительной деятельности. 2024. № 4 (58). С. 25–29. EDN: CHQSES.

10. Якимова Е. М., Иванова Л.А. Оценочные и четкие критерии разграничения преступлений и административных правонарушений // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13, № 8А. С. 106–111. DOI: 10.34670/AR.2023.20.58.014.

PROBLEMS OF CLASSIFICATION OF ADMINISTRATIVE OFFENSES: COMPLEXITIES IN COURT PRACTICE

Likhovenkov S.I.
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article examines the classification of administrative offenses in judicial practice, including distinguishing between related offenses, establishing the characteristics of the subject and guilt, applying evaluative categories, and correcting the initial legal assessment of the act. The relevance of this problem is determined by the fact that classification errors arise at the intersection of the normative structure of the offense, the established factual circumstances, and the procedural limits of judicial assessment. The purpose of this study is to systematize the causes of qualification difficulties and determine their impact on judicial resolution of cases. This study utilizes an analysis of scientific publications, comparative, classification, logical-analytical methods, and synthesis. The material comprises Russian-language studies from 2021–2024 on related offenses, the guilt of legal entities, insignificance, information offenses, and their documentation. Scientific novelty lies in the distinction between the normative-structural, evidentiary-procedural, evaluative-interpretive, and judicial-corrective levels of qualification issues. The dependence of the potential for judicial reclassification on the quality of the initial recording of the event is established. The results are applicable in developing uniform qualification guidelines and assessing the sufficiency of administrative case materials.

Keywords: administrative offense qualification, judicial practice, related offences, conflict of laws, legal entity culpability, insignificance, judicial reclassification, offense, proof, administrative liability.

References

1. Dugenets A. S., Kanunnikova N.G. Current Issues of Combating Administrative Offenses Committed with the Use of Information Technologies // Gaps in Russian Legislation. 2024. Vol. 17, No. 4. pp. 23–29. DOI: 10.33693/2072-3164-2024-17-4-023-029.

2. Lashmanova A.A. Current Issues of the Relationship and Distinction between Related Administrative Offenses and Crimes // Development of Customs Affairs of the Russian Federation: Far Eastern Vector. 2022. No. 3. pp. 119–125. DOI: 10.24412/cl-36450-2022-3-119-125.

3. Matyukhina, T. I., Distinguishing Petty Theft from Related Crimes // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 5. pp. 93–95. DOI: 10.24412/2073-0454-2021-5-93-95.

4. Mayurov, N. P., Inshakova, E. A., Mayurov, P. N., Theoretical and Legal Approaches to Determining the Guilt of a Legal Entity When Bringing to Administrative Liability: Problems and Solutions // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 3. pp. 133–140. DOI: 10.24412/2073-0454-2023-3-133-140.

5. Nazarenko, R. M. “On the Distinction between the Administrative Offenses Provided for in Part 4 of Article 14.13 and Article 14.14 of the Code of Administrative Offenses

of the Russian Federation" // Law and Order: History, Theory, Practice. 2022. No. 2 (33). pp. 20–24.

6. Olshevskaya, A. V., Popovich, O. M. "Current Issues of Distinction between Related Administrative Offenses and Crimes" // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 4. pp. 211–214.

7. Pilyavets, S. V. "The Guilt of a Legal Entity in Administrative Law: Statement of the Problem" // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 3. pp. 96–104. DOI: 10.35750/2071-8284-2024-3-96-104.

8. Popov A. V., Fomina I.A. Concept and Criteria of the Insignificance of an Administrative Offense Committed // Siberian Legal Review. 2023. Vol. 20, No. 2. pp. 132–144. DOI: 10.19073/2658-7602-2023-20-2-132-144.

9. Rydchenko K.D. Pseudo-procedural Forms of Documenting Administratively Punishable Information Offenses // Problems of Law Enforcement Activity. 2024. No. 4 (58). pp. 25–29. EDN: CHQSES.

10. Yakimova E. M., Ivanova L.A. Evaluative and clear criteria for distinguishing between crimes and administrative offenses // Issues of Russian and International Law. 2023. Vol. 13, No. 8A. Pp. 106–111. DOI: 10.34670/AR.2023.20.58.014.

Правовые аспекты обязательного внедрения цифрового рубля в предпринимательский оборот

Лоцик Борис Петрович,
магистрант, СПБУТУиЭ

В 2026 году внедрение цифрового рубля перешло из стадии концептуальных разработок в сферу практического применения. Интеграция третьей формы национальной валюты в коммерческий оборот формирует новые условия хозяйствования. И этим объясняется актуальность исследования. Бизнесу требуется последовательная адаптация учетных и кассовых процессов к нормам регулятора, сопряженная с юридическими издержками. В профильной литературе сохраняются терминологические и сущностные противоречия. Внимание исследователей сфокусировано, в основном, на макроэкономических эффектах. Между тем, прикладные вопросы (распределение ответственности между участниками расчетов, правовой статус смарт-контрактов и т.д.) остаются дискуссионными. Как представляется, возникает пробел между теорией и практическими потребностями ритейла. Цель заключается в анализе регуляторных барьеров, которые возникают при обязательном внедрении платформы ЦБ РФ в предпринимательскую деятельность, и разработке механизмов правовой защиты коммерсантов. Автор приходит к выводу, что отождествление нового инструментария с традиционными безналичными средствами не позволяет в полной мере разрешить возникающие правовые коллизии. Снижение эквайринговых комиссий способно нивелироваться сопутствующими затратами на комплаенс. Авторский вклад состоит в систематизации актуальных требований и обосновании конкретных законодательных инициатив. В частности, предложено закрепить презумпцию невиновности продавца при инфраструктурных сбоях государственной платформы; внедрить алгоритм автоматической конвертации средств в целях исключения кассовых разрывов при возврате товаров. Материалы статьи адресованы корпоративным юристам, риск-менеджерам, профильным специалистам, которые принимают участие в формировании государственной политики развития платежных систем.

Ключевые слова: административная ответственность, гражданское право, национальная платежная система, предпринимательский оборот, смарт-контракты, торговый оборот, финансовый суверенитет, цифровой рубль, эквайринг

Введение

На сегодняшний день российская финансовая система находится в фазе структурных преобразований. Это объясняется переходом от экспериментальных правовых режимов к полномасштабной эксплуатации цифровой валюты центрального банка (ЦВЦБ). Внедрение инновационного платежного средства перестало быть концептуальной идеей. Оно переместилось в плоскость жесткого правоприменения и повседневной корпоративной практики.

В контексте дискуссий, которые развернулись в научной среде, проблематика интеграции третьей формы национальной валюты неизменно занимает центральное место. Это вполне закономерно. По замечанию Р.И. Васияна, «…цифровой рубль не может рассматриваться только как технологическое явление. Его правовая сущность не исчерпывается формой цифрового кода, электронного кошелька либо специальной платформы. Он включен в имущественный оборот, служит средством платежа, исполнения денежных обязательств, … требует анализа, прежде всего, как юридической конструкции» [4].

Законодательный базис, заложенный принятием базовых нормативных актов три года назад, сформировал лишь первичный контур регулирования. Между тем, именно сейчас реальный сектор экономики сталкивается с необходимостью срочной адаптации своих операционных моделей к императивным государственным требованиям.

Как представляется, обязательный прием цифрового рубля розничными и оптовыми компаниями – это не рядовое технологическое обновление кассового оборудования. Речь идет о многогранном юридическом вызове. Он напрямую затрагивает фундаментальные основы договорного права, архитектуру защиты прав потребителей, перечень публично-правовых обязанностей коммерсантов. Видимо, стратегический замысел регулятора ориентирован на форсированное «обеление» рыночных транзакций, а также на серьезное снижение комиссионных издержек, которые традиционно ложились тяжелым бременем на ритейл. На основании отмеченного подчеркнем, что исследование юридических аспектов характеризуемого перехода приобретает научную и прикладную значимость.

Материалы и методы

Базой исследования послужили актуальные труды отечественных специалистов в области финансового и гражданского права, а также соответствующие нормативно-правовые акты и официальные разъяснительные материалы Банка России [3]. Выбор пула публикаций продиктован необходимостью многоаспектного осмысления проблемы (от макроэкономического значения инновации до микроуровня корпоративного комплаенса).

В частности, базовые вопросы правоспособности новой формы денег и обеспечения финансового суверенитета раскрываются в работах Е.В. Архангельской, О.В. Устимовой [2], И.Е. Виноградовой, О.А. Морозова [5], Г.В. Меняйло и Е.А. Белоцерковской [6]. Специфику гражданско-правового режима и особенности бюджетного регулирования предметно исследуют Р.И. Васиян [4], Р.Е. Артюхин [1]. Прикладные аспекты, которые касаются интеграции актива в розничные платежи, тонкостей бухгалтерского учета, защиты бизнеса от административных санкций, обобщены в публикациях А.Б. Тресницкого, Н.А. Качан, М.Г. Пьянковой [9], А. Пуляева [8]. Проблематика смарт-контрактов, неразрывно сопряженная с архитектурой платформы Центрального банка, подробно анализируется в статьях А.В. Павлюка, Е.А. Кирилловой [7], коллектива авторов под началом М.М. Колесниковой [10].

В данной статье автор стремится преодолеть излишнюю абстрактность, акцентируя внимание на прикладных барьерах и механизмах правовой защиты коммерсантов. Методологический аппарат работы выстроен на сочетании общенаучных и специальных юридических инструментов познания. Базовым послужил формально-юридический анализ. Он позволил провести экзегезу (толкование) обновленных положений профильного законодательства. В целях сопоставления традиционного карточного эквайринга и расчетов в цифровых рублях применялся сравнительно-правовой подход. С помощью него продемонстрировано смещение баланса рисков в сторону розничного сектора. Также задействованы синтез, обобщение.

Результаты и обсуждение

Доктринальное осмысление рассматриваемого феномена требует обращения к ключевым категориям отечественной цивилистики. Согласно изменениям, которые были внесены в статью 128 Гражданского кодекса РФ Федеральным законом от 24.07.2023 № 339-ФЗ, цифровые рубли официально отнесены к безналичным денежным средствам. Одновременно с этим, их оборот подчиняется специальным правилам. Они прописаны в Законе о национальной платежной системе. По-видимому, законодатель избрал консервативный путь. Вместо создания принципиально нового объекта гражданских прав была произведена модификация уже существующего режима безналичной ликвидности. Это логичный шаг. Благодаря ему предоставляется возможность избежать ломки устоявшихся судебных доктрин.

В качестве единственного оператора платформы де-юре и де-факто выступает Банк России. В сопоставлении с более ранними подходами, где расчеты осуществлялись через децентрализованную сеть корреспондентских счетов коммерческих банков, современная модель полностью монополизирует учетные функции. Кредитные организации теперь выполняют сугубо транзитную, инфраструктурную роль. Они лишь предоставляют пользовательский интерфейс для доступа к государственному реестру. В связи с этим отметим явное изменение субъектного состава финансовых правоотношений. Вся ответственность за сохранность актива и бесперебойность проведения операций возложена на мегарегулятора.

Впрочем, подобная моноцентричная конструкция порождает массу юридических неопределенностей. Что конкретно происходит в момент критического сбоя? Банк-эквайер с легкостью может сослаться на неполадки в программном «ядре» Центрального банка. Мегарегулятор способен указать на некорректную маршрутизацию запроса со стороны банковского шлюза. Ритейлер оказывается в информационном вакууме. Действующая редакция профильных нормативных актов остро нуждается в точечной детализации механизмов распределения солидарной ответственности между провайдерами услуг.

Август 2026 года стал «преддверием» масштабных перемен для всей розничной торговли. Новая редакция статьи 16.1 Закона РФ «О защите прав потребителей» жестко обязывает продавцов обеспечивать покупателям возможность оплаты товаров с использованием ЦВЦБ. Процесс носит строго поэтапный характер (см. таблицу 1). Подобная плавная градация продиктована объективной необходимостью технологической перенастройки кассового софта и внутренних бухгалтерских алгоритмов. Примечательно, что главным водоразделом для включения в периметр обязательных требований стал размер совокупной годовой выручки хозяйствующего субъекта. Крупные сетевые субъекты обладают достаточным запасом прочности для оперативной интеграции новых протоколов. Малый и средний бизнес получает требуемую временную «передышку» [8].

Таблица 1. Алгоритм внедрения обязательного приема цифрового рубля для торговых предприятий (составлено на основе [1, 5, 6, 8, 9])

Этап (дата)	Категория субъектов предпринимательства (критерий выручки)	Требования к обслуживающим банкам	Локальные исключения из общего правила
1 сентября 2026 г.	Организации с годовой выручкой за 2025 год свыше 120 млн руб.	Системно значимые кредитные организации (СЗКО)	Обособленные торговые точки с годовой выручкой менее 5 млн руб.
1 сентября 2027 г.	Компании с совокупной выручкой свыше 30 млн руб. в год	Все банки, которые обладают универсальной лицензией ЦБ РФ	Точки с доходом до 5 млн руб. или находящиеся вне зоны доступа к Сети
1 сентября 2028 г.	Предприятия с выручкой от 20 до 30 млн руб.	Все лицензированные участники рынка платежных услуг	Субъекты с совокупной выручкой менее 20 млн руб. полностью освобождены

Опираясь на приведенную информацию, укажем на дифференцированный подход государства к участникам рынка. Вероятно, такая матрица поможет сгладить макроэкономические шоки. Если крупный холдинг владеет небольшим павильоном в отдаленном районе, где годовой оборот не дотягивает до 5 млн руб., эта конкретная точка получает легальный «иммунитет» от требований регулятора. Это разумный баланс частных и публичных интересов.

В свою очередь, экономические стимулы также играют весьма значимую роль. Издержки на традиционный карточный эквайринг варьируются в диапазоне от 1,5% до 2,5%. Тариф за обработку платежей в национальной цифровой валюте зафиксирован на отметке 0,3% [3]. Снижение финансовой нагрузки очевидно. Однако юридическое администрирование описываемого процесса требует тотальной ревизии корпоративных политик. Как отмечают Е.В. Архангельская, О.В. Устимова, «…в основе экономического успеха проекта может лежать баланс следующих трех условий: бесшовное подключение торговли и понятная выгода при применении; управление риском оттока пассивов из банковской системы через определенные лимиты и стимулы; доверие общества, которое достигается прозрачными правилами доступа к данным, понятными правилами использования цифрового рубля, доказанной надежностью платформы» [2].

Внедрение нового инструментария прямым образом связано с коррективами налогового контроля. Изменения в Налоговом кодексе РФ наделили Федеральную налоговую службу полномочиями по взысканию задолженностей непосредственно с цифровых кошельков налогоплательщиков. По сути, фискальные органы получили инструмент абсолютного контроля. Если на расчетном счете предприятия недостаточно средств для погашения недоимки, ФНС вправе инициировать бесспорное списание цифровой ликвидности.

Административная ответственность за игнорирование новых правил также достаточно жесткая. Отказ в приеме платежа квалифицируется по ст. 14.8 КоАП РФ. Штрафные санкции для юридических лиц составляют от 30 до 50 тыс. руб. за каждый выявленный эпизод. Контролирующие органы могут использовать метод «контрольной закупки», что многократно повышает риски для ритейла. Предположительно, в первые месяцы действия закона правоприменительная практика будет носить жесткий, репрессивный характер (из соображений стимулирования дисциплины).

Интеграция третьей формы денег в правовой контур предприятия неизбежно обнажает ряд пробелов. Особые трудности на практике вызывает оформление возврата средств покупателю. По закону способ перевода денег должен строго совпадать с изначальной формой расчета. То есть, если человек оплатил покупку цифровыми рублями, магазин обязан перечислить их обратно на кошелек клиента в платформе Центробанка. Однако здесь возникает серьезная операционная проблема. Дело в том, что предприниматель имеет право сразу перевести полученную цифровую выручку на свой обычный расчетный счет в банке. В результате к моменту, когда покупатель приносит товар обратно, баланс цифрового кошелька продавца может оказаться нулевым. Отсутствие ликвидности в моменте приводит к нарушению десятидневного срока возврата, который установлен потребительским законодательством. Это автоматически влечет начисление пени и репутационные потери.

Отдельного внимания заслуживает статус смарт-контрактов. Архитектура платформы Банка России допускает маркирование платежей, превращая их в целевые транзакции. Для корпоративного сектора это открывает путь к созданию защищенных сделок, которые сопоставимы по надежности с банковским аккредитивом. Но какова гражданско-правовая природа смарт-контракта? Это самостоятельный договор или инновационный способ обеспечения исполнения обязательств? Точного ответа пока нет [7, 10].

Базис расчетных операций меняется существенно (таблица 2). Смещение вектора ответственности в сторону государственного института, с одной стороны, гарантирует надежность активов, но с другой – максимально усложняет для бизнеса досудебный порядок урегулирования технических споров. Судиться с мегарегулятором гораздо сложнее, чем с обычным обслуживающим банком.

Таблица 2. Сравнительный анализ правовых и экономических характеристик эквайринга и платформы цифрового рубля (составлено автором)

Параметр	Традиционный банковский эквайринг	ЦВЦБ
Основание расчетов	Соответствующий договор с коммерческим банком	Прямой договор счета с Банком России
Центр ответственности	Платежная система и конкретный банк-эквайер	Государство в лице мегарегулятора (ЦБ РФ)
Комиссионная нагрузка	Динамичная ставка (в среднем 1,5% – 2,5%)	Жестко фиксированная ставка (не более 0,3%)
Фиксация обязательства	Зачисление на расчетный счет коммерсанта	Запись о транзакции в реестре Центробанка
Механизм отзыва (чарджбэк)	Допускается оспаривание через арбитраж МПС	Полностью отсутствует (платеж безотзывный)

Далее необходимо изложить ряд конкретных предложений по оптимизации регуляторной среды.

Так, рекомендуется дополнить ст. 30.8 Закона № 161-ФЗ нормой, посредством которой закрепляется презумпция невиновности торгового предприятия в случае невозможности приема ЦВЦБ из-за

технических сбоев на стороне платформы. Назначение инициативы состоит в защите добросовестного бизнеса от необоснованного давления со стороны проверяющих органов. Суть нашего предложения – напрямую ограничить административную ответственность бизнеса (по ст. 14.8 КоАП РФ) в тех случаях, когда сбой произошел на стороне инфраструктуры и это подтверждено документально. Такая мера позволит закрыть правовой пробел, из-за которого сегодня предприниматели рискуют платить штрафы за чужие технологические ошибки.

Помимо этого, считаем необходимым разработать единый стандарт автоматического овердрафта (или бесшовной конвертации). Алгоритм должен работать так: если при возврате товара на цифровом кошельке продавца не хватает средств, система автоматически конвертирует нужную сумму с его обычного расчетного счета. Благодаря описываемому механизму полностью снимаются риски просрочек перед потребителями. Бизнес избавляется от ручного управления ликвидностью на платформе Центробанка.

Заключение

Обязательное внедрение цифрового рубля, стартующее в сентябре 2026 г., существенно меняет юридическую и экономическую архитектуру российского рынка. Значимость исследования выразилась в том, что мы не просто систематизировали разрозненные требования регулятора, но и выявили скрытые риски правоприменения, которые пока мало обсуждаются в научной среде. В отличие от ранних, более «мягких» концепций цифровой валюты, актуальная нормативная база демонстрирует жесткий курс государства на форсированную технологическую модернизацию бизнеса.

Анализ показал: нельзя решить все практические проблемы, просто приравняв цифровой рубль к безналичным деньгам в рамках Гражданского кодекса. Компании столкнутся с принципиально новыми вызовами. Им придется перестроить налоговую и бухгалтерскую политику, а также научиться работать напрямую с монопольным оператором – платформой ЦБ. При этом заявленная экономия на транзакционных комиссиях (до 0,3%) может легко перекрыться затратами на комплаенс, обновление ПО, штрафами за нарушение новых кассовых правил.

Предложенные в работе рекомендации могут быть напрямую использованы корпоративными юристами и риск-менеджерами для подготовки компаний к первой и второй волнам внедрения цифрового рубля. В свою очередь, инициативы по изменению Закона о национальной платежной системе предлагают законодателю конкретный путь для усовершенствования нормативной базы.

Разумно предположить, что жизнеспособность и эффективность цифрового рубля будут определяться не столько суровостью надзорных санкций, сколько способностью государства сформировать прозрачную, юридически безопасную, комфортную среду для коммерсантов. Национальная цифровая валюта – это не стандартный альтернативный платежный шлюз, а мощнейшая движущая сила эволюции всего гражданского, финансового, административного права современной России.

Литература

1. Артюхин, Р.Е. Бюджетно-правовое регулирование совершения операций с цифровым рублем / Р.Е. Артюхин // Актуальные проблемы российского права. – 2026. – Т. 21, № 1(182). – С. 61–67. – DOI 10.17803/1994–1471.2026.182.1.061–067. – EDN CLGXYY.

2. Архангельская, Е.В. Цифровой рубль в России: проблемы и перспективы / Е.В. Архангельская, О.В. Устимова // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2026. – Т. 5, № 4(169). – С. 125–131. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2026.04.05.013. – EDN PONDFJ.

3. Банк России. Цифровой рубль: что это такое и как им пользоваться // URL: https://www.cbr.ru/faq/dr/ (дата обращения: 30.08.2026).

4. Васиян, Р.И. Цифровой рубль как объект гражданских прав: вопросы правового регулирования экономической деятельности, связанной с цифровизацией рубля / Р.И. Васиян // Образование и право. – 2026. – № 4. – С. 740–745. – DOI 10.24412/2076–1503–2026–4–740–745. – EDN NENEGC.

5. Виноградова, И.Е. Цифровой рубль как инструмент финансового суверенитета / И.Е. Виноградова, О.А. Морозов // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2026. – № 1(91). – С. 133–139. – EDN ZSOHON.

6. Меняйло, Г.В. Будущее рубля в цифровую эпоху: цифровой рубль, криптовалюта и рублевый стейблкоин A7A5 / Г.В. Меняйло, Е.А. Белоцерковская // Современная экономика: проблемы и решения. – 2026. – № 1(193). – С. 39–50. – DOI 10.17308/meps/2078–9017/2026/1/39–50. – EDN TSGSMD.

7. Павлюк, А. В. К вопросу о гражданско-правовой классификации смарт-контрактов / А.В. Павлюк, Е.А. Кириллова // Российское право: образование, практика, наука. – 2025. – № 1(145). – С. 62–68. – DOI 10.34076/2410–2709–2025–145–1–62–68. – EDN NFYULG.

8. Пуляев, А. Обязательный цифровой рубль с 1 сентября 2026 года: правовая готовность бизнеса и защита от штрафов / А. Пуляев // URL: https://www.garant.ru/ia/opinion/author/anton-pulyaev/2164684/ (дата обращения: 30.08.2026).

9. Тресницкий, А.Б. Интеграция цифрового рубля в розничные платежи: правовой режим и отражение в бухгалтерском учете / А.Б. Тресницкий, Н.А. Качан, М.Г. Пьянкова // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2026. – № 2(117). – С. 58–65. – DOI 10.21295/2223–5639–2026–2–58–65. – EDN FSRLND.

10. Электронная форма сделок и смарт-контракт: специфика гражданско-правового регулирования и применения в договорной практике / М.М. Колесникова, Е.В. Максимова, Е.В. Мишина, А.Л. Саченко // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 2(189). – С. 213–215. – EDN HDCWPV.

LEGAL ASPECTS OF THE MANDATORY INTRODUCTION OF THE DIGITAL RUBLE INTO COMMERCIAL CIRCULATION

Lotsik B.P.

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

In 2026, the introduction of the digital ruble moved from the stage of conceptual development to the sphere of practical application. The integration of the third form of the national currency into commercial circulation creates new business conditions. This explains the relevance of the study. Businesses require consistent adaptation of accounting and cash processes to the regulator's standards, associated with legal costs. Terminological and substantive contradictions persist in the specialized literature. The attention of researchers is focused mainly on macroeconomic effects. Meanwhile, applied issues (distribution of responsibility between participants in settlements, legal status of smart contracts, etc.) remain debatable. It seems that a gap arises between theory and the practical needs of retail. The aim is to analyze the regulatory barriers that arise during the mandatory implementation of the Central Bank of the Russian Federation platform in entrepreneurial activity and to develop mechanisms for legal protection of merchants. The author comes to the conclusion that identifying the new tools with traditional non-cash means does not allow for the full resolution of emerging legal conflicts. The reduction of acquiring commissions may be offset by associated compliance costs. The author's contribution consists of systematizing current requirements and substantiating specific legislative initiatives. In particular, it is proposed to establish a presumption of innocence of the seller in the event of infrastructure failures of the state platform; to introduce an algorithm for automatic conversion of funds in order to eliminate cash gaps when returning goods. The materials of the article are addressed to corporate lawyers, risk managers, and specialized specialists involved in the formation of state policy for the development of payment systems.

Keywords: administrative liability, civil law, national payment system, commercial circulation, smart contracts, trade turnover, financial sovereignty, digital ruble, acquiring

References

1. Artyukhin, R.E. Budgetary and legal regulation of transactions with the digital ruble / R.E. Artyukhin // Current Problems of Russian Law. – 2026. – Vol. 21, No. 1(182). – Pp. 61–67. – DOI 10.17803/1994–1471.2026.182.1.061–067. – EDN CLGXYY.

2. Arkhangelskaya, E.V. The digital ruble in Russia: problems and prospects / E.V. Arkhangelskaya, O.V. Ustimova // Economics and Management: Problems, Solutions. – 2026. – Vol. 5, No. 4(169). – Pp. 125–131. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2026.04.05.013. – EDN PONDFJ.

3. Bank of Russia. Digital ruble: what it is and how to use it // URL: https://www.cbr.ru/faq/dr/ (accessed: 08/30/2026).

4. Vasyan, R.I. The digital ruble as an object of civil rights: issues of legal regulation of economic activity related to the digitalization of the ruble / R.I. Vasyan // Education and Law. – 2026. – No. 4. – Pp. 740–745. – DOI 10.24412/2076–1503–2026–4–740–745. – EDN NENEGC.

5. Vinogradova, I.E. The digital ruble as a tool of financial sovereignty / I.E. Vinogradova, O.A. Morozov // Innovative Economy: Prospects for Development and Improvement. – 2026. – No. 1(91). – Pp. 133–139. – EDN ZSOHON.

6. Menyailo, G.V. The future of the ruble in the digital era: digital ruble, cryptocurrency and the A7A5 ruble stablecoin / G.V. Menyailo, E.A. Belotserkovskaya // Modern Economics: Problems and Solutions. – 2026. – No. 1(193). – Pp. 39–50. – DOI 10.17308/meps/2078–9017/2026/1/39–50. – EDN TSGSMD.

7. Pavlyuk, A.V. On the issue of civil law classification of smart contracts / A.V. Pavlyuk, E.A. Kirillova // Russian Law: Education, Practice, Science. – 2025. – No. 1(145). – Pp. 62–68. – DOI 10.34076/2410–2709–2025–145–1–62–68. – EDN NFYULG.

8. Pulyaev, A. Mandatory digital ruble from September 1, 2026: legal readiness of business and protection from fines / A. Pulyaev // URL: https://www.garant.ru/ia/opinion/author/anton-pulyaev/2164684/ (accessed: 08/30/2026).

9. Tresnitsky, A.B. Integration of the digital ruble into retail payments: legal regime and reflection in accounting / A.B. Tresnitsky, N.A. Kachan, M.G. Pyankova // Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law. – 2026. – No. 2(117). – Pp. 58–65. – DOI 10.21295/2223–5639–2026–2–58–65. – EDN FSRLND.

10. Electronic form of transactions and smart contract: specifics of civil law regulation and application in contractual practice / M.M. Kolesnikova, E.V. Maksimova, E.V. Mishina, A.L. Sachenko // Eurasian Law Journal. – 2024. – No. 2(189). – Pp. 213–215. – EDN HDCWPV.

Лужков Дмитрий Александрович,
аспирант, II курс аспирантуры, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Ленинградской области «Гатчинский государственный университет»
E-mail: dluzhkov@yandex.ru

В представленной статье исследуется специфика конфискации имущества в случаях, предусмотренных законом, как безвозмездного изъятия у собственника имущества по решению суда в виде санкции за совершение преступления или иного правонарушения. Законодателем указано, что к лицу, признанному виновным в совершении преступления, наряду с наказанием, возможно применение иных мер уголовно-правового характера, отличающихся от наказания по своей правовой природе. Гражданский кодекс Российской Федерации является актом общего регулирования, поэтому, упоминая конфискацию имущества, отсылает к специальным нормам. Также в статье исследуются права сособственников имущества, подлежащего конфискации.

Ключевые слова: безвозмездное изъятие имущества, основание безвозмездного изъятия имущества, прекращение права собственности без компенсации, судебный порядок прекращения права собственности, подрыв экономического интереса в совершении деликта

Конфискация имущества согласно ст. 243 ГК РФ – это безвозмездное изъятие у собственника имущества по решению суда в виде санкции за совершение преступления.

Также в случаях, предусмотренных законом, конфискация может быть произведена в административном порядке. Таким образом, конфискация безусловно является одним из видов реализации административной ответственности. [1]

То есть безвозмездный характер изъятия составляет сущностную черту конфискации, отличая её от иных форм принудительного отчуждения имущества, таких как реквизиция или национализация, где предполагается равноценное возмещение. Государство, действуя через свои уполномоченные органы, принудительно и без какой-либо компенсации прекращает право собственности лица, совершившего противоправное деяние.

Это не просто гражданско-правовая мера, а публичный императив, интегрированный в частное право, поскольку к формам реализации уголовной ответственности, наряду с наказанием, относится применение мер, связанных с конфискацией имущества. [2]

С 2003 года конфискация применялась только в качестве дополнительного наказания, а с введением её как иной меры уголовно-правового характера появилась возможность самостоятельного применения. Так, в абз. 2 п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 года № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» в качестве примера приводится ситуация, в которой подсудимый освобождается от наказания по нереабилитирующим обстоятельствам, что не мешает суду применить к такому подсудимому конфискацию и изъять имущество, полученное в ходе совершения преступления.

Важно отметить, что в настоящее время формально конфискация не выступает как наказание в уголовном законодательстве, именно она в случае совершения преступления реализует цель наказания в виде восстановления социальной справедливости.

Между тем в отличие от уголовного в административном законодательстве конфискация сохранила свое место в качестве административного наказания.

При этом важнейшей гарантией от произвола органов исполнительной власти выступает фундаментальный принцип, закрепленный в ч. 1 ст. 243 ГК РФ, конфискация возможна исключительно в случаях, прямо предусмотренных законом. Никакие подзаконные акты, ведомственные инструкции или расширительное толкование не могут служить основанием для столь радикального вторжения в имущественную сферу гражданина или юридического лица. Перечень таких оснований носит исчерпывающий характер и содержится, прежде всего, в отраслевом законодательстве – Уголовном кодексе Российской Федерации и Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации.

Исторически эта конфискация восходит к давней традиции поражения в правах преступника, однако современное правовое государство облекает её в строгие процессуальные формы. Конфискация не может быть «голой» карой, лишенной причинно-следственной связи с деянием. Уголовно-правовая конфискация, детализированная в главе 15.1 УК РФ, при всей своей репрессивной природе нацелена на изъятие имущества, добытого преступным путем, орудий преступления, а также средств, предназначенных для финансирования терроризма, экстремизма или организованной преступной деятельности. Здесь проявляется дуалистическая природа меры: с одной стороны, это восстановление социальной справедливости путем лишения преступника незаконных благ, а с другой – превентивный удар по материальной базе криминалитета.

Конфискация имущества, как мера ответственности, является необходимой, поскольку общество должно знать, что государство противодействует преступности. Кроме того, преступник должен понимать, исходя из каких целей у него изымается имущество.

То есть конфискация имущества преследует главную цель противодействия преступной деятельности – это подрыв экономического интереса преступника. Без изъятия имущества, полученного преступным путем, невозможно оказать воздействие на правонарушителя, поскольку единственная цель экономической преступности – личное

обогащение. Если преступник будет уверен, что в результате привлечения его к ответственности он никаким образом не сможет сохранить незаконно полученное имущество, то теряется смысл совершения деликта.

Безусловно, могут быть названы и дополнительные специальные цели, которых законодатель достигает при применении этих правовых институтов, – восстановление социальной справедливости, неотвратимость привлечения к ответственности, предупреждение совершения новых преступлений, но главной целью остаётся подрыв экономического интереса в совершении преступления. [3]

Гражданский кодекс Российской Федерации, будучи актом общего регулирования, задаёт лишь контур этой санкции, отсылая к специальным нормам, которые и наполняют этот механизм конкретным юридическим содержанием. Процедура конфискации разворачивается исключительно в судебной плоскости. Административное или внесудебное изъятие имущества, даже если оно внешне и напоминает конфискацию, не может быть признано таковой по смыслу ст. 243 ГК РФ. Только вступившее в законную силу постановление суда, будь то приговор по уголовному делу или решение по делу об административном правонарушении, способно породить те необратимые последствия, которые влечет прекращение права собственности. До этого момента действует презумпция добропорядочности владения. Суд обязан не просто констатировать вину, но и установить прямую связь между конкретным имуществом и инкриминируемым деянием. Любые неточности в идентификации имущества, его принадлежности или его роли в правонарушении могут стать фатальным пороком для акта конфискации, и этот рубеж защищен многоуровневой системой обжалования.

При этом правовая доктрина и судебная практика проводят водораздел между конфискацией как санкцией за нарушение и иными механизмами безвозмездного изъятия в доход государства, например, в рамках противодействия легализации доходов или коррупционного законодательства. Последние часто развиваются в плоскости административного судопроизводства по искам прокуроров об обращении в доход государства имущества, в отношении которого не представлены доказательства законности его приобретения. Такие иски, при всей схожести конечного результата, базируются на иной правовой природе – на контроле за расходами публичных должностных лиц, а не на карательной реакции за конкретное уголовное преступление или административное правонарушение. В своём классическом понимании ст. 243 ГК РФ сохраняет свою привязку именно к персональной вине и конкретному составу правонарушения, что требует от правоприменителя высочайшей степени доказывания как объективной, так и субъективной стороны содеянного.

Пределы действия этой нормы очерчены также конституционными гарантиями права собственности и принципом соразмерности наказания. Конфискация не должна превращаться в инструмент экономического уничтожения личности, выходя за рамки, необходимые для достижения публично-правовых целей.

В точке пересечения публичного и частного права особую остроту приобретает вопрос о судьбе имущества, приобретенного совместно с третьими лицами, в том числе с членами семьи. Доля в общей собственности, оформленная на родственника, не становится автоматически иммунитетом от конфискации, однако бремя доказывания фиктивности такого владения ложится на обвинение. Суды, руководствуясь принципом добросовестности, вынуждены проводить тонкую грань между реально разделенным имуществом и попыткой вывести активы из-под удара санкции.

Эволюция судебной практики по делам о конфискации демонстрирует движение в сторону дифференциации подходов в зависимости от категории имущества. Особую сложность представляют ситуации с общей собственностью супругов, где конфискация доли лица, совершившего правонарушение, сталкивается с правом добросовестного супруга на часть совместно нажитого имущества. Само по себе нахождение имущества в совместной собственности супругов не препятствует применению конфискации имущества либо его доли, принадлежащей виновному. При этом добросовестный супруг не лишен возможности обратиться с требованиями о выделе доли в совместном имуществе для обращения на взыскания. (Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 09 ноября 2023 № 12-УДП23–8-К6).

Нередко на стыке частного и публичного права возникает и проблема конфискации имущества, переданного третьим лицам. Если вещь, добытая преступным путем или использованная как орудие, была отчуждена до вступления приговора в силу, возникает коллизия защиты добросовестного приобретателя и публичного интереса, так как ст. 302 ГК РФ об истребовании имущества из чужого незаконного владения вступает в противоречие с уголовно-процессуальными механизмами конфискации. Судебная практика разрешает этот конфликт в пользу государства, исходя из того, что сам по себе факт отчуждения не может погасить публично-правовую обязанность изъятия, однако добросовестность приобретателя может служить основанием для возмещения ему стоимости изъятого за счет казны, что создаёт дополнительный финансовый стимул для государства к быстрому наложению ареста.

Также невозможно игнорировать международные правоотношения. В данном случае конфискация в гражданско-правовом порядке эффективна, в частности, в силу того, что субъектом может выступать юридическое лицо и присущей цивилистическому праву презумпции вины. Именно в рамках гражданско-правовых отношений осуществляется изъятие имущества в зарубежных государствах посредством предъявления иска in rem (иска к имуществу), предполагающего обязанность его владельца доказать законность его обладания (приобретения). [4] Однако трансграничное перемещение преступных активов требует механизмов взаимного признания судебных решений, и здесь конфискация сталкивается с юрисдикционными барьерами. Институт признания иностранных приговоров, имплементированный в процессуальные кодексы, действует лишь при соблюдении принципа взаимности и незыблемости основ национального правопорядка, что делает каждое такое дело уникальной правовой коллизией, требующей системного анализа.

Наконец, современная практика выработала механизм «конфискации в натуре» при невозможности изъятия оригинала. Если орудие уничтожено или вывезено за рубеж, суд вправе взыскать денежный эквивалент его стоимости с осуждённого. Такой подход расширяет восстановительный потенциал конфискации, сохраняя приверженность карательному по своему духу принципу лишения преступника всех плодов его противоправной деятельности. Однако на эффективности анализируемой нормы негативно сказывается тот факт, что невыплата денежных средств, выступивших предметом конфискации согласно ст. 104.2 УК РФ, не влечет для лица никаких негативных правовых последствий, в связи с чем следует отметить необходимость соответствующих законодательных корректировок. [5]

Правовая судьба конфискованного объекта не завершается актом изъятия. Возникает комплекс вопросов о его дальнейшем использовании: обращение в доход государства, передача потерпевшему в счет возмещения ущерба или уничтожение. Законодатель вводит приоритет реституции над фискальным интересом, что подчеркивает восстановительную функцию меры.

Таким образом, гражданско-правовая конструкция конфискации, будучи формально простой, на деле требует от правоприменителя филигранной работы с материальными и процессуальными нормами смежных отраслей. Она является лакмусовой бумажкой состояния правовой системы в целом, демонстрируя способность государства одновременно защищать права собственности и эффективно бороться с экономическими и коррупционными преступлениями. Дальнейшее совершенствование этого института видится в направлении большей детализации оснований и процедур, а также в усилении роли гражданского общества в противодействии потенциальным злоупотреблениям и необоснованному расширению пределов конфискации. Только соблюдение тонкого баланса между карательной мощью государства и незыблемостью частной собственности может гарантировать справедливость этого сурового, но необходимого правового инструмента.

Литература

1. Русскова М.А., Степенко В.Е. Меры административной ответственности за правонарушения в сфере рыболовства // Административное право и процесс. 2022. № 1. С. 77.

2. Бархатова Е.Н. Доктринальные вопросы уголовной ответственности в российском уголовном праве // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8. С. 130.

3. Голоманчук Э.В., Орлова Е.Р., Попов К.А. К вопросу о понятиях конфискации и обращения в доход государства как основаниях для прекращения права собственности // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024, № 10. С. 77.

4. Маслов В.А. Конфискация имущества: российский и зарубежный опыт применения // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 10. С. 118.

5. Вакутин А.А., Карпова О.В. Проблемы исполнения конфискации имущества // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 3. С. 20.

THE CONFISCATION OF PROPERTY

Luzhkov D.A.
Gatchina State University

This article examines the specifics of property confiscation in cases prescribed by law – defined as the uncompensated seizure of property from its owner by court order as a sanction for committing a crime or other offense. Legislation stipulates that, in addition to a criminal penalty, other measures of a criminal-law nature –distinct from penalties in their legal essence – may be applied to a person found guilty of a crime. As the Civil Code of the Russian Federation serves as a general regulatory act, its provisions regarding property confiscation refer to specific statutory norms. The article also analyzes the rights of co-owners of property subject to confiscation.

Keywords: non-reimbursable seizure of property, grounds for non-reimbursable seizure of property, termination of ownership rights without compensation, judicial procedure for the termination of ownership rights, undermining the economic interest in committing a tort

References

1. Ruskova M.A., Stepenko V.E. Measures of administrative responsibility for offenses in the field of fishing // Administrative law and process. 2022. No. 1. P. 77.

2. Barkhatova E.N. Doctrinal issues of criminal liability in Russian criminal law // Current problems of Russian law. 2019. No. 8. P. 130.

3. Golomanchuk E.V., Orlova E.R., Popov K.A. On the issue of the concepts of confiscation and conversion to state income as grounds for termination of property rights // Property relations in the Russian Federation. 2024, No. 10. P. 77.

4. Maslov V.A. Confiscation of property: Russian and foreign experience of application // Current problems of Russian law. 2024. No. 10. P. 118.

5. Vakutin A.A., Karpova O.V. Problems of execution of confiscation of property // Bulletin of the Belgorod Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. 2022. No. 3. P. 20.

Расторжение договора купли-продажи доли: исторический анализ судебной практики

Новиков Алексей Викторович,
выпускник Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
E-mail: alex.novikov2912@gmail.com

В статье будет проанализировано изменение судебной практики относительно возможности расторжения договора купли-продажи доли в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью (далее – ООО) в связи с его частичной оплатой, несвоевременной оплатой или неоплатой в принципе. Автором также будут рассмотрены иные способы защиты прав продавца, в том числе возврат переданной доли в уставном капитале ООО. Помимо этого, в статье будут проанализированы способы защиты прав продавца в ситуации, когда после заключения договора купли-продажи доли в ООО, покупатель произвел отчуждение части доли третьему лицу, что, в свою очередь, порождает риск невозможности возврата продавца в положение, существовавшее до заключения договора, и, соответственно, восстановления корпоративного контроля.
В статье также будет разрешен спор между коллизионными нормами ГК РФ и АПК РФ об установлении претензионного порядка разрешения спора о расторжении договора купли-продажи доли в уставном капитале ООО.
Также с целью минимизации рисков продавца автором будут предложены превентивные меры, направленные на защиту прав и законных интересов последнего.

Ключевые слова: доля в уставном капитале, договор купли-продажи доли, частичная оплата, несвоевременная оплата, неоплата по договору купли-продажи доли, уменьшение размера доли, расторжение договора купли-продажи доли, восстановление корпоративного контроля, взыскание задолженности по договору.

Введение

В судебной практике нередко возникают споры о расторжении договора купли-продажи доли в уставном капитале ООО в связи с тем, что покупатель не произвел оплату по договору либо произвел частичную оплату. Арбитражные суды, рассматривая данные споры, до сих пор придерживаются разных позиций: одни – расторгают договор купли-продажи доли в уставном капитале ООО, другие – отказывают в удовлетворении требований. Существование приведенных двух альтернативных позиций вызвано непостоянством разъяснений ВАС РФ.

Позиция арбитражных судов до 2014 года

Так, до 2014 года в судебной практике господствовала позиция, согласно которой неоплата по договору купли-продажи доли в уставном капитале ООО не являлось существенным нарушением такого договора по смыслу п. 2 ст. 450 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), а потому в требовании о расторжении договора суды отказывали [1]. Отсутствие своевременной оплаты по договору также не влекло его расторжение согласно ст. 450 ГК РФ, более того, данный порок сделки можно было исцелить путем внесения денежных средств на депозитный счет нотариуса или суда [2, 3].

Альтернативным способом защиты прав, к которому прибегали продавцы для восстановления утраченного ими корпоративного контроля при условии неоплаты покупателем договорной цены, являлся возврат переданной доли в уставном капитале ООО со ссылкой либо на п. 3 ст. 488 ГК РФ (при полном отсутствии оплаты по договору), либо на п. 2 ст. 489 ГК РФ (при наличии частичной оплаты по договору).

Однако арбитражные суды также относились к таким искам скептически, указывая, что доля в уставном капитале ООО не является вещью (товаром), а представляет собой способ закрепления за лицом определенного объема имущественных и неимущественных прав и обязанностей, поэтому положения ст.ст. 488, 489 ГК РФ не могут быть применимы [4]:

«Суд первой инстанции сделал правильный вывод, основанный на системном толковании положений ст.ст. 454, 128 ГК РФ и ст. 21 ФЗ от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», о том, что из характеристики такого особого объекта гражданских прав, как доля в уставном капитале общества, вытекает невозможность применения положений о возврате неоплаченного товара, предусмотренных п. 3 ст. 488 ГК РФ, при наличии действующего договора купли-продажи».

Следовательно, продолжительный период времени арбитражные суды отказывали в восстановлении корпоративного контроля как путем расторжения договора, так и путем возврата переданной доли в уставном капитале ООО. Единственным способом защиты прав продавца являлось взыскание с покупателя договорной цены и процентов за неправомерное пользование денежными средствами.

Правовое положение продавцов начало понемногу улучшаться в 2010-ых годах, когда Президиум ВАС РФ высказывает позицию, что доля в уставном капитале ООО все-таки может быть возвращена на основании п. 2 ст. 489 ГК РФ [5]:

«Доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью входит в состав такой группы объектов гражданских прав, как иное имущество, к которому ст. 128 ГК РФ относит в числе прочего имущественные права.

Согласно п. 4 ст. 454 Гражданского кодекса положения, предусмотренные параграфом первым главы 30 Кодекса (ст.ст. 454–491), применяются к продаже имущественных прав, если иное не вытекает из содержания или характера этих прав. <…>

Специфика доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью как предмета сделки не исключает возможности применения к договорам купли-продажи доли (части доли) названных положений ГК РФ».

Следовательно, ВАС РФ, не исключая применения ст.ст. 488, 489 ГК РФ, в свою очередь, ответил и на вопрос о том, как быть если договор купли-продажи доли в уставном капитале ООО частично исполнен. Если покупателем заплачено менее половины договорной цены, то продавец может потребовать возврата доли, если более – то нет (п. 2 ст. 489 ГК РФ).

Тем не менее окончательную точку по вопросу восстановления продавцом корпоративного контроля ВАС РФ поставил лишь в 2014 году.

Позиция арбитражных судов после 2014 года

Президиум ВАС РФ в 2014 году, изучая надзорную жалобу по схожему к ранее им рассмотренному делу, отменяет судебный акт суда кассационной инстанции и оставляет в силе акты судов первой и апелляционной инстанций [6]. Президиум ВАС РФ отмечает, что в силу ст. 450 ГК РФ основанием для расторжения договора является существенное его нарушение одной стороной, которое влечет для другой стороны такой ущерб, что она в значительной степени лишается того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора.

Следовательно, неоплата покупной цены по договору купли-продажи доли в ООО является существенным нарушением такого договора, что может повлечь его расторжение в судебном порядке и признание за продавцом права собственности на долю, т.к. в ином случае продавец просто бы дарил долю покупателю.

Именно данный вывод ВАС РФ был воспринят судебной практикой и является доминирующим на текущий момент при рассмотрении аналогичных дел [7, 8, 9].

Тем не менее арбитражным судам иногда приходится столкнуться с более сложными и нетривиальными ситуациями, например, когда покупатель не оплатил договорную цену или оплатил её частично, но сразу после заключения договора произвел отчуждение части, принадлежащей ему доли, третьему добросовестному лицу. Например, согласно договору купли-продажи доли в ООО продавец передал, а покупатель приобрел долю в размере 70% и обязался оплатить договорную цену в размере 1 млн рублей в течение 6 месяцев. Однако уже до оплаты по договору (т.е. в течение 6 месяцев) покупатель произвел отчуждение части доли в размере 35% третьему лицу. В последующем покупатель так и не оплатил договорную цену.

В сложившейся ситуации продавец безусловно может требовать расторжения договора купли-продажи доли в ООО со ссылкой на ст. 450 ГК РФ, но лишен права требовать признания за ним права собственности на долю в размере 70%, т.к. покупатель не может передать ему больше прав, чем есть у него на данный момент. Предъявлять требования к третьему лицу также бесперспективно, если он конечно же являлся добросовестным лицом и не действовал с покупателем сообща.

Следовательно, продавец может потребовать признания права собственности только в той части доли, которая есть у покупателя на данный момент (т.е. 35%), в остальной части покупатель может требовать возмещения денежных средств согласно договору и убытков, если последние возникли.

Так, в п.п. 6–6.1 постановления Пленума ВАС РФ от 06.06.2014 № 35 «О последствиях расторжения договора» указано, что:

«Если основанием для расторжения договора послужило нарушение договора стороной, получившей по нему имущество в собственность, то сторона, нарушившая договор и обязанная вернуть имущество, должна компенсировать всякие, в том числе случайные, недостачу или ухудшение имущества применительно к п. 1 ст. 405 ГК РФ. При невозможности возврата имущества в натуре сторона, нарушившая договор, обязана возместить другой стороне его стоимость по цене, указанной в расторгнутом договоре».

Таким образом, в рассматриваемом примере арбитражный суд должен вынести следующее решение: расторгнуть договор купли-продажи доли в ООО, признать за продавцом право собственности на долю в размере 35%, взыскать с покупателя покупную цену по договору в размере 500 тыс. рублей [10, 11].

Претензионной порядок

С одной стороны, согласно ч. 1 ст. 225.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) споры, связанные с принадлежностью долей в уставном ООО относятся к корпоративным спорам. Спор с участием гражданина, вытекающий из договора купли-продажи доли в уставном капитале ООО, может являться корпоративным и подлежит рассмотрению арбитражным судом при условии, что его предметом является установление принадлежности доли, ее обременение или реализация вытекающих из нее прав [12, 13].

В соответствии с абз. 4 ч. 5 ст. 4 АПК РФ соблюдение досудебного порядка урегулирования спора не требуется по делам по корпоративным спорам.

С другой стороны, в силу п. 2 ст. 452 ГК РФ требование о расторжении договора купли-продажи доли может быть заявлено только после получение отказа другой стороны в тридцатидневный срок.

Следовательно, в спорах о расторжении договора купли-продажи доли между положениями ГК РФ и АПК РФ возникает противоречие относительно необходимости соблюдения претензионного порядка. После анализа судебных актов по данной категории споров можно сделать вывод, что для минимизации рисков оставления требований без рассмотрения, до обращения в арбитражный суд целесообразно направить соответствующую претензию.

Превентивные меры

Последним аспектом настоящей статьи, на который хотелось бы обратить внимание, это комплекс превентивных мер, направленных на защиту прав продавцов при заключении договоров купли-продажи доли в уставном капитале ООО.

Так, в соответствующий договор логично включать следующие пункты:

1) С момента государственной регистрации права собственности покупателя на долю и до момента полной оплаты доля в уставном капитале ООО находится в залоге у продавца.

2) Покупатель не имеет права отчуждать долю или ее часть без письменного согласия продавца, обременять ее, заключать иные сделки, связанные с распоряжением доли, до момента полной оплаты. Продавец в случае нарушения данного договорного условия вправе в одностороннем порядке расторгнуть договор и потребовать возмещения убытков.

Вполне вероятно, что включение данных условий в договор не «спасет» продавца от неправомерного внесения изменений в ЕГРЮЛ, т.к. регистрирующий орган проверяет лишь полноту представленных документов и правильность их заполнения, а не законность совершаемых действий. Тем не менее в указанной ситуации продавец получит еще несколько действенных и более быстрых способов защиты своих прав, будь то оспаривание решения регистрирующего органа в административном (п. 1 ст. 25.2, п. 2 ст. 25.3 ФЗ от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей») и/или в судебном порядке (ст. 198 АПК РФ).

Выводы

Таким образом, после многолетних перипетий суды сошлись на том, что договор купли-продажи доли может быть расторгнут в связи с отсутствием оплаты со стороны покупателя. Договор также может быть расторгнут в связи с его частичной оплатой в размере менее 50% от покупной цены (данный вывод делается по аналогии с п. 2 ст. 489 ГК РФ).

Переход доли от покупателя к третьему лицу не является основанием для отказа в расторжении договора, в сложившейся ситуации покупатель будет обязан передать часть принадлежащей ему доли, а в остальной части – уплатить продавцу договорную цену пропорционально установленному размеру.

Включение в договор купли-продажи доли условий о залоге доли или о запрете ей распоряжаться до момента полной оплаты гарантирует продавцу защиту его прав и интересов.

Литература

1. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 14.01.2009 по делу № А79–3326/2008 // СПС «КонсультантПлюс»;
2. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 14.01.2009 по делу № А79–3326/2008 // СПС «КонсультантПлюс»;
3. Постановление ФАС Поволжского округа от 23.04.2012 по делу № А55–8359/2011 // СПС «КонсультантПлюс»;
4. постановление ФАС Северо-Западного округа от 18.07.2012 по делу № А44–1125/2011 // СПС «КонсультантПлюс»;
5. Постановление Президиума ВАС РФ № 5950/11 от 11.10.2011 по делу № А40–66193/2010 // СПС «КонсультантПлюс»;
6. Постановление Президиума ВАС РФ от 10.06.2014 № 1999/14 по делу № А40–43310/2013 // СПС «КонсультантПлюс»;
7. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 09.07.2019 № Ф05–10443/2019 по делу № А41–59860/2017 // СПС «КонсультантПлюс»;
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 05.04.2018 № Ф05–2933/2018 по делу № А41–23439/2017 // СПС «КонсультантПлюс»;
9. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 28.08.2019 № 09АП-41717/2019-ГК по делу № А40–77587/2019 // СПС «КонсультантПлюс»;
10. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 09.07.2019 № Ф05–10443/2019 по делу № А41–59860/2017 // СПС «КонсультантПлюс»;
11. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 28.08.2019 № 09АП-41717/2019-ГК по делу № А40–77587/2019 // СПС «КонсультантПлюс»;

12. Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 06.02.2018 № 5-КГ17–218 // СПС «КонсультантПлюс»;
13. Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 22.05.2018 № 5-КГ18–94 // СПС «КонсультантПлюс».

TERMINATION OF A PARTICIPATION INTEREST SALE AND PURCHASE AGREEMENT: A HISTORICAL ANALYSIS OF JUDICIAL PRACTICE

Novikov A.V.
Lomonosov Moscow State University

This article analyzes changes in judicial practice concerning the possibility of terminating an agreement for the sale and purchase of a participation interest in the charter capital of a limited liability company (LLC) on the grounds of partial payment, late payment, or complete non-payment of the purchase price. The author also examines alternative remedies available to the seller, including the recovery of the transferred participation interest in the charter capital of the LLC.
In addition, the article considers the remedies available to the seller where, following the conclusion of an agreement for the sale and purchase of a participation interest in an LLC, the buyer has transferred part of that interest to a third party. Such a transfer may create a risk that the seller cannot be restored to the position existing prior to the conclusion of the agreement and, consequently, cannot regain corporate control.
The article also addresses the inconsistency between the relevant provisions of the Civil Code of the Russian Federation and the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation concerning the requirement to comply with a mandatory pre-trial procedure before bringing a claim for termination of an agreement for the sale and purchase of a participation interest in the charter capital of an LLC.
Furthermore, with a view to minimizing the seller's risks, the author proposes preventive measures aimed at protecting the seller's rights and legitimate interests.

Keywords: participation interest in the charter capital, agreement for the sale and purchase of a participation interest, partial payment, late payment, non-payment under a participation interest sale and purchase agreement, reduction of a participation interest, termination of a participation interest sale and purchase agreement, restoration of corporate control, recovery of outstanding amounts under the agreement.

References

1. Resolution of the FAC of the Volga-Vyatka District dated 14.01.2009 in case No. A79–3326/2008 // Legal Reference System «ConsultantPlus»;
2. Resolution of the FAC of the Volga-Vyatka District dated 14.01.2009 in case No. A79–3326/2008 // Legal Reference System «ConsultantPlus»;
3. Resolution of the FAC of the Volga District dated 23.04.2012 in case No. A55–8359/2011 // Legal Reference System «ConsultantPlus»;
4. Resolution of the FAC of the North-Western District dated 07.18.2012 in case No. A44–1125/2011 // Legal Reference System «ConsultantPlus»;
5. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 5950/11 dated 10.11.2011 in case No. A40–66193/2010 // Legal Reference System «ConsultantPlus»;
6. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 10.06.2014 No. 1999/14 in case No. A40–43310/2013 // Legal Reference System «ConsultantPlus»;
7. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 09.07.2019 No. F05–10443/2019 in case No. A41–59860/2017 // Legal Reference System «ConsultantPlus»;
8. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 05.04.2018 No. F05–2933/2018 in case No. A41–23439/2017 // Legal Reference System «ConsultantPlus»;
9. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated 28.08.2019 No. 09AP-41717/2019-CC in case No. A40–77587/2019 // Legal Reference System «ConsultantPlus»;
10. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 09.07.2019 No. F05–10443/2019 in case No. A41–59860/2017 // Legal Reference System «ConsultantPlus»;
11. Resolution of the Ninth Arbitration Appeal Court dated 28.08.2019 No. 09AP-41717/2019-GK in case No. A40–77587/2019 // Legal Reference System «ConsultantPlus»;
12. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06.06.2018 No. 5-KG17–218 // Legal Reference System «ConsultantPlus»;
13. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 22.05.2018 No. 5-KG18–94 // Legal Reference System «ConsultantPlus».

Особенности доказывания юридических фактов при разрешении дел о признании гражданина недееспособным

Корнилова Наталья Викторовна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Дальневосточного филиала, ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»
E-mail: n_kornilva@mail.ru

Орлова Ирина Витальевна,
старший преподаватель высшей школы теории права и частного права, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет имени М.П. Даниловского»
E-mail: 013098@pnu.edu.ru

В статье рассматриваются вопросы доказывания юридических фактов, образующих предмет доказывания в делах о признании граждан недееспособными. Анализируя примеры судебной практики, авторы анализируют ряд дискуссионных вопросов: о возможности суда не принимать во внимание выводы судебно-психиатрической экспертизы, если ему очевидно, что гражданин понимает значение своих действий и/или может ими руководить без помощи других лиц, о роли юридической позиции гражданина, в отношении которого заявлено требование. В статье обосновано предложение о необходимости назначения судом повторной судебно-психиатрической экспертизы в условиях наличия «противоречивых» доказательств и определённых обстоятельств.

Ключевые слова: юридический факт; судебное доказательство; гражданская дееспособность; особое производство; предмет доказывания; суд общей юрисдикции.

Ежегодно суды общей юрисдикции рассматривают большое количество гражданских дел о признании граждан недееспособными, и заявленные требования преимущественно удовлетворяются. Участие авторов настоящей статьи в судебных заседаниях по рассмотрению дел этой категории позволило выявить некоторые особенности доказывания юридических фактов, имеющих значение для разрешения дела по существу, и дискуссионные моменты правоприменительной практики. Рассмотрим некоторые из них.

Как следует из ст. 22, п. 1 ст. 29 ГК РФ, гражданин может быть лишён дееспособности только судом в порядке, предусмотренном ГПК РФ. Основные юридические факты, подлежащие установлению судом при рассмотрении таких дел – наличие у гражданина психического расстройства, неспособность в связи с наличием этого заболевания понимать значение своих действий или руководить ими либо руководить ими лишь при помощи других лиц. В соответствии с п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» вопрос о признании гражданина, страдающего психическим расстройством, недееспособным или ограниченно дееспособным следует решать с учётом степени нарушения его способности понимать значение своих действий или руководить ими. Соответственно, степень нарушения такой способности тоже должна устанавливаться судом наряду с перечисленными ранее юридическими фактами. Также не менее важно установить обстоятельства, свидетельствующие о наличии спора о праве и о мотивах обращения заявителей с вышеуказанными заявлениями в суды общей юрисдикции.

Очевидно, что суд не является специалистом в области психиатрии, поэтому законодатель предусмотрел в ст. 283 ГПК РФ необходимость назначения судебно-психиатрической экспертизы для определения психического состояния гражданина. Ранее перечисленные факты не могут быть установлены без данного доказательства[1]. Как отмечал М.К. Треушников, прямое указание закона на необходимость использования определённого средства доказывания конкретного юридического факта означает допустимость доказательств с позитивным содержанием [3 с. 135–147].

Однако согласно ч. 2 ст. 67 ГПК РФ ни одно доказательство не имеет для суда заранее установленной силы. Рассматривая дела данной категории, суду необходимо наряду с заключением эксперта исследовать и другие доказательства в их совокупности. И в условиях, когда иные доказательства не подтверждают выводы, изложенные в судебной экспертизе, возникает вопрос о том, может ли суд самостоятельно, игнорируя мнение эксперта, установить наличие или отсутствие фактов, имеющих значение для разрешения дела по существу. Рассмотрим известные автору настоящей статьи примеры судебной практики.

1) В 2023 году Кировский районный суд г. Хабаровска рассмотрел гражданское дело по заявлению сына (медицинского работника) о признании матери недееспособной. Гражданка Г. в силу преклонного возраста имела проблемы с памятью. Неврологом поликлиники ей был поставлен диагноз «дисциркулярная энцифалопатия; органическое поражение головного мозга дисцикуляторного генезиса с умеренными когнитивно-мнестическими и эмоционально-волевыми нарушениями». В психиатрическом медицинском учреждении на учёте она не состояла, инвалидности не имела. После смерти супруга женщина стала утрачивать способность ходить и на день обращения в суд с заявлением о признании её недееспособной она преимущественно лежала и нуждалась в посторонней помощи по уходу.

Согласно результатам первичной судебной психиатрической экспертизы гражданка страдала психическим расстройством в форме органического поражения головного мозга дисциркулярного генеза. Это привело к социально-бытовой дезадаптации, а степень психических расстройств была столь глубока, что по своему состоянию женщина не могла понимать значение своих действий и руководить ими.

Судебное разбирательство проводилось в квартире гражданки. В ходе опроса Г. вела себя адекватно, правильно отвечала на все во-

[1] Обзор судебной практики по применению законодательства, регулирующего назначение и проведение экспертизы по гражданским делам // утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.12.2011 года.

просы, заданные судом, из её поведения следовало, что она понимала значение своих действий. Суду она объяснила, что поскольку не может ходить, то согласна с тем, чтобы её признали недееспособной, по причине недуга она самостоятельно не может получать пенсию, оплачивать коммунальные услуги и ухаживать за собой. Также гражданка рассказала суду о том, что экспертиза проходила формально, ей задали лишь несколько вопросов непосредственно в автомобиле возле медицинского учреждения, где должно было состояться собеседование с судебными экспертами. В судебном заседании женщина плакала, отмечая, что судебный процесс для неё унизителен, но в сложившейся безвыходной ситуации она вынуждена согласиться с требованием заявителя. Последний подтвердил, что обратился в суд с вышеуказанным заявлением, поскольку мать не могла самостоятельно себя обслуживать в быту.

Суду и другим участвующим в деле лицам было очевидно, что гражданка понимает значение своих действий без помощи других лиц. Однако суд принял решение об удовлетворении требований заявителя, основываясь исключительно на заключении судебно-психиатрической экспертизы и на признании заинтересованного лица. Решение вступило в законную силу.

2) В другом деле Железнодорожный районный суд г. Хабаровска принял судебное решение по гражданскому делу об удовлетворении заявления Министерства социальной защиты Хабаровского края о признании гражданки М. недееспособной.

В течение года, предшествовавшего обращению в суд с данным заявлением, гражданка два раза помещалась в психиатрическое учреждение по вызову знакомого, она была поставлена на учёт с диагнозом «хроническое психическое расстройство в форме шизофрении параноидной». В период её нахождения в медицинском учреждении знакомый сообщил в орган опеки о состоянии гражданки, и был инициирован процесс признания её недееспособной.

Через два дня после выписки М. из психиатрической больницы состоялось выездное судебное заседание во дворе её дома. Ни суд, ни другие участники процесса не задавали ей вопросов, направленных на установление способности понимать значение своих действий и руководить ими. У неё только спросили, согласна ли она с удовлетворением требований заявителя о признании её недееспособной. Гражданка М. возразила, заявив, что, несмотря на диагноз, понимает значение своих действий и может ими руководить без посторонней помощи. Назначенные препараты принимает, состояние удовлетворительное. Поскольку для гражданки процесс был неожиданным, она не имела возможности предоставить какие-либо документы в обоснование своей позиции, либо убедить суд в своей адекватности.

Суд принял решение, основываясь на заключении судебно-психиатрической экспертизы, а также объяснениях заявителя и заинтересованного лица (знакомого гражданки).

В заключении комиссии судебно-психиатрических экспертов было указано, что у подэкспертной степень психических нарушений выражена столь грубо, что она по своему психическому состоянию не может понимать значение своих действий и руководить ими, принимать участие в судебном заседании, самостоятельно осуществлять защиту своих прав в суде, лично распоряжаться своими процессуальными правами и поручать ведение дела судебному представителю. Тем не менее, гражданка совершила доверенность в отношении представителя, удостоверенную нотариусом, инициировала обжалование судебного решения в суд апелляционной инстанции и представила дополнительные доказательства, свидетельствующие о том, что несмотря на имеющийся диагноз она понимает значение своих действий. В частности, она дала адекватные, объективные объяснения по делу, ею были представлены документы, подтверждающие факты самостоятельного получения пенсионных денежных средств в отделении банка по предъявлении паспорта, покупки продуктов питания и других товаров, оплаты коммунальных услуг, посещения лечебных и других учреждений, организаций и общественных мест (например, визиты к врачам, покупка медицинских препаратов, обращение в МФЦ за получением выписок из ЕГРН о зарегистрированных правах на недвижимое имущество и т.п.). Также она представила выписной эпикриз из медицинской карты больного, выданный за два дня, предшествующих судебному разбирательству, где содержалось описание её неврологического и психического статусов, гражданка выписана в удовлетворительном состоянии, проходит медикаментозное лечение. Суд апелляционной инстанции принял эти письменные доказательства, признав наличие уважительной причины, препятствовавшей их представлению суду первой инстанции.

Побеседовав с гражданкой, изучив её документы суд, тем не менее, оставил решение суда первой инстанции без изменения, а апелляционную жалобу – без удовлетворения. Как и в предыдущем примере, суды полагались исключительно на заключение судебно-психиатрической экспертизы.

Оба примера судебной практики интересны не только тем, что судебно-психиатрическая экспертиза стала приоритетной при установлении фактов, входящих в предмет доказывания, но и присутствием в материалах гражданских дел доказательств, не подтверждающих выводы судебных экспертов, а также наличием противоположных позиций заинтересованных лиц (граждан, в отношении которых рассматривался вопрос о признании их недееспособными). Соответственно, возникает ряд вопросов, требующих разрешения. В частности, может ли суд не принять во внимание выводы судебно-психиатрической экспертизы, если ему очевидно, что гражданин понимает значение своих действий и/или может ими руководить без помощи других лиц? Играет ли роль юридическая позиция гражданина, в отношении которого заявлено требование?

Представляется, на первый вопрос следует дать положительный ответ. В судебной практике можно найти незначительное количество подобных примеров, и позиция судов видится верной[1]. Во-первых, согласно ч. 2 ст. 67 ГПК РФ ни одно доказательство не имеет для суда заранее установленной силы. Рассматривая дела данной категории суду необходимо также исследовать и другие доказательства в их совокупности. Во-вторых, в отличие от судебного эксперта суд обладает возможностью исследовать и оценить иные доказательства (показания свидетелей, видео или аудиозаписи, объяснения заинтересованных лиц и т.д.), прямо или косвенно опровергающие факты, установленные в результате проведения судебной экспертизы. Кроме того, как отмечается в научных источниках, установление интеллектуального и волевого компонентов не требует специальных познаний, основывается на знаниях и опыте из области общей психологии (аналогично тому, как эти же компоненты устанавливаются при определении формы вины и вида неосторожности), поэтому суд может эти вопросы решить самостоятельно [1 с. 4–6].

Однако, полагаем, что в подобных ситуациях, когда имеются «противоречивые» доказательства, суды должны назначать повторную судебно-психиатрическую экспертизу на основании части 2 ст. 87 ГПК РФ. Это особенно важно в случае, если гражданин возражает относительно удовлетворения требований. Законодатель предоставил суду возможность назначить экспертизу по собственной инициативе даже при отсутствии соответствующего ходатайства заинтересованных лиц (ст. 79 ГПК РФ). Эту возможность нужно использовать по двум причинам. Во-первых, суд примет меры по получению необходимого доказательства, предусмотренного ст. 283 ГПК РФ. Во-вторых, преследуя цель установить наличие или отсутствие у гражданина способности понимать значение своих действий или руководить ими, суд будет действовать в интересах последнего. Ведь психическое расстройство может носить временный характер, и лицо может быть лишено возможности к самостоятельным действиям только в определённые промежутки времени, либо наоборот, гражданин может участвовать в судебном процессе в период ремиссии, а в иное время – не обходиться без помощи других лиц. Как отмечал Европейский суд по правам человека, само по себе наличие диагноза психического расстройства без адекватной информации о его проявлениях и влиянии на жизнь заявителя не может быть основанием для установления лицу статуса полной недееспособности[2].

Исключение (когда суд в рассматриваемой ситуации может не назначать повторную экспертизу) допустимо при наличии доказательств, подтверждающих наличие спора о праве и/или о корыстных юридических мотивах обращения в суд заявителей с такими заявлениями.

В свете вышеизложенного, видится спорным предложение некоторых учёных использовать искусственный интеллект при рассмотрении дел этой категории. Свою позицию они обосновывают тем, что значимые для дела обстоятельства (наличие (или отсутствие) психического заболевания и его степень) подтверждены определённым, предусмотренным законом, средством доказывания, поэтому решение суда можно считать с вероятностью предсказуемым при наличии результатов судебно-психиатрической экспертизы [2 с. 36–37]. Приведённые в настоящей статье примеры судебной практики свидетельствуют об обратном.

[1] Справка по результатам изучения практики рассмотрения дел об ограничении дееспособности граждан, признании гражданина недееспособным, о принудительной госпитализации в психиатрический стационар, принудительном психиатрическом освидетельствовании // Сайт Саратовского областного суда (http://oblsud.sar.sudrf)

[2] Постановление ЕСПЧ от 27 марта 2008 г. «Дело «Штукатуров (Shtukaturov) против Российской Федерации» (жалоба № 44009/05) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2009. № 2.

Литература

1. Божченко А.П. К вопросу о пределах компетенции врачей-психиатров при производстве судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертиз // Медицинское право. – 2024. – № 2. – С. 2–6.

2. Соседова М.В. Возможность применения искусственного интеллекта при рассмотрении отдельных гражданских дел: предсказанное правосудие // Арбитражный и гражданский процесс. – 2020. – № 5. – С. 32–37.

3. Треушников М.К. Судебные доказательства. – М.: Городец, 2004. – С. 135–147.

FEATURES OF PROVING LEGAL FACTS IN CASES INVOLVING THE DECLARATION OF A CITIZEN AS LEGALLY INCAPACITATED

Kornilova N.V., Orlova I.V.
Far eastern branch «Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev», Pacific State University named after M.P. Danilovsky

The article addresses the issues of proving legal facts that form the subject of proof in cases concerning the declaration of citizens as incapacitated. By analyzing examples from judicial practice, the authors examine a number of controversial issues: the possibility for a court to disregard the conclusions of a forensic psychiatric examination if it is evident to the court that the citizen understands the significance of their actions and/or is able to govern them without assistance from other persons; and the role of the legal position of the citizen against whom the claim has been filed. The article substantiates the proposal that the court should order a repeat forensic psychiatric examination when there are "conflicting" pieces of evidence and certain circumstances are present.

Keywords: legal fact; judicial evidence; civil legal capacity; special proceedings; subject of proof; court of general jurisdiction.

References

1. Bozhchenko A.P. On the Limits of Psychiatrists' Competence in Conducting Forensic Medical and Forensic Psychiatric Examinations // Medical Law. – 2024. – No. 2. – pp. 2–6.

2. Sosedova M.V. The Possibility of Using Artificial Intelligence in Considering Individual Civil Cases: Predicted Justice // Arbitration and Civil Procedure. – 2020. – No. 5. – pp. 32–37.

3. Treushnikov M.K. Forensic Evidence. – Moscow: Gorodets, 2004. – pp. 135–147.

«Цифровое правотворчество» в понятийно-категориальном аппарате юридической науки

Романов Михаил Андреевич,
аспирант, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
E-mail: romanov.law33@yandex.ru

В статье анализируется концепт цифрового правотворчества в понятийно-категориальном аппарате правовой науки. Автор подчеркивает необходимость дальнейшей адаптации правовой системы к изменяющимся условиям внешней среды. Особое внимание уделяется разграничению таких смежных, по мнению автора, категорий, как электронное и цифровое правотворчество. Предложена дефиниция цифрового правотворчества. Выделены уровни глубины интеграции цифровых технологий в процедуру создания норм права.

Ключевые слова: цифровизация, цифровое правотворчество, цифровая трансформация, электронное правотворчество.

Цифровая трансформация общественных отношений влечет необходимость адаптации правовой системы к новой реальности. На современном этапе развития правовой системы происходит цифровизация права (использование новых цифровых технологий для оптимизации правоотношений). Цифровая революция влияет на поведение человека, социальные нормы. В условиях цифровой экономики и развивающегося виртуального пространства необходимость нового взгляда на правовые институты в эпоху информационного общества и цифровых технологий, последовательной адаптации традиционных правовых механизмов к новым реалиям очевидна. Дальнейшее развитие правового регулировании возможно в рамках парадигмальной модели «цифровизации» традиционного права.

Современные технологии уже используются в юридической практике, позволяя оптимизировать социально-правовые процессы и делать их более эффективными. Создаваемые инновации позволяют оптимизировать рутинные правовые процедуры, автоматизировать типовые правотворческие и правоприменительные операции, в конечном итоге, дают возможность юристам уделять больше времени качеству проектов правоприменительных актов, законопроектов, поправок, и всего спектра юридических документов.

Новые технологии находят свое применение и в процессе создания норм права (правотворчества), и в процесс их применения. Особый исследовательский и прикладной интерес составляет использование цифровых технологий в правотворчестве.

Отметим, что сама по себе идея использования цифровых технологий в правотворчестве не нова. Например, еще в СССР был составлен Свод законов СССР с помощью автоматизированной системы на ЭВМ «Риалите-2000» (удостоен серебряной медали ВДНХ) [1]. Л.Ф. Апт, имеющей опыт как научной, так и практической работы в аппарате парламента, был составлен и опубликованы словари понятий и определений, что стало новым направлением по применению информационных технологий в праве» [1].

Еще в 2015 году Т.Я. Хабриева отмечала, что «правотворчество – это, безусловно, удел правоведов, но оно будет успешным лишь при условии использования новейших знаний, в том числе экономики, социологии, истории, политологии» [6]. Нельзя не согласиться с правоведом: налицо необходимость осмысленного сближения права и «цифры».

Развитие доктринальных положений, образующих теорию правотворчества, в настоящее время связано с исследованием конвергенции правовых и цифровых технологий. В настоящее время в теоретико-правовой науке формируется концепция цифрового правотворчества. В данной статье мы проанализируем данный концепт.

Известно, что правотворчество – многозначное понятие. В литературе предлагаются различные интерпретации данного концепта. Не вдаваясь в теоретико-правовую дискуссию о терминах, отметим, что под правотворчеством мы понимаем:

– *завершающий этап правообразования,*

– *разновидность нормотворчества,*

– *специфическую деятельность специально управомоченных государственных органов по поддержанию в актуальном состоянии нормативно-правовой системы путем создания и (или) санкционирования норм права, их изменения и отмены.*

Из этого определения следует, что правотворчество и нормотворчество соотносятся как род и вид. В процессе правотворчества (правового нормотворчества) создаются правовые нормы, являющиеся частью системы соционормативного регулирования (к другим таким нормам относятся нормы морали, религии, этики, эстетики и проч.).

Для характеристики цифрового правотворчества важно уяснить сущность лексемы «цифровой». Для этого сопоставим цифровой со смежными категориями. В этой связи Определенную практическую и гносеологическую значимость представляет разграничение «цифрового правотворчества» и «электронного правотворчества».

Нередко в гуманитарных и социальных исследованиях отождествляются понятия «цифровой» и «электронный». Проблему терминологической неопределенности усугубляет то обстоятельства, что в настоящее время слово «цифровой» используется для характеристики практических любых феноменов, связанных с применением Интернета.

С семантической точки зрения, электронный – связанный с аппаратурой, работающей от электричества (что противопоставляется механике). Иными словами, электроника имеет отношение к части технологий. В настоящее время слово электронный выступает контекстуальным синонимом слова «сетевой» – электронным называют и те взаимодействия, которые осуществляются через Интернет (например, электронная торговля, электронный бюджет и проч.).

«Цифровой» – это характеристика передачи информации посредством цифровых сигналов. Цифровой, таким образом, противопоставление аналоговому.

Электронное правотворчество связано с формированием электронного документооборота, доступа к электронным версиям проектов нормативных правовых актов и принятым нормативным правовым актам. Тогда как цифровое правотворчество представляет собой новую форму организации правотворчества, которая характеризуется тем, что цифровые технологии интегрированы в каждую стадию. Цифровизация сущностно, содержательно меняет природу правотворчества. Как отмечают С.Б. Поляков, И.А. Гилиев, «цифровизация изменяет и принципы, и правила, и этапы, и процесс нормотворчества, преобразуя юридическую технологию в правовой инжиниринг» [4].

С одной стороны, семантическая неточность в употреблении терминов – адекватная ситуация для исследований, которые проводятся не в рамках технических наук. С другой стороны, согласно принципам юридической техники, термины, имеющие правовое значение, должны однозначно использоваться и пониматься. Как справедливо отмечал В.В. Мамчун, «неопределенность выступает рискогенным фактором как в научно-исследовательской деятельности, так и в юридическом образовании, а в конечном итоге в юридической практике» [3].

Таким образом, считаем нецелесообразным отождествлять данные понятия. Цифровое правотворчество – это одна из форм правотворчества, характеризующаяся следующими признаками:

– цифровые технологии интегрированы в содержание каждого этапа (стадии) правотворческой деятельности;

– цифровое правотворчество связано с цифровым сотворчеством:

– итогом цифрового правотворчества является цифровой нормативный правовой акт (в том числе – цифровой закон);

– цифровое правотворчество осуществляется на основе принципов, имеющих как социальную, так и техническую природу;

– целями применения и использования цифровых технологий в правотворчестве должны выступать оптимизация правотворческого процесса; сокращение издержек; совершенствование юридико-технической и содержательной сторон проекта нормативного правового акта (акта-результата правотворчества).

С учетом сказанного, считаем верной следующую дефиницию цифрового правотворчества: основанная на широком и многостороннем использовании цифровых технологий деятельность специально управомоченных органов, направленная на поддержание в актуальном состоянии системы права путем создания, изменения, отмены правовых норм в форме цифровых нормативных правовых актов, базирующаяся на принципах, имеющих социальную и техническую природу.

В правовой доктрине «цифровое правотворчество» квалифицировалось как одно из звеньев системы «умного регулирования», основанного на том, что внимание регулятора сосредоточено не на норме как таковой, а на требующей решения проблеме [5].

Можно сказать, что цифровое правотворчество иллюстрирует конвергенцию антропогенного и техногенного в праве – человеко-машинное взаимодействие.

С.Б. Поляков, И.А. Гилиев выражают определенный скепсис относительно современного состояния внедрения современных технологий в правотворческую деятельность, отмечая, что «IT-специалисты из интереса к бюджетным деньгам, но без понимания целей и задач правотворчества и правоприменения предлагают приспособить известные технологии электронного документооборота к работе юрисдикционных органов либо разрабатывают проекты, оторванные от содержания юридической деятельности» [4].

По степени (уровню) глубины интеграции цифровых технологий в правотворческую деятельность можно выделить:

– автоматизированное правотворчество (субъект правоворчества может использовать отдельные ИКТ-инструменты);

– правотворчество, поддерживаемое технологиями искусственного интеллекта;

– автономное цифровое правотворчество (на данный момент, гипотетическая модель).

Для иллюстрации сущности цифрового правотворчества, приведем некоторые примеры использования цифровых технологий в правотворческих процедурах, тем более в связи со стремительным развитием технологий органы власти всех стран ищут жизнеспособные и эффективные альтернативы тем технологиям, которые уже устарели.

В настоящее время цифровые технологии используются в целях оптимизации правотворческого процесса, его оптимального ускорения (все меньше времени уходит на процедуры согласования проектов нормативных правовых актов); сокращения издержек; совершенствования юридико-технической и содержательной сторон проекта нормативного правового акта (акта-результата правотворчества). Современные технологии могут быть полезны для мониторинга гражданских правотворческих инициатив, что может быть применимо в планировании законопроектной работы.

Социальные сети, а также достижения в области поиска и искусственного интеллекта меняют то, как граждане потребляют информацию. Имея это в виду, органы законодательной власти активно используют возможности, которые позволяют сделать законодательную власть более доступной для большего числа людей, обеспечивают открытость и прозрачность с помощью веб-сайтов, мобильных приложений, интернет-ресурсов. В основе такого подхода лежит эффективное управление информацией с соблюдением передовых методов обеспечения кибербезопасности. По мнению Т.Я. Хабриевой, с которым нельзя не согласиться, это позволяет «определить общественные настроения» [6].

Особенное значение машиночитаемые форматы законов и иных нормативных правовых актов имеют в таких отраслях, как законодательство о сельском хозяйстве, промышленности, дорожном движении – то есть тех сфер, правоприменение в которых может быть достаточно легко автоматизировано.

Одним из проявлений электронного правотворчества является то, что деятельность депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ (и деятельность членов некоторых законодательных органов власти субъектов РФ) можно отследить в Интернет-пространстве [2].

В этой связи следует поддержать тезис о том, что цифровые продукты могут существенно упростить работу законотворцев. Полагаем, данный подход с учетом существующего уровня развития технологий обоснован. Мы не выступаем апологетами замены человека как субъекта правотворчества системами искусственного интеллекта и другими цифровыми технологиями. Можно привести следующие аргументы нашей позиции:

– правотворчество в целом и изъявление правотворческой инициативы, в частности, – это деятельность, носящая волевой характер, воля и сознание – это характеристики личности;

– субъект правотворчества «с естественным интеллектом» реагирует на актуальные изменения социо-политической ситуации, прогнозирует их дальнейшие изменения, что не всегда возможно в условиях тотального использования моделей искусственного интеллекта;

– модели искусственного интеллекта имеют ряд ограничений в их деятельности («предвзятость» принимаемых решений; необъяснимость механизма работы (проблема «черного ящика»)), которые при их бесконтрольном использовании могут привести к принятию нерациональных, несправедливых правотворческих решений.

Таким образом, цифровое правотворчество есть закономерный этап развития правотворчества, возникновение которого обусловлено всеобщей технологической трансформацией общественных отношений. Внедрение цифровых технологий в различные этапы правотворческой деятельности меняет суть правотворчества.

Сущность цифрового правотворчества заключается в автоматизации правотворческих процессов путём интеграции цифровых технологий в механизм правотворчества с сохранением контроля за принятием итогового решения человеком – субъектом правотворчества.

Высокая интенсивность общественной жизни, динамизм социальных процессов требуют быстрой реакции субъектов законодательного процесса, что уже невозможно обеспечить без использования цифровых технологий. Как было отмечено в статье, цифровые технологии могут сыграть ключевую роль в выявлении общественных настроений, обработке массива правоприменительной информации, созданию текстов проектов нормативных правовых актов и их экспертизе.

Вместе с тем последствия внедрения ИИ и других технологий в правотворчестве в известной степени дуалистичны, так как возникают риски для кибербезопасности, конфиденциальности, качестве законопроектов.

Важно дальше разрабатывать теорию правового правотворчества (как частную теорию общей теории государства и права) в части обеспечения прозрачности всех этапов правотворческого процесса. Особое значение внедрения этой технологии заключается в минимизации рисков и субъективного фактора при разработке законопроектов.

Полагаем, дальнейшего исследования требуют такие аспекты темы, как: проблемы использования новейших технологий для автоматизации работы правовой системы, потенциальные перспективы внедрения искусственного интеллекта в законотворческую деятельность, анализ положительных и отрицательных свойств их интеграции в правотворческий процесс. Особое внимание следует уделить проблеме изменению юридико-технического арсенала «цифрового правотворчества». Необходима дальнейшая адаптация правовой системы к изменяющимся условиям внешней среды.

Литература

1. Апт Л.Ф. Информационная культура и правотворческая техника // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 329–335.

2. Лолаева А.С. Современные информационные технологии в деятельности Государственной Думы в контексте электронного государства и электронной демократии // Конституционное и муниципальное право. 2022. N 3. С. 32–36.

3. Мамчун В.В. Проблема соотношения понятий правотворчества и нормотворчества // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 1(50). – С. 176–182.

4. Поляков С.Б., Гилев И.А. Слова и дела «цифровизации права» // Российский юридический журнал. 2023. N 1. С. 85–96.

5. Пономаренко А.А. Правотворчество органов государственной власти в условиях цифровизации: цели, задачи и принципы / А.А. Пономаренко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74), № 3. – С. 83–89.

6. Хабриева Т.Я. Современное правотворчество и задачи юридической науки // Журнал российского права. 2015. № 8 (224). С. 5–13.

"DIGITAL LAW-MAKING" IN THE CONCEPTUAL AND CATEGORICAL FRAMEWORK OF LEGAL SCIENCE

Romanov M.A.
Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov

The article analyzes the concept of digital lawmaking within the conceptual and categorical framework of legal science. The author emphasizes the need for further adaptation of the legal system to the changing conditions of the external environment. Special attention is paid to distinguishing between such related categories, in the author's opinion, as electronic and digital lawmaking. A definition of digital lawmaking is proposed. The levels of depth of integration of digital technologies into the procedure for creating legal norms are identified.

Keywords: Digitalization, digital law-making, digital transformation, electronic law-making.

References

1. Apt L.F. Information Culture and Law-Making Technique // Legal Technique. 2016. No. 10. Pp. 329–335.

2. Lolaeva A.S. Modern Information Technologies in the Activities of the State Duma in the Context of the Electronic State and Electronic Democracy // Constitutional and Municipal Law. 2022. No. 3. Pp. 32–36.

1. Mamchun, V.V. The Problem of the Relationship between the Concepts of Lawmaking and Rule-Making / V.V. Mamchun // Bulletin of the Vladimir Law Institute. – 2019. – No. 1(50). – Pp. 176–182.

4. Polyakov S.B., Gilev I.A. Words and Deeds of the "Digitalization of Law" // Russian Law Journal. 2023. No. 1. Pp. 85–96.

5. Ponomarenko A.A. Lawmaking by state authorities in the context of digitalization: goals, objectives, and principles / A.A. Ponomarenko // Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal Sciences. – 2022. – Vol. 8 (74), No. 3. – Pp. 83–89.

6. Khabrieva T. Ya. Modern Lawmaking and the Tasks of Legal Science // Journal of Russian Law. 2015

Электронные средства платежа как инструмент совершения мошенничества: криминологический и правовой анализ

Смоляр Максим Борисович,
аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин и правоохранительной деятельности, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
E-mail: 3533537@mail.ru

Предмет статьи образуют криминологические механизмы использования электронных средств платежа при совершении мошенничества и уголовно-правовые проблемы квалификации соответствующих деяний. Распространение дистанционных платежных операций изменяет способы завладения денежными средствами: технический доступ к платежной инфраструктуре сочетается с социальной инженерией, получением платежных реквизитов и вовлечением третьих лиц в перевод и последующее движение похищенных средств. Цель исследования состоит в установлении функциональной роли электронных средств платежа в механизме мошенничества и определении оснований его уголовно-правового разграничения со смежными посягательствами. Использованы анализ научных публикаций, сравнительный, классификационный и логико-аналитический методы, обобщение и синтез. Материал составили русскоязычные юридические и криминологические исследования 2022–2026 гг., посвященные квалификации цифровых хищений, социальной инженерии, виктимизации, уголовной ответственности и неправомерному обороту средств платежей. Научная новизна состоит в разграничении криминологической, уголовно-правовой и инфраструктурной функций электронного средства платежа. Результаты применимы при квалификации дистанционных хищений и разработке мер их предупреждения.

Ключевые слова: электронные средства платежа, мошенничество, дистанционное хищение, кибермошенничество, социальная инженерия, цифровая виктимизация, банковский счет, дропперство, квалификация преступлений, уголовная ответственность.

Введение

Электронное средство платежа включено одновременно в легальную инфраструктуру безналичного оборота и в механизм преступного воздействия на имущественные отношения. Дистанционный характер платежной операции устраняет потребность в физическом контакте с потерпевшим или предметом хищения, а доступ к счету, платежным реквизитам и средствам подтверждения операции может быть получен через обман самого пользователя. Возникает криминологически значимое сочетание технологической среды и поведенческого воздействия: защищенность программного и банковского контура не исключает совершения хищения, если лицо под влиянием социальной инженерии раскрывает конфиденциальные сведения либо самостоятельно выполняет требуемую преступником операцию. Параллельно развивается инфраструктура передачи электронных средств платежа и доступа к ним лицам, обеспечивающим движение денежных средств в интересах организаторов преступных схем.

Уголовно-правовая оценка таких действий осложняется тем, что использование одной платежной технологии не формирует единого механизма хищения. Статья 159.3 УК РФ устанавливает ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежа, однако электронные денежные средства и банковские счета фигурируют также при разграничении мошенничества с кражей и преступлениями в сфере компьютерной информации. Дополнение в 2025 г. статьи 187 УК РФ специальными составами, охватывающими передачу электронного средства платежа или доступа к нему и неправомерные операции с использованием таких средств, расширило уголовно-правовое воздействие на платежную инфраструктуру преступных схем. Правовая роль электронной платежной технологии поэтому определяется способом завладения денежными средствами, поведением потерпевшего и функцией конкретного участника.

Цель исследования – установить функциональную роль электронных средств платежа в механизме мошенничества и определить криминологические и уголовно-правовые основания разграничения связанных с ними преступных действий. Для достижения цели решаются три задачи:

1) систематизировать криминологические механизмы использования электронных средств платежа с учетом социальной инженерии и цифровой виктимизации;

2) сопоставить уголовно-правовые подходы к квалификации хищений, совершаемых посредством электронных средств платежа, включая соотношение статьи 159.3 УК РФ со смежными составами;

3) определить направления правового и виктимологического противодействия, соответствующие распределенному характеру современных мошеннических схем.

Научная новизна выражается в рассмотрении электронного средства платежа через различающиеся функции в структуре преступного поведения. На криминологическом уровне оно обеспечивает дистанционное распоряжение денежными средствами и становится точкой приложения социальной инженерии; на уголовно-правовом уровне его использование получает значение в совокупности со способом хищения, на инфраструктурном уровне средство платежа или доступ к нему может передаваться и использоваться другими участниками преступной цепочки.

Материалы и методы

Источниковую основу составили современные исследования уголовно-правовых и криминологических аспектов преступлений, связанных с электронными платежами. И.Р. Аминов и И.В. Голубев [1] рассматривают детерминанты мошенничества с использованием электронных средств платежа, причины соответствующей преступности и характеристики киберпреступного поведения. А.В. Бачиева и Т.О. Бозиев [2] исследуют уголовно-правовую и криминалистическую характеристики таких посягательств, включая способы совершения и обстоятельства, подлежащие установлению. Проблемы разграничения кражи и мошенничества при использовании информационно-телекоммуникационных технологий анализируют Л.Ю. Буданова, О.П. Александрова и Л.Ю. Голикова [3], предлагая объединительную модель уголовно-правового

регулирования хищений с применением электронных средств платежа. Виктимологический механизм социальной инженерии раскрыт Ю.М. Графовой [4] через психологическое воздействие, получение конфиденциальных банковских данных и последующее совершение финансовых операций. И.С. Леонтьев [5] анализирует криминализацию дропперства после дополнения статьи 187 УК РФ, уделяя внимание возрасту ответственности, малозначительности и основаниям освобождения от нее. В.А. Лютов [6], сопоставляя российское и китайское регулирование, исследует дифференциацию наказания за мошенничество с использованием электронных средств платежа. Е.С. Палий [7] связывает развитие дистанционного мошенничества с deepfake-технологиями, персонализацией социальной инженерии и цифровой виктимизацией. Д.В. Сафонова [8] обосновывает социальную обусловленность уголовной ответственности за мошенничество с использованием электронных средств платежа. С.Н. Ущекин [9] сопоставляет российские и зарубежные подходы к регулированию цифровых хищений и выявляет проблемы разграничения смежных составов, а Н.Р. Шевко и М.А. Лукина [10] рассматривают распространенные модели кибермошенничества, уязвимости защиты данных и использование социальной инженерии для получения доступа к пользовательским ресурсам.

Методы исследования включали анализ научных публикаций для выделения уголовно-правовых и криминологических характеристик электронного платежного мошенничества, сравнительный анализ для разграничения доктринальных подходов и смежных составов преступлений, классификацию функций электронных средств платежа в преступном механизме, логико-аналитический анализ взаимосвязи способа хищения и поведения потерпевшего, обобщение профилактических положений и синтез полученных результатов в единую модель правовой оценки и предупреждения дистанционных посягательств.

Результаты

Электронное средство платежа не образует самостоятельный криминологический механизм мошенничества вне совокупности действий, посредством которых преступник получает возможность распорядиться чужими денежными средствами. Уголовно-правовая и криминалистическая характеристики, рассмотренные А.В. Бачиевой и Т.О. Бозиевым, связывают исследуемую категорию преступлений со способом их совершения и обстоятельствами, требующими установления в процессе расследования [2]. С.Н. Ущекин помещает хищения с использованием электронных средств платежа в более широкий ряд деяний, охватываемых п. «г» ч. 3 ст. 158, ст. 159.3 и ст. 159.6 УК РФ, одновременно фиксируя трудности разграничения этих норм [9]. Электронная платежная технология в такой системе выступает переменным элементом: она может обеспечивать исполнение распоряжения потерпевшего, использоваться виновным после получения доступа либо входить в более сложный цифровой способ воздействия на имущественные отношения. Поэтому наличие банковской карты, приложения, электронного кошелька или иного платежного инструмента в фактических обстоятельствах деяния еще не определяет форму хищения; юридически значимым остается механизм перехода контроля над денежными средствами.

Криминологическое содержание исследуемых посягательств заметно изменяется в тех случаях, когда преступнику не требуется технически преодолевать защиту платежной системы. Социальная инженерия переносит основное воздействие на пользователя, от которого получают данные либо добиваются действий, создающих возможность распоряжения денежными средствами. Ю.М. Графова описывает психологические приемы, основанные на срочности, апелляции к авторитету, эмоциональном воздействии и формировании доверия, результатом которых становится добровольное раскрытие конфиденциальной информации [4]. Н.Р. Шевко и М.А. Лукина также указывают, что уязвимость цифровой среды связана не исключительно с недостатками программной защиты: преступники побуждают пользователей передавать доступ к учетным записям с помощью социальной инженерии [10]. Исследование Е.С. Палий развивает этот механизм применительно к deepfake-технологиям, способным усиливать персонализацию и убедительность дистанционной коммуникации [7].

В сочетании положений этих работ прослеживается переход от модели «взлом платежной системы» к модели «управления действиями ее легитимного пользователя». Защищенный платежный контур сохраняет техническую работоспособность, однако операция инициируется либо становится возможной вследствие поведения лица, подвергнутого манипуляции. Электронное средство платежа выполняет здесь связующую функцию между обманом и имущественным результатом: коммуникационное воздействие формирует решение или действие потерпевшего, а платежная инфраструктура обеспечивает быстрое исполнение распоряжения. Разграничение технической и поведенческой уязвимости имеет криминологическое значение, поскольку профилактика, ограниченная совершенствованием программной защиты, не устраняет сценарии, основанные на получении реквизитов или побуждении пользователя к платежному действию [4; 7; 10].

Анализ детерминант исследуемой преступности дополняет эту конструкцию характеристикой высокой приспособляемости мошеннических способов к цифровой среде. И.Р. Аминов и И.В. Голубев связывают мошенничество с использованием электронных средств платежа с более широкими процессами развития киберпреступности, рассматривая причины соответствующих деяний и личность киберпреступника [1]. Материалы Ю.М. Графовой раскрывают другой элемент причинного комплекса – виктимологическую восприимчивость к манипуляции [4], а Н.Р. Шевко и М.А. Лукина показывают устойчивость классической цели завладения чужими ресурсами при изменении технологических способов ее достижения [10]. Совместное рассмотрение преступного поведения и виктимизации исключает сведение причинности к одному фактору. Дистанционная форма усиливается взаимным действием доступности платежных сервисов, возможности удаленного контакта, психологического воздействия на пользователя и способности преступников адаптировать сценарий обмана к цифровой коммуникации [1; 4; 10].

Виктимологическая составляющая не означает переноса ответственности за хищение на потерпевшего. Ее аналитическое значение состоит в установлении той части преступного механизма, которая обеспечивает доступ к платежной операции без непосредственного преодоления технической защиты. Создание ощущения срочности, использование авторитетного образа или персонализированного сообщения направлены на изменение поведения адресата до совершения имущественно значимого действия [4]. Deepfake-технологии развивают тот же принцип посредством усложнения формы предъявляемой потерпевшему ложной информации: техническая новизна повышает убедительность имитации, однако криминологическое ядро остается связанным с манипуляцией доверием и последующим использованием платежной инфраструктуры [7].

Уголовно-правовой уровень характеризуется иным критерием дифференциации. Действующая статья 159.3 УК РФ непосредственно предусматривает мошенничество с использованием электронных средств платежа и устанавливает дифференцированную ответственность в зависимости от квалифицирующих обстоятельств. Вместе с тем использование безналичных денежных средств само по себе не снимает вопроса о форме хищения: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 48 исходит из имущественного характера безналичных и электронных денежных средств и связывает окончание соответствующего мошенничества с их изъятием со счета или изъятием электронных денежных средств, повлекшим ущерб владельцу. Л.Ю. Буданова, О.П. Александрова и Л.Ю. Голикова рассматривают возникающие на этой почве расхождения квалификации кражи и мошенничества и предлагают объединить ответственность за разные формы хищения с использованием электронных средств платежа в одной норме [3]. С.Н. Ущекин, исследуя развитие российского регулирования, также фиксирует трудности отграничения смежных составов и неоднозначность применения специальных уголовно-правовых конструкций [9].

Сопоставление этих позиций выявляет противоречие между технологическим и юридическим принципами систематизации. По технологическому признаку различные действия могут выглядеть однородными, поскольку итогом становится списание или перевод безналичных денежных средств посредством цифровой платежной инфраструктуры. Уголовное право разделяет их по способу завладения имуществом, характеру воздействия на потерпевшего и иным признакам состава. Предложение об объединении электронных хищений в одной статье [3] снижает зависимость квалификации от границы между отдельными формами хищения, но одновременно меняет традиционную связь мошенничества с обманом или злоупотреблением доверием. Сохранение специализированных составов поддерживает дифференциацию способов посягательства, однако требует устойчивых критериев разграничения. Материалы С.Н. Ущекина подтверждают, что именно разграничение смежных норм остается одной из проблем уголовно-правового регулирования цифровых хищений [9].

Социальная обусловленность самостоятельной уголовной ответственности за мошенничество с использованием электронных средств платежа получила специальное обоснование в работе Д.В. Сафоновой. Автор рассматривает критерии криминализации и приходит к выводу о недостаточности административно-правовых и гражданско-правовых средств для реагирования на данное проявление мошенничества [8]. Проблема, однако, состоит не в признании общественной опасности соответствующего поведения, а в выборе степени уголовно-правовой специализации. Сравнительно-правовой анализ В.А. Лютова

показывает различия российского и китайского подходов к назначению наказания и приводит автора к позиции о дальнейшем совершенствовании регулирования ответственности за цифровое мошенничество [6]. Сопоставление этих исследований указывает на два самостоятельных параметра уголовной политики: обоснованность криминализации определяет саму потребность в уголовно-правовой охране, тогда как конструкция состава и санкций определяет точность дифференциации уже криминализированного поведения. Ужесточение наказания не решает проблему квалификационных границ, если способ хищения допускает конкурирующие правовые оценки.

Изменения статьи 187 УК РФ, внесенные Федеральным законом от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ, сформировали отдельный уголовно-правовой уровень воздействия на инфраструктуру неправомерного использования платежных средств. Части 3–6 охватывают передачу клиентом электронного средства платежа или доступа к нему для неправомерных операций, осуществление клиентом таких операций по указанию другого лица, приобретение или передачу средства платежа либо доступа лицом, не являющимся стороной соответствующего договора, а также совершение лицом неправомерной операции, И.С. Леонтьев рассматривает эти изменения как криминализацию дропперства и выделяет проблемы будущего правоприменения, связанные в том числе с возрастом ответственности, малозначительностью и условиями освобождения от уголовной ответственности [5].

Включение дропперских действий в уголовно-правовое поле меняет модель противодействия мошенничеству с электронными средствами платежа. Статья 159.3 УК РФ ориентирована на мошенническое завладение имуществом, тогда как новые положения статьи 187 УК РФ охватывают самостоятельные действия с платежным инструментом и доступом к нему, обслуживающие неправомерные операции. Электронное средство платежа получает здесь инфраструктурную функцию: оно связывает лицо, на которое оформлен платежный ресурс, с другими участниками движения денежных средств, такой уровень нельзя механически отождествлять с совершением мошенничества. Для уголовно-правовой оценки требуется установить содержание действий конкретного лица, направленность его умысла, характер неправомерной операции и соотношение содеянного с участием в основном имущественном посягательстве. Новая конструкция расширяет возможности воздействия на организационный контур дистанционной преступности, одновременно создавая дополнительную область разграничения состава статьи 187 УК РФ и форм соучастия в хищении [5].

Криминалистическая сторона исследуемой проблемы определяется распределением значимых действий между несколькими информационными и платежными узлами. Работа А.В. Бачиевой и Т.О. Бозиева связывает расследование мошенничества с использованием электронных средств платежа с установлением конкретного способа совершения преступления и комплекса доказательственно значимых обстоятельств [2]. При сочетании социальной инженерии и дропперской инфраструктуры один эпизод может содержать последовательные действия различной природы: формирование ложного представления у потерпевшего, получение платежных данных или инициирование перевода, дальнейшее движение денежных средств и использование платежного средства, принадлежащего другому лицу. Правовая квалификация каждого действия требует его функционального отделения от остальных, поскольку совпадение цифровой среды не означает тождества объективной стороны соответствующих преступлений.

Зарубежный материал в исследованиях В.А. Лютова и С.Н. Ущекина выполняет функцию проверки устойчивости национальной модели регулирования, первый сопоставляет подходы России и Китая к наказанию за мошенничество с использованием электронных средств платежа [6], второй рассматривает российское развитие уголовно-правовых норм в контексте зарубежного опыта и связывает дальнейшее совершенствование законодательства с устранением проблем квалификации [9]. Совокупность этих положений показывает, что выбор между детализацией специальных составов и более укрупненной моделью ответственности требует оценки внутренней согласованности уголовного закона. Количество специальных норм само по себе не подтверждает большей эффективности защиты: значение имеет способность нормы устойчиво разграничивать разные механизмы завладения денежными средствами.

Полученные положения объединяются в трехуровневую модель использования электронных средств платежа в преступной деятельности. Первый уровень образует криминологический механизм воздействия на пользователя, в котором социальная инженерия и новые средства персонализации создают возможность получения доступа или инициирования операции [4; 7; 10]. Второй уровень связан с собственно имущественным посягательством и требует разграничения мошенничества с использованием электронных средств платежа и смежных форм цифрового хищения [2; 3; 8; 9]. Третий охватывает инфраструктуру передачи платежных средств, доступа к ним и совершения неправомерных операций другими участниками, получившую специальное отражение в обновленной статье 187 УК РФ [5]. Криминологическая однородность цифровой среды поэтому не устраняет уголовно-правовую неоднородность совершаемых внутри нее действий.

Обсуждение

Сопоставление исследованных подходов показывает, что основной теоретический конфликт связан с выбором признака, по которому электронные хищения должны группироваться в уголовном праве. Технологическая модель исходит из общности платежной среды: во всех рассматриваемых случаях денежные средства перемещаются посредством электронных инструментов, а преступник использует возможности дистанционного распоряжения ими. Классическая конструкция форм хищения переносит центр оценки на способ завладения имуществом и сохраняет различие между обманом, тайным изъятием и воздействием на компьютерную информацию. Каждая модель решает отдельную проблему, поэтому их противопоставление нельзя свести к выбору более современной юридической техники.

Для разграничения составов более устойчивым представляется функциональный анализ конкретного действия с электронным средством платежа. Если технология лишь обеспечивает исполнение операции, ее наличие характеризует среду преступления, но не заменяет установление способа хищения. Если преступник формирует посредством обмана волеизъявление потерпевшего либо получает от него сведения, нужные для дальнейших действий, юридическое значение приобретает связь между обманом и имущественным результатом. Когда платежный ресурс используется вне такого механизма, вопрос квалификации перемещается к признакам иной формы хищения или самостоятельного преступления.

Криминологическая интерпретация социальной инженерии требует аналогичного разделения функций. Психологическое воздействие не является характеристикой электронного средства платежа как технического объекта; оно обеспечивает доступ к платежному поведению пользователя. Преступник эксплуатирует нормальные свойства цифровой финансовой системы – дистанционность, скорость исполнения распоряжений и возможность управления счетом через идентифицированного пользователя. Защитный механизм поэтому сталкивается с ситуацией, когда технически корректная операция становится звеном преступного сценария. Эта особенность объясняет ограниченность профилактики, ориентированной исключительно на программную защиту.

Виктимологический подход расширяет объект предупреждения за счет механизмов принятия пользователем решений, однако его применение требует содержательного ограничения. Раскрытие факторов доверчивости, тревоги, подчинения авторитету или реакции на искусственно созданную срочность служит разработке профилактических мер. Смещение акцента на поведение жертвы без такого разграничения создавало бы риск подмены анализа преступной манипуляции оценкой рациональности действий потерпевшего. Наиболее продуктивна модель, в которой виктимологическая профилактика воздействует на прогнозируемые способы манипуляции и одновременно сохраняет ответственность за организацию обмана за его субъектом.

Deepfake-технологии дополнительно подтверждают устойчивость этой конструкции. Новизна технического средства изменяет степень достоверности ложного сообщения и возможности его персонализации, но не формирует автоматически новый вид имущественного посягательства. Для криминологии средство существенно как фактор усиления социальной инженерии и цифровой виктимизации, для уголовного права определяющим остается то действие, посредством которого произошло завладение денежными средствами. Различение этих уровней препятствует чрезмерной фрагментации уголовно-правовых норм вслед за каждым изменением технического инструментария мошенничества.

Криминализация дропперства демонстрирует иной вариант законодательной реакции. Здесь регулирование обращено не на модификацию способа обмана, а на ресурсную инфраструктуру дистанционного хищения. Передача платежного средства или доступа к нему и выполнение неправомерной операции способны существовать как самостоятельное звено распределенной схемы, что объясняет выделение соответствующих действий за пределами конструкции мошенничества. Одновременно именно распределенность создает пограничные ситуации между самостоятельным составом неправомерного оборота средств платежей и участием в основном преступлении. Критерии осведомленности лица, направленности его умысла и фактически выполняемой функции получают здесь большее значение, чем сам факт

использования банковского или иного электронного платежного инструмента.

Новизна регулирования дропперской деятельности ограничивает возможность окончательной оценки его правоприменительной эффективности. Исследованный корпус литературы уже выявляет вопросы возраста уголовной ответственности, малозначительности и освобождения от ответственности, однако устойчивое соотношение новых частей статьи 187 УК РФ с квалификацией распределенных мошеннических схем требует дальнейшего накопления и сопоставления практики. Исследовательская лакуна касается прежде всего границы между лицом, предоставившим платежную инфраструктуру, и участником хищения, выполняющим согласованную функцию в его механизме, ее заполнение предполагает анализ фактических моделей умысла и роли участника.

Дискуссионным остается и вопрос о степени специализации ответственности за электронные хищения. Объединение различных форм хищения, совершаемых посредством электронных средств платежа, способно уменьшить отдельные квалификационные расхождения, но такая конструкция ослабляет значение традиционного различия способов завладения чужим имуществом. Сохранение нескольких составов обеспечивает более точную уголовно-правовую дифференциацию лишь при условии ясных границ между ними. Поэтому совершенствование регулирования связано прежде всего с согласованностью критериев квалификации.

Сравнительно-правовые подходы подтверждают ограниченность прямого переноса зарубежных решений. Различия в санкциях или степени специализации уголовных норм отражают структуру конкретной национальной системы и не дают самостоятельного основания для изменения российского регулирования. Зарубежный опыт продуктивен как материал для проверки альтернативных моделей: он позволяет сопоставить способы дифференциации ответственности, но оценка их применимости требует сохранения связи с российской системой форм хищения и смежных составов.

Комплексное противодействие исследуемой преступности должно соответствовать трехуровневой структуре выявленного механизма. На уровне пользователя предметом профилактики выступают приемы социальной инженерии и формирование устойчивого поведения при получении запросов на передачу платежных данных или совершение операции. На уровне имущественного посягательства требуется единообразное разграничение составов по способу завладения денежными средствами. Инфраструктурный уровень предполагает уголовно-правовое воздействие на неправомерную передачу платежных инструментов и доступов, сопровождаемое разграничением самостоятельного преступления и соучастия. Раздельная работа с этими элементами точнее соответствует распределенной структуре дистанционного мошенничества, чем универсальная мера, направленная исключительно на технологию платежа.

Заключение

Электронные средства платежа включаются в механизм мошенничества через взаимодействие платежной технологии и дистанционного воздействия на пользователя. Социальная инженерия переносит уязвимость с технического контура на процесс принятия решения, а deepfake и иные средства персонализации способны усиливать достоверность ложной коммуникации. Криминологическое объяснение таких преступлений поэтому требует учитывать способ организации платежной операции, психологическую манипуляцию и цифровую виктимизацию, не смешивая поведение потерпевшего с основанием ответственности виновного.

Уголовно-правовая оценка не может определяться одним фактом использования электронного средства платежа. Статья 159.3 УК РФ функционирует в системе смежных норм о хищениях и преступлениях, связанных с цифровой финансовой средой, поэтому квалификация зависит от фактического способа завладения денежными средствами и роли платежного инструмента. Обновленная статья 187 УК РФ образует дополнительный уровень регулирования, ориентированный на передачу электронных средств платежа, доступа к ним и неправомерные операции, характерные для дропперской инфраструктуры. Возникающая область пересечения требует разграничивать самостоятельное неправомерное использование платежного ресурса и участие лица в основном имущественном посягательстве.

Противодействие мошенничеству с использованием электронных средств платежа требует согласования правовых и виктимологических мер с распределенной структурой преступления. Правовой компонент связан с устойчивыми критериями разграничения смежных составов и определением функций участников платежной цепочки; виктимологический – с предупреждением сценариев социальной инженерии; инфраструктурный – с ограничением неправомерного оборота электронных средств платежа и доступа к ним.

Литература

1. Аминов И. Р., Голубев И.В. Криминологический анализ мошенничества с использованием электронных средств платежа // Право и управление. 2026. № 1. С. 524–527. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-524-527.

2. Бачиева А. В., Бозиев Т.О. Уголовно-правовая и криминалистическая характеристики мошенничества с использованием электронных средств платежа // Журнал правовых и экономических исследований. 2022. № 2. С. 7–12. DOI: 10.26163/GIEF.2022.28.99.001.

3. Буданова Л. Ю., Александрова О.П., Голикова Л.Ю. Вопросы привлечения к уголовной ответственности за совершение хищений с использованием электронных средств платежа, в том числе в отношении лиц, содержащихся в местах лишения свободы // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2025. Вып. 1. С. 30–41. DOI: 10.24412/2071-6184-2025-1-30-41.

4. Графова Ю.М. Виктимологический феномен мошенничества с использованием цифровых технологий социального инжиниринга // Виктимология. 2025. Т. 12, № 4. С. 601–610. DOI: 10.47475/2411-0590-2025-12-4-601-610.

5. Леонтьев И.С. Криминализация «дропперства»: анализ изменений статьи 187 УК РФ и проблемы правоприменения // Российский следователь. 2026. № 3. С. 42–45. DOI: 10.18572/1812-3783-2026-3-42-45.

6. Лютов В.А. Особенности назначения наказания за совершение мошенничества с использованием электронных средств платежа по законодательству Российской Федерации и Китайской Народной Республики (сравнительно-правовой анализ) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2025. № 1. С. 14–17. DOI: 10.18572/2071-1190-2025-1-14-17.

7. Палий Е.С. Криминологические и уголовно-правовые аспекты дистанционного мошенничества с применением deepfake-технологий и социальной инженерии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4. С. 149–157.

8. Сафонова Д.В. Социальная обусловленность уголовной ответственности за совершение мошенничества с использованием электронных средств платежа // Ius Publicum et Privatum. 2024. № 4 (28). С. 149–156. DOI: 10.46741/2713-2811.2024.28.4.018.

9. Ущекин С.Н. Развитие уголовно-правовых норм о хищениях с использованием электронных средств платежа в эпоху цифровой трансформации: российский и зарубежный опыт // Международное публичное и частное право. 2024. № 2. С. 43–47. DOI: 10.18572/1812-3910-2024-2-43-47.

10. Шевко Н. Р., Лукина М.А. Кибермошенничество: новые методы, старые цели // Виктимология. 2025. Т. 12, № 2. С. 250–259. DOI: 10.47475/2411-0590-2025-12-2-250-259.

ELECTRONIC PAYMENT TOOLS AS A TOOL FOR FRAUD: A CRIMINOLOGICAL AND LEGAL ANALYSIS

Smolyar M.B.
Moscow University of Finance and Industry «Synergy»

This article examines the criminological mechanisms behind the use of electronic payment instruments in fraud and the criminal law challenges of classifying these acts. The proliferation of remote payment transactions is changing the methods of obtaining funds: technical access to payment infrastructure is combined with social engineering, obtaining payment details, and involving third parties in the transfer and subsequent movement of stolen funds. The purpose of this study is to establish the functional role of electronic payment instruments in fraud and determine the grounds for distinguishing it from related offenses under criminal law. This study utilizes an analysis of scientific publications, comparative, classification, and logical-analytical methods, as well as generalization and synthesis. This material is based on Russian-language legal and criminological research from 2022–2026, focusing on the classification of digital theft, social engineering, victimization, criminal liability, and the illegal circulation of payment instruments. The scientific novelty lies in the distinction between the criminological, criminal law, and infrastructural functions of electronic payment instruments. The results are applicable to the classification of remote theft and the development of preventive measures.

Keywords: electronic payment instruments, fraud, remote theft, cyberfraud, social engineering, digital victimization, bank account, droppering, classification of crimes, criminal liability.

References

1. Aminov I. R., Golubev I.V. Criminological Analysis of Fraud Using Electronic Payment Methods // Law and Management. 2026. No. 1. pp. 524–527. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-1-524-527.

2. Bachieva A. V., Boziev T.O. Criminal-Legal and Forensic Characteristics of Fraud Using Electronic Payment Methods // Journal of Legal and Economic Research. 2022. No. 2. pp. 7–12. DOI: 10.26163/GIEF.2022.28.99.001.

3. Budanova, L. Yu., Aleksandrova, O. P., Golikova, L. Yu. “Criminal Liability for Embezzlement Using Electronic Payment Methods, Including in Relation to Persons Held in Places of Deprivation of Liberty” // Bulletin of Tula State University. Economic and Legal Sciences. 2025. Issue 1. pp. 30–41. DOI: 10.24412/2071-6184-2025-1-30-41.

4. Grafova, Yu. M. “Victimological Phenomenon of Fraud Using Digital Social Engineering Technologies” // Victimology. 2025. Vol. 12, No. 4. pp. 601–610. DOI: 10.47475/2411-0590-2025-12-4-601-610. Leontyev, I. S. “Criminalization of Dropping: Analysis of Amendments to Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation and Law Enforcement Issues” // Russian Investigator. 2026. No. 3. pp. 42–45. DOI: 10.18572/1812-3783-2026-3-42-45.

5. Lyutov, V. A. “Peculiarities of Punishment for Fraud Using Electronic Payment Systems under the Legislation of the Russian Federation and the People’s Republic of China (Comparative Legal Analysis)” // International Criminal Law and International Justice. 2025. No. 1. pp. 14–17. DOI: 10.18572/2071-1190-2025-1-14-17.

6. Paliy E.S. Criminological and Criminal-Law Aspects of Remote Fraud Using Deepfake Technologies and Social Engineering // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 4. pp. 149–157.

7. Safonova D.V. Social Determination of Criminal Liability for Fraud Using Electronic Payment Methods // Ius Publicum et Privatum. 2024. No. 4 (28). pp. 149–156. DOI: 10.46741/2713-2811.2024.28.4.018.

8. Ushchekin S.N. Development of Criminal-Law Norms on Theft Using Electronic Payment Methods in the Era of Digital Transformation: Russian and Foreign Experience // International Public and Private Law. 2024. No. 2. pp. 43–47. DOI: 10.18572/1812-3910-2024-2-43-47.

9. Shevko N. R., Lukina M.A. Cyber fraud: new methods, old goals // Victimology. 2025. T. 12, no. 2. pp. 250–259. DOI: 10.47475/2411-0590-2025-12-2-250-259.

Особенности проявления агрессивности у несовершеннолетних мужского пола, совершивших преступления по неосторожности

Соболев Николай Гургенович,
кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела разработки методологий социальной, психологической воспитательной и педагогической работы с осужденными центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников
УИС ФКУ НИИ ФСИН России
E-mail: sobolev-nikolay@mail.ru

В настоящее время в России перед обществом остро стоит вопрос о профилактике и противодействию преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Актуальность проблемы профилактики преступлений, совершаемых несовершеннолетними по неосторожности обусловлена, во-первых, социальной значимостью исправления и ресоциализации личности. Во-вторых, разработке подходов, обеспечивающих осознание и понимание субъектом собственного поведения в юридически значимых ситуациях и коррекции побудительных факторов (мотивы, установки, импульсивность и эмоциональная устойчивость), способствующих или препятствующих возможности подростка по предотвращению общественно опасных последствий своих действий.
Делается вывод о том, что пенитенциарным психологам воспитательной колонии в работе с несовершеннолетними мужского пола, совершивших преступление по неосторожности, необходимо акцентировать внимание на коррекции представлений подростка адекватно оценивать юридически значимую ситуацию как угрожающую и способности принять правильное решение и границы поведения через сознательный контроль принятых решений, т.е. развитие чувства интернальности и ответственной жизненной позиции.

Ключевые слова: агрессия; агрессивность; тревожность, несовершеннолетние мужского пола; преступление, совершенное по неосторожности; воспитательная колония.

Рост агрессии и культ агрессивности среди молодежи является предиктором когнитивных искажений в восприятии окружающего мира, тревожности и дезадаптивности поведения, конфликтности, импульсивности и аномальной жизненной позиции подростка [1, с. 79].

Представляется, что с помощью изучения индивидуально-психологических особенностей личности, проявляющихся в том числе и особенностях агрессивности и агрессивного поведения раскрывается достаточно сложный и противоречивый комплекс условий и механизмов, обеспечивающих специфику человеческой реакции и переживаний в конкретной жизненной ситуации [2, с. 122].

Современные представления о природе человеческой агрессивности основываются на идее, акцентирующее внимание на анализе целенаправленного деструктивного поведения и действий, нарушающих нормы и правила общения и взаимодействия граждан в современном обществе, наносящее вред объектам нападения, причиняющее физический ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт [3, с. 99–100]. При этом феномен агрессивность имеет сложную специфическую структуру, включающую эмоциональную, волевую и ценностно-смысловую сферу, ориентирующую человека на реализацию агрессивного поведения в ситуации опасности или конфликта [4, с. 44].

Краткий анализ основных психологических теорий, раскрывающих феномен агрессии и агрессивности человека, позволяет выделить пять основных подходов:

1. Биологический подход основывается на идее об агрессии и агрессивности как аутохтонной, спонтанной силе, представляющей собой естественную побудительную детерминанту в жизни человека. Представители данного подхода ставят вопрос о генерализации агрессивных устремлений в современных социальных условиях (К. Лоренц, У. МакДауголл, И. Эйбл-Эйбесфельдт, Р. Ардри, Дж.П. Скотт и др.).

2. Поведенческий подход раскрывает особенности проявления агрессивности личности через специфику социального контекста, связанную с нарушением норм и запретов общественной жизни. При этом проявления агрессивности человеком в социально опасных ситуациях раскрываются через социально-заученные паттерны поведения (А. Бандура, Дж. Доллард, Л. Берковиц и др.).

3. Психоаналитический подход изучающий агрессию с позиции внутриличностной борьбы человека с инстинктивными бессознательными влечениями, вступающими в противоречие с социальными нормами и законопослушным поведением. При этом, на современном этапе психоанализ актуализирует вопросы бесконфликтной аутопластической и аллопластической адаптации человека и интеграции его агрессивных побуждений посредством «вторичной автономии» и «нейтрализованной энергии» (З. Фрейд, А. Фрейд, Х. Хартманн и др.).

4. Социально-психологический поход (Э. Фромм, В. Франкл, А. Адлер, К. Хорни и др.) основывается на понимании агрессии через анализ системы социально обусловленных детерминант, проявляющихся через индивидуальные особенности личности, опосредованные социальными условиями ее развития.

5. В рамках когнитивного подхода (К. Лазарус, М. Фестингер, Д. Зильманн и др.) при изучении агрессивности акцентируется внимание на изучении содержания взаимосвязи эмоциональной, когнитивной и поведенческой сферы, а также коррекции сформировавшихся дисфункциональных структур – когниций, возникающих как ответная реакция на опасность или угрозу, определяющих вектор ответной реакции человека.

Обобщающей идеей всех вышеперечисленных теорий, раскрывающих психологию агрессивности, является поиск человеком разрядки, обусловленной стрессом внутренней психической напряженности. В этой связи на современном этапе развития психологической науки, как в отечественном, так и в зарубежном дискурсе, в том числе в рамках когнитивно-поведенческой терапии и психологии развития, ставится вопрос о роли осознанности человеком психической напряженности и выборе границ поведения.

Однако, психологами правильно отмечается, что психологическая природа агрессии несовершеннолетних многоаспектная и имеет отличительные особенности: индивидуально-личностные факторы (стремление выражать свои переживания в прямой и непосредственной ма-

нере, острое переживание чувства отчужденности и несправедливости и т.п.), внутри и внесемейные факторы (референтная асоциальная группа, школа и т.п.), наследственные факторы, социокультурная среда, в которой воспитывался подросток и т.д.

В этой связи имплицитная теория насилия позволяет, во-первых, раскрыть субъективное отношение несовершеннолетнего к собственной агрессивности как источнику поведения в юридически значимой ситуации. А во-вторых, в рамках организации психологического сопровождения данной категории граждан в воспитательной колонии, актуализировать возможности несовершеннолетнего на более осознанное принятие решения о выборе поведения и границах проявления агрессивности. По мнению С.Н. Ениколопова имплицитная теория к понимаю агрессивности как особого психологического образования позволяет выявить роль, значение и пределы влияния различных ее компонентов в том числе, при совершении несовершеннолетними преступлений по неосторожности, а также прогнозирование поведения субъекта после освобождения из воспитательной колонии [5, с. 20–21].

Итак, изучение особенностей проявления агрессивности у несовершеннолетних, совершивших преступление по неосторожности, позволит повысить эффективность оказания психологического сопровождения посредством поиска взаимосвязи между патологическими механизмами детерминации неосторожного поведения в ситуации противоправного поступка и асоциальными свойствами личности несовершеннолетнего (импульсивности, агрессивности), сформировавшихся в процессе его социализации и адаптации к условиям воспитательной колонии.

С учетом изложенного, было проведено исследование особенностей проявления агрессии у несовершеннолетних мужского пола, совершивших преступление по неосторожности. С учетом анализа личных дел были сформированы две группы респондентов: несовершеннолетние правонарушители, совершившие преступление по неосторожности (первая группа, всего 20 человек) и группа несовершеннолетних правонарушителей мужского пола, совершивших умышленные преступления (вторая группа, всего 20 человек).

В качестве инструмента, позволяющего исследовать особенности проявления агрессии у несовершеннолетних мужского пола, совершивших преступления по неосторожности, нами были использованы следующие методики «Опросник уровня агрессивности» (в адаптации С.Н. Ениколопова) [6, с. 6–11] и «Шкала самооценки уровня тревожности» (в адаптации Ю.Л. Ханина) [7, с. 59–63].

Результаты, полученные по методике «Опросник уровня агрессивности» в первой группе представлены в таблице 1.

Таблица 1. Средние значения, полученные с помощью методики «Опросник уровня агрессивности» у несовершеннолетних мужского пола, совершивших преступления по неосторожности

№ п/п	Шкала	Средние значения	Стандартное отклонение
1	Физическая агрессия	3,7	1,5
2	Косвенная агрессия	7,2	1,2
3	Раздражение	7,6	2,8
4	Негативизм	6,8	1,9
5	Обида	5,2	1,5
6	Подозрительность	4,8	1,4
7	Вербальная агрессия	4,2	1,8
8	Чувство вины	4,1	1,6
9	Индекс агрессивности	9,4	2,8
10	Индекс враждебности	7,8	2,5

Анализ эмпирических данных, представленных в таблице 1, позволяет отметить, что наибольшие значения получены по следующим типам психологических защит: «Индекс агрессивности» (9,4), «Индекс враждебности» (7,8), «Раздражение» (7,6), «Косвенная агрессия» (7,2). Представляется, что респонденты, включенные в первую группу, характеризуются склонностью к импульсивности и эмоциональной неуравновешенности, непоследовательности поведения в уголовно-релевантных ситуациях и негативным отношением к окружающим, основанном на недоверии и базом неприятии мнения другого человека. Следует предположить, что полученные эмпирические данные характеризуют общую тенденцию психической деятельности, указывающую на возможные затруднения в способности несовершеннолетних осознавать значение своих действий и руководить ими в юридически значимых ситуациях.

Результаты, полученные по методике «Шкала самооценки уровня тревожности» в первой и второй группе представлены в таблице 2.

Таблица 2. Средние значения, полученные с помощью методики «Шкала самооценки уровня тревожности» у респондентов, включенных в первую и вторую группы

Шкалы	Первая группа		Вторая группа		Уровень значимости
	Ср. знач.	Ст. откл.	Ср. знач.	Ст. откл.	
Личностная	47,5	2,7	46,9	6,2	
Ситуативная	48,7	4,5	45,3	5,4	$p \leq 0,01$

Анализ эмпирических данных, представленных в таблице 2, позволяет указать на выявленную статистически значимую разницу между первой и второй группой по шкале «Личностная тревожность» ($p \leq 0,01$). Вероятно, большая выраженность личностной тревожности указывает на сформированную склонность к восприятию окружающей действительности инфантильно и эмоционально неадекватно, без учета возможного наступления опасных последствий. В этой связи возникает вопрос о неспособности несовершеннолетнего осознать собственные действия и их соответствие требованиям экстремальных условий деятельности (неожиданное возникновение опасной ситуации, крайний дефицит времени на принятие решения и пр.). Представляется, что психологическое сопровождение несовершеннолетнего, совершившего преступление по неосторожности, должно быть ориентировано на осознание подростком взаимосвязи между собственными индивидуально-психологическими особенностями и субъективным значением совершенного деяния.

Далее мы сравнили особенности проявления агрессивности у респондентов, включенных в первую и вторую группы, по методике «Опросник уровня агрессивности» (таблица 3).

Таблица 3. Сравнение значений, полученных с помощью методики «Опросник уровня агрессивности» (в адаптации С.Н. Ениколопова), в первой и второй группах с помощью U–критерия Манна-Уитни

Название шкалы	Первая группа		Вторая группа		Уровень значимости
	Ср. знач.	Ст. откл.	Ср. знач.	Ст. откл.	
Физическая агрессия	3,7	1,5	5,9	1,9	$p \leq 0,01$
Косвенная агрессия	7,2	1,2	5,2	1,3	$p \leq 0,01$
Раздражение	7,6	2,8	4,8	1,5	$p \leq 0,01$
Негативизм	6,8	1,9	5,4	1,5	———
Обида	5,2	1,5	4,7	1,0	———
Подозрительность	4,8	1,4	4,4	1,8	———
Вербальная агрессия	4,2	1,8	5,4	2,0	———
Чувство вины	4,1	1,6	5,5	1,7	$p \leq 0,05$
Индекс агрессивности	9,4	2,8	9,7	2,6	———
Индекс враждебности	7,8	2,5	8,8	2,4	———

Анализ эмпирических данных, представленных в таблице 3, позволяет отметить существование статистически значимых различий между респондентами, включенными в первую и вторую группы, по следующим шкалам: «Физическая агрессия» ($p \leq 0,01$) «Косвенная агрессия» ($p \leq 0,01$), «Раздражение» ($p \leq 0,01$) и «Чувство вины» ($p \leq 0,05$).

Таким образом, можно утверждать, что агрессия у несовершеннолетних правонарушителей мужского пола, совершивших преступление по неосторожности, реализуется через непрямое опосредованное деструктивное поведение, обусловленное такими личностными конструктами, как раздражительность, готовность к ситуативному слабо контролируемому аффективному реагированию и косвенная агрессия, обусловленная неспособностью к осознанному поведению. Вероятно, значимые различия между несовершеннолетними обусловлены особенностями психологической структуры личности подростков, ситуативными мотивами и установками, усвоенными с детства стереотипами поведения и неадаптивными реакциями и т.д.

Кроме этого, в группе несовершеннолетних правонарушителей мужского пола, совершивших преступление по неосторожности, выявлена положительная корреляция шкалы «Раздражение» с ситуативной тревожностью (0,71, $p \leq 0,01$).

Пенитенциарным психологам при организации психологического сопровождения данной категории осужденных необходимо учитывать выявленные у несовершеннолетних мужского пола такие личностные особенности как чувство вины, импульсивность, негативизм и пренебрежение к требованиям экстремальных ситуаций, которые могут привести к дальнейшей дезадаптации, формированию субъективных представлений о жизненных целях и личностных возможностях контроля над агрессивностью в картину справедливого и законопослушного мира.

Литература

1. Мелихова К.Ю. Тревожность и агрессия как часть психологической безопасности у представителей молодежной среды // Безопасность 2024. Материалы VIII Межрегиональной научно-практической конференции. Волгоград, 2024. 2024. С. 78–80.
2. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 2011. С. 11–15.
3. Дворянчиков Н.В., Зеленина М.М. Психологические особенности агрессивных проявлений лиц, осужденных условно // Психология и право. 2011. № 2. С. 99–109.
4. Ениколопов С.Н. Актуальные проблемы исследования агрессивного поведения // Прикладная юридическая психология. 2010. № 2. С. 37–47.
5. Ениколопов С.Н. Агрессивность и имплицитная теория насилия // Прикладная юридическая психология. 2017. № 2. С. 18–26.
6. Ениколопов С.Н. Опросник Басса-Дарки // Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 6–11.
7. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Самара: Издательский Дом «Бахрах» 1998. 672 с.
8. Ситковская О.Д. С. Психологический комментарий к отдельным статьям Уголовного Кодекса Российской Федерации. М., 2009. С. 51–53.

CHARACTERISTICS OF AGGRESSION IN JUVENILE MALES WHO HAVE COMMITTED CRIMES THROUGH NEGLIGENCE

Sobolev N.G.
Research Institute of the Federal Penitentiary Service

Currently, Russia faces a pressing challenge for society: preventing and combating crimes committed by minors. The urgency of preventing crimes committed by minors through negligence stems, firstly, from the social significance of individual rehabilitation and resocialization. Secondly, from the development of approaches that promote awareness and understanding of their own behavior in legally significant situations and the correction of the driving factors (motives, attitudes, impulsivity, and emotional stability) that facilitate or hinder adolescents' ability to prevent the socially dangerous consequences of their actions. It is concluded that penitentiary psychologists in juvenile correctional facilities, when working with male juveniles who have committed crimes through negligence, should focus on nurturing the adolescent's ability to adequately assess legally significant situations as threatening and their ability to make the right decisions and define behavioral boundaries through conscious control of decisions made, i.e., Development of a sense of internality and a responsible approach to life.

Keywords: aggression; aggressiveness; anxiety; juvenile males; crime committed through negligence; juvenile correctional facility.

References

1. Melihova K. Yu. Trevozhnost' i agressiya kak chast' psihologicheskoj bezopasnosti u predstavitelej molodezhnoj sredy // Bezopasnost' 2024. Materialy VIII Mezhregional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii. Volgograd, 2024. 2024. S. 78–80.
2. Fromm Eh. Anatomiya chelovecheskoj destruktivnosti. M., 2011. S. 11–15.
3. Dvoryanchikov N.V., Zelenina M.M. Psihologicheskie osobennosti agressivnyh proyavlenij lic, osuzhdennyh uslovno // Psihologiya i pravo. 2011. № 2. S. 99–109.
4. Enikolopov S.N. Aktual'nye problemy issledovaniya agressivnogo povedeniya // Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya. 2010. № 2. S. 37–47.
5. Enikolopov S.N. Agressivnost' i implicitnaya teoriya nasiliya // Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya. 2017. № 2. S. 18–26.
6. Enikolopov S.N. Oprosnik Bassa-Darki// Praktikum po psihodiagnostike. Psihodiagnostika motivacii i samoregulyacii. M.: Izd-vo MGU, 1990. S. 6–11.
7. Rajgorodskij D. Ya. Prakticheskaya psihodiagnostika. Metodiki i testy. Samara: Izdatel'skij Dom «Bahrah» 1998. 672 s.
8. Sitkovskaya O.D. S. Psihologicheskij kommentarij k otdel'nym stat'yam Ugolovnogo Kodeksa Rossijskoj Federacii. M., 2009. S. 51–53.

Электронный правовой документ в механизме правового регулирования

Федоренко Татьяна Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского филиала ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева»
E-mail: tatnikfedorenko@mail.ru

В работе раскрывается трансформация правовой системы под воздействием цифровизации и развития информационных технологий. Показано, как цифровые преобразования меняют общественные отношения, формируют индивидуальный цифровой профиль человека и обусловливают юридизацию цифровой сферы.
Центральное место в исследовании занимает классификация моделей правового регулирования – классической, rule-based и data-based. Автор демонстрирует эволюцию регуляторных механизмов: от традиционного правоприменения, где ключевую роль играет правоприменитель, к автоматизированным системам, работающим по жёстким алгоритмам либо на базе анализа больших данных. При этом детально раскрываются риски каждой модели: ограниченность алгоритмических решений, непрозрачность машинного обучения, опасность смещения акцента с защиты прав на эффективность алгоритмов.
Была проанализирована проблема электронных юридических документов в механизме правового регулирования, а также указаны подходы к определению природы электронного юридического документа, видов и отдельных свойств электронных документов. В ходе исследования установлено, что электронные юридические документы стимулируют различные виды нормотворчества и юридической практики.
Значительное внимание уделено электронному правовому документу как динамично развивающемуся элементу механизма правового регулирования. В заключении подчёркивается необходимость адаптации юридической науки и практики к условиям виртуального пространства, развития междисциплинарных компетенций и совершенствования технико-правовых норм с учётом растущей роли электронных документов в правовом регулировании.

Ключевые слова: электронный документ, юридический документ, электронный юридический документ, правовая информация, механизм правового регулирования.

Только постоянное изменяется;
изменчивое подвергается не изменению, а только смене.
Иммануил Кант «Критика чистого разума»

Развитие информационных технологий одна из ключевых тенденций современного мира, а именно: цифровые преобразования охватывают самые разные сферы – от политики и экономики до социальной системы и системы образования. Новые технологии существенно воздействуют на характер общественных отношений, идет стремительный процесс их цифровизации, который проявляется в формировании индивидуального цифрового профиля человека, закреплении цифрового статуса индивида, а также в создании масштабных реестров и баз персональных данных.

Отметим также такую устойчивую и очевидную тенденцию как цифровое воздействие на право, данная тенденция представлена целым комплексом явлений, связанных между собой диалектической связью (цифровые технологии меняют и порождают новые юридические явления, также происходит юридизация цифровой сферы). Данная проблематика стала предметом изучения множества работ по общей теории права, отраслевых юридических наук, междисциплинарных исследований, также отображена в учебно-методических источниках [1].

Относительно новыми явлениями, сопряженными с правом можем считать цифровые права, смарт-контракты, вопросы статуса цифровых активов; например, в уголовном праве появились новые квалифицирующие признаки – деяния, совершённые с использованием интернета или в сфере компьютерной информации. В сфере правоприменения и правотворчества также произошли существенные сдвиги, а именно: используются цифровые инструменты (электронные базы данных, проводится онлайн-голосование, создаются платформы для обсуждения законопроектов). Цифровизация затронула сферу защиты основных прав человека, новое дополнительное содержание формируется в контексте их обеспечения и реализации. Например, право на свободу, право на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, с одной стороны, а, с другой стороны, необходимость сбора данных для государственного администрирования. Одним из аспектов цифровизации является цифровое неравенство – отсутствие цифровых компетенций, доступа к цифровым технологиям и т.п.

Цифровизации оказывает влияние и на строй системы права и системы законодательства (появляются комплексные отрасли: цифровое право, право искусственного интеллекта и др.).

Расширение сферы применения информационных технологий трансформирует сам механизм правового регулирования, наряду с традиционными юридическими инструментами всё большее значение приобретают автоматизированные системы (в том числе, например, комплексы видеонаблюдения); данные системы формируют особый регуляторный контекст фактически предопределяя поведение участников общественных отношений и существенно ограничивая возможность самостоятельного выбора действий.

Развитие информационно-технологической инфраструктуры влечёт расширение форм регулятивного воздействия: к традиционным правовым средствам добавляются технические механизмы контроля.

В теории права ученые на основе критерия степени и характера автоматизации регулирование подразделяют на следующие типы: а) классическое правовое регулирование, б) автоматизированное правовое регулирование основанное на правилах (rule-based legal regulation), в) автоматизированное правовое регулирование основанное на данных (data-based legal regulation). Эта классификация отражает эволюцию правового регулирования в связи с цифровизацией и появлением технологий автоматизированного принятия решений.

Классическое правовое регулирование. В данном случае регуляторный эффект достигается исключительно посредством сложившихся исторически юридических инструментов: нормы права, правоотношения, акты применения права (решения судов, административные акты) и т.д. Ключевая роль принадлежит индивиду, носителю юридической профессии – законодателю, правоприменителям (например, судье, который интерпретирует нормы, учитывает обстоятельства и т.д.). Данный тип регулирование обладает такими преимуществами как гибкость, возможность учитывать уникальность ситуации, прозрачность

мотивов решения. При этом есть и опасность субъективной интерпретации, риск ошибок и др.

Следующий тип правового регулирования – *это автоматизированное правовое регулирование, основанное на правилах* (rule-based legal regulation); в этом случае часть рутинных, чётко алгоритмизируемых задач передаётся машинам, а система работает по жёстко заданным правилам («если …, то …иначе»): например, автоматически проверяет комплектность документов, рассчитывает сроки, формирует типовые договоры или выносит решения по бесспорным фактам [2; 3]. В основе правовых алгоритмов лежит такая атрибутивная черта права, как системность, проявляющаяся как на макроуровне (отрасли, институты), так и на микроуровне. Согласно классической концепции, структура нормы права представляет собой микросистему, состоящую из гипотезы, диспозиции и санкции, логическая формула которой («если–то–иначе»); это делает системность необходимой предпосылкой, хотя и не достаточным условием полной формализации права. Алгоритмизация права имеет философские основания, связанные с учением Р Декарта (1596–1650) и Г.В. Лейбница (1646–1716). Р. Декарт заложил методологический фундамент познания (алгоритм), а также выдвинул идею, о том, что истинное знание основывается на законах «всеобщей математики» и может быть изложено универсальным математическим языком. Г.В. Лейбниц пошёл дальше: он был профессиональным юристом и первым в истории попытался применить математическую логику к праву; Г.В. Лейбниц показал, что нормативные предложения обладают собственными логическими свойствами, которые можно формально описать.

Автоматизированное правовое регулирование, основанное на правилах позволяет добиться высокой эффективности и минимизации ошибок в рутинных операциях, а также единообразия применения правил. При этом также можно выделить ограничения и риски, а именно: система не способна к творческой интерпретации; она бессильна в ситуациях неопределённости, противоречивости нормами или в случаях, когда требуется оценить моральный аспект. Если правила заданы неверно или не охватывают новою ситуацию, система даст сбой. Также возникает проблема прозрачности и объяснимости решения для сторон.

При использовании автоматизированного правового регулирования, основанное на данных (data-based legal regulation) решение формируется не только на основе предписаний закона, но и на анализе больших массивов данных (о поведении субъектов, транзакциях, судебных прецедентах, внешних факторах). Алгоритмы выявляют паттерны, строят прогнозы, помогают ранжировать риски, принимать превентивные меры или адаптировать регулирование под меняющиеся условия. Примеры: системы прогнозирования правонарушений, персонализированные регуляторные меры и др. Данный тип правового регулирования позволяет учитывать динамичную, сложную реальность, повышает точность прогнозов и, таким образом, делает регулирование более эффективным.

Данное регулирование также имеет существенные риски, связанные с качеством данных, если данные неполные, искажённые или отражают предвзятость, выводы системы будут ошибочными; сложные модели машинного обучения часто работают как «чёрный ящик», что затрудняет проверку справедливости и законности решения. Также одной из трудностей является риск подмены права. Есть опасность того, что система начнёт формировать правовые нормы, выходя за рамки изначально заложенных правовых принципов (в этом смысле показательно Определение Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14 мая 2026 г. по делу № А27–7831/2025) [4], или, например, возможна опасность, что акцент сместится с защиты прав человека на эффективность алгоритма.

Приведенная типология моделей правового регулирования отображает его эволюцию: от исключительно «человеческого» правоприменения – к чистым машинным моделям, часто встречается гибридизация: например, rule-based система обрабатывает факты, а data-based модель помогает оценить контекст и выбрать стратегию.

Ключевая задача юридической теории и практики сегодня заключается в поиске баланса по использованию потенциала автоматизации для повышения эффективности правового регулирования, при сохранении контроля человека, обеспечении прозрачности, справедливости и соответствии фундаментальным правовым принципам.

Отметим, что все значимые нормативные регуляторы в условиях общественного фазового перехода – мораль, право, религия, традиция и др. – подвергаются определенным испытаниям. Право, как важнейший инструмент социального регулирования, дополняясь новым содержанием и формами, тем самым, в сфере теории права, стимулирует познание новых теоретических объектов при сохранении приверженности классической юридической проблематике. Выразительным примером может послужить обсуждение свойств электронного правового документа, занимающего все большее место в системе правового регулирования. В этой связи важным является выделение и характеристика отдельных свойств электронного правового документа в механизме правового регулирования.

Слово «документ» латинского происхождения (от documentum), что первоначально означало «поучение, пример», а позднее – «свидетельство, доказательство». В юридический обиход термин вошёл со значением письменного доказательства, подтверждающего права и законность определённых действий, то есть носителя юридической силы; в русский язык слово было введено Петром I именно в этом – правовом – значении как «письменное свидетельство»; документ подтверждал права, законность определенных действий, т.е. имел юридическую силу [5].

Широкое значение определение понятия «документ» закреплено в статье 1 Федерального закона от 29.12.1994 № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов», а именно: документ – это материальный носитель с зафиксированной на нём информацией в любой форме (в виде текста, звукозаписи, изображения и (или) их сочетания), который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и предназначен для передачи во времени и в пространстве в целях общественного использования и хранения. Также в широком значении документ, как материальный носитель, фиксирующий информацию и имеющий точные реквизиты содержит п. 11, ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и др.

В узком значении, документ – это носитель официальной информации юридического значения; юридическое значение документов выражается в их способности вызывать юридические последствия.

Разновидностью современных правовых документов является его электронный вариант; норма закона гласит, что электронный документ – это документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах (п. 11.1 введен Федеральным законом от 27.07.2010 № 227-ФЗ).

Для выявления свойств электронного правового документа в методологическом аспекте важным является обращение к классификации правовой информации О.Е. Кутафина и В.А. Копыловой выделивших *нормативную* (содержится в законах и других правовых актах и может рассматриваться как информация, которая регулирует общественные отношения) и *ненормативную* (ненормативная создается в результате правоохранительной и правоприменительной деятельности) правовую информацию [6].

Правовую информацию в зависимости от наличия в не нормы права подразделяют на несколько видов, во-первых, это нормативная правовая информация (источниками правовой информации являются нормативно-правовые акты, международные договоры и соглашения, нормы и принципы международного права); в российском законодательстве нет единого закона, который бы давал определение «правовой информации» как таковой. Однако отдельные аспекты регулируются: Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» № 149-ФЗ – определяет общие понятия информации, её виды и режимы доступа, Федеральный закон «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации» № 7-ФЗ – устанавливает обязательность опубликования определённых правовых актов, Указ Президента РФ от 2 августа 2012 г. № 1060 – утвердил официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) как источник официального опубликования государственных актов.

Во-вторых, это ненормативная правовая информация (ее источники – это ненормативные правовые акты, сообщения средств массовой информации, публичные выступления, другие источники информации по правовым вопросам); это сведения о праве, его системе, источниках, реализации, юридических фактах, правоотношениях, правопорядке, правонарушениях и борьбе с ними, и их профилактика.

Вполне очевидно, что данный подход может быть применим в отношении электронных правовых документов несущих правовую информацию двух видов: нормативную и ненормативную; соответственно и классификации, применяемые к правовым документам «традиционной» аналоговой формы актуальны и для электронных правовых документов.

Например, правовой документ, с точки зрения науки теории права – это материальный носитель правовой информации, целью которого является определенность правового регулирования, Марченко М.Н. юридические документы подразделил на следующие группы: нормативные; правовые документы индивидуального характера; правовые документы, фиксирующие юридические факты; деньги и ценные бума-

ги; доказательства [7, с. 343–360]; за небольшим исключением классификация М.Н. Марченко актуальна и для электронных правовых документов.

На важный аспект проблемы соотношения электронных правовых документов и «традиционных» аналоговых обращает И.Ф. Юшин, а именно: главное отличие между ними заключается в способе фиксации и воспроизведения информации, но и аналоговые и электронные правовые документы направлены на регулирование общественных отношений [8].

В современной юридической науке сложилась теория электронного правового документа [9; 10]. Электронный правовой документ, с точки зрения теории права, – это разновидность правового акта. Понятие «правовой акт» формировалось в общей теории государства и права в трудах С.С. Алексеева, В.С. Нерсесянца. А.В. Мицкевича М.Н. Марченко [11–15]. Правовой акт – это официальное документально оформленное решение уполномоченного государственного органа, должностного лица или народа (на референдуме), которое устанавливает, изменяет или отменяет нормы права либо содержит индивидуальные предписания и обеспечивается государственным принуждением и оформляется в установленных законом случаях в виде письменного документа (акта-документа).

При сущностном совпадении электронного правового акта с «традиционным» аналоговым он обладает особенностями, которые проистекают из его, как отмечалось выше, способа фиксации и воспроизведения информации. Проблемы электронных актов и задачи документирования ярко сформулированы И.Ф. Юшиным на примере исторической науки, и они вполне совпадают с задачами науки юриспруденции, приведем это высказывание полностью: «Сегодня перед источниковедением становится задача огромной важности, сравнимая с эпохой зарождения самой этой научной дисциплины. Выработка методологии исторической науки нового виртуального мира – достойная задача кибериисториков третьего тысячелетия. Добраться до исторического факта через внешнюю и внутреннюю критику источника (порой обуславливающую само появление такого документа) становится все труднее. Источниковеды должны понять, что для их дисциплины наступает новая эра. Эра очень подвижных источников, которые не имеют характеристик прежнего документа. Источниковедение должно выработать новые методики работы с ними. Историки оказались в среде больших информационных массивов, которые в основном не только не «освящены» хранением в стенах архивов, никак археографически не описаны, подвержены изменениям (!) и даже могут исчезнуть» [8].

Итак, перед юриспруденцией стоит проблема устранить некоторое несоответствие между потребностями информационного общества и наличием средств для их удовлетворения, среди них: 1) это необходимость продолжить формирование юридической науки и ее методологии нового виртуального мира, 2) расширение слоя юристов, специализирующихся в сфере IT и IT-права, 3) необходимо осмысление юридической практики в условиях расширения использования информационных технологий, 4) проблема аутентичности и хранения электронного правового акта [16].

Появление нового вида правовых актов – электронного правового документа порождает новые явления в системе права и системе законодательства (например, Федеральный закон № 63-ФЗ «Об электронной подписи» устанавливает виды электронной подписи (ЭП) и условия её юридической значимости; Правила делопроизводства в государственных органах и органах местного самоуправления (приказ Росархива от 22.05.2019 № 71, в ред. 2026 г.) устанавливают требования к документированию, документообороту и управлению электронными документами в СЭД; Примерная инструкция по делопроизводству в государственных организациях (приказ Росархива от 11.04.2018 № 44) является методической основой для разработки индивидуальных инструкций по делопроизводству; ГОСТ Р 7.0.97–2016 (с 2025 г. – ГОСТ Р 7.0.97–2025) содержит требования к оформлению организационно-распорядительных документов, включая электронные).

Текущая юридическая практика свидетельствует, что электронный документ в механизме правового регулирования выступает «революционным» динамическим элементом, который стимулирует локальное, ведомственное, общегосударственное нормотворчество, изменяет институты процессуального права и т.д.

Тенденции развития информационных технологий указывают на то, что электронный правовой документ в перспективе будет занимать все больший удельный вес в механизме правового регулирования. Можно утверждать, что и в научных исследованиях под влиянием юридической практики будет исследоваться внешняя формы (способы фиксации и воспроизведения информации) электронного документа, что, в том числе, объективно приведет к повышению интереса к технико-правовым нормам.

Литература

1. Шабуров, А.С. Проблемы теории права в условиях цифровизации общества // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 4. С. 8–14; Соловяненко, Н.И. Правовой режим электронных документов в предпринимательстве: вопросы доктрины и юридической практики // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 3. С. 152–156; Шарифуллин, Р.А., Бурганов, Р.С., Бикмиев, Р.Г. Элементы электронного правосудия // Российский судья. 2018. № 6. С. 57–62; Цифровая экономика: концептуальные основы правового регулирования бизнеса в России: монография / отв. ред. В.А. Лаптев, О.А. Тарасенко. М.: Проспект, 2020; Порываева, Н.Ф. Формализация справедливости в эпоху технологизации // Правовые ценности в свете новых парадигм развития современной цивилизации: сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М. 2020 и др.

2. Перевозкин, А.А. Теоретико-правовая характеристика машиночитаемого права // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 8 (165). С. 22–37.

3. Перевозкин, А.А. Автоматизация правоприменения: проблемы и их решения с использованием машинного обучения и машиночитаемого права // правовое государство: теория и практика. 2025. № 1(79). С 227–237.

4. Определение Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14 мая 2026 г. № Ф04–5138/2026 по делу № А27–7831/2025: о наложении судебного штрафа на ООО «ЦСС» за представление заведомо ложных сведений (фабрикацию судебной практики с использованием ИИ): [судья Забоев К.И.; резолютивная часть объявлена 05.05.2026]. – URL: (дата обращения: 06.08.2026). – Текст: электронный.

5. Заварзин, Г.А., Варенова, О.С. Динамика плана содержания термина «документ» в русском языке (от петровской эпохи до современности) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2025. № 2 (57). С. 15–21.

6. Кутафин, О.Е., Копылов, В.А. Проблемы становления информационного права в России // Научно-техническая информация Серия 1. 1999. № 8. С. 16–26; Копылов, Виктор Александрович. Информационное право: учебник / В.А. Копылов; М-во образования Рос. Федерации. Моск. гос. юрид. акад. 2. изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2004. 510 с.

7. Общая теория государства и прва: Академический курс в 2-х тт. / отв. ред. М.Н. Марченко. М.: Зерцало, 1998. Т. 2. Теория права. 656 с.

8. Юшин, И.Ф. Электронные документы как исторический источник. URL: http://www.hist.msu.ru/Departments/Inf/Stud/Heuristics/Reader/YuschinIF.pdf (дата обращения: 26.05.2026).

9. Лапшинов, Э.В. Электронные юридические документы: понятие, классификация, виды / Э.В. Лапшинов. Санкт-Петербург: ГУАП, 2009. 79 с.

10. Лаптев, В.А., Соловяненко, Н.И. Цифровое правосудие. Цифровой документ: монография. М.: Проспект, 2023. 248 с.

11. Алексеев, С.С. Общая теория права: курс в 2 т. / С.С. Алексеев. М.: Юридическая литература, 1982. Т. 2: Правовые нормы. Правовое регулирование. Система права. 359 с.

12. Нерсесянц, В.С. Общая теория права и государства: учебник для вузов / В.С. Нерсесянц; Ин-т государства и права Рос. акад. наук. М.: Юридическое издательство Норма, 2026. 560 с.

13. Мицкевич, А.В. Акты высших органов Советского государства: юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР / А.В. Мицкевич. М.: Юридическая литература, 1967. 431 с.

14. Марченко, М.Н. Источники права: учебное пособие для вузов / М.Н. Марченко; МГУ им. М.В. Ломоносова, Юрид. фак. М.: Проспект, 2005. 759 с.

15. Марченко, М.Н. Проблемы теории государства и права: учебник / М.Н. Марченко. М.: Проспект, 2015. 768 с.

16. Суровцева, Н.Г. Проблемы обеспечения аутентичности электронных документов / Н.Г. Суровцева // Научный вестник Крыма. Симферополь, 2019. № 3 (21). Текст: электронный // CyberLeninka: [сайт]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-obespecheniya-autentichnosti-elektronnyh-dokumentov (дата обращения: 28.05.2026).

ELECTRONIC LEGAL DOCUMENT IN THE MECHANISM OF LEGAL REGULATION

Fedorenko T.N.
Russian State University of Justice

This paper explores the transformation of the legal system under the influence of digitalization and the development of information technology. It shows how digital transformations

are reshaping social relations, shaping individuals' digital profiles, and driving the legalization of the digital sphere.
The study focuses on the classification of legal regulation models-classical, rule-based, and data-based. The author demonstrates the evolution of regulatory mechanisms: from traditional law enforcement, where the law enforcement officer plays a key role, to automated systems operating according to strict algorithms or based on big data analysis. The risks of each model are detailed: the limitations of algorithmic solutions, the opacity of machine learning, and the danger of shifting the emphasis from protecting rights to the effectiveness of algorithms.
The problem of electronic legal documents in the legal regulation mechanism was analyzed, and approaches to defining the nature of electronic legal documents, as well as the types and individual properties of electronic documents, were outlined. The study established that electronic legal documents stimulate various types of rulemaking and legal practice.
Considerable attention is given to the electronic legal document as a dynamically developing element of the legal regulation mechanism. The conclusion emphasizes the need to adapt legal scholarship and practice to the conditions of the virtual space, develop interdisciplinary competencies, and improve technical and legal norms, taking into account the growing role of electronic documents in legal regulation.

Keywords: electronic document, legal document, electronic legal document, legal information, mechanism of legal regulation.

References

1. Shaburov, A.S. Problems of the Theory of Law in the Context of Digitalization of Society // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 4. pp. 8–14; Solovyanenko, N.I. Legal Regime of Electronic Documents in Entrepreneurship: Issues of Doctrine and Legal Practice // Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences. 2020. No. 3. pp. 152–156; Sharifullin, R.A., Burganov, R.S., Bikmiev, R.G. Elements of Electronic Justice // Russian Judge. 2018. No. 6. pp. 57–62; Digital Economy: Conceptual Foundations of Legal Regulation of Business in Russia: Monograph / ed. Moscow: Prospect, 2020; Poryvaeva, N.F. Formalization of Justice in the Era of Technologization // Legal Values in Light of New Paradigms of the Development of Modern Civilization: A Collection of Scientific Papers / edited by D.A. Pashentsev. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: INFRA-M. 2020 and others.

2. Perevozkin, A.A. Theoretical and legal characteristics of machine-readable law // Actual problems of Russian law. 2024. Vol. 19. No. 8 (165). Pp. 22–37.

3. Perevozkin, A.A. Automation of law enforcement: problems and their solutions using machine learning and machine-readable law // The rule of law: theory and practice. 2025. No. 1 (79). Pp. 227–237.

4. Determination of the Arbitration Court of the West Siberian District dated May 14, 2026 No. F04–5138/2026 in case No. A27–7831/2025: on the imposition of a judicial fine on CSS LLC for submitting knowingly false information (fabrication of judicial practice using AI): [Judge Zaboev K.I.; the operative part was announced on May 5, 2026]. URL: (date accessed: August 6, 2026). – Text: electronic.

5. Zavarzin, G.A., Varenova, O.S. Dynamics of the content plan of the term "document" in the Russian language (from the era of Peter the Great to the present) // Current issues of modern philology and journalism. 2025. No. 2 (57). Pp. 15–21.

6. Kutafin, O.E., Kopylov, V.A. Problems of the formation of information law in Russia // Scientific and technical information Series 1. 1999. No. 8. Pp. 16–26; Kopylov, Viktor Aleksandrovich. Information law: textbook / V.A. Kopylov; Ministry of Education of the Russian Federation. Moscow State Law Academy. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Yurist, 2004. 510 p.

7. General Theory of State and Law: Academic Course in 2 Volumes / Ed. M.N. Marchenko. Moscow: Zertsalo, 1998. Vol. 2. Theory of Law. 656 p.

8. Yushin, I.F. Electronic Documents as a Historical Source. URL: http://www.hist.msu.ru/Departments/Inf/Stud/Heuristics/Reader/YuschinIF.pdf (accessed: 26.05.2026).

9. Lapshinov, E.V. Electronic legal documents: concept, classification, types / E.V. Lapshinov. St. Petersburg: GUAP, 2009. 79 p.

10. Laptev, V.A., Solovyanenko, N.I. Digital justice. Digital document: monograph. Moscow: Prospect, 2023. 248 p.

11. Alekseev, S.S. General theory of law: course in 2 volumes / S.S. Alekseev. Moscow: Legal Literature, 1982. Vol. 2: Legal norms. Legal regulation. Legal system. 359 p.

12. Nersesyants, V.S. General theory of law and state: textbook for universities / V.S. Nersesyants; Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. M.: Legal Publishing House Norma, 2026. 560 p.

13. Mitskevich, A.V. Acts of the Supreme Organs of the Soviet State: the legal nature of normative acts of the supreme bodies of state power and administration of the USSR / A.V. Mitskevich. M.: Legal Literature, 1967. 431 p.

14. Marchenko, M.N. Sources of Law: a textbook for universities / M.N. Marchenko; Lomonosov Moscow State University, Faculty of Law. Moscow: Prospect, 2005. 759 p.

15. Marchenko, M.N. Problems of the Theory of State and Law: a textbook / M.N. Marchenko. Moscow: Prospect, 2015. 768 p.

16. Surovtseva, N.G. Problems of Ensuring the Authenticity of Electronic Documents / N.G. Surovtseva // Scientific Bulletin of Crimea. Simferopol, 2019. No. 3 (21). Text: electronic // CyberLeninka: [website]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-obespecheniya-autentichnosti-elektronnyh-dokumentov (date of access: 05/28/2026).

Современные тенденции правоприменения в делах о банкротстве: ключевые новеллы и их интерпретация судами

Чернякова Светлана Александровна,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой юридических дисциплин, Московский университет имени С.Ю. Витте, Филиал в г. Сергиевом Посаде
E-mail: ChernaykovaS@mail.ru

Предмет статьи составляют изменения правоприменительных стандартов в российском законодательстве о несостоятельности и сформировавшиеся подходы судов к применению новых и развивающихся механизмов банкротства. Актуальность исследования определяется реформированием процессуального порядка рассмотрения банкротных споров, расширением внесудебного банкротства граждан и конкретизацией Верховным Судом РФ критериев оспаривания сделок, привлечения контролирующих лиц к ответственности, определения обязанностей арбитражного управляющего и защиты имущества гражданина-должника. Цель состоит в выявлении направлений трансформации правоприменения и установлении связи между законодательными новеллами и их судебной интерпретацией. Применены анализ научных публикаций, сравнительно-правовой, логико-аналитический методы, классификация и синтез. Материалом послужили исследования российских правоведов 2021–2024 гг., действующее законодательство о банкротстве и актуальные позиции Верховного Суда РФ. Научная новизна состоит в обосновании перехода к модели избирательной процессуальной экономии, сочетаемой с функциональной оценкой добросовестности, причинной связи и экономических последствий поведения участников. Полученные положения применимы при формировании процессуальной позиции кредиторов, должников, контролирующих лиц и арбитражных управляющих.

Ключевые слова: банкротство, несостоятельность, правоприменение, арбитражный управляющий, субсидиарная ответственность, оспаривание сделок, контролирующее должника лицо, банкротство граждан, конкурсная масса, внесудебное банкротство.

Введение

Российское законодательство о несостоятельности в последние годы изменяется одновременно на процессуальном и материально-правовом уровнях. Федеральный закон от 29 мая 2024 г. № 107-ФЗ пересмотрел ряд правил возбуждения и рассмотрения дел о банкротстве, включая минимальный размер требований к юридическому лицу и порядок разрешения значительной части обособленных споров. Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 474-ФЗ расширил доступ граждан к внесудебной процедуре банкротства. Развитие законодательства сопровождается формированием судебных критериев, определяющих пределы оспаривания сделок, основания ответственности контролирующих должника лиц, содержание обязанностей арбитражного управляющего, режим имущества супругов и защиту единственного жилья. Обзоры судебной практики Верховного Суда РФ по банкротству граждан и по спорам о несостоятельности за 2025 г. закрепили ряд подходов, имеющих значение для дальнейшего единообразия применения Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Принятый Государственной Думой 8 июля 2026 г. Федеральный закон, подписанный 26 июля 2026 г. под № 253-ФЗ, обозначил следующий этап реформы. Закон предусмотрел реструктуризацию долгов юридического лица, новые правила реализации доли должника в праве общей собственности и поэтапную перестройку регистрации и порядка отбора арбитражных управляющих. Основная часть норм вступает в силу 27 июля 2027 г., а положения о регистре, расчете баллов результативности и случайном выборе управляющего – в 2030 г.

Изменение отдельных норм само по себе не раскрывает направление развития института банкротства. Значение приобретает способ, которым суд соотносит формальный состав нормы с фактическим экономическим содержанием спорного поведения. Для оспаривания сделок таким содержанием выступают характер предоставления и последствия операции для конкурсной массы, для субсидиарной ответственности – реальный вклад контролирующего лица в возникновение имущественного кризиса или причинение вреда кредиторам, для оценки поведения арбитражного управляющего – экономическая оправданность конкретного действия либо отказа от него, для банкротства граждан – соотношение интереса кредиторов в погашении задолженности с реабилитационной и социальной функциями процедуры. На этом уровне разрозненные изменения законодательства образуют взаимосвязанную систему правоприменительных стандартов.

Цель исследования – выявить основные направления трансформации правоприменения в делах о банкротстве и установить, каким образом законодательные новеллы получают развитие в актуальной судебной интерпретации. Для достижения цели решались задачи:

1) систематизировать новеллы, изменившие условия возбуждения дела, процессуальный режим обособленных споров и доступ граждан к внесудебному банкротству,

2) установить направления судебной интерпретации критериев оспаривания сделок, субсидиарной ответственности, профессионального поведения арбитражного управляющего и формирования конкурсной массы гражданина,

3) сопоставить научные подходы к балансу интересов участников и определить пределы складывающейся модели правоприменения.

Научная новизна заключается в рассмотрении современных изменений законодательства и судебной практики через соотношение двух разнонаправленных процессов. Первый выражается в сокращении процессуальных издержек посредством документарного разрешения части вопросов, изменения порогов возбуждения дела и упрощения отдельных процедур. Второй связан с усилением содержательной судебной оценки там, где формальный юридический признак не дает достаточного основания для вывода о недобросовестности, ответственности либо допустимости имущественного ограничения. Их сочетание формирует модель избирательной процессуальной экономии: стандартизируемые вопросы разрешаются посредством более компактных процедур.

Материалы и методы

Материал исследования образуют научные публикации, раскрывающие процессуальные, имущественные и ответственность-образующие

элементы банкротства. А.С. Алфимова [1] исследует процессуальный статус контролирующих должника лиц и пределы их участия в деле о банкротстве, Е.В. Бобров и А.А. Ткачёв [2] рассматривают проблему наложения различных оснований ответственности контролирующих лиц и риска повторного взыскания, связанного с одним экономическим интересом. Причины невостребованности внесудебного банкротства граждан и баланс интересов его участников анализирует А.А. Бусыгин [3]. Ю.А. Гартина [4] раскрывает теоретико-правовые противоречия статуса арбитражного управляющего, соотношение его полномочий, самостоятельности и ответственности, а Г.С. Даваева [5] исследует последствия бездействия управляющего при пополнении конкурсной массы, включая отказ от оспаривания сделок и взыскания задолженности. С.А. Карелина [6] соотносит банкротство граждан с общеправовыми принципами добросовестности, недопустимости злоупотребления и социальной направленности регулирования. Д.В. Кащеев [7] обращается к проблемам оспаривания сделок юридических лиц, связывая устойчивость правоприменения с определенностью критериев добросовестности участников оборота. Особенности реализации общего имущества супругов, защиты имущественных прав супруга должника и перспектив совместного банкротства исследованы Л.В. Кудрявцевой и Е.Д. Царевой [8]. А.В. Немова [9] определяет проблему границ исполнительского иммунитета единственного жилья и критериев оценки допустимого имущественного ограничения гражданина. Е.А. Фокин [10] рассматривает банкротное производство через категорию доступности правосудия, включая процессуальные изменения 2024 г. и пределы судебного контроля.

Анализ научных публикаций применялся для выделения доктринальных трактовок спорных элементов банкротства, сравнительный анализ – для установления различий между формальными нормативными основаниями и критериями, выработанными судебной практикой, классификация – для группировки изменений по процессуальному, ответственность-образующему и имущественному направлениям.

Результаты

Изменения 2024 г. перестроили процессуальную организацию банкротного производства прежде всего в тех элементах, где законодатель допускает снижение объема обязательных судебных действий без отказа от судебного контроля. Минимальный размер требований для возбуждения кредитором дела о банкротстве юридического лица по общему правилу увеличен до 2 млн руб., для гражданина сохраняется общее пороговое значение 500 тыс. руб. при наличии предусмотренной законом просрочки. Существенная часть обособленных вопросов получила документарный порядок разрешения без обязательного проведения судебного заседания, если характер возражений и доказательств не требует устного разбирательства. Е.А. Фокин связывает эти изменения с проблемой доступности правосудия в банкротстве [10]. Их значение состоит не в механическом уменьшении судебного участия, а в дифференциации его интенсивности: процессуальный ресурс концентрируется на спорах, где исследование доказательств или сложность правового вопроса требуют полноценного заседания.

Судебная интерпретация документарного режима исключает автоматическое возвращение к заседательной модели вследствие самого факта поступления возражений. Пункт 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. № 40 ориентирует суд на содержание спорного вопроса: необходимость заседания определяется наличием значимых фактических или правовых разногласий, потребностью в дополнительных доказательствах, экспертном исследовании либо допросе участников. Простое несогласие заинтересованного лица с результатом рассмотрения не превращает документарный спор в спор, требующий устного производства. Подобное толкование фиксирует границу процессуальной экономии: сокращается обязательная форма судебного действия, но сохраняется возможность ее восстановления вследствие доказательственной сложности конкретного конфликта.

Коллективный характер банкротства получил дополнительное процессуальное выражение в правилах пересмотра судебного акта, на котором основано требование кредитора. Пункт 12 ст. 16 Закона о банкротстве предоставляет арбитражному управляющему и кредиторам возможность инициировать пересмотр такого акта по вновь открывшимся обстоятельствам при наличии предусмотренных законом оснований. Верховный Суд РФ разъяснил, что механизм распространяется на обращения, поданные после вступления новеллы в силу, независимо от даты возбуждения самой процедуры банкротства. Эта конструкция расширяет инструментарий защиты конкурсной массы за пределы проверки требования непосредственно внутри реестрового спора: юридическая сила предшествующего судебного решения сохраняется, однако банкротство предоставляет участникам коллективного производства установленный законом способ поставить вопрос о его пересмотре. Процессуальное положение лиц, способных затрагивать имущественную сферу должника и кредиторов, вследствие этого получает самостоятельное значение. Рассмотренная А.С. Алфимовой проблема процессуальных возможностей контролирующих должника лиц [1] отражает более общий вопрос – объем участия субъекта должен соответствовать интенсивности потенциального воздействия судебного акта на его имущественные права.

Внесудебное банкротство граждан развивается по иной траектории: здесь законодатель расширяет не способы судебного контроля, а доступ к освобождению от долгов для лиц, чье имущественное положение делает полноценное судебное производство экономически затруднительным. Федеральный закон № 474-ФЗ изменил границы применимости процедуры: сумма обязательств установлена в диапазоне от 25 тыс. до 1 млн руб., а круг оснований для обращения через многофункциональный центр расширен с учетом результатов исполнительного производства и отдельных категорий доходов должника. Срок, после которого гражданин вправе повторно воспользоваться завершенной внесудебной процедурой, сокращен до пяти лет. А.А. Бусыгин ранее связывал проблематику данного института с его низкой востребованностью и необходимостью согласования интересов должника и кредиторов [3]. Последующее изменение условий доступа отвечает этой проблемной постановке посредством расширения субъектной и стоимостной применимости механизма, но не устраняет значение достоверности сведений об имущественном состоянии гражданина. Е.А. Фокин рассматривает этот аспект через доступность правосудия и пределы судебного контроля [10], что показывает двойственную природу внесудебного банкротства: упрощение доступа к процедуре требует сохранения средств защиты кредитора от необоснованного освобождения должника от обязательств.

Оспаривание сделок остается областью, где судебная практика последовательно ограничивает замену конкретного нормативного состава общей ссылкой на недобросовестность. Д.В. Кащеев связывает устойчивость оспаривания с определенностью критериев добросовестности и балансом интересов должника, кредиторов и контрагентов [7]. Проблема приобретает прикладное значение при разграничении подозрительных сделок и сделок с предпочтением: каждое основание имеет собственный состав и временные пределы. В Обзоре судебной практики разрешения споров о несостоятельности за 2025 г. Верховный Суд РФ указал на недопустимость использования п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве для обхода ограниченного периода подозрительности, установленного ст. 61.3 применительно к сделкам с предпочтением.

Для деятельности арбитражного управляющего такое разграничение непосредственно связано с вопросом об объеме обязанности по оспариванию операций должника. Ю.А. Гартина характеризует статус управляющего через сочетание самостоятельности, специальных полномочий и ответственности за их ненадлежащее осуществление [4]. Г.С. Даваева показывает, что требование о пополнении конкурсной массы не означает обязанности инициировать любое потенциально возможное оспаривание, взыскивать каждую дебиторскую задолженность или предъявлять требования к контролирующим лицам независимо от перспектив результата [5]. Соединение этих положений с судебным разграничением составов недействительности определяет стандарт профессионального решения: управляющий оценивает правовое основание, доказательственную обеспеченность, расходы и ожидаемый имущественный эффект конкретного действия. Ответственность за бездействие требует установления того, что отказ от действия выходил за пределы обоснованного профессионального усмотрения и повлек неблагоприятное имущественное последствие.

Функциональная оценка еще отчетливее проявляется в субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц. А.С. Алфимова связывает эффективность защиты такого лица с наличием процессуальных возможностей участвовать в разрешении вопросов, способных предопределить последующее имущественное взыскание [1]. Е.В. Бобров и А.А. Ткачёв выделяют риск «задвоенной» ответственности, возникающий при использовании различных юридических оснований взыскания в отношении контролирующих субъектов [2]. Их подход акцентирует единый экономический интерес кредитора: наличие нескольких оснований ответственности не должно преобразовываться в повторное возмещение одного имущественного ущерба. На уровне судебной практики эта логика дополняется требованием установить причинное содержание поведения контролирующего лица. Отсутствие либо непередача бухгалтерской документации рассматривается как доказательственная презумпция, способная облегчить установление обстоятельств предшествующего неправомерного поведения, но предметом субсидиарной ответственности остаются действия или бездействие, причинившие вред имущественным интересам кредиторов либо

обусловившие невозможность полного погашения их требований. Верховный Суд РФ также связывает квалификацию требования по моменту его возникновения с датой причинения соответствующего вреда.

Сопоставление позиций А.С. Алфимовой [1], Е.В. Боброва и А.А. Ткачёва [2] с указанным судебным подходом обнаруживает единую тенденцию: ответственность контролирующего лица отдаляется от модели, в которой достаточным основанием служит формальный статус, отдельное нарушение обязанности или сам факт неблагополучного завершения деятельности должника. Процессуальные гарантии необходимы для исследования реального контроля и поведения субъекта, материально-правовое взыскание требует связи между этим поведением и имущественным результатом, существование нескольких правовых конструкций ответственности ограничивается запретом повторного удовлетворения одного экономического интереса.

Банкротство граждан формирует самостоятельный блок правоприменительных стандартов, где принцип максимально возможного удовлетворения кредиторов взаимодействует с реабилитационной функцией процедуры. С.А. Карелина рассматривает применение общеправовых принципов к банкротству граждан через добросовестность, запрет злоупотребления и социальное назначение правового регулирования [6]. Этот подход согласуется с разъяснениями Верховного Суда РФ о выборе процедуры при возбуждении дела кредитором. Незначительное превышение доходов гражданина над прожиточным минимумом не признано безусловным основанием для отказа от реструктуризации долгов и непосредственного перехода к реализации имущества. Суд оценивает перспективу восстановления платежеспособности и обстоятельства конкретного должника, поскольку реструктуризация сохраняет самостоятельную реабилитационную функцию. Платежеспособность вследствие этого не сводится к арифметической разнице между текущим доходом и минимально необходимыми расходами: правовое значение имеет возможность исполнения экономически реалистичного плана с учетом продолжительности процедуры и состава обязательств.

Защита жилья гражданина демонстрирует тот же переход от категорического к пропорциональному регулированию. А.В. Немова связывает проблему исполнительского иммунитета единственного жилья с необходимостью определения его разумных пределов и предлагает оценочные ориентиры, позволяющие соотнести имущественную ценность объекта с социальным назначением жилищной защиты [9]. Развитие законодательства и судебных подходов к единственному ипотечному жилью сформировало механизм отдельного урегулирования обязательства перед залоговым кредитором.

Имущество супругов требует отделения семейно-правового режима собственности от банкротного режима конкурсной массы. Л.В. Кудрявцева и Е.Д. Царева исследуют включение общего имущества в процедуру, защиту доли супруга должника и ограничения универсальности совместного банкротства супругов [8]. С.А. Карелина [6] позволяет дополнить этот вопрос принципом добросовестности, а подход А.В. Немовой [9] к имущественному иммунитету показывает значение пропорциональности вмешательства в имущественную сферу гражданина. Современная судебная практика не рассматривает перевод денежных средств между счетами супругов как достаточное доказательство вывода активов из конкурсной массы.

Из рассмотренных положений выделяются три устойчивых способа судебной интерпретации банкротного законодательства. Первый состоит в процессуальной дифференциации: типовые и документально подтверждаемые вопросы переводятся в сокращенный режим, а доказательственно сложные конфликты сохраняют возможность устного рассмотрения [10]. Второй основан на причинно-функциональной оценке: ответственность контролирующего лица [1, 2], ответственность управляющего [4, 5] и недействительность сделки [7] связываются с юридически значимым содержанием поведения и его имущественным результатом. Третий применяется преимущественно в банкротстве граждан и соединяет доступность процедуры [3], общеправовые принципы [6], режим семейного имущества [8] и жилищный иммунитет [9] с требованием пропорционального согласования интересов должника и кредиторов. Различие предметов этих направлений не препятствует их объединению общей логикой: формализация процедуры расширяется там, где правовой вопрос поддается стандартизации, тогда как глубина судебной оценки возрастает при определении ответственности, добросовестности и допустимого имущественного вмешательства.

Обсуждение

Соотношение законодательных изменений и судебных позиций показывает формирование гибридной модели банкротного правоприменения. Процессуальное регулирование стремится уменьшить число действий, которые должны выполняться судом в одинаковом объеме независимо от сложности спора. Материально значимые последствия, напротив, все чаще ставятся в зависимость от исследования фактического поведения участника. Эти направления не противоречат друг другу: документарная форма сокращает издержки там, где спор разрешим по представленным материалам, а возможность назначения заседания сохраняет интенсивный судебный контроль для конфликтов с неоднозначной доказательственной структурой. Разъяснение Верховного Суда о том, что само поступление возражений не обязывает проводить заседание, одновременно исключает превращение такого возражения в инструмент процессуального затягивания и оставляет суду обязанность оценить реальную сложность вопроса.

Избирательная процессуальная экономия содержит собственное ограничение. Критерий достаточности документарного рассмотрения имеет оценочный характер, а значит, унификация формы не устраняет судебное усмотрение. Центр правоприменительной проблемы смещается: вместо спора о безусловной необходимости заседания возникает вопрос о том, какие фактические или правовые затруднения делают его проведение оправданным. Предсказуемость практики будет зависеть от последующего накопления критериев, позволяющих отличать содержательные возражения от процессуально формальных.

В сфере оспаривания сделок наблюдается иная форма ограничения усмотрения. Доктринальная ориентация на добросовестность и экономическую сущность операции могла бы привести к чрезмерно широкой реконструкции специальных банкротных оснований недействительности через общие оценочные категории. Судебный запрет использовать один состав для обхода временных ограничений другого удерживает функциональную оценку внутри нормативной типологии. Добросовестность сохраняет значение для установления обстоятельств поведения сторон, однако не заменяет элементы специального состава. Для правоприменения это принципиальное разграничение: экономическая неблагоприятность операции и юридическая возможность ее оспаривания относятся к разным этапам квалификации.

Положение арбитражного управляющего обнаруживает противоположный риск – чрезмерную формализацию профессиональных обязанностей. Если обязанность пополнять конкурсную массу толковать как требование предъявлять всякое теоретически возможное требование и оспаривать любую вызывающую сомнение сделку, управляющий будет вынужден расходовать средства должника на процессы без достаточной перспективы имущественного результата. Если предоставить неограниченную свободу отказа от таких действий, уменьшается защищенность кредиторов от пассивного администрирования процедуры. Научные подходы к самостоятельности управляющего и последствиям его бездействия позволяют связать границу ответственности с качеством профессионального решения: требуется проверка доступной информации, юридической перспективы и ожидаемого эффекта для конкурсной массы. Исследовательская лакуна сохраняется в определении операционных критериев такого профессионального усмотрения, которые были бы достаточно гибкими для конкретного дела и одновременно пригодными для последующего судебного контроля.

Субсидиарная ответственность отражает переход от статусной к причинной модели наиболее последовательно. Процессуальное положение контролирующего лица, доказательственные презумпции и возможность предъявления требований по различным юридическим основаниям обслуживают установление имущественной ответственности, но не подменяют ее материального основания. Значение приобретает связь между конкретным поведением и ущербом интересам кредиторов. Разграничение даты нарушения, даты возникновения вреда и даты судебного решения препятствует искусственному изменению правовой природы требования за счет позднего процессуального оформления. Одновременно проблема совпадения различных взысканий показывает предел компенсаторной функции банкротства: множественность юридических оснований не должна увеличивать объем одного экономического вреда.

Банкротство граждан отличается большей ролью пропорциональности. Реабилитационная процедура, защита жилья, режим имущества супругов и внесудебное освобождение от долгов затрагивают имущественные интересы кредиторов, но их применение не может строиться исключительно на задаче максимально быстрого обращения имущества в конкурсную массу. Судебный приоритет оценки реальной перспективы реструктуризации перед немедленным переходом к реализации имущества подтверждает самостоятельность восстановительной функции банкротства граждан. Аналогичная логика проявляется в отношении ипотечного жилья: сохранение долгосрочного обязательства допускает иной временной горизонт, чем общий срок банкротной реструктуризации, если установленный механизм обеспечивает правовое положение залогового кредитора.

Семейные имущественные отношения выявляют предел использования формальных признаков аффилированности. Близость участников сделки закономерно увеличивает внимание суда к обстоятельствам распоряжения активами, но семейная связь сама по себе не свидетельствует о причинении вреда конкурсной массе. Проверка назначения переводов между супругами, характера семейных расходов и действительного изменения имущественного положения должника исключает презумпцию недействительности обычного внутрисемейного оборота. Этот подход согласуется с более широкой тенденцией банкротного права: подозрительный статус субъекта или операции выполняет функцию сигнала для углубленного исследования, а окончательное правовое последствие связывается с установленным содержанием поведения.

Сопоставленные направления позволяют уточнить смысл категории баланса интересов. В банкротстве она не означает механического усреднения прав должника и кредиторов. Для каждого правового механизма устанавливается собственный объект балансировки: скорость производства соотносится с достаточностью судебного исследования, интерес конкурсной массы – с устойчивостью гражданского оборота, право кредитора на взыскание – с запретом двойного возмещения, интерес в пополнении конкурсной массы – с обоснованным профессиональным усмотрением управляющего, имущественная ответственность гражданина – с реабилитационными и социальными ограничениями взыскания. Поэтому единый критерий баланса для всех банкротных конфликтов едва ли может быть сформулирован без потери юридической определенности.

Функциональный характер современной интерпретации также имеет предел. Чем больше правовой результат зависит от категорий добросовестности, экономической оправданности, причинной связи и пропорциональности, тем выше значение качества мотивировки судебного акта и единообразия доказательственных стандартов. Формальная норма обеспечивает предсказуемость за счет заранее определенного юридического факта, функциональный стандарт повышает точность решения в индивидуальном деле, но оставляет более широкое пространство для различающейся оценки сходных обстоятельств. Перспективным направлением доктринальной разработки становится конкретизация промежуточных критериев, которые не заменяют индивидуальное судебное исследование, но структурируют его.

Временная близость значительной части рассмотренных реформ ограничивает возможность оценить степень устойчивости сформировавшейся модели на уровне всей системы арбитражных судов. Актуальные позиции Верховного Суда РФ задают направления толкования, однако вопрос об их воспроизводимости в массовой окружной и апелляционной практике требует отдельного исследования судебного массива. Дополнительной разработки требуют критерии перевода документарного спора в заседательную форму, пределы профессионального усмотрения арбитражного управляющего, разграничение параллельных оснований ответственности контролирующих лиц и согласование семейно-правового режима имущества с принципами конкурсного производства. Эти вопросы определяют участки, где повышение гибкости регулирования наиболее тесно связано с риском неодинакового правоприменения.

Заключение

Систематизация законодательных изменений показывает дифференциацию способов доступа к банкротным процедурам и форм судебного рассмотрения. Повышение общего порога требований для возбуждения кредитором дела о банкротстве юридического лица, расширение документарного порядка разрешения обособленных вопросов и развитие механизма пересмотра судебных актов, лежащих в основании требований кредиторов, направлены на сокращение избыточных процессуальных действий без устранения судебного контроля. В банкротстве граждан законодатель использует противоположный инструмент – расширение условий внесудебной процедуры, снижающее барьеры для должников, объективно соответствующих установленным критериям.

Судебная интерпретация оспаривания сделок, субсидиарной ответственности, деятельности арбитражного управляющего и имущественных отношений гражданина формирует общий содержательный стандарт. Специальные составы недействительности сохраняют самостоятельные пределы применения, ответственность контролирующего лица связывается с причинением имущественного вреда и не должна преобразовываться в повторное удовлетворение одного экономического интереса, оценка бездействия арбитражного управляющего предполагает исследование обоснованности профессионального решения. В банкротстве граждан юридическое значение имеют реальная перспектива реструктуризации, назначение семейных имущественных операций и пропорциональность обращения взыскания.

Сопоставление научных подходов выявляет модель правоприменения, сочетающую процессуальную стандартизацию с индивидуализированной материально-правовой оценкой. Ее граница определяется природой рассматриваемого вопроса: документально разрешимые процессуальные действия допускают сокращенную форму, а ответственность, добросовестность и допустимость имущественного вмешательства требуют установления фактической функции поведения и его последствий.

Принятый Государственной Думой 8 июля 2026 г. и подписанный 26 июля 2026 г. Федеральный закон № 253-ФЗ продолжает выявленную траекторию уже на уровне системной реформы. Реструктуризация долгов юридических лиц создает судебно контролируемый механизм сохранения жизнеспособного бизнеса, правила продажи доли в общей собственности формализуют реализацию прав других сособственников, а будущий регистр и отбор арбитражных управляющих по баллам результативности в предусмотренных законом случаях направлены на уменьшение зависимости назначения от воли отдельного участника. Основной массив норм начнет действовать 27 июля 2027 г., механизм случайного выбора управляющих – с 30 марта 2030 г., до формирования практики ключевыми остаются критерии экономической обоснованности плана, защита несогласных кредиторов, проверка соблюдения права покупки и судебный контроль процедур отбора.

Литература

1. Алфимова А.С. Процессуальный статус контролирующих должника лиц в деле о банкротстве // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 12 (88). – С. 202–209. – DOI: 10.17803/2311-5998.2021.88.12.202-209.
2. Бобров Е. В., Ткачёв А.А. Задвоенная ответственность контролирующих лиц в процедурах банкротства // Образование. Наука. Научные кадры. – 2024. – № 1. – С. 145–150. – DOI: 10.24412/2073-3305-2024-1-145-150.
3. Бусыгин А.А. Баланс интересов сторон в процессе внесудебного банкротства граждан // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 2, ч. 2. – С. 133–135. – DOI: 10.47643/1815-1337_2023_2_133.
4. Гартина Ю.А. Арбитражный управляющий в процедуре банкротства: теоретико-правовые проблемы // Наука. Общество. Государство. – 2022. – Т. 10, № 3 (39). – С. 3–12. – DOI: 10.21685/2307-9525-2022-10-3-1.
5. Даваева Г.С. Бездействие арбитражного управляющего по пополнению конкурсной массы и возникающие последствия // Legal Bulletin. – 2022. – Т. 7, № 4. – С. 144–154.
6. Карелина С.А. Особенности реализации общеправовых принципов в процессе банкротства граждан // Закон. – 2023. – № 6. – С. 15–24. – DOI: 10.37239/0869-4400-2023-20-6-15-24.
7. Кащеев Д.В. Проблемы оспаривания сделок при банкротстве юридических лиц // Вестник Евразийской науки. – 2024. – Т. 16, № S2. – Ст. 45FAVN224.
8. Кудрявцева Л. В., Царева Е.Д. Правовые аспекты реализации имущества супругов при банкротстве // Право и практика. – 2023. – № 4. – С. 204–208. – DOI: 10.24412/2411-2275-2023-4-204-208.
9. Немова А.В. Исполнительский иммунитет единственного жилья должника-гражданина по делу о несостоятельности (банкротстве): проблема определения пределов // Семейное и жилищное право. – 2022. – № 4. – С. 43–45.
10. Фокин Е.А. Доступность правосудия в делах о банкротстве // Журнал российского права. – 2024. – № 11. – С. 46–58.

CURRENT TRENDS IN BANKRUPTCY LAW ENFORCEMENT: KEY INNOVATIONS AND THEIR INTERPRETATION BY THE COURTS

Chernyakova S.A.
Moscow University named after S. Yu. Witte, Branch in Sergiev Posad

This article examines changes in enforcement standards in Russian insolvency legislation and the courts' established approaches to the application of new and developing bankruptcy mechanisms. The relevance of this research is determined by the reform of the procedural procedure for resolving bankruptcy disputes, the expansion of extrajudicial bankruptcy proceedings for individuals, and the Supreme Court of the Russian Federation's specification of criteria for challenging transactions, holding controlling persons liable, defining the duties of an insolvency administrator, and protecting the property of a debtor. The objective is to identify areas of transformation in law enforcement and establish the connection between legislative innovations and their judicial interpretation. The analysis of scientific publications, comparative legal and logical-analytical methods, classification, and synthesis are used. The material is based on research by Russian legal scholars conducted between 2021 and 2024, current bankruptcy legislation, and the current positions of the Supreme Court of the Russian Federation. The scientific novelty lies in the justification for the transition to a model of selective procedural economy, combined with a functional

assessment of good faith, causality, and the economic consequences of the participants' behavior. The resulting provisions are applicable in forming the procedural position of creditors, debtors, controlling persons, and insolvency practitioners.

Keywords: bankruptcy, insolvency, law enforcement, insolvency practitioner, subsidiary liability, challenging transactions, controlling person of the debtor, personal bankruptcy, bankruptcy estate, extrajudicial bankruptcy.

References

1. Alfimova, A. S. "Procedural Status of Persons Controlling the Debtor in Bankruptcy Proceedings" // Bulletin of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). – 2021. – No. 12 (88). – P. 202–209. – DOI: 10.17803/2311-5998.2021.88.12.202-209.

2. Bobrov, E. V., Tkachev, A. A. "Double Liability of Controlling Persons in Bankruptcy Proceedings" // Education. Science. Scientific Personnel. – 2024. – No. 1. – P. 145–150. – DOI: 10.24412/2073-3305-2024-1-145-150.

3. Busygin, A. A. "Balance of Interests of the Parties in the Process of Extrajudicial Bankruptcy of Citizens." Law and State: Theory and Practice. – 2023. – No. 2, Part 2. – Pp. 133–135. – DOI: 10.47643/1815-1337_2023_2_133.

4. Gartina, Yu. A. "Insolvency Manager in Bankruptcy Proceedings: Theoretical and Legal Problems." – Science. Society. State. – 2022. – Vol. 10, No. 3 (39). – Pp. 3–12. – DOI: 10.21685/2307-9525-2022-10-3-1.

5. Davaeva, G. S. "Inaction of the Insolvency Manager in Replenishing the Bankruptcy Estate and the Ensuing Consequences." // Legal Bulletin. – 2022. – Vol. 7, No. 4. – P. 144–154.

6. Karelina S.A. Specifics of Implementing General Legal Principles in the Bankruptcy Process of Individuals // Zakon. – 2023. – No. 6. – P. 15–24. – DOI: 10.37239/0869-4400-2023-20-6-15-24.

7. Kashcheev D.V. Problems of Challenging Transactions in Bankruptcy of Legal Entities // Bulletin of Eurasian Science. – 2024. – Vol. 16, No. S2. – Art. 45FAVN224.

8. Kudryavtseva L. V., Tsareva E.D. Legal Aspects of the Sale of Spouses' Property in Bankruptcy // Law and Practice. – 2023. – No. 4. – P. 204–208. – DOI: 10.24412/2411-2275-2023-4-204-208.

9. Nemova A.V. Enforcement Immunity of the Only Residence of a Citizen Debtor in an Insolvency (Bankruptcy) Case: The Problem of Determining Limits // Family and Housing Law. – 2022. – No. 4. – Pp. 43–45.

10. Fokin E.A. Accessibility of Justice in Bankruptcy Cases // Journal of Russian Law. – 2024. – No. 11. – Pp. 46–58.